

ЛИТЕРАТУРА

РУССКОГО

ЗАРУБЕЖЬЯ,

1920–1940.

К 150-летию

со дня

рождения

И.А. Бунина

ПИСАТЕЛЬ

В ЛИТЕРАТУРНОМ

ПРОЦЕССЕ

*Посвящается светлой памяти
Олега Николаевича Михайлова
(1932–2013)*

О.Н. Михайлов. Переделкино, 2005 г.
Фото Ю.А. Азарова

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ,
1920–1940**

ПИСАТЕЛЬ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ
(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И.А. БУНИНА)

Ответственный редактор
Ю.А. Азаров

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2022

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л 64

Редколлегия:

С.Н. Морозов, Е.М. Трубилова

Рецензенты:

Ольга Владимировна Шуган,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Алексей Павлович Зименков,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Л 64 Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель
в литературном процессе (к 150-летию со дня рож-
дения И.А. Бунина). — М.: ИМЛИ РАН, 2022. —
976 с. — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7>
<https://elibrary.ru/RWVVON>
ISBN 978-5-9208-0685-7

Коллективный труд «Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе», приуроченный к 150-летию юбилею Бунина, продолжает серию трудов «Литература русского зарубежья. 1920–1940», подготовленных в Отделе новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН. Выносимая на суд читателей коллективная монография, согласно замыслу авторов, на материале первоисточников призвана восполнить некоторые существующие пробелы в изучении произведений и биографии Бунина, представить его творческую деятельность в широком историко-литературном контексте и предложить опыт научной интерпретации архивных материалов. Книга включает статьи, которые затрагивают самые разные аспекты изучения бунинского наследия и в общих чертах отражают существующие в нем тенденции и диапазон интересов современных исследователей.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, И.А. Бунин, биография, творческое наследие, архивные материалы, текстология.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9208-0685-7

© Коллектив авторов, 2022
© ИМЛИ РАН, 2022

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**RUSSIAN ÉMIGRÉ LITERATURE,
1920–1940**

**WRITER IN LITERARY PROCESS
(TO THE 150TH ANNIVERSARY
OF I.A. BUNIN’S BIRTH)**

Executive Editor
Yuri A. Azarov

MOSCOW
IWL RAS
2022

Editorial board:
S.N. Morozov, E.M. Trubilova

Reviewers:
Olga V. Shugan,
PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences
Alexei P. Zimenkov,
Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences

Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process
(to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth). Moscow, IWL RAS
Publ., 2022. 976 p. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7>

ISBN 978-5-9208-0685-7

Abstract: Collective monograph “Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)”, continues the series of books “Russian Émigré Literature. 1920–1940” composed by the Department of the Latest Russian Literature and Russian Émigré Literature of IWL RAS. The collective monograph submitted to the readers’ judgement, according to the authors’ intention, is based on the material of primary sources and intended to fill the existing gaps in the study of Bunin’s works and biography, to present his creative activity in a broad historical and literary context and offer the experience of scientific interpretation of archival materials. The book includes articles that touch on a variety of aspects of the study of Bunin’s creative heritage and generally reflects the existing trends and the range of interests of contemporary researchers.

Keywords: Russian émigré literature, Ivan A. Bunin, biography, creative heritage, archival materials, textual research.

This is an open access book

Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА 11

I.

И.А. БУНИН В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Барабаш Ю.Я.

Между Каменной и Грассом (Бунин и Гоголь) 17

Терехина В.Н.

Бунин и Маяковский: новые аспекты старой темы 44

Папкова Е.А.

«...О деревне и мужиках, о смерти и жизни...»:
Вс. Иванов и И. Бунин в контексте литературных
дискуссий 1920-х гг. 64

Федякин С.Р.

Взаимное отражение: Бунин и критика 83

Казнина О.А.

Книга И.А. Бунина «Освобождение Толстого»
в контексте литературной и философской критики
русского зарубежья 97

Николаев Д.Д.

И.А. Бунин в газете «Возрождение» (1925–1927). 209

II.

И.А. БУНИН И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ

Воронцова Г.Н.

И.А. Бунин и А.Н. Толстой: к истории взаимоотношений . . . 287

Трубилова Е.М.

И.А. Бунин и советские писатели
(В.П. Катаев и К.А. Федин). 344

Азаров Ю.А.

«Дорогой Иван Алексеевич, положитесь на меня,
как на каменную гору...»: И.А. Бунин и И.И. Фондаминский . 387

Казнина О.А.

И.А. Бунин и А.В. Тыркова-Вильямс: из истории дружбы . . 445

Трубилова Е.М. И.А.

Бунин среди литературных наставников
Б.Г. Пантелеймонова 499

III.

И.А. БУНИН И А.М. ГОРЬКИЙ

Примочкина Н.Н.

Бунин и Горький: два центра расколотой
русской литературы 541

Матевосян Е.Р.

Иван Бунин в переписке А.С. Черемнова с А.М. Горьким . . . 575

Быстрова О.В.

М. Горький и И.А. Бунин: фотографии на память 605

Каскина Ю.У.

Проза И.А. Бунина в сборниках товарищества «Знание»:
«Чернозем» (1904), «Беден бес» (1909),
«Захар Воробьев» (1912), «Памяти Чехова» (1905) 627

IV.

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ПОЭТИКА, ТЕКСТОЛОГИЯ

Чагин А.И.

«Я главным образом поэт...» (Иван Бунин:
поэзия на разломе эпох). 651

Николаев Д.Д.

Поэтика творчества И.А. Бунина 1920–1923 гг. 683

Полехина М.М.

Поэтика повседневности в дневниках
И.А. Бунина 1920–1930-х гг. 768

Михаленко Н.В.

Пространство пограничья
в «усадебном тексте» И.А. Бунина 802

Николаев Д.Д.

От первой публикации — к собранию сочинений:
трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг. . . 813

Морозов С.Н.

«Краткие рассказы» И.А. Бунина.
Творческая история цикла 904

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 951

CONTENTS

FROM THE EDITOR 11

I.

I.A. BUNIN IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERATURE

Yuri Ya. Barabash.

Between Kamenka and Grasse (Bunin and Gogol) 17

Vera N. Terekhina. Bunin and Mayakovsky:

New Aspects of the Old Theme 44

Elena A. Papkova.

“...About the village and peasants, about death and life...”:

Vs. Ivanov and I. Bunin in the Context

of Literary Discussions of the 1920s 64

Sergei R. Fedyakin.

Mutual Reflection: Bunin and Criticism 83

Olga A. Kaznina.

The Book by I.A. Bunin “Liberation of Leo Tolstoy”

in the Context of Russian Émigré Literary

and Philosophical Criticism 97

Dmitry D. Nikolaev.

I.A. Bunin in the Newspaper “Vozrozhdenie”

(Paris, 1925–1927) 209

II.

I.A. BUNIN AND HIS CONTEMPORARIES

Galina N. Vorontsova.

I.A. Bunin and A.N. Tolstoy: to the History of Relations 287

Elena M. Trubilova.

I.A. Bunin and Soviet Writers (V.P. Kataev and K.A. Fedin) 344

Yuri A. Azarov.

“Dear Ivan Alekseevich, rely on me as on a stone mountain...”:

I.A. Bunin and I.I. Fondaminsky 387

Olga A. Kaznina.

I.A. Bunin and A.V. Tyrkova-Williams:

a History of a Friendship 445

Elena M. Trubilova.

I.A. Bunin among the Literary Teachers of B.G. Panteleymonov 499

III.

I.A. BUNIN AND A.M. GORKY

Natalia N. Primochkina.

- Bunin and Gorky: Two Centres
of the Divided Russian Literature 541

Elena R. Matevosyan.

- Ivan Bunin in the A.S. Cheremnov's Correspondence
with A.M. Gorky. 575

Olga V. Bystrova.

- M. Gorky and I.A. Bunin: Keepsake Photoes 605

Yulia Uz. Kaskina.

- Stories by I.A. Bunin in the Collections of "Znaniye" Company:
"Chernozem" (1904), "Poor Devil" (1909),
"Zakhar Vorobyov" (1912), "In Memory of Chekhov" (1905) . . . 627

IV.

CREATIVE HISTORY, POETICS, TEXTOLGY

Alexei I. Chagin.

- "I am a poet mainly..."
(Ivan Bunin: the Poetry at the Break of the Epochs) 651

Dmitry D. Nikolaev.

- Poetics of the Work of I.A. Bunin, 1920–1923 683

Mayya M. Polekhina.

- The Poetics of Everyday Life
in I.A. Bunin's Diaries of the 1920s and 1930s 768

Natalia V. Mikhaleiko.

- Estate House as Frontier Territory in the "Estate Text"
of Ivan Bunin 802

Dmitry D. Nikolaev.

- Transformation of the Published Works by Bunin in 1920–1930:
From the First Publication to the Collection of Works 813

Sergey N. Morozov.

- "Short Stories" by I.A. Bunin. Creative History of the Cycle . . . 904

- NAME INDEX. 951

ОТ РЕДАКТОРА

За последние десятилетия буниноведение накопило множество глубоких и разносторонних работ, созданных отечественными и зарубежными исследователями. Однако все еще остается немало лакун и непроясненных вопросов, которые не попадали в поле зрения специалистов. Внимание в настоящее время сосредоточено главным образом на публикации документов, отложившихся в отечественных и зарубежных хранилищах: Отделе рукописей ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, РГАЛИ, фондах Орловского государственного объединенного литературного музея И.С. Тургенева, Университете Лидса в Великобритании, ряде хранилищ Западной Европы и США, частных коллекциях. Разрозненный архив писателя, если его рассматривать в целом, содержит многочисленные документы, дневниковые записи, обширную переписку, что открывает широкие возможности для будущих хроникально-биографических разысканий. Особый интерес публикаторов в настоящее время вызывает фонд И.А. Бунина и В.Н. Буниной, находящийся в Русском архиве Лидса (Leeds Russian Archive), где хранится значительный корпус документов, которые активно осваиваются исследователями¹.

Подборки новых материалов, как правило, сопровождаются необходимым справочным аппаратом, что создает серьезную базу комментированных источников, составляющих основу для дальнейших исследований. Вместе с тем при неоспоримой ценности подобных изданий хотелось бы отметить, что в литературе о Бунине наметилась определенная диспропорция в сторону обнародования документов, которые закономерно требуют последующего научного анализа. Между тем аналитических исследований, построенных на изучении архивов, выходит существенно меньше, что, вероятно, обусловлено вполне объяснимой инерцией в осмыслении вновь открывшихся

¹ См.: *Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. 394 p.*

литературных фактов. Одним из исключений является третий выпуск научной серии «Академический Бунин»², в равной мере содержащий как архивные, так и аналитические составляющие. Он включает данные исследований, обсуждавшихся на двух проходивших в ИМЛИ РАН и ИРЛИ РАН юбилейных международных научных конференциях, приуроченных к 150-летию со дня рождения Бунина. Кроме того, в книгу вошли результаты работы в архивах, а также переводы иноязычных статей о Бунине, иллюстрации.

Труд «Литература русского зарубежья. 1920–1940. Писатель в литературном процессе», также посвященный юбилею Бунина, продолжает серию трудов «Литература русского зарубежья, 1920–1940» (выпуски I–V, 1993–2013), подготовленных в Отделе новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН. Выносимая на суд читателей коллективная монография, согласно замыслу авторов, на основе первоисточников призвана восполнить существующие пробелы в изучении произведений и биографии Бунина, показать его творческую деятельность в широком историко-литературном контексте и предложить опыт научной интерпретации архивных материалов. Труд включает статьи, которые, затрагивая самые разные темы, отражают в общих чертах существующие в буниноведении тенденции и круг интересов современных исследователей. Так, вводятся в научный оборот уникальные документы из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН, которые существенно расширяют и углубляют проблематику, связанную с личностью и окружением Бунина.

Структурно книга включает тематические разделы, соответствующие ряду актуальных направлений в изучении творчества и биографии писателя: «И.А. Бунин в контексте русской литературы», «И.А. Бунин и его современники», «И.А. Бунин и А.М. Горький», «Творческая история, поэтика, текстология». Внутри разделов по возможности соблюдается хронологический принцип — от дореволюционного периода к последнему этапу жизненного и творческого пути Бунина. Труд, таким об-

² И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 1040 с.

разом, объединяет ряд разноплановых работ: некоторые статьи представляют собой, по существу, работы монографического характера, другие, не столь обширные по объему, посвящены более узким, но не менее важным с исследовательской точки зрения вопросам. Так, анализируется малоизученная проблема «Бунин и Гоголь», комментируются дарственные надписи на фотографиях, которые являются важным источником, дающим возможность пролить новый свет на тему взаимоотношений Бунина и Горького, дается характеристика ближайшего бунинского окружения. Сквозь призму сохранившейся переписки рассматривается дружба семьи Буниных с семьей И.И. Фондаминского (тема, которая ранее подробно не изучалась), история сотрудничества в журнале «Современные записки» и в газете «Возрождение».

Внимание обращено также на поэзию Бунина, в которой отразились движение времени и сама эпоха исторических потрясений, пережитых Россией в XX в., что во многом определило направления и особенности его стихотворного творчества. Фигура Бунина-поэта, ставшего для современников продолжателем и ревнителем классической традиции, показана в то же время с точки зрения глубинных взаимосвязей с модернистскими течениями и, прежде всего, с открытиями русских символистов. Однако обстоятельный анализ поэтических произведений, созданных в России и в эмиграции убеждает, что Бунин был шире любых рамок и объективно противостоял попыткам некоторых критиков, поставивших задачу формально поместить его творчество в строго определенную «нишу».

Если оценивать задачи труда в целом, то они состоят в том, чтобы существенно расширить историко-литературный контекст восприятия наследия Бунина — не только в рамках русской классической, но и, что не менее актуально, советской литературы. Вводятся новые материалы по критике, иллюстрирующие особенности его интерпретации — как за рубежом, так и в Советской России, на уровне изучения текстов отмечаются взаимосвязи с советской литературой, нашедшие воплощение в опосредованном творческом диалоге. Личность писателя раскрывается во всей ее сложности и противоречивости отношений с рядом представителей советской литературы —

В.П. Катаевым, В.В. Маяковским, А.Н. Толстым, К.А. Фединым. Их жизненные и творческие судьбы не раз пересекались, при этом человеческие отношения складывались не всегда просто. Прослеживается общность и одновременно разность взглядов на исторические события в России рубежа 1910–1920-х гг., выявляются сходные мотивы и темы, творческие переключки. Основу для проводимого анализа составляют литературные произведения, эпистолярий, свидетельства и воспоминания современников. В состав тома включены работы, затрагивающие текстологическую проблематику, что можно считать еще одним шагом к подготовке научного собрания сочинений. Таким образом, писатель представлен на диахроническом уровне, т.е. в литературном процессе, в движении литературы и в ее развитии, а привлечение текстов, относящихся к советской и эмигрантской критике, позволяет в очередной раз подтвердить целостность русской литературы XX в.

Главные положения труда прошли всестороннюю апробацию в ходе международных юбилейных конференций и форумов, приуроченных к 150-летию со дня рождения Бунина. Проблематика вошедших в сборник статей и материалов позволяет определить роль писателя в контексте общерусского литературного процесса, включая зарубежье, а также его взаимоотношения с известными современниками, вызывают интерес и вопросы, связанные с творческой историей бунинских текстов, их поэтикой, текстологией.

Ю.А. Азаров

**I.
И.А. БУНИН
В КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

МЕЖДУ КАМЕНКОЙ И ГРАССОМ (БУНИН И ГОГОЛЬ)

© 2022 г. Ю.Я. Барабаш

Аннотация: Проблема «Бунин и Гоголь» рассматривается в статье в двух ракурсах — диахроническом и синхроническом. Первый предполагает исследование динамики восприятия творчества Гоголя Буниным юных лет (оно отражено в воспоминаниях героя-повествователя «Жизни Арсеньева») и Буниным зрелой поры, эмиграционного периода. Это движение от восторженного приятия к отталкиванию, от ощущения близости к осознанию различий. В синхроническом ракурсе отношение Бунина к раннему Гоголю предстает в контексте «ураинофильства» Бунина, его интереса к Украине, ее истории и культуре. Под этим углом зрения в сопоставительном плане (без применения аксиологического критерия) анализируются черты и особенности двух классиков русской литературы — как личностного характера, так и собственно литературного. Несходство творческих принципов, поэтик, стилей Бунина и Гоголя оценивается как признак перехода от одной историко-литературной эпохи к другой, транскультурного пограничья между классикой и нарождающимся модернизмом, предтечей которого был Гоголь.

Ключевые слова: Украина, «гоголевщина», раздвоенность, цельность, поэтика, барокко, модернизм.

Информация об авторе: Юрий Яковлевич Барабаш — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8938-9408>. E-mail: barabash.yuri@gmail.com.

Для цитирования: Барабаш Ю.Я. Между Каменкой и ГраССом (Бунин и Гоголь) // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 17–43. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-17-43>

BETWEEN KAMENKA AND GRASSE
(BUNIN AND GOGOL)

© 2022. Yuri Ya. Barabash

Abstract: The problem “Bunin and Gogol” is considered in two aspects — diachronic and synchronic. The first one implies the study of the dynamics of the appreciation of Gogol’s creative art by young Bunin (which is reflected in memories of the main character-narrator in “The Life of Arsenyev”) and by Bunin in his later years of the emigration period. This is the progression from ecstatic acceptance to repulsion, from feeling of intimacy to the comprehension of difference. In the synchronic aspect Bunin’s attitude to early Gogol appears in the context of Bunin’s “ukrainophilia”, his interest in Ukraine, its history and culture. From this point of view in comparative aspect (without application to axiological criterion) features and peculiar properties of the two classics of Russian literature — both personal and literary ones — are analyzed. Dissimilarity of the creative principles, poetics, styles of Bunin and Gogol is evaluated as the sign of transition from one historic-literary epoch to another and transcultural line between the classic and the emerging modernism, to which Gogol was the predecessor.

Keywords: Ukraine, “gogolevshina”, duality, integrity, poetics, baroque, modernism.

Information about the author: Yuri Ya. Barabash, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8938-9408>. E-mail: barabash.yuri@gmail.com.

For citation: Barabash, Yu.Ya. “Between Kamenka and Grasse (Bunin and Gogol).” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 17–43. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-17-43>

Две цитаты, две оценки.

Алексей Арсеньев, герой-повествователь «Жизни Арсеньева», вспоминает детские годы в отцовской Каменке:

«У Гоголя необыкновенное впечатление произвели на меня “Старосветские помещики” и “Страшная месть”. Какие необыкновенные строки! Как дивно звучат они для меня до сих пор, с детства войдя в меня без возврата, <...> оказавшись в числе

того самого важного, из чего образовался мой, как выразался Гоголь, “жизненный состав”»¹.

В Грассе, 30 апреля 1940 г., Бунин делает запись в дневнике:

«Не знаю, кого больше ненавижу как человека — Гоголя или Достоевского»².

Какой резкий эмоциональный перепад, какой неожиданный диссонанс...

Неожиданный ли?

* * *

Гоголь юных лет Бунина, как и Алеши Арсеньева³, — это автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». То есть применительно к этому периоду вопрос естественным и закономерным образом соотносится с «украинским фактором» в биографии и творчестве Бунина.

Первая встреча Бунина с Украиной состоялась в 1889 г. в Харькове, куда он приехал к старшему брату Юлию. Через четыре десятилетия давние впечатления оживут в описании этой встречи героем-повествователем «Жизни Арсеньева»: «<...> вот первое, что поразило меня в Харькове: мягкость воздуха и то, что света в нем было больше, чем у нас. Я вышел из вокзала, сел в извозчичы сани, — извозчики, оказалось, ездили тут парой, с глухарями-бубенчиками и разговаривали друг с другом на вы, — оглянулся вокруг и сразу почувствовал во всем что-то не совсем наше, более мягкое и светлое, даже как будто весеннее. И здесь было снежно и бело, но белизна была какая-то иная, приятно слепящая. Солнца не было, но света было много, больше во всяком случае, чем полагалось для де-

¹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 2000. Т. 7. С. 34.

² Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 2000. Т. 8. С. 461.

³ Бунин, как известно, не хотел, чтобы биографию Алексея Арсеньева отождествляли с его биографией. Мнение писателя, разумеется, очень важно, однако признаемся, что трудно удержаться от такого пусть не отождествления, то сопоставления, даже сближения, при этом мы, разумеется, в полной мере оцениваем важнейшую роль структурно-семантическую роль *художественного, романного* начала в природе текста.

кабря, и его теплое присутствие за облаками обещало что-то очень хорошее. И все было мягче в этом свете и воздухе: запах каменного угля из-за вокзала, лица и говор извозчиков, громаханье на парных лошадях бубенчиков, ласковое зазыванье баб, продававших на площади перед вокзалом бублики и семечки, серый хлеб и сало. А за площадью стоял ряд высочайших тополей, голых, но тоже необыкновенно южных, малорусских. А в городе на улицах таяло...»⁴.

Далее были посещения Полтавы, Миргорода, Киева, Путивля, Канева, Ромен, Екатеринослава, Одессы, путешествие в Крым, переход на «Чайке» через днепровские пороги... Итоговое впечатление, главное чувство выражены словами Алексея Арсеньева: «<...> я как будто сказал себе: “Ну, что ж, тем лучше для меня, я теперь уже совсем свободен в той чудесной стране, которая только что открылась мне...” Страна же эта грезилась мне необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей и современностью. В современности был великий и богатый край, красота его нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева, народа сильного и нежного, в каждой мелочи быта своего красивого и опрятного, — наследника славянства подлинного, дунайского, карпатского»⁵.

Украина открывалась молодому Бунину в разнообразии ландшафтных, социально-исторических, этнографических, этнокультурных черт⁶. Она входила в его сознание, в творческое воображение «мечтательной красотой южной природы»⁷; «могущественным и глубоким Днпром»⁸; «сказочной древнеславянской синью Карпатских высот»⁹; строками из «Слова

⁴ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1996. Т. 5. С. 170.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ См.: Полякова Т. Украинское культурное пространство в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Collegium. 2017. № 2. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=21487> (дата обращения: 12.11.2021).

⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 490.

⁸ Там же. С. 487.

⁹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 421.

о полку Игорева» («Комони ржуть за Сулою; звенить слава в Києве; трубы трубят в Новеграде; стоять стязи в Путивле...»)¹⁰; исторической памятью («Я отправился на знаменитый “Остров св. Георгия” — Хортицу и долго блуждал по нем, отыскивая хоть каких-нибудь следов старой Сечи»¹¹); лицами людей («<...> в вагоне, на пути от Курска до Киева, я или не отходил по целым часам от окна, или прислушивался к мягкому южному говору и вглядывался в лица»¹²); песнями, наводившими «мужчин на воспоминания о былой вольности, о казацких походах, а женщин на певучие думы о разлуках с сыновьями, с мужьями, с любимыми»¹³.

А ранее, еще до первой поездки на Украину, — поэзией Тараса Шевченко.

То ли в самом начале 1889 г., то ли — то, вероятнее, — в самом конце 1888 г. Бунин получил в подарок от московского литератора И. Белоусова его книгу с переводами из «Кобзаря» Шевченко¹⁴. Как следует из краткого письма Бунина Белоусову от 19 января 1889 г.¹⁵, книгу передал ему Е. Назаров, поэт-самоучка, ельчанин, с которым Бунии незадолго до этого познакомился в Ельце и о котором в 1888 г. опубликовал статью в петербургском журнале для семейного чтения «Родина». Именно Назаров, которому И. Белоусов подарил свою книгу (они были знакомы по суриковскому кружку и сборнику крестьянских поэтов «Рассвет»), попросил у него эту книгу также для «начинающего поэта И.А. Бунина»¹⁶. Не была ли инициатива Назарова мотивирована тем, что он знал об интересе юного Бунина к творчеству Шевченко? Данных на этот счет нет, но такое предположение представляется обоснованным. Во всяком случае, Бунин в письме к И. Белоусову от 3 февраля 1899 г. доброжелательно отзываясь

¹⁰ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1996. Т. 5. С. 185.

¹¹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 493.

¹² Там же. С. 483.

¹³ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 421.

¹⁴ Белоусов И. Из «Кобзаря» Т.Г. Шевченко и украинские мотивы. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1887.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 1.

¹⁶ Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 296.

о его переводах, высказывает сожаление по поводу того, что за пределами книги остались некоторые «превосходные и высокопоэтические вещи Т[араса] Г[ригорьевича]», и приводит (в русской транскрипции) их начальные строки или оригинальные названия¹⁷. Очевидно, что он в свои восемнадцать лет уже знаком с шевченковским поэтическим наследием, неплохо ориентируется в нем, имеет достаточно определенные критерии эстетической оценки отдельных произведений. Так что высказанное в критике предположение о том, будто знакомство молодого Бунина с Шевченко «состоялось благодаря переписке с переводчиком “Кобзаря” на русский язык И. Белоусовым», безосновательно¹⁸. Е. Назаров явно неслучайно похлопотал о присылке «начинающему поэту» переводов Белоусова, эти переводы легли на уже вполне подготовленную почву. Каким образом, благодаря чьему влиянию и при каких обстоятельствах юный Бунин открыл для себя Шевченко, оценил его поэзию и его личность, мы не знаем, очевидно, что это произошло до получения книги Белоусова и до поездки в Харьков.

Кстати, из упомянутого письма следует, что Бунин знал и некоторые другие, кроме белоусовских, переводы поэзии Шевченко на русский, имел о них свое мнение, считая, что многие «не совсем удачны и вообще стоят много ниже подлинника» (в качестве примера называется перевод А. Плещеевым стихотворения Шевченко «І широку долину...»). Из этого можно сделать вывод, что он знал подлинники, читал стихи украинского поэта в оригинале.

Сам Бунин впоследствии (1900) пробовал переводить Шевченко, но перевел всего по две строфы из двух стихотворений Шевченко, это были названный им в письме к Белоусову знаменитый «Заповіт» (в переводе Бунина «Завещание») и «Закувала зозуленька...» («Во зеленой темной роще...»)¹⁹.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 2–3.

¹⁸ Рева-Лошакова Л. Постать Тараса Шевченка в культурі неореалістів // Проблеми сучасного літературознавства. 2016. Вип. 23. С. 110.

¹⁹ Судя по всему, Бунин не был доволен своими переводами из Шевченко. Г. Кунецова вспоминает в «Грасском дневнике», как он,

В 1891 г. Бунин публикует в газете «Орловский вестник» (1891. 26 февраля. № 56), в редакции которой он работал тогда помощником редактора, статью «Памяти Т.Г. Шевченко», приуроченную к годовщине смерти поэта. В этой статье он называет Шевченко одним из «народных поэтов и самых талантливых и благородных людей»²⁰.

В 1890 г. Бунин совершает свое первое путешествие по Днепру (всего их было три). По воспоминанию В. Муромцевой-Буниной, он говорил ей, что «это первое странствие по Малороссии было для него самым ярким, вот тогда-то он окончательно влюбился в нее...»²¹. Через несколько лет (1898) в рассказе «Казацким ходом» Бунин восстанавливает в памяти свои тогдашние впечатления, выделяя к качестве важнейшей мотивации путешествия свое желание посетить могилу Шевченко в Каневе: «Я ...ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, кто воплотил в своих песнях всю красоту своей родины вместе с горестями своей страдальческой жизни и чье простое крестьянское имя — Тарас Шевченко — навсегда останется украшением русской литературы»²². Далее следует монолог русского писателя об украинском собрате, по своей пронзительной искренности не имеющий, кажется, аналогов в истории взаимоотношений двух литератур: «Впоследствии я бывал на могилах многих великих людей, но ни одна из них не произвела на меня такого трогательного впечатления, как могила украинского кобзаря. И в самом деле, — чья могила

восхищаясь шевченковскими выражениями «скиглить чайка» и «казак сивий, похилий» («А ведь как выражено! <...> ...Как сказано!»), добавлял: «А перевести нельзя. Я пробовал переводить Шевченко. Не то!». URL: https://royallib.com/book/kuznetsova_galina/grasskiy_dnevnik.html (дата обращения: 12.11.2021). Быть может, этим авторским чувством неудовлетворенности объясняется то, что оба бунинских перевода из Шевченко остались незавершенными.

²⁰ См.: Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 299–305.

²¹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. 1870–1906. Беседы с памятью / сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1989. С. 109.

²² Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 488.

скромнее и в то же время величественнее и поэтичнее? <...> Небольшой холм, а на нем — белый крест с скромной надписью... вот и все! Когда-то тот, кто лежит теперь под ним, лелеял мечты о родной хате, которую ему теперь хотелось поставить над Днепром, “принести и положить на дніпровых горах сердце замучено, источено горем”. Он даже побывал перед смертью на этих горах и трогательно делился своими заветными мечтами с горячо любимую сестрою. Но, увы, покой и приют от скитаний и горестей ему суждено было найти лишь в могиле!»²³.

Из того же рассказа «Казацким ходом» узнаем, что еще одна великая тень сопровождала молодого Бунина в этом его путешествии по Днепру. Это был Гоголь. На палубе «Чайки», где писатель проводил практически все время, не отрывая глаз от днепровских берегов, то и дело из-за чьей-то спины «выглядывал», по выражению критика, Николай Васильевич: «...То вдруг кто-то из лоцманов окажется похожим на Тараса Бульбу, то сам Бунин, всматриваясь в даль Великого Луга, заговорит — уже не впервые — “по-гоголевски”: “Туда, туда!.. — думал я восторженно. — Жизнь неопишимо прекрасна и привлекательна. Только нужно понять, что именно в ней самое дорогое и самое нужное...”»²⁴. Бунин вглядывается в проплывающие мимо берега, пытаясь разыскать на берегу то место, «где когда-то среди гор белел приднепровский хутор пана Данилы...»²⁵. Протягивается живая нить памяти о первом эмоциональном и духовном прикосновении — через гоголевскую «Страшную месть» — к теме Украины, осознании важности ее для своего мироощущения: «Да, вот это было мне нужно!»²⁶.

Через много лет Шевченко и Гоголь вновь окажутся рядом в исповедальной «Жизни Арсеньева», где Бунин воскрешает в памяти время, проведенное с любимой женщиной в гого-

²³ Там же. С. 488–489.

²⁴ Панченко В. Украинские дороги Ивана Бунина. Статья первая. Окончание // День. 2019. 27 июня. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/ukrainskie-dorogi-ivana-bunina-2> (дата обращения: 17.01.2022).

²⁵ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 487.

²⁶ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1996. Т. 5. С. 55.

левских местах на Полтавщине: «Ты говоришь — Петербург. Если бы ты знала, какой это ужас и как я там сразу и навеки понял, что я человек до глубины души южный. Гоголь писал из Италии: “Петербург, снега, подлецы, департамент — все это мне снилось: я проснулся опять на родине”. Вот и я так же проснулся тут. Не могу спокойно слышать слов: Чигирин, Черкасы, Хорол, Лубны, Чертомлык, Дикое Поле, <...> “Чайка скиглить, литаючи, мов за дитьми плаче, сонце гріє, витер віє на степу козачем...”. Это Шевченко, — совершенно гениальный поэт! Прекраснее Малороссии нет страны в мире»²⁷.

Сближаются образы двух проводников Бунина по украинской земле и украинской истории. И оба — с памятью о безымянном авторе «Слова о полку Игореве». «Для меня, — пишет он, — открылась красота природы, глубокая связь художественных созданий с родиной их творцов ...»²⁸.

Изначально, в историческом смысле, эти образы равновелики, однако в украинском дискурсе Бунина они предстают разным: автор «Слова» — в несколько размытой легендарной дымке, Шевченко — под знаком безусловного признания эстетической ценности наследия поэта и преклонения перед его нравственным обликом, Гоголь же — в динамике перехода от ощущения близости к осознанию различий, от приятия — к отталкиванию.

Эта амбивалентность бунинско-гоголевского духовного, транскультурного пограничья отмечалась в критике, а первым обратил на нее внимание и проанализировал проблему украинский поэт Евгений Маланюк (1897–1968); она же парадоксальным образом, прямо-таки по-гоголевски, отразилась в некоторых его суждениях.

Е. Маланюк хорошо знал русскую литературу — как классическую (сказывалась учеба в Елисаветградском реальном училище, разумеется, русскоязычном), так и послеоктябрьского периода, вплоть до середины 1960-х гг.; свои суждения о ней в целом и об отдельных ее представителях он изложил в ряде публикаций разных лет и разного характера. Одним из

²⁷ Там же. С. 260.

²⁸ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 491.

лейтмотивов этих публикаций, своего рода сквозным субдискурсом, было рассмотрение случаев и разнообразных форм выявления — очевидного и скрытого — украинского элемента в русском литературном процессе: родословные русских писателей, их биографии, фактор генетической памяти, окружение, тематика творчества, эмоциональные реакции, прямые и косвенные влияния и т. п. Кроме Гоголя, личность, судьба и творчество которого занимали под этим углом зрения важное место в критических штудиях и публицистике Маланюка, это были Достоевский и Чехов, Короленко и Куприн, Анна Ахматова и Маяковский. Заметное место в этом ряду занимает Бунин.

В пристальном интересе Маланюка к Бунину была еще одна коннотация. Маланюк активно участвовал в украинской революции 1917–1921 гг. и последовавших за ней бурных событиях как офицер армии Украинской народной республики, после поражения которой в 1920 г. вынужден был покинуть Украину, большая часть его жизни прошла в эмиграции. Так что Бунин на он воспринимал, помимо всего прочего, и как в известной мере собрата по эмигрантской судьбе, разумеется, при полном осознании различия причин и реальных обстоятельств. Не случайно в своих размышлениях о Бунине он акцентировал факт эмиграции писателя, сопоставляя его под этим углом зрения с Гоголем и Тургеневым.

В 1953 г. Маланюк делает запись в дневнике: «В ночь с субботы на воскресенье 8 ноября во Франции умер писатель Иван Бунин. Фамилия эта не совсем чужда нашей литературе: Бунин в свое время переводил Шевченко (кстати, “Заповіт”). Но не чужой был он также и нашей родине, где долгие периоды жил в Полтаве и Одессе. Он очень глубоко чувствовал очарование Украины, которой посвятил немало страниц в своем творчестве, особенно в последнем (биографическом) романе “Жизнь Арсеньева”»²⁹.

Позднее, в 1964 г., в статье «Юг и русская литература», Маланюк назовет Бунина («особенно» как поэта) «украинцем по

²⁹ Маланюк Є. З нотатника // Київ / Kyiv (Філадельфія). Журнал літератури і мистецтва. 1953. Ч. 6. С. 33.

духу» («духовим українцем»). Это была итоговая, думается, избыточная формула, определяющая, по мнению Маланюка, суть отношения Бунина к Украине.

А впервые к этой теме Маланюк обратился в 1933 г. в статье «Венец конца», импульсом к написанию которой было приращение Бунину Нобелевской премии. Критический дискурс автора статьи структурируется двумя ключевыми тезисами: а) творчество Бунина — знаковое явление в русской литературе, обозначающее завершение классического этапа в ее развитии; б) Бунин занимает в русской литературе особое место, поскольку, по мнению Маланюка, он, «не будучи в национальном смысле никаким “инородцем”, тем более “украинцем” <...> является и остается в русской литературе психологически наиболее ярким “инородцем”»³⁰. (Тут вспоминаются слова В. Розанова о Гоголе: «хохол, и след. чуть-чуть инородец» — из письма к Э. Голлербаху от 26 октября 1918 г.).

В связи со вторым из этих тезисов (на первом не будем останавливаться, он требует отдельного рассмотрения) Маланюк высказывает осторожное предположение о возможных украинских корнях рода Буниных — выходцев из воронежской «не русской или малороссийской шляхты», вспоминает о некоем «литовско-старорусском» роде Буниковских³¹, оговариваясь, впрочем, что «было бы очень наивно и опасно видеть в Буinine не только украинца, а даже малоросса»³². Он также обращает внимание на те черты мироощущения и стиля Бунина, которые характерны для «человека южной породы», на «“южные”, украинские, специально степные» темы и мотивы в его творчестве: «Езда “Балагулой”, неоглядные житá, херсонский простор, могилы (есть даже стихотворение “Савур-могила”», исторические реминис-

³⁰ Маланюк Є. Вінець кінця (Іван Бунін) // Маланюк Є. Книга спостережень. Статті про літературу. Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1997. С. 372.

³¹ «Род Буниных литовско-русского происхождения, первоначальная фамилия Буниковский (или Буньковский). Жена и близкие называли Ивана Бунина традиционно “Яном”» (Маланюк Є. Книга спостережень. Статті про літературу. Київ: Дніпро, 1997. С. 368).

³² Там же.

ценции». По мнению Маланюка, «элемент южности, солнечного <...> жгучего ощущения жизни, радости жизни, радостного ощущения самой физиологии бытия сближает Бунина с такими украинскими писателями, как Нечуй-Левицкий, Коцюбинский, Хвылевой, Рыльский, “с поэзией которого стихотворения Бунина наиболее родственны с украинской “неоклассикой”»³³. В упоминавшейся выше статье «Юг и русская литература» имя Бунина включено в широкий — впрочем, надо признать, весьма неоднородный — контекст представителей Юга как «духовно-географического комплекса» — от Гоголя до Арцыбашева и Аверченко, от Чехова до Маяковского, братьев Бурлюков и «одесситов» Бабеля, Багрицкого, Олеси, Ильфа, Катаева...

Говоря о литературном «инородчестве» Бунина, Маланюк трактует это понятие не в чисто национальном плане, а шире, в плане духовно-нравственном, имея в виду критическое отношение писателя к «тяжелой, сонной, страшной Матушке России» (эти слова Г. Адамовича приводятся в статье), к современной русской «новой» литературе, он считает, что пребывание в эмиграции, за пределами России, было для Бунина творчески плодотворным — он «оттолкнулся, оторвался и потому спасся от специфического “российства”»³⁴.

Маланюк проводит параллель между Буниным и Гоголем: «...В Бунине мы имеем <...> запоздалую модификацию Гоголя, в определенном смысле вариант “гоголевщины”...»³⁵. Категоричность формулы «модификация Гоголя» явно чрезмерна, но ее, если взять эту формулу отдельно, хотя бы можно было бы списать на счет характерной для Маланюка-публициста (и не только публициста) склонности к парадоксальности, заостренности стиля. Можно было бы, если бы к формуле не было пристегнуто понятие «гоголевщина», что обнаруживает в «бунинско-гоголевской» параллели скрытый «конфликт смыслов».

В отечественном гоголеведческом дискурсе употребляется два варианта лексемы «гоголевщина», слегка различающиеся

³³ Маланюк Є. Вінець кінця (Іван Бунін) // Маланюк Є. Книга спостережень. Статті про літературу. С. 368.

³⁴ Там же. С. 370.

³⁵ Там же.

по грамматической форме, но существенно разные по значению. Вариант прагматический — «Гоголевщина» с прописной буквы. Это, как правило, обобщенное обозначение мест, связанных с биографией Гоголя, с топонимикой его «украинских» повестей (Великие Сорочинцы, Васильевка, Кибинцы, Полтава, Нежин, Миргород, Диканька)³⁶. В случае написания слова «гоголевщина» со строчной буквы с ним происходит семантическая трансформация: суффиксы *-ев* и *-щин* придут ему негативный смысловой оттенок (аналоги: вкусовщина, групповщина, хлестаковщина и т. п.), меняется дефинитивный статус слова, из нейтральной лексемы оно превращается в метафору. Последняя может определять: в широком плане — некие абсурдные, фантазмагорические ситуации, явления, события, вызывающие ассоциации с гоголевскими образами, в плане литературоведческом, собственно гоголевском, — совокупность характерных именно для Гоголя как личности специфических ментальных черт, связанных как с его этногенетикой, так и с особенностями биографии и судьбы, с духовной раздвоенностью, связанной с пограничной природой феномена «украинец в русской литературе».

В статье «Венец конца» лексема «гоголевщина» упоминается в сущности походя, ее смысл не раскрывается. Между тем объективно, независимо от содержания данной конкретной статьи, «гоголевщина» ассоциируется со сформулированным Маланюком в других статьях тезисом о «малороссийстве» Гоголя. Так, из размышлений Маланюка в статье «Малороссийство» явствует, что для него Гоголь — яркий и трагический пример «малороссийской» раздвоенности, «своего рода знамя политического малороссийства», чертами своей личности, уроками судьбы он «дал непревзойденный до сих пор материал для штудий по изучению разложения национальной психики и перехода ее в состояние малороссийского гниения»³⁷. Гоголевскую раздвоенность Маланюк выразил через название своей статьи «Гоголь—

³⁶ Пример исключения из правила — сборник очерков В. Гиллярского «В гоголевщине» (1900).

³⁷ Маланюк Є. Малоросійство. URL: http://dontsov-nic.com.ua/wp-content/uploads/2016/04/Knyha_sposterezhen_zbirka.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

Гоголь»³⁸, где в качестве оппозитивов выступают две версии произношения фамилии писателя — русская, с твердым звуком «г», графически переданным в данном случае буквой «г», пятой в украинском алфавите, и украинская, с фрикативным «г». Данная оппозиция — в сущности метафорический аналог понятия «малороссийство», которым в украинской гуманитарной мысли и публицистике обозначается специфическое социальное, общественно-политическое, духовное, этнопсихологическое явление в истории и современной жизни Украины, порожденное ее статусом в составе Российской империи (Малороссия)³⁹.

Здесь, в точке максимального сближения (едва ли не отождествления) понятий «гоголевщина» и «малороссийство», становится очевидным «конфликт смыслов», заложенный в определении Бунина как «модификации Гоголя». Если Гоголь — малоросс, а в Буinine, по мнению Маланюка, высказанному, как мы помним, в той же статье, «было бы наивно и опасно» видеть «не только украинца, но даже и малоросса», то о какой «гоголевщине» — фактическом синониме «малороссийства» — применительно к последнему можно говорить? Маланюк находит параллели в судьбах обоих писателей, в благотворной, как он считает, для их творчества «оторванности» от России, но это совсем другая тема, «гоголевщина» и связанный с ней «украинский» фактор здесь ни при чем. Тем самым ставится под сомнение правомерность предложенной Маланюком «идентификации» (пусть и «запоздалой») Бунина с Гоголем, мотивируемой именно этим фактором. Более того, приходится признать, что сопоставление Бунина и Гоголя в «украинском ракурсе», под углом зрения их отношения к Украине приводит к выводу не об их близости или хотя бы сходстве, а о весьма существенных различиях.

«Кстати, Вы украинец? — спрашивает Бунин Белоусова в одном из писем (май 1894 г.). И добавляет: «Я самый заправский

³⁸ См.: Маланюк Є. Гоголь–Гоґоль // Маланюк Є. Книга спостережень. С. 374–389.

³⁹ См.: Барабаш Ю. Малоросійство // Енциклопедія Сучасної України. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень Національної Академії наук України, 2018. Т. 19. С. 36–37. Также работы С. Грабовского, Я. Грицака, А. Капелера, Р. Рябчука, Р. Шпорлюка и др.

кацап!»⁴⁰. Бунин жил тогда в Полтаве, это была пора, вспоминаемая о которой он впоследствии писал «Прекраснее Малороссии нет страны в мире», упомянутое письмо заканчивается украинским пожеланием «Ну, будьте здоровы!». Сочетание этих деталей с признанием Бунина в своем «кацапстве», к тому же «заправском», свидетельствует о том, что осознание писателем собственной национальной идентичности нисколько не противоречило его сентименту к Украине. «Украинофильство» (так Маланюк определяет суть данного сентимента) Бунина — это естественное чувство человека, внутренний мир которого не омрачен предрассудками, не искажен воздействием стереотипов массового сознания, человека, чьего ума и культуры, щедрости души хватает на то, чтобы, любя свою родину, ценить другую землю, понимать ее людей, восхищаться ее природой и ее песнями. Искренность, неподдельность этого чувства Бунина, его отношения к Украине таковы, что его «Малороссия» и «хохлы» не режут ухо, не воспринимаются как пренебрежительные и обидные, это лишь дань речевой инерции.

Отношение «кацапа» Бунина к Украине отражает цельность его натуры, душевное равновесие. У малоросса Гоголя это отношение омрачено и искажено влиянием внешних негативных факторов и обстоятельств жизни, имперскими предрассудками. Это вносило в его внутренний мир дисгармонию, раздвоенность, которые он чувствовал, но не мог понять и осознать: «...Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская...» (из письма к А. Смирновой от 24 декабря 1844 г.). Такова была внутренняя драма Гоголя, острая, больная грань его души и его гения.

Различие между малороссийством Гоголя и «украинофильством» Бунина лично, это различие между цельностью и раздвоенностью, между двумя противоположными в своей основе «жизненными составами». Юному герою-повествователю «Жизни Арсеньева» Гоголь был близок тем, что поразило его воображение магией серебрящегося под луной Днепра, поющих дверей старосветского дома, предвосхитив открытие Буниным Украины. Ее образ запечатлелся в памяти писателя на

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 92.

всю жизнь, но он уже не ассоциировался с Гоголем. Позднему Бунину чужда личность Гоголя, неприятие вызывают манеры и особенности поведения, даже черты внешнего облика.

В 1936 г. Бунин пишет рассказ «Жилет пана Михольского», своеобразную версию-интерпретацию «Анекдота о Гоголе» Иеронима Ясинского, опубликованного в 1891 г. в «Историческом вестнике»⁴¹. «Анекдот» вызвал резкую отповедь Н. Лескова⁴² и затем его полемику с Ясинским⁴³. Персонаж-повествователь бунинского рассказа, Михольский, вспоминает, каким «некто Гоголь, писатель» предстал перед ним и перед «целой ассамблеей» гостей Юзефовича, помощника попечителя Киевского учебного округа в Липках: «У него был длинный нос, длинные прямые волосы. На нем был сюртук темного граната и темно-зеленая жилетка, по которой краснели мушки и глазки и ярко блестели желтые пятна». Гоголь держится странно, не обращает внимания ни на почтительно встретившего его хозяина, ни на трепетно ожидавших его появления представителей городской интеллектуальной элиты («все больше профессора Киевского университета в новеньких мундирах»), его внимание целиком поглощено модной жилеткой рассказчика («жилетка эта была тоже весьма нарядна, только походила не на шкуру лягушки, как у столичного гостя, а на шкуру хамелеона»), он озабочен одним — как немедленно достать «точь-в-точь такую же»...⁴⁴.

⁴¹ Ясинский И. Анекдот о Гоголе // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1891. Т. XLIV. С. 594–598.

⁴² Лесков Н. Нескладица о Гоголе и Костомарове // Петербургская газета. 1891. 16 июля. № 192.

⁴³ См. об этом: Нымм Е. Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890 годы). Тарту: Tartu Univ. press, 2003. С. 97–104; Шелаева А. Poleмика в периодической печати конца XIX в. как форма литературной борьбы: Н.С. Лесков против И.И. Ясинского, И.И. Ясинский против Н. Лескова. URL: cwww.mediascope.ru/node/1402232323 (дата обращения: 12.11.2021).

⁴⁴ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1999. Т. 6. С. 528–531. Факт описываемой в «Анекдоте» Ясинского встречи Гоголя с киевской профессурой в 1848 г. подтверждается Ф. Чижовым, отрывок из воспоминаний которого П. Кулиш приводит в своих «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя»: «Мы встретились у А.С. Данилевского, у которого остановился Гоголь <...> потом провели вечер у М.В. Юзе-

Л. Ельницкая⁴⁵, анализируя это место в рассказе Бунина, проводит параллель с тем, каким Гоголь предстает у В. Набокова, в его лекциях о Гоголе. Набокову, как и пану Михольскому, бросается в глаза гоголевский «франтовской жилет». «Как и...» — но все же иначе. Михольский утверждает, что этот жилет походил «на шкуру лягушки», а главное — самодовольный пошляк, который кое-что слыхивал о Гоголе, даже «читал его вещички», и в котором мы узнаем типично гоголевского персонажа (недаром Гоголю кажется, что он Михольского «где-то уже видел»), — этот Михольский воспринимает и оценивает ситуацию как свою моральную победу над писателем: «Он хоть и Гоголь, а такой жилетки у него нет и не будет! Я, брат, свою жилетку выше всяких его “Мертвых душ” ставлю!». Что касается Набокова, то он не просто отмечает другой, нежели Михольский, цвет гоголевского жилета — «бутылочио-зеленый ...с оранжевыми и пурпурными искрами, мелкими синими глазками; в сущности, он напоминает кожу какого-то заморского пресмыкающегося»⁴⁶, для него — и это опять-таки главное — жилет становится метафорой, характеризующей внешний облик и внутреннюю сущность Гоголя, его пристрастие к пестрой модной одежде, в конечном счете, скрытые за этими

фовича. Гоголь был молчалив...» (Кулиш П. [Николай М.] Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. СПб., 1855. Т. II. С. 240), что само по себе, разумеется, не свидетельствует о достоверности описания Михольского. О степени достоверности этого описания говорит хотя бы такой пример. В числе гостей Юзефовича упоминается Н. Костомаров, который в середине 1840-х гг. действительно в качестве адъюнкт-профессора преподавал в Киевском университете русскую историю, однако присутствовать на встрече с Гоголем в 1848 г. не мог, ибо годом раньше был арестован за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве, заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Саратов. Не случайно, кстати, в бунинской версии имени Н. Костомарова нет.

⁴⁵ Ельницкая Л. «Жилет Гоголя»: личность писателя глазами И. Бунина и Вл. Набокова. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1556/> (дата обращения: 12.11.2021).

⁴⁶ Набоков В. Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / пер. с англ., предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. С. 35–36.

внешними атрибутами бесовство писателя, раздвоенность его души, черты пошлости, сближающие темные стороны его натуры с «михольсковщиной»...

Конечно, Гоголь, каким он представлен в рассказе «Жилет пана Михольского», увиден и описан отрицательным персонажем, но ведь другой точки зрения в рассказе нет, как нет и выраженной альтернативной авторской позиции. Да и сам факт написания Буниным этого рассказа примечателен. Не исключено, что Бунин в свое время обратил внимание на публикацию «анекдота» Ясинского и споры вокруг него, тем более что у него самого в памяти сохранялся когда-то услышанная побасенка про Гоголя, но что побудило его вернуться к рассказанной Ясинским истории о жилете спустя четыре с лишним десятилетия, в эмиграции, и не просто вспомнить об этой истории, но потрудиться над ее литературной «перелицовкой», — об этом ничего доподлинно не известно. Следует, однако, отметить, что рассказ «Жилет пана Михольского» датирован 1936 г. (кажется, существуют другие версии относительно даты написания, но это в данном случае не так уж важно), а через четыре года, в 1940 г., а том же Грассе, в условиях набирающей размах Второй мировой войны, буквально накануне вторжения во Францию гитлеровских войск, Бунин делает в дневнике приведенную в начале этой статьи запись о своей «ненависти» к Гоголю как к человеку. Это дает основание предположить, что в этот период размышления о личности Гоголя, вроде бы мало связанные со злобой дня, занимали заметное место в мыслях Бунина, быть может, косвенно, каким-то, ему самому (и тем более нам) не вполне понятным образом коррелируя в сознании с насыщенной тревогой и драматизмом атмосферой исторического момента.

В дневнике записи о «ненависти» к Гоголю предшествует такая: «Боже мой! Боже мой! Было и у меня какое-то детство, *первые* дни моей жизни на земле!»⁴⁷. Затем следует еще одна: «Убежден, что Гоголь никогда не жег “Мертвых душ”»⁴⁸. И — пропуск. Возникает впечатление, что за этим пропуском

⁴⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 2000. Т. 7. С. 435.

⁴⁸ Там же.

кроется момент стыковки-конфронтации двух взглядов Бунина на Гоголя, двух восприятий его личности — поры раннего «украинофильства», увлечения «Страшной мезьей» и «Старо-светскими помещиками», и зрелой поры, когда личность автора «Ревизора» и «Мертвых душ» предстала в сознании Бунина в ином, неблагоприятном свете. Вскоре становится очевидным, что ненависть к писателю «как человеку» и неприятие этого человека как писателя — две стороны одной медали. В бунинском «Дневнике» появляется запись: «Вдруг почему-то пришло в голову: Добчинский и Бобчинский... Да: Сквозник-Дмухановский, Яичница... даже Чичиков — все очень плоско, балаганно...» (5 апреля 1942 г.)⁴⁹.

Так в теме «Бунин — Гоголь» выявляется связь между личностно-нравственным аспектом и аспектом поэтики, стиля, способов художественного освоения жизненного материала. Известная, ставшая расхожей, почти банальной буффоновская формула «стиль — это человек» оказывается уместной и актуальной.

Вопрос о соотношении творческих методов, поэтических систем Бунина и Гоголя не раз затрагивался в критике, причем с разных позиций — сравнительно-исторический и сравнительно-типологический ракурсы, выявление структурно-семантических параллелей либо, наоборот, нарочитых противопоставлений, прямой или скрытой полемики, элементов интертекста, реминисценций, в иных случаях — просто топонимических, омонимических совпадений, текстуальных переключек.

В. Мароши, анализируя бунинскую прозаическую миниатюру «Канун» (1931), выделяет в ней два пункта, в которых обнаруживает сближение образно-стилистических моделей Бунина и Гоголя. Это мужики-мукомолы — «все великаны, и все рыжие, без шапок, в красных рубахах распояской...»⁵⁰, вызывающие у критика ассоциацию со сценой обсыпания мукой в описании Гоголем римского карнавала, и еще это мотив стремительного, бешеного, «наводящего ужас» движения: «Извозчик мчит во весь дух...»; «А позади грохочут, летят, точно нагоняют, ломо-

⁴⁹ Там же. С. 494.

⁵⁰ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1999. Т. 6. С. 512.

вые телеги» (здесь, наряду с «Кануном» и под тем же углом зрения, упоминаются и другие произведения Бунина, в частности «Окаянные дни»); по мнению критика (как представляется, не вполне убедительно обоснованному), для этого мотива «исходной точкой <...> является, конечно, гоголевская тройка»⁵¹.

Е. Анисимова и К. Анисимов в статье «Эхо Жуковского и Гоголя в прозе И.А. Бунина 1910 гг.»⁵² также ссылаются на ряд публикаций, авторы которых находят у Бунина переключки с гоголевскими текстами, образные параллели, чуть ли не «заимствования», скажем, та же тройка в «Деревне» или лунная украинская ночь в «Митиной любви». В комментарии ко второму из этих примеров (он взят из статьи Ю. Лотмана «Два устных рассказа Бунина (к проблеме “Бунин и Достоевский”»)»⁵³, критики делают оговорку, замечая, что образ лунной ночи «характерен для романтической имагологии в принципе», то есть он не связан *только* и *именно* с Гоголем. Оговорка важная с точки зрения методологической корректности литературных сопоставлений, но к Лотману, она, собственно говоря, не может быть отнесена, ибо он как раз подчеркивает, что картина лунной ночи в «Митиной любви» лишь «как бы (курсив мой. — Ю. Б.) активизирует гоголевскую традицию», ссылка на Гоголя

⁵¹ *Мароши В.* Гоголевский субстрат карнавального подтекста в миниатюре И.А. Бунина «Канун» // *Образы Италии в русской словесности* (По итогам Второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia-Italia» — «Россия-Италия», Томск-Новосибирск, 1–7 июня 2009 г.). Томск: Из-во Томского университета, 2011. С. 237. См. также: *Мароши В.* Аккумуляция разных типов референции в миниатюре И.А. Бунина «Канун» // *Филологический класс*. 2018. № 2 (52). С. 30–37.

⁵² *Анисимова Е., Анисимов К.* Эхо Жуковского и Гоголя в прозе И.А. Бунина 1910 гг.: поэтика баллады и эстетика «страшного». Статья 1 // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015. № 1 (33). С. 88–113; *Анисимова Е., Анисимов К.* Эхо Жуковского и Гоголя в прозе И.А. Бунина 1910 гг.: поэтика баллады и эстетика «страшного». Статья 2 // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015. № 2 (34). С. 86–104.

⁵³ *Лотман Ю.* О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы (1958–1993). СПб.: Искусство, 1997. С. 741.

в данном случае «фиктивна». А вот относительно некоторых тезисов самих авторов статьи их оговорка, как это ни парадоксально, оказывается актуальной.

Надо отметить, что Е. Анисимова и К. Анисимов, приводя и анализируя случаи «гоголевского эха» у Бунина, стремятся увидеть в них не просто признаки внешнего сходства, а моменты семантической близости (или противостояния). Однако выводы из этого анализа, к сожалению, не всегда убедительны. Так, портрет «скопидома-кулака» Лукьяна из рассказа Бунина «Князь во князьях» трактуется как «полемическая реплика» на образ Плюшкина, мотивируется же такая трактовка («есть все основания считать») беззубостью и старостью обоих персонажей. В рассказе «Грамматика любви» критики обнаруживают целую «цепочку соответствий», например, шкатулки Хвощинского и Чичикова, брочка, чичиковский Селифан и безымянный «малый» — возница Ивлева, жадность Плюшкина и Хвощинского-младшего, непогода, гроза, лай собак, сопровождающий Чичикова и Ивлева в их поездках, и т. п. Эти «соответствия» определяются в статье как «особые интертекстуальные корреляции», хотя, думается, на такой статус они, как говорится, «не тянут» и туманное определение «особые» ничего не проясняет, можно вести речь скорее о совпадениях, о сходстве описываемых поведенческих архетипов и стереотипов, о типологии повторяющихся литературных сюжетов и ситуаций.

Так что нельзя не согласиться с авторами статьи в том, что «проблема [соответствий] нуждается в теоретической фокусировке»⁵⁴.

В подобной фокусировке нуждаются и «несоответствия», причем прежде всего в области поэтики обоих писателей, особенностей их мировидения, стиля, способов и средств художественного освоения действительности, выражения своего отношения к изображаемому.

Сопоставим под этим углом зрения два описания сада⁵⁵.

⁵⁴ Анисимова Е., Анисимов К. Эхо Жуковского и Гоголя в прозе И.А. Бунина. Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34). С. 97.

⁵⁵ Необходимая оговорка: подобного рода сравнительный анализ

«Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходящий за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении. Зелеными облаками и неправильными трепетлистными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая колонна; косой остро-конечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или черная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал наконец вверх и обвивал до половины сломленную березу. Достигнув середины ее, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерев или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие цепкие крючья, легко колеблемые воздухом. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть; оно было все окинуто тенью, и чуть-чуть мелькали в черной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиною вытыкавший из-за ивы иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листья, под один из которых забравшись бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороны гнезда на трепетные свои вершины. У иных из них отдернутые и не вполне отделенные ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом, все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но

проводится без применения аксиологического критерия, уникальность каждого из компонентов исключает подход с позиции «лучше-хуже».

как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубо-ощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности...»⁵⁶.

Н. Гоголь. Мертвые души.

«А сад за домом был <...> наполовину вырублен, хотя все еще красовалось в нем много вековых лип, кленов, серебристых итальянских тополей, берез и дубов, одиноко и безмолвно доживавших в этом забытом саду свои долгие годы, свою вечно юную старость, красота которой казалась еще более дивной в этом одиночестве и безмолвии, в своей благословенной, божественной бесцельности. Небо и старые деревья, у каждого из которых всегда есть свое выражение, свои очертания, своя душа, своя дума, — можно ли наглядеться на это? Я подолгу бродил под ними, не сводя глаз с их бесконечно разнообразных вершин, ветвей, листьев, томясь желанием понять, разгадать и навсегда запечатлеть в себе их образы, сидел, думал о них на просторном косогоре под садом, среди огромных дубовых пней, грубо черневших на нем в нежной высокой траве и цветах, над светлыми прудами, все еще полноводно лежавшими под косогором в лощине... Как отрешалась тогда душа от жизни, с какой грустной и благой мудростью, точно из какой-то неземной дали, глядела она на нее, созерцала “вещи и дела” человеческие!»⁵⁷.

И. Бунин. Жизнь Арсеньева.

Коррелят обоих описаний — мотив заброшенности, «заглохлости», упадка, грусти по некогда жившему в этом месте, но безвозвратно ушедшему человеческому началу. Художественное воплощение этого мотива осуществляется, однако, разными средствами, в разных системах поэтики.

⁵⁶ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7. С. 106, 107.

⁵⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1996. Т. 5. С. 98–99.

Различны хронотопы. У Бунина перед нами запечатленное мгновение жизни повествователя, находящегося в двухмерном пространстве знакомого ему, хотя и «забытого» сада. Сад Гоголя стереоскопичен, это многомерное время-пространство, где есть не только передний, но и задний план, и еще зияющая в глубине «темная пасть», некое зазеркалье, в его иррациональной «черной глубине» виднеются «бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы...». Обратим внимание; «бежавшая», не «бегающая», — прошлое и настоящее существуют в одном измерении, время здесь — воспользуемся определениями М. Бахтина — «сгущено», «уплотнено», «художественно-зримо», «слито» с пространством, его приметы «раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»⁵⁸.

Бунинский сад изображен в сдержанной графической манере, здесь почти нет красок, лишь два неярких цветных пятна — «серебристые» тополя и «черневшие» дубовые пни. У Гоголя — пестрая живописная палитра, игра красок: «зеленые облака», «белый» ствол березы, «черная птица», кленовый лист, который «солнце превращало... вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте».

У Бунина пространство сада локализовано и структурировано. У Гоголя оно разомкнуто, деструктурировано, хаотично, это конгломерат контрастов и диссонансов.

Картина сада в «Жизни Арсеньева» личностна, его доминанта — душевное переживание героя-повествователя, сильное, но мимолетное, во всяком случае преходящее, связанное с данным моментом его жизни. Гоголевский сад находится вне определенных временных координат и не принадлежит никому, он довлеет сам себе, это сад возле плюшкинского дома, но не сад Плюшкина, это целостный и вместе с тем антиномичный микрокосмос, художественно-философская модель бытия.

Скажем так: в «Жизни Арсеньева» — сад, в «Мертвых душах» — барочный *вертоград*.

⁵⁸ Бахтин М. Литературно-критические статьи / сост. С. Болгаров, В. Кожин. М.: Худож. лит., 1986. С. 121–122.

Или так: у Бунина *описание* усадебного сада, образец классической русской прозы на завершающем этапе ее развития, у Гоголя — не описание, не картина реального помещичьего сада, а *метафора* метафизического Сада, отголосок стиля барокко⁵⁹.

В памяти Арсеньева / Бунина гоголевское начало связано практически исключительно с романтической, сказочно-фантастической «Страшной мезьей», лишь один раз названы «Старо-светские помещики», эта, по определению Пушкина, «шутливая идиллия». И ни одного слова о тех повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода», в стиле которых заметное место занимает барочная составляющая, образы, ситуации, приемы, характерные для поэтики украинского низового барокко. Мы не найдем упоминания ни о «волочащихся» дьяках-пиворезах и голодных школярах, ни о простаках-мужьях и их сварливых женах, ни о готовых продать душу дьяволу гуляках-запорожцах или изгнанных из пекла чертях... Как и различных модификаций типичного для барокко «принципа отражения», раблезианских сцен еды и питья, вещих снов и фантазмагорических видений, знаковых вертепных персонажей, нелепых ситуаций и смешных фамилий. Все это чуждо Бунину, любые проявления условности, гротеска, сатирического заострения ему не интересны, все эти Добчинские и Бобчинские, Сквозники-Дмухановские, Яичницы, Чичиковы кажутся ему в лучшем случае «плоскими, балаганными».

Это не только и не просто несходство творческих принципов, поэтик, стилей двух художников, но еще и признаки перехода от одной историко-литературной эпохи к другой, пограничья между классикой и нарождающимся модернизмом, предтечей которого был Гоголь. Так что в том — неожиданном, как могло показаться, — диссонансе в суждениях Бунина о Гоголе, о котором говорилось в начале этой статьи, на самом деле нет ничего неожиданно-го, были причины — как субъективные, так и объективные.

Осознавал ли Бунин природу и суть своих различий с Гоголем — об этом трудно судить определенно, в полной мере, скорее всего — нет. Но очевидно, что он их *ощущал*, и ощущал, как мы видели, отчетливо, даже, пожалуй, остро.

⁵⁹ См. об этом также: Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М.: Наследие, 1995. С. 101–103.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Е., Анисимов К.* Эхо Жуковского и Гоголя в прозе И.А. Бунина 1910-х гг.: поэтика баллады и эстетика «страшного». Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 88–113.
- Анисимова Е., Анисимов К.* Эхо Жуковского и Гоголя в прозе И.А. Бунина 1910-х гг.: поэтика баллады и эстетика «страшного». Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34). С. 86–104.
- Барабаш Ю.* Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М.: Наследие, 1995. 224 с.
- Барабаш Ю.* Малоросійство // Енциклопедія Сучасної України. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень Національної академії наук України, 2018. Т. 19. С. 36–37.
- Бахтин М.* Литературно-критические статьи / сост. С. Болгаров, В. Кожин // *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М.: Худож. лит., 1986. С. 121–290.
- Белоусов И.* Из «Кобзаря» Т.Г. Шевченко и украинские мотивы. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1887. 52 с.
- Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 1. 696 с.
- Лотман Ю.* О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы (1958–1993). СПб.: Искусство–СПб., 1997. 845 с.
- Маланюк Е.* Книга спостережень. Проза: у 2 т. Торонто: Видавництво «Гомін України», 1966. Т. 2. 480 с.
- Маланюк Є.* Книга спостережень. Статті про літературу. Київ: Дніпро, 1997. 430 с.
- Мароши В.* Гоголевский субстрат карнавального подтекста в миниатюре И.А. Бунина «Канун» // Образы Италии в русской словесности (По итогам Второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia–Italia» — «Россия–Италия», Томск–Новосибирск, 1–7 июня 2009 г.). Томск: Изд-во Томского университета, 2011. С. 234–240.
- Мароши В.* Аккумуляция разных типов референции в миниатюре И.А. Бунина «Канун» // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 30–37.
- Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. 1870–1906. Беседы с памятью / сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1989. 508 с.
- Набоков В.* Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / пер. с англ.; предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.
- Николай М.* [Кулиш П.]. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. СПб.: В типографии Юлиуса Штауфа, 1855. Т. II. 339 с.

- Нымм Е.* Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890 годы). Тарту: Tartu Univ. press, 2003. 165 с.
- Рева-Лошакова Л.* Постаť Тараса Шевченка в культурі неореалістів // Проблеми сучасного літературознавства. Одеса: Астропринт, 2016. Вип. 23. С. 108–116.
- Панченко В.* Украинские дороги Ивана Бунина. Статья первая. Окончание // День. 2019. 27 июня. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/ukrainskie-dorogi-ivana-bunina-2> (дата обращения: 17.01.2022).
- Полякова Т.* Украинское культурное пространство в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Collegium. 2017. № 2. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=21487> (дата обращения: 12.11.2021).
- Шелаева А.* Полемика в периодической печати конца XIX в. как форма литературной борьбы: Н.С. Лесков против И.И. Ясинского, И.И. Ясинский против Н.С. Лескова // Медиаскоп. 2013. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1402> (дата обращения: 12.11.2021).
- Ясинский И.* Анекдот о Гоголе // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1891. Т. XLIV. С. 594–598.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-44-63>
<https://elibrary.ru/NKHM0U>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

УДК 821.161.1.0

БУНИН И МАЯКОВСКИЙ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАРОЙ ТЕМЫ

© 2022 г. В.Н. Терехина

Аннотация: Противостояние И.А. Бунина и В.В. Маяковского стало фактом не только их биографии, но значительным явлением истории русской литературы XX в. В нем отразились многочисленные конфликты и противоречия между творческими направлениями в борьбе за лидерство в 1910-е гг., когда имя Бунина вошло в знаменитый манифест футуристов «Поощения общественному вкусу» (1912). В после-революционные годы усилилась политическая непримиримость писателей. В дальнейшем Бунин перенес идейное неприятие с личности на творчество поэта, причем, дискредитации подверглись не только произведения, использованные сталинской пропагандой, но и дореволюционные. Анализ поэтики, предпринятый им, послужил подтверждению изначально негативной концепции: «Маяковский — величайший хулиган русской литературы». Известен и призыв Маяковского: «Довольно буниновщины!». Статья посвящена новым аспектам этой темы и раскрывает особенности длительного противостояния писателей, неоднозначный характер их взаимного интереса и оценок. Особое внимание уделено интерпретации эпизодов из книг Бунина «Окаянные дни», «Воспоминания», а также публикаций в эмигрантской периодике. В статье впервые рассматриваются случаи сближения их суждений, приводятся примеры схожих мотивов и общих источников творчества. Таким образом, усложняется взгляд на личность и творчество писателей, представление о литературном процессе в эмиграции и метрополии обогащается новыми фактами.

Ключевые слова: Бунин, Маяковский, «Окаянные дни», «Воспоминания», русское зарубежье.

Информация об авторе: Вера Николаевна Терехина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8708-9914>. E-mail: veter_47@mail.ru.

Для цитирования: Терехина В.Н. Бунин и Маяковский: новые аспекты старой темы // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рожде-

ния И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 44–63. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-44-63>

BUNIN AND MAYAKOVSKY: NEW ASPECTS OF THE OLD THEME

© 2022. Vera N. Terekhina

Abstract: The confrontation between I.A. Bunin and V.V. Mayakovsky became a fact not only of their biography, but a significant phenomenon of the history of Russian literature of the 20th century. In the post-revolutionary years the political intransigence of writers increased. Later Bunin transferred ideological rejection from personality to the work of the poet, and discredited not only works used by Stalin's propaganda, but also pre-revolutionary. The analysis of poetics undertaken by him served to confirm the initially negative concept: "Mayakovsky is the greatest bully of Russian literature". Mayakovsky's slogan is also known: "Enough with Buninshchina!" The article focuses on new aspects of the topic and reveals the peculiarities of the long confrontation of writers, the ambiguous nature of their mutual interest and assessments.

Special attention is paid to the interpretation of episodes from Bunin's books "Cursed Days", "Memories," as well as publications in the émigré periodicals. For the first time, the article examines cases of convergence of their judgments, gives examples of similar motives and common sources of creativity. Thus, the view on the personality and creativity of writers is complicated, the idea of the literary process in emigration and the metropolis is enriched with new facts.

Keywords: Bunin, Mayakovsky, "Cursed Days", "Memories", Russia abroad.

Information about the author: Vera N. Terekhina, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8708-9914>. E-mail: veter_47@mail.ru.

For citation: Terekhina, V.N. "Bunin and Mayakovsky: New Aspects of the Old Theme." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 44–63. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-44-63>

Об отношении Бунина к Маяковскому довольно долго было известно лишь отрывочно, в пересказе посетителей спецхранов,

поскольку изданные за рубежом «Окаянные дни» и «Воспоминания» были недоступны читателям, а тема «Бунин и Маяковский» исчерпывалась книгами В. Катаева¹. Не случайно с приходом 1990-х гг. среди первых были перепечатаны именно эти, посвященные Маяковскому, отрывки из произведений Бунина, — опубликованы под видом разоблачительных сенсаций в газетах и журналах, фактически без комментария и контекста. Так и остался в памяти миллионов демонизированный Маяковский как, по словам Бунина, «самый низкий, самый циничный и вредный слуга советского людоедства, по части литературного восхваления его и тем самым воздействия на советскую чернь»².

Среди многочисленных возвращенных тогда статей, очерков, мемуаров русского зарубежья, посвященных Маяковскому, особенно выделялись политически заостренные высказывания Бунина. Уже в коротких эпизодах «Окаянных дней» (гл. «Ночь на 25 апреля», затем использована в «Автобиографических заметках») он уравнивал Маяковского и Ленина, олицетворявшего враждебные писателю силы: «Ведь шел тогда у нас пир на весь мир, и трезвы-то на пиру были только Ленины и Маяковские»³. И это не было случайностью. Как неоднократно отмечалось, за литературной жизнью русской эмиграции стоял широкий и противоречивый спектр политических взглядов и позиций — от монархизма до «национал-большевизма».

Политическое самоопределение становилось решающим фактором жизненных и творческих судеб интеллигенции по обе стороны российской границы, а творчество оказывалось, как было не раз в отечественной истории, под давлением внешних сил. М. Слоним справедливо указывал на проявление идеологических пристрастий при анализе творчества Маяковского: «Казалось бы, здесь, где можно говорить во весь голос, не опасаясь ГеПеУ, вне досягаемости всяких административных нажимов и полицейских приказаний, можно было проявить

¹ См.: Сарнов Б. «Угль пылающий» и «кимвал бряцающий» // Сарнов Б. Время таланта. М., 1987. С. 121–123.

² Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. С. 115.

³ Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Собр. соч. С. 36.

объективность в отношении Маяковского и честно попытаться понять его творчество. Но как там — захлебывание от восторга, так здесь — захлебывание от ненависти. Там политический апофеоз, здесь — политическая анафема⁴. Рецепция творчества Маяковского с точки зрения политических реалий и конкретных идеологических пристрастий приводила не раз к полному отождествлению творческой практики и взглядов поэта с политикой большевизма.

Политическая анафема определяла даже самые далекие от политики впечатления. В «Окаянных днях», а затем в «Автобиографических заметках» Бунин подробно описал встречу с Маяковским на банкете в ресторане «Донон» 17 апреля 1917 г.:

Я был в Петербурге в последний раз, — в последний раз в жизни! — в начале апреля 17-го года, в дни приезда Ленина. Я был тогда, между прочим, на открытии выставки финских картин. Там собрался «весь Петербург» во главе с нашими тогдашними министрами Временного Правительства, знаменитыми думскими депутатами и говорились финнам истерически-подобострастные речи. А затем я присутствовал на банкете в честь финнов. И, Бог мой, до чего ладно и многозначительно связалось все то, что я видел в Петербурге, с тем гомерическим безобразием, в которое вылился банкет! Собрались на него все те же, весь «цвет русской интеллигенции», то есть знаменитые художники, артисты, писатели, общественные деятели, министры, депутаты и один высокий иностранный представитель, именно посол Франции. Но надо всеми преобладал Маяковский. Я сидел за ужином с Горьким и финским художником Галленом. И начал Маяковский с того, что вдруг подошел к нам, вдвинул стул между нами и стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов; Галлен глядел на него во все глаза — так, как глядел бы он, вероятно, на лошадь, если бы ее, например, ввели в эту банкетную залу. Горький хохотал. Я отодвинулся.

— Вы меня очень ненавидите? — весело спросил меня Маяковский.

⁴ Слоним М. Два Маяковских // Воля России. Прага, 1930. № 5–6. С. 449.

Я ответил, что нет: «Слишком много чести было бы вам!» Он раскрыл свой корытообразный рот, чтобы сказать что-то еще, но тут поднялся для официального тоста Милюков, наш тогдашний министр иностранных дел, и Маяковский кинулся к нему, к середине стола. А там вскочил на стул и так похабно заорал что-то, что Милюков опешил. Через секунду, оправившись, он снова провозгласил: «Господа!» Но Маяковский заорал пуще прежнего. И Милюков развел руками и сел. Но тут поднялся французский посол. Очевидно, он был вполне уверен, что уж перед ним-то русский хулиган спасует. Как бы не так! Маяковский мгновенно заглушил его еще более зычным ревом. Но мало того, тотчас началось дикое и бессмысленное неистовство и в зале: сподвижники Маяковского тоже заорали и стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хототать, выть, визжать, хрюкать. И вдруг все покрыл истинно трагический вопль какого-то финского художника, похожего на бритого моржа. Уже хмельной и смертельно бледный, он, очевидно, потрясенный до глубины души этим излишеством свинства, стал что есть силы и буквально со слезами кричать одно из русских слов, ему известных:

— Много! Многоо! Многоо!⁵

Из воспоминаний об этом скандальном обеде в ресторане после вернисажа финских художников Бунин делал несоизмеримый, но естественный для него вывод: «Полифемское будущее России принадлежит, несомненно им, Маяковским, Лениным. Маяковский утробой почувал, во что вообще превратится вскоре русский пир тех дней»⁶. Однако необходимо отметить, что спустя двадцать лет Бунин в «Автобиографических заметках» снял все ставшие одиозными упоминания о Ленине. Напротив, он превратил имя Маяковского в собирательное,

⁵ Бунин И. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 54–55. Подробнее об открытии выставки финских художников и последующем банкете см.: Хеллман Б. «Много! Много-о! Много-о!» Финская выставка в Петрограде в 1917 г. URL: [ruthenia.ru|Stud_Russica_XII/Hellman.pdf](http://ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Hellman.pdf) (дата обращения: 14.11.2021).

⁶ Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Собр. соч. С. 115.

олицетворяющее и Ленина, и всю советскую жизнь: «Одноглазый пещерный Полифем, к которому попал Одиссей в своих странствиях, намеревался сожрать Одиссея. Маяковского еще в гимназии пророчески прозвали Идиотом Полифемовичем. Маяковский и прочие тоже были довольно прозорливы и весьма сильны своим одноглазием. Маяковские казались некоторое время только площадными шутами. Но недаром Маяковский назвал себя футуристом, то есть человеком будущего: он уже чувствовал, что полифемовское будущее принадлежит несомненно им, Маяковским, и что они, Маяковские, вскоре уж навсегда заткнут рот всем прочим трибунам еще великолепнее, чем сделал он один на пиру в честь Финляндии...»⁷

Откуда появилось в Бунинском тексте это упоминание о «Полифеме» — гимназическом прозвище Маяковского? Оно так поразило писателя, что на трансформации прозвища построен не только образ Маяковского, но представление обо всей послереволюционной России, о ее будущем. Вероятно, о прозвище рассказал кто-то из бывших одноклассников Маяковского по Пятой мужской классической гимназии в Москве, куда был принят приехавший из Кутаиси 13-летний Владимир. Из поздних воспоминаний Александра Пастернака, младшего брата Бориса Леонидовича, узнаем: «В классе мы обращались друг к другу по фамилиям, или по придуманным и утвердившимся кличкам... Так и Маяковский, в свой черед и момент, заработал своим обликом, силой, мрачноватой замкнутостью и нелюдимой обособленностью — свою кличку: “Одноглазый Полифем” — мы как раз проходили, на греческом языке, Одиссею о Полифеме. Такое название к Маяковскому подошло и быстро закрепилось. Обидного в нем ничего не было, Маяковский отзывался на него легко и даже спокойно весело»⁸.

После ранней и нелепой смерти отца-лесничего в 1906 г. несмотря на бедственное положение семьи Владимир продолжил обучение в классической гимназии, но уже тогда стал участни-

⁷ Бунин И.А. Автобиографические заметки // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1948. 28 дек. С. 2.

⁸ Пастернак А. Воспоминания. Мюнхен: Fink Verlag, 1983. С. 218–219.

ком нелегальной деятельности. А. Пастернак отмечал: «Ни в те годы, ни впоследствии, когда продолжались мои встречи с Маяковским, я с ним не подружился. Он оставался и дальше верен своему полифемству: в гимназии — ему ни сама гимназия, никто от гимназии, например мы, — никто не был нужен. Забегая вперед, отмечу — эта черта бронирующего равнодушия ко всему у него стояла всегда на первом месте»⁹.

Подтверждением политического неприятия Маяковского как некоего демона революции служит и психологически точная запись В.Н. Муромцевой-Буниной от 13 декабря 1922 г. по поводу гастролей в Париже Московского Художественного театра и приема в честь артистов: «За ужином я сидела с Милюковым, который был очень любезен <...>. Речей не было, по уговору, но вдруг, уже почти в конце ужина поднимается изящная фигура Качалова, томно становится у колонны и начинает читать “Солнце” Маяковского. Милюков говорит: “Я думал, что Маяковский совсем не умеет писать, а теперь вижу, что он поэт”. Когда Качалов кончил под аплодисменты ошалевших эмигрантов и стало тихо, Ян громко сказал: “Поедем, а то, пожалуй, еще будут читать и ленинские речи <...>”»¹⁰.

В дальнейшем Бунин перенес идейное неприятие с личности на творчество поэта, причем, дискредитации подверглись не только произведения, использованные сталинской пропагандой, но и дореволюционные. Анализ поэтики, предпринятый им в отдельном очерке послужил подтверждению изначально негативной концепции: «Маяковский — величайший хулиган русской литературы»¹¹. Маяковский призван «разжечь самое окаянное богохульство, <...> и самую зверскую классовую ненависть, перешагнуть все пределы в беспримерном похабном самохвальстве и прославлении РКП»¹². Таким

⁹ Там же. С. 221.

¹⁰ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М.Э. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2. С. 104.

¹¹ Бунин И.А. Публицистика. М.: Наследие, 2000. С. 456.

¹² Бунин И. Воспоминания. С. 241.

образом, ради «уничтожения идейного противника» Бунин лишал Маяковского всякого литературного таланта, что было по замечанию Слонима, не только пристрастно, но и опрометчиво, поскольку именно так изображали поэта фельетонисты. Они развенчивали Маяковского за его агитки и сводили «к тем самым плакатам и частушкам, за которые прославляли его Зонины и прочие коммунистические псевдокритики»¹³. В таком отношении к Маяковскому Бунин не был одинок. Его воспоминания своеобразно рифмуются со статьей Георгия Иванова «Литература и жизнь. Маяковский. Есенин» (1950). Сравнивая поэта с одним из немногих атрибутов «великого октября», которые можно сохранять без ущерба для нынешнего сталинского режима, Г. Иванов замечал: «Таких атрибутов становится все меньше — скоро, пожалуй, не останется ни одного, кроме мумии Ленина. “Ритмы Маяковского” — тоже такая же маленькая мумия прошлого...»¹⁴. Георгий Иванов, не находивший в поэзии Маяковского ничего кроме плоского раешника, в этой ситуации выделил чисто утилитарный подход советских критиков к творчеству поэта: эстетическое должно было вновь служить политическим целям. «Я просто отмечаю очередную большевистскую передержку, — писал Г. Иванов. — Для фасада, для втирания очков какому-нибудь Арагону в Париже — пишется “учитесь у Маяковского”, — как-никак футуриста, новатора, ученика Маринетти, Верхарна, Уолта Уитмена... Произносится же для внутреннего употребления, — попроще: Учитесь у Сталина, Политбюро, казармы, чайной, квасного национализма. Будьте на уровне их вкусов. Одним словом: “Наша матушка Россия всему свету голова. Декадентов и космополитов нам не надо. Если хочешь быть лауреатом сталинской премии — бей империалистов в морду, как в бубен, — без всяких там формальных методов и

¹³ Слоним М. Два Маяковских. С. 449.

¹⁴ Иванов Георгий. Литература и жизнь: Маяковский. Есенин // Возрождение. Париж, 1950. № 8. С. 193. Републикация: Зименков А.П., Терехина В.Н. Маяковский в критике русского зарубежья / вступ., публ. текстов Г. Иванова, Г. Адамовича, Ф. Иванова, коммент. // Вестник Московского университета. 1992. № 1. С.65–83.

выкрутасов»¹⁵. Поводом к написанию статьи Г. Иванова стала широко развернувшаяся в СССР литературная дискуссия «Владимир Маяковский и советская поэзия». В ней участвовали известные советские писатели и литературные критики, преподаватели и научные работники. Г. Иванов с иронией отмечал, что «дискуссия в своем роде “планетарная” с тремястами участниками!»

Бунин также приводил цитаты из «Литературной газеты» о возвеличивании Маяковского, пропаганда которого, по его словам, «с мировой знаменитостью, с его большими и примитивными литературными способностями, как нельзя более подходящими для вкусов толпы, с огромной силой актерства, с гомерической лживостью и беспримерной неумолимостью в ней оказала такую страшную преступную помощь большевизму поистине “в планетарном масштабе”. И советская Москва, — подчеркивал Бунин, — не только с великой щедростью, но даже с идиотской чрезмерностью отплатила Маяковскому за все его восхваления ее, за всякую помощь ей в деле развращения советских людей, в снижении их нравов и вкусов. Маяковский превознесен в Москве не только как великий поэт. В связи с недавней двадцатилетней годовщиной его самоубийства московская «Литературная газета» заявила, что «имя Маяковского воплотилось в пароходы, школы, танки, улицы, театры и другие долгие дела. Десять пароходов “Владимир Маяковский” плавают по морям и рекам. “Владимир Маяковский” было начертано на броне трех танков. Один из них дошел до Берлина, до самого рейхстага. Штурмовик “Владимир Маяковский” разил врага с воздуха. Подводная лодка “Владимир Маяковский” топила корабли в Балтике. Имя поэта носят: площадь в центре Москвы, станции метро, переулок, библиотека, музеи, район в Грузии, село в Армении, поселок в Калужской области, горный пик на Памире, клуб литераторов в Ленинграде, улицы в пятнадцати городах, пять театров, три городских парка, школы, колхозы...»

Нельзя не заметить, что выписывая эту обширную цитату о признании поэзии Маяковского, Бунин словно хочет, чтобы и его читатели знали об этом, о той жизненно важной роли,

¹⁵ Там же. С. 196.

которую может играть поэтическое слово на родине. И завершающая фраза скорее подчеркивает значение сказанного: «(А вот Карлу Либкнехту не повезло: во всей советской России есть всего-навсего один-единственный “Тусиный колхоз имени Карла Либкнехта”)»¹⁶.

Г. Иванов, в свою очередь, видел в этом общую тенденцию гонения «на всякое духовное влияние, возникающее в подневольных советских душах, <...> подыскать подходящий суррогат <...>: патриарха вместо странствующего попа с Дарами в нищенской суме, Маяковского — взамен Блока, Гумилева или Есенина»¹⁷. Таким образом, идеологическая функция проходившей дискуссии и всего празднования десятилетия со дня смерти поэта — это функция замещения подлинного чувства и пафоса Маяковского имитацией гражданской лирики, напечатанной “маяковской лесенкой”¹⁸.

Но вернемся к началу: в 1912 г. Бунин был самым молодым академиком и лауреатом Пушкинской премии, словом, одним из достойнейших кандидатов на включение в знаменитый манифест футуристов «Пощечина общественному вкусу». После тех, кого «бросали с Парохода современности», следовал издательский перечень: «Всем этим Максимумам Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч., и проч. нужна лишь дача на реке»¹⁹. Это заявление запомнилось Бунину, и почти сорок лет спустя он в «Воспоминаниях» цитирует по памяти рядом с «Левым маршем» Маяковского строки манифеста: «...как буйнил [Маяковский], будучи футуристом: орал, что “довольно жить законами Адама и Евы”, что пора “скинуть с корабля современности Пушкина”, затем меня: твердо сказал на каком-то

¹⁶ Бунин И. Воспоминания. С. 246.

¹⁷ Иванов Г. Литература и жизнь: Маяковский. Есенин // Возрождение. Париж, 1950. № 8. С. 198.

¹⁸ Подробнее см.: Терехина В.Н. Творчество В.В. Маяковского в критике русского зарубежья (1920–1930-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 27 с.

¹⁹ Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. С. 41.

публичном собрании (по свидетельству Е.Д. Кусковой в ее статьях “До и после”, напечатанных в прошлом году в “Новом Русском Слове” по поводу моих “Автобиографических заметок”):

“Искусство для пролетариата не игрушка, а оружие. Долой “Буниновщину” и да здравствуют передовые рабочие круги!”»

Последняя фраза, ставшая общеизвестной благодаря Бунину, была напечатана в «Красной газете» (Л., 21 мая 1924 г.) в отчете о выступлении Маяковского в зале Филармонии «О современной поэзии». В изложении корреспондента указано, что Маяковский, говоря об упадке поэтических групп, утверждал: «Теперь следует считаться только с двумя основными группировками современной литературной мысли. Или Леф, или беспощенная эмигрантская дребедень в лице Бунина и Мережковского и им подобных. Искусство для пролетариата не игрушка, а оружие — поэтому да здравствует страстная, беспощадная борьба за новое пролетарское искусство. “Долой метафизику” и “буниновщину”, — заключил докладчик, — и “да здравствуют передовые рабочие круги”»²⁰. Нельзя не заметить даже в тексте репортерской заметки, что Маяковский ставит поэзию Бунина по мастерству наравне с творчеством своим и авторов «Лефа» (Б.Л. Пастернак, Н.Н. Асеев). Но эстетическая ценность становится «дребеденью» и «метафизикой», когда речь заходит о пролетарском искусстве. Тогда «буниновщина» превращается в олицетворение бесполезного «чистого искусства». До революции идеологический акцент не был столь острым, и любопытство привлекало к футуристам, к их эпатажным выступлениям многих, в том числе Бунина. Так, 19 октября 1913 г. газета «Раннее утро» сообщала, что после доклада Ф. Степуна «О некоторых опасностях современной русской литературы» в Обществе свободной эстетики за одним столом собрались Бунин, Юшкевич, И.Л. Толстой и Владимир Маяковский в черно-желтой полосатой кофте. «Как понять такой “альянс” разрисованного г. Маяковского с “академичным” г. Буниным?» — восклицал репортер.

В воспоминаниях Бунина о подобном альянсе не могло быть и речи: с годами усилилось неприятие Маяковского не толь-

²⁰ *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 12. С. 393.

ко в политическом смысле, но и в смысле личной антипатии, что однако не мешало внимательно наблюдать за его жизнью и творчеством, читать статьи и воспоминания о нем. Бунин отмечал, что «Маяковский прославился в некоторой степени еще до Ленина, выделился среди всех тех мошенников, хулиганов, что назывались футуристами. Все его скандальные выходки в ту пору были очень плоски, очень дешевы, все подобны выходкам Бурлюка, Крученых и прочих. Но он их всех превосходил силой грубости и дерзости. Вот его знаменитая желтая кофта и дикарская раскрашенная морда, но сколь эта морда зла и мрачна! Вот он, по воспоминаниям одного из его тогдашних приятелей, выходит на эстраду читать свои вирши публике, собравшейся потешиться им: выходит, засунув руки в карманы штанов, с папиросой, зажатой в углу презрительно искривленного рта. Он высок ростом, статен и силен на вид, черты его лица резки и крупны, он читает, то усиливая голос до рева, то лениво бормоча себе под нос; кончив читать, обращается к публике уже с прозаической речью:

— Желающие получить в морду благоволят становиться в очередь»²¹.

Отрицательное отношение писателя впечатляет, но также свидетельствует о его знакомстве с творчеством Маяковского, например, Бунин вспоминает картину Маяковского «Рулетка» с выставки «1915 год» (нарочито смешивая с другими работами футуристов И.А. Пуни и В.В. Каменского):

«Вот он выпускает книгу стихов, озаглавленную будто бы необыкновенно остроумно: “Облако в штанах”. Вот одна из его картин на выставке, — он ведь был и живописец: что-то как попало наляпано на полотне, к полотну приклеена обыкновенная деревянная ложка, а внизу подпись: “Парикмахер ушел в баню” <...>. И ранее: «Розанов в то время очень кстати (с гордостью) заявил однажды: “Литература — мои штаны, что хочу, то в них и делаю...”»²².

²¹ Бунин И. Воспоминания. С. 53.

²² Там же.

Запомнилось Бунину и выступление Маяковского у памятника Скобелеву в день объявления мобилизации с чтением стихотворения «Война объявлена», о котором он узнал из газет, но в отличие от В. Ходасевича не повторял слухов об участии Маяковского в анти-немецких погромах: «В день объявления первой русской войны с немцами Маяковский влезает на пьедестал памятника Скобелеву в Москве и ревет над толпой патриотическими виршами. Затем, через некоторое время, на нем цилиндр, черное пальто, черные перчатки, в руках трость черного дерева, и он в этом наряде как-то устраивается так, что на войну его не берут». Как известно по документам, Маяковский в сентябре 1914 г. подавал прошение об отправке добровольцем на фронт, но получил отказ ввиду политической неблагонадежности.

Рассказывая об этом времени, Катаев подчеркивал взаимное неприятие Бунина и Маяковского:

«— Когда же мы с вами виделись в последний раз? — спросил Бунин [Катаева].

— В июле четырнадцатого.

— Июль четырнадцатого, — задумчиво сказал он. — Четыре года. Война. Революция. Целая вечность.

— Тогда я к вам приехал на дачу, но вас уже не застал.

— Да, я уехал в Москву на другой день после объявления войны. С большим трудом выбрался. Все было забито воинскими эшелонами. Опасался Румынии, турецкого флота...

Мы помолчали.

Я увидел знойный июльский день. Сухой, сильный степной ветер нес через Куликово поле тучи черной пыли, клочья пресованного сена, задирали хвосты лошадям, согнанным сюда из окрестных хуторов по конской мобилизации, небо со зловещим, металлическим оттенком и кровавый закат над городом, навсегда для меня связанный со стихами:

“Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю! Италия! Германия! Австрия!” И на площадь, мрачно очерченную чернью, багровой крови пролилась струя!²³

²³ «Война объявлена» // *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2013. Т. 1. С. 35.

И с другими, еще более страшными:

“Мама и убитый немцами вечер”.

“Ах, закройте, закройте глаза газет!”

Их бесстрашно написал в дни патриотического угара все тот же молодой футурист, автор так восхитившего меня некогда стихотворения “Порт”. Но теперь я уже знал его имя: Владимир Маяковский...

“Звонок. Что вы, мама? Белая, белая, как на гробе глазет”. “Оставьте! О нем это, об убитом, телеграмма. Ах, закройте, закройте глаза газет!”²⁴

Эти строчки пронес я в душе своей через всю войну. Но разве мог об этом знать Бунин? При нем я боялся даже произнести кощунственную фамилию: Маяковский. Так же, впрочем, как впоследствии я никогда не мог в присутствии Маяковского сказать слово: Бунин. Они оба взаимно исключали друг друга»²⁵.

Несмотря на, казалось бы, очевидную правоту Катаева, заострившего ситуацию неприятия, мы находим немало упоминаний о Маяковском по разным поводам даже в «Окаянных днях» с их разоблачительным пафосом. Такова запись от 5 февраля 1918 г.:

«С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое.

Вчера был на собрании “Среды”. Много было “молодых”. Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, хотя все время с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямоотой суждений, был в мягкой рубахе без галстука и почему-то с поднятым воротником пиджака, как ходят плохо бритые личности, живущие в скверных номерах, по утрам в нужник.

Читали Эренбург, Вера Инбер. Саша Койранский сказал про них:

Завывает Эренбург,

Жадно ловит Инбер клич его, —

²⁴ «Мама и убитый немцами вечер» // *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2013. Т. 1. С. 36–37.

²⁵ *Катаев В.* Трава забвения. М.: Советский писатель, 1967. С. 119.

Ни Москва, ни Петербург
Не заменят им Бердичева»²⁶.

При внимательном чтении обнаруживается любопытное обстоятельство: схожее впечатление от собрания сложилось и у Маяковского, о чем он сообщил в недатированном письме к Лиле Юрьевне и Осипу Максимовичу Брикам: «Кафэ омерзело мне. Мелкий клоповничек. Эренбург и Вера Имбер [sic!] слегка еще походят на поэтов[,] но и об их деятельности правильно заметил Койранский [:]

Дико воет Эренбург [,]
Одобрят Имбер дичь его [.]
Ни Москва [,] ни Петербург
Не заменят им Бердичева»²⁷.

Но при общем сходстве каждый из поэтов по-своему воспроизвел услышанную эпиграмму, очевидно произнесенную экспромтом на том же вечере. Бунин подчеркнул, что Вера Имбер «жадно ловит клич» Эренбурга, увлечена им. Маяковский акцентировал свое негативное отношение к Эренбургу: «дико воет... дичь». Важно отметить, что в варианте Маяковского подчеркнута сквозная аллитерация (*Эренбург — одобряет — Имбер — Петербург — Бердичева*) и дана более глубокая фонетическая рифма: «дичь ево — Бердичева» вместо «кличь ево — Бердичева». Так Маяковский обычно поступал с чужими стихами, «улучшая» их на свой лад, делая своими.

Оказалось, что ранее те же тексты сопоставил О. Лекманов, добавив для читателей: «Хотя Бунин и Маяковский, как известно, очень не любили друг друга, оба они очень любили собак. И автор знаменитой строки “Хорошо бы собаку купить”, и автор знаменитого стихотворения “Вот так я сделался собакой”, почти наверняка по достоинству оценили ироническую метафору, скрытую в начальных строках стишка Койранского: Эренбург “завывает” или “дико воет” как собака или волк»²⁸.

²⁶ Бунин И.А. Собр. соч. С. 36.

²⁷ Янгфельдт Б. «Любовь — это сердце всего...»: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка. М.: Книга, 1991. С. 50.

²⁸ Лекманов О. Вот так они сделали @-ми // Toronto Slavic Quarterly. 2005. Vol. 7. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/11/lekmanov11.shtml/> (дата обращения: 12.11.2021).

Интересно и упоминание Маяковского в записи от 12 (25) марта 1918 г.:

«Был (по делу издания моих сочинений «Парусом») у Тихонова, вечного прихлебателя Горького. Да, очень странное издательство! Зачем понадобилось Горькому завести этот «Парус» и за весь год издать только книжечку Маяковского? Зачем Горький купил меня, заплатил семнадцать тысяч вперед и до сих пор не выпустил ни одного тома? Что скрывается под вывеской «Паруса»? И, особенно, в каких же отношениях с большевиками вся эта компания — Горький, Тихонов, Гиммер-Суханов?»²⁹

Не касаясь истории издательства «Парус», уточним, что у Маяковского там вышли две книги: «Простое как мычание» [Стихотворения. Поэмы] в октябре 1916 г. и «Война и мир» [Поэма] в декабре 1917 г. Вероятно, Бунин упоминал о последнем издании — «Война и мир» была, действительно, «книжечкой» в 47 страниц с маркой издательства «Парус» на обложке.

Отметим и такое совпадение, о каком еще не было речи. Всем читателям Маяковского известно, что, как писал В.Б. Шкловский, была у него песня: «У коровы есть гнездо, У верблюда дети, У меня нет никого, Никого на свете». Все-таки он преувеличивал. Да, это было одиночество великого человека, но ведь номинально, формально хотя бы были же у него всякие ЛЕФы, РЕФы...»³⁰

Любимая Маяковским частушка появляется в эпизоде рассказа А.М. Горького «Тимка»:

«...утром, как только в огороде появились бабы-работницы и запели модную песню:

Некрасива я, бедна, Плохо я одета, Никто замуж не берет Девушку за это! — на дворе Хлебникова зазвенел высокий тенор, передразнивая огородниц:

У верблюда есть гнездо, У коровы — дети, У меня нет никого, Никого на свете!»³¹

²⁹ Бунин И.А. Собр. соч. С. 70.

³⁰ Шкловский В.Б. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 3. С. 130.

³¹ Горький М. Тимка. URL: litmir.me/br/?b=57309&rp=1 (дата обращения: 14.11.2021).

Как мы видим, в основе всех вариантов лежит народная песня:

И у птицы **есть гнездо**, у волчицы **дети**,
У **меня** лишь, молодой, **никого на свете**.
Птица в темном лесу звонко распевает,
И волчица с **детьми** весело играет.
Хороша **я**, хороша, да плохо одета.
Никто замуж не берет девицу за это³².

Мотив человеческого одиночества разворачивается на фоне очевидной гармонии в природе. То же сопоставление лежит в основе стихотворения Бунина, написанного в 1922 г., в начале эмиграции. В нем аллюзивный подтекст обогащается новым сопоставлением: горькое переживание утраты родного дома и не менее горестное чувство — доживать век в «чужом, наемном доме»:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестьясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!³³

Несомненно, можно и далее расширять исследовательское поле, выявляя моменты взаимного интереса или коренного расхождения. С этой точки зрения недостаточно просмотрена газетная публицистика Бунина, в которой он нередко пользовался стихами Маяковского для заострения разговора. Например,

³² Выделено мной. — В. Т.

³³ URL: <http://parnasse.ru/klassika/bunin-ivan-alekseevich/ivan-bunin-u-pticy-est-gnezdo-u-zverja-est-nora.html> (дата обращения: 14.11.2021).

в 1920-е гг. он дважды обращался к стихотворению «Радоваться рано!» и его анархистским строкам: «Время/ пулям/по стенке музеев тенькать.../А почему/не атакован Пушкин?/А прочие/ генералы классики?»³⁴ О стихотворении «Верлен и Сезанн» идет речь в статье «Российская человечина» и т. п. Так складывается представление о более сложном отношении писателя к произведениям и личности Маяковского, а следовательно, к содержанию мемуарных фрагментов о нем.

Как известно, многие письменные и устные высказывания Бунина о современниках вызвали критические отклики, особенно у молодых писателей. Одна из статей в журнале «Числа» не без иронии называлась: «Литератор И.А. Бунин об остальных». И надо сказать, что более всего автор статьи протестовал против низведения Маяковского до уровня «слути ВКП (б)». Известно и полемическое высказывание Марины Цветаевой, которая лишилась возможности печататься в ряде эмигрантских газет после приветствия Маяковскому на его парижском вечере: «Мне весь Маяковский роднее всех воспевателей старого мира. Завод или площадь Маяковского роднее феодального замка или белых колонн Бунина. И Эмиграция, не приняв меня в свое лоно, права. Она, как слабое издыхающее животное, почувяла во мне врага...»³⁵.

Но Бунин был верен своему представлению о Маяковском, и внимание к его творчеству и посмертной славе не исключало, а напротив, обостряло политическое неприятие поэта. Когда Маяковского не стало, и театральный критик А. Левинсон напечатал некролог, обвиняя поэта в сервилизме, русские писатели выступили в защиту Левинсона в его стычке с Л. Арагоном и левыми писателями и художниками во Франции. Бунин был в Грасе, когда к нему из Парижа обратился Борис Зайцев с просьбой дать подпись под письмом более ста русских писателей, выразивших сочувствие Левинсону, — Бунин не задумываясь поставил свою подпись.

³⁴ *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: в 20 т. Т. 1. С. 124.

³⁵ *Саакянц А.* Владимир Маяковский и Марина Цветаева // В мире Маяковского: сб. ст. М.: Советский писатель, 1984. Кн. 2. С. 193.

Через 20 лет, завершая воспоминания о Маяковском, Бунин вновь обнаруживал свою заинтересованную осведомленность относительно предмета критики. За давностью лет он соединяет чтение поэмы «Облако в штанах» на даче Горького летом 1915 г. и чтение поэмы «Флейта-позвоночник» в присутствии Горького зимой на квартире художницы Н. Любавиной, но значимо именно его знание этих событий:

«“Большим поэтом” окрестил его, кажется, раньше всех Горький: пригласил его к себе на дачу в Мустамяки, чтобы он прочитал у него в небольшом, но весьма избранном обществе свою поэму “Флейта-Позвоночник”, и когда Маяковский кончил эту поэму, со слезами пожал ему руку:

— Здорово, сильно... Большой поэт!

А всего несколько лет тому назад прочитал я в журнале “Новоселье”, издававшемся тогда еще в Нью-Йорке, нечто уже совершенно замечательное:

“Потуги вычеркнуть Маяковского из русской и всемирной литературы отброшены последними годами в далекое архивное прошлое”.

Это начало статейки, напечатанной в “Новоселье” г-ном Романом Якобсоном, очень видным славистом, весьма известным своими работами по изучению “Слова о Полку Игореве”, — он, русский по происхождению, когда-то учившийся в одной гимназии с Маяковским в Москве, был сперва профессором в Праге, затем в Нью-Йорке и наконец получил кафедру в Харвардском университете, лучшем в Америке³⁶.

В этом эпизоде удивляет прежде всего упоминание о знакомстве со статьей Р. Якобсона, в которой впервые было напечатано стихотворение Маяковского «Письмо Татьяне Яковлевой»³⁷. Журнал «Новоселье» печатался крохотным тиражом в 1942 г. в Нью-Йорке — непонятно, каким образом он попал к Бунину?! И кто сказал ему (ошибочно), что Якобсон учился в одной гимназии с Маяковским в Москве?

³⁶ Бунин И. Воспоминания. С. 246–247.

³⁷ Якобсон Р. Неизвестные стихи Маяковского // Новоселье. Нью-Йорк, 1942. № 2. С. 57–62.

Бунин пишет в присущем ему ироническом тоне: «Не знаю, кто “тужился” развенчать Маяковского, — кажется, никто. И вообще г. Роман Якобсон напрасно беспокоится: относительно всемирной литературы он, конечно, слегка зарпортовался, рядом со “Словом о Полку Игореве” творения Маяковского навряд будут в ней, но в будущей свободной истории русской литературы Маяковский будет, без сомнения, помянут достойно»³⁸.

Таков был окончательный приговор Бунина, определенный тем же беспримерным политическим расколом русского общества, что и призыв Маяковского «Долой Буниновщину!»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бунин И. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 272 с.
- Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. 262 с.
- Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2013. Т. 1. 614 с.
- Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 12. 716 с.
- Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. 480 с.
- Саакянц А. Владимир Маяковский и Марина Цветаева // В мире Маяковского: сб. ст. М.: Советский писатель, 1984. Кн. 2. 416 с.
- Терехина В.Н. Творчество В.В. Маяковского в критике русского зарубежья (1920–1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 27 с.
- Шкловский В.Б. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 3. 814 с.
- Янгфельдт Б. «Любовь — это сердце всего...»: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка. М.: Книга, 1991. 287 с.

³⁸ Бунин И. Воспоминания. С. 247.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-64-82>
<https://elibrary.ru/NMCGWC>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

УДК 821.161.1.0

«...О ДЕРЕВНЕ И МУЖИКАХ, О СМЕРТИ И ЖИЗНИ...»
Вс. ИВАНОВ И И. БУНИН В КОНТЕКСТЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ДИСКУССИЙ 1920-х гг.

© 2022 г. Е.А. Папкина

Аннотация: Сопоставление творчества Вс. Иванова и И.А. Бунина впервые представлено в широком историко-литературном контексте оценки произведений Бунина разных лет критиками Советской России, а также осмысления его влияния на становление прозы о деревне молодых советских писателей. В научный оборот вводится широкий спектр литературно-критических статей 1920-х гг., в которых творчество Бунина рассматривалось как с классовых, так и с эстетических позиций. Вопрос о влиянии произведений Бунина о крестьянстве на прозу молодого поколения писателей на протяжении 1920-х гг. решался критиками по-разному — от признания закономерности влияния писателя старшего поколения на молодых прозаиков до отрицания возможности «буржуазного художника» дать правдивое описание деревни и, следовательно, утверждения неприемлемости традиции Бунина для советской литературы. Параллель между рассказами Вс. Иванова «Жизнь Смокотинина» и И. Бунина «Я все молчу» рассмотрена с точки зрения близости тематики и философской проблематики произведений.

Ключевые слова: Иванов, Бунин, дискуссии, проза о деревне, традиция Бунина.

Информация об авторе: Елена Алексеевна Папкина — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>. E-mail: elena.iv@bk.ru.

Для цитирования: Папкина Е.А. «...О деревне и мужиках, о смерти и жизни...» Вс. Иванов и И. Бунин в контексте литературных дискуссий 1920-х гг. // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 64–82. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-64-82>

“...ABOUT THE VILLAGE AND PEASANTS,
ABOUT DEATH AND LIFE...”
VS. IVANOV AND I. BUNIN IN THE CONTEXT OF
LITERARY DISCUSSION OF THE 1920s

© 2022. Elena A. Papkova

Abstract: In this article is for the first time presented the comparison of the creativity of Vs. Ivanov and I.A. Bunin in a broad historical and literary context of evaluating Bunin's works of different years by critics of Soviet Russia, as well as understanding his influence on the formation of village prose of young Soviet writers. The author of this article introduces a wide range of literary-critical articles of the 1920s into scientific use where Bunin's creativity is examined from both class and aesthetic positions. The question of the influence of Bunin's works about the peasantry on the prose of the younger generation of writers during the 1920s was solved by critics in different ways — from recognizing the regularity of the influence of the older generation of writers on young prose writers to denying the possibility of a “bourgeois artist” to give a truthful description of village and, consequently, asserting the unacceptability of the Bunin tradition for Soviet literature. The article contains a parallel between the stories of Vs. Ivanov's “The Life of Smokotinin” and I. Bunin's “I Still Keep Silent” is considered from the point of view of the subject matter and philosophical problems of the works.

Keywords: Ivanov, Bunin, discussions, village prose, Bunin's tradition.

Information about the author: Elena A. Papkova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>. E-mail: elena.iv@bk.ru.

For citation: Papkova, E.A. “‘...About the village and peasants, about death and life...’ Vs. Ivanov and I. Bunin in the Context of Literary Discussion of the 1920s.” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 64–82. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-64-82>

Имена Всеволода Иванова и Ивана Бунина в советской литературной критике и периодике 1920-х гг. не раз ставились рядом. В связи с произведениями Иванова о сибирской деревне и мужиках: «Партизанскими повестями» (1921–1922) и рассказами книги «Седьмой берег» (1922) — критики нередко

называли имя Бунина, причем, как правило, «любственное» отношение советского писателя «из крестьян» (хотя, сразу отметим, Иванов был сыном сельского учителя) противопоставлялось «скептическому» восприятию писателя-дворянина. «Каким-то особым теплом, человечностью и мягким, ласкающим светом сумел писатель облить корявые, звериные мужичьи фигуры, — добродушием и юмором, — характеризовал ивановских мужиков-партизан в 1922 г. один из виднейших советских критиков А.К. Воронский. — Поэтому и выглядят у него партизаны не зверями, лишенными “образа и подобия божьего”, как, например, у Бунина, а подлинными, живыми, страдающими, радующимися, алчущими и жаждущими человеками. <...> Получается это потому, что Ивановы сами плоть от плоти этого мужицкого моря»¹. «Одним из немногих» подлинно любящих деревню называл Иванова критик журнала «Сибирские огни» Я. Браун: «Нет в его бытописании деревни ни златовратского подслащивания, ни бунинского проклятия, ни горьковского презрения — только зоркая, беспощадная, звериная любовь, только хищно-молодой, ястребино-ясный взгляд в закрома и скирды мужичьих сердец...»².

После появления в периодике рассказов Иванова: «Поле», «Жизнь Смокотинина» (впервые под заглавием «Тайное тайных»), «Ночь», «На покой», которые впоследствии вошли в книги «Тайное тайных» (1926) и «Дыхание пустыни» (1927), А.М. Горький, знавший произведения молодого сибиряка с 1916 г. и всемерно поддерживавший их публикацию, писал ему 13 декабря 1926 г. из Сорренто: «Разрешите поздравить: отлично стали Вы писать, сударь мой! <...> Сейчас Вы *изображаете* так, как это делал Ив. Бунин в годы лучших достижений своих — 905–12, — когда им были написаны такие вещи, как “Захар Воробьев”, “Господин из Сан-Франциско” и прочее. Но мне уже кажется, что в *пластике* письма Вы шагнули дальше Бунина, да и язык у Вас красочнее его, не говоря о том, что у Вас со-

¹ Воронский А.К. Искусство видеть мир. Портреты. Статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 210–211.

² Браун Я. У синего зверюшки в лапах // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 180.

вершено отсутствует бунинский холодок и нет намерения щегольнуть холодком этим»³. Высокая оценка Горького стала широко известна: фрагмент его письма, как пример «любовного и внимательного» отношения известного писателя к молодому, как письмо не личное, а «имеющее крупное литературно-общественное значение»⁴, был включен в статью М. Ольшевца «Писатель в одиночестве. Почему?». И хотя Горький был рассержен: 19 января в «Известиях» появилось «Письмо в редакцию», в котором он высказал неудовольствие фактом публикации различными литераторами его писем, а «покаянное письмо» Иванова газета отказалась напечатать, отношений между двумя писателями это не испортило, а хвалебные слова Горького стали «достоянием широкой общественности»⁵. Вслед за Горьким в 1927 г. советские критики разных направлений проводили параллели между новыми произведениями Иванова и бунинскими рассказами, расценивая как естественный момент творческого роста сам факт влияния писателя старшего поколения на писателя, «далеко еще не оформившегося и не раскрывшего целиком своих возможностей»⁶. Например, поэт и литературный критик группы «Перевал» Н.П. Смирнов, «в целом приветствуя» выход книг «Тайное тайных» и «Дыхание пустыни», в которых «один из особенно талантливых писателей в молодой послеоктябрьской художественной литературе» Вс. Иванов, отойдя от прежней тематики, обращается к «вечным темам» человеческой жизни, к «сокровенным ее тайнам», пишет: «В частности, нельзя не отметить влияний, чувствуемых в двух последних книгах, — влияний Ив. Бунина, заметных не только в литье словесного орнамента, но и в тематике. Последнее явствует из сравнений: “Жизни Смокотинина” —

³ Иванов Вс. Тайное тайных / подг. Е.А. Папковой, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2012. С. 334–335. (Серия «Литературные памятники»).

⁴ Ольшвец М. Писатель в одиночестве. Почему? // Известия. 1927. 1 янв. № 1.

⁵ Там же.

⁶ Смирнов Ник. Книжное обозрения // Новый мир. 1927. № 8. С. 199.

с “Я все молчу”, “Ночи” – с “Преступлением” и т. д.»⁷. Критик противоположного направления, Жак Эльсберг из журнала «На литературном посту», споря со Смирновым, замечает: «...надо очень невнимательно изучать Вс. Иванова для того, чтобы ставить знак равенства между психологическими методами его и И. Бунина». Он, в свою очередь, противопоставляет «бытовому психологизму» Бунина «импрессионистически-образовую художественную манеру» Иванова, но тоже, в сущности, считает сопоставление произведений двух писателей довольно естественным⁸.

К концу 1920-х гг., в изменившейся ситуации в политике и литературе, бунинское влияние на Иванова начинает однозначно оцениваться отрицательно. В книге видного деятеля ЛАПП Г.Е. Горбачева отчетливо видна идеологическая составляющая его критической оценки: «...вряд ли кто после “Деревни” Бунина изображал деревню прежде всего (а через нее и весь человеческий быт) в таких пессимистических тонах, как Иванов. Хищно-собственническая, животная, грубая, жестокая, слепая даже в лучших порывах — такова деревня Иванова, — пишет критик и добавляет: — Такова она и в революции. <...> Революция у Иванова неразумна, революционерами владеет стихия; революционеры — чаще всего полуфанатики, полуавантюристы или двуногие хозяйственные звери, крепкие мужики». Своим «неумением выйти за пределы звериного деревенского быта», по утверждению Горбачева, Иванов как раз и «отличается от пролетарских писателей». Вывод критика категоричен: «У Иванова нет исторической перспективы»⁹.

Чтобы понять причины такой смены оценок произведений Иванова в контексте творчества Бунина, следует вернуться к литературным дискуссиям начала 1920-х гг. И, в частности, к восприятию дореволюционных и пореволюционных произ-

⁷ Там же.

⁸ Эльсберг Ж. Творчество Всеволода Иванова // На литературном посту. 1927. № 19. С. 47.

⁹ Горбачев Г.Е. Современная русская литература. Обзор литературно-идеологических течений современности и критические портреты современных писателей. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 234–236.

ведений Бунина в советской критике начиная с 1922 г. Здесь можно выделить два направления: первое — прочтение и понимание написанных после революции новых произведений писателя, второе — оценка влияния ранних работ Бунина, преимущественно о деревне, на молодую советскую литературу.

Весной 1920 г. И.А. Бунин, через Константинополь, Софию и Белград, приехал в Париж. С 1921 г. в эмигрантской печати стали появляться его новые произведения. Для Советской России он пока «не существует». Так высказался в одной из своих статей о литературе, опубликованных в газете «Правда» осенью 1922 г., главный идеолог страны Л.Д. Троцкий: «Литература после Октября хотела притвориться, что ничего особенного не произошло. <...> Но <...> Октябрь принялся хозяйничать в литературе, сортировать и тасовать ее, — и вовсе не только в административном, а еще в каком-то более глубоком смысле. Значительная часть старой литературы оказалась, и не случайно, за рубежом — и вот случилось так, что именно в литературном-то отношении эта часть и вышла в тираж. Существует ли Бунин? <...> Или Куприн? Или Бальмонт? <...> Все это сплошь упражнения в книге жалоб на берлинской станции: очень долго не подают лошадей в Москву, и пассажиры выражаются»¹⁰.

В 1925 г. в Париже печатается новая большая повесть Бунина — «Митина любовь», в следующем году в ленинградском издательстве «Книжные новинки» повесть переиздается в СССР. И это, пожалуй, первое произведение Бунина, написанное после революции, на которое появляется отклик в советской критике. «Бесспорно проваливается эмигрантская литература: *им не о чем писать*, — начинает с общего утверждения Воронский свои рассуждения в статье «Советская литература и белая эмиграция» (Прожектор. 1925. № 17), чтобы затем перейти к Бунину: — Больше всего это подтверждают лучшие их произведения. Последний роман Ивана Бунина — “Митина любовь” — талантлив, он мастерски написан, но печать глубокого несоответствия с эпохой лежит на нем. Не в том дело, что взяты времена давно прошедшие и роман не имеет отношения

¹⁰ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 33.

к революции, а в том, что он не созвучен ни сегодняшнему, ни завтрашнему дню — и завтрашнему более, чем сегодняшнему. Такие произведения *не творят* литературы. Они живут одинокой жизнью, не вызывая отклика, они бесплодны»¹¹.

Наиболее развернутая характеристика творчества Бунина 1920-х гг. дана в книге критиков группы «Перевал» А. Лежнева и Д. Горбова «Литература революционного десятилетия» (1929). Но если Лежнев в первой части издания, «Русская литература за десять лет», ограничивается общей краткой оценкой того, что после революции «большая часть крупных имен оказалась вне пределов советской литературы (Бунин, Ремизов, Зайцев, Куприн, Арцыбашев, Бальмонт, Северянин и др.), в эмиграции, где они незаметно угасали (за очень немногими исключениями)»¹², то Горбов во второй раздел, «Зарубежная русская литература», включает развернутую статью о творчестве Бунина. К этому времени из новых произведений писателя в СССР было издано «Дело корнета Елагина» (Харьков: Космос, 1927), переизданы рассказы «Господин из Сан-Франциско» (Л.: Прибой, 1926), «Сны Чанга» и др. (Бунин И. Сны Чанга. Избранные рассказы. М.; Л.: Госиздат, 1927). Критик, не ограничиваясь названными произведениями и рассматривая творчество писателя в целом, признает, что Бунин является художником, «не только наиболее крупным в эмиграции, но и одним из крупнейших в русской литературе XX века»¹³. В духе времени Горбов включает в статью классовые оценки («Бунин является даже не буржуазным художником, а художником дворянским»), но допускает и чисто эстетические («...в то самое время, как его класс окончательно изжил себя», он дает «образцы художественной прозы, по мастерству своему до сих пор не превзойденные»¹⁴). Начинается анализ «корней» творчества Бунина с новеллы «Преображение» (1921). «Мы видим, что здесь с предельной обнаженностью выступает тема смерти», — указывает критик. Далее он обнаруживает «смерто-

¹¹ Воронский А.К. Искусство видеть мир. С. 509.

¹² Лежнев А., Горбов Д. Литература революционного десятилетия. 1917–1927. Харьков: Пролетарий, 1929. С. 55.

¹³ Там же. С. 128.

¹⁴ Там же.

носное зерно» и в «наиболее реалистических по своему внешнему выражению произведениях писателя», написанных в эмиграции и изданных в СССР: «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», «Солнечный удар». Анализ отрывка еще из одного текста Бунина, новеллы «Воды многие», позволяет Горбову прийти к умозаключениям не только теоретико-литературного характера («...разорванность в ощущении мира, которая наблюдается у Бунина и которая делает его не реалистом, а символистом...»), но и общественно-политического и философского: «...мысль Бунина иерархична – он хочет создать над стихией, над блещущим хаосом бытия какой-то внешний порядок, порядок иерархии, порядок силы и власти для того, чтобы этот авторитарный, извне налагаемый на жизнь порядок усмирил тот хаос, в котором писателю трудно существовать»¹⁵. С точки зрения «заданности мистической темы» рассматривает Горбов и «Дело корнета Елагина», и «Солнечный удар», и роман «Жизнь Арсеньева». «Общественные корни» бунинской «нежизненной мистической идеи», полагает критик, ясно представляет новелла писателя «Несрочная весна», в которой действие происходит в Советской России. Здесь выражаются «переживания самого автора», для которого и «Советская Россия неприемлема» («Кроме грубости быта, озверения крестьян, кроме нэпа, который выражается в чисто базарном виде, рассказчик ничего у нас не видит»), и дворянская жизнь нежизнеспособна («...к прежнему, к прошлому возврата нет», — цитирует Горбов Бунина)¹⁶. И эта новелла, и другие произведения Бунина о Советской России передают «трагическое положение, в которое попал выдвинувший Бунина класс накануне Октября и которое разрешилось для него катастрофой». А «зависимость внутреннего самочувствия Бунина от судьбы дворянского класса», как считает критик, очевидна¹⁷.

Однако, если относительно общественных корней творчества писателя критику все понятно, то «вопрос о значении Бунина для развития русской литературы» по-прежнему «остается открытым». Решает его Горбов так: «Мастерство Бунина, его

¹⁵ Там же. С. 131.

¹⁶ Там же. С. 130–134.

¹⁷ Там же. С. 136.

изумительная способность давать психологические и бытовые детали, давать исключительной цельности построение характера и отчетливость освещения, его способность давать новеллу как цельную вещь — эти черты чрезвычайно ценны и для нашей строящейся литературы. <...> Но нам придется отбросить в его творчестве все то, что связано с классовой ограниченностью художника»¹⁸.

В критике конца 1920-х гг. литературное мастерство Бунина упоминается все меньше, а «классовая ограниченность» все чаще. Продолжая через несколько лет разговор о «недавно появившейся книге новых повестей и рассказов Бунина “Митина любовь”», Горбачев более категоричен: «Бунин никуда не ушел от своей старой тематики, еще более сузив ее. Митя — дворянин-вырожденец, у него наследственно-утонченные эмоции, но интеллектуально он мало развит; центр его жизни — в половых переживаниях. Социальная и биологическая упадочность его класса делает эти переживания смертельными для этого слишком тонко организованного самца. Только психологией Мити и подобных ему людей и занимается теперь Бунин». Цитируя статью тов. Лелевича о повести (Саратовские известия. 1927. 30 янв.), который прослеживает «путь от Печориных и Рудиных к Мите» как «путь эпигонов дворянской литературы», Горбачев делает свой идеологический вывод: «Идеология Бунина — признание законности и естественности полукрепостнических порядков дореволюционной России». Анализируя «повествовательную манеру Бунина-прозаика», Горбачев, как и Горбов, делает много точных наблюдений, отмечая и «тон — спокойный, безразличный по внешности, но тем самым подчеркивающий иногда “вырывающуюся” взволнованность автора судьбой героя», и «психологически-описательное, почти бесфабульное повествование», и «выписывание деталей, якобы безразличных, но создающих “настроение”», и многое другое, но в итоге приходит к мысли, что почти все это подражательно: «...стиль Бунина это — стиль Льва Толстого, “причесанный”, смягченный. Бунин говорит плавным, ясным языком, очень чистым, но лишенным толстовской глубины, смелости, выразительности».

¹⁸ Там же.

Мало того, свое «высокое мастерство» Бунин применил «к теме, давно ставшей архивною и представляющей даже исторически довольно слабый интерес»¹⁹.

К началу 1930-х гг. произведения Бунина перестают издавать в Советской России. Перерыв после изданий «Рассказы. Господин из Сан-Франциско, Антоновские яблоки, Велга, Скит» (М.; Л.: Госиздат, 1928), «Сны Чанга. Избранные рассказы» (М.; Л.: Госиздат, 1928), «Худая трава [Рассказы]» (М.; Л.: ЗИФ, 1928), «Братья [Рассказ]» (М.: Госиздат, 1928), «Господин из Сан-Франциско. Рассказ» (М.; Л.: Госиздат, 1930) составит двадцать пять лет — лишь в 1955 г. выйдет первый (после перерыва) сборник рассказов писателя.

Сложнее оказалось с оценкой того влияния, которые оказывали произведения Бунина на молодую советскую литературу. Причем произведения, созданные не в эмиграции, а гораздо раньше, в 1910-е гг., — тут советской критике пришлось изрядно потрудиться.

О продолжателях Бунина в советской литературе впервые заговорил Горький в изданной за границей брошюре «О русском крестьянстве» (1922). «Новый взгляд на крестьянство», начало которому положил А. Чехов рассказами «Мужики» и «В овраге», был развит в первые годы XX в. И. Буниным: «Его “Ночной разговор” и другая превосходная по красоте языка и суровой правдивости повесть “Деревня” утвердили новое, критическое отношение к русскому крестьянству»²⁰. И причина здесь, полагает Горький, отнюдь не в дворянском происхождении. Вслед за Буниным носителями нового взгляда на крестьянство становятся писатели, вышедшие из крестьянской среды: «О Бунине в России говорят, что он, как дворянин, относится к мужику страстно и даже враждебно. Разумеется, это неверно — Бунин прекрасный художник и только. Но в русской литературе текущего века есть более резкие и печальные свидетельства о жуткой деревенской темноте — это “Юность”, повесть, написанная талантливым крестьянином Орловской губернии Ива-

¹⁹ Горбачев Г.Е. Современная русская литература. С. 26.

²⁰ Горький А.М. О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Лажечникова, 1922. С. 25.

ном Вольным (печатался под фамилией «Вольнов», наст. фам. Владимиров. — *Е. П.*), это рассказы московского крестьянина Семена Подъячева, а также рассказы сибирского крестьянина Всеволода Иванова, молодого писателя исключительной яркости и силы»²¹.

Советская литературная критика начала 1920-х гг. разовьет мысли Горького, выделив два главных направления в литературе о деревне. Продолжателем первого, идущего от чеховских «Мужиков» и бунинской «Деревни», называли прежде всего самого Горького, подчеркивающего «идиотизм деревенской жизни» — невежество, дикость, косность, зверство. Второе, восходящее к произведениям Н. Златовратского и Л.Н. Толстого и отличающееся поэтическим изображением деревенского уклада, Л. Троцкий определял как «советское народничество» и «новое славянофильство»²², причисляя к нему «мужиковствующих интеллигентов» — С. Есенина, Н. Клюева, Б. Пильняка, Вс. Иванова²³. Эта излишне жесткая классификация, однако, подчас вызывала вполне обоснованные возражения. И если для самого Горького являлось очевидным, что о деревне и мужике надо писать именно так, как это делали Чехов, Бунин и Вс. Иванов (в его, горьковском, понимании), то для многих критиков 1920-х гг. взгляд автора книги «О русском крестьянстве» был достаточно спорным. В статье «Всеволод Иванов» (1922) Воронский писал: «Теперь вошло в моду, является признаком хорошего литературного тона изображать мужика как чудище, “обло, озорно, стозевно и лайя”. Повелось это задолго до революции; с революцией в известных литературных кругах о народе, особенно о мужике, иначе не говорили, как о хаме, животном, грязном, нечистоплотном и кровавом. Не говорим о таких писателях, как Бунин, — даже М. Горький недавно отдал дань этому умонастроению в статьях “Русская жестокость”. За периодом народнической идеализации мужика и обсахаривания его наступил период развенчания. Прикрывалось это якобы марксистским подходом к деревне, на деле же это являлось отходом

²¹ Там же.

²² *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. С. 54.

²³ Там же. С. 80.

от социализма, от народа и революции широких слоев русской интеллигенции. Марксизм и большевизм всегда твердо знали, что две души у мужика: одна — от хозяйчика, забира — жадная она, жестокая, тупая; другая — от трудового человека, веками угнетавшегося помещиками, урядниками и прочими. Вс. Ивановым и его некоторыми молодыми сверстниками в русскую литературу вводится это единственно справедливое, верное отношение к мужику»²⁴.

Появившиеся к середине 1920-х гг. новые произведения Вс. Иванова («Тайное тайных»), а также К. Федина («Трансвааль», «Тишина», «Утро в Вяжном»), Л. Леонова («Необыкновенные рассказы о мужиках»), П. Романова («Русь») и других писателей-«попутчиков» внесли в эту классификацию очередные изменения. Влияние Бунина в их произведениях Горбачев увидит в изображении дворянства и крестьянства. Так, «мелко-буржуазный писатель» П. Романов, не испытывающий «ни враждебности к современности, ни желания понять ее», представляет «разложение дворянства» в ключе Бунина и А.Н. Толстого²⁵. То же, по мнению Горбачева, делает К. Федин, в новых рассказах которого, вошедших в книгу «Трансвааль», бывшие помещики показаны «насмешливо-благодарно»²⁶. Бунин, «столь во многом близкий Федину», определяет и другую «тенденцию нашей попутнической литературы», приведшую к тому, что «стихийность, случайность в характерах» стала преобладающей чертой в изображении мужиков²⁷. Пока, к счастью, эта тенденция не коснулась пролетарских писателей, отмечает другой критик, Вяч. Полонский. «Жестокая живопись» Артема Веселого, по мнению критика, «не вызывает угнетающего чувства, которое вызывали в свое время “Деревня” Бунина, “Наше преступление” И. Родионова и вообще все попытки буржуазных художников дать так называемое “правдивое” изображение деревни»²⁸.

²⁴ Воронский А.К. Искусство видеть мир. С. 211.

²⁵ Горбачев Г.Е. Современная русская литература. С. 128.

²⁶ Там же. С. 144.

²⁷ Там же. С. 168–169.

²⁸ Полонский Вяч. О современной литературе. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 169.

К концу 1920-х гг. все очевиднее становится, что традиция Бунина, которой, как показал отрывок из нового произведения А. Платонова «Приключение» (фрагмент романа «Чевенгур»), неожиданно оказались заражены и пролетарские писатели, совершенно неприемлема для советской литературы. Прежде всего потому, что речь в новых произведениях должна идти не о той деревне, которую видел Бунин, а уже о новой, преобразованной деревне. «Какова она — нынешняя, современная деревня?», «...нужно ли вообще “вскрыть деревню как она есть”, бестрепетно-правдиво, беспощадно, пусть и жестоко, нужно ли следовать в этом тому разоблачению старых народнических взглядов на деревню, идеализировавших ее, той “ревизии”, которую в высокохудожественном плане начали в русской литературе предреволюционной Чехов и Бунин (отчасти С. Подъячев и Ив. Вольнов)?» — эти вопросы, как полагает критик Д. Тальников, «особенно интересуют современность»²⁹. Рассматривая созданные к началу 1929 г. произведения о деревне: с одной стороны — роман Ф. Панферова «Бруски», с другой — повесть «Трансвааль» Федина, «Особняк» и другие новые рассказы Иванова, «Необыкновенные рассказы о мужиках» Леонова и рассказ «Приключение» Платонова, критик приходит к выводу, что оба направления дают одностороннюю картину современной деревни. Показывая колхозное строительство, Панферов вроде представляет «идеологически верные классовые группировки», в его романе есть и необходимая «бодрость», но «образы слабы и надуманны», «художественно не убедительны», а потому читать роман «скучно»³⁰. Произведения писателей второго направления, напротив, отмечены талантом. В «мужицких рассказах» Леонова «необыкновенно резко обнаружилось более благодарное для молодого писателя (чем более раннее влияние Ф. Достоевского. — Е. П.) влияние Ив. Бунина и его деревенских рассказов — влияние, которое испытали и испытывают на себе многие современные писатели (в том числе и Вс. Иванов последнего периода) и стилистически, и художественно-композицион-

²⁹ Тальников Д. Литературные заметки // Красная новь. 1929. № 1. С. 236–237.

³⁰ Там же. С. 240–241.

но, и тематически. <...> От прикосновения к могучему влиянию Леонов сам стал неузнаваемо-крепким, сжатым, напряженным, динамическим». Но вот беда: не только «язык, система выразительных средств, интонационно-синтаксический строй, композиция» — то есть «вся манера вообще, весь стиль» здесь от бунинской деревни, но и «общее мировоззрение, скептицизм, идеология»³¹. В итоге в рассказах советского писателя Леонова в середине 1920-х гг. появляется «жуткая, “фантастическая” старая деревня», которая «живет звериным атавистическим бытом». «Бедность, убожество, невежество, заброшенность и душевное уродство, позерство, любование своим несчастьем, бахвальство и озлобленность против “мира”...» — вот что увидел писатель вместо «новых сил подрастающей деревни»³². Анализируя героев Леонова (Мавру в рассказе «Темная вода», Ивана в «Приключении с Иваном», Мишку Копылева в «Возвращении Копылева»), Платонова (бандита Никиту и коммуниста Дванова), Тальников отмечает в них черты «знакомых нам героев классической бунинской деревни»: «Полная неосмысленность, хаотичность, стихийность этой первобытной психики мужика выявляется резко, выпукло»³³.

В своем анализе творчества Бунина Тальников апеллирует к написанным в 1911 г. по выходе в свет повести «Деревня», «Литературным очеркам» В. Воровского, который выступает в них как «один из талантливейших марксистских критиков»³⁴. Надо отметить, что рецензия Воровского гораздо глубже, чем ее представляет Тальников. «Мрак и грязь — и в физической, и в умственной, и в нравственной жизни — вот все, что видит Бунин в современной деревне», — к такому выводу приходит Воровский, рассматривая последовательно героев этой «таланливой повести»: и самих крестьян, «детей тьмы», и «духовного пастыря» их, о. Петра, и местного учителя³⁵. Отвечая на вопрос,

³¹ Там же. С. 243.

³² Там же. С. 245.

³³ Там же. С. 247–248.

³⁴ Там же. С. 244.

³⁵ Воровский В.В. Литературные очерки. М.: Новая Москва, 1923. С. 189–193.

«верно ли все-таки изобразил Бунин деревню, полную ли картину дал он», Воровский вспоминает, что «было и другое»: «революции» сельских сходов, выборы в Думу, за которыми следили в деревне, крестьянские депутаты. Почему картина Бунина оказалась «односторонней, а оценка писателя — «предвзятой»? Ответ, по Воровскому, кроется в классовой психологии, в «принадлежности к типу вырождающейся “барской” интеллигенции». Дело не в том, что «в деревне нет новых людей», а в том, что «они не попадают в поле зрения» писателя³⁶. И все же, считает критик, «повесть Бунина, помимо чисто художественного интереса, является важным “человеческим документом”, своего рода исследованием о причинах памятных неудач»³⁷. Однако то, что марксистскому критику Воровскому в 1911 г. представлялось как достоинство, для критика реконструктивного периода уже давно пройденный этап. «В свое время на Чехова и Бунина за их решительный отход от традиционной идеализации деревни вешала собак наша либеральная общественность», — вспоминает Тальников, но теперь эта деревня «поднялась» и «нужна правда». А значит вместо описанных в традиции Бунина Леоновым, Платоновым, Ивановым «реакционных уголков деревни», «темной, инертной силы страны», вместо «темени непроглядной, неизжитой старой дореволюционной психики», утверждал Тальников, необходимо показать «деревню в ее художественно-современном, идеологически современном положении, деревню в ее целом, в сложных противоречиях современного расщепления, идущего в ней»³⁸.

Возвращаясь к параллели Иванов — Бунин, отметим, что авторы цитируемых выше критических статей преимущественно подходили к вопросу сопоставления либо с точки зрения писательского мастерства, либо с точки зрения идеологических, классовых категорий. Исключение составляет, пожалуй, лишь высказывание о книге Иванова «Тайное тайных» Воронского, давшее заглавие нашей статье, в котором на первый план выходит философская проблематика: «В последнее время он

³⁶ Там же. С. 195.

³⁷ Там же. С. 197.

³⁸ Тальников Д. Литературные заметки. С. 250.

(Иванов. — Е. П.) поместил серию рассказов, написанных в эпической, бунинской форме о деревне и мужиках, о смерти и жизни» (Предисловие ко второму изданию «Литературных типов», 1928)³⁹.

В своих сопоставлениях рассказов Иванова и Бунина критики чаще всего шли по линии внешнего сходства. Проводя параллель между «Жизнью Смокотинина» Иванова и «Я все молчу» (1913) Бунина, критик Смирнов отмечает лишь родственные темы и стилистику⁴⁰. В своем рассказе Иванов повествует о сыне богатого подрядчика «румяном, ясном и звонкоголосом»⁴¹ Тимофее Смокотинине, жизнь которого неожиданно ломает пришедшая к нему любовь к деревенской вдове Катерине. Ее портрет, возможно, и дал Смирнову основание для сопоставления: «Собой она была невысокая, здоровая, молчаливая, голову держала несколько наискось, и казалось — мели землю длинные каштановые ее ресницы...»⁴². Еще совсем недавно «бравый парень» начинает пить, попадает в тюрьму, «шляется с новыми знакомыми по ярмаркам, с цыганами сидит в трактире»⁴³. За неудачную попытку украсть для цыган породистого коня, его страшно избивают. Как и Бунин, в рассказе «Я все молчу» рисующий отвратительный портрет Шаши, Иванов подчеркивает жутко изменившуюся внешность изувеченного Тимофея: «У него вытек глаз, он начал хромать — и пошла о нем тяжкая слава. <...> Цыгане его гнали от себя, он совсем обносился, голодал...» У мертвого Тимофея голова «проломлена в трех местах, а десны — совершенно голые, как у ребенка»⁴⁴. Характеризуя рассказ, Горбачев писал о герое: «...“одержимый” Тимофей уже во власти слепых стихийных сил, и делает он не то, что хочет, но то, на что толкают его смутные импульсы из сферы подсознательного: пьянствует, гонится в городе за женщиной, показавшейся ему похожей на Катерину, стреляет через окно дробью в Катерину,

³⁹ Воронский А.К. Искусство видеть мир. С. 36.

⁴⁰ Смирнов Ник. Книжное обозрение. С. 199.

⁴¹ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 7.

⁴² Там же. С. 7–8.

⁴³ Там же. С. 11–12.

⁴⁴ Там же. С. 12.

спивается, делается убийцей совершенно неизвестного ему человека, подкупленный водкой. Темная, непонятная самому Тимофею, случайно вспыхнувшая страсть победила и погубила его»⁴⁵. Практически теми же словами описывает другой критик, Д. Тальников, «героев классической бунинской деревни», «всех этих Иоаннов Рыдальцев, Шашей и др.»: «...покорные, безропотные, пассивные люди, во власти природы, стихийности, без своей разумной воли, игрушки в руках судьбы»⁴⁶. Действительно, на первый взгляд судьба бунинского Шаши, Александра Романова, сына «первого человека в округе», столь же необъяснима и случайна, как и судьба Тимофея. Гулявший когда-то по селу щеголь, «в поддевке тонкого сукна, в сапогах с лакированными голенищами», единственный наследник богача Романа, неизвестно почему «упивается всеми унижениями по шинкам и кабакам, пропивая скудные остатки прежнего...»⁴⁷. На вопрос, заданный самим автором: «...к чему вообще так настойчиво и неуклонно идет он, изо дня в день опустошая свое разоренное жилье, <...> непрестанно алкая обиды, позора и побоев?»⁴⁸, — в рассказе нет ответа. За сходными судьбами Тимофея и Шаши советские критики не захотели увидеть едва ли не главную тему, роднившую двух писателей, — тему души народа. В бунинском Шаши и ивановском Тимофее странно сочетаются беспричинная тоска и буйное веселье, страшное разрушительное начало, жаждущее драки, насилия, убийства, и поколебленная вера, принимающая у Шаши уродливую форму юродства и скоморошества, а у Тимофея проявляющаяся в желании прийти с покаянием к отцу. Вслед за Буниным передавал автор «Тайное тайных» внутреннее ощущение человеком поколебленности всех основ привычной жизни, какой-то катастрофической необратимости гибельного пути России. Соприкасалась эта тема и с вопросами национальной психологии, и с религиозно-философским вопросом

⁴⁵ Гобачев Г.Е. Современная русская литература. С. 234.

⁴⁶ Тальников Д. Литературные заметки. С. 245.

⁴⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент, подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1994. Т. 3. С. 480–485.

⁴⁸ Там же. С. 487.

о богооставленности человека. Практически на всех персонажах Бунина лежит печать предчувствия того времени, когда «Потрясется земля, небо, / Все камушки распадутся, / Престолы господни нарушатся, / Солнце с месяцем померкнет, / И пропустит Господь огненную реку»⁴⁹. Эти строки, исполненные мрачного ожидания Страшного суда над людьми, которые «...жили-были / Своей вольной волей, / В церкви не бывали, / Заутреню просыпали»⁵⁰, завершают рассказ «Я все молчу». Как и бунинский герой, который, несмотря на свое исступленное актерство, знает, что «придет время», так и герои рассказов Иванова о деревне из книги «Тайное тайных», вышедшей в год десятилетия Октябрьской революции: Тимофей, Афонька («Ночь»), Мартын («Плодородие»), Сапега («Смерть Сапеги»), — смутно ощущают свою греховность и ожидают справедливого возмездия. Парень из пореволюционной деревни Афонька, ожидая наказания за убийство старухи, кланяется судьбе «низко, как отцу не кланялся во всю жизнь»⁵¹; красноармеец Сапега мучается предчувствием скорой смерти: «...и судить меня нельзя, придется убить без товарищеского суда, единолично»⁵².

Естественно, что такое восприятие как творчества самого Бунина, так и произведений советского писателя, испытывавшего его влияние, было невозможно для литературных критиков 1920-х гг. Бунина они хотели видеть лишь «своеобразно законсервированным классиком минувшей эпохи»⁵³, не имеющим никакого отношения к современности, к «идеалам цивилизации нашей»⁵⁴, то есть к советской литературе в целом.

Подводя итоги, скажем, что мы лишь наметили в данной статье тему Вс. Иванов и И. Бунин, которая, как и другие темы, связанные с влиянием произведений Бунина на творчество советских писателей первой трети XX в., думается, еще ждет своих исследователей.

⁴⁹ Там же. С. 490.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 30.

⁵² Там же. С. 62.

⁵³ Горбачев Г.Е. Современная русская литература. С. 80.

⁵⁴ Тальников Д. Литературные заметки. С. 250.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Браун Я.* У синего зверюшки в лапах // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 168–180.
- Бунин И.А.* Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент., подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1994. Т. 3. 560 с.
- Воровский В.В.* Литературные очерки. М.: Новая Москва, 1923. 233 с.
- Воронский А.К.* Искусство видеть мир. Портреты. Статьи. М.: Советский писатель, 1987. 704 с.
- Горбачев Г.Е.* Современная русская литература. Обзор литературно-идеологических течений современности и критические портреты современных писателей. М.; Л.: Госиздат, 1929. 395 с.
- Горький А.М.* О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Ладъжникова, 1922. 46 с.
- Иванов Вс.* Тайное тайных / подг. Е.А. Папковой, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2012. 566 с. (Серия «Литературные памятники»).
- Лежнев А., Горбов Д.* Литература революционного десятилетия. 1917–1927. Харьков: Пролетарий, 1929. 160 с.
- Ольшевец М.* Писатель в одиночестве. Почему? // Известия. 1927. 1 янв. № 1.
- Полонский Вяч.* О современной литературе. М.; Л.: Госиздат, 1928. 244 с.
- Смирнов Ник.* Книжное обозрение // Новый мир. 1927. № 8. С. 198–199.
- Тальников Д.* Литературные заметки // Красная новь. 1929. № 1. С. 234–250.
- Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 400 с.
- Эльсберг Ж.* Творчество Всеволода Иванова // На литературном посту. 1927. № 19. С. 39–51.

ВЗАИМНОЕ ОТРАЖЕНИЕ: БУНИН И КРИТИКА

© 2022 г. С.Р. Федякин

Аннотация: Критические отзывы современников о творчестве Бунина уже были предметом рассмотрения филологов. В настоящей работе впервые обращается внимание не на собственно рецензии и статьи авторов русского зарубежья на творчество Бунина, но на одну из особенностей этих отзывов. Для анализа были выбраны авторы, выступавшие не только в жанре литературной критики, но ставшие известными благодаря своей прозе, стихам, эссеистике, историко-литературным и культурологическим исследованиям: Г.В. Адамович, П.М. Бицилли, В.В. Вейдле, Г.В. Иванов, К.В. Мочульский, В.В. Набоков, Ф.А. Степун, В.Ф. Ходасевич. В творчестве Бунина они находили и творческую целомудренность, и особую оптику, внимательную к деталям, и чувство исторического времени, и основу литературного аскетизма, когда автор избегает всего лишнего, и ностальгическое ощущение мира, и умение выразить словом самую суть изображаемого предмета. При внимательном прочтении этих отзывов заметно, что творчество современного классика стало своего рода зеркалом для его рецензентов, поскольку в нем они находят именно те особенности, которые проявились и в их собственных исканиях и произведениях.

Ключевые слова: И.А. Бунин, проза, критика, русская литература, русское зарубежье.

Информация об авторе: Сергей Романович Федякин — кандидат филологических наук, доцент, Литературный институт им. А.М. Горького, Тверской бульвар, д. 25, 123104 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8900-7967>. E-mail: serofed@yandex.ru.

Для цитирования: Федякин С.Р. Взаимное отражение: Бунин и критика // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 83–96. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-83-96>

MUTUAL REFLECTION: BUNIN AND CRITICISM

© 2022. Sergei R. Fedyakin

Abstract: Critical reviews of contemporaries about the work of Bunin have already been the subject of consideration by philologists. In this work for the first time attention is drawn not to the actual reviews and articles of the authors of the Russian diaspora on Bunin's work, but to one of the features of these reviews. For the analysis authors were selected who acted not only in the genre of literary criticism, but who became famous for their prose, poetry, essay studies, literary history and cultural studies: G.V. Adamovich, P.M. Bitsilli, V.V. Weidle, G.V. Ivanov, K.V. Mochulsky, V.V. Nabokov, F.A. Stepun, V.F. Khodasevich. In Bunin's work they found creative chastity, special optics, attentive to details and a sense of historical time, the basis of literary asceticism, when the author avoids everything superfluous, and a nostalgic sense of the world and the ability to express in words the very essence of the depicted object. Upon careful reading of these reviews, it is noticeable that the work of a modern classic has become a kind of mirror for his reviewers, since in it they find exactly those features that manifested themselves in their own searches and works.

Keywords: I.A. Bunin, prose, criticism, Russian literature, Russia abroad.

Information about the author: Sergei R. Fedyakin, PhD in Philology, Associate Professor, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Tverskoy Boulevard 25, 123104 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8900-7967>. E-mail: serofed@yandex.ru.

For citation: Fedyakin, S.R., "Mutual Reflection: Bunin and Criticism." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 83–96. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-83-96>

Писать он научился «сразу»¹. Но вызревание его (Бунина в Бунине) шло долго². Мастерство замечено, однако ж критики

¹ Стоит только перечитать рассказы 1892-го, которые обычно открывают собрания сочинений, — «Перевал», «Танька», «Кастрюк», «На хуторе», — чтобы увидеть, что по изобразительной силе Бунин уже тогда превосходил большинство своих современников.

² В 1902 г. о рассказе «Осенью» А.П. Чехов — весьма Бунина ценивший — отвечает: «сделано несвободной, напряженной рукой» (из письма Книппер-Чеховой О.Л. от 31 января 1902 г.),

торопились сказать свое «горячее слово» о других, «отразивших» и «указавших»³. Настоящая известность, пришедшая с «Деревней», — уже в сорок, — все-таки была далеко не «из ряда вон». Лишь в эмиграции он все отчетливей ощущается первым. Лишь с 1920-х критика начинает, наконец, говорить о главном. И особенности их «слова о Бунине» заставляют перелистывать эти отклики снова и снова.

* * *

Когда в 1929 г. появились «Избранные стихи» Бунина, из прочих рецензий своей точностью и существенностью выделались три. Каждый отклик не похож на другие: статья дотошно-го критика (Ходасевича) пронизана «историей вопроса», статья мыслителя (Степуна) — философией, статья писателя (Сирина) — вздрагивающими, текучими образами. Но при многих различиях критики совпали в главном:

— нелюбовь Бунина к вычурности, «поэтической шумихе», декадентству, к фальши вообще;

— художественный «аристократизм», сдержанность, строгость, отвращение к педали (при крайней напряженности переживаний);

— изумительная зоркость, преодолевающая любые границы — пространственные (стихи о других странах и континентах), временные (стихи на «исторические темы»), телесные

см.: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 10. С. 182.

³ См. об этом свидетельство В.В. Вересаева в книге «Записки для себя», где он симитировал типический отзыв критиков на прозу Бунина 1910-х: «На первом месте, бесспорно, нужно поставить рассказ Бунина, представляющий истинный шедевр. За ним следуют...». И на следующих критик оживает, спорит, возражает... Как будто помещена при входе в рай — икона. Каждый благоговейно крестится, — «шедевр!» — прикладывается к иконе с облегченным сердцем и проходит дальше...» (*Вересаев В.В.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Огонек; Правда, 1961. Т. 5. С. 485). Реплику можно прочитать «социологически», совсем в духе «антимодернистской» критики начала века. Но если чуть пригасить иронию — можно прочитать иначе: есть на свете нечто более существенное, нежели «отражение жизни».

(не только люди, но звери, птицы, растения, населившие его поэзию).

Особенно примечательно в писаниях рецензентов стремление сказать о Бунине так, словно говоришь о себе. «Он не холоден: он целомудрен», — бросает Ходасевич⁴. И за этой фразой вдруг чувствуешь его собственную поэтическую судьбу: внешне — околупушкинская «несовременность»⁵, в глубине — надвинувшаяся «европейская ночь»⁶. За метафорой Степуна (у Бунина глаз — две пары): «орлиные на день, совиные на ночь»⁷) — встают его собственные попытки аналитическим умом «прозреть» ставшую столь неустойчивой реальность. Из того же ряда и формула Набокова: «Тоска больших поэтов —

⁴ Ходасевич Владислав. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа (№ 1535). С. 4. Многие из цитируемых откликов (хотя не все) можно найти в книге: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подг. текста, коммент. Н.Г. Мельников (1 ч., 2-й раздел 2 ч., приложение), Т.В. Марченко. М.: Русский путь, 2010. Многие — в известных собраниях сочинений В.Ф. Ходасевича, Г.В. Иванова, Г.В. Адамовича, В.В. Набокова, а так же в изданиях П.М. Бицилли, К.В. Мочульского, В.В. Вейдле, Ф.А. Степуна. Сюжет данной статьи заставил автора предпочесть им ссылки на первые публикации.

⁵ Сродство поэзии Ходасевича поэтам прежних времен уловили не только «хвалители», — Андрей Белый (*Белый А.* Тяжелая лира и русская лирика // *Современные записки.* 1923. Кн. 15. С. 371–388), Владимир Вейдле (*Вейдле В.В.* Поэзия Ходасевича // *Современные записки.* 1928. Кн. 34. С. 452–469), но и «хулители», вроде Святополка-Мирского, который в известном афоризме запечатлел то же родство Ходасевича поэтам первой половины XIX в.: «маленький Баратынский из Подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии» (*Святополк-Мирский Д., кн. «Современный Записки» (I–XXVI. Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты (Париж). 1926. № 1. С. 208.*

⁶ О «европейской ночи» как идее-образе Владислава Ходасевича см.: *Бочаров С.* «Европейская ночь» как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле // *Europa Orientalis: Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'est Europeo.* 2003. № 2. С. 91.

⁷ *Степун Ф. Ив.* Бунин. Избранные стихи. Издательство «Современные записки». Париж, 1929 // *Современные записки (Париж).* 1929. Кн. XXXIX. С. 528.

счастливая тоска. Ветром счастья веет от стихов Бунина, хотя не мало у него есть слов унылых, грозных, зловещих»⁸. Это писал тот, кто помнит о «детском рае», помнит о его безвозвратности, кто надеется на память творчества, способного преобразить нынешнюю бесприютность в счастье соприкосновения с сияющим прошлым.

Для каждого из рецензентов книга Бунина превратилась в «магический кристалл», который показал им тайные движения их собственной души. И таким было все творчество Бунина.

* * *

Пусть главное о писателе Ходасевич высказал именно в статье о бунинской поэзии. В других откликах он — всегда и без того сдержанный — был сух до односторонности. Но ведь и там говорил о своем. Истинный герой книги «Божье древо» — не люди, а язык⁹. Разве это навязчивое утверждение Ходасевича (высказанное то так, то этак и повторенное несколько раз) не заставляет вспомнить его собственный «поэтический манифест», его обращение к России?

...В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык¹⁰.

И разве только об «Освобождении Толстого» говорит критик, формулируя главную особенность этой книги? Стоит лишь подставить вместо Толстого Державина, вместо Бунина самого Ходасевича, и мы увидим характеристику собственного труда:

⁸ *Сирин В.* Ив. Бунин. Избранные стихи. Издательство «Современные записки». Париж. 1929 // Руль (Берлин). 1929. 22 мая. № 2577. С. 3.

⁹ См.: *Ходасевич Владислав.* Книги и люди. «Божье древо» // Возрождение (Париж). 1931. 30 апреля. № 2158. С. 3.

¹⁰ Из стихотворения «Не матерью, но тульской крестьянкой...» (см.: *Ходасевич В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 195).

«Бунин и на этот раз совершает работу, в сущности обратную той, которую обычно продельвают исследователи: отдельные черты толстовского образа он не распределяет согласно предустановленной схеме, призванной упростить, облегчить понимание этого образа, а, напротив — как бы стремится все вновь слить воедино, вновь представить Толстого той первоизданной глыбой, какою он был»¹¹.

И Степун будет возвращаться к Бунину не один раз. Вчитываясь в стихи, «Митину любовь», «Божье древо», «Жизнь Арсеньева». За «природно-бытовым» и за «индивидуально-психологическим» планами ловить третий: метафизический. Именно в статьях о Бунине он скажет не только о трагедии любви, но и вечной неслиянности тела и духа, которая породила разрозненность, разобщенность жизни начала века:

«В современной, в особенности в современной европейской культуре всего много: мыслей, теорий, чувств, страстей, опыта, планов, знаний, умений и т. д. и т. д. Но всем этим своим непомерным богатством современный человек в современной культуре все же не устроен. Скорее наоборот — всем этим он расстроен, замучен, сбит с толку и подведен к пропасти»¹².

Сам Степун вглядывается в эту пропасть, пытаясь понять время — то в статьях, то через сочинение романа в письмах¹³, то создавая урывками воспоминания: «Бывшее и несбывшееся»¹⁴. Но только Бунин давал ясное ощущение, почему «должное» стало «несбывшемся», а «бывшее» оказалось столь недожд-

¹¹ Ходасевич В. Книги и люди // Возрождение. 1937. 1 октября. № 4099. С. 9.

¹² Степун Ф. Ив. Бунин // Современные записки. 1934. Кн. LIV. С. 197–198.

¹³ «Из писем прапорщика-артиллериста», «Николай Переслегин».

¹⁴ Книга сначала печаталась в периодике («Современные записки», «Новый журнал», «Возрождение») в виде отдельных очерков. Разновременность отразилась и в авторском предисловии к книге: «В заключение просьба к читателю: не упускать из виду датировки отдельных частей моих воспоминаний» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т. 1. С. 8).

ным¹⁵. Только бунинская первозданность, только его «стереоскопическая точность» возвращали смысл самым тяжелым и необъяснимым поворотам истории и человеческой жизни. Потому, вероятно, и прозвучали слова: «Поистине, бунинская проза — Священное Писание самой жизни»¹⁶.

Набоков следующий отклик дает следом за первым и совсем уже в духе своих «словесных шарад». Это рецензия на длинную статью Алексея Эйснера¹⁷, основной пафос которой был прост: Бунин — замечательный прозаик, но не поэт, поскольку в стихах он тоже прозаик. «Отклик на отклик» Набоков озаглавит с отсылкой к Пушкину: «На красных лапках»¹⁸. Именно здесь Набоков, — поставив критическое зеркало для «кривого зеркала» другого рецензента, — в полной мере проявит свойство зажигаться от чужих произведений¹⁹. Сквозь это многомерное отражение становится загадочно зримым не только поэт Бунин, но и прозаик В. Сирин.

¹⁵ Об этом «переворачивании» почвы — см., например, неожиданную характеристику последних столетий в воспоминаниях Степуна: «Объясняется это тем, что, начиная с 1789-го года, в Европе неустанно крепла лишь одна традиция — традиция революции, почему почвенники 19-го столетия и оказались к началу 20-го в воздухе, а революционеры с почвою под ногами» (Там же. С. 285).

¹⁶ *Степун Ф.А.* Литературные заметки: И.А. Бунин: (По поводу «Митиной любви») // *Современные записки* (Париж). 1926. Кн. 27. С. 327.

¹⁷ *Эйснер Алексей.* Прозаические стихи // *Воля России* (Прага). 1929. № 12. С. 75–88.

¹⁸ Т. е. с отсылкой к «онегинским» строкам: «На красных лапках гусь тяжелый...» (см.: *Руль*. 1930. 29 января. № 2789. С. 2–3).

¹⁹ Стоит напомнить пронизательное замечание Г.В. Адамовича в ответ на известный розыгрыш Набокова: «...Если вообще можно сочинить что-либо за иное сознание, на чужие, интуитивно-найденные темы, то для Сирина, при его даровании и изобретательности, это допустимо вдвойне. В пародиях и подделках вдохновение иногда разгуливается вовсю и даже забывает об игре, как актер, вошедший в роль» («...Наименее русский из всех русских писателей...»: *Георгий Адамович о Владимире Сирине* (Набокове) / публ. О. Коростелева и С. Федякина // *Дружба народов*. 1994. № 6. С. 237).

* * *

Судьбоносная литература. Ее привычно встречать в биографиях поэтов: сорвется с языка, срифмуется — и вдруг явится в жизни. Но вот к книге «Последнее свидание» притрагивается критик Мочульский. Мимолетная статья — и вывод, равный по силе категорическому императиву: мысль Бунина «совершенна, довлеет себе, незыблема и проста, как формула, и жизненна, как организм»²⁰. И далее: «Что бы не описывал Бунин — природу или людей, — его художественная правда не в копировании, а в понимании мер и отношений»²¹. В 30-е эта правда «в понимании мер и отношений» станет идеалом, к которому сам Константин Мочульский будет стремиться в поздних книгах о Гоголе, Соловьеве, Достоевском, Блоке²².

К Бунину прикасается — снова и снова — и Георгий Адамович (собранное вместе это могло бы составить книгу). И тоже — пунктиром — рисует собственный путь. В 24-м отзовется о стихах Бунина: пусть он идет от «эпохи оскудения поэзии»²³, от Майкова и Голенищева-Кутузова, но его поэзия все-таки жива, потому что избежала многих излишеств, которые погубили творчество большинства его сверстников. В 1926 г. в статье о «Митиной любви» появляется всплывшая из глубин памяти чья-то фраза: «Бог задумал мир в простоте»²⁴. В 1930 г. «Жизнь Арсеньева» напоминает ему «монолог человека перед лицом судьбы и Бога»²⁵. В 31-м — в словах о книге «Божье древо» — уже явно сквозит насыщенная для самого Адамовича идея:

²⁰ Мочульский К. «Последнее свидание» Бунина // Звено (Париж). 1927. 8 мая. № 223. С. 3.

²¹ Там же.

²² Особенность его монографий, — о сложном рассказывать с предельной простотой, — вышла из этого же стремления к фразе «простой, как формула».

²³ Адамович Г. О Бунине // Звено (Париж). 1924. 11 февр. № 54. С. 2.

²⁴ Адамович Г. Литературные беседы // Звено (Париж). 1926. 31 янв. № 157. С. 1.

²⁵ Адамович Георгий. «Жизнь Арсеньева» Бунина // Иллюстрированная Россия. 1930. № 10 (251). 1 марта. С. 14.

«Короткие рассказы в одну-две странички, собранные в ней, так остры и законченны, так умны и правдивы, что думаешь иногда: зачем пишутся большие романы, если возможно в нескольких строках столько сказать о жизни и людях?»²⁶

В поэзии Адамович встает на путь крайнего аскетизма, путь, где «ничего лишнего». В «Комментариях» сойдутся и мир, «задуманный в простоте» и гибнущий от неумеренной сложности, и монолог «перед лицом судьбы и Бога», и отрывочки в «одну-две странички».

И далее — снова и снова, через Бунина, — он будет формулировать собственные нравственно-эстетические постулаты:

— «У Бунина нет фальши»²⁷.

— «Сказано бывает немного, но ясно становится все»²⁸.

— «В этой книге нет разделения между “поэзией” и “правдой”, в ней одно становится другим...»²⁹

Георгий Иванов прикасался критическим пером к произведениям Бунина лишь изредка. Но и он увидел в них свое: «искусство простое и сложнейшее, каждому доступное и не перед кем не раскрывающее до конца своей “тайны”»³⁰. Та подспудная ностальгия, которая пронизет и самые мрачные его стихи («... и вашей России не помню»³¹), и те, где он с настойчивостью будет возвращаться в прошлое как возможное будущее («Четверть века прошло за границей...», «Распыленный миллионом мельчайших частиц...», «Ликование вечной, блаженной весны...» и другие), — всего отчетливее выразится в его некроло-

²⁶ Адамович Георгий. «Божье древо» Бунина // Иллюстрированная Россия. 1931. № 21 (314). 16 мая. С. 21.

²⁷ Адамович Георгий. Лица и книги // Современные записки (Париж). 1933. Кн. LIII. С. 328.

²⁸ Там же. С. 330.

²⁹ Адамович Г. И. Бунин. «Лица» // Последние новости. 1939. 4 мая. № 6611. С. 3.

³⁰ Иванов Георгий. «Современные записки» № 34. Часть литературная // Дни (Париж). 1928. 25 марта. № 1369. С. 3.

³¹ Из стихотворения «Мне больше не страшно. Мне томно» (1952).

гической заметке о Бунине, где он скажет про «вечную, непроходящую Россию»³².

* * *

Бунин давал путеводную нить. Но и опровергал. И вселял надежду.

Петр Бицилли читает книгу «Божье древо» и не может сдерживать восторга: эти крошечные рассказы — из вершин русской литературы. Здесь явлен «красноречивый лаконизм», «четкость и тонкость письма» и «царственное господство над материей»³³. В протяжной «Жизни Арсеньева» критик ощущает нечто средственное герою и автору: «...Нам становится понятен глубокий философский смысл его восторга, когда он делает открытие, что нос пропойцы похож на клубнику, — восторга Гете и Леонардо да Винчи, открывающих связи между формами вещей, прозревающих породившую их Перво-форму»³⁴. Бунин чувствует тайные отношения между предметами, потому и может найти наиболее точное слово.

За короткое время — череда катастроф: кризис истории, кризис культуры мировой, трагедия русской культуры... Но Бунин еще рядом, а, значит, — рядом пока и великая русская литература³⁵.

³² Иванов Георгий. Памяти ушедших // Возрождение (Париж). 1953. № 30. С. 197.

³³ Бицилли П.М. Бунин И.А. Божье древо. — Париж, 1931 // Числа (Париж). 1931. № 5. С. 223.

³⁴ Бицилли П. Трагедия русской культуры // Современные записки. 1933. Кн. LIII. С. 300. Эта же «клубника» из «Жизни Арсеньева» поразит и Владимира Вейдле, для которого этот образ родился из стремления Арсеньева (и Бунина) к отказу от выдумывания, т. е. «к прямой передаче живого впечатления» (Вейдле В. На смерть Бунина // Опыты. 1954. Кн. III. С. 87).

³⁵ Общий пафос многих статей Бицилли. См., например: Бицилли П. «Цивилизация» и «культура» // Звено (Париж). 1927. 2 января. № 205. С. 3–4; Бицилли П. «Вторичное варварство» // Звено (Париж). 1927. 16 января. № 207. С. 3; Бицилли П. Анти-культура // Звено (Париж). 1927. 6 февраля. № 210. С. 4–5; Бицилли П. Вопросы русской языковой культуры // Звено (Париж). 1928. 1 марта. № 3. С. 128–132; Бицилли П. Бунин и его место в русской литературе //

Владимир Вейдле в будущее смотрел тоже без иллюзий. Писал про «умирание искусства»³⁶: везде, во всем — разлад, утрата целостности. Роман подменился биографиями знаменитостей, воображение вытеснено «коллажем» из документов. Сама культура, в сущности, уже не может существовать без уродующего воздействия цивилизации.

Но в это же время Бунин пишет «Жизнь Арсеньева». И автор «Умирания искусства» читает эту прозу как откровение:

«В литературе только то по-настоящему и важно, что превышает литературу, отменяет ее историю, сводит к суете так называемую литературную жизнь»³⁷. Важно и пояснение Вейдле: «...Из русских старших современников моих — тут я к истории возвращаюсь — никто меня на мысли эти еще при жизни своей столь упорно не наводил, как именно Бунин»³⁸.

Россия и славянство (Париж). 1931. 27 июня. № 135. С. 3–4; *Бицилли П.* Трагедия русской культуры // *Современные записки* (Париж). 1933. Кн. 53. С. 297–309; *Бицилли П.* Кризис истории // *Современные записки* (Париж). 1935. Кн. 58. С. 328–335.

³⁶ См.: *Вейдле В.* Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. Париж, 1937. Описанное в этой книге состояние культуры — своего рода обобщение многих работ эмигрантов-современников. Кроме вышеназванных работ П.М. Бицилли — см.: *Муратов П.* Антиискусство // *Современные записки*. 1924. № 19; *Муратов П.* Искусство и народ // *Современные записки*. 1924. № 22; *Муратов П.* Искусство прозы // *Современные записки*. 1926. № 29; *Бахтин Н.* Антиномия Культуры // *Новый корабль*. 1928. № 3; *Бахтин Н.* Разложение личности и внутренняя жизнь // *Числа*. 1930. № 4; *Мочульский К.* Новая проза // *Звено*. 1926. № 201. 5 декабря; *Мочульский К.* Кризис воображения // *Звено*. 1927. № 2; *Лейс Д.* [В. Вейдле]. Кризис историографии // *Звено*. 1926. № 193. 10 октября; *Лейс Д.* [В. Вейдле]. Антиистория // *Звено*. 1926. № 194. 17 октября. Наиболее авторитетное переиздание книги: *Вейдле В.В.* Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1996. В отличие от вышедшего в 1936 г. французского варианта книги — «Пчелы Аристея», русское название книги звучит в той же тональности, что и работы других русских критиков и мыслителей.

³⁷ *Вейдле В.* О тех, кого уже нет // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1993. № 192–193. С. 321.

³⁸ Там же.

История Арсеньева — история художника, мучимого творчеством. Его дар еще не нашел настоящего воплощения. Но эта жизнь с редким совершенством запечатлена «поздним Арсеньевым» — самим Буниным. И ведь эта книга — не архаизм! Она — веяние времени: не роман, скорее — воспоминание. Точнее — «пронизанное воображением воспоминание»³⁹, за которым так ощутима ликующая сила бунинского искусства: «Все досказано до конца, и музыка все же не убита»⁴⁰.

* * *

Сколько критических глаз смотрелось в творчество Бунина! Каждому оно шепнуло что-то очень важное. И сколь различны были эти «шепоты»... Перелистывая статьи и рецензии, начиная с двадцатых годов, все отчетливее чувствуешь разнообразие этого «обратного света»: не одинаковые белые отблески, но целый радужный спектр. И «мгновенная завершенность» фразы и образа, и преодоление «смерти искусства», и русская традиция точного слова... Была способность отразить не только то, что в тебе изначально заложено, но и то, что настойчиво ищут другие.

«Один из тех писателей, которым даже в такой богатой литературе, как русская, счет ведется единицами на протяжении всего ее существования», — так почувствовал слово Бунина поэт⁴¹. «Цикл развития русской литературы», который начался Пушкиным, «закрывается Буниным», — это убеждение ученого⁴². Разными словами — об одном. О той неповторимости,

³⁹ Вейдле В. Бунин. Лица // Русские записки (Париж). 1939. Кн. XVIII. С. 195.

⁴⁰ Там же. С. 196. Позже он повторит эту фразу, как и многие свои замечания о Бунине из ранее написанных откликов: Вейдле В. На смерть Бунина // Опыты. 1954. Кн. III. С. 90. Последняя статья вместит и новые, окончательные суждения о творчестве Бунина, как, например, характеристику «Жизни Арсеньева»: «...она — не воспоминания, не автобиография, не исповедь, но хвала, трагическая хвала всему сущему» (Там же. С. 89).

⁴¹ Иванов Георгий. «Современные записки» № 34. Часть литературная // Дни (Париж). 1928. 25 марта. № 1369. С. 3.

⁴² Бицилли П. Бунин и его место в русской литературе // Россия и славянство (Париж). 1931. 27 июня. № 135. С. 4.

которая для культуры, — если видеть в ней «единое во многом», — становится неизбежностью. Иначе и не может быть, когда совершенство достигает кристаллической ясности и простоты.

Писатель, критик, говоря о другом писателе, всегда говорит о себе. Правило, которое почти не знает исключений. Но прикасаясь к творчеству Бунина, критики русской эмиграции говорили не просто о себе, но самое важное о себе. Их самосознание вспыхивало в наиболее точных словах, обращенных в сторону Бунина. Именно через самое важное в Бунине они постигали свое.

...И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал...

Глядя в «магический кристалл» пушкинского творчества русские писатели многое понимали и в самих себе, и в судьбах России. «Свободный роман» творчества Бунина и эмигрантской критики приоткрыл ту же «непроходящую» русскую даль: ее прошлое, настоящее, вечное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамович Г. О Бунине // Звено (Париж). 1924. 11 февр. № 54. С. 2.
Адамович Г. Литературные беседы // Звено (Париж). 1926. 31 янв. № 157.
С. 1–2.
Адамович Георгий. «Жизнь Арсеньева» Бунина // Иллюстрированная Россия. 1930. № 10 (251). 1 марта. С. 14.
Адамович Георгий. «Божье древо» Бунина // Иллюстрированная Россия. 1931. № 21 (314). 16 мая. С. 21.
Адамович Георгий. Лица и книги // Современные записки (Париж). 1933.
Кн. LIII. С. 324–334.
Адамович Г. И. Бунин. «Лица» // Последние новости. 1939. 4 мая. № 6611. С. 3.
Бицилли П.М. [Рец. на книгу «Божье древо» (Париж, 1931)] // Числа. 1931.
№ 5. С. 222–223.
Бицилли П. Бунин и его место в русской литературе // Россия и славянство (Париж). 1931. 27 июня. № 135. С. 3–4.
Бицилли П. Трагедия русской культуры // Современные записки. 1933.
Кн. LIII. С. 297–309.

- Вейдле В. Бунин. Лица // Русские записки (Париж). 1939. Кн. XVIII. С. 195–196.
- Вейдле В. На смерть Бунина // Опыты. 1954. Кн. III. С. 80–93.
- Вейдле В. О тех, кого уже нет // Новый журнал (Нью-Йорк). 1993. № 192–193. С. 319–322.
- Вересаев В.В. Собр. соч.: в 5 т. М.: Огонек; Правда, 1961. Т. 5. 535 с.
- Иванов Георгий. «Современные записки» № 34. Часть литературная // Дни (Париж). 1928. 25 марта. № 1369. С. 3.
- Иванов Георгий. Памяти ушедших // Возрождение (Париж). 1953. № 30. С. 197.
- Мочульский К. «Последнее свидание» Бунина // Звено (Париж). 1927. 8 мая. № 223. С. 2–3.
- «...Наименее русский из всех русских писателей...» / Георгий Адамович о Владимире Сирине (Набокове) / публ. О.А. Коростелева и С.Р. Федякина; вступ. ст. О.А. Коростелева // Дружба народов. 1994. № 6. С. 216–237.
- Сирин В. Ив. Бунин. Избранные стихи. Издательство «Современные записки». Париж. 1929 // Руль (Берлин). 1929. 22 мая. (№ 2577). С. 3.
- Сирин В. На красных лапках // Руль. 1930. 29 января. (№ 2789). С. 2–3.
- Степун Ф.А. Литературные заметки: И.А. Бунин: (По поводу «Митиной любви») // Современные записки (Париж). 1926. Кн. XXVII. С. 323–345.
- Степун Ф.А. [Рец. на кн.: Бунин И.А. Избранные стихи 1900–1925. Париж: Совр. записки, 1929] // Современные записки (Париж). 1929. Кн. XXXIX. С. 528–532.
- Степун Ф.А. Ив. Бунин // Современные записки. 1934. Кн. LIV. С. 197–211.
- Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т. 1. 398 с.
- Ходасевич В.Ф. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа. (№ 1535). С. 4.
- Ходасевич В.Ф. Книги и люди. «Божье древо» // Возрождение (Париж). 1931. 30 апреля. № 2158. С. 3.
- Ходасевич В. Книги и люди // Возрождение. 1937. 1 октября. № 4099. С. 9.
- Ходасевич В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1 / сост., подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; вступ. ст. С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреевой, Н.А. Богомолова. 590 с.
- Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, Апрель 1901 – июль 1902 / тексты подгот. и примеч. сост. И.П. Видуэцкая, А.М. Малахова, М.А. Соколова; ред. десятого тома А.И. Ревякин. 600 с.
- Эйссер Алексей. Прозаические стихи // Воля России (Прага). 1929. № 12. С. 75–88.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-97-208>
<https://elibrary.ru/NVDCYU>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

УДК 821.161.1.0

КНИГА И.А. БУНИНА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТОЛСТОГО» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

© 2022 г. О.А. Казнина

Аннотация: Статья посвящена многоаспектному анализу книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (1937). Рассматривается история создания книги, ее уникальная жанровая структура, в которой мемуаристика, газетный очерк, дневник, письмо и литературный портрет сочетаются с философским созерцанием. Особое внимание уделено стилистическим особенностям текста, разработке художественного образа Л.Н. Толстого. В центре исследования находится проблема духовных и религиозных исканий позднего Толстого, его многогранное понимание концепции освобождения, а также загадка его последнего ухода из Ясной Поляны. Интерпретация Бунина рассматривается на сложном фоне литературных, философских и богословских оценок мировоззрения Толстого, сложившегося после духовного кризиса, а также откликов на его финальный уход. В статье анализируются позиции Г. Адамовича, В. Ходасевича, В. Маклакова, И. Шаховского, С. Булгакова и многих других литературных критиков, философов, свободных мыслителей и богословов. Книга Бунина представлена в контексте литературной и религиозно-философской критики русского зарубежья как источник по истории духовных исканий конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, И.А. Бунин, духовные искания, освобождение, буддизм, христианство, философский дневник, литературная критика, религиозно-философская критика.

Информация об авторе: Ольга Анатольевна Казнина — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0014-1298>. E-mail: Olga-Kaznina@yandex.ru.

Для цитирования: Казнина О.А. Книга И.А. Бунина «Освобождение Толстого» в контексте литературной и философской критики русского зарубежья // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 97–208. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-97-208>

THE BOOK BY I.A. BUNIN “LIBERATION OF LEO TOLSTOY” IN THE CONTEXT OF RUSSIAN ÉMIGRÉ LITERARY AND PHILOSOPHICAL CRITICISM

© 2022. Olga A. Kaznina

Abstract: The present article is devoted to the multidimensional analysis of the book by I.A. Bunin “Liberation of Leo Tolstoy” (1937). Attention is devoted to the history of its creation and to its unique structure, combining the genres of memoirs, journalistic sketch, diary, epistles and literary portrait with philosophical contemplation. Special consideration is paid to the properties of style of the text as well as to the development of the artistic image of Leo Tolstoy. The center of the research is occupied by the problem of the spiritual and religious quest of Tolstoy in the latest decades of his life, to his multifaceted concept of liberation and also to the enigma of his last flight from Yasnaya Poliana. Bunin’s interpretations are investigated on the complex background of literary, philosophical and theological evaluations of Tolstoy’s worldview, as it took shape after the spiritual crisis of his later years. Different reactions to his final escape are also taken into account. The article reflects the positions of G. Adamovitch, V. Hodasevitch, V. Maklakov, I. Shahovskoy, S. Bulgakov, as well as many other literary critics, philosophers and theologians. Bunin’s book is investigated as a source for the studies of spiritual and intellectual quest on the verge of the centuries, i.e. the end of the 19th and the beginning of the 20th century. Bunin’s book is presented also in the context of Russian émigré literary and philosophical criticism.

Keywords: Leo Tolstoy, I.A. Bunin, spiritual quest, liberation, Buddhism, Christianity, philosophical diaries, literary and philosophical criticism.

Information about the author: Olga A. Kaznina, DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0014-1298>. E-mail: Olga-Kaznina@yandex.ru.

For citation: Kaznina, O.A. “The Book by I.A. Bunin ‘Liberation of Leo Tolstoy’ in the Context of Russian Émigré Literary and Philosophical Criticism.” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 97–208. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-97-208>

В русском зарубежье Л.Н. Толстому уделялось не меньше внимания, чем Ф.М. Достоевскому и А.С. Пушкину: в сознании культурной эмиграции эти три фигуры были символами духовности той России, которую изгнанники, как они считали,

унесли с собой на чужбину. Вклад зарубежья в изучение толстовского наследия составляет обширную библиотеку, которая включает все многообразие подходов: исследовательскую литературу, мемуаристику, литературную и религиозно-философскую критику. Книга Бунина, помимо своей художественной уникальности как литературного портрета Толстого, непосредственно вторгается также в сферу религиозно-философской мысли: ее название обещает не только обрисовать запомнившийся писателю облик Толстого, но раскрыть его духовные искания, сущность его мучительных духовных кризисов, а также эволюцию его мировоззрения.

Научно-исследовательская литература, посвященная этой книге Бунина, распадается преимущественно на два основных направления: Бунин рассматривается как литературный преемник Толстого и с другой стороны, анализируется тема буддизма в творчестве обоих писателей. Немало исследований посвящено жанровым особенностям книги, образу ее героя, а также и автора, ее своеобразной музыкальной стилистике. Подходов много, поскольку как предмет одновременно литературы и философии книга Бунина — неисчерпаемый источник по истории духовных исканий рубежа веков¹. Создавая это произведение, Бунин ставил многоплановую задачу: раскрыть тайну «настоящего» Толстого в его стремлении к «освобождению», и в то же время создать портрет живого человека, каким он остался в памяти соприкоснувшихся с ним людей. Книга вызвала широкий отклик: представители литературной и религиозно-философ-

¹ Истории создания и жанровым особенностям книги Бунина «Освобождение Толстого» посвящена значительная исследовательская литература. Представление об изученности проблематики данной книги Бунина дают следующие работы: *Аболина М.М.* Судьба книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (К истории взаимоотношений писателя и издательства «ИМКА-Пресс») // Библиография. 2018. № 2 (415). С. 41–49; *Пономарев Е.Р.* О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1998. № 1. С. 109–119; *Пономарев Е.Р.* Лев Толстой в литературном сознании русской эмиграции 1920–1930-х годов // Русская литература. 2000. № 3. С. 202–211; *Пономарев Е.Р.* Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.

ской критики зарубежья стремились оценить, насколько писателю удалось реализовать заявленные задачи.

Проблему «освобождения» Бунин поставил в ключе «буддизма», точнее сказать, некой собирательной восточной философии, обозначавшейся понятием «буддизм» как в толстовские, так и в бунинские времена в широкой читательской среде. Надо отметить, что «восточные мотивы» в этой книге являются, главным образом, символическим языком для проникновения в природу литературного творчества. Как мемуарно-художественное произведение с элементами философского созерцания, книга дополнила галерею портретов Толстого и несмотря на их огромное количество, не потерялась на этом фоне. Во многом именно литературный портрет, созданный Буниным, благодаря своей мемуарной достоверности и камерному «семейному» масштабу определяла в свое время и продолжает в наши дни определять восприятие образа Толстого поколениями широкой читающей публики.

Вслед за другими мемуаристами, такими как П.И. Бирюков, Н.Н. Гусев, Т.И. Полнер, И.Ф. Наживин, Б.К. Зайцев, Д.С. Мережковский, А.В. Амфитеатров, М.А. Алданов — Бунин связал биографический очерк с историей духовных исканий своего героя. Но в качестве центральной темы этих исканий он избрал наиболее сложный и загадочный момент его жизни: «освобождение». Ткань книги пропитана религиозными, созерцательными, метафизическими мотивами, что выводит ее за рамки мемуаристики. Современники Бунина религиозные мыслители, в частности Н.А. Бердяев, обозначали этот подход к биографии масштабной личности термином «пневматология», заимствованным у богословов, но наполненным новым содержанием, так как речь идет о человеческой духовности. В книге Бунина явственно присутствует элемент подобной «пневматологии», но в то же время созерцательную сторону книги уравновешивает жизненность и сердечная теплота портретного изображения главного героя и его окружения.

Каждый из многочисленных мемуарных портретов Толстого несет на себе черты портретиста, каждый интересен своей субъективностью и даже односторонностью. Это характерно и для книги Бунина: он не стремился избежать субъективности

и не боялся запечатлеть самого себя рядом со своим героем. Он нашел такой ракурс, который позволял ему, освещая жизнь Толстого, заниматься эстетическим самоанализом, разбираться в природе своего художественного дарования.

Размышляя над жанром книги, необходимо упомянуть ее «драматический» характер, ее диалогическую и полифоническую структуру. В книге звучит «хор голосов» собеседников автора. Раскрыть смысл «освобождения» Толстого — значило заглянуть в самые глубины его духа. Понимая, что одному человеку эта задача не под силу, Бунин привлекает к ее решению современников — последователей Толстого, политических деятелей, писателей, философов, членов семьи и представителей ближайшего окружения. Он сталкивает разные мнения, из мозаики которых можно составить многогранное и объемное представление о личности и учении Толстого в отражении окружающей интеллектуальной среды.

Книга «Освобождение Толстого» — это личный писательский взгляд Бунина на своего предшественника и учителя. Взгляд этот проясняется в беседе не только с единомышленниками, но и с критиками Толстого. Бунин ведет с ними порой довольно острый спор, и литературный портрет дополняется контрастными штрихами. Некоторые заведомо несправедливые суждения Бунин сознательно акцентирует с целью показать, насколько различно одни и те же выступления в печати и поступки Толстого воспринимались и оценивались его последователями и противниками.

Взгляд Бунина на Толстого неизбежно остается избирательным: он берет только те краски, которые дают нужную для его картины гамму и позволяют передать свое собственное видение личности писателя. В книге создается также и «групповой портрет», объединяющий членов семьи, последователей, друзей и бесчисленных гостей дома вокруг центральной фигуры. Как мемуарист, Бунин, конечно, создал «своего» Толстого, однако важной особенностью его манеры изображения является готовность услышать мнения великих и малых: в книге приводятся воспоминания и суждения о Толстом таких известных авторов как В.А. Маклаков, П.Б. Струве, Л. Шестов, М. Алданов, Т. Полнер, но не менее выразительно звучат голоса других,

менее известных или совсем не известных широкому читателю людей, таких, например, как Е.М. Лопатина, сестра философа Л.М. Лопатина. Ее воспоминания Бунин приводит страницами, используя записи ее устных рассказов, которые в течение нескольких вечеров вела В.Н. Бунина в их парижской квартире. Воспоминания, суждения, даже расхожие представления, искажающие облик Толстого, — все становится материалом для прорисовки многоликого фона, на котором ярко выделяется цельность и масштабность личности главного образа.

Диалог Бунина с современниками не ограничивается эмиграцией, он обращается к «полемическим материалам»: статьям В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, выступлениям в печати А.И. Дейча и других марксистов. Со свойственным ему сарказмом Бунин оценивает воспоминания М. Горького о Толстом. В советских собраниях сочинений Бунина, вышедших в 1967 и в 1988 гг., его полемика с марксистами и резкое высказывание о Горьком были изъяты цензурой. И вот ирония судьбы — комментарий к этим материалам в изданиях сохранился, тогда как текст, к которому он относится, отсутствует.

Разумеется, в 1937 г. Бунин уже далеко не первым заговорил об «освобождении» Толстого: бегство писателя из Ясной Поляны обсуждалось к этому времени уже почти три десятилетия. Писали на эту тему В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Л. Шестов. К тому времени, когда Бунин взялся за свою книгу, поразивший всю Россию и весь мир последний «уход» Толстого все еще продолжал мучить своей необъяснимостью, продолжал порождать все новые догадки, интерпретации, оценки. Понимая, что он вступает на дорогу, уже не раз до него пройденную, Бунин придал теме особый поворот, вложив в осмысление ухода свой собственный опыт не только личного общения с Толстым, но и свое понимание его жизненной драмы. В конце 1930-х гг. для Бунина проблема «ухода» приобрела заостренно личный характер: через вживание в ситуацию Толстого, он пытался разобраться в себе самом, подводил итоги своей жизни и как бы вел с учителем бесконечный разговор о смысле жизни и тайне смерти. Выбор темы и созерцательный тон книги были предопределены многими моментами: та фаза бытия, в которую входил Бунин,

располагала к подведению итогов, к прорисовке образа творческой личности, который запечатлется в культурной памяти человечества.

Бунин наметил задачи, которые ему предстояло решить в книге, в очерке «К воспоминаниям о Толстом» (газета «Возрождение», 1926). Откликаясь в нем на мемуары Н.А. Цурикова, он писал: «Воспоминаниям о Толстом уже конца-краю нет. Но много ли и до сих пор среди этих воспоминаний таких, где бы Толстой чувствовался по-настоящему?»². По всей видимости, воспоминания предшественников его не удовлетворяли, не давали ответа на беспокоившие его вопросы. Бунину представлялось, что увидеть настоящего Толстого позволит погружение в тайну его «освобождения».

Казалось бы, для решения поставленной задачи необходима личность соразмерного масштаба. Однако вряд ли кто-нибудь из современников Толстого мог претендовать на равенство с ним по масштабу личности, а значит и на адекватную глубину понимания его духовных исканий. Слишком очевидно, что Толстой была на голову выше своих мемуаристов. Подобно Копернику или Канту, он изменил картину мира, разбил старые кумиры, заставил по-новому взглянуть на цивилизацию, государство, социальную действительность, земельную собственность, семью и церковь. В.В. Розанов показал, что Толстой повернул сознание современников к христианству, несмотря на то, что он сам не был посвящен в полноту откровений этого учения. Людей, загипнотизированных «научным мировоззрением», он заставил всматриваться в главное — «единое на потребу»: поставил вопросы, которые рассудочное мышление его времени отметало как «детские», не имеющие ответов. Как никто другой, Толстой обличал ложные пути европейской цивилизации, показывая, что мир, который называет себя христианским, таковым не является. Через изображение жизни и смерти, писал Розанов, «Толстой глубже и глубже ведет нас в совершенно новый дух, в совершенно другое ощущение жизни, другую меру ее, чем какими

² Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. С. 210.

он сам руководился и жил»³. Верно замечено, что Толстой в своем духовном развитии поднялся над самим собой — писателем и человеком. Кому же по силам было постичь загадку его жизни и смерти?

В литературных и читательских кругах эмиграции Бунина признавали первым по значению наследником и преемником Толстого. Он и сам, отбросив «ложную скромность», разделял это мнение и своей книгой способствовал его укреплению. Бунина, несомненно, вдохновляло и поддерживало прежде всего чувство литературного, национального и «сословного» родства с Толстым: в книге заметно желание автора подчеркнуть не только литературную преемственность, но и общность кодекса нравственных ценностей, который вырабатывался в дворянских гнездах. Он показал, что форма усадебного помещичьего быта порождает духовную независимость и нравственное благородство: и эти качества сказались в Толстом. Бунин подчеркивает и внешние обстоятельства, которые их сближают: особенности языка и говора, сформированные малой родиной, очарование природы, которое им было дано так остро чувствовать и так тонко передавать в слове. Создавая портрет предшественника, Бунин рассматривает с ним рядом и самого себя, в то время, когда они встречались, и порой, не замечая этого, любит сам собой в молодости. Этот двойной ракурс добавляет штрихи к его собственному литературному и психологическому автопортрету. Нобелевская премия 1933 г., принеся Бунину международное признание, была своего рода подтверждением его права на первенство среди духовных наследников Толстого. Но с другой стороны, настаивая на родстве с Толстым, Бунин стремился вычеркнуть из памяти другие наследственные черты — свою былую принадлежность к «подмаксимовкам», группе писателей, которых вывел в большую литературу М. Горький.

Своеобразная «одержимость» Бунина Толстым отмечена многими мемуаристами. В своем дневнике за 27 августа 1928 г. Г.Н. Кузнецова писала: «Сегодня он пишет статью для «Послед-

³ Розанов В.В. Толстой между великими мира // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 311.

них новостей» о Толстом. Толстой неизменно живет с нами и в наших беседах, в нашей обычной жизни»⁴. Другие мемуаристы также отмечали, что Толстой был одним из центральных предметов бесед и устных воспоминаний Бунина. Вспоминая прогулки с Буниным в окрестностях Грасса, А.В. Бахрах писал: «Почти неизбежно в какой-то момент он возвращался к Толстому. Без упоминания имени Толстого не обходилась, кажется, ни одна прогулка»⁵. При жизни Бунина Г. Адамович не раз писал в своих статьях о его духовном и литературном родстве с Толстым, порой с элементом ироничной преднамеренной лести намекал на это родство в письмах Бунину. После смерти Бунина критик сожалел о том, что не с кем будет поговорить о Толстом.

Восхищение мастерством Толстого Бунин ощущал на протяжении всей своей жизни. 22 июля 1890 г. он писал брату Юлию: «Читаю “Войну и мир” и в некоторых местах прихожу в неистовый восторг. Что за прелесть, например, эта Наташа! Великое мастерство! Просто благоговение какое-то чувствую к Толстому!»⁶ В своей книге Бунин подробно рассказывает о своем трепетном отношении к писателю: «Мечтать о счастье видеть его я начал очень рано. Мальчиком я уже имел некоторое представление о нем, но не из чтений его книг, а по разговорам у нас в доме. Между прочим, помню, что отец нередко смеялся, рассказывая, как читают “Войну и мир” наши соседи помещики: один читает только “Войну”, а другой только “Мир”, — один, читая, пропускает все, что касается войны, а другой — наоборот. И чувства к Толстому были у меня тогда уже не простые»⁷.

⁴ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. С. 75.

⁵ Бахрах А. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж: La Presse Libre, 1980. С. 14.

⁶ Бунин И.А. — Бунину Ю.А. 22 июля 1890 г. // Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 35.

⁷ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент., подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. С. 61.

Отец Бунина в молодости участвовал в обороне Севастополя и рассказывал сыну, что встречал писателя во время севастопольской кампании. И мальчик смотрел на него во все глаза: «живого Толстого видел!» В своей книге Бунин признается: «В ранней молодости я был совершенно влюблен в него, в тот мной самим созданный образ, который томил меня мечтой увидеть его наяву. Мечта эта была неотступная, но как я мог тогда осуществить ее?»⁸ Однажды он не выдержал и, приказав оседлать коня, поскакал в сторону Ясной Поляны. Но, оказавшись в уездном городе Ефремове, испугался, начал мучительно сомневаться, ехать или не ехать, присел на скамейку в городском саду и заснул, а утром отправился домой.

В 1893–1894 гг. Бунин пережил увлечение «толстовством». Молодой писатель не ограничивался чтением брошюр, он посещал общины толстовцев на Украине и деятельно пытался «опрощаться», осваивал бондарское ремесло: собственноручно набивал металлические обручи на деревянные бочки. Трудно представить его в кругу простых, занятых тяжелым трудом людей, тех фанатичных последователей толстовства, которых даже в семье Толстого называли «дикими» и «темными». Бунин и сам пишет, что «за некоторыми исключениями, это был совершенно несносный народ»⁹. Многие из них доводили заветы учителя до пародии, толстовство было для них модой, возможностью отличиться. Среди них, как пишет Бунин, были «люди необыкновенно скучные, тупые и самомнительные, хотя с виду весьма смиренные»¹⁰, были откровенные лицемеры, мучившие себя мужицким трудом и лгавшие и себе и другим, что счастливы этим. В Полтаве Бунин попал в подмастерья к журналисту Тенеромо, о котором он пишет, что «это был «нестерпимый ритор, софист, занимавшийся бондарным ремеслом». Такие «последователи» только роняли авторитет учения и ставили под сомнение искренность учителя.

«Толстовство» этого рода не было для Бунина самоцелью, примыкая к этому движению он надеялся сблизиться с чело-

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Там же. С. 64.

веком, о котором говорила вся Россия, стремился, как он пишет, «войти в число людей, приближенных к нему»¹¹. На первом этапе своего литературного ученичества Бунин открывал в Толстом новое художественное видение, мастерство словесной передачи тончайших впечатлений и переживаний. А поскольку писательство Бунин уже в те годы осознал как дело своей жизни, он создавал для себя литературный кумир, в чем сам искренне признается в своей книге.

Тем не менее, его упорное и, можно сказать, вынужденное общение с толстовцами помогло ему воплотить свою мечту. В июле 1893 г. он отправил Толстому письмо с отгиском своего рассказа «Деревенский эскиз» (другое название «Танька») и сопроводил его объяснением: «Не удивляйтесь, что получите при этом письмо брошюрку <...>. Посылаю её Вам, как человеку, каждое слово которого мне дорого, произведения которого раскрывали во мне всю душу, пробуждали во мне страстную жажду творчества»¹². В декабре 1893 – январе 1894 г. толстовец Волкенштейн пригласил Бунина отправиться с ним вместе в Москву к Толстому. Бунин пишет: «Трудное это было путешествие. Ехали мы в третьем классе, с пересадками, все норовя попадать в вагоны наиболее простонародные, ели “безубойное”, то есть черт знает что, хотя Волкенштейн иногда и не выдерживал, вдруг бежал к буфету и с страшной жадностью глотал одну за другой две-три рюмки водки, закусывая и обжигаясь пирожками с мясом»¹³.

И вот наконец они в Москве, в гостинице. Волкенштейн тут же отправился к Толстому, но своего попутчика с собой не взял, объяснив, что надо «предупредить» писателя о новом посетителе. Звучало это неубедительно, так как дом Толстых всегда был полон гостей самого разного рода, причем классовые и сословные границы не принимались в расчет. «Как рассказать все последующее?» — спрашивает Бунин, заставляя читателя

¹¹ Там же. С. 62.

¹² Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 182.

¹³ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. С. 64.

насторожиться перед центральным мемуарным эпизодом. И в этом месте он дает мастерское описание природы, которое создает классическую эмоциональную «ретардацию» в развитии событий.

«Лунный морозный вечер. Добежал, стою и едва перевожу дыхание. Кругом глушь и тишина, пустой лунный переулок. Передо мной ворота, раскрытая калитка, снежный двор. В глубине, налево, деревянный дом, некоторые окна которого красновато освещены. Еще левее, за домом, — сад и над ним тихо играющие разноцветными лучами сказочно-прелестные зимние звезды. Да и все вокруг сказочное. Какой особый сад, какой необыкновенный дом, как таинственны и полны значения эти освещенные окна: ведь за ними — Он! И такая тишина, что слышно, как колотится сердце — и от радости, и от страшной мысли: а не лучше ли поглядеть на этот дом и бежать назад?». Но на этот раз молодой писатель не позволил себе слабости: «Отчаянно кидаюсь наконец во двор, на крыльцо дома и звоню»¹⁴.

Надолго запомнится этот живописный набросок дома и сада, в котором благоговение перед гением выражено более ярко из-за своей сдержанности, переноса внимания на внешние впечатления. Встреча состоялась 4 января 1894 г. в московском доме Толстого в Хамовниках. Она была краткой, но в книге, созданной более сорока лет спустя, она описана так живо, словно состоялась накануне. Быстрыми штрихами дает Бунин портрет Толстого, вышедшего в гостиную из крошечной комнаты, служившей ему кабинетом. Между писателями произошел короткий, вполне «светский», но в то же время по-толстовски назидательный разговор.

«— Бунин? Это с вашим батюшкой я встречался в Крыму? Вы что же, надолго в Москву? Зачем? Ко мне? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никак не может быть целью жизни... Садитесь, пожалуйста, и расскажите о себе...»¹⁵ Во время этой встречи Толстой уговаривал Бунина не слишком рьяно предаваться «опроце-

¹⁴ Там же. С. 65–66.

¹⁵ Там же. С. 67.

нию», заметив, что в таком деле нельзя себя принуждать. Он советовал: «Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилуйте себя, не делайте мундира из нее, во всякой жизни можно быть хорошим человеком...» Свою мысль Толстой высказал в письме Бунину от 23 февраля 1894 г.: «Не ждите от жизни ничего: лучше того, что у вас есть теперь, и момента более серьезного и важного, чем тот, который вы теперь переживаете, не может быть, потому что он настоящий и один в вашей власти. Не думайте тоже о форме жизни, иной, более желательной: все безразличны. Лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовной силы. А я думаю, что это напряжение духовной любовной силы очень нужно вам для того, чтобы удержать хорошие отношения с женою и, вместе с тем, не переставая в мыслях и деле идти вперед в деле христианского совершенствования и служения богу»¹⁶. Удивительно, что в своей книге о Толстом Бунин не приводит подробностей этого письма, а ведь в нем выражено настоящее, духовное толстовство, а также мудрое и бережное отношение признанного гения к судьбе начинающего автора.

По всей видимости, пронизательный Толстой сразу понял, что молодой писатель примкнул к толстовцам не из пристрастия к крестьянскому труду, а из любви к литературе и из естественного желания обрести литературного наставника. Однако Толстой в то время уже иначе, чем раньше, смотрел на художественную словесность и не находил в ней той единственной цели жизни, которая освещала ему дорогу в молодости.

Бунин сообщает, что в доме Толстого он видел и «самого» В.Г. Черткова. Его поразила породистая внешность и холодное надменное лицо ближайшего помощника Толстого. Он вспоминал, что Софья Андреевна, наделенная даром меткого слова, называла Черткова «идолом». Бунину это определение показалось очень точным, и он ничего к нему не прибавил.

Надо сказать, что отношение Бунина к Софье Андреевне, а также к сыновьям, родственникам и ближайшим соратникам Толстого выражено в книге очень сдержанно. Только по от-

¹⁶ Толстой Л.Н. — Бунину И.А. 23 февраля 1894 г // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. Т. 67. С. 48.

дельным портретным штрихам можно судить о его симпатиях и антипатиях. Он достигает своих целей чисто художественными средствами: например, описывая внезапное появление в гостиной Софьи Андреевны, он упоминает шорох дорогого шелка ее элегантного черного платья, которое так контрастировало с крестьянским обликом знаменитого писателя. Бунин подчеркивает контраст простоты гения и притязательной изысканности его жены визуальными и акустическими средствами: шуршание шелка усиливает ощущение бесшумности и мягкости движений Толстого. Бунин точно почувствовал основной тон отношений супругов: бесстрашный обличитель власть имущих, Толстой «стушевывался» перед Софьей Андреевной и уступал ей из опасения ссоры, из страха нарушить неустойчивый семейный мир. Это наблюдение Бунин передает штрихами, отобразившими мимику, жесты, смену тона голоса Толстого: «И он тоже поднялся и с извиняющейся, даже как бы виноватой улыбкой, глядя мне прямо в лицо своими маленькими глазами, в которых все была какая-то темная грусть, опять забрал мою руку в свою: — Ну, до свидания, до свидания, дай вам Бог, приходите ко мне, когда опять будете в Москве... Не ждите многого от жизни, лучшего времени, чем теперь у вас, не будет... Счастья в жизни нет, есть только зарницы его — цените их, живите ими...» (строки из письма Толстого Бунин здесь передает как услышанные в устной форме). Можно понять охватившее Бунина волнение: «И я ушел, убежал и провел вполне сумасшедшую ночь, непрерывно видел его во сне с разительной яркостью, в какой-то дикой путанице...»¹⁷ Конечно, Бунин тогда и не мог предположить, что Софья Андреевна, как пишут мемуаристы, специально эффектно появлялась в подходящий момент, чтобы освободить мужа от очередного посетителя.

Описывая жизнь в яснополянской усадьбе и городском поместье в Хамовниках, Бунин подчеркивает отлаженность и размеренность толстовского быта, подчиненность этого быта ритму его труда. Имения давали Толстому необходимое для

¹⁷ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 68.

писательской работы ощущение устроенного домашнего очага, психологической защищенности и независимости.

Из описания общения с Толстым и толстовцами создается впечатление, что Бунин не до конца верил в искренность его «опрощения», в готовность отказаться от собственности, от авторских прав и литературной славы. Все это представлялось Бунину некой театральной игрой, в которой он сам был готов принять участие. Однако хватило одного намека со стороны Толстого, чтобы избавить его от навязанного самому себе «толстовства». Вернувшись в Полтаву, Бунин перестал набивать обручи, но нашел для себя другое дело, более важное для укрепления связи с Толстым: он открыл книжную лавку для распространения изданий «Посредника».

На протяжении всей жизни Бунин оставался жадным читателем Толстого. Записи дневника периода эмиграции свидетельствуют о том, что он многократно перечитывал «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресенье», повесть «Казачьи» и многие другие произведения. Именно Толстой, а не Пушкин, представлял для него «наше все». В дневниковой записи от 17 марта 1916 г. Бунин ставит Толстого выше Пушкина: «Пушкин молодым писателям нравственно вреден. Его легкое отношение к жизни безбожно. Один Толстой должен быть учителем во всем»¹⁸.

У Бунина никогда не остывал интерес ко всем деталям жизни Толстого, он жадно поглощал все публиковавшиеся материалы о нем, биографические исследования, издания дневников, писем, документов. С годами Толстой как бы прорастал в его душе, становясь его другом и поверенным его душевных мук и сомнений. В январской записи 1922 г. отражены впечатления от чтения одного из жизнеописаний Толстого: «По ночам читаю биографию Толстого, долго не засыпаю. Эти часы тяжелы и жутки. Все мысль: “А я вот пропадаю, ничего не делаю”. И потом: “А зачем? Все равно — смерть всех любимых и одиночество великое — и моя смерть!”»¹⁹. Мысль о неудовлетворительности

¹⁸ Бунин И.А. Дневник. 17 марта 1916 г. // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 2000. Т. 7. С. 384.

¹⁹ Бунин И.А. Дневник. 10 января 1922 г. // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 403.

жизни и о неминуемой смерти выражена Буниным в толстовской стилистике.

Как уже было отмечено, в 1926–1928 гг. Бунин опубликовал в периодике эмиграции мемуарные очерки, посвященные приближавшемуся столетнему юбилею Толстого. Но в последующие годы мемуарный подход перестал удовлетворять его: писательское воображение все больше мучила загадка духовной драмы Толстого, его одержимость идеей «освобождения». Задумывая книгу, Бунин включил в нее уже написанные мемуарные части и дополнил их развитием новой темы — историей духовных исканий Толстого позднего периода. Предшествовало этой работе очередное обращение к романам: в 1933 г. Бунин перечитывал «Воскресение», «вероятно, в десятый раз», как он отмечает в дневнике. Мнение Бунина об этом романе далеко не типично для его времени: «Никогда так не ценил его достоинства (просто сверхъестественные в общем, несмотря на множество каких-то ожесточенных парадоксов, что ли)»²⁰. В том же году он записывает: «За последнее время опять — в который раз! — перечитал “Анну Каренину” и “Войну и мир”. Нынче кончил почти четвертый том — осталась последняя часть «Эпилога». Про Наполеона неотразимо. Испытал просто ужас, и *до сих пор* обожествлен!»²¹ Очевидно, что книга Бунина о Толстом стала итогом не просто профессионального интереса, но страстного увлечения всей жизни.

1 июля 1936 г. Бунин отмечает в дневнике: «Все занят “Освобождением Толстого”»²². Его внимание в это время особенно притягивают толстовские дневники: в них он находит не только документальное свидетельство духовной биографии, но и образец уникального литературного жанра. К жанру дневника у Бунина давно сложилось особое отношение, о чем свидетельствует запись от 23 февраля 1916 г.: «...Дневник — одна из

²⁰ Бунин И.А. Дневник. 1 октября 1933 г. // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 421.

²¹ Бунин И.А. Дневник. 17 ноября 1933 г. // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 421.

²² Бунин И.А. Дневник. 1 июля 1936 г. // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 427.

самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие»²³. Г.Н. Кузнецова отметила сходное мнение, высказанное Буниным 12 лет спустя, 28 декабря 1928 г.: «Нет ничего лучше дневников — все остальное брехня!»²⁴

Особое отношение Бунина к дневниковому жанру как к самой перспективной литературной форме сформировалось во многом именно под воздействием дневников Толстого. Заметно, что и в своих дневниках он порой перенимает толстовскую стилистическую манеру, подхватывает его темы, мотивы, ставит его вопросы, развивает начатые им мысли. По всей видимости, для него это тоже был вид освоения литературного мастерства, причем представленного в неких новых, неизведанных формах свободного размышления, духовно-религиозной медитации, беседы «наедине с собой». Мастерство непосредственной передачи мысли и чувства, отличающее дневники Толстого, становится для Бунина путеводной звездой: пожалуй, никто до него не вникал с таким пристрастием в природу словесной стилистики его дневников и записных книжек.

Одним из центральных мотивов, «настраивающих» на толстовский лад, является в дневниках Бунина мотив смерти. Испытывая ужас перед неизбежным переходом в иной мир, он ищет у Толстого объяснения этой страшной тайны, у него же пытается найти «философское утешение». Узнав о смерти брата, он обращается к Толстому «за духовной поддержкой»²⁵. Однажды, проведя ночь за чтением биографии Толстого, он записывает в дневнике: «Ночью вдруг думаю: исповедаться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом

²³ Бунин И.А. Дневник. 23 февраля 1916 г. // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 383.

²⁴ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. С. 96. См. также: Михайлов О.Н. Бунин в своих дневниках. Введение к публикации дневников И.А. Бунина. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevniki-bunina-8.htm> (дата обращения: 28.07.2021).

²⁵ Пономарев Е.Р. Отзывы современников о книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1995. № 4. С. 168–171.

монастыре, под Вологдой! Затрепетать от власти его, унизиться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца...»²⁶. По теме это похоже на Толстого, однако дух здесь иной, особенно замечание о «жалком монахе» выбивается из толстовского стиля. Гораздо точнее бунинские самооценки звучат там, где он углубляется в эстетику словесного творчества, ищет родства с Толстым по линии художественного мироощущения. Ссылаясь на Толстого, он пишет о своем творческом «естестве»: «Я как-то физически чувствую людей» (Толстой). Я всё физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду — и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно!»²⁷.

По всей видимости, Бунин взялся за свою итоговую работу о Толстом в сложном, даже болезненном душевном состоянии. Погружение в жизнь и внутренний мир Толстого давало ему возможность завуалированно высказаться о собственной внутренней трагедии. В эти годы его тревожили докатывавшиеся до Грасса революционные настроения, напоминавшие ему о событиях в России. 14 июня 1936 г. в связи с массовыми выступлениями в Париже и Грассе он записывает в дневнике: «Надо серьезно думать бежать отсюда»²⁸. С другой стороны, очевидным для него стал неизбежный разрыв отношений с Г. Кузнецовой, обострилось чувство вины перед Верой Николаевной. Однако более всего подавляла его дух надвигающаяся старость. Как ни покажется странным, Бунина преследовало чувство собственной нереализованности: он не был удовлетворен изданием своих произведений как в русских издательствах эмиграции, так и в переводах на другие языки. Получение Нобелевской премии, всемирное признание его заслуг перед литературой хотя и было для него долгожданным и радостным событием, тем не менее оно не принесло ему душевного равновесия. О том, что нобелевский лауреат в изгнании чувствовал себя непризнанным,

²⁶ Бунин И.А. Дневник. 10 января 1922 г. // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 403.

²⁷ Там же.

²⁸ Бунин И.А. Дневник. 14 июня 1936 г. // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 427.

свидетельствуют записи его дневника. 6 июля 1935 г. он отмечает: «Без конца длится страшно тяжелое для меня время»²⁹. 9 мая 1936 г.: «Чудовищно провел два года! И разорился от этой страшной и гадкой жизни»³⁰. Неудачно заключенные издательские договоры, финансовые проблемы, а главное — невозможность исправить это положение: «И впереди старость, выход в тираж»³¹. В записи от 24 апреля 1936 г. он описывает свою жизнь как «непрерывную, двухлетнюю муку»³². 7 июня он признается: «Собственно, уже два года болен душевно, — душевнобольной»³³. Хотя и в другой ситуации, Толстой тоже часто высказывал сомнения в своем душевном здоровье. Правда, в более светлые минуты он видел, что проблема не в нем самом, а во всеобщем безумии, на фоне которого сумасшедшими казались как раз нормальные люди.

Толстовское «освобождение» и «уход» так живо захватили Бунина именно потому, что он сам осознал свою несвободу, почувствовал, как важно в последние годы отбросить все, что сковывает дух. Сопереживание Толстому становилось своего рода психологической терапией, и трудно сказать, что ему в действительности было больше нужно: покаяние перед «жалким монахом», или жажда самоутверждения как художника и избранника судьбы. В дневниках Бунина за 1936 г. часто повторяется не только мотив смерти, но и ощущение бессмысленности жизни, а порой и страх перед надвигающимся безумием. Всматриваясь во все детали толстовского ухода из семейного дома, из устроенного быта Ясной Поляны, Бунин в это время обдумывал свое собственное «бегство» от внутреннего кризиса и неразрешимых проблем личной жизни.

Необычна хронологическая структура мемуарной части книги Бунина: события расположены ретроспективно, в свете последнего ухода Толстого. «Думая о его столь долгой и столь во всем удивительной жизни, высшую и все разъясняющую

²⁹ Бунин И.А. Дневник. 6 июля 1935 г. // Там же. С. 424.

³⁰ Бунин И.А. Дневник. 9 мая 1936 г. // Там же. С. 426.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 425.

³³ Там же. С. 426.

точку ее видишь как раз тут — в его бегстве из Ясной Поляны и в его кончине на этой станции. Думая об этом и о долгих годах великих страданий, этому предшествовавших, никак не избежнешь мысли о путях Иова, Будды, даже Самого Сына Человеческого»³⁴. Последние годы жизни и уход из Ясной Поляны в глазах Бунина возвышают Толстого до масштаба древних мудрецов и библейских пророков, и, как видим, даже допускают сравнение с Христом. Это не случайная параллель, Бунин проводит ее и дальше, вспоминая евангельскую притчу о трех искушениях в пустыне: «Кто был так искушаем, как Толстой, кто так любил “царства мира и славу их”?»³⁵ В этом фрагменте в мемуарах Бунина с наибольшей силой проявился дух «житийного» жанра, писатель свидетельствует: в лице Толстого перед нами не просто великий писатель, но подвижник и пророк.

Однако доминирующей в книге оказывается все же не христианская тема. Основную тональность задает изречение из буддийского канона, которое выступает в роли эпитафии: «Совершенный, монахи, не живет в довольстве. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайший Будда. Отверзите уши ваши: освобождение от смерти найдено»³⁶. В параллель к этой

³⁴ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 48.

³⁵ Там же.

³⁶ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 21. Исследователи восточных мотивов в произведениях Бунина указывают в качестве источника этой цитаты книгу Г. Ольденберга «Будда. Его жизнь, учение и община». Эта книга, переведенная с немецкого, неоднократно издавалась в России (1884, 1890, 1898, 1905). В издании 1890 г., доступном в сетевом ресурсе, цитата находится на первой странице «Введения» во втором абзаце. Другой важнейший источник — переводное издание индийской книги монашеских изречений «Сутта-Нипата», входящей в буддийский канон. Обе книги имелись в библиотеках Толстого и Бунина и, по наблюдениям исследователей, оба писателя неоднократно к ним обращались. См.: Чебоженко О.С. Восток в художественном сознании И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004; Смольянинова Е.Б. Буддийский Восток в творчестве И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007; Тагавердиева З.Р. Буддизм в творчестве И.А. Бунина // Инновационная наука. 2015. № 6. С. 170–173. В указанных работах приво-

буддийской благой вести Бунин приводит высказывание Толстого: «Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышления и что сущность жизни вне этих форм, но вся жизнь наша есть все большее и большее подчинение себя этим формам и потом опять освобождение от них...»³⁷. Здесь Бунин ссылается на незаконченное сочинение Толстого, которое он приводит под названием «Первые воспоминания». В рукописи Толстого это произведение называется «Моя жизнь». Работу над ним писатель начал в 1878 г.: в записи дневника за 22 мая отмечено: «Начал писать свою жизнь»³⁸. «Моя жизнь», ставшая предвестием «Исповеди», вошла в 23 том 90-томного собрания сочинений вместе с важнейшими религиозно-философскими произведениями: «Исповедь» и «В чем моя вера». Этот том, вышедший в свет в 1957 г., не был доступен Бунину и скорее всего, при цитировании он опирался на публикацию этого фрагмента в сборнике «Русским матерям», где он был опубликован под издательским заголовком «Первые воспоминания»³⁹.

Высказывание Толстого об освобождении от чувства времени и пространства Бунин связывает с его уходом из Ясной Поляны: «Астапово — завершение “освобождения”, которым была вся его жизнь, невзирая на всю великую силу “подчинения”»⁴⁰. Далее он еще не раз вернется к этой теме, размышляя о зыбкости представлений о времени и пространстве как об элементах эстетического мировосприятия. Ощущение иллюзорности основных координат материального мира является для него свидетельством художественной природы.

Бунин считает, что в стремлении Толстого освободиться от форм материальности, то есть пространства, времени, причин-

дится обширная библиография исследований, касающихся роли восточных учений в творчестве Бунина.

³⁷ Цитата приведена по основному источнику: *Толстой Л.Н. Моя жизнь // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 23. С. 471.*

³⁸ *Толстой Л.Н. Дневник. 22 мая 1878 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 48. С. 70.*

³⁹ *Толстой Л.Н. Первые воспоминания // Русским матерям. 1892. С. 2–6.*

⁴⁰ *Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 21.*

но-следственных связей, скрыт ключ к его поздней философии, и его поражает, что этому высказыванию еще не было уделено должного внимания («В этих словах, еще никем никогда не отмеченных...») Бунин видит в этом размышлении «буддийскую» истину, в то время как в действительности эта мысль Толстого находится в русле поставленной Кантом темы познания и той роли, которую играют в нем координаты материального мира: время, пространство, причинность. Для Толстого одна из ключевых проблем — возможность научного и художественного познания мира. Дневник Толстого изобилует замечаниями о времени, пространстве и (реже) о причинности как формах восприятия и мышления. Эти формы он, как внимательный читатель Канта, считает присущими мышлению человека, но не реальному миру. Он согласен и с утверждением Шопенгауэра, что пространство и время — это лишь «мое представление».

По всей видимости, Толстого волнует не только эстетическое преломление этих категорий, он усматривает здесь решение важнейших философских проблем о познаваемости реального мира и о том, что первично, дух или материя. Подлинная реальность и смысл мира лежат за пределами видимого мира, они не имеют пространственно-временных, материальных координат: вот, пожалуй, открытие, которое было наиболее важным для Толстого как мыслителя и как художника. Это открытие вызвало переворот в его мироощущении. Как он пишет, самое главное для человека научиться сознать себя «духовным существом», тогда как люди привыкли отождествлять себя со своим телом, возрастом, полом, социальным положением, рангом, профессией. В сознании себя духовным существом для Толстого и заключается важнейшая форма освобождения.

Возникает вопрос, насколько смысл толстовского «освобождения» совпадает, и пересекается ли вообще, с идеей «освобождения от смерти» в приводимой Буниным цитате из буддийского канона. Думается, что в понятие «освобождение» Толстой вкладывал гораздо более многозначный смысл: гносеологический, социальный, эстетический и экзистенциальный, и речь здесь идет не только и не столько о смерти. Толстой далеко не ограничивался тем канонам буддийского учения, который он освоил с молодых лет. Буддистский взгляд на мир помогал ему

решить более широкую задачу: очистить сознание от привычной, «внушенной» техники мышления. Такое «освобождение» необходимо ему и как художнику, и как философу для того, чтобы увидеть реальность без наложения на нее координат человеческого «представления». Эта задача для Толстого — одна из важнейших, как в области философского созерцания, так и в художественном творчестве. Идея толстовского «остранения», о котором писал В.Б. Шкловский, основывается именно на желании сбросить укоренившиеся установки сознания и увидеть мир таким, каким он был создан Богом, а не разумом и воображением человека.

Дневники Толстого содержат множество высказываний, со звучащих теме освобождения духа от пленения плотью и материей. Например: «Вся жизнь есть освобождение — сознательное и бессознательное — от похотей плоти, от плотской жизни. Смерть есть это полное освобождение»⁴¹. «Единственный разумный и согласный с сознанием смысл жизни есть освобождение духа от этих условий (имеется в виду пространство и время. — О. К.). Жизнь есть постепенное — смерть — полное освобождение»⁴². Как следует из этих высказываний, Толстой ищет не освобождения от смерти, как представляется Бунину, а освобождения духа от материи. Смерть он начинает осмысливать как средство и путь к этому освобождению. В поздние годы смерть означает для него переход в духовную форму жизни, и именно в этом смысле он «освобождается от смерти», от страха перед ней.

Толстовское понимание освобождения не совпадает с идеей буддистского мироотречения, и скорее всего, даже противоположно ей. Глубоко изучая буддизм на протяжении всей жизни, Толстой, тем не менее, по-своему толкует его идеи и образы. Это особенно явственно раскрывается в его переписке с А.А. Фетом. Обсуждая с ним положения философии А. Шопенгауэра, также ориентированной на буддизме, Толстой говорит

⁴¹ Толстой Л.Н. Дневник. 23 марта 1907 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 56. С. 113.

⁴² Толстой Л.Н. Дневник. 29 ноября 1908 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 56. С. 159.

об «освобождении от сансары» и «вглядывании в нирвану» мудрейших людей, святых и гениев. Но очевидно, что речь здесь не идет об уходе от мира. Толстой восхищается способностью мудрецов переводить свой взгляд с «сансары» на «нирвану», с этой жизни — за ее пределы. Он отмечает, что «взгляд в нирвану укрепляет зрение»⁴³. В этом случае «нирвана» означает для него взгляд на жизнь под знаком вечности, нечто близкое тому, что Достоевский называл «касаниями мирам иным». Как и для Достоевского, эти касания важны для Толстого не сами по себе, но как способ освещения земного мира светом вечности. Бунин понимает нирвану иначе — для него это умиротворенное состояние духа, независимость и покой художника, свобода как условие творчества.

Толстовское понятие «освобождения» настолько многогранно, что исчерпать его содержание невозможно. Его можно рассматривать в аспекте метафизики, гносеологии, эстетики и социально-политической мысли. Революционность «освобождения» Толстого как человека христианской культуры заключалась в разрушении кумиров власти, государства, цивилизации, в разоблачении веры в прогресс науки и техники. Толстой развенчивал и ценности либеральной демократии: веру в народовластие, в разумность всеобщего избирательного права, в ценность мнения «большинства». В статье «О значении русской революции» (1906) он пишет, что освобождение начинается прежде всего с революции сознания, с отказа от ложных убеждений, от суеверий, от «стадных внушений».

В статье «Неделание» (1893) он призывает прекратить ненужную и даже вредную деятельность, направленную на укрепление власти человека над человеком, человека над природой. Он призывает задуматься о смысле этой деятельности, освободиться от привычки жить «по преданию человеческому» и «по стихиям мира сего», от установок жить «как все». Размышляя о ходе технической цивилизации, он вспоминает притчу о Вавилонской башне, которую люди пытались построить ради удовлетворения своей гордыни. «Освобождение», по Толстому, начинается пре-

⁴³ Толстой Л.Н. — Фету А.А. 28–29 апреля 1876 г. // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 62. С. 272.

жде всего с отказа от ценностей, навязанных «прогрессом цивилизации», от «добровольного рабства» нашего времени, от предклонения перед кумиром государства, денег, науки и техники. Толстой убежден, что истинный прогресс заключается в революции сознания. «Перемену в мысли он сравнивает с «изменением курса», «поворотом корабля после поворота руля»⁴⁴.

Широчайший диапазон религиозно-реформаторского понимания освобождения раскрывается в наиболее радикальных по мысли публицистических произведениях Толстого: «Рабство нашего времени» (1900), «Конец века» (1905), «Единое на потребу» (1905), «Не могу молчать» (1906), «Единая заповедь» (1909), «Неизбежный переворот» (1909; первоначальное название «Неизбежная революция сознания»), «О безумии» (1910). В них он призывает к освобождению сознания от передаваемых из поколения в поколение внушений и суеверий. От этой зависимости освобождает только истинная религия. Познание Истины — то есть настоящего Бога — освобождает от поклонения ложным богам.

Через всю философскую публицистику Толстого проходит мысль о необходимости изменения мировоззрения, «жизнепонимания». Самую масштабную и глубокую революцию в сознании совершило, по его убеждению, евангельское учение. Он верил, что если бы человечество смогло последовать за Христом, исполняя заповедь любви к Богу и к ближнему, а также заповедь непротивления злу силой, жизнь могла бы реально измениться. В июле 1900 г. Толстой записал в дневнике: «Христианство, если только оно искренно принято, действует, как самый страшный динамит, разрывая все старое и открывая новые бесконечные горизонты»⁴⁵. Эта мысль повторяется у Толстого неоднократно в разных контекстах. В наиболее краткой форме она занесена в записную книжку: «Христианская истина — динамит»⁴⁶, а в

⁴⁴ Толстой Л.Н. Неделание // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 29. С. 196.

⁴⁵ Толстой Л.Н. Дневник. 12 июля 1900 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 54. С. 30.

⁴⁶ Толстой Л.Н. Записная книжка с января 1900 по март 1901 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 54. С. 220.

наиболее полной версии она представлена в «Круге чтения»⁴⁷. Гносеологические, психологические и социальные аспекты этой мысли Толстой развивает в статье «Конец века» (1905): «Христианское учение провозглашало закон полной свободы человека, но при необходимом условии подчинения высшему закону, во всем его значении»⁴⁸. Проблема восприятия этих истин заключается в том, что человеку, сознание которого лишено духовно-религиозного измерения, заповеди Христа кажутся невыполнимыми, а потому утопичными. Призывы Толстого к воплощению этих заповедей рационалистам и позитивистам представляются романтически возвышенными, но не жизненными. Между тем, Толстой провозглашает не социальную революцию, а прежде всего переоценку ценностей во всех сферах бытия: «Переворот, предстоящий теперь человечеству, состоит в освобождении себя от обмана повиновения человеческой власти»⁴⁹. При этом весь ход мысли Толстого исключает попытки приписать ему сочувствие революционерам. Освобождение, о котором он говорит, дается не социальным бунтом и не борьбой за социальные и политические реформы, а работой над собой, победой над своей «животной личностью», над своими эгоистическими страстями: «Для того, чтобы не повиноваться правительству, надо повиноваться Богу, т. е. жить доброй, нравственной жизнью. Только в той мере, в которой люди живут такою жизнью, то есть повинуются Богу, могут они и перестать повиноваться людям и освободиться»⁵⁰. Очевидно, что антиэтатизм и анархизм Толстого имеют не столько политическую, сколько в основе своей религиозно-философскую природу — суть его учения не в призыве к безвластию, а в объяснении зависимости человека от высшей сверхчеловеческой власти, которая учреждает и реальные законы бытия. Толстой полагает,

⁴⁷ Толстой Л.Н. Круг чтения. Т. 1 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 41. С. 173.

⁴⁸ Толстой Л.Н. Конец века // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 36. С. 243.

⁴⁹ Толстой Л.Н. Конец века // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 36. С. 257.

⁵⁰ Там же. С. 274.

что политические реформы, к примеру всеобщее избирательное право, дают лишь иллюзию свободы: «Люди эти подобны заключенным в тюрьмах, воображающим, что они свободны, если имеют право подавать голос при выборе тюремщиков»⁵¹. «Люди, не видят своего рабства, но гордятся им, считая себя свободными гражданами великих государств Британии, Франции, Германии, России, гордятся этим так же, как лакеи гордятся важностью тех господ, которым они служат»⁵².

Один из важнейших аспектов толстовской идеи освобождения — религиозно-духовный. Настоящей революцией Толстой считал переворот в понимании свободы. В статье 1906 г. он пишет: «Истинная же свобода человека заключается в покорности воле Бога. Поэтому один из первых шагов к *освобождению* — отказ от подмены божеской власти властью человеческой»⁵³. Писатель отстаивает понимание свободы, принесенное христианством, и верит в то, что именно оно должно быть воплощено в жизни. Апеллируя к евангельским заветам о свободе, он утверждает, что подменив божескую власть человеческой, то есть государственной и политической, люди отреклись от своей истинной свободы, дарованной им свыше. В том же году он записывает в дневнике: «Свободен только тот, кто считает себя рабом Бога и делает только то, чего хочет Бог»⁵⁴...

Религиозно-реформаторский, как и социальный аспект «освобождения» Толстого, в книге Бунина звучит приглушенно. Но никак нельзя сказать, что пафос толстовских политических выступлений был чужд Бунину. В первые годы большевистской революции и гражданской войны смысл толстовских предчувствий и пророчеств открывался ему в конкретном историческом опыте. В те «окаянные дни», когда все силы его души были сконцентрированы на осмыслении революционного террора, явственные признаки апокалипсиса заставили

⁵¹ Там же. С. 245.

⁵² Там же. С. 269.

⁵³ Толстой Л.Н. О значении русской революции // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 36. С. 344.

⁵⁴ Толстой Л.Н. Дневник. 9 ноября 1906 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 55. С. 268.

его прислушаться к толстовским обличениям хода западной цивилизации, власти государства над человеком, углубления социального неравенства и несправедливости в распределении благ.

Бунину, несомненно, были известны запрещенные цензурой статьи Толстого, которые он мог читать на страницах нелегального издания «Свободное слово», или в копиях, отпечатанных на гектографе и имевших хождение в среде интеллигенции. В те годы Бунин не только читал эти произведения, но и цитировал их в печати, проявляя большое гражданское мужество. В статье «Заметки: К девятой годовщине со дня смерти Л.Н. Толстого» (1919) писатель приводит цитаты из статей Толстого «Письмо революционеру», «О значении русской революции», «Единое на потребу», перенося толстовские обличения на преступления большевиков против России и русского народа. Наибольшее количество цитат он приводит из статьи «Единое на потребу: О государственной власти» (1905), в которой Толстой беспощадно клеймит русских царей, государственные учреждения и весь ход цивилизации. В этой же статье Толстой приводит большой фрагмент из трактата «О добровольном рабстве», принадлежащего перу Боэси, друга и единомышленника Монтеня.

В своей социальной публицистике Толстой обрушивал свой пророческий гнев не только на царское правительство, но и на революционеров, на саму идею насильственного социального переворота: он ясно видел, что замена одних господствующих классов новыми не меняет самого принципа власти. Предвидел он и то, что захват власти людьми, униженными вековым рабством, людьми, жадными до всего «господского», не только не ослабит, а многократно усилит деспотизм. В публицистике Толстого звучит призыв к отказу от подчинения любой организации, которая требует от граждан участия в войне и насильственных действиях. Этот отказ, по мысли писателя, не должен сопровождаться применением силы, однако нетрудно заметить, что сам по себе пафос толстовских выступлений очень далек от духа «непротивления».

Подобным же обличительным пафосом пронизаны бунинские «Окаянные дни». Писатель подчеркивал, что цитируя Тол-

стого, он делает дело, которое тот «горячо одобрил бы»⁵⁵. Можно только восхищаться отчаянной смелостью Бунина, открыто заявлявшего в печати: «Имею истинно лютую ненависть и истинно лютое презрение к революциям, да и можно ли не иметь этих чувств в эти дни, <...> стоя у самого края адовой пропасти, куда сорвалась Россия и где так несказанно страдают сотни тысяч еще живых, живых людей, гибнущих в слезах, в скорби, в тьме, в холоде, в голоде, среди пыток, расстрелов, <...> под пятой торжествующих мерзавцев, извергов и хамов!»⁵⁶.

Однако в книге «Освобождение Толстого», законченной в 1937 г., толстовская идея социального и мировоззренческого освобождения в значительной мере редуцирована: великий революционер духа представлен здесь как «старец Лев», как бывший жизнелюбец, с годами осознавший неизбежность смерти и бессмысленность какой-либо борьбы в этой перспективе. Бунин реалистично обрисовал ту атмосферу непонимания и враждебности, в которой Толстому приходилось отстаивать свои идеи. Оппоненты Толстого, в том числе «домашние его», жена, сыновья, близкие родственники считали его критику государственной власти проявлением душевной болезни. Более благодушные оппоненты называли его выступления «толстовскими глупостями». И только представители нового религиозного сознания, русские персоналисты, показали, что эти «глупости» выглядят совершенно иначе, если посмотреть на них «под знаком вечности», в религиозном и метафизическом аспекте. Бунин, конечно, не ставил перед собой задачу собрать в своей книге всю гамму суждений современников о социально-политических взглядах Толстого. Однако достаточно многообразная палитра мнений в книге все же представлена. При этом в хоре голосов, представленных Буниным, явно недостает некоторых высказываний, глубоко объясняющих как раз те идеи Толстого, которые с позиции рационального мышления представляются утопичными.

Чтобы понять суть убеждений Толстого, необходимо провести границу между «утопией» и «идеалом». К этому призывает

⁵⁵ Бунин И.А. Заметки // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. М.: Наследие, 1998. С. 39.

⁵⁶ Там же. С. 44.

исследование П.И. Новгородцева «Об общественном идеале» (1917). На идеи этого произведения знаменитого в свое время правоведа-философа ориентировались многие русские религиозные мыслители. Новгородцев признает, что элементы утопизма учению Толстого несомненно присущи: но это совсем не те идеи, которые возбуждают критику оппонентов. Утопизмом у Толстого, по Новгородцеву, можно признать отвлеченный морализм, максимализм, а также нравственный абсолютизм. Эти качества проистекают из смешения абсолютных и относительных ценностей. «Моральный максимализм заставляет его отрицать мир относительных ценностей», — пишет автор⁵⁷. К таким относительным ценностям относится и государство, отрицая которое, критик этатизма неизбежно оказывается на позициях анархизма. Утопизм Толстого можно увидеть и в том, что он требовал следования абсолютному идеалу человечности и разумности, отвергая любые исторические компромиссы на этом пути. Но при этом, как показывает Новгородцев, самые существенные положения учения Толстого относятся не к области утопии, а к сфере идеала. Если утопия является порождением человеческой мечты, то религиозный идеал имеет абсолютную и объективную ценность. Чтобы постичь абсолютный характер идеала, необходимо признать существование духовных законов, не зависящих от построений человеческого разума. Религиозный идеал выражен в евангельском призыве стать совершенными, раскрыть в себе «образ Божий». В философии идеал осмысливается как трансцендентальное, умопостигаемое, высшее «я». Кант обозначил этический идеал определением «угодная Богу человечность». У русских религиозных персоналистов, скажем, у Бердяева, идеал отождествляется с высшим «я» человека, которое он обозначает понятием «личность». В своей основе учение Толстого опирается на религиозный идеал человечности. Исходя из этого, Новгородцев определяет его мировоззрение как «реалистический идеализм», а философы-персоналисты как «идеал-реализм».

С.Л. Франк, в полном согласии с Новгородцевым, утверждает, что кажущийся утопизм идей Толстого преодолевается при

⁵⁷ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 95.

подходе к его идеям с религиозной точки зрения. При таком подходе его отношение к явлениям эмпирической социальной жизни перестает казаться наивным⁵⁸. Философ согласен с тем, что религиозный идеал — это путеводная звезда. Идеал недостижим в реальной жизни, но он является ориентиром, указателем направления движения. Непонимание природы идеала рациональным умом имеет ту же природу, что невосприимчивость к религиозным представлениям или метафизическим началам философии. Франк отмечал, что и Толстой не всегда последователен в своем представлении об идеале: все зависит от того, на что он опирается в своем рассуждении: на человеческий разум, или на истины откровения. Философ отмечает парадокс: Толстой, хотя и не верит в божественность Христа, тем не менее верит в абсолютную ценность христианских заповедей, в божественное происхождение сил правды и любви. Его вера — «для эллинов безумие», язычникам нового времени она кажется мечтой и утопией, тогда как для религиозного сознания она самоочевидна и естественна. Как пишет Франк, подлинно сущее бытие, бытие Истины и Любви — это религиозный миропорядок, проявление в земном существовании иного и высшего мира. Истина и любовь — подлинно реальные силы, темные силы зла — призраки.

Заявление Толстого о том, что христианство разрушительно для государства, многих возмущало, но религиозным мыслителям его мысль была близка и понятна. Вместе с Толстым они признавали, что христианский идеал невозможно реализовать, следуя путем современной цивилизации, поскольку она, по своим устремлениям, основывается на языческих ценностях, на интересах «естественного» человека. Среди заповедей Христа нет учения о государстве, в Евангелии не указаны пути научно-технического прогресса. Благая весть обращена не к построению политической системы, а к сердцу каждого человека, она не от «мира сего». В то же время, евангельские заповеди призывают отдавать кесарю кесарево, то есть признавать относительные земные порядки. Христос не отвергает

⁵⁸ Франк С.Л. Памяти Льва Толстого // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 450.

авторитет власти, но и не признает ее обожествления и абсолютизации, не допускает божеских почестей царю или правителю.

Мысль Толстого ориентируется на христианский идеал, но писатель не хочет признавать, что воплощение этого идеала предполагается за пределами земного времени. Ему, по всей видимости, чужда идея «эсхатологии», представление о том, что земная история имеет конец, после которого грядет новая земля и новое небо, где не собирают сокровищ и не строят вавилонской башни государства. Он уповает на установление Царства Божия уже здесь на земле, верит в то, что именно в земной истории необходимо и возможно радикальное внутреннее изменение человека, при котором отпадет необходимость во внешнем принуждении, в общественном иерархизме, в ограничительных функциях государственной власти, в судебной и пенитенциарной системе.

Но в тех случаях, когда Толстой обращается к внутренней работе человека над самим собой, сосредотачивается на необходимости изменения ума и очищения сердца, его идея «освобождения» звучит реалистично. Широкую смысловую гамму религиозно-духовных значений понятия «освобождение» содержит работа Толстого «Царство Божие внутри вас» (1893). Здесь речь идет о достижении внутренней свободы через очищение сознания от ложных представлений и ценностей, от созданных человеческим разумом кумиров и суеверий, от социальных внушений. В этой статье Толстого его представление об освобождении опирается на евангельскую заповедь: «И узнаете истину — и истина свободит вы» («И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Ин.8:32; «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете». Ин.8:36). В этой работе Толстого в концентрированной форме выражены освобождающие принципы христианского учения: «Освобождение это совершается не изменением внешних условий, а только изменением понимания своей жизни. Христианское жизнепонимание требует отречения от насилия и, освобождая человека, принявшего его, освобождает и мир от всякой внешней власти. Освобождение людей произойдет только через освобождение

себя каждым отдельным человеком»⁵⁹. Здесь аскетические задачи работы над собой соединяются с социальными задачами построения справедливого общества, в котором не останется места для власти человека над человеком.

Из всего многогранного понимания Толстым «освобождения» Бунин в своей книге акцентирует «буддийский» аспект: выход из суеты земного существования, из «сансары», из круговорота кармических воплощений. Буддийский аспект заметно преобладает над христианским: подчеркивается интерес Толстого к понятийному аппарату и символике буддизма, как и других восточных учений. Как показывает Бунин, Толстой стремится освободиться от суеты земного существования, чтобы достичь «нирваны», состояния чистой духовности. Несмотря на кажущееся совпадение поздних толстовских трактовок освобождения с восточной идеей «развоплощения», освобождения от материи, из высказываний Толстого в дневнике и в переписке явствует, что он далеко не полностью принимал восточные идеи. В буддизме его отталкивал дух мироотрицания, он усматривал в нем стремление к «освобождению ради освобождения», иначе говоря жажду бегства из этого мира. Неприятие этой стороны буддизма Толстой высказал в письме Н.Н. Страхову в декабре 1885 г.: «Мне кажется, что индийцы, Шопенгауэр, мистики и вы делаете ту ошибку, ничем не оправдываемую, что вы признаете мир внешний, природу, бесцельной фантазмагорией. Задача духа есть освобождение от подчинения этой внешней игре материи, но не для того, чтобы освободиться. Иначе гораздо бы проще было и не подневоливать дух этой игре. И каждый может освободиться радикально, убив себя»⁶⁰.

О своем отношении к самоубийству как способу ухода от проблем жизни Толстой с большой страстью пишет в статье «О безумии». О склонности к самоубийству он знал не понаслышке, поскольку сам пережил подобное стремление во время духовного кризиса. На христианской почве выросло его

⁵⁹ Толстой Л.Н. «Царство Божие внутри вас» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 28. С. 168–169.

⁶⁰ Толстой Л.Н. — Страхову Н.Н. Декабрь 1885 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 64. С. 313–314.

обостренное ощущение преступности самовольного ухода из жизни. В том же письме он признается Страхову: «Пристрастие к индийской мудрости, к углублению в себя <...> меня за вас очень огорчило». По его мнению, Страхова объединяет с буддистами и Шопенгауэром ошибочный ход мысли: «Все нереально, все фантазмагория, все мое представление и больше ничего». Для Толстого несомненна ценность земного мира, жизнь в этом мире он осознает как единственный путь испытания и обретения истинной свободы: «Материальный мир не есть ни призрак, ни пустяки, ни зло, а это тот материал и те орудия, над которыми и которыми мы призваны работать»⁶¹.

Еще один важнейший аспект темы освобождения у Толстого — отказ от форм цивилизованной жизни, искажающей и в конечном итоге отрицающей главный смысл жизни человека — его духовное развитие. Формы промышленно-коммерческой цивилизации были навязаны человечеству стихийным характером научного, технического и экономического прогресса. Этот прогресс представляется людям чем-то непреодолимым, имеющим свои внутренние законы, независящим от разума и воли человека. Но признавая силу этой стихии, погружающей человечество в бесконечную погоню за вещами и деньгами, Толстой призывает не к уходу от этого мира, а к освобождению тех от ложных представлений о целях и ценностях человеческой жизни, которые лежат в основе цивилизационного «прогресса». Опираясь на евангельскую благую весть, он проповедует отказ от роскоши и соревнования и обращение к заповеданному свыше смиренному труду над своим садом и полем «в этих самых материальных условиях». Освобождаясь от ложных целей, человек должен найти истинные: «Человек, освобождающийся из темницы, почти всегда думает, что освобождение и есть цель, а между тем он освобождается для того, чтобы жить»⁶².

Таким образом, «освобождение от сансары» для Толстого не имеет ничего общего с уходом из мира. Это не отказ от дара жизни, а отречение от безумной суеты цивилизации, которая, по Толстому, является преступлением против высших зако-

⁶¹ Там же. С. 314.

⁶² Там же.

нов бытия. В работе «О безумии», написанной в последний год жизни и впитавшей в себя многолетние раздумья на эту тему, Толстой показывает, что развитие техники, хотя и обещает облегчение труда, но на деле закабляет человека, превращает его в функцию машины. Это рабство и есть «сансара», от этого рабства он и призывает освободиться. В вере в прогресс Толстой усматривает духовную зависимость: в ожидании великих благ технического прогресса люди «опьяняют себя все новыми и новыми затеями, имеющими одну цель — забыться». Писатель неоднократно перечисляет эти ненужные затеи: «Дирижабли, подводные лодки, дредноуты, 50-этажные дома, парламенты, театры, беспроводные телеграфы, конгрессы мира, миллионные армии, флоты, профессора всяких школ, миллиарды книг, газет, рассуждений, речей, исследований»⁶³.

Жизнь современного цивилизованного человечества, как видит ее Толстой, — это разрыв с замыслом Бога, влекущий за собой болезненное состояние духовных, душевных и телесных сил. Вместо того, чтобы возделывать дарованный ему земной сад и наслаждаться плодами своего труда, человек с жадностью хищнически истребляет земные богатства ради сомнительных «побед» над природой. Человек перекраивает мир по своим прихотям, а потом изумляется, что природа отвечает разрушениями, стихийными бедствиями, эпидемиями. Толстого более всего возмущает иллюзорная рациональность этого процесса, который захватывает жизнь во всемирном масштабе: «Ужасно не единичное, бессвязное, личное, глупое безумие, а безумие общее, организованное, общественное, умное безумие нашего мира» — записывает он в дневнике 19 июня 1910 г.⁶⁴

Очевидно, что Бунин во многом разделяет отношение Толстого к цивилизации, хотя в целом он сам занимает компромиссную позицию. Он приводит в своей книге одно из самых запоминающихся высказываний Толстого против бездумного технического прогресса, которое начинается словами: «Маши-

⁶³ Толстой Л.Н. О безумии // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 38. С. 401.

⁶⁴ Толстой Л.Н. Дневник. 19 июня 1910 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 58. С. 67.

ны, чтобы делать что?». Это размышление благодаря мемуаристам, и особенно Бунину, стало одним из самых известных высказываний Толстого. Однако его цитирование у биографов в некоторых деталях расходится с оригиналом. Запись в дневнике Толстого за 10 мая 1910 г. выглядит так: «Машины, чтобы делать что? Теле-графы/-фоны, чтобы передавать что? Школы, университеты, академии, чтобы обучать чему? Собрания, чтобы обсуждать что? Книги, газеты, чтобы распространять сведения о чем? Железные дороги, чтобы ездить кому и куда?»⁶⁵. Текстологические расхождения при цитировании заставляют задуматься над вопросом, какими источниками пользовались мемуаристы, и в частности Бунин. Как он пишет в своей книге, эту цитату он приводит по Т. Полнеру⁶⁶, однако полного совпадения с Полнером у него нет. Вместо «делать что» у Полнера дается совершенный вид глагола — «сделать что». У Бирюкова, как и у Полнера, тоже «сделать», но внесено существенное синтаксическое изменение: вместо запятых поставлены тире: «Машины — чтобы сделать что? Телеграфы — чтобы передавать что? ...». У Бунина нет этих тире, кстати сказать, довольно удачно разделяющих и акцентирующих текст. Таким образом и Бирюков не является его источником. У названных мемуаристов вместо двух слов толстовского текста («теле-графы/-фоны») оставлено одно: «телеграфы». У Бунина телефоны также отсутствуют, поэтому трудно сказать, на какой текст в этом случае он опирался. С уверенностью можно утверждать только одно: его источником не был 58 том полного собрания сочинений Толстого.

Бунин упрекает Т. Полнера за «наивность разъяснения» этой цитаты и за недооценку ее смысла: «Полнер не обращает никакого внимания на последний из толстовских вопросов: “Больницы, врачи, аптеки для того, чтобы продолжать жизнь, а продолжать жизнь зачем?”» Бунин был убежден, что вся острота

⁶⁵ Толстой Л.Н. Дневник. 10 мая 1910 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 58. С. 48.

⁶⁶ Полнер Т.И. Лев Толстой и его жена. История одной любви. Париж: Современные записки, 1928. URL: http://dugward.ru/library/tolstoy/polner_lev_tolstoy.html (дата обращения: 17.11.2021).

вопроса заключалась в последней части: «...продолжать жизнь зачем?». В его книге дается прямолинейное и буквалистское понимание этого вопроса: Толстой, будто бы, хотел сказать, что продолжать жизнь незачем. Однако Полнер более глубоко понимает смысл толстовского вопроса. Он пространно комментирует эту цитату в предисловии к немецкому изданию своей книги о Толстом: «Как ветхозаветный пророк, он громил людские предрассудки, людскую глупость, людские грехи — всю нашу неустроенную, тяжелую, несправедливую жизнь. И этим он пленил сердца страдающего и ищущего человечества. Он был гениальным художником. Но для многих значение его не исчерпывалось наслаждением от чтения замечательных беллетристических творений. Он поднял с необычайной силой вопросы, которыми в наше время мучаются многие сердца. С бесстрашием пророка и величайшей энергией он напал на завоевания нашей цивилизации»⁶⁷. Думается, что эта трактовка вполне созвучна с идеями Толстого: жизнь кажется бессмысленной, пока мы видим ее в заданных нам границах современной цивилизации, тогда как в безграничной полноте Божьего мира человеческая жизнь имеет иную ценность и иной смысл. Бунин же акцентирует противоположный вывод, который кажется ему единственно верным: продолжать жить незачем, так как никаких других условий, кроме существующих в этом мире, нам не дано, а эти условия чудовищны.

Если говорить о философской стороне цитаты, то позиция Толстого не спорит ни с христианской, ни с буддистской системой ценностей. Искусственной реальности цивилизации, сконструированной человеком, он противопоставляет Божий мир и замысел Бога о человеке. Он полагает, что всякий «прогресс», всякое развитие — научное, техническое, культурное, социальное — должно быть подчинено главной цели: раскрыть и воплотить в жизни духовную сторону человечности. Телефоны и телеграфы могут иметь смысл только тогда, когда человек обретет верные слова для выражения любви к ближнему. Тог-

⁶⁷ Полнер Т.И. Лев Толстой и его жена. История одной любви. Париж, 1928. URL: http://dugward.ru/library/tolstoy/polner_lev_tolstoy.html (дата обращения: 17.11.2021).

да и ускоренное перемещение человека по миру получит свой смысл: поезда и самолеты помогут сближению и пониманию.

Как уже было сказано, книга Бунина составлена из фрагментов, созданных в разное время и в разных обстоятельствах. Отсюда — неожиданные переключения «музыкальных регистров». Тему смысла жизни и смерти, а также мотив художественного познания в книге о Толстом раскрывает фрагмент из рассказа «Ночь» (первоначально «Цикады»), опубликованный в 1925 г. в журнале «Современные записки» (№ 26). В этом рассказе Бунин вспоминает о своей поездке на Цейлон. Бунин отправился в индийские тропики в 1911 г., когда еще не остыл в памяти поразивший всех уход Толстого из Ясной Поляны и из жизни. Таким образом описание этого путешествия с самого начала ассоциируется с жизнью и смертью Толстого, рассказ пронизан толстовскими аллюзиями, темами его «Исповеди», мыслями его любимых мудрецов: Экклезиаста, Шопенгауэра, Канта. Во фрагменте рассказа «Ночь», вошедшем в книгу о Толстом, тон задает библейский мотив: «Во многой мудрости много печали». Здесь же поднимается толстовская тема иллюзорности времени и пространства, проблема непознаваемости начала и конца индивидуального существования, невозможности помнить свое рождение и вообразить свою смерть. Мотивы и темы знакомые, однако вариации новые — бунинские. Самоанализ Толстого, его «думаю, о чем я думаю» приобретает здесь преувеличенные, если не сказать пародийные черты: Бунин анализирует «мысль о собственной мысли» и приходит к солипсическому заключению: «не важно, о чем именно думал я, важно мое думанье», «ничего не понимаю <...>, но понимаю мое непонимание»⁶⁸. Само это непонимание доказывает рассказчику, что он не только отдельная личность со своим ограниченным разумом, но что он причастен всему бытию, что в нем есть частица Бога, а значит и бессмертия. Это тоже одна из любимых тем Толстого — тема всебытия, то есть «всеединства» (хотя этого соловьевского понятия он не употреблял). Размышляя, по следам Канта, о времени и пространстве, Толстой искал средство разоблачить иллюзии сознания, созданные человеческим рассудком. У Бунина

⁶⁸ Бунин И.А. Ночь // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 401.

размышления о восприятии пространства и времени, о начале сознания подчинены не столько философской, сколько эстетической задаче: он хочет найти ключ к тайне творчества — постичь природу художественной памяти.

Толстовские мотивы во многих случаях являются для Бунина средством самоанализа, оценки собственного художественного дарования: «Я всю жизнь живу под знаком смерти...», «...страшно зыбки мои представления времени, пространства. И с годами все больше не только чувствую, но и сознаю я это. Меня выделили из многих прочих. И хотя всю жизнь я мучительно сознаю слабость и недостаточность всех моих способностей, я, по сравнению с некоторыми, и впрямь не совсем обычный человек. Но вот именно поэтому-то (то есть в силу моей некоторой необычайности, в силу моей принадлежности к некоторому особому разряду людей) мои представления и ощущения времени, пространства и самого себя зыбки особенно. Что это за разряд, что это за люди? Те, которых называют поэтами, художниками. Чем они должны обладать? Способностью особенно сильно чувствовать...»⁶⁹ Та же самопогруженность характерна для бунинского дневника: «Я настоящего художественного естества». Нетрудно заметить, что Бунин в этой самоупоенной рефлексии гораздо ближе к стилистике модернизма, например, к самоанализу В.В. Набокова, и бесконечно далек от чисто философских вопросов Толстого о мироустройстве, объективности истины, о человеческом сознании и чувственном восприятии.

Размышление о чувстве личного и исторического времени, о переживании конечности этого времени в жизни отдельного человека и о способности переноситься в иное время у Бунина — как и у Толстого — перекликается с идеей кармы. Как пишет Бунин, «некоторый род людей» обладает «способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и прочих, — то есть, как принято говорить, способностью перевоплощаться, и, кроме того, особенно живой и особенно образной (чувственной) Памятью. А для того, чтобы быть одним из таких людей, надо

⁶⁹ Бунин И.А. Ночь // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 404.

быть особью, прошедшей в цепи своих предков очень долгий существований и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его мышления и с его огромной подсознательностью, а вместе с тем особью, безмерно обогащенной за свой долгий путь и уже с огромной сознательностью»⁷⁰. Способность творческой природы «перевосплататься» обусловлена феноменальной памятью о своих «прежних существованиях». Через длинный ряд человеческих предков и «дочеловеческих» пращуров художнику доступно поистине бездонное «коллективное бессознательное». Люди особого типа способны вживаться в чужое существование, ощущая его как свое «прежнее воплощение».

Как художник, Толстой ощущает в себе свои «предыдущие» воплощения, жизнь своих предков, исторических лиц, и даже животных и растений. Это переживание своей личности как части кармической цепочки рождений, связывает художника со всем мирозданием. Примером такого переживания является запись в дневнике за 6 октября 1910 г.: «Гуляя, особенно ясно, живо чувствовал жизнь телят, овец, кротов, деревьев»⁷¹. Ощущения родства со всей живой природой у Толстого к концу жизни стало еще более острым и ярким. Это универсальное качество поэтического сознания крайне важно для понимания психологии его творчества, оно связывает Толстого с многочисленными предшественниками: идея, близкая к метемпсихозу, была усвоена романтиками, а также осмыслена философами представителями германского идеализма как часть мистической натурфилософии. Идея «переселения душ» помогает Толстому истолковать свою интуицию бессмертия, которое он понимает как продолжение духовной жизни человека в памяти и деятельности последователей и духовно близких людей.

Идея единства всего бытия, как духовного, так и материального, является, таким образом, одной из ключевых в мироощущении Толстого. Бунин, однако, радикально расходит-

⁷⁰ Бунин И.А. Ночь // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 404–405.

⁷¹ Толстой Л.Н. Дневник. 6 октября 1910 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 59. С. 113.

ся с Толстым в понимании этого всеединства. У Толстого эта идея рождается из восточного представления «тат твам аси» («ты есть тот»), которое указывает на тождество индивидуальной личности со всеми проявлениями жизни. Для него эта идея важна и ценна еще и тем, что она составляет основу этики. Если мы все часть единой жизни, то причиняя страдания другому существу, мы причиняем зло всем и всему, в том числе и самому себе. Для Толстого в этой идее содержится обоснование евангельского завета любви к ближнему, ко всем живым существам, в том числе и к врагам. У Бунина идея «всебытия», как впрочем и другие духовные и этические идеи, приобретает эстетическую окраску. В его понимании «всеединство», связь личности с всебытием, обещает личное бессмертие, но единства с ближним не подразумевает. Толстой учил о необходимости преодолевать свою «отдельность» от людей, у Бунина речь идет о другом: об особой творческой избранности, без ощущения которой он не может воспринимать мир. «Вечным желанием одержим я не только стяжать, а потом расточать, но и выделиться из миллионов себе подобных, стать известным им и достойным их зависти, восторга, удивления и вечной жизни. Венец каждой человеческой жизни есть память о ней, — высшее, что обещают человеку над его гробом, это память вечную. И нет той души, которая не томила бы втайне мечтою об этом венце»⁷².

Бунин признается в своем желании «выделиться из миллионов», стяжать славу, вызвать у этих миллионов зависть и восторг. И это желание кажется ему естественным и достойным похвалы. Толстой в не менее острой степени, чем Бунин, сознавал свою одержимость жаждой славы и всеобщего восхищения. Однако в этом желании выделиться, добиться славы он видел гордость и эгоизм, желание «отделиться» от других. Он ярко выразил это чувство от имени князя Андрея в «Воине и мире» и часто возвращался в дневнике к анализу своего честолюбия. Фрагмент этот Бунин приводит в «Освобождении Толстого»: «Боже мой, — думал князь Андрей в ночь перед Аустерлицким сражением, — что же мне делать, если я ниче-

⁷² Бунин И.А. Ночь // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 409.

го не люблю, как только славу, любовь людскую? Отец, сестра, жена, все самые дорогие мне люди — я всех их отдам за минуту славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей, которых я не знаю!» Толстой признавался самому себе и не скрывал от других, что именно честолюбие и тщеславие были одним из важнейших стимулов в его жизни. Он во всем стремился достичь совершенства, превзойти всех. Как человек, видящий в религиозных учениях не только мудрые мысли, но указание к их воплощению в жизни, он всю жизнь пытался бороться со своим тщеславием. Идея всебытия, как он ее понимает, не допускает признания своей избранности и превосходства над другими. В этом отношении «восток» противоположен «западу». Вся культурная атмосфера европейской цивилизации воспитывает в человеке честолюбие, соперничество, страсть к соревнованию. Толстой считал, что эта страсть как раз и мешает установлению всеобщего мира и любви. Многим аналитикам его мировоззрения казалось, что его учение отрицает личность, поскольку личность западного мира невозможно вообразить без самоутверждения, соревнования и жажды первенства. Но Толстой отвергает не духовную личность, а эгоистическое проявление «животной личности». Восприняв в возможной полноте христианское учение о человеке, Толстой признал, что любовь к славе не является достоинством, но лишь самым тонким видом искушения. В желании проявить свой художественный талант и блеснуть им перед другими ему слышался голос тщеславия, незаконного стремления утвердить свое «я» за счет других. Он напоминал, что достижение славы в литературе, как и других областях искусства, театре, живописи, музыке, требует рабского труда людей, которые содержат, кормят, одевают писателя, художника, музыканта. Целая армия рабов обслуживает культуру: вдыхая вредные пары, издает книги, согнувшись в три погибели шьет театральные костюмы, изготавливает инструменты, кисти и краски.

Признания Бунина и Толстого в своей одержимости писательским честолюбием на первый взгляд очень похожи, но если разобраться, «честь» и «слава» оцениваются ими с противоположным знаком. Бунин признается в любви к славе без всякого сомнения в законности и естественности этого чувства. Жажда

заслуженного признания представляется ему чувством благородным и возвышенным. В особой силе и остроте любви к славе он находит лишнее подтверждение своей избранности. Поэтому покаянные признания Толстого в своем тщеславии кажутся ему преувеличенными. Он точно так же не доверял покаянию в грехе тщеславия святых подвижников, поскольку был убежден, что всеми людьми, не исключая аскетов, во всех самых высоких замыслах руководит любовь к славе, желание остаться в памяти поколений. Столь же возвышенна и главная «корысть» художника: это жажда «обогащения чувствами», новыми впечатлениями, стремление выразить тончайшие ощущения доступными ему средствами. Эстетические переживания представляются Бунину высшим блаженством, ведь они прекрасны не только сами по себе, но обещают «вечную жизнь» в памяти человечества. В этом проявлении Бунин является законным наследником западной культуры. В романтизме, как и позднее в культуре модернизма, законным притязанием художника провозглашается право быть «богом», демиургом в своем творчестве. Бунин убежден: «Нет той души, которая не томилась бы втайне мечтою об этом венце». Но наиболее талантливым избранникам судьбы оно свойственно в большей мере: «Меня выделили из многих прочих. И хотя всю жизнь я мучительно сознаю слабость и недостаточность всех моих способностей, я, по сравнению с некоторыми, и впрямь не совсем обычный человек. Но вот именно поэтому-то (то есть в силу моей некоторой необычайности, в силу моей принадлежности к некоторому особому разряду людей) мои представления и ощущения времени, пространства и самого себя зыбки особенно»⁷³.

«Зависть», которую он хочет вызвать у ближних, какого бы высокого качества она ни была, — как в христианстве, так и в буддизме оценивается как одна из губительных эгоистических «страстей», поскольку такого рода соперничество создает кумир из дарований человека. Таким образом, отношение Толстого и Бунина к славе и к призванию художника различается радикально: если они совпадали в любви к славе, то расходились в оценке этой страсти и в сознании необходимости бороться с ней.

⁷³ Бунин И.А. Ночь // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 404.

В рассказе Бунина «Ночь» совершается символический переход от воспоминаний о Гефсимании, о трехкратном отречении апостола Петра от Учителя, — к саморефлексии: «...где же оно, это мое Я, утвердить и выделить которое так страстно хотелось мне всю жизнь? Нет, это совсем, совсем ничего не значит, — то, что я живу на земле не во дни Петра, Иисуса, Тиверия, а в так называемом двадцатом веке! И сколько я жил в воображении чужими и далекими жизнями, чувством, будто я был всегда и всюду! А где грань между моей действительностью и моим воображением, моими чувствами, которые есть ведь тоже действительность, нечто несомненно существующее? Всю жизнь, сознательно и бессознательно, преодолеваю, разрушаю я пространство, время, формы. Неутолима и безмерна моя жажда жизни, и я живу не только своим настоящим, но и всем своим прошлым, не только своей собственной жизнью, но и тысячами чужих, всем, что современно мне, и тем, что там, в тумане самых дальних веков. Зачем же? Затем ли, чтобы на этом пути губить себя, или затем, чтобы, напротив, утверждать себя, обогащаясь и усиливаясь?»⁷⁴. Бунин здесь вспоминает апостола Петра, которому поначалу тоже не хотелось «губить себя», хотелось жить, как всем людям, а значит утверждать себя. В рассказе «Ночь», однако, ничего не говорится о том духовном преображении апостола, который привел его к покаянию в своей слабости и к преодолению естественной жажды жизни. Только в результате своей жертвы собой Петр стал св. Петром и основателем Церкви.

Бунин задается вопросом, разве не имеет гений или талант права на признание? С точки зрения мирского сознания, несомненно да. Однако для библейского мудреца, открывшего бренность всех земных целей, жажда земной славы — это всего лишь «суета сует и томление духа», для христианина — греховное состояние души, а для буддиста — покров Майи, иллюзия человеческого разума. В этом столкновении представлений европейской культуры и древних учений Востока слышится слишком явственный диссонанс, который Бунину удалось выразить с большим темпераментом и мастерством. Талант дан

⁷⁴ Там же. С. 407–408.

человеку, чтобы утверждать свое «Я» — это противоположный полюс самосознания по отношению и к христианству, и к буддизму. «Вечная жизнь» для Бунина — это приобщение к творчеству предшественников и бессмертие в культурной памяти человечества. Толстому же, хотя он до конца жизни не смог преодолеть своего тщеславия, очевидна была его греховность. Вечная жизнь для него в поздние годы раскрылась как духовное единение с Богом, цена человеческой памяти всегда была у него под сомнением.

В различном понимании славы ярко проявляется принадлежность Толстого и Бунина к разным культурным эпохам и стилям, но главное — к разным мировоззрениям. К обоим писателям приложимо высказывание В.В. Розанова: «Он выразил свое время, свою цивилизацию»⁷⁵. Толстой, кроме своего времени, выразил и нечто вневременное, вечное: жажду освобождения от стихий мира сего и от страстей человеческих. По слову Розанова, Толстой «ведет нас в совершенно новый дух, в совершенно другое ощущение жизни, другую меру ее, чем какими он сам руководился и жил»⁷⁶. У Бунина между жизнью и мировоззрением нет подобного катастрофического раскола: он живет в соответствии с общепринятыми ценностями своей эпохи, им соответствующую и его внутренние стремления. Бессмертие он понимает в русле античного и романтического мировоззрения как жизнь в культурной памяти поколений.

В трактовке темы бессмертия на рубеже столетий важную роль играла восточная идея перевоплощения в ее различных модификациях: кармический круговорот рождений, переселение душ в новые тела, предсуществование душ. В западном мире идея кармы и перевоплощения удивительным образом сочеталась с христианской картиной мира, хотя их несовместимость для христианского сознания очевидна. К этим идеям во все времена тяготели представители творческих профессий, поэты и художники. Бунину, как и Толстому, хотя и в различ-

⁷⁵ Розанов В.В. Толстой между великими мира // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 312.

⁷⁶ Розанов В.В. Толстой между великими мира // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 311.

ной степени, идея перевоплощения была близка как символическое объяснение природы творческой памяти, способности «чувствовать» жизнь других людей, животных, растений. Идея перевоплощения раскрывает связь человека не только с людьми прошлого и будущего, но со всеми живыми организмами. В символе перевоплощения Толстой находил объяснение своей необыкновенной памяти, способности проникать в души своих предков, людей иных эпох, а также умения вживаться в психическое состояние животных. Благодаря этому таинственному дару, ему были доступны чувства пеленаемого младенца, умирающего старика, или воскресающего весной дуба. Попытка проникнуть в тайну художественного вживания приводила Толстого к мысли о том, что до своего появления на свет в виде конкретного человека, он прожил множество других жизней. Своих персонажей он также воспринимает как «реинкарнация». Толстой до конца жизни не расставался с восточным представлением о перевоплощении, несмотря на глубокое погружение в христианскую духовность. В его переписке с А.А. Фетом есть фраза: «Я перенесся в ваше состояние»⁷⁷. По всей видимости, он осознанно применял этот прием и в творчестве.

Сходным образом и Бунин находил в идее перевоплощения объяснение тайны творчества, художественного мировосприятия, искусства постигать внутренний мир человека другой эпохи, проникать в «душу» океана, птицы или дерева. Качества, говорящие о какой-то особой памяти, выходящей за пределы личности, Бунин обнаруживал в подсознательных глубинах собственной души: «...надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков очень долгий путь существований»⁷⁸. Между этой эстетической или артистической трактовкой «реинкарнации» и восточной идеей кармического круговорота рождений лежит пропасть, тем не менее эстетический потенциал этой идеи для искусства рубежа веков и начала XX в. оказался неисчерпаемым.

Тема перевоплощения глубоко волновала как поколение Толстого, так и поколение Бунина. Об этом свидетельству-

⁷⁷ Толстой Л.Н. — Фету А.А. 28–29 апреля 1876 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 62. С. 271.

⁷⁸ Бунин. И.А. Ночь // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 404.

ет дискуссия, возникшая в среде религиозных мыслителей эмиграции и нашедшая отражение в печати. Результатом обсуждения этой темы в кругу философов стала книга «О переселении душ. Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве» (1934), в которой комплекс кармических представлений был критически рассмотрен с философских и религиозных позиций. Н.А. Бердяев, в частности, показал, что данная идея отрицает свободу личности и ставит ее в зависимость от рода. Христианство, подчеркивает философ, утверждает первичную ценность личности: эта мысль положена в основу русского религиозного персонализма. Философ напоминал, что идея кармы и цепи кармических рождений несовместима с христианством. Он подчеркивал, что метемпсихоз, «переселение» душ и «предсуществование» души — это разные идеи, которые нельзя смешивать. Все эти идеи некорректно возводить к монадологии Лейбница. Радикально иную позицию занял лейбницеанец Н.О. Лосский, неизменный приверженец идеи перевоплощения. По его теории, живая душа проходит стадии «эволюции» от мельчайшей монады до мыслящего существа. При этом в памяти откладываются все фазы пребывания души в теле. Если рассматривать представление Лосского как эстетическую категорию, то в ней содержится немало положений, существенных для понимания необычных феноменов памяти, как обычных людей, так и особенно писателей и художников. Толстой, вероятно, приветствовал бы идеи Лосского, поскольку они помогают постичь единство всего сущего.

В книге «Освобождение Толстого» размышление о гениальных натурах приобретает неожиданный поворот благодаря яркому, но очень спорному размышлению из рассказа «Ночь». Бунин пишет о гениях и пророках: «Гориллы в молодости, в зрелости страшны своей телесной силой, безмерно чувственны в своем мироощущении, беспощадны во всяческом насыщении своей похоти, отличаются крайней непосредственностью, к старости же становятся нерешительны, задумчивы, скорбны, жалостливы... Разительное сходство с Буддами, Соломонами, Толстыми! И вообще, сколько можно насчитать в царственном племени святых и гениев таких,

которые вызывают на сравнение их с гориллами даже по наружности!»⁷⁹

Изображение этого воистину «сверхчеловеческого» типа служит у Бунина объяснением духовной эволюции мудрецов мира: «Все Соломоны и Будды сперва с великой жадностью приемлют мир, затем с великой страстностью клянут его соблазны. Все они сперва великие грешники, потом великие враги греха, сперва великие стяжатели, потом великие расточители»⁸⁰. При таком ходе мысли путь жизни гения сводится к ходячей истине: мировоззрение зависит от возраста и состояния здоровья; пока человек молод и полон жизни, он пантеист и язычник, когда же силы покидают его, он начинает проповедовать аскетизм, мироотречение, уход от мира.

Рассуждение о «гориллах в молодости» относится и к Толстому. Обрисовывая эволюцию Толстого, Бунин излагает расхожее представление о старости как времени угасания сил и упадка умственных способностей. Тривиально звучит мнение о том, что к духовности и сознанию ценности аскезы писателя привела старость. В молодые и зрелые годы Толстого, будто бы, отличало редкое жизнелюбие, он ценил здоровье, силу, телесные наслаждения. В это время он понимал «спасение» как способность физически противостоять смерти. В подтверждение Бунин приводит вопросы, характерные для дневников Толстого: «Как мне спастись? Я чувствую, что погибаю, люблю жизнь и умираю — как мне спастись?»⁸¹. В поздние годы он видит спасение в освобождении духа от страстей и страданий тела, в «потере “всего кроме души”»⁸². Но такая картина «эволюции» неприложима к Толстому, как и к другим представителям редкой породы гениев и святых. Бунинское «все подобные им» звучит как попытка подвести обобщение под исключительные явления. Много ли таких подобных Толстому «всех»? Все эти личности значительно отличаются от широко-

⁷⁹ Бунин И.А. Ночь // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 405.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 6. С. 49.

⁸² Там же. С. 50.

го круга образованных людей, тем более от массового человека. В «подобных им» воплощаются «сверхчеловеческие» способности и качества.

Хочется здесь не то чтобы поспорить с Буниным, но просто восполнить фазы духовного роста Толстого. Движущей силой его мировоззренческой эволюции был осознанный духовный рост, искание высшей истины, порожденной не человеческим разумом, а данной свыше как закон бытия. Эти духовные искания совершались вопреки собственным склонностям, в упорной борьбе с телесными страстями, тщеславием, эгоизмом, жалостью к себе. Духовная жизнь Толстого это постоянная борьба с самим собой, приводившая к духовным кризисам, которые невозможно объяснить процессами старения.

Толстой считал, что старость дала ему если не полную, то значительную свободу от страстей, а также привела его к иному пониманию смерти, дала возможность увидеть в ней не страшный конец, а переход в духовную фазу бытия. В последние десятилетия Толстой смотрел на свою жизнь не только в перспективе близкой смерти, но главным образом под знаком «зенита духовной жизни». О том, что старость он считал высшей точкой духовного развития красноречиво свидетельствует его дневник. «Духовная жизнь, — пишет он, — зарождается, растет и доходит до зенита не на середине жизни, но на конце ее» (2 августа 1904)⁸³. «В глубокой старости идет самая драгоценная, нужная жизнь и для себя, и для других» (18 февраля 1906)⁸⁴. «Мне кажется, что только теперь — хороши ли, дурны ли? — но созрели плоды на моем дереве» (14 января 1907)⁸⁵. «Только теперь настоящая работа, только теперь, в 80 лет, начинается жизнь» (28 сентября 1908)⁸⁶.

На смерть он в эти годы смотрит не как на неизбежный конец жизни, но как на ее продолжение в новой форме, пред-

⁸³ Толстой Л.Н. Дневник. 2 августа 1904 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 55. С. 74.

⁸⁴ Толстой Л.Н. Дневник. 18 февраля 1906 г. // Там же. С. 198.

⁸⁵ Толстой Л.Н. Дневник. 14 января 1907 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 56. С. 4.

⁸⁶ Толстой Л.Н. Дневник. 28 сентября 1908 г. // Там же. С. 151.

угадать которую человеку не дано, можно только довериться Хозяину. И самое удивительное, что несмотря на усилившиеся болезни, он все чаще переживает прилив радости бытия. За эту радость, — пишет он, — мы никогда не сможем расплатиться с Хозяином, также как и за все хорошее, что нам даровано. Но не надо ждать награды за свои дела: как работники на ниве Хозяина, мы только исполняем свой долг. Раб, пришедший домой после трудового дня, еще не имеет права отдыхать, он должен сначала накормить и обслужить Хозяина.

Интерес к аскетизму характерен не только для «старческой философии» Толстого: он заметен на самых ранних этапах его духовного роста, в его стремлении к «совершенству», которое он понимал по-разному в разные периоды жизни. Его мучило расхождение между тем, что «есть», и тем, что «должно быть». Оттого ему так близки и Платон, и Кант с их представлением об идеале. Бунинская попытка физиологического объяснения духовной эволюции Толстого говорит о склонности писателя, возможно неосознанной, находить материалистические объяснения для духовных явлений. У Толстого же очевидна противоположная тенденция — искать освобождения духе от тела. Записи поздних дневников убеждают в том, что мировоззрение Толстого изменила не старость, а многолетняя духовная работа, стремление постичь тайну жизни и «подчинить себе плоть»⁸⁷. Плоть здесь надо понимать в широком евангельском смысле как источник страстей: жажды власти, славы, обогащения, возвышения над другими. Последние годы жизни Толстого отмечены все большим сознанием того, что приближение к смерти очищает ум и сердце, дают просветление. В этих заметках звучит его «последняя воля», указана та точка зрения, с которой следует оценивать его жизнь и творчество.

В 1937 г., перенося в книгу «Освобождение Толстого» фрагменты из рассказа «Ночь», написанного в 1925 г., Бунин почти ничего в них не изменил. По этой причине фрагмент о «гориллах в молодости» оказался в очевидном противоречии с тем, что рассказано в биографической части книги: «И вот о нем ут-

⁸⁷ Толстой Л.Н. Дневник. 13 июня 1889 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 50. С. 94.

вердилось мнение как о человеке могучего здоровья. Но справедливо говорил он про себя: “Я всегда был слабого здоровья, только крепкого сложенья”. С ранней молодости он был подвержен многим болезням, еще юношей писал: “Здоровье мое нехорошо, расположение духа самое черное <...>”⁸⁸. Здесь же Бунин напоминает о наследственном туберкулезе в роду Толстых, о ранних смертях его ближайших родственников: на втором году от рождения он потерял мать, которой было 39 лет, на восьмом году отца, умершего в возрасте 42 лет; молодыми умерли его старшие братья Дмитрий и Николай. В самом цветущем возрасте Толстой боролся с туберкулезом, выезжал на кумыс в башкирские степи. Эти факты не вяжутся с образом «гориллы в молодости». В отношении Толстого определения «страшны телесной силой», «безмерно чувственны» явно грешат преувеличением. Если и было в нем что-то безмерное, то не чувственность, а скорее чувствительность, доходящая до срывов, об этом говорят воспоминания о детстве в «Записках сумасшедшего».

Со своими страстями он вел борьбу и в молодости, и в пору зрелости: как и всякий искренний человек, верующий в ценность нравственного совершенства, он глубоко сожалел об утрате чистоты и винил в этом не только себя, но окружающую атмосферу, сословное воспитание, а также культуру, которая утонченными способами будит и раздражает чувственность. Покаянные размышления о своей неспособности противостоять страстям, фиксация внимания на своих «падениях», заметны и в ранних дневниках, и в первых художественных произведениях Толстого. На протяжении всей своей жизни он стремился преодолеть чувственность: это отмечено неоднократно в дневниках его юности, и в годы армейской молодости, и в годы семейной жизни.

Бунин часто пишет о любви Толстого к плоти как об одной из его характерных черт не только как человека, но и как художника. Однако и в юности, и в расцвете сил Толстой порой испытывал спиритуалистическое или платоническое отвращение

⁸⁸ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 6. С. 122.

к телесной жизни, стремление обрести независимость от тела. В «Исповеди» он изображает нравственную атмосферу барской жизни, внешне изящной, но внутренне порочной. Эта атмосфера развращает человека, навязывая привычку служения телу.

Толстой никогда не сомневался, что только победа над страстями тела дает духу и разуму независимость и свободу. Однако, пути и приемы аскезы, духовной и телесной, не были ему известны. Тем не менее, критичное отношение Толстого к собственному состоянию исключает всякую возможность наделять его преувеличенной чувственностью. Ведь и сам Бунин, противореча себе, называет его падения «грехами святых». Святые, как ему казалось, тоже преувеличенно каялись в самых невинных и естественных вещах. Надо отметить, что аскетические настроения Толстого были непонятны и чужды многим другим представителям эпохи модернизма: к примеру, Мережковскому, проницательно характеризовавшего Толстого в других отношениях.

Как представителей разных эпох, Бунина и Толстого разделяет не только отношение к христианству и язычеству, оценка страстей, но также отношение к старости и смерти. Как уже говорилось, Бунин испытывал гнетущий страх перед старостью: в записи дневника за 10 мая 1936 г. он пишет: «И впереди старость, выход в тираж»⁸⁹. Толстой же, хотя и жил постоянно в предчувствии близкой смерти, признавал, что старость принесла ему освобождение от чувственности, новое понимание смерти и преодоление страха перед ней. Отношение Толстого к старости как к высшей точке, апогею жизни является более одухотворенным и возвышенным, чем тот страх перед телесным увяданием, перед утратой свежести и силы чувств, который испытывает в большинстве своем его современник — человек языческой культуры. Толстой с годами все больше освобождался от культа молодости, телесной силы и мощных страстей. В этом вопросе христианин и буддист в его душе не расходились: оба учения призывают пробудиться к духовной жизни и освободиться от поклонения плоти и материи, но при этом пути освобождения они предлагают различные. Если Тол-

⁸⁹ Бунин И.А. Дневник // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 426.

стой поздних лет ставит духовное начало превыше материи, то в мироощущении Бунина, напротив, с годами усиливается культ тела и молодости, а в произведениях подчеркивается красота любовной страсти. И в этом вопросе они — выразители своего времени, своего поколения. Тем не менее, Бунину в его книге порой удается глубоко проникнуть в настроение Толстого, в его поворот от мира сего к миру иному, духовному. Он пишет, например: «Для Толстого не осталось в годы его высшей мудрости не только ни града, ни отечества, но даже мира; осталось одно: Бог; осталось “освобождение”, уход, возврат к Богу, растворение — снова растворение — в Нем»⁹⁰.

Исчерпав эту проблему, Бунин вновь возвращается к биографии писателя, к ее кризисным и поворотным пунктам. Писатель верно почувствовал неприменимость традиционных методов литературного портретирования к Толстому: в биографической части он осознанно отказывается от хронологической последовательности изложения фактов, преднамеренно сдвигает временные планы, свободно передвигаясь между разными периодами жизни, протягивая нити от прошлого к настоящему. При чтении возникает чувство, что у книги несколько отправных пунктов, автор словно неоднократно заново начинает свой рассказ, возвращаясь к сказанному и предлагая новую редакцию уже написанного. Повторы встраиваются в новый ситуативный контекст, приобретая дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки. Особенности структуры книги, повторы цитат и сюжетных ходов обусловлены, как уже говорилось, тем, что «житие» Толстого создавалось Буниным в несколько приемов⁹¹. Необходимо осветить этот момент подробнее. Фрагменты, составившие книгу, были написаны в разное время, при различных обстоятельствах и в разных состояниях души. К столетнему юбилею Толстого

⁹⁰ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 21.

⁹¹ Мельников Н. Освобождение Толстого. 1937 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А.Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М.: Книжница — Русский путь, 2010. С. 419–421.

Бунин готовил мемуарные очерки, которые публиковались в газетной и журнальной периодике русского Парижа. В номере газеты «Возрождение» за 20 июня 1926 г. вышел очерк «К воспоминаниям о Толстом», в журнале «Современные записки» — очерк «О Толстом» (1927 г., № 32). В 1928 г. Бунин опубликовал статью о Толстом в газете «Последние новости». В 1937 г. фрагменты воспоминаний вышли в свет в журнале «Русские записки» и в газете «Последние новости». В том же 1937 г. в Париже было опубликовано отдельное, значительно дополненное издание, включившее очерки, мемуарные фрагменты, а также отклик Бунина на публикации последних лет об уходе Толстого⁹². К теме «освобождения» автор приступает только в главе VI, которая начинается словами «Мечтать о счастье видеть его я начал очень рано». В книге, таким образом, сведены в один текст разные редакции воспоминаний, фрагменты рассказа «Ночь» и последнее по времени написания — анализ мироощущения Толстого, неоднократные подходы к теме «освобождения». Строгий критик мог бы упрекнуть автора за рыхлость композиции, повторы и хождения по кругу. Но неискушенный читатель при однократном прочтении скорее всего не заметит этих недостатков, а если и заметит повторы, то услышит в них музыкальный лейтмотив: чем более узнаваемой становится тема, чем лучше она запоминается, усиливая эмоциональную связь читателя с автором и произведением. Вдумчивого читателя повторения заставляют снова и снова вдумываться в смысл сказанного.

С характером подготовки книги связаны и особенности цитирования источников, текстов Толстого и работ его исследователей, комментаторов, мемуаристов. В позднейших по времени написания частях книги внимание Бунина сконцентрировано на дневниках Толстого, публикация которых открыла миру совершенно нового, почти «неизвестного» Толстого. Значимость

⁹² Бунин И.А. Освобождение Толстого. Париж: YMCA-Press, 1937. 256 с. В советское время книга публиковалась в собраниях сочинений: Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. С. 7–165; Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 6. С. 5–145; Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Московский рабочий, 1993–2000. Т. 6. С. 21–172.

толстовских дневников для понимания его духовной эволюции отмечалась постоянно уже в то время, когда появились только первые и очень несовершенные их публикации, в том числе в виде цитат в биографических трудах. Одной из трудностей цитирования дневников Толстого для многих мемуаристов являлось отсутствие их полноценного издания, а значит и целостной перспективы отраженной в них духовной жизни. Тем не менее, даже по тем частям дневников, которые вошли и продолжали входить в культурный обиход, можно было судить о грандиозности этого документа, о его ценности для постижения «загадки Толстого».

До выхода в свет полного 90-томного собрания сочинений Толстого, его дневники цитировались по изданиям предыдущих собраний сочинений, где записи давались выборочно и без жизненного контекста, указанного самим Толстым. По его ремаркам в оригинале можно представить, при каких обстоятельствах, в связи с чем и под какими впечатлениями родились его мысли. П.И. Новгородцев в своей книге «Об общественном идеале» (1917) цитирует дневники Толстого по 12-ому изданию собрания сочинений, которое вышло в 1911 г. под редакцией В.Г. Черткова. В этом издании даются тематические подборки из дневников с заголовками, которые присвоил им редактор: «Мысли о Боге», «Для чего мы живем» и др. С одной стороны, можно видеть в этом редакторский произвол, но с другой стороны, Толстой ведь и сам не раз поручал Черткову делать подборки из своих дневниковых записей и давать им названия. Кроме того, Толстой не раз прибегал к тематическим подборкам афоризмов как к принципу организации материала.

Ценность дневников Толстого, при всех недостатках их публикаций, при первых же появлениях фрагментов и цитат в печати стала очевидной для представителей религиозно-философского персонализма. Некоторые из них поставили дневники выше всего того, что было написано Толстым. Например, Д.С. Мережковский в статье «Поденщик Христов» (1916) (которая явилась откликом на публикацию В.Г. Чертковым дневников Толстого за 1891–1895 гг.) писал: «Немногие поверят сейчас, что «Дневник» (1895–1899) — одно из сильнейших произведе-

ний его, если не самое сильное. Книга “несовременная”⁹³. Под воздействием дневников Толстого Мережковский пересмотрел те критические оценки его учения и духовной эволюции, которые он дал в книге «Л. Толстой и Достоевский» (1890). Он объяснил, как это произошло: «Толстой растет на наших глазах, и во что он вырастет, мы еще не ведаем. Трудно понять «Дневник», потому что он слишком прост. Нам кажется, что мудрое темно и сложно, а оно просто и ясно»⁹⁴. «Это вовсе и не книга, а разговор с самим собою и с Богом — чуть слышный шепот. Но он сильнее громов: умолкнут громы, а то, о чем этот шепот, не умолкнет во веки веков». «Этого нельзя читать безнаказанно <...> Не книга, а смертный приговор читателю». «Толстой нас против шерсти гладит, а здесь, в «Дневнике», особенно»⁹⁵. Как гимн дневнику Толстого звучат и другие оценки Мережковского в этой же статье: «...Время наше пройдет, пройдут века, а это останется. И с чем это сравнить в веках прошедших? С Паскалем, Эпиктетом, Сократом, Марком Аврелием? Нет, все не то. Кто поймет эту книгу, тому будет понятна и несравнимость, несоизмеримость ее, небывалость, единственность»⁹⁶. Глубоко замечено и далее: «У нас вообще нет меры для Толстого...»

Похожее чувство было и у других комментаторов, обратившихся к дневникам, в которых нашли отражение не только религиозные искания Толстого, но и все стороны его жизни в новом свете, исходящем от самого автора. В дневниках сконцентрирована мудрость, рожденная в повседневной борьбе с самим собой. А. Белый признавал, что гений Толстого «наносит нам жестокие удары», «угрожает нашему благополучию». Дальнейшая параллель возводит Толстого на высшую ступень духовного учительства: «но ведь и Христос принес не мир, но меч и разделение»⁹⁷. Бунин не менее остро, чем его современ-

⁹³ Мережковский Д.С. «Поденщик Христов» (1916) // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 451.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 452.

⁹⁶ Там же. С. 451.

⁹⁷ Белый А. Трагедия творчества: Достоевский и Толстой // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 264–265.

ники-мыслители, сознавал, что дневники Толстого представляют собой ценнейшую часть его наследия, важнейший источник для постижения его духовной эволюции и тайны его «освобождения». Как и большинство мемуаристов, он обильно цитирует дневники, но в этом цитировании есть свои особенности, обусловленные качеством изданий того времени: в частности отсутствием хронологической атрибуции цитат.

Сложен вопрос о том, какими источниками пользовался Бунин при цитировании дневников Толстого. Первый российский комментатор книги «Освобождение Толстого», опубликованной в 9-томном (а затем 6-томном) собрании сочинений Бунина, О.Н. Михайлов сообщает, что работая над этим произведением, писатель имел возможность пользоваться материалами томов советского 90-томного Полного собрания сочинений Толстого. Исследователь, по всей видимости, имел в виду те тома, которые включили дневники и записные книжки Толстого. Однако хронология выхода в свет томов этого издания, а также сопоставление цитат, приводимых Буниным, с текстами, опубликованными в этом собрании, не позволяют согласиться с этим предположением.

90-томное собрание сочинений Толстого готовилось и издавалось в России в течение 30 лет, начиная с юбилейного 1928 г. Последний по времени издания том вышел в 1958 г. Параллельно публиковались научные сборники, включающие сопутствующие материалы, в том числе фрагменты дневника. Дневники Толстого представляют значительную часть собрания, занимая 14 томов: с 46-го по 58-й. Частично они входят и в 90-й том. Четыре тома дневников вышли в свет в 1937 г. (тома 46, 47, 55, 56), когда книга Бунина уже была опубликована, а значит воспользоваться ими он не мог. До окончания работы Бунина над книгой о Толстом из томов, содержащих дневники, в собрании сочинений вышел в свет только один — 58-й, охвативший дневники и записные книжки за 1910 г. Теоретически, этим томом, вышедшим в свет в 1934 г., Бунин мог бы воспользоваться: на это предположение наводит тот факт, что самое большое количество цитат из дневника в его книге приходится именно на последний год жизни Толстого. Однако сопоставление цитат, приведенных Буниным, с текстами, опубликованными в со-

брании сочинений, показывает, что он пользовался другим источником. Все остальные тома с дневниками Толстого вышли в свет в 1952–1954 гг., после окончания Великой Отечественной войны. Бунин приводит несколько цитат из дневников Толстого за годы, охваченные в 48 томе, однако этот том также вышел только в 1952 г.

Итак, ко времени выхода в 1937 г. книги Бунина о Толстом из томов, содержащих дневники, вышел в свет только один — 58-й, включавший дневники и записные книжки за 1910 г. Основной корпус дневников был опубликован уже после окончания Великой Отечественной войны. Хотя очевидно, что это издание дневников не было доступно Бунину, можно с большой вероятностью предположить, что у него не было недостатка в источниках: среди них дореволюционные издания В.Г. Черткова, мемуары, переписка, исследования жизни и творчества Толстого. В чертковском собрании сочинений Толстого тома дневников, как и других произведений, выходили с цензурными купюрами. Кроме этого, Толстой предоставил Черткову право редактировать свои дневники, располагая их по усмотрению в удобном для читателя тематическом порядке. В 1916 г. Чертков выпустил дневник Толстого за 1895–1899 гг. в издательстве Сытина в Москве. Эта публикация получила отклик как в России, так и в зарубежье. Чертков готовил следующий том к выходу в 1917 г., однако типографский набор был рассыпан. Значительные по ценности и объему фрагменты дневников были введены в научный оборот биографами и ближайшими помощниками Толстого, в том числе самим В. Чертковым, а также Н. Гусевым, Т. Полнером, П. Бирюковым. Их труды содержат тщательно отобранные цитаты, однако нередко они вносили в тексты Толстого свою редакторскую правку, особенно это касается синтаксиса.

Авторы воспоминаний, к которым обращался Бунин, пользовались не только рукописями и опубликованными текстами Толстого, но также своими записями его устных бесед. По этой причине имеют хождение разные вариации высказываний Толстого на одну тему. И в дневниках Толстого одна и та же мысль часто дается во множестве вариантов. Он редактировал свои высказывания при переносе текста из дневника в записную

книжку. Многие высказывания, созревшие до афористической формы, затем включались в «Круг чтения» и в другие собрания. При каждом новом подходе Толстой вносил нечто новое в свои размышления, добываясь наибольшей точности словесного выражения мысли и чувства.

Как уже было отмечено, авторы биографических трудов порой пытались придать высказываниям Толстого литературную и логическую гладкость, приспособлявая сложный стиль дневника к восприятию широкого читателя. В дневниках Толстого более всего волновала точность выражения мысли или чувства, и в гораздо меньшей степени литературная отделка. Отредактированные цитаты встречаются и в книге Бунина: но трудно сказать, кто именно внес правку. Бунин, разумеется, не ставил перед собой задачу текстологически точной передачи толстовских высказываний: его цель заключалась в создании художественного образа.

Интересным примером работы над дневниковыми записями Толстого является философский фрагмент, составленный Буниным из дневниковых записей и писем Толстого. Внутри этого фрагмента высказывания отделены одно от другого многоточием, так что создается впечатление, что вниманию читателя предлагается выборка из какого-то единого текста. Даты записей не указаны. Очевидно, что для Бунина была важна не столько последовательность идей Толстого, сколько их тематическое родство. Цитаты выстраиваются по нескольким связанным темам: осознание безумия современного мира, мысли о необходимости освобождения от него, переосмысление реальности жизни и смерти. Центральную группу цитат представляет «буддийский» комплекс идей, почерпнутый Буниным в дневнике Толстого за 1910 г.

Если восстановить хронологический порядок приводимых записей, то выясняется, что они относятся к разным периодам жизни писателя. В целом цитирование в этом фрагменте охватывает период с 10 января до 26 октября 1910 г. — последнего года жизни Толстого. При этом записи у Бунина приводятся в произвольной хронологической последовательности. Писатель начинает с трех записей дневника: от 21 января, 1 апреля и 10 мая 1910 г. Следующая, четвертая цитата — о «вопросах

сердца» — дается по письму Толстого к Н.Н. Страхову от 27 января 1878 г., то есть из текста, написанного за тридцать лет до дневниковых записей 1910 г. Источником последней цитаты в этом ряду — о смысле жизни — является «крымский дневник» за 10 октября 1901 г. Сопоставляя цитаты, приводимые Буниным, с текстами 90-томного собрания сочинений, можно «реставрировать» мысль Толстого в ее полноте и хронологической последовательности. Однако такая реставрация не снижает ценности составленного Буниным философского фрагмента: он оставляет впечатление некой тематической цельности. И это не удивительно. В своих дневниковых записях и в переписке Толстой на протяжении многих лет возвращается к одним и тем же мыслям, заново продумывая их, добавляя к ним новые штрихи. Толстой часто признает, что ему не удастся выразить словом то, что казалось предельно ясным в процессе мышления. Возвращаясь к одной и той же теме, в некоторых случаях он добивается более ясных и точных формулировок. Но бывает и так, что поздние варианты уступают ранним по напряженности мысли и живости выражения. Мысль Толстого движется по спирали и, возвращаясь к затронутой идее, оказывается уже на новом витке.

Однако же, если расположить приводимые в философском фрагменте записи в хронологическом порядке, получится несколько иная картина развития мысли Толстого. В письме Н.Н. Страхову от 27 января 1878 г. встречается одна из важнейших формул художественной гносеологии Толстого. Он спрашивает: «Что я такое? Разум ничего не говорит на эти вопросы сердца... С тех пор, как существуют люди, они отвечают на это не словами, то есть орудием разума, а всей жизнью...»⁹⁸. Вслед за Паскалем и Кантом Толстой признает, что дискурсивный рациональный ум, который является полновластным хозяином в науке, бессилен в вопросах религии, этики и живой жизни. Однако же именно «вопросы сердца» для человека являются самыми животрепещущими, а поиск ответа на них требует участия всех сил души. Толстовская формула «вопросы сердца» восходит

⁹⁸ Толстой Л.Н. — Страхову Н.Н. 27 января 1878 г. // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 62. С. 380–381.

скорее всего к предложенному Паскалем противопоставлению двух типов мышления: разума «геометрического» (дискурсивного, рационального) и «тонкого» (этического). Паскаль был одним из любимых мыслителей Толстого, другим столь же значимым авторитетом был Кант, который разделял познавательные способности на «чистый разум» (рациональный, отвлеченный) и «практический» (жизненный, этический).

Письмо Толстого в собрании сочинений содержит более полное рассуждение на эту тему, в нем раскрываются существенные оттенки смысла: «Разум мне ничего не говорит и не может сказать на три вопроса, которые легко выразить одним: что я такое? Ответы на эти вопросы дает мне в глубине сознания какое-то чувство. Те ответы, которые мне дает это чувство, мутны, неясны, невыразимы словами (орудием мысли)» <...>. «Ответы спрашиваются не на вопросы разума, а на вопросы другие. Я называю их вопросами сердца. На эти вопросы с тех пор, как существует род человеческий, отвечают люди не словом, орудием разума, частью проявления жизни, а всю жизнь, действиями, из которых слово есть одна только часть»⁹⁹.

Сокращения, внесенные Буниным при цитировании, хотя и упрощают мысль Толстого, но в то же время делают ее более сжатой и энергичной и рассчитанной на эстетическое восприятие. В сокращенном виде более заметным становится акцент на ключевом понятии: «вопросы сердца». Этим понятием Толстой пользовался не раз в других письмах: «Когда ум спрашивает, они [верования] отвечают хорошо; но когда сердце болит и просит ответа, то нет поддержки и утешения»¹⁰⁰.

За цитатой из письма в книге Бунина после многоточия следует не менее ценное рассуждение о смысле жизни: «Чтобы жизнь имела смысл, надо чтобы цель ее выходила за пределы постижимого умом человеческим...» В таком виде цитата приводится у Бирюкова, в ней сокращено важное уточнение: «за пределы этого мира». Отсутствует оно и у Бунина. Приводимый им вариант взят из крымского дневника за 10 октября 1901 г. Находясь в

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Толстой Л.Н. — Толстой А.А. 15 апреля 1876 г. // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 62. С. 267.

Гаспре, Толстой записал довольно большой фрагмент, разделенный на пункты. Тезис № 17 гласит: «Избави Бог жить только для этого мира. Чтобы жизнь имела смысл, надо, чтобы цель ее выходила *за пределы этого мира*, за пределы постижимого умом человеческим...»¹⁰¹. «За пределы этого мира» здесь стоит на первом месте, так как это для Толстого еще более важно, чем «за пределы ума человеческого». Толстой признает здесь, что первопричина этого мира находится за его пределами. И это очень важный момент для понимания его картины мира.

Бунин приводит запись от 10 января 1910 г., которая призвана опровергнуть мнение о рационализме и позитивизме Толстого: «Нет более распространенного суеверия, что человек с его телом есть нечто реальное...» Цитата оборвана, тогда как в дневнике Толстого из этого начала мысли вытекает чисто идеалистическое определение сущности человека: «Человек есть только центр сознания, воспринимающего впечатления»¹⁰².

В качестве продолжения этой мысли Бунин приводит запись за 1 апреля 1910 г., сделанную почти четыре месяца спустя. В тексте книги Бунина эта цитата сокращена и отредактирована: «Вещество и пространство, время и движение отделяют меня и всякое живое существо от Бога...». А вот как она выглядит в дневнике Толстого: «Вещество и пространство, время и движение отделяют меня и всякое живое существо от Всего Бога. Как же представлять себе Бога личным, т. е. ограниченным, т. е. в пространстве и времени»¹⁰³.

После многоточия у Бунина следует как бы продолжение этой мысли: «Все меньше понимаю мир вещественный и напротив все больше и больше сознаю то, чего нельзя понимать, а можно только сознать». Эту запись от предыдущей отделяет полтора месяца, а в томе полного собрания сочинений их разделяют 15 страниц текста дневников. Так эта запись выглядит

¹⁰¹ Толстой Л.Н. Дневник. 10 октября 1901 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 54. С. 112.

¹⁰² Толстой Л.Н. Дневник. 10 января 1910 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 58. С. 10.

¹⁰³ Толстой Л.Н. Дневник. 1 апреля 1910 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 58. С. 32.

в дневнике Толстого: «Чем больше живу, тем меньше понимаю мир вещественный и напротив, тем все больше и больше со-знаю то, чего нельзя понимать, а можно только сознать»¹⁰⁴. Пропущено вводное предложение: «Чем больше живу», которое раскрывает переживание внутреннего духовного роста писателя и является существенной деталью самоанализа писателя.

Если расположить цитаты в хронологической последовательности толстовских записей, получится следующая схема развития мысли:

- Что такое я? Отчего я? (13.02.1910)
- Пора проснуться, то есть умереть. (1.03. 1910)
- Вещество и пространство, время и движение отделяют меня и всякое живое существо от Всего Бога. (1.04.1910)
- Все меньше понимаю мир вещественный и, напротив, все больше и больше сознаю то, чего нельзя понимать, а можно только сознать. (10.05.1910)
- Но как же род человеческий? Не знаю. Знаю только, что закон совокупления не обязателен человеку.

Сокращение, внесенное в последнюю цитату меняет модальность мысли Толстого. В оригинале мысль звучит не предположительно, а утвердительно. 10 мая 1910 г. Толстой записывает в дневнике: «Христианский идеал нашего времени есть полное целомудрие. Признание брака чем-то священным, даже хорошим, есть отречение от идеала» (10.05.1910). За этим утверждением следует вопрос предполагаемого собеседника: «Но как же род человеческий?» — и ответ писателя: «Не знаю. Знаю только, что закон совокупления не обязателен человеку».

Видимо, биограф, на которого опирался Бунин, не решился включить в свой текст высказывание, вступающее в столь резкое противоречие с распространенным представлением о Толстом как о носителе семейственного и родового начала жизни. Возможно и Бунину оно показалось слишком непохожим на все, что он знал и думал о Толстом. Может быть, это высказывание Толстого о целомудрии было «случайным»? Нет: оно органично вписывается в эволюцию духовности Толстого: он высказывал

¹⁰⁴ Толстой Л.Н. Дневник. 10 мая 1910 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 58. С. 47.

похожие мысли неоднократно и с годами все ближе подходил к признанию ценности евангельского идеала, воплощенного в жизни христианских подвижников. Этот евангельский идеал не является отрицанием брака, он обращен к избранникам, апостолам, к тем, кто «способен вместить» путь целомудрия и служения Богу. Для Толстого очевидно, что целомудрие — не императив, а идеал, который не может быть обязательным для всех. В «Крейцеровой сонате» Толстой также отрицает не брак, но те его формы, которые придала ему цивилизация, он обличает те ожидания и требования, которые предъявляет к браку избалованной цивилизацией представитель господского сословия.

Таким образом, хотя философский фрагмент на первый взгляд выглядит как цельное произведение, при ближайшем рассмотрении оказывается, что он составлен из отдельных отрывков и в нем обнаруживаются смысловые лакуны. Тем не менее этот фрагмент дает достаточно верное представление о метафизических интересах Толстого, о его идеализме. Более серьезным недостатком трактовки толстовского мировоззрения, присущим не только Бунину, но и многим его современникам, является преувеличение «одержимости» Толстого идеей смерти. У таких разных людей как М. Горький, Д.С. Мережковский, Лев Шестов, П.М. Бицилли — «освобождение» Толстого представлено именно как стремление к смерти. Возможно, вся эстетическая атмосфера «конца века», своеобразная «заданность» темы смерти в этот кризисный период, послужила источником такого тенденциозного толкования толстовского учения о свободе и освобождении. М. Горький в очерке «Лев Толстой» вспоминал, что писатель в последние годы «всматривался в смерть» и этот предмет был для него главным. Толстой казался ему «равнодушным к людям», но не в обыденном, а в духовном смысле: «Он настолько выше, мощнее их, что они все кажутся ему подобными мошкам, а суета их — смешной и жалкой. Он слишком далеко ушел от них в некую пустыню и там, с величайшим напряжением сил духа своего, одиноко всматривается в «самое главное» — в смерть»¹⁰⁵. Отзвуки подобного

¹⁰⁵ Горький М. Лев Толстой // Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 т. Художественные произведения. М.: Наука, 1973. Т. 16. С. 290–291.

толкования слышались и позднее. Как справедливо замечает Е.Р. Пономарев, «в 1930-е годы эмиграция выделяет у Толстого проблему смерти и практически сводит к ней все творчество великого писателя»¹⁰⁶. Бунин тоже акцентирует погруженность Толстого в тему смерти: как он пишет в своей книге, писатель изучал смерть «с одержимостью однообразия, которую можно видеть или в житиях святых или в историях душевнобольных». Думается, что на Толстого Бунин переносил то декадентски-модернистское переживание смерти, которое доминировало в атмосфере эпохи: этим мотивом пропитаны многие повести и рассказы самого Бунина, его размышления в дневнике, беседы с близкими людьми.

Несомненно, тема смерти была одной из важнейших для Толстого. Как писал С.Л. Франк, углубленное всматривание в проблему смерти — характерная черта каждой религиозной натуры. Очевидно при этом, что для Толстого осмысление смерти было не самоцелью, а ступенью к постижению тайны жизни, замысла Бога о человеке. Об этом свидетельствуют многочисленные записи в поздних дневниках Толстого.

Бунин считает ключевым моментом в мировоззрении позднего Толстого его веру в то, что земная жизнь не имеет смысла и что целью бытия является буддийская нирвана, то есть освобождение от земных уз. Некоторым буквализмом отдает трактовка Буниным вопроса, который Толстой ставит в своей «Исповеди»: «...продолжать жизнь зачем?». Отрицательный ответ на этот вопрос настолько очевиден для Бунина, что он недоумевает, почему другие не видят этого: «Странно разъяснять все это. Но разъяснять еще необходимо». Столь же прямолинейно писатель трактует и лейтмотив размышлений Экклезиаста: «Все суета сует и всяческая суета». Бунину кажется неоспоримым вывод из рассуждений библейского мудреца: никакие цели, стремления и блага человеческие не имеют смысла перед лицом смерти. И чем ближе подходит человек к грани земного бытия, тем меньше ценности имеют для него земные блага, в

¹⁰⁶ Пономарев Е.Р. Лев Толстой в литературном сознании русской эмиграции 1920–1930-х годов // Русская литература. 2000. № 3. С. 202–211.

том числе и сама жизнь. Закономерность этого «возрастного» изменения мировоззрения подтверждают, как представляется Бунину, Экклезиаст, Будда, Шопенгауэр, Толстой и другие мудрецы. Бунинская трактовка Экклезиаста подчинена этой пессимистической схеме и расходится с христианской традицией толкования этого текста. Ведь утверждение бессмысленности жизни является у Экклезиаста, как и у других мудрецов, лишь риторическим приемом, за которым следует признание ценности жизни как высшего дара, который человек получил от Бога.

В подтверждение своего понимания темы смерти у Толстого Бунин ссылается на В.А. Маклакова, «одного из самых блестящих русских людей», приводя пространную цитату из его выступления в Праге во время толстовских юбилейных торжеств. Доклад был опубликован в «Современных записках» (1929, № 38). В нескольких абзацах Бунин ведет с автором доклада напряженный диалог, но при этом отсекает его риторическую диалектику. Маклаков пишет: «Толстой по своему мировоззрению истинный позитивист, сын нашего века»¹⁰⁷. В следующей фразе он уточняет, что в вопросах религиозных и в учении о жизни Толстой «покидал позитивную дорогу и взгляды». Бунин же с возмущением откликается на первую часть высказывания, оставляя без внимания последующее развитие мысли.

Анализируя «Исповедь», Маклаков, действительно, начинает с изложения лежащей на поверхности пессимистической идеи Экклезиаста: нет смысла в достижении мирских благ, поскольку их поглощает смерть. Однако далее он принимает сложный характер диалектики мудреца, его «pro et contra». Если видеть цель и смысл бытия в накоплении богатств, как материальных, так и духовных, то эти богатства действительно поглощает смерть. Смертность человека обесценивает земные блага, в том числе и культурные. Но именно поэтому Экклезиаст, Будда, Шопенгауэр и Толстой призывают отказаться от ложных благ и целей, установленных человеком, и искать действительные блага, заповеданные Богом. С точки зрения подлинных духовных

¹⁰⁷ Маклаков В.А. Толстой как мировой явление // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 465.

благ, раскрытых людям в Священном Писании, жизнь обретает и смысл и ценность.

Напоминая о смерти, библейский мудрец разоблачает ценности язычества, иллюзорность власти, славы, богатства, опровергает возможность достижения прочного счастья на земле. Контрапункт проповеди Экклезиаста заключается в столкновении мировоззрений: «духовного» и «плотского» человека. Однако тонкая диалектика мудреца не достигает цели в том случае, если человек настроен на рационалистическое и материалистическое миропонимание. Тезис о бессмысленности жизни оказывается более убедительным для рационального рассудка, чем истины и блаженства иного мира. Даже и сам Толстой, опираясь на разум, оценивает книгу Экклезиаста как проповедь пессимизма. По его мнению, у Соломона, Будды и Шопенгауэра и не могло быть иного мирочувствия, поскольку они не понимали замысла Хозяина и не исполняли Его заповедей в жизни. Этот замысел раскрывается только тем, кто трудится на земле и постигает мудрость Создателя в важнейшем жизненном деле. Но разве не о том же проповедует Экклезиаст, призывая человека наслаждаться простыми земными радостями: возделывать свой сад и наслаждаться его плодами?

Именно такую традиционно христианскую интерпретацию Экклезиаста имел в виду и Маклаков. И по всей видимости он хотел показать, что Толстому, хотя и помимо размышлений библейского мудреца, открылись вещи, о которых «большинство людей не думает»: «...Он думал о том, о чем мы, люди бессознательного жизненного инстинкта, слишком мало думаем в нашей жизненной суеде, — о смысле жизни, кончающейся смертью. Он сам рассказал в своей “Исповеди”, что привело его к “перелому”: мысль о смерти; ему стало казаться, что если все то, ради чего мы живем, — все мирские блага, все наслаждения жизнью, богатством, славой, почестями, властью, — если все это будет у нас отнято смертью, то в этих благах нет ни малейшего смысла. Если жизнь не бесконечна, то она просто бессмысленна; а если она бессмысленна, то жить вовсе не стоит, следует как можно скорее избавиться от нее самоубийством. Вот то неожиданное и безотрадное заключение, к которому привела

его мысль о смерти...»¹⁰⁸. И далее Маклаков переходит к доказательству того, что Толстому открылся выход из этого отчаянного экзистенциального положения: «...При наличии смерти, нужно либо добровольно покинуть жизнь, либо переменить ее, найти в ней тот смысл, который не уничтожался бы смертью»¹⁰⁹. В этом, по Маклакову, и заключается основная идея Толстого: бессмысленна не жизнь вообще, а та жизнь, которую устраивает на земле человек в соответствии со своими представлениями о благе, об истине, о счастье, о своем предназначении. Чтобы увидеть смысл и ценность жизни, необходимо совершить революцию в сознании: сосредоточиться на «вечном», на заповедях человечности и духовности. В своей книге Бунин обрывает ход рассуждения Маклакова на поворотном пункте, ведущем к утверждению вечных ценностей жизни, не подверженных разложению и смерти.

Маклакову был очевиден жизнеутверждающий смысл проповеди библейского мудреца, а также учения Толстого. Он подчеркивает, что они оба требуют найти в жизни «тот смысл, который не уничтожается смертью»¹¹⁰. В публицистических статьях Толстой не раз писал о том, что попытки изменить жизнь внешними средствами: социальными реформами, техническими новшествами, не приведут к результатам, пока не изменится сам человек. Он обращался к власти имущим, революционерам и народу: «Для того, чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше»¹¹¹. По его убеждению, решить эту проблему может только духовно-религиозное воспитание.

Бунин почти не уделяет внимания проблеме духовного преобразования человека, поднятой Толстым. Его представление о смысле «Исповеди» Толстого, как и трактовка книги Экклезиаста-

¹⁰⁸ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 137.

¹⁰⁹ Маклаков В.А. Толстой как мировое явление // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 471.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Толстой Л.Н. Правительству, революционерам и народу // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 38. С. 308.

ста соответствуют скептическому рационалистическому мировоззрению. Обе проповеди представляются ему выражением крайнего пессимизма, признания бессмысленности жизни. По своему эмоциональному воздействию «пессимистическая» тональность, признание бессмысленности жизни перед лицом смерти, производит на него, как и на многих читателей, неизгладимое впечатление и не оставляет места для исканий какого-то иного, истинного смысла жизни. Толстой призывает признать, что жизнь не исчерпывается земным существованием, что она продолжается в вечности, но в иной, духовной форме. Поэтому так много внимания он уделяет необходимости сознавать себя духовным существом. Этого религиозного поворота мысли Толстого не принимали даже сочувствовавшие ему последователи: в духовности писателя они не видели ничего кроме склонности к мистике. Бунин, хотя и был ценителем мистики творчества, в жизни оставался пленником внерелигиозных настроений эпохи: смерть для него оставалась только концом телесного существования, трагической реальностью, в свете которой жизнь представляется бессмысленной. Здесь оба писателя выразили свое время, свою культурную ситуацию, а главное — различия в своем духовном состоянии.

Тем не менее в книге Бунина духовность Толстого представлена многообразно по контрасту с его окружением, в свете мотивов христианства и буддизма. Как своего рода эпитафия к очередному биографическому фрагменту книги Бунина о Толстом звучат евангельские слова: «И враги человеку — домашние его...» (Мф 10: 36). Речь здесь идет не о «человеке» вообще, но об избранниках судьбы: «Их немало было, “благородных юношей, покинувших родину ради чужбины”»: был царевич Готами, был Алексей Божий человек, был Юлиан Милостивый, был Франциск из Ассизи... К лику их сопричислился и старец Лев из Ясной Поляны»¹¹². Толстого нередко называли «старцем» еще при жизни, однако вряд ли он сам одобрял подобное посвящение: это была совсем не его роль. Образ «яснополянского старца», созданный мемуаристами, в памяти потомков вытесняется его

¹¹² Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 22.

подлинным ликом — образом бунтаря и переоценщика ценностей. Этот подлинный лик присутствует и в книге Бунина, словно пробиваясь сквозь стереотипы и искусственные конструкции, созданные современниками.

Пытаясь разобраться, какую роль в трагическом бегстве Толстого сыграла его семья, особенно его жена, Бунин приводит конкретные подробности семейной жизни Толстых и в то же время осмысливает роль семьи в жизни гения в общечеловеческом масштабе. Дважды он приводит, запечатленные многими мемуаристами суждения Софьи Андреевны о муже: «Сорок восемь лет прожила я со Львом Николаевичем, а так и не узнала, что он был за человек!». Дважды приведено и второе ее высказывание: «Если счастливый человек вдруг увидит в жизни, как Левочка, только все ужасное, а на хорошее закрыл глаза, то это от нездоровья». Скорее всего, повторы были результатом слияния двух газетных очерков о Толстом, но они не портят впечатления, поскольку воспринимаются как намеренно введенный музыкальный лейтмотив. Но интересно, что первое высказывание Бунин приводит сначала как бы по памяти, а затем со ссылкой на неизвестного мемуариста. Не менее значимым является и третье высказывание Софьи Андреевны, приведенное Буниным: «Левочку никто не знает, знаю только я — он больной и ненормальный человек».

Высказывания эти ничего не говорят о Толстом, но выразительно рисуют характер Софьи Андреевны: с одной стороны, она сознает, что неспособна понять своего мужа, хотя и прожила с ним полвека, но с другой стороны, она считает себя вправе оценивать его и ставить ему «диагноз»: «больной и ненормальный». Не испытывая сомнений, она бросает в века свои мнения о человеке, сопоставимом по масштабу с Шекспиром, Пушкиным, Достоевским. Вслед за Софьей Андреевной, Толстого в поздние годы считали душевнобольным его сыновья, родственники, некоторые друзья и знакомые. Безумной представлялась им его попытка пересмотреть церковное учение, создать «свое» христианство. Очевидным свидетельством душевной болезни казалось окружающим его отречение от своих литературных прав и гонораров, от признанного первенства среди современных писателей.

Толстой, как известно, и сам нередко испытывал опасения за свое душевное здоровье и часто задумывался о том, где же проходят границы между психическим здоровьем и болезнью. Изучая окружавших его людей, он видел, как мало в них подлинного душевного здоровья. Особенно тревожило его душевное состояние жены и сыновей.

Бунин приводит цитату из дневника Толстого, которая не может не поразить читателя одновременно своей житейской конкретностью и философским символизмом: «Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших»¹¹³. Запись далеко не случайная, не плод настроения. Мотив безумия — один из центральных как в художественном творчестве, так и в религиозно-философской публицистике Толстого. Запись примечательна не только своим содержанием, но и моментом, когда она появилась: 26 октября 1910 г., то есть за два дня до ухода из Ясной Поляны.

Ощущение безумия — как в социальной, так и в частной жизни, — появилось у Толстого давно, но отчетливо оформилось в годы духовного кризиса. В период работы над «Записками сумасшедшего», 28 мая (9 июня) 1884 г. он записал в дневнике: «Точно я один не сумасшедший живу в доме сумасшедших, управляемом сумасшедшими»¹¹⁴. Не раз убедившись в том, что близкие считают его душевнобольным, он не оставлял попыток найти с ними общий язык, объяснить им необходимость пробуждаться от духовного сна, задаваться религиозно-философскими вопросами, задумываться о своем назначении, о греховности своей барской жизни за счет труда других людей. Не находя понимания у домашних, он с изумлением спрашивал себя, почему же их не волнуют вопросы о самом главном, о «едином на потребу». Об одном из сыновей и о жене, а также о множестве других людей из близкого окружения он писал, что у них «кастрированный ум», имея в виду их глухоту к религиозным вопросам.

В вопросе о своем душевном здоровье для Толстого характерны переходы от сомнений к уверенности в понимании того,

¹¹³ Толстой Л.Н. Дневник. 26 октября 1910 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 58. С. 123.

¹¹⁴ Толстой Л.Н. Дневник. 28 мая / 9 июня 1884 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 49. С. 99.

что является «единым на потребу». Утвердиться в верности избранного пути помогли ему духовные предшественники. «Путь паломника» Д.Баньяна и созданная по его мотивам поэма «Странник» Пушкина раскрыли ему трагические закономерности и приметы духовного пробуждения: неизбежность острого чувства одиночества, ощущение надвигающегося безумия, стремление бежать из дома, разрывая пути, которыми связывают человека условности социальной и семейной жизни¹¹⁵.

Мысль о безумии современной жизни — государственной, общественной, семейной — является, можно сказать, лейтмотивом дневника и исповедальных произведений Толстого, начиная с «Записок сумасшедшего» (1884). Безумие хода технической цивилизации он объясняет разрывом человечества с замыслом Бога. С середины 1880-х гг. мотив безумия присутствует в дневниках постоянно. Толстой записывает в 1895 г.: «Сумасшествие это эгоизм, или наоборот: эгоизм, т. е. жизнь для себя, для одной своей личности, есть сумасшествие»¹¹⁶. В конце 1896 г. появляется еще одна запись на эту тему: «Думал нынче о “Записках сумасшедшего”. Главное: понял свою сыновность Богу, братство, — и отношение ко всему миру изменилось»¹¹⁷. Десять дней спустя он записывал: «Признание братства людей и жестокий, зверский, оправдываемый людьми небратский склад жизни — неизбежно приводит к признанию сумасшедшим себя или всего мира»¹¹⁸.

Тема безумия занимает одно из центральных мест в религиозно-философской публицистике Толстого. Об ощущениях человека, живущего в современном цивилизованном государстве как в сумасшедшем доме или в тюрьме, свидетельствуют

¹¹⁵ Перекличка переживания духовного опыта Толстого с мотивами Дж. Баньяна и А.С. Пушкина исчерпывающе раскрыта в исследовании: *Благой Д.Д.* Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 50–74.

¹¹⁶ *Толстой Л.Н.* Дневник. 7 февраля 1895 г. // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 53. С. 4.

¹¹⁷ *Толстой Л.Н.* Дневник. 26 декабря 1896 г. // Там же. С. 128.

¹¹⁸ *Толстой Л.Н.* Дневник. 5 января 1897 г. // Там же. С. 129.

статьи: «Рабство нашего времени», «Конец века», «Единое на потребу», «Единая заповедь», «О безумии» и другие. Толстому представляется безумием материалистическое понимание жизни и основанный на этом мировоззрении культ государства и технического прогресса. Безумным представлялся ему быт его семьи, живущей по принципу «как все живут». Обильная, по его словам, «жратва», при отсутствии физического труда, бессмысленные развлечения молодежи, — все это чем дальше, тем явственнее представлялось ему «сумасшедшим домом», так как эта барская жизнь требовала эксплуатации чужого труда. Сумасшедшими стали ему казаться и «легионы» обычных людей, всю жизнь бьющихся за расширение своих владений и увеличение благосостояния. Но именно такие люди, «непосредственные деятели» без духовных запросов, как было для него очевидно, являются опорой государства и «прогресса цивилизации».

Бунин приводит еще одну дневниковую запись Толстого на тему безумия: «Хорошо думал о безумии личной жизни — [служения] не только личной жизни своей, но и жизни общей, временной»¹¹⁹. В цитате выпущено слово «служения», из-за чего смысл фразы становится размытым. Здесь безумием, по Толстому, является не личная и не общественная жизнь, но эгоистическое служение себе, как индивидуальному «животному» существу, отделенному от всего живого сознанием своей индивидуальности. В терминологии философов, которых ценил Толстой, в частности Шопенгауэра, в этом ощущении своей отдельности проявляется «принцип индивидуации». С годами Толстой приходит к тому, что не только служение себе, но и служение своей семье, сословию, государству, народу, нации — является проявлением различных форм эгоизма. Единственно верный путь преодоления эгоизма, считал он, — служить всему человечеству, но для этого необходимо знать, в чем назначение человека, смысл его бытия, в чем заключается для него «благо» и в чем «зло». В последние годы происходит дальнейший крутой поворот к религиозной духовности: Толстой приходит к мысли, что служить надо не людям и не человечеству, а только

¹¹⁹ Толстой Л.Н. Дневник. 19 февраля 1910 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 58. С. 19.

Хозяину; не человеческим понятиям о добре и зле, а высшей истине, данной людям в религиозном откровении. Идеал аскезы, пустыни, монашеского служения не раз открывался внутреннему видению Толстого, в служении Богу он видел подлинное служение людям. Но при этом вся его жизнелюбивая и страстная натура влекла его искать спасения здесь на земле, спасая при этом не себя одного, но и ближних в широком смысле, то есть все человечество.

Работая над книгой о Толстом, Бунин по какой-то причине не воспользовался воспоминаниями В.Г. Черткова, которые, несомненно, были ему известны. В своей книге «Уход Толстого», вышедшей в свет в 1922 г., Чертков довольно тонко объясняет семейную трагедию Толстых. Он не верил в душевную болезнь Софьи Андреевны, полагая, что умелое притворство позволяло ей манипулировать мужем и детьми, отстаивать свою правоту в кругу родственников и друзей. Бунин в этом вопросе полагается на других мемуаристов, пытается посмотреть на проблему с разных сторон. Нельзя отрицать, что Софья Андреевна была самоотверженной женой и матерью, умелой хозяйкой дома, незаменимой помощницей писателя в творческих и издательских делах. Нельзя забыть и о той жертве, которую она принесла ради мужа и семьи, отказавшись от собственных литературных амбиций. В то же время очевидно и другое: не понимая сущности духовных исканий Толстого, она пыталась, вкладывая весь свой темперамент, подчинить его жизнь и деятельность общепринятым представлениям. Как «душевному» человеку не дано понять «духовного», так и Софье Андреевне были недоступны религиозные искания и вытекавшие из них поступки Толстого. Жenu и сыновей возмущал его «эгоизм», так как его отказ от авторских прав угрожал их материальному благополучию. А он лишь отчаянно пытался привести свою жизнь в соответствие со своими убеждениями. Отстаивая интересы детей, Софья Андреевна слишком мало заботилась о том внутреннем конфликте, который переживал Толстой. Когда-то она была готова принять и поддержать с необыкновенным рвением временное увлечение мужа обрядовым православием. Но его серьезная преданность религиозной идее, стремление не только проповедовать, но и

воплощать в жизни евангельские заповеди было для нее непостижимо. Длительность их брака, те 48 лет, которые они провели под одной крышей, не только не сгладили расхождений: с годами стена непонимания росла и укреплялась. В мемуарах Бунина заметны некоторые «метания» между общим мнением о семейной драме Толстого и необходимостью дать ей свою личную оценку. В одних случаях он присоединяет свой голос к осуждению Софьи Андреевны, в других принимает ее сторону, и эта противоречивость понижает все биографические страницы книги. Высказаться откровенно ему мешало то обстоятельство, что родственники Толстого находились в эмиграции и принадлежали к тому же кругу, что и он. В конечном итоге, хотя Бунин не высказывает этого прямо, он все же дает понять, что ответственность за уход Толстого из дома лежала в наибольшей степени на спутнице его жизни. Достаточно откровенно звучит его фраза: «Софья Андреевна, заболевшая в конце концов и душевно и умственно», довела писателя «уже до настоящего ужаса своими преследованиями»¹²⁰.

* * *

В 1937 г. в ведущих периодических изданиях эмиграции — газетах «Последние новости» и «Возрождение» — появились отклики Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича на книгу Бунина о Толстом. Для обоих рецензентов книга не была полной неожиданностью, так как ее мемуарные части уже выходили в газетной периодике. В сознании читающей публики имя Бунина издавна ассоциировалось с Толстым: многие считали его первым по рангу литературным преемником великого писателя.

В 1933 г., Адамович, давая оценку творчеству Бунина в статье «Лица и книги» (журнал «Современные записки») соизмеряет Бунина с Толстым и Чеховым, поднимая его над всеми современниками. Однако в этой оценке едва слышно звучит ироническая нотка: «Замечательный писатель. Оглядываясь и подводя итоги, надо признать, что в области чистой «беллетри-

¹²⁰ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 28.

стики» это лучшее наше достояние со времен Толстого»¹²¹ ... «Талант Бунина родственен толстовскому по внутренней своей правдивости»¹²². Удивительно, что «внутреннюю правдивость» обоих писателей Адамович ограничивает «беллетристической», в то время как оба были еще и блистательными публицистами, а Толстой еще и автором учителем жизни. Как всегда, Адамович противоречив: к концу статьи он признает очевидное: «Толстовское воздействие нельзя испытать или пережить только в плоскости искусства: оно или вовсе не доходит до сознания, или доходит целиком. Толстой не был «только романистом». Да ведь и в романах его, помимо следов опыта писательского, есть след опыта нравственного, — отчетливый и ясный задолго до пресловутого перелома, который будто бы заставил Толстого взглянуть на людей и жизнь по-новому. «Войну и мир» можно, конечно, рассматривать как национальную героическую эпопею. Но в этой эпопее, с точки зрения любви к отечеству и народной гордости, столько странного, столько двусмысленного, что для воспитания юношества в национально-патриотическом духе она во всяком случае непригодна. А о позднейших вещах нечего и говорить. Тут, в этой сфере, Толстой вернее кого бы то ни было перенял и воспринял опалюще-разъедающую сущность евангельской проповеди»¹²³. Прекрасно сказано, но дальнейшие утверждения сбивают с толку: оказывается, что не всякому читателю духовный опыт Толстого может быть полезен: «"Померк" мир под первыми дуновениями христианства. Меркнет душа под внушениями Толстого, — и если потом опять возрождается в ней вкус к деятельности, работе и благополучию, то во всяком случае выходит она из этой переделки сильно помятой»¹²⁴. Адамович признает, что «возможно полное, решительное отталкивание, возможно равнодушие к толстовским темам, ко всему этому строю мысли и чувства». Он тонко отме-

¹²¹ Адамович Г.В. Лица и книги // Современные записки. 1933. № 53. С. 326.

¹²² Там же. С. 327.

¹²³ Адамович Г.В. Лица и книги // Современные записки. 1933. № 53. С. 332–333.

¹²⁴ Там же, С. 333.

чает, что в читательской среде встречается «моральная глухота при метафизической чуткости», или чуткости эстетической, культурной, политической...»¹²⁵ Это замечание, хотя и отнесено к «читательской среде», однако метит также и в Бунина.

Между строк у Адамовича прочитывается признание несоизмеримости духовного и личностного масштаба Толстого и Бунина. Здесь для него важным критерием является «жизненность». Вопрос «жизненности» обоих талантов кажется ему «запутанным», но для него самого ответ является очевидным. О Толстом он пишет: «Он азартничал, он брался за все, что видел, ни перед чем не отступал, но в понимании отношений духа с материей, и взаимной их связи, им руководил безошибочный инстинкт. Оттого Толстой по-настоящему жизненен».

При всех ухищрениях от ясных оценок, критик довольно решительно проводит грань между Толстым и Буниным: обоим открыта мистика природной жизни, но Толстому открыто еще и нечто высоко духовное: христианская мистика любви. Кто поймет Толстого, тот « утратит вкус ко внешнему жизненному благолепию во всех его проявлениях. Слава, величие, доблесть, честь, сила, иерархизм, и прочее, и прочее — все склонится перед «единым на потребу», и текучее начало любви займет место впереди закона, власти, права»¹²⁶. Удивительно верно сказано: во имя «единого на потребу» Толстой оставил даже свое литературное призвание.

Адамович не уточняет, что именно является «единым на потребу» для Толстого и что для Бунина: тогда как ответ на этот вопрос как раз и прояснил бы, где проходит грань между ними. «Бунин очень близок к Толстому. Он его очень глубоко ощутил», — отмечает Адамович, но его мысль совершает неожиданный поворот и оказывается заостренной против Бунина. Он жестко характеризует своего современника: «В нем остался «страж порядка», и не в каком-либо расплывчато-туманном смысле, а в хорошо знакомом, традиционно-русском, бессмертно-дворянском»¹²⁷. Если Толстой отверг этот порядок,

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

боролся с ним всеми силами, то Бунин сохранил по нему ностальгию.

В своих статьях Адамович показывает, что близость Бунина к Толстому раскрывается и проявляется в основном по линии чистого искусства: стиля, характера передачи тончайших ощущений и чувств, передачи восприятия природы. В этой сфере между ними много общего, разделяет же их то, что находится за пределами искусства, соотносится со сферой высшей духовности. Как пишет Адамович, «стрела христианства», пронзившая Толстого, прошла мимо Бунина. В Толстом он «принял здоровье, крепость, первоначальную неразмышляющую доверчивость, — и отошел от того, чем все это в его учителе было испепелено»¹²⁸. Этим замечанием Адамович ставит под сомнение существенность родства этих двух авторов. Их близость начинает представляться поверхностной. Действительно, религиозно-духовная эволюция позднего Толстого, последний виток развития его духа выводит его далеко за границы литературы, искусства и даже культуры. В этом случае для Бунина, если действительно «стрела христианства» прошла мимо него, «освобождение» Толстого должно было остаться тайной за семью печатями.

Во всех статьях Адамовича о Бунине, написанных как при жизни писателя, так и после его смерти, параллель с Толстым является ведущим мотивом. В книге «Одиночество и свобода» (1955) глава о Бунине начинается с вопроса: что будет без него с литературой, да и с культурой вообще. Смерть, в глазах Адамовича, приблизила Бунина к Толстому и их родство стало для него более очевидным. Он отмечает, что Толстой — единственный писатель, о котором Бунин писал и говорил «благоговейно» тогда как о других чаще всего с насмешкой, реже — почтительно¹²⁹. Здесь Адамович подчеркивает писателей сближает принадлежность к классической эпохе русской культуры, общность мировидения и мирочувствия, родство стиля в широком смысле, чуждость эстетической атмосфере эпохи с ее разруши-

¹²⁸ Там же. С. 334.

¹²⁹ Адамович Г.А. Еще о Бунине // Адамович Г.А. Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. С. 47.

тельными декадентскими тенденциями. Вспоминает критик и о такой важной общей черте как «художественная правдивость», острое чувство фальши, неприятие избыточного лиризма и эмоционального пережима.

Адамович указывает также на переключки в характере духовных интересов Бунина и Толстого: прежде всего, как он считает, это постановка «вечных общечеловеческих вопросов: «кто я? откуда я вышел? куда я иду?», «Что мы знаем? Что мы понимаем, что мы можем?» (в такой форме эти вопросы ставятся в рассказе Бунина «Богиня Разума»). Обоим присущ момент «сознания самого себя» как мыслящего и творящего существа (рассказ Бунина «Музыка»). У обоих есть уверенность, что жизнь не может быть «пустой и глупой шуткой»¹³⁰.

Вскоре после выхода «Освобождения Толстого» Бунин приступил к работе над циклом рассказов «Темные аллеи». Как отмечает Адамович, в них слышится «страстное сожаление об уходящей жизни», тютчевский вздох «о скудеющей в жилах крови»¹³¹. Критик подчеркивает созвучие настроения «Темных аллей» с книгой об освобождении Толстого. В столь различных по жанру произведениях доминирует, как он пишет, подспудное чувство страха — но не столько перед смертью, сколько перед старостью, перед угасанием физических сил и страстей. Языческая привязанность к земле и к плоти, к тому, что составляло для него, по слову Адамовича, «прелесть» жизни, составляет с одной стороны, уникальность Бунина, с другой, она же мешала ему подниматься в духовные сферы, постигать мистическую сущность некоторых произведений мировой литературы, как, например, «Пир» Платона. По этой же причине, как следует из этого анализа, ему было трудно понять загадку позднего Толстого. Действительно, различие в их мироощущении особенно остро проявляется в восприятии старости. Если для Бунина старость — это надвигающийся ужас утраты остроты и силы чувственного восприятия жизни, то для Толстого — это радость высвобождения духовных сил. Оба выражают свое

¹³⁰ Адамович Г.А. Бунин // Адамович Г.А. Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. С. 39.

¹³¹ Там же. С. 44.

время, но будучи современниками, они все же принадлежат разным эпохам: классический век русской культуры в лице Толстого здесь отчетливо противостоит модернизму и эстетизму рубежа веков в лице Бунина. В этом противостоянии проявляется противоположность «душевности» (эстетического взгляда на мир) и «духовности» (религиозного мирочувствия)

О многом говорит высказанное Буниным отношение к исповедальным признаниям Толстого: они представлялись ему «самооклеветанием». Он подвергает рациональному анализу признание Толстого в том, что в молодости он вел дурную жизнь, и не может простить себе отношений с двумя женщинами — крестьянкой и горничной. Размышляя об этом признании Толстого, Бунин находит в нем неразрешимое противоречие: художник, восхищенный «плотью мира», борется в Толстом с философом-созерцателем, сознающим трагическую судьбу этой плоти. «В том-то и дело, что никому, может быть, во всей всемирной литературе не дано было чувствовать с такой остротой всякую плоть мира прежде всего потому, что никому не дано было в такой мере и другое: такая острота чувства обреченности, тленности всей плоти мира, — острота, с которой он был рожден и прожил всю жизнь»¹³². Бунин переводит мучительную для Толстого проблему нравственной самооценки и борьбы с самим собой в эстетический план. Такой же сдвиг ракурса с этики на эстетику происходит и в его оценке романа «Воскресение». Признавая художественные достоинства этого произведения, Бунин как бы не замечает в нем доминирующей темы покаяния, или представляет эту тему как один из литературных мотивов. В то время как широкий читатель видит в «Воскресении» по большей части социально-этическую проблематику, Бунина в этом романе в первую очередь восхищает художественное мастерство.

Религиозно-этические темы Толстого Бунин нередко переводит в созерцательно-эстетический план. Толстой-художник ему ближе и понятнее, чем Толстой-пророк. Даже в его «Исповеди» он видит не столько покаяние признавшего греховность

¹³² Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 119.

своей жизни человека, сколько стремление художника и философа подняться над суетой жизни, над «сансарой», ради своего рода эстетической сублимации бытия.

Искренняя, порой мучительная исповедальность Толстого нацелена на исполнение пророческого призыва «исправить пути» своей жизни. Это значит, по Толстому, — в личном плане преодолеть свой эгоизм, а в общественном, социально-политическом — повернуть ход цивилизации на другой, более человеческий путь. Однако современниками выступление писателя против целей и ценностей европейской цивилизации было воспринято как отречение от научного прогресса и культуры. Для рационального сознания, как в толстовские времена, так и в наши дни, преимущества научно-технического прогресса кажутся столь очевидными, что выступление против него оцениваются исключительно как обскурантизм. И сколько бы ни разъяснял Толстой, что он выступает не против науки, но против ложных целей, которые она преследует; не против самой культуры, но против ее губительных тенденций, религиозно-этическая сущность толстовского протеста оставалась непонятой как современниками, так и последующими поколениями. Бунин ценил его обличающую критику ложных целей научного прогресса и цивилизации, но не понимал его нападки на образ господской жизни, не принимал его призыва отказаться от разделения людей на господ и рабов. Самообличение Толстого казалось ему преувеличенным, он полагал, что Толстой слишком много требует и от себя, и от других.

Как Бунин, так и Адамович справедливо признавали, что в своем художественном творчестве Толстой изначально далеко выходил за рамки беллетристики, что вторжение религиозно-философского начала в художественную ткань проявилось уже в самых ранних его произведениях. Тяготение к жанру религиозно-этической дидактики и философско-религиозной публицистики подспудно зрело многие годы. После пережитого духовного кризиса художественная форма окончательно перестала удовлетворять писателя, поскольку она допускает различные интерпретации и тем самым затрудняет непосредственное восприятие идей. В дневнике за 18 июля 1893 г. он записал: «Форма романа не только не вечна, но она проходит. Совестно

писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо»¹³³.

«Отречение» Толстого от художественной литературы возмущало его современников. Хорошо известно напутствие И.С. Тургенева, на смертном одре заклинавшего Толстого вернуться к литературе. Философский дневник писателя сумели оценить немногие: среди них был Бунин, тогда как Адамович не принимал позднего творчества Толстого. В рецензии на книгу Бунина он как бы невзначай бросает фразу о «старческом бормотании последних рукописей» Толстого. На чем основано это мнение, сказать трудно: возможно на чтении черновых записей и записных книжек, в которых Толстой многократно повторяет как будто одно и то же, а на самом деле делает все новые и новые попытки добиться ясности, точности и афористичности выражения мысли. В дневнике и записных книжках он берется сформулировать настолько сложные и тонкие мысли и переживания, что кажется, выразить их словом невозможно. Но именно поэтому он обращается к дневнику и записной книжке, превращая свою «мастерскую» в особый жанр, дающий возможность высказать свою мысль и чувство предельно точно, без оглядки на «форму», на читателя или редактора. Черновая работа его мысли вовсе не была безвольным «бормотанием», но мучительным поиском нужного слова. Созданные в эти же годы статьи, подготовленные к печати, поражают ясностью мысли, логичностью, словесной отточенностью и экспрессивностью. В свое время А.П. Чехов, посетивший тяжело больного Толстого в Крыму, отметил невероятную силу его духа и независимость его ума от немощей тела: именно в этой свободе владения своим сознанием Чехов увидел главный признак его подлинной гениальности. Эта же свобода толстовского духа от пленности телом подчеркивается в работах таких ценителей его творчества как В.В. Зеньковский, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк, И.В. Гессен, Л. Шестов, А. Белый, Вяч. Иванов.

В рецензии на книгу Бунина Адамович поставил вопрос, насколько автору удалось раскрыть заявленную в названии

¹³³ Толстой Л.Н. Дневник. 18 июля 1893 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 52. С. 93.

тему: «освобождение Толстого». И как всегда у Адамовича в ответе звучит одновременно «да» и «нет». Как он отмечает, Бунин «понимал Толстого не разумом, а жизнью». Казалось бы, что может быть ценнее такого проникновения в скрытую внутреннюю духовную работу гениального человека? Однако Адамовича не удовлетворяет предложенная Буниным трактовка темы и его суждения крайне противоречивы: «Впечатление от его книги двоятся: с одной стороны, — рассудок несколько озадачен зыбкостью предлагаемого истолкования, с другой, — чутье восхищено и обезоружено несравненной правдивостью постижения»¹³⁴. С одной стороны, «чутье» «восхищено и обезоружено» изобразительным мастерством писателя, живостью портретов, быстрыми и точными штрихами, которыми запечатлены разные лики Толстого во времени и в различных обстоятельствах. Но при этом «рассудок озадачен»: «житие» пророка все же не вырисовывается, оно даже вступает в конфликт с жизнью писателя. Но что понимает Адамович под словом «житие»? По его определению, житие — это «биографические факты», расположенные по заданной схеме, где «причины сцеплены со следствиями». По мнению критика, «биография Толстого поддается такой обработке». Трудно принять одновременно эти два утверждения. Очевидно, что «житие» — это как раз нечто иное, чем «биографические факты», к тому же втиснутые в схему. «Житие» — это почти легенда, где факты преобразены в образ и символ. Житие — запечатление подвижничества, пути к Богу, к святости. Но допустимо ли невидимые и тонкие внутренние события духовной жизни назвать «фактами»?

Элемент «жития» в бунинской биографии Толстого несомненно присутствует: в книге показан его духовный рост, внутренняя борьба, покаяние, самопреодоление. И все же путь аскезы и святости это только одна сторона облика Толстого: проповедуя «непротивление», он до конца дней вел реальную и конкретную борьбу с социальным злом, обличал власть, обма-

¹³⁴ Адамович Г. [Рец. на кн. «Освобождение Толстого» И.А. Бунина. Последние новости, 1937] // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М.: Книжница — Русский путь, 2010. С. 421.

нувшую крестьян лицемерным «освобождением», протестовал против закона о воинской повинности, заявлял о преступлениях судебной и пенитенциарной системы. Жизнь Толстого это действительно «житие», но единственное в своем роде по неразрывности сплетения внутренней духовной жизни и реальной борьбы за социальную справедливость, которую он не прекращал до последних дней жизни.

Раскрыть тайну «освобождения» Толстого, значило бы пройти вместе с ним завершающую часть его жизненного пути. При этом факты биографии, даже если расположить их «по заданной схеме», как предлагает Адамович, не помогли бы раскрыть смысл его ухода из дома. Освобождение, как его ни толковать — по Евангелию («Истина освободит вас»), по Будде (освобождение от сансары, прекращение кармической цепи рождений, слияние с Абсолютом), или по Толстому, — это в любом случае не факт биографии, то есть не событие эмпирического бытия. Его нельзя уловить ни научным анализом, ни художественным изображением. Это незримое событие внутренней жизни, которое может не иметь никакого видимого выражения, оно свершается вне времени и пространства, в области, где «время как бы стоит»¹³⁵. На эти темы Толстой размышляет на страницах своих дневников последних лет, создавая свое внутреннее, эзотерическое учение, радикально отличавшееся и от общеизвестного социально-этического «толстовства» и от его «нового христианства».

Среди современников Толстого были люди, глубоко сопереживавшие его духовным исканиям. Созвучно передал их сущность А. Белый, по словам которого, Толстой «нашим человеческим сознанием» попытался «просунуться» в вечность. Он дал человечеству «йогу самосознания»¹³⁶. Интересно, что представители индийской культуры приняли учение Толстого как продолжение традиций буддизма и йоги. Восточная духовная культура не ждет от человека достижения совершенства и святости при жизни, но ценит каждый шаг и каждое усилие на пути к освобождению. Духовные деятели Индии признавали Толстого ма-

¹³⁵ Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 298.

¹³⁶ Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон, 2004. С. 302.

хатмой, учителем. Как пишет Белый, несмотря на то, что «освобождение» его осталось неполным и незавершенным, он достиг той ступени духовной лестницы, на которой постичь и оценить его духовный рост обычным сознанием уже невозможно.

Бунин высказывал опасения, что его книга о духовных исканиях и трагедии Толстого не будет интересна таким интеллектуалам как Адамович или Ходасевич, он испытывал сомнения и в том, что ее поймет и примет читатель. Он писал П.М. Бицилли: «...Кому нужно то, что в ней говорится? Равнодушному ко всему на свете Адамовичу? На все на свете кисло вззирающему Ходасевичу? Всему на свете едко улыбающемуся внутренне Алданову?»¹³⁷.

Действительно, оба критика ставят под сомнение ценность духовного опыта позднего Толстого: у них нет желания вникать в суть его учения, что требует не столько интеллекта, сколько созвучного состояния души. В истолковании духовных запросов Адамович ограничивается «чутьем», инструментом капризным и «зыбким». Апория, в которую попадает при этом его «озадаченный рассудок», не имеет выхода в пределах дискурсивного мышления. За объяснением, что такое «духовный путь» он обращается к учителю символистов — Вл. Соловьеву, в котором видит «специалиста по составлению всякого рода «духовных путей». Это ироническое замечание выдает отношение Адамовича к затронутой проблематике: духовность он понимает как разновидность мистики. Поворот Толстого от литературы к религии Адамович также склонен списывать на возраст, и здесь он явно упрощает проблему.

Критик довольно откровенен в своем нежелании разбираться в религиозных исканиях Толстого: ему, как и многим его современникам, эти искания кажутся чуть ли не проявлением старческого слабоумия. Он заявляет: «Если Кант, например, умен, то в этом смысле Толстой совсем не умен»¹³⁸. Критик не

¹³⁷ Бунин И.А. — Бицилли П.М. 16 августа 1937 г. // Русская литература. 1961. № 4. С. 156. Надо отметить, что ценную работу Бицилли о Толстом Бунин в своей книге не упоминает.

¹³⁸ Адамович Г. [Рец. на кн. «Освобождение Толстого» И.А. Бунина] // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве

принимает во внимание тот факт, что Толстой мыслит иначе, иным способом, чем Кант. Немецкий философ был одним из кумиров Толстого, однако писатель прямо заявлял, что в системной философии всегда присутствуют не только ошибки мышления, но и «ошибки системы». Даже Кант не дает удовлетворяющих дух ответов на «вопросы сердца», не объясняет стремления разума к высшей Истине, к «единому на потребу». Толстой четко различал духовно-религиозный и философский пути познания, проводя грань между мыслителями-мудрецами и философами-систематизаторами. Он признавал первичный характер того рода мудрости, которая воплощена в религиях и духовных учениях, и, с другой стороны, вторичность системной философии. Он проводил четкий водораздел между библейским пророчеством и богословской экзегетикой, между Сократом и Платоном.

Как критики и интерпретаторы толстовского учения, Адамович и Ходасевич были представителями той самой культуры, которую Толстой обличал за ее искусственность и вторичность. Изнутри мирской культуры отречение гениального писателя от художественного творчества, от мировой славы, от права литературной собственности и от гонораров казалось театральной позой.

Ходасевич высказывает парадоксальную мысль, что Толстой гениален «не существом своих религиозных и философских знаний, но интенсивностью своей воли к познанию»¹³⁹. При таком подходе оказывается, что духовные искания писателя ценны лишь своим волевым и эмоциональным накалом, но не содержательной сущностью. Ходасевич принимает книгу Бунина о Толстом только как художественное произведение, как пример беллетризованной мемуаристики. Он считает, что решить задачу, поставленную в названии книги, то есть раскрыть тайну «освобождения Толстого», автору не удалось. Адамович

И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М., 2010. С. 424.

¹³⁹ Ходасевич В. [Рец. на «Освобождение Толстого» И.А. Бунина] // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М., 2010. С. 428.

склоняется к этому же мнению. Ходасевич сардонически заметил, что слова Софьи Андреевны о том, что она никогда не могла понять своего мужа, следовало бы поставить эпитафией ко всей книге Бунина. Тем самым он признает, что и для Бунина Толстой остался тайной.

М. Алданов в своей рецензии на книгу Бунина искусно ушел от ответа на вопрос, удалось ли Бунину решать поставленную задачу. Он пишет: «Прав или не прав Бунин в своем понимании освобождения Толстого, чрезвычайно ценно и интересно его освещение жизни и мысли величайшего из всех писателей»¹⁴⁰. П.М. Бицилли, напротив, согласился с бунинской трактовкой «освобождения Толстого», горячо откликнулся на книгу, увидев в ней легенду, которая раскрывает родство Толстого со св. Франциском и Буддой¹⁴¹.

И.А. Ильин признает, что в эстетическом плане Бунин во многом созвучен с Толстым. Но на вопрос, обладал ли Бунин необходимым инструментарием для познания духовного пути Толстого, он дает недвусмысленно отрицательный ответ¹⁴². Чтобы постичь такое явление как поздний Толстой, нащупать главный нерв его творчества — нужен, как пишет Ильин, определенный настрой ума и сердца и соответствующий «познавательный акт». Аргументируя свою точку зрения, он проводит сопоставительный анализ художественного видения Бунина и Толстого. Исходная посылка Ильина заключается в том, что видение художника определяется его метафизической или религиозной картиной мира. После духовного кризиса Толстого его картина мира коренным образом меняется, и в этом свете иначе прочитываются и его художественные произведения: в них обнаруживаются ростки всех тех проблем, которые дозрели к

¹⁴⁰ Алданов М. [Рец. на кн. «Освобождение Толстого» И.А. Бунина] // Современные записки. Париж, 1937. Кн. 64. С. 466–467.

¹⁴¹ Бицилли П. [Рец. на «Освобождение Толстого» И.А. Бунина] // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М.: Книжница — Русский путь, 2010. С. 428–430.

¹⁴² Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев // Ильин И.А. Собр. соч. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 244, 263.

моменту духовного кризиса. Становится ясно, что духовные проблемы, поднятые Толстым после кризиса, в прикровенном виде уже были поставлены в художественной форме. Картина мира Бунина остается неизменной на протяжении всего его творчества. Как пишет Ильин, он художник внешнего, зримого и ощущаемого образа мира. Казалось бы, символы чувственного мира у него тоже указывают на иной, высший мир, и в его творчестве тоже, как будто, происходит «касание мирам иным». Но Ильин полагает, что стилистический талант Бунина лишь создает иллюзию духовности средствами словесного искусства, что писатель предлагает художественную имитацию духовного мировосприятия. Его «блистательная описательность», как отмечает философ, «загромождает» восприятие читателя, отвлекает его от перехода к идее, к смыслу, к духовному созерцанию.

Убедительны наблюдения Ильина, что в раннем творчестве Толстого его «инстинктивный» художественный акт уже находится в антагонизме с актом духовным. В романах и рассказах писатель не просто «показывает жизнь», как она есть, но страдает от ее разлада с тем должным состоянием бытия, которое открывается ему в учении Христа, в евангельских образах, а также во всемирной «вечной философии». Идеал совершенной христианской человечности присутствовал в его сознании с самого детства. В «Записках сумасшедшего» показано, как болезненно остро он реагировал в детстве на всякую несправедливость и жестокость, на обычные, казалось бы, семейные неурядицы, мимо которых невозмутимо проходят менее чувствительные натуры. Случайно услышанный и не относящийся к нему самому раздраженный разговор прислуги, несправедливое наказание чужого ребенка вызывают у него приступ душевной боли. Неосознанно, чувствами и нервами, он переживает выражение гнева и даже простую суровость как нарушение высшего закона любви. У героев Бунина злоба, насилие и грубость также вызывают протест, но при этом в целом темная глубина бытия находится как бы на периферии его эвдемонического мироощущения.

И.А. Ильин не дает прямой оценки книги Бунина о Толстом, но эта оценка вытекает из сопоставления художественных актов обоих писателей. Бунин, «художник внешнего опыта», раскрывает смысл «освобождения», создавая портрет писателя,

передавая его облик, манеры, проявления в семейных отношениях, через показ его роли в жизни России. Но, как оказывается, все это бьет мимо цели. Проблематика «освобождения» требует чего-то другого: настроенности на одну волну с Толстым, вживания в его внутреннюю борьбу, в его способность в одиночку противостоять «всемству». И.А. Ильина можно заподозрить в излишней суровости по отношению к Бунину как к автору, замахнувшемуся на решение слишком глубокой проблемы, однако собрать Бунина по литературному цеху — Адамович и Ходасевич — тоже усомнились в возможности раскрыть тайну Толстого чисто художественными средствами.

Еще одним ответом на бунинское «Освобождение Толстого» явилась книга о. Иоанна Шаховского «Революция Толстого» (1939). В предисловии к переизданию книги в 1975 г. автор сообщает, что работал над этим произведением в течение двух лет, то есть он начал писать ее сразу после прочтения книги Бунина. Книга Шаховского Бунину была известна, чтение ее отмечено в дневнике за 3 февраля 1941 г. Однако, какова была реакция писателя на этот критический отклик, сведений нет. В тексте своей книги Шаховской не упоминает имени Бунина, но ответный характер его сочинения очевиден во всем, даже в выборе названия. Если ключевым словом к пониманию ухода Толстого у Бунина является «освобождение», то у Шаховского — «революция». Православный автор сосредоточил свое внимание на критике религиозных воззрений Толстого, основывая свои суждения в основном на переписке писателя с его старшей родственницей фрейлиной царского двора А.А. Толстой, а также на анализе рассказа «Отец Сергей». Разбирая религиозные взгляды Толстого, Шаховской направляет свою критику и в сторону Бунина. С одной стороны, Шаховского восхищает его художественное мастерство в создании портрета, однако, по его мнению, поставленная в книге мировоззренческая задача остается не решенной. «Ни как философ, ни как историк он (Бунин) не открывает читателю Толстого. И только нить художественного его повествования приоткрывает завесу над хамовническим домом и Ясной Поляной»¹⁴³.

¹⁴³ Шаховской И. Революция Толстого // Шаховской И. К истории русской интеллигенции. М.: Лепта-Пресс, 2003. С. 11.

Шаховской ставит задачу выяснить, как в художественном творчестве «религиозная неправда» может сочетаться с «художественной правдой». Учение Толстого автор оценивает как ложное, видит в нем «морализирование», признавая, с другой стороны, что его художественное творчество проникнуто подлинным видением тайны бытия. Шаховской принимает правду Толстого только тогда, когда он не говорит ни о Боге, ни о морали, но когда художественно открывает саму жизнь¹⁴⁴. Критика Шаховского сконцентрировала в себе стереотипную двойную формулу: признание в нем великого художника и отрицание его учения. Но эта критика значима и интересна тем, что ведется с богословских позиций.

Великий реалист, Толстой, по мнению Шаховского, не отдает себе отчета в том, что такое настоящая духовная жизнь. Как свидетельствует его повесть «Отец Сергей», он не понимает смысла монашества, иноческого пострига¹⁴⁵. Если у него и есть интерес к аскетизму, то это интерес не христианский, а духовно-нигилистический¹⁴⁶. Отповедь Шаховского звучит сурово: «Духовной жизни у него совсем нет. Он глух духовно. От этого вся несообразность его рассказа «Отец Сергей»¹⁴⁷. Как считает Шаховской, образ о. Сергия и сам замысел повести, явившийся Толстому во сне, говорит о непросветленности духовного сознания писателя, о том, что сны его не были ни божественным откровением, ни даже простым откровением земной правды¹⁴⁸. Слово «духовный» о. Иоанн употребляет в церковном смысле, понимая под ним религиозную связь человеческого духа с Богом. Такой духовности у Толстого он не находит. Однако, если приложить такие критерии к творчеству других представителей мировой литературы, то вряд ли среди них найдется много носителей «божественных откровений». И вряд ли правомерно требовать от писателя способности к пророчествам.

¹⁴⁴ Там же. С.120.

¹⁴⁵ Там же. С. 168.

¹⁴⁶ Там же. С. 235, 237.

¹⁴⁷ Там же. С. 174.

¹⁴⁸ Там же. С. 174, прим.

Шаховской цитирует свою более раннюю статью, посвященную рассказу «Отец Сергей», опубликованную в сборнике «Церковь и мир» (Белая церковь, 1928): «Повествование об отце Сергии, написанное в период «духовного обновления» Толстого, поражает духовным и чисто литературным легкомыслием». «Толстой теряет ощущение чужого духовного опыта, даже того, который, в сущности, интересен его душе»¹⁴⁹. В толстовском изображении отца Сергия И. Шаховского возмущает более всего то, что от человека, находящегося в греховном состоянии, на верующих изливаются чудеса благодати, происходят исцеления. В этом изображении чудес о. Иоанн усматривает «открытое кощунство»¹⁵⁰. Он считает, что в отце Сергии нашла отражение бесплодная борьба Толстого с самим собой. Как пишет критик, все искусственные решения в его творчестве определяются либо отвлеченным размышлением, либо человеческими страстями. Он высказывает предположение, что при создании этого образа Толстым руководила «ненависть к монашеству» и нежелание вникать в сущность христианского духовного опыта.

Однако же И. Шаховской вряд ли мог отрицать, что в монашеской среде случаются срывы, подобные тому, который описан в рассказе Толстого. Порой и глубоко верующий человек, недостаточно зная самого себя, избирает путь не по силам, становится монахом из тщеславного желания духовно превзойти своих ближних. Именно этот случай и был предметом художественного анализа Толстого. С другой стороны, замечание критика о том, что чудеса не могут иметь мутный источник, наводит на мысль, что секрет этих чудес заключался в доверчивости народа, в жажде чуда. При такой вере и из мутного источника люди порой получают исцеление. Трагический «срыв» духовного опыта был изображен Достоевским в образе о. Феропонта в «Братьях Карамазовых». Но если у Достоевского в том же романе в качестве позитивного противовеса присутствует настоящий старец — Зосима, то в рассказе Толстого подобного противовеса нет и по этой причине события, описанные в рассказе действительно могут вызвать чувство отчаяния. В позд-

¹⁴⁹ Там же. С. 176.

¹⁵⁰ Там же. С. 181.

ние годы Толстой пришел к более глубокому пониманию аскезы и монашества, но это понимание нашло отражение только в дневниках, которые были доступны читателям и критикам эмиграции.

Центральную часть книги Шаховского представляет сопоставление взглядов Толстого и его родственницы фрейлины А.А. Толстой. В процессе своего дружеского сближения и переписки они стали идейными противниками. Шаховской защищает позицию А.А. Толстой, восхищается ее глубоким знанием христианской догматики, приводит пространные фрагменты ее писем. Проблематика «освобождения Толстого» при этом Шаховским так и не была проанализирована.

К переписке Толстого с А.А. Толстой задолго до Шаховского обращался С.Н. Булгаков. В статье «Человекобог и человекозверь: по поводу последних произведений Л.Н. Толстого «Дьявол» и «Отец Сергей»» (1912) Булгаков оценивает образ мыслей фрейлины А.А. Толстой столь же высоко как и И. Шаховской¹⁵¹. Сходного высокого мнения о догматической подготовленности корреспондентки Толстого придерживался и Д.С. Мережковский.

Однако авторы того времени не имели возможности представить слово в этой дискуссии самому Льву Толстому, поскольку его переписка с А.А. Толстой не была полностью опубликована. В своих неотправленных письмах к ней Толстой выдвигает неопровержимые аргументы против «придворного богословия» и религиозного ханжества светских дам. Трудно сказать, были ли доступны эти письма Булгакову, Мережковскому и Шаховскому: в их работах они не упоминаются. Толстой рассматривает поучения А.А. Толстой с той точки зрения, на которую указывает Евангелие, в Нагорной проповеди сказано: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Матф.7:16). Человек в конечном итоге познается по плодам, по делам, а не по знанию основ катехизиса. «Верхом комизма» считает Толстой уверенность фрейлин в том, что находясь на службе при дворе, можно жить

¹⁵¹ Булгаков С.Н. Интеллигенция и религия. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. С. 198.

по евангельским заветам. В первом неотправленном письме от 4 марта 1882 г. Толстой пишет: «Не говорите, пожалуйста, о Христе, и особенно мне. Вообще не говорите о Христе, чтобы избежать того ridicule, который так распространен между придворными дамами — богословствовать и умиляться Христом и проповедовать, и обращать. Разве не комично то, что придворная дама — вы, Блудова, Тютчевы чувствуют себя призванными проповедовать православие? Я понимаю, что всякая женщина может желать спасения; но тогда, если она православная, то первое, что она делает, удаляется от двора — света, ходит к заутреням, постится и спасается, как умеет. Но отчего придворное положение сделалось дипломом на богословие — это верх комизма». Заканчивается письмо словами, которые неизбежно привели бы к разрыву родственных и дружеских отношений: «Между мной и вами столь же мало общего, сколько было между Христом и фарисеями»¹⁵².

В предыдущем письме, от 3 марта, также не отправленном, Толстой писал о критиках своего учения, включая в этот ряд и А.А. Толстую: «Надо оправдаться в насилиях всякого рода, в казнях, в убийствах, в скопище людей, собранных для человекоубийства и называемых в насмешку над Богом — христоролюбивым воинством, во всех ужасах, творившихся и теперь творимых с благословенья вашей веры, или покаяться. И я знаю, что обманщики не станут ни оправдываться, ни раскаиваться. Раскаяться им и вам не охота, потому что тогда нельзя служить мамону и уверять себя, что служишь Богу»¹⁵³. Высказав накипевшее, Толстой оставил письмо в ящике своего письменного стола.

Книга Бунина, как было уже отмечено, построена на целом ряде противопоставлений: Толстой в повседневной жизни — Толстой — духовный подвижник, Толстой-художник — Толстой — религиозный учитель, наконец Толстой-позитивист — Толстой-мистик. Парадоксальное сочетание противоположностей в одной личности приводило в недоумение

¹⁵² Толстой Л.Н. — Толстой А.А. 4 марта 1882 // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 63. С. 92.

¹⁵³ Толстой Л.Н. — Толстой А.А. 3 марта 1882 // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 63. С. 91.

многих современников, его читатели разделились на два неравных лагеря — поклонников Толстого-художника и последователей Толстого — духовного учителя. Близко знавший писателя Н. Страхов справедливо указывал, что не следует разграничить в нем художника и мыслителя. Нельзя понять и любить его как художника, не разделяя, или во всяком случае не вникая в его религиозные искания. Те начала, которые он проповедует в учении, всегда жили в нем и составляли душу всего, что он писал. Уже в первых его произведениях ведется духовный поиск совершенства и доминирует критическое отношение к духовной атмосфере времени, обличение фальши и условностей¹⁵⁴. Однако же в критической литературе это разделение не преодолевается и крайне обедняет как изложение учения Толстого, так и понимание его художественной поэтики.

В критике религиозных взглядов Толстого встречаются глубокие наблюдения. Богослов Ф.П. Преображенский в статье «Граф Л.Н. Толстой как мыслитель-моралист. Критический очерк» (1892) показал, что позитивизм и моральный утилитаризм Толстого проявился в его стремлении приспособить христианские заветы к практическим целям устройства жизни, в желании выстроить рай на земле. Это мнение разделяли и другие мыслители духовного направления, например, М.М. Тареев («Л.Н. Толстой»; «Цель и смысл жизни», 1901). Преображенскому представляется утопизмом рассуждение Толстого о необходимости растворения личности во всеобщем разуме (всеединстве, абсолюте). Утопичной представляется ему также идея принесения личности в жертву «всем». Во-первых, — пишет мыслитель, — неясно, в чем смысл этой жертвы: если человек жертвует своими духовными достижениями во имя земного устройства человечества, то он приносит эту жертву во имя таких же грешных людей как он сам, и их ложных целей и ценностей. Этой жертвой ничего не достигается, новые горизонты перед человечеством не открываются. Критика Преображенским толстовского понимания бессмертия убедительна. Бессмертие представляется Толстому как жизнь в памяти потомства, новых

¹⁵⁴ *Страхов Н.* Толки о Толстом // Русские мыслители о Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 69, 80.

и новых поколений людей. Но при слабой человеческой памяти и силе инстинктивных стремлений к земным благам, такое «бессмертие» ненадежно, а наследственная передача потомкам личных достижений, так же как и любимых идей, сомнительна.

В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Л. Шестов находили объяснение противоречия между мистической духовностью и морализмом (доктринерством) в творчестве Толстого — в сложности его натуры. Розанов подчеркивал, что он шел независимым путем религиозных исканий, отказываясь от любых догм, в том числе своих собственных, что он искал истину в жизни, в опыте, без «чужих шор». Характер его мышления, полагал Розанов, никак нельзя назвать ни доктринерством, ни догматизмом¹⁵⁵. В Толстом надо видеть «великую религиозную личность, великий религиозный феномен, в высшей степени поучительный для всего человечества»¹⁵⁶. Он, как никто другой, разоблачал иллюзию о том, что современная цивилизация является христианской и призывал к действительному, а не фарисейскому, обращению.

Осмысливая наследие Толстого в юбилейном 1908 г., а затем в годы после его смерти, представители философской критики вернулись к проблеме, поднятой Страховым: они отметили, что интеллигенция принимает только часть наследия Толстого, а именно художественное творчество, которое им импонирует, и отвергают то, что им непонятно, что задевает, тревожит их совесть. В статье «Нравственное учение Л.Н. Толстого», написанной к 80-летию юбилею писателя, С.Л. Франк упрекал интеллигенцию: «Его хвалят и возвеличивают как бы только для того, чтобы купить этим право не думать о нем и без проверки отвергать его идеи»¹⁵⁷. Толстой-художник пользуется признанием, Толстой — мыслитель и проповедник — отвергается. Его идеям не отказывают в величии, но без аргументации отвергают

¹⁵⁵ Розанов В.В. Толстой между великими мира // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 309.

¹⁵⁶ Там же. С. 312.

¹⁵⁷ Франк С.Л. Нравственное учение Л.Н. Толстого. К 80-летию юбилею Толстого 28 августа 1908 г. // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 151–152.

их или просто игнорируют. Общество не решается посмотреть прямо в лицо Толстому-пророку, старается заглушить острую, режущую силу его вопросов. Распространилось ходячее мнение о Толстом как о прекрасном художнике, но «слабом» мыслителе, хотя ни один его современник не имеет ни достаточной духовной культуры, ни равной интеллектуальной мощи, чтобы опровергнуть его идеи. В статье «Памяти Льва Толстого» (1910) С.Л. Франк раскрывает парадоксальное отношение к писателю: «Мы чужды всему, чем жил Толстой, и все же поклоняемся ему. Поклонники таланта и личности Толстого совмещают любовь к нему с враждой к его духу»¹⁵⁸.

Сходный взгляд на Толстого-мыслителя выразил С.Н. Булгаков: «Много ли среди почитателей найдется таких, кому действительно близок его внутренний мир, святая святых души его, его религия?»¹⁵⁹. Булгаков признавал, что в Толстом издавна зрел конфликт между человеком и художником: религиозная личность в нем вступила в борьбу с человеческой гениальностью и стремилась либо поднять ее до себя, либо совсем умертвить. Эта борьба в нем не завершилась, так же как и борьба его духа за свое освобождение. «Своей религиозной драмой он дал людям нечто более захватывающее и поучительное, чем все его великие художественные произведения и все его богословские трактаты, дал — свою жизнь»¹⁶⁰.

В.В. Зеньковский считал, что гений Толстого расцвел именно в его религиозном творчестве, в нем он проявился и как философ, и как мистик. Гениальной называет он его критику цивилизации и борьбу за религиозное понимание мира: «Талант соединялся в нем с сильным, бесстрашным умом, с редким даром мистической жизни, с глубокой, беспощадной к себе правдивостью и искренностью»¹⁶¹. Главной заслугой

¹⁵⁸ Франк С.Л. Памяти Льва Толстого // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 446.

¹⁵⁹ Булгаков С.Н. Л.Н. Толстой // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 293.

¹⁶⁰ Там же. С. 308.

¹⁶¹ Зеньковский В.В. Проблема бессмертия у Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 334.

Толстого Зеньковский считает пробуждение людей к духовной жизни: «В нем действительно была религиозная жизнь, и недаром от огня, горевшего в его сердце, зажглось немало других сердец»¹⁶².

В.Ф. Эрн в статье с символическим названием «Толстой против Толстого» (1912) пишет, что в среде интеллигенции величие его как писателя было признано всеми, но признанию сопутствовало «глубочайшее равнодушие к тому, чем жил и мучился Толстой всю свою жизнь, каменное невнимание ко всем душевным стонам, ко всем искренним вздохам»¹⁶³. Эрн обращается к современникам со страстным призывом: «Вы считаете, что Толстой велик и мудр — примите же за правду его заветы и поучения, его атаку против всего, чем вы живете, против всех устоев вашей жизни!» «Почитание Толстого в величайшей степени словесное, разговорное, бумажное», — продолжает философ, — «Три четверти тех, кто говорит о Толстом с одушевленным восторгом, <...> считают глупой сентиментальностью его слова о целомудрии, пренебрегают заветом жить на земле, питая и одевая себя трудами своих рук». Парадоксальные пути славы, как отмечает Эрн, уводят людей от понимания духовного завещания Толстого: «Шумом славы заглушают голос Толстого, не слушая, что он говорит»¹⁶⁴. В отношении к великому человеку царит то самое лицемерие, обличению которого он посвятил свою жизнь. Эрн задается вопросом, который мучил многих авторов, писавших о Толстом, который ставил в своей книге и Бунин: «Чему учит Толстой? Где лежит живой нерв его более чем полувековой деятельности?»¹⁶⁵.

Тема освобождения Толстого, заявленная Буниным, не раз поднималась в России одновременно с осмыслением его ухода из Ясной Поляны. Вяч. Иванов в статье «Лев Толстой и культура» (1911) пишет об этом уходе как о «двойном освобождении», которое «отозвалось благоговейным трепетом в миллионах

¹⁶² Там же. С. 335.

¹⁶³ Эрн В.Ф. Толстой против Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 383.

¹⁶⁴ Там же. С. 384.

¹⁶⁵ Там же. С. 385.

сердце»¹⁶⁶. В более ранней работе «Две стихии в современном символизме» (1908), Иванов высказывает мысль о пробуждении, которая, хотя и не связана конкретно с именем писателя, но как нельзя лучше характеризует миссию Толстого: «Пропандировать религию едва ли не бесполезно, но будить в людях мистическую жизнь, но легкими прикосновениями облегчить в других прорастание цветов внутреннего опыта, но бросить закваску в три меры муки — счастливый удел того, кто может и смеет»¹⁶⁷. В том, что посеянные им семена не всегда проросли, нельзя винить Толстого. Подходящую почву редко находят и другие высокие духовно-этические учения, в том числе христианство.

Религиозные трактаты Толстого подвергались жесткой критике как со стороны богословов, так и со стороны демократической критики. В его учении многие видели «рационализацию» христианства, сравнивали его с опытом западного протестантизма, в опыте которого жанр «проповеди» был обновлен введением в него злободневной жизненной проблематики. И только людям, близким к новому религиозному сознанию, открывалось истинное значение его проповеди. В статье «Две стихии в современном символизме» (1908) Иванов, перебрасывая от Толстого мост к Лермонтову, говорит о нем: «Пустыня росла в нем, но в пустыне он слышал Бога»¹⁶⁸. Этот образ раскрывается и далее. «Он был лев пустыни». «Глубинное чувство живого бытия обращалось поистине в чувство пустыни, внемлющей Богу. Отсюда могла бы развиваться могучая созерцательная мистика»; но он направил эту энергию «на внешние пути Марфы, а не внутренние — Марии».

Когда споры о Толстом были перенесены в русское зарубежье, в них по-прежнему доминировал неразрешимый парадокс: все признавали в нем гениального художника, но только религиозные мыслители принимали его как философа и

¹⁶⁶ Иванов В. Лев Толстой и культура (1911) // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 309.

¹⁶⁷ Иванов В. Две стихии в современном символизме // Иванов В. По звездам. Bradda books, England, 1971. С. 306.

¹⁶⁸ Там же. С. 311.

считали его одним из родоначальников нового религиозного сознания. В разных слоях интеллигенции, в зависимости от мировоззрения, оценки наследия Толстого значительно расходились. В среде литераторов, политиков, литературных критиков и ученых возобновился спор, позитивист Толстой или мистик и возможно ли примирить оба начала в одном человеке. В работах Мережковского, Л. Шестова, Франка, Зеньковского два лика Толстого диалектически соединились. Мережковский уже в главной своей работе о Толстом и Достоевском показал, что в нем было как бы «два человека».

Л. Шестов дал глубокое объяснение противоречия между позитивизмом и спиритуализмом Толстого, высказав мысль, что причиной этой противоречивости было «двойное зрение» писателя: первое — обычное и второе — дарованное ангелом смерти. В разных состояниях сознания он смотрел на мир либо с точки зрения высшего религиозного идеала, либо спускался на землю и пытался перевести свои прозрения на язык рационального мышления, приспособить высшие истины к понятиям человеческого разума. Однако перевести высшие откровения на язык разума, прозрения высшей мистической духовности — на язык «всемства», тем более приспособить высшие истины к земным потребностям еще никому не удавалось: «Истина не терпит общего владения»¹⁶⁹.

Начиная свой диалог с Л. Шестовым по поводу его статьи «Преодоление самоочевидностей: К столетию рождения Достоевского» (1921), Бунин пишет, что образ ангела смерти, дающего писателю второе зрение, приложим в не меньшей мере к Толстому. Однако к этой мысли подводят целый ряд статей Шестова о Толстом, Ницше и Достоевском. Все три мыслителя являются для него исключительными образцами пробуждения от иллюзий обыденного сознания, все трое, по Шестову, ведут поиск подлинной реальности. Работы Шестова о Толстом и Достоевском были опубликованы в эмиграции почти одновременно. В книге «На весах Иова» они составили первый раздел

¹⁶⁹ Шестов Л. На страшном суде: Последние произведения Л.Н. Толстого (1914) // Шестов Л. На весах Иова. Париж: YMCA-Press, 1975. С. 114.

под названием «Откровения смерти». Само название раздела указывает на то прочтение Толстого, которое Бунин предлагает как собственное открытие.

Сборник Шестова «На весах Иова» носит символический подзаголовок «Странствования по душам», он создан в духе «пневматологии» в том широком культурном смысле этого термина, в каком его применяли религиозные мыслители. Это книга о разных типах духовности. Три раздела связаны ключевой для Шестова темой «критики чистого разума», переоценки «самоочевидного». В первую часть, которая носит название «Откровения смерти», вошли написанные в разное время статьи: «Преодоление самоочевидностей» (1921) — о Достоевском — и «На страшном суде» (написано в 1913–1914 гг., изд. в 1920) — о Толстом. Работы объединяет мотив «второго зрения», открывшегося у обоих писателей в результате жизненного и духовного кризиса.

В статье о Толстом, создававшейся в 1913–1914 гг., уже намечался образ или метафора «второго зрения», даруемого многоочитым ангелом смерти. Для Шестова эта метафора является ключом к пониманию толстовской «теории познания» и одновременно к особенностям его художественного видения. Л. Шестов предполагает, что характер художественного познания Толстого порожден обостренным переживанием смертности человека, того экзистенциального факта, что всякая жизнь — это жизнь к смерти.

Бунин ведет диалог еще с одним выступлением Шестова в печати: с его юбилейной статьей «Разрушающий и созидающий мир», написанной к 80-летию Л. Толстого. Статья была впоследствии включена в сборник Шестова «Великие кануны» (1910). Как в этой, так и в других работах, размышляя над вечными вопросами, «как жить» и «что делать», Л. Шестов показывает, что таких мыслителей как Толстой, Достоевский и Ницше нельзя простодушно считать «учителями жизни»: это люди, «выбитые из обычной жизненной колеи»¹⁷⁰, они стоят «по ту сторону» привычных установок мышления и даже по ту

¹⁷⁰ Шестов Л. Достоевский и Ницше: Философия трагедии // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 430.

сторону моральных норм. Все они являются теми писателями, которые будят человека от гипнотического сна обыденности, призывают жить своим собственным разумом, критически проверять и пересматривать внушаемые социумом устоявшиеся представления.

Как образ «двойного зрения», так и идея двух личностей в сознании писателя указывают на два разных состояния сознания, которые сменяют друг друга как в обычной жизни, так и в творческом процессе. Гений — это одновременно и «духовный», и «плотский» человек, и второй не всегда понимает первого. Между двумя этими разными личностями или состояниями сознания во внутреннем мире Толстого постоянно идет борьба. Это точно сформулировал Эрн в заголовке своей статьи: «Толстой против Толстого».

В.В. Зеньковский видел в Толстом одновременно и мистику, и эмпирика. Его метафизические искания он определяет как «мистику высшей реальности»¹⁷¹. Касание этой реальности (по слову Достоевского, «касание мирам иным») позволило ему расширить понимание жизни, ее смысла во всех жанрах его творчества. Зеньковского (так же как и Бунина) захватывала задача установить связь между идеей освобождения и темой смерти у Толстого. Он подчеркнул, что Толстой искал в религии освобождения не от смерти, а от страха смерти, искал утверждения бессмертия духа, пробудившегося и раскрывшегося в нравственно-разумной жизни. В «Истории русской философии» Зеньковский видит сущность гениальности Толстого в глубоком прозрении в тайну жизни через осмысление смерти.

С.Л. Франк полагал, что Толстой принадлежит к числу «дважды рожденных натур», пришедших к религиозному идеалу через борьбу духа со стихийной натурой. В этом опыте более высокая ступень сознания достигается подвигом и борьбой, через преодоление как воли к бытию, так и «воли к власти» над миром¹⁷². Эта духовная метафизика лежит в основе всего

¹⁷¹ Зеньковский В.В. Проблема бессмертия у Толстого (1912) // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 335.

¹⁷² Франк С.Л. Памяти Льва Толстого // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 448.

творчества Толстого в целом, и в этом смысле, считает Франк, нельзя отделить в нем художника от философа, писателя от проповедника. Франк подчеркивает, что в своем художественном творчестве Толстой — задолго до замеченного им самим переворота — отразил религиозное искание правды и любви, ростки которых всегда ощущал в своей душе.

Критики религиозного учения Толстого указывали как на его главное отступление от христианства неверие в божественную природу Христа. Франк показал, что отступления от догматики не всегда обесценивают искреннюю личную веру. Так верить в правду и любовь как верил Толстой, мог только тот, кто чувствовал абсолютное происхождение этих сил. Он верил в божественную первооснову жизни, в то, что человека и Бога связывает любовь¹⁷³. Такая вера, не соответствует канонам, и тем не менее, обладает внутренней ценностью и так же мало доступна для обыденного сознания: она тоже «для эллинов безумие». Для религиозного сознания истина и любовь — подлинно реальные силы, проявление иного и высшего мира. Далеко не всем дана такая вера.

Догадку о том, что Толстому в разные моменты жизни прищущи были разные состояния сознания, отстаивал А. Белый. В его теософских размышлениях ключевым понятием является «душа самосознающая». Самосознание, по его теории, является высшей ступенью эволюции человеческого разума, на которой формируется духовность. Как в христианской антропологии, так и в восточных практиках, в том числе в йоге сознания, духовность является радикально новой ступенью по отношению к «душевности», к эмоциональному миру, к психической деятельности. При переходе на эту степень душевность «охлаждается» и порой даже отмирает. Анализируя творчество Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, — А. Белый заметил, что в русской поэзии все точно «списано» с «йоги сознания»: в произведениях этих поэтов передано охлаждение душевности, вызревание духовного «Я», преображение сознания на стадии рождения духа. В определенный момент круг душевных явлений осознается как исчерпанный, приходит время появления

¹⁷³ Там же. С. 449.

эмбриона духа, время «ума обновленного» (выражение из посланий ап. Павла)¹⁷⁴.

А. Белый анализирует трагедию борьбы духовности и душевности, которую испытывали Пушкин и Лермонтов, Гоголь, Достоевский. Что касается Толстого, то, по слову А. Белого, он двинулся дальше своих предшественников: «Он первый самосознанием просунулся в выше лежащую сферу»¹⁷⁵. Но на этом пути Толстого поджидали те же опасности, что и его предшественников: «столкновение сознания с телом»¹⁷⁶, «драма сознания», «кризис жизни», «расставание с душевной культурой в себе», с обыденной жизнью, которая «изживается гибелью»¹⁷⁷. Основываясь на изучении Св. Писания и Добротолюбия, где собраны опыты аскезы, А. Белый пишет, что под действием рождающегося духа в человеке происходит «пресуществление мозгов и составов»¹⁷⁸. Однако без освоения приемов работы с телом этот путь грозит опасностью: в процессе борьбы за первенство духа, у человека появляется стремление к освобождению от тела, а этот путь нередко ведет к смерти. Следствием рискованного духовного опыта Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, считает А. Белый, был их уход из жизни в тот самый момент, когда мог начаться новый виток духовной жизни, жизни духа, победившего, подчинившего себе тело.

Странное, как будто, слово применяет А. Белый, определяя познавательный опыт Толстого: «просунулся!» Но оно удачно отражает характер дерзновенного характера толстовского «внедрения», порой незаконного, в тайны природного и человеческого бытия. Он обходил узаконенные двери ортодоксальной религии, богословия, философской метафизики или

¹⁷⁴ Белый А. История становления самосознающей души // Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон, 2004. С. 311.

¹⁷⁵ Там же. С. 302.

¹⁷⁶ Там же. С. 307.

¹⁷⁷ Там же. С. 308.

¹⁷⁸ Перифраз слов ап. Павла: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр 4;12).

системной академической философии, искал возможности самому и по-своему проникнуть в загадку жизни, своим смертным умственным взором увидеть высшую реальность. Он был убежден, что это и есть путь мудрецов и пророков. Неизбежно в этом личном гносеологическом почине он столкнулся с непреодолимыми препятствиями. Он не желал признать, что для духовного познания аскетический опыт — не каприз, а непрременное условие, что познание высших тайн бытия — это наука, требующая посвящения. Однако эта сторона христианской, так же как и восточной аскетики, была недоступна мирским людям. Интеллигенции, стремившейся к духовному росту, были открыты лишь те аскетические учения, которые популяризировали эзотерический духовный опыт и неизбежно вульгаризировали его: теософия, сведенборгианство, антропософия, йога. Эти школы славились высокими достижениями в личностном развитии, но их попытки войти в духовные сферы окольным путем часто кончались трагедией. В сфере популярной антропософии духовные эксперименты были замутнены сложными человеческими отношениями, борьбой учителей за власть над душами учеников, соперничеством. Названные мистические учения были известны Толстому, и, что любопытно, считая себя христианином, он не отвергал правомерность их существования.

Духовные и мистические искания позднего Толстого находились в центре внимания представителей религиозного персонализма. Н.А. Бердяев упоминает Толстого почти во всех своих ключевых работах по проблемам «нового религиозного сознания», в том числе в статьях сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). Имя Толстого многократно упоминается в его публицистике периода эмиграции, важные признания сделаны философом в его итоговом труде «Самопознание». Оценка толстовского учения в работах Бердяева меняется с годами: помимо естественной эволюции взглядов, его оценка во многом зависит от конкретных идейных задач его выступления в печати, от направления журнала. До революции он с энтузиазмом принимает идеи Толстого, но в годы войны и в предреволюционную пору выступает с критикой толстовства, его идеи непротивления злу силой, «анархизма» и «обскурантизма»: от-

рицания государственности, цивилизации, культуры, науки, искусства. Бердяев отстаивает необходимость государства в эмпирическом мире: в его понимании только иерархический принцип устройства общества, роль в нем духовной аристократии — обеспечивает в социуме расцвет личности. С другой стороны, толстовский антиэтатизм, его бунт против государства и цивилизации импонирует Бердяеву: он признает, что в этом *духовном* анархизме есть «правда вечности», «древняя правда Божья», и что эта глубинная метафизическая правда отличает толстовскую мысль от шумной и поверхностной перепалки текущей анархической публицистики. Бердяев разделял убеждение Толстого в том, что «освобождение», как в широком персоналистическом, так и в конкретном социальном смысле слова, связано прежде всего с изменением сознания человека, с «переменой мыслей». Социальное освобождение достигается на пути преобразования природы человека. Без глубинных преобразований психики и сознания, внешние перестройки общественной жизни ни к чему не приведут: человек по-прежнему будет стремиться к власти, богатству, устранению соперников. Однако сознавая это Бердяев не принимал толстовский призыв к отказу от «личности», к нивелированию индивидуума во всеобщем братстве. Для него как персоналиста преобразование человека начинается именно с развития личности. Личность при этом он противопоставляет индивидуальности и связанному с ней эгоистическому самоутверждению. Бердяев понимает личность как заложенное свыше духовное начало в человеке, как «зерно» души и духа, лучшее, высшее «Я». Он, персоналист, находит у Толстого растворение личности, антиперсонализм, слияние личного духа с абстрактным всечеловечеством и природным всеединством. Если бы у Бердяева была возможность глубже познакомиться с поздними дневниками Толстого, он вынужден был бы скорректировать свое суждение. В исканиях позднейшего Толстого высшим признается «сознание себя духовным существом», а значит раскрытие в себе своего лучшего «я», то есть личности в персоналистическом смысле.

Считая Толстого гениальным критиком цивилизации и государства, Бердяев не принимал его духовных исканий, особенно его попыток пересмотра христианства, создания нового уче-

ния на почве христианской этики. Философ не считал Толстого религиозно одаренным человеком. В его попытке перейти к положительной проповеди, дать человечеству новую веру, Бердяев видел бессилие духа и религиозную немощь. И тем не менее, как признается философ, он сам «слишком многим обязан Толстому, толстовскому анархизму на религиозной почве, и с именем Толстого для него связано первое пробуждение его сознания, первые сознательные шаги в отрицании зла жизни»¹⁷⁹. Главное достижение Толстого Бердяев видел в том, что он «заставил христианский мир задуматься над своей нехристианской, полной лжи и лицемерия жизнью»¹⁸⁰.

Важнейшая работа Бердяева о Толстом была написана в эмиграции: «Три юбилея (Л. Толстой, Г. Ибсен, Н.Ф. Федоров)». Философ раскрыл в ней стремление Толстого прорваться через все когнитивные и социальные внушения, через все придуманные человеком условности и упрощения, нацеленные на отвлечение сознания от «первожизни», Божьего мира, заповедей Откровения. «Гениальность и величие Толстого нужно прежде всего видеть в могучем его чувстве, что вся наша сознательная культурная и социальная жизнь с ее неисчислимыми условностями есть жизнь не настоящая, призрачная, лживая и в сущности людям не нужная, а что за ней скрыта стихийная, бессознательная первожизнь, подлинная, глубокая и единственно нужная»¹⁸¹. Прорыв Толстого, таким образом, заключается в освобождении разума человека из плена им самим созданных призраков.

Социально-философская сторона «освобождения» Толстого, его критика власти и государства глубоко проанализированы в работах Б.П. Вышеславцева. Он показал, что в наиболее острой форме природу власти, как главного орудия разделе-

¹⁷⁹ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон, 1999. С. 197.

¹⁸⁰ Бердяев Н.А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 366.

¹⁸¹ Бердяев Н.А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н.Ф. Федоров) // Путь. 1928. Июнь. № 11. С. 76–94.

ния людей на господ и рабов, раскрыли три русских гения — Пушкин, Достоевский и Толстой: для них любая деспотическая власть «есть предел зла на земле»¹⁸². Наследие этих свободолюбивых гениев особенно актуально звучало для Вышеславцева и его современников, на глазах которых в России и Европе формировались тоталитарные режимы, попирающие права личности и рассматривающие народ как расходный материал, как «удобрение» для построения мощного государства, устремленного в «прекрасное будущее». В новой политической ситуации проблема свободы и рабства, свободы и тирании стала, по словам Вышеславцева, «центральной мировой проблемой, она же всегда была центральной темой русской философии и русской литературы»¹⁸³.

В русской литературе Вышеславцев видел опровержение распространившегося в Европе мнения о склонности русского народа к рабству и о его любви к сильной власти. «Если бы это было верно, — пишет философ, — то Пушкин, Толстой и Достоевский не были бы выражением русского духа, русского гения»¹⁸⁴. Для Вышеславцева, как и для Бердяева, истинная свобода заключается в том, чтобы не желать ни господства, ни подчинения, быть свободным как от «похоти господства», так и от «похоти лакейства»¹⁸⁵. Величие Толстого Вышеславцев видит в пророческом обличении современного государства, призванного укреплять и поддерживать господство людей посредственных, одержимых властолюбием и жадностью. Жажду власти Вышеславцев — глубокий знаток Достоевского и современного психоанализа — считает проявлением комплекса неполноценности, «подпольного» комплекса, требующего компенсации. Господство посредственности подавляет творческий дух творческой интеллигенции и народа, удушает самостоятельность нации, формирует в обществе психологию патер-

¹⁸² Вышеславцев Б.П. Многообразие свободы в поэзии Пушкина // *Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса*. М.: Республика, 1994. С. 166.

¹⁸³ Там же. С. 160.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. С. 173.

нализма, мелочной опеки и ведет к культурной, социальной и экономической деградации.

Вышеславцев анализирует вскрытую Толстым гипнотическую природу власти, которая создает удобные для нее законы и с помощью внушения и аппарата насилия заставляет людей принимать эти законы и подчиняться им. Так формируется рабская психология, люди подчиняются не Богу, но человеку. Толстой вскрывает антихристианскую природу государственной власти: свои законы она ставит на место Божественных, а свои идеи и цели — на место Божьего замысла. Именем закона власть совершает великие преступления, Толстой показывает, что самое великое зло — это «зло, совершаемое именем закона». Власть подменяет понятия добра и зла, цинично выдавая за благо свои преступные деяния. Самые страшные преступления, как пишет Толстой, совершаются не отдельными преступниками, а организованным социумом.

Вышеславцев согласен с Толстым в том, что учение Христа, если глубоко его постичь, является сокрушительным для самого принципа государства, так как оно отрицает ту безграничную власть человека над человеком, на которой основывается политическая система. Это убеждение разделял и Бердяев. В статье «Конец века» Толстой писал: «Переворот, предстоящий теперь человечеству, состоит в освобождении себя от обмана повиновения человеческой власти»¹⁸⁶. Освобождение, считал он, дается не социальным бунтом, а победой низшими стихиями человеческой природы: «Для того, чтобы не повиноваться правительству, надо повиноваться Богу <...>. Только в той мере, в которой люди <...> повинуются Богу, могут они и перестать повиноваться людям и освободиться»¹⁸⁷. В политическом плане эти лозунги можно принять за призыв к анархии и безвластию, но с религиозной точки зрения эти утверждения соответствуют главной заповеди христианства о любви к Богу и подчинения Его высшей, сверхчеловеческой власти.

¹⁸⁶ Толстой Л.Н. Конец века // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 36. С. 257.

¹⁸⁷ Там же. С. 274.

Революционные в духовном смысле аспекты освобождения Толстого в книге Бунина редуцированы, так как его внимание сосредоточено на созерцательно-мистической теме ухода от сансары, от кармической цепи рождений. В интерпретации толстовского освобождения у Бунина чувствуется перевес в сторону восточной созерцательности. И хотя буддистское мирозерцание было важной частью духовной жизни Толстого, все же не оно определяло его понимание «освобождения». На первом плане в его сознании стоит воплощение заповедей Евангелия в реальной жизни. Заповедь братства и любви для него была главной силой в борьбе с социальным злом, с несправедливостью, с господством человека над человеком.

Бунин оставил религиозно-реформаторскую сторону освобождения Толстого за рамками своего литературного портрета, но его великая заслуга заключалась в том, что своей книгой он открыл для широкого читателя значимость религиозно-философской мысли позднего Толстого, дал возможность увидеть в нем не только великого художника, но и глубокого религиозного мыслителя, пророка и обличителя цивилизации. До появления книги Бунина метафизические стороны толстовского учения обсуждались в самом узком кругу гуманитарной интеллигенции. Его книга заставила широкого читателя вжиться в духовные искания гения, постичь шедшую в нем титаническую борьбу между любовью к земной жизни и жадой духовного освобождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аболина М.М.* Судьба книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (К истории взаимоотношений писателя и издательства «ИМКА-Пресс») // Библиография. 2018. № 2 (415). С. 41–49.
- Адамович Г.А.* Бунин // *Адамович Г.А.* Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. 448 с.
- Адамович Г.* [Рец. на «Освобождение Толстого» И.А. Бунина. Последние новости, 1937] // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М.: Книжница — Русский путь, 2010. С. 421–425.
- Алданов М.* [Рец. на «Освобождение Толстого» И.А. Бунина] // Современные записки. Париж, 1937. Кн. 64. С. 464–467.
- Бабореко А.* Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 455 с.

- Бахрах А.* По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж: La Presse Libre, 1980. 206 с.
- Белый А.* Душа самосознающая. М.: Канон, 2004. 560 с.
- Белый А.* Трагедия творчества: Достоевский и Толстой (1911) // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 259–285.
- Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон, 1999. 464 с.
- Бердяев Н.А.* Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 362–382.
- Бердяев Н.А.* Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н.Ф. Федоров) // Путь. 1928. Июнь. № 11. С. 76–94.
- Бицилли П.* [Рец. на «Освобождение Толстого» И.А. Бунина] // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М.: Книжница — Русский путь, 2010. С. 428–430.
- Благой Д.Д.* Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 50–74.
- Булгаков С.Н.* Интеллигенция и религия. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 304 с.
- Булгаков С.Н.* Л.Н. Толстой // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 286–308.
- Бунин И.А.* Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент., подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. 640 с.
- Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.
- Вышеславцев Б.П.* Многообразие свободы в поэзии Пушкина // *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. С. 160–173.
- Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. 416 с.
- Зеньковский В.В.* Проблема бессмертия у Толстого (1912) // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 333–361.
- Иванов В.* Лев Толстой и культура (1911) // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 309–321.
- Иванов В.* Две стихии в современном символизме // *Иванов В.* По звездам. England: Bradda books, 1971. 438 с.
- Ильин И.А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев // *Ильин И.А.* Собр. соч. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 183–406.

- Маклаков В.А. Толстой как мировое явление // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 463–482.
- Мережковский Д.С. «Поденщик Христов» (1916) // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 450–458.
- Мельников Н. Освобождение Толстого. 1937 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М.: Книжница — Русский путь, 2010. С. 419–421.
- Михайлов О.Н. Бунин в своих дневниках. Введение к публикации дневников И.А. Бунина. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-8.htm> (дата обращения: 12.04.2021).
- Михайлов О.Н. Строгий талант; Иван Бунин, жизнь, судьба, творчество. М.: Современник, 1976. 278 с.
- Михайлов О. И.А. Бунин: жизнь и творчество. Тула: Приок. кн. изд-во, 1987. 163 с.
- Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
- Полнер Т. Лев Толстой и его жена. История одной любви. Париж: Современные записки, 1928. 238 с. URL: http://dugward.ru/library/tolstoy/polner_lev_tolstoy.html (дата обращения: 17.11.2021).
- Пономарев Е.Р. Лев Толстой в литературном сознании русской эмиграции 1920–1930-х годов // Русская литература. 2000. № 3. С. 202–211.
- Пономарев Е.Р. О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1998. № 1. С. 109–119.
- Пономарев Е.Р. Отзывы современников о книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1995. № 4. С. 168–171.
- Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.
- Розанов В.В. Толстой между великими мира // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 307–312.
- Смолянинова Е.Б. Буддийский Восток в творчестве И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 346 с.
- Тагавердиева З.Р. Буддизм в творчестве И.А. Бунина // Инновационная наука. 2015. № 6. С. 170–173.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.
- Толстой Л.Н. Философский дневник: 1901–1910. М.: Известия, 2003. 544 с.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.
- Франк С.Л. Памяти Льва Толстого // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 445–455.
- Франк С.Л. Нравственное учение Л.Н. Толстого. К 80-летию юбилею Толстого 28 августа 1908 г. // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 151–161.

- Ходасевич В.* [Рец. на «Освобождение Толстого» И.А. Бунина] // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология. М.: Книжница — Русский путь, 2010. С. 425–428.
- Чебоненко О.С.* Восток в художественном сознании И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 217 с.
- Шаховской И.* Революция Толстого // *Шаховской И.* К истории русской интеллигенции. М.: Лепта-Пресс, 2003. 540 с.
- Шестов Л.* На страшном суде: Последние произведения Л.Н. Толстого (1914) // *Шестов Л.* На весах Иова. Париж: УМСА-Press, 1975. С. 95–142.
- Шестов Л.* Достоевский и Ницше: Философия трагедии // *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 308–451.
- Эрн В.Ф.* Толстой против Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002.

И.А. БУНИН В ГАЗЕТЕ «ВОЗРОЖДЕНИЕ» (1925–1927)

© 2022 г. Д.Д. Николаев

Аннотация: В статье анализируются публикации И.А. Бунина в парижской газете «Возрождение» в 1925–1927 гг. Бунин печатал в «Возрождении» как публицистические, так и художественные произведения — стихотворения и рассказы. Важнейшую роль в истории газеты сыграла публикация «Окаянных дней» Бунина. Если в книжной редакции «Окаянных дней» на первый план выходит художественность, то в газетной редакции «Возрождения» определяющей и для Бунина, и для редакции является установка на документальность. «Окаянные дни» и публицистические очерки Бунина рассматриваются в статье в контексте общей политики «Возрождения». Среди художественных текстов, опубликованных в 1925–1927 гг., преобладают новые варианты (редакции) дореволюционных произведений. В то же время именно на страницах «Возрождения» были впервые опубликованы такие знаменитые рассказы Бунина, как «Ида» и «Notre-dame de la Garde».

Ключевые слова: Бунин, поэтика, публицистика, текстология, «Возрождение», эмиграция, «Окаянные дни».

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>. E-mail: ddnikolaev@mail.ru.

Для цитирования: Николаев Д.Д. И.А. Бунин в газете «Возрождение» (1925–1927) // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 209–284. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-209-284>

I.A. BUNIN IN THE NEWSPAPER “VOZROZHDENIE” (PARIS, 1925–1927)

© 2022. Dmitry D. Nikolaev

Abstract: The article analyzes the publications of I.A. Bunin in the Paris newspaper “Vozrozhdenie” (Renaissance) in 1925–1927. Bunin published in the “Vozrozhdenie” articles, essays, poems and stories. The most important role in the history of the newspaper was played by the publication of Bunin’s “Okayanny Dni”. If fictional elements may be fixed in the book edition of “Okayanny Dni”, then in the newspaper edition of “Renaissance” it is important both for Bunin and for the newspaper’s editorial office to install on documentary character of Bunin’s “diary”. Bunin’s “Okayanny Dni” and essays are considered in the article in the context of the newspaper policy. Among the stories and poems published in 1925–1927 new versions of pre-revolutionary works prevail. At the same time, it was on the pages of the “Vozrozhdenie” that Bunin’s famous stories such as “Ida” and “Notre-dame de la Garde” were first published.

Keywords: Bunin, poetics, journalism, textology, emigration, “Vozrozhdenie” (Renaissance), “Okayanny Dni”.

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>. E-mail: ddnikolaev@mail.ru.

For citation: Nikolaev, D.D. “I.A. Bunin in the Newspaper ‘Vozrozhdenie’ (Paris, 1925–1927).” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 209–284. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-209-284>

Ежедневная газета «Возрождение» начала выходить в Париже 3 июня 1925 г. Ее «двуединую задачу» редактор П.Б. Струве определял в передовой статье «Освобождение и Возрождение» (именно так, с заглавной буквы и без кавычек). Во-первых, «необходимо освободить родину от коммунистического ига» «разом и навсегда», во-вторых, нужно прикладывать «величайшие и длительные усилия» «к творческому возрождению национального духа и национального бытия». Струве заявлял, что «с мерзостью и позором коммунистического ига не может быть

никакого примирения, а необходима неустанная, растущая в своей действенности героическая борьба»¹.

«Возрождение» создавалось как альтернатива «справа» другой эмигрантской парижской газете — «Последним новостям» П.Н. Милюкова, проводившим, по мнению создателей «Возрождения» соглашательскую политику. «Нельзя же в самом деле думать, чтобы дело активной борьбы с большевиками совпадало с республиканско-демократической пропагандой?!»² — отмечал редактор «Возрождения» П.Б. Струве в ответ на полемические выступления «Последних новостей».

Редакции новой газеты нужно было каким-то образом привлечь внимание читателей. Конечно, главным должно было стать направление газеты, выступавшей с гораздо более консервативных позиций, нежели доминировавшие на тот момент в Париже «Последние новости». Но эта идеологическая разница являлась значимой далеко не для всех русских эмигрантов. Новая газета предполагала не просто отражать взгляды той части эмигрантской аудитории, которая и так принадлежала к консервативному крылу. Издание, естественно, стремилось заинтересовать и других читателей — тех, кто прежде покупал и читал «Последние новости». Их сложно было привлечь передовицами: просто потому, что их вполне устраивали передовицы Милюкова и его единомышленников. Требовалось что-то иное, что побудило бы приобрести хотя бы несколько первых номеров газеты, начать следить за ней, выбрать — в том случае, если бюджет позволял купить в день лишь один газетный номер — не привычные «Последние новости», а именно «Возрождение».

Привлечь читателей должно было имя Бунина — хотя бы потому, что в середине 1920-х гг. самый знаменитый из русских писателей-эмигрантов уже практически не печатался в газетах — в отличие от начала 1920-х гг. Но одной публикации, одной статьи, одного рассказа или одной подборки стихотворений в первом номере было мало. Номер, конечно, купили бы,

¹ Струве П. Освобождение и Возрождение // Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 1.

² Струве П. «Дело» и «вождь» // Возрождение. 1925. 7 июня. № 5. С. 1.

но «привычка» к новой газете вряд ли появилась, и на следующий день читатель вернулся бы к «Последним новостям».

Совсем иное дело — публикация «с продолжением», которая заставляла бы с нетерпением ждать следующего номера, а затем еще одного — и так далее. Такой публикацией и стали для «Возрождения» бунинские «Окаянные дни».

В 1925 г. «Окаянные дни» в «Возрождении» публиковались в течение более чем полугода — с первого номера газеты и до 12 декабря. 28 мая 1925 г. Бунин извещает редактора газеты П.Б. Струве: «Вчера послал Вам “Окаянные дни”. На днях вышло еще фельетона на два»³. И затем на протяжении 1925 г. писатель регулярно сообщает Струве о том, что выслал очередные части «Окаянных дней», причем каждый раз предполагается публикация «с продолжением»: «Думаю, — это на 2 фельетона? Известите, как вообще будете меня печатать? Раз в неделю? Мало. *Хорошо бы эти два подряд* — пожалуйста. Слать ли эти “Окаянные дни” еще? Вообще напишите»; «Вот вам еще три фельетона. Не смущайтесь, что опять “Окаянные дни”, публике нравится, мне это и говорят и из Парижа пишут, главное же — есть немало ядовитого, далеко не скучного (хотя бы, например, *банкет* в первом фельетоне)»⁴; «Посылаю Вам еще один фельетон <...>. Это опять кусок “Окаянные дни” — последний или предпоследний кусок»⁵.

Приведенные фрагменты из писем доказывают, что Бунин использует определение «фельетон» не как жанровое — в его современном понимании, а как «форматно-газетное», принятое в дореволюционной прессе для обозначения большого авторского текста, занимавшего чаще всего «подвал» второй полосы. С жанровой точки зрения такой текст мог быть не только фельетоном, но и очерком, статьей, заметками, а иногда и маленьким рассказом на актуальную тему. «Фельетоны» — это обозначение

³ Переписка И.А. Бунина с П.Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения / публ. Г.П. Струве // Записки Русской академической группы в США. N.Y., 1968. С. 73.

⁴ Там же. С. 73, 75. Здесь и далее в цитатах выделено Буниным.

⁵ Письма Буниных Струве / публ., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Р.М. Янгирова // De visu. 1994. № III/IV (XV). С. 43.

способа публикации «Окаянных дней», причем окончательное деление на фрагменты определяется авторской установкой, а не жесткими редакционными требованиями объема.

Бунин не делает разрыва внутри одной датировки, но часто объединяет в газетной публикации несколько дат в одном фрагменте, так, чтобы он представлял собой законченное публицистическое высказывание. «Окаянные дни» могут занимать «подвал» одной полосы (3 июня, 4 июня, 6 июня), могут переходить на следующую полосу и даже охватывать «подвалы» двух полос. Ну а самый маленький фрагмент — 3 августа — занимает четыре столбца «подвала» из шести.

Структурно «Окаянные дни» складываются из трех типов записей: непосредственных впечатлений от жизни в Одессе «под большевиками», авторских переживаний и размышлений, связанных с включенными в текст цитатами из газет и книг, а также из воспоминаний о предшествующих событиях, получающих актуальную для 1919 г. интерпретацию.

«Одесская» часть «Окаянных дней» публиковалась в «Возрождении» в июне–декабре 1925 г. как самостоятельное, законченное произведение. На это в авторском постскриптуме, завершавшем публикацию заключительного фрагмента, указывал и сам Бунин: «Тут обрываются мои одесские заметки. Листики, следующие за этими, я так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы в конце января 1920 года, не мог найти их»⁶. Тем более не предполагалось читателями наличие предшествующей части дневников, просто потому, что тогда публикацию в газете целесообразно было бы начинать с нее (хотя хронологическая логика, естественно, не равнозначна логике художественной и логике публицистической).

Установка на «завершенность», целостность текста определяла его сюжетно-композиционное и образное построение, связанное с актуальной для времени публикации художественно-публицистической задачей.

Бунин и редакция «Возрождения» не просто предлагали читателям вернуться в 1919-й год: они рассматривали текст с точки зрения 1925 года. Публикация «Окаянных дней» в париж-

⁶ Возрождение. 1925. 12 декабря. № 193. С. 2.

ской газете «Возрождение» была адресована не только русской аудитории, но и французской. И если первой не следовало объяснить, что такое русская революция (к 1925 г. мнение о ней уже сформировалось, и переубеждать ее сторонников или противников не требовалось), то вторая по-прежнему, с точки зрения и Бунина, и редакции «Возрождения», нуждалась в разъяснениях. Бунинский текст помогал французам понять, почему не надо поддерживать большевиков и чем плоха русская революция. Стремился Бунин напомнить французам и о том, что они должны нести часть ответственности за происходящее в России — как союзники, бросившие русских в тяжелую минуту, и как «учителя», совершившие в XVIII в. революцию и подавшие пример большевикам.

Сама форма дневника позволяла, с одной стороны, фиксировать конкретные, сиюминутные ощущения, а с другой стороны — в связи с этими ощущениями неоднократно возвращаться к одним и тем же определяющим, сущностным темам. Безусловно, главная задача «Окаянных дней» — это обличение большевиков, изображение их «деятельности» глазами очевидца, фиксация настроений, переживаний человека, обреченного жить под властью советов. Но в художественной и публицистической логике построения «Окаянных дней» — в первую очередь газетной редакции — важнейшую роль играют также французы и Франция — страна, в которой в 1925 г. впервые печатается текст. В «Окаянных днях» (напрямую или во включенных в записи цитатах) упоминаются Германия, Италия, Венгрия, Дания, англичане, поляки, финны, австрийцы, греки, румыны, Европа как целое, но одной из концептуальных основ текста становится сопряжение России и Франции, выступающее в качестве лейтмотива в «одесской» части «Окаянных дней».

Упоминание Франции (французов) есть в каждом из выделенных выше типов записей, причем роль и место данных упоминаний обусловлены реалиями описываемого времени, связаны с конкретными фактами; и не могут однозначно расцениваться как искусственно привнесенные позже. «Французы» появляются в первом же фрагменте «Окаянных дней», опубликованном в первом номере «Возрождения» 3 июня 1925 г., более

того — в первой же записи, датированной 12 апреля и рассказывающей о событиях 21 марта 1919 г.:

«— “Кто говорит?” — “Катаев. Спешу сообщить невероятную новость: французы уходят”. — “Как, что такое, когда?” — “Сию минуту”. — “Вы с ума сошли?” — “Клянусь вам, что нет. Паническое бегство!”»

В первой записи «Одесского дневника» Бунин сразу же становится «дневниковое» настоящее и «дневниковое» прошлое, возвращаясь из занятой большевиками Одессы на три недели назад — к тому *последнему* моменту, когда и автор записей, и Одесса еще не находились во власти большевиков. В газетной редакции «окаянные дни» начинались для автора и для читателей не с революции, не с отъезда из Петрограда или из Москвы. Поворотным моментом являлось решение французов оставить Одессу:

«— Выскочил из дому, поймал извозчика и глазам своим не верю: бегут нагруженные ослы, французские и греческие солдаты в походном снаряжении, скачут одноколки, нагруженные всяким воинским имуществом...»

Французы бросают русских на произвол судьбы, оставляют город большевикам и уходят — это становится рубежом для Бунина, отсюда ведется отсчет «окаянных дней» в «Возрождении», где текст начинается (после указания первой даты) с фразы: «Уже почти три недели со дня нашей гибели». В книжной редакции фраза эта сохраняется⁷, но ей, как и всему «одесскому дневнику» предшествуют двадцать страниц «московского дневника» 1918 г., который в газете печатался позже, в 1927 г. (Об истории текста «Окаянных дней» см. подробнее в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании).

Бунин в «Возрождении» не обвиняет Францию напрямую в том, что она бросила Одессу и ее жителей, но он постоянно напоминает в «Окаянных днях» о связанных с французами несбывшихся надеждах на спасение. Уход французов в марте 1919 г.

⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. Окаянные дни. С. 75.

оценивается не рационально, с точки зрения военной и политической логики, а эмоционально — как «бегство» союзников, отдающих Одессу в руки большевиков. Причем Бунин показывает, что это не только его восприятие происшедшего: «Встретили Л.И. Гальберштата. И этот “перекрасился”. Он, вчерашний ярый белогвардеец, плакавший (буквально) при бегстве французов, уже пристроился при газете “Голос красноармейца”»⁸.

В отличие от немцев — «мнимых спасителей», французы с точки зрения автора «Окаянных дней» не просто могли, а должны были выступить в роли спасителей истинных.

Бунин вспоминает, как встречали в Одессе французов в декабре 1918 г.:

«Очень милые стишки по моему адресу в “Южном рабочем” (меньшевицкая газета, издававшаяся до прихода большевиков):

Испуган ты и с похвалой сумбурной
Согнулся вдруг холопски пред варягом...

Это по поводу моих стихов, напечатанных в “Одесском листке” в декабре прошлого года, в день высадки в Одессе французов. Какими националистами, патриотами становятся эти интернационалисты (хотя бы и второго интернационала), когда это им надобно»⁹.

Неожиданное появление в записи от 24 мая цитаты из стихотворения, опубликованного в газете «Южный рабочий» 17 (30) декабря 1918 г.¹⁰ и, на первый взгляд, никак не связанного с текущими событиями, объясняется желанием напомнить о приходе французов. Обратим внимание на то, что в 1919 г. Бунин пишет именно о французах, а не о «союзниках», и на то, что в самом стихотворении «22 декабря 1918 г.» французы не упоминаются.

⁸ Запись от 16 апреля // Возрождение. 1925. 4 июня. № 2. С. 2.

⁹ Возрождение. 1925. 19 сентября. № 109. С. 2–3.

¹⁰ См. подробнее: *Бакунцев А.В.* И.А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2014. № 5. С. 55–71.

Французы выступают спасителями не только в недавнем прошлом автора дневника. Он, как и другие жители Одессы, не теряет надежды, что они станут спасителями и в ближайшем будущем. Образ стоящего на рейде французского миноносца становится в «Окаянных днях» одним из ключевых. Корабль, имеющий возможность спасти людей, но отстраненно «взирающий» на зверства, погромы, убийства, является одновременно и символом надежд, и символ их крушения для Бунина и для всех русских: «Все в городе голову сломали, стараясь понять поведение французов, и все бегают на бульвар смотреть на французский миноносец, сереющий вдали на совершенно пустом море»¹¹.

Невозможность принять действия большевиков и невозможность понять поведение французов — это две ключевые «невозможности», определяющие суть одесских «окаянных дней».

Для Бунина, как и для редакции «Возрождения» в 1925 г., неприемлемо противопоставление Февральской революции и Октябрьской революции как хорошей и плохой. Он неоднократно выступает в «Окаянных днях» против революции вообще и не забывает, что о той самой «русской свободе» (в кавычках), восторжествовавшей весной 1917 г., мечтали не только «пруссаки»: свержение самодержавия с готовностью приветствовали и во Франции. Поддержка революционных настроений в 1917 г. — вот еще один упрек, который Россия «устаами Бунина» готова адресовать Франции. Упрек этот не высказывается в дневнике напрямую, однако он фиксируется на образном уровне в рассказе о банкете в честь Финляндии после открытия финской художественной выставки в начале апреля 1917 г. и о том «гомерическом безобразии, в которое вылился банкет». Бунин упоминает лишь об одном французе, но человек этот в силу своей должности выступает как полномочный представитель страны.

В записи «Ночь на 24 апреля», опубликованной в «Возрождении» 8 июля 1925 г. (№ 36. С. 2–3), Бунин вспоминает, что на банкете собрался «весь цвет русской интеллигенции, то есть

¹¹ Возрождение. 1925. 11 июня. № 9. С. 2.

знаменитые художники, артисты, писатели, журналисты, общественные деятели, новые министры», «но надо всеми возоблада — Маяковский». Среди гостей выделяется «и один высокий иностранный представитель, именно посол Франции», который так же, как и остальные, вынужден спасовать перед Маяковским: «Но Маяковский заорал пуще прежнего. И министр, сделав еще одну и столь же бесплодную попытку, развел руками и сел. Но только что он сел, как встал французский посол. Очевидно, он был вполне уверен, что уж перед ним-то русский хулиган не может не стусеваться. Не тут-то было! Маяковский мгновенно заглушил его еще более зычным ревом. Но мало того; к безмерному изумлению посла, вдруг пришла в дикое и бессмысленное неистовство и вся зала: зараженные Маяковским, все ни с того ни с сего заорали и себе, стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать и — тушить электричество».

Капитуляция посла Франции перед «русским хулиганом» воспринимается как предвестие капитуляции Франции перед большевиками. Рассказ о банкете играет важную роль во внутренней логике «одесского дневника». Напоминая о том, что уход французов из Одессы в 1919 г. является закономерным следствием их предательского поведения в 1917 г., Бунин показывает, что естественным отношением к ним должно быть не «очарование» декабря 1918 г., а имеющее более глубокие корни «разочарование». Именно поэтому не вызывает удивления то, что в записи от 26 апреля надежды на освобождение возлагаются не на французов, а на немцев:

«— Правда, что немцы входят в Одессу? Весь народ говорит, будто всю Одессу окружили. Они сами завели большевиков, теперь им приказали их уничтожить и за это на 15 лет отдадут им нас. Вот бы хорошо!

Что такое? Вероятно, дикий вздор, но все-таки взволновался до дрожи и холода рук. Едва свернул папироску».

В газете произошедшая перемена (от французов — к немцам) подчеркивается за счет сочетания в рамках одной публикации записи от 26 апреля с записью от 2 мая:

«Убит Моисей Гутман, биндюжник, прошлой осенью перевозивший нас с дачи, очень милый человек.

Был возле Думы. Очень холодно, серо, пустое море, мертвый порт, далеко на рейде французский миноносец, очень маленький на вид, какой-то жалкий в своем одиночестве и в силу своей нелепости — черт знает, зачем они шатаются сюда, чего выжидают, что затевают? Возле пушки кучка народа, одни возмущались “днем мирного восстания”, другие горячо, нагло участвовали и распекали их.

Шел и думал, вернее, чувствовал: если бы теперь и удалось вырваться куда-нибудь, в Италию, например, во Францию, везде было бы противно, — опротивел человек после того, как жизнь заставила так остро почувствовать, так остро и внимательно разглядеть его, — его душу, его мерзкое тело. Что наши прежние глаза, — как мало они видели, даже мои!»¹².

Бунин в «Окаянных днях» передает смену настроений — и своего, и жителей Одессы, и даже самого города — в фиксирующих это «настроение» описаниях (что подтверждает подлинную дневниковую основу текста). Динамика особенно ярко проявляется в нюансах — в частности, в отношении к французам. В 1918 г. в роли спасителей «сотни тысяч» видели немцев, в конце 1918 г. на помощь пришли французы, в апреле 1919 г. надежды опять возлагаются на немцев, но в конечном итоге все помыслы вновь обращены к французам. «Обновленная» надежда на французов впервые звучит в записи от 29 мая, в связи с приближающимся заключением Версальского мирного договора:

«Встретил Луи Ивановича: “Завтра в 12 истекает срок ультиматума. Одесса будет взята французами”. Глупо, но шел домой, как пьяный»¹³.

В записи от 13 июня фиксируется реакция на известие о заключении мира. Франция Буниным прямо не называется, но мольбы о помощи обращены в первую очередь к ней:

«Да, мир подписан. И не может, чтобы не подумали теперь о России. Вот уж истинно: “Рагуйте, хто в Бога вируе!” Неистовым криком о помощи полны десятки миллионов русских душ. Ужели не вмешаются в эти наши “внутренние дела”, не ворвутся

¹² Возрождение. 1925. 31 июля. № 59. С. 2–3.

¹³ Возрождение. 1925. 19 сентября. № 109. С. 2–3.

наконец в соседний дом, где бешеная горилла уже буквально захлебывается кровью? Если нет, будь проклят день и час рождения нашего <...>»¹⁴.

То, что происходит в 1919 г. за границей, волнует автора только когда это связано с Россией. Текущие события в Париже упоминаются в «Окаянных днях» лишь дважды, причем в первый раз также в первом фрагменте: «А в редакции телеграмма: “Министерство Клемансо пало, в Париже баррикады, революция...”».

Затем в записи от 23 апреля в четвертом номере «Возрождения» Бунин приводит цитаты из советских газет, касающиеся Франции: «<...> в Париже баррикады, старый палач Клемансо в панике», болгарский коммунист Касанов «объявил войну Франции» (1925. 6 июня. С. 2). Отметим, что в книжной редакции писатель счел нужным подчеркнуть, что речь идет о цитате, добавив слова: «так буквально и сказано!»¹⁵.

В первом же фрагменте фиксируется и третья, связывающая в «Окаянных днях» Россию и Францию линия. Это события исторические. Бунин пишет о том времени, когда Париж являлся революционной столицей Европы. В «одесском дневнике» писатель постоянно обращается к русской истории, но он категорически не согласен с теми, кто настаивает на «предрасположенности» России к революции, возлагая вину либо на русский народ, либо на «угнетателей»-помещиков. Вновь не обвиняя Францию прямо, он в то же время постоянно напоминает французам об исторической ответственности за то, что они сперва совершили, а затем и канонизировали свою «великую» революцию, тем самым подавая пример революции русской.

Связь революции русской с революцией французской утверждается через «лозунг» в абзаце, где одновременно разрушение России связывается с попыткой ее преобразования на европейский лад: «Впрочем, почта русская кончилась уже давно, еще летом 17 года: с тех самых пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился “министр почт и телеграфов”. Тогда же

¹⁴ Возрождение. 1925. 5 декабря. № 186. С. 2–3.

¹⁵ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. С. 107.

появился впервые и “министр труда” — и тогда же вся Россия бросила и работать. Да, и сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило какое-то исступление, острое умопомешательство».

Переход от современности к параллелям между русской революцией и революцией французской происходит не только логически, но и эмоционально — и эмоциональная связь России и Франции затем является в «Окаянных днях» определяющей, хотя она, естественно, постоянно получает и рациональное объяснение.

Бунин пишет о схожести революций и от мотива схожести практически сразу переходит к мотиву подражательности, утверждая, что русские революционеры «яростно копируют» своих французских предшественников.

В исторической плоскости французы предстают как грешники, они несут ответственность за революцию не только перед своей страной, но и перед остальным миром. В современности динамика образа народа «пришли — ушли — стоят — придут» сочетается с статичной интерпретацией его как спасителя. В плоскости 1919 г. спасение России от большевизма предлагается Франции как своего рода искупление вины. Но в 1925 г. уже известно, что французы не стали для России избавителями. В контексте первой публикации «Окаянных дней» в «Возрождении» это уже трактуется как двойная ответственность, требующая от Франции осознания и искупления.

«Окаянные дни» в какой-то степени убеждают если не французов, то русских эмигрантов в том, что беженцы ничем не обязаны приютившей их Франции, напротив, Франция обязана искупать вину перед Россией и русскими. В то же время Бунин не обвиняет Францию и французов, он, скорее, взывает к их совести...

Создавая образы французов и Франции, он предпочитает «скрываться за источником», использовать очерки Ленотра, газетные заметки, сторонние слова и эмоции, старается отказываться от их непосредственного изображения (исключением является посол Франции в России).

Параллели между двумя революциями должны помочь французской аудитории понять происходящее в России, но в итоге Бунин скорее не настраивает аудиторию против русской революции, как ему хотелось бы, а, напротив, примиряет с ней. Для большинства французов — их революция, действительно, великая, а День взятия Бастилии является самым знаменательным национальным праздником. Называя Францию и Европу «дурами», Кутона «безногой ехидной», а Робеспьера «кретином», Бунин в 1925 г. в большей степени отталкивает французов от русских эмигрантов, чем вызывает к ним сочувствие.

Актуальность «Окаянных дней» в 1925 г. вовсе не исключает возможности дневниковой «подлинности» текста. Определенная степень адаптации дневника при авторской подготовке к публикации практически неизбежна, когда речь идет о не предназначенных изначально для печати текстах. Подобная подготовка включает, как правило, элементы самоцензуры (к примеру, исключение упоминаний имен и фамилий некоторых лиц), «расшифровку» и стилистическую правку записей, а также их отбор: из дневников исключается малозначимое для широкой аудитории. Автор, естественно, соотносит дневниковые записи с текущим моментом, с читательскими интересами периода публикации и часто расставляет в ходе подготовки в тексте определенные акценты. Это не значит, что изначальный дневниковый текст переписывается: достаточно бывает сокращений или композиционных приемов.

Художественные и публицистические элементы не просто естественны, а неизбежны в дневнике, который ведет великий русский писатель в дни, когда решаются его судьба, судьбы его народа и его страны. Собственно, писатель, как правило, и заводит дневник ради фиксации личных художественных и публицистических переживаний, сознательно или подсознательно предполагая использовать затем записи в своем творчестве и оформляя поэтому их и стилистически, и концептуально.

Дневниковая форма «Окаянных дней» И.А. Бунина давно является предметом научного обсуждения. Основных точек зрения на ее жанровую природу три. Сперва текст воспринимался как документальное произведение, подлинный дневник писателя, который он вел день за днем в годы гражданской во-

йны. Затем стал преобладать иной взгляд. В 1935 г., после публикации «Окаянных дней» в составе озаглавленного так тома собрания сочинений писателя, М.А. Алданов отмечал: «Ни к “Окаянным дням”, ни тем более к “Серпу и молоту” не должно подходить как к книгам чисто-политическим. Это ведь художественные произведения, и есть в обеих книгах страницы, которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным»¹⁶. К. Ошар, поставившая в 1996 г. в статье, опубликованной в журнале «Русская литература», вопрос: «являются ли “Окаянные дни” дневником (пусть и литературным) в прямом смысле этого слова или это оригинальное произведение в форме дневника», утверждает, что «Окаянные дни» «следует рассматривать как оригинальное по форме художественное произведение, среди предшественников которого можно назвать “Былое и думы” Герцена»¹⁷. О.Н. Михайлов в 1991 г. в предисловии к изданию «Окаянных дней» в СССР использовал определения «книга публицистики» и «художественный дневник»¹⁸. Схожее определение — «книга художественной публицистики» — повторяется в преамбуле в комментариях к изданию впервые собранной публицистики И.А. Бунина, подготовленному О.Н. Михайловым, С.Н. Морозовым, Д.Д. Николаевым и Е.М. Трубиловой¹⁹.

Вне зависимости от итоговых выводов в качестве базовых характеристик «Окаянных дней» выделяются обычно документальность, публицистичность и художественность. Д. Ринкер в статье «“Окаянные дни” как часть творческого наследия И.А. Бунина» называет эти характеристики «доминантами»²⁰. Отмечая и документальную основу текста, и его публицистиче-

¹⁶ Алданов М. И.А. Бунин. Собр. соч. Изд. «Петрополис». Берлин, 1935 год. Тт. IX и X // Современные записки. 1935. Кн. LIX. С. 472.

¹⁷ Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина // Русская литература. 1996. № 4. С. 102, 104.

¹⁸ Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Современник, 1991. С. 5, 6.

¹⁹ Публицистика И.А. Бунина (1918–1952 гг.). М.: Наследие, 1998. С. 468.

²⁰ Ринкер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: pro et contra. СПб., 2001. С. 631.

ское начало, Риникер сначала справедливо утверждает, что «понимание “Окаянных дней” только как документа эпохи или как части публицистического наследия Бунина не охватывает всей сложности произведения», но затем фактически уравнивает художественность и документальность у Бунина: «Важно подчеркнуть, что для Бунина не существовало жесткого разграничения документальной и художественной литературы, так как он не делал разницы между жизненным фактом и вымыслом в качестве материала для художественного произведения»²¹. На первый взгляд, слияние двух «доминант» — документальности и художественности — превращает их в своего рода «*супердоминанту*», отодвигающую на задний план публицистичность. Однако документальность и художественность хотя и могут совмещаться в одном тексте, не могут «суммироваться». Отсутствие жесткого разграничения между художественным и документальным не превращает документальное в художественное, а художественное в документальное, поскольку с формальной точки зрения это понятия противоположные. А вот публицистичность не противопоставлена ни документальности, ни художественности.

Кроме того, исследователи (Д. Риникер, С. Морозов, А. Бакунцев и др.), даже если и обращаются к газетным публикациям, все же характеризуют финальную редакцию произведения, не рассматривая историю текста с точки зрения художественности / документальности / публицистичности. Сопоставления газетной, книжной и финальной редакций используются ими для подтверждения художественности текста «Окаянных дней».

Художественная составляющая книжной редакции «Окаянных дней» не вызывает сомнений, но это не доказывает художественности газетной редакции. Позднейшей художественной обработке — при подготовке к изданию в корпусе собрания сочинений — мог быть подвергнут текст как художественный, так и документальный. А анализ той части «Окаянных дней», что публиковалась в «Возрождении» в 1925 г., доказывает, что в произведении Бунина нет ничего, что могло бы с читательской точки зрения поставить под сомнение его документальность.

²¹ Там же. С. 645, 646.

(См. об этом подробнее в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании).

Элемент художественности в дневнике, тем более созданном писателем, определяется не стилем, над которым писатель следит «инстинктивно» при создании любого текста — будь то рассказ, письмо или дневник, а наличием художественного вымысла. И вымысел этот связан либо с изображаемыми в дневнике событиями, либо с образом автора, либо, естественно, и с тем, и с другим. Речь не идет об эмоциональной реакции на события или их анализе: эгодокументальная проза в принципе построена на том, что происходящее становится предметом рефлексии автора. Чтобы подтвердить наличие вымысла, мы должны *опровергнуть* хотя бы в какой-то части документальность. Но в газетной редакции «Окаянных дней» 1925 г. нет ничего, что позволило бы читателям в 1925 г. усомниться в их дневниковой подлинности. Более того, и сейчас у нас нет оснований однозначно утверждать, что в тексте есть фрагменты, которые не могли быть написаны Буниным в 1919 г.

Подчеркнем модальность предложенной формулы: не могли быть написаны. Разумеется, ни в коем случае нельзя настаивать на том, что Бунин опубликовал в 1925 г. в «Возрождении» подлинные дневниковые записи 1919 г. — чтобы доказать это, нужно иметь оригинал дневника. Но в газетной публикации в «Возрождении» нет ничего, формально нарушающего документальность 1919 г., а какие-то пропуски, неточности и даже ошибки — дело естественное и при публикации подлинных дневников.

Если в книжной редакции «Окаянных дней» на первый план выходит художественность, то в газетной редакции «Возрождения» определяющей и для Бунина, и для редакции газеты является установка на документальность. На этой установке, зафиксированной в газетном подзаголовке «Из одесских дневников 1919 г.», базируется и актуальный публицистический пафос произведения, его вовлеченность в идейное противостояние 1925 г.

В публикации «Окаянных дней» в 1925 г. в «Возрождении» можно выделить три этапа. Первый — с 3 по 11 июня 1925 г.

В первых девяти номерах газеты «Окаянные дни» печатаются постоянно. В первом номере, 3 июня, помещены записи от 12, 13 и 15 апреля, во втором номере, 4 июня, — от 16 апреля, 17 апреля и 18 апреля, в четвертом, 6 июня, — от 19 апреля, в шестом, 8 июня, — от 20 апреля, в девятом, 11 июня, — от 22 апреля и от 23 апреля.

После этого наступает перерыв почти в месяц: следующий фрагмент «Окаянных дней» в «Возрождении» публикуется лишь 8 июля 1925 г. (№ 36. С. 2–3). В течение трех месяцев — июля, августа и сентября — «Окаянные дни» помещаются в газете регулярно, хотя жесткая схема — в определенный день с недельным интервалом — автором и редакцией не соблюдается. Как свидетельствует приведенный выше фрагмент из письма Бунина Струве, писателя не всегда устраивала удобная для редакции периодичность «раз в неделю». В итоге фрагменты могут печататься чаще, чем раз в неделю, и в то же время есть и большие интервалы — с «пропущенной» неделей. Кроме того, тексты печатаются в разные дни недели: в среду (8 июля, 12 августа), пятницу (31 июля), понедельник (3 августа). Выбранная в качестве «базовой» схема публикаций по субботам строго соблюдается лишь с 15 августа, но при этом две субботы пропускаются. Этот этап завершается 19 сентября 1925 г. (№ 109).

Бунин по-разному подходит к построению текста. К примеру, фрагмент, опубликованный 8 июля 1925 г. и датированный «ночью на 24 апреля» вообще не содержит никаких фактических отсылок ни к указанной дате, ни к дням, ей предшествующим, и выглядит как мемуарная вставка. Большую его часть занимают воспоминания о последнем приезде в Петербург (Бунин называет город именно так) в начале апреля 1917 г., а в заключение Бунин обращается к записи от 5 мая 1917 г. 18 июля Бунин возвращается к дневниковой фиксации текущих событий с 24 апреля 1919 г. Фрагмент, напечатанный 3 августа и содержащий записи от 4 и 5 мая, практически целиком построен на цитатах — сперва из газеты «Голос красноармейца» и статьи Подвойского в киевских «Известиях», а затем из Горького. Следующая часть, опубликованная 12 августа и датированная ночью на 6 мая, — это размышления по поводу главы о Сен-Жюсте из книги Ж. Ленотра «*Vieilles maisons, vieux papiers*».

И, наконец, четыре заключительные публикации «Окаянных дней» в «Возрождении» печатаются уже без указания в подзаголовке на дневниковый характер текста. Новый подзаголовок — «Из одесских заметок 1919 г». — впервые появляется 14 ноября и затем повторяется 21 ноября, 5 декабря и 12 декабря. При этом структурно эти четыре фрагмента, охватывающие в «одесской» хронологии промежутки с 9 по 20 июня, оформлены так же, как и все предыдущие части «Окаянных дней», — с разбивкой по датам. Определение «заметки» Бунин использует и в уже процитированном выше постскриптуме, которым 12 декабря заканчивается публикация в «Окаянных дней» в «Возрождении»: «Тут обрываются мои одесские заметки. Листки, следующие за этими, я так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы в конце января 1920 года, не мог найти их»²². Отметим, что в дальнейших редакциях в постскриптуме добавляется лишь слово «никак», а в остальном все остается без изменений.

Постоянное использование подзаголовка в газетных публикациях, равно как и его изменение, имеет весьма существенное значение. Подзаголовок каждый раз подчеркивает документальность текста — именно такое восприятие «Окаянных дней» необходимо и автору, и редакции. Документальность является важнейшим элементом достижения публицистической задачи — вне зависимости от того, подлинная это документальность или мнимая. И столь же значимым является отсутствие подзаголовков в книжном издании.

Подзаголовок не только подчеркивает документальность текста, но и наряду с формально-дневниковой структурой с продолжающейся датировкой помогает зафиксировать целостность «Окаянных дней», объясняя эдиционную фрагментарность. Для писателя, для редакции, для читателей в 1925 г. «Окаянные дни» — это печатающееся «с продолжением» единое произведение, а не название рубрики, и поэтому, анализируя текст, необходимо исходить из его целостности не только в книжной, но и в газетной редакции. Тем не менее, С.Н. Морозов выводит за рамки произведения большой фрагмент,

²² Возрождение. 1925. 12 декабря. № 193. С. 2.

опубликованный в газете «Возрождение» 12 августа и не включенный автором в текст в собрании сочинений. Название «Окаянные дни» С.Н. Морозов трактует как некий универсальный заголовок, под которым помещаются не связанные единым авторским замыслом и единой структурой тексты: «В газетных публикациях Бунин не раз пользовался заглавием “Окаянных дней” в качестве общего для своих заметок (так же, например, часто встречается заглавие его статей в эмигрантской печати — “Записная книжка”). Так, под заглавием “Окаянные дни” помещается очерк Бунина о Сен-Жюсте, написанный на основе книги Ж. Ленотра»²³.

Саму по себе аналогию между названиями «Записная книжка» и «Окаянные дни» проводить можно, но отождествлять принципы публикации текстов под этими названиями нельзя. И нельзя исключать из газетной редакции «Окаянных дней» фрагмент, который С.Н. Морозов называет «очерком о Сен-Жюсте», поскольку сам Бунин, подчеркивая включенность фрагмента в общий текст дневника, не только сохраняет название и подзаголовок «Из одесского дневника 1919 года», но и датирует фрагмент, прямо связывая его с 1919 г.: «Ночь на 6 мая. Читаю Ленотра (“*Vielles maisons, vieux papiers*”). Замечательный историк, замечательный писатель, человек, всю жизнь отдавший изучению французской революции, из которой сто лет творили столь вредоносную легенду, и освещающий ее совершенно новым светом, человек, которому при жизни нужно поставить памятник, а кто его знал и знает в России?»²⁴.

Использование в «Окаянных днях» материалов из Ленотра является одним из главных аргументов тех, кто настаивает на изначальной художественности текста. К. Ошар утверждает: «Сопоставления с французской революцией могли появиться у Бунина только в Париже, при чтении книги Ленотра “Старые дома, старые бумаги”. Книга эта была переиздана в Париже в

²³ Морозов С.Н. «Окаянные дни» И. Бунина: к истории текста // Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 304.

²⁴ Возрождение. 1925. 12 августа. № 71. С. 2.

1920 году. (Ее первое издание относится к 1909 году и вряд ли было доступно Бунину в России)»²⁵. Правда, остается неясным, чем обусловлена категоричность подобного заявления? Ленотр был, вопреки утверждению Бунина, весьма популярен в России: его и знали, и переводили.

Перечисляя доводы в пользу того, что «Окаянные дни» нельзя рассматривать как документальный дневник, К. Ошар пишет: «Но есть и другие основания для утверждения о литературном характере этого произведения. Я имею в виду поздние “вставки”, которые находятся в “Окаянных днях” и которые могли быть добавлены только в эмиграции, во Франции. Такими вставками являются отрывки бунинских статей из эмигрантской прессы, выписки из его рассказов эмигрантского периода, а также цитаты из книги французского историка Ленотра, вышедшей в Париже в 1920 году. Так, например, газетные статьи “Самогонка и шампанское”, “Страна неограниченных возможностей”, “О писательских обязанностях”, опубликованные в “Руле” в мае 1921 года, в “Огнях” в августе 1921 года и в “Сыне отечества” в июне 1921 года, вошли фрагментами в “Окаянные дни”»²⁶.

Оставив в данном случае в стороне имеющиеся в цитате фактические неточности, отметим, что последовательность публикации не равна последовательности написания. В случае же с дневником совпадение дневниковых фрагментов с фрагментами статей может быть объяснено тем, что Бунин использовал в газетной публицистике какие-то свои дневниковые записи — это обычная практика и для писателей, и для журналистов.

К. Ошар считает также, что «сама архитектура “Окаянных дней”, построенных вокруг темы смерти и покаяния, служит доказательством литературности этих “поденных записей”»²⁷. Но архитектура той части «Окаянных дней», что публиковалась в «Возрождении» в 1925 г., строится не на теме смерти и покаяния: она в гораздо большей степени связана с конкретными задачами новой газеты.

²⁵ Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина. С. 102.

²⁶ Там же. С. 103.

²⁷ Там же.

Эта связь наиболее ярко проявляется в первые дни издания «Возрождения», к которым относится выделенный нами первый этап публикации «Окаянных дней». С 3 по 11 июня 1925 г. газета печатает пять фрагментов, охватывающие в «одесской» хронологии временной промежуток от 12 до 23 апреля 1919 г. Обратим внимание, что длительность описываемого периода и длительность периода публикации практически совпадают: 9 дней в 1925 г. и 11 дней в 1919 г., так что ощущение дневниковости создается и за счет схемы публикации в «Возрождении».

Напомним, что Бунин изначально отказывался давать материал для первого номера новой газеты. Он писал Струве: «Но, увы, не вышло: именно подходящего-то и не нашлось. А ведь для *первого* № это нужно *особенно*, дать в него что попало, какие-нибудь “незабудки” ни к селу ни к городу — неловко, он обязывает на что-нибудь бьющее в глаза и так или иначе связанное с тем “лицом”, который в нем должен проявиться. Возможно, что в *другое* время я все-таки как-нибудь вывернулся (бы): понатужился бы и написал бы что-нибудь “по особому заказу” <...> Дорогой, не сердитесь на меня, войдите в мое положение и, если уж нужна “изящная” литература для 1 №, обратитесь к Шмелеву, к Зайцеву... Утешаю себя тем, что она не очень нужна, — думаю, что № будет по горло сыт статьями, необходимыми в первую голову, “программными”. С “незабудками” еще успеется»²⁸.

Однако затем подходящее нашлось — и это были именно «Окаянные дни», которые в контексте и первого номера «Возрождения», и последующих номеров рассматривались и воспринимались как произведение программное. Разумеется, нельзя говорить о влиянии газетной программы на творчество Бунина или о стремлении писателя отразить ее ключевые положения в своих произведениях. Влияние и роль Бунина и бунинского слова были столь велики, что в период, когда создавалось «Возрождение», скорее в пору утверждать обратное: читатели судили о платформе нового издания по опубликованным в первые дни существования газеты фрагментам «Окаянных дней» не в меньшей

²⁸ Переписка И.А. Бунина с П.Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения. С. 72–73.

степени, чем по программным статьям П. Струве, А. Карташева, С. Ольденбурга, И. Ильина, В. Шульгина, К. Зайцева и Л. Львова. Более того, если мы будем говорить о подписанных авторских материалах, то Бунин печатался в первых номерах «Возрождения» чаще, чем кто бы то ни было другой, — его «Окаянные дни» стали своего рода визитной карточкой новой газеты.

В самой форме дневника, выбранной для цикла газетных или журнальных публицистических очерков, нет ничего необычного. Самым известным примером могут служить «Дневники писателя» Ф.М. Достоевского, которые, возможно, и послужили Бунину примером, ведь «Окаянные дни» — это именно дневники писателя. Форма дневников выбиралась писателями и журналистами из-за того, что она соответствовала регулярности, периодичности и актуальности газетного (журнального) публицистического цикла, с одной стороны, и подчеркнуто авторскому, личному, а не редакционному формату отклика на текущие события и их интерпретации — с другой.

Дневниковая форма записи придает особую значимость тексту, поскольку человек ведет «разговор самим с собой» о самом важном. Предложенная Буниным в «Возрождении» дневниковая модель оказалась столь удачной, что ее практически сразу начинает использовать Петр Струве. 8 июня 1925 г. в шестом номере «Возрождения» на первой странице впервые появляется его «Дневник политика», продолжившийся 10 июня и прервавшийся затем в постоянную рубрику.

Необычным у Бунина является другое. Формально в «Окаянных днях» нет реакции на текущие события 1925 г. Записи «Из одесского дневника 1919 г.» в какой-то степени можно назвать «отложенной» публицистикой, поскольку автор постоянно в подзаголовке подчеркивает дистанцию в шесть лет между временем написания и временем публикации. Эта демонстративная дистанция в сочетании с актуальным публицистическим пафосом текстов и позволяет воспринимать авторскую датировку как некую условность и, соответственно, служит одной из главных причин того, что «Окаянные дни» рассматриваются как произведение художественно-публицистическое или художественно-документальное.

На самом деле неожиданное, на первый взгляд, включение записей, датированных 1919 г., в контекст идейной борьбы 1925 г. полностью соответствует общему содержанию, пафосу «Возрождения», программе новой газеты и не может являться основанием для сомнений в документальности записей, поскольку выбор периода и определяется актуальностью для 1925 г. авторских переживаний «дневникового» времени 1919 г.

Сама по себе обращенность к будущему и настоящему через прошлое, заявленная в названии газеты, была явно противопоставлена одновременно эсхатологическому и сиюминутному смыслу заглавия другой парижской эмигрантской газеты, с которой «Возрождение» вступало в противоборство, — «Последних новостей». В то же время столь явно выносимое на первый план прошлое противоречило самой сути ежедневной газеты как печатного органа, отражающего прежде всего современность, причем в ее максимально оперативном, «телеграфном» восприятии. И одной из задач «Возрождения» в первые дни существования газеты было обоснование этой декларативной связи прошлого и современности.

Подчеркнутая связь прошлого с настоящим прослеживается практически во всех «авторских» материалах, опубликованных в первом номере. К примеру, А.В. Карташев свою статью «Сим победиши» о современной тактике Церкви и «лицемерной политике некоторых современных государств» начинал с напоминания о том, что «в июне этого года христианский мир празднует 1600-летие первого Вселенского Никейского собора, а 12 лет тому назад было отпраздновано 1600-летие знаменитого Миланского эдикта императора Константина Великого». Карташев рассматривал эти события как два первых акта триумфа Церкви и триумфа христианства. Вспоминал он и «исторический Константинов лозунг “сим победиши!”», который «есть лозунг о мече обоюдоостром: о Силе Честного и Животворящего Креста, осеняющего меч государственный, дабы он, в свою очередь, преобразался из орудия враждебного Христу в прямую или хотя бы косвенную защиту покоя Церкви и благоденственного и, мирного жития Ея крещеного народа, чтобы мы не забывали напоми-

нения вещего русского поэта, что в каком-то смысле “Крест и меч — одно!”²⁹.

С. Ольденбург в первой же строке очерка «Общее политическое положение. 1 июня 1925 года» писал о том, что скоро семь лет как закончилась мировая война, а в заключительном абзаце сравнивал июнь 1925-го с июнем 1920 г., утверждая, что «большевики, во всяком случае, несравненно дальше от своей конечной цели, чем тогда»³⁰. Лоллий Львов в статье «О России» также в первой же строке связывал настоящее с прошлым: «Пожар России уже давно догорел. Если дым еще и стелется, то уже над пепелищем»³¹.

В контексте других материалов первого номера «Возрождения» возвращение в «Окаянных днях» в 1919 г. воспринималось именно как программное заявление — и авторское, и редакционное.

В первой же записи «Окаянных дней» постулируется принципиальное различие России нынешней и России прежней, до-революционной, и одновременно связь времен, связь поколений: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть, вернее, вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»³². В книжном издании Бунин уберет из этого предложения уточнение «вернее»³³. Это противопоставление, формально относящееся к 1919 г., фактически прямо соотносится с задачей новой газеты, сформулированной непосредственно в ее названии — «Возрождение». В опубликованной на первой странице передовой статье «Освобождение и Возрождение» Петр Струве связывал задачу возрождения той самой потерянной России с задачей ее освобождения от большевиков, утверждая, что первое немислимо без второго. Разрядкой в статье был выделен лозунг — «двуединый зов»: «Освободить и освободиться, дабы возродить и возродиться».

²⁹ Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 1.

³⁰ Там же. С. 2.

³¹ Там же. С. 3.

³² Там же. С. 2.

³³ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. С. 76.

Столь же существенным является проходящее сквозной нитью не только через текст «Окаянных дней», но и через всю публицистику Бунина противопоставление «Мы и они» — противопоставление, которое было поставлено в качестве заглавия еще одной программной статьи, помещенной в первом номере, — она принадлежала перу К. Зайцева³⁴.

Как отмечалось выше, «Возрождение» должно было стать изданием не только антибольшевистским, но и «антимиллюковским», противодействовать разрушительной, с точки зрения редакции «Возрождения», пропаганде «Последних новостей», проводящих соглашательскую политику по отношению к большевикам³⁵. В связи с этим важна была уже сама тематика «Окаянных дней» Бунина, а подзаголовок подчеркивал, что «из одесского дневника 1919 года» выбран определенный временной промежуток. Первая запись датирована 12 апреля, а это значит, что Бунин в «Окаянных днях» пишет о том времени, когда Одесса была под властью большевиков. Писатель выступает в качестве человека, на себе познавшего и почувствовавшего, что такое большевизм. Непосредственные впечатления очевидца здесь противопоставляются умозрительным рассуждениям тех, кто может судить о советской власти лишь с чужих слов, — в частности, того же П.Н. Милюкова.

Первое же предложение «Окаянных дней»: «Уже почти три недели со дня нашей гибели» — сразу отсылает нас к одному из древнейших памятников русской литературы — «Слову о гибели Русской земли» — и одновременно задает предельно конкретную, привязанную к определенным дням формулу документальной фиксации гибели «сегодняшней».

³⁴ Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 2–3.

³⁵ См.: Николаев Д.Д. Парижское «Возрождение» 1920-х годов о Есенине: от Бунина к Ходасевичу (1925–1926) // Сергей Есенин: Личность. Творчество. М.: Эпоха; ИМЛИ РАН; Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина; Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2016. С. 364–381; Николаев Д.Д. Парижское «Возрождение» о Владимире Маяковском (1925–1930) // Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве: Материалы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения поэта. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 425–449.

Форма дневника позволяет, с одной стороны, избежать дистанции между временем создания текста и описываемым временем, которая могла бы задавать существенное изменение восприятия событий. Шесть лет — с 1919 по 1925 г. — это промежуток времени, включивший в себя так много, что изменение оценок, в том числе на противоположные, в том числе и проделанное одним человеком несколько раз, никого бы не удивило. С другой стороны, она задает хронологически-документальную динамику повествования, в которой развитие событий определяется не волей автора или повествователя, а ходом самой жизни. И эта логика жизни также противопоставлена Буниным и редакцией «Возрождения» отвлеченно-теоретическим, с их точки зрения, концепциям, оправдывающим сотрудничество с большевиками.

Если «Последние новости» в эмиграции отстаивали ценности демократической Февральской революции, то важнейшим, определяющим в позиции автора «Окаянных дней» является его антиреволюционность. Еще раз подчеркнем, что Бунин не отделяет большевистскую революцию от происходившего в 1917 г. ранее, выступая против революции вообще.

Бунин обращается не только к французской, о которой говорилось выше, но и к отечественной истории, ко временам усобицы, цитируя в записи от 19 апреля «Историю Российскойскую» В.Н. Татищева:

«Брат на брата, сынове против отцев, рабы на господ, друг друга ищут умертвить единого ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достояния лишить, не ведуще, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день възрыдает...»

А сколько дурачков убеждено, что в российской истории произошел великий “сдвиг” к чему-то будто бы совершенно новому, доселе небывалому!

Вся беда (и страшная), что мы в сущности даже малейшего понятия о российской истории не имели»³⁶.

Этими словами заканчивается публикация третьего фрагмента «Окаянных дней» в «Возрождении», а большая часть четвертого содержит суждения Бунина о народе и об отноше-

³⁶ Возрождение. 1925. 6 июня. № 4. С. 2.

нии к народу, об идеализации и поэтизации народа, в основе которых лежало полное его незнание: «Народ сам сказал про себя: “Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона”, — т. е. в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев. Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто? А ведь говорили, что я только ненавижу. И кто же? Те, которым, в сущности, было совершенно наплевать на народ, — если он только не повод для проявления их прекрасных политических и общественных чувств, — и которого они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замечали, как не замечали они лиц извозчиков, на которых ездили в Вольно-Экономическое общество»³⁷.

Здесь звучат те же мотивы, что и лекции «Великий дурман», которую Бунин читал в Одессе 21 сентября и 3 октября 1919 г. и отрывки из которой печатались в конце 1919 – начале 1920 гг. в «Южном слове» и «Родном слове»³⁸.

В пятом фрагменте, завершающем первую часть публикации «Окаянных дней» в 1925 г., содержатся важные с точки зрения общей позиции «Возрождения» и полемики с «Последними новостями» суждения Бунина о русской прессе, у которой, с его точки зрения, и до революции определяющим был антироссийский пафос: «Понедельник, газет нет, отдых в моем помешательстве (с самого начала войны) на чтении их. Зачем я над собой зверствую, рву себе сердце этим чтением? Ведь и до большевиков во всех этих листках не было ровно ничего, кроме ненависти к прежней России...»³⁹.

В следующей фразе антироссийский пафос фактически уравнивается с республиканско-демократическим, а обвинения в адрес «всех этих Пешехоновых» в 1925 г. в контексте «Возрождения» естественно переносились с одного министра Временного правительства на другого и превращались в чита-

³⁷ Возрождение. 1925. 8 июня. № 6. С. 2.

³⁸ Публицистика И.А. Бунина (1918–1952 гг.). М.: Наследие, 1998. С. 484.

³⁹ Возрождение. 1925. 11 июня. № 9. С. 2.

тельском восприятии во «всех этих Милюковых»: «Кстати: почему все эти Пешехоновы так твердо уверены, что только им принадлежит решение российской судьбы? И когда же? Когда они должны были бы в тартарары провалиться, хотя бы от одного стыда за все то, что они явили на диво всему миру за свое шестимесячное царствование в 17 году»⁴⁰.

Столь же важным с точки зрения идеологического противостояния 1925 г. является и принципиальное несогласие писателя с разделением «белых» и «народа», звучащее резко полемически по отношению к позиции «республиканско-демократической» прессы:

«Нельзя огулом хаять народ!»

А белых, конечно, можно?

Народу, революции все прощается, это, мол, только “эксцессы”.

А у белых не может быть эксцессов? У белых, у которых все отнято, все поругано, изнасиловано, убито — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, имущество, положение в обществе — все, все!»⁴¹

Как мы видим, публицистический пафос «Окаянных дней» соответствует платформе «Возрождения» (за исключением, возможно, излишне резких для издания в целом суждений о народе). Можно ли, основываясь на этом, утверждать, что «Окаянные дни» создавались в 1925 г.? Если говоря о создании, мы имеем в виду процесс формирования текста «Окаянных дней», отбора материала, то, безусловно, можем: на это указывает и сам Бунин, подчеркивая, что в газете публикуются фрагменты «из одесского дневника» и «из одесских заметок». Если же речь идет о написании текста, то в пафосе «Окаянных дней» нет ничего, что бы не соотносилось с мыслями и эмоциями Бунина 1919 г. Позиция Бунина в «Окаянных днях» в целом соответствует позиции «Возрождения» 1925 г., но она не определяется этой позицией.

С точки зрения фактографии опровергнуть документальность дневника Бунина вряд ли возможно: небольшие несоответствия, которые мы можем обнаружить, относятся, как прави-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

ло, к занимающим важное место в дневнике воспоминаниям и легко объясняются ошибками памяти. В «Окаянных днях» сообщаются либо факты общеизвестные: Одессу заняли отряды атамана Григорьева, большевики праздновали 1 мая, в городе были проблемы с продовольствием и т. д., либо факты, которые нельзя проверить или которые свидетели могут по-разному интерпретировать (например, содержание разговоров с Волошиным).

В «Окаянных днях» рассказывается о встречах (в 1919 г. или ранее) с множеством известных людей — Горьким, Луначарским, Маяковским, Волошиным, Катаевым и т. д., но при этом ряд лиц, с которыми Бунины общались в 1919 г. в Одессе, вообще ни разу не упоминается. Это Пильский, Федоров, Щепкина-Куперник, Юшкевич и т. д. Фактически Бунин исключает саму возможность полемики по поводу достоверности его дневника в эмиграции, даже не называя в «Окаянных днях» тех писателей, кто был, как и он, в Одессе в 1919 г., а в 1925 г. находился за рубежом и мог поставить что-то в «Окаянных днях» под сомнение.

При этом Бунин активно использует в тексте временное расширение дневникового пространства, уже в самом начале первой записи возвращаясь к событиям трехнедельной давности, а затем вспоминая и 1917 г., и даже 1907 г. На каких фактах строится первая публикация «Окаянных дней»: записи от 12 апреля, 13 апреля и 15 апреля? Расположим их в хронологическом порядке: «Двенадцать лет тому назад мы с Верой приехали в этот день в Одессу по пути в Палестину»; «Меня в конце марта 17 года чуть не убил солдат на Арбатской площади»; «летом 17 года <...> появился “министр почт и телеграфов”. Тогда-же появился впервые и “министр труда”» (на самом деле министерство почт и телеграфов и министерство труда Временного правительства были созданы 5 (18) мая 1917 г. — *Д. Н.*); зима «позапрошлая в Москве, когда все так ждали немцев, спасения от них»; «десять месяцев тому назад ко мне приходил на редкость паршивый и оборванный человек»; «Министерство Клемансо пало»; «французские и греческое солдаты» оставляют Одессу; звонок Катаева Бунину 21 марта; «пришло человек шестьсот так называемых “григорьевцев”»; «письмо из Москвы к Вере от 10 августа пришло только сегодня»; «Вчера долго сидел у нас поэт Волошин»; встреча с бывшим «паршивым и обо-

рванным человечком», который теперь один из «сотоварищей этого сумасшедшего мерзавца профессора Щепкина; он теперь комиссар по театральному делу»⁴².

Событийно к дневниковым датам относятся только три последних факта, из которых ни один не имеет самостоятельного «исторического» значения: важны связанные с ними рассуждения и переживания Бунина. Более того, ни в одном из первых пяти фрагментов нет фиксации фактов 1919 г., значимо привязанных вне «Окаянных дней» к конкретной дате, за исключением первомайского праздника. (Здесь нужно обратить внимание на то, что Бунин датирует записи по старому стилю, а потому запись про 1 мая фиксируется 17 апреля). В большинстве случаев датировка фактов одесской жизни важна в тексте не абсолютно (нет особой разницы, пришло письмо днем раньше или днем позже), а относительно: форма дневника позволяет зафиксировать последовательность происходящего и, соответственно, развитие авторской оценки.

Факты, относящиеся к фиксированному «дневниковому» времени 1919 г., не просто перемешиваются Буниным с фактами из предшествующего времени, но во многих случаях вытесняются ими, так что определяющим в дневнике становится не внешняя событийная канва, а авторский образ, переживания и размышления записывающего. «Окаянные дни» — это прежде всего внутренний дневник, фиксирующий день за днем авторскую позицию. Воспоминания играют важнейшую роль в «Окаянных днях», но в то же время дневниковая структура не позволяет читателям воспринимать текст как форму воспоминаний. Парадоксальным образом регулярное указание на даты 1919 г. актуализирует позицию автора, жанрообразующий формат дневниковой записи — здесь и сейчас — позволяет проецировать прошлое на настоящее.

Художественная и историческая ценность «Окаянных дней» — в первую очередь в созданном Буниным образе автора, в его эмоционально-публицистических оценках происходившего в России в целом и в Одессе в 1919 г., в частности. Соответственно, и решение проблемы художественности / докумен-

⁴² Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 2.

тальности газетной редакции в таком случае в значительной степени определяется анализом характера этих эмоционально-публицистических оценок.

Впрочем, уточним сразу, что определение роли документальности, публицистичности и художественности в тексте Бунина в целом связано с исследовательским пониманием документальности, публицистичности и художественности, которое может существенно различаться. Показательной в этом отношении является позиция К. Эберт. Анализируя «Окаянные дни» с точки зрения «дневниковой прозы», К. Эберт исходит из того, что Бунин «составил свою книгу “Окаянные дни” в эмиграции, используя дневниковые записи свои и своей жены, как и другие материалы тех лет, в особенности газетные»⁴³. С точки зрения оценки художественности / документальности для К. Эберт принципы формирования текста и момент его создания не имеют существенного значения, так как дневники, «если они предназначены для публикации, становятся не просто биографическим фактом, но художественным произведением»⁴⁴. Допускающая различные интерпретации формулировка «предназначены для публикации» в статье не разъясняется, но, согласно К. Эберт, дневник вообще, в любой своей проекции, не является документальной формой, поскольку так или иначе отражает образ автора: «Дневники являются важным источником для исследования биографии автора. Но одновременно дневник содержит и проекцию идеалов, желаний, представлений автора, т. е. является фикцией. Главный объект этой фикции — сам автор, он создает свое “я”, моделирует свой образ таким, каким он себя видит или хочет, чтобы видели его другие. Создание образа автора — это главная функция автобиографических жанров, в том числе и дневниковой прозы»⁴⁵.

Поскольку мы рассматриваем документальность/художественность как дихотомию, дневник как документальный жанр не несет в себе определяющего фикционального элемента, в

⁴³ Эберт К. Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни» // Русская литература. 1996. № 4. С. 106–107.

⁴⁴ Там же. С. 106.

⁴⁵ Там же. С. 107.

отличие от дневника как формы прозы художественной. При этом и в обычном дневнике, естественно, нельзя ставить знак равенства между автором и образом автора. Автор дневника, действительно, запечатлевает в нем себя таким, каким он себя видит или хочет видеть, он может умалчивать, домысливать, преувеличивать, смешивать слухи и факты, даже умышленно искажать события. Ведущий дневник человек учитывает тот факт, что его записи могут быть прочитаны кем-то другим, а часто и рассчитывает на это.

Субъективность дневниковых записей, их оценочность и даже сознательная ложь еще не дают нам основания говорить о фикционализме. В то время как в художественном тексте нам важен образ автора как образ художественный, в произведении документальном он для нас является текстуально зафиксированной реальностью, в которой все возможные искажения являются *документальным* отражением свойственных автору параметров преломления действительности, его реальных, а не вымышленных иллюзий, заблуждений и т. п.

И, если мы будем рассматривать образ автора в «Окаянных днях» с данной точки зрения, у нас нет ни малейших оснований сомневаться в документальности текста. Образ автора заявлен Буниным как образ, идентичный самому Бунину 1919-го г. Чтобы доказать это, необходимо ответить на два вопроса: во-первых, насколько авторские оценки в «Окаянных днях» соответствуют бунинскими оценкам, т.е. есть ли в этом плане существенная разница между автором и образом автора, и, во-вторых, есть ли разница в позициях, связанная с временной дистанцией, — а прошедшие с 1919 г. до момента публикации шесть лет вместили очень многое.

Ответ и в том, и в другом случае дает сравнение опубликованного в «Возрождении» текста с сохранившимися фрагментами дневников Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной (на текстологических особенностях подготовки трехтомного издания «Устами Буниных», на которое мы ссылаемся, в данном случае останавливаться нет смысла). Подобная работа уже проделывалась для подтверждения документальности зафиксированных в «Окаянных днях» эпизодов. Мы же здесь обратим внимание на соответствие публицистического пафоса.

Для общей характеристики образа автора в «Окаянных днях», если его оценивать не в эмоционально-публицистических, а в эмоционально-бытовых категориях, точно подходят слова из записи В.Н. Буниной от 17/30 мая 1919 г.: «Ян временами бывает очень подавлен, часто чувствует сильную тоску, но раздражается реже»⁴⁶. Исследователь бунинского творчества вместо «подавленность» скорее скажет «боль», а вместо «раздражение» — «гнев» или «ярость», и именно эти слова использует Бунин в первом фрагменте «Окаянных дней» для автохарактеристики: «Эти два года — сплошная погибель моя, сплошная мука, боль, ярость, отчаяние...»⁴⁷

В 1925 г. позиция Бунина определялась знанием того, что произошло — с ним, с Россией, с людьми, с культурой; в «Окаянных днях» ключевым мотивом является иное — ожидание, отражающее сочетание надежды и безнадежности. Это переживания не эмигранта, но человека, живущего в ожидании то ли смерти, то ли возрождения в захваченной большевиками Одессе 1919 г. В первом же абзаце первой записи Бунин фиксирует произошедший после падения Одессы перелом в настроениях, напоминая о том, как собравшиеся в Одессе прежние сотрудники московского «Русского слова» начали выпускать 19 марта газету «в полной уверенности на более или мирное существование “до возврата в Москву”»⁴⁸.

В сохранившихся частях дневника Бунина есть запись от 4/17 августа: «Конечно, все время сидит где-то внутри надежда на что-то, а когда одолевает волна безнадежности и горя, ждешь, что может быть Бог чем-нибудь вознаградит за эту боль, но преобладающее — все же боль»⁴⁹. И именно о такой «внутренней» надежде, которая сохраняется несмотря на очевидную безнадежность происходящего, Бунин пишет в первом

⁴⁶ Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1977. Т. 1. С. 258.

⁴⁷ Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 2.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Устами Буниных... Т. 1. С. 303–304.

фрагменте «Окаянных дней»: «Жизнь в непрерывном ожидании (как и вся прошлая зима здесь, в Одессе, и позапрошлая в Москве, когда все так ждали немцев, спасения от них). И это ожидание чего-то, что вот-вот придет и все разрешит, сплошное и неизменно-напрасное, конечно, не пройдет нам даром, так или иначе, изуевчить наши души, если даже мы и выживем. А за всем тем, что же было бы, если бы не было даже ожидания, то есть надежды?»⁵⁰.

Этот мотив повторяется в «Возрождении» и на следующий день: «А потом, повторяю, это изнуряющее ожидание; да не может же продолжаться так, да спасет же нас кто-нибудь или что-нибудь завтра-послезавтра, может быть, даже нынче ночью!»⁵¹.

Питающаяся безнадежной надеждой воля к жизни подчеркивается Буниным в заключительной части четвертого фрагмента, опубликованного в «Возрождении» 8 июня: «В сущности, всем нам давно пора повеситься, — так мы забиты, замордованы теперь, лишены всех прав и законов, живем в невероятном рабстве и среди непрерывных заушений, издевательств. А все-таки живем, хотя пора понять, что наша Россия, а значит и вся наша жизнь навсегда кончена»⁵².

Затем надежда на освобождение сменяется надеждой на отмщение: «Когда совсем падаешь духом от полной безнадежности на счет себя лично и России, ловишь себя на другой сокровенной надежде, на мечте, что все-таки настанет же когда-нибудь день отмщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням. Нельзя быть без этой надежды. Ведь это истинно сам Бог говорит во мне, “Господь ревнитель и мститель”, ненавидящий и долженствующий сокрушать и карать дьявола. Да, но во многих ли Он говорит теперь? Поминутно выскальзывает из рук и эта последняя надежда. Во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?»⁵³.

⁵⁰ Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 2.

⁵¹ Возрождение. 1925. 4 июня. № 2. С. 2.

⁵² Возрождение. 1925. 8 июня. № 6. С. 3.

⁵³ Возрождение. 1925. 18 июля. № 46. С. 2.

Одной из главных задач «Возрождения» было противодействие политике «соглашательства» с советской Россией, и это в значительной степени определило выбор «дневникового» периода. Сохранившиеся дневниковые записи И.А. Бунина и В.Н. Буниной свидетельствуют, что в 1919 г. любые формы сотрудничества с большевиками категорически осуждались писателем, а тема эта находилась в центре его внимания. Бунин острейшим образом реагировал в 1919 г. на каждый случай, каждую попытку знакомых ему людей сотрудничать с советской властью. 25 марта (7 апреля) В.Н. Бунина записывает реакцию Бунина на предложение Пильского «образовать беллетристическую группу и послать в Совет своего представителя на всякий пожарный случай»: «А иметь с ними дело нестерпимо для меня»⁵⁴. Через несколько дней, 30 (12) апреля, Бунин и Буковецкий «набрасываются на Нилуса за то, что он видит в большевиках защитников искусства:

— Да пойми, что все поблажки, которые они делают, только для того, чтобы перетянуть интеллигенцию на свою сторону, заткнуть ей глотку и начать свободнее расправляться с контрреволюционерами...»⁵⁵. Еще через три дня, 2 (15) апреля, в дневнике зафиксирована реакция Бунина на готовность Волошина принимать участие в украшении города к первому мая и речи того, оправдывающие поддерживающих большевиков, в частности, Горького: «Ян, слушая, едва сдерживается»⁵⁶. И мы можем и дальше приводить подобные примеры.

Первые фрагменты «Окаянных дней» — также в значительной степени резкое осуждение тех, кто сотрудничает с большевиками, кто «перекрасился»⁵⁷ или просто готов принять и оправдать происходящее — это Волошин и профессор Щепкин⁵⁸, Гальберштат, Волошин, Щепкин, Блок, Горький, «актеры и актрисы в оперно-народных костюмах», «гадина

⁵⁴ Устами Буниных... Т. 1. С. 225.

⁵⁵ Там же. С. 230.

⁵⁶ Там же. С. 233.

⁵⁷ Возрождение. 1925. 4 июня. № 2. С. 2.

⁵⁸ Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 2.

Луначарский»⁵⁹, «каприйские мои приятели, Луначарские и Горькие»⁶⁰, Полевицкая⁶¹ и т. д.

Бунин пишет не только о конкретных людях и ситуациях, но и о возможности сотрудничества с большевиками в целом:

«Подумать только: надо *еще объяснять* то тому, то другому, почему именно не пойду я служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще *доказывать*, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет “последних достижений в инструментовке стиха” какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками! Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже и “антерисуется” стихами, и тем паче, чем больше “антерисуется”!

Вообще, теперь самое страшное, самое ужасное и позорное даже не сами ужасы и позоры, а то, что надо разъяснять их, спорить о том, хороши они или дурны. Это ли не крайний ужас, что я должен открывать такую Америку — доказывать, что лучше тысячу раз околоть с голоду, чем обучать эту хряпу ямба и хорейам, дабы она могла воспевать, как ее сотоварищи грабят, бьют, насилуют, пакостят в церквах, вырезают ремни из офицерских спин, венчают с кобылами священников?»⁶².

Теоретически описанные Буниным частные встречи и разговоры в равной степени могли быть отнесены читателями и к разряду реальных, и к разряду вымышленных, но с точки зрения эффекта воздействия важна в первую очередь степень доверия читателей к Бунину, а она — особенно если речь идет об адресной аудитории газеты «Возрождение» — почти абсолютная. Все рассказанное Буниным воспринимается читателями как документальное, поскольку такова конвенциональная установка, закрепленная авторским подзаголовком «из одесского дневника», а доверие к автору не позволяет читателям поставить эту установку под сомнение. Установка на документальность в 1925 г. является важнейшим элементом поэтики

⁵⁹ Возрождение. 1925. 4 июня. № 2. С. 2.

⁶⁰ Возрождение. 1925. 6 июня. № 4. С. 2.

⁶¹ Возрождение. 1925. 8 июня. № 6. С. 3.

⁶² Возрождение. 1925. 18 июля. № 46. С. 2.

«Окаянных дней», и игнорируя ее, мы нарушаем авторский замысел.

Если Бунин в «Окаянных днях» и наделяет себя «всеведением пророка» и стремится «глаголом жечь сердца людей», то делается это не в ущерб документальности, поскольку подобное вполне соответствует роли и образу и писателя в эмиграции. Способность провидеть суть происходящего, не питать ненужных иллюзий, не обманываться и не вводить в заблуждение других, пусть даже и из лучших побуждений, придает особый вес актуальному для 1925 г. публицистическому пафосу «Окаянных дней».

Носящая универсальный характер общая антибольшевистская интенция сочетается в «Окаянных днях» с вполне конкретной реакцией на события 1919 г. Но «Окаянные дни» соотносятся не только с описываемым там временем, но и со временем первой публикации в газете «Возрождение».

В «Окаянных днях» как публицистическом произведении объединяются два пласта, объединенных общей, мировоззренческой позицией автора, — один, связанный с идейной борьбой времени создания и публикации текста (1925 г.), и второй, отражающий пафос «дневникового» времени, заявленного автором как время написания.

К названию «Окаянные дни» Бунин в «Возрождении» вновь вернется в 1927 г., а с января 1926 г. он постоянно использует в газете упоминавшееся сквозное название «Записная книжка». В газетном контексте оно воспринималось скорее как название не цикла, а постоянной авторской рубрики, поскольку печатались в «Записной книжке» размышления на самые разные темы. При этом вначале публикации под названием «Записная книжка» могли рассматриваться как продолжение «Окаянных дней», поскольку они соответствовали этому и хронологически, и структурно.

Впервые название «Записная книжка» Бунин использует в «Возрождении» 23 января 1926 г. (№ 235. С. 2–3). В этой публикации форма соответствует названию: текст состоит из отдельных, разделенных графически, записей:

«Мой отец говаривал с презрительной усмешкой:

— А черт с ними со всеми! Я не червонец, чтобы нравиться всем...

Правильно, очень хорошо.

— — — —

Удивительно предсказал Боратынский в одном своем стихотворении: “И будет Фофанов писать...”

А еще удивительнее предсказал Гете:

— Будет поэзия без поэзии, где все будет заключаться в делах: будет мануфактур-поэзия.

— — — —

Прочел новое произведение Н.Н.

Похоже на деревянное яйцо, состоящее из нескольких, друг в друга вкладывающихся. Очень как будто сложно и заманчиво: без конца вынимаешь одно из другого. А что толку? Последнее — крохотное да вдобавок еще и пустое.

И сколько теперь таких произведений!» и т. д.

При этом все записи — размышления автора или приводимые им цитаты — объединены одной темой и представляют собой не разрозненную подборку заметок, а логически выстроенную цепочку, связывающую литературу и жизнь и «литературность» и жизнь. Подчеркнутое нежелание соответствовать диктуемой «общественностью» позиции проявляется в записях и в отношении к литературе, и в отношении к народу, и в осуждении той «позы», которую занимала в отношении народа «интеллигенция».

В заключительной записи Бунин вновь возвращается к воспоминаниям юности, и запись эта прямо соотносится с воспоминаниями о словах отца:

«Русь, Русь, блаженная, еще не прожившая своих сказочных времен Русь...

Вспомнился Елец, представилась Черная Слобода, бесконечный летний день... Весь день сидит некто босоногий и распоясанный возле своей разваливающейся хибарки, на гнилой лавочке. Мог бы хоть немного починить эту хибарку. Но нет, — лень блаженная, дремучая. И весь день сидит и занимается с каким-нибудь рыжим кобельком:

— Дай лапку!

Кобелек не понимает, не дает.

— Говорят тебе, дай лапку! Ну? Дай лапку!

Кобелек не дает. И он бьет его по морде. Кобелек моргает, слабо, неуверенно поднимает лапку, но тотчас же опять опускает ее. И опять пощечина и опять:

— Дай, сукин сын, лапку!»

Следующая по времени публикация Бунина в «Возрождении» — вновь «Записная книжка», помещенная в субботнем номере, но спустя три недели, 13 февраля 1926 г. (№ 256. С. 2). Здесь Бунин использует другой тип записи, хотя и подчеркнуто ориентируется на форму записной книжки. Весь текст в данном случае — одна запись, которая предваряется авторским пояснением: «Рассказ Х., пережившего последние дни Ростова, конец декабря 1919 года. Спешу записать этот рассказ, — напечатать его в “Южном слове” уже не удалось. Впоследствии таким рассказам цены не будет».

Отсылка к «Южному слову» в первом же абзаце явно связывает текст «Записной книжки» с «Окаянными днями», показывает, что сделана запись не в текущий момент, а, вероятнее всего, раньше. Но указание это, в отличие от тех, что встречались в «Окаянных днях» (подзаголовок и датировка), не является прямым — и может не восприниматься читателем до последних абзацев, когда Бунин непосредственно указывает, где и когда сделана «запись»:

«На этом обрываются торопливые строки, полученные нами от Х. Я заношу их в свою книжку на французском пароходе “Патрас”, который вот-вот должен покинуть Одессу, уже взятую большевиками.

Следовало бы, конечно, лучше записать то, что только что пережил я сам и что пережили все мы, последние беглецы из Одессы, только что погибшей на наших глазах не менее страшно, чем Ростов, только на месяц позднее.

Но свое я записывать сейчас не в силах.

Конец, прощай, Россия».

Обратим внимание на прямое авторское указание, фиксирующее момент, когда он делает приводящуюся запись в «записной книжке». В отличие от подзаголовков «Окаянных дней» в заголовочном комплексе «Записной книжки» нет указания на даты, то есть «записи» можно делать и как бы непосредственно «в момент написания». Само по себе название цикла или ру-

брики не препятствует этому, поскольку может быть с равным успехом соотнесено и с прошлым, и с настоящим. И в дальнейшем «Записные книжки» Бунина будут содержать и прямые отклики на текущие события. Именно поэтому, как и в случае с «Окаянными днями», Бунин стремится подчеркнуть не только документальность публикуемых текстов, но и их фиксированность в том оставшемся в прошлом моменте времени, с которым они связаны.

Завершающие строки связывают эту «Записную книжку» с рассказом «Конец». Хорошо знающий творчество Бунина читатель знает, что пережитое последними беглецами из Одессы уже запечатлено в художественном произведении (подробнее см. статью «Поэтика творчества Бунина 1920–1923 гг.» в настоящем издании).

Форма записной книжки позволяет Бунину иначе работать над стилем. Он использует разговорные конструкции, повторы, недопустимая для Бунина в художественном произведении стилистическая «небрежность» здесь становится стилистическим приемом. Практически невозможные в его рассказах (особенно после авторской редактуры) конструкции наподобие «записать то, что только что» в «Записной книжке» позволяют добиться эффекта документальности, стихийности, моментальности записи.

В марте–апреле 1926 г. Бунин публикует в «Возрождении» еще одну «Записную книжку» (1 апреля. № 303. С. 2) и два очерка из «ленотровского цикла», первый из которых печатается до «Записной книжки», а второй после. Третья из помещенных в «Возрождении» «Записная книжка» датирована в самом начале, как и фрагменты из «Окаянных дней»: «Одесса, январь 1920 года». Эта публикация уже и по форме, и по содержанию соответствует «Окаянным дням», а смена названия воспринимается как отражение того, что в январе 1920 г. в Одессе нет большевиков, а потому и дни не являются окаянными.

«Ленотровский» цикл также вырастает из «Окаянных дней», но если прежде основанные на переводах из Ленотра рассуждения о деятелях французской революции органически вплетались Буниным в дневниковую ткань и объединялись названием с другими публикациями цикла, то теперь

очерки, отсылающие к Ленотру, четко отделены от «Записной книжки». Более того, строки, которыми открывается первый из очерков — «Камилл Демулен», — можно одновременно считать и кратким предисловием ко всему циклу: «Ленотр, которому при жизни следовало бы поставить памятник за его труды по истории французской революции и развенчание многих “великанов и славных вождей” ее, не пощадил и Камилла Демулена» (17 марта. № 288. С. 2–3). «Героем» следующего очерка становится Гамэн («Человек, который умер от страха» // 10 апреля. № 312. С. 2).

В «Записной книжке», опубликованной 3 июля 1926 г. (№ 396. С. 2) Бунин вновь отказывается от четкой датировки. Эта публикация цикла, наряду с заметками, посвященными 1917-му г., уже включает в себя фрагменты, которые хронологически никак не могли быть написаны до эмиграции. Все записи по-прежнему объединены темой русской революции, но в тексте есть реакция на публикацию воспоминаний М.С. Маргулиеса и на «Переписку из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона, вышедшую в издательстве «Алконост» в 1921 г. Таким образом, с точки зрения читательской каждая из «записей» могла быть сделана и непосредственно перед публикацией — ничто не указывает на дистанцию с летом 1926 г.

После июля в публикации цикла «Записная книжка» наступает большой перерыв, и затем еще два текста печатаются в октябре — 17 октября (№ 502. С. 2) и 28 октября (№ 513. С. 3–4). «Записная книжка» от 17 октября вновь имеет точную датировку и возвращает нас в 13 сентября 1916 г. От пересказа утреннего разговора за гумном с Матюшкой, кавалеристом, приехавшим с фронта на побывку, Бунин переходит к характеристике статьи Д.С. Мережковского о «Детстве» Горького, прочитанной «после обеда». Суждения Бунина о Мережковском и, соответственно, о Горьком категоричны и резки, напоминая характеристики, звучавшие скорее в публицистике начала 1920-х гг., нежели в дореволюционное время, но указание на дату записи подчеркивает, что подобным образом Бунин оценивал Горького уже в 1916 г., в то время как Мережковский видел в произведениях Горького совсем иное:

«Ужасно!

“Горький знает, куда идет Россия... Его Бабушка — Россия, Восток. Дедушка — Европа, Запад...”

Боже мой, это Горький-то знает, Горький, с его литературщины, с его малярным размахом, это суздальское кривое зеркало! “Бабушка — Россия, Дедушка — Запад...” Какое плетение словес и когда же! В такое страшное для России время!»

От Горького и Мережковского Бунин затем резко возвращается к своему авторскому и человеческому непосредственному чувству России:

«А как дивно все кругом. Среди дня ездил в лес, в Скородное. День совсем разгулялся. Непередаваемо прелестны чаши совсем почти голых грифельных осин на ярком, густом синем небе. Среди осин кое-где клены в легчайшей красно-желтой листве, которая вся трепещет на холодном ветре и солнце.

В оврагах от желтых кустарников просто горит все: канаречно желто, ослепительно».

Отметим, что в сравнении со стилистической выстроенностью описания нарочито небрежно выглядит повтор в соседних предложениях слова «совсем», который, как кажется, используется специально, чтобы передать спонтанность записи, отсутствие позднейшей авторско-редакторской обработки.

Эта «Записная книжка» охватывает важнейшие для автора события целого дня — одного, подчеркнуто случайно выхваченного из череды дней, ничем не выделяющегося ни с точки зрения исторических событий, ни точки зрения личной. Заключительная часть текста — описание ночной прогулки по темной, уже спящей деревне и разговора на водяной мельнице с Петром Архиповым. Высказывания Матюшки и Петра Архипова сталкиваются в итоге в тексте с суждениями Горького и Мережковского, и читателям самим предлагается решить, кто лучше знает, понимает, чувствует Россию — Горький с Мережковским или Бунин? В собрании сочинений издательства «Петрополис» Бунин поместил новую редакцию этого текста под названием «Последняя осень» в десятом томе, куда вошли и «Окаянные дни» (см. об этом в статье в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании).

Наряду с «Окаянными днями», «Записной книжкой» и «ленотровским» циклом Бунин публикует в «Возрождении» в 1925–1927 г. целый ряд публицистических статей под «самостоятельными» названиями, подчеркивая тем самым значимость тематики каждой из них. Большая часть этих статей посвящена литературе и журналистике — как советской, так и эмигрантской. Носят они, как правило, полемический характер: чаще всего Бунин пишет не о том, что ему нравится, а о том, что возмущает его, вызывает негодование. Позицию Бунина как публициста можно определить через название знаменитой статьи Л.Н. Толстого «Не могу молчать!».

Первой такой публикацией Бунина становится знаменитая статья «Инония и Китеж (К 50-летию со дня смерти гр. А.К. Толстого)», напечатанная 12 октября 1925 г. (№ 132. С. 2–4). Как и в некоторых других случаях, когда требуется подчеркнуть особую важность произведения Бунина, редакция помимо указания авторства в конце текста дополнительно указывает перед названием: «Почетный академик И.А. Бунин». Вынесенное в название противопоставление становится проекцией столкновения России бунинской и России советской и отражает принцип построения многих публицистических статей Бунина.

В самом названии статьи «Инония и Китеж» сформулировано и категорическое неприятие Буниным «новых веяний» в литературе. Бунин противопоставлял не просто Россию «прежнюю» и Россию нынешнюю, но и Россию Толстых — «новой» России «комсомольца Есенина». «Эти хвастливые вирши, — прибавьте к ним заборную орфографию, — случайно попавшие мне на глаза недавно и принадлежащие некоему “крестьянину” Есенину, далеко не случайны. Сколько пишется теперь подобных! И какая символическая фигура этот советский хулиган, и сколь многим теперешним “болванам”, возвещающим России “новую эру”, он именно чета, и сколь он прав, что тут действительно стоит роковой вопрос: под знаком старой или так называемой новой “эры” быть России и обязательно ли подлинный русский человек есть “обдор”, азиат, дикарь или нет? Теперь все больше входит в моду отвечать на этот вопрос, что да, обязательно. И московские “рожи”, не довольствуясь тем, что оне и от рождения рожи, из кожи вон лезут, чтобы стать рожами су-

губыми, архирожжами», – писал Бунин. – «Есть два непримиримых мира: Толстые, сыны “святой Руси”, Святогоры, богомольцы града Китежа – и “рожи”, комсомольцы Есенины, те, коих былины называли когда-то Иванами. И неужели эти “рожи” возобладают? Неужели все более и более будет затемняться тот благой лик Руси, коего певцом был Толстой?»⁶³

«Советским» писателям противопоставляется не только А.К. Толстой. 10 июня 1926 г. Бунин печатает в «Возрождении» большую статью «Думая о Пушкине» (№ 373. С. 3–4), в которой вновь цитируются (с искажениями, как часто бывает в статьях Бунина) Есенин и Маяковский — «Инония» и стихотворение «Радоваться рано».

Через десять дней Бунин в «Возрождении» пишет еще об одном великом русском писателе — Л.Н. Толстом. Опубликованный 20 июня на страницах «Возрождения» этот очерк приемышал (переход был сделан в рамках одного столбца) к седьмой части «Заметок писателя» Петра Струве, которая называлась «Почему иностранцы не знают и не ценят Пушкина?». Статья Струве заканчивалась выпадом в адрес Горького: «Популярность Горького как русского писателя на Западе в огромной мере определяется тем, что творчество Горького — в отличие от творчества Пушкина и даже Чехова — и на самом деле является, и воспринимается как щекочущая нервы “экзотика”, как нечто от Атиллы и от гуннов или скифов» (С. 2).

Статья Бунина «К воспоминаниям о Толстом» (№ 383. С. 2–3) — отклик на воспоминания Н.А. Цурикова «Встречи с Толстыми», печатавшиеся в «Возрождении» весной 1926 г. (19, 20, 21, 22 и 23 апреля, 24 и 27 мая) и на статью Б. Бродского «Язык Толстого», которая была помещена в берлинской газете «Руль» 24 марта 1926 г. (№ 1614. С. 4). Бунин хвалит Цурикова («Очень ценные и хорошие статьи») и критикует Бродского, точнее, воспоминания А.Я. Гольденвейзера «Вблизи Толстого. (Записи на 15 лет)», на которых Бродский основывался.

⁶³ Бунин И.А. Инония и Китеж // Возрождение. 1925. 12 октября. № 132. С. 2–4. См.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1952 гг. / под общ. ред. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Грубиловой. М.: Наследие, 1998. С. 158–171.

«Возрождение» вело на своих страницах борьбу не только с политической властью в СССР, но и со всем, что было связано с советской властью, в том числе и с советской литературой. В первом же номере в очерке «О России» Лоллий Львов утверждал: «Раскройте советские книги и журналы, и если со страниц их на вас порою пахнет не только пошлой бездарностью и безграмотностью, если вы иногда ощутите в них что-нибудь овеянное дуновением жизни и запечатленное печатью таланта, то знайте – это будет обязательно ядовитое обличение советской бесприютной жизни <...>»⁶⁴. И одним из наиболее последовательных противников «советской» литературы из числа постоянных сотрудников «Возрождения» являлся Бунин.

8 июля 1925 г. одним из главных героев «Окаянных дней» становится Маяковский⁶⁵. Обратим внимание на тот ряд, который выстраивается в «Окаянных днях». У Бунина, утверждающего, что «полифемское будущее России принадлежало несомненно им — Маяковским, Лениным», Маяковский стоит не просто рядом с Лениным, он даже опережает вождя большевиков. И эта оценка Бунина вполне созвучна тому, что говорили сами футуристы, объявлявшие себя провозвестниками коммунизма. Бунин вновь негативно характеризовал Маяковского 7 ноября 1925 г. в очерке «Российская человечина», используя для этого цитату из стихотворения «Верлен и Сезан» (№ 158. С. 3)⁶⁶.

Никакие перемены в судьбах тех или иных советских писателей не могли изменить отношения к ним Бунина. Даже гибель Есенина, заставившая многих в эмиграции иначе взглянуть на жизнь и творчество поэта, не повлияла на позицию Бунина. Фактически он вынужден был вступить в полемику с другими сотрудниками «Возрождения», в первую очередь с В.Ф. Ходасевичем. Бунин не разделял Есенина и большевиков, не допускал Есенина в свой мир, мир, которому, по его мнению, и должно было служить «Возрождение».

⁶⁴ Львов Л. О России // Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 3.

⁶⁵ Бунин Ив. Окаянные дни. Из одесского дневника 1919 г. // Возрождение. 1925. 8 июля. № 36. С. 2–3.

⁶⁶ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. С. 176–177.

Столь «непримиримую» позицию по отношению к погибшему поэту среди значимых сотрудников «Возрождения» занимал только Бунин. А схожие с бунинскими оценки Есенина звучали в 1926 г. лишь раз — в рецензии Н. Кульмана на «Митину любовь» Бунина: «Однако наши зарубежные писатели, — бесспорно, цвет русской литературы, — несмотря на тяжесть жизненной обстановки, дали за короткое время ряд прекраснейших произведений. И тогда, когда Маяковский, Эренбург, Есенин, Пастернак, Пильняк, “казак” Иванов и “татарка” Сейфуллина станут предметом внимания только историко-литературных гробокопателей или психиатров, произведения зарубежных русских писателей не утратят своей художественной ценности»⁶⁷.

Столь же категорическое отрицание вызывают у Бунина и периодические издания русского зарубежья, занимающие, с его точки зрения, просоветскую позицию. Одним из признаков «соглашательства» с большевиками является для Бунина переход на новую орфографию, на что он обращает внимание в самом начале статьи «Своими путями» 22 июля 1926 г.:

«Случайно просмотрел последний номер пражского журнала “Своими путями”. Плохие пути, горестный уровень!

Правда, имена, за исключением Ремизова, все не громкие: Болеслис, Кротков, Рафальский, Спинадель, Туринцев, Гингер, Кнут, Луцкий, Терапиано, Газданов, Долинский, Еленев, Тидеман, Эфрон, и т. д. Правда, все это люди, идущие путями “новой” русской культуры, — недаром употребляют они большевистскую орфографию. Но для кого же необязателен хотя бы минимум вкуса, здравого смысла, знания русского языка?» (№ 415. С. 3).

Нужно отметить, что редакция «литературно-художественного и общественно-политического иллюстрированного журнала», который издавался в Праге с ноября 1924 г. Русским демократическим Студенческим союзом в Чехословакии, за год до публикации этой бунинской статьи обратилась к наиболее известным русским писателям-эмигрантам с просьбой расска-

⁶⁷ Кульман Н. «Митина любовь» Бунина // Возрождение. 1926. 25 февраля. № 268. С. 4.

зять на страницах специального номера, посвященного русскому зарубежью, «о современной литературе и о себе». На призыв откликнулись М.А. Алданов, А.М. Ремизов, Ф. Степун, Марина Цветаева, Е.Н. Чириков и И.С. Шмелев. Вслед за их ответами, опубликованными в № 8/9 (август-октябрь 1925 г.), редакция приводила и письмо, полученное от Бунина:

«Весьма благодарю за любезное приглашение. Только простите — не имею представления о Вашем журнале и о том, кто именно будет в № 8/9. М.б., будете добры сообщить и кроме того выслать один или два № журнала? Впрочем, если журнал печатается по новой орфографии, не трудитесь посылать; тогда я во всяком случае не смогу принять участия.

С почтением Ив. Бунин».

Вероятно, Бунину были высланы один или несколько номеров журнала, в котором его особенно возмутил сатирический отдел под названием «Цапля» в № 12–13 (С. 48–49), в котором комментировались отдельные фрагменты из выступлений писателей, критиков, общественных деятелей эмиграции:

Но дальше еще лучше: оказывается, что эти господа еще и претендуют быть учителями русского языка. В журнале есть отдел под странным заглавием “Цапля”, где между прочим высмеивается язык обращений Великого князя Николая Николаевича. Приводится несколько строк из этих обращений: “Нестерпимы угнетения народа русского, преследование веры православной...” Казалось бы, что тут смешного? Но авторы “потного языка”, “таверэн” и “мечт” все-таки смеются, они говорят:

“Определение, поставленное после определяемого, приобретает свойство парафина, на этой слабительной стороне держится весь так называемый русский стиль, да Бог с ним, высокопоставленным адресам время прошло”...

Смею уверить пражских комсомольцев, что весьма многие и весьма неплохие русские писатели ставили и ставят определение после определяемого, когда это требуется, и что подобное остроумие всячески и на всех путях непристойно.

Отзыв Бунина о журнале «Своими путями» вызвал ответную реакцию со стороны «пражан», оскорбленных прежде все-

го определением их как «пражских комсомольцев». И. Тидеман послал в редакцию «Возрождения» открытое письмо с протестом:

«Милостивый государь господин редактор.

В № 415 Вашей уважаемой газеты появилась статья Ив. Бунина “Своими путями”, в которой упоминается мое имя.

Считаю своим долгом заявить:

Я состою членом “Скита поэтов”, кружка, ведущего литературную работу и никогда (подчеркиваю: никогда) в свои заседания не вносившего элементы политики. Мое появление в журнале “Своими путями” — коллективное литературное выступление под маркою “Скит поэтов”.

Что же касается “комсомольца”, оставляю этот эпитет на совести г. Бунина.

Всю Великую и Гражданскую войну я слышал над собою шорох крыльев двуглавого орла и многочисленными ранениями расписался в верности девизу: “За Веру, Царя и Отечество”»⁶⁸.

Статья «Своими путями» была напечатана колонкой в разделе «Литература, критика и искусство». Спустя две недели, 5 августа 1926 г., в том же разделе редакция поместила еще одну бунинскую статью, посвященную другому эмигрантскому журналу — «Версты». Она из-за большего объема занимала уже две с половиной колонки, и оценка журнала вновь была резко негативной:

«Еще один русский журнал за рубежом, — первая (и громадная) книга “Верст”. Просмотрел и опять впал в уныние. Да, плохо дело с нашими “новыми путями”. Нелепая, скучная и очень дурного тона книга. Что должен думать о нас культурный европеец, интересующийся нами, знающий наш язык, понимающий всю страшную серьезность русских событий — и читающий подобную русскую книгу? Кто тот благодетель, тот друг “новой” России, который так щедро на нее тратится? И что значит — “Версты”? Верстовые столбы, что ли, то есть, опять “новые вехи”? И с какою целью расставляются они?» (№ 429. С. 3).

⁶⁸ Тидеман И. Письмо в редакцию // Возрождение. 1926. 1 августа. № 425. С. 5.

«Идеологический» облик издания Бунин определял как смесь сменовеховства и евразийства. Приводя почти целиком редакционное обращение — в бунинском определении «статейку», — он утверждал, что содержание номера ни в малейшей степени не соответствует заявленной задаче журнала: объединить все лучшее и самое живое в современной русской литературе: «Редакторы — Святополк-Мирский, Сувчинский и Эфрон, ближайшее участие — Ремизова, Марины Цветаевой и... Льва Шестова. Что за нелепость, за бесшабашность в этой смеси: Цветаева — и Шестов! И какая дикая каша содержание журнала! Треть книги — перепечатки из советской печати. Остальное — несколько вещей Ремизова, поэма (“Поэма горы”) Цветаевой, статья Лурье о музыке Стравинского, статья Шестова о Плотине, несколько статей Святополк-Мирского, затем, опять перепечатки из советской печати... и, наконец, ни с того ни с сего, “Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное”... Что за чепуха и зачем все это нам преподносят?»

Особое возмущение Бунина вызывали перепечатки из советской печати. Приводимые в статье цитаты он сопровождал резкими комментариями с уничижительными оценками советских поэтов: «Писарская, сердцещипательная или нарочито-разухабистая лирика Есенина»; «Очень неинтересен и очень надоел и Пастернак»; «Бабель тоже ценность и новинка, не Бог весть какие. Вот, разве, Сельвинский и Артем Веселый? Но, и у них — непроходимая, зеленая скука»; «необыкновенно нудная, со всякими нарочито-хамскими вывертами и словечками, якобы, народными, “новелла” Сельвинского»; «не лучше и прочие выкрутасы этого Сельвинского, замечательные, разве только тем, что в них вопросительные знаки разделяют иногда одно слово»; «“Вольница” Артема Веселого, страниц двадцать какого-то сплошного лая, напечатанного с таким типографским распутством, которое даже Ремизову никогда не снилось».

В постскриптуме статьи Бунин приносил извинения, правда, весьма двусмысленные, обиженным сотрудникам журнала «Своими путями» и конкретно Тидеману:

«P.S. Мне пишут, что некоторые сотрудники журнала “Своими путями” обижены на меня за то, что я в своей заметке о нем употребил (хотя и иносказательно) слово “комсомольцы”».

Но ведь это слово, конечно, относилось только к острякам из отдела “Цапля” и к тем, которые их одобряют. Прочим я могу только посоветовать не быть их попутчиками.

P.P.S. Когда предыдущие строки были уже написаны, я прочел в воскресном номере “Возрождения” письмо г. Тидемана, который тоже счел себя оскорбленным мною. Очень сожалею, что невольно причинил неприятность и ему, равно как и всем, кто оказался рядом с “Цаплей” случайно, по неосмотрительности».

Марком Слонимом критические выпады Бунина против журналов «Своими путями» и «Версты» были восприняты как стремление уничтожить всю «новую» литературу, и он опубликовал в пражском журнале «Воля России» большую статью «Литературные отклики: Бунин-критик. – Антон Крайний и Зинаида Гиппиус... О “Верстах”», в которой, в частности, говорилось:

Есть в нашей эмиграции несколько писателей, которых бог поразил тяжелым недугом: они твердо убеждены, что “русская литература — это мы”. В особо острых случаях этого заболевания каждый думает: “литература — это я!” И поэтому своей прямой обязанностью считает не столько писать романы и стихи, сколько с высоты престола — в качестве этакого местоблюстителя Апполонова — представлять за русское искусство, стоять на страже русского языка и изгонять из собственных владений крамольников и иноверцев. <...>

Конечно, никому не возбраняется забавляться в меру сил и разума, но для некоторых литературных местоблюстителей одной забавы мало: они рвутся в бой и ради этого даже выступают в неприсущих им ролях проповедников, публицистов и критиков.

Подобное происшествие случилось недавно с И.А. Буниным, заявившим себя в “Возрождении” довольно скверным критиком. <...>

Многие писатели совершенно не обладают чувством такта, и их слух не режут скрипучие или хриплые ноты собственного голоса. Это блестяще подтверждается именно на примере Бунина.

Бунин очень хороший писатель, хотя для меня *мертвый*, потому что недвигающийся, застывший и принадлежащий к

завершенной главе истории русской литературы. Она давно уже дописана, а Бунин к ней только приписывает. Он весь в прошлом — психологически, формально, по своим сюжетам, по своей трактовке, по своим подходам к людям и России. Как и герой его рассказа “Несрочная весна”, он может только уйти в Элизиум воспоминаний, и единственно живым для него является мир мертвых. И “что может быть у меня общего с этой новой жизнью, опустошившей для меня вселенную?” И может быть потому, что так всецело принадлежит он “потонувшему миру”, что для часа сегодняшнего он неживой, — ему самому неживыми, призрачными кажутся те, кто пришли на смену, вместе с этим новым днем.

Я понимал и уважал бы Бунина, если б, осознав для себя невозможность примирения с этим новым, ушел он в сторону, замкнулся в одиночестве и молчании — ибо опустошена вселенная. Я еще более уважал бы его, если б он старался *понять* и принять это новое. Есть ведь такие писатели, которые умели замечать и в гроб сходя благословлять. Но для этого надо обладать внутренней чуткостью, душевной отзывчивостью и умственной широтой, то есть всем тем, что делает крупного писателя и крупным человеком, и чего нет у Бунина.

Бунин безнадежно глух, ослеплен политической злобой и скован самомнением и предубежденностью. Поэтому не может он сказать: “я не принимаю, потому что не понимаю”. Для этого признания требовалось бы новое благородство жеста, которое у Бунина отсутствует: он не оценить хочет, а унижить, не разобрать, а ошельмовать. Злобу вызывают в нем все эти “новые люди” литературы, все эти нетитулованные пришельцы, к которым он, дворянин от искусства, относится с тем же презрением, что и крепостной барин к “хамам” и “кухаркиным детям”. Для него они враги, он с ними борется, и в борьбе этой готов применить самые невероятные приемы. Ибо насколько сдержан Бунин-художник, настолько же распущен и не брезглив Бунин — критик и публицист. Еще и прежде говорил он невоздержанные речи в парижских собраниях, самому себе желая проникнуться собачьим бешенством, чтобы отомстить большевикам, или бросал неприличные фразы о Блоке. Но все это превзойдено Буниным в его последних двух “опытах”, нашедших приют в весьма

гостеприимном на подобные вещи “Возрождении” (поистине широкое, истинно русское гостеприимство для отчаянно бездарных рассказов и критических статей. <...>

Недавно “Своими путями” выпустили специальный номер, посвященный литературной молодежи (как известно, все о молодежи говорят и очень ей сочувствуют, но печатать ее не рискуют). Бунин этот номер прочел и сразу же объявил <...>: пражские молодые литераторы — комсомольцы, ибо в заметках “Цапля”, высмеивающих курьезы и неправильности языка в эмигрантских изданиях, упомянули и о стиле воззваний вел. Кн. Николая Николаевича. Стилль этот псевдонародный, под лубок, с раздражающими оборотами квасного патриотизма, который никогда не скажет “русский народ”, “православная вера”, а непременно “народ русский, вера православная”. Автор “Цапли” этот народный слог княжеских салонов назвал парафиновым слабительным, а Бунин за великого князя обиделся. Бог весть, какое отношение Николай Николаевич, один из претендентов на разрушенный русский престол, имеет к литературе — но Бунин не стерпел: ведь тоже местоблюститель. Забавно, что комсомольцами обозвал (для Бунина выругал) он всех сотрудников “Своими путями”, в том числе и автора “Цапли”. А я, грешным делом, вчитываясь в заметки, помещенные в студенческом журнале, узнаю в них перо совсем уж не юнца в литературе и вовсе не комсомольца. Да и Бунин мог бы догадаться, да запальчивость, особенно политическая, — поспешна. <...>

Прежде чем учить других хорошему тону, не мешало бы самому Бунину научиться некоторым правилам литературного приличия. Но цель оправдывает средства. А цель эта — охаять молодую русскую литературу и всех ее представителей и защитников изобразить в виде полудиотов или большевицких лакеев. <...>

Оплевать, разнести молодых и инакомыслящих — вот чего добивается Бунин. Я не могу даже сказать, что он их ненавидит. Ненависть — слишком высокое чувство. В ненависти — трагедия. В злобе же — неведение, самомнение, чванство, зависть. Злоба — чувство низшего порядка. И именно со злобой подходит Бунин и к современной России и к ее искусству.

Эта злоба в значительной мере питается незнанием. У Бунина и презрение от непонимания, которое и не желает быть

просветлено, потому что основано на предвзятых взглядах, на упорстве политической страсти. Бунин слышит чужой язык, которого не изучает и не хочет изучать — и говорит: да это не язык, а собачий лай. Он читает авторов, пишущих не так, как он, и о том, чего он не видел и не знает — и говорит: да это и не литература. Он искусство мыслит только в ему самому привычных формах. Все иное — оскорбление величества. Все новшества — крамола. Все идущее из России — “революционное хамство и большевизм”. Все, защищающее его в эмиграции, — сменовеховство⁶⁹.

Выступления М. Слонима в «Воле России» вызвало, в свою очередь, резкую отповедь Бунина, тем более что ключевые положения статьи эмигрантского критика совпадали с тезисами из статьи советского критика Д.А. Горбова «Мертвая красота и живучее безобразие», опубликованной в № 7 советского журнала «Красная новь» за 1926 г. Позиция Горбова была изложена в статье «Они о “нас”», опубликованной в газете «Последние новости» 14 октября 1926 г. и подписанной постоянным псевдонимом Н.Н. Берберовой «Ивелич».

Бунин ответил 28 октября в «Записной книжке» — это был первый в «Возрождении» текст Бунина под данным сквозным названием, который являлся непосредственной реакцией на актуальную публикацию. Но и здесь Бунин связывал текущие события с российской историей, так что актуальный повод становился лишь еще одним примером сущностных процессов:

Какая вообще потрясающая энергия у этих любителей “новой жизни”! Уже лет семьдесят орудуют российские “Бесы”, а энергия их не только не ослабевает, но как будто даже увеличивается и долбит все в одну и ту же, все в одну и ту же точку, одурманивая, одурачивая всяческих “малых сих” (народ, молодежь) и так или иначе “выводя в расход” своих политических, “классовых” врагов. <...>

Да работает подобная же кухня и здесь, в Европе, — например, кухня пражская, называемая “Волей России”, во главе

⁶⁹ Воля России. 1926. № 8–9. С. 87–93.

с Виктором Черновым, Лебедевым, Слонимом, Пешехоновым, который уже давно славится своими проклятиями эмиграции, совершенно, по его мнению, сгнившей заживо. Из Москвы постоянно раздается по нашему адресу: “Мертвецы, гниль, канун вам да ладан!”. Но не отстают от Москвы и Прага. <...> Будучи якобы врагом большевиков, а на самом деле их единоутробным братом, который грызется с ними только из-за частных, подхватывая московский лай на нас, Слоним даже и Москву перецеголял: ничего подобного по лживости и пошлости я, кажется, даже и в московских журналах не читал.

Отклики эти — обо мне, о Гиппиус и вообще об “эмигрантской литературной знати и ее придворной челяди”, как с лакейской яростью выражается Слоним. А придрался он ко мне из-за журнала “Версты”. <...>

Вот каков оказываюсь я, мертвый, глупый, косный, слепой, глухой, перед Слонимом, перед его жизненностью, перед его пониманием и приятием “нового”, перед его чуткостью, отзывчивостью, умственной широтой, его зорким оком и великолепными ушами. (Да и не один я, а вся эмигрантская “литературная знать и ее придворная челядь”). Но вот неразрешимые вопросы: каким образом ухитрюсь я при всех моих вышеперечисленных качествах все-таки быть “очень хорошим” писателем? Почему я должен принимать и вкушать всю ту мерзость, которая подносится нам “новой” Россией, как тот сосуд, полный гадов, что спустился во искушение Петру апостолу, когда он “взалкал и поднялся наверх, чтобы помолиться”? Почему я обязан сходить в гроб ради каких-то Артемов Веселых, Пастернаков, Бабелей, Слонимов, да еще благословлять их? Я еще далеко не в державинском возрасте, да и они далеко не Пушкины!⁷⁰

С конца октября 1926 г. по февраль 1927 г. Бунин на страницах «Возрождения» с публицистическими статьями не выступает. Единственное исключение — письмо в редакцию «О новой орфографии», опубликованное 6 ноября 1926 г. в ответ на появившееся в «Последних новостях» открытое письмо к Бунину М.Л. Гофма-

⁷⁰ Возрождение. 1926. 28 октября. № 513. С. 3–4.

на (№ 522. С. 3), которое, в свою очередь, было реакцией на резкие суждения Бунина о новой орфографии, тесно связанной для него с советской властью. В «Записной книжке» от 28 октября 1926 г. Бунин, в частности, называл орфографию «заборной». Гофман считал, что слова Бунина оскорбительны для ученых, работавших над реформированием русской орфографии при Академии Наук. В ответ Бунин вновь подчеркивает свое категорическое неприятие новой орфографии, но отвергает упреки в неуважении к покойным: «“Люди, подобные Шахматову”, приплетены г. Гофманом совсем ни к чему, я Шахматова и людей, подобных ему, почитаю не меньше его. <...> Он дивится, что я назвал орфографию, истинно “хамски” навязанную России большевиками, заборной. Но как же она не заборная, когда именно забор и в точном и переносном смысле этого слова так долго служил ей?»

В 1927 г. в «Возрождении» Бунин и редакция «объединяют» структуру публикаций, использовавшихся писателем в 1925 и в 1926 гг. Наряду с циклом «Записная книжка» и отдельными, не включенными в циклы статьями и очерками, возобновляется печатание «Окаянных дней», так что с марта 1927 г. «Записная книжка» и «Окаянные дни» публикуются параллельно, что еще раз подчеркивает принципиальное различие между этими двумя циклами. Продолжается и «ленотровский» цикл (входящие в него произведения неизменно печатаются под не связанными друг с другом названиями, но в начале каждого из них есть обязательная отсылка к Ленотру).

Первое публицистическое выступление Бунина в 1927 г. — «Записная книжка». Она печатается 13 февраля 1927 г. (№ 62. С. 2) и на этот раз имеет подзаголовок, хотя и не выделенный в качестве такового графически, а лишь вынесенный в первый абзац: «О музыке». Бунин вновь обращается к событиям революционных лет, к 1917 г., но на этот раз в тексте подчеркивается, что создается он перед публикацией, а не как непосредственный отклик на происходящее в феврале 1917-го:

«Серые зимние сумерки в Москве, февраль семнадцатого года... Ровно десять лет тому назад.

Еду на Лубянку, за эти десять лет столь прославившуюся, — стою на площадке трамвая».

От описания случайных попутчиков в трамвае — пьяного военного писаря и женщины с крохотным розовым гробиком на руках — Бунин переходит к воспоминаниям о Блоке, так что все они становятся своего рода символами эпохи, связанными «Музыкой Революции». Приводя цитату — «Слушайте, слушайте Музыку Революции» — Бунин использует кавычки и заглавные буквы, хотя в статье Блока «Интеллигенция и Революция» слово музыка печаталось с маленькой буквы, а в заключительной фразе и вовсе отсутствовало: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»).

Жизнь и литература в «Записной книжке» вновь сплетаются — на этот раз возмущение Бунина вызывают «Замыслы, наброски и заметки Александра Александровича Блока, извлеченные из его посмертных рукописей», опубликованные в журнале «Русский современник», который издавался в «так называемом Ленинграде» «при ближайшем участии Горького, Замятина и Чуковского». Точнее, в центре его внимания оказывается один замысел: «Оказывается, что Блок замышлял написать, при некотором сотрудничестве со своей супругой, не более, не менее как “Пьесу из жизни Иисуса”». Приводя затем цитаты, «чудовищные пошлости», Бунин прямо связывает их — и концептуально, и хронологически — с «Музыкой Революции», и особо обращает внимание на маленькую букву, в контексте «Записной книжки» подчеркнута контрастирующую с заглавными буквами в «Музыке Революции», которые в финале заменяются строчными:

«А вот и заключение конспекта этой “пьесы”:

Нужно, чтобы Люба прочитала Ренана и по карте отметила это маленькое место, где он ходил....

Кто этот “он”, писанный с маленькой буквы? Тот, ради Которого знаменитый обожатель “музыки революции”, писанной с большой буквы, не хотел потрудиться даже Ренана лично прочесть:

— Пускай Люба почитает и по карте отметит это **маленькое место...**»

15 февраля 1927 г. Бунин отзывается в «Возрождении» на смерть С. Юшкевича. Написанный им небольшой некролог «Памяти Юшкевича» предваряет опубликованные на той

же странице «клочки воспоминаний» барона Н.В. Дризена «К смерти Семена Юшкевича» (№ 623. С. 2). Опубликованный 24 февраля 1927 г. очерк «Суета сует» (№ 632. С. 3) принадлежит к «ленотровскому» циклу. На этот раз он посвящен Вольтеру.

С 25 марта 1927 г. в «Возрождении» вновь печатаются «Окаянные дни». Новая часть посвящена более ранним событиям, чем первая — 1918 г. Датировка, как и в случае с «Окаянными днями», печатавшимися в «Возрождении» в 1925 г., в первой публикации вынесена в подзаголовок: «МОСКВА, 1918 Г.» (№ 661. С. 2). Начинается текст записью от 1 января: «Кончился этот проклятый семнадцатый год. Но что дальше? Может быть, нечто еще более ужасное. Даже наверно так...»

В этом фрагменте Бунин берет отдельные даты, подчас существенно отдаленные друг от друга, так что создается ощущение пульсирующей жизни и одновременно движения к пропасти — шаг за шагом. Записи в фрагменте, опубликованном 25 марта, датированы 1 января, 7 января, 5 февраля, 6 февраля и 7 февраля. Строятся они — за исключением первой — преимущественно на рассказах о писателях и на цитатах из газет и журналов. В записи от 7 января упомянуты «Книгоиздательство писателей», Брюсов, горьковская (и ленинская) «Борьба», от 5 февраля — «Среда», Маяковский, Эренбург, Вера Инбер, Александр Койранский, от 6 февраля — Блок, Коган, Эренбург, горьковская «Новая жизнь», «Власть народа» и «Русское слово», 7 февраля — вновь «Власть народа» и «Русское слово».

Более четкая дневниковая последовательность записей восстанавливается во втором фрагменте «Окаянные дни. Москва, 1918 г.», опубликованном 2 апреля 1927 г., где фиксируются 8 и 9 февраля (№ 669. С. 2). Третий фрагмент, напечатанный 16 апреля 1927 г., составили записи от 11 февраля и 14 февраля (№ 683. С. 2).

После этого в публикации «Окаянных дней» наступает значительный перерыв. 26 мая 1927 г. Бунин вновь использует название «Записная книжка», но в контексте номера эта «Записная книжка» существенно отличается от предыдущих. Если все предшествующие тексты под таким заглавием печатались в нижней части полосы, в «подвале», то на этот раз «Записная книжка» набрана двумя столбцами в левой верхней части стра-

ницы, так что визуально она примыкает к расположенному на следующей полосе разделу «Литература, критика и искусство», хотя и не включена в него, как статьи «Своими путями» и «Версты» (С. 2. № 723). По своему содержанию эта «Записная книжка» также близка к соседнему разделу: Бунин реагирует на «новую выходку» Горького и приезд в Париж Луначарского.

Июнь — самый насыщенный с точки зрения публицистических произведений месяц для Бунина в 1927 г. 4 июня печатается новая часть «Окаянных дней. Москва. 1918 г.». Она включает записи от 24 февраля, 25 февраля, 26 февраля, 27 февраля, 28 февраля и 1 марта, причем последняя занимает почти половину публикации (№ 732. С. 2). Завершается запись от 1 марта стихотворением «Наполовину вырубленный лес...» с предваряющими его текст словами: «А вот несколько строк из моей записной книжки — ночь 27 июня 17 года». 6 июня 1927 г. печатается очерк «Большие пузыри» (№ 734. С. 2), 11 июня 1927 г. — «Безграмотная ерунда» (№ 739. С. 2) и, наконец, 18 июня «Окаянные дни. Москва. 1918 г.», содержащие записи от 2, 3–9 и 10 марта (№ 746. С. 2).

В 1925–1927 гг. Бунин являлся одним из ведущих публицистов «Возрождения», но, естественно, определяющую роль в «Возрождении» играли не только публицистика и художественно-документальная проза Бунина, но и его собственно художественные произведения. Рассказов и стихотворений Бунина за два с небольшим года было опубликовано в «Возрождении» немного, если учесть ежедневный характер издания, но в 1925–1927 гг. газета и в целом редко печатала художественные произведения, ориентируясь в большей степени на публицистику, критику, эссеистику, мемуары, т. е. те формы, которые имеют возможность ясной и четкой актуализации.

Первое стихотворение, появившееся на страницах «Возрождения», — это именно стихотворение Бунина, и оно носит программный для газеты характер, на что указывает само заглавие, явно перекликающееся с названием издания, — «Древний образ». Отметим, что стихотворение, напечатанное в пятом номере (1925. 7 июня. № 5. С. 2), было написано еще до революции, прежде публиковалось в газете «Одесский листок» 25 сентября

(8 октября) 1919 г. (№ 127) и в «Новой русской жизни» 11 марта 1921 г. Но новизна в данном случае от автора и не требовалась. Напротив, датировка с указанием не только времени, но и места создания (Ростов Великий, 1914) связывала текст с утраченной и покинутой Россией, которая ждет своего возрождения. Созданный Буниным образ также мог служить художественным воплощением программных заявлений «Возрождения»:

Она стоит в серебряном венце,
С закрытыми глазами. Ни кровинки
Нет в голубом младенческом лице
И ручки — как иссохшие тростинки.

За нею кипарисы на холмах,
Небесный Град, лепящийся к утесу,
Под ним же Смерть: на корточках, впотьмах,
Оскалив череп, точит косу.

Но Ангелы ликуют в вышине:
Бессильны, Смерть, твои угрозы! —
И облака в предутреннем огне
Цветут и округляются, как розы.

В дальнейшем в течение 1925 г. в «Возрождении» стихи Бунина печатаются еще всего лишь раз — 31 октября. Подборка, озаглавленная «Из новой книги» (№ 151. С. 2), включает четыре стихотворения: «Лик прекрасный и бескровный...», «Я снял узду, седло — и вольно...», «Уличив меня в измене...» и «Газелла» («Холодный ветер дует с Мензалэ...»). На этот раз ни одно из произведений не датировано, поскольку в названии публикации акцент делается именно на новизне произведений.

Вынесенная в заглавие новизна привлекает внимание еще и в общем контексте поэтических публикаций Бунина в «Возрождении» как некое отступление от общей линии названий стихотворений и стихотворных подборок: прежде был «Древний образ», затем несколько раз будет «Старая тетрадь». Впрочем, контрастность эта скорее подчеркивает значимость названий, обращенных в прошлое, так как «новизна» в данном случае но-

сит скорее условный и отчасти рекламный характер, связанный с подготовкой к изданию сборника «Митина любовь». Стихотворение «Лик прекрасный и бескровный...» печаталось в газете «Русское слово» 25 декабря 1915 г., «Уличив меня в измене...» — в «Южном слове» 20 октября 1919 г., «Газелла» в «Южном слове» 12 января 1920 г., причем «Уличив меня в измене...», более известное под названием «Жена Азиса», датировано 1903 г.

Название «Старая тетрадь» при публикации стихотворений в «Возрождении» используется Буниным в 1926–1927 гг. пять раз: трижды в 1926 г. и дважды в 1927-м. Первые две публикации, появившиеся 23 (№ 355. С. 2) и 27 (№ 359. С. 2) мая фактически можно рассматривать как одну, разнесенную редакцией на два номера. 23 мая печатаются стихотворения «Звезда, воспламеняющая твердь...», «Что в том, что где-то, на далеком...», «Поздно, склонилась луна...» и «В окошко из темной каюты...». У произведений в этой подборке схожий образный ряд. Во всех четырех стихотворениях поэт изображает море, в трех из четырех описывается ночь: в двух из них упоминаются звезды, в двух луна, а там, где мы видим день, Бунин упоминает солнце. Четыре стихотворения образуют своего рода замкнутый цикл, объединенный мотивом пути, но путь этот осознается не как дорога, т.е. нечто определенное, выделенное в пространстве. В стихотворении «Звезда, воспламеняющая твердь...» «земному пути» луны противопоставляется небесный путь — полет, падение звезды. В стихотворении «В окошко из темной каюты...» противопоставляются небо и море: небосклон, который «недвижим», и лирический герой, движущийся вместе с стальным пароходом в бушующем море. Образ пассажира на корабле здесь заставляет вспомнить о повести «Господин из Сан-Франциско», не случайно пароход предстает как «наш темный полуночный гроб».

В подборку, напечатанную 27 мая, включены 5 стихотворений: «На глазки синие, прелестные...», «Земной, чужой душе закат!», «Луна над шумною Курою...», «Гор сиреневых кручи встают...» и «Ночь и алые зарницы...» Как и 23 мая, поэт описывает ночь или поздний вечер — во всех пяти произведениях. Данная подборка, с одной стороны, явно примыкает к предшествующей, с другой — может рассматриваться и как самосто-

ятельный цикл, поскольку в ней вновь есть композиционная замкнутость: движение от Божественного к дьявольскому. От образа качающих колыбель небесных ангелов из первой строфы первого стихотворения автор, а вместе с ним и читатели приходят к дьяволу в заключительной строфе пятого стихотворения:

А над легкой, своенравной
Сей игрой
Дьявол катит гул державный
За горой.

Третья публикация под названием «Старая тетрадь» появляется в «Возрождении» через две недели, в воскресенье, 6 июня 1926 г. (№ 369). На этот раз в ней всего два стихотворения, и помещены они не внизу страницы, в «подвале», где обычно печатались художественные произведения, а в левом верхнем углу, т. е. фактически открывают вторую полосу. Эти стихотворения уже не имеют столь тесной образной связи с произведениями из двух предшествующих подборок, хотя в первом из них — «Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес...» — вновь описана ночь. Напечатанные двумя столбцами параллельно на странице «Возрождения» бунинские стихотворения скорее противопоставлены друг другу. В первом ночь, лес, звезды, луга складываются в гармоничную картину не омраченного никакими конфликтами мира, во втором этому умиротворенному настроению противопоставлена конфликтность, положенная в основу построенной на контрастах художественной образности произведения:

Высокий белый зал, где черная рояль
Дневной холодный свет, блистая, отражает,
Княжна то жалобой, то громом оглашает,
Ломая туфелькой педаль.
Сестра стоит в диванной полукруглой,
Глядит с улыбкою насмешливо живой,
Как пишет лицеист с кудрявой головой
И с краской на лице горячею и смуглой.

Глаза княжны не сходят с бурных нот,
Но что гремит рояль, она давно не слышит, —
Весь мир в одном: “он ей в альбомы пишет!” —
И жалко искривлен дрожащий, сжатый рот.

7 июня 1926 г., в День русской культуры, «Возрождение» помещает стихотворение «Очарованный инок: Из “Золотой легенды” Лонгфелло» (№ 370. С. 2). Помимо обычной подписи в конце текста здесь публикацию предваряет еще набранное крупным шрифтом указание авторства: «ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК И.А. БУНИН».

Во второй половине 1926 г. стихи Бунина еще трижды публикуются в «Возрождении» — 11 июля, 14 октября и 18 ноября. Напечатанные 11 июля стихотворения «Сенокос» («Среди двора, в батистовой рубашке...») и «Лесник» («В мелколесьи пело глухо, строго...») получают общее название «Далекое» (№ 404. С. 2). К временной дистанции, подчеркнутой в заглавии «Старая тетрадь», здесь добавляется еще и пространственная. То же сочетание пространственной и временной удаленности выносится и в название подборки, напечатанной 14 октября. Здесь оно обретает конкретность и одновременно достигает высокого уровня обобщения — стихотворения «Слепой» («Вот он идет проселочной дорогой...», «Кружево» («Весь день метель. За дверью у соседа...») и «Петров день» («Девочки-русалочки...») объединены общим заглавием «Русь» (№ 499. С. 2). К публикации 18 ноября мы еще вернемся в разделе о прозе.

Рассказы Бунина, опубликованные в «Возрождении», можно разделить на две группы. Это новые произведения, написанные в эмиграции и впервые представленные читателям именно в «Возрождении», и тексты, уже публиковавшиеся ранее, но в той или иной степени переработанные.

Первый рассказ Бунина на страницах «Возрождения» — «Обуза» — появляется 7 сентября 1925 г. (№ 97. С. 2). И по своей тематике, и по своей стилистике «Обуза» примыкает к тем фрагментам «Окаянных дней», которые были построены как воспоминания о 1917–1918 гг. В данном случае упоминание Ке-

ренского в самом начале рассказа прямо связывает происходящее с апрелем 1917 г.:

«После ужина пили чай, жадно и торопливо просматривали газеты, только что привезенные с почты, — их не было несколько дней и теперь пришла сразу куча. Все то же, все та же мерзкая и жуткая чепуха! Потом все постепенно разошлись спать. Остался один и все читал, возмущаясь и волнуясь. Вдруг случайно взглянул на окна: за переплетами старых рам — красота старых сосен и елей, романтическая путаница из хвои, ветвей, ручьев и синее небо апрельской лунной ночи и светлый двор между ними. И внезапно все точно рукой сняло, сразу все чистанное и думанное, все эти Керенские и рабочие депутаты точно провалились куда-то».

26 сентября 1925 г. в газете публикуются две прозаические миниатюры — «Плач о Сионе» и «Благовестие» (№ 116. С. 2), а 17 октября 1925 г. с посвящением «И.С. Шмелеву» печатается рассказ «Notre-Dame de la Garde» (№ 137. С. 2–3). В отличие от большинства других художественных произведений Бунина, опубликованных в «Возрождении», действие этого рассказа происходит не в прошлом, а в настоящем, и не в России, а во Франции.

В рассказе «Notre-Dame de la Garde» Бунин отказывается и от пространственной, и от временной дистанции. Мотив поездки в поезде является одним из самых распространенных у И.А. Бунина, начиная с его раннего творчества. Он встречается и в прозаических, и в стихотворных произведениях писателя. 1893-м г. датировано стихотворение «В поезде»; в рассказе «Кастрюк», впервые опубликованном в 1895 г., на поезд любуются главный герой и его внучка, а в рассказе «Новая дорога» (1901) повествователь передает свои впечатления от поездки. Местом действия у Бунина часто являются и железнодорожный вокзал, станция, платформа (назовем, к примеру, рассказы «На чужой стороне», «Иоанн Рыдалец», «Легкое дыхание»).

Поезда в творчестве Бунина следуют преимущественно по России — так происходит в произведениях, созданных и до революции, и в эмиграции, где Бунин либо возвращается к дореволюционным реалиям, либо, как в рассказе «Несрочная весна», рисует картины России пореволюционной, «опять пре-

вратившейся в Московщину»⁷¹. Но в «Notre-Dame de la Garde» в основе сюжета лежит поездка в поезде на юге Франции.

Повествователь, с одной стороны, рассказывает о поездке как о чем-то обычном, будничном, с другой стороны, все же выступает скорее как «путешественник», нежели как человек, едущий куда-то по делу. Это подчеркивается указанием в первом же предложении на день недели — воскресенье: «Вагон был полон чернорабочими — было воскресенье».

Название в сочетании с таким началом заставляют читателя предположить, что автор намеревается рассказать о поездке в Марсель, символом, «визитной карточкой» которого является Notre-Dame de la Garde. Статуя Мадонны — первое, что бросается в глаза прибывающему в город путешественнику, и именно так пишет о Notre-Dame de la Garde А.И. Куприн, рассказывая о приезде в Марсель: «Ранним утром мы миновали Тулон с его серо-голубыми громадами броненосцев и крейсеров, сизый цвет которых издали почти сливается с цветом моря, свернули за высокий мыс, и перед нами высоко в небе засияла золотом статуя Notre-Dame de la Garde, мадонны-спасительницы, Пресвятой девы, покровительницы всех мореходов. Эта золоченая статуя громадных размеров, воздвигнутая на средства рыбаков и моряков, венчает собою купол собора, построенного на высокой крутой горе. Она господствует над городом и над окружающими возвышенностями и служит маяком, который заметен с моря за несколько десятков верст; как живое золотое пламя, горит она под лучами южного солнца»⁷².

Кстати, схожее впечатление от города и собора зафиксировано в дневниковой записи Бунина от 8 июня 1933 г.: «7 ½ вечера, подъезжаю к Марселю. Горы голые, мелового цвета, ужасные предместья. Мост, под ним улица, трамвай... Рабочие улицы, ужас существования в них. Всякие депо, шлак... Еще жарко, сухо. Зажженные алым глянцем стекла в домах на горе. Вдали

⁷¹ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения / сост., подгот. текста, вступит. статья и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001. С. 261.

⁷² Куприн А.И. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 5. С. 435.

Notre-Dame de la Garde... К какому-нибудь рассказу: большой подъезжает к большому городу»⁷³.

В путевых очерках А.И. Куприна достаточно подробно описывается и сам собор: «Нужно было еще подняться по громадному лифту на верх горы и зайти в собор Notre-Dame de la Garde. Там два придела: один внизу, другой наверху. Нижний заперт железной решеткой, верхний открыт для обозрения публики. Одно зрелище вдруг нежно и глубоко волнует меня. Стены огромной церкви сплошь увешаны маленькими мраморными дощечками, на которых выгравированы и позолочены имена и фамилии, а иногда просто инициалы жертвователей. Все это дары моряков, рыбаков, которые благополучно избегли гибели, обратившись в предсмертную минуту к покровительству Пресвятой девы, заступницы на водах... Тридцать или сорок моделей парусных судов и несколько картин, написанных акварелью и маслом неумелыми, наивными, но старательными руками. Таких даров тысячи»⁷⁴.

Бунин, знакомый, вероятно, с очерками Куприна, вовсе не ставит себе задачей описать Notre-Dame de la Garde, передать свои впечатления от собора. Собственно, Марсель в тексте упоминается, но как цель поездки не называется. В рассказе изображена лишь одна станция, промежуточная — Сен-Рафаэль, а также виднеющиеся за окном сады и богатые виллы Булюриса. Как и в большинстве произведений Бунина, сюжетной основой которых является поездка на поезде, пункт назначения не имеет особого значения, поскольку цель поездки — ее художественная цель — сама поездка. Notre-Dame de la Garde в рассказе все же появляется, но не «воочию», а на карточках, которые продают зашедшие в Сен-Рафаэле в поезд монахини.

Сюжетный прием — поездка в поезде — позволяет Бунину показать Францию с самых разных сторон, а также передать свое отношение к стране и через выбор типического для изображения, и через эмоционально-сиюминутную оценку этого

⁷³ Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1981. Т. 2. С. 286.

⁷⁴ *Куприн А.И.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 435.

типического, художественно воспринимаемого как индивидуально-конкретное, почти случайное.

В жизни набор попутчиков в поезде носит, как правило, случайный характер. В тексте замкнутое пространство вагона или поезда автор целенаправленно заполняет художественными образами, но эффект «случайности встречи» сохраняется. Эта базовая случайность позволяет как бы сконцентрировать авторское и читательское внимание на наиболее ярких, «бросающихся в глаза» пассажирах — выделить тех, кто выделяется сам. Писатель получает возможность формировать образную систему таким образом, что определенная диспропорция ярко-индивидуального и типического не выглядит искусственной: она оправдана сюжетной схемой.

В рассказе «Notre-Dame de la Garde» глазами повествователя «укрупненно» мы видим трех пассажиров — каменщика, молодую-женщину и старичка-странника, а также две группы, не разделенные на индивидуальности, — молодых рабочих и монахинь, в самой неразделенности которых заложен художественный смысл.

Остановка в Сен-Рафаэле позволяет Бунину противопоставить Францию реальную, только что увиденную повествователем в вагоне, предназначенной для туристов Франции открыточной или «плакатной» — Бунин использует в рассказе именно рекламные плакаты:

«Стены станции пестрели цветистыми плакатами выставок, античных руин, средневековых соборов; был, конечно, автокар, полный туристов, поднимающийся по извилистой, идеально-живописной альпийской дороге с глетчерами вдали, был идеально-счастливый молодой человек, с открытой головой сидящий на руле в легкой и длинной машине, уносящей его к лазурному озеру, к идеально-светскому курорту...»

Плакатно-идеальный красивый Запад оказывается обманом, но разрушение внешней, рекламной гармонии вовсе не означает отсутствия красоты и гармонии подлинной, которая не выставляется напоказ для туристов, но постигается иначе.

Прием с переходом из вагона в вагон, который Бунин использует в рассказе, знаменует не просто смену вагона, но изменения принципиальные, поскольку именно в новом вагоне он находит

то, что ищет. В «Notre-Dame de la Garde» это черты скорее не отличающие, а сближающие. Такими объединяющими началами становятся духовное и связанное с Верой эстетическое. А гранью, не позволяющей найти общий язык, остается грань между молитвой и интернационалом, между Верой и неверием, которое, в свою очередь, не позволяет и наслаждаться красотой, глубиной, истиной окружающего мира — мира как создания Божьего.

Типы, созданные Буниным в рассказе «Notre-Dame de la Garde», имеют одновременно и ярко выраженный национальный, и универсальный, общечеловеческий, почти библейский характер. В них все немного преувеличено, все немного чересчур, так что они вырываются за рамки обыденного и привычного:

В вагоне, просторном, чистом, полном солнца, сидело только двое: удивительной полноты еще совсем молодая женщина, возле которой пламенели две корзины с крупными томатами, а напротив нее — престранная для французского вагона фигура, одна из тех личностей, от которых уже давно отвык мой глаз: старичок-странник. Женщина, несмотря на полноту и черные усики, была редкой красоты, чисто романской, и цвела тем почти жутким переизбытком здоровья и великолепной, пурпурно-лиловой крови, которые встречаются, кажется, только в Провансе. А старичок был легонький, сухонький, с босыми, темно-желтыми от загара ножками, с редкими и длинными бесцветными волосами, в которых сквозил коричневый череп, в белом балахончике и с двумя белыми мешочками по бокам, надетыми крест-накрест: совсем бы русский старичок, если бы не изящество, тонкость и чистота черт лица.

Перерабатывая текст для собрания сочинений, Бунин вносит в описания попутчиков уточнения, еще в большей степени подчеркивающие эту «живописную» универсальность образов молодой женщины и старика. Недостаточно подходящим для старичка оказывается слово «изящество», а из портретов женщины убираются характеристики «еще совсем», «редкой» «чисто романской» и «почти жутким»⁷⁵. (Подробнее о различиях

⁷⁵ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 9. С. 26.

вариантов рассказа см. в статье в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании).

Можно было бы говорить о том, что Бунин противопоставляет патриархальные нравы юга, Прованса, современному западному интернационализму и универсализму, если бы не образ старичка-странника, носящий наднациональный в сущности своей характер. Даже противопоставление старичка-странника родному русскому типу изначально носит внешний характер.

Как Notre-Dame de la Garde оберегала моряков любого возраста, любой национальности, бедных и богатых, обращающихся с молитвой к ней за помощью, так и сейчас она объединяет героев рассказа, волею случая оказавшихся вместе в одном вагоне:

«И он перекрестился, вздохнул и просто и убежденно сказал, пряча картинку за пазуху:

— C'est très bon, ça.

— Ah! oui, — прошептала полная женщина с застенчивой улыбкой сквозь сиявшие на прекрасных глазах слезы, — notre berceau et notre tombe...

За окном слепило солнце и море. Был туннель, грохот, тьма и вонь дыма, каменного угля, потом опять блеск, лазурь, свежесть морского воздуха, потом снова туннель — и снова свет, жизнь, счастье, светлая зелень низкорослых южных сосен, красно-лиловые скалы и ярко синие заливы...»

Этот трогательный момент единения людей между собой и с окружающим, простирающимся за окном миром, мог бы стать светлым финалом рассказа, но Бунин не дает забыть о том, насколько хрупок этот мир. Он возвращает нас к действительности, напоминая о том, что в поезде не один вагон, и о том, что перейти из вагона в вагон — это не значит покинуть поезд:

«Вдруг раздался треск и сверкнули брызги стекла, — вдребезги рассыпалась бутылка, вылетевшая из окна и ловко угодившая в телеграфный столб...

Это забавлялась пролетарская молодежь».

Понимание остроты нависшей над миром угрозы — главное, пожалуй, что отличает повествователя от окружающих его

людей. Хотя он и не выступает уже в рассказе «Notre-Dame de la Garde» как человек совсем сторонний, турист, но он и не равен другим пассажирам поезда, местным.

Бунин подчеркивает, что повествователь русский и не является изначально частью этого западного мира. С одной стороны, он пишет о преодолении различий:

«Когда-то мне было странно французское обращение к Богу, к Божьей Матери, к Спасителю на *вы*, потому что еще чужда была Франция, ее история и мертв был язык католической церкви. Потом я не только привык к этому обращению, но почувствовал в нем, в ее галльской, рыцарской вежливости, какое-то особое очарование. Впрочем, есть ли язык, не звучащий очаровательно с Евангельских страниц? Самые сладчайшие слова избрал человек для Нее, но даже и самые простые из них преобразились, зазвучали иначе, говоря о Ней. «Saluée par l'Archange Gabriel...» Был ли на земле день более жуткий и радостный, чем этот день?»

С другой стороны — показывает, что в жизни не существует универсального человека, что различия между русскими, французами, англичанами, между Россией, Западом и Востоком сохраняются, и что принадлежность человека к тому или иному миру видна даже случайному попутчику в поезде.

Старичок понимает, что перед ним не француз:

«Он поглядел на меня, мгновение подумал.

— Вы англичанин? — спросил он.

— Нет, русский.

Он легонько улыбнулся.

— Да, конечно, не англичанин. Я так и думал.

— Почему? — спросил я, тоже невольно улыбаясь.

— Это трудно сказать. Ну хотя бы потому, что англичане никогда не сидят, например, в вагоне просто, ничего не делая: или пристально смотрят в окно, точно изучая что-то, или читают... Ну, да, вы русский».

Вопросом, кто перед ним, старичок задается после того как повествователь в разговоре с ним мгновенно переходит от «самого прекрасного» к мотиву возмездия тем, кто на это прекрасное покушается:

«— Это хорошо, не правда ли? — прерывая чтение, обратился ко мне старичок так, точно мы были всю жизнь знакомы.

— Очень хорошо, — ответил я от всей души.

Он это почувствовал и спросил, как добрый учитель понятливого школьника:

— И почему?

И тотчас же ответил сам, говоря то же самое, что и я думал:

— Потому, что здесь выражается все самое прекрасное, что есть в человеческой душе!

— Да, — сказал я. — И нет казни достойной для того, кто посягает хотя бы вот на такие картинки...»

И повествователю, и Бунину, и читателям чуждо то смиренное восхищение миром, которое вслед за этим высказывает старичок: «Ну, да, вы русский. И я знаю, сколько страданий и гонений терпит теперь Россия. Но это хорошо, не правда ли?»

7 января 1926 г. в рождественском номере «Возрождения» прямо под набранными заглавными буквами словами «РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО» печатается рассказ «Ида» (№ 219). Особенности праздничного номера позволили опубликовать значительное по объему произведение в формате, не соответствующем обычным правилам газетной публикации. Бунинское произведение и иллюстрация к нему занимают в «Возрождении» целую полосу. Интересно, что в подвале предыдущей, второй, полосы помещен другой рассказ, в название которого вынесено имя героини, — «Валя» Н.А. Тэффи.

6 марта 1926 г. «Возрождение» печатает небольшой фрагмент «Из “Дела корнета Елагина”» (№ 277). Публикация сопровождалась авторским примечанием: «Печатаю этот отрывок с разрешения редакции “Современных записок”, где появится “Дело”».

И на этом ряд новых произведений, созданных в эмиграции, на время прерывается. 2 мая 1926 г. в пасхальном номере печатается «Лирник Родион» с подзаголовком «Вариант» (№ 334. С. 3). Используя жанровое определение «вариант», Бунин имеет в виду рассказ «Псальма», опубликованный в газете «Русское слово» 14 апреля 1913 г. В дальнейшем в «Возрождении» при публикации написанных до революции рассказов Бунин часто использует двойную датировку, указывая текущий год и год

создания произведения. Но в первых двух публикациях такого типа писатель поступает иначе. У «Лирника Родиона» появляется подзаголовок, а рассказ «Жертва» печатается в «Возрождении» 8 мая 1926 г. с авторским примечанием: «Окончательная редакция рассказа “Илья Пророк”» (№ 340. С. 3).

29 июля 1926 г. в «Возрождении» печатается рассказ «В саду» (№ 422. С. 3–4), а 22 августа 1926 г. — рассказ «Заря всю ночь», в котором впервые в «Возрождении» Буниным используется двойная датировка: «1903–1926 гг.» (№ 446. С. 3). Как и в случае с рассказом «Жертва» Бунин меняет название, но на этот раз не сообщает читателям предыдущие варианты, а в данном случае их два. В июле 1902 г. (а не 1903, как напечатано в «Возрождении») рассказ был опубликован в журнале «Русская мысль» под названием «Свидание», а в 1907 г. вошел в коллективный сборник издательства «Скиф» «Корабли» под названием «Счастье».

Напечатанный 23 сентября 1926 г. «Маленький роман» также к числу новых произведений не относится и имеет двойную датировку: «1909–1926» (№ 478. С. 2–3). И здесь Бунин меняет прежнее название, но не указывает на это: впервые «Маленький роман» был опубликован в журнале «Северное сияние» в марте 1909 г. под названием «Старая песня» и под тем же названием входил в собрание сочинений.

В ноябре–декабре 1926 г. рассказы Бунина в «Возрождении» печатаются с достаточной регулярностью. 5 ноября 1926 г. публикуется рассказ «Всходы новые» (№ 521. С. 2–3). 8 ноября 1926 г. в газете печатается единственная подборка Бунина, включающая сразу и стихи, и прозу (№ 534. С. 2). Под общим названием «Зимние ночи» и с единой нумерацией (1–2–3) публикуются стихотворения «Иней» («Леса в жемчужном инее. Морозно...»), «Поздние звезды» («Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...») и рассказ «Снегур». 28 ноября 1926 г. печатается рассказ «На погосте» (жанровое обозначение здесь указано в качестве подзаголовка) (№ 544. С. 2–3), 9 декабря «Хороших кровей» (№ 555. С. 2–3), 16 декабря — «Князь во князьях» (№ 562. С. 3–4). Публикуя переработанные тексты дореволюционных произведений, Бунин в некоторых случаях меняет название, а в некоторых — оставляет их без изменений. При этом ни в одной из перечисленных публикаций в «Возрож-

дении» нет указаний на дореволюционное «происхождение» текстов (см. об этом подробнее в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании).

В конце 1926 г. в Париже выходит сборник Бунина «Солнечный удар» (на титульном листе в качестве года издания значится уже «1927»), в который включен и ряд рассказов, впервые опубликованных в «Возрождении» (содержание сборника: «Солнечный удар», «Ида», «Мордовский сарафан», «Дело корнета Елагина», «Страшный рассказ», «Notre-Dame de la Garde», «Поруганный Спас», «Обуза», «В саду», «Цикады», «Воды многие»).

Рецензия на книгу в газете появляется лишь спустя два месяца после того, как «Солнечный удар» поступает в магазин «Возрождения», но зато она занимает «подвалы» сразу двух полос. Н. Кульман пишет: «Новый сборник Ив. Бунина “Солнечный удар” должен сделаться настольной книгой каждого любителя литературы: столько в нем внутреннего богатства, изящества, поэтической прелести, художнической мудрости, неожиданно нового»⁷⁶.

В начале 1927 г. Бунин вновь дает «Возрождению» произведение для рождественского номера. «Ермил» (№ 584. С. 1–2) — это переработка напечатанного впервые в 1913 г. в журнале «Современник» рассказа «Преступление». Опубликованный 22 января 1927 г. рассказ «Птицы небесные» (№ 599. С. 2–3) — переработка рассказа «Беден бес», напечатанного в 27-м сборнике товарищества «Знания» в 1909 г. Еще одна переработка публикуется 3 марта 1927 г. (№ 639. С. 2–3). Рассказ «Белая лошадь» имеет в газете двойную датировку: «1907–1927 г.». Его дореволюционный вариант печатался под названием «Астма» в третьей книге альманаха «Шиповник» (СПб., 1908).

Двойная датировка — «1907–1927 г.» — использована и при публикации рассказа «Христово озеро» в пасхальном номере «Возрождения», вышедшем 24 апреля 1927 г. (№ 691. С. 3). Это вариант рассказа «Геннисарет», который впервые был напечатан в газете «Русское слово» 25 декабря 1912 г., и в собрании сочинений затем датирован 9 декабря 1911 г.

⁷⁶ Возрождение. 1926. 3 февраля. № 611. С. 2–3.

Последним художественным прозаическим произведением Бунина, опубликованным в «Возрождении», стал рассказ «Алексей Алексеич», появившийся на страницах газеты 2 июля 1927 г. (№ 760. С. 2). Это лишь часть того текста, который публиковался в сборнике «Божье древо» и затем в собрании сочинений, изданном «Петрополисом».

Заметим, что в комментариях в собрании сочинений, подготовленном А.К. Бабореко, ошибочно указывается, что 23 июля 1927 г. в газете «Возрождение» (№ 781) была опубликована прозаическая миниатюра Бунина «Портрет» («Богатая квартира, вечно безмолвная, — хозяин человек холостой, одинокий...» и т. д.)⁷⁷. На самом деле в этом номере напечатано стихотворение Бунина «Портрет» («Бродя по залам, чистым и пустым...») (С. 2), уже упоминавшееся выше.

Таким образом, большинство рассказов Бунина, напечатанных в 1925–1927 гг. в «Возрождении», — переработки дореволюционных произведений. Новых рассказов немного, и их появление носит не случайный характер. Бунин, как правило, соотносит их публикацию с газетным контекстом. «Ида» печатается в праздничном номере, отрывок из «Дела корнета Елагина» и «Алексей Алексеич» должны привлечь внимание читателей к будущим полным публикациям, рассказ «Обуза» связан с «Окаянными днями», а «Notre-Dame de la Garde» по форме соответствует газетным «путевым очеркам» и имеет «актуальное», связанное с Францией», содержание.

В конце августа 1927 г., после того как пост редактора вынужден был отставить П.Б. Струве, Бунин вместе с рядом других ведущих авторов «Возрождения» прекратил сотрудничество с газетой. 27 августа 1927 г. в числе писем в редакцию было опубликовано и письмо Бунина:

«Позвольте заявить, что в виду выхода из “Возрождения” П.Б. Струве, я свою работу в “Возрождении” тоже оставляю» (№ 816. С. 4).

16 июня 1935 г. Бунин был в числе тех деятелей русской культуры, кто направил поздравительные письма в редакцию

⁷⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 590.

газеты. «С глубокой благодарностью кланяюсь вам за десятилетнее существование “Возрождения”, за его неустанно-страстную и никогда не поддававшуюся никакому соблазну борьбу с тем злейшим врагом нашим, перед лицом которого все наше личное или партийное есть совершенно ничто, сердечно поздравляю вас и всех ваших сотрудников с десятилетием этого подвига и прошу простить, что по некоторым случайным обстоятельствам делаю это так поздно», — писал Бунин⁷⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алданов М. И.А. Бунин. Собрание сочинений. Изд. «Петрополис». Берлин, 1935 год. Томы IX и X // Современные записки. 1935. Кн. LIX. С. 471–473.
- Бакунцев А. «Окаянные дни»: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2013. № IV. С. 22–36.
- Бакунцев А.В. И.А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2014. № 5. С. 55–71.
- Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10: Окаянные дни. 255 с.
- Перепица И.А. Бунина с П.Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения / публ. Г.П. Струве // Записки Русской академической группы в США. N.Y., 1968. Т. 2. С. 61–109.
- Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Современник, 1991. 253 с.
- Письма Буниных Струве / публ., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Р.М. Янгирова // De visu. 1994. № III/IV (XV). С. 34–46.
- Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Московский рабочий, 1996. Т. 5. 589 с.
- Публицистика И.А. Бунина (1918–1952 гг.) / под ред. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. 640 с.
- Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001. 448 с.
- Куприн А.И. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 5: Повести. Рассказы. Очерки. Апокрифы. 536 с.
- Ленотр Г. Мебель господина Бертелеми // Объединение. 1919. Январь–февраль. С. 25–42.
- Морозов С.Н. «Окаянные дни» И. Бунина: к истории текста // Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 302–311.

⁷⁸ Возрождение. 1935. 16 июня. № 3665. С. 4.

- Николаев Д.Д.* Парижское «Возрождение» 1920-х годов о Есенине: от Бунина к Ходасевичу (1925–1926) // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. М.: ИМЛИ РАН; Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина; Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2016. С. 364–381.
- Николаев Д.Д.* Парижское «Возрождение» о Владимире Маяковском (1925–1930) // Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве: Материалы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения поэта. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 425–449.
- Ошар К.* «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина // Русская литература. 1996. № 4. С. 101–105.
- Риникер Д.* «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 625–650.
- Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1977. Т. 1. 361 с.
- Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1981. Т. 2. 319 с.
- Эберт К.* Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни» // Русская литература. 1996. № 4. С. 106–110.

**I.
И.А. БУНИН
И ЕГО
СОВРЕМЕННОСТИ**

И.А. БУНИН И А.Н. ТОЛСТОЙ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ¹

© 2022 г. Г.Н. Воронцова

Аннотация: Иван Алексеевич Бунин и Алексей Николаевич Толстой — писатели-современники. Их жизненные и творческие судьбы не раз пересекались, при этом человеческие отношения складывались не всегда просто. Тем не менее, они явно испытывали взаимный интерес друг к другу. Еще при жизни произведения Бунина и Толстого сопоставлялись критикой, которая интуитивно чувствовала определенную близость их тем и мотивов. В статье прослежено и проанализировано становление и развитие взаимоотношений двух писателей на протяжении нескольких десятков лет, общность и одновременно разность их взглядов на события в России рубежа 1910–1920-х гг., творческие переклички. Основой для анализа стали произведения Бунина и Толстого, их письма, а также письма и воспоминания современников.

Ключевые слова: И.А. Бунин, А.Н. Толстой, история взаимоотношений, биография, творчество.

Информация об авторе: Галина Николаевна Воронцова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3546-0472>. E-mail: Voroncova.96@mail.ru

Для цитирования: Воронцова Г.Н. И.А. Бунин и А.Н. Толстой: к истории взаимоотношений // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 287–343. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-287-343>

¹ Приношу глубокую благодарность Библиотеке Лидского университета (Великобритания) и лично Ричарду Дэвису за возможность процитировать в статье документы Русского архива.

I.A. BUNIN AND A.N. TOLSTOY: TO THE HISTORY OF RELATIONS

© 2022. Galina N. Vorontsova

Abstract: Ivan Alekseevich Bunin and Alexey Nikolaevich Tolstoy are contemporaries. Their life and creative destinies have repeatedly intersected, while human relations have not always been simple. Nevertheless, they clearly had a mutual interest in each other. Even during his lifetime the works of Bunin and Tolstoy were compared by criticism, which intuitively felt a certain proximity of their themes and motives. The article traces and analyzes the formation and development of relations between the two writers over several decades, the commonality and at the same time the difference in their views on the events in Russia at the turn of the 1910–1920s, creative roll calls. The basis for the analysis was the works of Bunin and Tolstoy, their letters, as well as letters and memoirs of their contemporaries.

Keywords: I.A. Bunin, A.N. Tolstoy, history of relationships, biography, creativity.

Information about the author: Galina N. Vorontsova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3546-0472>. E-mail: Voroncova.96@mail.ru

For citation: Vorontsova, G.N. "I.A. Bunin and A.N. Tolstoy: to the History of Relations." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 287–343. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-287-343>

«Мастерство Бунина для нашей литературы чрезвычайно важный пример — как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму»

(А.Н. Толстой.

Из письма И.В. Сталину. 18 июня 1941 г.)

«...Он был веселый, интересный собеседник, отличный рассказчик, прекрасный чтец своих произведений, восхитительный в своей откровенности циник; был наделен немалым и очень зорким умом <...> был ловкий рвач, но и щедрый мот, владел богатым русским языком, все русское знал и чувствовал, как очень немногие...»

(И.А. Бунин. «Третий Толстой». 1949 г.)

Иван Алексеевич Бунин и Алексей Николаевич Толстой — писатели современники. Их жизненные и творческие судьбы не раз пересекались, при этом человеческие отношения складывались не всегда просто. Тем не менее, они явно испытывали взаимный интерес друг к другу, в основе которого, на наш взгляд, лежало признание литературного таланта собрата по перу. Еще при жизни произведения Бунина и Толстого сопоставлялись критикой, которая интуитивно чувствовала определенную близость их тем и мотивов. Некоторые из современников признавали равенство силы и мощи художественных дарований писателей. В 1924 г. ведущий критик русского зарубежья Г.В. Адамович в рецензии на книгу Бунина «Роза Иерихона» писал: «Оговорюсь сразу: книга эта так хороша, что не стоило бы, рассказывая о ней, заниматься теоретическими домыслами. Но она напомнила мне Толстого [Льва Николаевича] <...> Из всех современных русских писателей один только Бунин — да еще, пожалуй, А.Н. Толстой, — способны вызвать это сравнение и остаться в живых².

Принято считать, что Бунин и Толстой познакомились в 1908–1909 гг. в пору работы Ивана Алексеевича в журнале «Се-

² Адамович Г.В. [Рец. на кн.: Бунин И. Роза Иерихона. Берлин, 1924] // Звено. 1924. 10 ноября. С. 2.

верное сияние»³, куда молодой писатель Алексей Толстой принес для публикации свои «Сорочьи сказки»⁴. Единственный источник этих сведений — бунинский очерк «Третий Толстой». Вот что писал об этом его автор: «Я редактировал тогда беллетристику в журнале “Северное сияние”, который затеяла некая общественная деятельница, графиня Варвара Бобринская⁵. И вот в редакцию этого журнала явился однажды рослый и довольно красивый молодой человек, церемонно представился мне (“граф Алексей Толстой”) и предложил для напечатания свою рукопись под заглавием “Сорочьи сказки”, ряд коротеньких и очень ловко сделанных “в русском стиле”, бывшем тогда в моде, пустяков. Я, конечно, их принял»⁶.

Слово «принял» предполагает, что «Сорочьи сказки» Толстого были опубликованы на страницах «Северного сияния». Однако знакомство с номерами журнала, а вышло их всего десять, два — в 1908 г. и восемь — в 1909, не подтверждает бунинских слов. В «Северном сиянии» «Сорочьи сказки» не печатались. Нет сведений об этом и в переписке писателя, в частности, с М.А. Волошиным, которому Толстой в ту пору неизменно сообщал о предпринятых им шагах относительно публикации своих произведений.

Как упомянул сам Бунин, после первой встречи с Толстым он «заинтересовался им» и «стал читать все прочие его пи-

³ Ежемесячный иллюстрированный журнал «Северное сияние» выходил в Москве в 1908–1909 гг. Издатель: В.Н. Бобринская. Редакторы: А.М. Поццо, В.Н. Бобринская (с № 5).

⁴ В письме М.А. Волошину от конца ноября 1908 г. Толстой писал: «...Сыгин заказал мне, правда, выговорив право отказаться, если не понравится, книгу детских сказок. И вышло как-то, что сказки назрели в голове и сердце моем и выливаются легко и свободно. И если бы знал ты, как весело придумывать всякие истории, как все, что читал и чувствовал, принимает теперь форму, образ и цвет» (Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 143). «Сорочьи сказки» вышли в издательстве И.Д. Сытина «Общественная польза» в конце 1909 г.

⁵ Бобринская Варвара Николаевна (1864–1940), графиня, благотворительница, после 1922 г. в эмиграции.

⁶ Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005–2007. Т. 9. С. 141.

сания», что находит подтверждение в переписке писателя с А.М. Горьким.

После публикации бунинской «Деревни» и ряда повестей и рассказов Толстого, составивших цикл «Заволжье», в ноябре 1910 г. Горький писал А.В. Амфитеатрову, впервые объединив имена двух писателей: «Бунин кончил “Деревню” — это перво-классная вещь. Первый раз в литературе нашей — если не считать “Утро помещика” — слишком отдаленное и “В овраге” — вещь эпизодическую, первый, говорю, раз, “Деревня” написана столь мужественно-правдиво, с таким искреннейшим стоном и так “исторически”. А какие удивительные детали! <...> Вот тема для статьи “Дворянство Ал[ексея] Толстого и крестьянство Бунина”»⁷.

Та же мысль прозвучала в письме Горького М.К. Иорданской того же периода: «А “Деревня” будет оценена, будет. Это произведение исторического характера, так о деревне у нас еще не писали <...> Вот тема для статьи “Деревня и Дворянство в изображении Алексея Толстого и Бунина”, — но необходимо, чтобы статью писал человек, не токмо с рус-

⁷ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 8. С. 194. В советском литературоведении и критике, напротив, предпринимались попытки противопоставить Бунина и Толстого друг другу. Так, Р.Д. Мессер, рассуждая о «крестьянской линии» в раннем творчестве Толстого, писала, что она «существенно отлична от бунинской “Деревни”»: «У Бунина мужик страшен. Он то кроткая, то разъяренная, но всегда дикая, непонятная стихия. В мужике — гибель дворянская, — вот смысл крестьянской тематики Бунина, подсказанный ему безошибочным классовым инстинктом. Отсюда отчаяние, мрак, трагическая безысходность бунинского мужика. В бунинском образе мужика воскресли славянофильские толки о “народе-богоносце”, “народе-сфинксе”, кротком и диком одновременно. Ничего этого нет в мужиках молодого Алексея Толстого. Они тоже грабят и жгут помещиков, но делают это спокойно, деловито, хотя и не слишком осознанно: “Как все, так и мы”. Они издевательски посмеиваются над нелепыми барскими причудами. А лучшие из них бегут в город от тяжелой дикости деревенской жизни и, преодолевая все несчастья, пройдя через все обиды и издевательства капиталистического города, не могут вернуться обратно, хотя и пытаются» (Мессер Р.Д. А.Н. Толстой. Критический очерк. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 16).

ской литературой малость знакомый, а и знающий русскую историю»⁸.

Тогда-то творчество Толстого и стало предметом обсуждения Горького и Бунина, о чем свидетельствует фраза из горьковского письма писателю от 23 ноября 1910 г.: «А Толстой Алексей, что вы не говорите, сила. Лишь бы не захвалили его»⁹.

Однако нам, вслед за Горьким, указавшим на определенную близость художественных исканий писателей-современников, казалось бы уместным сравнить с прозаическим циклом Толстого «Заволжье» (1909–1910) другое произведение Бунина, повесть «Суходол», написанную в 1911 г.

«Суходол» и «Заволжье» объединены одной общей для них темой, тесно связанной с процессами внутри русского общества конца XIX – начала XX в., с уходом с исторической сцены, в его прежнем виде, русского дворянства, что стало предметом осмысления, в том числе и художественного. В качестве авторов литературных произведений, посвященных данной теме, как правило, выступали писатели, которые сами были носителями традиций старой дворянской культуры. К их числу относились и Бунин, отразивший в своем творчестве, как писал один из рецензентов еще в 1912 г., «грустную поэзию разоряющихся дворянских гнезд»¹⁰, и Толстой, которому хорошо его знавший М.А. Волошин сказал однажды: «...вы очень редкий и интересный человек. Вы, наверное, должны быть последним в литературе, носящим старые традиции дворянских гнезд», — чем, собственно, и подвигнул молодого писателя на создание произведений цикла «Заволжье»¹¹.

Общность художественного взгляда Бунина и Толстого на очевидную эволюцию русского общества проистекала из общности их собственного места внутри той его части, которая стала

⁸ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 8. С. 192–193.

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ А.Л. И.А. Бунин: (К 25-летию литературной деятельности) // Россия. 1912. 28 октября. С. 3.

¹¹ А.Н. Толстой о литературе и искусстве. М.: Сов. писатель, 1984. С. 391.

объектом изображения в вышеназванных произведениях. Оба писателя по рождению принадлежали к старейшим русским дворянским родам, история которых была полна драматических, а подчас и трагических коллизий. Оба писателя прежнего великолепия родовых поместий не застали, в их произведениях воспоминания о когда-то блестящей жизни предков сохраняют лишь старые обитатели угасающих «дворянских гнезд».

Все в прошлом у героя повести Толстого «Мишука Налымов (Заволжье)» Петра Леонтьевича Репьева: «Хорошее было время. Многие, многие милые люди были еще живы. Сережа и Никита, славные мальчики, подавали большие надежды. Жива была дорогая Машенька, всегда в белом, всегда приветливая, всегда озабоченная, — как бы получше накормить гостей, или поженить кого-нибудь из близких родных, или уладить какую-нибудь неприятность. Каждый день в столовой или на балконе шумели гости, приезжал дядя, старый Налымов, большой шутник, — любил, бывало, на удивление всем, откусывать ломоть дыни с нюхательным табаком. Приезжала с прогулки Ольга, красивая, веселая и загадочная, в бархатной амазонке. Снимая высокую перчатку, давала целовать руку... Многие, многие были в то время влюблены в Ольгу Леонтьевну... Ушло все, как туман, ушли хорошие дни...»¹².

В «Суходоле» хранительницей воспоминаний об ушедших в прошлое событиях становится дворовая Наталья, вся жизнь которой неразрывно связана с имением Хрущевых. На вопрос детей Аркадия Петровича «Хорошо жилось прежде?» она, не раздумывая, отвечает: «Хорошо-с...»¹³. Рассказывая о «золотых» днях Суходола, Наталья упоминает и сад — «чудесный: широкая аллея в семьдесят раскидистых берез, вишенники, тонувшие в крапиве, дремучие заросли малины, акации, сирени и чуть не целая роща серебристых тополей на окраинах, сливавшихся с хлебами»¹⁴. И дом — «под соломенной крышей,

¹² Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1982–1986. Т. 1. С. 195.

¹³ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент., подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000. Т. 3. С. 144.

¹⁴ Там же. С. 146.

толстой, темной и плотной», глядевший на двор, «по сторонам которого шли длиннейшие службы и людские в несколько связей, а за двором расстился бесконечный зеленый выгон и широко раскидывалась барская деревня, большая, бедная и — беззаботная»¹⁵. Денег, «по словам Натальи, прежде не знали куда девать» и дедушка Петр Кириллыч, доживавший свой век «в тихом помешательстве», «заботливо и неслышно бродил по дому и, оглядываясь, совал в трещины дубовых бревен золотые»¹⁶. Все изменилось после того «как дедушка померли, как вошли в силу молодые господа и женился покойник Петр Петрович»¹⁷. Но и при дедушке Петре Кириллыче жизнь поместья уже клонилась к закату, так как только «при бабушке» «были в нем и господа, и хозяева, и власть, и подчинение, и парадные покои, и семейные, и будни, и праздники»¹⁸.

Образ ветшающего, доживающего свой век дома, который становится чуть ли не камертоном организации художественного повествования, занимает одно из центральных мест на страницах и «Суходола», и «Заволжья». Дом «невзрачный», оставшийся от «дедовского дубового <...> много раз горевшего», встречает приехавшего в дедовское имение героя-рассказчика в бунинской повести: «Все было черно от времени, просто, грубо в этих пустых, низких горницах, сохранивших то же расположение, что и при дедушке, срубленных из остатков тех самых, в которых обитал он. В углу лакейской чернел большой образ святого Меркурия Смоленского <...> заветный образ дедушки, переживший несколько страшных пожаров, расколовшийся в огне, толсто окованный серебром и хранивший на оборотной стороне своей родословную Хрущевых, писанную под титлами. Точно в лад с ним тяжелые железные задвижки и вверху и внизу висели на тяжелых половинках дверей. Доски пола в зале были непомерно широки, темны и скользки, окна малы, с подъемными рамами»¹⁹.

¹⁵ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. С. 146.

¹⁶ Там же. С. 147.

¹⁷ Там же. С. 144.

¹⁸ Там же. С. 149.

¹⁹ Там же. С. 140–141.

Дополнено гнетущее описание барского жилища в произведении лаконичной, но очень емкой характеристикой всего поместья, где остались «от сада — кустарники да несколько старых берез и тополей, от служб и людских — изба, амбар, глиняный сарай да ледник, заросший полынью и подсекольниковом»²⁰.

В таком же обреченном доме, подобно суходольским Хрущевым, доживает свой век и тетушка Анна Михайловна, героиня толстовской повести «Петушок (Неделя в Туренева)»: «Дверь спальни отворялась в широкий и низкий коридор, куда выходили бывшие лакейские; в конце его витая лестница вела наверх, в девять барских комнат; туда никто теперь не ходил, и деревянная решетка в зале, когда-то обвитая плющом, и огромные очаги, похожие на пещеры, высокие шкафы в библиотеке, столы и кресла, сваленные в углу друг на дружке, — все это было покрыто густой пылью, потому что во всех комнатах на пол-аршина лежала пшеница и хозяйничали мыши <...> Все вымерли, унеся с собою в сырую землю веселье, богатство и несбывшиеся мечты, и тетушка Анна Михайловна одна-одинешенька осталась в просторном туреневском доме»²¹.

Бунин писал в «Суходоле»: «Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей, да вот еще преданиями, прошлым и сильна-то она»²². К этому источнику и припадают как Бунин, так и Толстой, щедро пользуясь в своих произведениях хорошо им известной семейной хроникой.

Прототипом Суходола стало родовое имя Буниных — Каменка. Некоторые черты деда — Николая Дмитриевича — писатель передал Петру Кириллычу Хрущеву, отразив в повести и судьбу его детей — собственного отца Алексея Николаевича, дяди Николая Николаевича и тетки Варвары Николаевны. Обстоятельства кончины брата матери Бунина, Ивана Чубарова, отозвались в «Суходоле» в картине смерти одного из братьев Хрущевых, Петра Петровича²³.

²⁰ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. С. 140.

²¹ Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 101–102.

²² Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. С. 138.

²³ В.Н. Муромцева-Бунина писала о матери Бунина: «Людмила Александровна, рожденная Чубарова, происходила тоже из хороше-

В то время, когда Бунин подростком бывал в Каменке, она уже принадлежала семье покойного брата его отца, Николая Николаевича. Там, как вспоминала В.Н. Муромцева-Бунина, будущий писатель впервые увидел «свою родную тетку, Варвару Николаевну Бунину, жившую рядом с барским домом во флигеле, вернее в просторной избе. Тетя Варя была не совсем нормальна: заболела после того, как отказала товарищу брата Николая жениху-офицеру, которому все играла полонез Огинского. А отказав, после его отъезда, заболела нервно. Она прототип Тони в “Суходоле”»²⁴. Далее Вера Николаевна писала: «Когда они подъезжали к Каменке, то увидели согбенную странную фигуру в шлыке на голове и халате, как потом оказалось, надетом прямо на голое тело, по описанию напоминавшую им Плюшкина. Это была их тетя Варя. Она хворостинной подгоняла корову. Поразило детей ее бледновосковое лицо с крючковатым носом, с острым подбородком, загибавшимся вверх, что напоминало открытый клюв птицы»²⁵.

Этот запечатлевшийся в сознании подростка образ почти с фотографической точностью будет воспроизведен Буниным на страницах «Суходола»: «И вдруг, у самого поворота в Суходол, увидели мы в высоких мокрых ржах высокую и престранную фигуру в халате и шлыке, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостинной пегую комолую корову. При нашем приближении хворостина заработала сильнее, и корова неуклюже, крутя хвостом, выбежала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась к тарантасу и, подойдя, потянулась к нам бледным лицом. Со страхом глядя в черные безумные глаза, чувствуя прикосновение острого холодного носа и крепкий запах избы, поцеловались мы с подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга? Но высокий шлык из какой-то грязной тряпки торчал на голове

го рода. Она была дальней родственницей Алексею Николаевичу (отцу писателя), и в ней текла бунинская кровь. Мать ее была в девичестве Бунина, дочь Ивана Петровича» (*Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. С. 30.*)

²⁴ *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. С. 50.*

²⁵ Там же. С. 50–51.

Бабы-Яги, на голое тело ее был надет рваный и по пояс мокрый халат, не закрывавший тощих грудей»²⁶.

Отразилось в повести и участие братьев Буниных, Алексея Николаевича и Николая Николаевича, в Крымской войне. Отец писателя «часто вспоминал Севастопольскую кампанию, когда они с братом Николаем, рано умершим, с собственным ополчением отправились на войну»²⁷.

Свой узнаваемый прототип есть и у большинства персонажей центрального произведения «заволжского» цикла Алексея Толстого, повести «Мишука Налымов (Заволжье)». В основу произведения положена сохранившаяся в семейных преданиях история несложившейся любви одной из теток писателя, Ольги Леонтьевны Тургеневой, к своему дальнему родственнику Сергею Шишкову. В 1882 г. она вышла замуж за брата Сергея — Николая, а через год умерла от скоротечной чахотки, но как считали родные — от несчастной любви. В повести героиня, Вера Ходанская, не гибнет, но впадает в состояние полного безразличия ко всему происходящему и, в конечном итоге, уехав с мужем в Петербург, производит впечатление заживо погребенной.

Старик Репьев в повести отчасти дед Толстого — Леонтий Борисович Тургенев. В образе Мишуки Налымова проступают черты его двоюродного брата, члена земской Губернской управы Михаила Михайловича Наумова.

Эпизод из жизни семьи Тургеневых, родственников Толстого по материнской линии, положен и в основу сюжета толстовской повести «Петушок (Неделя В Туренева)». В образе тетушки, Анны Михайловны, отразились черты сестры матери писателя — Марии Леонтьевны Тургеневой. Он любил ее «не только как родного человека, но и как женский тип, как образ чистой и талантливой женщины»²⁸. Изобразил Толстой в повести и одного из своих двоюродных братьев, Леонтия Николаевича Комарова, который, по воспоминаниям Софьи Исааковны Дымшиц, «подолгу жил в

²⁶ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. С. 139–140.

²⁷ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 35.

²⁸ Воспоминания об Алексее Толстом. М.: Сов. писатель, 1982. С. 69.

Париже, таскался по заграницам, увлекался кутежами и связями с малопристойными женщинами»²⁹.

Характерен уже сам отбор событий семейной хроники, сделанный писателями. Как правило, это смерть барина от рук ближнего слуги, который может, к тому же, оказаться незаконным сыном убитого (как, например, Герваська в «Суходоле»³⁰; сходным сюжетом отмечен и рассказ Толстого «Архип»³¹), семейные распри (ссора братьев Хрущевых и распря Репьевых и Мишуки Налымова), малоприбыльное прожектерство молодого поколения «дворянских гнезд», несчастная любовь, заканчивающаяся либо болезнью, либо смертью (душевная болезнь Тони Хрущевой, «тихое помешательство» Петра Кириллыча и болезненный отказ от любимого человека Веры Ходанской). Все это в целом указывает на общность целеполагания авторов, рисующих в своих произведениях безрадостную картину угасания рода, дополненную чертами его вырождения (яркий образец — племянник Анны Михайловны Никулушка в повести Толстого «Петушок (Неделя в Туренева)»), и нисходящей смены поколений³², где объективные характери-

²⁹ Там же. С. 61.

³⁰ Первая, дореволюционная, редакция повести содержала еще одно упоминание о смешении крови поместных дворян и их двори, впоследствии вычеркнутое автором: «Откуда истекало столь резкое несходство в характерах отца и дяди? Об этом тоже разно говорят [*нередко связывая с именем отца имя дворового Ткача*]» (Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 3). Исправлено: Бунин И.А. Деревня. Суходол. Париж: Русская земля, 1921. С. 273.

³¹ У Толстого ситуация осложняется тем, что погибающий от рук слуги барин, молодой помещик Собакин, становится невольным инициатором поимки сына Архипа, Оськи-конокрада и, как следствие, его гибели.

³² Уместна с этой точки зрения попытка сравнительного анализа героев А.Н. Толстого с персонажами произведений М. Горького: «Уродлива, развратна и дика их жизнь. Но ужас здесь в том, что уродство и разврат — здесь не падение, а житейские черты своеобразного богатства, порыва к раздолью. И все-таки при всей отвратительной грязи, которой залит этот быт, есть в этих мелких людях широкий размах, в трусливых дерзость, чего не встретишь у мещан Максима Горького»

стики вполне естественно уживаются с ностальгическими и даже сочувственными нотами.

Герой-рассказчик в «Суходоле», в котором угадывается сам автор произведения, и его сестра, уже знавшие, что «темен и сумрачен был старый суходольский дом», в котором убит был их сумасшедший дед Петр Кириллыч «незаконным сыном своим, Герваськой», «млели» и «восторженно переглядывались» при словах Натальи о родовом имении: «...долго представлялся нам потом огромный сад, огромная усадьба, дом с дубовыми бревенчатыми стенами под тяжелой и черной от времени соломенной крышей — и обед в зале этого дома: все сидят за столом, все едят, бросая кости на пол, охотничьим собакам, косятся друг на друга — и у каждого арапник на коленях: мы мечтали о том золотом времени, когда мы вырастем и тоже будем обедать с арапниками на коленях»³³.

Не стал сознательным критиком своих героев, Мишуки Налымова, Сергея Репьева, Никулушки (все трое имеют реальных прототипов из числа родственников писателя), и Алексей Толстой.

Что же касается авторской интонации рассматриваемых произведений, то, несомненно, в «Суходоле» Бунина трагических нот больше, чем в «заволжском» цикле Толстого. Это обусловлено, в том числе, разностью мироощущения (у Толстого оно все пронизано в это время неистребимой авторской иронией) и стилевых манер двух авторов. Смех Бунина (а в «Суходоле» его почти нет, несмотря на наличие ряда комических ситуаций, проявленных, например, в рассказах о дедушке Петре Кириллыче) и смех автора «Заволжья», безусловно, разной природы. Однако и художественное повествование последнего об угасающих очагах старой дворянской культуры получилось достаточно печальным. В страшных физических мучениях умирает герой одноименной повести Мишука Налымов; поги-

(Морозов М.В. Очерки новейшей литературы. Пб.: Прометей, 1911. С. 211). В данном случае речь могла бы идти о представителях старшего поколения, так как молодое поколение к «мещанам» Горького гораздо ближе.

³³ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. С. 136–137.

бают, убитые мужиками, помещик Собакин («Архип»), дворянин Михаил Камышин и дочь земского начальника Катенька Павала-Шимковская («Сватовство»); обречены на небытие лишившиеся своей собственности бывшие помещики Теплов и Языков («Актриса»); доживают свой век, угасая в глуши, старики брат и сестра Репьевы («Мишука Налымов (Заволжье)»), тетушка Анна Михайловна и Африкан Ильич («Петушок (Неделя в Туренева)»), дополняет этот ряд наследник Обломова Аггей Коровин («Мечтатель (Аггей Коровин)»), имение покинувший, но и в городе не прижившийся³⁴.

И в «Суходоле», и в «Заволжье» мы имеем дело со взглядом изнутри описанного процесса, что придавало произведениям убедительность не только художественную, но и историческую.

Так, А.В. Амфитеатров, автор статьи о повестях и рассказах Толстого «Новая сила», отмечал: «Попробуйте-ка написать Мишуку Налымова, который в своем имении восстановил властью капитала крепостное право <...> Писатель из кровных демократов не мог бы воспользоваться этой дикой фигурой иначе, как в враждебном тоне обличительного протеста, и вышел бы у него полупублицистический очерк с дидактикой, — либо сатира, либо мелодрама. Для графа Алексея Толстого Мишука Налымов “одним миром мазан”, и художник пишет его с таким же спокойствием любопытного наблюдения, как всякую новую модель»³⁵.

А Горький в одном из писем убеждал Бунина: «И Вы — дворянин Бунин, Иван Алексеевич. Не улыбайтесь, тут ни иронии, ни зависти, тут просто факт: не дворянин — не напишет так, вот и всё. На днях я прочитал в рукописи одного эмигранта-революционера: “...нет предостерегающего голоса трехсотлетней дворянской крови и *оттого* он провокатор”. Я, разумеется, знаю — не совсем и не всегда “оттого”, но “предостерегающий

³⁴ Этот ряд можно было бы продолжить: гибнут, не выдержав столкновений с новой, непонятной им реальностью герои первого романа писателя «Чудаки» («Две жизни») генерал Брагин и его жена, а в первой редакции произведения и старик Репьев, отец Сонечки, сама Сонечка оказывается в монастыре.

³⁵ Амфитеатров А.В. Собр. соч.: в 34 т. СПб.: Просвещение, [1911–1916]. Т. 15. С. 336.

голос” — великолепно сказано! Это голос культуры, в наши дни он слышен все слабее»³⁶.

Рисуя завершающие исторический цикл «последние дни» русского дворянства и Бунин, и Толстой одновременно решали и стоявшую перед ними сверхзадачу, о которой прямо говорил Бунин сразу после выхода своей повести: «В моем новом произведении “Суходол” рисуется картина жизни следующего (после мужиков и мещан “Деревни”) представителя русского народа — дворянства <...> Мне кажется, что быт и душа русских дворян те же, что и у мужика; все различие обуславливается лишь материальным превосходством дворянского сословия. Нигде в иной стране жизнь дворян и мужиков так тесно, близко не связана, как у нас. Душа у тех и других, я считаю, одинаково русская. Выявить вот эти черты дворянской мужицкой жизни, как доминирующие в картине русского поместного сословия, я и ставлю своей задачей в своих произведениях»³⁷.

Правда, впоследствии убеждение Бунина в общности душ дворянина и мужика было, видимо, поколеблено, о чем свидетельствует правка в первой главе повести:

...столбовые мы, Хрущевы, в шестую книгу вписанные, и много было среди наших легендарных предков знатных людей вековой крови, да татарских князьков [*чья порода и сказалася в нас не однажды. А все же мы на деле — мужики. Говорят, что составляли и составляем мы какое-то особое сословие. А не проще ли дело? Были на Руси мужики богатые, были мужики нищие, величали одних господишками, а других холопами — вот, по-моему, и разница вся. Исключения не в счет, и тем более не в счет, что ведь нам, Хрущевым, степнякам, числа нет. Быт наш с мужицким был почти что ровен,*]. **Но ведь кровь Хрущевых** мешалась с кровью дворни и деревни спокон веку³⁸.

³⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 8. С. 196.

³⁷ У И.А. Бунина: [Интервью] // Московская весть. 1911. № 3. 12 сентября. С. 1.

³⁸ Исправлено: Бунин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Берлин: Петрополис, 1934–1935. Т. 2. С. 197. Вычеркнутый текст дан курсивом в

Кроме того, в первой редакции своего произведения писатель пытался доискаться и очертить круг причин, по которым закончилась крахом блестящая эпоха в жизни русского помещичьего дворянства. И делал он это не с тихой грустью, не обольщаясь и не очаровываясь преданиями и легендами. По крайней мере, так выглядит целый ряд высказываний героя-рассказчика, разрушавших гармонию его взаимоотношений с разоренным Суходолом, которые по интонации своей, отмеченной эмоциональным накалом, близки к критическим. Показателен в этом отношении снятый впоследствии Буниным большой фрагмент текста в конце второй главы произведения:

Велико было наше разочарование! Ведь как долго и жадно слушали мы повествования о Суходоле. Все говорили о нем так, точно был он великокняжеским поместьем. Увидели же мы скудость, убожество, увидели сумасшедшую полудикую женщину, образ которой романтизировали. Не по усадьбам Лариных, Лаврецких представляли мы себе Суходол. И все же все предания, все поэтические были Суходола померкли для нас в этот вечер, в этой бедной глуши, стали представляться проще, обыденнее, грубее... До правды тогда нам еще далеко было. Но теперь-то мы хорошо знаем ее! Да, ни к разумной любви, ни к разумной ненависти, ни к разумной привязанности, ни к здоровой семейственности, ни к труду, ни к общежитию не были способны в Суходоле. Чуть не поголовно страдали телесными и душевными недугами все Хрущевы из поколения в поколение, равно как и близкие их. Нелепыми и страшными былями полна суходольская летопись. Мы последние в этой летописи, мы порвали последние нити, связывавшие нас с землей. Даже самое имя Хрущевых скоро исчезнет навсегда. Но, право, мысль об этом только радует меня теперь. На *прошлом* Суходола познали мы душу его. Но ведь этой же душой и создано оно. В нем еще резче и яснее, чем в настоящем, выступали

прямых скобках, вписанные слова — полужирным прямым шрифтом.

истинно-славянские черты ее, гибельно обособленной от души общечеловеческой³⁹.

Алексей Толстой сам неоднократно признавался, что в основном интересовали его трагические и одновременно творческие периоды русской истории, ее «коренные узлы», в которых завязывался русский характер. Под это определение попадают практически все темы и герои его прозы, начиная с помещика Мишуки Налымова и кучера Архипа и заканчивая Петром Великим и советскими людьми, персонажами цикла времен Великой отечественной войны «Рассказы Ивана Сударева».

Е.А. Колтоновская, размышляя о характере главного героя «заволжской» повести «Мишука Налымов» и наследовании Толстым традиций русской классической литературы, писала: «Это не только помещик, представитель оскудевающего дворянства, но и вообще русский человек, с богатыми задатками — и без всякой выдержки, без культуры <...> Русь гоголевская с ее безумной тройкой, отупляющая “обломовщина” и нежная, поэтичная Русь Тургенева переплелись у гр. А. Толстого в очень богатом и своеобразном узоре»⁴⁰. Главное открытие писателя критик видела не столько в «характерно обрисованном быте и типичных фигурах», но в «любопытной психологической экскурсии»: «Гр. А. Толстой, может быть, незаметно для самого себя, заглянул в самую сущность природы русского человека. От его повести подлинно “Русью пахнет”»⁴¹.

В полной мере это перекликается с одним из отзывов на «Суходол» Бунина: «Бунин, как художник, проявил в “Суходоле” силу и чистоту таланта, превосходящие все прежде им написанное. Повесть чисто бытовая, “Суходол” местами обраща-

³⁹ Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 11–12. Исключено из текста произведения: Бунин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Берлин: Петрополис, 1934–1935. Т. 2.

⁴⁰ Колтоновская Е.А. Гр. А.Н. Толстой. I. «Сорочьи сказки», СПб., 1910 г. II. Повести и рассказы, СПб., 1911 г. // Вестник Европы. 1911. Январь. С. 353–354.

⁴¹ Колтоновская Е.А. Пути и настроения молодой литературы // Колтоновская Е.А. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. С. 47.

ется в яркий и громадный символ: из-за помещицкой усадьбы Хрущевых вдруг выступает вся Россия, проглядывает лицо всего русского народа»⁴².

Период конца 1900-х — самого начала 1910-х гг. не отмечен тесным общением Бунина и Толстого. Их встречи в это время носили, вероятно, эпизодический и даже случайный характер. Так, например, 25 сентября 1910 г. оба они присутствовали на чтении пьесы Л.Н. Андреева «Океан» в редакции петербургского издательства «Шиповник»⁴³. Пересекались, возможно, и в других издательствах и редакциях. Однако в письмах и дневниках писателей это не нашло отражения.

⁴² *Петров Г.С. Суходолия // Кругозор. 1913. № 2. С. 34.* Справедливости ради необходимо отметить, что тогда, в начале 1910-х гг., Бунин и Толстой не только сопоставлялись, но и противопоставлялись критикой. Один из рецензентов писал о «Суходоле»: «Задача, как видно, огромная... И нужно сказать, что осуществление ее в полной мере дало бы бесспорно и результаты выдающиеся. Но, к сожалению, Бунин выполняет ее лишь частично. Он скорее «обдумывает» Русь, нежели ее «выглядывает». Он — горожанин, живущий кабинетной жизнью, и потому к какому бы вы произведению его из жизни деревни не обратились, везде вы почувствуете отсутствие подлинных личных впечатлений. Скорее чувствуется тема, надуманная задача, чем объективно-художественный материал, из которого сам читатель может сделать тот или иной вывод. Возьмите хотя бы его рассказ «Суходол». В сущности, он представляет собою легенду старого разрушенного дворянского гнезда <...> Бунин — поэт, вышедший сам из такого гнезда, и можно было бы думать, что его легенда будет проникнута тем ароматом поэзии, которая так присуща всем подобным легендам <...> Но Бунин разрушает красоту этих поэтических сказаний. Он ставит себе задачей доказать, что в дворянских гнездах сами их обитатели нисколько не отличались от остальной деревни и принадлежащих им крестьян <...> Быть может, Бунин отчасти прав. Однако, при всей справедливости каждого из сообщенных им фактов, чувствуется отсутствие общей правдивой картины. Молодой беллетрист граф А.Н. Толстой, описывающий такие же усадьбы в настоящее время, дает картины гораздо более убедительные» (*Колосов А. Литературные наброски // Оренбургский край. 1913. 5 января. С. 3*).

⁴³ *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. С. 213.*

Более активными их контакты стали после переезда Толстого в сентябре 1912 г. на жительство из Петербурга в Москву. Уже 26 октября 1912 г. он с женой, С.И. Дымшиц, присутствовал в Большом зале Политехнического музея на чествовании Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности⁴⁴. А 28 октября — на банкете по тому же поводу в Большом зале Литературно-художественного кружка⁴⁵.

С.И. Дымшиц вспоминала о том времени: «С писателями мы встречались в Литературно-художественном обществе на Большой Дмитровке⁴⁶, где руководящее ядро состояло из писателей, вышедших из знаменитых горьковских “сред” (Серафимович, Вересаев, Бунин, Телешев)⁴⁷, к которым организационно, входя в дела книгоиздательства, примыкали Шмелев, Зайцев. Алексей Николаевич также активно включился в работу общества и его издательства»⁴⁸.

«Книгоиздательство», о котором упоминает Дымшиц, называлось Книгоиздательством писателей в Москве и представляло собой издательское объединение на паях. Просуществовало оно с 1912 по 1923 г. Его ядро составили писатели, связанные с кружками «Среда» и «Молодая среда». Пайщиками издательства были И.А. Белоусов, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, Н.Д. Теле-

⁴⁴ Там же. С. 293.

⁴⁵ Там же. С. 314.

⁴⁶ Речь идет о Литературно-художественном кружке, одном из первых клубов московской интеллигенции; создан в 1899 г. Заседания кружка проходили на улице Большая Дмитровка в доме 15 а. Председателем его правления до 1908 г. был А.И. Сумбатов-Южин, с 1908 по 1920 г. — В.Я. Брюсов.

⁴⁷ Московский литературный кружок «Среда» («Московская литературная среда»), членами которого были Л.Н. Андреев, Ю.А. и И.А. Бунины, В.В. Вересаев, А.М. Горький, С.В. Рахманинов, Н.Д. Телешов, Ф.И. Шаляпин, просуществовал с 1899 по 1916 г. Первое время его собрания проходили на квартире Н.Д. Телешова (Чистопрудный бульвар, 21). С 1909 г. — в одном из помещений дома 15 а по Большой Дмитровке. С 1911 г. существовала еще и «Молодая среда» во главе с Ю.А. Буниным, ее членом был Алексей Толстой.

⁴⁸ Воспоминания об Алексее Толстом. М.: Сов. писатель, 1982. С. 74–75.

шов, И.С. Шмелев и др. И Бунин, и Алексей Толстой активно печатались в Книгоиздательстве, где на протяжении 1910-х гг. вышло десяти томное собрание сочинений Толстого (три издания) и 18 изданий сборников стихотворений, повестей и рассказов Бунина.

Издавало Книгоиздательство писателей и литературный сборник «Слово», где под одной обложкой собирало произведения своих постоянных авторов. В сборниках в разные годы печатались рассказы Бунина «При дороге» (1; 1913), «Братья» (3; 1914), «Весенний вечер» (4; 1915), «Господин из Сан-Франциско» (5; 1915), «Петлистые уши» (7; [1917]), «Соотечественник» (8; [1918]), а также рассказы Толстого «Овражки» (1; 1913), «Четыре века» (4; 1915), «Искры» (6; 1916), «Милосердия!» (8; [1918]), его же повесть «Большие неприятности» (3; 1914) и пьеса «Касатка» (7; [1917])⁴⁹.

Не случайны поэтому неизбежные сравнения двух писателей и выявление индивидуальных особенностей каждого в критике того времени. Так, Л.Н. Войтоловский в рецензии на 3-й сборник «Слово» писал: «В противоположность зычному Алексею Толстому <«Большие неприятности»> Бунин рассказывает тихо, спокойно и убедительно. Пожалуй, даже несколько холодно. Но это холодность Гете — чистая, строгая, изящная. Его рассказ «Братья» переносит нас под тропики. Перед нами разворачиваются яркие панорамы Востока. Люди, животные, деревья — все окрашено в экзотические цвета <...> И у Бунина, как и у Алексея Толстого, собраны в один пучок самые разнообразные элементы <...> Но в повести Алексея Толстого все описания навалены в хаотическом беспорядке, в сыром, не переваренном виде, как морковь и капуста в корзине у овощной торговки. Тогда как у Бунина все это, как в живом

⁴⁹ Бунин и Толстой часто «встречались» на страницах общих для них изданий. Так, в первом, и единственном, сборнике Издательства товарищества писателей (СПб., 1912) были опубликованы роман Толстого «Хромой барин» и рассказ Бунина «Ночной разговор». Для публикации в сборнике в помощь жертвам войны «Клич» в 1915 г. Бунин дал рассказ «Грамматика любви», Толстой — рассказ «Призраки» (Перспект сборника «Клич» // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 10). К сожалению, издание не состоялось.

организме, каждая мелочь растворяется без остатка и горячей алою кровью струится по жилам его рассказа. И это объясняется тем, что каждый осколок жизни Бунин берет не как тему, а как живой человеческий документ, и в каждом взгляде, в каждой улыбке он ищет и открывает его внутренний смысл. Алексей Толстой пишет не задумываясь. Бунин глубоко изучает своих героев и сам всегда выше и содержательнее их»⁵⁰.

Неизвестно, знал ли об этом Бунин, но именно с ним, пусть и косвенно, была связана причина отказа в публикации в Книгоиздательстве писателей романа Толстого «Егор Абозов». Над произведением, в котором отразились его впечатления от собственного негативно оцененного модернистского прошлого, писатель работал в середине 1910-х гг. В романе был вполне узнаваем литературный Петербург 1909–1911 гг. с редакцией журнала «Аполлон» (в романе «Дэлос»), рестораном «Вена» («Париж»), кабачком «Капернаум» и литературно-артистическим кабаре «Бродячая собака» («Подземная клюква»). При очень большом желании в персонажах произведения можно было усмотреть черты сходства с современниками Толстого.

Еще незаконченным, «Егор Абозов» был передан в Книгоиздательство писателей, для решения вопроса о его публикации. Прочитавший роман драматург С.Д. Махалов указал на отдельные обидные черты героев произведения, роднившие их с И.А. Буниным, Л.Н. Андреевым, А.И. Куприным, М.А. Кузминым, Д.С. Мережковским и др., что и явилось основной причиной для отказа автору. В письме к члену редакции Книгоиздательства, Н.Д. Телешову, Махалов, справедливо отмечая отсутствие явной портретности («за исключением намеков, да и то перемешанных в такую кашу, что разобраться в них можно только при сильном желании»), тем не менее, 31 августа 1915 г. писал по поводу сходства одного из героев с И.А. Буниным:

На стр. 82 — Волгин «устало потирая лоб и глаза, рассеянно поздоровавшись с гостями, потрепав Иванушку по спине — сел к столу и, сутулясь, принялся мешать ложечкой

⁵⁰ *Войтоловский Л.Н.* Летучие наброски // Киевская мысль. 1914. 26 апреля. С. 3.

чай. — Кончил 14-ю главу, — сказал он. — Хотел застрелить Катерину Савишну, но раздумал — так лучше. Пусть мается, кроме того, она беременна. — Желтый и тощий, с подведенными щеками и глазами, опустевшими от работы, он показался Абову действительно мало способным на исполнение каких-либо обязанностей (супружеских см. с. 80). Его жена сидела теперь упрямо поджав губы, сдвинув тоненькие брови». А ранее на стр. 80 читай: — «Волгин кончал главу; гостей встретила в крошечной столовой жена Волгина, маленькая и русенькая, похожая на малярного цыпленка, и сейчас же стала рассказывать, как много и хорошо работает ее муж и т. д.». Я привел Тебе этот отрывок, чтобы обратить твоё внимание, во-1-х, на то, что здесь все-таки можно найти некоторые намеки на Бунина, а Ты понимаешь, что из этого может выйти. А затем, что в таком роде и все остальные портретные выпады. Внешность, напр[имер], Волгина похожа на И. Бунина, зато сюда же, что он «на одном крепком чае... выписывает в месяц три листа и получает всего 250 р. за лист», — чего на самом деле нет, ибо И. Бунин не пьет крепкого чая и получает 500–600 за лист. Повторяю, что я отношусь придирчиво, но, ведь, так, кажется, и надо взглянуть на дело, особенно по отношению к И.А. Бунину, который на одном из заседаний сказал про один из критических сборников, изданных нами, где о нем был неблагоприятный отзыв: — Должны ли мы издавать таких господ, которые о своих же товарищах по изданию так отзываются?.. Стало быть, если признать подозреваемое мною сходство с И. Буниным, то с этим как-никак, а считаться придется⁵¹.

При жизни Толстого роман так и не был напечатан, оставшись незавершенным⁵².

⁵¹ А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний А.Н. Толстой и его литературное окружение). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 155–156.

⁵² Впервые опубликован: *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1946–1953. С. 7–102. Один из фрагментов романа под заглавием «Егор Абов», где действующим лицом является похожий на Бунина Волгин, был опубликован в газете «Одесские новости» 25 декабря 1915 г.

О влиянии Бунина на издательскую политику Книгоиздательства Толстой знал. Осенью 1916 г. он писал А.М. Ремизову: «Говорил с Буниным относительно Ваших книг. Бунин в решительной форме отказался. Т. к. его влиянием окрашено Книгоиздательство (редакция: Ю. Бунин, Телешов и Вересаев), то и посылать туда книги не стоит»⁵³.

Временем сближения Бунина и Толстого стали годы революции. Писатели жили тогда в Москве по соседству (Бунин — на Поварской в доме 26, Толстой — на Малой Молчановке в доме 8) и часто встречались то в Клубе московских писателей, членами которого, наряду с К.Д. Бальмонтом, Андреем Белым, Ю.К. Балтрушайтисом, В.Я. Брюсовым, В.В. Вересаевым, М.А. Волошиным, они были, то на собраниях кружка «Среда».

Клуб московских писателей был создан 11 марта 1917 г. на организационном собрании в помещении Художественного театра. М.А. Осоргин вспоминал: «Клуб собирался на частных квартирах — раньше у Ан[астасии] Ром[ановны] Крандиевской, — и там необычайный туман пускали Вяч. Иванов и Андрей Белый, и вообще были заправские “прения”, и пили чай с печеньем. Приятнее всего заседали у Ал. Толстого, — уже с пельменями и обильной “подливкой”; И.А. Бунин читал нам здесь свой рассказ “Петлистые уши”»⁵⁴.

И Бунин, и Толстой стали очевидцами октябрьских боев в Москве, оба пережили переход города в руки большевиков как личную драму. 4 ноября 1917 г. Бунин записал в дневнике: «Вчера не мог писать, один из самых страшных дней всей моей жизни. Да, позавчера был подписан в 5 ч. “Мирный договор”⁵⁵. Вчера часов в 11 узнал, что большевики отбирают оружие у юнкеров <...> Вломились молодые солдаты с винтовками в наш вестибюль — требовать оружие. Всем существом понял, что такое вступление скота и зверя победителя в город <...> Три

⁵³ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 257.

⁵⁴ Осоргин М.А. Валерий Брюсов. Клуб писателей // Последние новости. 1933. 29 октября. С. 5.

⁵⁵ Речь идет о мире между Комитетом общественной безопасности и Военно-революционным комитетом.

раза приходили, вели себя нагло. Выйдя на улицу после этого отсиживания в крепости — страшное чувство свободы (идти) и рабства. Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясаяще скотски и мерзки. День темный, грязный. Москва мерзка как никогда»⁵⁶.

Близки этим бунинским записям записи из дневника Алексея Толстого, также сделанные в начале ноября 1917 г.: «Кто-то пришел и сказал — слышали, заключен мир. На него посмотрели молча. Никто не выразил ни радости, ни отчаяния. Только спустя некоторое время офицер-летчик сказал: “Да, все-таки родина, и вот нет ничего”. Другой: “Теперь нам деться некуда, лучше бы убили”»⁵⁷; «Чувство тоски смертельной, гибели России, в развалинах Москвы, сдавлено горло, ломит виски»⁵⁸; «Распадение тела государства физически болезненно для каждого: кажется, будто внутри тебя дробится что-то бывшее единым, осью, скелетом духа, дробится на куски; ощущение предсмертной тоски; воображение нагромождает ужасы. Мое духовное и физическое тело связано с телом государства; потрясения, испытываемые государством, испытываются мною»⁵⁹.

И.Г. Эренбург вспоминал об Алексее Толстом: «В 1917–1918 годы он был растерян, огорчен, иногда подавлен: не мог понять, что происходит; сидел в писательском кафе “Бом”; ходил на дежурства домового комитета; всех ругал и всех жалел, а главное — недоумевал. Иногда к нему приходил И.А. Бунин, умный, злой, и рассказывал умно, зло, но несправедливо; рассказывал, помню, как к нему пришел мужик — предупредить, что крестьяне решили сжечь его дом, а добро унести. Иван Алексеевич сказал ему: “Нехорошо”, — тот ответил: “Да что тут хорошего... Побегу, а то без меня все заберут. Чай, я не обсевок какой-нибудь!” Толстой невесело смеялся»⁶⁰.

⁵⁶ Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005–2007. Т. 9. С. 224.

⁵⁷ А.Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 354.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 354–355.

⁶⁰ Воспоминания об Алексее Толстом. М.: Сов. писатель, 1982. С. 88.

Видимо, этим рассказам Бунина о событиях в Орловской губернии обязаны мы сведениями, приведенными в рассказе Толстого 1918 г. «Между небом и землей (Очерки нравов революционной Москвы)»: «В Орле свирепствовал террор, по губернии дожигали последних помещиков, отряды Красной гвардии грабили крестьян, мужики закапывали красногвардейцев живыми в землю, в одном уезде помещики и мужики вешали местные совдепы, в другом совдепы вешали мужиков и помещиков, и все это вместе называлось социальной революцией»⁶¹.

При всем внешнем благополучии развития отношений двух писателей случались между ними и конфликты. Об одном из них в очерке «Третий Толстой» рассказал сам Бунин: «Московские писатели устроили собрание для чтения и разбора “Двенадцати” <...> Читал кто-то, не помню кто именно, сидевший рядом с Ильей Эренбургом и Толстым. И так как слава этого произведения, которое почему-то называли поэмой, очень быстро сделалась вполне неоспоримой, то, когда чтец кончил, воцарилось сперва благоговейное молчание, потом послышались негромкие восклицания: “Изумительно! Замечательно!” Я взял текст “Двенадцати” и, перелистывая его, сказал приблизительно так»⁶². И далее следует все то, что сказал мемуарист о Блоке и его произведении в далеком 1918 г. Наверное, в очерке, это выглядит еще резче, еще непримиримее, чем в реальности. Приведем небольшой фрагмент бунинского выступления, им самим пересказанного:

— Господа, вы знаете, что происходит в России на позор всему человечеству вот уже целый год. Имени нет тем бессмысленным зверствам, которые творит русский народ с начала февраля прошлого года, с февральской революции, которую все еще называют совершенно бесстыдно «бескровной». Число убитых и замученных людей, почти сплошь ни в чем не повинных, достигло, вероятно, уже миллиона, целое море слез вдов и сирот заливают русскую землю. Убивают все, кому не лень;

⁶¹ Толстой А.Н. Хожение по мукам / изд. подгот. Г.Н. Воронцова. М.: Наука, 2012. С. 272. (Серия «Литературные памятники»).

⁶² Бунин И.А. Собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 145.

солдаты, все еще бегущие с фронта ошалелой ордой, мужики в деревнях, рабочие и всякие прочие революционеры в городах. Солдаты, еще в прошлом году поднимавшие на штыки офицеров, все еще продолжают убийства, бегут домой захватывать и делить землю не только помещиков, но и богатых мужиков, по пути разрушают все, что можно, убивают железнодорожных служащих, начальников станций, требуя от них поездов, локомотивов, которых у тех нет <...> Не странно ли вам, что в такие дни Блок кричит на нас: «Слушайте, слушайте музыку революции!» и сочиняет «Двенадцать», а в своей брошюре «Интеллигенция и Революция» уверяет нас, что русский народ был совершенно прав, когда в прошлом октябре стрелял по соборам в Кремле⁶³.

«Вот тогда, — продолжал Бунин, — и закатил мне скандал Толстой; нужно было слышать, когда я кончил, каким петухом заорал он на меня, как театрально завопил, что он никогда не простит мне моей речи о Блоке, что он, Толстой, — большевик до глубины души, а я ретроград, контрреволюционер и т. д.»⁶⁴.

Рассказано подробно и по-бунински образно, тем не менее, не все в этом рассказе заслуживает безоговорочного доверия. Речь в очерке идет о заседании литературного кружка «Среда» («Молодая среда»), которое, как указано в «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина», состоялось в Москве 13 (26) мая 1918 г. и где А.Б. Дерман читал свой доклад «О творчестве Блока». Называя дату 13 мая, составитель «Летописи» ссылается на документы фонда В.Г. Лидина в Российском государственном архиве литературы и искусства а именно, на очерк Ю.А. Бунина «Литературный кружок “Среда” (1899–1918)»⁶⁵. Однако в дневнике самого Бунина за 1918 г. никаких упоминаний о заседании «Среды» 13 мая нет⁶⁶. О том, как оно про-

⁶³ Бунин И.А. Собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 145.

⁶⁴ Там же. С. 150.

⁶⁵ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. С. 932.

⁶⁶ 13 мая 1918 г. Бунин писал в дневнике о заседании «Среды» 12 мая: «Вчера “Среда”. Читал Лидин (“Олень”), стихи — Ходасевич

ходило, мы можем судить по письму Н.А. Нолле-Коган⁶⁷, адресованному Блоку и написанному по следам событий 25 мая (6 июня) 1918 г.:

В обществе «Среда» было заседание, на котором Дерман читал доклад о Вас. Доклад озаглавлен был «Творчество А. Блока». Доклад убийственно бездарный, он хвалил Вас за творчество дореволюционное и разносил за революционное, хотя поэму «Двенадцать» назвал талантливой. Тут все на стену полезли, особенно негодовал Ив. Бунин, а т. к. он «генерал», то слушали с почтительным молчанием и сочувствием <...> я <...> не вытерпела и сказала, что очарования А. Блока, я уверена, я знаю, и половина здесь присутствующих не знает, но если читая, переживать всем сердцем, всей кровью, что читаешь, то из-под власти его гения нам не уйти, и я хочу доказать это и, если собрание разрешит, прочту несколько его стихотворений, и я верю, что-то неуловимо-враждебное, что сейчас витает в воздухе к поэту, пройдет и сменится восторгом и большой к нему нежностью. Читала я <...> много <...> несколько раз <...> кончала, но просили еще. Я так была рада, потому что заранее верила в Вашу победу. Ив. Бунин подошел со словами: «Вы победили, Надежда Александровна», а когда я с радостью ответила ему: «Да, гений поэта победил», он, усмехаясь, с поклоном подал мне ветку белой сирени...⁶⁸.

и Копылова <...> Эренбург, Сობоль — все наглет. Эренбург опять стал задевать меня — пшютовским, развязным, задирчивым тоном. Шкляр — “страстную” речь по этому поводу. Я сказал: “Да, это надо бросить!” Начался скандал. Толстой злой на меня за “Элиту”, на их стороне. “Эренбург — большой поэт”. А как он три месяца назад, после чтения стихов Эренбургом, ругал Эренбурга» (Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 232). Нет упоминаний о заседании «Среды» 13 мая и в записи Бунина от 14 мая 1918 г.

⁶⁷ Нолле-Коган Надежда Александровна (1888–1966) — переводчица с французского, мемуаристка, жена историка литературы и критика П.С. Когана. Близкая знакомая А.А. Блока в последний период его жизни; с 1913 г. состояла в переписке с поэтом.

⁶⁸ Цит. по: Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 329.

Как это видно, никаких упоминаний о Толстом, вставшем на защиту Блока, в письме Нолле-Коган нет, да и сама позиция Бунина выглядит совсем не так однозначно, как в очерке. И.Г. Эренбург позже в своих воспоминаниях косвенно подтвердил сведения, приведенные писателем: «Я вспоминаю тот вечер. Алексей Николаевич тогда во многом сомневался, но слова Бунина о поэзии Блока он назвал кощунством»⁶⁹. Однако сказал ли об этом Толстой самому Бунину, или только Эренбургу, остается не проясненным.

Пройдет совсем немного времени, и Бунины, тогда же, в мае 1918 г., уедут на юг, в Одессу. В конце июля за ними последуют Толстые. Оба писателя, как нам кажется, покидали Москву в глухом раздражении, в том числе и друг на друга. Вот одна из последних московских дневниковых записей Бунина: «У светлой заутрени Толстой с женой. В руках — *рублевые* свечи. Как у него все рассчитано! Нельзя дешевле. “Граф прихожанин”! Стоит точно в парике в своих прямых бурых волосах а la мужик»⁷⁰.

⁶⁹ Воспоминания об Алексее Толстом. М.: Сов. писатель, 1982. С. 85.

⁷⁰ Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 229. Пасхальную заутреню 1918 г. Бунин с женой отстояли в московском храме Свяителя Николая на Курьих Ножах, который находился между Большим Ржевским и Борисоглебским переулками в непосредственной близости от мест проживания обоих писателей. 4 мая Бунин записал в дневнике: «Вчера от Ушаковой зашел в церковь на Молчановке — “Никола на Курьей ношке”. Красота этого еще уцелевшего островка среди моря скотов и убийц, красота мотивов, слов дивных, живого золота дрожащих огоньков свечных, траурных риз — всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа и чем жива она — единственно этим! — так поразила, что я плакал — ужасно, горько и сладко» (Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 229). Упоминается храм и в созданном в эмиграции романе Алексея Толстого «Хождение по мукам». Здесь на Страстной гонели сестры Булавины, жившие в одном из арбатских переулков, сюда же во время своих вечерних прогулок приходили Даша и Иван Телегин: «Над неровными линиями крыш, над оранжевым закатом в прозрачной бездне неба переливалась звезда. Голые сучья лип чернели четко и неподвижно. Под ними было совсем темно; хрустели застывшие лужицы на тротуаре. Даша остановилась и, не выпуская соединенных рук, которыми держала под руку Ивана

Столь же нелюбимым выглядит и упоминание Бунина в письме Толстого писателю Андрею Соболю⁷¹, которое было отправлено из Одессы в сентябре–октябре 1918 г.: «Кроме того, здесь сидят писатель Федоров⁷², писатель Нилус⁷³, писатель Кипен⁷⁴. Бунин же, который спросил с тебя, как я предполагаю, тысяч пять за лист, — негодяй. Я тебе расскажу про него при встрече, негодяй и опасный человек. Он немного спятил от самолюбия и злости, и т. д.»⁷⁵. Однако общие выпавшие на долю писателей испытания и тяготы беженской жизни со временем сгладили существовавшие между ними противоречия.

В Одессе, где обосновались Бунины и Толстые, в это время находилось большое количество беженцев, и среди них писатели, художники, актеры. В городе издавались газеты, журналы, альманахи, устраивались литературные вечера, работали театры. Облик Одессы 1918 г. с его характерным смещением «времен и народов» блестяще запечатлен в повести Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус»:

Ильича, глядела через низенькую ограду на затеплившийся свет в древнем, глубоком окошечке церкви — Николы на Курьих Ножах» (Толстой А.Н. Хождение по мукам. М.: Наука, 2012. С. 227). Прочитав «Хождение по мукам» в Париже, Бунин, должно быть, вспомнил и эту церковь, и тот уголок Москвы, где она находилась.

⁷¹ Андрей Соболев (наст. имя Юлий Михайлович (Израиль Моисеевич); 1887–1926), писатель, очеркист, драматург. Толстой познакомился с ним в 1917 г. в Москве на заседаниях Клуба московских писателей. Осенью 1918 г. оба находились на юге России.

⁷² Федоров Александр Митрофанович (1868–1949), русский поэт и прозаик, переводчик, драматург. С 1896 г. жил и работал в Одессе. О его стихах положительно отзывался И.А. Бунин.

⁷³ Нилус Петр Александрович (1869–1943), живописец, художественный критик, писатель. В Одессе жил с 1876 г., где в 1898 г. познакомился с И.А. Буниным. Входил в Товарищество южнорусских художников.

⁷⁴ Кипен Александр Абрамович (1870–1938), писатель, переводчик, агроном и ученый в области виноградарства и виноделия, художник и коллекционер живописи; входил в одесский круг общения Бунина.

⁷⁵ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 276.

Что за чудо Дерибасовская улица в четыре часа дня, когда с моря дует влажный мартовский ветер! На Дерибасовской в этот час вы встретите всю Россию в уменьшенном, конечно, виде. Сильно потрепанного революцией помещика в пальтеце не по росту, — он тут же попросит у вас взаймы или предложит зайти в ресторан. Вы встретитесь с давно убитым знакомцем, — он был прапорщиком во время Великой войны, а смотришь, и не убит совсем, и еще шагает в генеральских погонах. Вы увидите знаменитого писателя, — важно идет в толпе и улыбается желчно и презрительно этому, сведенному до миниатюрнейших размеров, величию империи. Вы наткнетесь на нужного вам до зарезу иссиня бритого дельца в дорожной шубе, стоящего от нечего делать вот уже час перед витриной ювелирного магазина. Вы поймаете за полу бойкого и неунывающего журналиста, ужом пробирающегося сквозь толпу, — он наспех вывалит вам весь запас сенсационных известий...⁷⁶.

Для Бунина, который неоднократно бывал в Одессе, жил там подолгу и имел много друзей и знакомых, она была обжитым городом. Толстым приходилось сложнее. Накануне их отъезда в эмиграцию 5 апреля 1919 г. В.Н. Муромцева-Бунина записала в дневнике: «Прощаемся с Толстыми, которые в два часа решили бежать отсюда, где им так и не удалось хорошо устроиться. Они будут пробираться в Париж»⁷⁷.

По крайней мере, два письма было написано Толстым Бунину из Парижа. «...Мне было очень тяжело тогда расставаться с Вами, — писал он в Одессу. — Час был тяжелый. Но тогда точно ветер подхватил нас, и опомнились мы не скоро, уже на пароходе. Что было перетерплено — не рассказать. Спали мы с детьми в сыром трюме рядом с тифозными, и по нас ползали вши»⁷⁸.

⁷⁶ Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1982–1986. Т. 3. С. 486.

⁷⁷ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frank-furt/Main: Посев, 1977–1982. Т. 1. С. 222.

⁷⁸ Писатель с семьей выбирался из Одессы морем на одном из

Два месяца сидели на собачьем острове в Мраморном море⁷⁹. Место было красивое, но денег не было. Три недели ехали мы (потом) в каюте, которая каждый день затоплялась водой из солдатской протомойни⁸⁰, но зато все это искупилось пребыванием здесь (во Франции). Здесь так хорошо, что было бы совсем хорошо, если бы не сознание, что родные наши и друзья в это время там мучаются. ...Пришлите, Иван Алексеевич, мне Ваши книги и разрешение для перевода рассказов на французский язык. Ваши интересы я буду блюсти и деньги высылать честно, то есть не закливать. В Париже Вас очень хотят переводить, а книг нет...»⁸¹.

Уже в декабре 1919 г. Толстой настойчиво звал Бунина в Париж: «...Милый Иван Алексеевич, князь Георгий Евгеньевич Львов (бывший глава Временного правительства, он сейчас в Париже)⁸² говорил со мной о Вас, спрашивал, где Вы и нельзя ли

первых судов, огромном французском транспорте под названием «Кавказ». Кроме множества беженцев на его борт поднялись более тысячи офицеров и штаб генерала А.В. Шварца, главы военной администрации города. Погрузка была долгой и трудной. Когда в Одессу входили первые отряды Красной армии под командованием атамана Н.А. Григорьева, «Кавказ» все еще стоял на рейде. Путь от Одессы до Константинополя занял семь дней. В дневнике Толстой записал: «...воспоминания о десяти днях на “Кавказе” тяжелы, как воспоминания о чем-то точно очень дурном, неестественном, разрушительном, как болезнь» (А.Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 407).

⁷⁹ В апреле–мае 1919 г. Толстой с семьей около месяца прожил на острове Халки в Эгейском море, совершая поездки в Константинополь. Остров — место действия рассказа писателя 1922 г. «На острове Халки» («Последний день поэта Санди»).

⁸⁰ В мае 1919 г. Толстые на пароходе «Карковадо» отплыли в Марсель. Писатель с женой разместились в трюме в каюте третьего класса, дети с няней — в каюте первого класса. Путешествие из Константинополя в Марсель описано в рассказе Толстого «Древний путь» (1927).

⁸¹ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 1. С. 279–280.

⁸² Толстой был знаком с князем Георгием Евгеньевичем Львовым (1861–1925), бывшим главой Временного правительства (в марте–июне 1917 г.), со времен Первой мировой войны. Львов возглавлял сначала «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым

Вам предложить эвакуироваться в Париж. Я сказал, что Вы, по всей вероятности, согласились бы, если бы Вам был гарантирован минимум для жизни вдвоем. Я думаю, милый Иван Алексеевич, что Вам было бы сейчас благоразумно решиться на эту эвакуацию»⁸³.

Бунины покинули Россию в начале февраля 1920 г. 28 марта они приехали в Париж и остановились сначала у Цетлиных, недолго жили в Hotel des Saints-Peres на rue des Saints-Peres и затем переехали в дом по адресу: 48 bis, rue Raynouard, Passy, — где уже снимали квартиры А.Н. Толстой и К.Д. Бальмонт.

Одним из первых публичных мероприятий, которое посетили Бунины в Париже, стало чтение Толстым своего нового романа «Хождение по мукам». 4 апреля В.Н. Муромцева-Бунина записала в дневнике: «Толстые здесь, очень поправились. Живут отлично, хотя он все время на краю краха. Но они бодры, не унывают. Он пишет роман <...> Было чтение. Народу было много. Всем роман понравился. Успех очевидный»⁸⁴. В 1949 г. в один из мартовских дней она же вспоминала: «Когда-то, 29 лет тому назад, Алексей Толстой читал начало своего романа “Хождение по мукам” в салоне М.С. Цетлиной. Мы 2 дня как приехали в Париж»⁸⁵.

В Париже общение оторванных от родины писателей стало еще более тесным. Дневник В.Н. Муромцевой-Буниной 1920–1921 гг. полон упоминаний о визитах к Толстым или встречах с ними у себя дома:

19 апреля 1920 г.: «...мы решили пойти к Толстому на новую квартиру. Квартирка маленькая, но светлая, с чудесным видом

воинам», затем Земгор, в работе которых писатель принимал деятельное участие. В конце 1919 г. Толстых и Львова связывали теплые дружеские отношения. Н.В. Крандиевская в одном из писем А.С. Яценко упоминала: «Знакомых много, чаще всего бываем у Львова — я и Алеша, оба полюбили его» (Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921–1923. По материалам Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Париж: YMCA-Press, 1983. С. 114).

⁸³ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 1. С. 285.

⁸⁴ Устами Буниных... Т. 2. С. 8.

⁸⁵ Устами Буниных... Т. 3. С. 191.

на Сену и левую часть Парижа, расположение комнат тоже хорошее <...> Ал.Н. спал, но скоро проснулся»⁸⁶.

21 апреля 1920 г.: «Обедали вчера у Толстых с Набоковым⁸⁷»⁸⁸.

28 апреля 1920 г.: «Вчера были у Толстых по случаю оклейки их передней ими самими. Пили вино. Толстой завел интересный разговор о литературе, о том, стоит ли вообще ему писать. Говорили о том, что литература теперь заняла гораздо более почетное место, чем это было раньше <...> Все поняли, что литература — это в некотором роде хранилище России. Потом говорили об иррациональном в искусстве. Ян считает, что хорошо в искусстве не то, что иррационально, а то, что передает то, что хотел выразить художник или поэт, и приводил Фета, Ал. Толстого и др. Потом заговорили о Льве Николаевиче Толстом»⁸⁹.

2 мая 1920 г.: «Были у Толстых, а вечером Толстые у нас. Ал. Ник. читал свои стихи. Он читает хорошо и хорошеет сам. Ян прочел свои 2 рассказа: “Сказка” и “Последний день”»⁹⁰.

10 января 1921 г.: «Сегодня были у нас Шполянский⁹¹, Наташа, Толстой, Куприны, Лихошерстов⁹², и мы обсуждали встречу Нового года. Решено встречать у Толстых <...>

⁸⁶ Устами Буниных... Т. 2. С. 10.

⁸⁷ Речь идет о Владимире Дмитриевиче Набокове (1869–1922), политическом деятеле, одном из лидеров Конституционно-демократической партии, отце писателя В.В. Набокова; Толстой был знаком с ним со времени их совместной поездки в Англию в 1916 г.

⁸⁸ Устами Буниных... Т. 2. С. 10.

⁸⁹ Там же. С. 12.

⁹⁰ Там же. С. 13.

⁹¹ Шполянский Аминад Петрович (1888–1957; псевдоним Дон-Аминадо), русский поэт-сатирик и мемуарист; в эмиграции с 1920 г.; был хорошо знаком как с Толстым, так и с Буниным.

⁹² Лихошерстов Александр Александрович, секретарь журнала «Грядущая Россия». Возможно, Лихошерстов Александр Александрович (1874–1958), полковник лейб-гв. Финляндского полка; в эмиграции во Франции.

Ян подарил Толстому записную книжку, он в восторге. Он, кажется, шуточками всех знакомых заставил подарить себе что-нибудь»⁹³.

14 января 1921 г.: «У Толстых вчера пировали весело <...> Вначале было довольно неоживленно, даже грустно <...> Но разожгло, “раскипятило и воспламенило” всех цыганское пение Шишкиной-Афанасьевой, кот[орую] пропагандирует теперь Аминад, и почти все пустились в пляс. Даже Ян не удержался, несмотря на сердце, сделал несколько цыганских движений с таким выражением, что привел всех в восторг. “Вот это подлинное, земляное, а не то, что мы, выученное”, — восклицал Саша Койранский⁹⁴, который отличался больше всех в танцах. В 12 ч. мы, т. е. Куприны и Яблоновские⁹⁵, Ян и я ушли»⁹⁶.

13 марта 1921 г.: «Вернулись от Толстого. Он читал нам свою новую повесть “Посрамленный Калиостро”. Слушалась она очень легко и приятно. Таланту много, но и сумбуру порядочно <...> Ян сказал: “У тебя большой упор таланта”»⁹⁷.

С первых дней приезда Бунина в Париж Толстой пытался активно вовлекать его в собственные литературные проекты. 8 августа 1930 г. В.Н. Муромцева-Бунина записала в дневнике: «Вчера он <речь идет о М.А. Алданове> вспоминал свою эввакуацию, Толстых <...> Вот однажды Толстой говорит: — Давай издавать журнал! — Как? Да кто покупать будет? Откуда деньги? — Достанем. Редакторами будем мы, пригласим Чайков-

⁹³ РАЛ. MS. 1067/371.

⁹⁴ Койранский Александр Ааронович (1884–1968), русский поэт, художник, литературный, театральный и художественный критик; в эмиграции с 1919 г.

⁹⁵ Яблоновский Александр Александрович (1870–1934), русский писатель и фельетонист.

⁹⁶ РАЛ. MS. 1067/371.

⁹⁷ Там же.

ского⁹⁸, Львова <...> И представьте, так и вышло <...> С первого номера начались “Хождения по мукам” <...> Там в редакции мы с вами в первый раз встретились после Одессы, Иван Алексеевич. Вы приехали с Толстым, мы все встали. Ведь вам тоже предлагали стать редактором, вы отказались»⁹⁹.

И Бунин, и Толстой были избраны в правление «Союза русских литераторов и журналистов в Париже». 21 июля 1920 г. газета «Последние новости» под заголовком «В Париже. В союзе литераторов и журналистов» сообщала: «Вчера состоялось первое заседание правления “Союза русских литераторов и журналистов в Париже”. В правление выбраны: председателем акад. И.А. Бунин, товарищами председателя М.Л. Гольдштейн и С.Л. Поляков, секретарем М.П. Миронов, казначеем гр. Ал. Ник. Толстой. Правление приступило к выработке устава»¹⁰⁰.

В конце 1920 г. А.Н. Толстой, И.А. Бунин и А.И. Куприн, основали на паевых началах издательство «Русская земля», которое частично финансировалось Земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей. Главным организатором издательства был Тихон Иванович Полнер (1864–1935), бывший сотрудник «Русских ведомостей». Просуществовала «Русская земля» около года и выпустило всего 13 книг. Среди них «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.» (1920), «Деревня. Суходол» (1921) и «Чаша жизни. Произведе-

⁹⁸ Чайковский Николай Васильевич (1850–1926), русский революционер, с 1904 г. в партии эсеров. После Октября 1917 г. занял активную антибольшевистскую позицию, являлся членом петроградского Комитета спасения родины и революции, одним из руководителей Союза защиты Учредительного собрания. В августе 1918 г. принял участие в свержении Советской власти в Архангельске и до февраля 1920 г. являлся председателем и управляющим Отделом иностранных дел правительства Северной области. С начала 1919 г. находился в Париже как участник Русского политического совещания и член Русской заграничной делегации на Парижской мирной конференции. В 1920 г. возглавил Исполнительное бюро Комитета помощи российским писателям и ученым во Франции. Вместе с Толстым был одним из редакторов журнала «Грядущая Россия».

⁹⁹ Устами Буниных... Т. 3. С. 229.

¹⁰⁰ Последние новости. 1920. 21 июля. С. 3.

ния 1913–1914 гг.» (1921) Бунина, «Хромой барин» (1921) и «Наваждение» (1921) Алексея Толстого.

Именно в Париже тесное многолетнее знакомство двух писателей переросло в дружбу. Толстой обращается теперь к Бунину на «ты» и «Иван», тогда как ранее неизменно называл его «Иван Алексеевич». Бунин также, обращаясь к Толстому, называет его «Алексей».

Так, летом 1921 г. Толстой писал Бунину из Камба, где жила в то время семья писателя: «Милые друзья, Иван и Вера Николаевна, было бы напрасно при Вашей недоверчивости уверять Вас, что я очень давно собирался Вам писать, но откладывал исключительно по причине того, что напишу завтра... Как Вы живете? Живем мы в этой дыре неплохо, питаемся лучше, чем в Париже, и дешевле больше чем вдвое. Если бы были хоть “тительные” денюжки — рай, хотя скучно. Но денег нет совсем, и если ничего не случится хорошего осенью, то и с нами ничего хорошего не случится. Напиши мне Иван, милый, как наши общие дела? Бог смерти не дает — надо кряхтеть! Пишу довольно много. Окончил роман и переделываю конец¹⁰¹. Хорошо было бы, если бы вы оба приехали сюда зимовать, мы бы перезимовали вместе. Дом комфортабельный, и жили бы мы чудесно и дешево, в Париж можно бы наезжать. Подумай, напиши...»¹⁰².

Однако Толстым не пришлось зимовать ни в Камбе, ни в Париже. Осенью 1921 г. они покинули Францию и поселились в столице Германии, в Берлине. Это событие нужно считать поворотной точкой в развитии отношений двух писателей, в их постепенном отдалении друг от друга. Вначале, впрочем, все выглядело очень мирно, и ничто не предвещало будущего разрыва. 16 ноября 1921 г. Толстой писал Бунину: «Милый Иван, приехали мы в Берлин, — боже, здесь все иное. Очень похоже на Россию,

¹⁰¹ Речь идет о завершении романа «Хождение по мукам». В одном из писем Н.В. Крандиевской конца 1930-х гг. Толстой писал: «“Хождение по мукам” я кончал в Камбе, где работал над последними главами около месяца» (Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 2. С. 287).

¹⁰² Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 1. С. 290–291.

во всяком случае, очень близко от России. Жизнь здесь приблизительно как в Харькове при гетмане: марка падает, цены растут, товары прячутся. Но есть, конечно, и существенное отличие: там вся жизнь построена была на песке, на политике, на аванюре, — революция была только заказана сверху. Здесь чувствуется покой в массе народа, воля к работе, немцы работают, как никто. Большевиизма здесь не будет, это уже ясно»¹⁰³.

В январе 1922 г. Толстой зовет Бунина в Берлин, как когда-то звал в Париж: «Милый Иван, прости, что долго не отвечал тебе, недавно вернулся из Мюнстера и, закружившись, как это ты сам понимаешь, в вихре великосветской жизни, откладывал ответы на письма. Я удивляюсь — почему ты так упорно не хочешь ехать в Германию, на те, например, деньги, которые ты получил с вечера, ты мог бы жить в Берлине вдвоем в лучшем пансионе, в лучшей части города девять месяцев; жил бы баринном, ни о чем не заботясь»¹⁰⁴.

1 января 1922 г. Бунин в свою очередь пишет Толстому, поздравляя его с наступившим Новым годом: «Прости, любезный друг, что не ответил на твое, теперь уже весьма давнее письмо. Нечего было писать, все было по старому, а главное — я опять долго лежал, поглупевший, обессиленный, безвольный от слабости, а потом узнал то ужасное, что ты, спасибо тебе, скрыл, отдалил на время от меня — <1 сл. нрзб.; м.б. по фр.: morto (смерть)> брата Юлия. Прости и напиши мне, как живешь, что делаешь, правда ли, что гребешь деньги лопатой и пр. У нас нового, кажется, ничего нет»¹⁰⁵.

Пройдет менее двух месяцев, и подобные письма между ними станут невозможны.

В начале 1922 г. произошло очевидное для всех сближение Алексея Толстого с лидерами сменовеховства, общественно-политического движения эмиграции, вступившего на путь сотрудничества с советской властью, поверившего в возможность преодоления большевиизма на новом витке развития русской революции в период НЭПа.

¹⁰³ Там же. С. 296.

¹⁰⁴ Там же. С. 298.

¹⁰⁵ ОР ГЛМ. Ф. 186. Оп. 3. Ед. хр. 167. Л. 2.

Публичные высказывания писателя в защиту идей сменовеховства наряду с сотрудничеством Толстого в сменовеховской газете «Накануне» стало непосредственной причиной письма к нему одного из руководителей Исполнительного бюро Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции Н.В. Чайковского. Он спрашивал Толстого: «Следует ли понимать занятую Вами в настоящее время позицию как открытый переход Ваш под флаг той самозванной власти, которой <...> жертвы террора в России обязаны своими муками, лишениями и унижениями?»¹⁰⁶.

Ответом Толстого было опубликованное в «Накануне» (14 апреля 1922 г.) и перепечатанное советскими «Известиями» (25 апреля 1922 г.) открытое письмо Чайковскому, в котором отразились и невозможность более для писателя довольствоваться ролью стороннего наблюдателя жизни на родине, и его несколько идиллическое восприятие связанных с НЭПом изменений в политическом и экономическом курсах советского правительства. Толстой писал о выбранном им пути: «...признать реальность существования в России правительства, называемого большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России — нет. Признав, делать все, чтобы помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни, в сторону извлечения из революции всего доброго и справедливого и утверждения этого добра, в сторону уничтожения всего злого и несправедливого, принесенного той же революцией, и, наконец, в сторону укрепления нашей великодержавности»¹⁰⁷.

После публикации письма Чайковскому разрыв Толстого с кругами русской эмиграции, негативно воспринявшими его открытый переход под знамена сменовеховства и сотрудничество в газете, которая, как говорили, издавалась на советские деньги, стал еще более непреодолимым, хотя еще совсем недавно многие считали и называли писателя чуть ли не «главной надеждой» русского литературного зарубежья.

¹⁰⁶ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 1. С. 309.

¹⁰⁷ Там же. С. 308.

Уже 20 апреля 1922 г. одна из парижских знакомых Толстого, графиня А.П. Дюмениль де Грамон¹⁰⁸ писала ему: «Весть о Вашем будущем отъезде в Москву дошла до Парижа <...> и конечно поднялась буря уже не в стакане воды, а в помойной яме¹⁰⁹. А в следующем письме, где речь идет о публикации «Хождения по мукам» на французском языке, сообщала: «...боюсь, чтобы Ваше выступление в Накануне, о котором даже L'Humanite говорит на первой странице, не сделало помещение, конечно до поры до времени, вашего романа довольно затруднительным...»¹¹⁰.

Насколько неожиданным для Бунина стал крутой поворот в судьбе эмигранта Алексея Толстого? В очерке «Третий Толстой» он писал об этом: «Как бы то ни было, летом 1921 года Толстой еще не думал, кажется, не только о России, но и о Берлине¹¹¹. То лето Толстые проводили под Бордо, в небольшом имении, купленном “Земгором” из остатков его общественных средств <...> к осени ничего хорошего не случилось, не случилось ничего хорошего и с Толстым. И однажды вечером мы, вернувшись домой, нашли его карточку, на которой были написаны в некотором роде роковые слова: “Приходил читать роман и проститься”»¹¹².

¹⁰⁸ Дюмениль де Грамон (урожденная Долгополова) Александра Петровна (1887–1978), библиотекарь, библиотечный деятель. Во Франции с начала 1900-х гг. Работала в Международной библиотеке современной документации в Нантере (под Парижем). Собирала для библиотеки архив русского зарубежья, который разместила в помещении Венсенского замка. Архив сгорел в 1944 г. при бомбардировке Парижа.

¹⁰⁹ ОРФ ГЛМ. Ф. 186. Оп. 3. Ед. хр. 213. Л. 3 об.

¹¹⁰ ОРФ ГЛМ. Ф. 186. Оп. 3. Ед. хр. 213. Л. 4–4 об.

¹¹¹ Ср. с письмом Толстого жене, Н.В. Крандиевской, написанным летом 1921 г. (она приводит его в своих воспоминаниях): «Жизнь сдвинулась с мертвой точки. В знакомых салонах по сему случаю переполох. Это весело. Я сжигаю все позади себя, — надо родиться снова. Моя работа требует немедленных решений. Ты понимаешь категорический смысл этих слов? Возвращайся. Ликвидируй квартиру. Едем в Берлин, и если хочешь, то дальше» (*Крандиевская-Толстая Н.В. Воспоминания. Л.: Лениздат, 1977. С. 193*).

¹¹² Бунин И.А. Собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 157–158.

Тем не менее, интерес к сменовеховству проявился у Толстого еще в Париже, о чем рассказал в книге воспоминаний «Поезд на третьем пути» А.П. Шполянский (Дон-Аминадо):

...в тех же русских Пассах, — так называли первые пионеры парижский квартал Passy, — молодой, но уже издерганный Ю.В. Ключников, петербургский доцент и нетерпеливый политик, читал свою пьесу «Единый куст». Среди приглашенных были Бунин, Куприн, Толстой, Алданов, Илья Эренбург, недавно бежавший из Крыма, Ветлугин и автор настоящей хроники. Пьеса, по выражению Куприна, была скучна, как солдатское сукно. А неглубокая мысль ее заключалась в том, что Родина есть Единый куст, и все ветви его, даже те, которые растут вбок или в сторону, питаются одними теми же живыми соками, и надо их вовремя направить и воссоединить, чтобы куст цвел пышно и оставался единым. Присутствовавшие допили чай и разошлись. Настоящий обмен мнениями, больше, впрочем, походивший на нарушение общественной тишины и порядка, имел место уже на улице Ренуар против знаменитого дома 48-бис, где проживало в то время большинство именитых русских писателей. Больше всех кипятился и волновался Алексей Толстой, который доказывал, что Ключников совершенно прав, что дело не в пьесе, которая сама по себе бездарна, как ржавый гвоздь, а дело в идее, в руководящей мысли. Ибо пора подумать, — орал он на всю улицу, — что так дальше жить нельзя, и что даже Бальмонт, который только что приехал из России, уверяет, что там веет суровым духом отказа, и тяжкого, в муках рождающегося строительства, а здесь, на Западе, одна гниль, безнадежный, узколобый материализм и полное разложение... Бунин, побледневший как полотно, только и успел крикнуть в предельном бешенстве: — Молчи скотина! Тебя удавить мало!.. И, ни с кем не попрощавшись, быстро зашагал по пустынной мостовой¹¹³.

¹¹³ *Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 283.

Судя по упоминанию И.Г. Эренбурга, добравшегося до Парижа весной 1921 г.¹¹⁴, тогда же имело место и описанное Шполянским событие. Столь резкая реакция Бунина на слова Толстого, надо полагать, мало способствовала возобновлению между ними разговора об изменившемся взгляде последнего на положение в России. Иными словами, с Буниным эту тему Толстой, видимо, не обсуждал. Однако обсуждал с другим близким ему человеком, с Александром Семеновичем Яценко, причем примерно за год до знакомства с пьесой Ключникова.

Милый Сандро <...> — писал Толстой Яценко в середине февраля 1920 г. — Я со всем согласен с тобой в твоем взгляде на Россию. Знаешь, к этому подходят теперь почти все. За один год совершилась огромная эволюция; в особенности в сознании тех, кто стоит, более или менее в стороне. Те, кто приезжает из России, — понимают меньше и видят близоруко, так же неверно, как человек, только что выскочивший из драки: морда еще в крови и кажется, что разбитый нос и есть самая суть вещей. Когда началась катастрофа на юге, я приготовился к тому, чтобы самому себя утешить, найти в совершающемся хоть каплю хорошего. Но оказалось, и это было для самого себя удивительно, что утешать не только не пришлось, а точно помимо сознания я понял, что совершается грандиозное — Россия снова становится грозной и сильной. Я сравниваю 1917 год и 1920, и кривая государственной мощи от нуля идет сильно вверх. Конечно, в России сейчас очень не сладко, и даже гнусно, но думаю, мы достаточно вкусно поели, крепко поспали, славно побздели и увидели, к чему это привело. Приходится жить, применяясь к очень непривычной и неудобной обстановке,

¹¹⁴ Воспоминания Эренбурга также в немалой степени характеризуют тогдашнее настроение Бунина: «Весной 1921 года я приехал в Париж. Толстой позвал на меня гостей: Бунина, Тэффи, Зайцева. Толстой и его жена Н.В. Крандиевская мне обрадовались. Бунин был непримирим, прервал мои рассказы о Москве заявлением, что он может теперь разговаривать только с людьми своего звания, и ушел. Тэффи пыталась шутить. Зайцев молчал. Алексей Николаевич был растерян: “Понимаешь, ничего нельзя понять...”» (Воспоминания об Алексее Толстом. М.: Сов. писатель, 1982. С. 89)

когда создаются государства, вырастают и формируются народы, когда дремлющая колесница истории вдруг начинает настигать лошадей, и поди поспевай за ней малой рысью. Но хорошо только одно, что сейчас мы все уже миновали время чистого разрушения (не бессмысленного только в очень высоком плане) и входим в разрушительно-созидательный период истории. Доживем и до созидательного¹¹⁵.

Письмо Яценко, на которое отвечал Толстой, по времени совпало с организационным оформлением берлинской группы «Мир и Труд», которую И.В. Гессен в своих воспоминаниях назвал «первой политически окрашенной ячейкой, которую, если не по намерениям инициатора, то объективно, можно считать прототипом — лучше сказать предвестником большевизанства»¹¹⁶. У истоков создания группы, к которой примкнул и Яценко, стоял «народный социалист» В.Б. Станкевич. Среди подписавших ее воззвание были редакторы берлинских газет «Время» — Г.Н. Брейтман, и «Голос России» — С.Я. Шклявер, юристы Г.Л. Ландау и Н.Н. Переселенков, журналист А.П. Вольский, литературовед Е.А. Ляцкий, молодые литераторы Р.Б. Гуль и Ю.В. Офросимов и некоторые др. Центральным пунктом программы группы был лозунг прекращения Гражданской войны и восстановления мира в России, возобновления нормальной созидательной жизни в стране. Участники объединения выступали против иностранной интервенции и возлагали надежды на мирную эволюцию большевизма, который в ходе хозяйственной творческой деятельности должен был вернуться к здоровым основам русской национальной государственности. Печатными органами группы были непериодические сборники «Мир и Труд» и журнал «Жизнь. Вестник Мира и Труда», выходивший в Берлине на протяжении 1920 года. В редакционном обращении, открывавшем первый номер журнала, в частности, отмечалось: «Период опустошения и разрушения близок к концу <...> С каждым

¹¹⁵ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 1. С. 286–287.

¹¹⁶ Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж: YMCA-press, 1979. С. 34.

днем ярче предчувствуем мы приближение творческого периода русской революции, который, несомненно, наступит, какой бы политической вывеской не прикрывалась власть», — с чем в определенной степени перекликаются некоторые положения приведенного выше письма Толстого. Сам факт обсуждения с ним важнейших положений программы организации делает возможным предположение о намерении Яценко привлечь Толстого в число ее участников.

Информацию о поведении Толстого в Берлине в 1922 г., в основном недоброжелательную, Бунин получал от различных корреспондентов. Видимо, она и стала той основой, на которой формировалось его отношение к писателю. Так, 27 марта А.А. Яблоновский писал Бунину: «Один раз (из порочного любопытства) я был в “Доме искусств” — посмотреть хотелось. Ничего опасного в этом заведении я не нахожу. Молодые Эренбурги читают свои долговязые произведения <...> Видел и Толстого, который был вполпьяна, знаменитого Пильняка, который при Толстом флигель-адъютантствует¹¹⁷. С Толстым творится что-то неладное. От прежних парижских знакомых он рыло воротит. Со мной так ни разу и не пожелал видеться. Только случайно я встретился с ним у Саши Черного <...> Толстой говорил мне, что собирается ехать в Россию (летом) и что он, как “единственный драматург в России” обязан это сделать для страны и для русского театра. Я смеялся, он горячился <...> Сейчас узнал, что в литературном муравейнике здесь завтра разразится большой скандал. Оказывается, что Толстой, Василевский-не буква

¹¹⁷ Впоследствии Яблоновский в одной из своих статей, напечатанной в 1929 г. в парижской газете «Возрождение» писал: «В Берлине я сам видел, как попутчик-Пильняк сманивал “под советскую власть” эмигрантского литератора Алексея Толстого. Я слышал, как сладко пел соловей про “советские возможности” и какие “гарантии” и обещания давал он полупьяному Толстому. Должен сказать, что это было очень гнусное зрелище. По крайней мере, впечатление у меня осталось такое, как будто опытный торговец живым товаром сманивает девицу в Бразилию “в самый приличный и самый роскошный дом”» (*Яблоновский А.А. Жертва советского темперамента // Возрождение. 1929. 15 сентября. С. 2*).

и Ветлугин поступили в “Смену вех” к Ключникову и завтра выходит первый номер их газеты “Накануне”. В литературных кружках собираются по этому поводу “реагировать в печати”»¹¹⁸.

В том же ключе характеризовал ситуацию в Берлине весной 1922 г. М.А. Алданов: «Берлином я недоволен во всех отношениях, кроме валютного. Настроения в русской колонии отвратительные <...> в первый же день, т. е. 3 недели тому назад, я зашел к Толстому, застал у него поэта-большевика Кусикова <...> и узнал, что А. Ник. перешел в “Накануне”. Я кратко ему сказал, что в наших глазах (т. е. в глазах парижан от вас до Керенского) он — конченный человек, и ушел. <...> Сам Ал. Ник. говорил ерунду в довольно вызывающем тоне <...> ему, разумеется, очень хочется придать своему переходу к большевикам характер сенсационного, потрясающего исторического события <...> он собирается съездить в Россию и там, за полным отсутствием конкуренции, выставить свою кандидатуру на звание “первого российского писателя, который сердцем почувствовал и осмыслил происшедшее” и т. д., как полагается. Вы (И.А.) были совершенно правы в оценке личности Алексея Николаевича»¹¹⁹.

Итог разразившимся событиями подвел Шполянский, писавший Бунину 29 июля 1922 г. из Берлина: «Алданов женился, делает китайские глаза; Барятинский — элегантен, мил, вопиюще беден; Яблоновский — совершенно замучен: жена болеет, дочь худеет, зять толстеет. Тэффи — в Висбадене, поет под гитару, вся в белом. *Писатель Толстой на пляже. Его игра кончена. Никто за руку не здороваются* (курсив наш. — Г. В.). В Дом паскудств не ходил и не пойду. Вообще, такая кругом матерая сволочь, что ткнуться порой некуда»¹²⁰.

3 мая 1922 г. на общем собрании членов Комитета помощи русским писателям и ученым Бунин проголосовал за исключе-

¹¹⁸ РАЛ. MS. 1066/2954.

¹¹⁹ «Этому человеку я верю больше всех на земле»: Переписка И.А. Бунина и М.А. Алданова / подгот. текст. и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 119–120.

¹²⁰ РАЛ. MS. 1066/2263.

ние Алексея Толстого из состава организации за его участие в газете «Накануне».

Дневниковые записи и письма Бунина этого периода содержат целый ряд нелицеприятных характеристик как самого Толстого, так и его творчества. Еще в августе 1921 г., прочитав статью Алексея Толстого «Перед картинами Судейкина» в журнале «Жар-птица», он назовет ее «пошлейшей»¹²¹. А побывав весной 1922 г. на репетиции пьесы писателя «Любовь — книга золотая» в парижском театре «Старая голубятня», запишет в дневнике: «Репетиция “Любовь книга золотая” Алеши Толстого в театре “Vieux Colombier”. Пошлая вещичка, да и стыдно показывать французам нашу старину в таком (главное, неправильном) виде»¹²².

Узнав, что Алексей Толстой стал одним из кандидатов на получение Нобелевской премии, Бунин писал 15 января 1923 г. шведскому филологу-русисту, преподавателю Лундского уни-

¹²¹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 400.

¹²² Там же. С. 407. Видимо, на той же репетиции присутствовал и А.И. Куприн, впоследствии вспоминавший об этом: «Первого марта мне довелось быть на одной из репетиций этой пьесы гр. А.Н. Толстого <...> Присутствовала группа русских писателей и художников, а также покровителей и ценителей искусств <...> Краем уха я тогда слышал суждения. (Ведь каждый русский интеллигент — ходячая и неопровержимая энциклопедия наук, искусств и специальных знаний.) Говорили, что не точен русский помещичий быт. Что страдает историческая верность. Что непонятны характеры и психология... И еще многое. Кто-то сказал, что пьеса сплошь безнравственна. Кто-то предсказал, что она выдержит всего лишь одно представление, так как будет скучна и чужда французам. Но Толстой совсем и не думал писать ни бытовой комедии, ни исторических картин, ни психологической пьесы. Он, этот лукавый богатырь Алеша Попович, умно обошел со свойственным ему верным инстинктом такта все невероятные трудности, которые ему предстояли бы, если бы он решил всерьез зачерпнуть нравы, язык и чувства тогдашней эпохи. Он написал самую легкую, самую беззаботную пьеску, одинаково приятную, занимательную и веселую как в чтении, так и на сцене. Я не сомневаюсь, что он сумел бы, если бы захотел, развернуть екатерининские дни вширь и вглубь. Он предпочел сделать прелестную безделушку...» (Куприн А.И. Пол. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2006–2007. Т. 10. С. 173–174).

верситета М.Ф. Хандаирову: «Очень рад, что Шведская Академия вспомнила литературу, столь славную, нашей ныне трижды несчастной родины, всем культурным миром забытой. Прошу Вас передать Сигурду Васильевичу Агреллу¹²³ мой привет и благодарность обратить на нас свое внимание и заняться нами. Я только крайне удивлен наличием в качестве претендента на премию Алексея Толстого — это какое-то недоразумение, он очень боек, талантлив, но для всякого русского интеллигента просто смешон в качестве такого претендента — он почти фельетонист»¹²⁴.

В то же время в споре с И.С. Шмелевым Бунин отстаивал художественную природу дарования Толстого. 17 августа 1923 г. В.Н. Муромцева-Бунина записала в дневнике: «За обедом спор из-за Ал.Н. Толстого. Мы с Яном доказывали, что он сделан из художественного материала, но, конечно, он пестр и часто неровен. Ив.С., Ольга Ал. [Шмелевы] и Евг. Ив. [Моисеенко] не признают его писателем»¹²⁵.

Нет сомнения, Толстой был осведомлен о реакции Бунина на его решение вернуться на родину. С немалой долей сарказма в июле 1923 г., уже после поездки в Советскую Россию¹²⁶, он писал переводчику А.С. Элиасбергу: «Получил ли Бунин Нобелевскую премию? Русское крестьянство весьма этим взволновано»¹²⁷.

После возвращения в Россию, Толстой дал интервью нескольким советским изданиям, упомянув и Бунина. В беседе с сотрудниками журнала «Жизнь искусства» он рассказывал о разделении писателей-эмигрантов на три группы: парижскую, пражскую и берлинскую, сосредоточив свое внимание на парижской, как хорошо ему знакомой:

¹²³ Сигурд Агрелл (1881–1937), шведский поэт, переводчик, рунолог, профессор славянских языков в Лундском университете; формальный инициатор выдвижения И.А. Бунина кандидатом на получение Нобелевской премии, за которым стоял М.Ф. Хандаиров.

¹²⁴ Письма русских писателей: Из публикаций Лундского университета / публ. С.П. Крыжицкого // Новый журнал. 1976. № 124. С. 175.

¹²⁵ Устами Буниных... Т. 2. С. 116.

¹²⁶ В мае–июне 1923 г. Толстой побывал в Москве и Петрограде.

¹²⁷ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 1. С. 346.

Парижская группа возглавляется наиболее непримиримыми Мережковским и Гиппиус. Сюда, между прочим, входят Бунин, Куприн, Лазаревский и др. В литературном смысле группа эта, за исключением Бунина, мало что делает. Группа эта, находясь под сильным демагогическим влиянием Мережковского, занимается, главным образом, политикой. Здесь не верят ни единому слову «Известий» или «Правды» и свое отношение к Советской власти строят на нелепых, лживых слухах и газетных сплетнях. В результате, такие большие писатели, как Бунин и Куприн, почти ничего не пишут. Бунин только за последнее время вернулся к беллетристике. Что же касается политической деятельности Куприна и Бунина, то ведь Куприн никогда не занимался политикой, какой же он политик. Куприн не работает, почти бедствует. Бунин, также насильно удерживаемый влиянием Мережковского, — все еще под впечатлением Одессы 1919 г., с ее голодом, хаосом, бесконечной сменой правительств. Под этим углом зрения воспринимает он русскую жизнь. Но для Мережковского и других заправил парижской группы не важно, что и Куприн, и Бунин пропадают для русской литературы — им важно удержать их за границей, оторвать совсем от России, пусть они бедствуют, даже умирают с голоду — все это их мало интересует. Обоих этих писателей, и в особенности Бунина, следовало бы вырвать из той гнилой, полной ненависти к Советской власти атмосферы и возвратить их русской литературе¹²⁸.

Спустя два года Толстой протестовал против приглашения Бунина и Куприна, как представителей русской литературы, на международный писательский форум в Париже:

И Бунин, и Куприн, как известно, принадлежат к самому правому крылу монархистов. Свою ненависть к большевизму они перенесли также и на все, что так или иначе связано с Россией.

¹²⁸ Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946–1953. Т. 13. С. 487–488; впервые опубликовано: Жизнь искусства. 1923. 12 июня. С. 14. С подписью: А.З.

И Бунин, и Куприн, именно по причине их яркой ненависти ко всему русскому, ни в коем случае не могут и не должны считаться русскими писателями.

Против их избрания в делегаты конгресса должно протестовать в самой категорической форме. Ведь за границей смешают, не разберут, за границей плохо информированы о настроении русской литературной среды. И можно себе представить, какой результат получится от чтения отчетов о их речах на конгрессе, этих «представителей» России, которую они ненавидят.

Будет огромной оплошностью, если Россия будет представлена Буниным и Куприным, а не теми современными советскими писателями, которые могут и должны быть представителями России¹²⁹.

Чуть позже, в 1928 г., в статье «Ранний Горький» писатель сформулировал свое тогдашнее представление о творчестве Бунина, связав его имя с именем Чехова:

Осуждают раннего Горького за то, что его персонажи разговаривают слишком уж интеллигентно, что рефлексии их — в прямом противоречии с обстановкой, что таких босяков не было на самом деле. Ссылаются на терпкий реализм Бунина, трагического и жгучего, как сколопендра, беспощадно изобразившего мужиков, бродяг, юродивых... <...> Беспощадный и злой Бунин (почти современник раннему Горькому), крутившийся, как овца на приколе, вокруг ужаса смерти, изображал страшную двойственность: очарование природы, великолепие красок и аромата земли и неба, и царя этой жизни — человека, исковерканного бессмыслицей смерти, из царя, каким он должен быть, ставшим жалким пасынком, вернувшимся к троглодитскому состоянию. Социальная основа, всегда заметная у Чехова, здесь у Бунина вытравлена, ему ненавистна мысль, что есть какая-либо иная сила, кроме смерти. Современникам он был непонятен и враждебен. Чехов и Бунин изображали жизнь с неповторимым мастерством

¹²⁹ Ленинградские писатели протестуют // Известия. 1925. 12 июня. С. 2.

и правдивостью. Но тем отвратительнее было для жизни глядеться в это зеркало¹³⁰.

Находясь в Советской России, сведения о Бунине Толстой, как правило, получал от своих европейских корреспондентов, одним из которых был А.М. Горький, переживший свой собственный разрыв с Буниным, что не могло не отразиться на его отношении к писателю. В преддверии поездки Толстого в Италию в 1932 г.¹³¹, Горький писал ему: «Слухи о Вашем визите в Европу донеслись уже до Парижа, и Мария Игнатьевна¹³², на днях приехав оттуда, рассказала: Иван Бунин был спрошен одним из поклонников его: “Вот приедет Алексей Толстой и покается пред тобою, гений, в еретичестве своем, — простишь ли ты его? Закрыв Иоанн Бунин православные очи своя и, подумав не мало, ответил со вздохом: — “Прощу!””. Весьма похоже это на анекдот, сочиненный человеком недоброжелательным Бунину, но рассказано сие, как подлинная правда, и я склонен думать, что так оно и есть — правда! Жутко и нелепо настроен Иван Алексеев, злопыхательство его все возрастает и — странное дело! — мне кажется, что его мания величия — болезнь искусственная, самовнушенная, выдумана им для самосохранения»¹³³.

Следует, однако, отметить, что имевшее место критическое восприятие Толстым поведения и творчества Бунина периода эмиграции, не мешало ему считать произведения писателя «образцами словесного искусства». 3 июня 1933 г. он писал в Оргкомитет Союза советских писателей: «Товарищи, по поводу издания ГИХЛом классиков — соображения мои таковы: цель издания однотомников в настоящий момент в том, чтобы дать

¹³⁰ Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1982–1986. Т. 10. С. 134–135; впервые опубликовано: Горький: Сб. ст. и воспоминаний / под ред. И.А. Груздева. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 127–128.

¹³¹ В марте–апреле 1932 г. Толстой побывал в Германии и Италии, проведя большую часть времени у Горького в Сорренто. Он посетил также города: Берлин, Лейпциг, Мюнхен, Верона, Болонья, Рим, Неаполь.

¹³² Будберг Мария Игнатьевна (урожд. Закревская, в первом браке Бенкендорф; 1892–1974), секретарь А.М. Горького в 1923–1932 гг.

¹³³ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 2. С. 124–125.

читателям и кругам молодых писателей *образцы* словесного искусства. Под этим углом зрения и нужно составлять однотомники. В первую голову нужно выпустить прозу: 1) Пушкина (2 тома) — «Повести Белкина», «Капит[анскую] дочку» и *письма* (непрерывно); Лермонтова, Льва Толстого (рассказы), Лескова, Чехова, Бунина (периода 1905–1914 гг.), Салтыкова-Щедрина, 1 том (альманах) пьес Гоголя, Грибоедова, Островского, Сухова-Кобылина, Льва Толстого, Тургенева»¹³⁴.

Последняя встреча Бунина и Толстого произошла в конце сентября — октябре 1936 г. в Париже, где последний находился после участия в работе Международного конгресса мира, проходившего в Брюсселе 3–5 сентября, и посещения Лондона. В интервью корреспонденту газеты «Литературный Ленинград» Толстой рассказывал: «Случайно в одном кафе Парижа я встретился с Буниным. Он был взволнован, увидев меня <...> Я прочел три последних книги Бунина — два сборника мелких рассказов и роман “Жизнь Арсеньева”. Я был удручен глубоким и безнадежным падением этого мастера. От Бунина осталась только оболочка прежнего мастерства <...> Судьба Бунина — наглядный и страшный пример того, как писатель-эмигрант, оторванный от своей родины, от политической и социальной жизни своей страны, опустошается настолько, что его творчество становится пустой оболочкой, где ничего нет, кроме сожалений о прошлом и мизантропии»¹³⁵.

Более подробно о встрече двух писателей написал Андрей Седых, в своей мемуарной книге «Далекое, близкое»:

В моих записных книжках за 1936 год есть рассказ о случайной встрече И.А. Бунина и М.А. Алданова в Париже с А.Н. Толстым. Встретились в кафе на Монпарнасе. Произошла заминка. Наконец, Бунин подошел к Толстому. Облобызались... Алданов, также очень друживший с автором «Петра I», отказался подойти и подать ему руку. И поступил он, как показалось дальнейшее, правильно.

¹³⁴ Там же. С. 168.

¹³⁵ Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 13. С. 517–518; опубликовано: Литературный Ленинград. 1936. 23 ноября. С. 2.

Бунин просидел с Толстым весь вечер. «Алешка» расточал комплименты и звал вернуться в Москву:

— По твоим, брат, книгам, учатся все молодые советские писатели... Да тебя примут с триумфом...

Бунин слушал, улыбался и, как всегда, когда не знал, как ответить, немного иронически говорил:

— Мерси. Мерси!

Прошли две или три недели. В «Литературной газете» появились заграничные впечатления Алексея Толстого. Писал он, примерно, так:

— Встретил случайно Бунина. Он был этой встрече рад. Прочел я его последние книги. Боже, что стало с этим, когда-то талантливым писателем! От него осталось только имя, какая-то кожа и т. д. Дальше следовали еще строк 20 в таком же духе. Очень чувствительного Ивана Алексеевича эти впечатления не могли оставить равнодушным... Думаю, именно тогда и родилась у него мысль написать «Третьего Толстого», которую осуществил он только пятнадцать лет спустя¹³⁶.

Суждение автора мемуаров о том, что бунинский очерк «Третий Толстой» — есть лишь месть писателя за высказанную Толстым оценку его эмигрантского творчества кажется нам опрометчивым, прежде всего, потому, что оно не учитывает масштаба личности самого Бунина и сложности, а подчас и противоречивости его отношений с целым рядом современников. В этом тексте наряду с положениями, наделенными откровенными негативными коннотациями, содержится одна из самых ярких характеристик Толстого-художника (рискуем утверждать, что именно этим он и был в первую очередь интересен Бунину): «Это был человек во многих отношениях замечательный. Он был даже удивителен сочетанием в нем редкой личной безнравственности (ничуть не уступавшей, после его возвращения в Россию из эмиграции, безнравственности его крупнейших соратников на поприще служения советскому Кремлю) с редкой талантливостью всей его натуры, наделенной к тому

¹³⁶ *Седых Андрей*. Далекие, близкие. Нью-Йорк: Изд. «Нового русского слова», 1979. С. 234.

же большим художественным даром»; «...он был веселый, интересный собеседник, отличный рассказчик, прекрасный чтец своих произведений, восхитительный в своей откровенности циник; был наделен немалым и очень зорким умом, хотя любил прикидываться дураковатым и беспечным шалопаем, был ловкий рвач, но и щедрый мот, владел богатым русским языком, все русское знал и чувствовал, как очень немногие...»¹³⁷.

Со всей очевидностью мы можем говорить о том, что и на расстоянии Бунин и Толстой следили за творчеством друг друга, находясь, по-видимому, в состоянии внутреннего соперничества, но и отдавая должное достигнутому литературным успехам. Тот же Андрей Седых вспоминал: «Был еще такой случай: Бунин прочел “Петра I” Алексея Толстого и пришел в восторг. Недолго думая, сел за стол и послал на имя Алексея Толстого, в редакцию “Известий” такую открытку: “Алешка, хоть ты и сволочь, мать твою..., но талантливый писатель. Продолжай в том же духе”. Ив. Бунин»¹³⁸.

Очерк, о котором шла речь выше, был написан Буниным в 1949 г., через четыре года после смерти Толстого и через тринадцать лет после последней встречи писателей в 1936 г., опубликован в нью-йоркской газете «Новое русское слово» 1, 2 и 3 января 1950 г. Редакция издания сопроводила бунинский текст примечанием: «Давая место настоящему историко-литературному очерку И.А. Бунина, считаем необходимым отметить, что не разделяем многих политических и литературных суждений знаменитого писателя».

В своих воспоминаниях Бунин следует за неким советским текстом об Алексее Толстом, опубликованным в журнале «Новый мир», где все, на его взгляд, неправда и вымысел. Отыскать его нетрудно. Речь идет об очерке М.Б. Чарного, напечатанном в шестом номере «Нового мира» за 1947 г. под рубрикой «Литературные портреты». Однако то, что Бунин приводит как цитаты из него, на деле оказывается компиляцией порой далеко отстоящих друг от друга слов и фраз. Например, Бунин приводит цитату, якобы из текста в «Новом мире»: «В 1905 году, во

¹³⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 137–138.

¹³⁸ Седых Андрей. Далекие, близкие. С. 210.

время первой русской революции, Толстой писал революционные стихи. В следующем году, когда царские сатрапы превращали всю страну в тюремный лагерь, выпустил декадентскую книжку стихов, которую потом скупал и сжигал. Он чувствовал, что к старому возврата нет...»¹³⁹. На самом деле здесь объединены сведения из двух абзацев Чарного, а кое-что и присочинено самим Буниным. Первый абзац: «В 1905 году Толстой писал революционные и лирические стихи, оцененные матерью автора, как “очень серые”»¹⁴⁰. И второй: «Начинающий литератор, почтительно оглядывающийся на “властителей умов” интеллигенции, посетитель кружка Вячеслава Иванова, — он сам увлекся модой. Толстой стал писать стихи в декадентском духе и весной 1907 года выпустил книжку стихов “Лирика”. Потом писатель говорил об этой первой своей книжке как о “подражательной, наивной и плохой”. Характерно, что уже вскоре после выхода “Лирики” из печати Толстой стал собирать отдельные экземпляры книжки и... сжигать их»¹⁴¹. Таким образом, фраза «когда царские сатрапы превращали всю страну в тюремный лагерь» — плод фантазии автора мемуаров. Споря с Чарным по существу, Бунин крайне скептически отнесся к сведениям о том, что «в 1905 году, во время первой русской революции, Толстой писал революционные стихи», а «в следующем году <...> выпустил декадентскую книжку стихов, которую потом скупал и сжигал». Более того, Бунин пишет: «Что до “декадентской” его книжки, то я ее читал и, насколько помню, ничего декадентского в ней не нашел; сочиняя ее, он тоже следовал тому, чем тоже увлекались тогда: стилизацией всего старинного и сказочного русского»¹⁴². Между тем, приведенные Чарным относительно Толстого факты абсолютно достоверны: и революционные стихи в 1905 г. студент петербургского Технологического института Алексей Толстой писал и печатал, и «декадентскую» книжку под названием «Лирика» в 1907 г. на собственные средства издал, и большую часть тиража издания впоследствии скупил.

¹³⁹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 139.

¹⁴⁰ Чарный М.Б. Алексей Толстой // Новый мир. 1947. № 6. С. 195.

¹⁴¹ Там же. С. 196.

¹⁴² Бунин И.А. Собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 141–142.

Бунин же явно читал вторую книгу стихов писателя «За синими реками», о которой автор в автобиографии 1943 г. написал: «От нее я не отказываюсь по сей день <...> это результат моего первого знакомства с русским фольклором, русским народным творчеством. В этом мне помогли А. Ремизов, М. Волошин, Вячеслав Иванов»¹⁴³.

Пройдет пять лет после последней встречи двух писателей и Бунин 2 мая 1941 г. напишет Толстому письмо, которое могло бы иметь далеко идущие последствия: «Алексей Николаевич, я в таком ужасном положении, в каком еще никогда не был, — стал совершенно нищ (не по своей вине) и погибаю с голоду вместе с больной Верой Николаевной. У вас издавали немало моих книг¹⁴⁴ — помощи, пожалуйста, — не лично, конечно: может быть, Ваши государственные и прочие издательства, издававшие меня, заплатят мне за мои книги что-нибудь? Обратись к ним, если сочтешь возможным сделать что-нибудь для человека, все-таки сделавшего кое-что в русской литературе. При всей разности наших политических воззрений, я все-таки всегда был беспристрастен в оценке современных русских писателей, — отнеситесь и вы ко мне в этом смысле беспристрастно, человечно. Желаю тебе всего доброго»¹⁴⁵.

Несомненно, Бунин обращался к Толстому не только как к старому знакомому и другу, но и как к человеку, который в силу занимаемого им положения, мог бы для него что-нибудь сделать. Толстой не оставил бунинской просьбы без внимания. В июне 1941 г. он написал письмо Сталину, от которого сохранился и черновик, и окончательный текст, позволяющие судить насколько тщательно писатель обдумывал формулировки своего обращения к главе государства:

¹⁴³ Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 43.

¹⁴⁴ В 1920-е гг. в Советской России были изданы произведения И.А. Бунина: Господин из Сан-Франциско: Рассказы. Л.: Прибой, 1926; Митина любовь. Л.: Книжные новинки, 1926; Сны Чанга: Избранные рассказы. Л.: Госиздат, 1927; Рассказы. М.; Л.: Госиздат, 1928; Братья. М.: Госиздат, 1928; и др.

¹⁴⁵ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 2. С. 325.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я получил открытку от писателя Ивана Алексеевича Бунина, из неоккупированной Франции. Он пишет, что положение его ужасно, он голодает и просит помощи.

Неделей позже писатель Телешов также получил от него открытку, где Бунин говорит уже прямо: “Хочу домой”.

Мастерство Бунина для нашей литературы чрезвычайно важный пример — как нужно обращаться с русским языком, как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму.

Бунину сейчас около семидесяти лет, он еще полон сил, написал новую книгу рассказов. Насколько мне известно, в эмиграции он не занимался активной антисоветской политикой. Он держался особняком, в особенности после того, как получил Нобелевскую премию. В 1937 г.¹⁴⁶ я встретил его в Париже, он тогда же говорил, что его искусство здесь никому не нужно, его не читают, его книги расходятся в десятках экземпляров.

Дорогой Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам с важным вопросом, волнующим многих советских писателей, — мог бы я ответить Бунину на его открытку, подав ему надежду на то, что возможно его возвращение на родину?

Если такую надежду подать ему будет нельзя, то не могло бы Советское правительство через наше посольство оказать ему материальную помощь. Книги Бунина не раз переиздавались Гослитиздатом.

С глубоким уважением и любовью.

Алексей Толстой¹⁴⁷.

Мы не располагаем сведениями о судьбе этого письма. Его окончательный текст датирован 18 июня, через четыре дня, как известно, началась Великая Отечественная война.

А еще через четыре года ушел из жизни Алексей Николаевич Толстой, не дожив немногим более двух месяцев до долгожданной победы. Реакция Бунина на это, как нам кажется, ошеломившее его событие отражена в дневнике писателя:

¹⁴⁶ Толстой встречался с Буниным в 1936 г.

¹⁴⁷ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 2. С. 328–329.

24 февраля 1945 г.: В 10 вечера пришла Вера и сказала, что Зуров¹⁴⁸ слушал Москву: умер Толстой¹⁴⁹. Боже мой, давно ли все это было — наши первые парижские годы и он, сильный, как бык, почти молодой!

25 февраля 1945 г.: Вчера в 6 ч. вечера его уже сожгли. Исчез из мира совершенно! Прожил всего 62 года. Мог бы еще 20 прожить.

26 февраля 1945 г.: Урну с его прахом закопали в Новодевичьем¹⁵⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А.Л. И.А. Бунин: (К 25-летию литературной деятельности) // Россия. 1912. 28 октября. С. 3.
- Адамович Г.В. [Рец. на кн.: Бунин И. Роза Иерихона. Берлин, 1924] // Звено. 1924. 10 ноября. С. 2.
- Амфитеатров А.В. Собр. соч.: в 34 т. СПб.: Просвещение, [1911–1916]. Т. 15. 387 с.
- Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 3–60.
- Бунин И.А. Деревня. Суходол. Париж: Русская земля, 1921. 368 с.
- Бунин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Берлин: Петрополис, 1934–1935.
- Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Московский рабочий, 1993–2000.
- Бунин И.А. Собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005–2007.
- Войтоловский Л.Н. Летучие наброски // Киевская мысль. 1914. 26 апреля. С. 3.
- Воспоминания об Алексее Толстом. М.: Советский писатель, 1982. 492 с.
- Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж: YMCA-press, 1979. 268 с.
- Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 8: 1910–1911 (январь–февраль). 607 с.
- Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 351 с.
- Колтоновская Е.А. Гр. А.Н. Толстой. I. «Сорочьи сказки», СПб., 1910 г. II. Повести и рассказы, СПб., 1911 г. // Вестник Европы. 1911. Январь. С. 353–354.
- Колтоновская Е.А. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. 292 с.
- Крандиевская-Толстая Н.В. Воспоминания. Л.: Лениздат, 1977. 223 с.

¹⁴⁸ Зуров Леонид Федорович (1902–1971), русский писатель-прозаик, мемуарист, впоследствии наследник архива И.А. Бунина.

¹⁴⁹ А.Н. Толстой умер 23 февраля 1945 г.

¹⁵⁰ Устами Буниных... Т. 3. С. 176.

- Куртин А.И.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2006–2007. Т. 10. 420 с.
Ленинградские писатели протестуют // Известия. 1925. 12 июня. С. 2.
Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. 1184 с.
Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. 414 с.
- Мессер Р.Д.* А.Н. Толстой. Критический очерк. Л.: ГИХЛ, 1939. 176 с.
- Морозов М.В.* Очерки новейшей литературы. Пб.: Прометей, 1911. 254 с.
- Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. 512 с.
- Осоргин М.А.* Валерий Брюсов. Клуб писателей // Последние новости. 1933. 29 октября. С. 5.
- Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. 352 с. + 432 с.
- Петров Г.С.* Суходолия // Кругозор. 1913. № 2. С. 34.
- Письма русских писателей: Из публикаций Лундского университета / публ. С.П. Крыжицкого // Новый журнал. 1976. № 124. С. 173–183.
- Седых Андрей.* Далекие, близкие. Нью-Йорк: Изд. «Нового русского слова», 1979. 283 с.
- А.Н. Толстой о литературе и искусстве. М.: Советский писатель, 1984. 559 с.
- А.Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. 528 с.
- А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний А.Н. Толстой и его литературное окружение). М.: ИМЛИ РАН, 2002. 246 с.
- Толстой А.Н.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946–1953.
- Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1982–1986. Т. 1. 600 с.
- Толстой А.Н.* Хожение по мукам / изд. подгот. Г.Н. Воронцова. М.: Наука, 2012. 480 с. (Серия «Литературные памятники»).
- У И.А. Бунина: [Интервью] // Московская весть. 1911. № 3. 12 сентября. С. 1.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt/Main: Посев, 1977–1982. 366 с. + 318 с. + 221 с.
- Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983. 422 с.
- Чарный М.Б.* Алексей Толстой // Новый мир. 1947. № 6. С. 194–217.
- «Этому человеку я верю больше всех на земле»: Переписка И.А. Бунина и М.А. Алданова / подгот. текста и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 114–166.
- Яблоновский А.А.* Жертва советского темперамента // Возрождение. 1929. 15 сентября. С. 2.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-344-386>
<https://elibrary.ru/ONWJHE>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

УДК 821.161.1.0

И.А. БУНИН И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ (В.П. КАТАЕВ И К.А. ФЕДИН)

© 2022 г. Е.М. Трубилова

Аннотация: Проведший полжизни в эмиграции, И.А. Бунин относился к представителям советской литературы по большей части критически. Однако в 1946 г. два советских писателя получили от него по почте книги с сердечными автографами. Раскрываются причины бунинского жеста, анализируются творческие взаимодействия между И.А. Буниным и его учеником В.П. Катаевым, с одной стороны, и, опосредованные, между К.А. Фединым, наследовавшим традиции классической русской литературы, и Буниным как наиболее ярким ее представителем в XX в., с другой. Доказывается, что Федин, не будучи знаком с Буниным лично, имел не меньше, чем Катаев, право считаться бунинским учеником. Приводятся материалы из Государственного музея К.А. Федина (Саратов), в том числе публикуемые впервые.

Ключевые слова: И.А. Бунин, В.П. Катаев, К.А. Федин, собрание сочинений, издательство «Петрополис», Второй съезд советских писателей, дневники.

Информация об авторе: Елена Максимовна Трубилова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6272-474X>. E-mail: spiridonovka22@yandex.ru.

Для цитирования: Трубилова Е.М. И.А. Бунин и советские писатели (В.П. Катаев и К.А. Федин) // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 344–386. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-344-386>

I.A. BUNIN AND SOVIET WRITERS (V.P. KATAEV AND K.A. FEDIN)

© 2022. Elena M. Trubilova

Abstract: Having spent half of his life in exile I.A. Bunin was mostly critical to the representatives of Soviet literature. However, in 1946 two Soviet writers via mail received books with heartfelt autographs from him. The author reveals the reasons for Bunin's gesture, analyzes the creative interactions between I.A. Bunin and his disciple V.P. Kataev on the one hand, and indirectly between K.A. Fedin who inherited the traditions of classical Russian literature and Bunin as the most prominent representative of it in the 20th century, on the other. It is proved that Fedin, not being personally acquainted with Bunin, had no less right than Kataev to be considered the disciple of Bunin. Materials from the State Museum of K.A. Fedin (Saratov) including materials published for the first time are presented.

Keywords: I.A. Bunin, V.P. Kataev, K.A. Fedin, collected works, publishing house "Petropolis", The Second Congress of Soviet Writers, diaries.

Information about the author: Elena M. Trubilova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6272-474X>. E-mail: spiridonovka22@yandex.ru.

For citation: Trubilova, E.M. "I.A. Bunin and Soviet Writers (V.P. Kataev and K.A. Fedin)." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 344–386. (In Russian). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-344-386>

В 1946 г. два именитых советских литератора, независимо друг от друга, неожиданно получили необычные подарки из-за рубежа. Одним из получателей был Валентин Петрович Катаев. Вернувшийся незадолго перед тем из Парижа в Москву Константин Симонов передал ему книгу Бунина «Лица» с дарственной надписью автора: «Валентину Катаеву от «академика с золотым пером»»¹. Еще одна бунинская книга — первый том

¹ В документальном фильме «Валентин Катаев. Страницы творчества» (1985) Валентин Петрович Катаев рассказывает историю обретения этой книги, демонстрируя бунинский автограф на ее титульной странице.

из собрания сочинений, изданного берлинским «Петрополисом», — пришла по почте Константину Александровичу Федину с теплым автографом: «от вашего давнего усердного читателя». Спустя несколько дней после первой Федину доставят вторую бандероль от Бунина — с рассказом «Речной трактир», так же сердечно надписанным автором. Адресованные Федину книги в обоих случаях были датированы 1 марта 1946 г.²

Здесь стоит упомянуть об отношении Бунина к советским писателям, которое по большей части было предопределено этим нестерпимым для него прилагательным «советский». Первым в списке «нерукопожатных» для Бунина стоял, конечно, Максим Горький. Известны также нелюбезные высказывания Бунина о Маяковском, Есенине, Бабеле, Мариенгофе и других советских литераторах.

Вот, например, Бунин пишет Георгию Адамовичу 15 октября 1930 г.:

«Дорогой Георгий Викторович,

На днях вышлю Вам “Петра”, а сейчас (с большой благодарностью за Вашу любезность) возвращаю Катаева и Олешу. Катаев все тот же, каким я его знал, — очень способный и пустой прохвост, порой даже очень глупый и плоский. Олешу не мог дочитать — угораздило же с такой пристальностью написать 200 страниц по такому ничтожному и противному поводу!³»⁴.

² См. об этом: *Попкова Н.А.* Автографы И.А. Бунина и В.Н. Буниной из собрания К.А. Федина // Русское подстепье в историко-культурном и лингвистическом преломлении (памяти С.В. Красновой): сб. материалов по итогам научно-практической конференции (30 сентября – 1 октября 2008 г.), посвященной памяти С.В. Красновой. Елец, 2009. С. 55–58.

³ Речь идет о романе А.Н. Толстого «Петр I», повести Ю.К. Олеси «Зависть» и рассказах Катаева. Г.В. Адамович, который делал обзор новинок советской литературы в «Последних новостях», рекомендовал Бунину эти книги к прочтению.

⁴ Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин. Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 20.

Бывали, конечно, и исключения в череде едких бунинских характеристик. Вера Николаевна Муромцева записывает в дневнике 24 августа / 6 сентября 1919 г.: «Валя [Катаев] ругал Волошина. Он почему-то не переносит его. Ян защищал, говорил, что у Волошина через всю словесность вдруг проникает свое, настоящее. “Да и Волошиных не так много, чтобы строить свое отношение к нему на его отрицательных сторонах. Как хорошо он сумел воспеть свою страну. Удаются ему и портреты”»⁵.

Или — 15 сентября 1947 г. Бунин обращается в письме к своему старинному другу Н.Д. Телешову: «<...> На днях писал тебе, с каким *редким* удовольствием прочел книгу Твардовского “Василий Теркин”; забыл прибавить, что недавно восхищен был еще одним рассказом — К. Паустовского “Корчма на Брагинке”»⁶⁷.

И все же — почему не Твардовский, не Паустовский, а «прохвост» Катаев и «чиновник» Федин практически одновременно получают от известного своей непримиримостью нобелевского лауреата столь лестные для себя послания?

В документальном фильме-монологе «Валентин Катаев. Страницы творчества» (1985), снятом незадолго до его кончины, Катаев вспоминал о своем знакомстве с Иваном Алексеевичем. Впервые он прочитал Бунина еще гимназистом и с тех пор, по его словам, полюбил его. А бунинское стихотворение «Закон» (1906–1907) и вовсе почитал эпиграфом к собственному творчеству:

Во имя Бога, вечно всеблагого!
Он, давший для писания тростник,

⁵ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 2 т. / под ред. М. Грин. М.: Посев, 2004. Т. 1. С. 256.

⁶ «Корчма на Брагинке» — глава из автобиографической повести К.Г. Паустовского «Далекие годы» (см.: *Паустовский К. Собр. соч.*: в 6 т. М., 1958. Т. 3. С. 214–231). Первоначально была опубликована как отдельный рассказ в ж. «Вокруг света» (1946. № 3–4), затем перепечатана в нью-йоркской газете «Новое русское слово».

⁷ Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 637.

Сказал: блюди написанное слово
И делай то, что обещал язык.

Приняв закон, прими его вериги.
Иль оттолкни — иль всей душою чти:
Не будь ослом, который носит книги
Лишь потому, что их велят нести⁸.

Катаев описывает в фильме свою первую встречу с будущим наставником, внешность его и преподанный им урок: «В первый раз я увидел Бунина, когда он вернулся из заграничной поездки. Он часто ездил на Восток, через Одессу. Он был уже сорокадвух- или сорокапятiletний человек <...>».

«Сорокадвух- или сорокапятiletним» Бунин был соответственно в 1912 или 1915 гг. Что касается заграничных поездок *через Одессу*, по разысканиям С.Н. Морозова, их было несколько, однако именно на Восток Бунин ездил в апреле 1903 г. и в апреле–мае 1907 г. Зимы 1911–1912 и 1912–1913 гг. он провел на Капри. С 3 по 15 июня 1913 г. маршрут бунинских путешествий пролегал по Черному морю с остановками в Константинополе, Батуми, Трапезунде, Керасунде, Самсуне, Инеболи, Констанце, Яссах, Кишиневе. Зимой 1914 г. Бунин находился на Капри, откуда через Зальцбург, Загреб, Будапешт, Бухарест 7 апреля вернулся в Одессу.

Да, их знакомство несомненно произошло именно в 1914 г. Как полагает С.Н. Морозов, теоретически это могло быть между 3 мая и 12 августа, когда Бунин жил под Одессой на даче. Если довериться воспоминаниям Катаева, можно сузить этот интервал с мая до начала июля.

«— Когда же мы с вами виделись в последний раз? — спросил Бунин.

— В июле четырнадцатого.

— Июль четырнадцатого, — задумчиво сказал он. — Четыре года. Война. Революция. Целая вечность.

⁸ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 34. (Новая Библиотека поэта).

— Тогда я к вам приехал на дачу, но вас уже не застал.

— Да, я уехал в Москву на другой день после объявления войны. С большим трудом выбрался. Все было забито воинскими эшелонами»⁹.

То есть к июлю 1914-го они уже хорошо знакомы. Более того, Бунин даже принял на себя роль наставника начинающего автора. Подтверждением этому служит письмо от 13 августа 1914 г., которое 17-летний Валентин пишет Бунину на личном именном бланке, с дерзостью юности признаваясь в своей лени:

«Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Ввиду того, что на этих днях я выезжаю из Одессы с санитарным поездом на театр военных действий, очень прошу Вас назначить мне обещанный “осенний” день и час, дабы я мог с Вами проститься и узнать Ваше мнение [о] моих последних 5–6 вещичках, в которых нет ни одного слова лжи.

Из рекомендованных Вами книг ни одной не прочел, по причине лени. Хотя надеюсь наверстать потерянное после окончания кампании. <...> простите за беспокойство!»¹⁰

В мемуарной повести «Трава забвенья» Катаев припомнит наставления Бунина и посетует на свою былую нерадивость: «В ожидании нового свидания с Буниным я в сотый раз перебирал подробности того незабвенного дня, когда он делал карандашом пометки в моей тетрадке и советовал побольше читать книг по истории народов, населяющих земной шар. Он говорил, что каждый настоящий поэт должен хорошо знать историю мировой цивилизации. Быт, нравы, природу разных стран, их религии, верования, народные песни, сказания, саги. В то время это меня — увы! — ни в малейшей мере не волновало, хотя я и сделал вид, что восхищен мудрым советом, и с ложным жаром стал записывать названия книг, которые он мне диктовал»¹¹.

⁹ Катаев В.П. Трава забвенья // Катаев В.П. Святой колодец. Трава забвенья. М.: Советский писатель, 1969. С. 157.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 118. Цит. по: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. (1910–1919) / сост. С.Н. Морозов. С. 578.

¹¹ Катаев В.П. Трава забвенья. С. 152.

«Осенняя» встреча, о которой Катаев просил Бунина, по мнению С.Н. Морозова, не состоялась, потому что 14 или 15 августа Бунин был уже в Москве.

Возвращаясь к истоку знакомства Катаева с Буниным, — воспоминания Ивана Алексеевича об их первой встрече записала с его слов Галина Кузнецова в своем «Грасском дневнике» (запись от 4 сентября 1930 г.):

«<...> помню, как он первый раз пришел. Вошел ко мне на балкон, представился: “Я — Валя Катаев. Пишу. Вы мне очень нравитесь, подражаю вам”. И так это смело, с почти-тельностью, но на грани дерзости. Ну, тетрадка, конечно. Потом, когда он стал большевиком, я ему такие вещи говорил, что он раз сказал: “Я только от вас могу выслушивать подобные вещи”»¹².

Первое зрительное впечатление Катаева от Бунина:

«Маленькая бородачка, небольшие усики, строгие голубые глаза с подглазниками такими. И нос, который кто-то сравнил из декадентов — нос кондора. Очень строгий, серьезный, ядовитый чрезвычайно. И вместе с тем как-то он ко мне благодушно отнесся. Не знаю почему. Я ему дал тетрадку стихов. Он велел, чтоб я приехал потом к нему через две недели. Он вышел с этой тетрадкой. Сказал: “Вы знаете, я прочитал. Всё это, конечно, страшно незрело. Но два стихотворения тут у вас есть ничего себе. Но одно стихотворение у вас не доделано”. У меня действительно было стихотворение об осени. Описание — желтые листья и так далее. И смысл был такой, что художник нарвал цветов, принес к себе в мастерскую и дал им *вечность*, потому что он их написал. “И на окне... какие-то... забытые цветы. Их спас поэт в саду от ранней смерти. И вот они... какие-то там... остатки красоты сияют... в каком-то там... бессмертьи”. Бунин поморщился страшно и сказал: “Это совсем не так надо. Это надо кончить так: “А на столе забытые цветы. Их спас поэт в саду от ранней смерти. Этюдники. Помятые холсты. И чья-то шляпа на мольберте...” Это я у него

¹² Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста и предисл. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. С. 165.

свистнул. И это стихотворение было напечатано с этими двумя бунинскими строчками»¹³.

Интересно, что в повести «Трава забвения» Катаев привел несколько иной исходный вариант своего стихотворения, с еще более манерным окончанием: «А в кувшинé осенние цветы, их спас поэт от раннего ненастья, и вот они — остатки красоты — живут в мечтах утраченного счастья»¹⁴. Начинающий автор с благодарностью принял тогда правку мэтра, он был «поражен точностью, краткостью, вещественностью, с которой Бунин, как бы тремя ударами кисти, среди <...> слепых общих строчек вдруг изобразил мастерскую своего друга Федорова, выбрав самые что ни на есть необходимые подробности: этюдники, холсты. Шляпа. Мольберт»¹⁵. Катаев публикует это свое стихотворение именно в бунинской редакции, но спустя десятилетия заявит, что уже тогда был не совсем согласен с правкой Бунина: «<...> меня немного смутили “помятые холсты”. У художников редко бывают помятые холсты. Они или натянуты на подрамник, или стоят в углу, свернутые в толстые трубы. Попробуйте-ка их смять! И до сих меня мучают помятые холсты, показывающие, что даже у самых лучших поэтов иногда попадаютсá проходные эпитеты, хотя на первый взгляд и точные, но в самой своей глубине неверные, поставленные по принципу — авось проскочит. У меня не проскочило, потому что я никак не мог увидеть помятые холсты, а видел их свернутые в трубы, тяжелые, промасленные»¹⁶. (Из этого замечания можно заключить, что Катаев-де более требователен к себе, чем Бунин, что вряд ли соответствовало действительности. С требовательностью Бунина к слову мало кто из писателей мог сравниться. Что касается холстов — кажется, незагрунтованные, непроклеенные холсты изо льна или хлопка вполне могут быть и помятыми).

¹³ Записано со слов Катаева из документального фильма «Валентин Катаев. Страницы творчества» (1985).

¹⁴ Катаев В.П. Трава забвения. С. 142.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 143.

Расставшись в 1914 г., спустя четыре года Катаев и Бунин вновь встретились в Одессе, куда Иван Алексеевич с Верой Николаевной приехали в начале июня 1918 г.

В своем монологе из документального фильма «Валентин Катаев. Страницы творчества» заглавный герой не раз употребляет по отношению к Бунину определение «ядовитый», но вместе с тем опровергает расхожее представление о присущих Бунину надменности и высокомерии: «Это смотря с кем... Бунин со мной был очень откровенный, очень веселый даже... Он был великолепно рассказчик. Очень ядовитый. Вот у нас случай один был. Тоже смешно было, так сказать. Был фельетонист в Одессе Иновин. Это такой обыкновенный хилый интеллигент. Но он почему-то носил бороду и шляпу. И как-то мы с Буниным ехали в трамвае, и проходил Иновин. Бунин посмотрел на него и сказал: “Вот он идет и думает, что он ярославский мужичок”»¹⁷.

Вместе с тем, при всем присущем молодости эгоизме Катаев не мог не видеть глубины страдания писателя. Как замечал он в «Траве забвенья»: «Если стихи поэта есть некоторое подобие его души — а это, несомненно, так, в том случае, конечно, что поэт *подлинный*, — то душа моего Бунина, того Бунина, к которому я шагал вдоль большефонтанского берега, корчилась в адском пламени, и если Бунин не стонал, то лишь потому, что все-таки еще надеялся на близкий конец революции»¹⁸.

По дневникам Буниных можно судить о содержании их одесских встреч и об отношении Ивана Алексеевича к начинающему писателю.

Записи Веры Николаевны (в одесском периоде преобладают именно они, но нет сомнения, что впечатления супругов во многом совпадали):

30 июня / 13 июля 1918 г.:

«Пришел Катаев. Я лежала на балконе в кресле. Ян вышел, поздоровался, пригласил Катаева сесть со словами: “Секретов нет, можем здесь говорить”. Катаев согласился. Они сели. Я лежала затылком к ним и слушала.

¹⁷ Записано со слов Катаева из документального фильма «Валентин Катаев. Страницы творчества».

¹⁸ Катаев В.П. Трава забвенья. С. 165–166.

После нескольких незначущих фраз Катаев спросил:

— Вы прочли мои рассказы?

— Да, я прочел только два, “А квадрат плюс Б квадрат” и “Земляк”, — сказал с улыбкой Ян, — <...> и я понял из этих вещей, что у вас несомненный талант, — это я говорю очень редко, и тем приятнее мне было увидеть настоящее. Боюсь только, как бы вы не разболтались»¹⁹.

И Бунин вновь, как при первых встречах в 1914 г., наставляет своего ученика: «<...> Нужно читать больше, не только беллетристику, но и путешествия, исторические книги и по естественной истории. <...> Я понимаю, что скучно. Но это необходимо, нужно заставлять себя. А то ведь как бывает: прочтут классиков, а затем начинают читать современных писателей, друг друга, и этим заканчивается образование <...>»²⁰

31 августа / 13 сентября 1918 г.:

«Мы провожали всех до Люстдорфа. <...>

Возвращалась с Валея [Катаевым], всю дорогу мы с ним говорили о Яновых стихах. Он очень неглупый и хорошо чувствует поэзию. Пока он очень искренен. Вчера Толстому так и ляпнул, что его пьеса “Горький цвет” слабая <...>»²¹

6 / 19 ноября 1918 г.:

«Был Катаев. <...> Ян с ним разговаривал очень любовно»²².

13 / 26 февраля 1919 г.:

«На “Среде” Валя Катаев читал свой рассказ о Кранце²³, Яну второй раз пришлось его прослушать. Ян говорит, что рассказ немного переделан, но в некоторых местах он берет ненужно торжественный тон. Ян боится, что у него способности механические <...>»²⁴.

21 марта / 3 апреля 1919 г.

«Позвонил Катаев. Он вернулся совсем с фронта. <...>»²⁵.

¹⁹ Устами Буниных... Т. 1. С. 149–150.

²⁰ Там же. С. 150.

²¹ Там же. С. 157.

²² Там же. С. 162.

²³ Имеется в виду рассказ Катаева «Опыт Кранца» (1919).

²⁴ Устами Буниных... Т. 1. С. 174–175.

²⁵ Там же. С. 183.

30 / 12 апреля 1919 г.:

«<...> Вчера на заседании профессионального союза беллетристической группы. Народу было много. Просили председательствовать Яна. Он отказался. <...> Группа молодых поэтов и писателей, Катаев, Иркутов <...> Олеша, Багрицкий и прочие держали себя последними подлецами, кричали, что они готовы умереть за советскую платформу, что нужно профильтровать собрание, заткнуть рты буржуазным, обветшалым писателям. Держали себя они нагло, цинично и, сделав скандал, ушли. <...> Говорят, подоплека этого такова: во-первых, боязнь за собственную шкуру, так как почти все они были добровольцами, а во-вторых, им кто-то дал денег на альманах, и они боятся, что им мало перепадет... <...>»²⁶

(Пояснение к «добровольцам» — в марте 1919 г. Валентин Катаев вступил в Добровольческую армию в чине подпоручика.)

Первая запись бунинских «Окаянных дней», датированная 12 апреля и рассказывающая о событиях 21 марта 1919 г.:

«— “Кто говорит?” — “Катаев. Спешу сообщить невероятную новость: французы уходят”. — “Как, что такое, когда?” — “Сию минуту”. — “Вы с ума сошли?” — “Клянусь вам, что нет. Паническое бегство!”»²⁷

И снова к дневнику Буниных.

8 / 21 апреля 1919 г.:

«<...> Хорошо сказала одна поэтесса про Катаева: “Он сделан из конины”... Его не любят за грубый характер.

<...> Когда был у нас Федоров, мы рассказали ему о поведении Катаева на заседании. Александр Михайлович смеется и вспоминает, как Катаев прятался у него в первые дни большевизма:

— Жаль, что не было меня на заседании, — смеется он, — я бы ему при всех сказал: скидывай штаны, ведь это я тебе дал, когда нужно было скрывать, что ты был офицером...»²⁸

²⁶ Там же. С. 190.

²⁷ Возрождение. 1925. 3 июня.

²⁸ Устами Буниных... Т. 1. С. 197.

12 / 25 апреля 1919 г.:

«Ян в подавленном состоянии: “Все отнято — печать, средства к жизни <...> Идти служить к этим скотам я не в состоянии <...> И как только можно с ними общаться? Какая небрежность <...> А молодые поэты, это такие с[укины] д[ети]. Вот придет Катаев, я его отругаю так, что будет помнить. Ведь давно ли он разгуливал в добровольческих погонах!”»²⁹

Тем же днем (25 апреля 1919 г.) датирована бунинская записка в «Окаянных днях»: «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...”»³⁰

Итожит эти красноречивые пунктирные заметки о Катаеве, не нуждающиеся в особых комментариях, жесткая, хотя не лишённая «родительских» надежд на исправление питомца, зоркая характеристика, данная Буниными молодому писателю при последнем упоминании его имени в дневниках.

24 августа / 6 сентября 1919 г.:

«<...> Вчера был Валя Катаев. Читал стихи. Он сделал успехи. Но все же самомнение его во много раз больше таланта. Ян долго говорил с ним и говорил хорошо, браня и наставляя, советовал переменить жизнь, стать выше в нравственном отношении, но мне все казалось, что до сердца Вали его слова не доходили. <...> Впрочем, может быть, подрастет, поймет. Ему теперь не стыдно того, что он делает. Ян говорил ему: “Вы — злы, завистливы, честолюбивы”. Советовал ему переменить город, общество, заняться самообразованием. Валя не обижался, но не чувствовалось, что он всем этим проникается. Меня удивляет, что Валя так спокойно относится к Яну. Нет в нем юношеского волнения. Он говорит, что ему дорого лишь мнение Яна, а раз это так, то как-то странно такое спокойствие. Ян ему говорил: “Ведь если я с вами говорю после всего того, что

²⁹ Там же. С. 199.

³⁰ Бунин И. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990. С. 121.

вы натворили, то, значит, у меня пересиливает к вам чувство хорошее <...> Раз вы поэт, вы еще более должны быть строги к себе”. Упрекал Ян его и за словесность в стихах: “Вы все такие словесники, что просто ужас”³¹.

Впрочем, упоминание не совсем последнее. Во втором томе бунинских дневников запись Веры Николаевны от 20 июня 1930 г.: «Разбирала письма. Попалось письмо Катаева с белого фронта». Он пишет 15 октября 1919 г. со станции Вапнярка:

«Дорогой учитель Иван Алексеевич,
вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде “Новорос-
сия”. Каждый день мы в боях и под довольно сильным артил-
лерийским обстрелом. Но Бог пока нас хранит. Я на командной
должности — орудийный начальник и команду башней. Я ис-
полняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив,
что Ваши слова о том, что я не гожусь для войны, — не оправ-
дались. Работаю от всего сердца. Верьте мне. Пока мы захвати-
ли 5 станций. Это значительный успех.

Часто думаю о Вас. Несколько раз читал Ваши стихи в “Юж-
ном слове”. Они прекрасны. С каждым новым Вашим стихотво-
рением я утверждаюсь во мнении, что Вы настоящий и очень
большой поэт. Завтра напишу Вам большое письмо с приложе-
нием своих стихов, которые прошу пристроить в Одессе куда-
нибудь, напр., в “Россию”. Привет Вере Николаевне.

Ваш Валентин Катаев»³².

Катаев обращается к Бунину почтительным «дорогой учи-
тель», но в последнем абзаце письма в его тоне звучат забавные
в контексте отношений «ученик-учитель» и, хотя и хвалебные,
но словно покровительственные ноты: «С каждым новым Ва-
шим стихотворением я утверждаюсь во мнении, что Вы насто-
ящий и очень большой поэт». И тут же вслед за этой похвалой
просьба — пристроить стихи в газету. Так ли уж простодушно

³¹ Устами Буниных... Т. 1. С. 255.

³² Устами Буниных... Т. 2. С. 221–222.

искренен этот Валя, как замечала о нем Вера Николаевна (в цитируемой выше записи от 31 августа / 13 сентября 1918 г.)?

Вновь из документального фильма-монолога Катаева о Бунине в его жизни. Интервьюер (литературный критик Анатолий Кузнецов) обращается к своему собеседнику: «Бунин — ваш учитель. Учителям мы обычно посвящаем самые дорогие строки. Когда вы впервые написали о Бунине?»

Ответ Катаева: «О Бунине я написал, когда мы с ним политически разошлись. Он уехал за границу, я остался в советской России, сделался уже работником пропаганды. И написал рассказ “Золотое перо”. О том, как бежал Бунин из России»³³.

Бунин «бежал из России» в начале 1920 г., ступив 24 января на борт французского судна «Спарта», которое взяло курс на Константинополь. Рассказ «Золотое перо» был опубликован 2 октября 1921 г. в харьковской газете «Коммунист» (17 июня 1923 г. перепечатан московским журналом «Красная нива» в № 24). Катаев не совсем точен — образ Бунина появлялся у него и до «Золотого пера» — в лирической новелле «Музыка» (под названием «Иринка» впервые опубликовано в журнале «Огоньки». № 7 (40). 1919. Февраль). Здесь Бунин, правда, всего лишь «проходной» персонаж, но портрет его передан Катаевым с живописной достоверностью, даже имя писателя не изменено:

«Это Иван Алексеевич. Частые кляксы лиственной тени косо и быстро бегут по его полотняной, ладно выглаженной толстовской блузе сверху вниз. На его поскрипывающих и похрустывающих столичных штиблетах желтый порошок цветущего бурьяна. В руках — толстая палка. Бородка приподнята. Пенсне заложено в боковой нагрудный карманчик. Гордый горбатый нос и внимательно прищуренные глаза.

Я знаю, Иван Алексеевич долго бродил по степи, по обрывам, любовался морем, купальщицами, парходным дымом. Он, несомненно, заметил, что поверхность моря похожа на синюю шагреню, а подводные камни просвечивают сквозь воду, как черепаховый гребень. Все это прекрасно, но вдруг быстрый,

³³ Из документального фильма «Валентин Катаев. Страницы творчества».

звонящий, поющий, ноющий, грохочущий, стеклянный, скрежещущий шум пронсящегося за оградой трамвая наполняет сад. Иван Алексеевич останавливается. Зеркальный сухой блеск трамвайных стекол вспыхивает за пыльной изгородью туй, как магний, и летит по стволам через сад, пересчитывая весь его кудрявый инвентарь. И вслед ему долго ноет проволока.

Иван Алексеевич стоит и слушает. Лицо его крайне озабочено. Я знаю, о чем он думает. Он думает, на что похож этот длинный, музыкальный, такой типичный, но ни на что не похожий звук потревоженной трамвайной проволоки. На хроматическую гамму? Может быть. На виолончель? Возможно.

А впрочем, бог его знает!..
Зной сияет над садом».

Сопоставим «гордый горбатый нос» героя «Музыки» с портретной характеристикой Бунина из цитированных выше киномемуаров: «нос, который кто-то сравнил из декадентов — нос кондора». Сравним уменьшительное описание: «Бородка приподнята» — и «маленькая бородочка» (из рассказа и упомянутых воспоминаний соответственно). Да, собственно, и имя «портретируемого» не даст усомниться в прообразе. Безусловно, это Бунин. Но уже в этом эскизе портрета времен первых встреч юноши Катаева с его литературным кумиром проскальзывает будто снисходительная нотка. (Не зря Вера Николаевна удивлялась «хладнокровию» начинающего автора.)

Перечитаем повнимательнее: «Я знаю, Иван Алексеевич долго бродил по степи, по обрывам, любовался морем, купальщицами, пароходным дымом. Он, несомненно, заметил, что поверхность моря похожа на синюю шагрень, а подводные камни просвечивают сквозь воду, как черепаховый гребень. <...> Я знаю, о чем он думает <...>».

Казалось бы, Катаев просто пытается передать емкую живописную образность, отличительную особенность бунинского письма, — «синяя шагрень» моря, «черепаховый гребень» камней. Однако обратим внимание на это дважды повторенное самоуверенное «я знаю», на «несомненно» перед тем как приписать Ивану Алексеевичу собственные (неплохие, впрочем) метафоры, на насмешливо подмеченную по-стариковски раз-

дражительную реплику героя: «Все это прекрасно, но...». Наконец, на «подсказку» рассказчика писателю, что звук трамвая, вначале многословно описанный с помощью семи определенных — «быстрый, звенящий, поющий, ноющий, грохочущий, стеклянный, скрежещущий», а потом еще дополнительным рядом их («длинный, музыкальный, такой типичный, но ни на что не похожий»), — можно лаконично передать как «хроматическая гамма» или «виолончель».

Именно такому экономному расходу слов, усиливающему изобразительную яркость, учил Катаева Бунина:

«Бунин <...> вдруг начинал меня экзаменовать:

— Перед нами ночь. Как вы опишете ее в нескольких словах, но так, чтобы она была именно *эта*, не какая-нибудь другая ночь? Видите, как много вокруг нас всего, — он сделал кругообразное движение своей сухой породистой головой, — а надобно выбрать только самое необходимое, как говорят: типичное. Ну?

Вокруг нас было действительно “много всего”.

Редкие звезды, ослабленные желтоватым светом луны. Теплый степной ветерок. Силуэты акаций. Ограды дач. Звуки перепелов. Тишина. Далекий лай собак. Время от времени крик ослика. Серебристо-пыльная полынь, ее неповторимый ночной запах. Блеск трамвайных рельсов, как бы скользящий вдаль и там поворачивающий и гаснущий среди угольной темноты. Шорох кошки, а может быть, и ежика в пыльных кустах шиповника. Погашенный маяк.

<...>

— Ну, так как же вы, милстивдарь, опишете все это? — бодрим голосом сказал Бунин.

— Я бы описал так, — ответил я, — черный силуэт трамвайного столба с перекладиной в виде коромысла наверху и рядом яркая луна. Все.

— Молодец, — сказал Бунин, — именно так и надо <...>³⁴

(Здесь невольно вспоминается чеховская «Чайка», реплика Константина Треплева, с завистью говорящего о своем опыт-

³⁴ Катаев В.П. Трава забвенья. С. 175, 176.

ном коллеге: «Тригорин выработал себе прием, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса, — вот и лунная ночь готова».)

Рассказ «Золотое перо» послужил своеобразным вкладом молодого Катаева в развернувшуюся в начале двадцатых годов дискуссию о роли художника в революции. Циклом статей «Люди революции», печатавшимся в газете «Коммунист» с 27 сентября по 2 октября 1921 г., ее открыл участник одесского подполья С. Ингулов, призвавший писателей рассказать о людях и событиях революционной эпохи. С полемической статьей «Почему?» выступил поэт Георгий Шенгели в однодневной газете харьковского УкРОСТА «Новый мир» (5 октября 1921 г.). Катаев, к тому времени, по его словам, уже «работник пропаганды», своим рассказом «Золотое перо» «занял партийную позицию», как одобрительно констатировала советская критика.

Вновь из документального фильма-исповеди Катаева:

«— Бунин прочитал этот рассказ?

— Конечно, прочитал. Он мало того, что прочитал. Он был злопамятный. И в сорок шестом году он мне прислал свою книгу “Лица”, в которой упомянул вот это вот. Эта книга у меня хранится, конечно. Это единственный мой автограф Бунина. (На экране крупно титульный лист с узнаваемым бунинским почерком. — *Е. Т.*) Вот, видите, здесь написано: “Валентину Катаеву отъ “академика с золотымъ перомъ” Ив. Бунин. 26.III.1946”... Не мог забыть».

В самом деле, за главным героем рассказа «Золотое перо» вновь непрозрачно угадывается Иван Алексеевич Бунин, хотя здесь, в отличие от «Музыки», где он носит собственное имя, поименован «писателем-академиком Шевелевым».

Название «Золотое перо» — классический пример синекдохи. В своем прямом значении — как инструмент работы писателя — слова «золотое перо» употребляются в рассказе всего дважды. Камертоном служит первая фраза, с которой начинается рассказ: «Золотое перо академика, столь долго пролежавшее в изящном дорожном чемодане, не потеряло своей остроты». Но речь в рассказе, конечно, идет не о предмете письма, а о писателе, олицетворяющем собой, своими произведениями это «золотое перо». Впрочем, Бунин и в самом деле был

неравнодушен к добротным перьям, и Катаеву это наверняка было известно. Как вспоминала в «Грасском дневнике» Галина Кузнецова, Бунина отличала «одна особенность: страсть к перьям. Всю свою жизнь он мучится с неподходящими перьями, мучится своим почерком, хотя есть периоды, когда пишет великолепными клинообразными письменами. Для того, чтобы было легко писать, ему необходимо какое-то особенно легкое, удобное перо, и вот достаточно ему войти в писчебумажный магазин, как он начинает тянуться к коробочке с *золотыми перьями* и ватермановскими ручками <...>» (запись от 16 сентября 1930 г.)³⁵.

Не раз поднимается эта тема и в более поздней переписке Бунина с близким ему Б.Г. Пантелеймоновым. «Даже пера у меня порядочного нет теперь! — раздраженно жалуется Бунин в письме от 6 января 1948 г. — А раз нет порядочного пера и бумага скверная, то и все мои литературные способности летят к черту!»³⁶; «Милый дяденька, не забыли ли Вы похлопотать для меня насчет новейшего американского пера, образец которого Вы мне показывали?» (в письме 25 августа 1948 г.)³⁷ и т. п.

Подлинное отношение «циника» Катаева к своему наставнику, проницательно угаданное еще Верой Николаевной («Меня удивляет, что Валя так спокойно относится к Яну. Нет в нем юношеского волнения. <...> самомнение его во много раз больше его таланта»), прочитывалось за иронично поданным образом. Узнавались черты внешности и привычки: «старая опытная рука», «твердый почерк, известный всей России», «орлиная голова» (вспомним «нос кондора»), «злое пергаментное лицо с припухшими, словно заплаканными глазами», «длинные пергаментные пальцы». «Дворянское лицо академика стало брезгливым. Опять резкая косая черта разделила его темный лоб. Желчь кипела в нем, но наружно он был спокоен». Узнаваем был лаконично и без доброжелательности очерченный портрет жены («голубоглазая, худая, красивая и холодная молодая женщина», которая «не сме-

³⁵ Кузнецова Г. Грасский дневник. С. 169–170. Выделено мной. — Е. Т.

³⁶ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 205.

³⁷ Там же. С. 210.

ла говорить», «возражала мягко»)»³⁸. Своеобразным маркером служила завуалированная отсылка к незадолго перед тем опубликованному бунинскому рассказу «Петлистые уши» (1917): «В коротком черном пальто, открывавшем по колено тонкие длинные ноги, обмотанный серым кашне и в черной толстовской ермолке, по краям которой выступали острые *петлистые* кончики пергаментных *ушей*, академик Шевелев мешался с народом, тонким знатоком которого он слыл, и разговаривал с незнакомыми людьми». (Ср.: «...А у самого Бунина тоже были волчьи уши, что я заметил еще раньше!»³⁹) Еще более разящим было проходящее красной нитью упоминание о сюжете создаваемой академиком повести, в котором угадывался недавний бунинский рассказ⁴⁰, вне сомнения известный Катаеву.

Он признается в этом в «Траве забвенья»: «<...> однажды Бунин прочел мне только что законченный им — еще даже не высохли зеленые чернила — прелестный рассказ о смерти старого князя, и, когда я спросил, долго ли он писал этот рассказ, Бунин ответил: — Часа три»⁴¹.

«Умиравший князь» Шевелева был «умершим князем» Бунина. «Князь умер перед вечером двадцать девятого августа. Умер, как жил, — молчаливый, ото всех отчужденный», — так начинался бунинский рассказ 1918 г. с символическим первоначальным названием «Конец», позже исправленным на библейское «Исход». Философский рассказ о смерти и отношении к ней, проблеме, которая всегда мучила Бунина. И вместе — аллегория: кончина старой жизни, рушащейся под напором революционных сил.

Повествование Катаева отличала саркастическая усмешка по отношению к тому, что составляло дело жизни его героя

³⁸ Катаев В. Золотое перо // Катаев В.П. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1. С. 133.

³⁹ Катаев В.П. Трава забвенья. С. 169.

⁴⁰ Впервые этот рассказ был напечатан в киевском журнале «Родная земля» (1918. № 1. С. 57–62) под заглавием «Конец». В 1921 г. Бунин переименовал рассказ, дав ему название «Исход» (Сообщено С.Н. Морозовым).

⁴¹ Катаев В.П. Трава забвенья. С. 189.

академика. Ирония сквозит в определении: «приятная, но утомительная работа творца», иронией пронизано описание дня Шевелева, который, изо дня в день следуя заведенным привычкам, посреди бушующей революции сочиняет умозрительную повесть «о старом умирающем князе».

Спустя десятилетия Катаев будет вспоминать:

«Он много работал. У меня создалось впечатление, что он пишет непрерывно. Когда бы я ни пришел, я неизменно видел дверь его рабочей комнаты, полуоткрытую в темноватый коридор, а за ней окно, выходящее в тихий двор, небольшой стол и Бунина без пиджака, в свежей сорочке с закатанными до локтей рукавами, обнажавшими сухие, мускулистые руки, который <...> быстро писал, покрывая небольшие узкие листки писчей бумаги своей характерной убористой клинописью»⁴².

Издевка звучит в символическом рефрене «Золотого пера», напоминающем об обреченности противления («золотое перо академика все так же экономно укладывало отшлифованные строки, в которых говорилось о кончине старого князя»; «Академик отложил в сторону рассказ об умирающем князе...»; «Утром статья была отослана в типографию и набрана, и академик мог вернуться к умирающему князю»⁴³). Противостояние «красные — белые» прочитывалось в катаевском рассказе как «живое — мертвое». Явный намек на Бунина звучал и в эпизоде, когда старый писатель, в ответ на просьбу белого генерала снизить до газетной публикации, пишет статью, пропитанную «желчью и злостью», в которой звучит уверенность «в неизбежном конце коммунизма». Собственное отношение автора рассказа аккуратно скрыто за симметричными чувствами политических противников: «Он был слишком уверен в дикой жестокости красных, чью ненависть к аристократам мерил собственной к ним ненавистью»⁴⁴. По сути, герой Катаева был тем же «умирающим князем». Неслучайно и финал рассказа закольцовывается упоминанием о смерти. Академик Шевелев избежал гибели благодаря выхлопотанной для него охранной гра-

⁴² Катаев В.П. Трава забвенья. С. 183–184.

⁴³ Там же. С. 134–135.

⁴⁴ Там же. С. 137.

моте (в реальной жизни Бунина такую же грамоту получил для него П.А. Нилус — «на жизнь, имущество и личную неприкосновенность академика»), но от этого ему не становится легче. «Вместе со страшной усталостью сердце его наполняла непонятная горечь, как будто он только что возвратился с похорон очень близкого человека»⁴⁵. Невольная переключка с рассказом «Конец» («Исход») слышалась и здесь: умерший «старый князь» у Бунина был вовсе не так уж стар — было ему всего пятьдесят лет, практически точный ровесник автора.

Надписью на «Лике» («от академика с золотым пером») Бунин давал понять своему ученику, что не только знает и помнит тот давний катаевский рассказ, но и продолжает следить за его творчеством. В «Грасском дневнике» в записи от 4 сентября 1930 г. отмечена бунинская реакция на рассказ Катаева «Отец», который он прочитал в рижской газете «Сегодня»: «— Нет, все-таки какая-то в нем дикая смесь меня и Рощина. Потом, такая масса утомительных подробностей! Прешь через них и ничего не понимаешь! Многого я так и не понял»⁴⁶. А позже — еще одно свидетельство неугасающего внимания академика к своему одесскому ученику — в письмах Борису Григорьевичу Пантелеймонову, известному своими просоветскими настроениями. В неоднократном шутовском обращении к нему Бунина — «Сын трудового народа!»⁴⁷ — прочитывается аллюзия на название повести Валентина Катаева 1937 г. (Вряд ли Бунин был знаком с текстом воинской присяги 1918 г., которая начиналась этими словами.)

Уже после смерти Бунина Катаеву, когда он был в Париже, довелось встретиться с его вдовой, которая, по словам Катаева, его «очень хорошо знала и любила». Вера Николаевна подарила Катаеву бунинский сборник «Темные аллеи», надписав: «Валентину Петровичу Катаеву, увы, не от автора на память о Иване Алексеевиче, его крестном литературном отце. 30 октября 1960

⁴⁵ Там же. С. 138.

⁴⁶ Кузнецова Г. Грасский дневник. С. 165.

⁴⁷ В письмах Бунина Пантелеймонову от 6 января и 14 февраля 1948 г. // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 204, 207.

года». Катаев приписал ниже: «Эту надпись сделала Вера Николаевна Бунина, жена Ивана Бунина, незадолго до своей смерти». Катаев расценивал оба автографа — Бунина и его жены — на книгах своего учителя как «большую реликвию»⁴⁸.

Если в случае с Катаевым бунинский подарок 1946 г. как-то объясним (послевоенным потеплением Бунина к родине, памятью о последних днях в России перед отъездом, воспоминаниями о своем молодом подмастерье), то дарственная надпись, адресованная Федину («от вашего давнего усердного читателя»), неслучайно привела советского писателя в замешательство.

Иван Алексеевич Бунин и Константин Александрович Федин. Казалось бы (на сегодняшний взгляд), что общего может быть между этими — столь далеко разнесенными историческими и «географическими» обстоятельствами — именами? Эмигрант-изгой и преуспевающий советский литчиновник, нобелевский лауреат и — по мнению недругов (а также бывших друзей из числа серапионов), гонитель другого нобелеата (Пастернака), яростный в своей ненависти Бунин и — осторожный в высказываниях Федин.

Трудно допустить, что был в прошлом веке хоть один мало-мальски достойный русский писатель, не знакомый с бунинским словом. Но именно у Константина Александровича Фебина имя «Бунин» проходит, что называется, красной нитью через всю его творческую биографию.

В 1921 г. была образована литературная группа «Серапионовы братья».

К слову, архетип «братья» в литературе первой четверти прошлого века эксплуатировался как никогда. Образы ветхозаветных Каина и Авеля, Исава и Иакова нередки и на страницах «Окаянных дней». Они определяют философский контекст бунинского дневника, его главную идею — трагедию раскола единого народа на непримиримо враждующие стороны. Еще раньше у Бунина был рассказ «Братья» (1914) с эпиграфом «Взгляни

⁴⁸ См. об этом в фильме «Валентин Катаев. Страницы творчества».

на братьев, избивающих друг друга. Я хочу говорить о печали». Федин создает роман с тем же названием «Братья» (1926–1928), исполненный фатального расхождения судеб творца-композитора и революционера в переломную эпоху. Сравним, как характеризует свое произведение Федин: «<...> роман “мудрый”: о любви и смерти, о братстве, одиночестве, о пустынности человеческой жизни. Грустный роман»⁴⁹.

О фразе «Здравствуй, брат! Писать очень трудно», которую принято считать традиционным серапионовским приветствием и которую обычно цитируют вне контекста. Впервые прозвучала она в письме Федина Максиму Горькому, в котором молодой писатель сетовал на сложность литературного ремесла: «Все прошли какую-то неписаную науку, и науку эту можно выразить так: “писать очень трудно”. Трудно, конечно, не потому, что всю жизнь надо учиться, а потому, что вся жизнь насыщена ежечасными влияниями школ, теорий, приемов, наконец — живых людей. Нужна какая-то китайская стена, чтобы оградить свою душу, сознание, сердце от этих влияний. Борьба с ними не всем по плечу, а иногда всем не по плечу...»⁵⁰

Усвоив совет Горького: «Слушать, но не слушаться»⁵¹, Федин «сознательно не повторял никаких образцов, противился им и научился слушать одного себя. Таким и остался навсегда»⁵². Сознательно противился, но литературные предпочтения в его произведениях сказывались между строк.

Федин вошел в «Серапионово братство» одним из последних. В отличие от большинства участников группы, он не был учеником Литературной студии Дома искусств. Как пишет Б.Я. Фрезинский, привел его либо Евгений Замятин, либо Михаил Слонимский, который познакомился с Фединым у Горького.

«В те годы люди сближались очень быстро, — вспоминала Елизавета Полонская. — Прежде всего они выясняли, кто их собеседник — “белый или красный”, — “белые” были для нас

⁴⁹ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М., 1986. Т. 11. С. 90.

⁵⁰ Литературное наследство. М., 1963. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. С. 470.

⁵¹ Федин К.А. Горький среди нас. М., 1977. С. 56.

⁵² Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 465.

бесспорными врагами. Слонимский был красный, Федин был красный, Зощенко был красный, так же, как и молодой Каверин, и Николай Никитин, и Илья Груздев, и сибирский партизан Всеволод Иванов, и красноармеец Николай Тихонов. Любовь к литературе сблизила их...»⁵³

Мемуары Полонской писались в 1963 г. Сегодня можно усомниться в незыблемой монохромности «братьев». Федин, к примеру, в 1921 г. — после кронштадтских событий — вышел из партии и никогда туда больше не возвращался. Был ли для него «бесспорным врагом» несомненно «белый» Бунин?

За три года до образования серапионов их наставник и гуру Замятин в лекции о новейших течениях русской литературы, которая была прочитана в Лебедянском народном университете 8 сентября 1918 г., поделил писателей на реалистов, символистов и новореалистов. Первых определил как «великолепные зеркала», направленные на землю, чтобы в каждом своем маленьком осколке «отразить <...> наиболее яркий кусок земли». «У этих писателей все — телесно, все — на земле, все — из жизни. <...> я не хочу сказать, что все, описанное в книгах писателей этого периода, происходило и на самом деле. Но все это могло произойти в действительной жизни». Новореалисты, по Замятину, соединившие в себе противоположности реалистов и символистов, «не верят ни в Бога, ни в человека», их оптика основана на иронии, а «изображение мира и людей часто поражает преувеличенностью, уродливостью, фантастикой»⁵⁴.

В ряду ярчайших представителей старой школы реалистов-бытовиков — наряду с Горьким, Куприным, Чеховым и др. — Замятин назовет Бунина. Спустя десять лет, когда Бунин уже был эмигрантом, это замятинское определение оспорит автор статьи в Литературной энциклопедии (в 11 т.; 1929–1939): «По своему художественному направлению Б[унин] не может быть отнесен целиком ни к одному из господствовавших перед революцией

⁵³ Полонская Е. Города и встречи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 379.

⁵⁴ Замятин Е. Современная русская литература // Замятин Е. Сочинения / под ред. Е. Жиглевич и Б. Филиппова при участии А. Тюрина. Мюнхен, 1988. Т. 4. С. 348–365.

литературных направлений. От символистов его отделяет резко выраженная установка на реалистическую деталь, на быт и психологию изображаемой среды, от реалистов-общественников — крайний индивидуализм в подходе к описываемым явлениям и подчеркнутый эстетизм в трактовке реалистических образов. Сочетание этих особенностей заставляет отнести Б[унина] к направлению так наз[ываемого] “неореализма”, литературной школы, возникшей в 1910-х гг. и стремившейся не только продолжать традиции классического русского реализма, но и перестроить их под новым, приближающимся к символизму, углом зрения»⁵⁵.

Но «пока», в начале 1920-х Бунин, по Замятину, — реалист. Серапионов же Замятин в своей статье о них⁵⁶ причислит к неореалистам. Характерна его помета — «за исключением Федина».

19 сентября 1922 г. Федин пишет своему близкому другу И.С. Соколову-Микитову: «Серапионовцы влияли и влияют на меня благотворно и пагубно. Первое потому, что они выучили и учат меня быть строгим к себе и экономным в средствах. Второе потому, что я ничего не могу сделать непосредственно, все оцениваю формально, смотрю на материал (на чувство) сквозь форму, через форму. Другими словами, стою на распутье Пильняка-Белого-Ремизова и Бунина-Чехова-Толстого»⁵⁷. (Выделено мной. — Е. Т.)

Речь шла о выборе дороги в литературе — в какую сторону двинуться на этом перепутье? Воспользоваться ли новаторскими приемами или следовать традициям русской литературы?

Серапионов объединяло отношение к конечной цели искусства, разнилось у них понимание формы, в которую облекался путь к этой цели.

«Серапионовы братья — вовсе не братья: отцы у них разные <...> — подчеркнет Замятин в своей статье «Новая русская проза» (1923). — Это просто встреча в вагоне случайных по-

⁵⁵ URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-encyclopedia/articles/4/bunin.htm> (дата обращения: 16.11.2021).

⁵⁶ Литературные записки. 1922. № 1. С. 8.

⁵⁷ Федин К. Собр. соч.: в 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 508.

путчиков: от литературных традиций вместе им ехать только до первой узловой станции; дальше поедет только часть, а остальные так и застрянут на этой станции — импрессионизированного, раскрашенного фольклором реализма. Наверное, останутся здесь — Вс. Иванов и Федин; возможно, что останутся — Н. Никитин и Зощенко. Богатый груз слов — всех четырех тянет к земле, к быту, и с гофмановскими серапионовыми братьями — у всех четырех едва ли даже шапочное знакомство»⁵⁸.

Тех же Вс. Иванова, М. Зощенко и К. Фебина еще раньше выделял из «Серапионовых братьев» Александр Яценко в своем критическом обзоре 1922 г. «Литература за пять истекших лет», предсказав вектор творческого развития Фебина: «писатель тонкий, явно в будущем с уклоном к академизму»⁵⁹.

В письме Соколову-Микитову 4–5 марта 1924 г. Федин жалуется, как мучительно идет его работа над романом «Города и годы»: «<...> Недаром в разгар выдумок, трюков, на какие я только способен (у меня будет вполне толковый роман, с началом и концом, на русском языке, но весь он — опыт, попытка, проба, и я устаю от него, хотя и вписываюсь в него) в разгар экспериментальной работы над собой и своей сущностью, приходит желание написать “Тишину”».

(Вспомним, что и у Бунина есть рассказ с тем же названием, написанный в 1901 г. Мотив «тишины» как источника художественного вдохновения — вообще один из концептуальных в бунинском творчестве.)

«Я окончил ее [«Тишину»], — продолжает Федин, — она вышла, по-моему, удачной, и вовсе не сухой, как показалось тебе. Серапионы были сбиты с толку: не могли уяснить себе *теоретически* — отход ли это к **окостеневающей форме Бунина** (выделено мной. — Е. Т.), измена — стало быть — роману, или только этап, веха на пути к новой форме. <...> Все это не потому, что я как-то теоретически осуществляю что-то, делю или не делю какую-то там литературную линию, продолжаю или

⁵⁸ Замятин Е. Новая русская проза // Замятин Е. Сочинения. Т. 4. С. 258.

⁵⁹ Яценко А. Литература за пять истекших лет // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 4.

ломаю какую-нибудь традицию, а потому, что у каждого часа свой запах, свой цвет, и хочется запечатлеть их по-живому, как дано тебе, как можешь»⁶⁰.

Кажется, вектор направления на перепутье, о котором Федин говорил раньше, им определен. То, что «новореалисты»-серационы воспринимали как «окостеневающую форму Бунина», для Федина были те самые замятинские «зеркала», в которых он стремился «запечатлеть по-живому» время.

Не один критик соединял имена Федина и Бунина вместе. Так, в своем отзыве на еще не оконченный роман «Города и годы» в 1923 г. Лев Лунц замечал: «Лучше всех нас пишет Федин. Самый “восточный”, самый консервативный. Его традиция — истинно русская, благородная традиция Толстого-Чехова-Бунина (заметим: та же триада, названная выше Фединым. — Е. Т.). Он боится модного нынче псевдонародного языка, синтаксических выкрутас и манер. Он пишет простым, честным языком, забытым и презируемым. Простой язык самый трудный сейчас. Но он — лучший. Чистейший. Федин — осколок настоящей прекрасной русской литературы. <...> Федин понял, что есть великого в русской традиции»⁶¹.

О влиянии Бунина говорит и Замятин в уже цитируемой статье «Новая русская проза»: «В активе у Федина — до странности зрелый рассказ “Сад”, под которым подписался бы и Бунин»⁶². В фединских «Песнях душах» многим слышалась перекличка с бунинскими «Снами Чанга». Много позже Твардовский во вступительной статье к бунинскому Собранию сочинений (1965–1967 гг.) прямо назовет Федина учеником Бунина.

12 ноября 1920 г. декретом Совнаркома при Народном комиссариате просвещения был создан Главполитпросвет под пред-

⁶⁰ Цит. по: «Свела нас Россия». Переписка К.А. Федина и И.С. Соколова-Микитова, 1922–1974. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. С. 50–51.

⁶¹ Лунц Л. Родные братья // Лунц Л.Н. Литературное наследие / предисл., коммент., сост., подгот. текстов и указателя имен А.Л. Евстигнеевой. М.: Научный мир, 2007. С. 408–409.

⁶² Замятин Е. Новая русская проза // Замятин Е. Сочинения. Т. 4. С. 260.

седательством Н.К. Крупской. Его задачей было руководство политической, просветительской и агитационно-пропагандистской работой. В ведении Главполитпросвета находились избыточные клубы, библиотеки, школы для взрослых, советско-партийные школы, коммунистические университеты и пр. Одно из направлений его деятельности сводилось к периодической ревизии библиотек, задачей которой было очистить фонды от «контрреволюционной литературы», в том числе эмигрантской. Практически все списки Главполитпросвета с требованием изъятия возглавляло имя Бунина, которого нарком просвещения А.В. Луначарский в 1928 г. охарактеризует так: «Бунин до глубины существа, до самой своей пуповины — помещик, со всеми отвратительными чертами брюзгливого, брюзжащего барина, который знает, что класс его выпирается жизнью долой <...> это сплошная злостная истерика; он одержим всеми душами погибших и погибающих дворян, которые вселились в его хилое тело и дергают в разные стороны все его нервы»⁶³.

Впрочем, опального писателя «инерционно» продолжали печатать — причем не только частные и кооперативные издательства, но сам Госиздат. Так, в 1926 г. в Ленинграде был выпущен сборник «Митина любовь», в 1927-м «Дело корнета Елагина» в Харькове и избранное под заглавием «Сны Чанга» в Госиздате (в 1928 г. вышло 2-е издание «Снов Чанга»). В том же 1928-м Госиздат выпустил «Братьев» (в серии «Дешевая библиотечка») и «Рассказы» (в серии «Дешевая библиотека классиков»), издательство «Земля и фабрика» напечатало «Худую траву». Последнее появление фамилии Бунина на обложке советского издания перед полным исчезновением состоялось в 1930 г., когда в Госиздате вышел «Господин из Сан-Франциско» (серия «Дешевая библиотека современных писателей»). А бунинский перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло переиздавался в СССР аж до 1941 г. Гонорары автору-эмигранту за все эти издания, естественно, не перечислялись.

Вместе с тем необходимо отметить, что, хотя в цитируемой выше советской Литературной энциклопедии 1929 г. Бунин об-

⁶³ Луначарский А.В. Ответ Ромену Роллану // Вестник иностранной литературы. 1928. № 3. С. 138–142.

личался как реакционер и враг советской власти, вершинное место его в русской литературе, еще до Нобелевской премии, не подвергалось сомнению:

«<...> революция 1917 и ее победоносное завершение послужили очевидным и окончательным толчком для Б[унина] к полному отрыву от современности и к отходу его на те мистические позиции, к[ото]рые он занимает в произведениях эпохи эмиграции. С этой точки зрения самый переход Б[унина] в эмиграцию, его резко озлобленное отношение к Советской России, выразившееся в газетных фельетонах, речах, некоторых новеллах (напр. “Несрочная весна”, “Красный генерал”) и выделяющее Б[унина] даже среди писателей-эмигрантов, представляются лишь практическим выводом, к[ото]рый с фанатической последовательностью был сделан Б[униным] из всего его мироощущения.

Место Б[унина] в истории русской литературы очень значительно. Резко выраженная реакционная идеология Б[унина] приобретает значение характеристических черт дворянского класса, нашедших под пером Б[унина] законченное выражение. С другой стороны, выдающаяся даже для классического периода русской прозы чистота языка, отчетливость внутреннего рисунка в образах и совершенная цельность настроения — все эти черты высокого мастерства, присущие Б[унину] как завершителю классического периода русского дворянского реализма, делают новеллы Б[унина] законченными литературными образцами»⁶⁴.

Пройдет всего несколько лет, и прекратятся не только переиздания Бунина — само упоминание имени в контексте его места на литературном Олимпе станет преступным. Как уверял Варлам Шаламов, стоило ему однажды неосторожно произнести: «Бунин русский классик», и только за это высказывание он был осужден в 1943 г. на десять лет, с последующим поражением в правах еще на пять. Ибо это подпадало под

⁶⁴ URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-encyclopedia/articles/4/bunin.htm> (дата обращения: 16.11.2021).

статью «антисоветская агитация»⁶⁵. Характерно, что в то же самое время профессор Литературного института Константин Александрович Федин рекомендовал своим студентам не просто читать Бунина — учиться у него. «Мое первое знакомство с Буниным, — вспоминал Юрий Трифонов, — произошло еще в студенческие годы⁶⁶. К. Федин, у которого я занимался в семинаре, говорил: “Учитесь делать фразу у Бунина”. Тогда же, году в 1946 или 1947, я купил в букинистическом магазине старое издание Бунина (приложение к “Ниве”), переплетенное в три тома, и читал запоем. Бунин был для меня открытием: какова может быть сила пластического, живописного слова!»⁶⁷

Осень 1945 г. Восстанавливается разрушенная войной работа почты. 11 ноября 1945 г. из сообщения Николая Дмитриевича Телешова, связь с которым во время войны прерывалась, Бунин узнает растревожившую его новость. «Между прочим, — сообщал Телешов, — очень важно, что Государственное издательство печатает твои рассказы, около 20–25 листов. Это очень значительно и приятно»⁶⁸.

Четверть века Бунин в эмиграции. Пятнадцать лет прошло после последнего «пиратского» издания его книги в СССР, и Телешов пытается убедить 75-летнего друга, как тому повезло, что издательский интерес на родине к нему вернулся — несмотря на его «отступничество». На самом же деле, расценив взгляды и высказывания Бунина во время Великой Отечественной войны как патриотические, в СССР ожидали возвращения писателя на родину. К предполагаемому возвращению решено

⁶⁵ «У меня была как раз <статья> пятьдесят восемь, пункт десять <агитация> — я был осужден в войну за заявление, что Бунин — русский классик» (В. Шаламов «Экзамен») (*Шаламов В.Т. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. Т. 2. С. 187*).

⁶⁶ Ю.В. Трифонов поступил в Литинститут в 1944 г. на отделение прозы, в семинар К.А. Федина.

⁶⁷ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 369.

⁶⁸ Открытка Н.Д. Телешова от 11 ноября 1945 г. // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 625.

было приурочить издание бунинского однотомника. Оставалось отобрать произведения для его состава.

Через месяц после телешовского письма Бунин получает телеграмму от ответственного секретаря Иностранной комиссии Союза писателей СССР М.Я. Аплетина с запросом о произведениях, написанных или изданных им за последние годы. Аплетин дублирует свой запрос через Эльзу Триоле, которую просит «прислать немедленно» сборник новых бунинских рассказов (она перескажет эту просьбу Бунину, чем взволнует его еще больше). Парижский представитель Совинформбюро Б.Д. Михайлов подтвердит Бунину, что в Москве собираются издать его рассказы и что-нибудь из последних книг. Через своего литературного секретаря А.В. Бахраха Бунин передает Михайлову сборник рассказов «Темные аллеи» и три книги: «Жизнь Арсеньева» (Париж, 1930), «Освобождение Толстого» (Париж, 1937) и «Лику» (1939). В письме Телешову от 8 декабря 1945 г. он пытается за сарказмом скрыть заинтересованность в публикации своих произведений на родине: «Было в газетах, будто в России хотели издать собрание моих сочинений, — это в связи со слухами о моей смерти?»⁶⁹

Последнее — ироническое напоминание Телешову о его оплошности. В первом издании своих «Записок писателя» (1943) Телешов, перечислив литературные заслуги Бунина и особо подчеркнув его якобы «ярко выраженное стремление» возвратиться на родину, поспешил заявить о кончине друга: «В <...> мае 1942 г. умер Иван Алексеевич Бунин. Ему было 72 года. В разное время Академия наук четыре раза премировала его сочинения и стихотворные переводы Лонгфелло и Байрона; затем он избран был в почетные академики, а несколько лет тому назад была присуждена ему Нобелевская премия. Недавний пример доброго отношения к возвратившемуся в Россию Куприну побудил и его к намерению вернуться на родину, но внезапная война помешала этому. Осталось только его письмо с ярко выраженным стремлением: “Хочу домой!..”»⁷⁰. («Ехать

⁶⁹ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 627.

⁷⁰ Телешов Н. Записки писателя. М.: Гослитиздат, 1943. С. 89–90.

“домой” не собирался и не собираюсь»⁷¹, — рассерженно опротестовывал эту цитату Бунин в своем письме Алданову в Америку, характерно заключив «домой» в кавычки.)

Декабрьское письмо Телешову как единственному на тот момент посреднику с советской издательской машиной Бунин завершал важной пометой: «Если собрание моих сочинений когда-нибудь будет издано, горячо прошу пользоваться только исправленными мною текстами — в собрании моих сочинений издания “Петрополиса”». Однако в СССР тексты для предполагаемого одностомника уже собраны. Составители ничтоже сумняшеся взяли их из дореволюционного собрания сочинений Бунина 1915 г. — того самого, составленного в спешке, собрания издательства Маркса, несовершенный состав которого впоследствии заставлял автора так мучиться.

К беспокоящему его вопросу Бунин возвращается в своем следующем письме Телешову 30 января 1946 г. Отправленное одновременно с письмом схожего содержания в Госиздат через посольство СССР во Франции, оно пронизано отчаянием и беспомощными угрозами обратиться за защитой в ПЭН-клуб:

«Дорогой, милый друг Николай Дмитриевич, <...> чрезвычайно взволнован тем, что ты, между прочим, пишешь мне о моих сочинениях: “Твоя книга листов в 25 печатается в Государственном издательстве художественной литературы”. Отрывок твой уже давняя, и отвечаю я тебе на нее с опозданием в две недели — ибо уже с месяц лежу в постели (жестокий грипп, и начиналось воспаление легких, нынче первый раз присел к письменному столу), — но может быть, еще есть время что-нибудь исправить в этом поистине ужасном для меня деле с изданием 25 листов моих произведений: пишу нынче о нем и непосредственно Государственному издательству и тебе, в надежде, что ты лично поговоришь с кем-нибудь в издательстве и как-нибудь поможешь мне. Я называю это дело ужасным для меня потому, что издание, о котором идет речь, есть, очевидно, сборник из всего того, что написано мною за всю мою жизнь, нечто самое

⁷¹ Письмо Бунина М. Алданову 23 января 1946 г. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1983. Кн. 152. С. 155.

существенное из труда и достояния всей моей жизни — и избрано без всякого моего участия в том (не говоря уже об отсутствии моего согласия на такое издание и о том, что оно лишит меня возможности переиздавать собрание моих сочинений на русском языке во Франции или в какой-либо другой стране, то есть единственного источника существования в нашей с Верой Николаевной старости и близкой полной инвалидности моей: дорогой мой, ведь мне 76-й год идет!). Я горячо протестую против того, что уже давно издано в Москве несколько моих книг (и в большом количестве экземпляров) без всякого гонорара мне за них (имею в виду “Песнь о Гайавате”, “Митину любовь”, было, кажется, и еще что-то) — особенно же горячо протестую против этого последнего издания, того, о котором ты мне сообщил; тут я уже прямо в отчаянии и прежде всего потому, что поступлено со мной (который, прости за нескромность, заслужил в литературном мире всех культурных стран довольно видное имя) как бы уже с несуществующим в живых и полной собственностью Москвы во всех смыслах: как же можно было, предпринимая издание этого изборника, не обратиться ко мне, хотя бы за моими советами насчет него, — за моими пожеланиями вводить или не вводить в него то или другое, за моими указаниями, какие именно тексты моих произведений я считаю окончательными, годными для переиздания! Ты сам писатель, в Государственном издательстве ведают делом люди тоже литературные — и ты и они легко должны понять, какое великое значение имеет для такого изборника не только выбор материала, но еще и тексты, тексты! Я даже не знаю, известно ли в Москве, что в 1934–1935 гг. вышло в Берлине в издательстве “Петрополис” собрание моих сочинений, в предисловии к которому (в первом томе) я заявил, что только это издание и только его тексты я считаю достойными (да еще некоторые произведения, не вошедшие в это издание и хранящиеся в моих портфелях — для следующего издания); заявил еще и то, сколь ужасны мои первые книги издания Маркса, безжалостно требовавшего от покупаемого им автора введения в его издание всего того ничтожного, что называется произведениями “юношескими” и чему место только в приложении к какому-нибудь посмертному академическому изданию, если уже есть надобность в таких приложениях. В

конце концов вот моя горячая просьба: если возможно, не печатать совсем этот изборник, пощадить меня; если уже начат его набор, — разобрать его; если же все-таки продолжится это поистине жестокое по отношению ко мне дело, то по крайней мере осведомить меня о содержании изборника, о текстах, кои взяты для него, — и вообще войти в подробное сношение и согласие со мной по поводу него <...>⁷²

В то самое время, когда Бунин писал этот свой гневный протест, озвученный Телешову, но адресованный по сути советским издателям (шире — властям), Константин Александрович Федин находился в Нюрнберге, где с 20 ноября 1945-го по 1 октября 1946 г. проходил международный судебный процесс над бывшими руководителями гитлеровской Германии. Федин присутствовал на его заседаниях в январе-феврале 1946 г. в качестве специального корреспондента газеты «Известия». Как вспоминал он позже, в кулуарах ему довелось беседовать с журналистами из Франции, в том числе русским эмигрантом Я.Б. Полонским⁷³. Говорили среди прочего и о Бунине. Полонский рассказал, как за время войны изменилось отношение Бунина к СССР. В свою очередь Федин сообщил, что в СССР знают о новых настроениях Бунина, верят в его возвращение на родину — и личное, и «опосредованное», в виде его книг, то есть планируют издание его произведений.

После Нюрнберга прошел месяц, и вдруг в марте 1946 г. Федин получает по почте те самые упомянутые в начале статьи книжные посылки из Франции. Больше всего получателя поразил автограф на книге, в котором Бунин называл себя его «давним усердным читателем»⁷⁴.

⁷² Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 628–629.

⁷³ Полонский Яков Борисович (1892–1951) — с 1937 г. член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже, в 1947 вышел из Союза. С 1928 по 1951 гг. вел дневник, часть которого названа «Бунин во Франции» (часть дневника опубликована в журнале «Время и мы» (1980. № 55, 56).

⁷⁴ С какими именно фединскими произведениями был знаком Бунин, пока установить во всей полноте не удалось. Благодарю С.Н. Морозова за отсылку к записи в бунинском дневнике от 4 фев-

Единственной догадкой Федина о причине неожиданного бунинского подарка была связь с разговорами в нюрнбергских кулуарах. Он рассчитывал получить разъясняющее письмо от Бунина, но письма не было. «Впрочем, нет — письмо было, — поправляет себя Федин в более поздней дневниковой записи от 15 апреля 1971 г. — Оно было подписано спустя две недели после того, как Бунин заключил свои автографы на книгах для меня датой 1 марта 1946 г. Было подписано, но не отправлено. Вероятно, потому, что на родине Бунина тогда еще не возобновили печатание его книг. И его письмо я прочитал почти через четверть века»⁷⁵.

Содержание того неотправленного письма почти дословно повторяло обращение Бунина к Телешову и в Госиздат. Особо зывал Бунин к чувствам Федина-писателя, рассчитывая на его профессиональную поддержку.

«Париж, 15 марта 1946 г. Очень благодарю вас, Константин Александрович, за ваш привет мне через моего друга Я.Б. Полонского. Он же сообщил мне с ваших слов, что Государственное издательство решило выпустить том моих сочинений. Почти одновременно я получил открытку из Москвы от Телешова, где, между прочим, такая фраза: “В Государственном издательстве печатается книга твоих произведений листов в 25”. Сообщение ваше и Телешова меня очень взволновало. Очевидно, будет выпущен большой сборник из всего мною написанного, самое существенное из труда всей моей жизни, и я опасюсь, что редакторы возьмут многое из издания моих сочинений 1915 года (приложение к “Ниве”), первый том которого будет заставлять меня стонать даже и в могиле. Полагаю, что Государственному издательству не знакомы окончательные, исправленные тексты моих заграничных изданий (собрание моих сочинений в издании берлинского “Петрополиса” и др.). Константин Александрович, вам ли объяснять, что я

раля 1944 г.: «<...> Прочел две книжки К. Федина — “Братя” и “Похищ[ение] Европы”. Оч[ень] много знает, оч[ень] неглуп и наряду с этим сумбур, выдумки» (Устами Буниных... Т. 3. С. 162).

⁷⁵ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 691.

должен чувствовать, — я, для которого даже каждая неуместная запятая есть истинная мука! Через несколько дней после открытки Телешева я написал ему горячее (может быть, даже слишком горячее) письмо и почти полную копию этого письма — Государственному издательству через старшего советника посольства в Париже, А.А. Гузовского. Но ответа до сих пор не получал. Простите, что докучаю, может быть, вам своею литературной бедой. Если можете, вступитесь за меня перед Государственным издательством: пусть оно поставит меня в известность о том, что именно оно предполагает напечатать, и подождет моего ответа относительно выбранных им текстов. Я не касаюсь вопроса гонорарного, так как полагаю, что он будет решен по справедливости. Примите мой сердечный привет. Ваш Ив. Бунин»⁷⁶.

Стоит подчеркнуть, что в 1946 г. Федин еще не чиновник государственного уровня, он занимает всего лишь общественный выборный пост — председателя московской секции прозы. Бунин обращался к нему, скорее, как к товарищу по перу, соотечественнику, стилисту, который поймет его терзания, потому что, читая Федина, наблюдал кропотливую работу писателя над словом. Ну и рекомендация Полонского сыграла, очевидно, свою роль. По пересказу нюрнбергских разговоров Бунин понял, что Федин — человек порядочный и что мнение его в высших издательских кругах учитывается.

Письмо Бунина Федин прочитал лишь в начале 1970-х гг., когда оно вместе с другими бумагами поступило от вдовы писателя Веры Николаевны Муромцевой для готовившегося в Москве 84 тома «Литературного наследства», посвященного Ивану Алексеевичу Бунину.

В саратовском Государственном музее Федина хранятся несколько документов, проливающих свет на мотивы неожиданного бунинского подарка⁷⁷.

⁷⁶ Машинопись с автографической подписью // Собрание А.Я. Полонского (Париж). Цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 691.

⁷⁷ Сердечно благодарю Государственный музей К.А. Федина и лично И.Э. Кабанову за предоставленные материалы.

21 августа 1970 г. из редакции «Литературного наследства» в Карачарово, где Федин в то время гостил у Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, была на его имя отправлена заказная бандероль. В сопроводительном письме редактор 84 тома Сергей Александрович Макашин сообщал:

«Дорогой Константин Александрович!

<...>

Посылаю Вам:

Текст обращенного к Вам письма Бунина от 15 марта 1946 г.⁷⁸ Составленную А.К. Бабореко по моей просьбе справку, относящуюся к истории несостоявшегося издания однотомника Сочинений Бунина 1946 г. <...>⁷⁹

Текст отправленной и полученной Буниным телеграммы Иностранной комиссии Союза писателей, извещающей о прекращении издания однотомника Бунина. Текст телеграммы приведен Л.Ф. Зуровым вместе с публикацией письма к Вам Бунина («Новый журнал». Н-Йорк, кн. 86, стр. 136–138), Зуров указывает дату получения Буниным телеграммы: 26 марта 1946 г.

Мы могли бы послать Вам и другие документы, в частности упоминаемое в письме к Вам “горячее (может быть, даже слишком горячее) письмо” к Телешову — оно печатается в нашем томе. Но, на мой взгляд, нет необходимости освещать заново всю эту историю, во всех ее деталях (тем более, что важнейшие справки, сюда относящиеся, будут приведены в примечаниях к упомянутому письму Бунину к Телешову). Достаточно в самой общей форме сказать, что при подготовке издания 1945–1946 гг. возникли известные трудности, что по просьбе самого Бунина издание тогда же было ликвидировано, но что в последующих уже многотомных изданиях бунинские тексты печатались с учетом тех изменений и поправок в издании “Петрополис”, которые были внесены автором⁸⁰.

⁷⁸ Здесь и далее в машинописи подчеркнуто карандашом рукой Федина.

⁷⁹ Против этого пункта Федин делает на полях помету: «? Но где же этот текст? Не использован ли он в этом письме С.А. Макашина?»

⁸⁰ Рукой Федина внизу подписано ручкой: «В телеграмме сказано о “приостановке”, но это было прекращение».

Издание это, с автографическими поправками Бунина было прислано им самим⁸¹.

Что касается вопроса — почему Вы не получили письма Бунина, то ответить на него, с полной определенностью, пока трудно. Я попытаюсь навести справки в Париже у Зурова и у Полонского, приславшего нам фотокопию письма. И тот и другой обладают идентичными машинописными текстами письма. Но текст, находящийся у А.Я. Полонского (доставшийся ему вместе с бумагами его дяди, писателя Алданова) адресован и подписан рукою Бунина. В публикации Зурова эти элементы письма отсутствуют, но в конце текста стоит строка точек. Все это не позволяет сейчас внести полную ясность в вопрос. Пока что одинаковую силу имеют оба возможных предположений⁸²: а) письмо было послано, но не дошло до Вас и б) письмо было написано, но не было послано.

Наличие в Париже двух текстов, один из которых подписан рукою Бунина, склоняет как будто ко второй части альтернативы: Бунин подготовил письмо к отправке, но по каким-то соображениям не отправил его. Так как это были дни высшей точки конфликтной ситуации, возникшей между Буниным и Гослитиздатом, то возможно, что в день написания письма или днем позже Бунин получил из Москвы известие, которое заставило его просить отказаться от издания. Обращение к Вам по этому деловому поводу стало для него ненужным⁸³. Очень возможно, что советчиком в этих делах был Алданов, с которым он⁸⁴ дружил. Этим можно объяснить, почему неотправленное письмо (или возможно не отправленное) осталось в бумагах Алданова, а от него перешло к его племяннику А.Я. Полонскому (сыну того Я.Б. Полонского, через которого был передан Ваш привет Бунину)⁸⁵.

⁸¹ Комментарии Федина карандашом — «Кому? Когда?»

⁸² Так в письме.

⁸³ На полях рядом фединская помета синим карандашом: «Склонен к такому толкованию».

⁸⁴ Исправлено ручкой на «Бунин».

⁸⁵ На полях помета Федина: «Нюрнберг, янв.-февр. 1946».

Такова предположительная пока схема ответа на поставленный выше вопрос⁸⁶. По-видимому осторожнее (опять-таки пока!) будет сказать кратко и альтернативно: письма Вами не было получено, а почему — неизвестно: может быть оно и не было послано.

Всего Вам доброго.

С глубоким уважением

Ваш С. Макашин

Прошу Вас передать мой сердечный привет Ивану Сергеевичу»⁸⁷.

На отдельном листе приложена «Телеграмма И.А. Бунину в Париж от зам. Председателя Иностранной комиссии Союза Советских Писателей М. Аплетина» с текстом на французском языке. Вот ее перевод: «В соответствии с вашим пожеланием государственное литературное издательство приостановило подготовку сборника ваших произведений. Михаил Аплетин, заместитель председателя Иностранной комиссии Союза Советских писателей». После текста телеграммы примечание: «Дата получения телеграммы: 26 марта 1946 г. Подлинник сохранился в бумагах Бунина, находящихся на хранении Л.Ф. Зурова. Опубликовано последним в “Новом журнале”, кн. 86, стр. 137–138».

Рукопись бунинского тома в «Литературном наследстве» была готова к набору осенью 1970 г. В письме от 6 ноября 1970 г. Макашин напоминает Федину о данном им давно обещании прислать сопроводительную заметку к публикации того самого письма Бунина и убедительно просит подготовить ее к концу ноября. Но лишь 15 апреля 1971 г., спустя 5 месяцев после назначенного срока, с извинениями, ссылаясь на «разные обстоятельства, отчасти и нездоровье», Федин высылает врезку — чуть больше странички. Судя по количеству вымаранных и правленных строк в сохранившемся черновике, текст этот дался ему не очень легко. В нем он кратко пересказывает историю с получением неожиданного бунинского подарка с лестным

⁸⁶ На полях знак вопроса «?».

⁸⁷ ГМФ 51508/1.

автографом, делится догадкой про связь с Нюрнбергом, сетует, что сопроводительное бунинское письмо прочитал лишь четверть века спустя.

Нам ли судить, почему Федин не ответил на подарок Бунина тогда же, в 1946 г.? Вспомним те времена: апрельское заседание Политбюро с решением «о необходимости устранения недостатков в идеологической работе», недоброй памяти постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», борьба с космополитизмом и т. д. и т. п.

Федин не раз возвращался к мучившей его проблеме в дневниках — то пытаюсь самооправдаться, то коря себя за малодушие. 14 декабря 1953 г. он записывает:

«Оказывается, недавно в газетах было сообщение о смерти Ив[ана] Бунина — я пропустил известие⁸⁸.

Жалко и напрасно, что он не решил вернуться. Ему все простили бы, все позабыли б. Со временем, конечно, простится и то, что не вернулся. Писатель такой, что не позабудется. Будем и печатать. Но вот Куприн обрел уже полное признание, и толпы стояли в очереди перед магазинами, когда выпустили на днях трехтомник. Толпы для него новых читателей. Они несравнимы по характеру искусства и — особенно — по доступности. Но вполне сравнимы по “зарубежности” судьбы. Бунину, конечно, больше следовало бы тяготеть к русской земле и русской могиле, чем Куприну. Случилось наоборот»⁸⁹.

Дневниковая запись передает отношение Федина-писателя и человека к масштабу бунинской личности, и — одновременно — осторожный «административный» взгляд советского чиновника. Вряд ли характер Ивана Алексеевича Бунина предполагал ожидание «прощения».

Вместе с тем даже многие годы спустя Федин не может простить себе проявленное в 1946 г. малодушие. «По-прежнему возвращаюсь к Бунину, — записывает он 23 октября 1957 г., — стыжусь, что промолчал в ответ на подаренные им книги»⁹⁰.

⁸⁸ В газете «Правда» (1953. 11 ноября. № 315. С. 4) была напечатана краткая заметка «Смерть И. Бунина».

⁸⁹ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. С. 322–323.

⁹⁰ Там же. С. 434–435.

И это растравляемое самоедство характеризует его как нельзя лучше, ведь, «промолчав» в 1946-м, в декабре 1954-го он решительно выступил с трибуны Второго съезда писателей, где, высоко оценив литературное наследие Бунина, назвал его «русским классиком» и призвал возвратить на родину его книги. «Не следует, по моему мнению, — сказал Федин, — отчуждать Бунина от истории русской литературы, и все ценное из его творчества должно принадлежать читателю».

19 мая 1955 г. Федин записывал в дневнике:

«Прочитал “Темные аллеи” Бунина, и на глазах вдруг слезы. Немного надо, всего — страничку, чтобы передалось чувство.

После того, как я осмелился сказать о Буине в речи на Съезде, его оживляют: выбрали несколько маленьких вещей для “Нового мира”, еще робко, с предварением читателя о его роковой “позиции”. Будет скоро выпускать книги Гослитиздат.

Не моя, конечно, — не только моя заслуга и не моя смелость... но все же я сделал что мог: назвал *имя*»⁹¹.

Не без влияния Феина читательский шлюз издания бунинских книг был открыт.

Судьба еще раз опосредованно соединила имена Бунина и Феина в 1968 г., когда Союз писателей СССР выдвинул К.А. Феина на Нобелевскую премию. Его имя было названо тогда в качестве «замены» К.Г. Паустовскому. «Из-за смерти Константина Паустовского»⁹² из списка этого года уходит одно из самых привлекательных предложений. Это прискорбно, поскольку эта русская кандидатура имела хорошие шансы на ближайшее будущее», — приводит ТАСС цитату из пояснительной записки председателя комитета премии Андерса Эстерлинга. Кандидатуру Феина академия не поддержала. «Главная книга 76-летнего писателя “Города и годы” (1924) отстоит слишком далеко по времени и, судя по всему, он уже не занимает видного места среди советских писателей, поэтому дальнейшее рассмотрение его кандидатуры считается нецелесообразным», — говорилось о Феине в архивном документе Шведской академии, опубли-

⁹¹ Там же. С. 374.

⁹² К.Г. Паустовский скончался 14 июля 1968 г.

кованном ТАСС 2 января 2019 г.⁹³ Характерно, что в 1968 г. в пятый раз была отвергнута и кандидатура В.В. Набокова. А вот для Ивана Алексеевича Бунина, как известно, именно пятое выдвижение увенчалось успехом. Нобелевская премия 1933 г. была присуждена ему с формулировкой: «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». Именно этому завету в своем творчестве следовал всю жизнь и Константин Александрович Федин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бунин И.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990. 414 с.
- Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014. Т. 2. 544 с. (Новая Библиотека поэта).
- Катаев В.П.* Золотое перо // *Катаев В.П.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1. С. 132–138.
- Катаев В.П.* Трава забвенья // *Катаев В.П.* Святой колодец. Трава забвенья. М.: Советский писатель, 1969. 344 с.
- Кузнецова Г.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста и предисл. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. (1910–1919) / сост. С.Н. Морозов. 1184 с.
- Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Коммунист. академии, 1929. Т. 1. 384 с.
- Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. 736 с.
- Литературное наследство. М: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин: в 2 кн. 696 с. + 551 с.
- Луниц Л.Н.* Литературное наследие / предисл., коммент., сост., подгот. текстов и указателя имен А.Л. Евстигнеевой. М.: Научный мир, 2007. 712 с.
- Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. 431 с.
- Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин. Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. 584 с.
- Полонская Е.* Города и встречи / вступ. ст., послесл., сост., подгот. текста и коммент. Б.Я. Фрезинского. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 653 с.

⁹³ Цит. по: URL: <https://tass.ru/kultura/5972259> (дата обращения: 17.11.2021).

- «Свела нас Россия». Переписка К.А. Федина и И.С. Соколова-Микитова, 1922–1974. М.: КМК, 2008. 482 с.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 2 т. / под ред. М. Грин. М.: Посев, 2005. Т. 1. 304 с.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 2 т. / под ред. М. Грин. М.: Посев, 2005. Т. 2. 431 с.
- Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 11: Письма, 1909–1977 / коммент. Н.К. Феединой, А.Н. Старкова. 590 с.
- Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 12: Дневники и записные книжки, 1928–1968 / сост., подгот. текста и коммент. Н.К. Феединой, А.Н. Старкова. 622 с.
- Шаламов В.Т. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. Т. 2: Колымские рассказы / сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. 508 с.

«ДОРОГОЙ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ, ПОЛОЖИТЕСЬ НА МЕНЯ, КАК НА КАМЕННУЮ ГОРУ...»: И.А. БУНИН И И.И. ФОНДАМИНСКИЙ

© 2022 г. Ю.А. Азаров

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям И.А. Бунина и И.И. Фондаминского, общественного деятеля, историка, члена Учредительного собрания, которому довелось участвовать в решающих событиях русской революции. В Париже семья Фондаминских вошла в число близких друзей и помощников Буниных, однако история их взаимоотношений еще не становилась предметом специального анализа. В дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной и «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой остались свидетельства о том, сколь высоко Бунин ценил Фондаминского — блестящего рассказчика, литератора и образованного человека. Он входил в состав редакции «Современных записок» и задолго до получения Буниным Нобелевской премии был уверен, что его публикации являются для журнала знаком особого отличия. Здесь вышли многие произведения Бунина, в том числе «Жизнь Арсеньева». Сохранившиеся в Русском архиве в Лидсе письма Фондаминских к Буниным охватывают период в 16 лет и в значительной мере раскрывают характер их взаимоотношений. Вопросы, связанные с сотрудничеством в журнале, занимают в переписке едва ли не главное место, однако затрагиваются и такие темы, как оценка писателей зарубежья, вопросы, касающиеся совместной аренды виллы «Бельведер» в Грассе, советы в решении денежных проблем. Фондаминский представлен в переписке также в роли читателя Бунина, издателя, продавца его книг.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, И.А. Бунин, И.И. Фондаминский, журнал «Современные записки», «Жизнь Арсеньева», личная переписка.

Информация об авторе: Юрий Алексеевич Азаров — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>. E-mail: gmammoth@mail.ru.

Для цитирования: Азаров Ю.А. «Дорогой Иван Алексеевич, положитесь на меня, как на каменную гору...»: И.А. Бунин и И.И. Фон-

даминский // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 387–444. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-387-444>

“DEAR IVAN ALEKSEEVICH,
RELY ON ME AS ON A STONE MOUNTAIN... ”:
I.A. BUNIN AND I.I. FONDAMINSKY

© 2022. Yuri A. Azarov

Abstract: The present article considers the relationship between I.A. Bunin and I.I. Fondaminsky, a public figure, historian, socialist revolutionary, a member of the Constituent Assembly who happened to participate in the decisive events of the Russian revolution. In Paris the Fondaminskys became the closest friends and assistants of the Bunins, but the history of relationship between these families has not yet become the subject of special analysis. In the diary of V.N. Muromtseva-Bunina and “The Grasse Diary” by G.N. Kuznetsova we can find evidence of how highly Bunin valued Fondaminsky — an outstanding storyteller, writer and educated person. He was a member of the editorial board of “Sovremennye zapiski” and long before Bunin won the Nobel prize never had any doubt that his prose was a sign of special distinction for the journal. Many of his literary works were published here, including “The Life of Arsenëv”. The letters of the Fondaminskys addressed to the Bunins preserved in Leeds Russian Archive cover a period of 16 years and largely reveal the nature of their relationship. Questions related to cooperation in the journal are uppermost in the correspondence, but such topics as the assessment of émigré writers, issues related to the joint rental of the Belvedere villa in Grasse, and tips for solving money problems were also touched upon. Fondaminsky is also represented in the correspondence as a reader of Bunin, a publisher and a seller of his books.

Keywords: Russian émigré literature, I.A. Bunin, I.I. Fondaminsky, “Sovremennye zapiski”, “The Life of Arsenëv”, personal correspondence.

Information about the author: Yuri A. Azarov, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>. E-mail: gmammoth@mail.ru.

For citation: Azarov, Yu.A. “Dear Ivan Alekseevich, rely on me as on a stone mountain...”: I.A. Bunin and I.I. Fondaminsky.” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 387–444. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-387-444>

Еще один круг замкнулся. Мне вдруг стало ясно, что история имеет смысл, часто даже противоположный нашим ожиданиям, но разобраться в этом трудно, остановившись где-то посередине процесса.

В.С. Яновский. Поля Елисейские¹.

Ивана Алексеевича Бунина и Илью Исидоровича Фондаминского, по рождению Фундаминского (политический и литературный псевдонимом И. Бунаков)², в 2004 г. канонизированного Константинопольским патриархатом новомученика, масона, философа, историка, а в молодости революционера, отдавшего лучшие годы борьбе с самодержавием, члену Учредительного собрания, которому довелось участвовать в решающих событиях русских революций, судьба соединила уже в изгнании. Зарубежье сближало разных людей, которые при иных обстоятельствах, вероятно, никогда бы не встретились. Бунин и Фондаминский отличались друг от друга не только происхождением, материальным достатком, но и политическими воззрениями. Бунин — потомственный дворянин, всю сознательную жизнь этим гордившийся, Фондаминский — выходец из купеческого сословия, который смолоду посвятил себя подпольной работе и в коммерческих делах отца не участвовал. Как известно, Бунин всегда оставался непримиримым врагом революции и всякой революционности, партию эсеров, которая «довела» Россию до Учредительного собрания, мягко говоря, не жаловал. Однако все же существовала некая основа для человеческого сближения, от политики, безусловно, далекая.

Уже в Париже между ними завязались дружеские отношения, а семья Фондаминских вошла в число ближайших друзей и постоянных помощников Буниных. «Дорогой Иван Алексеевич, положитесь на меня, как на каменную гору — все будет сделано, чтобы добиться успеха»: заверяет в одном из писем

¹ Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 86.

² Псевдоним был выбран случайно — по вывеске бакалейного магазина на Маросейке, мимо которого в 1905 г. проезжал Фондаминский по пути на одно из полулегальных собраний.

Фондаминский³. Е.Р. Пономарев, характеризуя круг бунинского общения, отмечает: «...И.А. и В.Н. Бунины на протяжении многих лет не просто часто виделись с И.И. и А.О. Фондаминскими, но и совместно проживали на юге Франции, были близкими друзьями, однако содержание их общения почти не описано и мало документировано, притом, что хорошо известно: И.И. Фондаминский был для Бунина не только издателем и членом редакции “Современных записок”, а А.О. Фондаминская — не только меценатом, они были духовно близкими людьми»⁴.

Безусловно соглашаясь с Е.Р. Пономаревым, что личность Фондаминского заслуживает гораздо большего внимания со стороны биографов и исследователей творчества Бунина, хотелось бы добавить, что с точки зрения изучения творческой и семейной биографии писателя эти взаимоотношения представляют собой важнейшую составляющую, без учета которой полноценное исследование его литературного наследия довоенного периода не представляется полноценным.

Следует уточнить, что личность Фондаминского вызывает интерес не только по причине близких взаимоотношений с Буниными и той роли, которую он сыграл в их жизни. Оставленное им наследие, благодаря которому он занимает определенное место в истории русской общественной мысли, в наши дни все чаще привлекает интерес историков, о чем свидетельствует диссертация А.А. Берзиной, дающая подробный анализ политической биографии Фондаминского⁵. Изучение его деятельности, по мнению исследователя, является весьма актуальным как в научном, так и в практическом значении — представляют интерес статьи, в которых затрагиваются такие проблемы, как община и ее роль в решении аграрного вопроса, террор и от-

³ «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: в 4 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 713.

⁴ Пономарев Е.Р. Парадигмы эмигрантского быта. Круг общения семьи Буниных и повседневная культура эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2016. Вып. I. С. 52.

⁵ Берзина А.А. Общественно-политическая деятельность И.И. Бунакова-Фондаминского: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Орел: Орлов. гос. ун-т., 2005. 26 с.

ношение к нему в зависимости от политической ситуации, размышления о пределах допустимости классовой борьбы в условиях Первой мировой войны⁶.

При этом известное жизнеописание Фондаминского, несмотря на частые упоминания в литературе, имеет фрагментарный характер, а имеющиеся биографические справки, очерки и примечания отмечают одни и те же факты и при этом, к сожалению, содержат фактические неточности и ошибки. Поэтому хотелось бы сразу же устранить несколько связанных с его биографией заблуждений.

Так, Фондаминский в глубоко законспирированную Боевую организацию эсеров, в отличие от своего товарища В.М. Зензинова, не входил, в подготовке покушений не участвовал, терактов не совершал — основной сферой его деятельности всегда оставались организационная работа и пропаганда. У него была репутация опытного агитатора — выступая на митингах, он мог, как никто другой, мобилизовать массы на антиправительственные действия. Кроме того, он не одобрял террора, считавшегося народовольцами «высшей формой политической борьбы». Следует указать и на другие неточности. Фондаминский никогда не передавал партии полученное от отца миллионное наследство. Его не приговаривали к смертной казни — ни при царской власти, ни при советской. В 1906 г. задержанный «на месте преступления» — при попытке проникнуть на крейсер «Память Азова», когда восстание уже было подавлено, и за это дважды преданный военному суду, Фондаминский в обоих случаях был оправдан. На бессудную расправу в лагере смерти его как еврея обрекли нацисты⁷. В Учредительном собрании, как иногда утверждают, он не представлял Таврический округ, а был делегирован от личного состава Черноморского флота, имевшего, как и Балтийский флот, особое представительство. Фондаминский не продавал немцам свою уникальную библио-

⁶ Основные опубликованные в эмиграции статьи Фондаминского вошли в сб.: *Бунаков-Фондаминский И.И.* Пути России. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 668 с.

⁷ *Вишняк М.В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб.: Логос; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 84.

теку — в действительности ее конфисковали. Утверждают также, что в 1940 г. он бежал из Парижа в «свободную зону», хотя Аркашон, населенный пункт на юго-западе Франции, где Фондаминский провел лето 1940 г., к «свободной зоне» не относился — здесь проходила линия так называемого Атлантического вала, имевшего для немецкого командования стратегическое значение.

Мемуаристы в один голос признают, что Фондаминский сыграл в жизни зарубежья исключительную роль, получив известность как публицист, историк, редактор и издатель, общественный деятель, участник благотворительной и просветительской организаций «Православное дело». Так, он входил в редакции ведущих русских изданий, среди которых редакция основанного правыми эсерами журнала «Современные записки», организатор одноименного издательства, редактор первых трех номеров выходившего с 1937 г. журнала «Русские записки», один из основателей религиозно-философского журнала «Новый град», ставшего его любимым детищем⁸.

Подробностям биографии Бунина посвящено множество работ, основанных на архивных материалах и свидетельствах современников, жизнь его описана максимально детально, в том числе в «Летописи» С.Н. Морозова⁹. Что касается Фондаминского, то его богатая яркими событиями биография, к сожалению, еще не стала предметом подробного изучения. Мемуаров он не оставил, его парижский архив, содержавший письма Бунина и Веры Николаевны Муровцевой-Буниной, считается безвозвратно утраченным после ареста и отправки в лагерь. Факт остается фактом: труды и жизненный путь Фондаминского изучены лишь поверхностно, поэтому имеет смысл более основательно выделить его главные этапы, которые отмечались авторами существующих на данный момент биографических справок.

⁸ Азаров Ю.А. «Новый град»: философское мирозерцание и «творческое преодоление большевизма» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Вып. 5 / отв. ред. Ю.А. Азаров. С. 97–128.

⁹ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1; 2017. Т. 2.

Выполнение поставленной задачи становится возможным благодаря тому, что имя Фондаминского постоянно упоминается в воспоминаниях и переписке множества авторов — круг его дружеского и делового общения всегда оставался необычайно широким. В большинстве случаев он характеризуется как человек незаурядный, яркий и во многом исключительный, блистательный рассказчик и оратор, отмечаются его доброта, удивительная тонкость, чувство такта, бескорыстие, умение приходить на помощь. Не менее яркой была и его биография, относящаяся к годам активного участия в первой русской революции — этот период мог бы составить основу авантюрного романа. Оценки Фондаминского как революционера, политика, оратора содержатся в мемуарах В.М. Зензинова¹⁰, В.М. Чернова¹¹, А.Ф. Керенского¹², Б.В. Савинкова¹³. Основные вехи эмигрантской биографии и литературной деятельности прослеживаются по воспоминаниям Г.Н. Кузнецовой¹⁴, В.С. Варшавского¹⁵, В.С. Яновского¹⁶, друзей и ближайших соратников Фондаминского, включая Г.П. Федотова¹⁷, М.В. Вишняка¹⁸, который был другом детства, соратником по борьбе и впоследствии

¹⁰ Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 418 с.

¹¹ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 412 с.

¹² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / пер. с англ. М.: Республика, 1993. 384 с.

¹³ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Л.: Лениздат, 1990. 447 с.

¹⁴ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 496 с.

¹⁵ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2010. 544 с.

¹⁶ Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 277 с.

¹⁷ Федотов Г.П. И.И. Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. 1948. № 18. С. 317–329.

¹⁸ Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб.: Логос; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 242 с.

соредактором Фондаминского в журнале «Современные записки». Так, Вишняк с теплотой вспоминал: «Илюша, Илья, Илья Исидорович Фондаминский был моим долголетним и многие годы самым близким и дорогим для меня другом»¹⁹.

Родился Илья в Москве в 1880 г., в еврейской семье Исидора (Израиля-Элии) Ицковича Фондаминского, с 1893 г. купца первой гильдии, державшего ювелирное дело. Отец происходил из Шклова, местечка в Могилевской губернии, которая появилась на карте Российской империи в 1772 г. при первом разделе Речи Посполитой. Впервые мальчики встретились во время богослужения в синагоге, которая находилась в Глебовском подворье Зарядья, в несуществующем ныне Знаменском переулке. «Я сразу обратил внимание, — пишет Вишняк, — на черноглазого, чистенького, складного и привлекательного Илюшу. Он поразил мое детское воображение, и с годами впечатление не исчезло и не умалилось, а, наоборот, окрепло и усилилось. Я знал Фондаминского в течение полувека. В первой половине этого срока наши встречи и общение не раз прерывались на годы, но я никогда не терял из виду ни его, ни, потом, его жены Амалии, — всегда знал, где и как они жили, чем интересовались и занимались»²⁰. Дружеское сближение началось во время вступительных экзаменов в гимназические классы Лазаревского института восточных языков, в которых мальчики мечтали учиться. Поступить им не удалось, хотя оба получили необходимые для этого баллы — для детей иудейского вероисповедания было выделено только одно место, которое досталось какому-то другому претенденту. Они пошли учиться в разные гимназии: Илья — в частную мужскую гимназию Ф.И. Креймана, Марк — в 1-ю казенную. «Илюша, — вспоминает детские годы Вишняк, — привлекал к себе всеобщие симпатии и выделялся во всем. Единственный сын в семье (старший брат²¹,

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ В середине 1890-х гг. Матвей Фондаминский (1866–1896) — активный член партии «Народная воля». Арестован в 1886 г. в Москве и сослан в Якутский уезд. 22 марта 1889 г. участвовал в вооруженном сопротивлении политических ссыльных («Якутская траге-

видный революционер, приговоренный в свое время к казни, скончался в Сибири в 1896 г.), он был окружен любовью и вниманием матери и четырех сестер. Его баловали, но он не был избалован. Он учился отлично, был любознателен и привлекал к себе манерами, изяществом фигуры, всей внешностью. Что бы он ни делал, он делал хорошо, а то и превосходно»²².

На какое-то время пути друзей разошлись, когда оба для продолжения учебы отправились в Германию, в университеты. Вишняк после третьего курса юридического факультета Императорского Московского университета в 1903 г. уезжает во Фрейбург изучать медицину, Фондаминский же с 1900 по 1904 г. постигает основы философии в университетах Берлина и Гейдельберга. К тому времени относится их увлечение политикой и вступление в партию социалистов-революционеров, о чем речь пойдет ниже.

В феврале 1903 г. Фондаминский женится на Амалии Осиповне Гавронской, которая в будущем войдет в ближний круг друзей Буниных. В браке они проживут 32 года — 6 июня 1935 г. Амалия умрет от туберкулеза. О ее происхождении следует рассказать подробнее, поскольку эта тема неоднократно возникает в разговорах и переписке Буниных и Фондаминских. Амалия — внучка Вульфа Высоцкого, основателя чаеоторгового товарищества «В. Высоцкий и К°». В качестве приданого она принесла в молодую семью долю доходов от принадлежащих товариществу плантаций на Цейлоне — известно, что во время событий 1905 г. Фондаминский выделил из этих средств несколько десятков тысяч рублей на закупку оружия для боевых дружин. Впоследствии продолжателями чаеоторгового дела (с 1904 г. — торговый дом «Д. Высоцкий, Р. Гоц и К°») становятся сын В. Высоцкого и мужья трех его дочерей: Давид Высоцкий, Осип Цетлин (отец Михаила Цетлина — поэта Амари), Рафаил Гоц (отец братьев Гоцев — народовольца Михаила и эсера Абрама) и отец Амалии Ошер (Иосиф) Гавронский. Это была сплоченная и весьма многочисленная семья, одна из богатейших в

дия») и был приговорен военным судом к двадцати годам каторги, которую отбывал в Виллюйске и Акатге. В 1895 г. в последней стадии туберкулеза определен на поселение. (Примечание. — Ю. А.)

²² Зензинов В.М. Пережитое. С. 30.

России, представители которой сыграли значительную роль в народолюбивом и революционном движении. Для историка литературы семья Высоцких представляет интерес еще и тем, что в 1912 г. студент Борис Пастернак во время учебы в Германии сделал предложение дочери Д. Высоцкого Иде, которая стала его первой юношеской любовью. Предложение Иды отвергла, что нашло отражение в стихотворении «Марбург»...

Зензинов, в те годы влюбленный в Амалию, оставил подробную характеристику друзей своей юности: «Фондаминский, Гоц, Гавронские — Яков и Амалия — все это был один тесный московский кружок, связанный между собой родством и дружбой с детства»²³. Молодые люди ни в чем не нуждались и имели возможность учиться в лучших университетах. Он же с теплотой вспоминал студенческую юность в Гейдельберге: «Беззаботные, веселые летние дни! Мы жили легко, все связаны были между собой дружескими и товарищескими отношениями, но про нас четверых (нас так и называли «квartetом» — Гоц, Фондаминский, Амалия и я) нельзя было сказать, что жизнь наша была пустой — все мы четверо много читали, много занимались. И очень часто во время прогулок обсуждали глубочайшие философские проблемы и горячо по поводу них спорили — особенно Гоц и Фондаминский»²⁴.

Немаловажную роль в биографии Фондаминского, уже эмигрантской, сыграло и то, что после национализации предприятий в Советской России товарищество Высоцкого успешно продолжало коммерческую деятельность за границей — еще до революции были открыты представительства в Европе и Северной Америке, с 1907 г. работал лондонский филиал (Anglo-Asiatic Company, Ltd.). В 1918 г. глава фирмы Д. Высоцкий вместе с семьей эмигрировал из Одессы, после чего производство было сосредоточено в «вольном городе» Данциге, где фирма построила две чаеразвесочные фабрики. Ее правление находилось в Лондоне, там же разрабатывались составы чайных смесей. Благодаря этим обстоятельствам близкие к Буниным семьи Цетлиных и Фондаминских, не принимая непосредственного участия в тор-

²³ Там же. С. 85.

²⁴ Там же. С. 89.

говых делах, до конца 1930-х гг. получали полагавшиеся им дивиденды, что позволяло вести относительно безбедную жизнь. «Материально он (Фондаминский. — Ю. А.), — не без иронии вспоминал Яновский, — был совершенно обеспечен, что, конечно, питало оптимизм, но и бредило традиционные центры покаяния. Семья Фондаминского имела прямое отношение к чаю Высоцкого. В те дела он совершенно не вмешивался — за что, как утверждали, ему фирма выплачивала приличное содержание»²⁵.

Что касается Буниных, то их положение в эмиграции существенно отличалось от положения друзей из ближнего круга, которые родственно были связаны с кланом Высоцких. Из России капиталов они не вывезли, а прожить только литературным трудом едва ли оказалось возможным — приходилось устраивать вечера с продажей билетов, обращаться за помощью, например, к чехословацкому правительству, читать лекции. Отсюда проистекали постоянные затруднения, жалобы на безденежье, готовность соглашаться на небольшие гонорары «Современных записок». Положение изменилось после получения Нобелевской премии, однако деньги быстро разошлись, часть их ушла на поддержку тех, кому Бунины помогали, кто жил с ними рядом...

* * *

Студенческая молодежь кануна первой русской революции была повсеместно увлечена идеей борьбы с самодержавием, о чем спустя годы задумывалась Вера Николаевна, с иронией отмечая в дневнике, что Фондаминский, как и многие другие из его среды, родились и учились в Москве, потом отправились в университеты Германии, вернулись в 1905 г. социал-революционерами, потом тюрьма, ссылка, эмиграция. Видели все: «кроме слона, т. е. народа»²⁶.

Не считая достойным занятием продолжение коммерческого дела «отцов», «дети» активно втягивались в революционное

²⁵ Яновский В.С. Поля Елисейские. С. 77.

²⁶ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М.Э. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. Т. 2. С. 8.

движение: Фондаминский вместе с Абрамом Гоцем становятся организаторами кружка, который, в соответствии с заветами старших братьев Михаила Гоца²⁷ и Матвея Фондаминского, превращается в кружок по подготовке к революционной борьбе. Почти неизвестная страница биографии Фондаминского — ранний этап его подпольной деятельности. Так, в мае 1902 г. молодой человек был задержан на границе при перевозке нелегальной литературы, за что оказался в одиночке знаменитой «Шпалерки», тюрьмы предварительного заключения. Проведя там два месяца, он без каких-либо последствий вышел на свободу.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод, как вспоминал уже после смерти Фондаминского Зензинов, стал переломным и сыграл ключевую роль в его духовном развитии, что спустя годы привело к обращению к религии и решению принять крещение. Он был без объяснения причин арестован и посажен в одиночку — тогда ему, вероятно, вспоминался брат, ссылка и трагическая гибель которого наводили на мысль, что и его ждет подобная судьба:

«Ему казалось, как он говорил, что стены одиночки раздвинулись и духовному сознанию открылась новая и светлая правда, ради которой только можно и должно жить. О пережитом он говорил, как о полном духовном преображении — для него было ясно, что в основе пережитого было несознаваемое до сих пор, но, быть может, дремавшее в душе религиозное начало. Словом, он вышел из тюрьмы другим человеком — с новым на всю последующую жизнь духовным опытом. Для меня нет сомнений, что именно тогда и произошел с ним перелом, после которого в нем родилось — и чем дальше, тем сильнее — укреплялось религиозное сознание, сделавшее из него в конце концов глубоко и искренне верующего человека, христианина»²⁸.

²⁷ М.В. Гоц (1866–1906) — народоволец, за революционную деятельность в 1888 г. сослан на 8 лет под гласный надзор полиции в Восточно-Сибирское генерал-губернаторство. Как и М. Фондаминский, участник «Якутской трагедии».

²⁸ Зензинов В.М. Памяти И.И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. № 18. С. 303, 304.

Весной 1903 г. Фондаминский и Амалия отправляются в свадебное путешествие по Италии — в Венецию, Флоренцию, Ассизи, Рим, на Капри. В декабре 1904 г. они возвращаются в Москву, где Фондаминский становится одним из руководителей Московского городского комитета партии социалистов-революционеров и самым активным образом включается в подготовку восстания. В 1905 г. членом Московского комитета становится и Вишняк, который незадолго до этого провел месяц в тюрьме за участие в студенческой демонстрации.

Успеху революционных речей Фондаминского во многом способствовали не только ораторские навыки, но и его яркая внешность. По моде тех лет он носил прическу с зачесанными назад волосами, походя чем-то на выходца из богемной среды, что считалось «традиционным» признаком человека передовых, радикальных убеждений. В его облике угадывалось нечто выразительное и даже артистическое: «...Брюнет с горячими глазами, черными усами и пышной черной шевелюрой»²⁹. Тогда, как и в любую другую революционную эпоху, митинги и уличные демонстрации играли чрезвычайно важную роль в политической жизни и нередко заканчивались столкновениями с войсками и полицией.

«У нас, в партии социалистов-революционеров, — рассказывает Зензинов, — было много прекрасных ораторов. В Москве таким партийным оратором для митингов был Илья Фондаминский, выступавший под фамилией Бунакова. Он был молод и красив, легко владел словом, говорил с большим увлечением и темпераментом и увлекал аудиторию. Его любимой темой был аграрный вопрос, в котором он сделался настоящим специалистом. Он выступал со своими докладами в течение всего лета (1905 г. — Ю. А.). Выступал в Москве на заводах — у Гужона, Листа, на Прохоровской мануфактуре, где на его выступления нередко собиралось по несколько тысяч человек. Делал он доклады на частных квартирах, которые тогда либеральные хозяева охотно давали революционным органи-

²⁹ Зензинов В.М. Пережитое. С. 213.

зациям, ездил по провинции. Нередко ему приходилось на этих собраниях полемизировать с социал-демократами — меньшевиками и большевиками, и он на них всегда выходил победителем. Поэтому ему дали кличку Непобедимый. У него была еще и другая кличка: Лассаль и, действительно, своим пламенным красноречием и даже отчасти своей внешностью он чем-то напоминал знаменитого трибуна»³⁰.

В сентябре 1905 г. Фондаминский вновь арестован и заключен в Таганскую тюрьму, на этот раз вместе с Амалией, однако не за антиправительственные речи на собраниях, а главным образом по делу, возбужденному против нее. Она водила дружбу с Зинаидой Коноплянниковой³¹, которая организовала в Сокольниках динамитную мастерскую. Амалия ей всячески помогала, отдав в ее распоряжение пролетку своей матери, что позволяло успешно скрываться от слежки. Впоследствии сама Амалия с нескрываемым удовольствием рассказывала о своем месячном заточении. Для нее это был первый и поэтому незабываемый тюремный опыт — впоследствии непосредственного участия в делах партии она не принимала. Зензинов оставил колоритное и иронично-снисходительное описание ее пребывания в заключении:

«Была Амалия, конечно, очень избалована с детства и я с трудом представлял себе ее в тюремной обстановке. <...> Мать — мы все, со слов Амалии, ее тоже называли “мамаша”, — обожавшая ее больше всех своих других многочисленных детей, узнав об ее аресте, едва не сошла с ума от горя. <...> И, действительно, Амалия в тюрьме походила на нежный цветок, затерявшийся в грязном огороде среди крапивы. И характерно для того времени: матери Амалии удалось добиться того, — она, конечно, для этого денег не жалела, да она и вообще не знала им цены, — что одиночку Амалии, конечно, совершенно такую же,

³⁰ Там же. С. 210, 211.

³¹ З.В. Коноплянникова (1878–1906) — учительница сельской школы, член партии эсеров, за убийство командира лейб-гвардии Семеновского полка Г.А. Мина была приговорена к повешению.

как и у всех других заключенных Таганской тюрьмы, оклеили... обоями. Дело до того неслыханное! Амалия была вегетарианка и “мамаша” добилась того, что тюремный повар готовил для нее специальные блюда. Амалия получала огромные передачи, среди которых было много конфет и цветов — то и другое она рассылала по всей тюрьме. В камере ее пахло духами — духами, как мне потом передавали сидевшие с ней одновременно в Таганской тюрьме, пахло даже в коридоре, куда выходила ее одиночка. И принципиальные марксисты, наблюдая все это и нюхая в коридоре — вероятно, не без тайного удовольствия — воздух, неодобрительно крутили головами»³².

18 октября 1905 г., после издания «Высочайшего манифеста об усовершенствовании государственного порядка» (Манифест 17 октября), провозгласившего политические свободы, Илья и Амалия выходят из тюрьмы. В течение недолгого периода «свобод» Фондаминский, вместе с другими видными ораторами — Н.Д. Авксентьевым, В.М. Черновым, Е.Е. Колосовым выступает на рабочих собраниях Путиловского, Семянниковского, Обуховского и других крупных заводов. Вскоре он уже активно действует в числе организаторов Декабрьского вооруженного восстания в Москве и находится в эти дни в главном штабе эсеров в переулке близ Арбатской площади — каким-то чудом эта квартира не была обнаружена и разгромлена. После поражения восстания Фондаминский уезжает из Москвы в Финляндию (гор. Иматра), чтобы участвовать в проходившем в конце декабря – начале января 1906 г. партийном съезде, представляя, совместно с В.В. Рудневым и Вишняком, московскую организацию.

Декабрьскими событиями не ограничивается участие Фондаминского в Первой русской революции, в ходе которой происходили волнения в армии и на флоте — Черноморском (восстания 1905 г. на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и крейсере «Очаков») и Балтийском — в 1906 г. После указа о роспуске I Государственной думы, названной «думой народного гнева», ЦК партии эсеров принял решение ответить на

³² Зензинов В.М. Пережитое. С. 211, 212.

враждебные действия правительства восстаниями в крепостях и гарнизонах, в армии и на флоте. ЦК «командировал» лучших агитаторов в Кронштадт, Ревель, Свеаборг, Киев, Севастополь. Фондаминский отправляется в Ревель, где разыгравшиеся драматические события стали «звездным часом» его революционной биографии. Задача состояла в том, чтобы войти в штаб восстания на броненосном крейсере I ранга «Память Азова», которое началось 20 июля 1906 г. Для царской семьи этот крейсер имел особое значение — в 1890 г. цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, совершил на его борту дальневосточное путешествие, в честь которого фирма Карла Фаберже в 1891 г. изготовила знаменитое пасхальное яйцо «Память Азова».

Известно, что Фондаминский благополучно прибыл в Ревель и вместе с двумя портовыми рабочими, членами местной эсеровской ячейки, попытался на шлюпке причалить к крейсеру, стоявшему в Ревельской бухте. Никто из них не предполагал, что положение на корабле коренным образом изменилось — восстание силами сохранившей верность правительству части команды было подавлено, а его участники, в том числе оказавшийся на судне раньше Фондаминского член ревельского комитета РСДРП А.И. Коптюх (товарищ Оскар), уже переправлены на берег и заключены под стражу. Подозрительных «гражданских», к тому же, как выяснилось, вооруженных, незамедлительно подняли на борт и задержали.

О последующих драматических событиях поведал Зензинов:

«Положение Ильи было очень скверное, если не сказать — безнадежное. После разгона Государственной Думы (9 июля) вместо старого и безвольного Горемыкина председателем совета министров был назначен бывший саратовский губернатор талантливый и энергичный Столыпин. Своей главной целью он поставил борьбу с революционерами. Одним из его первых мероприятий было учреждение военно-полевых судов против всех захваченных с личным участием революционного движения. Да и помимо того — восстание в Ревеле произошло во флоте, следовательно, виновные должны быть судимы военным судом, т. е. расправа будет короткая и беспощадная.

Фондаминский и оба рабочих были захвачены на восставшем броненосце, Фондаминский был известным социалистом-революционером — следовательно... В ту минуту у меня почти не было никаких надежд на его спасение»³³.

Фондаминского с товарищами перевезли в город, где, присоединив к другим арестованным, содержали в военной тюрьме, которую устроили в башне «Толстая Маргарита» в старой части Ревеля. Зензинов и члены местной эсеровской ячейки разработали план освобождения товарищей. Из Гельсингфорса, где в то время находился ЦК партии, был доставлен запас динамита, который мог понадобиться при нападении на охрану. Однако плану не суждено было осуществиться — в переданной на волю записке Фондаминский категорически отказался от побега, более того — просил прекратить всякую деятельность, направленную на его организацию. Будущее показало, что он оказался прав.

31 июля начались слушания в военном суде, 4 августа в час ночи подсудимым зачитали приговор, согласно которому непосредственные участники мятежа приговаривались к каторге и другим наказаниям, а 17 матросов, в том числе А.И. Коптюх, — к смертной казни через повешение, которое заменили расстрелом. На рассвете 5 августа приговор был приведен в исполнение — та же участь могла ждать и Фондаминского, окажись он на корабле немного раньше. Его вместе с двумя товарищами оправдали, но не освободили — согласно приказу, поступившему из столицы, всех троих предписывалось оставить под стражей — дело выделялось в отдельное производство, переданное военному присутствию Санкт-Петербургского окружного суда. Предстоял второй процесс по грозящей смертным приговором статье, на чем настаивал главный военный прокурор В.П. Павлов, один из разработчиков закона о военно-полевых судах. В качестве защитников партией были наняты лучшие адвокаты, однако никто не предполагал, чем мог закончиться процесс. Прокурор потребовал смертной казни, защитники же пытались убедить присутствие, что Фондаминский с друзьями оказались рядом

³³ Там же. С. 341–342.

с крейсером по чистой случайности — они якобы совершали лодочную прогулку, но заблудились в темноте и подошли к его борту, чтобы уточнить свое местоположение. В итоге всех троих снова оправдали, поскольку с формальной точки зрения они не подлежали суду за участие в военном мятеже. После оглашения решения присутствия кто-то из его членов отвел Амалию в сторону и посоветовал незамедлительно увезти мужа за границу. Выйдя из подъезда, она окликнула извозчика и приказала ехать на Финляндский вокзал, чтобы сесть на первый же поезд, отходящий в Гельсингфорс. Дело получило широчайшую огласку и, обрастая яркими деталями, еще долго обсуждалось в прессе. В газетах писали, будто Амалия, вскочив с Ильей в коляску, громко скомандовала: «Извозчик, за границу!»³⁴.

«Все это прошло, — вспоминает Зензинов, — как волшебная сцена. До сих пор не могу понять, почему власти допустили такую ошибку, выпустив Илью из здания суда. Уж во всяком случае, они могли с Ильей расправиться в административном порядке, отправив его в сибирскую ссылку. Позднее стало известно, что прокурор Павлов был в бешенстве от этого оправдания и сейчас же отдал приказание о пересмотре процесса. Судья, на ухо шепнувший Амалии, чтобы они как можно скорее уезжали за границу, знал, что делал. Очевидно, и Павлов не ожидал такого исхода, иначе он своевременно принял бы меры. Но было поздно — птица улетела. Мне остается только добавить, что вскоре после этого прокурор Павлов в Петербурге, около своего дома, был застрелен одним из наших товарищей. Партия давно уже его наметила»³⁵.

Оказавшись в парижской эмиграции, где ему с двухлетним перерывом (с апреля 1917 по апрель 1919 г.) будет суждено провести большую часть жизни, Фондаминский возобновляет активную партийную работу. Он выполняет секретные задания: так, в конце 1905 г. в эсеровском руководстве распростра-

³⁴ Там же. С. 357.

³⁵ Там же. С. 358.

няются слухи о том, что на самом высоком уровне действует хорошо законспирированный провокатор. Фондаминский, пользовавшийся в партии непререкаемым авторитетом, оказался в числе немногих, кого не могли заподозрить в предвзятости, к тому же громкое дело «Памяти Азова» было еще на слуху. С 1907 г. он участвует во внутривнутрипартийных расследованиях, в апреле 1908 г. входит в судебную-следственную комиссию ЦК, созданную в связи с делом о предательстве его члена и руководителя Боевой организации Е.Ф. Азефа. Одновременно он привлекается к негласной проверке заподозренных в работе на полицию, к партийным и межпартийным судам, в частности — к рассмотрению дела об удержании большевистской фракцией партийной кассы социал-демократической партии. В 1907 г. его делегируют на Штутгартский конгресс II Интернационала, в мае 1909 г. он участвует в работе съезда партии, на котором избирается в Заграничную делегацию РПСР — органа, осуществляющего партийное руководство за границей. После 1907 г. Фондаминский присоединяется к правому течению в партии, представители которого выступают за легальные формы борьбы, включая участие в работе Государственной думы. В апреле 1912 г., совместно с Н.Д. Авксентьевым, Фондаминский — организатор издания в Париже журнала «Почин» (вышел один номер), в редакционном обращении которого было заявлено, что на данном историческом этапе необходимо максимально широко использовать легальные возможности. От террора, как основного средства борьбы, следует отказаться, поскольку в изменившейся после революции обстановке он утратил прежнюю политическую и воспитательную роль.

К периоду первой эмиграции относится сближение Фондаминского с жившими в те годы в Париже Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, дружба с которыми оказала на него большое влияние. С ними он познакомился еще в Петербурге — в 1905 г. Мережковские выпускали религиозно-философский журнал «Вопросы жизни», на издание которого Фондаминский пожертвовал 2 тыс. рублей, в Петербурге он также участвовал в собраниях Религиозно-философского общества.

В годы Первой мировой войны Фондаминский активно выступает как публицист: в 1914–1915 гг. совместно с Авксентьевым и Б. Савинковым издает газету «Новости», а в 1915 г. — адресованную воюющим во Франции русским волонтерам литературно-политическую газету социалистического направления «За рубежом», в 1915–1917 гг. вместе с Г.В. Плехановым входит в редакцию еженедельной газеты оборонческого направления «Призыв» («объединенный орган социал-демократов и социалистов-революционеров»), на страницах которой опубликовал 11 статей.

После Февральской революции, в апреле 1917 г., Фондаминский через Англию возвращается в Россию. Неизменно оставаясь на патриотических позициях, он по-прежнему убежденный оборонец, сторонник «войны до победного конца», мира «без аннексий и контрибуций» с правом народов на самоопределение. Его избирают товарищем председателя (Авксентьева) исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. На Первом съезде партии социалистов-революционеров, состоявшемся в мае–июне 1917 г., Фондаминский избирается в ЦК, примыкая к находящемуся в оппозиции правому крылу, во главе которого стоит В.М. Чернов. Позднее участвует в аграрной комиссии, занимающейся подготовкой принципиально важной в сложившейся обстановке резолюции «По аграрной политике». В 1917 г. — Фондаминский, считавшийся видным специалистом по земельному вопросу, среди организаторов Всероссийского крестьянского съезда. Он придерживается генеральной линии партии: закон о передаче земли крестьянам должен быть вынесен на утверждение Учредительного собрания. В августе 1917 г., благодаря своей известности участника флотского восстания, Фондаминский получает назначение на пост главного комиссара Временного правительства на Черноморском флоте с правом непосредственного обращения к центральной власти. Перед ним ставится задача нейтрализации растущего влияния большевиков и ведущейся ими пораженческой пропаганды. Однако справиться с поставленной задачей Фондаминскому не удалось — влияние большевиков, которыми руководила направленная

в Севастополь ЦК РСДРП(б) Н.И. Островская³⁶, во флотских экипажах продолжало усиливаться.

Очевидно, что легитимность Октябрьской революции и советской власти, которая своими декретами призвала воюющие страны немедленно начать переговоры о мире и отменила помещичью собственность на землю, Фондаминский признать не мог. Однако ему удалось завоевать популярность среди матросов, и на проходивших в ноябре выборах во Всероссийское учредительное собрание кандидаты от эсеров получили большинство. В избирательных списках были представлены два флотских округа — Черноморский (один делегат) и Балтийский (два делегата). Бунаков-Фондаминский (в списке он значился под двойной фамилией) избирается от Черноморского флота, делегатами от Балтийского, где преобладает влияние большевиков, становятся В.И. Ленин и председатель Центробалта П.Е. Дыбенко. В конце декабря, оказавшись не у дел в качестве комиссара свергнутого Временного правительства, Фондаминский отправляется в Петроград, чтобы участвовать в подготовке и открытии Учредительного собрания.

Вишняк не скрывает, что далеко не всегда обнаруживал единство взглядов с Фондаминским, однако в дни подготовки к открытию Учредительного собрания между ними было полное единодушие: «Наша близость, полная солидарность во взглядах и совместная работа изо дня в день, началась после октябрьского переворота, когда Фондаминский вернулся в Петроград. С того времени в течение ряда лет мы действовали заодно, встречались по несколько раз в день во фракции членов Учредительного Собрания эсеров, в Комиссии так называемого первого дня, где эсеры намечали программу и тактику открытия Учредительного Собрания и т. д.»³⁷.

Атмосферу драматического фарса, царившую на единственном заседании Учредительного собрания, передает эпизод, описанный Вишняком. Один из матросов-большевиков, прицелился в него из винтовки: «...Фондаминский появлялся на

³⁶ В 1917–1918 гг. — председатель Севастопольского ревкома, репрессирована в 1937 г.

³⁷ Вишняк М.В. Воспоминания редактора. С. 33.

ораторской трибуне несколько раз с предложениями и репликами большевикам. В последний раз он появился в минуту крайнего возбуждения, царившего в собрании, и какой-то матрос, видимо, узнав в нем бывшего черноморского комиссара, без долгих размышлений взял винтовку на изготовку и направил ее на Фондаминского»³⁸.

Ранним утром 6 января Учредительное собрание было разогнано, а двери Таврического дворца заперты. Фондаминскому, как и Вишняку, пришлось перейти на нелегальное положение, одновременно он активно участвует в разработке планов борьбы с советской властью, в мае 1918 г. его имя числится среди учредителей от партии эсеров антибольшевистского Союза возрождения России. В своей внешней политике эта организация ориентировалась на Антанту и выступала против Брестского мира, во внутренней — считала необходимым передать власть коллективной директории до повторного созыва Учредительного собрания.

«На длительном опыте, — продолжает Вишняк, — мог я оценить дарование Фондаминского. Он был не только блестящий оратор и диалектик, умевший спорить и убеждать. Он был находчив и тароват на выдумку и инициативу. У него всегда бывала “идея”, — может быть и неверная, но часто оригинальная, такая, которая не приходила в голову другим»³⁹. Вишняк упоминает другой эпизод, когда жизни Фондаминского, как и его собственной, грозила реальная опасность. 8 июня 1918 г. Комитетом членов Учредительного собрания в Самаре советская власть была низложена — на Волге образовался еще один антибольшевистский фронт. Вишняк решает покинуть Москву для продолжения борьбы с советской диктатурой, тогда же к нему обращается Фондаминский с предложением отправиться в Самару вдвоем: у него появилась «идея» — план перехода с подложными паспортами на другую сторону образованной новым фронтом «границы». Им следует добраться до принадлежавшей его свойственнику лесопилки, в десяти верстах от торгового села Макарьева. Рядом проходит фронт, поэтому они могут оказаться у «своих». Путешествие началось благополуч-

³⁸ Там же. С. 33.

³⁹ Там же.

но: при проверке документов друзей не задержали ни на Ярославском вокзале, ни в Кинешме, откуда предстояло плыть по Волге. И снова каким-то чудом удается избежать ареста: на пароходе они сталкиваются с Ф.Ф. Раскольниковым⁴⁰, незадолго до этого переведенным на Волжскую флотилию. Неожиданная встреча не сулит ничего доброго — наверняка Раскольников запомнил Вишняка, секретаря Учредительного собрания, и Фондаминского, несколько раз выходившего на трибуну. Началась проверка документов, однако Раскольников делает вид, что не узнает обоих: «Мичман Раскольников, поясняет Вишняк, — представлял собою классический тип большевика — дерзкого до наглости и жестокого до беспощадности. Расправиться с нами или по меньшей мере задержать людей с подложными документами, очутившихся на верховьях Волги, когда по среднему ее течению проходил фронт гражданской войны, диктовал Раскольникову элементарный долг большевика. И он его нарушил явно и намеренно. Почему? В чем дело?»⁴¹.

Позднее, уже в эмиграции, друзья не раз возвращались к волновавшему их вопросу, к тому же история с Раскольниковым получила косвенное продолжение уже в Париже — после его гибели при невыясненных обстоятельствах Фондаминский на некоторое время приютил у себя его вдову. Эпизод на пароходе, в согласии со своим «общим религиозным уклоном», Фондаминский объяснял тем, что и в большевике может пробудиться человек, и доброе начало одержит верх над злом. Вишняк же дает собственное истолкование поведению Раскольникова: «Свое и Фондаминского чудесное спасение я склонен был скорее отнести не на счет пробудившейся в Раскольнике человечности или этики, а, скорее, на счет “эстетики”: изящная и благородная фигура Фондаминского расположила к себе и озверевшего большевика»⁴².

⁴⁰ Ф.Ф. Раскольников — избранный от РСДРП(б) член Учредительного собрания, зачитавший ленинский «ультиматум», так как фракции большевиков и левых эсеров покинули Таврический дворец, в результате чего собрание утратило кворум.

⁴¹ *Вишняк М.В.* Воспоминания редактора. С. 35.

⁴² Там же. С. 36.

Несколько недель друзья живут на лесопилке, но у «своих» не оказываются, поскольку фронт откатывается в направлении Архангельска. Вспоминая разговоры, которые они вели во время вынужденного бездействия, Вишняк отмечает черту Фондаминского, которая раскрывает характер его отношения к людям, в том числе, вероятно, в будущем и к Бунину:

«Проводили мы время как могли. На прогулке беседовали на разные темы. Запомнился спор о “на чаях” (чаевых. — Ю. А.), которыми Фондаминский всегда задаривал — и задабривал — прислугу, швейцаров, лакеев в ресторанах. Он “принципиально” защищал это. Позднее я ставил это в связь с общим его отношением к людям. Он всегда любил людей и не только известных и выдающихся, перед которыми буквально преклонялся и подчеркивал свое преклонение. Он любил и простых, ничем не замечательных людей, которым старался помочь, и делал добро. Вместе с тем он был очень невысокого мнения о человеке вообще, о всех людях за ничтожными исключениями. Он считал дозволенным и нужным потакать людским слабостям, льстить и, в случае необходимости, даже обманывать ближнего, чтобы иметь больше шансов воздействовать на него в должном направлении и способствовать его благополучию, в котором тот иногда сам не отдавал себе правильного отчета»⁴³.

Летом 1918 г. Фондаминский оказывается в Одессе, с Вишняком он вновь встретится лишь в декабре 1918 г. В то время Фондаминский принимает самое активное участие в делах Союза возрождения России, а в ноябре 1918 г., игнорируя партийную установку на неприемлемость сотрудничества с белым движением, отправляется на Яское совещание представителей Антанты и антибольшевистских сил, включая Добровольческую армию, на котором обсуждается вопрос об интервенции. Известно, что в 1919 г. Фондаминский и Вишняк активно сотрудничают в одесской газете меньшевистского направления «Грядущий день», о чем в незаконченной статье с говорящим названием «В лакейской» упомянул В.И. Ленин, назвав их среди

⁴³ Там же.

прочих контрреволюционеров «выдающимися сотрудниками» антисоветских изданий⁴⁴.

6 апреля / 24 марта 1919 г. Фондаминский вместе с семьями А.Н. Толстого, Алданова, Цетлина на пароходе «Кавказ» отплывает из Одессы. Сначала его пассажиры оказываются на острове Халки близ Константинополя, потом через Марсель прибывают во Францию, далее — в Париж. Известно, что Фондаминский, имевший связи во французском консульстве, оказывал Буниным содействие в получении въездной визы. Однако они, несмотря на уговоры Цетлиных, остались в Одессе, пережив еще почти пять мучительных месяцев советской власти и дождавшись, когда город заняли добровольцы Деникина. 24 января 1920 г., едва вновь не оказавшись под властью большевиков, Бунины навсегда простились с родиной на борту последнего уходящего из Одессы судна союзников. Это был старый греческий пароход «Патрас» под французским флагом, который, потеряв курс и едва не сев на мель, в конце концов добрался до Босфора и Константинополя. Потом предстояли остановки в Болгарии и Сербии, а в конце марта 1920 г. Бунины прибыли в столицу Франции.

* * *

Фондаминские оказались в Париже примерно на год раньше Буниных. Они поселились, как и Мережковские, в принадлежавшей им еще с дореволюционных времен квартире на рю Черновиц в Пасси. Какое-то время Фондаминский продолжает активно заниматься политикой. Он среди организаторов проходившего в январе 1921 г. совещания членов Учредительного собрания, на котором был заявлен протест против румынской аннексии Бессарабии и принята резолюция о федеративном устройстве России с правом народов на национально-культурную автономию. Вишняк вспоминает о его неформальных встречах с лидерами французских социалистов, среди которых депутат Национального собрания от Парижа и лидер социалистической партии Леон Блюм, известный своим непримиримым отношением к Октябрьской революции

⁴⁴ Ленин В.И. В лакейской // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 39. С. 139.

Все яснее ощущалось, что эмиграция будет долгой. С годами Фондаминский постепенно начинает отходить от политической работы, к которой после поражения демократической власти в России постепенно утрачивает интерес. Вероятно, эта тенденция начала проявляться уже в начале 1920-х гг., когда в ответ на предложение войти в редакцию «Современных записок» он дает согласие с условием, что журнал во главу угла не будет ставить партийные задачи. Уже в конце 1920-х гг. взгляды Фондаминского изменились: идейные искания эмигрантского периода привели его к христианству и православию — он не утратил интереса к политике, но занимается по преимуществу общественными и филантропическими делами. В период издания журнала «Новый град» (начало 1930-х гг.) Фондаминский переходит на позиции духовного противостояния большевизму и все силы отдает задаче формирования «нового человека» и нового мировоззрения. Вишняк же, как вспоминал Яновский, своих убеждений никогда не менял: «О себе Вишняк мне с гордостью заявил, что каким он был в 1917 году, таким он останется навсегда, ни на йоту не меняясь. Мне это показалось чудовищной тратой жизни и времени»⁴⁵.

В «Современных записках» появились наиболее значительные публикации Бунина, многие сотрудники которых вошли в ближний круг его общения в эмиграции, с этим журналом непосредственно был связан и Фондаминский. Вишняк свидетельствует, что при формировании редакции возникли непредвиденные затруднения. Уже говорилось, что Фондаминский сначала отказался принимать в ней участие, хотя на него возлагались большие надежды — он состоял в дружеских отношениях со многими писателями, в публикациях которых остро нуждался новый журнал. Фондаминский скептически отнесся к идее однопартийного органа, руководствуясь в своих возражениях доводами о необходимости «союзнического мира»: «Другое дело, если бы журнал был межпартийным и редакция коалиционной!.. Вот как “Грядущая Россия”!.. Никто к нам не пойдет!.. У нас нет ни авторитета, ни опыта!.. Ничего из этого не выйдет, не может выйти!..»⁴⁶. При-

⁴⁵ Яновский В.С. Поля Елисейские. С. 165.

⁴⁶ Вишняк М.В. Воспоминания редактора. С. 68.

вода аргументы политического и личного характера, Фондаминский имел в виду не только себя — он справедливо полагал, что однопартийный состав редакции может произвести неблагоприятное впечатление не только на читателей, но и на тех, к кому редакция планировала обратиться с просьбой о сотрудничестве. Тем не менее, его удалось уговорить — согласие было дано без особого желания, однако впоследствии он стал энергичным пропагандистом «Современных записок», щедро отдавая журналу свои силы и время. Мнение о том, что однопартийный орган не будет иметь успеха, основатели журнала приняли во внимание, поэтому решили не «афишировать» свою политическую принадлежность. Вместо традиционной формулировки «издается под редакцией» они нашли словосочетание, звучавшее более «обтекаемо», — «при ближайшем участии». Далее значились фамилии пяти эсеров, в прошлом членов Учредительного собрания: Н.Д. Авксентьева, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского, В.В. Руднева, И.И. Фондаминского. Данная формулировка сохранялась и впоследствии, хотя после самоубийства в 1925 г. А.И. Гуковского, заведовавшего отделом внешнего обозрения, основной состав редакции включал четырех членов. Позднее словосочетание «при ближайшем участии» поменяли на другое: «журнал, основанный...».

Примечательно, что при создании «Современных записок» наибольшие сомнения вызывал их литературный отдел, благодаря которому впоследствии они и прославились. Именно к этому отделу относились вполне резонные доводы Фондаминского, говорившего об отсутствии авторитета и опыта. Однако члены будущей редакции были людьми в высшей степени эрудированными, еще в России они были известны своими выступлениями в прессе, прошли многолетнюю школу дореволюционных легальных и нелегальных периодических изданий.

Вместе с тем в прошлом никто из них серьезно не увлекался и не занимался литературой. Поэтому место заведующего литературным отделом (без членства в редакции) решили предложить М.А. Алданову (Ландау), химику по образованию, который имел в эмиграции репутацию молодого и талантливого прозаика. Еще в 1915 г. им был издан первый том литературно-критического сочинения «Толстой и Роллан», а в 1917 и 1918 гг. — две книги

публицистического сборника «Армагеддон», в котором нашло отражение его отношение к Октябрьской революции. Лучшим кандидатом на это место Алданов считался еще и потому, что имел опыт редактирования журнала «Грядущая Россия». Алданов, как и Фондаминский, не верил в успех однопартийного журнала, хотя, будучи социалистом-народником (партия народных социалистов), считался «сочувствующим» политической программе эсеров. Дав согласие, он, тем не менее, отказался от места редактора литературного отдела, точнее, заявил, что откладывает свое решение на будущее, когда выйдут несколько номеров и окончательно определится общий характер издания.

По предложению Фондаминского в литературный отдел был также приглашен высланный в 1922 г. из Советской России писатель, критик и философ Ф.А. Степун. Он постоянно проживал в Берлине (после 1926 г. в Дрездене), занимаясь преподавательской деятельностью, однако за небольшое, но постоянное денежное вознаграждение согласился посылать в Париж свои отзывы. Степун, будучи штатным сотрудником, числился заведующим литературно-художественным отделом, но, в сущности, в начальный период оставался лишь консультантом журнала без права решающего голоса. Окончательный выбор всегда оставался за редакцией, которая могла не принимать во внимание его мнение при решении судьбы той или иной рукописи. Он не только писал внутренние рецензии, но и выступал в журнале как автор: здесь были изданы цикл очерков «Мысли о России» и получивший известность автобиографический и философский роман в письмах «Николай Переслегин». Вместе с тем после прихода Степуна редакция, признавая важность литературного отдела для репутации «Современных записок», начала уделять его работе повышенное внимание.

По свидетельству Н.Н. Берберовой, Фондаминский, человек необычайно энергичный, добрый и самоотверженный, всегда принимал самое активное участие в добывании денежных средств для журнала⁴⁷. Постоянно этим занимаясь, он был очень изобретателен — ему удалось создать неформальное Общество

⁴⁷ Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. Мюнхен: Финк Ферлаг, 1972. С. 345, 347.

друзей “Современных записок”, объединявшее около 60 членов. Оно включало как постоянных сотрудников — писателей «с именами», так и состоятельных эмигрантов, «интересующихся» литературой, которые иногда жертвовали на журнал значительные суммы. Время от времени Фондаминский устраивал в своем парижском доме «бриджи» и «чай» с обсуждением очередных книг «Современных записок», на которых перебивал едва ли не весь русский литературно-музыкальный и политический Париж. В этом ему помогала Амалия Осиповна, которая, в отличие от жен Руднева и Вишняка, вынужденных по причине эмигрантской бедности подрабатывать в мастерской кройки и шитья, имела для этого свободное время. Ее приятельницы, как правило, состоятельные дамы, регулярно посещали эти вечера и жертвовали в пользу «Современных записок» и «бедствующих русских писателей». В.В. Набоков в романе «Пнин» оставил описание одного из таких вечеров (вполне очевидно, что речь идет о собрании в доме Фондаминского), во время которого встретились герои романа: «...На вечернем чае на квартире известного эмигранта, эсера, на одном из тех домашних сборищ, на которых старомодные террористы, героические монахини, одаренные гедонисты, либералы, дерзающие молодые поэты, пожилые писатели и художники, издатели и журналисты, свободомыслящие философы и ученые составляли некий рыцарский орден, деятельное и влиятельное ядро общества изгнанников...»⁴⁸.

Любой орган печати начинается с «разъяснения», в котором говорится о его направленности и задачах, при необходимости излагается та или иная политическая программа. В «Современных записках» заявление «От редакции» для первого номера взялся сочинить Руднев, которому задачи журнала удалось сформулировать лаконично и в то же время многозначно, что было созвучным тому, каким видел журнал Фондаминский. Подобная установка дала возможность сотрудничать в журнале разным писателям, в том числе и Бунину, известному своими антиэсеровскими убеждениями. Речь шла о «внепартийности» издания, особо подчеркивалось, что будучи органом, далеким от политики, журнал предполагает уделять главное внимание тема-

⁴⁸ Набоков В.В. Пнин. Ann Arbor; Michigan: Ardis, 1983. С. 173, 174.

тике, связанной с культурой; именно это, как справедливо отмечал Руднев, более всего отвечает духовным запросам эмиграции. Вместе с тем данное заявление, в котором отчетливо прозвучала мысль о приоритете культурных ценностей, одновременно было проникнуто революционно-демократическим пафосом и включало основные положения партийной программы.

«“Современные записки”, — говорилось в заявлении, — посвящены прежде всего интересам русской культуры. Нашему журналу суждено выходить в особо тяжелых для русской общности условиях: в самой России свободному, независимо-му слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действительного служения ему. Это обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей. “Современные записки” открывают поэтому широко свои страницы, устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке, для всего, что в области художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры. Редакция полагает, что границы свободы суждения авторов должны быть особенно широки теперь, когда нет ни одной идеологии, которая не нуждалась бы в критической проверке при свете совершающихся грозных мировых событий»⁴⁹.

Очевидно, что печатный орган, который поставил задачу объединить эмиграцию, при отсутствии собственного «лица» вряд ли может рассчитывать на внимание читателей. Именно поэтому Руднев особо выделил идею преемственности, неразрывной связи с идеалами Февральской революции и русского освободительного движения:

«Как журнал общественно-политический, “Современные записки”, орган внепартийный, намерены проводить ту

⁴⁹ От редакции // Современные записки. Париж, 1920. Кн. 1. С. 3.

демократическую программу, которая, как итог русского освободительного движения XIX – начала XX века, была провозглашена и воспринята народами России в мартовские (февральские. — Ю. А.) дни 1917 года. Единство России на основе федерации входящих в нее народов; Учредительное собрание; республиканский образ правления; гарантии политических и гражданских свобод; всеобщее избирательное право в органы народного представительства и местного самоуправления; передача земли трудящимся на ней; всесторонняя охрана труда и его прав в промышленности, — таковы основные элементы программы, за которыми, по глубокому убеждению Редакции, продолжает стоять подавляющее большинство населения России»⁵⁰.

Кто же составлял читательскую аудиторию, к которой начиная с 1924 г. обращался Бунин со страниц «Современных записок», каковы были ее особенности?

«К концу 20-го года, — писал Вишняк, характеризуя “базис” на котором создавалась “надстройка” журнала, — численно преобладающим типом в новой эмиграции оказался профессиональный “боец” — участник мировой и гражданской войн на множестве разных фронтов. Но наряду с громадой разного звания воинских чинов — от “иностранцев” казаков и до титулованных генштабистов — в эмиграции очутились и весьма им далекие по своему штатскому облику, происхождению, укладу жизни, материальному положению и политическим устремлениям. В эмиграцию ушли и истинно русские патриоты, и “не знающий отечества” капитал, запасливо заручившийся наряду с отечественным паспортом, и паспортом румынским, польским или грузинским. Здесь оказались и просто плавающие и путешествующие, застигнутые в Европе разразившейся войной. Очутись в эмиграции и те, кто физиологически “не стерпел мертвого духа” советской “мертвой человечины”, по выражению замечательной сказки-миниатюры, написанной

⁵⁰ Там же.

Замятинным в 1922 году»⁵¹.

И тем не менее, что непосредственно относилось к «Современным запискам», в зарубежье сложилась ситуация, при которой политический характер русской прессы в начале 1920-х гг. определялся в основном представителями левых партий — преимущественно эсерами, которые, как уже говорилось, имели приобретенный еще до революции богатый опыт пропагандистской и журналистской работы. В этом смысле «Современные записки» не были исключением — в данном контексте можно упомянуть и такие известные периодические издания, как «Общее дело» В.Л. Бурцева, «Последние новости» П.Н. Миллюкова, «Дни» А.Ф. Керенского, «Руль» И.В. Гессена и «Волю России» Е.Е. Лазарева.

Понятно, что в общественно-политическом отделе ортодоксальное руководство проявлялось в наибольшей степени. В «Воспоминаниях» Вишняк перечислил тех, кого он считал политическими противниками «Современных записок», к которым, по причине неприятия Учредительного собрания, он мог бы причислить и Бунина: «Приходилось одновременно вести и отражать атаки на нескольких фронтах: против скрытых большевиков и перекликавшихся с ними реакционеров-монархистов, против евразийцев и младороссов, против сменивших вехи вправо или влево, против забывших свое собственное прошлое левых эсеров и либералов, против “друго-врагов” среди меньшевиков и в нашей собственной среде»⁵².

Вместе с тем нельзя утверждать, что в общественно-политическом отделе царило полное единодушие, как не было его и в самой редакции. Сам Фондаминский опубликовал в журнале цикл статей, объединенных под общим названием «Пути России». В них он представил противоречащую генеральной линии журнала концепцию развития отечественной истории, представлявшую собой своеобразную смесь идей евразийства, народничества и монархизма.

Со временем большинство русских читателей-эмигрантов

⁵¹ Вишняк М.В. Воспоминания редактора. С. 70, 71.

⁵² Там же. С. 81.

(и эмигрантов-писателей) высоко оценило культурное значение «Современных записок», не принимая основных положений идейной платформы его создателей с их постоянным страхом «ската направо». В данном случае нельзя не согласиться с Е.Р. Пономаревым, который отмечает следующее: «Писатель и политик в эмиграции объединены одним социальным институтом — “толстым журналом” (или, что в данном случае то же, ежедневной газетой, печатающей художественные произведения или имеющей литературные приложения). Толстый журнал — традиционный литературный институт, писателю он привычен, а вот политик попадает в эмиграции в толстый журнал, поскольку только так получает выход к широкой общественности»⁵³.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что широкая популярность «Современных записок» была обусловлена в первую очередь высоким уровнем литературного отдела. Благодаря неутомимости и дружеским связям Фондаминского в нем сразу же появились яркие публикации, именно благодаря ему в журнале позднее стал сотрудничать Бунин. К участию в «Современных записках» Фондаминский привлек лучшие «литературные силы», справедливо придавая исключительное значение как можно более широкому участию в журнале известных писателей и ученых. С А.Н. Толстым и его женой Н.В. Крандиевской он подружился еще со времен эвакуации из Одессы, уже в эмиграции сблизился с В.В. Набоковым, многими другими писателями. С З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским был на «ты» еще со времен дореволюционной эмиграции.

О том, что литературный отдел стал главным в журнале, писала много лет спустя Берберова, вспоминая банкет в честь выхода 50-ой книги, который был организован Фондаминским и Обществом друзей “Современных записок”. Он состоялся 30 ноября 1932 г., на него было приглашено несколько сот человек — во время банкета ораторы произносили речи о журнале, о будущем России. Однако все происходящее оставило у автора грустное впечатление — «концентрированного безвоздушного пространства», в котором жили эмигранты, и неестественного

⁵³ Пономарев Е.Р. Парадигмы эмигрантского быта. С. 56.

соединения за «искусственной декорацией» людей, сомневающих, было ли за ней нечто подлинное, важное и нужное: «Политика выступавших ораторов — Милюкова, Керенского, Струве, самих редакторов “Современных записок” (членов партии эс-эр) — умерла вместе с ними, оставив едва заметный след в истории эмиграции. Литература — единственное, что осталось от этих лет, и искусство, конечно: живопись, театр, музыка. <...> Литература осталась, останется и — теперь нет сомнений — будет жить и в будущем»⁵⁴.

В дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной и «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой остались свидетельства о том, сколь высоко Бунин ценил Фондаминского — блестящего рассказчика, полемиста, литератора и образованного человека: присущая ему способность очаровывать, «шармировать», «обволакивать» собеседника покорила многих. Они познакомились в 1918 г. в Одессе, когда здесь оказались многие видные политики, генералы и министры, среди которых А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко, В.М. Пуришкевич, А.И. Деникин, С.В. Лурье, А.А. Кауфман. Бунины добрались до Одессы в начале июня 1918 г. — именно в этом году Фондаминский впервые упоминается в дневнике В.Н. Буниной. Так, 29 октября / 11 ноября 1918 г. она писала: «<...> Вчера были у Цетлиных. Кроме нас, были Толстые, Койранский и Инбер, потом, уже очень поздно, пришли Фондаминский-Бунаков и Руднев. <...>»⁵⁵. Бунин тогда много размышлял, по выражению Ю. Айхенвальда, о «вождях» и «ведомых», о роли народа и интеллигенции в революции. Своих взглядов он никогда не менял — характерна в этом смысле запись от 8 / 22 ноября: «<...> — Высшие классы, — сказал Ян, — это действенные классы, а народ, аморфная масса. Так называемая интеллигенция и писатели — это кобель на привязи, кто не пройдет, так и брешет, поскакивает, из ошейника вылезает. <...>»⁵⁶.

⁵⁴ Берберова Н.Н. Курсив мой. С 332.

⁵⁵ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. С. 967.

⁵⁶ Устами Буниных. Т. 1. С. 194.

* * *

Задолго до получения Буниным в 1933 г. Нобелевской премии Фондаминский не сомневался, что его проза составляет гордость «Современных записок» и является для журнала знаком особого отличия. В неписаной иерархии писателей, которые благодаря Фондаминскому, Алданову и Цетлину пользовались определенными преимуществами, Бунин, безусловно, занимал первое место. Он был поставлен редакцией как бы вне критики даже со стороны авторитетных авторов, которой, однако, могут подвергаться другие. Впрочем, Вишняк, которого Бунин явно недолюбливал, не разделял подобного мнения, считая, что все сотрудники равны перед редакцией. Тем не менее усилиями Фондаминского в журнале ему был предоставлен целый ряд «привилегий» — среди них безоговорочное право выбирать рецензентов для отзывов о своих публикациях. Еще одна «привилегия» состояла в том, что Бунину, в отличие от многих других сотрудников, никогда не отказывали, принимали все, что он предлагал журналу. Впрочем, это не относилось к бунинской публицистике, которая никоим образом не соответствовала общественной позиции «Современных записок».

Поясним, что если у Бунина принимали и печатали все, его тексты никогда не сокращали, на что, впрочем, он и сам никогда бы не дал согласия, то это было исключением из правил, чем обычной редакционной практикой. Можно привести примеры, которые свидетельствуют о том, что в «Современных записках» существовала внутренняя цензура, которую удавалось преодолеть далеко не всем. Редакция могла не только без объяснений отложить ту или иную рукопись, но и оставила за собой право изымать «длинноты» и «неподходящие», по ее мнению, фрагменты. Часто купюры делались без предварительного согласия авторов — это относилось не только к материалам общественно-политического отдела, явно противоречащим «генеральной линии», но и к литературным произведениям. В «урезанном» виде в «Современных записках» вышли труды таких сотрудников «первого ряда», как Л.И. Шестов, М.И. Цветаева, В.В. Набоков, Д.С. Мережковский. Изъятие частей литературного текста, а иногда и целых глав, стало причиной многочисленных жалоб на редакторское давление, о чем свидетельствуют дошедшие до

нас письма (в «Воспоминаниях» Вишняка они не цитируются) тех, кто пострадал от подобного произвола. Примечательно, что в письмах разных сотрудников часто повторяется именно слово «цензура», в чем обвиняли прежде всего Вишняка и Руднева. При этом Вишняк находит убедительные, по его мнению, аргументы для оправдания редакции:

«“Современные записки” были беспартийным журналом. Но редакторы его оставались членами партии с.р. и ни в коей мере не отказывались от идейной и организационной связанности с ней. Всячески пестовать и обслуживать “Современные записки” было нашей главной задачей. Но сюда входило не только руководство или редактирование “Современных записок”, а и возможность проводить в общем виде свое — то, что мы сами считали правильным и нужным»⁵⁷. Речь шла прежде всего о политической программе правых эсеров, которые не считали социализм основой основ или высшей и абсолютной ценности, а приходили к нему «...как следствию и выводу, логически и исторически вытекавшему из гуманизма, демократизма, свободолюбия, достоинства человека, социальной справедливости»⁵⁸.

Показательна история выхода в «Современных записках» романа «Дар», которая не нашла объективного отражения в книге Вишняка. Ее можно восстановить по сохранившейся в архиве Набокова переписке с Фондаминским и Рудневым⁵⁹. Известно, что Фондаминский поддерживал начинающего писателя, собирал для него деньги, устраивал авторские вечера. Набоков в «Других берегах» отзывался о нем с исключительной теплотой: «...В течение нескольких лет я навещал Париж для публичных чтений и тогда обычно стоял у Ильи Исидорови-

⁵⁷ Вишняк М.В. Воспоминания редактора. С. 182.

⁵⁸ Там же. С. 183.

⁵⁹ См. публикацию переписки «Из архива В.В. Набокова», по которой цитируются письма Рудневу и Фондаминскому, и комментарий В. Аллоя с более подробным анализом этой ситуации: Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. № 8. С. 374–281.

ча Фондаминского. Политические и религиозные его интересы мне были чужды, нрав и навыки у нас были совершенно различные, мою литературу он больше принимал на веру, — и все это не имело никакого значения. Попав в сияние этого человечнейшего человека, всякий проникался к нему редкой нежностью и уважением»⁶⁰. Именно Фондаминский привез из Берлина рукопись «Защиты Лужина» — первого крупного произведения Набокова, в 1929–1930 г. увидевшего свет на страницах «Современных записок». Набоков всегда считался видным участником журнала, который печатал его стихи, а впоследствии почти все значительные прозаические произведения, созданные до войны. Набоков продолжал свое сотрудничество непосредственно до отъезда в США в мае 1940 г., публиковался и в последнем номере, включавшем начало романа «Solus Rex». Эти произведения считаются лучшими в его творческом наследии, среди них «Дар», «Защита Лужина», «Соглядатай», «Отчаяние», «Подвиг», «Камера-обскура», «Приглашение на казнь».

Публикация «Дара» в «Современных записках» началась в 1937 г. (№ 63). По «соображениям политического характера» Руднев не посчитал возможным поместить в журнале роман целиком — редакция изъяла четвертую главу «Жизнь Чернышевского», поскольку не была согласна с «умалением» в ней роли крупнейшего революционера-демократа и выдающегося борца с самодержавием. Глава представляла собой «роман в романе» и содержала сатирическую биографию Чернышевского, сочиненную главным героем Годуновым-Чердынцевым. Руднева, который принципиально настаивал на невозможности печатать эту главу, не остановило даже то обстоятельство, что изложение последующих событий утратило логическую последовательность. В тексте романа, по выражению писателя, образовалась «дыра», так как в заключительной главе (1938, № 67) цитировались пародийные рецензии в эмигрантской прессе, с разных политических позиций критиковавшие Годунова-Чердынцева за «оскорбление памяти» Чернышевского. Как можно судить по письмам, Набоков был

⁶⁰ Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 286, 287.

неприятно удивлен и глубоко задет подобным обращением с текстом романа. По отношению к себе он считал это особенно несправедливым, поскольку ранее «Современные записки» публиковали тексты других авторов, политическую позицию которых, по его мнению, редакция не разделяла.

* * *

Важнейшим этапом жизненной и духовной эволюции Фондаминского можно считать основание в 1931 г. (совместно со Степуном и Г.П. Федотовым) журнала религиозно-философского направления «Новый град» (всего до 1939 г. вышло 14 номеров). Его во многом утопическая программа имела в своей основе задачу объединить духовное начало и социальные факторы, политику и христианство, в ряде публикаций «Нового града» отразилась и остававшаяся актуальной задача объединения эмиграции, в данном случае — объединения не по политическому признаку (что оказалось невозможным), а на основе христианских моральных и этических норм. С помощью нового журнала Фондаминский задумал организовать кружки, состоящие из священников, поэтов, писателей, историков и философов. Именно они, участвуя в дискуссиях, были призваны выявить духовную сущность пореволюционного сознания русского человека и объединенными усилиями создать некое целостное мирозерцание, новое политическое учение, в основе которого будут лежать демократические ценности в самом широком их понимании. Время от времени «новоградцы» устраивали диспуты, на которые приглашались представители разных эмигрантских группировок. Один из таких диспутов на тему «“Новый град” и задачи эмиграции» в 1932 г. проходил в Праге, вел его Степун. В результате деятельности Фондаминского появился парижский «Круг» — объединение молодых поэтов и писателей, издававшее одноименный альманах (Берлин, Париж, 1936–1938), призванное, согласно замыслу Фондаминского, положить начало «Ордену русской интеллигенции», основанному на патриотизме и христианстве, о чем он писал в журнале: «Надо восстановить Орден — Орден воинов-монахов, пламенно верующих в правду Учения и готовых на жертвы и подвиг для освобождения России. И надо, чтобы новые рыца-

ри, как их отцы и деды, шли в народ — жить его жизнью, страдать его страданиями и, освящая души людей светом Истины, уводить их за собой от власти»⁶¹.

«Он не застыл, не закаменел на дореволюционных позициях, как его коллеги по редакции — Вишняк и Руднев, — отмечает эмигрант второй волны В.А. Рудинский, — он оставался человеком сегодняшнего дня, у которого глаза и уши не были закрыты, и рассудок которого сохранял способность схватывать все новое и перестраивать свои взгляды в соответствии с происходящими в мире переменами»⁶².

О том, что взгляды Фондаминского изменились, с явным неодобрением не уставал повторять Вишняк:

«Энергичнее и быстрее других “эволюционировал” Фондаминский. Все определеннее отходил он от некоторых из своих бывших общественно-политических позиций, в том числе и тех, которые были всем нам общи, когда мы начинали “Современные записки”. <...> Вместе с тем он не только не отошел от социализма, а более энергично, чем когда-либо, стал проповедовать “антикапитализм”. Преданность социализму, который Фондаминский по тактическим соображениям предпочитал называть “трудовым строем”, стала сочетаться у него с отрицательным отношением к так называемой формальной демократии»⁶³.

С годами политические и личные противоречия в редакции «Современных записок» стали проявляться все резче. Группа ее главных участников постепенно утратила прежнюю политическую и мировоззренческую сплоченность. «Слева» оказались, точнее, остались, Вишняк, Руднев и Авксентьев, сохранившие ортодоксальную верность старым эсеровским идеалам.

«Это значило, — писал о возникших противоречиях Вишняк, — что, взяв на себя руководство *беспартийным* журналом,

⁶¹ Бунаков И.И. Пути освобождения // Новый град. 1931. № 1. С. 47.

⁶² Рудинский В. Поучительный опыт: Книга М. Вишняка о «Современных записках» // Возрождение. 1957. № 7. С. 105.

⁶³ Вишняк М.В. Воспоминания редактора. С. 207, 208.

мы не отказались от своей связанности с партией с.р., и — что было в данном случае существенное, — от признания демократии исходным пунктом для построения социализма в будущем и для объединения в настоящем “живых сил” эмиграции — в интересах России, культуры и человечества»⁶⁴.

Фондаминский же, по выражению Вишняка, все более «правел», с пренебрежением относился к партийной работе и в конце концов совсем от нее отошел. Все реже соглашаясь с Вишняком и Рудневым, он спорил с ними, убеждал и, преодолевая сопротивление, настаивал, чтобы «Современные записки» публиковали все лучшее в литературе эмиграции, не считаясь, что кого-то из авторов относили к «правым».

Очевидно, что подобные противоречия в наиболее авторитетном журнале эмиграции не могли не вызвать критических отзывов в литературных кругах. Так, А.Л. Бем в газете «Руль» в 1931 г. писал:

«Спаянным в журнале (“Современных записках”. — Ю. А.) оказалось лишь небольшое политическое ядро, писательская же периферия имела к этому ядру весьма слабое отношение. Отсюда вытекало одно, чрезвычайно тяжелое для литературы последствие — отсутствие надлежащего руководства литературным отделом журнала или газеты. Понятно, что при таких условиях журнал или газета имела выдержанное политическое лицо, но о *литературном направлении* не могло быть и речи. Откуда, в таком случае, можно было ждать смелости в искании новых литературных путей, кто мог дерзнуть на новое слово в литературе? Куда спокойнее и безопаснее было прикрыться авторитетными именами: так уж, наверно, никто не осудит. Было бы нелепостью отрицать огромные заслуги “Современных записок” перед русской литературой в целом, а не только литературой эмигрантской, но, оставаясь в пределах объективности, надо все же сказать, что между общественно-политической ролью этого журнала и его литературной ролью произошел разрыв. Если в первой он был возбудителем общественно-философской мысли, то во второй он оставался охранителем старых

⁶⁴ Вишняк М.В. Воспоминания редактора. С. 208, 209.

культурных ценностей. Литературная жизнь прошла мимо него. Сейчас, с запозданием на несколько лет, он пытается изменить и свою литературную политику, но делается это весьма робко, с постоянной оглядкой, как бы не уронить своего достоинства. И главная ошибка была именно в том, что руководители журнала не захотели понять, что наряду с направлением политическим имеется еще и направление литературное. Без наличия последнего в журнале могут появляться плохие и прекрасные произведения, но никакой литературной роли журнал играть не может»⁶⁵.

Вишняк вспоминает, что в конце 1930-х гг. состоялся принципиальный разговор, на который его вызвал Фондаминский:

«— Знаешь, чем все-таки надо объяснить недостаточный резонанс, который имеют “Современные записки”? Ведь это совершенно замечательный журнал. Я вчера слышал, что “Современные записки” не только можно сравнивать с “Современником” и “Отечественными записками”, но что уровнем того, что в “Современных записках” печатается, они превосходят все когда-либо существовавшие в России толстые журналы. И это несмотря на то, что у нас нет ни Толстого с Некрасовым, ни Щедрина с Тургеневым... Нас, конечно, читают, признают и ценят, а все-таки что-то не то...

— В чем же дело?.. Ты чего-то не договариваешь...

— Дело в том, что все русские журналы были связаны с определенным мирозерцанием. Мирозерцание лежало в основании всякого политического направления и каждого журнала. Такова уж русская традиция. Русский интеллигент не способен ни жить, ни действовать без мирозерцания. Тут ничего не поделаешь...»⁶⁶.

Вишняк и сам в глубине души, должно быть, понимал, что необходимо что-то менять. Не желая поступаться принципами,

⁶⁵ Опул.: *Бем Альфред Людвигович*. Письма о литературе. Praha: Euroslavica, 1996. С. 43.

⁶⁶ *Вишняк М.В.* Воспоминания редактора. С. 211, 212.

он все более ощущал себя духовно и идейно изолированным в редакции, которая постепенно теряла прежний партийный характер. Когда «Современные записки» стали менее требовательными к «демократической позиции» и более либеральными по отношению к иным течениям, защита свободы и демократии, по его мнению, начала играть в них второстепенную роль. Он же продолжал настаивать на сохранении прежней политической линии журнала:

«Мне “Современные записки” были дороги сверх общекультурной их самоценности общественно-политически, как средство обращения эмигрантского сознания — привлечения или возвращения — на пути демократии в целях преодоления большевиков и большевизма и защиты, пропаганды и разработки проблем демократии в соответствии с новыми потребностями жизни. Я не отрекался ни от социализма, ни от партии с.р. ...»⁶⁷.

Несомненно, что для Вишняка защита политической позиции всегда оставалась главной заботой в течение всего времени сотрудничества в «Современных записках», он стремился сохранить идеологическое лицо журнала: «Собрать под общее, не партийное, но определенное политическое знамя всех, кого можно, было одной из главных первоначальных задач и целей “Современных записок”»⁶⁸.

Выдвинутую Фондаминским идею изменения «генеральной линии» поддержали сотрудники — он нашел союзника в лице Степуна, который приобретал все больший вес в журнале. Так, на одной из «редакционных сессий» в Грассе он безуспешно пытался убедить Вишняка, что православная идея, являясь одной из главных основ русской истории и культуры, должна занять достойное место на страницах «Современных записок». Им также удалось на какое-то время привлечь на свою сторону Руднева. Сам Фондаминский настаивал на необходимости освещения вопросов религиозного и христианского «миросозерцания», на основе которого, по его мнению, должно произойти грядущее возрождение России. Вишняка же в первую очередь тревожили последствия изменения идейной направленности

⁶⁷ Там же. С. 209.

⁶⁸ Там же. С. 210.

«Современных записок», которые неизбежно приведут к тому, что в журнале будут сотрудничать авторы, чьи взгляды не соответствуют политической программе эсеров.

Вишняк, оставшийся в меньшинстве, откровенно поделился своими огорчениями с Авксентьевым, который не одобрял новой линии и не раз говорил о желании прекратить сотрудничество: «А не уйти ли нам с вами из журнала?.. В “Епархиальных ведомостях” нам делать нечего. Пусть Илья с Вадимом (Фондаминский и Руднев. — Ю. А.) ведут журнал, как считают нужным!..»⁶⁹.

При сложившихся обстоятельствах оставалось одно: в 1936 г. Вишняк отказался от регулярного жалования в «Современных записках», которые продолжали оставаться первым по значению журналом русского зарубежья. Он передал Рудневу обязанности секретаря редакции, но номинально, как и Авксентьев, оставался ее членом и публиковал в журнале свои статьи. Одновременно Вишняк выполнял обязанности секретаря редакции «Русских записок», которые начали выходить в 1937 г. (издатель М.Н. Павловский)⁷⁰.

* * *

Приближение грозных испытаний мировой войны в зарубежье ясно ощущали те, кто хорошо помнил 1914 г. и революцию. Поражение Франции разрушило привычное существование и полностью изменило жизнь местной эмиграции — это был конец «русского Парижа», который до войны считался не только литературным, но и главным культурным центром зарубежья. Многим представителям эмигрантской культуры, среди которых В.В. Набоков, С.Ю. Прегель, М.Л. Слоним, Г.П. Федотов, В.С. Яновский, М.В. Вишняк, удалось уехать в США, где в 1942 г. М.А. Алданов и М.О. Цетлин основали ежеквартальный «Новый журнал» (Нью-Йорк), который, как считалось, продолжил лучшие традиции «Современных записок». После вторжения вер-

⁶⁹ Там же. С. 216.

⁷⁰ См.: Азаров Ю.А. «Русские записки»: «столица» и «провинция» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Вып. 5. С. 147–176.

махта во Францию многие из писателей, не желавших оставаться под немцами, пережидали трудное время в «свободной зоне» на юге Франции. Так, если И.С. Шмелев, Н.А. Тэффи, Б.К. Зайцев, А.М. Ремизов, И.Д. Сургучев оставались в Париже, то Бунин и М.А. Осоргин решили уехать. Дон-Аминадо (А.П. Шполянский) также покинул Париж, где его как еврея ждали неминуемый арест и отправка в лагерь, перебравшись в «свободную зону» (Монпелье, Экс-ле-Бен). Бунины поселились на вилле «Жаннет» в Грассе, городке на Лазурном берегу, где обычно проводили лето. Во время войны были написаны рассказы, которые вошли в сборник «Темные аллеи» — во Франции Бунин не печатался, однако рукописи отправлялись в Америку — первое книжное издание «Темных аллей», включавшее 11 рассказов, увидело свет в 1943 г. в Нью-Йорке (издательство «Новая земля»), ранее в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк) и «Новом журнале» публиковались отдельные рассказы. По дневникам Веры Николаевны известно, что Бунин тогда встречался на вилле «Жаннет» с советскими военнопленными, которым в свободное от работы время разрешали выходить из лагеря.

Фондаминский перед приходом немцев Францию не покинул — 9 июня 1940 г. он вместе с семьей соучредителя «Православного дела» К.В. Мочульского уехал в Аркашон, а 14 июня вермахт вошел в Париж. Из Аркашона Зензинов в августе получил от него две его открытки. Тэффи вспоминала, что Фондаминский через «свободную зону», имел возможность эмигрировать в США. Выхлопотанные при содействии Американского еврейского рабочего комитета визы можно было получить в Марселе, где продолжало работать американское консульство, — не только ему, но и матери Марии, Рудневу, Бердяеву и Федотову. Из них уехал только Федотов. Известно, что во Франции к депортации евреев в лагеря смерти немцы приступили не сразу, и Фондаминский вместе с Мочульскими вернулся в оккупированный Париж.

«Мне рассказывали его друзья, — писала Тэффи, — с которыми он проводил свое последнее лето где-то около По, о том душевном смятении, в котором он находился, не зная, как поступить. Его звали в Америку, и уже все было готово для его отъезда. Там были почти все друзья и единомышленники, весь тот

культурный центр, к которому принадлежал Илюша. И там была возможность жить и работать. Но во Франции оставались те, которые уехать не смогли. Оставался лучший его друг, Мать Мария, и многие тихие, невидные и безымянные, духовно с ним связанные. И ему было бы стыдно перед ними за то, что поберег себя. Нет, он уехать не мог. Перед ним уже обозначилась другая дорога.

И он вернулся в свой пустой жуткий дом. Вернулся ждать — да свершится».

И далее:

«Вернувшись в Париж, он снова принялся за прерванную работу. Писал свои “Пути России”. Но недолго.

Какой-то культурный немец заинтересовался его библиотекой. Пришел, посмотрел на книги, посоветовал Илюше их продать. Илюша объяснил, что книги ему нужны для его большой работы. Немец пожалел, что книги нужны, и ушел. А через несколько дней явился в отсутствие Илюши с солдатами и с заранее заготовленными ящиками, уложили и увезли всю его библиотеку. Он тогда не уехал и даже не скрылся, не ушел из дому. Покорно ждал.

Иногда входил в свой большой кабинет, смотрел на ободранные полки, на ограбленные шкапы, говорил растерянно:

— Как же я буду работать без книг?

Но печалился недолго.

— Как-то нехорошо, чтобы в распоряжении одного человека была такая масса книг. Ведь я преспокойно могу ходить в Национальную библиотеку.

Так он и сделал. И работы не прерывал. Писал свои “Пути России”»⁷¹.

Исчерпывающего ответа на вопрос о судьбе библиотеки и парижского архива Фондаминского до сих пор нет. Это относится и к его парижской переписке, к рукописям и к фотоархиву — не случайно фотографий самого Фондаминского сохранилось крайне мало.

⁷¹ Тэффи Н.А. Моя летопись. М.: Вагриус, 2005. С. 325, 326.

Все тот же «культурный немец» упоминается на страницах воспоминаний Берберовой, посвященных судьбе Тургеневской библиотеки. Во время оккупации она, по ее словам, предложила Фондаминскому сохранить в «свободной зоне» — в деревне, где тогда жила, наиболее ценные издания из его книжного собрания:

«Он начал с того, что высмеял меня за “панику” и сказал, что бомбардировок он не боится, т. к. кабинет его в полуподвале (в этом, вероятно, он был совершенно прав), а что касается обысков, то они ему не страшны, так как у него теперь есть защитник — молодой немец, книголюб и ценитель русских изданий, который ходит к нему часто по вечерам и с которым он беседует на самые различные темы. Немец этот (насколько я помню, это был штатский человек) заходит как свой, иногда и днем; он покупает у букинистов старые русские книги, у него громадная коллекция, и Фондаминский уверил меня, что спокоен не только за свои книги, но и за самого себя. Я с грустью оглядела полки, на которых стояло несколько прекрасных книг, и собралась было уйти, как раздался стук в дверь и в комнату вошел молодой человек, светловолосый, в очках, с улыбкой на довольно приятном лице. Это и был новый знакомый Фондаминского. “Мы сегодня решили сходить в Тургеневскую библиотеку, — сказал мне, знакомя нас, — я хочу показать, какие у нас там есть замечательные книги”. Я вышла с тяжелым чувством»⁷².

Через некоторое время Берберова приехала в Париж, где стала случайным свидетелем вывоза Тургеневской библиотеки — весь двор был заставлен длинными ящиками некрашеного дерева, похожими на гробы, в библиотеке шла быстрая укладка книг. Конфискацией руководил молодой коллекционер русских изданий, которого она встретила у Фондаминского. Очевидно, что еще до знакомства с ним он имел план действий по изъятию эмигрантских библиотек.

⁷² Берберова Н.Н. Конец Тургеневской библиотеки // Русский Нью-Йорк. Антология «Нового журнала». М.: Русский путь, 2002. С. 336, 337.

Кем же был этот «коллекционер», не названный по имени ни Берберовой, ни Фондаминским? В разных публикациях упоминается (иногда со ссылкой на Н.Н. Кнорринга, члена правления Тургеневской библиотеки), некий доктор Гельмут Вейс⁷³ (Вейсс, Вайс), других сведений о котором обнаружить не удалось. Известно, что к конфискации Тургеневской и других библиотек имел непосредственное отношение доктор философии и библиограф Герхард Вундер (Gerhard Wunder, 1908–1988), член НСДАП с 1930 г., бывший директор городской библиотеки в Дюссельдорфе, которому в должности начальника Парижского отдела штаба рейхсляйтера Альфреда Розенберга было поручены выявление и последующая конфискация книг, хранящихся в «еврейских» библиотеках Парижа, к которым была причислена и Тургеневская библиотека⁷⁴. Аналогичным образом «изъяли» парижские библиотеки П.Н. Милюкова и М.А. Осоргина, который был известен как страстный библиофил. Ведомство Розенберга, руководителя Центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистической идеологии и воспитания, занималось комплектованием книжных фондов для нужд нацистской пропаганды. Известно, что Розенберг родился в Ревеле в семье остзейского немца и в 1918 г. окончил Московское высшее техническое училище (впоследствии им. Н.Э. Баумана) с дипломом инженера-архитектора, вернулся в Эстонию и позднее переехал в Мюнхен. Будучи одним из главных идеологов нацизма и создателем «расовой теории», он считал необходимым изучение (с соответствующей точки зрения) россики и славянства.

Пути изгнанников, как и пути эмигрантских архивов, часто пересекались. Тогда же в Тургеневской библиотеке оказалась часть архива Бунина, о чем свидетельствует письмо Л.Ф. Зурова от 11 октября 1967 г., которое цитирует А.К. Бабореко:

⁷³ См., напр.: *Гордиенко Т.В.* Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева в Париже — памятник русской культуры за рубежом // *Русский язык за рубежом*. 2014. № 4. С. 71.

⁷⁴ См.: *Grimsted Patricia Kennedy.* Roads to Ratibor: Library and Archival Plunder by the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg // *Holocaust and Genocide Studies*. 2005. Vol. 19. S. 390–458.

«Иван Алексеевич свой архив (во время войны перед отъездом в Грасс) отправил в Тургеневскую библиотеку, часть же архива (наиболее ценную — письма, записные книжки, тетради с заметками, стихи, документы и т. д.) Иван Алексеевич увез в Грасс. Во время налетов авиации мне пришлось сносить эти чемоданы вниз (вилла Жаннет) и прятать их в расположенном над виллой сарайчике (выбитом в каменной скале). Но авиаторы щадили Грасс, бомбардировали только окрестности. Немцы забрали все книги Тургеневской библиотеки, но на большие корзины (сплетенные из ивы с запорами и замками) (девять таких корзин или, как говорил Б.К. Зайцев в одном из писем, чемоданов — А. Б.) не обратили внимания. После возвращения Буниных в Париж архив был перевезен на rue Jacques Offenbach»⁷⁵.

22 июня 1941 г., в день нападения Германии на СССР, Фондаминский в числе многих русских эмигрантов был арестован и содержался близ Парижа в Компьенском лагере для «подозрительных» иностранцев — евреев, русских, членов разных политических партий, масонов — до решения их судьбы: через некоторое время кого-то отправляли в лагерь смерти, а кого-то отпускали. Правила здесь были относительно либеральные — работали почта и библиотека, разрешалось получать посылки от родственников, имелся концертный зал, читались лекции. В одном из барачков была устроена церковь, в которой 20 сентября 1941 г. Фондаминский принял крещение по православному канону. Обряд совершил священник К.А. Замбржицкий, бывший полковник Добровольческой армии, настоятель Свято-Троицкой церкви в Клиши-ла-Гаренн под Парижем, которая находилась под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Вскоре после крещения Фондаминский с язвой желудка был помещен в лагерный лазарет, и мать Мария, добившись свидания, сообщила, что есть возможность организовать побег с последующим выездом в США, но Фондаминский, как и в 1906 г. в Ревеле, на побег не согласился. Большинство арестованных русских впоследствии освободили, но Фондаминского как еврея оставили

⁷⁵ *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание / 2-е изд. М: Молодая гвардия, 2009. С. 323, 324.

в лагере. Очевидно, что с этого момента его судьба была пред-
решена. В 1942 г. его этапировали в Дранси, концентрационный
лагерь в северном предместье Парижа, игравший роль пересыль-
ного пункта, затем в Освенцим, где 19 ноября того же года он
погиб в газовой камере.

Из французского лагеря было получено последнее письмо
Фондаминского, о чем вспоминала Тэффи:

«Последнее письмо мы читали с Матерью Марией вместе.

“Пусть мои друзья обо мне не беспокоятся. Скажите всем,
что мне очень хорошо. Я совсем счастлив. Никогда не думал,
что столько радости в Боге”.

Он уже успел принять христианство.

Читали и обе плакали. Не от жалости, а от какого-то го-
рестного восторга, как бы слушая последние торжественные
аккорды музыкального апофеоза.

— Из такого теста святые делаются, — прошептала Мать
Мария»⁷⁶.

Замкнулся круг жизни этого удивительного человека. Под-
робности гибели Фондаминского до сих пор неизвестны. Когда-
то участник первой революции, несколько раз находившийся на
волосок от гибели и избежавший ее, он принял смерть от рук на-
цистов в Освенциме. «Пути России» остались незавершенными:
«Сама смерть Фондаминского, — отмечал Варшавский, — была
одновременно и смертью борца-революционера и смертью хри-
стианского мученика, безропотно и бесстрашно предстоящего
перед палачами»⁷⁷. «Мы никогда не узнаем доподлинно, — оце-
нивая обстоятельства его гибели, писал Яновский, — как они
умерли: мать Мария, Фондаминский, Вильде, другие... И это со-
всем не нужно. Есть нечто греховное, суетное в такой жажде ре-
альных подробностей. Несомненно, что все они давно уже шли
навстречу своему мученическому концу, не уклоняясь, не отсту-
паясь. И умерли они активной, творческой смертью»⁷⁸.

⁷⁶ Тэффи Н.А. Моя летопись. С. 327.

⁷⁷ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. С. 245.

⁷⁸ Яновский В.С. Поля Елисейские. С. 180.

Значение жертвенного поступка Фондаминского оценил Федотов в некрологической статье в «Новом журнале»:

«Чтобы уяснить вполне значение смерти Фондаминского, нужно помнить, что она была наполовину добровольной. Ему представлялась возможность спастись. Тяжело заболев в лагере, он был переведен в больницу. Бежать оттуда было возможно, и друзья (на этот раз социалисты) брались устроить побег. Фондаминский отказался. Своим мотивом он указал желание разделить участь обреченных евреев. В последние дни свои он хотел жить с христианами и умереть с евреями, этим, может быть, искупая ту невольную боль, которую, он причинял им своим крещением»⁷⁹.

16 января 2004 г. Фондаминский был канонизирован Константинопольским патриархатом и причислен к лику святых мучеников. Вместе с ним были канонизированы участники Сопротивления — мать Мария, ее сын Юрий Скобцов, священник Димитрий Клепинин.

* * *

Семьи Буниных и Фондаминских близко сошлись уже в Париже — в первой записи в дневнике Веры Николаевны (22 марта / 4 апреля), относящейся к тому периоду, вновь упоминаются Фондаминские: «Сегодня за обедом были Фондаминские. Оба мне нравятся. Он приятный, хорошо разбирающийся во всем человек. <...>»⁸⁰.

Сохранившиеся письма Фондаминских к Буниным, опубликованные во втором томе серии «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции»⁸¹, в значительной мере раскрывают характер этих отношений. Они охватывают период без малого в шестнадцать лет, с декабря 1923-го по

⁷⁹ Федотов Г.П. И.И. Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. 1948. № 18. С. 328.

⁸⁰ Устами Буниных. Т. 1. С. 297.

⁸¹ «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: в 4 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.

сентябрь 1939 г. К сожалению, в распоряжении исследователей имеются только письма, адресованные Буниным, которые находятся в Русском архиве в Лидсе (всего 108 единиц хранения)⁸².

Здесь уместно было бы вспомнить слова Н.В. Корниенко о роли переписки в творческой жизни писателя: «Это Литература. Без письма и без дружеской переписки русская литература невозможна, это важнейшая ее часть»⁸³. Судя по письмам Фондаминского, Бунин переписывался с ним гораздо чаще, чем с другими редакторами «Современных записок». В отличие от переписки с Вишняком он дорожил этими письмами, тщательно их нумеровал, отмечал наиболее важные места. Иногда это переписка сугубо деловая, иногда дружеская. Их эпистолярные диалоги привлекают исследователей своей документальностью — по ним прослеживаются детали жизни Буниных и хронология рождения многих произведений — от замысла, работы над текстом и до реализации тиража (если речь шла об отдельных изданиях). Затрагивались и другие темы, среди которых можно отметить следующие: сотрудничество Бунина в «Современных записках»; сроки сдачи рукописей; вопросы, связанные с корректурами; тема рецензий и пожелания относительно рецензентов; планы публикаций в издательстве «Современных записок»; оценка произведений Бунина, комплименты в его адрес; отношение к Сирину (В. Набокову) и к другим писателям; вопросы (начиная с 1925 г.), касающиеся совместной аренды виллы «Бельведер» в Грассе; финансовые расчеты, курсы валют, советы в решении денежных проблем; здоровье и все, что тем или иным образом относится к данной теме. Фондаминский представлен в переписке также в роли издателя, продавца бунинских книг и даже в роли рекламного агента. Кроме того, Фондаминскому и Амалии Осиповне часто писала Вера Николаевна.

⁸² См.: *Heywood, Anthony J.* Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections. Leeds: Leeds University Press, 2000. P. 57–131, 237–287.

⁸³ Литературный вечер к 125-летию со дня рождения К.А. Федина // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2017. № 1. С. 112.

Очевидно, что темы, связанные с сотрудничеством в журнале, занимают в переписке едва ли не главное место. Впервые от имени редакции Фондаминский обратился к Бунину с письмом от 3 декабря 1923 г., которое упоминается Даниэлем Риникером⁸⁴. Судя по его содержанию, приглашению в журнал предшествовал разговор Бунина с Фондаминским. Рукой Бунина письмо помечено как «№ 1», его тон полностью соответствует благожелательному пафосу всех последующих писем:

«Дорогой Иван Алексеевич,

Не получил от Вас ответа на мое письмо⁸⁵, что объясняю Вашей нелюбовью к писанию писем. Если я ошибаюсь, Вы мне напишите, не стесняясь.

Не ожидая от Вас ответа, написал редакции о нашем разговоре. Сегодня получил от редакции письмо, в котором она очень просит Вас дать рассказ именно к этому номеру⁸⁶. <...> Дорогой Иван Алексеевич, и я Вас очень прошу дать рассказ и, если можно, стихи именно к этому номеру. Я так счастлив, что Вы будете сотрудничать в “Совр[еменных] зап[исках]”, и я так давно об этом мечтаю, что мне хочется... Не кончаю фразы, ибо боюсь, что Вы заподозрите меня в обычной редакторской лести авторам. А между тем, это не так.

Рукописи пришлите мне или прямо в редакцию. Во всяком случае жду от Вас ответа — письма от Вас или от Веры Николаевны [Буниной]»⁸⁷.

Сотрудничество Бунина в «Современных записках» началось в 1924 г. («Несрочная весна», кн. 18, янв. 1924) и с перерывами

⁸⁴ Риникер Д. «Простить вас, “дovedших страну до Учредительного собрания”, никак не могу»: Иван Бунин и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 123.

⁸⁵ Данное письмо обнаружить не удалось.

⁸⁶ Речь идет о № 18 за 1924 г.

⁸⁷ «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции. Т. 2. С. 713.

продолжалось более 14 лет, завершившись в 1938 г. (очерк-некролог «Перечитывая Куприна», кн. 67, окт. 1938). За время участия в журнале Бунин опубликовал на его страницах цикл стихотворный «Молодость», четыре стихотворения, восемь рассказов, две повести («Митина любовь», «Дело корнета Елагина»), фрагменты из книг «Воды многие», «Освобождение Толстого», очерк «О Толстом», одну рецензию, упомянутый очерк-некролог и, наконец, пять книг «Жизни Арсеньева» (№ 34, 35, 37 — 1928; № 40 — 1929; 1933 — № 52, 53). Таким образом, наиболее часто Бунин печатался в журнале во второй половине 1920-х гг. На его страницах писатель был представлен во всем жанровом своеобразии своего творчества, исключая публицистику⁸⁸.

Очевидно, что охватить более или менее широко весь тематический диапазон переписки в рамках одной работы не представляется возможным. Остановимся на письмах, которые связаны с публикацией в «Современных записках» «Жизни Арсеньева», главного произведения писателя. Так, в письмах, предшествовавших публикации, речь, помимо прочего, шла и об актуальной для Бунина проблеме авторского гонорара. Как известно, редакция испытывала постоянные денежные затруднения, журнал был далек от самоокупаемости, а дотации из Праги, поступавшие в рамках «Русской акции» чехословацкого правительства, год от года сокращались. Заплатить Бунину более 800 франков за один авторский лист — при том, что ранее он получал 1000 франков за лист рассказов — редакция оказалась не в состоянии. Был найден «компромиссный» вариант, на который Бунин, хотя и неохотно, все же согласился — в качестве компенсации редакция предложила напечатать в газетах, где гонорары были в несколько раз выше, два отрывка (ранее в подобных случаях согласие давалось на одну публикацию) с обязательной оговоркой, что это главы из романа, который будет напечатан в «Современных записках». Так, в письме от 4 ноября 1927 г. Фондаминский, ссылаясь на хроническое безденежье, убеждает Бунина согласиться на условия редакции:

⁸⁸ Более подробно см.: *Риникер Д.* «Простить вас, “доведших страну до Учредительного собрания”, никак не могу»... С. 120–128.

«Я считаю, что наше соглашение разумно и справедливо. Мы хотели уступить Вам все, что мы в силах. Перейти же предложенную нами сумму мы не можем, ибо и так финансовая тяжесть, к[о]т[о]р[ая] ложится на журнал, почти непосильна. Роман мы хотим печатать обязательно с январской книжки, и т.к. мы предполагаем, что Вы захотите пустить 1-ю часть целиком, то оставили для нее 80 страниц (160 т. знаков). Напишите скорей, так ли Вы предполагаете и правилен ли наш расчет страниц. Примите во внимание, что нам удобнее и выгоднее печатать меньше, а не больше: 1) дольше будет тянуться роман; 2) меньше расходов падает на каждую книжку; 3) легче уложить материал книжки). Потому, если Вы не будете настаивать на всей первой части, мы будем этому рады. Но во всяком случае для следующей книжки, пожалуйста, приготовьте несколько меньшую долю — иначе мы разоримся. Пожалуйста, не рассердитесь на меня за высказанные пожелания — живя с Вами долго, я перестал Вас бояться...»⁸⁹.

Тема «Жизни Арсеньева» затрагивается во многих письмах, затрагивается она и в письме от 29 июля 1932 г., в котором Фондаминский просит Бунина поскорее дать журналу продолжение романа: «Мы все надеемся, что Вы дадите что-нибудь для “С[овременных] з[аписок]” — хотя бы *отрывок* из “Жизни Арсеньева”. Время еще есть — до 1 сентября»⁹⁰.

Та же тема продолжается и в переписке с Рудневым, взявшим на себя обязанности Фондаминского, который уехал в Данциг по делам чайной компании. В 1933 г. финансовое состояние журнала становилось все более критическим. Косвенно об этом может свидетельствовать письмо Руднева к Бунину, отправленное 31 мая 1933 г., незадолго до прекращения печатания в журнале продолжения романа:

«Дорогой Иван Алексеевич, выход только один, хотя и жестокий: усердно просить Вас согласиться на *временный*, частичный

⁸⁹ «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции. Т. 2. С. 757.

⁹⁰ Там же. С. 843.

мораторий в смысле выплаты гонорара, понизив его *на этот только год*, до размеров, скажем, между 500 и 600 фр. Тогда мы смогли бы давать “Арсеньева” не стесняясь размерами частей в книжках. Мы же со своей стороны обещались бы, что если Бог даст, “С[овременные] з[аписки]” в будущем году разбогатеют хотя бы приблизительно до прежнего уровня, — размер полного гонорара Вам будет *восстановлен немедленно*.

Подумайте, дорогой Иван Алексеевич, и напишите, согласны ли, можно ли рассчитывать на Вас. Срок до 53-й книжки — желательно к 1 июля или чуть позднее. Если хотите, отложим окончательный разговор до Вашего приезда в Париж»⁹¹.

В ответном письме Бунин дает согласие на 500 франков за лист и сообщает, если позволит здоровье, прислать рукопись к началу июля. Атмосферу кризиса в семье, вызванного не только переутомлением, отсутствием жизненных сил, но и элементарным безденежьем, проясняют дневниковые записи Веры Николаевны. 26 мая: «Кризис полный, даже нет чернил — буквально на доньшке, да и полтинночки (так в тексте. — Ю. А.) у меня на доньшке. <...>». 27 мая: «<...> Проснулась рано. Ян встал раздраженный. <...> он в ужасе от своего писания — был в каком-то припадке тихого отчаяния. Он переутомился. Безденежье. Однообразие. Неврастения. <...>»⁹². В письме Рудневу от 14 июня Бунин, в частности, сообщает: «Всячески постараюсь дать продолжение “Арсеньева” именно в ближайшую книгу, но, повторяю, при том условии, если Бог даст здоровья, — я все еще теряю кровь чуть не каждый день, — и если журнал не будет торопить меня, даст мне самый крайний срок: я ведь всегда, всю жизнь расстаюсь с рукописью с большой тревогой, с большими сомнениями насчет ее цены...»⁹³. 25 июля Фондаминский в очередном письме спрашивает, может ли редакция надеяться получить рукописи для 53 номера, и когда она могла бы ее получить. В том случае, если Бунин потребует еще неделю для рабо-

⁹¹ Там же. С. 855, 856.

⁹² Устами Буниных. Т. 2. С. 286.

⁹³ «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции. Т. 2. С. 727, 858.

ты, то на это будет дано согласие. 1 августа он сообщает Фондаминскому о том, что по-прежнему испытывает сомнения: «...Давать или нет? Боюсь, что очень буду жалеть, что не дал. Но и другого боюсь: а вдруг ахну: “зачем поспешил”? Одно твердо известно: “При колебании лучше воздержись”. И вот — воздерживаюсь. Набирайте, значит, без меня — Бог даст, появлюсь в следующей. И простите, пожалуйста, и попросите редакцию простить меня, что неволью обманул»⁹⁴. Очевидно, что для писателя был важен каждый лишний день правки рукописи — уже 3 августа, получив в тот же день от Фондаминского открытку с предложением о продлении срока сдачи до 8 августа, он сообщает, что «...Вдруг передумал: решил дать для набираемой книги *окончание* той части, что была напечатана в предыдущей, — только окончание, то есть страниц 20 журнальных (7 главок). Вышлю их завтра-послезавтра»⁹⁵. О том же 3 августа Бунин пишет Рудневу. 5 августа Фондаминский сообщает, что на какое-то время должен снова уехать и поэтому передает дела Рудневу. Одновременно он поясняет, что согласие Бунина его утешило, «но не совсем». И далее: «Не говорю о “С[овременных] з[аписках]”, кот[орые] приготовили для Вас 60 стр. — думаю, что Вы зря будете держать 2-ю часть еще полгода. Ведь Вы не выпускаете отдельное издание, а печатаете в журнале. Что не понравится, переделаете для отдельного издания. Думаю, что В.В. [Руднев] согласится дать Вам еще неделю на 2-ю часть, чтобы только получить ее. Впрочем, сейчас отступаю в тень — завтра утром уезжаю в Данциг»⁹⁶. 10 августа Бунин получает письмо Руднева, в котором тот благодарит за то, что ему удалось преодолеть сомнения и выручить журнал. Одновременно Руднев, как и Фондаминский, продолжает убеждать Бунина печатать в журнале оставшиеся главы «Жизни Арсеньева».

«Прочел, словно выпил, залпом. Потом немедленно отправился в типографию, чтобы поскорее сдать в набор.

⁹⁴ Там же. С. 861.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 862.

Да, опять во власти колдовского Вашего искусства... Но такова уж человеческая природа: *зная* наверное, что у Вас там в Грассе лежат еще несколько глав, готовые (наверное!) к печати, не могу успокоиться. Дорогой Иван Алексеевич, подумайте, — не лучше ли *теперь же* дать и дальнейшие главы? Не говорю уже о нетерпеливом читателе и рачительном редакторе: разве для Вас самого ждать какую-то там январскую книжку, т. е. 5–6 месяцев, — безразлично!? О сроке, — знаете, готов задержать еще на две недели выпуск книги, если можно быть уверенным, что Вы успеете за это время подарить нам еще больший отрывок»⁹⁷.

Однако предложение принято не было: в последующих номерах журнала, вышедших до оккупации Парижа, продолжение так и не появилось. В ответном письме от 14 августа Бунин благодарит за готовность предоставить ему еще некоторое время и при этом сообщает о серьезных проблемах со здоровьем: «Но лучше не ждите: опять боюсь подвести Вас, и тем более боюсь, что последние дни дела мои *еще* ухудшились...»⁹⁸. Впоследствии Руднев снова несколько раз в письмах просил дать журналу продолжение, предлагал даже выплатить аванс, от чего Бунин отказался. В очередной раз та же тема была затронута в письме от 14 февраля 1934 г., уже после получения Буниным Нобелевской премии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаров Ю.А. «Новый град»: философское миросозерцание и «творческое преодоление большевизма» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Вып. 5 / отв. ред. Ю.А. Азаров. С. 97–128.
- Азаров Ю.А. «Русские записки»: «столица» и «провинция» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Вып. 5 / отв. ред. Ю.А. Азаров. С. 147–176.
- Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание / 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 457 с.
- Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. Мюнхен: Финк Ферлаг, 1972. 709 с.
- Берберова Н.Н. Конец Тургеневской библиотеки // Русский Нью-Йорк. Антология «Нового журнала». М.: Русский путь, 2002. С. 336–337.

⁹⁷ Там же. С. 863.

⁹⁸ Там же. С. 864.

- Берзина А.А.* Общественно-политическая деятельность И.И. Бунакова-Фондаминского: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Орел: Орлов. гос. ун-т., 2005. 26 с.
- Бунаков-Фондаминский И.И.* Пути России / сост., подг. текста и общ. ред. О.А. Коростелева, Е.А. Андрущенко; послесл. и прим. Е.А. Андрущенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 668 с.
- Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2010. 542 с.
- Вишняк М.В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб.: Логос; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 242 с.
- Гордиенко Т.В.* Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева в Париже — памятник русской культуры за рубежом // Русский язык за рубежом. 2014. № 4. С. 67–74.
- Зензинов В.М.* Памяти И.И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. № 18. С. 299–316.
- Зензинов В.М.* Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 418 с.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина* / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 944 с.; 2017. Т. 2. 1183 с.
- Пономарев Е.Р.* Парадигмы эмигрантского быта. Круг общения семьи Буниных и повседневная культура эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2016. Вып. I. С. 52–63.
- Риникер Д.* «Простить вас, “доведших страну до Учредительного собрания”, никак не могу»: Иван Бунин и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 120–128.
- Рудинский В.* Поучительный опыт: Книга М. Вишняка о «Современных записках» // Возрождение. 1957. № 7. С. 95–108.
- «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: в 4 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 970 с.
- Тэффи Н.А.* Моя летопись. М.: Вагриус, 2005. 385 с.
- Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М.Э. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. Т. 1. 367 с.; Т. 2. 319 с.; Т. 3. 223 с.
- Федотов Г.П.* И.И. Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. 1948. № 18. С. 317–329.
- Яновский В.С.* Поля Елисейские. Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 279 с.
- Grimsted Patricia Kennedy.* Roads to Ratibor: Library and Archival Plunder by the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg // Holocaust und Genocide Studies. 2005. Vol. 19. S. 390–458.
- Heywood, Anthony J.* Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections. Leeds: Leeds University Press, 2000. 394 p.

И.А. БУНИН И А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС: ИЗ ИСТОРИИ ДРУЖБЫ

© 2022 г. О.А. Казнина

Аннотация: Статья посвящена истории многолетней дружбы и творческих отношений И.А. Бунина с писательницей и политическим деятелем А.В. Тырковой-Вильямс. Дружба началась в дореволюционной России и продолжилась в эмиграции. Тыркова, жившая в Лондоне, вела политическую борьбу с большевизмом средствами политической журналистики и периодической печати, привлекая к этой деятельности русских писателей, философов и политиков, находившихся в других центрах Русского зарубежья. Тыркова также внесла значительный вклад в культурную жизнь русской эмиграции, распространяя в Англии и Европе знания о русской литературе, помогая русским писателям, таким как И.А. Бунин, А.И. Куприн, И.С. Шмелев и многим другим проводить в Лондоне творческие вечера, получать отклики на свои публикации, переводить свои произведения на английский язык и издавать их в западных издательствах.

Ключевые слова: И.А. Бунин, А.В. Тыркова-Вильямс, Г. Вильямс, русские в Англии, перевод, литературная критика, Д.Г. Лоуренс, В. Вульф, К. Мэнсфилд.

Информация об авторе: Ольга Анатольевна Казнина — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0014-1298>. E-mail: Olga-Kaznina@yandex.ru.

Для цитирования: Казнина О.А. И.А. Бунин и А.В. Тыркова-Вильямс: из истории дружбы // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 445–498. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-445-498>

I.A. BUNIN AND A.V. TYRKOVA-WILLIAMS: A HISTORY OF A FRIENDSHIP

© 2022. Olga A. Kaznina

Abstract: The present article is devoted to the lifelong friendship and creative relationship of I.A. Bunin and the writer and politician A.V. Tyrkova-Williams. Their friendship began in pre-revolutionary Russia and went on in the years of Emigration. A.V. Tyrkova, who lived in London, proceeded with political fight with bolshevism by means of journalism and periodical press and involved in it Russian writers, philosophers and politicians from the centers of the Russian Emigration. Also Tyrkova made a valuable contribution to Russian culture, promoting Russian literature in England and Europe, helping Russian writers like Bunin, Kuprin, Shmelev and many others to arrange meeting with readers in London, get reviews to their books, translate their works and publish them in the West.

Keywords: I.A. Bunin, A.V. Tyrkova-Williams, Harold Williams, Russians in England, translations, literary criticism, D.H. Lawrence, V. Woolf, K. Mansfield.

Information about the author: Olga A. Kaznina, DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0014-1298>. E-mail: Olga-Kaznina@yandex.ru.

For citation: Kaznina, O.A. "I.A. Bunin and A.V. Tyrkova-Williams: a History of a Friendship." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 445–498. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-445-498>

Ко времени отъезда И.А. Бунина из России в 1920 г. он был известным писателем в зените своей славы, но в эмиграции ему, как и большинству литераторов-соотечественников, пришлось жить на ничтожные гонорары за публикации в русской периодике. Казалось бы, спасением могли стать переводы на европейские языки. Однако русские эмигранты, граждане без государства, никакими законами об авторских правах защищены не были. Их произведения переводили и издавали чаще всего, не выплачивая авторам гонорара. Этому способствовал европейский закон об авторских правах, гласивший, что произведения, изданные до 1911 г., являются общей собственностью и авторским правом не охраняются. С этой проблемой столкнулся и Бунин.

История издания произведений Бунина в Англии и знакомства с ними английских читателей и писателей требует особого комментария как факт истории литературы русского зарубежья, а также как факт истории русско-английских литературных связей. В процесс подготовки и распространения изданий переводов Бунина были вовлечены люди с известными именами, в том числе писатели, заслужившие место в истории западной литературы: Д.Г. Лоуренс, Ленард и Вирджиния Вулфы, Дж. Миддлтон Марри. Роль посредников в продвижении творчества Бунина к английским читателям сыграли русские эмигранты в Англии: критики Д.П. Святополк-Мирский и Г.П. Струве, а также переводчик С.С. Котелянский, привлечший внимание нескольких известнейших английских писателей к русской литературе.

Особую роль в продвижении произведений русских писателей, в том числе И.А. Бунина, к английской читающей публике, в осуществлении переводов и изданий, публикации критических откликов в периодической печати — сыграла А.В. Тыркова-Вильямс. Она была главным посредником в установлении контактов Бунина, Ремизова, Шмелева и Куприна с английскими издателями и переводчиками. Эту роль она взяла на себя не случайно, так как принадлежала к тому редкому типу людей, которые, будучи многообразно одарены от природы, умеют ценить чужой талант и бескорыстно помогать тем, кто в этой помощи нуждается. Она выступала в роли добровольного литературного агента, неустанно помогая русским литераторам и мыслителям организовать чтения и вечера в Русском доме (бывшем русском посольстве) и в других культурных центрах русской эмиграции в Англии. Письма А.В. Тырковой-Вильямс к Бунину проливают свет на малоизученные эпизоды в жизни писателя, в частности на его второй визит в Англию, организованный после получения им Нобелевской премии. Эти письма в какой-то мере дополняют деталями историю восприятия русской литературы в английской культурной среде.

С Буниным и его женой Верой Николаевной Тыркова была знакома задолго до эмиграции. Знакомство это было predetermined как литературными, так и политическими связями Тырковой. Как член конституционно-демократической партии она

была знакома с дядей В.Н. Муромцевой — С.А. Муромцевым, своим однопартийцем, известным правоведом, публицистом и государственным деятелем. В 1906 г. он являлся председателем Государственной Думы. Будучи избранным на эту должность, он, как пишет Тыркова в своих мемуарах, отстранился от партийной жизни, вышел из ЦК, считая, что идеальный председатель должен быть выше партийных интересов. Тыркова дала критическую оценку его личности и деятельности: она считала, что весь свой аналитический ум он направил не на решение политических и социальных проблем, а на оформление внешнего благообразия Думы, ничего не вкладывая в ее подлинную, кипучую жизнь. Он не пытался стать посредником между Думой и властью, хотя именно это входило в обязанности председателя. В целом, как она пишет, ему мешала «должностная самоуверенность и гордыня», он смотрел на себя как на второе лицо после государя¹. О знакомстве И.А. Бунина и С.А. Муромцева свидетельствует обмен знаками внимания в 1903 г.² М. Горький в письмах с Капри упоминает Веру Николаевну как «племянницу Муромцева»³.

А.В. Тыркова и ее муж Г. Вильямс входили в ближайший круг друзей Бунина как в России, так и в эмиграции. В этих замечательных людях воплотились лучшие черты интеллигенции, сочетавшей гражданские интересы с глубоким знанием русской истории, культуры и литературы. Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962) более четверти века прожила в эмиграции в Англии, которую она называла своей второй родиной. В свое время широко известная писательница, журналистка, одна из видных представительниц русского либерализма, она сделала себе имя в литературе и журналистике рубежа веков. Она родилась в Санкт-Петербурге в семье мирового судьи В.А. Тыркова, который принадлежал к старин-

¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе // Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания: То, чего больше не будет. М.: Слово, 1998. С. 399.

² Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. С. 1076.

³ Там же. С. 136.

ному новгородскому дворянскому роду. Ее мать, художница, урожденная Гайли, происходила из балтийских дворян. Семья владела большим живописным имением Вергежа, с которым связан весь российский период жизни писательницы и которое осталось для нее символом родины в годы эмиграции. Вергеже посвящены лучшие страницы ее воспоминаний. Окончив гимназию А.А. Оболенской, Тыркова поступила на математическое отделение Высших женских курсов в Санкт-Петербурге. В 1890 г. она вышла замуж за Адольфа Бормана, корабельного инженера из обрусевших немцев. Родились дети — Аркадий и Соня. В 1897 г. брак распался, и Тыркова решила содержать себя и детей литературным трудом. С этого года она начала выступать под псевдонимом А. Вергежский. Под этим псевдонимом публиковались ее статьи и корреспонденции в газетах «Северный край» (Ярославль), «Приднепровский край» (Екатеринослав), «Сын отечества», «Русь», «Речь», «Биржевые ведомости», «Слово». «Вергежский» был автором повестей и романов, печатавшихся из номера в номер в таких журналах как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Нива».

Тыркова получила широкую известность в демократических кругах читателей, выступая с просветительскими лекциями о правах женщин, литературе и истории: ее слушали в Вильно и Екатеринославе, Харькове и Керчи, Ставрополе и Армавире. Серьезным вкладом в развитие русского женского самосознания стало ее исследование «Анна Павловна Философова и ее время» (1915). В год революции ею была опубликована брошюра «Освобождение женщины» (1917).

С 1903 г. Тыркова вела журналистскую и политическую деятельность в составе нелегальной группы П.Б. Струве «Союз освобождения», публиковалась в центральном печатном органе этой группы — журнале «Освобождение». В этой среде она сблизилась с либеральными кругами интеллигенции, в которых формировалось ядро конституционно-демократической партии. В 1904 г. Тыркова была арестована на русско-финской границе за провоз тиража журнала «Освобождение». Однако влиятельные друзья помогли ей выйти из тюрьмы — она была в это время серьезно больна — и вскоре она нелегально покинула пределы России, выехав в Штутгарт через Финляндию и

Швецию. Вскоре она переехала в Париж. Из Европы Тыркова вернулась после манифеста 17 октября 1905 г. С этого времени она принимала активное участие в создании конституционно-демократической партии.

В 1906 г. Тыркова была избрана членом центрального комитета кадетской партии. Она была, возможно, единственной женщиной, выступавшей на заседаниях Первой Государственной думы. Сэр Сэмюэль Хор, лорд Темплвуд, английский друг семьи Тырковой, писал о ней: «Ариадна Тыркова была когда-то мадам Ролан русского либерализма. О ней говорили, что в кадетской партии есть только один настоящий мужчина — и тот женщина. <...> Как многие русские женщины, она мыслила смело и не боялась реальности, как бы мрачна она ни была»⁴.

В редакции журнала «Освобождение», который издавался в Штутгарте, Тыркова познакомилась с новозеландцем Гарольдом Вильямсом, который работал корреспондентом английских газет по русским вопросам⁵. Гарольд Вильямс (Harold Whitmore Williams, 1876–1928), сын английского пастора-методиста, поселившегося в Новой Зеландии, в конце 1890-х гг. заинтересовался учением Л. Толстого, в котором увидел, по его словам, «величайшего реформатора христианства»⁶. Вильямс поставил перед собой цель прочесть Л. Толстого на русском языке и совершить паломничество в Ясную Поляну. Планы молодого ново-

⁴ *Tyrkova-Williams A. Cheerful Giver. The Life of Harold Williams.* London: P. Davies, 1935. P. VIII.

⁵ О Гарольде Вильямсе см.: *Zohrab I. From New Zealand to Russia to Britain: a comment on the work of Harold W. Williams and his relations with English writers // New Zealand Slavonic Journal.* 1985. P. 3–15; *Zohrab I. The place of the Liberals among the forces of the Revolution: from the unpublished papers of Harold W. Williams // New Zealand Slavonic Journal.* 1986. P. 53–57; *Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews // New Zealand Slavonic Journal.* 1994. P. 259–287.

⁶ *Zohrab I. Leo Tolstoy from the perspective of the New Zealand linguist and writer Harold W. Williams (with the publication of a forgotten interview between them of the 20 January 1905) // Melbourne Slavonic Studies.* 1985. № 19. P. 14–48. См. перевод этой работы на русский язык: *Зограб А. Л.Н. Толстой глазами новозеландского журналиста // Русская литература.* 1989. № 4. С. 154–159.

зеландца в то время могли показаться утопическими, но тому, что он задумал, суждено было сбыться: обладая уникальными способностями лингвиста-полиглота, он изучил русский язык, в 1904 г. приехал в Россию и в 1905 г. посетил Толстого в Ясной Поляне. В газете «Manchester Guardian» за 9 февраля того же года была опубликована его беседа с Л. Толстым.

Вильямс освоил в общей сложности около пятидесяти языков и был первым составителем грамматики редких полинезийских языков. В Мюнхенском университете, где он учился, перед ним открывалась блестящая академическая карьера, но он пожертвовал ею ради политической журналистики, которая в тот сложный исторический момент казалась ему самым важным делом. Ход исторического развития России, искания русской интеллигенции он считал особенно существенными для судеб мира. После окончания университета он устроился корреспондентом лондонской газеты «Таймс» в Штутгарте, где с июля по октябрь 1902 г. находилась редколлегия журнала «Освобождение». Здесь Г. Вильямс получал материалы по русским вопросам и сблизился с представителями русской политической эмиграции, будущими кадетами.

Вильямс прожил в России 14 лет, с декабря 1904 г. до марта 1918 г., постоянно находясь в водовороте интеллектуальных и политических событий. По книгам и корреспонденциям Вильямса в ведущих английских газетах англичане могли составить многогранное представление о русской политической и культурной жизни. Книга Вильямса «Russia of the Russians» («Россия русских», 1914) по праву считается одним из самых глубоких исследований о России, написанных иностранцем. Поражает его пронизательность в трактовке самых сложных для перевода произведений русских писателей, например А.М. Ремизова, о котором он писал как об одном из самых оригинальных русских писателей современности, обратившихся к народному языку. Вильямс готовил к публикации книгу «Россия и Европа», которая по своему названию и тематике была близка к известному труду Н.Я. Данилевского. Однако этот труд не был закончен.

Тыркову и Вильямса объединяли взгляды на жизнь, на людей, на политику. Они были политическими единомышленни-

ками и литературными соавторами. При некотором различии в вероисповедании у них была удивительная общность религиозных взглядов. Вильямс был по существу протестантом, а Тыркова придерживалась строго православного исповедания, но и в области веры между ними не было расхождений. Возможно дело было в том, что в религиозном воспитании Тырковой решающую роль сыграла мать-лютеранка, всегда служившая для нее высоким образцом духовности. Об этом Тыркова писала в своих мемуарах.

Г. Вильямс провел в России самые бурные предреволюционные годы, помимо Л. Толстого познакомился со многими русскими писателями, в том числе с И.А. Буниным и А.М. Ремизовым. Тыркова была знакома с Иваном Алексеевичем по литературно-журнальной работе. Он был, как и многие в кругу ее знакомых, дружески расположен к ее спутнику жизни, о чем свидетельствуют его письма периода эмиграции. Наиболее близкие отношения сложились у Вильямса с А.М. Ремизовым, который также принадлежал к кругу ближайших друзей Тырковой. В книге «Встречи: Петербургский буерак» Ремизов вспоминал: «С революции (1905) в Петербурге поселилась Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс и Гарольд Васильевич. Я бывал у них. Гарольд Васильевич филолог, а кроме того, исследователь Свифта. Я нашел в Свифте себе отклик: его “лошадиное царство” — это ведь мое “обезьянье” — мой “обезвельволпал”, но у Свифта какая жестокость и презрение к человеку. И что повлекло чистейшую душу Вильямса к этому человеконенавистнику, так и осталось у меня тайной»⁷. В видениях “Взвихренной Руси” (1927) Ремизов набросал портреты многих известных деятелей культуры: среди них есть и портреты Д.П. Святополк-Мирского, а также Г. Вильямса и Хью Уолпола.

Г. Вильямс до тонкостей разбирался в истории русской литературы и ее новых течениях. В книге «Россия русских» («Russia of the Russians», 1914) он упоминает Бунина, но более детально пишет о Ремизове как об одном из самых оригинальных русских писателей современности, обратившихся к языку народа. Традиции, которым он следовал, Вильямс возводит к Гоголю и

⁷ Ремизов А.М. Огонь вещей. М.: Сов. Россия, 1989. С. 425.

Достоевскому, при этом подчеркивая в его стиле черты модернизма. Рассказы Ремизова Вильямс называет «поэмами в прозе». В середине 1920-х гг. Вильямс написал статью о Ремизове в соавторстве с Д.П. Святополк-Мирским. Статья, опубликованная в литературном приложении к «Таймс» 21 февраля 1924 г., содержала отзыв на книги, вышедшие в Берлине в издательстве Гржебина: «Крестовые сестры», «Пятая язва» и «Сказки русского народа» в пересказе А.М. Ремизова⁸. По книгам и корреспонденциям Вильямса в ведущих английских газетах англичане могли составить многогранное представление о событиях в России в исторической перспективе, а также о новейших течениях русской культуры. Книга «Россия русских» по праву считается одним из самых уникальных произведений о России по глубине проникновения в атмосферу русской жизни.

Взгляды Вильямса на политические события в России во многом определялись кругом его общения. На его очерках лежит глубокий след публицистики Бунина, таких публикаций, как «Заметки» о трагических днях революции (газета «Южное слово». № 55. С. 2), и «Окаянные дни», книги И.С. Шмелева «Солнце мертвых», а также историософских сочинений русских религиозных мыслителей. В подготовительных материалах к книге «Россия и Европа» Вильямс писал: «К России обращаются взоры в надежде увидеть новый свет, свет большевизма с Востока. Это заблуждение. Большевизм родился не в России. Он представляет собой попытку применить на практике тот социализм, который созрел на Западе, но не смог там реализовать свои идеи. Русский большевизм — это злая карикатура на социалистические тенденции Запада, а может быть и суровое предупреждение о том, к чему на деле социализм приводит. <...> Социализм — это усталость истории, это ее бессилие, старость и разложение. Социализм — это не начало новой жизни, а конец, попытка организовать упадок. Россия под большевиками

⁸ The Times Literary Supplement. 21 February 1924. Статья перепечатана в приложении к статье: *Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews)* // *New Zealand Slavonic Journal*. 1994. P. 259–287.

со всей очевидностью показала, куда ведет социализм. Но она показала и другое: куда ведет западная цивилизация. Русский большевизм вскрыл кризис западной цивилизации»⁹.

Великим сдвигом в русском сознании называет Вильямс русскую поэзию и роман XIX в. Впитав идеи Достоевского о всечеловечности Пушкина, Вильямс писал, что русская литература переработала в себе лучшие достижения европейской литературы, но при этом результат этих заимствований оказался сугубо национальным. «Русская литература поражает своей оригинальностью в выборе темы и подходе к ней, несмотря на то, что в ней есть отзвуки всех европейских литератур. В России художественное явление не зависит ни от иностранных влияний, ни от государственного деспотизма. <...> Русская литература раскрывает нечто такое, чего не было и нет в теориях, идеях и во всей интеллектуальной жизни западной цивилизации: она раскрывает русские движения души, русские настроения и устремления. Иногда эти движения мысли рождаются в ответ на вызов со стороны Запада»¹⁰.

Для Тырковой, как и для многих ее соратников из интеллигенции и дворян, большевистская революция была трагедией. Ни идеологию, ни методы большевиков она не принимала ни при каких условиях и до конца своих дней оставалась их непримиримой противницей. В первой половине марта 1918 г. Тыркова и Вильямс уехали в Англию. По ее признанию, уезжала она с чувством, что бежит с поля боя. Между тем, еще в России они с Вильямсом приняли английское подданство, и потому их отъезд прошел относительно гладко. Однако судьбы детей Тырковой складывались с перипетиями. Дочь Соня уезжала вместе с семьей, тогда как сын Аркадий находился в армии на Юге России и от него не было вестей. Мать Тырковой оставалась в Вергее. По дороге в Мурманск, куда семья отправилась, чтобы отплыть на английском корабле, они постоянно слышали, с

⁹ *Williams H.* «Commonplace Notebook». London. March 1921. Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. A.V. Tyrkova-Williams Coll. Box 22. Manuscripts by Harold Williams. London. March 1921.

¹⁰ Там же.

какой надеждой в этом городе ждали прихода англичан. «Пока были люди и были разговоры — всюду одно — хоть бы англичане пришли», — записывала Тыркова в своем дневнике, — «и так — до полярного круга: опять ждем варягов»¹¹. Уезжали они на «странном» судне: «Бывший немецкий пароход шел под португальским флагом, капитан был англичанин, но зафрахтован пароход был французами. Его команда состояла главным образом из китайцев»¹². Из порта вышли первого апреля и плыли, заходя далеко на север, чтобы избежать немецких подводных лодок. Через неделю, измученные морской болезнью, высадились в Ньюкастле. В Лондоне, не успев прийти в себя после путешествия, Тыркова и Вильямс оказались в центре внимания журналистов и политиков. В первый день приезда в Лондон они были приглашены на завтрак к редактору «Дейли Кроникл» Роберту Дональдсу, а чай пили в тот же день у Ллойд Джорджа.

В Лондоне Тыркова и Вильямс намеревались продолжить работу, направленную на борьбу с властью большевиков в России. Они верили, что западные политики поддержат белое движение: казалось, что противостояние большевизму было в их интересах. Однако отношение английских политиков, парламентских партий, правительственных учреждений и газет к русскому вопросу было гораздо сложнее, чем могли предположить воспитанные на русской классике интеллигенты. В среде английской политической элиты нашлось немало людей, заинтересованных в ослаблении России и надеявшихся на коммерческие выгоды торговых отношений с обнищавшей и обессиленной страной. Настроенные в пользу большевистского переворота английские политики лицемерно заявляли, что интервенция — это вмешательство во внутренние дела России, и что она вызовет протест русского народа. Но у идеи военной интервенции были и сторонники. В целом в тот момент английская политика представляла собой клубок противоречий: «Военное министерство было против большевиков и за вмешательство, Министерство Иностранных дел за них и против вме-

¹¹ Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен; Вашингтон, 1964. С. 153.

¹² Там же.

шательства. «Морнинг Пост», «Дейли Кроникл», «Обзервер», все за вмешательство»¹³.

Ядро русской колонии в Англии формировалось вокруг русского посольства во главе с поверенным в делах России Константином Дмитриевичем Набоковым. По инициативе Тырковой при посольстве был образован Комитет освобождения России, в который вошли журналист И.В. Шкловский (Дионео), эмигрировавший в Англию до революции, член Русского правительственного комитета Нордман, адвокат Гавронский и сама Тыркова. Задачей этого комитета было распространение злободневной информации о положении в России, организация сил для отпора большевикам и агитация за интервенцию англичан. Комитет выпускал на английском языке бюллетени о положении в России, предназначенные для членов Парламента, просветительские брошюры по русским вопросам, а также журналы «The New Russia» («Новая Россия») и «Russian Life» («Русская жизнь»). Во всех этих изданиях Тыркова участвовала как автор, а в журнале «Русская жизнь» являлась главным редактором и автором многих неподписанных статей.

Тыркова и Вильямс стали также членами «Англо-русского братства 1917 года», куда входила русская и английская военноправительственная элита. В братство принимались с русской стороны только эмигранты, дворяне, белогвардейцы. Однако существовал не менее элитарный Британско-русский клуб, в котором английские политики и журналисты могли встретиться с представителями новой большевистской России. Вильямс кроме этого занял влиятельное положение в политическом комитете по русскому вопросу при английском «Министерстве пропаганды».

Тыркова считала, что необходимо через печать знакомить Запад, и прежде всего англичан, с истинным положением дел в России. В течение 1919 г. она выпустила в Лондоне на английском языке две книги. Первая из них была подготовлена по материалам вывезенной из России газеты кадетов «Речь», а также на основе личного опыта работы в Думе и Петроградском производственном комитете. Так появилась в печати первая на

¹³ Там же. С. 163.

английском языке документальная история русской революции 1917 г., написанная очевидцем по горячим следам: «От свободы к Брест-Литовску. Первый год русской революции». Перевод редактировал Вильямс. В предисловии Тыркова писала: «Социалисты сделали из моего отечества огромное опытное поле для своих догм и теорий. <...> Они забыли, что человек — самое неизученное явление на земле, что психология отдельных людей, а тем более масс пока еще никем не объяснена»¹⁴.

В том же году Тыркова выпустила — также на английском языке — экономическое исследование «Почему Советская Россия голодает» (*Why Soviet Russia is Starving*. London, 1919). Главную причину голода в Советской России Тыркова видела в полной некомпетентности новых хозяев страны в вопросах хозяйствования. Никогда не работавшие на земле, новые правители России, писала она, не были способны понять веками складывавшуюся психологию хозяина и производителя. Тыркову, как и многих других экономистов, ошеломлял тот факт, что всего за два года страна с колоссальными аграрными и промышленными ресурсами, снабжавшая излишками своей сельскохозяйственной продукции Европу и Америку, утратила способность накормить собственное население. Спустя два года был опубликован написанный в соавторстве с Вильямсом автобиографический роман Тырковой о первых годах революции «Полчища тьмы» («*Hosts of Darkness*», 1921). В герое романа журналисте Чарльзе Эллисе легко узнать Г. Вильямса.

Осенью 1919 г. семья Тырковой и Вильямса отправилась из Англии на юг России в составе английской миссии, направленной для поддержки армии Деникина. Г. Вильямс был прикомандирован к этой миссии газетами «Таймс» и «Дейли Кроникл». Дочь Тырковой Соня ехала в Россию с английским санитарным военным судном, а сын Аркадий — в составе союзнической армии. В декабре под угрозой захвата Ростова частями Красной армии английская миссия была эвакуирована в Новороссийск, а оттуда — морем в Константинополь. Соня, больная тифом, была эвакуирована в Югославию вместе с дру-

¹⁴ *Tyrkova-Williams A. From Liberty to Brest-Litovsk. The First Year of the Russian Revolution. London: Macmillan, 1919. P. 5.*

гими больными на английском военном судне. Ее разыскал русский офицер Бочарский, за которого она впоследствии вышла замуж. Сыну Тырковой Аркадию Борману удалось бежать через финскую границу вслед за отцом и сыном Струве, которые тоже направлялись в Англию. Таким образом вся семья воссоединилась в Лондоне. Некоторое время спустя Тырковой удалось с помощью друзей вывезти из России свою восьмидесятисемилетнюю мать, которая прожила в ее лондонском доме до 93 лет. Любопытно, что до такого же возраста дожила и сама Тыркова.

В ноябре 1928 г. Вильямс, который был на семь лет моложе Тырковой, в возрасте 52 лет ушел из жизни. Тыркова потеряла в нем не только мужа и друга, но и единомышленника и соратника, кроме этого он был важнейшим посредником, связывавшим ее с английской жизнью. Несмотря на отчаяние, она взялась за книгу о нем, в которой стремилась воскресить атмосферу предреволюционной России и своей с Вильямсом молодости. Книга вышла в Лондоне в 1935 г. под названием «Cheerful Giver. The Life of Harold Williams» («Щедрый даритель: Жизнь Гарольда Вильямса»). В книге жизнь Вильямса представлена на широком фоне российской жизни предреволюционных лет, а также в контексте политической жизни русской эмиграции в Лондоне. В 1930-е гг. Тыркова продолжала выступать в печати русского зарубежья, писала и для английской прессы. Главным литературным делом ее жизни стало двухтомное исследование «Жизнь Пушкина» — детальная творческая биография поэта» (Париж, 1929; 1948)¹⁵. В этом труде, как она писала сыну, она видела «настоящее белое дело».

Долгие годы находясь в эмиграции, Тыркова не переставала жить проблемами русской истории и культуры. Осмысливая события революции в течение последующих лет в эмиграции, она изменила свои политические воззрения с либеральных на консервативные. В ее мировоззрении с годами все более серьезную роль играло православие. Эта эволюция нашла отражение в мемуарной трилогии, которую составили книги: «На путях к

¹⁵ Книга переиздана в России: *Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина: в 2 т. / предисл. О.Н. Михайлова. М.: Мол. гвардия, 1998.*

свободе» (Нью-Йорк, 1952); «То, чего больше не будет» (Париж, 1954); «Подъем и крушение» (Париж, 1956).

Как в журналистской деятельности, так и в мемуарах Тырковой одно из важнейших мест занимают литература и искусство. В России она находилась в центре литературной жизни, кроме И.А. Бунина, была лично знакома с А.А. Ахматовой, А.А. Блоком, Вяч. Ивановым, А.М. Ремизовым, В.В. Розановым, З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским, Б.К. Зайцевым, И.С. Шмелевым, Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком, Б.П. Вышеславцевым и многими другими известными поэтами, писателями и философами. Свои литературные связи она поддерживала в эмиграции, активно помогая соотечественникам находить выход к читателям и слушателям, переводить и издавать свои произведения. Несмотря на трудности и неустроенность первых лет жизни в Лондоне, она морально и материально поддерживала писателей и философов, хлопотала о пенсиях для них в различных фондах, о переводах и изданиях их произведений на английском языке, приглашала их в Англию для выступления перед русской колонией. При ее содействии в Лондон приезжали И.А. Бунин, М.И. Цветаева, Б.К. Зайцев, Н. Тэффи. В течение многих лет она материально поддерживала А.М. Ремизова и его жену С.П. Ремизову-Довгелло, помогала И.С. Шмелеву организовать перевод и издание «Солнца мертвых», расследовала вопрос о «пиратских» изданиях Куприна и Бунина. Пока было возможно, она поддерживала отношения и с писателями из Советской России, о чем свидетельствует письмо к ней К.И. Чуковского с описанием голодной жизни российской интеллигенции и с просьбой о помощи¹⁶.

Семьи Тырковой и Буниных помимо дружеских чувств объединяли общие взгляды на революционные события, убежденное неприятие большевизма. По делам Комитета освобождения России Тыркова нередко приезжала в Париж

¹⁶ Чуковский К.И. — Тырковой-Вильямс А.В. 27 апреля 1822 г. // Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. Приложение II. С. 357–358.

и во время эти визитов всегда бывала у Буниных. О таком посещении свидетельствует, например, запись в дневнике В.Н. Буниной от 14 ноября 1920 г. о Тырковой: «Она горит желанием борьбы»¹⁷. Во время этой встречи Тыркова и Бунины беседовали о взбудораживших эмиграцию очерках Г. Уэллса о большевистской России, где он сообщал европейским читателям об успехах советской власти. Пользовавшийся не только в Англии, но и в Европе огромным авторитетом как автор популярных романов, социальный мыслитель, историк и религиозный философ, Уэллс выступал в роли эксперта по делам России: он приветствовал большевистскую революцию и выступал противником западной интервенции, считая, что молодая страна должна сама решать свои проблемы. Очерки Уэллса о России регулярно печатались в английской газете «Sunday Express» в октябре-ноябре 1920 г. (31 октября, 7, 14, 21 и 28 ноября). В начале 1921 г. вышла в свет книга Уэллса «Россия во мгле» («Russia in the Shadows»), в которой был собран газетный материал, отредактированный автором. Отношение Уэллса к русскому вопросу, его план разрешения «русской проблемы» были близки к тому, к чему склонялось английское правительство во главе с Ллойд Джорджем.

Тыркова и Вильямс познакомились с Уэллсом во время его первого визита в Россию зимой 1914 г.¹⁸. Затем в июне 1918 г. ей и Вильямсу довелось беседовать с ним, но их попытки переубедить его оказались безуспешными. Наталкиваясь на непреодолимое нежелание известного писателя менять сложившиеся убеждения даже под напором фактов, Тыркова

¹⁷ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2. С. 18.

¹⁸ Тыркова-Вильямс А.В. Подъем и крушение. Воспоминания. Том третий. 1914–1918 // Возрождение. Париж, 1956. № 51. С. 97. См. письма Г. Уэллса к Г. Вильямсу от 26 октября и 2 ноября 1920 г. о возвращении из России (Бахметевский архив, Tyrkova-Williams Collection, box 3). См. также: «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 173.

пришла к выводу, что русским придется обходиться без чужой помощи.

Следующий визит Уэллса в Россию состоялся в конце сентября 1920 г. Он путешествовал по русским городам в течение месяца, хотя во всех источниках, в том числе в публикациях самого Уэллса, говорится, что он находился в России пятнадцать дней. В действительности первые десять дней он провел в Петрограде, где остановился в квартире М. Горького на Кронверкском проспекте. Переводчиком Уэллса была секретарь и близкий к М. Горькому человек — М.И. Будберг, а его гидом по городу был К.И. Чуковский. В их компании Уэллс посетил издательство «Всемирная литература», одну из советских школ, бывшее Тенишевское училище, Академию наук, Дом ученых, Эрмитаж и оперу, где ему довелось услышать Ф.И. Шаляпина. Затем писатель отправился в Москву, где находился с 4 по 6 октября и беседовал с Лениным. 7 октября Уэллс выступал в Петроградском Совете. Встреча с Лениным и выступление в советском правительственном органе стали важнейшими вехами визита Уэллса, они вызвали бурную ответную реакцию как в западных кругах, так и в среде русской эмиграции.

До публикации отчетов Уэллса в английской прессе его поездка освещалась в русской эмигрантской печати, корреспонденты которой внимательно просматривали советские газеты. В печати эмиграции появились свидетельства очевидцев: в очерке А.Ф. Даманской в сатирических тонах детально описан прием английского писателя, организованный М. Горьким и его окружением¹⁹.

Резонанс, вызванный очерками Уэллса о России, долго не затухал. Открытое письмо английскому писателю опубликовал Д.С. Мережковский²⁰. С саркастическим предисловием Н.С. Трубецкого вышел в Софии русский перевод книги Уэлл-

¹⁹ Даманская А. Г. Уэллс в Петрограде // Народное дело: Орган Комитета группы социалистов-революционеров Северо-Западной области России. Ревель. 1920. 8 октября. № 55. С. 2.

²⁰ Мережковский Д.С. Письмо Уэллсу // Свобода (Варшава). 1920. 12 декабря. № 125.

са²¹. С разоблачительными воспоминаниями о приеме Уэллса в России выступил А.В. Амфитеатров²².

С ответом Уэллсу выступили известные писатели и публицисты русского зарубежья: И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, Н.С. Трубецкой, А.В. Амфитеатров, А. Даманская. Бунина к полемике с Уэллсом, по всей видимости, привлекла Тыркова. В дневниковой записи от 21 ноября 1920 г., то есть две недели спустя после ее визита, В.Н. Бунина отметила: «Весь день перестукивала статью Яна против Уэллса»²³. На следующий день, 22 ноября, Бунин выслал Тырковой свою статью, сопроводив ее письмом. С этого письма и начинается их переписка, регулярно продолжавшаяся до 1925 г. Статья Бунина называлась «Несколько слов английскому писателю», однако в рукописи заголовок звучал более конкретно: «Мой ответ Уэллсу». По-русски статья вышла в газете «Общее дело»²⁴. Позднее, просматривая газетную публикацию, Бунин внес в нее авторскую правку, датируя ее 24–25 ноября 1921 г.²⁵

28 ноября 1920 г. Тыркова отправила Бунину письмо на бланке Комитета освобождения России в Лондоне. На бланке значится адрес знаменитого центра английской журналистики: Fleet Street. В письме она предлагала внести в статью некоторые изменения для издания в журнале Комитета: «Дорогой Иван Алексеевич, Вашу статью получила, да и в «Общем Деле» ее видела. Очень нелегко было поместить письмо Мережковского. «Times» и «Daily Telegraph» отказали и только одна очень распространенная, но все-таки не лондонская газета напечатала.

²¹ Уэльс Г.Д. Россия во мгле / пер. с англ. с предисл. кн. Н.С. Трубецкого. София, 1921. С. III–XVI.

²² Амфитеатров А.В. Горестные заметы // Новая русская жизнь (Гельсингфорс). 1921. 27 сентября (№ 221); 28 сентября (№ 222). См. также: Амфитеатров А.В. Горестные заметы: Очерки красного Петрограда. Берлин: Грани, 1922. С. 59–74.

²³ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2. С. 18.

²⁴ Бунин И.А. Мой ответ Уэллсу // Общее дело. 1920. 24 ноября. № 132. С. 2; 1920. 25 ноября. № 133. С. 2.

²⁵ Leeds Russian Archive. Русский архив в Лидсе. Фонд И.А. Бунина.

Поэтому я и за Вашу побаиваюсь. Но все-таки мы хотим ее видеть в английской прессе и стараемся это устроить, тем более, что Вы даете право сократить. Конец сильнее начала и потому сокращать придется первую часть»²⁶.

Одни из первых откликов в периодике русского зарубежья на сообщения в печати о визите Уэллса в Россию появились в журнале Комитета освобождения «The New Russia», который издавался в Лондоне под редакцией П.Н. Милюкова и при активном участии А.В. Тырковой. Первая публикация появилась в октябрьском номере 3-его тома журнала за 1920 г. под заголовком «Россия глазами англичанина: наивности г-на Уэллса» (№ 38 (October 21). P. 250). В ноябрьских номерах опубликованы ответы на газетные публикации Уэллса. Весь номер за 4 ноября озаглавлен «Узость взглядов г-на Уэллса» и содержит две публикации: «Обозрение недели. Г-н Уэллс: крах большевизма» (№ 40 (November 4). P. 289), и «Россия глазами англичанина: Первая статья г-на Уэллса» (Ibid. P. 308–311). В следующих номерах под рубрикой «Обозрение недели» опубликованы отклики на последовавшие статьи Уэллса: «Г-н Уэллс, Горький и Шаляпин: Вторая статья» (№ 41 (November 11). P. 326), «Дилетантизм г-на Уэллса: Третья статья» (№ 42 (November 18). P. 357), «Гнев г-на Уэллса: Четвертая статья» (№ 43 (November 25). P. 394).

Статью, предназначавшуюся для журнала «The New Russia», Бунин выслал Тырковой 22 ноября, сопроводив ее письмом, в котором заметил: «Возразить ему было очень трудно, я сделал, что возможно»²⁷. Привести точные библиографические сведе-

²⁶ Тыркова А.В. — Бунину И.А. 28 ноября 1920 г. // Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 348. В указанной публикации письма А.В. Тырковой-Вильямс к И.А. Бунину за 1920–1933 гг. опубликованы впервые по оригиналам, хранящимся в Русском архиве города Лидса (Англия) (Leeds Russian Archive. MS 1066). В приложениях даются письма А.И. Куприна и К.И. Чуковского к А.В. Тырковой, хранящиеся в архиве Г. Вильямса в Отделе рукописей Библиотеки Британского музея (The British Museum. H. Williams Papers).

²⁷ «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 165–192.

ния о публикации очерка Бунина сложно: статья печаталась без подписи в переводе на английский, притом среди выступлений других авторов, также не подписанных. Участие Бунина отмечено в предисловии. В предшествующих номерах того же журнала нашли отражение частные беседы Бунина с Тырковой: характер этих бесед проявляется в характеристиках, развенчивающих Уэллса. В первом обозрении, за октябрь, можно отметить характерные определения, которые давал Уэллсу Бунин. Например выражение «наивности г-на Уэллса», использованное в названии публикации, явно было заимствовано из статьи Бунина, который писал: «...мне было стыдно за наивности этого туриста, совершившего прогулку к “хижинам кафров”, в гости к одному из людоедских царьков...»²⁸.

В своем письме Тыркова спрашивает Бунина: «Что Вы думаете о приезде Горького? Как собираетесь его приветствовать?» Весть о приезде М. Горького в Европу получила распространение в среде эмиграции, видимо, в результате его выступлений в печати против методов правления большевиков. В цикле статей «Несвоевременные мысли», публиковавшихся в газете «Новая жизнь», Горький публицистически остро осуждал методы большевиков, так что возникал вопрос, не опасно ли с такими политическими взглядами оставаться в России. В 1920 г. писатель не планировал уезжать из России, но на этом настаивал В.И. Ленин, главный довод которого заключался в том, что Горькому необходимо лечиться. Не исключено, что вождь большевиков задумывался и о безопасности писателя. Так или иначе, в октябре 1921 г. Горький выехал из России²⁹. Однако на этом этапе

Ссылка в этой публикации на номер и страницы журнала «The New Russia», где появились ответы Бунина, неточна: том 3, № 40, на который ссылается автор, вышел 4 ноября 1920 г., то есть до того, как Бунин выслал свою статью. Если Бунин отправил статью 22 ноября, то она могла быть опубликована не ранее 25 числа этого месяца, то есть в № 43.

²⁸ Бунин И.А. Несколько слов английскому писателю // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 1998. С. 84–85.

²⁹ Летопись жизни и творчества М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. 772 с.

у Бунина уже не было тех дружеских и творческих отношений с Горьким, которые связывали их до революции в России и на Капри. Из прежних друзей они стали политическими врагами, а впоследствии также и соперниками в борьбе за Нобелевскую премию.

Тыркова сыграла важную роль в знакомстве англичан с творчеством Бунина. В середине декабря 1920 г. в Париже вышел в свет сборник рассказов Бунина, написанных в 1915–1916 гг. Название сборнику дал рассказ «Господин из Сан-Франциско». Помимо заглавного, в него вошли рассказы: «Казимир Станиславович», «Аглая», «Песня о Гоце», «Сын», «Грамматика любви», «Клаша», «Легкое дыхание» и стихотворения³⁰. Вскоре был опубликован перевод этого сборника на французский язык³¹. В английской печати появился отклик на русское издание сборника, но Бунин, судя по переписке с Тырковой, об этом не знал. В январе 1922 г. он отправил французский перевод Тырковой в Лондон. В письме от 7 января 1922 г. он писал ей: «Посылаю Вам свою книгу на французском языке. Полюбопытствуйте посмотреть ее немного и, если возможно, сделайте милость, поддержите соотечественника, жаждущего никак не славы, но единственно заработка: устройте заметку, статейку в «Times» — там, говорят, отзываются иногда и на французские книги, — может быть, это подействует на какого-либо английского издателя и он купит у меня книжечку для перевода на английский язык...»³²

Писатель хотел, чтобы его сборник — лучшее, по его мнению, что было им создано до революции — был переведен на английский и получил отклик в английской критике. Тем са-

³⁰ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 г. Париж: Imprimerie «Union», 1920 [на титуле], 1921 [на обложке]. По всей видимости, это была перепечатка русского издания: Бунин И.А. Собр. соч. Пг.: Парус, 1918. Т. 10: Произведения 1915–1916 гг.

³¹ *Le Monsieur de San Francisco*, par Ivan Bounine. Traduit par Maurice, avec un portrait de l'auteur par Bakst. Paris: Edition Bossard, 1921.

³² «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // *Минувшее. Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 173.

мым он рассчитывал найти выход к западному читателю и в то же время поправить свое финансовое положение. Книгу он отправил Тырковой во французском переводе, справедливо полагая, что английского переводчика или рецензента с хорошим знанием русского языка найти трудно. В ответном письме от 11 января 1922 г. Тыркова благодарила его: «Издано красиво, приятно в руках держать»³³. Тыркова сообщала Бунину о рецензии, опубликованной в литературном приложении к «Таймс» за 18 августа 1921 г.³⁴ Рецензии на книги, по традиции этого приложения (*The Times Literary Supplement*), публиковались без подписи, однако читатели, как правило знатоки и ценители стиля, должны были узнавать автора «по почерку». Лексический анализ этой рецензии убеждает в том, что ее авторство принадлежит Дж.М. Марри³⁵. Рассказ «Господин из Сан-Франциско» оценивается в ней как «очень характерный для стиля автора», другие произведения сборника автор относит к «лучшим рассказам последних лет». Рецензия включает также краткий очерк творческой биографии писателя.

Отвечая на просьбу Бунина найти для сборника переводчика, Тыркова предупреждала, что в Англии «переводы очень много съедают», то есть стоят дорого. И все же она смотрела на дело оптимистически: «Муж даст эту книжку английскому романисту, который состоит литературным редактором книжной фирмы, печатающей переводы Чехова». Тыркова высоко оценивала это издательство: «Фирма серьезная, дело с ними иметь стоит». Этим издателем был Ленард Вулф — муж Вирджинии Вулф, известный в то время мемуарист и эссеист. Издательство «Хогарт-пресс» («*The Hogarth Press*») было общим детищем Вулфов. Создавая его, Л. Вулф заботился, главным об-

³³ Тыркова-Вильямс А.В. — Бунину И.А. 11 января 1922 г. // Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 349.

³⁴ *Russian Short Stories // The Times Literary Supplement*. 1921. 18 August (Thursday). P. 530.

³⁵ [Рец. Анон.] *Russian Short Stories // The Times Literary Supplement*. 1921. 18 August (Thursday). P. 530. О рецензиях Марри см. далее в статье.

разом, о том, чтобы его жене не приходилось обивать пороги редакций и издательств, но всегда была возможность издавать свои произведения без вмешательства редакторов. Издательство не было прибыльным, в нем малыми тиражами выходили избранные произведения для избранных читателей. По сути это было издание уникальных книг для библиофилов. Выбор и подготовку изданий осуществляли сами Вулфы. В оформлении книг принимала участие сестра писательницы художница Ванесса Белл. В годы повышенного интереса англичан к русской литературе Вулфы в своем увлечении пошли дальше многих читателей: они изучали русский язык и принимали участие в подготовке переводов. Несмотря на скромные возможности и ограниченные тиражи издательства, в нем вышел целый ряд значимых произведений, среди них: «Житие» Аввакума с предисловием Д.П. Святополк-Мирского, письма Л. Толстого, мемуары А.Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», записные книжки А.П. Чехова, «Тьма» Л. Андреева, «Зависть» Ю. Олеши, воспоминания М. Горького о Чехове и Толстом. В «Хогарт-пресс» вышло также несколько изданий произведений Бунина. Эти «пиратские» издания, осуществленные без согласия и участия автора, как раз и вызвали его негодование. Об этих незаконных изданиях, об авторских правах и гонорарах идет речь в переписке Бунина с Тырковой.

В подготовке первого из переводных изданий Бунина принял участие Д.Г. Лоуренс, в то время романист с европейской известностью. Первый раз в переписке Лоуренса с его русским другом С.С. Котелянским рассказы Бунина упоминаются 4 июня 1921 г. В ответ на предложение Котелянского совместно перевести рассказ Бунина Лоуренс писал: «Сообщи, сколько слов в рассказе, и какому издателю ты собираешься его предложить»³⁶. Несколько дней спустя, 9 июня, он напоминает: «Пришли мне эти два рассказа, и я наброшусь на них немедленно»³⁷. 16 июня он пишет: «Прочел “Господин из Сан-Франциско” — и несмо-

³⁶ The Letters of D.H. Lawrence / ed. by Warren Roberts, James T. Boulton and Elizabeth Mansfield. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Vol. IV: June 1921 – March 1924. P. 23.

³⁷ Ibid.

тря на его траурный тон, от удовольствия расплываюсь в улыбке. Не тот ли это Бунин, из горьковско-каприйской компании? Или он только бывал наездами? Однако же о Капри и Неаполе — чертовски хорошо: до смешного похоже, разве что чуть-чуть слишком серьезно»³⁸.

Русская литература интересовала Лоуренса с юности: в разные периоды своей жизни он с увлечением читал Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, а также своих современников М. Горького, Л. Андреева, А. Арцыбашева, А. Куприна и многих других. Благодаря посредничеству Котелянского Лоуренс оказался одним из первых английских писателей, оценивших талант Бунина и даже испытавших на себе его влияние. О горьковском окружении и о Бунине Лоуренс мог первый раз услышать от русских знакомых, с которыми он общался в Италии. С октября 1913 г. до июня 1914 г. он жил в курортном городе Леричи, неподалеку от Леванто, где обитала русская колония, в том числе семейство Амфитеатровых. В доме Амфитеатрова собирались писатели и художники, это был своего рода международный литературный салон. Бывал там и Лоуренс. Русские из Леванто наносили ему ответные визиты. От них он мог узнать о «каприйской колонии» М. Горького, а также о Бунине, который в те годы бывал на Капри.

В рассказе «Господин из Сан-Франциско» Бунин описал хорошо знакомую Лоуренсу курортную обстановку: знакомство с этой атмосферой на собственном опыте помогло английскому писателю оценить талант русского собрата по перу. Рассказ, предложенный ему Котелянским, Лоуренсу понравился, и он быстро закончил редакторскую работу над переводом. По существу эта работа состояла в том, чтобы заново переписать текст Котелянского, английский язык которого был далек от совершенства. 30 июля Лоуренс выслал рукопись своего перевода редактору журнала «The Dial» С. Тайеру (Scofield Thayer). В сопроводительном письме он писал, что посылает ему для публикации рассказ, «переведенный с русского бунинского языка моим другом Котелянским и отшлифованный мной так, что его

³⁸ Ibid. P. 37.

можно читать по-английски»³⁹. В качестве рекомендации он добавил: «Зная на собственном опыте Неаполь и Капри, нахожу в этом рассказе великолепное отражение оборотной стороны медали»⁴⁰. Под оборотной стороной медали Лоуренс имеет в виду трагические проблемы жизни, которых старается не замечать толпа отдыхающих.

14 января 1922 г. Лоуренс сообщил Котелянскому, что журнал «The Dial» с рассказом Бунина вышел в свет. Котелянский тем временем готовил к изданию еще несколько рассказов Бунина для сборника издательства «Хогарт-пресс»: «Легкое дыхание», «Казимир Станиславович» и «Сын». В переводческой подготовке этих рассказов ему помогал Л.Вулф. В мае 1922 г. сборник вышел в свет тиражом в 1000 экземпляров под названием «Господин из Сан-Франциско». На титульном листе книги в качестве переводчиков значатся С. Котелянский и Л. Вулф, однако в прилагаемом листке исправлений сообщается, что в работе над переводом заглавного рассказа принял участие Лоуренс⁴¹. Рецензенты единодушно отмечали блестящий уровень перевода Лоуренса и Котелянского⁴². Эта оценка не устарела спустя много лет, после того как появились новые переводы.

В июле 1922 г. Бунин выслал Тырковой сборник своих рассказов «Начальная любовь», изданный в Праге в 1921 г.⁴³

³⁹ Ibid. P. 58.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ The Gentleman from San Francisco and Other Stories by I.A. Bunin. Translated from the Russian by S.S. Koteliensky and Leonard Woolf. Published by Leonard & Virginia Woolf at the Hogarth Press, Paradise Road, Richmond, 1922. Во втором издании, вышедшем в том же издательстве в 1934 г., на обложке значатся все участники: Translated from the Russian by D.H. Lawrence, S.S. Koteliensky & Leonard Woolf, а в преамбуле уточняется, над какими именно рассказами они работали.

⁴² Перевод проанализирован в статье: *Fetzer L.* The Bunin — S.S. Koteliensky — D.H. Lawrence — Leonard Woolf Version of “The Gentleman from San Francisco” // *Virginia Woolf Quarterly*. 1973. Summer. № 4. P. 31–46.

⁴³ Бунин Ив. Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921. В сборник вошли рассказы 1890–1900-х гг., открывался он рассказом «Антоновские яблоки». По всей видимости, Тыркова читала именно это издание.

В письме, датированном 14 июля 1922 г., он сообщал также, что получил письмо от Р. Роллана, где тот давал высшую оценку его творчеству. Бунин писал: «Представляете — неожиданно письмо от Р. Роллана! Называет меня гением...»⁴⁴. Тыркова писала в ответ: «Читала вчера вечером “Антоновские яблоки” и пахло осенним садом, ржаной соломой, старым домом, дворянско-мужицкой Русью, всем любимым, близким и едва ли не живым вопреки всем ВЦИКом. Спасибо Вам. Никогда Р. Роллан так не писал и не напишет. У него психологическая публицистика, народный университет, для безболезненного усвоения *dernier cri*⁴⁵ в искусстве и психологии. А у Вас — вкус холодного яблока, забытого в траве ... Но все-таки хорошо, что он Вам написал. Так и надо, давно так надо было»⁴⁶.

Роллан называл Бунина гениальным художником также в письмах к другим адресатам, в частности, к Луизе Круппи от 20 мая 1920 г.⁴⁷. Свое мнение о Бунине он высказал в письме к М.А. Алданову: «Конечно, я восхищаюсь Иваном Буниным. С моей точки зрения, это один из крупнейших художников нашего времени»⁴⁸. Давая такие оценки, Роллан как будто предлагал обсудить вопрос о выдвижении Бунина на Нобелевскую премию. Но вот что удивительно, в этом же письме Роллан добавляет фразу, которая опровергает это предположение: «Если бы был выдвинут Горький, то я прежде всего голосовал бы за него». В результате мучительных сомнений Роллан предложил выдвинуть Бунина и Горького одновременно: видимо,

⁴⁴ «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 179. Бунин имел в виду письмо Р. Роллана от 10 июня 1922 г.

⁴⁵ Фр. «последний крик».

⁴⁶ Тыркова А.В. — Бунину И.А. 16 июля 1922 г. // Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 352.

⁴⁷ Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 375.

⁴⁸ *Бабореко А.К.* И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917 / 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983. С. 282.

он плохо представлял себе отношения внутри эмигрантской литературной и политической среды.

Незадолго до выхода в свет английского издания сборника Бунина в литературном приложении к «Таймс» от 20 апреля 1922 г. была опубликована большая по объему неподписанная рецензия на французское издание рассказов, о которой уже говорилось выше⁴⁹. Тыркова предположила, что ее автором был С.С. Котелянский. Однако она не владела английским языком в достаточной степени, чтобы лексически проанализировать этот текст. В рецензии в глаза бросается прежде всего тот факт, что на бунинское творчество в целом рецензент смотрит как представитель иного национального менталитета. «Писатель выворачивает нам голову, — пишет он, — так смотреть на мир, как смотрит он, нам неудобно». Раскрывая видение мира Бунина и анализируя его отношение к жизни, критик проводил параллели с известными английскому читателю авторами — Бодлером, Флобером, Ницше и Достоевским. Оценивая стиль и масштаб дарования Бунина, он сопоставлял его также с популярным в Англии Чеховым.

И весь характер литературного анализа, и стиль рецензии указывают на авторство Дж. Миддлтона Марри, редактора литературного журнала «Атенеум», одного из ведущих специалистов по русской литературе в Англии. Увлечение русской литературой захватило и его жену, писательницу Кэтрин Мэнсфилд: она читала русских авторов в переводе, испытала серьезное влияние Чехова, любила рассказы Куприна. Инициатором привлечения К. Мэнсфилд и Дж.М. Марри к переводческой и рецензионной работе был, как и в других случаях, С. Котелянский. В журнале Марри «Athenaeum» были опубликованы совместные переводы Котелянского и Мэнсфилд. В них использовалась та же техника, которая применялась в работе с Лоуренсом и Вулфами: Котелянский писал свой подстрочник на экзотическом английском языке, а англичане переводили его на собственный, высоко художественный английский.

⁴⁹ The Stories of Ivan Bunin: Le Monsieur de San Francisco / traduit du Russe par Maurice. Paris: Edition Bossard, 1921 // The Times Literary Supplement. 1922. 20 April (Thursday). P. 200.

Котелянский послужил посредником в расширении связей Мэнсфилд и Марри с русской диаспорой. Трагическим поводом к усилению этих контактов была болезнь Мэнсфилд. В мае 1922 г. вместе с Марри она отправилась в Париж для консультации с известным русским врачом И.И. Манухиным, лечившим М. Горького от туберкулеза. По всей видимости, к этому известному в то время русскому врачу им посоветовал обратиться все тот же Котелянский, он же составил для них план встреч с русскими писателями, жившими в Париже. Во время этих встреч было задумано прояснить правовые и финансовые проблемы, возникавшие в связи с переводами и публикацией их произведений. Во время этого визита Мэнсфилд и Марри познакомились с Буниным. Тогда-то и выяснилось, кто был автором публикаций в литературном приложении к «Таймс».

16 мая Бунин писал Тырковой: «Из статьи обо мне в “Times” и от J. Middleton Murry, с которым я вчера случайно познакомился и который оказался автором этой статьи, я узнал, что меня переводят на английский язык гг. Lawrence и Koteliansky, что уже кем-то издана книжка их переводов... Дорогая Ариадна Владимировна, где же Бог, простая справедливость и пр. и пр.! За что, по какому праву нас переводят, издают, не только ничего не платя нам, но даже не спрашивая нас?!»⁵⁰.

Новость о том, что кто-то издал рассказы Куприна без ведома автора, тоже возмутила Бунина. Он пишет далее: «Кто-то издал Куприна «Sashia»⁵¹ <...> Мы все вас просим: сделайте что-нибудь,

⁵⁰ Бунин И.А. — Тырковой-Вильямс А.В. 16 мая 1922 г. («Вы — друг старый и верный...») Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / publ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 177).

⁵¹ Речь идет о переводе на английский рассказа А.И. Куприна «Гамбринус» (первая публикация — 1907 г., в журнале «Современный мир», № 2). Он вышел в Англии в 1920 г. в составе сборника под названием «Саша и другие рассказы» (*Kuprin A. Sasha, and other stories / transl. by D. Ashby. London: Stanley Paul, 1920*). Переводчик Д. Эшби (D. Ashby) дал название сборнику по имени героя рассказа скрипача Сашки. Под своим оригинальным названием рассказ «Гамбринус» был издан в 1926 г. в Америке в переводе Б.Г. Герни.

чтобы защитить нас, чтобы пристыдить и через печать, что ли, — раз кто пользуется нашим бедственным положением!»⁵². В своем письме Бунин упоминает рецензию в «Таймс» от 20 апреля, в которой сообщается о публикации перевода Лоуренса и Котелянского в журнале «The Dial». О готовящемся издании этой книги Марри мог сообщить Бунину устно.

На следующий день, 17 мая 1922 г., в газете «Таймс» появилась рецензия Марри на издание английского перевода сборника Бунина в издательстве «Хогарт-пресс». Рассказ «Господин из Сан-Франциско» рецензент определил как «несомненно наиболее значительный в этом собрании», тогда как другие рассказы в сравнении с ним он счел менее весомыми⁵³. Тыркова получила письмо Бунина в тот же день, что и номер газеты «Таймс» с этой рецензией. Она предполагала, что автором рецензии был переводчик Котелянский и решила выяснить у него, по какому праву произведения здравствующих русских писателей выходят в переводе без выплаты им гонораров. Ответ она получила не сразу. Котелянский писал ей в письме от 27 мая 1922 г.:

«Глубокоуважаемая Госпожа Тыркова,

Ваше письмо от 17 мая я получил только сегодня утром и немедленно отвечаю. Руководимый тем же побуждением, что вызвало Ваше письмо ко мне, я несколько месяцев тому назад предложил моему английскому издателю написать И.А. Бунину и просить у него, за известную сумму, авторизацию на английский перевод тех четырех рассказов Бунина, которые появи-

⁵² «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 177.

⁵³ Bunin Ivan // The Times. 1922. 17 May. P. 16. Месяц спустя большая рецензия Марри на издание английского сборника появилась в газете «The Nation and the Athenaeum» (*J. Middleton Murrey*. Ivan Bunin // The Nation & the Athenaeum. 1922. 24 June. P. 444). В следующем году рецензии на сборник были опубликованы в журналах «The Dial» (1923. April. № 74. P. 413), «International Book Review» (1923. April. P. 54), «Freeman» (1923. June. P. 760). Эти рецензии освещены в упомянутой выше статье L. Fetzter (*Virginia Woolf Quarterly*. 1973. № 4).

лись в России несколько лет тому назад, и вышедшие недавно в английском переводе в издательстве «Hogarth Press». Мой издатель L.S. Woolf, писал И. Бунину, предложив ему права на авторизацию, но ответа никакого не получил.

Хотя английский издатель и не обязан платить ничего автору, точно так же как и русские издатели и переводчики не платят европейским авторам. Все же я думаю, что если Doctor Harold Williams напишет L.S. Woolf'у и укажет ему, что по мотивам справедливости И. Бунину полагается гонорар, то я полагаю, что г. Woolf не откажется установить то или иное Royalty⁵⁴ в вышедшей книжке рассказов. Со своей стороны я буду просить г. Woolf'a об этом же, и надеюсь на благоприятный результат.

Готовый к услугам, С. Котелянский»⁵⁵.

Тыркова, как значится в пометке на этом письме ее рукой, ответила Котелянскому 30 мая 1922 г. Однако дело не скоро двинулось с места. Бунин сообщал Тырковой 10 июня 1922: «Г-н Woolf ни разу не писал мне — по крайней мере я никогда от него никаких писем не получал»⁵⁶. Дело было в том, что английские издатели ориентировались на закон об авторских правах, разрешавший перевод и публикацию произведений, вышедших в свет до 1911 г. Этот закон предоставлял издателям безграничную свободу и финансовые выгоды. С юридической стороны их право было защищено, и редко кто из них признавал, что этот закон нарушает права писателей, и что с этической точки зрения проблема издания надо было решать с обоюдного согласия. В конце мая — начале июня 1922 г. Котелянский вел переговоры с М. Горьким по поводу перевода его воспоминаний о Л. Андрееве⁵⁷. В письме

⁵⁴ Royalty — англ., гонорар.

⁵⁵ Котелянский С.С. — Тырковой-Вильямс А.В. 27 мая 1922 г. The British Museum, ADD MS 54 440; 192.

⁵⁶ Бунин И.А. — Тырковой-Вильямс А.В. 10 июня 1922 г. («Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 178).

⁵⁷ Котелянский С.С. — М. Горькому. 3 июня 1922 г. // Летопись жизни и творчества М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 77.

оговариваются вопросы гонорара. Исходя из этого «прецедента», владельцы «Хогарт-пресс» должны были предложить гонорар и Бунину. Два месяца спустя, в письме от 7 августа 1922 г. Бунин сообщал Тырковой, что наконец получил от издателя Л. Вулфа письмо с предложением выплатить ему аванс в пять фунтов стерлингов (по тем временам значительно более существенная сумма, чем в наши дни), а затем выплачивать ему десять процентов дохода от продажи книги. Бунин просил у Тырковой совета: «Я согласен получить эту сумму — лучше, чем ничего — но этой получкой не узаконю ли я его право издавать мою книгу сколько угодно и навеки?»⁵⁸.

В апреле 1923 г. Бунин обратился к Тырковой и Вильямсу с новой жалобой: он узнал, что по-английски вышли его воспоминания о Чехове, а в Америке его сборник «Господин из Сан-Франциско» опубликован в нью-йоркском издательстве Томаса Зельцера (Thomas Zeltzer). Это был сборник тех же рассказов и в тех же переводах, что вышли в издательстве «Хогарт-пресс». Бунин писал: «Значит, этот мерзавец Woolf, заплативший мне по Вашему настоянию за свое ричмондское издание *пять фунтов*, продал теперь мою, т. е. ворованную чужую книгу какому-то другому мерзавцу — Фоме Зельцеру! А мой американский издатель Кпорф рвет и мечет: «После этого я не могу ни у кого из русских писателей покупать книг — они не умеют защищать своих прав!» Помогите, защитите, дорогие!»⁵⁹

Как бы то ни было, невыплата гонораров для писателя компенсировалось тем, что благодаря переводам и положительным откликам в периодической печати, с его творчеством познакомилась английские и американские читатели. Бунин тщательно собирал вырезки рецензий и даже выписывал перевод отдельных фраз и абзацев⁶⁰.

⁵⁸ Бунин И.А. — Тырковой-Вильямс А.В. 7 августа 1922 г. («Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 177).

⁵⁹ Там же. С. 185.

⁶⁰ *Бабореко А.К.* И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917 / 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983. С. 274–275, 281.

Попытки распространять свои произведения и получать отклики на них в Англии были важны для Бунина не только сами по себе: международная известность была важнейшим условием получения Нобелевской премии, которая помогла бы ему решить материальные проблемы и обеспечить ему свободу для творческой работы. Задаче завоевания места в международной писательской среде мог бы послужить и визит в Англию. В конце апреля 1922 г. Бунин обратился к Тырковой от своего имени и от имени Куприна, с просьбой помочь ему организовать его выступление в Лондоне: «...Сейчас у меня был А.И. Куприн и мы решили беспокоить Вас просьбой сообщить нам: что вышло бы, если бы мы приехали в Лондон прочесть наши новые рассказы? Собралась ли бы публика на нас? Собрали ли бы мы что-нибудь на нашу бедность? Есть ли человек, который устроил бы нам такой вечер?»⁶¹

Тыркова писала ему в ответ 6 мая: «Дорогой Иван Алексеевич, чтобы ответить Вам и Куприну, надо прежде всего знать, какая минимальная сумма гонорара, из-за которой стоит вам ехать? Ведь у нас колония небольшая. Можно устроить так, чтобы расходов было мало. Думаю, что дадут зал в посольстве, значит бесплатно. Но все-таки расходы кой-какие будут. И проезд стоит. Вы все-таки подсчитайте сколько нужно собрать фунтов по меньшей мере и напишите сразу. Лично я была бы очень рада и видеть, и слышать вас обоих. Но моя радость — это еще не гонорар»⁶².

История визита Бунина в Англию связана с несколькими центрами русской эмиграции в Лондоне. Важнейшим из них был Русский дом, возникший на месте русского посольства и консульства. Русский дом объединял эмигрантов различных политических ориентаций. В сентябре 1919 г. пост поверенно-

⁶¹ «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 176.

⁶² Тыркова-Вильямс А.В. — Бунину И.А. 6 мая [1922] (Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 351).

го в делах России, занимал Е.В. Саблин, сменивший К.Д. Набокова. Это положение он сохранял до признания Великобританией Советского государства де-факто в 1921 г., однако здание посольства оставалось оплотом небольшевистской России до официального признания Англией Советской России в 1924 г. После своей отставки Саблин стал представителем русских эмигрантов в фонде Нансена и возглавил эмигрантскую колонию в Лондоне. В 1924 г. он приобрел на свои средства дом в Кенсингтоне, посольском квартале Лондона — «Королевской слободе». Этот особняк стал центром русской культуры и как раз тогда получил название «Русский Дом». В нем проводились встречи с писателями из разных центров русского рассеяния, выступали с чтением своих произведений, М.И. Цветаева, Б.К. Зайцев, М. Алданов, Н. Тэффи, В.В. Набоков, пел Ф.И. Шаляпин. В Русский дом приезжали для чтения лекций и выступлений политики и философы, велись политические дискуссии. Именно этот дом и предстояло посетить Бунину. Тыркова описывает в письмах условия визита, однако Бунина они не слишком вдохновляют. В середине мая 1922 г. он писал Тырковой: «Я, подумав, решил отказаться от этой авантюры — поездки в Лондон. Чувствую по Вашему письму, что наши надежды — заработать тысячи по 3 франков — неосуществимы. А сколько возни с визами! А сколько хлопот Вам! Нет — до осени, коли живы будем. Спасибо Вам за Вашу неизменную доброту ко мне. Она меня трогает тем более, что очень мое сердце, очень расположено к Вам»⁶³.

В переписке за 1923 г. Бунин не раз обращался к Тырковой с просьбой помочь добиться выплаты гонорара от американских издателей и получить пособие у какого-либо американского миллионера, например, Форда. Тыркова пыталась ему помочь, советовала ему обратиться к Б.А. Бахметьеву (1880–1951), который с 1917 до 1922 г. до признания Америкой правительства большевиков, являлся послом России в США. Ученый и поли-

⁶³ «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 176.

тик с мировым именем, он не раз помогал русским эмигрантам устроить свою жизнь в Америке, явился инициатором создания, а затем главой Российского гуманитарного фонда в США.

В 1924 г. Тыркова получила от Бунина сборник рассказов «Роза Иерихона»⁶⁴, изданный в Берлине. 11 декабря она писала ему: «Дорогой Иван Алексеевич, Вы меня своей “Розой” тронули. Еще не читала, даже не разрешила, но вперед радуюсь. И хорошо думать, что Вы ко мне по-дружески относитесь. Рассыпало нас по Европе и когда услышишь родную речь, становится теплее. А я эти дни от густого тумана нашего даже съежилась. В поле бес нас водит видно ...»

Но сейчас по Вашу сторону Ламанша бесам большее раздолье, чем у нас. Крутится колесо истории, но я вопреки туману, верю, что когда-нибудь оно раздавит этих дьяволов.

Только, по совести человеческой, хочется знать — когда же, Господи?

Авось попадем после Рождества в Париж, тогда увидимся. У меня дочь перебралась в Париж, т.е. и приманка лишняя есть»⁶⁵.

Тыркова считала, что «по ту сторону Ламанша», то есть во Франции, было больше раздолья для разного рода леворадикальных идеологов, которых она по русской традиции, называла «бесами». В серии своих статей «Письма из Англии», печатавшихся в парижской газете «Возрождение», Тыркова анализировала влияние коммунистической идеологии на английских политиков и писателей. В статье под названием «Мелкие бесы» она писала о Бернардe Шоу и Анатоле Франсе: «В них обоих копошатся мелкие бесы, верные проводники большевизма»⁶⁶. В то же время Тыркова наблюдала в среде ан-

⁶⁴ Бунин И. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. В сборник вошли рассказы: «Сны Чанга», «Петлистые уши», «Соотечественник», «Готами» и другие, а также ряд стихотворений.

⁶⁵ Тыркова-Вильямс А.В. — Бунину И.А. 11 декабря 1924 г. (Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 354).

⁶⁶ Тыркова А.В. Мелкие бесы // Возрождение. 1925. 17 июня. № 15. С. 2.

глийских социалистов и в рабочей среде настойчивое стремление отмежеваться от коммунистов, заигрывавших с представителями советской власти. Во Франции, считала она, напротив, рост коммунистического влияния ничем не сдерживался. Кроме того, и в среде русской эмиграции наблюдалось брожение умов, находившее выход в таких течениях, как, например, евразийство и сменовеховство.

В 1923 г. Р. Роллан выдвинул кандидатуру Бунина на соискание Нобелевской премии. Узнав об этом, Бунин обратился к А.В. Тырковой: «Вы — друг старый и верный, разрешите мне это несколько нескромное письмо (которое пусть останется между нами). Узнал, что Ромэн Роллан (Romain Rolland — известный романист), пользуясь своим правом человека, уже получившего в свое время Нобелевскую премию⁶⁷, выставил меня кандидатом на эту премию (на 1923 г.) <...>. Но нужна помощь всему этому делу и со стороны европейской прессы, ибо *международной толпе* я еще не известен — главное, не известно, какого именно веса числюсь я в России. Дорогая, не поможете ли мне статейкой обо мне в «Таймс», хотя бы самой маленькой? Предлог — то, что меня, дай Бог не сглазить, стали много переводить: в Америке скоро выйдет два моих тома; идут разговоры с Японией; первый том моих сочинений по-немецки (издательство Фишера) разошелся в *три недели*; о французах Вы знаете; шведы тоже переводят... Простите — и поймите меня: не в славе дело, а в голоде. Премия была бы спасением. За переводы получаю все же гроши»⁶⁸.

Тыркова ответила 19 апреля 1923 г.: «Хочу продвинуть в “Literary Supplement” статью о Вас. Не знаю, удастся ли. Мне с ними не везет. Но думаю, что для премии это было бы полезно»⁶⁹. Но на этот раз, как и в последующие годы, у Буни-

⁶⁷ Р. Роллан был удостоен Нобелевской премии в 1915 г.

⁶⁸ «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 182–183.

⁶⁹ Тыркова-Вильямс А.В. — Бунину И.А. 19 апреля 1923 г. (Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч.

на оказалось много европейских соперников, с которыми ему, эмигранту, трудно было соревноваться. Одним из таких именитых соперников оказался Джон Голсуорси. 7 марта 1923 г. Бунин писал Тырковой: «...Право, ему-то, обремененному фунтами, было бы гораздо легче подождать 1924 г., чем мне, обремененному только сантиметрами!»⁷⁰. Однако в 1923 г. премию получил не Голсуорси, а У.-Б. Йейтс⁷¹.

В течение десяти лет в кругах русской эмиграции велась долгая и сложная борьба за Нобелевскую премию. Наиболее актуальными считались кандидатуры М. Горького и Д.С. Мережковского, творчество которых было хорошо известно в Европе по переводам и рецензиям. По примеру Р. Роллана выдвигались предложения вручить премию одновременно двум или нескольким русским писателям эмиграции, например М. Горькому и Бунину, или Куприну и Мережковскому, но эти идеи, естественно, не получили поддержки со стороны кандидатов на награду. Такая «пара», как Бунин и Горький для русских звучала абсурдно, но европейцам было трудно понять отношения писателей, принадлежавших к разным политическим лагерям.

В 1925 г. Бунин получил приглашение от ПЕН-клуба, международной писательской организации, которая была создана в Англии в 1921 г. писательницей Э. Доусон-Скотт. В задачи

О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 353). 20 апреля в «The Times Literary Supplement» (литературном приложении к газете «The Times») вышла статья Дж. Миддлтона Марри, опубликованная по правилам этого издания, без подписи.

⁷⁰ Бунин А.И. — Тырковой-Вильямс А.В. 7 марта 1923 г. («Вы — друг старый и верный...») Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1994. Вып. 15. С. 183). Дж. Голсуорси был удостоен Нобелевской премии в 1932 г., за год до Бунина, а в 1923 г. лауреатом премии стал ирландский поэт У.-Б. Йейтс.

⁷¹ О получении Буниным Нобелевской премии см.: *Бонгард-Левин Г.М.* Кто вправе увенчивать? // Наше наследие. 2001. № 59–60. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6017.php> (дата обращения: 5.08.2021); *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1950). Köln; München: Böhlau Verlag, 2007. 626 с.

ПЕН-клуба входило объединение писателей разных стран и защита их авторских прав. В ПЕН-клуб в качестве почетного члена был принят М. Горький, который, однако, ни разу не принял приглашения принять участие в торжественных заседаниях и приемах клуба. Летом 1923 г. вместо М. Горького на заседание клуба явился Б. Пильняк и выступил с предложением открыть отделение клуба в России⁷². Руководство клуба обратилось за советом по этому вопросу к четырем авторитетным русским писателям, среди которых был и Бунин. Однако все они — М. Горький, Бунин, Мережковский, Куприн — каждый со своей стороны заявили, что открытие русского писательского центра, в который бы входили одновременно писатели эмиграции и Советской России, — абсолютно невозможно.

Из-за проблем с «русским вопросом», в 1925 г. чествование в ПЕН-клубе русского писателя-эмигранта не было «удобным» для организаторов, стремившихся избегать политически окрашенных мероприятий. Скорее всего оказаться гостем ПЕН-клуба Бунину помогли Тыркова и Вильямс. Воспоминания сына Тырковой А. Бормана подтверждают, что она сыграла в организации этого визита существенную роль: «Каких только русских не перебывало у мамы в Лондоне. Многие приезжали за каким-нибудь делом, за помощью. Кому только она ни оказывала помощь, начиная с И.А. Бунина»⁷³. Оформил приглашение скорее всего сам Г. Вильямс, состоявший членом ПЕН-клуба.

В дневниковых записях за январь 1925 г. В.Н. Бунина отмечает несколько эпизодов, предшествовавших поездке. 14 января она записывает: «Ян уже готовится к Лондону. Временами упрекает меня, что я «подбила» его на эту поездку». 15 января: «Ян просматривает английские слова, изрядно забытые им». 16 января: «Мучается, у кого достать денег

⁷² Казнина О.А. Борис Пильняк и ПЕН-клуб // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения: По материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя. М.: Наследие, 1995. С. 134–152.

⁷³ Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 217.

на Лондон, до возвращения оттуда, когда ему возместят все издержки»⁷⁴.

Переписку с секретарем ПЕН-клуба Бунин вел на французском языке. В письме от 22 января 1925 г. он благодарил организаторов за приглашение и сообщал, что сможет приехать второго февраля. Он затруднялся сообщить что-либо о визе, подчеркивая, что у русских эмигрантов — обладателей нансеновских паспортов⁷⁵ — в этом вопросе всегда возникало множество трудностей: «Что касается визы, ничего пока не могу сказать с уверенностью, так как еще не получил никаких сведений. Постараюсь навести справки завтра, и в случае затруднений (а их у русских множество), телеграфирую Вам с просьбой о помощи»⁷⁶. В этом же письме Бунин сообщает, что консул посоветовал ему просить организаторов визита принять меры для получения визы, иначе дело могло затянуться надолго. Не обладая крепким здоровьем, Бунин просил забронировать ему номер в отеле с центральным отоплением. Видимо, он был слышан о холоде, царящем в английских домах. Его требовани-

⁷⁴ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2. С. 133–134. Бунин учил английский язык самостоятельно. Знал он его, однако же, недостаточно, чтобы читать в оригинале английских поэтов, и поэтому переводил с подстрочников. В своих воспоминаниях он называет книгу «Английские поэты» в издании Н.В. Гербеля среди тех, что повлияли на его становление как поэта. Событием в русской поэзии стал опубликованный в 1896 г. перевод Бунина «Песни о Гайявате» Г. Лонгфелло, который до настоящего времени считается непревзойденным. Бунин переводил также А. Теннисона («Годива») и Дж.Г. Байрона (Дж.Г. Байрон. Каин. Манфред. Небо и земля / пер. И.А. Бунина. [Б.м.], 1921).

⁷⁵ «Нансеновские паспорта» — временные удостоверения личности, введенные для беженцев Лигой Наций по предложению Ф. Нансена, верховного комиссара Лиги Наций по делам военнопленных. Паспорта не давали ни права на гражданство, ни права выезда за границу из страны проживания.

⁷⁶ Бунин И.А. Письмо в ПЕН-Клуб от 22 января 1925 г. Harry Ransom Humanities Research Center. The University of Texas at Austin. PEN-Club Archives.

ям к жилью отвечал отель «Беркли» на Пикадилли. В письме к секретарю ПЕН-клуба Марджери Скотт от 28 января хозяин отеля «Беркли» подтвердил, что для Бунина был забронирован комфортабельный номер с понедельника 2 февраля до утра пятницы 6 февраля⁷⁷.

27 января Бунин писал Тырковой о своем приезде в Лондон как о деле решенном: «3-го февраля обед в лондонском PEN Club, на который я приглашен как знатный иностранец. Надеюсь быть в Лондоне 2-го вечером (виза уже есть). Пробуду 2–3 дня. Можно ли мне навестить Вас на минутку и когда? Член ли этого клуба Ваш супруг? Будет ли он на этом обеде? Ах, если бы! Я ни звука по-английски»⁷⁸. 30 января в ответ на приглашение в гости Бунин писал Тырковой: «Очень благодарю, к завтраку 3-го февраля буду у Вас. Вечер (среда) еще под вопросом. Уеду из Лондона, должно быть, в пятницу 6-го. Виза мне дана на 4 суток. На счет помещения для меня не беспокойтесь — я буду в отеле Berkeley (за счет клуба, который оплачивает вообще всю мою поездку)»⁷⁹.

Последние предотъездные волнения отражает дневниковая запись В.Н. Буниной, сделанная 1 февраля: «Завтра Ян едет в Лондон. <...> «Многое отдал бы, чтобы не ехать», — сказал он мне вчера»⁸⁰. О пребывании Бунина в Лондоне известно очень мало. Лишь по штрихам и намекам, в том числе оставленным в письмах, можно судить о том, как прошла его поездка⁸¹. Орга-

⁷⁷ Clement D. Bich. Letter to Miss Marjorie Scott. Harry Ransom Humanities Research Center. The University of Texas at Austin. PEN-Club Archives.

⁷⁸ Бунин А.И. — Тырковой-Вильямс А.В. 27 января 1925 г. («Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс... С. 189).

⁷⁹ Бунин А.И. — Тырковой-Вильямс А.В. 30 января 1925 г. (Там же).

⁸⁰ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2. С. 135.

⁸¹ В издании дневников И.А. и В.Н. Буниных Милица Грин сообщает: «Дневники Ивана Алексеевича за 1925, 1926 и 1927 годы были, по-видимому, уничтожены» (Устами Буниных. Дневники

низаторы визита составили для него программу, насыщенную встречами и приемами. Первый обед в день приезда состоялся в доме английской писательницы Мэй Синклер⁸². Она писала основательнице ПЕН-Клуба Э. Доусон-Скотт 27 января: «Дорогая Сафо, Я буду счастлива пригласить господина Бунина на обед в следующий понедельник. Будет Стейси Омонье с женой. Может быть и ты? Приходи. Всегда твоя, Мэй Синклер»⁸³. Возможно, Мэй Синклер хотела пригласить и Дж. Голсуорси, так как она просила ее дать его телефон в Хэмстеде.

На следующий день, во вторник 3 февраля, состоялось чествование Бунина в ПЕН-клубе. Оно было отмечено сообщением в парижском журнале «Иллюстрированная Россия»⁸⁴. В ожидании этого вечера Бунин беспокоился о том, как он будет беседовать с другими гостями, говорившими в основном по-английски. И случилось как раз то, чего он боялся: за столом он оказался без переводчика. Соседкой его была Доусон-Скотт. Тем не менее, запаса английских слов вперемешку с француз-

Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2. С. 132).

⁸² Мэй Синклер — виднейшая представительница английского модернизма, писатель и литературный критик. В 1915 г., впервые после психолога Уильяма Джеймса, применила термин «поток сознания», причем представила его в новом смысле как литературный прием. М. Синклер считается первооткрывателем техники потока сознания наравне с Дж. Джойсом и В. Вулф.

⁸³ Sinclair, May. Letter to C.A.Dawson Scott. 27 Jan. 1925. Harry Ransom Humanities Research Center. The University of Texas at Austin. Pen-Club Archives.

⁸⁴ В еженедельном журнале «Иллюстрированная Россия», в № 15 от 15 марта 1925 г. напечатана фотография, сопровождаемая текстом: «На днях в Лондоне состоялось чествование И.А. Бунина ...» Журналист написал «на днях», видимо еще в феврале, когда номер готовился в печать. Возможно, основываясь на дате этой публикации, А. Бабореко относит знакомство Бунина с Джеромом к 12 марта 1925 г. См.: Бабореко А. Знакомство Бунина с Джеромом // Вопросы литературы. 1979. № 1. С. 312–314. См. также: Бабореко А.К. [Комментарии] // Бунин И.А. Окаянные дни: Воспоминания: Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. С. 409. В действительности Бунин в эти дни уже не было в Лондоне.

скими ему хватило, чтобы очаровать свою соседку. Доусон-Скотт в своем дневнике записала: «3-его февраля. ПЕН. Обед для Ивана Бунина, обворожительного, худощавого седовласого джентльмена. 2-го он обедал с Мэй Синклер и Стейси Омонье, и этот последний так напился, что в середине обеда его пришлось увести домой. А на другой день на обеде в ПЕН-клубе председательствовал А.Е.У. Мейсон, который тоже напился и не мог толком произнести свою речь. Наверно Бунин теперь уверен, что англичане по заслугам считаются самым пьющим народом в мире»⁸⁵.

На другой день 4 февраля в фойе отеля Бунина поджидал журналист, чтобы взять у него интервью. Скорее всего, судя по его странному псевдониму — «Мистер Лондон», это был кто-то из русских эмигрантов. Он описал свою встречу с писателем в газете «The Daily Graphic», где информационные заметки публиковались без подписи: «Вчера во время ланча в фойе отеля “Беркли” я встретил человека изящного сложения, с изысканными манерами, с легкой сединой в темных волосах. Вряд ли кто-нибудь из всей этой элегантной толпы постояльцев отеля имел хотя бы малейшее представление о том, что это был Бунин — знаменитый русский поэт и писатель, один из двенадцати почетных академиков, равных французским Бессмертным. Бунина живо интересовали окружающие люди, так как это был его первый визит в Англию. Его несколько обеспокоил мой вопрос, собирается ли он произносить речь в ПЕН-клубе, почетным гостем которого он был вчера вечером. Он решительно ответил, что его первый день в восхитительном Лондоне был слишком волнующим, чтобы помышлять о речи»⁸⁶.

Бунин собирался встретиться с И.В. Шкловским, но из-за насыщенности программы ему не удалось найти для этого время. Бунин писал ему из отеля 5 февраля, за день до отъезда: «Бесконечно сожалею, что не увижу Вас: уезжаю немного раньше, чем предполагал (завтра в 11 ч. утра. А эти дни не было буквально ни одной минуты свободной: к великому мое-

⁸⁵ Watts M. P.E.N. The Early Years: 1921–1926. L.: Archive Press; Hampstead, 1971. P. 30.

⁸⁶ Mr London. A Russian Guest // The Daily Graphic. 1925. 4 February.

му удивлению (и крайней усталости), оказалось, что P.E.N. Club составил целую программу, где я должен быть, кого видеть и т. д.». А в конце приписка: «И нынче расписан весь день вплоть до полночи!»⁸⁷. В этот предотъездный день, в четверг 5 февраля для Бунина в доме Тырковой был устроен прием, на котором появился давно не выезжавший Джером К. Джером (Jerome K. Jerome, 1859–1927)⁸⁸. О знакомстве с ним Бунин вспоминал в своем очерке, написанном два года спустя по случаю смерти писателя. Очерк был впервые опубликован в рижской газете «Сегодня» за 26 июня 1927 г. (№ 138. С. 6). Текст заметки в этой редакции отличается от последующих публикаций некоторыми существенными деталями (здесь курсивом выделен текст, который отсутствует в последующих редакциях)⁸⁹.

«Развернул газету и прочел:

“Лондон, 14 июня. Внезапно скончался знаменитый английский писатель, юморист Джером К. Джером...”

Кто из русских не читал Джерома? Но не думаю, чтобы многие могли похвалиться знакомством с ним. Два, три человека разве — и в числе их я.

Я в Англии был всего один раз. Я совершил на своем веку многие странствия, но все больше к югу, к востоку. Север всегда немного пугал меня. Пугала и Англия, ее туманы, дожди. Теперь я и от севера не отказался бы, но — как бы это сказать помягче? — стал “вреден север для меня”. Теперь нужен счастливый случай, чтобы нашему брату попасть за границу. И такой счастливый случай неожиданно представился мне три года тому назад: лондонский P.E.N. Club вздумал пригласить меня на несколько дней в Лондон, устроить по этому поводу литературный банкет, показать меня английским писателям и некоторым представи-

⁸⁷ Бунин И.А. — Шкловскому И.В. 5 февраля 1925 г. Leeds Russian Archive. Русский архив в Лидсе. Фонд И.А. Бунина.

⁸⁸ О том, что этот прием устроила Тыркова, свидетельствуют мемуары ее сына: *Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына...* С. 217.

⁸⁹ Для сравнения см. публикацию этого очерка в издании: *Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 1998. С. 247–249. Прим. С. 567–568.*

телям английского общества и так далее.хлопоты насчет визы и расходы клуб взял на себя — и вот я в Лондоне.

Поездку мою можно было бы описать весьма забавно, Джером Джером мог бы сделать из нее пресмешной рассказ. Представьте себе человека, который довольно основательно отвык от поездов-люкс, от пульмановских вагонов, от палас-отелей и вновь попадает в этот мир уже с некоторой неловкостью, робостью... Правда, я не из очень робких и неловких, ну, а если взять именно робкого и неловкого? Да и английские нравы недурной сюжет для юмористического рассказа. Возили меня в очень разнообразные дома — и в самые современные, и в старинно-английские — но в каждом из них я непременно претерпевал что-нибудь достойное Джерома. Чего стоят одни обеды, во время которых тебя жжет с одной стороны пылающий, истинно как геенна огненная, камин, а с другой — холод, заставляющий думать о северном полюсе, о северных сияниях, об оленях и самодских чумах!»

Впоследствии писатель, видимо, отказался изображать самого себя в образе эмигранта, который неловко чувствует себя в цивилизованной Европе. Отказался он и от иронических высказываний об английских нравах, и опустил весьма любопытный эпизод своего пребывания в Лондоне:

«Было, кроме того, у меня в Лондоне и еще одно забавное приключение. Нужно мне было повидать одного знакомого, нашего бывшего лондонского консула. Схожу в вестибюль отеля и прошу портье, чтобы мне позвали такси и приказали ему отвезти меня в русское консульство. Через минуту машина у подъезда. Выхожу, сажусь и еду — весьма рассеянно, кстати сказать, ибо замучен своей славой, всеми этими обедами, визитами уже довольно серьезно. В рассеянности и приезжаю — и вижу огромные ворота, огромный двор за ними и столь же огромное здание во дворе. Вылезаю и спокойно направляюсь к нему, вхожу в какую-то канцелярию и обращаюсь к какому-то жирненькому молодому человеку, лысеющему брютету в лаковых ботинках, с круглой и бритой физиономией:

— Скажите, пожалуйста, могу я видеть господина Ону?

Я обратился весьма, даже необыкновенно вежливо, но, Боже, что произошло тотчас же вслед за этим и как молние-

носно разыгралось! Молодой человек вдруг вскакивает точно ужаленный:

Как Ону? Какого Ону? Но мы его сместили еще в декабре семнадцатого года!

И, как ужаленный, вдруг отскакиваю и я от него:

Кто “вы”? Да куда я попал? Ах, вот оно что! Тьфу, ну и занесло же меня в заведение!

— Вы не имеете права здесь плевать. Это не заведение, милостивый государь!!

— Что? Не имею права? —

И, неожиданно даже для самого себя, я кончил такими трехэтажными словесами, что даже советский молодой человек остолбенел, опешил...»⁹⁰

В 1925 г. намерение попасть в российское посольство и встретить там бывшего консула было по меньшей мере наивно и анахронично. А.М. Ону (1865–1938) являлся генеральным консулом России в Англии при правительстве 1917 г., а в дальнейшем, конечно, был вынужден покинуть свой пост. Он остался в Англии, преподавал историю в британских университетах. Удивительно, что перед поездкой в посольство Бунин не справился у А.В. Тырковой или других русских друзей о том, где находится теперь его добрый знакомый.

Два года спустя очерк о Джероме был опубликован в газете «Последние новости» к 70-летию со дня рождения писателя (1859–1927)⁹¹. В тексте очерка сохранен эпизод с посещением посольства в Лондоне, но некоторые интересные детали отсутствуют. В начало очерка была включена фраза: «Я в Англии до 1926 года не бывал» — с ошибочной датой визита, которая перешла и в последующие публикации. Вторая часть очерка, после слов «А с Джеромом я познакомился так», неоднократно перепечатывалась:

«Перед самым отъездом из Лондона я был в одном доме, куда собралось особенно много народа. Было очень оживленно

⁹⁰ Бунин И.А. Джером Джером // Сегодня (Рига). 1927. 26 июня. № 138.

⁹¹ Бунин И.А. Записная книжка. Джером Джером // Последние новости. 1929. 17 марта (№ 2916). С. 2.

и очень приятно, что стало даже жарко, и милые хозяева вдруг распахнули все окна настежь, невзирая на то, что за ними валил снег. Я шутя закричал от страха и кинулся по лестнице спасаться в верхний этаж, где тоже было много гостей, и на бегу услышал за собой какие-то радостные восклицания: неожиданно явился Джером Джером...»⁹².

Об этом эпизоде вспоминал и А. Борман: «На этот прием, в старомодном, плохо вычищенном сюртуке вылез даже сам Джером К. Джером. Интересно было наблюдать, с каким почтением относились молодые литераторы в смокингах к этому корифею английской литературы девятнадцатого века»⁹³. Бунин считал, что Джером К. Джером пришел специально для того, чтобы познакомиться с ним. Не исключено, что так и было: русские не были чужими для этого нетипичного англичанина. В 1899 г. Джером приезжал в Петербург, и по своим впечатлениям написал эссе «Русские, какими я их знаю». Эссе публиковалось в переводе на русский в 1906 г. под заглавием «Люди будущего». Джером в нем писал: «Русский человек — одно из самых очаровательных существ на земном шаре. <...> Мы свысока называем русских нецивилизованными, но они еще молоды <... > Мир будет восхищаться Россией, когда в ней установится порядок».

Русские платили Джерому взаимной симпатией: его юмористический роман «Трое в лодке, не считая собаки» (1889) в России стал классикой (менее известно было продолжение этого романа «Трое на велосипеде», 1900). Хотя Бунин в своем очерке и А. Борман в воспоминаниях описывают Джерома как древнего старца, в 1925 г. ему было всего лишь 66 лет. Правда,

⁹² Очерк перепечатывался в сборнике Бунина «Воспоминания» (Париж: Возрождение, 1950. С. 62–63), который был переведен на английский Верой Трэйл, дочерью А. Гучкова (Memories and Portraits / transl. by Vera Traill and Robin Chancellor. Garden City: Doubleday, 1951; London: John Lehmann, 1951. P. 186–187). См. также: Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. С. 381–382, 602; Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. С. 208–209.

⁹³ Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына... С. 217.

по всей видимости, он не отличался крепким здоровьем и выглядел старше своих лет, так как ушел из жизни два года спустя.

6 февраля Бунин возвратился из Англии, и В.Н. Бунина записала первое, что он сказал по приезде: «Англичане сердечнее французов, проще»⁹⁴. Это мнение Бунина прямо противоположно тому стереотипу, который существовал не только у русских, но и у европейцев: считалось, что откровенность, эмоциональность и простота в обращении — это «галльские» черты, тогда как «англосаксы» чопорны, холодны и неприступны в общении. Но нельзя забывать, что в Англии Бунин пробыл лишь несколько дней в качестве гостя, а во Франции ему приходилось постоянно сталкиваться с местным населением.

Поездка Бунина в Лондон не прошла незамеченной в печати. Часть своей большой статьи под названием «Русские виньетки» посвятил ему известный специалист по России и «русской душе» писатель Стивен Грэм. Это интервью было опубликовано вскоре после отъезда Бунина в английском «Субботнем литературном обозрении» за 21 февраля 1925 г. В статье приведены высказывания Бунина о писателях, русской литературе, о театре, о воздействии идеологии на литературное творчество. Бунин сказал в частности: «Почти вся художественная и культурная жизнь России сосредоточена сегодня за границей. Из оставшихся писателей самые значительные это те, кто сделал себе имя до войны. Например, романист Андрей Белый или поэт Анна Ахматова, которая принадлежит скорее к “нам”, чем к “ним”. На другую сторону перешел Алексей Толстой: человек талантливый, но слабохарактерный»⁹⁵. Бунин критически отозвался и о новой советской литературе, в частности о Б. Пильняке.

В заметках и архиве Бунина, который, как уже говорилось, скрупулезно собирал отзывы о своем творчестве, нигде не упоминаются мнения Д.П. Святополк-Мирского, тогда как этот

⁹⁴ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2. С. 135.

⁹⁵ *Graham St. Russian Vignettes // Saturday Review of Literature.* 1925. 21 February. P. 544.

критик существенным образом повлиял на представление англичан о творчестве писателя.

В 1922 г. в одной из своих первых статей, написанных для английских читателей, в журнале «Лондонский Меркурий» критик характеризовал Бунина как «величайшего из живущих и активно работающих писателей нашего времени». «Каждая новая его работа превосходит предыдущую, — отмечал Д. Мирский, — и хотя он участвовал в политических дискуссиях и писал яростные статьи, его художественные произведения всегда оставались над схваткой. Его гений вне времени, его отношение к жизни — отношение брамина или парнасца»⁹⁶. В следующей статье в том же журнале критик рассматривает творчество Бунина в контексте литературы эмиграции и снова подтверждает свое суждение о том, что Бунин является лучшим из живущих русских прозаиков⁹⁷.

На пике своего увлечения евразийством и коммунизмом Д. Мирский высказывал иное мнение о Буине. В первой книге журнала «Версты» в статье, опубликованной в разделе «Библиография» он писал о нем как о представителе прошлой эпохи русской литературы, не создавшем ничего значительного в эмиграции. В ответ Бунин высказал в газете «Возрождение» резко отрицательное отношение к журналу: «Нелепая, скучная и очень дурного тона книга», а о редакторе писал, что у него мало вкуса⁹⁸.

Когда в начале 1930-х гг. возник вопрос о включении творчества Бунина в английский университетский курс по русской литературе, за советом обратились к Д. Мирскому. Отвечая на просьбу Б. Пэрса «определить место» Бунина в современной русской литературе, критик писал ему 10 января 1931 г. из

⁹⁶ *Mirsky D. A Russian Letter: The Literature of Bolshevik Russia // The London Mercury. 1922. № 5. P. 276–285; то же: Mirsky D.S. Uncollected Writings on Russian Literature / ed. with an Introd. and Bibliography by G.S. Smith. Berkeley, 1989. P. 80.*

⁹⁷ *Mirsky D. A Russian Letter: The Literature of the Emigration // The London Mercury. 1922. № 6. P. 193–195; то же: Mirsky D. Uncollected Writings on Russian Literature. P. 82.*

⁹⁸ *Бунин Ив. Версты // Возрождение. 1926. 5 августа. № 429. С. 3.*

Парижа: «Бунин, без сомнения, занимает место сразу вслед за Горьким, он самый видный представитель “старой школы” в своем поколении»⁹⁹. Лучшими произведениями Бунина Мирский назвал «Деревню» и «Суходол», которые, как он писал, позволяют считать его в русской литературе «классиком второй величины» («minor classic»). По мнению критика, произведения Бунина, созданные до Первой мировой войны, оказали влияние на советскую литературу. Насчет поздних произведений Бунина Мирский там же заметил, что они были «перехвалены эмигрантской печатью».

Не исключено, что рост известности Бунина в Англии и Америке сыграл положительную роль в получении им Нобелевской премии. Премия не только повысила статус Бунина до мировой классики, но и привлекала внимание к творчеству русской эмиграции в целом. В очерке о получении премии Бунин вспоминал о том, как в его доме в Грассе непрерывно звонил телефон, с почты несли телеграммы со всех концов мира¹⁰⁰. Писателя чествовала и поздравляла вся зарубежная Россия. Письма ее представителей хранятся в фонде Бунина в РГАЛИ. Однако приветствия Тырковой в этом фонде не оказалось. По этому поводу Р. Янгиров многозначительно подчеркивает, что «в букете поздравлений» отсутствовало приветствие от «*былого «верного» друга из Лондона*»¹⁰¹. *Однако в действительности приветствие это благополучно достигло Бунина и хранилось вместе с другими письмами Тырковой в архиве М. Грин в Эдинбурге, который впоследствии был передан в Русский архив Лидса. Письмо написано в свойственном автору искреннем и благожелательном тоне, и, как в прежние времена, содержит деловые предложения о новых издательских*

⁹⁹ Letters of Prince D.P. Svyatopolk-Mirsky to Sir Bernard Pares. The British Library, Additional Mss 49 604.

¹⁰⁰ Бунин И.А. Нобелевские дни // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. С. 329–336.

¹⁰¹ «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 171.

договорах. Это письмо показывает, что в эти годы отношения Бунина с Тырковой не были прерваны.

12 ноября 1933 г. Тыркова писала из Лондона:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич,

Вот и мой голос вливается в дружный хор поздравлений.

Радуюсь за Вас, радуюсь за всех нас, русских, пишущих и не пишущих.

Ваш талант напомнил людям то, что мир слишком легко забывается — что за страшной гримасой коммунизма, как за уродливым театральным занавесом, спрятана Россия, многомиллионный народ. Боюсь хвастать, но порой хочется сказать — самый даровитый народ в мире. В свидетели приведу русский язык. Ну и уж кто им так мастерски владеет, как Бунин.

Спасибо Вам за чувство законной национальной гордости, которое многие испытали, когда прочли о справедливом приговоре [Нобелевского] комитета. Наконец! Ведь Вы первый русский писатель, который получил Нобелевскую премию. Думаю, что даже в России, а может быть, в России еще сильнее, чем в эмиграции, Вам возданный почет будет принят как почет общенародный. В години унижений и бедствий все, что расправляет душу, надо ценить на вес золота.

А тут, к счастью, и настоящее золото есть. Счастлива за Вас, будете жить и писать, не гонясь за гонораром.

Крепко жму руку и еще раз от всей души поздравляю.

Искренне преданная

Ариадна Вильямс»¹⁰²

Здесь же Тыркова предлагает: «Не попытать ли теперь издателей? Хотите я попробую? Только надо осторожно выбирать переводчика. Кажется, у меня есть надежный». Идеей заняться переводами Бунина на английский язык на этот раз она поделилась с Глебом Петровичем Струве, сыном своего давнего соратника П.Б. Струве. В 1932 г. Струве-сын сменил на кафедре русской литературы Лондонского университета Д. Мирского. Как

¹⁰² Тыркова-Вильямс А.В. — Бунину И.А. 12 ноября 1933 г. (Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 355).

известный критик эмиграции, а теперь еще и преподаватель русской литературы Струве был рад приобщиться к творчеству писателя такого масштаба как Бунин и выбрал для перевода «Жизнь Арсеньева». В марте 1933 г. книга вышла в издательстве Вулфов «Хогарт-пресс» под названием: «Истоки дней» тиражом в 1200 экземпляров. В этом же году издание было повторено, и книга вышла также в Нью-Йорке в издательстве А. Кноpf'a. На книге значится: «Автор — лауреат Нобелевской премии 1933 года в области литературы»¹⁰³. На выход книги откликнулся известный специалист по русской литературе критик Э. Гарнет, опубликовавший свою рецензию в газете «Manchester Guardian»¹⁰⁴.

У Ленарда и Вирджинии Вулфов были особые причины для радости по поводу лауреатства Бунина: премия подтверждала, что они не ошиблись с выбором автора. Вулфы повторили издание сборника «Господин из Сан-Франциско» в 1934 г. тиражом в 1200 экземпляров. В 1935 г. они издали новый сборник Бунина — «Грамматика любви» в переводе Дж. Курноса тиражом в 1500 экземпляров¹⁰⁵. На суперобложке этого издания сообщалось: «Только в 1933 г., когда он стал лауреатом Нобелевской премии, пришло международное признание к Бунину, продолжателю великой традиции русских романистов и величайшему из прозаиков нашего времени. Наше издательство «The Hogarth Press» давно предвидело этот ход событий, выпустив 13 лет назад английский перевод сборника «Господин из Сан-Франциско» и другие рассказы».

В феврале 1934 г. в воскресном номере газеты «Observer» Г. Струве дал отзыв на последние издания Бунина на английском языке. Он рассмотрел в этой рецензии переиздание перевода Лоуренса, Котелянского и Вулфа в «Хогарт-пресс», а также два из-

¹⁰³ *Bunin I.A.* The Well of Days / transl. by G. Struve and Hamish Miles. L.: The Hogarth Press, 1933; *Bunin I.* The Well of Days. Winner of the 1933 Nobel Prize in Literature / transl. from the Russian by Gleb Struve and Hamish Miles. New York: Alfred A. Knopf, 1934.

¹⁰⁴ *Бабореко А.К.* И.А. Бунин: Материалы для биографии... С. 281.

¹⁰⁵ *Bunin I.* Grammar of Love / transl. by John Cournos. L.: The Hogarth Press, 1935.

дания М. Секкера: «Деревня» в переводе Изабел Хэпгуд (Isabel Hargood) и «Пятнадцать рассказов, включая «Господина из Сан-Франциско», в переводе Б.Г. Герни (B.G. Guerneу). В заметке дается любопытный анализ реакции английских читателей на получение Буниным Нобелевской премии. Автор пишет: «Когда в прошлом ноябре Нобелевская премия была присуждена Ивану Бунину, смутное подспудное удивление и неудовлетворенность ощущались в английской прессе и в общественном мнении. «Бунин? А он того стоит?» Складывалось впечатление, что кандидатура Горького заслужила бы в Англии большего одобрения. Возможно, все дело в том, что Бунин — эмигрант. Но многие ли знают, что задолго до революции сам Горький считал Бунина самым выдающимся из живущих мастеров русской прозы?»¹⁰⁶.

М. Горький прославился, писал критик, благодаря своей биографии, социальному происхождению, новизне своих настроений и тем. В те времена, когда в русской литературе доминировала декадентская нота, он возвысил собственный голос, полный оптимизма. Ранние вещи Бунина не столь поражали публику: они были слишком похожи на рассказы Чехова, а биография писателя мало чем отличалась от жизненного пути множества других представителей интеллигенции. Рассказ «Господин из Сан-Франциско» Г. Струве оценивает как «шедевр словесной экономии и чистоты психологического рисунка». Критик выразил сожаление, что англичанам недоступны другие высшие достижения Бунина в прозе: «Суходол» и «Митина любовь» (последняя вещь вышла в Америке, но в Англии не была известна). Рецензент предлагал читателям освежить в памяти произведения Бунина в английских переводах. Перевод Герни для американского издания он считал неуклюжим, а перевод Лоуренса и Котелянского ставил высоко. Струве отметил, что величайшая ценность бунинской прозы — в ее языке: именно поэтому в переводе его достоинства особенно трудно оценить. В заключение статьи критик подтвердил правильность выбора, сделанного Нобелевским комитетом.

Успех, связанный с получением Нобелевской премии, привел Бунина в Англию второй раз — в середине декабря 1936 г.

¹⁰⁶ *Struve G. Ivan Bunin // The Observer. 1934. 25 February.*

Биографам писателя об этом визите до сих пор ничего не было известно. Единственные свидетельства о нем — две заметки в лондонской газете «Русский в Англии». Газета коротко сообщила: «Академик и Нобелевский лауреат И.А. Бунин приезжал в начале декабря на несколько дней в Лондон. К сожалению, вследствие кратковременности его пребывания, русская колония не имела возможности устроить надлежащего торжественного чествования своего знаменитого соотечественника. Небольшой прием в честь писателя был устроен только Англо-русским Спортивным клубом 10 декабря»¹⁰⁷. В следующем номере газеты давались уточнения: «Прием в честь И.А. Бунина, приехавшего на несколько дней в Лондон, был устроен 12 декабря в Русском Доме Н.И. и Е.В. Саблиными. На приеме, носившем интимный, почти семейный характер, присутствовали многие представители русской колонии. Е.В. Саблин, в краткой, но прочувствованной речи, приветствовал И.А. Бунина от лица проживающих в Англии русских людей и выразил надежду, что И.А. Бунин еще приедет в Лондон на более продолжительное время и тем даст возможность всей русской колонии выразить те чувства, которые русские эмигранты питают к русскому поэту и писателю, получившему теперь всемирную известность и признание. Гостям было предложено легкое угощение и чай»¹⁰⁸. Можно предположить, что Тыркова — правая рука Саблина в русской колонии в Англии — была инициатором этого приглашения и что на приеме в Русском доме старые друзья снова встретились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабореко А.К.* И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917 / 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983. 351 с.
- Бабореко А.* Знакомство Бунина с Джеромом Джеромом // Вопросы литературы. 1979. № 1. С. 312–314.
- Бабореко А.К.* [Комментарии] // *Бунин И.А.* Окаянные дни: Воспоминания: Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. С. 382–412.

¹⁰⁷ Русский в Англии. 1936. 16 декабря. № 23. С. 1.

¹⁰⁸ Русский в Англии. 1936. 31 декабря. № 24. С. 1–2.

- Борман А.А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен; Вашингтон: A. Rosseels Printing, 1964. 333 с.
- Бунин И.А.* Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг. Париж: Imprimerie «Union», 1920 [на титуле], 1921 [на обложке]. 212 с.
- Бунин И.А.* Несколько слов английскому писателю // *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 1998. С. 81–89.
- Бунин И.А.* Нобелевские дни // *Бунин И.А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. С. 329–336.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 1998. 640 с.
- «Вы — друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 165–192.
- Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. 416 с.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. 1181 с.
- Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 327–369.
- Ремизов А.М.* Огонь вещей. М.: Сов. Россия, 1989. 526 с.
- Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина: в 2 т. / предисл. О.Н. Михайлова. М.: Мол. гвардия, 1998. 471 с. + 515 с.
- Тыркова-Вильямс А.В.* Воспоминания: то, чего больше не будет. М.: Слово, 1998. 560 с.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.
- Bunin I.* The Gentleman from San Francisco and Other Stories by I.A. Bunin / transl. from the Russian by S.S. Koteliensky and Leonard Woolf. Published by Leonard & Virginia Woolf at the Hogarth Press, Paradise Road, Richmond, 1922. 158 p.
- Bunin I.* Grammar of Love / transl. by John Cournos. L.: The Hogarth Press, 1935. 212 p.
- Bunin I.* The Stories of Ivan Bunin: Le Monsieur de San Francisco / traduit du Russe par Maurice, avec un portrait de l'auteur par Bakst. Paris: Edition Bossard, 1921. 342 p.
- Bunin I.A.* The Well of Days / transl. by G. Struve and Hamish Miles. L.: The Hogarth Press, 1933. 351 p.
- Bunin Ivan.* The Well of Days. Winner of the 1933 Nobel Prize in Literature / transl. from the Russian by Gleb Struve and Hamish Miles. New York: Alfred A. Knopf, 1934. 305 p.

- Fetzer L.* The Bunin — S.S. Koteliansky — D.H. Lawrence — Leonard Woolf
Version of The Gentleman from San Francisco // *Virginia Woolf Quarterly*.
1973. Summer. № 4. P. 31–46.
- The Letters of D.H. Lawrence / ed. by Warren Roberts, James T. Boulton and
Elizabeth Mansfield. Cambridge: Cambridge University Press, 1979–1987.
8 vols.
- Mirsky D.S.* Uncollected Writings on Russian Literature / ed. with an introd. and
bibliography by G.S. Smith. Berkeley, 1989. 406 p.
- Struve G.* Ivan Bunin // *The Observer*. 1934. 25 February. P. 4.
- Tyrkova-Williams A.* Cheerful Giver. The Life of Harold Williams. London:
P. Davies, 1935. 337 p.
- Watts Marjorie.* P.E.N. The Early Years: 1921–1926. L.: Archive Press; Hampstead,
1971. 52 p.
- Zohrab Irene.* From New Zealand to Russia to Britain: a comment on the work of
Harold W. Williams and his relations with English writers // *New Zealand
Slavonic Journal*. 1985. P. 3–15.
- Zohrab I.* The place of the Liberals among the forces of the Revolution: from the
unpublished papers of Harold W. Williams // *New Zealand Slavonic Journal*.
1986. P. 53–57.
- Zohrab I.* Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from
Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews) // *New
Zealand Slavonic Journal*. 1994. P. 259–287.
- Zohrab I.* Leo Tolstoy from the perspective of the New Zealand linguist and writer
Harold W. Williams (with the publication of a forgotten interview between
them of 20 January 1905) // *Melbourne Slavonic Studies*. 1985. № 19.
P. 14–48.

И.А. БУНИН СРЕДИ ЛИТЕРАТУРНЫХ НАСТАВНИКОВ Б.Г. ПАНТЕЛЕЙМОНОВА

© 2022 г. Е.М. Трубилова

Аннотация: Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888–1950) — писатель с уникальной биографией. Более известный как крупный ученый-химик, в последние четыре года своей жизни он неожиданно и триумфально вошел в художественную литературу. Его проводниками в этот мир, наставниками в литературном мастерстве, а также близкими друзьями стали писатели-«антагонисты»: А.М. Ремизов, с одной стороны, И.А. Бунин и Н.А. Тэффи, с другой. Советы и рекомендации наставников своему ученику носили порой взаимоисключающий характер. В статье анализируется становление Пантелеймонова как писателя, воссоздается история знакомства с его литературными учителями, доказываются их влияние на его творчество. Приводятся высказывания Бунина о его отношении к возвращению в Россию, к изданию его сочинений на родине, к собратям по перу — Тэффи и Ремизову. Большое место уделено переписке Пантелеймонова с Буниным, Ремизовым и Тэффи. Используются материалы Бахметевского архива (США), архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына и Отдела рукописных фондов Государственного Литературного музея им. В.И. Даля.

Ключевые слова: Б.Г. Пантелеймонов, А.М. Ремизов, И.А. Бунин, Н.А. Тэффи, русский Париж, «Русский сборник», письма.

Информация об авторе: Елена Максимовна Трубилова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6272-474X>. E-mail: spiridonovka22@yandex.ru.

Для цитирования: Трубилова Е.М. И.А. Бунин среди литературных наставников Б.Г. Пантелеймонова // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 499–538. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-499-538>

I.A. BUNIN AMONG THE LITERARY TEACHERS OF B.G. PANTELEYMONOV

© 2022. Elena M. Trubilova

Abstract: Boris Grigoryevich Panteleimonov (1888–1950) is a writer with a unique biography. Better known as a major chemist, in the last four years of his life he unexpectedly and triumphantly entered fiction. His guides to this world, mentors in literary skill, as well as close friends were the writers-“antagonists”: A.M. Remizov, on the one hand, I.A. Bunin and N.A. Teffy, on the other. The advice and recommendations of mentors to their student were sometimes mutually exclusive. The article analyzes the formation of Panteleimonov as a writer, recreates the history of acquaintance with his literary teachers, proves their influence on his work. Bunin’s statements about his attitude to returning to Russia, to the publication of his works in his homeland, to fellow writers — Teffy and Remizov are given. Much attention is paid to Panteleimonov’s correspondence with Bunin, Remizov and Teffy. The materials of the Bakhmetev Archive (USA), the House of the Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn and the Department of Manuscript Collections of the State Literary Museum named after V.I. Dal’ were used.

Keywords: B.G. Pantelejmonov, A.M. Remizov, I.A. Bunin, N.A. Teffi, Russian Paris, “Russian Collection”, letters.

Information about the author: Elena M. Trubilova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6272-474X>. E-mail: spiridonovka22@yandex.ru.

For citation: Trubilova, E.M. “I.A. Bunin among the Literary Teachers of B.G. Panteleymonov.” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 499-538. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-499-538>

Много лет назад в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) в папке с неустановленным авторством архива Тэффи попало мне несколько скрепленных машинописных листков. В левом верхнем углу первого стояла дата — «24 сентября 1949 г.», в правом адресат — «№ 1. Н.А. Тэффи. Секретно». Короткий текст содержал развернутый ответ на заданный заголовком вопрос: «Что думает молодой писатель, когда ему не спится?»:

«А дьявол его знает, о чем он думает. Вот разве о себе сказать, я тоже молодой писатель, — со мной случай был, это действительно любопытно... Сна нет, лежу в зоркости, очи в темноту, дыханье затаил. Чудится — порхают тени. Сначала совсем неопределенное. Какая-то девственница — малиновые губки, розовый налив — стих поет, грудками възгрывает, зрак долу. За ней определенное, узнать можно: хмурый, туфли с помпонами, оскал страшный, дых мороженный, самому Богу норовит соврать, пугает двенадцатым часом. С ним комариная барыня, хоботок проволочный, очи пленкою, юбка кой-как. Догадываюсь: ряженые, писатели. За теньями пошли и живые. Маленький, брови клочьями, душа краем держится. Под очками сразу губы, двиг их явственный: слова собственные, стопроцентные. Хватка, повадка — невиданно! И так ловко клубок разворачивает, петли мечет то ширше, то уже — завидно. Этот — речь важная, в бобрах — большой барин. Смотрю, как точно он ногой выкамаривает — язви тебя, мне бы так! А вот жемчужина, плат расписной — ох, хитры этой девицы плутни... Пляс, плач, хохот — веселятся ряженные души, ладошки навыворот, глаза вразнос, ноготками скребутся, ямки роет друг другу. Думаю однако: царь Давид, что за сласть всю жизнь в табуне плясать? Трудна эта радость, а мне даже и обидно. Сознаю — талану нет. Как ни скажешь — вкось хватил... Голова дурная, чего я к табуну пристал? Жил-жил и будто с лестницы сорвался <...>»¹

Вместо подписи в конце рукописи стоял криптоним «Б. П.».

За инициалами «приставшего к литературному табуну» «молодого писателя» угадывался 60-летний Борис Пантелеймонов. Но и шаржированные персонажи этой витиеватой шутки отчетливо напоминали реальных прототипов. «Маленький, бровья клочьями», «барин» с «важной речью», «жемчужина, плат расписной», вызывавшие восторженную зависть «молодого писателя», — да ведь это Алексей Михайлович Ремизов, Иван Алексеевич Бунин и Надежда Александровна Тэффи! Литературные

¹ Бахметевский архив русской и восточноевропейской культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк). Фонд Тэффи.

наставники, близкие люди, добрые друзья Пантелеймонова. Но чтобы доказать это, обратимся к биографии автора шутки.

Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888–1950). Сегодня, к сожалению, имя этого писателя известно до обидного мало. В советское время вышел единственный сборник его рассказов «Приключения дяди Володи» (М.: Русская книга, 1992), подготовленный Ст. Никоненко. В 2014 г. в энтузиасты-сибиряки, земляки писателя, порадовали трехтомником, в котором, кроме художественных произведений Пантелеймонова, собрали его публицистику, переписку, воспоминания и статьи о нем. И это — всё, не считая единичных журнальных публикаций. А ведь в 1947 г. рецензент нью-йоркского «Нового русского слова» упоминал имя Пантелеймонова среди наших литературных колоссов: «Наряду с Шолоховым и Зощенко он сейчас самый яркий русский писатель»². Причина малой популярности замечательного прозаика прежде всего в том, что его «литературной жизни» было всего четыре года. Последних четыре года перед кончиной, за которые он успел выпустить четыре книги. Все четыре — в Париже, в издательстве «Подорожник»: «Зеленый шум» (1947), «Приключения дяди Володи: два рассказа» («Святой Владимир» и «На Муромке») (1947), «Звериный знак» (1948) и «Золотое число», которую составили повести «Менделеев», «В Зыри белоглазой» и «Маклаево братство» (1949). «Последняя книга» (названная именно так) была издана в Нью-Йорке издательством им. Чехова уже после его смерти, в 1952 г.

За отпущенные ему 62 года Борис Григорьевич Пантелеймонов прожил будто несколько длинных жизней, меняя города и страны, политические пристрастия и жён (их было четыре), чередуя и совмещая профессии и увлечения. «При своей английской внешности это была самая безудержная русская натура. Если пить, так уж до бесчувствия, полюбить — так уж жениться, потому что и любил всегда с разбегом на вечность. Наука, химия, открытия — и это все было пламенно, в каком-

² Мазурова А. «Зеленый шум». Размышления о книге Бориса Пантелеймонова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1947. 19 окт. № 12960. С. 8.

то поэтическом восторге»³. Парадоксальным образом разнопавленные порывы нисколько не противоречили цельности его образа. Даже стоящие на диаметральных от его политических позиций люди отзывались о Пантелеймонове с огромной симпатией как о человеке необыкновенно искренней, открытой души. Леонид Галич вспоминал: «Я встретил в моей длинной и пестрой жизни только двух людей, у которых совсем не было врагов: выдуманного Алешу Карамазова и лучившегося жизнью и жизнерадостностью Пантелеймонова»⁴.

В этом сибиряке с внешностью английского лорда всего было через край. И многократно повторенное в воспоминаниях современников «сибиряк-англичанин» отнюдь не оксюморон. Пантелеймонов действительно был уроженцем Сибири — села Муромцево Тарского уезда Тобольской губернии. И в его жилах в самом деле текла английская кровь. Прадед его по линии отца был англичанином. Во всяком случае, так утверждала семейная легенда: «Дедушку звали Дигби, и только потом православному стал он Данила. По имени видно — сначала он был не русский, приехал из дальней страны. Приехал в Сибирь и сразу основал наш род. Отсюда мы все — которые настоящие нашей фамилии — и пошли»⁵.

Жизненные испытания Пантелеймонова сравнимы разве что с приключениями героев Александра Дюма. Аресты, тюрьмы, ссылки — молодость Пантелеймонова совпала с известными катаклизмами начала прошлого века. Семнадцати лет он был арестован во время ученической забастовки в Промышленном училище и провел полтора месяца в Красноуфимской тюрьме. Осенью 1907 г. оказался под стражей вновь, как член эсеровской организации. Через полгода после второго ареста

³ Тэффи. Мой друг Борис Пантелеймонов // Тэффи. Моя летопись. М.: Вагриус, 2004. С. 331.

⁴ Галич Л.Е. Как и каким увидел я Пантелеймонова // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2004. Т. 3. С. 329.

⁵ Пантелеймонов Б.Г. Дедушка Дигби // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. С. 370. Подтверждение этой легенды и других фактов из биографии Пантелеймонова с опорой на архивные документы см.: Махнанова И. Лучившийся жизнью // Сибирские огни. 2017. № 7. С. 174–189.

выслан в Вологодскую губернию под надзор полиции. Много лет спустя Пантелеймонов с доброй усмешкой опишет романтические устремления своей юности в автобиографическом, как практически все его произведения, цикле «Молодые глаза», уточнив в примечании к рассказу «Орлята»: «Относится к эпохе 1907–1908 гг.»⁶.

«Что это за славный разбойник с героическим лицом бродит из угла в угол? Пощипывает волосики будущих усов. Румянец не смыть никакой одиночкой, под сатиновой рубашкой (светлая куртка с ясными пуговицами валяется на кровати) напряженные мускулы, волосы взъерошены... но взгляните же на лицо: если рисовать мечтателя — вот он, видите глаза?

Такой симпатичный парень!

Вот это я и есть, как любовно самому себе вспоминается.

Сбылась моя мечта — я революционер. Завидуют мне теперь приятели.

<...> Почему не повести меня по городу на допрос? Среди бела дня, двое конвойных. Если б еще кандалы...»⁷.

Арест воспринимается простодушным мечтательным юношей как увлекательная авантюра, игра, наполненная острыми ощущениями. В 1912 г. неблагонадежный Пантелеймонов проходит у московской полиции под кличкой «Мыловар» (в течение полутора лет он выпускал журнал «Мыловаренное дело»). Через год вновь арест — в Риге изъята отправленная на его московский адрес партия эсеровской литературы. Отпущен за недостатком улик. Первая мировая война — Пантелеймонов призван в армию, служил в пехотном полку, получил два ордена за участие в боях. Незадолго до Октября избран от эсеров гласным в Московскую городскую думу. После революции Борис Пантелеймонов на службе у новой власти. В первые советские годы его деятельность связана в основном с научными разработками в области химии. Он автор нескольких патентов

⁶ Пантелеймонов Б.Г. Орлята // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. С. 273.

⁷ Там же. С. 273–274.

на изобретения. Основанный в 1924 г. благодаря изысканиям Пантелеймонова Крымский хлормагниевого завод в Саках становится крупнейшим предприятием полуострова, значительно удешевив производство магния. Такой же завод строится в Одессе. В 1929 г. перспективный ученый-практик направлен в Германию для участия в международном химическом конгрессе и закупки удобрений. В советскую Россию он не вернется.

Объяснимо последующее появление Пантелеймонова в Палестине, в Поташной⁸ компании. Интерес к поташу у Бориса Григорьевича наследственный. Еще его английский дед Саймон Дигби во времена царствования Михаила Федоровича получил разрешение на монопольное производство поташа в Ярославском, Вологодском, Тотемском, Устюжском и Двинском уездах и на вывоз его за границу⁹. Палестинская поташная компания, в которой стал сотрудничать Борис Пантелеймонов, извлекала поташ и бром из Мертвого моря.

На новом витке авантюрного романа, каким представляется вся жизнь Пантелеймонова, «революционную» и «научную» линии затмевает «любовная». «Полюбить — так уж жениться».

По разысканиям М.С. Агурского¹⁰, описание трагического дня из ближневосточной жизни Бориса Григорьевича сохранилось в двух неожиданных источниках. Первый из них — вышедший в 1937 г. по инициативе Максима Горького сборник «День мира», который освещал события на планете в некий специально выбранный день — 27 сентября 1935 г. В разделе арабских стран сборника была перепечатана заметка из бейрутской газеты «Ле Ориент», датированная этим днем, в которой сообщалось, что в Бейруте покончил с собой русский эмигрант Борис Пантелеймонов. «Отчаяние г-на Б. Пантелеймонова вызвано личными неудачами. <...> В прошлый понедельник Пантелеймонов продал всю обстановку своей квартиры и заплатил долги. У него осталось несколько сирийских ливров. Вечером,

⁸ Поташ — соль карбоната калия, которую издавна использовали для стирки. Раньше ее получали при сжигании золы.

⁹ См.: *Махнанова И.* Лучившийся жизнью. С. 178.

¹⁰ *Агурский М.* Сибиряк на Мертвом море // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. С. 82–96.

выпив стакан вина, он зашел к цветочнику и купил у него двенадцать букетов. Затем он заперся в своей комнате, разбросал цветы, лег на пол и принял яд»¹¹.

В горьковском сборнике не сообщались мотивы трагического поступка — все сводилось к назиданию о безысходном положении русских эмигрантов на чужбине, что, впрочем, плохо соотносилось с сентиментальной прихотью самоубийцы, купившего перед смертью «двенадцать букетов».

М.С. Агурскому удалось обнаружить газету «Давар»¹² от 1 октября 1935 г., которая, со ссылкой на бейрутскую газету «Саут аль-ахрар», давала иную версию самоубийства профессора Пантелеймонова, с подробностями личной жизни «покойного».

В Палестинской поташной компании Пантелеймонов занимал высокооплачиваемую должность. В 1930 г. обвенчался с двадцатилетней Зинаидой Крумбах (Агурский комментирует: возможен иной перевод фамилии с иврита: Кромбах или Грумбах). Однако вскоре, как сообщается в цитируемой заметке, молодая жена, не выдержав постоянных вспышек ревности супруга, бежала от него в Бейрут, где поступила на службу в бельгийское консульство. Пантелеймонов последовал за ней. Там, как позднее со слов Пантелеймонова будет описывать его бейрутские будни А.М. Ремизов, он «пробовал поступить к какому-то эмиру по орошению абрикосовых садов, но не вышло и устроился в красильной лаборатории»¹³. Между супругами вновь начались скандалы. Пантелеймонов забросил работу и вскоре промотал все свои накопления. После длительного бракоразводного процесса Зинаида получила свободу. А ее теперь уже бывший супруг, распродав домашнюю обстановку, расплатился с долгами, купил на рынке двенадцать букетов, несколько бутылок виски и шампанского и запил, разложив букеты на полу и поставив в центре фотографию жены. А потом

¹¹ Цит. по: Агурский М.С. Сибиряк на Мертвом море. О Борисе Пантелеймонове // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 348.

¹² Ежедневная газета на иврите, издававшаяся в Британском мандате Палестины.

¹³ Ремизов А.М. Стекольник. Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 294.

принял яд. Наутро, как заключается в газете, Пантелеймонова нашли мертвым.

Наличие фотографии любимой женщины среди «букетов», впечатливших репортеров обеих газет, и «несколько бутылок виски и шампанского» против «стакана вина» придают этой истории совсем иную окраску. Страстная натура, способная на безумства из-за любви, это все-таки не отчаявшийся безработный эмигрант. Скорее, напоминает молодого Бунина, еще не приобретшего бесстрастное «лицо римлянина-патриция», как характеризовал его позднее П. Пильский, того 24-летнего Бунина, что пишет своей возлюбленной Варе Пащенко:

«Ну вот — пусть Господь убьет меня громом, разразит меня всеми нечеловеческими страшными потерями и муками — клянусь тебе — не стало сил моих! Ну хоть бы день отдыха, покоя, пойми же, я бы полжизни отдал, только бы возненавидеть тебя, стереть с лица земли все эти проклятые воспоминания, которые терзают меня этой проклятой, несказанной любовью [к] тебе, — успокоиться — ведь что же, вижу все потеряно, что же, наконец, за выгода мне рвать свое же сердце. Но каждую, каждую минуту все забываю — пойми же, Христа ради, этот ужас — забываю, что ты-то и есть причина моей муки, а я забываю, и когда вот начинает против всякой воли расти, расти эта боль и не в силах терпеть, заплачу вдрызг, опять рванусь к тебе, вот бы уткнуться лицом в твои колени, прижаться к тебе, защититься от отчаяния, а нет, опомнюсь — в тебе все! Но не могу уже больше, или письма мои не доходят, или ты дьявол, что же это, говорю тебе, я бы сам не поверил, что это творится — непрекращающи[еся] страдания! <...> я же живой, Варя. Если твое решение бросить меня осмыслилось, — чего же тебе бояться, что оно поколебается. А тяжело, но ведь у меня сердце кровью сочится! Жду ответа, ответь во что бы то ни стало, а то я на все решаюсь. Мне все равно теперь, все ничтожно перед моим страданием»¹⁴.

¹⁴ Письмо Бунина Варваре Пащенко от декабря 1894 г. Цит. по: URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/letters/letter-196.htm> (дата обращения: 11.11.2021).

Вспомним ту же непереносимую, гибельную муку страдания в бунинских «Митиной любви», «Генрихе», «Музе», «Деле корнета Елагина». Или финал его «Кавказа» (1937): «Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов»¹⁵.

С *тем* Буниным роднит Пантелеймонова, к примеру, его рассказ «Ванда» — об отчаянной любви и ярости ревности, который войдет впоследствии в книгу «Звериный знак» (1948). Кратко его сюжет: обманутый муж выстрелил в лицо любовнику своей двадцатилетней жены. Ослепленный любовник в больнице с обезображенным лицом, муж в тюрьме. Но не они главные герои этой истории, герой — рассказчик, который мучительно пытается рассудить все стороны жестокого конфликта. «Я представлял себе подробности всякого обмана. Об этом думать страшно, очень страшно, воображение надо придавить, это совсем непереносимо. <...> У меня еще юношеская вера в справедливость. Для меня это теплое, нежное, без чего не стоит жить. Умом я знаю — справедливость в нашей жизни редка. У меня это тоже атавизм — дикари убеждены в торжестве справедливости и ценят ее выше всего»¹⁶.

Однако рассказчик не может быть объективным, потому что тоже любит эту женщину, а главное — она как будто отвечает ему взаимностью.

Пантелеймонов конца сороковых годов — «молодой писатель» и, как всякий начинающий автор, вкладывает в свои произведения много себя. Впечатляет финал «Ванды»:

«Знаете, а ведь я рассказываю про свою первую жену. Не Ванда... но все равно.

¹⁵ Бунин И.А. Кавказ // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., коммент., подгот. текста и подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. С. 160.

¹⁶ Пантелеймонов Б.Г. Ванда // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. С. 9.

— Вы женились на ней все-таки?

— Да»¹⁷.

И хотя герой-рассказчик намного моложе «палестинского» Пантелеймонова (герою около двадцати пяти лет), прототипом Ванды, как полагает М. Агурский, действительно могла быть та самая Зинаида Крумбах, которая до встречи с ним успела побывать замужем и «ушла к нему в драматических обстоятельствах»¹⁸.

«Он был правдивый, — вспоминал о Пантелеймонове А.М. Ремизов. — <...> Он был целомудренный. Нельзя представить себе, чтобы он ругался или сквернословил. <...> Он был необыкновенно доверчивый»¹⁹.

Что крылось за мнимым самоубийством Пантелеймонова? Была ли то мистификация, бессильная месть покинувшей его жене? Или все было всерьез, и Пантелеймонов после сведения счетов с жизнью действительно выжил случайно?

Где Борис Григорьевич обрелся после своей «кончины», неизвестно. Он будто подвел черту под своей прошлой жизнью, чтобы, подобно графу Монте-Кристо, «воскреснуть» спустя два года, появившись в Париже.

7 декабря 1937 г. он вошел в квартиру Ремизовых на улице Буало с рекомендательным письмом от общего знакомого, инженера В.А. Залкинда, который писал, что подружился с Пантелеймоновым в Иерусалиме, аттестовал его как большого учебного-химика и просил «принять его в Обезьянью палату хоть маленьким чином». Ремизов, впрочем, знал имя своего визитера еще раньше. Тот дважды писал ему из Бейрута с просьбой напечатать в «Последних новостях» стихи некоей поэтессы по фамилии «Нахичеванская». Редактор литературного отдела газеты Михаил Осоргин, сочтя стихи мистификацией посредника, тогда отверг их.

История отношений Пантелеймонова и Ремизова описана последним в книге «Мышкина дудочка» в главе «Стеколь-

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Агурский М.С. Сибиряк на Мертвом море. Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. С. 360.

¹⁹ Ремизов А.М. Стекольщик. С. 305–306.

щик», где глазами автора впервые явлен облик нового знака: «Это был не по возрасту белый с зеленью, обветренный в кирпич, в черном сюртуке — в Париже о таких костюмах за- были — тонкий, и ничего отталкивающего»²⁰. В доме Ремизовых, где за каждым закреплялись особые, «обезьяньи», имена, ему было дано — «Иерусалимский». Пройдет немного времени, и у Бориса Григорьевича Пантелеймонова появится своя лаборатория в городке Монруж под Парижем. Он уже не бедный, в обносках, «Иерусалимский», а успешный химик и изобретатель, «Стекольный мастер», или попросту «Стекольщик». «Пантелеймонов изобрел “синтетическое” стекло, — пояснит новое имя Ремизов, — заливает цветы и мелких зверей, и они у него под стеклом как живые <...> А со временем — он делает опыты — он найдет заливку и на <...> человека»²¹. (Собственно, так и случилось: пантелеймоновской «заливкой на человека» стали его произведения.)

Среди патентов изобретателя — синтетический каучук, пластмасса холодного литья. Во время войны за закрытыми дверями его лаборатории тайно изготавливается взрывчатка для маки — французских партизан. Пантелеймонов помогает участникам Сопротивления и не скрывает своих просоветских взглядов, которые выражает в очерках, посылаемых в газету «Советский патриот». При всей искренности намерений статьи получались ходульные, с преобладанием восторженных восклицаний в адрес СССР, первых пятилеток и советского вождя. О содержании их красноречиво говорили названия: «У подножия промышленной пятилетки. Ударничество» (6 января 1945 г.), «Как живет заводской рабочий в СССР» (24 августа 1945 г.), «Как живет колхозник» (14 сентября 1945 г.), «Я — советский гражданин» (28 июня 1946 г.) и т. п.

В 1946 г. Борис Пантелеймонов будет готовить «для Москвы» книгу с черновым названием «На грани двух культур». Предполагалось, что ее составят истории о встречах автора с представителями русской культуры за рубежом: И.А. Буниным, А.М. Реми-

²⁰ Ремизов А.М. Стекольщик. С. 293.

²¹ Там же. С. 304.

зовым, Н.А. Тэффи, Б.К. Зайцевым, И.С. Шмелевым, А.Н. Бенуа²². Книга, по всей видимости, не была издана, но наброски ее сохранились в РГАЛИ и опубликованы в третьем томе омского собрания сочинений Б.Г. Пантелеймонова («Встречи со старыми писателями (Бунин, Ремизов, Тэффи, Шмелев, Зайцев)»).

В главке «Ремизов» Пантелеймонов с одобрением цитирует слова заглавного героя: «Горячо и всецело люблю настоящую, прошедшую и будущую Русь», сопровождая высказывание Ремизова пометой: «Не испугался, впрочем, никогда он ничего не пугался»²³. В эмиграции признаваться в горячей любви к *настоящей* Руси было опрометчиво — *эта* Русь была теперь советской. Недаром у А.М. Ремизова в Париже была репутация «большевика». («Мы приехали в Париж 7 ноября 1923 г., и сейчас же поднялось на меня гонение: меня объявили “большевиком”»²⁴. «В чем заключался мой большевизм? — запоздало парировал Алексей Михайлович, отвечая на приклеившуюся кличку. — Оба мы [с женой, Серафимой Павловной Довгелло] вынесли из России, что Россия жива, “не погибла” и “никаким снегом ее не заметало”, что в России остались большие “культурные” силы, что чваниться эмиграции “мы — всё” самонадеянно и слепо, и кличка “Совдепия” вместо “России” для русских, оставшихся в России, обидна, да и неправда. И я стал искать и отмечал, что за эти годы поднималось в России “живого”, это касалось не политики, но “литературы” и “живой жизни”»²⁵.

²² См. об этом в письме Б.Г. Пантелеймонова А.М. Ремизову от 25 августа 1946 г.: *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Т. 3. С. 167.

²³ *Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями. Ремизов // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Т. 3. С. 128.

²⁴ Фонд А.М. Ремизова в Отделе рукописных фондов ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Первая тетрадь с записями С.П. Ремизовой-Довгелло, переписанными и прокомментированными Ремизовым в апреле 1945 г. Л. 48. Цит. по: *Урюпина А. «Жили одиноко и скрытно»: О репутации и литературном окружении А.М. Ремизова в Париже 1920–1930-х годов (по материалам архива писателя в Государственном литературном музее) // Октябрь. 2015. № 7. С. 187–188.*

²⁵ Там же. Первая тетрадь с записями С.П. Ремизовой-Довгелло, переписанными и прокомментированными Ремизовым в апреле 1945 г. Л. 86.

14 февраля 1945 г. Ремизов посещает советского посла и получает советский паспорт²⁶. Полтора годами позже советский паспорт получит и «невозвращенец» Пантелеймонов. Схожие взгляды на происходящее в современной России не могли их не сблизить. В разговорах находились и другие точки соприкосновения. Мечтали о совместной поездке в родную для обоих Сибирь. По выражению Ремизова — на его «летописную родину» (предок Алексея Михайловича, Семен Ульянович Ремезов, по преданию, был автором первой географической карты Сибири).

Пантелеймонов с робостью новичка делится с опытным Ремизовым своими публицистическими опусами, ожидая его советов. «Как трудно писать, что вы написали. Много тут в словах, а не на деле, — отвечает Ремизов. — <...> Буду ждать ваших рассказов о России. Я выделяю из всего тамошнего за “дело” и что по-русски пишете» (в письме от 20 февраля 1945 г.)²⁷.

Алексей Михайлович предложил Пантелеймонову обратиться к своим воспоминаниям, написать что-нибудь художественное, «из жизни», благо богатая биография начинающего автора, насыщенная приключениями, давала для этого много материала.

Как потом будет отмечать в рецензии на его первую книгу А.В. Руманов: «Основа Пантелеймонова — его феноменальная память. Он помнит все, что перевидел и пережил. А перевидел и пережил он многое»²⁸. Именно память в сочетании с по-детски неумной фантазией и редким, органичным даром рассказчика обеспечит впоследствии Пантелеймонову читательский успех.

Зачарованный Пантелеймонов сразу и безоговорочно попадает под влияние наставника, и начинается серьезная литературная учеба. «Думаю, сидя у Ремизова: иду в монастырь. Всё приму, что Настоятель скажет»²⁹, — признается он. Оглушен-

²⁶ См.: Грачева А.М. «Дневник мыслей» Алексея Ремизова: вступ. ст. // Ремизов А.М. Дневник мыслей. 1943–1957 гг. / отв. ред., автор вступ. ст. А.М. Грачева. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. Т. I: Май 1943 – январь 1946. С. 14–15.

²⁷ Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 175.

²⁸ Руманов А.В. «Зеленый шум» (Книга рассказов Б. Пантелеймонова). Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 269.

²⁹ Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями. Ремизов. Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 122.

ный Ремизовым, Пантелеймонов сравнивал его воздействие на себя с фокусами иллюзиониста: слова мелькали подобно шарикам в руках ловкого жонглера. (Вот он, тот самый, неказистый внешне ловкач из цитируемого в начале статьи наброска — объект зависти «молодого писателя»! *«Маленький, брови клочьями, душа краем держится. Под очками сразу губы, двиг их явственный: слова собственные, стопроцентные. Хватка, повадка — невиданно! И так ловко клубок разворачивает, петли мечет то ширше, то уже — завидно.»*)

Ремизов нещадно правил ученика, приклеивал в его рукописях бумажки с пояснениями, для наглядности сопровождал свои пометы рисунками и без конца велел переписывать. (Ставил в пример себя: «<...> переписываю по 5 раз. Это стало моим правилом. <...> Ищу живую воду в русской речи в веках»³⁰.) Алексей Михайлович рекомендовал остерегаться «убогого» в своей чрезмерной «правильности» языка. «Писать надо так, — настаивал, — чтобы переводить было очень трудно, а лучше всего, чтобы было не переводимо»³¹. И, признается Пантелеймонов, постепенно уши его вдруг начали «слышать то, что раньше не слышал»³². Он следует ремизовским советам избегать внутренних созвучий (вроде «серое бисерное»), ассонансов (рифмы в прозе), «суконного», по Ремизову, слова «который». Это Ремизов «разрешил» Пантелеймонову сочетать разные времена в одной фразе, чтобы избегать нечаянного созвучия, от которого, как он пишет, «для русского уха беспокоино» (возможно, именно тогда появляется характерное пантелеймоновское смешение всех времен в одном предложении, на которое ему будут впоследствии пенять рецензенты, и особенно едко и непримиримо Бунин). В другой раз наставник советовал ученику заметить местоимение «он» в середине его повествования на «я», а закончить опять на «он» — в духе исконного русского лада (иллюстрировал соответствующими грамотами). Рекомендо-

³⁰ В письме А.М. Ремизова Б.Г. Пантелеймонову от 26 августа 1946 г.: *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Т. 3. С. 178.

³¹ *Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями.* Ремизов. С. 129.

³² Там же. С. 124.

вал избегать «царапающих», как он говорил, слов «женщина» и «мужчина», а также «пустого, ничего не выражающего» слова «красота». Остерегал от неэкономного расхода эпитетов («если нет яркого, то никакого не надо»)³³. Главный же завет Ремизова заключался в призыве слушать ритм, музыку повествования, чтобы ритм и слово были «русского лада», чтобы «оживить серую, в “немецких” шорах, книжную русскую речь»³⁴. Чтобы постичь музыку языка, советовал читать «дьячий язык Приказов», где нет «никакой книжности, никаких “щей”»³⁵, — словом, учиться грамматике заново.

И вот, наконец, ученик переходит в разряд подмастерья — Ремизов предложил Пантелеймонову совместно заняться изданием литературного альманаха. «В 1945 году в Париже, по инициативе А.М. Ремизова, наметили издать через меня “Русский сборник”. Кроме Ремизова, в издании приняли участие Бунин, Тэффи, Бенуа, Маковский, Адамович, Ладинский, Рошин, Зуров, Ставров и из поэтов — Георгий Иванов и другие», — так начинаются пантелеймоновские «Встречи со старыми писателями»³⁶. «Через меня» означало, по сути, «за счет меня»: издание, гонорары, вся организационная и материальная часть ложилась на Пантелеймонова, который отличался неоглядной широтой души и не только безотказно откликался на просьбы своих друзей и знакомых, но и щедро предлагал свою помощь сам.

А.М. Ремизов считал его своим единственным, неизменно преданным меценатом: «По-русски не издают с 1931 года. Никому не нужен. Последние книги <...> издал С.В. Рахманинов. (Но и ему я надоел.) В Париже беззаветно единственный Б.Г. Пантелеймонов»³⁷.

³³ Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями. Ремизов. С. 129.

³⁴ Там же. С. 123.

³⁵ Ремизов А.М. Стекольник. С. 308.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 6. Ед. хр. 763. С. 1–49. Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 111.

³⁷ В письме А.М. Ремизова Б.Г. Пантелеймонову 26 августа 1946 г.: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 178–179.

Забегая вперед — Борис Григорьевич станет материально поддерживать и Тэффи, деликатно облекая свою помощь в гонорары за творческие консультации: «<...> Теперь о делах. Как мы условились, Вы не откажитесь мне помочь советом в издании книжки. Прилагаю аванс в счет работы <...>»³⁸

Не скроет позже признательности Пантелеймонову за постоянную финансовую поддержку и Бунин, выразив свою благодарность в грубовато-шутливой форме:

«Что до меня, то я, замученный мыслями о моих неоплаченных долгах Вам <...>, все последние дни собирался бежать на какой-нибудь необитаемый остров в Баб-эль-Мандебском проливе, но раздумал, решив, вместо бегства, написать покаянное письмо “Маме”³⁹ и просить ее не оставлять меня по-прежнему присылкой старых штанов и хотя бы бумажных долларов. Поэтому усердно молю Вас не описывать на днях мебель моей квартиры за мой долг Вам, потерпеть еще немного — и известить меня: не хотите ли повидаться со мной в ближайшие дни? В ожидании Вашего согласия на это остаюсь глубокоуважающий Вас и себя <...>

Описатель природы,
Тяжко страдающий без
Сталинградской России»⁴⁰.

Именно на Бунина будет делаться основная «ставка» в «Русском сборнике» — Бунина-академика, лауреата Нобелевской премии, к тому же недавнего юбиляра (в 1945 г. ему исполнилось 75 лет). 2 января 1946 г. Пантелеймонов пишет Бунину:

³⁸ Б.Г. Пантелеймонов в письме Тэффи 25 ноября 1946 г. (Бунин, Тэффи, Маковский. Три письма Б.Г. Пантелеймонову / вступ. и публ. В. Енишерлова. Цит. по: URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12701.php> (дата обращения: 23.01.2022)).

³⁹ Бунин шутливо называет так Марию Самойловну Цетлину, которая, уехав в 1940 г. в Америку, оказывала оттуда щедрую финансовую и материальную помощь своим друзьям-эмигрантам.

⁴⁰ *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч. в 3 т. Т. 3. С. 195.

«Многоуважаемый Иван Алексеевич,

По инициативе А.М. Ремизова группа лиц приступает к изданию альманаха “Подорожник”⁴¹, где примут участие главным образом лишь старые писатели (что касается, по крайней мере, литературно-художественной части). Размер альманаха около 6-7 печатных листов. Выход намечен на начало февраля.

В альманахе будут отмечены юбилеи — Ваш и А.Н. Бенуа. Мы хотели бы поместить Ваш портрет, исполненный на меловой бумаге в размер альманаха в виде вклеенного в книгу листа. Естественно, что необходимо иметь что-либо от Вас и о Вас. По всем этим вопросам необходимо было бы лично переговорить с Вами. Поэтому прошу Вас назначить мне свидание.

С совершенным уважением к Вам»⁴².

В более позднем (28 января 1946 г.) письме-приглашении Н.А. Бердяеву уточнялись данные об объеме, тираже и последующей судьбе задуманного издания: «В конце февраля предполагается выпустить альманах (типа “Современных записок”) объемом около 12 листов. <...> Тираж издания около 1500. Нам обещано, что некоторое количество будет взято в СССР и что по поводу альманаха будет устроена дискуссия в Союзе советских писателей»⁴³.

О последнем Пантелеймонов в своем письме Бунину благодушно умолчал, догадываясь, что это уточнение вряд ли его привлечет. Как раз в это время у Бунина возникают крайне напряженные, болезненные отношения с советскими издателями, связанные с публикацией его сочинений в СССР без утверждения состава автором.

Пантелеймонов вспоминает, с каким предубеждением он отправлялся в первый раз к Бунину для разговора о сборнике — наслышан был, что академик «надменный, недобрый, “зубр”»⁴⁴.

⁴¹ Впоследствии название было заменено на «Русский сборник». «Подорожником» стало называться издательство, в котором вышел «Русский сборник» и все парижские книги Пантелеймонова.

⁴² *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 189.

⁴³ Там же. С. 153.

⁴⁴ *Пантелеймонов Б.Г.* Встречи со старыми писателями. Бунин // *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч. в 3 т. Т. 3. С. 111.

(Не о нем ли: «*речь важная, в бобрах — большой барин*»?) Да и что общего могло быть у автора «Окаянных дней» и человека, вдохновенно пишущего о советских пятилетках и называвшего Сталина человеком с «абсолютным политическим слухом», «невероятной по своей мощи исторической фигурой»?⁴⁵

Очерк, откуда взяты цитируемые строки, был опубликован в «Советском патриоте». Само сочетание этих слов — «советский патриот» — из уст Бунина могло прозвучать разве что в бранном смысле. Да и стилистика очерка, представлявшего собой ретроспективу первой советской пятилетки, поданную в восторженной лексике, равно как и безудержное восхваление Пантелеймоновым успехов страны Советов должно было бы навеки поместить опорочившего себя автора в лагерь нерукопожатных. Однако случилось невероятное — в первую же встречу настроенные поначалу друг к другу Бунин и Пантелеймонов долго не могли наговориться. «Бунин, конечно, не однолетка со своим возрастом, — удивленно открыл для себя Пантелеймонов. — Он в своей духовной сущности не тронут и способен мальчишествовать и увлекаться. Веселится по-искреннему. Готов и выпить»⁴⁶. Кажется, — как когда-то с Ремизовым — Пантелеймонов находит в Буinine родственную душу. Но поразительнее другое — что и Бунин постепенно принимает Пантелеймонова в свое сердце. Да так, что, когда спустя четыре года тот внезапно скончается от тяжелой болезни, Бунин не сможет сдержать слез перед Тэффи, сообщившей ему скорбную новость: «У меня не было сил написать Вам и по моей Великой слабости и по тому, как разорвала мне сердце эта страшная весть. С годами тупеешь к потере близких, знакомых, но тут я так плакал, как давно, давно не плакал. Только теперь узнал, как я любил Его!» (Письмо от 24 сентября 1950 г.)⁴⁷

Но в 1946 г. все еще живы. Бунин откликается на предложение своего нового знакомца, предоставив для «Русского сборника»

⁴⁵ Пантелеймонов Б.Г. У подножия промышленной пятилетки. Ударничество // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 11.

⁴⁶ Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями. Бунин. С. 120.

⁴⁷ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 258.

рассказ «Зойка и Валерия»⁴⁸. Рассказ не новый. Написанный 13 октября 1940 г., в 1942-м он уже публиковался в нью-йоркском альманахе «Ковчег». В один год с «Русским сборником» этот рассказ будет повторен и в сборнике «Темные аллеи».

В ту первую зимнюю встречу дома у Бунина говорили о многом. Бунин делился с Пантелеймоновым тем, что в те дни заботило больше всего, — в Москве собираются переиздавать его избранные сочинения, не согласовав с автором состав сборника.

«— Послушайте, — вдруг накидывается на меня (здесь и далее зачеркнуто при редактировании рукописи⁴⁹ — Е. Т.). — Да это что же у вас там делают? Хорошо, меня переиздают. Очень лестно и так далее. Но, позвольте, я ведь еще не умер — почему меня не спросят? Может, я тоже имею право голоса, может, я что бы и выбросил, — нахожу теперь слабым... А какие тексты брать? Для меня, если даже запятая не на месте или лишняя, и то уж больно, обида. <...> у меня своя, своя пунктуация!»⁵⁰.

Пантелеймонов добавляет, что при дальнейших их встречах убедился, какое значение придает Бунин пунктуации, как терпеть не может многоточия, считая его манерным «дамским делом». «<...> не понимаю, зачем Вы то и дело не ставите нужных знаков препинания! — сердито пеняет Бунин в письме своему ученику. — Неужели Вы не чувствуете даже внутреннюю потребность в них? Ведь это ритм нашего дыхания!»⁵¹

Тогда, при первом знакомстве, не могли обойти в разговоре тему России и победы советского народа в войне.

«Вот, думаю, сейчас “зубр” глянет. Но оказалось, говорит, наоборот, задумшевно, с налетом тоски:

⁴⁸ Публикацию рассказа в «Русском сборнике» (Париж: Подорожник, 1946. С. 8–18) предварит юбилейная статья Г.В. Адамовича «Бунин» (С. 5–7).

⁴⁹ Как поясняют публикаторы этого очерка Пантелеймонова: «Сохранилась авторская правка (или правка К.М. Симонова, что может установить только специальная почерковедческая экспертиза). Поэтому в тексте <...> оставлены перечеркнутые строки». Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 5.

⁵⁰ Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями. Бунин. С. 112–113.

⁵¹ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 218.

— Тянет ли в Россию? Конечно, тянет. Только слишком стар я, чтобы еще раз ломать жизнь. Да и зачем возвращаться на кладбище всего своего прошлого? Своей молодости. И потом Ну, подумайте, — там совсем новые люди! а я и на язык не воздержан и вообще трудно мне будет. А победа, это да. Кто мог думать...»⁵²

В конце главы, посвященной Бунину, Пантелеймонов вновь вернется к его словам о России, и вновь строки перечеркнуты (чьей рукой — самого автора или редактора, неизвестно):

«Не раз говорил с Буниным о поездке в Россию. Говорил по душам, по-хорошему. Однажды видел подлинное и глубокое волнение, чего-то зацепил у него в душе, но на завтра он прислал мне открытку: “Не мучайте меня. Поймите, как я стар, как мне все это трудно”».

Обсуждая состав будущего сборника во время той их первой встречи, Бунин с Пантелеймоновым сходятся во мнении, что непременно надо пригласить в него Тэффи. «Только не просите у ней обязательно “смешное”. Ведь сколько написала она замечательных рассказов вовсе не юмористических. Сестрица, это такая, скажу вам, баба, — наставительно говорит Бунин, — в ней что-то такое есть, что еще никто как следует не понял не раскусил. Большой человек, большой талант. Что-то, может, только потому люди выудят. Крупная фигура»⁵³.

«Пришел высокий элегантный господин, лет 45, с тщательно причесанными серебряными волосами, — будет потом вспоминать Тэффи первый визит издателя в своих мемуарах «Мой друг Борис Пантелеймонов». — Красивое тонкое лицо, губы сжаты, синие глаза внимательны и серьезны».

Это уже не тот странник-паломник в старомодном «эмпермеабле, жеванном в сеть», каким за девять лет до того он явился к Ремизову.

«У нас, писателей, глаз острый, — продолжает писательница. — Я сразу поняла — англичанин».

⁵² Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями. Бунин. С. 113.

⁵³ Там же С. 112.

Оказался коренной русский, сибиряк, 58 лет, ученый химик, профессор, автор многих химических открытий и работ»⁵⁴.

Тэффи дала тогда для «Русского сборника» небольшой цикл своих зарисовок военного времени под общим названием «Цепь», который в категорию «смешного» никак не вписывался. Непривычно серьезная писательница говорила в нем о незримой и прочной людской связи, взаимозависимости и взаимоответственности, о муке при невозможности прийти на помощь своему ближнему (в более позднем рассказе «И времени не стало» она назовет это своей теорией мировой души, помогающей преодолеть страх смерти: «Душа одна, общая для всех людей, животных и вообще всякой твари»):

«Многие из нас, может быть, все, ложась вечером в постель, думают:

— Вот мне уютно и безопасно, и спокойно, и могу уснуть, а каково тем, на фронте?!

И начинается наша “спокойная” ночь... Тоска и мука, сознание своего бессилия хоть чем-нибудь помочь. И думается, что “там” нам было бы легче. Нет выше той любви, как если кто жизнь свою отдаст за ближнего, но и нет горше горя, как если кто не может отдать жизнь за ближнего, не может помочь. Мы все связаны такой нерушимой цепью, что если мы физически не вместе с погибающими, то душевно мучаемся и умираем с каждым из них»⁵⁵.

Надо ли говорить, как созвучна была эта теория альтруисту-бессребреннику Пантелеймонову! Совпадали и представления Пантелеймонова и Тэффи о смехе. В одноименной новелле Пантелеймонов рассуждает о природе смеха, возвращающего человека в детство. Вспоминает свою прошедшую жизнь: «Сколько этого смеха в былом рассыпано — не рассказать. Если собрать сейчас, вспомнить — у каждого из нас солнца столько, что и

⁵⁴ Тэффи. Мой друг Борис Пантелеймонов. С. 328.

⁵⁵ Тэффи. Цепь // Русский сборник. Париж: Подорожник, 1946. С. 49.

себе и другим хватило бы <...> Счастье начинается — когда мы как дети. И смех — тоже ребенок»⁵⁶.

Как было не сдружиться ему с Тэффи, которая во всем могла отыскать детское, радостное начало: «Ах, много, много разного смеха на свете. Но есть один, при воспоминании о котором становится жить теплее. Этот смех без причины, самоцельный и тихий, и звонкий, весь — светлая радость бытия. <...> И старые одинокие люди, которых жизнь закрутила и отбросила далеко от живого счастья, вспоминают об этом смехе в длинные зимние вечера, <...> и не видят, что гаснет тусклая лампа, и смотрят, улыбаясь, в темноту надвигающейся ночи. Так смеются... <...> так смеются маленькие кудрявые дети...»⁵⁷

Неслучайно Федор Сологуб однажды определил Тэффи как навеки тринадцатилетнюю. Ее и Пантелеймонова роднили те самые, по названию его повести, «молодые глаза», которыми они смотрели на жизнь.

Близкое знакомство с Тэффи ошеломило Пантелеймонова не меньше двух предшествующих. Ремизов, призывающий его учиться письму, на вопрос, как это удастся Тэффи, разводил руками: «Птичка. Птичка Божья. Это как голос, поставленный от природы, не требующий обработки»⁵⁸. Теперь, бывая на еженедельных четвергах в ее доме, Пантелеймонов мог убедиться, что Тэффи — уникал, исключение в писательской среде. Она сплетала фантастические истории буквально на ходу, на глазах присутствующих друзей. «У меня о литературном творчестве свое представление. Я не верю, что вот так снисходит — и человек, как замороженный, творит. Даже Пушкин работал беспощадно. Но Тэффи, со своей искрометностью, опрокидывает мои представления. Все более и более убеждаюсь, что у нее это как у птички божьей, действительно, рождена с какими-то кол-

⁵⁶ Пантелеймонов Б. Смех // Советский патриот. 1947. 26 сент. № 153. Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 60, 62.

⁵⁷ Тэффи. Смех // Тэффи. Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 27–28.

⁵⁸ Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями. Тэффи // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 141.

довскими особенностями. Выдумка, весь узор рассказа находят на нее как-то помимо нее»⁵⁹. (Вот она, «жемчужина, плат расписной»!)

Помимо редкостного таланта, Тэффи отличали «доброта ко всем пишущим, готовность всем помочь советом. Широта от богатства натуры»⁶⁰. И Пантелеймонов с благодарностью прислушивается к советам нового обретенного наставника.

Под обложкой «Русского сборника» собрался, кажется, весь литературный Париж. Помимо упомянутых «зубров», Пантелеймонову удалось залучить туда Николая Бердяева, Сергея Маковского, Зинаиду Гиппиус, Марину Цветаеву, Георгия Иванова, Ирину Одоевцеву, Юрия Терапиано, Михаила Струве, Владимира Смоленского, Георгия Раевского, Софью Прегель, Анну Присманову, Леонида Зурова, Антонина Ладинского, Николая Рощина, Перикла Ставрова и др. Три материала было отведено второму юбиляру, Александру Бенуа: глава «Мое художество» из его собственной книги воспоминаний и статьи о нем — С.К. Маковского «Александр Бенуа и “Мир искусства”» и Вс. Малянтовича «Александр Бенуа».

«Воспользовавшись» издательским положением, Пантелеймонов подготовил для сборника и собственные произведения — публицистическую статью «Судьбы народов» и первый художественный рассказ. Причем сначала это был фантастический фельетон в ремизовском стиле, а потом, когда рукопись уже ушла в набор, он позвонил Тэффи и сообщил, что накануне написал новый рассказ, о своем детстве. Это был «Святой Владимир», в котором этот ходульный агитатор и пропагандист советского образа жизни неожиданно явил себя тонким стилистом и задушевным художником.

Начинающего автора сразу признали. И не только читатели. Как равного приняло его и литературное сообщество. В рецензии на вышедший сборник Георгий Иванов напишет: «Новое имя. Откуда в наши дни взяться в эмиграции новому имени, способному возбудить интерес? Очерк⁶¹ Б. Пантелей-

⁵⁹ Там же. С. 135.

⁶⁰ Там же. С. 141.

⁶¹ Речь идет об отрывках из повести «Святой Владимир».

монова не только вызывает интерес, но и <...> сожаление, что этих страниц только 26, что увлекательное повествование оборвано и мы так и не узнаем <...>, что стало [с его героями] и с самим автором, <...> сумевшим взглянуть на Божий мир тихими, ясными, все подмечающими глазами <...>. “Святой Владимир” написан, что называется, без затей, но это отличная “чеховская” простота, под которой чувствуется врожденное мастерство»⁶².

Трудно представить, но всего за четыре года новичок в литературе Пантелеймонов стал близким другом ведущих писателей русского зарубежья, названным «братом» небожителей Парнаса Бунина и Тэффи. Как незадолго до смерти признается он в письме к Ремизову: «Как-то странно, хотя Вы мне ближе других, но с Вами не определилось того, что вышло с дальними, напр[имер] Буниным или Тэффи — не создались отношения, где настоящая привязанность друг к другу. (Боюсь употребить слово “любовь”.) В самом деле, или Вы не рассмотрели что-то во мне, или я около Вас слишком свертывался клубочком, как еж, выставляя наружу все иглы. А может быть, мое “писательство” помешало — здесь Вы Аввакум и суровы ко всякому духу “б... римской”»⁶³.

С теми «дальними» почему-то было проще. Каждую свою новую вещь Пантелеймонов традиционно переписывал в двух экземплярах: один посылал Бунину, другой — Тэффи. «Мы любили собираться втроем, — вспоминала Тэффи, — Бунин, он и я. Было хорошо. Бунин подшучивал над “молодым автором”. Тот весь излучался от радости этого общения. Да, было хорошо. Они оба называли меня сестрицей»⁶⁴.

Это начиналось как шутливая игра, но постепенно переросло в подлинные чувства, и уже редкий день обходился без перебрасывания письмами-пневматичками. Если первое письмо

⁶² Иванов Г.В. «Русский сборник» [Рец.]. Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 267.

⁶³ В письме от 15 июля 1950 г. (Отдел рукописных фондов Государственного Литературного музея им. В.И. Даля. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 650).

⁶⁴ Тэффи. Мой друг Борис Пантелеймонов. С. 331.

Пантелеймонова Бунину с приглашением участвовать в альманахе было выдержано в официальных тонах, то вскоре их переписка приобретает интимную теплоту с оттенком дружеского подтрунивания (последнее, впрочем, чаще со стороны Бунина; Пантелеймонов относился к учителю с неизменным восторженным пиететом).

«Друг мой дорогой», «милый мой друг», «братец милый», «братец мой любимый», «голубчик брат», «друг мой небесно-любимый», — письма Тэффи к Пантелеймонову наполнены ласковыми обращениями. Бунин ироничен и более изобретателен, он почти не повторяется, каждый раз величая адресата по-разному:

«Cher Maitre», «Канадский бобер», «Отче Рыбоудче», «Дорогой писатель и Химик», «Граф», «Дорогой Патриот Патриотович», «Милый Пантелей Пантелеич», «Любезный автор», «Милый Ермак Пантелеич», «Седой канадский тигр», «Дорогой Таежник-Пантелей Менделевич-Миклухо-Маклай», «Сын трудового народа», «Милый дяденька», «Дорогой демон», «Милый, дорогой Менделеймонович», «Разлюбезный друг», «Дорогой дядя Володя», «Любезный князь Мышкин», «Любезный собрат», «Дорогой дядя Боря», «Глубокоуважаемый Григорий Борисович», «Дорогой Старушек», «Товарищ», «Дорогой Пантелей», «Милый дедушка», «Дорогой Среброволосый автор», «Дорогой Серебристый Канадский бобер» и т. п.

Бунинские подписи под письмами Пантелеймонову также отличались разнообразием:

«Лауреат», «Граф Иван Тонкий», «Пахом Менделеевич», «Ваш Доброжелатель», «Иван Терибль», «Иван Горький», «Ваш Сим Томас», «Ив. Лебедев-Кумач», «Иван Иванович», «Ваш дядя Ваня», «Сухово-Кобылин», «Ваш благодетель», «Действительный статский Советник Ефедрин Адrenalинович Астмов», «Ваш Ванин», «Князь Буй-Горбунец», «Ваш Невозвращенец», «Описатель природы, тяжело страдающий без Сталинградской России», и т. д.

Все эти «Невозвращенец», «Тяжко страдающий без Сталинградской России», «Патриот Патриотович», «Товарищ», «Сын трудового народа» (аллюзия на бунинского ученика по ту сторону границы Валентина Катаева) язвительно намекали на просоветские убеждения Пантелеймонова, которых, впрочем, он никогда не скрывал. С июня 1946 г. у Пантелеймонова был со-

ветский паспорт. Он с гордостью подчеркивал: «Я — советский гражданин. Советский. Моя Родина — СССР. Великая, героическая страна. <...> Возьми меня. Я твой кирпич. Строй из меня, непостижимый Зодчий»⁶⁵.

Пантелеймонов горячо проповедует среди своих друзей-наставников любовь к Родине, какой бы она ни была, спорит с ними, взывает к чувству патриотизма, хотя сознает напрасность своих увещаний: «Тому, кто слишком верит в силу своего разума и кого это влечет на вражду к моей Родине, — пусть просияет и смирится. Усомнится в исторической верности своих идей. Облегчит свое сердце, которое никогда не примиряется с отрывом от родной земли. Потому у него такой землистый цвет лица, неверный взгляд, озлобленное перо, вечный омут в сердце. Которое он не смирит. Никогда»⁶⁶.

Про озлобленное перо и омут в сердце — это о Бунине, несомненно. Это его, неназванного, призывает Пантелеймонов послушать «свое сердце», поехать домой, чтобы «умереть на родной земле». «Иди, упейся Родиной, иди к своим, счастье ждет твою неизбалованную замученную душу». Он обращается к тому, кто, как уверен Пантелеймонов, «творит и живет в пустыне, где его не понимают, не хотят знать. Где пыл души, редкостные изгибы разума — расточаются бесплодно. Кто мог бы говорить для миллионов и мельчает, тратясь на десятки. <...> Тому, кто живет Богом и идет против его заветов, отворачиваясь от родной земли»⁶⁷.

В свою очередь Бунин язвит в ответ на восторженное письмо открывшего для себя красоту Библии Пантелеймонова: «Вам ли подобает восторгаться Библией, а не 47-м томом сочинений того, кого назвал патриарх “вся Руси” “гениальным вождем и отцом народов, Богом данным Советской Державе!»⁶⁸.

Но даже сугубое различие в политических взглядах не могут их развести по разные стороны баррикад. Искренне заботятся

⁶⁵ Пантелеймонов Б.Г. Я — советский гражданин // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 103–104.

⁶⁶ Там же. С. 104.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ В письме Бунина Пантелеймонову от 8/3 1949 (Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 215).

друг о друге, переживают о здоровье друг друга — все трое далеко немолоды и глубоко нездоровы. «Перекрестился от радости за сестрицу! Дай-то Господи! От нее было два письма, — как всегда осыпанных алмазами», — восхищается эпистолярным даром Тэффи Бунин (в письме Пантелеймонову от 16 февраля 1948 г.)⁶⁹. Для себя он почти никогда ничего не просит (ну разве что хорошие перья для письма), а за «сестрицу» часто молит обеспеченного Пантелеймонова — найти для нее хороших врачей.

«Нынче получил Ваше заказное письмо, — сообщает он Пантелеймонову в том же февральском письме. — Рад, что одолели грипп, еще больше тому, что Вы не в больнице. Но ведь это пока? Храни Вас Бог!». И в конце ироническая приписка: «Беспокоюсь все время, несмотря на нашу классовую вражду»⁷⁰. 22 ноября 1948 г. ему же: «Получил нынче ваше посланьице, дорогой дружнице, и крепко порадовался — славная и честная Вы душа, черт возьми»⁷¹.

Именно о Бунине и Тэффи говорит Пантелеймонов в очерке «Я — советский гражданин», хотя и не называет их имен: «Сейчас я пойду к своим друзьям. К тем друзьям, которые думают не так, как я. С которыми мне о многом было нельзя говорить. Мне надо сказать им только о том, что я был прав: лик родины искажали. Эти друзья дарили меня своей любовью и уважением, хотя между нами лежала пропасть. Я понимал их прямоту, честность, благородство. Нет между нами пропасти — мы любим Родину»⁷².

Художественные произведения Пантелеймонова написаны будто совсем другим пером, свободным от пафоса и от политики. (Нельзя ведь отнести к «политике» цикл «Молодые глаза», где автор с мягкой самоиронией повествует о своей революционной юности.) Пантелеймоновские темы — традиционные гуманистические темы русской литературы: добро и зло, любовь и сострадание, поиски смысла жизни, внимание к братьям нашим меньшим.

⁶⁹ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 208.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 213.

⁷² Там же. С. 105.

Новые наставники Пантелеймонова, литературные антагонисты Ремизова, Бунин и Тэффи начали с ниспровержения своего предшественника.

«Ремизовскую манеру писать, его стиль, его произведения не любят <...> ни Бунин, ни Тэффи, — с сожалением констатировал Пантелеймонов. — А я сам, еще до того как стал пописывать, был болен Ремизовым.

— Скажите, это у вас хроническое или можно вылечить? — допытывается Бунин»⁷³.

Просматривая пантелеймоновские рукописи, он нещадно вымарывает «ремизовщину», помечая на полях: «не понимаю» или «вон, к чёрту!»

Прочитав «Молодые глаза», Бунин выскажет Пантелеймонову в письме:

«Когда читал начало, воскликнул вслух:

— Какой талантливый человек!

К концу менее интересно, но неплохо.

Недостатки: уж очень отрывочно; зачем автору уж так сильно хочется кокетничать этим? Кокетничает он до некоторого б...ва и ремизовским языком — фразы не скажет в простоте!»⁷⁴

В письме Ремизову от 15 марта 1947 г. целомудренный Пантелеймонов перескажет этот отзыв, смягчив нецензурную бунинскую брань:

«Между прочим, в этом номере “Новоселья” идет моя вещь — “Молодые глаза”. <...>

Бунин сказал: “Талантище, но паскуда ремизовская, ни одного слова просто не скажет”. Я как мог отругался, но боюсь, что Вы скажете обратное: “Пишете по-немецки, вроде Бунина»”⁷⁵.

Смущенный противоречивыми советами мэтров, «молодой писатель» пытается найти золотую середину в теоретических исследованиях. Чувствуется закваска технаря, который подходит к литературному труду с математической меркой, поверяя гармонию алгеброй. Он простодушно признается в письмах к Тэффи:

⁷³ Пантелеймонов Б.Г. Встречи со старыми писателями. Бунин. С. 117.

⁷⁴ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 196.

⁷⁵ Там же. С. 168.

«Вопросы остроумия я изучал по Фрейдю. И уверяю Вас — много моих шуток, помещенных в книгу, не слетели мне с небес, а созданы применением научных приемов. Есть у меня и такой прием: когда меня не удовлетворяет фраза, я начинаю мысленно переводить ее на французский, немецкий, английский. И вдруг ахнет-родится “находка” <...> Заслуга автора во все не в том, с моей точки зрения, что он пользуется только исключительно новым, своим. Это даже безразлично. Заслуга в том, что он создает новую картину, заставляет все звучать, создает музыкальную фугу <...> Вообразите, если бы конструктор машины не имел права пользоваться деталями уже известными. Никакой бы машины не было»⁷⁶.

Однако еще раньше, в письме Пантелеймонову от 9 мая (б. г., предположительно 1947) Тэффи предостерегала его от чрезмерного увлечения теорией, пересказывая свой разговор с Буниным:

«Сегодня долго говорили о Вас, и он просил Вам написать, чтобы Вы немедленно все эти руководства по сочинительству бросили в печку. Это Вас погубит, засушит. Сказал, что у Вас отличный свободный язык, и никогда он ни на какие *неправильности* (здесь и далее выделено Тэффи. — Е. Т.) не напал, а только на нарочитые ухищрения. В разговоре нашем я сказала афоризм, за который он с радостью ухватился. Я сказала: “Хорош тот язык, которого не замечаешь”. Если он красив, изыскан, меток, ярок — все равно вы получаете впечатление от всей целостности, не замечая работы, мастерства, как не замечаете холста, сорта красок и кистей в великолепной картине. Поэтому, читая Ваши вещи, и иногда погружаясь в них, как в музыкальную симфонию, [я] вдруг получала толчок, точно струна лопнула или флейта сфальшивила. Это была ремизовщина (чужая для Вас, фальшивая, точно краденая) или нарочитая выдумка, нечестная, намеренно запупыристая (вот, мол, как я могу). Прочтите Ваши руководства, если они заняты, но

⁷⁶ Из письма Б.Г. Пантелеймонова к Н.А. Тэффи от 16 июня 1947 г. Бахметевский архив. Фонд Тэффи.

пишите как писали, ради Бога, не засушивайте себя. У Вас должен быть *свой язык*»⁷⁷.

Так же, как Бунин, Тэффи всеми силами старается оградить Пантелеймонова от литературного влияния Ремизова. Начиная автор советуется с ней, как лучше назвать первую книгу, делится своими вариантами, в том числе подсказанным Ремизовым — «Зеленые зовы». Тэффи отвечает:

«Ради Господа Бога, оставьте “Зеленый шум”. Название великолепное, очень как синтез подходит, красивое, народное — лучше и не приснится даже. Все эти “сны”, “грезы” и прочая карамель совсем Вам не годится. “Зеленые сны”. Что ему, шпинат, что ли, снится?.. Вместо “Молодые орлы” поставьте “Орлята”. Очень хорошо. Бунин согласен, что хорошо. “Орлы” — вообще было слишком превыспренно. Все еще неорлиное, все молодое, бестолковое, проба крыльев, подготовка к полету. Словом, орлята. Ставьте “Орлята”. Золотоискатели⁷⁸ сейчас у Бунина. Наверно, к завтраму прочтет. С моими пометками согласен. Бойтся, что ремизовщину Вам не вытравить. Между прочим, я нахожу ужасным названием “Зеленые зовы”. Какая-то провинциальная жантильность. Ни один крупный писатель (Толстой, Дост[оевский], Гоголь, Бунин, Куприн, Пришвин) — никто такого заглавия не дал бы. Но Вы верите Ремизову, Ваше дело. Вы любите часто красоту, а любить надо красоту, которая часто является в грубой форме»⁷⁹.

Следуя советам Тэффи, Пантелеймонов называет свою первую книгу «Зеленый шум», а главу из входящей в нее повести «Молодые глаза» переименовывает в «Орлята».

На вопрос автора, хорошо ли назвать его книгу «Приключения дяди Володи», Тэффи отвечает: «Да, для отдельной книжки это очень хорошо. Но в сборнике рассказов должно остаться

⁷⁷ Письмо от 9 мая (б. г.). (ДРЗ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 8).

⁷⁸ Название необнаруженного произведения Пантелеймонова.

⁷⁹ ДРЗ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 17 (без даты).

«Св[ятый] Влад[имир]» и «Муромка» и все как было»⁸⁰. И вновь он прислушивается к мнению Тэффи, давая маленькой книге из двух рассказов («Святой Владимир» и «Муромка») обобщающее название — «Приключения дяди Володи».

Но и авторитетом своего первого учителя Пантелеймонов не может пренебречь. В письме от 31 декабря 1947 г. он советуется с Ремизовым (с осторожной оглядкой на Бунина): «<...> Насчет Кучумова городища — Вы задали мне задачу. Рассказ написать не трудно, но как менять уже объявленное название. Или под Кучумово городище в скобках — “Приключения дяди Володи”. <...> Меня смущает еще Бунин».

Ремизов сердито ответит 2 января 1948 г., высмеяв банальность замены оригинального первого названия (Кучумово городище — древняя столица Сибирского ханства):

«<...> Если хотите что-то сделать, надо быть смелым, а не озираться. На Кучумово городище можно наляпать эту вопиющую истрепанность: Приключение дяди Володи.

Вы на Муфтия все (Великим Муфтием Ремизов называл Бунин. — Е. Т.), да ведь это и есть образец середины, от которой пыль и песок.

Подумайте, это вроде как Мориак, никакой легенды.

А ведь все живо “живой жизнью” и сказкой.

<...> ОЧХНИТЕСЬ (выделено Ремизовым. — Е. Т.), или сотрет вас под Минцлова, <...> под Гребенщикова»⁸¹.

Спустя всего 4 дня Пантелеймонову приходит разгневанное письмо от Бунина. Кажется, будто ведется какой-то нескончаемый спор между двумя сторонами, каждая из которых стремится перетянуть начинающего писателя к себе:

«<...> То, что Вам говорил Ремизов, отвратительно глупо. <...> “Прикоснуться к земле... Минцлов, Мерезковский, Чернышевский...” Идиотский набор имен, совершенно ни к селу ни к городу... <...> “Сиф, сын Адама”⁸² — к чему эти постоянные штучки? И это штучки, — довольно противная, якобы

⁸⁰ ДРЗ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28 (без даты).

⁸¹ Цит. по: *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Т. 3. С. 182.

⁸² Название рассказа Б.Г. Пантелеймонова.

“до-Петровская”, “русская” речь. <...> Нарочитая несогласованность падежей — подумаешь, как интересно! Жалкое жульничество. И рассказ скучный. “Палестинское”, которое скоро возвращу, прочел с удовольствием. Ведь вот писали же Вы когда-то по-человечески. <...> “Молим вас”, как опять-таки сербы говорят, бросьте Вы хоть на время “крутить Янкеля”, пристегивать к парикмахерам Сифов, — сядьте *спокойно и надолго* за *спокойное, честное*, простое повествование, за большую повесть, положивши в основу ее какую-нибудь часть пережитого Вами в жизни, преобразивши ее вымыслом и всем прочим, что полагается! <...> Стыдитесь, сын трудового народа! Уязвил Вас все-таки этот гном, Ремизов, своей злой глупостью! Повторяю, что уже говорил Вам: с такой жалкой чувствительностью пропадете!»⁸³.

12 января 1948 г. Бунин — Пантелеймонову:

«<...> Нынче же получил [письмо] и от сестрицы — пишет, между прочим, о Вас, о Вашем упрямстве, проявленном в деле с заглавием Вашей новой книги. Дикобраз, носорог, побойтесь Бога! “Звериный знак”, заглавие восхитительное, *tandis que*⁸⁴ “Большая елань” совершенно неинтересная ерунда, а к тому же и наполовину ворованная: у *Куприна есть рассказ “Елань”!* <...> Затем: верно, получили Вы нынче мое заказное похабное письмо — интересно, что “можете сказать в свое оправдание”, несчастный человек, околдованный горбатой старушонкой, называющей себя Ремизовым и поплевывающей на Короленко, которому она в общем и в подметки не годится <...>»⁸⁵

И спустя несколько месяцев, 8 мая 1948 г., Бунин вновь язвительно повторит:

«Хорош гусь Ваш Ремизов, дорогой Борис Григорьевич! Полвека бесчинствовал своим “русским” языком — теперь пустил слух, что возвращает нас этим к настоящему рус[скому]

⁸³ Письмо от 6 января 1948 г. (Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 203).

⁸⁴ Тогда как (франц.)

⁸⁵ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 205–206.

языку — до-Петровскому! Но к какому же именно веку до-Петровскому? — Какое жульничество!»⁸⁶

Бунин пародирует стиль Пантелеймонова, нарочито мешая времена, имитируя авторские окказионализмы и сибирские диалектизмы, подчеркивая, что все эти стилистические нелепости — продукт ремизовского влияния:

«Да чего мне бежать тайгой и думаю, исподнее испортишь в такое. А медведь крякнул и пошел, только птуть и гуд. А тут дядя Володя с ружьем, лицо веселое, сеткой от комара запестрить со лба на кадык и американским голосом:

— Куда же сгнуло, пострел. А мне хоть бы что, свое на уме пойдешь, рыжик запахнул сырцой, корешок из-под прели — здравствуйте!

Клянусь собакой, как говорил Сократ, — вот напишу этак страниц десять и напечатаю и от Софии до Гудзонова залива с ума все сойдут, захлебнутся восторгом от такого языка»⁸⁷.

Пантелеймонов робко пытается спорить с наставником, в качестве примера смешения времен в русской классике приводя слова Фамусова из грибоедовского «Горя от ума». На что получает сердитый ответ Бунина:

«<...> Оставьте свои мечты смутить меня! Ровно никакой “ремизовщины” не вижу я в речи Фамусова! За исключением одной-единственной вставки, восклицания, с сокращением, вполне допустимым в *разговорной* речи, — “наследства не делить!” — все остальное в этой речи вполне правильно в смысле времен глаголов и ничуть не нарушается другими вставками, опять-таки вполне допустимыми даже и не в разговорной речи. *Продерите глаза*, милостивый Государь, прочтите эту речь трезво! А ежели не продерете сами, я Вам их продеру, когда Вы пожалуете ко мне. А когда именно пожалуете? Жду <...>»⁸⁸

Как можно судить по письмам Тэффи, она не всегда солидарна с мнением «братца» Ивана. Тэффи интересуется у Пантелеймонова, как Бунин редактировал его рассказ «Вальс», как бы невзначай подчеркивая различие в их подходе: «Я всегда тро-

⁸⁶ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 209.

⁸⁷ В письме Бунина Пантелеймонову от 24 мая 1950 г. (Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 239).

⁸⁸ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 211.

гаю чуть-чуть, оставляя всю Вашу индивидуальность. А Ив.Ал. “подминает” Вас под классику, что не всегда к Вашей выгоде. Иногда девочка мила именно с веснушками. Очень все-таки интересно, что он наработал. Покажете?»⁸⁹

В сентябрьском письме 1949 г. она еще более категорична: «Иван приводит меня в тихую грусть. <...> Он загоняет Вас в пустяки с правильными запятыми, когда Вы крупный большой писатель»⁹⁰.

В эпистолярной опосредованной перепалке трех крупнейших русских писателей — Ремизова, Бунина и Тэффи — трудно не заметить ревниво-любовного отношения к их обретенному другу и подсознательного стремления «отвоевать» его у остальных наставников.

При этом Бунин призывает своего ученика спокойно воспринимать критику: «Побойтесь Бога! Можно ли быть столь чувствительным! Помните: это форменная погибель для писателя — страдать от всякого отзыва мало-мальски неприятного!»⁹¹

А в письме от 27 февраля 1949 г. даже повинится перед начинающим автором: «<...> хотел Вам написать: побросайте все письма, писанные мною Вам, в печку! В некоторых из них много глупостей и даже грубостей — извините, писал их иногда нарочно, пробовал: как-то будете Вы на них “реагировать”? Понимаете ли Вы шутки?»⁹²

Однако после такого миролюбивого зачина, Бунин вновь не может сдержаться. В данном случае объектом его гнева послужил жанр литературных биографий, в котором решил попробовать себя начинающий прозаик, написав повесть о Дмитрие Ивановиче Менделееве (отрывок из нее под названием «Чудородные (Из книги о Менделееве)» был опубликован в журнале «Новоселье» (1949. № 39/41. С. 36–46).

«<...> Прочитал Вас в “Новоселье”. Нет, я, кажется, решительно возненавидел этот род биографий. Мошенничество и препро-

⁸⁹ Письмо Тэффи Пантелеймонову. Февраль-март 1948 г. (ДРЗ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 51).

⁹⁰ ДРЗ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 103.

⁹¹ *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.:* в 3 т. Т. 3. С. 239.

⁹² Цит. по: URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12701.php> (дата обращения: 24.01.22).

тивное! Между прочим, думаю: а вдруг какая-нибудь стерва напишет и мою биографию в таком роде, вкладывая в меня всякие чувства и мысли, ею, этой стервой, за меня выдуманные!! Из могилы выйду, чтобы задушить ее! Не вздумайте обидеться: говорю нечто общее, не Вас лично обкладываю <...>⁹³

Но вот и сердитое бунинское замечание Пантелеймонову лично: «<...> Что же до рассуждений Ваших о языке, то ясно, что Вы помешанный, что Вам хоть кол на голове теши — Вы все свое долбите! “Теперь бы сказали — раз Вы начали в прошедшем времени, то зачем вдруг переходить на настоящее...” Кто это те, что “теперь бы сказали”? Кто, кроме невежд и идиотов? Ибо возьмите хоть тысячу книг от Пушкина до Бунина — тотчас найдете *тысячи* примеров самых разнообразных смешений времен, но, конечно, смешений *грамотных, умелых*, вполне законных для русского языка, а не ремизовских и не “сибирских” с их “поэтическими фугами” <...>⁹⁴

Но Пантелеймонов не обижался на резкие высказывания Бунина: «— Иван Алексеевич если иногда и говорит грубо, то это только потому, что скрывает свою чуткую нежность». «Бунинскую речь, острую, меткую и смелую, он превращал любовью своей в тихую лесную фиалку. И умилялся до слез»⁹⁵, — комментировала Тэффи.

«Рассудил» Пантелеймонова и Бунина чуткий критик П.М. Бицилли, отметивший в своих «Заметках о стиле Пантелеймонова»:

«<...> все его вещи проникнуты одним мотивом — тем самым, что гениально сформулировано Тютчевым: “Всё во мне, и я во всем”. Причем если у Тютчева это вызывает “тоску невыразимую”, то у Пантелеймонова, напротив, — *примирение* с действительностью, жизнерадостность, сознание реальности добра и красоты. Этому содержанию соответствует и форма у Пантелеймонова.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 215–216.

⁹⁵ Тэффи. Мой друг Борис Пантелеймонов. С. 330.

Экономия слов, эллипсисы, намеренное нарушение времен — бывает, соединение в одном предложении всех трех, постоянные переходы-скачки — от того, что герой видит, к тому, что он чувствует. Казалось бы, нарушено всё что только можно в грамматике. А все вместе сливается в гармоничную картину»⁹⁶.

«Оригинальный писатель», «нечто новое и своеобразное», «редкий дар рассказчика», «изумительный русский язык», «беззловный тонкий юмор» (А.В. Руманов), «изумительный по свежести, выразительности и улыбающейся веселости рассказчик» (Л. Галич) — отзывались о первой книге Пантелеймонова критики. Особо выделяли рецензенты естественность голоса новичка. Георгий Адамович отмечал, что дебютанта отличает «неподдельная, редкая душевная бодрость и какое-то, столь же неподдельное органически доброе отношение ко всему живому. Он действительно и естественно ощущает свою связь с природой и миром и связи этой открыто радуется»⁹⁷; «при сколько-нибудь развитом слухе и чутье невозможно заподозрить Пантелеймонова в притворстве, в бессовестной игре под рубаху парня»⁹⁸.

Тэффи резко обрывала поиски предшественников «молодого» автора: «<...> пусть не ищут отцов. Он действительно ничей. Редко, может быть, никогда не было у начинающего писателя такой собственной, ярко и определенно выраженной личности, как у Пантелеймонова <...> Возьмите двадцать строк из любого его рассказа — описание природы, размышления, диалог — не спутаете ни с кем. <...> Почти вся книга посвящена Сибири. Не новой, не старой, а вечной, с ее лесами, реками, таежными зверями и птицами. Живая Сибирь»⁹⁹.

Кто-то пытался сравнивать Пантелеймонова с Пришвиным. Тэффи протестующе подчеркивала разницу между ними:

⁹⁶ Цит. по: *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 280.*

⁹⁷ Цит. по: *Никоненко С.С. Таинственный Борис Пантелеймонов // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 365.*

⁹⁸ Цит. по: *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 328.*

⁹⁹ *Тэффи. «Зеленый шум» // Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 270.*

«Это сходство внешнее. У обоих отличный русский язык, богатый язык, знание природы и любовь к ней. Но у Пришвина, особенно в его последних произведениях, к каждому грибу, к каждой сороке-вороне приклеивается рассуждение от автора. Все время указывает читателю, что он писатель. Всё с оглядкой на себя. Этой ошибки Пантелеймонов не делает. И еще выгодно отличает его от Пришвина чудесный мягкий юмор, не тот, от которого “надрывают животики”, а вызывающий ясную улыбку. Это писатель целомудренный, чистый. Он видит жизнь, как юноша в его рассказе “Молодые глаза”, не грубой, а немножко фантастической, порою забавной и всегда милой, с заповедным секретом, который открывает он ключом любви ко всякой живой твари и ко всему созданию земному. Для него всякая жизнь необычайна. Он, как мальчик из его рассказа, “с детства и навеки поражен чудом мироздания”¹⁰⁰.

Молодые глаза — ключевые слова для понимания пантелеймоновского письма. Первые читатели его произведений не могли поверить, что дебютанту под шестьдесят, настолько по-юношески искренен, чист и легок был его слог, не замутненный наслоениями назидательной и скучной «взрослой» мудрости. Удивительно, как человек, на долю которого выпало столько жизненных передряг, смог сохранить в себе это детское доверие и ласковость к миру. А в придачу неизменную веселость, самоиронию, любовное понимание зверя, птицы, вообще всякого живого существа. Это был пантеист, обожествляющий природу родной Сибири. «В Сибири охотники-туземцы называют всех зверей “люди”. Все мы люди — и я, и мышь, и кролики», — говорил Пантелеймонов. И это очень напоминало отношение к миру Тэффи, в лице которой он неслучайно обрел не только наставника в литературном мастерстве, но и близкого, понимающего друга. Неслучайно она написала ему на своем сборнике «Шамрам»: «Дорогому брату

¹⁰⁰ Подробнее об участии Тэффи в судьбе публикации повести Пантелеймонова «Молодые глаза» в журнале «Новоселье» (1947. № 33–34) см.: Трубилова Е.М. Об отношениях автора и редактора: вокруг повести Б. Пантелеймонова «Молодые глаза» // Текстологический временник: Русская литература XX век: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 2. С. 507–514.

по духу Б. Пантелеймонову. Повернитесь вечером лицом к Востоку и вспомните то, чего не было. Тэффи»¹⁰¹.

Тэффи всегда занимали отношения человека и зверя. «Не все ли равно, кто является объектом любви, — утверждала она в своей лекции «О единстве любви» и приводила слова одного из подвижников веры: «Когда я начинал молиться сердцем, все представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, и я понял, что называется “видением словес твари”, и я увидел способ, по коему можно разговаривать с творениями Божиими <...> Так души звериные и души растений открыты прозревшим»¹⁰².

У Пантелеймонова дома жила маленькая обезьянка Васька, в которой он видел равное себе существо, близкую человеческую душу. «Васькой, Вашими чувствами к нему Вы наконец меня очень пронзили, — растроганно писал Пантелеймонову Бунин, — эти чувства большое доказательство, что Вы, кажется и впрямь очень хороший человек, сердечный, поэт, каковым и должен быть, непременно должен быть писатель»¹⁰³. И в финальных словах бунинской реплики произвольно сказалась точная характеристика каждого из участников этой литературной школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агурский М. Сибиряк на Мертвом море // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 82–96.
- Бицилли П.М. Заметки о стиле Пантелеймонова // *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 280–284.
- Галич Л.Е. Как и каким увидел я Пантелеймонова // *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 319–335.
- Никоненко С.С. Таинственный Борис Пантелеймонов // *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 361–368.
- Пантелеймонов Б.Г. Ванда // *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Омск, 2013. Т. 2. С. 5–10.
- Пантелеймонов Б.Г. Дедушка Дигби // *Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.*: в 3 т. Омск, 2013. Т. 2. Повести и рассказы. С. 370–376.

¹⁰¹ Цит. по: Никоненко С.С. Таинственный Борис Пантелеймонов. С. 364.

¹⁰² Тэффи. О единстве любви (Из беседы в «Зеленой лампе») // Тэффи. Печальное вино: Рассказы, фельетоны, воспоминания. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2000. С. 357–358.

¹⁰³ Цит. по: Пантелеймонов Б.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 206.

- Пантелеймонов Б.Г.* Молодые глаза // *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 1. С. 255–331.
- Пантелеймонов Б.Г.* Орлята // *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 1. С. 273–331.
- Пантелеймонов Б.Г.* Приключения дяди Володи / сост., вступ. ст. и подгот. текстов С.С. Никоненко. М.: Русская книга, 1992. 365 с.
- Пантелеймонов Б.Г.* Я — советский гражданин // *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 103–105.
- Пантелеймонов Б.Г.* У подножия промышленной пятилетки. Ударничество // *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 10–48.
- Ремизов А.М.* Стекольщик // *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 290–310.
- Руманов А.В.* «Зеленый шум» (Книга рассказов Б. Пантелеймонова) // *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 268–269.
- Русский сборник. Париж: Подорожник, 1946. 206 с.
- Трубнилова Е.М.* Об отношениях автора и редактора: вокруг повести Б. Пантелеймонова «Молодые глаза» // Текстологический временник: Русская литература XX век: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 2. С. 507–514.
- Тэффи.* «Зеленый шум» [Рец.] // *Пантелеймонов Б.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Омск, 2014. Т. 3. С. 269–274.
- Тэффи.* Мой друг Борис Пантелеймонов // *Тэффи.* Моя летопись. М.: Вагриус, 2004. С. 328–334.
- Тэффи.* О единстве любви (Из беседы в «Зеленой Лампе») // *Тэффи.* Печальное вино: Рассказы, фельетоны, воспоминания. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2000. С. 354–360.

III.
И.А. БУНИН
И
А.М. ГОРЬКИЙ

БУНИН И ГОРЬКИЙ: ДВА ЦЕНТРА РАСКОЛОТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2022 г. Н.Н. Примочкина

Аннотация: В статье анализируются сложные, остроконфликтные личные и литературные отношения двух крупнейших русских писателей-реалистов XX в. И.А. Бунина и М. Горького послереволюционного периода. До революции этих писателей связывала почти двадцатилетняя дружба. После революции их жизненные и творческие пути навсегда разошлись. Несмотря на это, Бунин и Горький продолжали испытывать пристальный интерес друг к другу, внимательно следили за общественной деятельностью, публицистическими выступлениями и художественным творчеством друг друга. Но Бунин принципиально отказывался видеть в бывшем друге хоть что-то положительное, признавать за ним какие бы то ни было художественные достижения. Горький же, продолжая очень высоко ценить писательский талант Бунина, полагал, что его дарование в условиях эмиграции, вдали от родины, начало угасать. В сознании многих современников Горький и Бунин были двумя центрами расколота русской литературы, двумя магнитными полюсами, вокруг которых группировались писатели советской России и эмиграции. Если Горький являлся несомненным лидером и главой советской литературы, то Бунин был признанным мэтром и «главным» писателем литературы русского зарубежья.

Ключевые слова: И.А. Бунин, М. Горький, послереволюционная эпоха, творчество, литературные центры, расколота русская литература.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Примочкина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5536-7657>. E-mail: nprim47@yandex.ru.

Для цитирования: *Примочкина Н.Н.* Бунин и Горький: два центра расколота русской литературы // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 541–574. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-541-574>

BUNIN AND GORKY: TWO CENTRES OF THE DIVIDED RUSSIAN LITERATURE

© 2022. Natalia N. Primochkina

Abstract: The article analyzes the ambiguous personally conflicting and literary relations of two major Russian realist writers of the 20th century, I.A. Bunin and M. Gorky, of the post-revolutionary period. Before the revolution, these writers were connected by almost twenty years of friendship. After the revolution their life and creative paths diverged forever. Despite this Bunin and Gorky continued to have a close interest in each other, closely watching each other's social activities, publicistic speeches and artistic creativity. But Bunin fundamentally refused to see anything positive in his former friend, to recognize him for any artistic achievements. Gorky, while continuing to value Bunin's writing talent very highly, believed that his talent in the conditions of emigration, far from his homeland, began to fade. In the minds of many contemporaries Gorky and Bunin were considered two centers of divided Russian literature, two magnetic poles around which the writers of Soviet Russia and emigration were grouped. If Gorky was the undisputed leader and head of Soviet literature, Bunin was a recognized master and "the chief" writer of Russian literature abroad.

Keywords: Bunin, Gorky, post-revolutionary era, creativity, literary centers, divided Russian literature.

Information about the author: Natalia N. Primochkina, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5536-7657>. E-mail: nprim47@yandex.ru.

For citation: Primochkina, N.N. "Bunin and Gorky: Two Centres of the Divided Russian Literature." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 541–574. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-541-574>

История личных и литературных отношений двух крупнейших русских писателей-реалистов XX столетия не раз освещалась нашим литературоведением. Основание их научному изучению и осмыслению положил сам Горький, отдавший в распоряжение литературоведов письма к нему Бунина¹. Поз-

¹ Письма И. Бунина М. Горькому // М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. Т. 2. С. 452–504.

же была издана двусторонняя переписка писателей². Наиболее подробно и обстоятельно, с привлечением большого числа архивных документов, эта тема была освещена в монографии А.А. Нинова «М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества» (Л., 1973). Основная ее часть посвящена дореволюционному периоду, и только 30 страниц из 560 (последняя восьмая глава «Исход») — послереволюционным годам. Несмотря на некоторую беглость и определенное смещение угла зрения, которое диктовалось условиями советской идеологии и цензуры, главные акценты, на наш взгляд, расставлены автором правильно. Опираясь на это и некоторые другие исследования, постараемся дополнить их новыми материалами и фактами, более детально и четко прописать основные вехи в конфликтной и сложной истории разрыва прежних отношений двух бывших друзей.

Среди писателей русского зарубежья Бунин занимал в сознании Горького совершенно особое, исключительное место. Отношение к нему как к «живому классику», достойному продолжателю традиций «дворянской» литературы Пушкина и Толстого возникло у Горького давно, еще в начале века, сразу после их личного знакомства. Между писателями довольно скоро установились дружеские отношения, которые сохранялись таковыми на протяжении почти двадцати лет, вплоть до революции 1917 г.

Психологическое объяснение этой дружбы между столь сложными натурами нам видится в искреннем преклонении Горького перед талантом Бунина-художника. Горький приходил почти в ярость, когда кто-нибудь пытался сравнивать его с Буниным. Так, писатель и журналист М.А. Осоргин, осмелившийся в 1913 г. предпочесть Бунину-писателю Горького, получил от последнего суровую отповедь. «...я решительно протестую, — писал Горький, — против Вашей оценки трудов и значения И.А. Бунина, — извините меня, но я должен сказать, что эта оценка унижает Вас, а многоточие, поставленное Вами перед словом “писатель”, оскорбительно для меня, ибо я счи-

² Переписка А.М. Горького с И.А. Буниным // Горьковские чтения: 1958–1959. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 3–126.

таю И.А. Бунина именно писателем, не менее талантливым, чем А.П. Чехов и более культурным, чем последний. Можете быть уверены, что в близком будущем это мнение станет общим мнением всех, кто умеет любить и ценить русскую литературу»³.

Искреннее преклонение Горького перед бунинским даром подкреплялось в дореволюционные годы близостью их демократических взглядов. Кроме того, после появления «Деревни» и ряда рассказов Бунина о народной жизни Горький захотел видеть в нем своего единомышленника (хотя Бунин им так и не стал) в коренном для них обоих вопросе об особом характере русского народа, определившем его историю и судьбу. Бунин всегда был самым желанным автором во всех литературно-издательских предприятиях Горького, печатался в «Знании» и в сборниках «Знание», в журнале «Летопись» и издательстве «Парус».

Вскоре после Февральской революции, в апреле 1917 г. Бунин по приглашению Горького приехал в Петроград для участия в организационном заседании «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». В эти дни Горький подарил Бунину новый сборник своих публицистических статей с дарственной надписью, свидетельствующей о многом: «Любимому писателю и другу Ивану Алексеевичу Бунину. А. Пешков. 2-е Апреля 17 г. Светлое Христово Воскресенье. Петроград»⁴. При этом до сих пор остается загадкой: почему эта книга Горького так и осталась в его личном архиве? (Хранится в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН). Забыл ее Бунин или намеренно не захотел взять? Как бы то ни было, но распрощались они как старые друзья. Бунин позже так вспоминал эту их последнюю встречу: «И расстались мы с ним дружески — в Петербурге семнадцатого года — расцеловались на прощанье...»⁵. Однако дальнейшие события, связанные с Октябрьским переворотом, навсегда развели пути двух художников слова.

³ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2019. Т. 10. С. 271–272.

⁴ Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1973. С. 507.

⁵ Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. С. 294–295.

Бунин воспринял Октябрь как национальную и личную катастрофу. 28 декабря 1917 г. он писал А.Н. Тихонову о своем состоянии, вызванном происходящим: «...я ничего не писал ни летом, ни осенью, у меня вся голова посерела от свободы, равенства и братства»⁶. Тогда же, в декабре 1917 г. Горький по приезде в Москву попросил Е.П. Пешкову, у которой остановился, позвонить Бунину и сообщить, что он хочет с ним поговорить. «Я ответил, — вспоминал позже Бунин, — что говорить нам теперь не о чем, что я считаю наши отношения с ним навсегда конченными»⁷. В представлении Бунина имя Горького теперь прочно связано с ненавистной революцией, а резкая полемика писателя с В.И. Лениным и большевиками воспринимается им как внутренний частный спор между «своими».

В эти годы произошел окончательный и бесповоротный разрыв Бунина не только с Горьким и литераторами его круга, но со всей революционно-демократической литературной традицией. В книге «Окаянные дни», составленной из дневниковых записей 1917–1919 гг., нашли отражение и коренная ломка всех государственных, религиозных и нравственных устоев России, ее народа, и мучительное духовное перерождение самого автора. Многие оценки и суждения по своей еле сдерживаемой ярости перекликаются с дневниковыми записями бывшей постоянной оппонентки Бунина З.Н. Гиппиус. «Каприйские мои приятели, — вопрошал он, например, в этой книге, — Луначарские и Горькие, блюстители русской культуры и искусства <...> что бы вы сделали со мной теперь, захватив за этим преступным писанием при вонючем каганце, или на том, как я буду воровски засовывать это писание в щели карниза?»⁸. Бунин неоднократно упоминал в записях того времени Горького, и всегда с раздражением и неприязнью.

В начале июня 1918 г. Бунин уезжает из «красной» Москвы в «белую» Одессу, а в 1920 г. навсегда покидает Россию и обосновывается в Париже. Первые годы в эмиграции были для пи-

⁶ Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. С. 528.

⁷ Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 129.

⁸ Бунин И. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 10. С. 87.

сателя особенно тяжелыми. Он очень остро чувствовал свою оторванность от родной почвы, свою бездомность. Тоска по утраченной далекой России продолжала мучить писателя всю жизнь, но в первые годы Бунин был слишком выбит из привычной колеи и не мог заниматься художественным творчеством, а больше работал как публицист. Он активно сотрудничал в газете В.Л. Бурцева «Общее дело», занимавшей крайние антибольшевистские позиции. И сразу заявил о своем полном неприятии «большевика» Горького. Для него бывший друг перестал существовать как художник и воспринимался только в качестве политика и общественного деятеля, в силу своего авторитета и особой популярности способного нанести огромный вред колеблющимся и растерявшимся людям. Поэтому Бунин считал своим долгом везде, где только можно, публично разоблачать Горького, чтобы поверившие ему люди не поддались «соблазну» большевизма. Теперь, когда вышла научно откомментированная книга публицистики Бунина периода эмиграции⁹, стало видно, что Горький находился под его особенно пристальным взглядом. Бунин внимательно следил за каждым его выступлением, за каждым политическим шагом или общественным жестом и давал им публичную оценку.

Вскоре после прибытия в Париж Бунин выступил в газете «Общее дело» (5 ноября 1920 г.) со статьей «Многогранность». Она явилась откликом на опубликованные в эмигрантской прессе статью Б.Ф. Соколова «Беседа с М. Горьким»¹⁰ и письмо Горького Ленину, в котором писатель резко протестовал против массовых арестов интеллигенции Петрограда¹¹. В связи с появлением этих публикаций Бунин обвинил бывшего товарища в непоследовательности, в том, что Горький то резко критиковал большевиков во главе с Лениным, то открыто поддерживал их политику: «Влияние его очень велико, волею судеб — он очень известный русский человек, и вспомните, скольких сбил с толку его открытый переход к большевикам, его двухлетний и горя-

⁹ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 2000. 635 с.

¹⁰ Там же. С. 499–500.

¹¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 13. С. 25–27.

чий труд плечом к плечу с “Владимиром Ильичом”, с Петерсом, с Дзержинским, его акафисты советской власти!»¹².

Из года в год Бунин публиковал свои «Заметки» и отрывки из «Записной книжки» о Горьком. 20 июня 1921 г. в том же «Общем деле» была напечатана его статья, целиком посвященная разоблачению «двуличия» писателя, непрерывному колебанию его настроений и убеждений в зависимости от конкретной общественно-политической ситуации в России начиная с февраля 1917 г. Бунин присоединялся к мнению Л.Н. Андреева, писавшего в 1918 г. о «преступной» роли Горького в разрушении и гибели России. Через полгода, когда Горький уже находился в Германии, Бунин в статье «Горький о большевиках» хвалил «замечательную», по его мнению, брошюру Е.Н. Чирикова «Смердяков русской революции. Роль М. Горького в русской революции» и продолжал развивать свою мысль о непоследовательности писателя. «Русским, которые следили за деятельностью Горького в большевистском стане, — язвительно писал он, — известна эта роль, — они знают, сколько раз менял Горький свои цвета в зависимости от условий, благоприятных или неблагоприятных для большевистского торжества»¹³. Эту мысль писатель подкреплял цитатами из то восторженно-патетических, то резко критических публицистических выступлений Горького 1918–1920 гг., посвященных политике и практике большевистской власти.

В отличие от тех эмигрантов, которые быстро трезвели и меняли «вехи», Бунин оставался непримиримым к новой России вплоть до Второй мировой войны. Например, его крайне возмутило письмо недавнего противника советской власти И.Ф. Наживина, в котором тот писал о конце белого движения и о необходимости объединяться со всеми духовно здоровыми силами эмиграции для установления связей с Россией. Причем Наживин был готов для этого войти в контакт даже со своим бывшим врагом Горьким¹⁴. Бунин ответил на подобные предло-

¹² Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 77.

¹³ Там же. С. 134.

¹⁴ М. Горький и М.А. Осоргин: Переписка / вступ. ст., публ. и примеч. И.А. Бочаровой // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 306.

жения корреспондента резкой отповедью. «Горький, “объединение”? — писал он 19 июля 1922 г. — Вот тебе на! “Вылезать из болота” путем залезания в это болото вместе со свиньями, это болото устроившими и все еще призывающими к “поддержке” его? Это что-то вне моей логики. “Белое движение закончилось”? А разве все эти “нэпы”, “уступки” не есть все-таки доказательство неизбежности “белого”? Но, допустим, что мерзавец, скот, хам восторжествовал полностью! Разве это значит, что из мира *исчезла* честность, добро, человечность? Я мерзавцем и скотом не был и никогда, надеюсь, не буду (ни ради какой России, хотя бы уже потому, что на черта мне нужна мерзавская и скотская Россия!). Значит, для меня ничто не “закончилось”»¹⁵.

Горький регулярно читал эмигрантскую прессу и, видимо, был прекрасно осведомлен обо всех критических выступлениях Бунина. Его особенно поразила речь Бунина, произнесенная 16 февраля 1924 г. в Париже на собрании «Миссия русской эмиграции»¹⁶. Это выступление, отчет о котором был опубликован 20 февраля 1924 г. в парижской газете «Последние новости», было встречено резкой критикой не только в советской России, но и «левыми» кругами эмиграции. Горький уже в начале марта сообщал М.Ф. Андреевой: «А в Париже И.А. Бунин проповедует “собачью ненависть” к большевикам. Так и говорит: собачью. Совершенно обезумели со зла эти ребята»¹⁷. В заметке «Из дневника», опубликованной в 1926 г. в журнале «Огонек», писатель приводил по памяти (но почти дословно) отрывок из этой речи Бунина и далее морализировал по этому поводу: «И.А. Бунин в Париже публично возопил: “Молю Бога, чтобы он до последнего издыхания моего сохранил во мне святую собачью ненависть к русскому кайну”. Моралистам Бунин дал хороший повод говорить о слепоте ненависти. Остроумные люди, вероятно, очень посмеются над мольбой культурного человека и прекрасного писателя, который дожил до того, что вот, предпочитает собачье бешенство человеческим чувствам...»¹⁸.

¹⁵ Там же. С. 307.

¹⁶ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 148–154.

¹⁷ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 310.

¹⁸ Горький М. Из дневника // Огонек. 1926. № 31. С. 6.

Заметка Горького не укрылась от зорких глаз Бунина. Он был уязвлен насмешливым тоном и неприкрытой иронией статьи и поспешил отразить выпад. 26 мая 1927 г. в газете «Возрождение» писатель отвечал, что именно он, Горький, и его товарищи-коммунисты («по колено в крови») довели его до состояния этой «собачьей ненависти»¹⁹.

Подобные выступления бывшего друга и любимого писателя не могли не огорчать Горького. Он рассматривал их в общем контексте своих мыслей о разложении и «изгнивании» русской эмиграции. А Бунин, как будто нарочно, давал все новые поводы для такого рода размышлений. 20 февраля 1925 г. он принял участие в диспуте по докладу Ф.А. Степуна «Революция и литература» в парижском «Клубе писателей». В отчете, опубликованном 25 февраля в газете «Последние новости», сообщалось, что Бунин в грубых выражениях обвинил советскую литературу в «распаде литературной речи, косноязычии, дальтонизме». Горький в целой серии писем весьма бурно отреагировал на это поразившее его сообщение. «Как дико озверел И. Бунин!»²⁰ — восклицал он в тот же день в письме П.П. Крючкову. «Бунин не сошел с ума?»²¹ — спрашивал через несколько дней З.И. Гржебина.

Как будто не желая верить газетным сообщениям, Горький в те же дни запрашивает о происшедшем скандале присутствовавшего на собрании «Клуба писателей» Осоргина (письмо не сохранилось). Осоргин подробно описал Горькому выступление Бунина и в связи с этим попытался объяснить позицию уважаемого писателя. Напомним, кстати, что Горький обращался за информацией к тому самому Осоргину, которому в 1913 г. сделал суровый выговор за недооценку писателя Бунина. Теперь Осоргин, для которого Бунин никогда, видимо, не был кумиром, пытался оправдать его как человек, побывавший в одной с ним «шкуре» эмигранта, изгоя, отщепенца. «Вы спрашиваете, — сообщал он Горькому 6 марта 1925 г., — неужели и вправду Бунин говорил такой нехороший вздор. Да, и гораздо

¹⁹ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 240.

²⁰ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 127.

²¹ Там же. С. 130.

худший, чем изложено в отчетах. Вышло это так. Бунин начал говорить, смутился и, желая подбодрить себя, взял совершенно раёшный тон. Говорил он так глупо и дешево, так неприлично (вплоть до матерных слов), что меня спрашивали на докладе во время его речи: “Скажите, Бунин пьян?” Над ним смеялись, и он чувствовал, что катится. Позже сам в этом признавался: “Ну, что ж, я знаю, что был груб и бестактен, но так и нужно было”. Это уж из самолюбия — Вы знаете, как он самолюбив. То, что он высказывает в тесном кругу, отчасти ради позы (ведь он большой и искусный позер), тут он зачем-то произнес публично. И вышло дешево и глупо. Я Бунина очень люблю за цельность фигуры <...> Под грубыми и порою недостойными словами я всегда вижу в нем настоящего художника, болеющего за русское слово. Ему приходится многое извинять, так как в другую минуту он искренне выскажет много правильного, умного и честного, — того настоящего, что в нем, конечно, умереть не могло.

Я давал ему читать Бабеля, лучшие страницы “Конармии”. Бунин, прочтя, сказал: “Это мерзавец”. Бабель, рисующий образ красноармейца или Буденного, не может быть для Бунина ничем, кроме “мерзавца”. Но я, зная хорошо Бунина, знаю и то, что он способен оценить и понять новое литературное явление лучше, чем многие. Только он не скажет этого, не может сказать, ибо его заела политика, и для известных явлений у него готовы известные неперемненные выражения. Он мне говорил: “Какое Вы имеете право писать о талантливости Маяковского?” — “Но раз я считаю его талантом, и большим”. — “Все равно нельзя говорить, потому что он мерзавец”. И то же самое я слышал от других, например, от этой отвратительной Зин. Гиппиус. Это гадко; но никогда я не могу забыть, что эти люди потеряли все на революции, что иными они быть не могут. У них осталась только поза “непримиримых” <...> Независимость же мысли и суждений истреблена в них неожиданным падением с высоты в помойку. Мы ли смеем их строго судить? В споре — да, но про себя я больше склонен жалеть, чем бесповоротно осуждать. Разве не так же пишут обо всех нас советские литераторы? Такова уж мода дней сих паршивых, когда люди разучились говорить, а могут только выразаться.

Я вполне согласен с Вами в оценке здешнего творчества Бунина (и его ли одного?). Вне России (духовно вне) никто ничего не создаст, это *логика*. Корни гниют, а торчат лишь вялые ветки»²².

Получив ответ Осоргина, Горький писал Е.П. Пешковой в Москву: «Еще новость: И.А. Бунин на публичных собраниях выражается по-“матерному”. Факт»²³. И, наконец, характеризуя в письме к Р. Роллану общее плачевное, на его взгляд, положение в среде политической и литературной эмиграции, Горький опять в качестве примера вспомнил о досадном инциденте на вечере в «Клубе писателей». «А если б Вы знали, — писал Горький 21 марта 1925 г., — в какой изумительно вульгарной форме ведется полемика с большевиками! Прекрасный художник Иван Бунин на одном из эмигрантских диспутов в Париже ругался “матерной” русской руганью, гнуснее которой я ничего не знаю. Еще недавно Бунин был вполне корректным и благовоспитанным человеком. Лично меня уже лет двадцать раскрашивают всеми оттенками грязи, какие только возможны, обвиняли в том, что я “продавал Россию” евреям, японцам, немцам, наконец, продал ее большевикам; я привык читать гнусности о себе, они на меня не действуют, никогда не действовали»²⁴.

В умном, психологически точно рисуящем общую картину настроений и самочувствия эмиграции письме Осоргина для нас особенно интересны два момента. Во-первых, он попытался объяснить причины огульно отрицательного отношения Бунина ко всей современной советской литературе, в том числе и к Горькому. Вероятно, новые произведения Горького не прошли мимо его острого внимания. К этому времени писатель уже выпустил книги «Заметки из дневника. Воспоминания» и «Рассказы 1922–1924 годов». Однако для Бунина разговор о достоинствах новых произведений Горького был попросту невозможен, т. к. он входил в ту самую категорию писателей-«мерзавцев», которые поддерживали новую российскую власть. Во-вторых,

²² М. Горький и М.А. Осоргин: Переписка. С. 446–447.

²³ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 139.

²⁴ М. Горький и Р. Роллан: Переписка (1916–1936) // Архив А.М. Горького. М: Наследие, 1995. Т. 15. С. 124.

Осоргин хотел объяснить Горькому, постоянно упрекавшему представителей эмиграции в ненависти и озлоблении, причины зарождения и культивирования в эмигрантской среде подобных чувств. Ведь Горький, несмотря на свое разочарование от несбывшихся революционных надежд, никогда не решался сжечь за собой все мосты, как это сделало большинство эмигрантов. У него не было мучительного сознания потери родины навсегда. Поэтому было бы несправедливо судить одной меркой поведение Горького — на первый взгляд куда более великодушное и благородное, — и враждебное и мстительное отношение к нему многих представителей литературного зарубежья, в том числе и Бунина. Та и другая сторона находились в слишком разных жизненных и морально-психологических условиях.

Положение Горького выгодно отличалось от положения других известных русских писателей, оказавшихся за рубежом, также тем, что он был широко признан в иностранной литературной среде. Его художественных произведений, статей, интервью добивались наиболее известные издания и издательства мира. Горький был едва ли не единственным из русских писателей послереволюционной эпохи, кто мог жить с семьей и домочадцами на гонорары от публикации своих произведений в иностранных изданиях. В венском словаре «Menschen und Menschenwerke», который ставил своей целью запечатлеть духовную жизнь современного мира, из всех русских литераторов встречается лишь одно имя — имя Горького. Его расположения добивались многие известные иностранные писатели, дружбой с ним гордились Р. Роллан, С. Цвейг, Г. Уэллс, Ф. Эллэнс и др. В 1920-е гг. имя Горького ассоциировалось у них с новой Россией, к которой они проявляли естественный интерес и любопытство. Русская эмиграция, напротив, отталкивала демократически настроенную духовную элиту Запада «реакционностью», приверженностью к старой буржуазно-помещичьей России, к монархизму. Бунин и другие известные писатели русского зарубежья были глубоко уязвлены равнодушием европейцев к их жизни и творчеству, но более всего — их равнодушием к судьбе России. Вероятно, подобная несправедливость вызывала еще большее чувство обиды и зависти к незаслуженно, по их мнению, признанному на Западе Горькому.

О негативном отношении к литературной эмиграции со стороны прогрессивных писателей Запада свидетельствует, например, такой факт. В связи с 60-летием Р. Роллана С. Цвейг пригласил Горького принять участие в «Книге друзей Ромена Роллана». 22 февраля 1925 г. (в разгар скандала из-за выступления Бунина в «Клубе писателей») Горький в письме Цвейгу попытался объяснить сложность своего положения в среде писателей русского зарубежья: «Наиболее крупные и наиболее известные в Европе русские литераторы Д. Мережковский, И. Бунин, А. Куприн и еще человек пять-шесть живут в Париже и относятся ко мне враждебно. С их точки зрения, я — сторонник тиранов, и это внушает мне опасение, что они, видя меня в числе членов Комитета, адреса Роллану не подпишут, а создадут другой, свой»²⁵. Для Цвейга проблемы выбора в данном случае не существовало. Горький в его глазах как человек и как художник стоял неизмеримо выше самых крупных русских писателей-эмигрантов. «Дорогой и великий Максим Горький <...>, — спешил ответить австрийский писатель, — Комитет, созданный нами, отнюдь не предполагает обращаться *ко всем* знаменитостям, но исключительно к тем, кто является друзьями Ромена Р[оллана], и к его единоверцам. Ни Мережковский, этот бесноватый и иступленный человек, ни Бунин, ни Куприн не получают от нас приглашений. Мы имели в виду ограниченный круг тех людей, которые *борются против ненависти*, которые презирают ненависть и дикое безумие <...>

Я понимаю (хотя ненавижу) ярость этих несчастных русских, которые ищут объекта для своей ненависти, потому что их души выжжены скорбью о разоренной родине! Я жалею этих несчастных, прозябающих вдали от настоящей жизни, этих чужаков в больших городах, — и я уверен, что Вы будете первым, кто простит этим несчастным их столь несправедливую ненависть <...>

Ваши произведения, особенно последние, дышат такой светлой человечностью, так глубоко *правдивы*, что всякая клевета, которая обрушилась бы на Вас, все равно разбилась бы об эту ясность Вашего сердца»²⁶.

²⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 123.

²⁶ Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами // Архив А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 8. С. 17, 18.

Еще более выразительный пример недоверия духовной элиты Запада к литературным кругам русской эмиграции — ее отношение к воззванию группы писателей из советской России. Это обращение «К писателям мира», в котором говорилось об удушении русской литературы советским режимом, было напечатано 10 июля 1927 г. в двух эмигрантских газетах: «Последние новости» и «Возрождение». Хотя оно было поддержано крупнейшими литераторами русского зарубежья: К.Д. Бальмонтом, Буниным, И.С. Шмелевым, Д.С. Мережковским, А.И. Куприным, Б.К. Зайцевым, — это не вызвало среди европейской гуманитарной общественности никакого заметного отклика. Тогда Бунин и Бальмонт в открытом письме, напечатанном 12 января 1928 г. во французской газете «Авенир», призвали обладавшего большим нравственным авторитетом Роллана публично высказаться по поводу бесправного положения писателей в СССР. Роллан обратился за разъяснениями к Горькому. Объясняя ему, почему он решил ответить Бальмонту и Бунину, Роллан писал: «Авторы этого письма резко нападают на меня за “Послание”, с которым я обратился к русскому народу по случаю десятой годовщины Революции <...> Эти нападки нисколько не тронули бы меня, если бы я не почувствовал в письме глубокой горькой обиды за полное равнодушие, с которым их “Призыв” был встречен европейской публикой»²⁷.

Хотя Горький адресовал свой ответ Роллану, но, разрешив опубликовать его в прессе, тем самым он включился в открытую полемику с Буниным и Бальмонтом. Письмо Горького было опубликовано 15 марта во французском журнале «Эроп», через неделю его перепечатала «Правда». В нем Горький выразил сомнение в подлинности воззвания «К писателям мира», хотя прекрасно знал о тяжелом положении писателей в СССР. «Бунин и его товарищи, — писал он в конце этого большого письма, — пишут о жестокости Советской власти. Я не могу себе представить человека мягким, раз он находится в постоянной борьбе ради самозащиты <...> Искренно говорю Вам, дорогой Роллан, очень тяжело мне наблюдать процесс морального раз-

²⁷ М. Горький и Р. Роллан: Переписка (1916–1936). Т. 15. С. 145.

ложения русской эмиграции, эту болезненную, гнилую злобу ее на русский народ, науськивание ею европейской прессы на Советскую власть, полемику между собою, скандалы и клевету, ложь на всех, кто иначе верует. Почти всех “вождей” эмиграции я, в свое время, знал, многие казались мне людьми действительно высокой культуры, искренними демократами и гуманистами. Как-то неловко, стыдно за людей»²⁸.

17 марта Бальмонт вновь выступил в газете «Авенир» с открытым письмом Роллану, в котором упрекал писателя в незнании советской действительности, в высокомерном равнодушии Запада к судьбам лучших представителей русской культуры. Познакомившись с ним, Горький написал Роллану очень резкое письмо о Бальмонте, которое предложил так же, как и предыдущее, предать огласке. Несколько строк в этом новом послании было посвящено Бунину, хотя тот не принял участия в дальнейшей полемике с Ролланом. Горький обвинил Бунина в том, что он, «вместе с другими его друзьями», в свое время разжигал Гражданскую войну в России²⁹. Подобное заявление настолько задело Роллана, что он счел своим долгом осторожно защитить Бунина. «Меня поразили некоторые Ваши слова (или намеки) относительно Бунина, — писал он Горькому в ответ. — Можно подумать, что вы возлагаете на него совершенно особую ответственность за контрреволюцию. — Должен заметить, что Бунин, более осторожный, чем Бальмонт, не возразил на мое письмо, а лишь дал понять, что он согласен с Бальмонтом»³⁰. Вообще все письмо Горького о Бальмонте показалось Роллану таким «убийственно резким», что он был вынужден в дипломатичной форме отказаться от его публикации. Более откровенно Роллан высказался по этому поводу в своем дневнике. Переписав в него упомянутое письмо Горького, он следом заметил: «Я считаю полемику законченной и не испытываю никакой потребности ее продолжать. Но Горький прислал мне из Сорренто (22 марта) резкое письмо против Бальмонта, предложив его опубликовать. Я не

²⁸ Там же. С. 105.

²⁹ Там же. С. 156.

³⁰ Там же. С. 159.

расположен делать это, так как мое предназначение усмирять ненависть, а не нагнетать ее»³¹.

Несмотря на взаимную вражду и непримиримые идейно-политические разногласия с Буниным, Горький продолжал высоко ценить его как художника и стремился пропагандировать его творчество на Западе и среди нового советского читателя. При этом следует признать, что Горький ставил в пример произведения Бунина исключительно дореволюционного периода. Так, готовя материал для очередного номера своего журнала «Беседа», Горький писал 20 декабря 1923 г. редактору Ф.А. Брауну: «Под заголовком “Смесь” я думал поместить речь Ж. Дюамеля в Лондонском Р.Е.Н.-клубе и отзывы англичан о Бунине и Аксакове...»³². Заметка «Английский отзыв о “Деревне” Бунина» действительно была напечатана в 4-й книге «Беседы».

В письмах этих лет начинающим писателям Горький часто советовал учиться у прекрасного стилиста и знатока русского языка Бунина. Например, 27 марта 1923 г. он рекомендовал И.С. Коноплину «заботиться о языке» и для этой цели читать в качестве образца «отличных стилистов» Чехова и Бунина³³.

В статье «Призвание писателя и русская литература нашего времени», написанной Горьким летом 1923 г., «великолепный стилист, суровый Иван Бунин, чья повесть “Деревня” является едва ли не самой мрачной и наиболее правдивой картиной жизни русских крестьян»³⁴, назван продолжателем замечательных традиций русской литературы XIX в. Весьма показателен и такой малоизвестный факт. Намечая по просьбе филолога-германиста Ф.А. Брауна план издания произведений русской литературы для одного из немецких издательств, Горький писал ему 2 марта 1924 г.: «Надобно хорошо представить И.А. Бунина, как крупнейшего художника нашего: “Захар Воробьев”, “Сто лет”,

³¹ Там же. С. 421.

³² Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 279.

³³ Там же. С. 167.

³⁴ Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М.: Наука, 1989. Вып. 2. С. 9.

“Ряса” и вообще его рассказы 907-13 года, — эпоха высшего подъема его творчества»³⁵.

Бунин, как и другие писатели старшего поколения, оказавшиеся в эмиграции, на первых порах довольно мало работал в области художественной прозы. В основном он переиздавал дореволюционные вещи. О некотором творческом спаде Бунина начала 1920-х гг. писала не только ангажированная советская, но и эмигрантская критика, вообще весьма почитавшая писателя. М.Л. Слоним, например, отмечал в статье «Живая литература и мертвые критики», что Бунин «кроме нескольких стихотворений, значительно уступающих его прежним произведениям, и двух-трех маленьких рассказов ничем не обогатил литературу эмиграции»³⁶. С.П. Постников в обзоре «Русская зарубежная литература в 1925 году», справедливо назвав Бунина «первой литературной величиной у нас здесь в эмиграции», все же отметил: «Лично я всего Бунина так безраздельно воспринять не могу». «Некоторые из его последних рассказов (“Красный генерал” и “Товарищ дозорный”), — утверждал критик, — просто тенденциозны. Больше того, бунинская озлобленность и вместе с тем какая-то литературная холодность, приковывающая больше внимания к форме и стилю, чем к целому, не дает ему полной завершенности. И все-таки, несмотря на эти мои личные оговорки, идущие вразрез с общим зарубежным мнением, я должен признать, что “Митина любовь”, появившаяся в 1925 году, вещь исключительная и останется в русской литературе шедевром»³⁷. Стремясь объяснить причины некоторого спада в творчестве Бунина первой половины 1920-х гг., Г.П. Струве отмечал в своем обзоре литературы русского зарубежья: «Творческое оскудение Бунина могло быть связано с переполнявшей его ненавистью к революционному опаскушению России — это чувство как бы вытесняло все остальные»³⁸.

³⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 306.

³⁶ Слоним М. Живая литература и мертвые критики // Воля России. 1924. № 4. С. 61.

³⁷ Постников С. Русская зарубежная литература в 1925 году // Воля России. 1926. № 2. С. 184.

³⁸ Струве Г. Русская литература в изгнании / изд. 3-е. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1996. С. 67.

Естественно, что в первые годы за границей Горький судил о творчестве Бунина, основываясь на своих впечатлениях от его прежних, дореволюционных произведений. Но уже в 1924 г. Бунин издал свой первый зарубежный сборник «Роза Иерихона», куда вошло, помимо девяти старых, шестнадцать новых рассказов, написанных в эмиграции. Горький, прекрасно разбиравшийся в литературе и всегда высоко ценивший Бунина как писателя, не мог не оценить по достоинству его эмигрантские произведения. Другой вопрос, что он, вероятно, не хотел открыто хвалить их и отзывался о них всегда отрицательно. 23 января 1925 г. Горький писал И.Е. Вольнову, земляку Бунина и страстному почитателю его «золотого пера»: «...эмигранты всех родов и партий — народ погибший уже. Если б вы знали, чем стал и как плохо пишет Бунин!»³⁹. Через неделю он еще более определенно охарактеризовал новый сборник Бунина в письме к М.М. Пришвину: «Его книга “Роза Иерихона” — плоха, рассказы слабые, написаны “статически”, устало»⁴⁰.

Горький с нетерпением ждал возможности прочитать новую повесть Бунина «Митина любовь», о которой так много говорили в литературных кругах русского зарубежья. «Есть слухок, — сообщал он в том же письме Пришвину, — что И.А. Бунин написал тоже роман “Любовь Мити” и — очень хорошо написал, говорят». Н.Н. Берберова вспоминала в 1936 г. об огромном впечатлении, произведенном на Горького повестью Бунина «Митина любовь»: «Это было в день прихода очередной книжки “Современных записок” с окончанием “Митиной любви” Бунина. Все было оставлено: работа, корреспонденция, чтение газет. Горький заперся у себя в кабинете, к завтраку пришел с опозданием и в <...> рассеянности <...>

— Понимаете... замечательная вещь... Замечательная... — больше он ничего не мог сказать о “Митиной любви”, но долго после этого он не притрагивался ни к советским новинкам, ни к присланным неведомыми гениями рукописям»⁴¹.

³⁹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 112.

⁴⁰ Там же. С. 120.

⁴¹ Берберова Н. Три года с Горьким // Последние новости. 1936. 24 июня.

Возможно, Берберова наблюдала за реакцией Горького после чтения какого-либо другого произведения Бунина и просто запамятовала его название. Но относительно повести «Митина любовь» данное свидетельство представляется сомнительным. Во-первых, Горький не мог читать окончание «Митиной любви» в присутствии Берберовой: 24-я книга «Современных записок» за 1925 г., где оно было напечатано, вышла уже после того, как писательница вместе с В.Ф. Ходасевичем навсегда покинула дом Горького и уехала из Сорренто в Париж. Не подтверждается этот фрагмент воспоминаний и собственными отзывами Горького о бунинской повести. В таком случае, что же мог читать Горький? Описывая почти дословно тот же сюжет в более поздней книге «Курсив мой», Берберова, видимо, спохватившись, что нарушение хронологии может вызвать у читателя сомнение в правдивости ее воспоминаний, заменила «Митину любовь» на «только что вышедшую книгу последних рассказов Бунина»⁴². Значит, это, скорее всего, был сборник «Роза Иерихона», о котором в письмах Горький, как мы видели, тоже отзывался плохо. Так или иначе, это была высокая оценка Горьким эмигрантских произведений Бунина, о которых в переписке он всегда высказывался отрицательно.

Судя по письмам В.В. Вересаеву и К.А. Федину от 3 июня 1925 г., писатель познакомился с первой частью повести «Митина любовь» («Современные записки», кн. 23) только к этому времени. Повесть упоминается им в общем контексте фактов и событий, свидетельствующих, по мнению Горького, о разложении и творческом оскудении русской литературной эмиграции, об исторической исчерпанности ее культурной миссии. «...хорошее в них — изгнивает <...>, — писал он Вересаеву. — Куприн братается с обезумевшим Алексинским и пьет, ничего не делая. Бунин в своей повести “Митина любовь” комментирует “Крейцерову сонату” <...> Все невероятно, болезненно изозлились и творят скандалы, один другого глупее и громче <...> Все, все чувствования обратились в ненависть к “большевикам”, и, хотя в газетах ежедневно убежда-

⁴² Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 218.

ют “кого-то”: “мы не хотим зла России”, однако ж совершенно ясно, что трус, глад, мор в России — явления желанные русским людям здесь»⁴³. Еще резче Горький указал на зависимость Бунина от Л.Н. Толстого в письме к Федину: «С изумлением, почти с ужасом слежу, как отвратительно разлагаются люди, еще вчера “культурные”. Б. Зайцев бездарно пишет жития святых. Шмелев — нечто невыносимо истерическое. Куприн не пишет, — пьет. Бунин переписывает “Крейцерову сонату” под титулом “Митина любовь”. Алданов — тоже списывает Л. Толстого. О Мереж[ковском] и Гиппиус — не говорю. Вы представить не можете, как тяжело видеть все это»⁴⁴.

Интересно сравнить эти отзывы Горького с оценкой эмигрантского творчества Бунина и, в частности, его повести «Митина любовь», которую дал видный критик русского зарубежья Д.П. Святополк-Мирский. «Бунин, — писал он, — редкое явление большого дара, не связанного с большой личностью <...> В “Современных записках” (да и нигде) Бунин не дал ничего равного “Суходолу”. “Митина любовь”, самая, по мнению многих, замечательная вещь, напечатанная в “Совр. зап.», приятна, спору нет, и в лучших местах похожа, не фотографически, а ученически (и это хорошо), на памятные страницы толстовского “Дьявола”. Но, конечно, если судить по “Митиной любви” о зарубежном творчестве — росту оно небольшого»⁴⁵.

Видимо, Горький все же решил дочитать «Митину любовь» до конца, чтобы составить о ней более полное и определенное мнение. 20 июля 1925 г. он просил Ходасевича, проживавшего в Париже: «Не пошлете ли Вы мне “Современные Записки”, последнюю книгу, с концом повести Бунина? Пожалуйста!»⁴⁶. Получив и прочитав повесть, Горький сооб-

⁴³ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 194.

⁴⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 197.

⁴⁵ Святополк-Мирский Д.П. Современные записки. 1–26. Париж. 1920–1925; Воля России. 1922, 1925, 1926. № 1–2. Прага // Версты. 1926. № 1. С. 209. Цит. по: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000. С. 557.

⁴⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 223.

щал тому же Ходасевичу 13 августа: «Спасибо за “Современные Записки”. Конец “Митиной любви” не понравился мне. Книжка скучная»⁴⁷.

Что же не удовлетворило писателя в новом произведении Бунина, его первом общепризнанном шедевре зарубежного периода? Конечно, на мнение Горького могло повлиять его все большее отчуждение от литературной эмиграции, разочарование в ее творческих возможностях, а также общественное поведение Бунина. Однако главное, думается, было в другом. «Митина любовь» — повесть о страстной, всепоглощающей, неразделенной любви, приводящей к «самоуничтожению» героя — первое крупное послереволюционное произведение «живого классика» Бунина. На него с надеждой смотрел не только эмигрантский литературный мир, но и интеллектуальная элита России. И, надо признать, не один Горький испытал чувство неудовлетворенности после знакомства с повестью. Например, Б.Л. Пастернак был поражен и глубоко разочарован тем, что история любви студента Мити была рассказана Буниным в полном отрыве от Истории с большой буквы. «По тому, как тут носились с “Митиной любовью”, — делился своими впечатлениями Пастернак в письме Горькому, — по сознанию того, что может написать Бунин, и по многому другому, я начал читать книгу с понятным волнением, наперед расположенный в ее пользу. Красота изложения, наполовину бесследно прошедшая мимо меня, оставила во мне отзвук пустоты и психологической загадки. И это после всего! После всего перенесенного хотя бы автором, нет — именно им! Не поймите меня превратно. Не сюжет наперед я навязывал ему или разочаровался выбором темы. Нет, нет. Героя и его чувство разом я принял с благодарностью как данность в смутно нетерпеливом предвидении того, чем будет автор в дальнейшем мерить жизнь и как трактовать ее фатальность <...> Я не требовал от него историзма в смысле глубокой и далеко идущей летописности, но то, что он, историк, “обыкновенные истории” продолжает рассказывать так же, как во времена, когда об их прямом

⁴⁷ Там же. С. 244.

родстве не догадывались, это было неожиданностью полной, решающей и разочаровывающей вчистую»⁴⁸.

Пастернак верно подметил, что в художественной прозе эмигрантских лет Бунин старался избегать современности, острых конфликтных тем недавнего революционного прошлого, а обращался к сюжетам вечным, философско-психологическим. Его все более интересовали проблемы любви и смерти, человеческой судьбы и памяти, природы. Не случайно оценка «Митиной любви» была дана Пастернаком в контрастном сопоставлении с первыми частями горьковской эпопеи «Жизнь Клима Самгина», которая восхитила поэта подлинным историзмом, художественным постижением существа недавнего прошлого. «Странно сознавать,— писал Пастернак,— что эпоха, которую Вы берете, нуждается в раскопке, как какая-то Атлантида! Странно это не только оттого, что у большинства из нас она еще на памяти, но в особенности оттого, что в свое время она прямо с натуры изображалась именно Вами и писателями близкой Вам школы, как бытовая современность. Но как раз тем и девственнее и неисследованнее она в своем новом, теперешнем состоянии, в качестве забытого и утраченного основания нынешнего мира, или, другими словами, как дореволюционный пролог под пореволюционным пером»⁴⁹.

Горький и Бунин по-прежнему обращались в своем творчестве к одной и той же предреволюционной эпохе. Но подходы их теперь стали принципиально разными. Горький совершал историческую «раскопку» недавнего прошлого, пытаясь постичь закономерность исторических событий, приведших к революционной ломке, Бунин же всячески избегал изображения большой Истории. Вероятно, именно с этим было отчасти связано разочарование Горького в новой повести прежде высоко ценимого им писателя.

На мнение Горького о Бунине-художнике могло также повлиять знакомство с бунинским дневником 1918–1919 гг. «Ока-

⁴⁸ Горький и советские писатели: Неизданная переписка // Литературное наследство. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 70. С. 305–306.

⁴⁹ Там же. С. 304.

янные дни», пронизанным яростной ненавистью к революции и большевикам. Прочитав первый номер эмигрантской парижской газеты «Возрождение», вышедшей 3 июня 1925 г., где началась публикация этого дневника, Горький записал: «Очень плох И.А. Бунин в своих “Окаянных днях” <...> Бунин — умен по природе, достаточно образован. Видеть его в состоянии столь болезненного бешенства и обидно, и противно. И жалко художника, пропал художник»⁵⁰. Как бы подводя итог своим невеселым размышлениям 1925 г. о творчестве Бунина-эмигранта, Горький 13 февраля 1926 г. с явным сожалением писал И.М. Касаткину: «Здесь, вообще, нет литературы. Кончается Бунин, самый крупный и прекрасный художник»⁵¹.

Выражая в частных письмах свою неудовлетворенность последними произведениями Бунина, Горький никогда не позволял себе усомниться в таланте этого художника и его творческих возможностях публично. Даже когда осуждал общественное поведение Бунина, неизменно подчеркивал, что продолжает считать его первоклассным писателем. Не одобрял он и слишком резкой критики Бунина-эмигранта в советской прессе, справедливо полагая, что нужно щадить его болезненное и уязвленное самолюбие. Например, когда в том же 1926 г. советский критик Н.Н. Фатов прислал Горькому на отзыв свою статью «Письма Леонида Андреева к А.С. Серафимовичу», тот сделал несколько замечаний и добавлений к «Примечаниям», в частности, дал совет относительно характеристики Бунина: «Бунин — “опозорил себя” и т. д., — пишете Вы. Может быть, о “позоре” следовало бы умолчать, как умолчали Вы об этом, говоря о Куприне, ныне монархисте, об Арцыбашеве и др.»⁵².

Несмотря на полный разрыв отношений и открытую враждебность Бунина, он остается для Горького и в годы эмиграции последним представителем классической русской литературы XIX в. Кроме того, Бунин продолжает занимать одно из центральных мест в литературно-теоретической концепции разви-

⁵⁰ М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки // Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 242.

⁵¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 378.

⁵² Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 16. С. 33.

тия русской литературы, которая сложилась у Горького к этому времени. Горький видел в Бунине крупнейшего представителя той ветви русской литературы, которая противостояла народнической идеализации русского мужика и давала более правдивое, трезвое его изображение. В статье 1923 г. «Семен Подъячев» Горький писал по этому поводу: «В художественной литературе первый сказал о мужике новое и веское слово В.Г. Короленко в рассказе “Река играет”, затем А.П. Чехов написал один за другим три замечательных рассказа: “Мужики”, “Новая дача” и “В овраге”, — его рассказы были приняты народнически верующей публикой враждебно, как хула на мужиков. Но вслед за Чеховым еще более определенно отрицательно начал писать о деревне И.А. Бунин; его отношение к ней и к мужику особенно сурово в рассказах “Ночной разговор”, “Сто восемь”, “Захар Воробьев” и в большой повести “Деревня”. Всего красноречивее и убедительнее в пользу правдивости и верности наблюдений Бунина и Чехова над жизнью деревни говорит сама деревня устами писателей-мужиков: подмосковного мужика Семена Павловича Подъячева и орловского — Ивана Егоровича Вольнова...»⁵³.

Для Горького ценность Бунина-писателя в идейном плане навсегда осталась связанной с его повестью «Деревня» и рассказами о крестьянстве. Горький считал, что своими резко критическими произведениями о мрачном дореволюционном прошлом русского народа Бунин может быть полезен новой России, осуществлявшей в конце 1920-х – начале 1930-х гг. коренную ломку всех устоев деревни. В различных статьях и письмах Горький не раз подчеркивал это, в разгар коллективизации советовал издательским работникам переиздать эти произведения Бунина. Например, он предлагал главе Госиздата А.Б. Халатову выпустить в серии «Дешевая библиотека» отдельными книжками «Власть земли» Г.И. Успенского, рассказы Чехова «Мужики» и «В овраге» и «Деревню» Бунина. Искушенный в текущей политике коммунист Халатов прекрасно понимал, что издание «антисоветчика» и «монархиста», эмигранта Бунина в советской России в данный момент невозможно, и отвечал Горькому весьма осторожно: «...еще не настало время выпускать Бунина

⁵³ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 240–241.

в массовом издании: с его “Деревней” нам надо подождать»⁵⁴. Тогда Горький попытался осуществить свой замысел в издательстве «Academia». Он убеждал И.И. Ионову, возглавлявшего в начале 1930-х гг. это издательство, что «следует издать книжку Чехова “Мужики”, “В овраге”, “Новая дача”, Бунина “Деревню” и томик рассказов типа “Ночной разговор”,— современная крестьянская молодежь должна знать, что и как писали о ее дедах, как они жили»⁵⁵. С мыслью о переиздании для колхозного крестьянства произведений Бунина Горький не расставался до конца жизни. В 1930-е гг. он предлагал выпустить их в «Библиотеке “Колхозника”», а также в неосуществленной при его жизни литературной серии «История деревни».

Таким образом, Бунин для Горького до конца дней оставался классиком русской литературы, завершившим важный этап развития критического реализма. Однако послереволюционные произведения писателя, написанные в эмиграции, не привлекли в должной степени его внимания и не были им оценены по достоинству.

В 1930-е гг. Бунин с завидным постоянством продолжал публично уличать Горького во всех смертных грехах. В 1930 г. он выступил с чтением литературных мемуаров о русских писателях, в том числе и о Горьком. Затем текст воспоминаний о Горьком был опубликован почти без изменений в эмигрантской прессе. «О Горьком,— заявлял Бунин,— как это ни удивительно, до сих пор никто не имеет точного представления. Сказочна вообще судьба этого человека. Вот уже 35 лет мировой славы, совершенно беспримерной по незаслуженности, основанной на безмерно счастливом для ее носителя стечении не только политических, но и весьма многих других обстоятельств <...> Конечно, талант, но вот до сих пор не нашлось никого, кто сказал бы наконец здраво и смело о том, что такое и какого рода этот талант, создавший, например, такую вещь, как “Песня о Соколе”...»⁵⁶ Далее писатель вспоминал о своей первой встрече

⁵⁴ М. Горький и советская печать // Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1964. Т. 10. Кн. 1. С. 204.

⁵⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 21. С. 26.

⁵⁶ М. Горький и М.А. Осоргин: Переписка. С. 327.

с Горьким в Ялте в 1899 г., об отношении к Горькому Чехова, пересказывал основные вехи его биографии. Причем все эпизоды подавались настолько субъективно и тенденциозно, что даже благоволившая к нему эмигрантская критика была вынуждена дать им подобающую оценку. «В течение двух часов, — писал В.И. Талин в статье “И.А. Бунин об остальных”, — читал знаменитый писатель, Иван Бунин, из тетрадки злобную запись злобных чувств и злобных мыслей о больших, средних и малых деятелях русской литературы. Читал из тетрадки превосходно, язвительно, артистически колко, с “выражением” <...> Сенсационнейшее место его чтения относится к Горькому <...> Почему Горький снискал себе своим творчеством мировую славу, Бунин отказывается понимать. Он процитировал вот этого “Сокола”, и было в самом деле непонятно: люди, что ли, с ума сошли, что читают такую бездарность? <...> А уж из-за Горького досталось и сборникам “Знания”»⁵⁷.

Видимо, Горький внимательно следил за всеми выпадами бывшего друга. 27 июля 1930 г. он послал И.А. Груздеву вырезку из газеты «Сегодня» с мемуарами Бунина. «Посылаю “Заметки” Бунина, любопытные по их тону, — писал Горький. — Запоздали оценить по заслугам его, художника, а он — честолюбив. Любил хвастаться своей “родовитостью”, вел себя от поэтессы XVIII века Буниной, от гравера той же эпохи — Бунина, подчеркивал родство свое с Жуковским, с А.К. Толстым. По всем другим линиям — память у него короткая. Пишет, что не понравился я ему при первой встрече, а уже в 901 г. посвятил мне “Листопад” и до 16-го жил со мной дружно»⁵⁸.

Не прошли мимо внимания Горького и следующие «Заметки» Бунина, напечатанные 7 января 1932 г. в газете «Последние новости», также посвященные некоторым эпизодам из его биографии. В частности, Бунин описывал первое представление пьесы «На дне» в Московском художественном театре, после которого автор «закатил» грандиозный ужин в

⁵⁷ Талин В.И. И.А. Бунин об остальных // Числа. 1930. Кн. 2–3. С. 305–307.

⁵⁸ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 19. С. 365–366.

ресторане. Как всегда, Горький предстал в воспоминаниях Бунина грубым, бессердечным, бесцеремонным человеком. По поводу этой статьи Горький писал все тому же Груздеву: «Вам, “по должности” биографа моего, небезынтересны должны быть прилагаемые “Заметки” И. Бунина. В них я нахожу нужным отметить кое-какие неточности»⁵⁹. Комментируя, уточняя, разъясняя каждый эпизод своей биографии, упомянутый Буниным, Горький фактически опровергал полностью его воспоминания. И дело здесь было не в ошибках памяти Бунина, а в намеренном искажении истины, «в подсознательной цели, которую преследовали эти “заметки” — вычеркнуть из прошлого то, что претило Бунину в настоящем»⁶⁰. В те же дни Горький передавал А.Н. Толстому слухи об общественном поведении Бунина, доходившие до него в Сорренто из Парижа: «Жутко и нелепо настроен Иван Алексеев, злопахательство его все возрастает и — странное дело! — мне кажется, что его мания величия — болезнь искусственная, самовнушенная, выдумана им для самосохранения»⁶¹.

Как уже говорилось, Горький старался не вступать в открытую полемику с прежним товарищем, не отвечал на его неоднократные грубые выходки. О подлинных, глубоко скрытых чувствах Горького по отношению к Бунину — душевной боли, обиде, досаде — можно лишь догадываться. Отчасти о них можно судить по его записи в блокноте, явно не предназначенной для публикации: «Читал “Заметки” Бунина и вспомнил тетку Надежду, вторую жену дяди моего Михаила Каширина. Дядя и его работник били бондаря, который, работая в красильне, пролил синюю “кубовую” краску. Из дома на шум вышла тетка и, схватив кол, которым подпирала “сушильные” доски, побежала, крича:

— Ну-те-ко, постойте-ко, дайте-ко я его...

На Бунина тетка Надежда ничем не похожа была, — огромная, грудастая, необъятные бедра и толстейшие ножищи. Роза

⁵⁹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 21. С. 78.

⁶⁰ Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. С. 552.

⁶¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 21. С. 61.

большая, круглая, туго обтянута рыжеватой, сафьяновой кожей, в середине рожи — маленькие, синеватые глазки, синеватые того цвета огоньков, которые бывают на углях, очень ядовитые глазки, а под ними едва заметный, расплывшийся нос и тонкогубый рот длинный, полный мелких зубов. Голос у нее был пронзительно высокий, и я еще теперь слышу ее куриное квохтанье:

— Ко-ко-ко-ко...»⁶².

Горький и здесь остается прежде всего художником. Он создает внутренний, духовный портрет своего обидчика методом «от противного»: внешне Бунин «ничем не похож» на тетку Надежду, но его злые публицистические выступления напомнили писателю именно эту злобную женщину с «ядовитыми глазками» и зубастым акульим ртом, ее сладострастное стремление принять участие в избиении человека. Этот колоритный горьковский портрет его родственницы очень ярко показывает, как сильно он был обижен на Бунина.

И еще один факт, отражающий переживания Горького из-за открытой враждебности Бунина. Незадолго до смерти он предоставил для публикации около пятидесяти адресованных ему бунинских писем, которые существенно корректировали и в чем-то даже опровергали позднейшие воспоминания Бунина о Горьком, так как свидетельствовали об искренности их прежней дружбы. Печатать письма еще живого современника без его согласия было со стороны Горького не совсем корректно. Вероятно, подобный шаг был продиктован глубоко затаенной невысказанной обидой писателя, которому были далеко не безразличны грубые нападки бывшего друга и его истолкования их прежних отношений в искаженном виде. Появление писем в печати (они были опубликованы в 1936 г. в сборнике «М. Горький. Материалы и исследования», т. II) больно задело Бунина. Через много лет в «Литературном завещании» писатель попросил предать сожжению все свои старые письма, объясняя подобное решение следующими причинами: «Я писал письма почти всегда дурно, небрежно, наспех и не всегда в соответствии с тем, что чувствовал, — в силу разных обстоя-

⁶² М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки // Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 68.

ятельств (один из многих примеров — письма к Горькому, которые он, не спросив меня, отдал в печать)»⁶³.

Известие о смерти Горького вызвало у Бунина желание снова вернуться в прошлое, еще раз вспомнить и попытаться проверить временем прежние связи и человеческие отношения. Очередные воспоминания были написаны им через день после кончины писателя. Когда Бунин услышал по радио, что Горький умер, он испытал, по его собственному признанию, «очень сложные чувства». «Начало той странной дружбы, что соединяла нас с Горьким, — писал Бунин, — странной потому, что чуть не два десятилетия считались мы с ним большими друзьями, а в действительности ими не были, — начало это относится к 1899 году. А конец — к 1917. Тут случилось нечто еще более странное: человек, с которым у меня за целых двадцать лет не было для вражды ни единого личного повода, оказался для меня врагом, долго вызывавшим во мне приступы ужаса, негодования. С течением времени чувства эти перегорели, он стал для меня как бы несуществующим»⁶⁴.

Смерть Горького заставила Бунина смягчить свои обычные резко негативные оценки. На этот раз он даже сумел найти в Горьком какие-то человеческие, милые черты: «Первая черта была та, что на людях он бывал совсем не тот, что со мной наедине или вообще без посторонних, — на людях он чаще всего басил, бледнел от самолюбия, честолюбия, от восторга публики, рассказывал все что-нибудь грубое, высокое, важное, своих поклонников и поклонниц любил поучать, говорил с ними то сурово и небрежно, то сухо, назидательно, — когда же мы оставались глаз на глаз или среди близких ему людей, он становился мил, как-то наивно радостен, скромнен и застенчив даже излишне. А вторая черта состояла в его обожании культуры и литературы, разговоры о которых были настоящим коньком его»⁶⁵. Эти воспоминания Бунин предпочел закончить временно их последней встречи в Петрограде и не заострять внимание на последовавшем вскоре полном разрыве. «В начале апре-

⁶³ Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. С. 480.

⁶⁴ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 410.

⁶⁵ Там же. С. 412.

ля 1917 года, — писал он в конце статьи, — мы расстались с ним дружески <...> Когда я уходил, он вышел за мной в коридор, много раз крепко обнял меня, крепко поцеловал, на вечную разлуку, как оказалось»⁶⁶.

Для писателей-современников Бунин и Горький были двумя разными магнитными полюсами, вокруг которых группировались по политическим, идейным и эстетическим пристрастиям разные группы художников. Эта конкуренция, соперничество двух гигантов значительно усилились и переросли в жесткое противостояние после революции. Горький становится знаменем и культовой фигурой советской литературы, Бунин — литературы русского зарубежья. Эмигрантская критика сравнивала последнего с Л. Толстым и ставила его даже выше Чехова. Например, один из ведущих критиков русского зарубежья Г.В. Адамович писал о Бунине: «Лучшее наше достижение со времен Толстого. Не исключая Чехова...»⁶⁷. Эту мысль позже поддержал и Г.П. Струве. По его мнению, творчество Бунина именно в период эмиграции «достигло небывалого расцвета», «именно в изгнании Буниным были созданы его лучшие вещи». Струве провозгласил Бунина «наиболее совершенным из живущих русских художников». «Придет <...> время, — предрекал он, — когда <...> Бунин займет место не наравне с Чеховым, а выше его...»⁶⁸.

У адептов эмигрантской литературы были, надо признать, достаточно веские основания для подобных высоких оценок Бунина. Из старшего поколения писателей, сформировавшихся до революции, он был одним из немногих, кому удалось в условиях изгнания сохранять и успешно развивать свой могучий талант, преумножать свои литературные достижения.

Среди эмигрантских критиков находились и такие, кто отдавал должное обоим художникам: Горькому и Бунину. Например, Слоним писал в 1924 г. в статье «Живая литература и мертвые критики», что Горький для него — «большой художник, не меньший, чем Бунин <...> Пора прекратить, — продолжал

⁶⁶ Там же. С. 415–416.

⁶⁷ Струве Г. Русская литература в изгнании. С. 249.

⁶⁸ Там же. С. 85, 246, 247, 248.

он, — постоянное пошлое зубоскальство над Горьким и понять, что Горький-художник принадлежит не коммунистической партии, а всей мыслящей и культурной России. И эта Россия от Горького не отказывается и безразличным для себя его считать не может»⁶⁹.

Наконец, были в числе известных писателей-эмигрантов лица, которые отдавали пальму художественного первенства Горькому. Мнение Осоргина на эту тему мы уже приводили выше. А вот суждение одной из самых ярких фигур русского зарубежья, М.И. Цветаевой. Свидетельством ее высочайшей оценки художественного таланта и писательского значения Горького может служить ее отношение к присуждению в 1933 г. литературной Нобелевской премии. Из трех русских писателей, кандидатов в лауреаты — Горького, Мережковского и Бунина — она безоговорочно отдавала предпочтение первому, и видела в решении Нобелевского комитета в пользу Бунина чисто политический жест. В письме А.А. Тесковой от 24 ноября 1933 г. Цветаева писала: «Премия Нобеля. 26-го буду сидеть на эстраде и чествовать Бунина. Уклониться — изъяснить протест. Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунина: и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее — Горький. Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи. Но — так как это политика, так как король Швеции не может нацепить ордена коммунисту Горькому... Впрочем, третий кандидат был Мережковский, и он также несомненно больше заслуживает Нобеля, чем Бунин, ибо, если Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи, то Мережковский — эпоха *конца* эпохи, и влияние его в России и за границей несоизмеримо с Буниным, у которого *никакого*, вчистую, влияния ни там, ни здесь не было. А Посл[едние] Новости, сравнивавшие его стиль с толстовским (точно дело в “стиле”, т. е. *пере*, которым пишешь!), сравнивая *в ущерб* Толстому — просто позорны. Обо всем этом, конечно, приходится молчать»⁷⁰.

Конечно, недооценка и даже неприятие Бунина Цветаевой очень субъективны. Вероятно, великие люди имеют право на

⁶⁹ Слоним М. Живая литература и мертвые критики. С. 61, 62.

⁷⁰ Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 407.

особые пристрастия и предпочтения. Можно предположить, что Цветаеву более всего отталкивали от Бунина замкнутость его художественной системы, ее обращенность в прошлое, к традициям XIX в. В Горьком же ее, видимо, прежде всего привлекала эстетическая открытость писателя новым веяниям эпохи, неустанные поиски новых форм, которые особенно ярко проявились в 1920-е гг. в его рассказах и в «Жизни Климата Самгина».

В сознании многих современников Горький и Бунин были величинами если не равновеликими, то вполне сопоставимыми. И в зависимости от политических, эстетических и личных пристрастий предпочтение отдавалось то одной, то другой фигуре.

Идея противостояния двух гигантов современной русской литературы — Горького и Бунина — была не чужда даже советскому партийному начальству. Однако казалась им чрезвычайно опасной. Возвращение Бунина на родину могло привести, по их мнению, к потере Горьким единоличного лидерства и созданию параллельного литературного центра во главе с Буниным. Об этом свидетельствуют воспоминания партийного и литературного работника И.М. Гронского. Они звучат сенсационно: оказывается, не кто иной как Горький выхлопотал было в начале 1930-х гг. у И.В. Сталина согласие на возвращение Бунина на родину! Но после некоторого размышления (если верить Гронскому) писатель сам отказался от своего замысла. Вот как эта история предстает в изложении мемуариста: «Горький говорит (Гронскому. — *Н. П.*): “Я забыл сказать — я договорился со Сталиным о возвращении в Советский Союз Бунина. Как Вы к этому относитесь?” Я говорю: “Я — против и сделаю все, чтобы Бунина в Советском Союзе не было”. Мы очень крепко поругались»⁷¹. В следующий раз спор продолжился уже в присутствии Сталина. «Когда обед подходил к концу, Горький обращается к Сталину: “Мы опять поругались с Иваном Михайловичем из-за Бунина <...> Поругались, и я подумал, что Иван Михайлович прав: Бунина возвращать не надо”. Сталин меня-

⁷¹ Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 70–71.

ется в лице. Он хохочет, но сдерживается. Я говорю: “Как Вы можете соглашаться на приезд Бунина! Если Бунин приедет, будет второй литературный центр. Куда писатели потянутся — к Горькому или к Бунину — это еще вопрос”. Сталин говорит: “Горький пристал, я ему уступил. Очень хорошо, что это все расстроилось”»⁷².

После смерти Горького в СССР не оказалось столь же авторитетной для западного литературного мира фигуры. Возможно, зароненная Горьким в высокие партийные головы мысль о необходимости возвращения Бунина как раз тогда получила право на свою постепенную реализацию. Развитие этой идеи и попытка воплотить ее в жизнь усилились после окончания Второй мировой войны. Однако, как известно, вернуть в СССР тоскующего по родине, но ненавидящего ее большевистский режим писателя так и не удалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.
- Берберова Н.* Три года с Горьким // Последние новости. 1936. 24 июня.
- Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 272 с.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 635 с.
- Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. 622 с.
- Бунин И.* Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. 256 с.
- Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М.: Наука, 1989. Вып. 2. 269 с.
- Литературное наследие. М: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. 734 с.
- Горький М.* Из дневника // Огонек. 1926. № 31. 1 августа. С. 6–7.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2019. Т. 1–21.
- Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. 574 с.
- Горьковские чтения: 1958–1959. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 450 с.
- М. Горький и М.А. Осоргин: Переписка / вступ. ст., публ. и примеч. И.А. Бочаровой // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 387–549.
- М. Горький и Р. Роллан: Переписка (1916–1936) // Архив А.М. Горького. М.: Наследие, 1995. Т. 15. 543 с.
- М. Горький и советская печать // Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1964. Т. 10. Кн. 1. 414 с.

⁷² Там же. С. 71.

- М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. Т. 2. 484 с.
- М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки // Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1969. Т. 12. 433 с.
- Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1973. 565 с.
- Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами // Архив А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 8. 444 с.
- Постников С. Русская зарубежная литература в 1925 году: (Письмо на Родину) // Воля России. 1926. № 2. С. 183–192.
- Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 361 с.
- Слоним М. Живая литература и мертвые критики // Воля России. 1924. № 4. С. 53–63.
- Струве Г. Русская литература в изгнании / изд. 3-е. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1996. 445 с.
- Талин В.И. И.А. Бунин об остальных // Числа. 1930. Кн. 2–3. С. 302–308.
- Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. 798 с.

**ИВАН БУНИН
В ПЕРЕПИСКЕ А.С. ЧЕРЕМНОВА
С А.М. ГОРЬКИМ**

© 2022 г. Е.Р. Матевосян

Аннотация: Статья посвящена истории знакомства и развитию взаимоотношений И.А. Бунина и А.С. Черемнова, отраженных в переписке Черемнова с А.М. Горьким. Письма А.С. Черемнова не опубликованы. Поэт Черемнов до сих пор мало изучен. Так сложилось, что именно кратковременная дружба с Буниным помогла ему в наши дни вернуться из небытия. Между тем, он достоин изучения и памяти. Талантливый сатирик и лирик, Черемнов был активно вовлечен в литературную жизнь Петербурга и Москвы 1904–1917-х гг. и в своих письмах оставил о ней интересные свидетельства.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Ю.А. Бунин, А.М. Горький, В.Н. Муромцева, А.С. Черемнов, «Книгоиздательское товарищество “Знание”», «Книгоиздательство писателей в Москве», журнал «Современник», футуристы.

Информация об авторе: Елена Рафаэловна Матевосян — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5734-1189>. E-mail: e.startzeva@yandex.ru.

Для цитирования: Матевосян Е.Р. Иван Бунин в переписке А.С. Черемнова с А.М. Горьким // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 575–604. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-575-604>

IVAN BUNIN
IN THE A.S. CHEREMNOV'S CORRESPONDENCE
WITH A.M. GORKY

© 2022. Elena R. Matevosyan

Abstract: The article is devoted to the history of dating and the development of relations between I.A. Bunin and A.S. Cheremnov, reflected in the correspondence between Cheremnov and A.M. Gorky. A.S. Cheremnov's letters have not been published. The poet Cheremnov is not studied sufficiently. It so happened that it was a short-term friendship with Bunin that helped him return from obscurity in our days. Meanwhile, his personality is worthy of study and memory. A talented satirist and lyricist Cheremnov was actively involved in the literary life of St. Petersburg and Moscow in 1904 and 1917 and in his letters left interesting evidence about it.

Keywords: I.A. Bunin, Y.A. Bunin, A.M. Gorky, V.N. Muromtseva, A.S. Cheremnov, "Book publishing Association 'Znanie'", "Book Publishing of writers in Moscow", "Sovremennik" journal, futurists.

Information about the author: Elena R. Matevosyan, PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5734-1189>. E-mail: e.startzeva@yandex.ru.

For citation: Matevosyan, E.R. "Ivan Bunin in the A.S. Cheremnov's Correspondence with A.M. Gorky." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 575–604 (In Russian). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-575-604>

Имя поэта Александра Сергеевича Черемнова является культурным достоянием Псковщины и смыслообразующим центром бунинской составляющей литературного краеведения этого региона. Так сложилось, что именно кратковременная дружба с Буниным помогла Черемнову в наши дни вернуться из небытия. Однако, его знакомство с Горьким этому никак не поспособствовало: слишком велик был круг горьковского общения, в нем легко было затеряться.

Краевед, почетный гражданин г. Пскова Натан Феликсович Левин так пишет об этом: «Подготовка к столетнему юбилею

приезда Ивана Бунина на Псковскую землю (1912 г.) потребовала очерка о поэте Александре Сергеевиче Черемнове. Именно он пригласил Бунина к себе в гости. Ранее биография Черемнова не составлялась. Даже в Интернете нет биографической справки о нем»¹. С тех пор информационная картина в интернете изменилась. Теперь о поэте Черемнове, писавшем как сатирические, так и лирические произведения, можно многое узнать. Однако основные биографические сведения о поэте разыскал именно Н.Ф. Левин.

Черемнов происходил из сравнительно «молодого» дворянства, т. е. дед поэта, солдатский сын Андрей Федорович Черемнов, поступив на военную службу в 1813 г. унтер-офицером, через 20 лет, по определению Бессарабского дворянского депутатского собрания от 21 марта 1833 г., был награжден орденом святой Анны 3-й степени и вместе с тремя детьми внесен во вторую часть дворянской родословной книги.

В 1891 г. будущий поэт, 10-летний Александр Черемнов, поступил в подготовительный класс Псковской гимназии. Весной 1893 г. его перевели во 2-й класс с переэкзаменовкой по латинскому языку, но осенью он по болезни на нее не явился, и приемный отец перевел Александра в Шавельскую гимназию Ковенской губернии. Доучивался и получал профессию он в Псковской учительской семинарии. Его стихотворение «Пахарь», прочитанное на вечере в семинарии, было напечатано в «Псковском городском листке» 31 января 1899 г., а 30 июня там же появилось сочиненное им стихотворение «Памяти Пушкина», с которым Александр Черемнов выступал в Летнем саду Пскова на 100-летнем юбилее поэта. В выпускном 3 классе Черемнов сочинил слова к кантате, исполненной в августе 1899 г. на праздновании 25-летия семинарии.

Став учителем земской школы в селе Сенно Изборской волости Псковского уезда, Черемнов нередко приезжал в Псков,

¹ Левин Н.Ф. Возвращение из небытия... Поэт А.С. Черемнов // Русский язык и литература в поликультурном и коммуникативном пространстве. Материалы международной конференции: в 2 ч. Псков: Изд-во Псковского государственного университета, 2012. Ч. 1. С. 301.

читал свои стихи на благотворительных вечерах, посылал их в столичные издания. Одно из них («Остановись, мгновение!») удалось обнаружить в № 7 журнала «Отдых» за 1902 г. Из-за туберкулеза Черемнову пришлось покинуть школу. Он поселился в Пскове и жил на получаемые гонорары, в чем признавался в поэме «Красный корабль»: «От юных лет из всех земных трудов / По зову сердца взял я труд поэта»².

Многие его произведения того времени в разных жанровых формах (басни, притчи, гимны, памфлеты, оды) обличали царский строй — Александр с сестрой и братом входили в круг революционно настроенной псковской молодежи. 21 декабря 1904 г., на следующий день после сдачи японцам Порт-Артура, по поручению своих товарищей сестра поэта Полина Черемнова выступила на благотворительном вечере с антиправительственной речью.

Таким было начало творческого пути Черемнова. Дальнейшее занятие поэтическим творчеством послужило причиной его личного знакомства с Иваном Буниным и Максимом Горьким, на чем хотелось бы остановиться подробнее. Это необходимо, чтобы без дополнительных комментариев понять, каким видится Иван Бунин в переписке Черемнова с Максимом Горьким.

1.

Для писателя, столь тонко чувствующего, как Иван Бунин, любая встреча, обычно не проходит бесследно: она отражается в биографии писателя и становится частью его художественного мира. Так случилось, что известный при жизни Бунина, но не ставший кумиром для своих современников и мало изученный даже сегодня, поэт Черемнов, на протяжении второй половины своей недолгой жизни, вошел в атмосферу бунинского влияния, в творческое и жизненное пространство писателя.

Надо сказать, что личность Черемнова сама по себе достойна изучения и памяти. В советском литературоведении бытовало мнение, что Черемнов — «известный поэт-«знаниевец», а его

² Поэма «Красный корабль» не была издана. Место нахождения рукописи на сегодняшний день неизвестно.

«идейно-художественное развитие шло под непосредственным воздействием Горького, учеником которого он себя считал»³. Действительно, в определенный период Черемнов был третьим автором по частоте публикаций в сборниках «Знания», после самого Горького и Бунина, и в этой связи мог по праву называться поэтом-«знаньевцем», хотя переписка Черемнова с редакцией издательства «Знание» до сих пор не изучена. Для биографии Черемнова она дала бы немало интересных подробностей. Пока мы можем лишь заметить: несмотря на то, что поэт ощущал на себе непосредственное воздействие идейно-художественного мировоззрения Горького, с которым его роднил талант сатирика, и более всего — присущая его мировоззрению идеология общественной борьбы, учеником его он себя не считал. Напротив, в одном из писем Черемнов писал Горькому: «...ценю ваше мнение, но писать буду по-своему»⁴.

Вместе с тем после знакомства с И.А. Буниным, он, несомненно, испытал его влияние, что отмечалось и в современной ему критике, и в работах исследователей советского периода⁵.

Полагаю, это сближение вызвало определенную ревность и привело к медленному, но последовательному охлаждению в отношениях с Горьким. Представляется вполне обоснованным мнение, господствовавшее в 1970-х гг., что сочетание столь противоположных влияний, Горького и Бунина, «обуславливалось особенностями творческой личности Черемнова, соединявшего дарование лирического поэта с талантом пародиста и сатирика»⁶. Скорее всего, оба влияния Черемнов действительно испытал на себе, но не одновременно, а последовательно.

³ *Афонин Л.Н., Куванова Л.К.* Из переписки с А.С. Черемновым. 1912–1917 // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 639; *Касторский С.В.* М. Горький и поэты-знаньевцы // М. Горький и поэты «Знания». Л.: Сов. писатель, 1958. С. 48; *Львов-Рогачевский В.Л.* Символисты и наследники их // Современник. 1913. Кн. VI.

⁴ Архив А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: КГ-П 85-3-11. Далее — АГ.

⁵ *Касторский С.В.* М. Горький и поэты-знаньевцы...; *Львов-Рогачевский В.Л.* Символисты и наследники их...

⁶ *Касторский С.В.* М. Горький и поэты-знаньевцы... С. 49.

При этом он сохранял чувство собственного и профессионального достоинства — как перед лицом Горького (ответ Горькому приводился выше), так и в общении с Буниным, о чем свидетельствует их переписка. Вот, например, письмо, написанное 29 мая 1912 г., менее чем через полгода после знакомства. Бунин послал Черемнову два своих сборника, выпущенных «Московским книгоиздательством»: «Перевал» и другие рассказы 1892–1902 гг.» и «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.». Все стихи, упоминаемые Черемновым в письме, вошли во второй из присланных сборников: «Вернувшись в Клеевку, получил и ваши книги, и вашу бандероль. Спасибо вам огромное за последний том, и мама благодарит за “Перевал”, (которого, кстати сказать, я тоже не читал). Над стихотворением “При дороге” плачу слезами умиления, но прежнее заглавие (“Окно”) мне все же кажется более выразительным для этой дивной миниатюры. Прекрасно, великолепно, — и переживет нас лет на триста, когда многие забудут, что поэт Бунин переводил мистерии Байрона. “Разбойник” тоже очень хорош, не хуже пушкинских песен, но сделан — воля ваша — довольно небрежно: не срифмованные строки понижают впечатление. Какие есть славные рифмы к слову “литургии”... А как хорош ваш “Дворецкий”. И вы еще раздумывали, включить ли его в книжку. Относительно вашего “Берега” уверен, что какая-нибудь рационалистическая секта включит его в похоронный ритуал. Он достоин быть погребальным хоралом в великой пантеистической церкви будущих веков. Не могу до сих пор повторять его без наплыва самых сложных чувств. А “Зимняя вилла” вот нехороша, — бог с ней»⁷.

Черемнов был также автором политических сатир, литературных переводов и пародий. Вместе с тем он увлекался поэзией В.С. Соловьева, а также, по мнению горьковедов Сергея Васильевича Касторского, «его лирическому началу была в высшей степени созвучна поэзия Бунина, его видение мира и особенно его восприятие природы»⁸. Мнение С.В. Касторского разделяет

⁷ *Афонин Л.Н., Куванова Л.К.* Из переписки с А.С. Черемновым... С. 640.

⁸ *Касторский С.В.* М. Горький и поэты-знаньевцы... С. 49.

и современный литературовед А.Г. Разумовская. Она находит внутреннюю близость Черемнова к Бунину: природа для обоих являлась источником поэзии. Лирический герой Черемнова, подобно герою Бунина, способен слиться с окружающим миром, созерцая природу⁹. Вот лирическое стихотворение Черемнова «Март». Что такое весна? Это ясные зори, глубокая синева неба, «бледные туманы, ведущие свою волшебную игру». Весна — это некое предчувствие, светлая тоска...

На Алексея с гор поток...
Сквозь тучи просини горят,
Мутны, игривы и глубоки,
Ручьи весенние звенят.

Уж по холмам на голых скатах
Темнеет бурая трава,
И ярче запад на закатах,
И глубже неба синева,
И зори ясны и багряны,
И на востоке поутру
Сквозные бледные туманы
Ведут волшебную игру.
Дни тихи. Капают капли.
К полудню сыро и тепло.
Узор смолы на темной ели
Блестит, как желтое стекло.
Пушатся вербы: им не страшен
Мороз в безветренной ночи.
По мягким комьям черных пашен
Гуляют черные грачи.

⁹ Разумовская А.Г. Себежская земля в судьбе и творчестве поэта А.С. Черемнова // Беларускае падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і междысцыплінарных даследаванняў. Зборнік навуковых артыкулаў III міжнароднай навуковай канферэнцыі: у 2 ч. Новополюцк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, 2016. Ч. 2. С. 312.

Покинув зимние жилища,
Снуют голодные хорьки,
Звончей и радостней и чище
Поют-горланят петухи.
И всюду сладкое томление,
И всюду светлая тоска,
И тайна вечного рожденья
Душе понятна и близка¹⁰.

Начинал Черемнов с написания запрещенной поэмы о Первой русской революции 1905 г. («Красный корабль»), в которой отчетливо проявилось его представление о назначении художника-борца, а закончил тем, что в истории литературы и восприятии современных исследователей остался лирическим поэтом Серебряного века. Так, в начале 2000-х в Москве вышел двухтомник «Сонет Серебряного века», в котором стихотворения Черемнова были опубликованы, наряду с произведениями Владислава Ходасевича, Максимилиана Волошина, Георгия Чулкова, Александра Блока, Осипа Мандельштама, Велимира Хлебникова, Николая Гумилева, Марины Цветаевой, Бенедикта Лившица и др. Вот одно из них:

Проснулась утром спозаранку,
Надела траурный убор,
Из спальни вышла в коридор,
Будила сонную служанку.
Вблизи окна, у темных штор
Стояла. Слушала шарманку.
Открыв комод, достала склянку.
Прокралась лестницей, как вор.
Брела походкою убитой...
Сняла венчалное кольцо...
Потупив взор, вуалью скрытый,
Взошла тихонько на крыльцо —

¹⁰ Черемнов А. Март // Времена года в русской поэзии: Сб. стихотворений / под ред. Н.С. Ангарского. М.: Мосполиграф, 1924. С. 167.

И молча влагой ядовитой
Плеснула в женское лицо¹¹.

Однако сам факт приоритета лирических жанров над сатирическими не является бесспорным. До сих пор многие произведения Черемнова еще не опубликованы. В 1913 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве» увидел свет первый и единственный том его собрания сочинений «Стихотворения»¹². Не изучен Черемнов-сатирик, не был опубликован его каприйский машинописный сборник пародий на писателей «Идеальные мотивы». Никто не занимался вопросом издания маленьких народных книжек Черемнова (среди них, возможны и анонимные экземпляры). Они упоминались в переписке, то как неоплаченные книгоиздательским товариществом «Знание», то как неизданные (последнее должно вдохновить будущих исследователей на архивные изыскания). Нас же интересует прежде всего отражение литературной жизни в России в переписке Бунина с Черемновым и, разумеется, в любых документах бунинского окружения — ведь их взаимоотношения сами являются частью литературной жизни.

Факт знакомства Бунина с Александром Черемновым широко освещался, как в краеведческой, так и в научной литературе. Однако буниноведы не стремились детально анализировать горьковское окружение на Капри, в среде которого и произошла их встреча, а горьковеды еще не занимались таким литературно-биографическим сюжетом, как Горький и Черемнов.

И здесь хотелось бы особо остановиться на личности приемной матери А.С. Черемнова Марии Павловны Миловидовой. Познакомился он с ней, скорее всего, в 1907 г., когда переехал из столицы к сестре Пелагее (Полине) в ее имение Усмановская дача в Синозерской волости Себежского уезда. Миловидова была состоятельной владелицей имения Клевка, Сутоцкой волости того же уезда. Ей к тому времени исполнилось 55 лет, она

¹¹ Сонет Серебряного века. Сб. стихов: в 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 1. С. 84.

¹² Черемнов А.С. Стихотворения. Том первый. Книгоиздательство Писателей в Москве. М.: Скоропечатня А. Левинсон, 1913.

была вдовой. Мария Павловна стала покровительницей 26-летнего поэта. В девичестве Мария Павловна носила фамилию Муфель и происходила из древнего немецкого дворянского рода, представители которого перешли на военную службу в Россию. В ней поэт нашел жизненную опору и опеку, присущую приемной матери. Вместе они много путешествовали.

Итак, несколько лет Черемнов и Мария Павловна Милюдова собирались съездить к Горькому на Капри. Их мечта осуществилась только в декабре 1911 г. С 1 ноября там уже жил Бунин с Верой Николаевной Муромцевой-Буниной и племянником Николаем Пушешниковым.

Первая встреча Бунина с Черемновым произошла, по сведениям псковского краеведа Н.Ф. Левина, 26 декабря 1911 г. (8 января 1912 г.) в гостях у Горького¹³. В «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» называется другая дата: 1911, декабрь, 25 (январь, 7, 1912 года)¹⁴.

Так или иначе, Бунин с Верой Николаевной и Н. Пушешниковым были приглашены к Горькому на празднование Рождества. Именно там и состоялось знакомство Бунина с Черемновым. Племянник Бунина оставил подробную запись в своем дневнике об этом рождественском вечере. Она интересна тем, что дает представление о литературном круге общения писателей: «За столом сидели Г[орький], М.Ф. [Андреева], украинский писатель К[оцюбинский], очень мягкий и деликатный человек, И.В. [Вольнов] с женой, затем, мать и сын (приемный) Ч[еремновы] и еще кое-кто из русских, живущих на Капри». Этими «русскими, живущими на Капри», были и Константин Петрович Пятницкий и Иван Павлович Ладыжников — оба издатели Горького и не только его: один — директор Книгоиздательского товарищества «Знание», другой — директор берлинского издательства «Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow» («Издательство И.П. Ладыжникова»).

Александра Черемнова Н. Пушешников описал очень точно. Те, кто видел его портрет, оценят данную словесную зарисовку:

¹³ Левин Н.Ф. Возвращение из небытия... С. 303.

¹⁴ Бунин. И.А. Летопись жизни и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2 / сост. С.Н. Морозов. С. 138.

«Ему лет 30, он болен чахоткой и приехал сюда лечиться, кажется, по приглашению Г[орького]. Это высокий сероглазый, несколько томно-язвительный человек в пиджаке-блузе с широким поясом. Он помешан на В. Соловьёве, на его стихах, и читал их потом за ужином. Мы сидели рядом с ним, держался он свободнее, непринуждённое, чем все другие русские. У [Ивана] А[лексеевича] скоро завязался с ним спор. И[ван] А[лексеевич] отрицал значение стихотворного искусства В. С[оловьёва]»¹⁵. Это свидетельство привлекает к себе особое внимание, впрочем, как все, что имеет отношение к мировоззрению и творческому кредо писателя. Отчего же Бунин, столь восхищавшийся «Красотой мира» и чутко воспринимавший дух своего времени, был так непримирим в споре о В. Соловьёве? Что же столь безудержно влекло Черемнова к его поэзии? На второй вопрос ответа пока нет. Однако тема «Бунин и В. Соловьёв» уже имеет определенный опыт своего осмысления. Напомним звучание строк поэзии Соловьёва:

Там, где семьей столпились ивы
И пробивается ручей,
По дну оврага торопливо,
Запел последний соловей.

Что это? Радость обновления,
Иль безнадежное прости?..
А вдалеке неслось движенье
И гул железного пути.

И небо высилось ночное
С невозмутимостью святой
И над любовью земною,
И над земною суетой...
*16 июня 1892*¹⁶

В.Д. Агафонова, занимающаяся вопросами мировоззрения И.А. Бунина в контексте религиозно-философского движе-

¹⁵ Там же. С. 138.

¹⁶ Сонет Серебряного века... С. 46.

ния конца XIX – начала XX вв., отмечает, что «соловьевская» концепция «всеединства», утверждавшая синтез «идеально-надмирного и материально-земного», в целом чужда художественному миру Бунина — ему чужд приоритет отвлеченно-метафизической мысли. Однако в отношении экуменических взглядов Соловьева, в особенности того, как понимал философ одухотворяющей мир «Красоты», у Бунина и Соловьева обнаруживаются любопытные точки соприкосновения. Творчеству Бунина не свойственны «надмирные» объяснения в духе нео-религиозной философии. Однако сам по себе соловьевский пафос «обожения» земной материи, в котором сказывались в том числе и пантеистические веяния, невольно соприкасался с бунинским «пантеистически окрашенным пафосом» земного бытия¹⁷. В статье «И.А. Бунин и В. Соловьев: осмысление идеи красоты», В.Д. Агафонова кратко формулирует эту мысль: «Стержневым началом творчества И. Бунина на всех этапах является идея Красоты как высшей духовной ценности. Именно идея Красоты, приобщающая человека к над-индивидуальным основам бытия, представляет собой некоторую линию пересечения взглядов Бунина с творчеством русских символистов, философским вдохновителем многих из которых был В.С. Соловьев. Это пересечение подразумевает не только сближение, но и существенные различия»¹⁸. Ну, и кроме того, в той историко-литературной реальности, в те годы, не столь далекие от кончины философа, поэта и публициста В.С. Соловьева (1853–1900), по свидетельству современников, споры о нем не утихали.

О продолжении встреч И.А. Бунина с А.С. Черемновым на Капри известно из письма Веры Николаевны Муромцевой. Так, она сообщала Юлию, старшему брату мужа: «У Горького бываем, да не часто. Зато сошлись с Черемновыми; очень симпатичные люди — мать и сын. При более близком знакомстве видишь, что он не без таланта, только есть в нем налет

¹⁷ Агафонова В.Д. Библейско-христианская проблематика в творчестве И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 9.

¹⁸ Агафонова В.Д. И.А. Бунин и В. Соловьев: осмысление идеи красоты // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 4 (8). С. 37.

Влад. Соловьева. Ян, кажется, к нему относится хорошо, а это что-нибудь да значит»¹⁹.

Вскоре дружеское расположение Бунина к Черемнову перешло в сотрудничество. И через три месяца, 22 марта 1912 г., Черемнов присутствует на учредительном собрании «Книгоиздательства писателей в Москве». На этом собрании он становится членом-вкладчиком нового издательства, наряду с И.А. и Ю.А. Буниными, Б.К. Зайцевым, В.В. Вересаевым, Н.Д. Телешовым и И.С. Шмелевым.

Кооперативное «Книгоиздательство писателей в Москве» (1912–1923) было создано по инициативе членов «Среды». Его целью было оградить интересы писателей от «аппетитов» крупных издательств, таких как «Товарищество А.Ф. Маркс» или издательство Н.С. Цейтлина «Просвещение». Руководящую роль в нем играли В.В. Вересаев, Н.Д. Телешов и И.А. Бунин, членами стали почти все участники «Среды». В 1911–1914 гг. в Петербурге существовал еще один подобный кооператив — «Издательское товарищество писателей», среди организаторов которого были М.В. Аверьянов и Н.С. Клестов. Первоначально Бунин принял в нем участие (в «Сборнике первом» этого издательства напечатан его рассказ «Ночной разговор»). Черемнов считал ошибкой существование двух параллельных писательских кооперативов. В письме 21 мая 1912 г. он убеждал Бунина не бросать петербургское дело и отказать от участия в новом издательстве: «Так дробить свои силы равносильно самоубийству»²⁰, — цитировал он слова С.Н. Сергеева-Ценского. В том же письме Черемнов выражал сомнение в деловых качествах Н.С. Клестова, который принял на себя управление делами «Книгоиздательства писателей в Москве» (до этого он вел дела петербургского «Издательского товарищества»). Однако предприятие это вскоре распалось, и большинство его членов вошло в московское «Книгоиздательство». Вероятно, мнение Черемнова о Клестове послужило причиной отсрочки его членства в «Книгоиздательстве писателей в Москве». И.А. Бунин лишь 10 октября 1912 г. сообща-

¹⁹ Бунин. И.А. Летопись жизни и творчества. Т. 2. С. 147.

²⁰ Там же. С. 189, 191.

ет почтовой открыткой Черемнову: «Дорогой, сейчас получил Ваше письмо. [...] Прежде всего: единогласно избраны Вы членом “Книгоиздательство писателей” (Никитский бул[ьвар], 6, Николаю Семеновичу Клестову). Шлите 200 р. Думайте о книге стихов <...> Поздравляю с саном сатирика. Купили ли Вы уже бич?»²¹.

Вскоре А.С. Черемнов приглашает супругов Буниных к себе в гости, в имение «Клеевка». Совместно проведенное в имении время еще больше сближает Бунина и Черемнова.

Визиту Бунина в имение А.С. Черемнова «Клеевка» под Себежем, относившимся тогда к Витебской губернии, на сегодняшней Псковщине посвящено много статей разного жанра. Этот визит продолжался с 4 июля по 15 августа 1912 г., о чем было известно давно. Уже в московском журнале «Живое слово»²² воспроизводилась фотография «И.А. Бунин и А.С. Черемнов в имении последнего, в Витебской губернии»²³. Современные исследования этой темы принадлежат перу псковского краеведа Н.Ф. Левина и А.Г. Разумовской. Желание Черемнова пригласить к себе Ивана Алексеевича было вполне искренним, с заботой о главном — создании рабочей атмосферы. 8 мая 1912 г. он заверяет Бунина: «Зная хорошо Вашу “английскую складку” в отношении работы, думаю, что опасение Ваше “разболтаться” у нас в Клеевке, — только отговорка, тем более, что в лице мамы Вы будете иметь союзника во всем, что касается распределения Вашего (и моего тоже) рабочего дня»²⁴.

И вот наступает период совместной жизни семьи Буниных в усадьбе поэта Клеевке. Тогда Бунин усиленно работал над корректурой готовившегося к печати сборника «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.». А Черемнов и Николай Пушешников совместно переводили трагедию немецкого поэта Генриха Клейста «Пентесилея» о царице амазонок. Перевод опубликован не был, поскольку раньше них трагедию перевел Федор Сологуб.

²¹ Там же. С. 268.

²² Живое слово. 1912. Август. № 30.

²³ Бунин. И.А. Летопись жизни и творчества. Т. 2. С. 250.

²⁴ Там же. С. 150.

Поначалу Бунин, занятый корректурой, ничего нового не сочинял, и 6 июля жаловался Горькому: «... мы — я, Вера и Коля — уже третий день в Клеевских лесах и холмах, где весьма хорошо и тихо на редкость. [...] Сглазили меня в Москве весной, тих и бесплоден стал я!»²⁵.

Отдохнув и насладившись дальними прогулками в клеевском бору и поездками к местным крестьянам, Бунин увлекся стихосложением: «С необыкновенной легкостью пишу все последнее время стихи. Иногда по несколько стихотворений в один день, почти без помарок», — записал он в дневнике. В.Н. Муромцева в восторге сообщает Юлию Бунину: «Погода чудесная: сухо, жарко и весело. Ян написал стихи в 30 строчек! В новом для себя стиле и тоне...»²⁶. Самое известное стихотворение Бунина того периода, названное «Псковский бор», было написано 23 июля:

Вдали темно и чащи строги.
Под красной мачтой, под сосной
Стою и медлю — на пороге
В мир позабытый, но родной.
Достойны ль мы своих наследий?
Мне будет слишком жутко там,
Где тропы рысей и медведей
Уводят к сказочным тропам.
Где зернь краснеет на калине,
Где гниль покрыта ржавым мхом
И ягоды туманно-сини
На можжевельнике сухом²⁷.

Затем последовали стихотворения: «Песня» («Ночь мутна и не месячна...»), «Пращурь. Голоса с берега и с корабля» («Лицом к туманной зыби хороните...»), «Светляк» («Лес, пески, сухой и

²⁵ Там же. С. 230.

²⁶ Там же. С. 236.

²⁷ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014. Т. 1. С. 54.

теплый воздух...»), «Мать» («На пути из Назарета...»), «Монастыри» («Монастыри в предгориях глухих...») и др.

Пребывание в Клеевке стало определенной вехой не только во взаимоотношениях Бунина и Черемнова, но и стимулировало к появлению новых замыслов, обозначило новый этап в творчестве писателя. В двадцатых числах октября 1912 г., в беседе с корреспондентом «Московской газеты», Бунин сам говорит об этом: «Гостил, между прочим, у Черемнова <...>. Мне пришлось очень много ходить пешком, вступать в непосредственное соприкосновение с местными крестьянами, присматриваться к их нравам, изучать их язык. Причем я сделал ряд интересных наблюдений. У крестьян этой полосы, по моему мнению, в наиболее чистом виде сохранились неиспорченные черты славянской расы. В них видна порода. <...>. Помимо того, мною задумана и даже начата одна повесть, где темой служит любовь, страсть. Проблема любви до сих пор в моих произведениях не разрабатывалась. И я чувствую настоятельную потребность писать об этом. Не менее сильно ощущаю потребность писать стихи»²⁸.

22 октября 1912 г. А.С. Черемнов и М.П. Миловидова телеграммой поздравляют Бунина с 25-летним юбилеем его литературной деятельности²⁹.

В 1913 г. переписка Черемнова с Буниным продолжается. В письмах они обсуждают новые книги и собственные произведения, рецензии на них, новости литературной жизни Москвы и Петербурга. Их отношения становятся все более доверительными, по крайней мере, со стороны Черемнова. В начале ноября в переписке возникает ироничная тень легкой обиды. Черемнов укоряет Бунина за долгое молчание: «В самой сущности я понимаю это и вовсе не сержусь. Увы... Я знал вас скромным писателем и академиком, а ныне вы — почетный член московской оппозиции российскому правительству и с высоты инцидента смотрите на мою плешь. Везет вам, дорогой мой, как утопленнику. Помните, я говорил в Клеевке, что вам для биографии необходимо учинить что-нибудь эдакое

²⁸ Бунин И.А. *Летопись жизни и творчества*. Т. 2. С. 282.

²⁹ Там же. С. 323.

экстраординарное: “вздуть” Леонида Андреева, или жениться на четырех египтянках <...>. Теперь в этом нет надобности, — само пришло»³⁰.

В следующем письме Черемнов признается: «Я уже скажу откровенно: стихи ваши я люблю и прозу люблю. Но разница моей любви та, что стихов ваших я жду и, встречая подпись, волнуясь от предвкушения, а прозу... Я вот теперь перечитываю “Войну и мир” — и ничего другого читать не хочется. Вот бы что-нибудь такое написать, или “Вечера на хуторе”, или “Повести Белкина”, или “Тамань” какую-нибудь...»³¹. Правда, 9 июня 1914 г., получив от Бунина его рассказ «Иоанн Рыдалец» в письме к нему реабилитируется: «Я — старый дурак — писал вам, что стихи ваши лучше вашей прозы. Не верьте. Проза ваша переживет все стихи последнего столетия. Я читаю вашего Рыдальца двенадцатый раз»³².

В начале Первой мировой войны Бунин в письме к Н.Д. Телешову («Книгоиздательство писателей в Москве») просит послать Черемнову приглашение для участия в сборнике «Клич. Сборник на помощь жертвам войны». Сборник увидел свет в 1915 г., Черемнов опубликовал в нем рассказ «Попутчики». Бунин 27 января 1915 г. сообщил о принятии очерка к изданию: «Спасибо, и большое, за отличный рассказ — не ожидал я даже, что вы можете так ловко прозой»³³. Сборник вышел большим тиражом в 14500 экземпляров.

Революционные годы стали для Черемнова роковыми. В августе 1917 г. кто-то умышленно повредил двуколку Миловидовой, и Мария Павловна, мчавшаяся на ней с горки в Сутоках, погибла. Бунин выразил Черемнову сочувствие, просил: «не давайте воли сердцу, берегите себя» и спрашивал: «что вы и где вы?»³⁴. Не получив ответа, Бунин вновь просил в почтовой открытке от 7 октября 1917 г.: «Напишите два слова — где вы и

³⁰ Афонин Л., Куванова Л.К. Из переписки с А.С. Черемновым... С. 649.

³¹ Там же. С. 649–650.

³² Там же. С. 651.

³³ Бунин И.А. Письма. 1905–1919. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 2. С. 320.

³⁴ Там же. С. 400.

как вы? ... Целую вас, желаю вам всего доброго от всей души»³⁵. На станции Нащокино Витебской губернии эту открытку переадресовали в Алупку Таврической губернии на дачу доктора Овсянникова. Вероятно, Черемнов оставался там до своей кончины.

20 мая 1918 г. Черемнов отправил с оказией в Москву письма Юлию Бунину и заведующему издательством Николаю Клецову, прося немедленно реализовать его паи и отдать деньги Ольге Николаевне Овсянниковой для доставки в Алупку. Результат просьбы Черемнова неизвестен. Очевидно, о его нужде Юлий Бунин сообщил брату Ивану Алексеевичу в Одессу, и тот 20 сентября 1918 г. просил критика А.Б. Дермана: «Нет ли у Вас какого-либо местечка для моего приятеля, Александра Сергеевича Черемнова, писателя, разоренного помещика, живущего в Алупке, в пансионе д-ра Овсянникова? Он очень талантливый человек, очень нуждается, и я очень прошу за него»³⁶.

А 27 февраля 1919 г. И.А. Бунин получил письмо от какого-то молодого стихотворца, упомянувшего о своем покойном учителе Черемнове, и сразу запросил А.Б. Дермана: «Неужели это правда? Где он умер, когда? Очень прошу, напишите, если что знаете»³⁷. Ответ пришёл 24 (11) марта от К. Вильгельмке. В нем сообщалось, что Черемнов «...под наркозом 4-х грамм кокаина, порезал себе вену и принял какой-то яд. Один из друзей нашел его на берегу моря чуть живым...»³⁸.

Так трагически оборвалась эта, наполненная искренней привязанностью и творческим сопереживанием друг другу, дружба. Во взаимоотношениях Бунина и Черемнова было два основных эпизода — два месяца на о. Капри и почти месяц в Себежском уезде, в имени Черемнова. Были кратковременные встречи в Москве и Петербурге, о которых мы пока очень мало знаем. Знакомство с Буниным буквально воскресило Черемнова после тяжелого обострения туберкулеза, вселило в него желание писать и активно участвовать в литературной жизни.

³⁵ Там же. С. 402.

³⁶ Там же. С. 406–407.

³⁷ Там же. С. 408.

³⁸ *Бунин И.А. Летопись жизни и творчества. Т. 2. С. 967–968.*

Визит в Клеевку стал для Бунина толчком к творческому подъему: он вновь начал писать после значительного перерыва. Несомненно, дальнейшее исследование этой темы раскроет новые факты в биографиях обоих писателей и существенно дополнит летопись литературой жизни России.

2.

Первые попытки познакомиться с Максимом Горьким Александр Черемнов предпринял в 1904 г.

Убедившись, что выходявшие с 1904 г. сборники «Знание» соответствуют его взглядам и интересам, Черемнов стал отправлять все сочиненное им Горькому. Однако редакция пока не решалась печатать его произведения. Лишь в седьмой книге «Знания» за 1905 г. появился сделанный им перевод поэмы польского социал-демократа Густава Даниловского «На острове». Он переводил и Адама Мицкевича. Знанием польского языка Александр был обязан матери, семья которой вела свою родословную чуть ли не от венгерских королей и проживала в Белоруссии, где польский язык был в ходу.

В июле 1905 г. Горький сообщил Черемнову из Куоккалы: «Стихи Ваши отдал “Сыну Отечества”. Кстати, включил Вас в число сотрудников предполагаемого юмористического журнала “Понедельник” — компания собралась хорошая. Жду Ваших переводов и желаю Вам всего доброго»³⁹. Однако вскоре эти издания были закрыты, а Черемнов, чтобы быть ближе к редакциям, перебрался в Петербург. В 1906 г. его сонет «Непримиримому» напечатали в сборнике «На памятник А.П. Чехову», доход от продажи которого предназначался на сооружение памятника писателю.

В письме с острова Капри от 7 (20) февраля 1907 г. Горький так отозвался об упомянутой поэме Черемнова «Красный корабль»: «Мне Ваша поэма нравится. Я искренне рад, что Вы написали ее так сильно, ярко, благородным стихом. Горячо, всей душой желаю роста Вашему таланту, желаю Вам веры в призвание Ваше»⁴⁰.

³⁹ Горький М. Письма. М.: Наука, 1999. Т. 5. С. 62.

⁴⁰ Там же. С. 20–21.

И все же цензурные соображения не позволили редакции напечатать поэму. Получив в апреле тетрадь со стихами Черемнова, Горький вновь с похвалой отозвался о его творчестве. Три стихотворения были опубликованы в 17 книге «Знания». А Черемнов все чаще жаловался Горькому на ухудшение здоровья. Редакция задержала выплату гонорара, и в двадцатых числах июля 1907 г. Черемнов послал Горькому телеграмму, а затем и письмо: «Совсем неожиданно у меня открылось уплотнение верхушки правого легкого; я тут не виноват, а виновата моя комната, сырая и холодная. Лежу без денег, и с каждым днем становится мне все хуже...; врачи же категорически утверждают, что за каждый день, проведенный в Петербурге, мне придется тяжело расплачиваться. Плохо мне, так плохо, что хоть в воду! Тяжелая болезнь, беспомощность духа, одиночество и нужда. А нужда такая, что, невзирая на диетические предписания врача, приходится вовсе не обедать. Получив деньги, думаю уехать сразу же»⁴¹.

Вмешательство Горького помогло, и Черемнов покинул Петербург. Это позволяет предположить, что Черемнов в 1907 г. переехал из столицы к сестре Пелагее (Полине) в ее имение Усмановская дача в Синозерской волости Себежского уезда.

В августе 1908 г. Черемнов уже из Клеевки написал Горькому о предполагаемом приезде к нему на Капри для лечения. Тот обещал всяческое содействие, но русские врачи настояли на лечении в Крыму. 12 сентября Черемнов известил Горького из Алупки: «...круглые сутки температура 39–39,6. Лежу вот уже 10-ый день и это письмо пишу в постели. Пока плохо. Спасибо еще Марии Павловне (так зовут мою вторую мать): притащила меня сюда и не отходит ни на шаг от моей постели»⁴².

Только 6 марта 1910 г. Черемнов сообщил: «Три последних года я умирал и только теперь немножко начинаю жить и работать»⁴³. К письму он приложил стихи для сборников «Знания». Ответное письмо Горького пришло сразу: «Очень обрадовался, получив Ваше письмо; прочитал стихи, и — еще более

⁴¹ АГ. КГ-П 85-3-2.

⁴² АГ. КГ-П 85-3-4.

⁴³ АГ. КГ-П 85-3-5.

хорошо стало на душе, право! Стихи-то славные; искренняя, горячая и смелая — настоящая человеческая речь...»⁴⁴. И уже 20 мая в 31 книге сборников «Знание» появился «Хорал» — гимн польских повстанцев 1863 г., переведенный Черемновым, а также три стихотворения из цикла Черемнова «Молитвы». Затем стихи Черемнова печатались в каждой книге сборников «Знания», по 39 включительно, кроме объемной 36. Всего в десяти книгах, с 1905 по 1912 гг., напечатаны 43 его произведения.

К лету 1910 г. Черемнов и Миловидова вернулись в Клеевку, а зимой 1911 г. им, наконец, удалось осуществить путешествие к Горькому на Капри.

С апреля 1912 г. Черемнов вместе с Горьким и Буниным печатался в журнале «Заветы», с декабря 1912 г. — в журнале «Путь». В 1913 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве» увидел свет первый и единственный том его собрания сочинений «Стихотворения». (См.: Черемнов Александр Сергеевич. Стихотворения. Том первый. М.: Книгоиздательство Писателей в Москве, 1913 год. Скоропечатня А. Левинсон). Его редактировал В.В. Вересаев. Однотомник тиражом две тысячи экземпляров вышел весной 1913 г. На отдельной странице, после титульного листа, напечатано: «Дорогой матери моей Марии Павловне Миловидовой посвящаю эту книгу». В сборник с посвящением Бунину вошло и стихотворение «Жемчуга», ранее печатавшееся в «Пути». В письме от 19 апреля Черемнов спрашивал Горького: «Получили моего первенца? Не правда ли, он такой чистенький, беленький, хорошенький, что жаль потрошить его ножом. Да и не стоит!»⁴⁵. Горький отвечал: «Вашу книгу я аккуратно разрезал, прочитал и — знаете что? — это приятная книга. В ней есть содержание, есть хорошие стихи, а Вы знаете, что за последнее время содержание не уживается с хорошими стихами в одной книге. Не думайте, что комплименты говорю»⁴⁶.

Зиму 1911–1912 гг. Черемнов и Миловидова жили в Кисловодске, на обратном пути встретились в Москве с Буниным. Они предполагали следующей зимой совершить вместе пу-

⁴⁴ Горький М. Письма. М., 2001. Т. 8. С. 53.

⁴⁵ АГ. КГ-П85-3-18.

⁴⁶ АГ. КГ-П85-3-12.

тешество по Египту, но передумали и прожили ее на Капри. Там Черемнов развлекался сочинением сатирических стихов и пародий на русских литераторов — обитателей Капри. По просьбе Бунина Черемнов прислал ему машинописную копию. В ответ Бунин назвал автора «ядовитейшим»⁴⁷ и добавил: «Сказания Ваши (сиречь гнусные издевательства ваши над нами с Горьким) особенно изобличают ваше недюжинное дарование»⁴⁸.

О кончине А.С. Черемнова Горький узнал с опозданием. Их отношения, как и переписка, завершились в 1913 г., после отъезда поэта с Капри. В этот год Горький навсегда уезжал с острова в Россию. Новый, 1914 г., писатель встречал на родине.

3.

Переписка А.С. Черемнова с А.М. Горьким, хранящаяся в Архиве А.М. Горького, включает 20 писем Черемнова и 11 писем А.М. Горького. Хронологические рамки переписки: Петербург, 1907, конец июля — Клеевка. 30 мая 1913 г. Считается неразысканной телеграмма А.М. Горького Черемнову от 29 (11 апреля) 1910 г.⁴⁹ Возможно, существуют и неизвестные письма. Однако переписка производит впечатление двустороннего диалога, без ощутимых сюжетных «провалов» в передаче современного историко-литературного контекста.

В письмах Черемнова Бунин сначала воспринимается как современный популярный писатель.

Впервые его упоминание встречается в письме от 16 марта 1910 г. Находясь в Алушке, Черемнов описывает свои ощущения после выздоровления: «У нас весна. Цветет миндаль и дикая слива. В море презабавно плещутся дельфины. <...> Я снова пою в душе песнь восходящему солнцу! Я люблю море, небо, громкий смех, тихие слезы, веселых девушек и детей. Я опять со слезами умиления читаю восточные миниатюры Бунина, балаклавские рассказы Куприна. И хоть мне говорят и пишут, что Куприн — дрянной человек, и все они дурные и пошлые люди, — я раду-

⁴⁷ Бунин И.А. Письма. 1905–1919. Т. 2. С. 655.

⁴⁸ Там же. С. 657.

⁴⁹ См.: Горький М. Письма. М.: Наука, 2001. Т. 8. С. 327.

юсь, что не знаю их лично и живу в обаянии их творчества, что я вдыхаю аромат цветов, выросших из помойной ямы их темных душ. Ведь я по-прежнему одинок и ревностно берегу мое одиночество. Я уклоняюсь от всяких литературных знакомств и связей. Большое счастье, что я теперь обеспечен и могу идти своей дорогой, не насилуя совести и творчества»⁵⁰. Кстати, не искал он общения ни с Найденовым, ни с Леонидом Андреевым, живущими там же, в Крыму. Такая позиция Черемнова импонирует Горькому. Он отвечает: «Нравится мне, что Вы не хотите знакомиться с “большущими” литераторами. Дикий это народ и прескверно действует на нервы»⁵¹.

Это 1910 г. Заметим: никаких оценок Бунину и Куприну Горький себе не позволяет.

Знакомство Черемнова с Буниным состоялось в ноябре 1911 г. В январе 1912 г. Бунин и В.Н. Муромцева сообщают Юлию Алексеевичу Бунину в письме с острова Капри об этом.

И вот уже Черемнов, как упоминалось выше, приглашен Буниным в «Книгоиздательское товарищество писателей в Москве» как автор и сообщает в письме Горькому об «Издательском товариществе писателей» в Петербурге, по горьковскому мнению, «сведение, очень ценное»: «...питерские писа-издатели (Так в тексте. — Е. М.) переругались и поразъехались, издав три–четыре книжечки. Тем временем в Москве собрались солидные люди: братья Бунины, Вересаев, Телешов, Шмелев и др. Они организовали вторую артель (“Книгоиздательство писателей в Москве”) и от Петербурга отмежевались <...>. И видать по всему, что в Питере дело помрет скорою смертью, а в Москве пойдет преотлично. «Я писал Ивану Алексеевичу», — рассказывает Черемнов — «упрашивая его принять деятельное участие в петербургском предприятии, а он в ответ прислал мне устав ихнего книгоиздательства и зовет в московскую компанию. И видать по всему, что в Москве пойдет преотлично. Потому что Москва — учреждение практическое, а Питер он более насчет соло-векселей»⁵² О том же

⁵⁰ АГ. КГ-П 85-3-10.

⁵¹ Горький М. Письма. Т. 8. С. 65.

⁵² АГ. КГ-П 85-3-14.

сообщал Горькому и Бунин 6 (19) июля 1912 г. из Клеевки, где он гостил у Черемнова⁵³.

Наконец, семья Буниных приезжает в Клеёвку. Черемнов подробно пишет Горькому об этом событии.

Вначале письма полны ожиданием приезда гостей. Черемнов сообщает Горькому, что «тихо и смиренно сидит в деревне. Стихов не пишет, доит коров и выводит розы: ремонтантные, гибридные и всякие прочие, их же имена суть мнози».

Далее сообщает: «Бунины пишут из Глотова, приедут в начале июля. Как Вам понравились его стихи в последнем издании? Мне — очень. Особливо “Окно” или, как он неудачно переименовал заглавие: “При дороге”, а еще “Берег”, “Дворецкий”, “Будни”. Хорошо пишут Его Превосходительство. На днях получил от него переизданный в Москве третий его том, многое там переработано к лучшему. А книга его рассказов осенью выйдет в издании московских книгоиздателей, там же и “Человек из ресторана” “будет выпущен отдельным изданием”.

Хорошее это дело — писать хорошие книги и выпускать их в обложке хорошего тона, с хорошим шрифтом, на хорошей бумаге»⁵⁴.

Горький сетует 17 (30) июня в ответ: «Бунин не прислал мне книгу. Не прислал, и это меня огорчает. Я люблю читать его, да и его кости люблю. Стихов не пишете? Напрасно. Стихи писать надобно. Они ценнее молока, пусть коров доит другой кто»⁵⁵.

9 июля 1912 г. Черемнов сообщает Горькому на Капри из Клеевки: «Бунины приехали и Пушешников с ними. Генерал сразу сел за работу и нас, грешных, с великою жестокостью к сему понуждает. Мы же, яко рабы ленивые и лукавые, токмо при глазах его превосходительства, академика и кавалера, со мною неохотою за писанье садимся на некий час малый. И по семь к пению, гулянию и иным утешкам обращаемся»⁵⁶.

В конце июля 1912 г., несмотря на благотворный климат острова Капри, Горький в очередной раз заболевает.

⁵³ Бунин И.А. Письма. 1905–1919. Т. 2. С. 235.

⁵⁴ АГ. КГ-П 85-3-15.

⁵⁵ Горький М. Письма. М., 2003. Т. 10. С. 73.

⁵⁶ АГ. КГ-П 85-3-16.

Черемнов беспокоится и шутиливо негодует в письме от 5 августа 1912 г.: «Что это Вы задумали хворать? Нехорошо: себе никакого удовольствия, а нам — беспокойство. Очень хочется думать, что теперь все прошло, и Вы обретаетесь в вожделенном здравии. Все же непременно в следующем письме напишите и о здоровье, это общая, наша и Буниных, просьба»⁵⁷. Черемнов сообщает, что у них в Клеёвке все тихо и благополучно: «На днях приехал из-за границы Юлий Алексеевич. Академик написал кучу стихов, которые перейдут в потомство и попадут в хрестоматии». — И далее замечает: «Продолжает и теперь писать с завидной легкостью. “Стишки для них — одна забава”».

Вера Николаевна работает над Флобером.

Николай Алексеевич («а не Евгеньевич, как Вы упорно его титулуете») с чувством поет арии из «Дон-Карлоса», и успех имеет громадный во всех слоях общества»⁵⁸.

О себе пишет: «Я не пишу, не перевожу, не пою, успеха не имею. Впрочем, перестукивая на машинке новые стихи Ивана Алексеевича, чувствую себя несколько причастным к литературе»⁵⁹.

Так и живут они в Клеевке, поджидая осень, которая не за горами.

«Мама, Вера Николаевна, Юлий, Иван и Николай Алексеевичи и я просим передать Марии Федоровне сердечный привет», — завершает Черемнов свое письмо.

Горький отшучивается и пеняет Черемнову на лень, ссылаясь на Чехова: «... почему бы иногда не похворать для разнообразия жизни? Сей род занятий не порочен и может быть оправдан со многих точек зрения, лень же, обуявшая Вас, — в чем Вы, Бога и людей не стыдясь, сознаетесь, — лень — порок суть, как это издревле установлено за истину и подтверждено бесчисленными доказательствами. “Надобно работать”, — говорил профессор, которому “дядя Ваня” безуспешно стрелял в спину из плохого пистолета». И, желая быть более убедительным в своих призывах к творчеству, добавляет: «Живет здесь

⁵⁷ АГ. КГ-П 85-3-17.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

Саша Черный, — это скромный, серьезный и приятный человек. Он гораздо интересней и талантливей своих двух книжек и кажется мне способным написать превосходные вещи. <...> Вас я безмолвно ругаю. Черный, вон, говорит про Вас, что Вы пишете хорошие стихи»⁶⁰. А на шутивную поправку Черемнова, по поводу отчества племянника Бунина Николая Алексеевича Пушешникова, Горький отвечает довольно зло: «Николай Алексеевич очень похож на Николая Евгеньевича»⁶¹, считаю Ваш упрек несправедливым, — злобная и ригористическая натура Вы! А Н[иколая] А[лексеевича] — прошу меня извинить, — я вообще очень слаб в грамматике и всю жизнь путал имена собственные и междометия»⁶².

После отъезда семьи Буниных из Клеевки, Черемнов возобновляет работу над стихами. Ненадолго отъехав из имения, он не сразу получает письмо от Горького с предложением принять участие в отделе политической и общественной сатиры реформируемого журнала «Современник». Горький настойчиво пытался воплотить идею создания постоянного сатирического отдела «Сверчок» в этом «толстом» журнале. Черемнов отвечает с небольшим опозданием, но с определенной готовностью принять предложение Горького.

5 (18) октября он пишет: «Участвовать с Вами в реформированном “Современнике” я рад от души»⁶³. В тот же день он сообщает Бунину о письме Горького и своем согласии, шутивно обещая: «Посрамит мы с Максимычем Аверченку и Тэффи»⁶⁴.

Именно в этом ответном письме Бунин поздравил Черемнова «с саном сатирика» и осведомился: «Купили уже бич?». Однако в

⁶⁰ Горький М. Письма. Т. 10. С. 94.

⁶¹ Буренин Николай Евгеньевич — друг А.М. Горького и М.Ф. Андреевой, участник революционного движения, член РСДРП(б) с 1904 г., соратник Л.Б. Красина, специалист по нелегальным операциям, член «боевой технической группы большевиков», профессиональный пианист, аккомпанировавший Ф.И. Шаляпину.

⁶² Горький М. Письма. Т. 10. С. 95.

⁶³ АГ. КГ-П 85-3-18.

⁶⁴ Афонин Л.Н., Куванова Л.К. Из переписки с А.С. Черемновым... С. 644.

сатирическом разделе «Современника» в качестве автора Черемнов не появился, хотя в письме Горькому предполагает послать Ляцкому «сказочку-памфлет» в духе «Русских сказок» Горького.

В этом же письме Черемнов, все еще сохраняя тесную духовную связи с Буниным после совместно проведенного лета в деревне, сообщает Горькому, что Иван Алексеевич, по последним сведениям, из его письма, полученного четыре дня тому назад, сейчас в Москве. «Москва готовит ему триумф. Телешов и Грузинский командированы на Волгу за стерлядями. В триумфальную колесницу собираются запрячь Валерия Брюсова. Октябрьский номер Белоусовского «Пути» будет посвящен юбилею. «Вообще старика хотят сильно почтить». — Пишет Черемнов. — «Я тоже хотел-было (Так в тексте. — Е. М.) написать ему юбилейные стихи, да, не буду, к его фамилии трудно подобрать рифму, кроме разве, “приструнен”, — что не подходит к этому случаю»⁶⁵.

Письмо А.М. Горького от 19 сентября 1912 г. — последнее письмо к Черемнову. Судя по письмам Черемнова к Горькому, должны быть еще два письма Горького, которые еще не разысканы.

В своем последнем, хранящемся в Архиве А.М. Горького письме от 30 мая 1913 г., Черемнов сообщает писателю, что его письмо к нему долго лежало в Москве, пока, наконец, «какие-то благодетели не направили его в Клеевку»⁶⁶.

В Москве на этот раз Черемнов погостил недолго: около двух недель, но ему там понравилось: «“Интересно, интересно”, как говорит Горький», — передразнивает он дружески.

К его удовольствию, из Одессы приехал Иван Алексеевич Бунин, нашел хорошую марку красного вина («Шато-Жискур», бутылка — 2 р. 75 коп.) и перезнакомил Черемнова с московскими писателями. Он признается: «Вероятно, под влиянием марки-то я и писал Вам о свадьбе, и даже не помню, — о чьей: моей или Юлия Алексеевича. В настоящее время оба мы раздумали жениться».

Характеризуя московских писателей, Черемнов называет их «добротными, не чета петербургским». «Почти все они грамотны и знают четыре правила арифметики» — шутит он вполне

⁶⁵ АГ. КГ-П 85-3-19.

⁶⁶ АГ. КГ-П 85-3-20.

в стиле Горького. — «Есть очень колоритные фигуры. Шмелев, например, прямо-таки крупное явление природы». «Я вынес убеждение», — продолжает Черемнов, — «что он много талантливее всего того, что им по сие время написано».

Однако, Бунин, по мнению Черемнова, «головой выше всех их там». Будучи в гостинице у Черемнова в последний раз, Бунин прочел свое новое, еще неоконченное стихотворение «Художник». Пользуясь своей «адской» памятью, Черемнов приводит его в письмо для Горького. «Когда я вырасту большой, то буду писать именно так», — заключает Черемнов.

Интересно рассказывает Черемнов о своем, совместном с Буниным, времяпрепровождении в Москве: «Был на последней “Среде” в Литературно-художественном кружке. Слушал Серафимовича. Тот читал свой рассказ “Среди зверей”. Рассказ сделан плохо, под Гамсуна. Многие на Серафимовича вызверились за его “звериность”, и Бунин его очень серьезно поучал, а тот краснел плешью, ворочал глазами». Затем, читали поэты и поэтессы: «Из поэтесс в большом ходу Любовь Столица. Стихи ее сделаны хорошо, прилично, как говорят в рекламах о брильянтах Тэта: “даже при дневном освещении не отличить от настоящих”. Ее принимают с энтузиазмом, потому что она — женщина дебелая и лицом недурна».

Читал свои стихи и Черемнов: «весьма поощрен аплодисментами и похвалами, что приписываю единственно душевной доброты». По окончании чтения к нему подошел «грузный старик с голым черепом и голубыми на выкате глазами. Это был граф Илья Толстой. Он сказал, что, разбирая бумаги отца, нашел эскиз, очень похожий по мысли на мое стихотворение “Божий человек”».

Кроме того, были Черемнов с Буниным на реферате у футуристов: «Выступал там с рефератом некоторый молодой юнош — Вадим Шершеневич на тему “Златополдень русской поэзии”. Были прения. Говорил Валерий Брюсов. Противно пускал слюни Сергей Яблоновский. Выступало три футуриста, в том числе — Маяковский».

Черемнов заключает свои впечатления от футуристов: «Сил нет, — как дешево. Вывернуть наизнанку утвержденное понятие и с этим ходить гоголем, — пора бы это оставить Леониду Андре-

еву. А, в общем, все же... “интересно, интересно”»⁶⁷. Вот, осенью непременно поселится Черемнов на Сивцевом Вражке, будет ездить в трамвае к поэту Белоусову, ходить в Кружок, слушать прозу и стихи, и пить красное вино. А зимой поедет на Капри.

Так заключает свое последнее письмо поэт Александр Сергеевич Черемнов. На Капри он уже не приезжал. Оставалось еще четыре года его относительно счастливой, несмотря на тяжелую болезнь, и активной творческой жизни. В 1917 г., как уже упоминалось, погибает его приемная мать, а через два года и сам поэт сведет счеты с жизнью.

В переписке Черемнова с Горьким Бунин упоминается в течение трех лет: с 1911 по 1913 г. Далее переписка прерывается. Что послужило причиной этому, пока установить не удалось. Знакомство и дружба с Буниным становится одним из важных сюжетов писем Черемнова, но Горький воспринимает в ответных письмах этот сюжет довольно сдержанно.

Упоминания Бунина в переписке Черемнова и Горького добавляют некоторые факты к истории многолетних отношений Горького и Бунина, отношений непростых, противоречивых и еще далеко не изученных во всем своем значении и конкретных деталях. Исследователь творчества Бунина и, в частности, истории взаимоотношений двух писателей, А.А. Нинов отмечал в статье «Бунин и Горький. 1899–1918»: «В этих отношениях никогда не было того естественного созвучия общественных симпатий и социальных устремлений, которые объединяли Горького и Вересаева и закономерно привели их в ряды советских писателей. Дружба Горького и Бунина не знала той интимности и одновременно тех резких личных конфликтов, того незатишающего спора, той пристрастности во взглядах, которые еще до Октябрьской революции разделили Горького и Леонида Андреева. И тем не менее отношения Горького и Бунина оставили глубокий след в судьбе обоих писателей. Бунин имел веские основания написать в 1910 г. Горькому: «Жизнь своенравна, изменчива, но есть в человеческих отношениях минуты, которые не забываются, существуют сами по себе и после всяческих перемен. Мы в отношениях, во встречах с вами чувствовали эти

⁶⁷ АГ. КГ-П 85-3-20.

минуты, — то настоящее, чем люди живы и что дает незабываемую радость»⁶⁸.

Несомненно, эти слова о себе и о Бунине мог бы повторить и А.С. Черемнов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонин Л.Н., Куванова Л.К.* Из переписки с А.С. Черемновым. 1912–1917 // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 639–658.
- Агафонова В.Д.* Библейско-христианская проблематика в творчестве И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 144 с.
- Агафонова В.Д., И.А. Бунин и В. Соловьев: осмысление идеи красоты // Вестник университета Дмитрия Пожарского.* 2017. № 4 (8). С. 36–40.
- Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014.
- Бунин И.А.* Письма. 1905–1919. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 2 / сост. С.Н. Морозов. 832 с.
- Бунин И.А.* Летопись жизни и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2 / сост. С.Н. Морозов. 1184 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. М.: Наука, 1999. Т. 5. 566 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. М.: Наука, 2001. Т. 8. 597 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. М.: Наука, 2003. Т. 10. 772 с.
- Касторский С.В.* М. Горький и поэты-знаньевцы // М. Горький и поэты «Знания». Л.: Сов. писатель, 1958. С. 48–51.
- Левин Н.Ф.* Возвращение из небытия... Поэт А.С. Черемнов // Русский язык и литература в поликультурном и коммуникативном пространстве. Материалы Международной конференции: в 2 ч. Псков: Изд-во Псковского государственного университета, 2012. Ч. 1. С. 300–307.
- Львов-Рогачевский В.Л.* Символисты и наследники их // Современник. 1913. Кн. VI. С. 303–312.
- Разумовская А.Г.* Себежская земля в судьбе и творчестве поэта А.С. Черемнова // Беларуская падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў. Зборнік навуковых артыкулаў III міжнароднай навуковай канферэнцыі: у 2 ч. Новополоцк: Полоцкі дзяржаўны ўніверсітэт, 2016. Ч. 2. С. 312–316.
- Сонет Серебряного века. Сб. стихов: в 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2 / сост. Л. Мартыанова. 180 с.
- Черемнов А.* Март // Времена года в русской поэзии: Сб. стихотворений / под ред. Н.С. Ангарского. М.: Мосполиграф, 1924. С. 167.

⁶⁸ Источник информации: URL: http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2084-2/LN84-2_1_%D0%9D%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf (дата обращения: 16.11.2021).

М. ГОРЬКИЙ И И.А. БУНИН: ФОТОГРАФИИ НА ПАМЯТЬ

© 2022 г. О.В. Быстрова

Аннотация: В статье представлены результаты исследований фотографий М. Горького и И.А. Бунина. Предпринята попытка оценить информативную ценность дарственных надписей на фотографиях. Анализируемые в статье авторские фотографии с дарственными надписями стали источником для моделирования личностных отношений между писателями. Публицистические (или художественные) и домашние фотографии становятся визуальным свидетельством времени, что влечет за собой осознание этих фотографий как документов эпохи. Корпус фотографий позволяет также определить социальные связи писательского сообщества до Октябрьской революции.

Ключевые слова: Горький, Бунин, фотография, эпистолярный, дартовка, дарственная надпись, визуальный документ.

Информация об авторе: Ольга Васильевна Быстрова — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>. E-mail: bystrova63@mail.ru.

Для цитирования: *Быстрова О.В.* М. Горький и И.А. Бунин: фотографии на память // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 605–626. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-605-626>

M. GORKY AND I.A. BUNIN: KEEPSAKE PHOTOES

© 2022. Olga V. Bystrova

Abstract: The article presents the results of studies of photographs of M. Gorky and I.A. Bunin. An attempt is made to evaluate the informative value of the gift inscriptions on the photographs. The author's photoes

analyzed in the article with gift inscriptions became a source for modeling personal relationships between writers. Journalistic (or artistic) and home photos become visual evidence of the time, which entails the awareness of these photos as documents of the era. The corpus of photographs also allows us to determine the social ties of the writers community before the October Revolution.

Keywords: Gorky, Bunin, photography, epistolary, dating, gift inscription, visual document.

Information about the author: Olga V. Bystrova, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>. E-mail: bystrova63@mail.ru.

For citation: Bystrova, O.V. "M. Gorky and I.A. Bunin: Keepsake Photos." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 605–626. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-605-626>

В культурной памяти народа образы писателей складываются не только благодаря письменным источникам, важную роль играют и визуальные источники. Фотография, как визуальное свидетельство времени, становится не только содержанием биографической памяти отдельно взятого человека или общества (части общества), но и документом. Документальная природа фотографии сохраняет все приметы времени, и поэтому является важным свидетельством свершившегося факта в биографии человека, группы людей, общества в целом. Со второй половины XIX в. основным и важнейшим качеством фотографии считалась «ее способность беспристрастного воспроизведения реальности»¹.

Однако развитие и распространение фотографии (равно как и фототехники) приводит к определенному изменению статуса: «Фотография сама начинает играть роль интерпретационного

¹ Гурьева М.И. Проблемы истории фотографии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 339.

пространства»². Фотография «теряет» свое право быть объективным отражением действительности, т. к. «инспирирует исследовательский интерес к субъективной стороне фотографического сообщения»³.

Эти фотографические сообщения (визуальные источники), воспроизводящие реальное время и являющиеся одновременно основой для интерпретации, составляют такое понятие, как «иконография». Иконография писателя Максима Горького составляет свыше 20 тысяч единиц фотодокументов, среди которых более половины групповых снимков. Стоит согласиться с составителями каталога фотодокументов писателя в отношении характеристики этой группы снимков: «В групповых снимках отражен не только чрезвычайно широкий круг лиц, общавшихся с Горьким; в них подчас как бы “проступает” характер взаимоотношений писателя с ними»⁴.

Фотографировать Максима Горького стали практически сразу после пришедшей к нему известности. Так об этом вспоминал его друг Адам Егорович Богданович: «Большой тираж второго издания сочинений А. М[аксимови]ча, весьма быстро распроданный; ряд новых вещей, помещенных в “Жизни”, широко распространил его известность в читающем обществе и в литературных кругах и сильно возбудил интерес к писателю. Этим интересом воспользовался предприимчивый и чуткий нижегородский фотограф, превосходный мастер своего дела, М.П. Дмитриев, который, залучив к себе популярного писателя, снимал его многократно, в разных видах и позах и изготовил множество карточек для продажи почитателям и поклонникам, а также больших портретов для своих многочисленных выставок в витринах.

Другой фотограф, художник Карелин, не хотел отстать от своего более удачливого соперника, также заполучив А. М[аксимови]ча в свою мастерскую, снимал его неоднократно

² Беляков З.С. Проблема философского анализа языка фотографии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 37.

³ Там же.

⁴ М. Горький и его современники: Фотодокументы: Описание. М.: Наследие, 1997. С. 9.

но. В результате этого соревнования конкурентов в их витринах и в городе и на ярмарке появились многочисленные изображения входящего в славу писателя и его обычной косоворотке пишущим или размышляющим, сидя у стола, над старинной книгой с застешками, и сидящим в пальто и неизменной широкополой шляпе, с палкой и без оной, словом, в самых разнообразных “ситуациях и аспектах”. Эта фотографическая схватка начиналась на Полевой, но особенно разрослась в пору Канатной, чтобы затем стать непрерывной.

Поскольку дело касается Нижнего, то в этой “иконографии” М.П. Дмитриев затмил всех своих соперников: он сам бывал нередким гостем на Канатной <...> Этот фотографический интерес не был платоническим, из любви к искусству, — дело объясняется очень просто: возник спрос на карточки писателя»⁵.

В истории взаимоотношений Максима Горького и Ивана Бунина есть своя — фотографическая — история. Знакомство писателей произошло весной 1899 г.⁶ Супруга Бунина, В.Н. Муромцева в своих воспоминаниях так описывала их встречу: «В Ялте он (т. е. Бунин. — О. Б.) возобновил знакомство с Чеховым, встретившись с ним на набережной, пил у него в аутском саду утренний кофий — дача еще строилась. Встретился через несколько дней опять с ним на набережной, он шел вместе с Горьким, и Чехов их познакомил.

В тот день Горький с Буниным провели вместе несколько часов. Бунин зашел к нему, и он показывал карточки своей жены и сына»⁷.

⁵ М. Горький и А. Богданович. Дружба, рожденная на берегах Волги. Переписка. Воспоминания. Архивные публикации. Исследования. К 150-летию со дня рождения А.М. Горького. М.: ООО «ИИА «Пресс-Меню», 2018. С. 491.

⁶ О дате знакомства писателей подробнее см.: Быстрова О.В. Дарственные надписи М. Горького И.А. Бунину: (К проблеме публикации) // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология). М: Литфакт, 2019. Вып. 1. С. 297–298.

⁷ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь с Буниным: Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. С. 178.

В декабре 1899 г. Горький познакомился с писателем Н.Д. Телешовым, к тому времени уже давно знакомым с Буниным⁸. Заинтересовавшись литературным кружком «Среда», Горький обещал обязательно поучаствовать в «средовских» встречах: «С той поры он (т. е. Горький. — О. Б.) всегда, когда приезжал в Москву, бывал на наших “Средах”. Ему нравились эти товарищеские собрания, где в интимном кругу молодые авторы сами читают свои новинки, еще не появившиеся в печати, а товарищи высказывают о прочитанном свои откровенные мнения. Все мы тогда были молоды <...> Не знаю, почему так случилось, но среди молодых писателей вдруг появилась тяга к Москве. Прежде притягивал к себе Петербург. Перебрались на жительство в Москву Евгений Николаевич Чириков и Александр Серафимович Попов, писавший под псевдонимом Серафимович, поселился Степан Гаврилович Петров (Скиталец), Викентий Викентьевич Смидович (Вересаев), драматург Сергей Александрович Алексеев (Найденов), нередко наезжал и гостил в Москве Александр Иванович Куприн, жил Леонид Николаевич Андреев, стали всегда зимовать в Москве Иван Алексеевич Бунин, Евгений Петрович Голославский, Николай Иванович Тим-

⁸ Об этом см.: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. (1870–1909). С. 234.

ковский. Все они были членами нашей “Среды” и постоянными ее посетителями»⁹.

И.А. Бунина познакомил с Н.Д. Телешовым его старший брат — Юлий Алексеевич. Братья Бунины были постоянными членами литературных «Сред». Известна фотография Бунина, которую он подарил Телешову с дарственной надписью на обороте фотографии: «Николаю Дмитриевичу Телешову от Ив.А. Бунина».

В своих воспоминаниях Телешов тепло отзывался о младшем Бунине, считая его не только самым активным участником литературных «Сред» и интересной фигурой в литературе: «Высокий, стройный, с тонким, умным лицом, всегда хорошо и строго одетый, любивший культурное общество и хорошую литературу, много читавший и думавший, очень наблюдательный и способный ко всему, за что брался, легко схватывавший суть всякого дела, настойчивый в работе и острый на язык, он врожденное свое дарование отгранил до высокой степени. Литературные круги и группы, с их разнообразными взглядами, вкусами и искательством, все одинаково признавали за Буниным крупный талант, который с годами все рос и креп <...> Наши собрания Бунин не пропускал никогда и вносил своим чтением, а также юмором и товарищескими остротами много оживления»¹⁰.

Одними из первых фотографий членов «Среды» может смело считать снимки, сделанные в апреле 1900 г.

12 апреля 1900 г. Бунин и Телешов приехали в Ялту, где встретились с Горьким, который приехал в Ялту ранее. По воспоминаниям Телешова, они в тот период ежедневно встречались. Именно Горькому принадлежит мысль сфотографироваться: «Как-то раз, проходя по набережной Ялты, Горький предложил Бунину и мне зафиксировать эти наши встречи, и мы снялись группой»¹¹.

Фотография представляет собой постановочный вариант: на фоне бьющихся о берег морских волн сидят на камнях слева направо Телешов, рядом с ним Бунин, далее Горький. Под

⁹ Телешов Н.Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Московский рабочий, 1958. С. 38–39.

¹⁰ Там же. С. 40–41.

¹¹ Там же. С. 95.

ногами у них белая галька. Телешов и Бунин в строгих черных костюмах, Горький — в темных брюках и светлой косоворотке. Каждый из писателей сидит в характерной позе. Телешов сидит, в правой руке держит папиросу, но от его позы веет напряженным желанием встать и пойти дальше. Бунин в своей излюбленной аристократической позе — нога на ногу (правая на левой), как будто, примеривается к будущей дороге. Горький сидит на валуне, который по сравнению с двумя другими камнями ниже, но по величине их превосходит. Его поза, как будто, расслаблена, это ощущение передается через восприятие рук, лежащих на коленях, и ладоней, свисающих с колен. И в отличие от своих братьев, он единственный чуть улыбается. Взгляды всех троих направлены вдаль (но не на камеру), тем самым создавая впечатление некоей устремленности в будущее. Камень, лежащий перед Буниным и Горьким, думается, символизирует здесь некое препятствие на избранном ими пути. Пространственный фон морской стихии в этом снимке должен подчеркивать единство природной стихии и литературного таланта сфотографированных писателей. Стоит отметить, что центром этой композиции является Бунин.

Другой снимок представляет иную композицию: на том же фоне морского приобья сидят на камнях Бунин в своей любимой позе (левая нога лежит на правой) с зажженной спичкой

в руках, дающий прикурить сидящему рядом с ним Горькому, который наклонился к нему, держа папиросу в правой руке. Кажется, камера «подловила» Бунина в тот момент, когда его окликнули, он поднял голову и буквально не обращает внимания на сгорающую в руках спичку. Телешов полулежит на валуне (левая нога лежит на правой), опираясь правой рукой на камень за спиной Горького, и смотрит вдаль. Создается впечатление, что он рядом со своими товарищами — но устремлен в свои мысли. Центром этой композиции теперь оказывается Горький. Его одежда и непринужденная поза на этом снимке в больше степени свидетельствует о народном начале.

Телешов не указал дату, когда были сделаны фотографии. Её можно определить по другому снимку, который был сделан в этот же день: «На своем личном портрете, тут же снятом, Алексей Максимович сделал очень приятную для меня надпись и подарил мне»¹². Речь идет о портрете Горького. На снимке писатель в белой косоворотке и темных брюках сидит за столом, облокотившись на него правой рукой, ладонью которой подпирает щеку, левая рука — на колене. На фотографии писателем сделаны две надписи, вверху «М. Горький», на обороте: «Н.Д. Телешову от очень любившего его М. Горького. Ялта. 1900 апрель 16»¹³. Соответственно, и эта, и две групповые фо-

¹² Там же.

¹³ М. Горький и его современники. С. 30.

тографии, фоном для которых послужил интерьер ялтинского ателье «Юг», были сделаны 16 апреля 1900 г.

В этот же день, т. е. 16 апреля 1900 г., был сделан еще один снимок. В роли фотографа выступил любитель, искренне увлекшийся фотографическим делом. Это был лечащий врач Горького, Леонид Валентинович Средин, знакомый писателя с 1899 г.

На фотографии изображены сидящий с правого края Горький, в белой косоворотке и темных брюках, левое плечо чуть заходит за спину сидящего рядом с ним Мамина-Сибиряка. Правая рука Горького лежит на колене. Рядом с Маминым-Сибиряком — Телешов. Бунин сидит на столе, опираясь правой рукой на стол, левая рука в кармане брюк; непринужденность позы придает то, что правая нога аккуратно лежит на левой. По низу фотоснимка автографы писателей, в правом нижнем углу Л.В. Средин сделал пояснительную запись: «16-го апреля 1900 года. Ялта. Л. Средин»¹⁴.

Ценность фотографии не только в изображении, но и в подписях, сделанных собственноручно писателями и пометой самого фотографа: «М. Горький [Д. Мамин] (вымарано. — О. Б.) Н. Телешов Ив. Бунин. 16-го апреля 1900 года. Ялта. Л. Средин»¹⁵.

В московском Музее А.М. Горького хранятся записи Телешова, среди которых есть и пояснение к этой фотографии: «Все

¹⁴ Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). ДнГ-фп-1-54-1.

¹⁵ Там же.

автографы, за исключением Мамина, подлинны. А Мамин, ввиду отсутствия, не успел подписать. Уже в Москве, на одной из “Сред” у меня кто-то из товарищей ради шутки подписался за Мамина. Возможно, что это был или Ив. Бунин, или Леонид Андреев, а может быть, кто иной»¹⁶.

Зимой 1902 г. по инициативе Горького был сделан групповой снимок молодых членов литературной группы «Среда». Телешов вспоминал об этом: «В конце 1902 года была сфотографирована Фишером группа из семи человек: Горький, Скиталец, Бунин, Андреев, Телешов, Чириков и Шаляпин. Эти снимки разошлись по всему миру. Не было, кажется, такого журнала, где бы ни появились эти репродукции за всевозможными подписями. В одних заграничных изданиях называли группу “писателями”, в иных изданиях — “русскими революционерами” и т. д. Русские иллюстрированные журналы буквально все... помещали у себя эту группу: это было как бы представление читателям авторского коллектива зарождавшегося тогда издательства “Знание” и сборников “Знание”, имевших такое значительное отношение к 1905 году. Эти сборники были организованы Горьким у нас же, на одной из “Сред”, когда Алексей Максимович, приехав на день в Москву, отбирал у нас рукописи для первого выпуска. В память этого начинания сборников Горький и предложил нам сняться товарищеской группой»¹⁷.

Фотография была сделана в известном фотоателье «К. Фишер, бывшая Дьяговченко». Его владелец К.А. Фишер был не только известным фотографом, но смелым экспериментатором: при ателье были открыты фотолитография, цинкография и художественная фототипия, более Фишер занимался фотокопированием дагерротипов. В ателье Фишера были созданы портреты многих деятелей русской культуры начала XX в. Молодые авторы, начинающие сотрудничать с издательством «Знание», не стали исключением.

На сделанном снимке сидят слева направо Горький, И.А. Бунин, Ф.И. Шаляпин, Скиталец, Н.Д. Телешов; стоят между Горьким и Буниным Л.Н. Андреев, между Буниным и Шаляпиным

¹⁶ Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 32.

¹⁷ Телешов Н.Д. Записки писателя. С. 53.

Е.Н. Чириков. Запечатленную историю в этом снимке можно было бы оценить как взгляд руководителя литературной группы «Среды» Телешова, который, кстати, единственный, кто не смотрит в кадр, его взгляд направлен на «питомцев» из группы и сфокусирован на Горьком и Бунине. Сидящий рядом с ним Скиталец тоже смотрит в их сторону. Ценность этого снимка в автографах сфотографированных: «Леонид Андреев. Евгений Чириков, М. Горький, Ив. Бунин, Федор Шаляпин, С. Петров, Н. Телешов».

У Бунина сохранились воспоминания об этом снимке: «Есть знаменитая фотографическая карточка, — знаменитая потому, что она, в виде открытки, разошлась в свое время в сотнях тысячах экземпляров, — та, на которой сняты Андреев, Горький, Шаляпин, Скиталец, Чириков, Телешов и я»¹⁸.

В ателье Фишера было сделано несколько вариантов этого снимка. Практически все они стали художественными открытками, распространенными в продаже. Они вариативны в своей «тематической истории».

Так, на варианте художественной открытки эта группа снята с другого ракурса. На снимке Горький сидит, руками, скрепленными «в замке», опирается на стол. Слева от него сидит в крес-

¹⁸ Бунин И.А Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 6. С. 237.

ле Андреев, далее на подлокотнике кресла Скиталец. Справа по кругу за столом — Телешов, Шаляпин, и в кресле сидит почти напротив Бунин. За спинами Шаляпина и Бунина стоит Чириков. Эту фотографию легко можно принять за снимок «русских революционеров», упоминаемый Телешовым. Непринужденная обстановка занимательного разговора подчеркивается одеждой фотографируемых. Создается впечатление, что косо-воротки Скитальца, Горького и Шаляпина будто оттеняются строгими костюмами Телешова, Бунина и Чирикова. И потому кажется, что разговор между столь различными по классовой принадлежности людьми может быть только о политике.

Еще один снимок, который для 1902 г. был «прорывным» в плане его исполнения. В группу писателей было вмонтировано изображение человека, который отсутствовал. И так, на снимке слева направо на диване сидят Андреев, Шаляпин, Бунин, рядом сидит на стуле Телешов, Наискось от дивана стоит кресло, на котором сидит Чириков, смотрящий, на улыбающегося Шаляпина. За спиной Андреева и Шаляпина облокотясь на спинку дивана стоит Скиталец, рядом с ним, также облокотясь на спинку дивана, стоит Горький. За ними стоит К.П. Пятницкий. Но достоверно известно, что Пятницкий на съемках не присутствовал. Его изображение было «вмонтировано». Для того времени это был не просто эксперимент, это был прорыв в деле

развития фотографии, по сути, первый шаг в коллажном ее мышлении. Позже этими приемами будут пользоваться мастера коллажа и монтажа Б. Игнатович, А. Родченко и др. Впрочем, и сам Горький будет настаивать на использовании разных вариантов фотографий в созданном им журнале «СССР на стройке» (1930–1941; с 1950 по 1991 г. выходил под названием «Советский Союз»).

Начало XX в. характеризуется тем, что фотография (равно как и иллюстрация) становится неотъемлемой частью культуры общества. Визуальная информация воспринимается быстрее и, как следствие, читатель этого времени стал восприниматься не как «человек мыслящий», а как «человек наблюдающий»¹⁹. Фотография постепенно становилась объектом разглядывания и осмысления, что в свою очередь вело к необходимости анализировать, или интерпретировать, или оценивать её визуальную информацию. Изобретения в области фототехники в начале века давали фотографам-художникам большую свободу для творчества.

Но сложившаяся в начале 1900-х гг. обстановка в мире искусства, на которую, несомненно, повлияли и фотографические

¹⁹ Горленко Н.М. Живопись и фотография во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис... канд. искусствоведения. М., 2010. С. 9.

изыски, заставили Бунина весьма критично отозваться о ситуации и задаваться многими вопросами: «С начала нынешнего века началась беспримерная в русской жизни вакханалия гомерических успехов в области литературной, театральной, оперной... Близился большой ветер из пустыни... И все-таки — почему же так захлебывались от восторга не только та вся новая толпа, что появилась на русской улице, но и вся так называемая передовая интеллигенция — перед Горьким, Андреевым и даже Скитальцем, сходила с ума от каждой премьеры Художественного театра, от каждой новой книги “Знания”, от Бальмонта, Брюсова, Андрея Белого, который вопил о “наставшем преображении мира” <...> “Солнце всходит и заходит” — почему эту острожную песню пела чуть не вся Россия, так же, как и пошлую разгульную “Из-за острова на стрежень”? <...> Скиталец все позировал перед фотоаппаратами то с гусями, то в обнимку с Горьким или Шаляпиным! Андреев все крепче и мрачнее стискивал зубы, бледнел от своих головокружительных успехов; щеголял поддевкой тонкого сукна, сапогами с лакированными голенищами, шелковой рубахой навыпуск, Горький, сутулясь, ходил в черной суконной блузе, в таких же штанах и каких-то коротких сапожках»²⁰.

Следующим этапом нашей истории могут служить фотографии Горького, которые были сделаны в фотоателье К. Грюна в Риге в 1905 г.

Одна из таких фотографий была подарена Николаю Евгеньевичу Буренину. На фотографии Горький, чуть наклонившись вправо, сидит (нога на ногу) в деревянном кресле на террасе, правая рука лежит на коленях, левая рука опущена на стул. Смотрит прямо в объектив камеры. По низу фотографии чернилами дарственная надпись — автограф Горького: «Николаю Евгеньевичу Буренину. Товарищу по охоте за всякой дичью — с большой симпатией М. Горький»²¹.

Эту фотографию Буренин подарил Музею А.М. Горького в 1938 г., сопроводив ее на обороте пояснительной запи-

²⁰ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь с Буниным: Беседы с памятью. М., 1989. С. 187–188.

²¹ А.М. Горький и его современники. С. 78.

сю: «Снято по выходе из тюрьмы в Риге в 1905 г. Н. Буренин был в то время организатором Боевой Технической Группы при Ц.К. РСДРП(б). Фотография подарена ему Ал[ексеем] М[аксимовичем] после совместной поездки в Финляндию для свидания с Гапоном, по делу парохода “Джон Графтон”, везшим оружие русским революционерам. “Всякая дичь” — оружие и взрывчатые вещества»²².

В 1967 г., публикуя свои воспоминания, Буренин подробнее и иначе описал эти события: «Осенью того же года мне пришлось снова встретиться с Горьким при следующих обстоятельствах. Л.Б. Красин сообщил мне, что ему надо видеть А.М. Горького по очень важному делу, связанному с добыванием оружия. Организовать это свидание было не так просто. Горький, живший в Куоккале, находился под наблюдением русской охраны. Нелегко было и организовать поездку Красина в Финляндию сквозь окружение русских и финских шпииков <...> Красина я поручил товарищам, а сам взялся за трудную задачу — вывезти из Куок-

²² Там же.

калы Горького. Нужно было установить ряд этапных пунктов, где Алексей Максимович должен был “профильтроваться”, то есть освободиться от своих непрощенных спутников — шпи-ков <...> Мы достали для Горького костюм охотника, тироль-скую шляпу, ружье, охотничью собаку. В таком виде Горький выехал из Куоккалы, “профильтровался” на нескольких дачах, а затем я, также облаченный в соответствующий маскарадный охотничий костюм, встретил Алексея Максимовича на услов-ленной станции.

Курьерский поезд по расписанию на этой станции не оста-навливался. Но знакомый начальник станции, с которым мы были связаны, остановил поезд специально для нас. Отдельное купе было в вагоне подготовлено заранее.

Не доезжая до Гельсингфорса, когда все пассажиры еще спали, мы вышли из поезда и сели в ожидавшую нас двуколку. Помню, что ни возница, ни я, ни Горький не могли раскатать старую белую лошадь, и мы тащились двадцать пять верст чуть ли не шагом»²³.

В 1905 г. Бунину была подарена фотография, сделанная в том же фотоателье К. Грюна²⁴. На снимке Горький сидит (нога на ногу) в деревянном кресле на той же террасе. Но его поза на фо-тографии изменена (по сравнению с фотографией, подаренной Буренину) — он опирается двумя руками на кресло, и взгляд его устремлен вдаль. Ощущение такое, что фотограф просто успел зафиксировать этот момент осмысления будущего.

Вертикально изображению автограф: «И.А. Бунину — А. Пешков»²⁵.

Дарственная надпись проста в своем исполнении, но в ней привлекают внимание инициалы: два инициала в фамилии по-лучателя и один в фамилии дарителя. Этим штрихом подчерки-

²³ М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. С. 227–228.

²⁴ Подробнее об этом см.: Быстрова О.В. Дарственные надписи М. Горького И.А. Бунину: (К проблеме публикации) // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, исто-точниковедение, текстология). М.: Литфакт, 2019. Вып. 1. С. 304.

²⁵ Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). Дн.Г.–фп.–1–73–1.

вается (ненавязчиво!) осознание таланта и заслуг Бунина перед русской литературой. Это уважение Горький пронесет через всю жизнь, признаваясь: «Я люблю читать его...»²⁶.

Следующий этап в «фотографической истории» двух писателей относится к периоду пребывания Бунина на Капри.

Бунин вместе с женой и Н.А. Пушешниковым в ноябре 1912 г. приехал на Капри. Вот как об этом вспоминала Муромцева-Бунина: «Виллой, где жили Горькие, замыкалась улочка. Ян позвонил. Высокую дверь нам открыл красавец и что-то стал говорить по-итальянски. Не слушая, мы прошли мимо и стали подниматься по узкой лестнице, Ян опередил меня. Вдруг я услышала грудной знакомый голос:

— Иван Алексеевич, какими судьбами?

На стеклянной веранде, выходящей в римский сад, в сером костюме и маленькой синей шляпке стояла мало изменившаяся Марья Федоровна <...> В этот момент из боковой двери вышел в черной широкополой шляпе Горький. Он радостно поздоровался с Яном и приветливо познакомился со мной <...> Я в это пре-

²⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2003. Т. 10. С. 73.

бывание слушала Горького, и он мне нравился. Горький один из редких писателей, который любил литературу больше себя. Литературой он жил, хотя интересовался всеми искусствами и науками, и, конечно, иметь собеседником Ивана Алексеевича (которого он всегда и неизменно до самой смерти ценил, несмотря на полный разрыв их отношений) доставляло ему большое удовольствие, и Горький делал все, чтобы удержать нас на Капри»²⁷.

Об этом же свидетельствовал и А.А. Золотарев: «Как-то вечером Алексей Максимович позвал меня навестить Ивана Алексеевича, заболевшего и слегшего в постель <...> Иван Алексеевич обрадовался приходу Горького и показал себя радушным хозяином»²⁸, и далее мемуарист вспоминал о словах Горького: «Выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится живого радужного блеска и звездного сияния страннической души. Беречь таких людей как Иван Алексеевич надо. Он еще многое может открыть нам и о себе самом, чудеснейшем русском человеке, и о том мире, где мы живем, зачастую ничего не видя и не подозревая даже той красоты, какую полон наш мир, да и мы сами в нем»²⁹.

8 февраля 1913 г. на Капри к Горькому приехал Федор Шаляпин. Здесь он попал на уже ставшими традиционными «Литературные чтения» на вилле «Серафина». В день приезда певца на вилле читал свой рассказ «Лишний» А.С. Новиков-Прибой. Предположительно, по окончании участники чтений были сфотографированы начинающим фотографом-любителем Шущаник Никитичной Манучарьянц.

На фотографии Горький запечатлен в кабинете, сидящим нога на ногу крайним слева. Рядом с ним сидят Шаляпин, Максим Пешков, Бунин, перед ним Е.А. Ляцкий, рядом с Буниным Муромцева-Бунина. Далее М.В. Петцольд (Шаляпина), Е.П. Пешкова, Новиков-Прибой. Стоят: В.В. Шайкевич (Тихонова), Л.Н. Старк, А.Н. Тихонов, С.И. Гусев-Оренбургский, М.В. Сикорская, А.К. Лоренц-Метцнер.

²⁷ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь с Буниным. С. 433, 439.

²⁸ Золотарев А.А. Бунин и Горький // Наш современник. 1965. № 7. С. 103.

²⁹ Там же.

Память В.Н. Буниной сохранила для нас воспоминания о других чтениях на вилле Горького 14 марта 1913 г.: «Алексей Максимович просил Яна почитать стихи. Ян долго отказывался, он не любил читать среди малознакомых людей, но Алексей Максимович настаивал: — Прочтите “Ту звезду, что качалась в темной воде...”, я так люблю эти стихи.

Ян обычно переставал читать то, что вошло в книгу, он даже мне не позволял перечитывать в его присутствии своих произведений. Но Горький так просил, что Ян прочел это восьмистишие, написанное в 1891 г.

Ту звезду, что качалась в темной воде
Под кривою ракитой в заглошшем саду, —
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде, —
Я теперь в небесах никогда не найду.

В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

Алексей Максимович плакал, а за ним и другие утирали глаза. Но больше, как ни просили, Ян не стал читать»³⁰.

³⁰ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь с Буниным. С. 435.

Известна еще одна фотография, сделанная Ш.Н. Манучарьянц на вилле Серафина в период с февраля по март 1913 г. На ней Горький в сером костюме и ширококолой шляпе сидит в плетеном кресле, положив правую ногу на левую, руки (левая кисть сжимает правую) лежат на коленях. Слева на белом столе сидит Бунин, в темном костюме и светлой шляпе, правой рукой опираясь на стол. Оба чуть прищуриваются; вероятно, фотографом не было учтено расположение солнца на террасе.

Шушаник Никитична вспоминала о том, как она их сфотографировала: «Бунин часто бывал у Горького, они вместе гуляли по склонам Каприйских гор, любясь закатом солнца, морем и красочными полями чудесных цветов. Как-то я их встретила на прогулке. У меня был маленький фотоаппарат; Алексей Максимович упросил не фотографировать их. А однажды пришел ко мне Максим, сын Алексея Максимовича, и говорит: “Папа просит вас прийти и сфотографировать”. На террасе виллы я сфотографировала Горького и Бунина. Принесла потом напечатанную карточку, а у Алексея Максимовича на носу получилось белое пятно. Он посмотрел, посмотрел и с укоризной сказал: “Эх вы, фотограф. Что же это, я луной чихаю?”»³¹.

³¹ М. Горький в воспоминаниях современников. С. 278.

Подводя итоги настоящего исследования, стоит обратить внимание на следующее: и у Горького, и у Бунина (впрочем, как и у любого публичного человека) есть два типа фотографий: публичная (художественная) и домашняя. Публичная фотография отличается от семейной тем, что «фотографии в газетах, журналах и книгах не предполагают обращения к биографической памяти»³². Читатель видит на страницах печатных изданий «множество образов» и всегда может ответить на вопрос, что именно он рассматривает, он способен оценить качество снимков (профессионализм фотографа и др.), их эстетические достоинства, информативность, оригинальность и т. д. Но «фото-образы, предъявляемые медиа, никак не связаны с нашим собственным прошлым»³³.

Домашняя же фотография предполагает «биографически фундированное воспоминание»³⁴. Рассматривание домашних фотографий, всегда предполагает выявление связей фотографии с прошлым. Но есть и другая функция у домашней фотографии: «фотоизображение способно выполнить функцию спускового механизма, пробуждающего “закадровые” воспоминания, то есть выступить в роли памятки, подсказки»³⁵.

Октябрьская революция развела И.А. Бунина и М. Горького по разные стороны. Один оказался в эмиграции, другой — вернулся в Советскую Россию. И только сохранившиеся фотографии позволяют вновь и вновь возвращаться в то время, когда их связывали совместные проекты во имя и на благо русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляков З.С. Проблема философского анализа языка фотографии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 35–38.

Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. / подгот. текста и коммент. О.Н. Михайлова; подгот. текста дневника и коммент. А.К. Бабореко. М.: Худож. лит., 1988.

Т. 6. 720 с.

³² Лишаев С.А. Помнить фотографией. М.: Алетейя, 2012. С. 11.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 12.

³⁵ Там же.

- Быстрова О.В.* Дарственные надписи М. Горького И.А. Бунину: (К проблеме публикации) // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. Вып. 1. С. 297–311.
- Горленко Н.М.* Живопись и фотография во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2010. 22 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. / отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: Наука, 2003. Т. 10. 784 с.
- Гурьева М.И.* Проблемы истории фотографии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 338–343.
- Золотарев А.А.* Бунин и Горький // Наш современник. 1965. № 7. С. 101–111.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. (1870–1909) / сост. С.Н. Морозов. 943 с.
- Лишаев С.А.* Помнить фотографией. М.: Алетейя, 2012. 80 с.
- М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981.
- М. Горький и А. Богданович. Дружба, рожденная на берегах Волги. Переписка. Воспоминания. Архивные публикации. Исследования. К 150-летию со дня рождения А.М. Горького / отв. ред. Д.С. Московская. М.: ООО ИИА “Пресс–Меню”, 2018. 648 с.
- М. Горький и его современники: Фотодокументы: Описание. М.: Наследие, 1997. 694 с.
- Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь с Буниным: Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. 512 с.
- Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание / отв. ред. Л.П. Быковцева, Л.Н. Иокар. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 535 с.
- Телешов Н.Д.* Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Московский рабочий, 1958. 384 с.

**ПРОЗА И.А. БУНИНА
В СБОРНИКАХ ТОВАРИЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»:
«Чернозем» (1904), «Беден бес» (1909),
«Захар Воробьев» (1912), «Памяти Чехова» (1905)**

© 2022 г. Ю.У. Каскина

Аннотация: В статье анализируются рассказы И.А. Бунина, опубликованные впервые в горьковских сборниках «Знание». Их тематика и проблематика близки реалистическому направлению сборников. В рассказах повествуется о богатстве плодородной русской земли, бросающемся в глаза запустении помещичьих гнезд и нищете крестьян; о своеобразии и силе русского характера. Впервые в рассказе «Захар Воробьев» в лице рыжего мещанина, подтолкнувшего главного героя к смерти, отмечен мотив явления черта. Указано, что «Беден бес» — первая, более полная, редакция рассказа «Птицы небесные» (1927). Бунин, в отличие от других писателей-знаньевцев, более глубоко — в «контексте широкой культурфилософской проблематики» — осмысливал происходящее в России после поражения первой русской революции 1905 г. Воспоминания «Памяти Чехова», написанные по горячим следам, вошли впоследствии в посмертное издание И.А. Бунина книгу «О Чехове» (Нью-Йорк, 1955). Приводится высокая оценка М. Горького, А.П. Чехова, Е.П. Пешковой ранней прозы И. Бунина. Именно его Горький неизменно ставил в пример начинающим авторам, призывая учиться художественному мастерству.

Ключевые слова: Бунин, Горький, Чехов, сборники «Знание», богатство, запустение, реализм, воспоминания.

Информация об авторе: Юлия Узакбаевна Каскина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>. E-mail: kaskina@inbox.ru.

Для цитирования: Каскина Ю.У. Проза И.А. Бунина в сборниках товарищества «Знание»: «Чернозем» (1904), «Беден бес» (1909), «Захар Воробьев» (1912), «Памяти Чехова» (1905) // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 627–648. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-627-648>

STORIES BY I.A. BUNIN
IN THE COLLECTIONS OF “ZNANIJE” COMPANY:
“Chernozem” (1904), “Poor Devil” (1909),
“Zakhar Vorobyov” (1912), “In Memory of Chekhov” (1905)

© 2022. Yulia Uz. Kaskina

Abstract: The article analyzes the stories of I.A. Bunin published for the first time in Gorky’s collections “Znanije”. Their subjects and problems are close to the realistic direction of the collections. The stories tell the story of the richness of the fertile Russian land, the conspicuous desolation of landowners’ nests and the poverty of peasants; about the originality and power of the Russian character. For the first time in the story “Sakhar Vorobyov” in the person of a red-haired burgher, who pushed the main character to death, the motive of the phenomenon of the trait is noted. It is indicated that “Beden Bes” is an integral part and the first, more complete, edition of the later story “Birds of Heaven” (1927). Unlike other writers-znaniyevtsy Bunin more deeply — in the “context of broad cultural philosophical issues” — reflected on what was happening in Russia after the defeat of the first Russian Revolution in 1905. Memories of Chekhov, written in hot pursuit, later entered into the posthumous edition of I.A. Bunin’s book “About Chekhov” (New York, 1955). The high assessment of M. Gorky, A.P. Chekhov, E.P. Peshkova early prose by I. Bunin is given. Gorky invariably set Bunin as an example for aspiring authors, calling to learn artistic skills.

Keywords: Bunin, Gorky, Chekhov, collections “Znanije”, wealth, desolation, realism, memories.

Information about the author: Yulia Uz. Kaskina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>. E-mail: kaskina@inbox.ru.

For citation: Kaskina, Yu.Uz. “Stories by I.A. Bunin in the Collections of ‘Znanije’ Company: ‘Chernozem’ (1904), ‘Poor Devil’ (1909), ‘Zakhar Vorobyov’ (1912), ‘In Memory of Chekhov’ (1905).” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 627–648. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-627-648>

И.А. Бунин выступил автором в пятнадцати сборниках товарищества «Знание», вышедших в 1904–1912 гг. Всего, напомним, было издано сорок сборников под редакцией М. Горького с 1904 до 1913 г. В одиннадцати книгах впервые напечатаны

поэтические произведения молодого автора — стихи, сонеты, перевод поэмы Теннисона, имеется даже рассказ в стихах. В четырех — рассказы, один из которых «Чехов» — в сборнике «Памяти Чехова».

«Чернозем» — в Сборнике «Знание» книге 1 за 1903 г. (СПб., 1904), «Чехов» — в книге 3 за 1904 г. (СПб., 1905), «Беден бес» — в книге 27 за 1909 г. (СПб., 1909), «Захар Воробьев» — в книге 38 за 1912 г. (СПб., 1912).

С самого начала и на всем протяжении их литературного сотрудничества высоко ценимый редактором, Бунин представляется в его оценке стабильным, поступательно развивающимся писателем. Готовя к выходу первый сборник «Знание», 13 декабря 1903 г. Горький писал К.П. Пятницкому: «рассказики Бунина читал, и очень они мне нравятся, особенно второй»¹. Речь идет о связанных, по словам самого Бунина, «одним названием и одним настроением»² очерках «Золотое дно» и «Сны». Под общим названием «Чернозем» они и были напечатаны в «Знании».

В разгар работы над имеющими успех сборниками, в 1907 г., в письме давнему другу и единомышленнику Е.Н. Чирикову, давая отрицательную оценку его пьесе, Горький сетует: «...у меня странное впечатление вызывает современная литература, — только Бунин верен себе, все же остальные пришли в какой-то дикий раж и, видимо, не отдают себе отчета в делах своих»³. Вероятнее всего Горькому нравились особенно отчетливо выступающий на фоне писаний В. Каменского, М. Арцыбашева реализм Бунина и демократическая направленность его прозы. К этому времени в издательстве «Знание» вышли три тома собрания сочинений Бунина, первый из которых, содержал рассказы: «Перевал», «Руда», «Новая дорога», «Осенью», «Туман», «Байбаки», «Новый год», «Антоновские яблоки», «Велга», «Скит», «Тарантелла», «Костер», «На край света», «Кастрюк», «В августе», «Без роду-племени»,

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1998. Т. 4. С. 9.

² Там же. С. 222.

³ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М., 2000. Т. 6. С. 38.

«Поздней ночью», «На Донце», «Фантазер», «Сосны», «Тишина», «Надежда»».

В 1913 г. М. Горький начинающему автору Д.Н. Семеновскому наряду с А.С. Пушкиным, которого называл «основоположником поэзии нашей и всем нам навсегда учителем», советовал читать Бунина, характеризуя его следующим образом — «он суховат, но прекрасно знает русский язык и не словоточив развратно, как, например, Бальмонт, вообще — большой — конечно — поэт, но раб слов, опьяняющих его»⁴.

Об «особом» месте Бунина среди знаньевцев писал А.Г. Соколов: «традиции русского классического реализма и новые тенденции литературного развития нашли в творчестве Бунина своеобразное выражение»⁵. Однако в том, что «социальные противоречия» у него «переводились <...> в область философскую, «общечеловеческую»»⁶, исследователь видел скорее минус, чем плюс.

«Чернозем». I часть «Золотое дно».

В заглавие вынесена одна из главных мыслей первого очерка о природном богатстве плодородной русской земли, выраженная словами «золотое дно». Другая — «запустение» звучит в первых же словах и выделена курсивом: «тишина — и заустение. Уже не оскудение, а *заустение*...»⁷.

Живут тут, на южных русских равнинах, «по-старому», что означает в ответе кучера Корнея — «плохо». Сам рассказчик замечает в имени сестры «неуклонное разрушение»⁸. Для хозяйки усадьбы все дело в капитале, вернее, его отсутствии,

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М., 2003. Т. 10. С. 329.

⁵ Соколов А.Г. Русский рассказ начала XX века в сборниках товарищества «Знание» // Русский рассказ начала XX века (По горьковским сборникам товарищества «Знание») / сост. А.Г. Соколов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Бунин И.А. Чернозем // Русский рассказ начала XX века (По горьковским сборникам товарищества «Знание»). С. 110.

⁸ Там же.

по причине, как она полагает, экономической неповоротливости банка. Именно она впервые произносит фразу, ставшую лейтмотивом повествования: «ведь земля-то — сущее золотое дно». Племянник, обругав восхитившую гостя тишину, зловещую и мертвящую в его восприятии, вторит матери: «дно-то, действительно, золотое, только до него сам черт не докопается!»⁹.

Соседнюю усадьбу старика Кологривова уже продали, в хозяйском доме живет приказчик. Корней, высказавшись, что «без хозяина, <...> и товар — сирота», дословно повторяет первую собеседницу: «земля тут — прямо золотое дно!». И поясняет, что «аршин чернозему», добавляет про лес. Лес начинает славословить сам рассказчик повествователь, которого восхищает здесь все — запахи, звуки, цветы, березы, «золотистый свет». Он поневоле начинает забывать «о нищете этого богатого края»¹⁰. Мы видим, как в этом антонимичном сочетании, будто бы художник одним мазком кисти, Бунин мастерски дает целую жизненную драму людей — и хозяев-собственников, и обнищавших тружеников крестьян в переходный экономический период.

Следующая усадьба — Батурино. Угрюмая ирония улыбки Корнея при ответе барину передана простым сравнением. Она просто похожа на «ту, которой улыбался студент»¹¹. Импрессионистическое описание батуринского сада заканчивается трагическим, все объясняющим аккордом: «сад еще до сих пор густ и живописен, и, как на идиллическом пейзаже, стоит в его изголовьи серый большой дом под бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Целая поэма запустения!»¹² Внимание непрошеного гостя привлекает «гулкий зал», «ломберный столик», «разбитое окно». С разошедшегося балкона он видит, «как все красиво в запущенном саду, как все цветет и зеленеет в нем среди развалин, обновляясь каждую весну, и как сладостно журчат в густом вишеннике, перепутанном с сиренью и шиповником,

⁹ Там же. С. 111.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 112.

кроткие горлинки, верные друзья погибающих помещичьих гнезд!..»¹³

«Кто хочет читать и разуместь Бунина, — писал И.А. Ильин, — тот должен почуять эту атмосферу русско й усадьбы и уловить ее сложившееся за девятнадцатый век духовное наследие»¹⁴.

Грустные картины поневоле заставляют задуматься — господ все меньше, значит, «расходится земля по народу»?¹⁵. Но нет, объяснение Корнея исчерпывающе, безжалостно, угрожающе — «по городским купчишкам да лавошникам. И опять же земля без настоящего хозяина остается: им ведь только бы купить, благо дешево, а жить-то они ведь тут не станут! Ну, вот их-то чертей, и зажать бы в тесном месте!..

— Следовало бы? — спрашиваю я.

Но Корней отводит глаза в сторону»¹⁶. Зреет крестьянское недовольство. И просто правдивое изображение деревни, как видим, вполне соответствует демократическим тенденциям и реалистическому направлению в литературе.

Необыкновенно поэтичное описание позднего вечера оканчивается восклицаниями о печали и запустении. «Меланхолично засинели поля, далеко, далеко на горизонте уходит за черту земли огромным мутно-малиновым шаром солнце. И что-то сказочное, старорусское есть в этой печальной картине, в этой синеющей дали с мутно-малиновым щитом. Как печальны кажутся в это время темные деревушки, мертвую тишину которых будит звук рессор и бубенчиков! Как глуха и пустынна кажется старая “большая” дорога, тоже запустевшая, давно забытая и неезженная!»¹⁷

¹³ Там же.

¹⁴ *Ильин И.А.* Творчество И.А. Бунина // *Ильин И.А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. С. 28.

¹⁵ *Бунин И.А.* Чернозем // *Русский рассказ начала XX века* (По горьковским сборникам товарищества «Знание»). С. 113.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 114.

Конечная цель путешествия — «нежилой хутор покойной тетки», также не приносит душе отраду. Кажется, мрачные впечатления барина лишь усугубляются. Это отражается и в лексике: «жутко здесь», русло реки пересохло, двор хутора «пустой», приземистые избушки «чернеют», «деревушка кажется совершенно необитаемой»¹⁸. Рассказчик до того удручен «тишиной запустения», — отметим этот повторяющийся мотив, — что не может здесь оставаться.

Заканчивается рассказ очень важным диалогом, в котором собеседники проявляют противоположные настроения — настойчивость вопрошающего и неопределенность, желание прекратить бессмысленный разговор кучера. В ответах Корнея явственна сдерживаемая до поры до времени затаенная угроза, и в то же время терпение и упование на Бога, на то, что все как-нибудь обойдется или изменится. И хотя определенного выхода из нищеты крестьянской жизни он не видит, его жесты, хмурость, выражение лица почти не оставляют надежды на мирный исход.

«— И как вы только живете тут!

Корней завертывает сигарку, глядя в землю, и долго молчит. Потом сдержанно отвечает:

— Живем пока.

— То есть как “пока”? А потом-то что ж?

— Потом — что Бог даст. Все что-нибудь будет...

— Что же?

— Да что-нибудь будет... Не век же тут сидеть, — чертям оборки вить! Разойдется народ по другим местам, либо еще как...

— А как?

При свете месяца ясно видно лицо Корнея, но, подняв голову, он сдвигает брови и отводит глаза куда-то в сторону.

— Как иначе-то? — повторяю я вопрос.

— Там видно будет, — отвечает Корней уже совсем хмуро. — Поедемте, барин, — не рано!

И молча влезает на козлы»¹⁹.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 115.

II часть «СНЫ».

Рассказчик приехал на железнодорожную станцию. Дождался, наконец, поезда, с трудом нашел место в переполненном вагоне. По дороге мужики рассказывают сны — будто бы увиденные священником, воспринимаемые как пророческие. Неопределенное «бо-ольшие дела!» зловеще пугает, сулит печаль или даже гибель. Мещанин попутчик тоже рассказывает свой тревожный сон. Тревожный, вероятно, еще и потому, что у него жена рождает и «дите помирает»²⁰. Хотя прежде сам задибался и скандалил с мужиками, чтобы они не выдумывали глупости. И даже, казалось, готов был их побить. Теснота, дымный сумрак вагона, нескончаемая осенняя слякоть за окном усугубляют тревогу и враждебность окружающего мира.

Барин прислушивается, но его грубо отталкивают от участия в общем разговоре: «рыжий поднял на меня свои сумрачно-злые глаза и сипло сказал: — А тебе, господин, что надо? Не господское это дело мужички побаски слушать»²¹.

Настроение путешественника тревожно-противоречивое — «эти мрачные вещи сны, порожденные ею — все уже угнетало душу, но эти сны так шли к этой ночи, что жадно хотелось слушать»²². Он наблюдает «грубую и печальную картину ... как во сне». Видит «только загадочно-серьезные и злые глаза»²³. В его сознании фактически явь превращается в мрачный сон. Социальная отчужденность начинает граничить с враждебностью.

Критики писали об этом рассказе — Бунин, мол, так и не дослушал, о чем этот сон. И если рассказ «Золотое дно» с его темами земли и хозяина, мотивами угасания и разорения, ключевыми словами «хмуро», «жутко», это настоящая поэма запустения и экономического распада. Общественная тематика в обоих рассказах очевидна, в «Снах» рисуется картина мрачных предзнаменований и растущей агрессии. И даже шире — Бунин осмысливал происходящее в России в этот период, по словам

²⁰ Там же. С. 118.

²¹ Там же. С. 119.

²² Там же.

²³ Там же. С. 120.

Д.М. Магомедовой, в «контексте широкой культурфилософской проблематики, связанной с темой неизбежной гибели человеческих культур»²⁴.

Высокую оценку рассказам сразу после их почтения дал А.П. Чехов. 13 апреля 1904 г. он писал А.В. Амфитеатрову из Ялты: «Сегодня читал “Сборник” изд. “Знания”, <...>, прочел и великолепный рассказ Бунина “Чернозем”. Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его Вашему вниманию»²⁵.

Е.П. Пешкова об этой же третьей книге «Знания» писала К.П. Пятницкому: «Очень хорош сборник. Бунин прямо-таки поразил меня <...> и Телешов хорош. Ну о “Человеке” я и не говорю и о “Вас[илии] Фивейском”»²⁶.

Если два коротких рассказа из цикла «Чернозем» о России начала XX в., ее удручающей действительности; то два других — о человеке, о русском народном характере. Бунин интересовала прежде всего «душа русского человека в глубоком смысле»²⁷. О.Н. Михайлов так формулирует его «обширную задачу» — «отобразить, в переключке и полемике с крупнейшими писателями-современниками (и прежде всего — с Горьким), главные <...> слои русского народа <...> и тем самым *наметить общую историческую перспективу в жизни всей огромной страны, только что пережившей революционные потрясения 1905—1907 гг.*»²⁸ (курсив мой. — Ю. К.).

В «Беден бес» повествование с самого начала напоминает рассказы встречного или проходящего — очерки М. Горького из цикла «По Руси». Главные герои этого короткого рассказа

²⁴ Магомедова Д.М. «Строгий артистический талант» // Бунин И.А. Проза. М.: СЛОВО / SLOVO, 2000. С. 14.

²⁵ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 12. С. 85.

²⁶ Архив Горького. ИМЛИ РАН. ПТЛ-12-34-37.

²⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. С. 536.

²⁸ Михайлов О.Н. Иван Бунин // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. Кн. 1. С. 82.

студент Воронов и «просто нищий и притом — больной» по имени Лука²⁹ встретились случайно в сильную метель. Когда добрались до жилья, студент звал его к себе в поместье переночевать, но тот отказался. От денег, однако, отказываться не стал. Сказал: «Беден бес, на нем креста нет. А деньжонок не плохо бы...»³⁰ Это присловье повторяется в рассказе многократно, несет определенную смысловую нагрузку, становится заглавием.

Непродолжительное знакомство, разговоры, можно сказать, о вечном, печальный финал, однако, произвели неизгладимое впечатление на Воронова. Об этом свидетельствует концовка рассказа, в которой сконцентрированы главные идеи героя и продолжено обсуждение важных тем.

Они успели поговорить о смерти, о рае, о жизни, о вере. Оказалось, что смерти Лука не боится. «Помирать-то не десять раз, а всего один», — ответил он студенту, который опасался, как оказалось не напрасно, что тот замерзнет. В рай не очень-то и верит — «это еще дело темное — не то есть он, рай-то, не то нет». Своей жизнью вполне доволен — «а мне и тут не плохо» и чуть более развернуто второй раз — «Беден бес, на нем креста нет. А я живу себе...»³¹. О вере весьма определенно — «в Бога — нет такого создания, чтоб не верило, — твердо сказал он»³². Студент удивлен. Отказавшийся от предложенного ночлега нищий в эту ночь замерз прямо на дороге.

Восхищает красота зимнего пейзажа Бунина, написанного будто бы твердой рукой оригинального художника — «Тихая, звонкая ночь, вся золотистая от полумесяца, низко стоявшего над побелевшими садами в долине, мешалась с тонким светом зари, чуть алевшей на востоке»³³.

В последней главе повествуется о похоронах Луки, о детском гробике, который разрешили закопать в той же могиле,

²⁹ Бунин И.А. Беден бес // Сборник товарищества «Знание» за 1909 год. СПб.: Изд-во товарищества «Знание», 1909. Кн. 27. С. 4.

³⁰ Там же. С. 7.

³¹ Там же. С. 8.

³² Там же. С. 9.

³³ Там же. С. 11.

приводится короткий разговор с церковным сторожем бывшим солдатом. Студент задает собеседнику те же вопросы — о смерти и о жизни после смерти. Можно сказать, основополагающие вопросы бытия. На первый вопрос он получает сходный ответ. «Двум смертям не бывать, одной не миновать, — бойко ответил сторож». Ответ на второй вопрос — вопрос-сомнение «невера» — есть ли что-то на том свете, его обескураживает и злит. «Дикарь! — подумал студент с сердцем и отвернулся»³⁴. Для сторожа несомненным доказательством «того света» является существование ветхозаветного ковчега, само название которого он коверкает, произнося «колчег».

На гроб нищего сверху поставили в могилу и детский гробик; мужик обрадовался, что сэкономил при этом.

В этом рассказе — любовь к народу, народная мудрость и простота в осмыслении «вечных» вопросов. Народные, по-видимому, единственно верные, представления о смерти, о Боге; смиренное признание закономерности всего сущего и неизбежности чередования времен.

Концовка рассказа лаконична и выразительна. Обращают на себя внимание нарративные особенности — в мыслях студента намечается рассказ, таким образом, задумывается рассказ в рассказе. Имеется прямая литературная отсылка к Ч. Диккенсу и Ф.М. Достоевскому, но настроение, по сравнению с предшественниками, диаметрально противоположное, чуждое сентиментальности, скорее реалистическое и негодующее. Заключение в утверждении — «дикари», затем в риторически-вопросительном отрицании — «но дикари-ли?» утонченная рефлексия, неожиданно обнаруживает глубокую человечность Воронова, сострадательность, мудрость. Последние строки, со слов «хотелось написать рассказ» — звучат прямо как поэма — музыкально, невыразимо-щемяще.

«Долго казалась ему какой-то странной и безымянная могила, выросшая на погосте за церковью. Все вспоминалась маленькая фигурка, высокий костыль, финская шапка, бледное личико, черные глаза, прядь длинных волос. Хотелось написать рассказ... Но ведь сколько уже написано об этих замерзающих!

³⁴ Там же. С. 12.

хотелось озаглавить зло и резко: Дикари. Но дикари-ли?.. Да и смущал трогал детский гробик, случайно попавший в эту могилу, на чей-то безтолково-огромный, всем чужой гроб... Разве это выразишь?»³⁵

Этот рассказ Бунин впоследствии незначительно переработал, целиком снял столь значимую, на наш взгляд, последнюю главу, назвал «Птицы небесные» и напечатал в 1927 г. в парижской газете «Возрождение» («Возрождение», Париж, 1927, № 599, 22 января). Именно по этому тексту под таким названием он печатается в последующих изданиях. И этот вопрос — почему автор убрал концовку — еще требует ответа и дальнейшего осмысления.

М. Горький — редактор «Знания», оценивающий поэзию и прозу И. Бунина, выступает утонченным и грамотным литературным критиком. Отмечая у начинающего писателя И.Н. Антонова «технические промахи» и «погрешности против духа русского языка»³⁶, он советует «читать Пушкина, Лермонтова и вообще старых поэтов, ибо из современников, думается мне, никто не может явиться учителем начинающего писать. Рекомендую лишь Бунина как человека, превосходно знающего язык, строгого к форме и хранящего заветы русской поэзии»³⁷.

М.В. Рослякову, другому молодому автору, он писал в феврале 1913 г.: «Несомненно, что Вы очень своеобразно видите деревню, чувствуете мужика, но для того, чтоб это своеобразие было понятно мне, читателю, Вам недостает убедительности. <...> Типично, интересно, поучительно — простое, обыденное. Изобразите его так, чтоб за ним чувствовалось свойственное ему глубокое содержание, — это будет искусство. Очень рекомендую вниманию Вашему Чехова и Бунина, — не для подражания, конечно, а для изучения их приемов. Оба они с изумительной силою чувствовали значение обыденного и прекрасно изображали его»³⁸. Этому вторит позднейший исследователь, утверждая, что «незамысловатую жизнь Бунин изображал как

³⁵ Там же. С. 14.

³⁶ *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 7. С. 158.

³⁷ Там же.

³⁸ *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 10. С. 265.

бытийно значительную, таящую загадки общерусские, психологические, философские»³⁹. «Беден бес» и можно назвать, на наш взгляд, прекрасно изображенным обыденным и в то же время «бытийно значительным».

«Захар Воробьев». Смертью главного героя заканчивается другой рассказ Бунина из 38 сборника «Знание» (1912 г.). «На днях умер Захар Воробьев, по прозвищу Малолетка, мужик из Осиновых Дворов», — так начинается рассказ. Далее следует портретная характеристика, описывается настоящий русский богатырь, сознающий свою исключительность. Поясняется — «в старину, сказывают, было много таких, как он, да переводится эта порода»⁴⁰. Эпитеты: «красивый», «превосходный», «ласковый», «приятный» преобладают в этом описании. Тут же сообщается, что «умер он совершенно неожиданно для всех».

Кучер, шиповский мужик и пьяница Алешка-Арчак затеяли спор — сможет ли Захар выпить в час «четверть», то есть два с половиной литра водки. Захар согласился, хотя автор и показывает следующим описанием, что он был тонкий психолог: «мелкий народишко и не по одному только виду!» Сообщается, что Захара в эти дни переполняло желание подвига, был покой на душе и какой-то даже прилив сил.

Нельзя не отметить выразительный импрессионизм в описании села Шипова, где происходит действие. Захар, сидя у лавки на нижней ступени сваленного соснового теса, с увлеченностью мастерски рассказывает про суд — как крестьянин Семен Галкин, показывая независимость, демонстративно ел грушу, не отвечая на вопрос урядника, и не позволил описать у себя имущество. На допрос вызвали его жену Катерину и мать Феклу. Авторская ирония сквозит в реплике одного из слушателей: «Ты, брат, на удивление хорошо рассказываешь! Ей Богу. Чистый Немирович-Данчэнко»⁴¹.

³⁹ Крутикова Л.В. Проза Бунина 1907–1914 годов // Бунин И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 603.

⁴⁰ Бунин И.А. Захар Воробьев // Русский рассказ начала XX века (По горьковским сборникам товарищества «Знание»). С. 120.

⁴¹ Там же. С. 124.

Спорщики переставили часы, «обмошенничали» Захара. Но он все-таки победил в споре, уложился в назначенный срок. Собеседники — кучер и урядник — покинули его, он же пришел в раж, купил еще бутылку и пошел из села.

Описание его пути изобилует красочными эпитетами и многозначительными метафорами. Самые звучные из которых — «большая тень с сиянием вокруг головы» и «не мигая, как орел, смотрел то на солнце, то на широко раскрывшийся после косьбы степной простор»⁴² — говорят о силе и независимости идущего. Захар шел и думал: «Ах, хорошо! Хорошо жить, но только непременно надо сделать что-нибудь удивительное! И опять широко, по-орлиному, озирал горизонты. Он смотрел в небо — и вся душа его, и насмешливая, и наивная, полна была жажды подвига»⁴³. Непременно вспоминается тут горьковское «в жизни <...> всегда есть место подвигам» из «Старухи Изергиль»⁴⁴. Захар задается вопросом «что путного сделал он на своем веку, в чем исключительном и огромном проявил свои силы?» И с сожалением отвечает себе, что ни в чем. Он вспоминает, как однажды пронес на руках старуху, помог ей добраться до дому, но не считает это за большую заслугу. «Воображение его, жадное во хмелю до картин, требовало работы, душа — опьянения мечтою»⁴⁵.

Описание природы при этом созвучно настроению героя.

Бунин удивительно верно передает малейшие движения души этого простого, сильного и доверчивого человека-богатыря, его постепенное «сползание» от высоких мыслей и чувств, как бы постепенное соскальзывание хмелеющего сознания в роковую бездну тоски, отчаяния от невозможности подвига, в конце концов небытия..., тонко проникнув в психологию героя. Показывает читателю истинный драматизм подобного столкновения — потенциальной одухотворенной душевной силы, вполне осознаваемой Захаром — жажды подвига

⁴² Там же. С. 126.

⁴³ Там же. С. 127.

⁴⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 87.

⁴⁵ Бунин И.А. Захар Воробьев. С. 127.

и убогой, куцей, ничтожной, жалкой реальности, бесцветной повседневности.

Приводится диалог с той старухой. На ее жалобы про одиночество и нищету — «никакого счастья не вижу себе, одна во всем свете, ни напитков, ни наедков сладких съотроду не видала» — Захар зычно, «ощутив внезапный прилив буйной радости», выкрикивает жизнеутверждающее: «ешь солому, а хворсу не теряй!» Имеется ввиду форсу⁴⁶.

Захар дошел до следующей деревни, и вдруг внезапно на него напала смертельная тоска. Передающие тоску героя эпитеты в описании природы вновь совершенно точно отражают его настроение. «О, какая тоска была на этой всеми забытой, пустынной, бесконечной дороге, в этой мертвой деревне, молча стоявшей на краю ее, в этих бледных равнинах за нею, в этих жнивьях и копнах на их просторе, в этот синий степной вечер, молчаливый, как могила!» Захар, несмотря на то, что «всеми силами противился» тоске, на этот раз сам предложил выпить на спор еще две бутылки. Тут же судьба услужливо подсунула ему спорщика, чьи внешность и поведение по описанию сильно напоминают черта — Захар «говорил без умолку, пил все жаднее, чтобы переломить-таки ее (свою тоску. — Ю. К.) и жестоко наказать этого курчаво-рыжего, хромого, со стоячими белыми глазами мещанина, подло и радостно всуетившегося, когда Захар предложил ему поспорить»⁴⁷. Интересно при этом, что сам герой отлично видит и объективно оценивает происходящее и окружающих. Если они жестоки и подлы к нему, то он даже обманутый, или, как он выражается, «обмошенниченный» ими, почувствовав близкий смертный час, заботится о них. И последними его словами становятся слова, выражающие заботу о ближних, об их репутации — «—Слухай. Я помираю. Шабаш! Не хочу тебя страмить, под беду подводить. Я отойду. Отойду.» И твердо пошел на середину большой дороги. И, дойдя до середины, согнул колени — и тяжело, как бык, рухнул на спину, раскинув руки»⁴⁸.

⁴⁶ Там же. С. 128.

⁴⁷ Там же. С. 129.

⁴⁸ Там же. С. 130.

Человек-гигант, русский богатырь умер, погиб бесславно и бессмысленно. Беспощадно, можно сказать, доведенный до смерти насмешливыми, подлыми и жалкими людишками извне. Поддавшийся смертной тоске и от невозможности подвига — то есть душевной реализации своей выдающейся натуры, и поддавшись искушению материализовавшегося в образе курчаво-рыжего мещанина зла. Не «фаустовские» ли «контексты»⁴⁹ проникли вдруг в этот незамысловатый, на первый взгляд, короткий рассказ о большом и простом человеке? Так черт, не менее страшный и губительный, является к простакам. Вспоминается его явление Ивану Карамазову, другим интеллигентам, многократно описанное в русской литературе, к примеру, в рассказе И.С. Шмелева «Почему так случилось» (1945)⁵⁰.

Поучая молодого тогда писателя Г.Д. Гребенщикова, критикуя его роман «Деревенская знать», указывая на определенные недостатки и показывая, как лучше их исправить, А.М. Горький в качестве примера для подражания вновь, уже не впервые, указывает начинающему автору на И.А. Бунина. И даже отсылает именно к этому рассказу. 14 марта 1913 г., завершая большое, насыщенное, поучительное, предельно конкретное свое послание, в котором подробно объясняет замечания, говорит, как их следует исправить, Горький пишет: «Я очень рекомендую Вам: изучайте русскую литературу, это Вам поможет. Тургенев научит Вас писать природу, пейзаж, Чехов — покажет Вам, что такое диалог, как, в действительности, говорят живые люди, научит строить фразу, предложение — кратко и точно. *Последние рассказы Бунина, талант которого все развивается, восходит на высоту талантов Тургенева и Чехова, эти рассказы дадут Вам понять, как можно строить повесть, располагать материал — научат, как нужно слить слова с образом.* Возьмите, на

⁴⁹ См. об этом книги: *Беляева И.А. Творчество И.С. Тургенева: фаустовские контексты.* СПб.: Нестор-История, 2018. 248 с.; *Катасонов В.Ю. Трагедия «Фаустовой цивилизации». Размышления над книгой И. Сикорского «Незримая борьба».* М.: Изд. дом «Кислород», 2021. 320 с.

⁵⁰ *Каскина Ю.У. И.С. Шмелев и русская классика XIX века.* М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 109.

пробу, в “Суходоле”, рассказ “Захар Воробьев” — посмотрите, как это сделано, посмотрите — в начале 107-й стр. — как автор сразу заставит Вас почувствовать всю страшную тоску русской жизни»⁵¹ (курсив мой. — Ю. К.).

Речь идет о книге Бунина «Суходол», включающей повести и рассказы 1911–1912 гг., изданной «Книгоиздательством писателей» в Москве в 1912 г. Книга имеется в личной библиотеке Горького (Описание личной библиотеки А.М. Горького, № 778)⁵², с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу от старого друга. Ив. Бунин. Москва. Октябрь, 12 г.»⁵³. Указание Горького «в начале 107-й стр.» относится к цитированному выше отрывку «о, какая тоска была на этой всеми забытой, пустынной, бесконечной дороге, в этой мертвой деревне», с которого как раз и начинается эта страница.

Знаменательно, что оба рассказа о человеке заканчиваются смертью героев.

Сборник товарищества «Знание» за 1904 г. (Кн. 3. СПб., 1905) был посвящен памяти скончавшегося 2 июля 1904 г. А.П. Чехова. Бунин по просьбе Горького написал свои воспоминания об истории их знакомства, перешедшего в сердечную дружбу, дал литературный портрет и оценку творчества.

Из них мы узнаем, что одними из любимых тем Чехова были неустанная работа, жизненная простота и правдивость. Бунин уточнял, что он «не выносил фразеров, книжников и фарисеев»⁵⁴. Вспоминается шмелевский рассказ о Чехове — «Книжники... но не фарисеи» (1934 г.), получивший название со слов самого Чехова, шутливо проэкзаменовавшего мальчиков и радостно подытожившего — «Вот, настоящие-то книжники! Книжники... но не фарисеи!»⁵⁵.

⁵¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 10. С. 283.

⁵² Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1. 412 с.

⁵³ Там же. С. 648.

⁵⁴ Бунин И.А. Чехов // Сборник товарищества «Знание» за 1904 год. СПб., 1905. Кн. 3. С. 251.

⁵⁵ Шмелев И. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 2. С. 320.

Бунин опровергает некоторые «неточности» в воспоминаниях современников о Чехове, его происхождении, отношении к славе, о его детстве. Жизнерадостность, спокойствие и красота — основные черты юного Чехова, по словам Бунина. «В Москве, в 95-м году, я увидел человека средних лет, в пенсне, одетого просто и приятно, довольно высокого, очень стройного и очень легкого в движениях»⁵⁶.

Далее в повествовании искусно переплетаются писательское мастерство И.А. Бунина и очарование личности объекта повествования. А.П. Чехов предстает перед читателем человеком, который пленяет собеседника «не только своим умом и талантом, но даже своим суровым голосом и детской улыбкой»⁵⁷. Автор восхищается письмами Чехова, удивительными по «естественности, точности и красоте стиля»⁵⁸, юмору и спокойствию. Он говорит и о горячей любви Чехова к литературе, его душевной чуткости и большой восприимчивости, что проявлялось и в жизни, и в творчестве, о его правдивости, «цельности и силе природы»⁵⁹, аристократизме духа.

«Он даже от близких людей таил поэзию своей души, как таил и свою доброту, и свою нежность», — писал Бунин об этой скрытой в характере писателя черте. Однажды ночью ранней весной в Крыму они вдвоем поехали кататься — «ночь была, правда, удивительная, — теплая, тихая, с ясным месяцем, с легкими белыми облаками, с редкими лучистыми звездами в голубом, глубоком небе»⁶⁰. И какой-то «уходящий диалог», точнее — несбывшееся пророчество Чехова о том, что читать его еще будут всего лет семь. Скромность и пронзительность, готовность покинуть этот мир и щемящая грусть при этом. Заканчивает свои воспоминания Бунин страстным протестом против конечности человеческого бытия и мыслью о нелепости смерти. Добавим, что в 1955 г. в Нью-Йорке вышла его книга из двух частей «О Чехове» — публикация незаконченной руко-

⁵⁶ Бунин И.А. Чехов. С. 255.

⁵⁷ Там же. С. 257.

⁵⁸ Там же. С. 258.

⁵⁹ Там же. С. 264.

⁶⁰ Там же. С. 267.

писи с предисловием М.А. Алданова и со вступлением В.Н. Буниной⁶¹. Первая из них представляет собой статью «Памяти Чехова», несколько дополненную автором, который ознакомился с изданными к этому времени в Советском Союзе письмами Чехова, а также воспоминаниями современников.

После похорон Чехова 9 июля 1904 г. Горький писал Бунину: «Дорогой товарищ, я только что приехал из Москвы, с похорон. Очень подавлен, испытываю такое тяжелое, тоскливое чувство. Вы Вашей тонкой и чуткой душой истинного поэта, разумеется, поняли, как много пошлого было в этих похоронах, и Вы лучше других понимаете, как все это неуместно, оскорбительно над гробом и могилой Антона Павловича. <...> в Москве Куприн, Пятницкий задумали издать в память Ан. Пав. книгу <...> будет вполне достаточно и очень хорошо, если в этой книге примет участие только четверо — Куприн, Вы, Андреев и я.

Каждый из нас напишет что-нибудь лично о Чехове — разговор с ним, первое знакомство, воспоминание о каком-нибудь дне, совместно прожитом <...> Дорогой друг — очень прошу Вас принять участие в этом деле, на мой взгляд, и важном, и нужном. Нужно же создать противовес пошлости газетных “воспоминаний”, нужно, по мере сил, постараться показать Чехова без фольги — чистого, ясного, милого, умного. <...> Прошу Вас, товарищ — Вы так много можете сказать о нем и так хорошо, красиво, чисто скажете!»⁶²

О том, как идет работа над задуманным сборником Горький сообщал Бунину 30 июля 1904 г.: «Андреев дает рассказ и небольшую статью об Ант[оне] Пав[ловиче]. Куприн доканчивает повесть, начал было писать воспоминания и — сразу же впал в полемический тон. Бросил, нужно подождать. То же случилось и со мной, — впечатления похорон еще не улеглись, и пишется больше о людях, оскорбивших Чехова своим присутствием над его могилой, чем о нем, о его светлой душе, полной любви, нежности, грусти, о его уме, тонком и остром»⁶³. Сам Горький в 1905 г. написал «А.П. Чехов. Отрывки из воспоминаний»,

⁶¹ Бунин И.А. О Чехове. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 415 с.

⁶² Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 4. С. 105.

⁶³ Там же. С. 115.

впервые напечатанные в «Нижегородском сборнике», изд. т-ва «Знание», СПб., 1905. Вторую часть очерка он начал писать во время Первой мировой войны, осенью 1914 г. Напечатана в журнале «Беседа», 1923, № 2, в цикле «Из дневника». Наиболее существенное в Чехове для Горького выражено им так: «Ненавидя все пошлое и грязное, он описывал мерзости жизни благородным языком поэта, с мягкой усмешкой юмориста, и за прекрасной внешностью его рассказов мало заметен полный горького упрека их внутренний смысл»⁶⁴.

3 ноября Горький торопит Бунина: «Как дела с письмами Ан. Пав. и с Вашими воспоминаниями о нем? Жду очень!»⁶⁵. А 17 ноября уже благодарит: «Хорошо Вы написали об Ан. Пав. — нежно, как женщина, и мужественно, как друг. Захотелось сказать Вам это тотчас же, как прочитал. А теперь — читает Куприн, он сидит рядом со мной, хвалит Вас и радуется, что его воспоминания совпадают с Вашими»⁶⁶.

Для полноты картины представим полный состав сборника «Знание», кн. 3: Скиталец. «Памяти Чехова (стихотворение “Неумолимый рок унес его в могилу...”»); Куприн А. «Памяти Чехова»; Горький М. «Дачники (Сцены)»; Бунин И. «Памяти Чехова»; Андреев Л. «Красный смех (Отрывки из найденной рукописи)». Итак, первоначально задуманный состав сборника, претерпел определенные изменения.

Таким образом, Горький, обозревая небольшую по объему прозу Бунина в «Знании» (оценки и характеристики разбросаны в его письмах), выступает как тонкий и вдумчивый литературный критик, с самого начала высоко оценивший глубокий и свежий талант молодого автора. Писателю импонировал имманентно присущий Бунину реализм, самостоятельность мышления, независимость литературного нрава, приверженность и любовь к настоящей литературе. Поставив писателя в один ряд с Пушкиным и Чеховым, его выдающимся предшественником и современником, напроорочил ему впоследствии мировую славу.

64 Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 6. С. 54.

65 Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 4. С. 165.

66 Там же. С. 182.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 457 с.
- Беляева И.А.* Творчество И.С. Тургенева: фаустовские контексты. СПб.: Нестор-История, 2018. 248 с.
- Бунин И.А.* Беден бес // Сборник товарищества «Знание» за 1909 год. СПб.: Изд-во т-ва «Знание», 1909. Кн. 27. С. 1–14.
- Бунин И.А.* Захар Воробьев // Русский рассказ начала XX века (По горьковским сборникам товарищества «Знание») / сост. А.Г. Соколов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 120–130.
- Бунин И.А.* Чернозем // Русский рассказ начала XX века (По горьковским сборникам товарищества «Знание») / сост. А.Г. Соколов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 110–120.
- Бунин И.А.* Чехов // Сборник товарищества «Знание» за 1904 год. СПб., 1905. Кн. 3. С. 247–268.
- Бунин И.А.* О Чехове. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 415 с.
- Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. 622 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 590 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 6. 582 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1998. Т. 4. 478 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6. 623 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 7. 623 с.
- Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2003. Т. 10. 782 с.
- Ильин И.А.* Творчество И.А. Бунина // *Ильин И.А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. С. 25–78.
- Каскина Ю.У.* И.С. Шмелев и русская классика XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 160 с.
- Катасонов В.Ю.* Трагедия «Фаустовой цивилизации». Размышления над книгой И. Сикорского «Незримая борьба». М.: Изд. дом «Кислород», 2021. 320 с.
- Крутикова Л.В.* Проза Бунина 1907–1914 годов // *Бунин И.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 593–607.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909) / сост. С.Н. Морозов. 944 с.
- Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1. 412 с.
- Магомедова Д.М.* «Строгий артистический талант» // *Бунин И.А.* Проза. М.: СЛОВО / SLOVO, 2000. С. 5–18.
- Михайлов О.Н.* Иван Бунин // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. Кн. 1. С. 72–156.

Соколов А.Г. Русский рассказ начала XX века в сборниках товарищества «Знание» // Русский рассказ начала XX века (По горьковским сборникам товарищества «Знание») / сост. А.Г. Соколов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 6–19.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 12. 640 с.

**IV.
ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ,
ПОЭТИКА,
ТЕКСТОЛОГИЯ**

«Я ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ПОЭТ...» (ИВАН БУНИН: ПОЭЗИЯ НА РАЗЛОМЕ ЭПОХ)

© 2022 г. А.И. Чагин

Аннотация: Предметом рассмотрения в статье является поэзия И.А. Бунина, которую сам писатель считал важной частью своего творчества, не признавал деления литературы на стихи и прозу и в книгах своих публиковал стихотворения «на равных» с прозаическими произведениями. Поэтический путь И. Бунина рассматривается в статье — не претендующей на полный исторический очерк творчества — во всей его протяженности, от ранних стихотворений сборника «Листопад» до последних поэтических произведений. Обращение к конкретным произведениям наглядно показывает, как движение времени, эпоха исторических потрясений, пережитых Россией в XX в., отразились в поэзии И. Бунина, во многом определяя направления, повороты поэтического творчества. Фигура писателя, ставшего для современников воплощением и ревнителем классической литературной традиции, неизменным и непримиримым оппонентом модернистским влияниям и, в частности, русскому символизму, предстает в статье в глубинных взаимосвязях с модернистскими течениями и, прежде всего, с открытиями русского символизма. Анализ конкретных поэтических произведений, созданных и в начале пути, и в эмиграции, свидетельствует о том, что никогда их автор не видел себя причастным к какому-либо определенному течению в литературе, всегда перерастал эти рамки, объективно противостоял попыткам некоторых критиков, спешивших «уложить» его «на какую-нибудь полочку».

Ключевые слова: поэзия, традиция, модернистские течения, символизм, русское зарубежье.

Информация об авторе: Алексей Иванович Чагин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/>. E-mail: aichagin@mail.ru.

Для цитирования: Чагин А.И. «Я главным образом поэт...» (Иван Бунин: поэзия на разломе эпох) // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня

рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
С. 651–682. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-651-682>

“I AM A POET MAINLY...”
(IVAN BUNIN: THE POETRY AT THE BREAK OF THE EPOCHS)

© 2022. Alexei I. Chagin

Abstract: The article is devoted to the poetry by I.A. Bunin, which was considered by the author himself as the significant part of his creative activity. I.A. Bunin didn't accept division of literature into verse and prose and published in his books the poems near the prosaic works. The way of Bunin's poetry is being examined at the article — which doesn't lay claim to be an exhaustive historical survey — in its entire length, from the early works from the book of collected poems “Listopad” (“Fall Of the Leaves”) till the last poems. Examination of concrete works shows obviously how the movement of time, the epoch of historic cataclysms in Russia in the XXth century were reflected in Bunin's poems and largely determined the directions, turns of his poetry. The figure of the writer who has become for his contemporaries the embodiment and stronghold of the classic literary tradition, the invariable and irreconcilable opponent to the modernist trends — in particular, to Russian symbolism — appears here in deep relationships to the experience of modernism and, first of all, to the discoveries of Russian symbolism. The analysis of concrete poetical works which were created both in the beginning of the literary way and in emigration, testifies to the fact that the author of the works never saw himself privy to any concrete trend in literature, always overgrew these limits, resisted to the attempts of some critics who tried their best to “lay” him on “any definite shelf”.

Keywords: poetry, tradition, modernist currents, symbolism, Russia abroad.

Information about the author: Alexei I. Chagin, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/>. E-mail: aichagin@mail.ru.

For citation: Chagin, A.I. “‘I am a poet mainly...’ (Ivan Bunin: the Poetry at the Break of the Epochs).” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 651–682. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-651-682>

В 1930-е гг. в Париже, на Монпарнасе прозвучал знаменательный диалог:

— Иван Алексеевич, мы вас любим не за ваши стихи.

— И я вас люблю не за ваши стихи!

Участниками этого диалога были молодой эмигрантский поэт Перикл Ставров и, конечно же, И.А. Бунин, к тому времени уже известнейший прозаик, поэт, публицист. Замечательна здесь сама сдержанность, скупость ответа (ведь знавшие Бунина современники помнили, как он остер на язычок) — маститый писатель понимал всю уничтожающую силу своих слов, обращенных к поэту, у которого за душой была пара сборников стихов, вышедших в изгнании.

Заметим при этом, что в словах П. Ставрова звучала не только его личная оценка поэзии И. Бунина, что его позицию разделяли и другие (не все, как мы увидим позже) поэты, литераторы зарубежья. О приведенной здесь словесной дуэли Ставрова и Бунина мы знаем из воспоминаний В. Яновского «Поля Елисейские», автор которых, обращаясь к реплике молодого поэта, цитировал ее как пример общего — как он полагал — взгляда в зарубежье на поэтическое творчество Бунина. «Проза всходила медленно на чужой почве: такова природа ее — писал автор воспоминаний. — Но поэты наши достигли положенного им блеска еще в тридцатых годах. Поплавский, Червинская, Ладинский, Штейгер, Кнут, не говоря уже о старших: Ходасевич, Цветаева, Иванов, Оцуп. У них было бы чему учиться Бунину! Но Иван Алексеевич упорно отстаивал свою самобытность, не признавая никаких новшеств, — как в прошлом, он отвращался от эпохи Блока и Белого. В этом диалектика зубра, не эпигона: он самостоятельно вымирает, не способный к сложным мутациям. Бунин гордился тем, что на него не оказали влияние “никакие там Прусты и Кафки”. Увы, не оказали...»¹.

Оставляя пока в стороне вопрос о необходимости для автора «Листопада» учиться у Ладинского или Оцупа, о его способности к «сложным мутациям», обратим внимание, прежде всего, на то, что Ставров, знавший Бунина еще по их встречам

¹ Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 80–81.

и беседам в Одессе, попытался поставить под сомнение момент, принципиально важный для творческой позиции писателя. Ведь сам Бунин, не случайно в книгах своих соединявший «на равных» поэзию и прозу, считал себя, прежде всего, поэтом. «Я поэт, и больше поэт, чем писатель, я главным образом поэт» — эти слова были сказаны не во времена первых поэтических публикаций юного Бунина, а уже в эмиграции, в Париже, когда свершившимся фактом были и всероссийская слава, и Нобелевская премия². А гораздо раньше, в 1912 г., в интервью «Московской газете» Бунин подчеркивал, что вообще не принимает «деления художественной литературы на стихи и прозу»³.

Что же касается «диалектики зубра», на которого не смогли повлиять «никакие там Прусты и Кафки», то и здесь все было не просто. Да, фигура Бунина как неизменного и непримиримого оппонента модернистским влияниям и, в частности, русскому символизму, неизбежно возникала и в свидетельствах современников, и в работах всех, кто обращался к той литературной эпохе. Достаточно вспомнить В. Ходасевича, его статью 1929 г. «О поэзии Бунина», где упоминалось и самое начало литературного пути Бунина, чей поэтический сборник «Листопад» вышел в символистском издательстве «Скорпион», «под эгидию Брюсова», где шла речь о неизбежности скорого разрыва молодого поэта с символистами; где утверждается центральная мысль статьи — о бунинской поэтике, которая «на всем своем протяжении ... представляется последовательной и упорной борьбой с символизмом»⁴. При этом, однако, нередко мысль о Бунине как продолжателе и оплоте классической традиции в русской поэзии (и шире — литературе) начала XX столетия, о его противостоянии утверждавшимся тогда новым поэтическим течениям сопровождалась у

² Муравьева-Логонова Т.Д. Живое прошлое // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 302.

³ Цит. по: Твардовский А.Т. О Бунине // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 36.

⁴ Ходасевич Владислав. О поэзии Бунина // Колеблемый треножник. М.: Советский писатель, 1991. С. 547–548.

многих авторов характерными и весьма схожими оговорками. Интересно, что даже А. Твардовский (чье имя уже в новые времена стало воплощением верности поэтической традиции), упоминая о том, что Бунин после первых своих публикаций «наглухо отгораживается от всяческих модных поветрий в поэзии», посчитал необходимым заметить, что не так уж наглухо была захлопнута эта дверь: «Конечно, неверно было бы думать, что он так-таки ничего и не воспринял в своем стихе от виднейших поэтов его времени, которых он всю жизнь ругательски ругал, оценивая всех вкупе и как бы не видя разницы между Бальмонтом и Северяниным, Брюсовым и Гиппиус, Блоком и Городецким». Размышляя о бесспорной значимости того, что принес русский символизм в поэтическое развитие XX в., А. Твардовский подчеркивал: «Бунин не смог бы стать тем, чем он стал в поэзии, если бы только буквально следовал классическим образцам». И показывал, обращаясь к ряду стихотворений, как опыт русского символизма сказался на ритмическом многообразии поэзии Бунина⁵.

Нельзя не вспомнить в связи с этим и о работах О.Н. Михайлова, еще шире и определеннее — словно отвечая В. Яновскому — высказывавшегося на тему «Бунин и традиция», «Бунин и модернизм»: «... Сам же Бунин не мыслил свое творчество, свой метод в застывших канонах XIX века, находил в «Жизни Арсеньева» множество страниц “совершенно прустовских” и горячо отвечал критику Л. Ржевскому: «называть меня реалистом, значит /.../ **не знать** меня как художника»⁶.

Этот ответ И. Бунина Л. Ржевскому стоит сравнить с его же воспоминаниями о самом начале литературного пути — они звучат своего рода комментарием к тому, что писал Ходасевич в своей статье 1929 г.: «В 1900 году издал первую книгу моих стихов «Скорпион», с которым я, однако, очень скоро разошелся, не возымев никакой охоты играть с моими новыми сотоварищами в аргонавтов, в демонов, в магов и нести высокопарный вздор, хотя некоторые критики уже

⁵ Твардовский А.Т. О Бунине... С. 37.

⁶ Михайлов О.Н. Страстное слово // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. С. 15.

заговорили было о моем “увлечении декадентами”...»⁷. Поставим эту страницу воспоминаний рядом с ответом Бунина Л. Ржевскому, с категорическим неприятием даже попыток видеть его в стане реалистов — и мы убедимся в том, что уже в начале своего пути юный тогда поэт не видел себя причастным к какому-либо определенному течению в литературе, перерастал эти рамки, объективно противостоял попыткам некоторых критиков, спешивших «уложить» его «на какую-нибудь полочку»⁸.

Это было очевидно уже в «Листопаде» — в поэме (или длинном стихотворении) «Листопад», давшем название поэтической книжке, которую не случайно многие (Блок, Ходасевич, другие современники Бунина) считали первой (хотя была она, строго говоря, пятой). Известны слова Блока об этом произведении: «Цельность и простота стихов и мировоззрения Бунина настолько ценны и единственны в своем роде, что мы должны с его первой книги и первого стихотворения «Листопад» признать его право на одно из главных мест среди современной русской поэзии»⁹. Хрестоматийно известное теперь, произведение это предстает воплощением поэтической традиции, принося в поэзию XX в. словно выроставшие из литературного прошлого — и вечно новые — картины и краски осеннего русского леса:

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной¹⁰.

⁷ Бунин И.А. Автобиографическая заметка // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 6. С. 554.

⁸ Там же. С. 555.

⁹ Блок А.А. О лирике // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5. С. 141.

¹⁰ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014. Т. 1. С. 189.

О национальной природе поэтического дара Бунина, о вы­ра­стившем в его стихотворениях (прежде всего, в пейзажной лирике) образе родины хорошо писал О.Н. Михайлов¹¹. В эти картины вплетаются и образы, усложняющие представление о возникающем здесь — традиционнейшем, казалось бы — поэ­ти­чес­ком пейзаже. Заметим, что сам этот пейзаж выписан ру­кою не городского пришельца, любителя природы, а человека, здесь выросшего и живущего, умеющего почувствовать, как на­гретый за день осенний лес «пахнет дубом и сосной»; ощутить под ногами «листьев сырость гнилую»; услышать, как «квохчет дрозд»; заметить мотылька, замершего на паутине и «пригре­того солнечным теплом». Уже здесь, в первом произведении сборника, ярко дало о себе знать замечательное свойство поэ­ти­чес­кого дара Бунина — редкое по остроте восприятие живо­го мира вокруг, всех его подробностей, всех оттенков, запахов, красок. Отсюда и многообразие красок и деталей поэтического пейзажа: и «бледная, легкая мгла», наполнившая ночной лес; и то, как «на поляне волчьи очи / зеленым светятся огнем», и как в морозном сентябре «дымы / Встают столбами на заре». Отсю­да — и живописная сила словесного рисунка, словно возрожда­ющего жизнь леса и его обитателей во всей ее достоверности:

Лес, белым светом залитой,
Своей застывшей красотой
Как будто смерть себе пророчит;
Сова и та молчит: сидит
Да тупо из ветвей глядит,
Порою дико захохочет,
Сорвется с шумом с высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядет на кусты
И смотрит круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонам, как в изумленьи¹²...

¹¹ Михайлов О.Н. Бунин-поэт // Бунин И.А. Избранное. Стихотво­ре­ния. Переводы. М.: Московский рабочий, 1977. С. 325.

¹² Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 190–191.

Бунин и сам сознавал эту особенность своего дара — остро-ту ощущения живого мира вокруг. В одной из бесед он прямо признавался: «Да, чувствую в себе всех предков своих ... и дальше, дальше чувствую свою связь со «зверем», со «зверями» — и нюх у меня, и глаза, и слух — на всё — не просто человеческий, а нутрянной — «звериный». Поэтому «по-звериному» люблю я жизнь. Все проявления ее — связан я с ней, с природой, с землей, со всем, что в ней, под ней, над ней»¹³.

И сама речь его украшена такими, рожденными этим лесным миром, словесными мазками, какие не встретишь, наверно, ни у Кольцова, ни у Никитина, какие возникают лишь за пределами традиционной поэтической речи: здесь и «подсед», и «зазимок», здесь осень «в горностаевом шугае». (Нельзя не вспомнить, что именно об этой остроте поэтического взгляда и слуха, о непривычном на фоне поэзии тех лет богатстве словаря бунинской поэзии писал Блок в статье «О лирике», в приводимом уже отзыве о книге «Листопад» и одноименном стихотворении: «Так знать и любить природу, как умеет Бунин, мало кто умеет. Благодаря этой любви поэт смотрит зорко и далеко, и красочные, и слуховые его впечатления богаты. Мир его — по преимуществу — мир зрительных и слуховых впечатлений и связанных с ними переживаний». И дальше, еще конкретнее: сравнивая бунинские «восточные» стихотворения и его же стихи, посвященные русской природе, Блок видит в последних «больше внутреннего богатства и раздумья. И язык его становится в этом цикле менее риторичным и более гибким: появляются такие конкретные и необходимые слова, как: застреха, омет, привада, шлях, верболозы, голубец, разлужье, извалы, ветряк, турман, сухмень»)¹⁴. Конечно, в этот ряд «необходимых слов» становятся и «зазимок», и «подсед», и «шугай» из «Листопада».

Обратим внимание и на другое — вся открывающаяся здесь многоцветная, богатейшая картина осеннего мира одухотворена, «схвачена» сквозным образом, рожденным не классической традицией, но пришедшим уже из иной поэтической эпохи, возникавшей на излете «золотого века» — образом «Осени».

¹³ Муравьева-Логинова Т.Д. Живое прошлое... С. 302.

¹⁴ Блок А.А. О лирике... С. 141, 143.

Именно так, с прописной буквы, ибо это имя феи (да простит автор «Листопада» за столь *небунинское* слово!) этого мира, хозяйки расписного терема, в который она вступает «тихою вдовой». Мы видим, как Осень предчувствует приход «долгого ненастья»; как жутко ей одной «в пустынной тишине ночной». Поэт повествует, как с приходом ненастья «Осень затаит глубоко / Всё, что она пережила / В немую ночь, и одиноко / Запрется в тереме своем». А потом и покинет его: «И в горностаевом шугае, / Умывши бледное лицо, / Последний день в лесу встречая, / Выходит Осень на крыльцо». И направит свой «одинокий путь» к югу, «И навсегда в пустом бору / Раскрытый терем свой оставит»¹⁵.

Здесь перед нами — уже легкое прикосновение к той самой «игре в магов», о которой с такой иронией писал позже Бунин, вспоминая своих «новых сотоварищей» по «Скорпиону». Здесь не слышны уже голоса Кольцова и Никитина, столь важные для Бунина прежде; здесь живет память о Фете (возможно, о его стихотворении «Осень»), о котором Бунин вспоминал, возражая символистам, утверждавшим, что «в восьмидесятые годы русская литература “зашла в тупик”, стала чахнуть, сереть, ничего не знала, кроме реализма, протокольного описывания действительности...». Отвечая на эти сетования, Бунин, среди прочего, задавался вопросом (который для него был риторическим): «Так ли уж реалистичны были печатавшиеся тогда “Вечерние огни” Фета, стихи Вл. Соловьева?»¹⁶.

И здесь возникает следующий вопрос: такой ли уж «последовательной и упорной», определявшей суть поэтики Бунина (как пишет об этом Ходасевич), была его «борьба с символизмом»? Не справедливее ли будет говорить не о борьбе, не о противостоянии «эпохе Блока и Белого» (как утверждал в своих, весьма субъективных, воспоминаниях В. Яновский), а об отсутствии у молодого тогда поэта какого-либо пиетета перед любыми литературными «полочками»? И о его полном неприятии декадентства как формы литературного жеманства?

¹⁵ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 191–192.

¹⁶ Бунин И.А. Записная книжка // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 321.

Ведь в той же первой поэтической книжке Бунина рядом с «Листопадом» — где зазвучали уже, как мы видели, новые ноты, говорящие о внимании к опыту новой русской поэзии — возникали и стихотворения безупречно традиционные, хранящие память о золотом веке («Нет солнца, но светлы пруды...», «В отъезжем поле», «Когда деревья в светлый майский день...», многие другие). И здесь же, рядом, буквально вслед за «Листопадом», в стихотворении «На распустье» открывается иной поэтический мир, уходящий в фольклорные глубины и своей сказочной символикой осеняющий всю дальнейшую судьбу поэта:

На распустье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит.

На распустье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.

Путь направо без коня оставит —
Побредешь один и сир и наг, —
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в неизвестных полях...»¹⁷.

Каждая подробность распахнувшегося на этом распустье мира символична: здесь времена соединяются, «тлеют кости в травах», жизнь и смерть идут рука об руку, а из «синей дали» доносится человеческий голос невидимого всадника, который кличет поэта, ищущего свой путь. И увенчана эта картина символом судьбы — фигурой сидящего на кресте ворона:

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...

¹⁷ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 193.

Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит.

1900¹⁸

Конечно, эти строки написаны уже не наследником Кольцова и Никитина. Каждая подробность открывающегося здесь поэтического мира говорит о его объемности, о приходе седой древности в день сегодняшней, о судьбе человека, увиденной на перекрестье времен. Не случайно здесь обращение к традиционнейшему сюжету русских сказок. Картина эта полна внутреннего драматизма, в ней живет предчувствие будущих грозных испытаний — и переживания героя ставят его вровень с персонажами тех древних историй. А символический образ «ворона чернокрылого», сидящего на кресте, напоминает о неминуемой судьбе, увиденной на пороге вечности. И если эта картина не становится «окном в бесконечность», о котором говорили и писали «сотоварищи» Бунина по «Скорпиону», то приоткрытым окном в народную историю и судьбу она стала.

Этот внутренний драматизм лирического переживания, неизменно живущее в душе и время от времени прорывающееся на поверхность стиха предчувствие близящихся катастроф давали знать о себе в поэзии Бунина, во многом определяя каждую деталь поэтического пейзажа. Само стихотворение может строиться у него самым традиционным образом, но в нем исподволь живет грозный голос времени. Вот стихотворение 1912 г. (почти накануне мировой войны):

Как дым пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что в ней был слышен голос Бога,
Великий, жуткий для земли
И внятнй не земному слуху,
А только внемлющему духу.

¹⁸ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 194.

Голос «внемлющего духа» живет в стихотворении, рождая образы, которые может разглядеть только деревенский житель (каким, собственно, Бунин и был¹⁹) и в которых звучала охватившая этот мир тревога: и рожь, плачущая падающим зерном («... рожь текла / Как бы крупинками стекла / В суглинок жаркий...»), и кричащие во ржи птенцы («Тонко, вяло / Серые крылья распустив, / Птенцы грачей во ржи кричали»). Все эти подробности как бы подготавливают завершающую стихотворение картину природы, замершей перед близящимся божьим испытанием:

Но в духоте песчаных нив
Терялся крик. И вырастали
На юге тучи. И листва
Ветлы, склоненной к их подножью,
Вся серебристой млела дрожью —
В грядущем страхе Божества.
*(«Как дым пожара, туча шла...»)*²⁰

И в дальнейшем своем развитии поэзия Бунина шла по двум руслам: в утверждении классической традиции русской реалистической лирики и в восприятии опыта новых, модернистских поэтических течений (с какой бы непримиримостью ни отвергал их Бунин). Нередко эти пути пересекались, как было в «Листопаде». Первый из этих путей был очевиден — он открывался во многих стихотворениях, где воспевался реальный окружающий мир, где во взаимодействии человека и мира преобладало второе начало:

Лес шумит невнятным, ровным шумом...
Лепет листьев клонит в сон и лень...
Петухи в далекой караулке
Распевают про весенний день.

Лес шумит невнятным, тихим шумом...
Хорошо и беззаботно мне

¹⁹ См.: Михайлов О.Н. Бунин-поэт... С. 326–327.

²⁰ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 92.

На траве, среди берез зеленых,
В тихой и безвестной стороне!
1900²¹

Подобных примеров можно привести много. На этом пути — который продолжался на протяжении всего творчества Бунина — поэт одинаково уверенно проявлял себя в разных жанрах: и в пейзажной зарисовке (как в только что процитированных строках), и в подробнейшем, изощренном в своей живописной силе описании живого мира вокруг — как было, скажем, в стихотворении 1912 г. «Ночная змея»:

<...>
Замедлит, чтоб преграду обойти,
Головку приподымет, водит жалом
Над мухомором, сморщенным и алым,
Глядит на пни, торчащие из ям,
И светит полусонным муравьям²².

На этом, первом пути было и поэтическое повествование, рассказ о жизни — примером тому «Одиночество» (1903), стихотворение о расставании с любовью, завершающееся знаменитыми строками, отмеченными так свойственной Бунину любовью к неожиданной «снайперской» детали:

Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить²³.

Была и высокая поэтическая риторика, как в не менее известном, вошедшем во все хрестоматии стихотворении 1915 г. «Слово» («Молчат гробницы, мумии и кости, — / Лишь слову жизнь дана...»²⁴).

²¹ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 199.

²² Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 84.

²³ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 272.

²⁴ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 107.

Что же касается второго пути, окрашенного соприкосновением с открытиями новой русской поэзии, то нередко он вырастал из первого. Порой это проявлялось в самом содержании лирического пейзажа, каждая деталь которого была «продолжена» неким многозначительным смыслом, выразившим, прежде всего, — как и утверждалось в эстетике символизма — движения души человека, ставшего центром этого мира:

Как дым, седая мгла мороза
Застыла в сумраке ночном.
Как привидение, береза
Стоит, серея, за окном.

Таинственно в углах стемнело,
Чуть светит печь, и чья-то тень
Над всем простерлася несмело, —
Грусть, провожающая день...

<...>

И в тишине, — такой угрюмой,
Как будто бледный призрак дня
С какою-то глубокой думой
Глядит сквозь сумрак на меня.

(«Сумерки». 1903)²⁵

Перенесемся вперед, к стихотворению «Семнадцатый год» — мы увидим, как в этом *символизме детали* лирического пейзажа живет нескрываемая глубокая тревога героя за судьбу родины:

Наполовину вырубленный лес,
Высокие дрожащие осины
И розовая облачность небес:
Ночной порой из сумрачной лощины
Въезжаю на отлогий косогор
И вижу заалевшие вершины,
С таинственной нежностью, в упор

²⁵ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 267–268.

Далеким озаренные пожаром.
 Остановясь, оглядываюсь: да,
 Пожар! Но где? Опять у нас, — недаром
 Вчера был сход! И крепко повода
 Натягиваю, слушая неясный,
 На дождь похожий, лепет в вышине,
 Такой дремотно-сладкий и бесстрастный
 К тому, что *там* и что так страшно мне.

27.06.1917²⁶

А двумя годами раньше Бунин пишет стихотворение «Аленушка», в котором живет ясное предчувствие приближающихся грозных событий. Уже в самом названии стихотворения очевидно обращение к близкому для поэта (вспомним «На распутье») жанру сказки. И начинается оно вполне традиционно: «Аленушка в лесу жила, / Аленушка смугла была...» и т. д. А дальше возникают удивительные строки, в которых сам жанр *сказки об Аленушке* пародийно преобразуется, воплощая в себе весь глубочайший скепсис поэта в отношении «народа-богоносца»:

Мала, мала Аленушка,
 А пьет с отцом — до донушка.

И рассказывается в этой новой антисказке о том, как пошла Аленушка «в леса гулять», как в лесах она «соскучилась, / Лесной жарой измучилась» и «зажгла <...> большой костер»:

Сожгла леса Аленушка
 На тыщу верст, до пенушка,
 И где сама девалася —
 Доныне не узналося!²⁷

Стоит обратить внимание на то, с какой силой и неотступностью в поэтическом слове Бунина в те годы жило это острое

²⁶ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 171. [В цитируемом издании стихотворение напечатано без заглавия].

²⁷ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 118.

ощущение близящихся тяжелых испытаний. Стихотворение «Аленушка» было написано 30 октября 1915 г., а накануне, 29 октября поэт пишет другую сказку — «Сказку о козе», где ни слова о грядущих потрясениях, но где каждая деталь развернутой поэтической картины, сам ритм, рваная мелодия поэтической фразы вопиет о предельно остром чувстве разразившейся катастрофы, где вырастает страшный лик рождающегося нового мира, настолько изломанный и жестокий, что ни о какой классической традиции здесь говорить не приходится, да и не всякий модернист решился бы на такое:

Это волчьи глаза или звезды — в стволах на краю перелеска?
Полночь, поздняя осень, мороз.
Голый дуб надо мной весь трепещет от звездного блеска,
Под ногою сухое хрустит серебро.

Затвердели, как камень, тропинки, за лето набитые.
Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней Коза!
Расцветают, горят на железном морозе несытые
Волчьи, Божьи глаза²⁸.

Возникающая картина обрамлена (в первой и последней строках) образами, задающими тон всему стихотворению. Традиционнейший в мировой поэзии образ звезд переосмыслен здесь самым неожиданным и радикальным образом. В русской поэзии были случаи — правда, гораздо позже, — когда образ звезд нес в себе откровенно угрожающий смысл (вспомним «Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама — это уже 1937 г.!). Но никогда еще (ни до, ни после) свет звезд не уравнивался с огнем волчьих глаз (это о первой строке стихотворения). И окончательное — и устрашающее — развитие этот образ получает в последних двух строках стихотворения, где горящие «на железном морозе» (опять — неожиданное и грозное определение!) волчьи глаза оказываются и глазами божьими (т.е. опять-таки звездами). А.К. Бабореко в своем комментарии к «Сказке о козе» упоминал, что в древности многие племена

²⁸ Там же. С. 116.

(в Египте, Халдее, греческие и др.) поклонялись Волчьему Зевсу, что в славянской мифологии св. Георгий был покровителем волчьей стаи. И заключает: «На этих верованиях и поэтических представлениях народа, по-видимому, основывается образное выражение «волчьи, божьи глаза»²⁹. Нельзя все же не заметить, как точно эти древние верования (если они были известны Бунину) «ложатся» на живущие в стихотворении приметы катастрофического сознания человека в момент исторических потрясений. И как настойчиво эти приметы происходящей катастрофы «прошиваются» все пространство «Сказки...»: здесь и «голый дуб», трепещущий, как тростинка, от жестокого блеска этих звезд (волчьих глаз), и не просто «поздняя осень», а «страшная сказка осенняя», и «железный мороз», и беззащитное одиночество Козы (России?) — вечного антипода и жертвы Волка в русских сказках³⁰. И, наконец, полное неприятия и ужаса определение «несытые» в кощунственных строках о «волчьих, божьих глазах». «Несытые волчьи, божьи глаза» смотрят на этот полночный мир как на свою жертву; Бог отвернулся от этой, закованной в железный мороз, земли и готов покарать ее. Коза и Волк, Россия и Господь становятся героями непримиримого противостояния в этой страшной осенней сказке.

[Заметка на полях:

Страшные образы, возникшие в бунинской «Сказке о козе», кажутся неожиданными даже на фоне русской поэзии того времени, несущей в себе, на разные голоса, чувство катастрофичности происходящего. Но прошло лет семь, и в стихотворении Анны Радловой, участницы группы эмоционалистов, возникает нечто очень похожее:

*Лечу зигзагами по небесному, черному
бездорожью,
Бездорожный волк бежит по черному снегу
яростным талым мартом,*

²⁹ См.: Бабореко А.К. Комментарий // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 616–617.

³⁰ См. «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева: Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 53–54, 60–61, 62.

Прямо в глаза мне глядят грозные глаза

Божьи,

А я обеими руками прижимаю к себе

Российскую, рваную, географическую карту.

(«Ангел песнопенья», 1922).

Поэтическую родословную Анны Радловой связывали с именами Ахматовой, Маяковского, Мандельштама. Вместе с тем трудно, читая эти строки, не задуматься и о том, что стихотворение Бунина жило в ее памяти, что образы бунинской «Сказки...» оказались родственны «подсознательному апокалипсису» ее поэтических видений (М. Кузмин) и проросли в ее «Ангеле песнопенья».]

И естественным продолжением этого сюжета становится стихотворение 1916 г., позже (с оглядкой на последующие события) названное — «Канун». Здесь возникает символическая картина России — разоренной усадьбы:

Хозяин умер, дом забит,
Цветет на стеклах купорос,
Сарай крапивою зарос,
Варок, давно пустой, раскрыт,
И по хлевам чадит навоз...
Жара, страда... Куда летит
Через усадьбу шальный пес?
<...>
Вот рожь горит, зерно течет,
Да кто же будет жать, вязать?
Вот дым валит, набат гудет,
Да кто ж решится заливать?
Вот встанет бесноватых рать
И, как Мамай, всю Русь пройдет...
Но пусто в мире — кто спасет?
Но Бога нет — кому карать?³¹

Здесь уже не место ни сказкам, ни предчувствиям; здесь катастрофа становится нормой и частью жизни, здесь «тишина

³¹ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 159–160.

так глубока, / Как будто в мире нет людей», а Бог покинул уже этот погибающий мир.

И завершается эта линия бунинской поэзии стихотворением «Мы сели у печки в прихожей...» (1917), где опять возникает символическая картина России — «заброшенного дома», где каждая деталь — и «угасший огонь» печки, и «утрюмо краснеющий» ее жар, и холод темной прихожей, и «могильная» синева глядящих в окно сумерек — говорит о смерти и запустении. А дальше звучит прямое признание поэта, в котором живет горькое осознание чуждости, враждебности этого, разверзшегося перед ним подобно могиле, нового мира:

Ночь — долгая, хмурая, волчья,
Кругом всё снега и снега,
А в доме лишь мы да иконы,
Да жуткая близость врага.

Презренного, дикого века
Свидетелем быть мне дано,
И в сердце моем так могильно,
Как мерзлое это окно³².

Эти завершающие строки поэта, осознавшего себя «свидетелем ... дикого века», выстраиваются в поэтической летописи России — если говорить о смысле этой лирической исповеди — следом за словами, сказанными Блоком в 1914 г.: «Мы дети страшных лет России...».

А после этих страшных признаний возникали стихи, им противостоящие. Поэт, в разгар разворачивавшейся на глазах катастрофы, как бы искал утешения, напоминал самому себе о вечных, нетленных ценностях, которые никем не могут быть нарушены. «Отдохни от дум...», «И забуду я все...» — эти слова с живущим в них желанием отстраниться от происходящего неизбежным рефреном звучат в стихотворениях 1918 г.: «В дачном кресле, ночью, на балконе...», в знаменитом «И цветы, и

³² Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 178.

шмели, и трава, и колосья...». В первом из них настойчиво звучат обращенные к себе вопросы о Боге: «Есть ли Тот, Кто этой дачи спящей / Сторожит покой?»; «Есть ли Тот, Кто должной мерой мерит / Наши знания, судьбы и года?». И поэт сам себе отвечает:

Если сердце хочет, если верит,
Значит — да.

То, что есть в тебе, ведь существует,
Вот ты дремлешь, и в глаза твои
Так любовно мягкий ветер дует —
Как же нет Любви?³³

В следующем же стихотворении герой (он же «блудный сын») слышит обращенный к нему из вышних пределов вопрос: «Был ли счастлив ты в жизни земной?» — и его невысказанный ответ переполнен любовью к этому миру:

И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав³⁴.

Заметим, однако, что этот поиск утешения и надежды, веры в божественную Любовь и милосердие посреди разразившегося хаоса утверждался здесь до известного предела — иначе это был бы не Бунин. Не случайно вслед за двумя, названными выше, стихотворениями возникает — уже в 1919 г. — третье, посвященное архистратигу Михаилу, «архангелу в сияющих латах / И с красным мечом из огня» (в стихотворении 1919 г. «Михаил»); вслед за словами о Божьем промысле и о красоте мира звучат другие, вызывающие «дух гнева, возмездия, кары!»³⁵.

³³ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 181.

³⁴ Там же. С. 181–182.

³⁵ Там же. С. 183.

* * *

А потом был пароход, уносивший Бунина с женой от одесских берегов во Францию, в вынужденное изгнание. С этим событием связана история двух стихотворений, написанных в разное время и представляющих собой продолжающийся во времени диалог Бунина с его «сотоварищами» по «Скорпиону», с миром русского символизма. Предчувствие дальнего пути жило уже в стихотворении, написанном двумя годами раньше:

Огонь, качаемый волной
В просторе темном океана...
Что мне до звездного тумана,
До млечной бездны надо мной!

Огонь, по прихоти волны
Вдали качаемый, печальный...
Что мне до неба, до хрустальной,
Огнями полной вышины!

24.09.1918³⁶

Уже тогда поэт видит себя на палубе «печального» парохода, затерянного «в просторе темном океана» — и в сравнении с этой суровой реальностью, с этой горькой судьбой изгнанника любая высшая реальность, к постижению которой призывали символисты, любая мистическая глубина, открывающаяся за порогом повседневности, представляются ему, на фоне происходящей трагедии, не заслуживающими внимания. И все же в самих образах, завершающих каждую из двух строф стихотворения, живет не столько горькая ирония, сколько подспудное признание того, что и «звездный туман», и «млечная бездна», развершаяся над героем, существуют. В самой, отвергаемой здесь, картине «хрустальной, огнями полной вышины» слышно затаенное любованье.

А 13 июля 1918 г. Бунин пишет стихотворение «Ночной путь»:

³⁶ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 183.

Стой со сжатыми скулами:
Как чугун, тяжелы,
Ходят жадно, акулами
Под тобою валы.

Правь рукою железною:
Из-за шатких снастей
Небо высится звездное
В грозной славе своей³⁷.

Обратим внимание на последние строки — теперь, когда «ночной путь» через океан действительно предстоит поэту, звездное небо представляется ему уже не как живущая в декадентских мечтаниях «млечная бездна» над головой, но как открывающаяся грозная красота огромного, неизвестно что сулящего, мира. Здесь поэтические пути Бунина, с его репутацией неизменного оппонента модернистским течениям, последовательного (вспомним слова Ходасевича) борца с русским символизмом, пересекаются и с путями модернистов: с поэзией того же В. Ходасевича, осуществлявшего свой литературный путь «на перекрестке двух дорог» между символизмом и акмеизмом и писавшего о «мире, горящем звездной славой» («Звезды», 1925); и одного из лидеров акмеизма, О. Мандельштама, создававшего свой грозный образ небес: «Небо, как палица, грозное...» («Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...», 1931).

Путь в изгнание был сопряжен с острым чувством потери, ясным осознанием того, что нет свободы вдали от родины — об этом сказано в одном из первых стихотворений, опубликованных в эмиграции:

Канарейка

На родине она зеленая...

Брэм

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она

³⁷ Там же. С. 259.

Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь, — как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!

10.05.1921³⁸

Острое чувство непоправимой беды, чувство *бездомности* живет теперь во многих бунинских стихотворениях, часто определяя их смысл и тон:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестьясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

25.06.1922³⁹

Заметим, что это знаменитое стихотворение не только восходит, как известно, к евангельскому тексту («Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову» — Лк 9:58), но и прямо пересекается с опытом русского символизма — повторяет восходящие к тому же источнику образы, возникавшие в «Старинных октавах» Д. Мережковского (1906) («У волка есть нора, у птиц жилища! / Лишь у тебя, служитель “красоты”, / Нет на земле родного пепелища»), в стихотворении г. Чулкова «Бреду опять, безнорый зверь...» (1905), в стихотворении М. Волошина «Изгнанники, скитальцы и поэты» (1918).

³⁸ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 185.

³⁹ Там же. С. 186.

Не случайно, конечно, возникает здесь обращение к евангельскому тексту — во многих стихотворениях Бунина эмигрантской поры живет чувство человека на краю вечности. Судьба изгнанника нередко воспринимается поэтом в параметрах библейской истории — об этом он прямо пишет в стихотворении «Изгнание»:

Темнеют, свищут сумерки в пустыне.
Поля и океан...
Кто утолит в пустыне, на чужбине
Боль крестных ран?
Гляжу вперед, на черное Распятье
Среди дорог —
И простирает скорбные объятия
Почивший Бог.

Бретань, 1920⁴⁰

Отсюда и соответствующий пласт произведений, таких, как «Потерянный рай», «Вход в Иерусалим», «Из книги пророка Исаии» и т. д. Отсюда же — и появление настойчиво повторяющегося образа *могилы*. Вот в стихотворении «Сириус» (1922) слышится мотив, который станет с тех пор почти традиционным у Бунина:

Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моей могилою,
Забытой Богом навсегда!⁴¹

А следующее же стихотворение начинается строками:

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила <...>?⁴²

⁴⁰ Там же. С. 262.

⁴¹ Там же. С. 188.

⁴² Там же.

Подобные примеры, путь к которым тянется из 1917 г. (вспомним: «И в сердце моем так могильно...»), можно продолжать. Порой эти мотивы, соединяясь с евангельскими образами, определяют весь художественный строй стихотворения:

Высокие нездешние цветы
В густой траве росли на тех могилах,
И небеса в бесчисленных светилах
На них смотрели с высоты.

И дивная Венера, как луна,
Нам бледно озаряла руки, лица —
И моря гробовая плащаница
Была черна, недвижна и черна⁴³.

Образ могилы, с неизбежностью возникающий теперь в стихотворениях Бунина, становится порой средоточием, кульминацией возникающей поэтической картины:

И снова ночь, и снова под луной
Степной обрыв, пустынный и волнистый,
И у побережья тускло-золотистый
Печальный блеск, играющий с волной,
И снова там, куда течет, струится,
Всё ширясь, золотая полоса,
Где под луной так ясны небеса,
Могильный холм из сумрака круглится⁴⁴.

Возвращаясь же к стихотворению «У птицы есть гнездо...», проникнутому горькой памятью об уходе «с отцовского двора», заметим, что образ родного дома, усадьбы, неотделимый от образа родины, возникает и в других бунинских стихотворениях эмигрантского периода. Вот Бунин цитирует строки из старой своей тетради:

⁴³ Там же. С. 257.

⁴⁴ Там же. С. 263.

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...»

И тут же следует горький поэтический комментарий:

— Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью Бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!⁴⁵

Даже когда эта горечь, тоска об утраченном навсегда мире не выражена Буниным прямо, она как бы разлита в самой картине этого мира, предстающей в стихотворении:

Уж ветер шарит по полю пустому,
Уж завернули холода,
И как отраднó на сердце, когда
Идешь к своей усадьбе, к дому.
<...>
Как хорошо помедлить на пороге,
Под этим солнцем золотым
И усмехнуться радостям былым
Без сожаленья и тревоги!⁴⁶

Звучащая здесь ностальгическая нота звучит камертоном над всей эмигрантской поэзией Бунина. Это не означает, конечно, что мотивы тоски, горечи определяют все в поэтическом мире Бунина в годы изгнания. В его поэзии и теперь живет та же зоркость взгляда, которой в свое время восхищался Блок, то же «нутряное», «звериное» чутье, выраженные в редком по словесной пластике живописании словом, — как в стихотворении «Пантера» (1922):

⁴⁵ Там же. С. 194–195.

⁴⁶ Там же. С. 268.

Черна, как копь, где солнце, где алмаз.
Брезгливый взгляд полузакрытых глаз
Томится, пьян, мерцает то угрозой,
То роковой и неотступной грезой.

Томят, пьянят короткие круги
Размеренно-неслышные шаги, —
Вот в царственном презрении ложится
И вновь в себя, в свой жаркий сон глядится.
<...>⁴⁷

Обратим внимание — здесь, помимо прочего, появляются образы, по смысловой, эстетической своей природе близкие тому, что возникало на модернистском берегу русской поэзии. От этой картины родственные нити протягиваются, с одной стороны, к поэтике акмеизма с его живописующей силой, с изысканностью поэтического рисунка, к экзотике Гумилева. Кроме того, очевидна здесь и идущая из символизма черта — снятие каких бы то ни было временных, пространственных границ в пределах образа, осуществляемое, чтобы «вместить в образы мгновенных переживаний всю историю мира»⁴⁸. В этом смысле «жаркий сон» пантеры, живущая в ее полузакрытых глазах «роковая и неотступная греза», где возникают образы «черных копий» и «жгучих солнц», близки тому, что открывается в стихотворении Вяч. Иванова «Кот-ворожей» (1927): здесь та же магия взгляда («два суженных зрачка — два темных обелиска, / Рассекших золото пылающего диска...»), тот же колдовской сон, но уносящий не в дальние земли (как у Бунина), а в далекие времена фараонов. Родственность этих образов — это уже не случайное совпадение, но внутренняя близость художественных принципов творчества. Вполне характерны здесь и черты, разделяющие эти две поэтические картины: если в стихотворении поэта-символиста подобный образ служит основой для воссоздания теургического действия, то Бунин, прибегая к сходным

⁴⁷ Там же. С. 192.

⁴⁸ Минц З. Символ у Блока // В мире Блока. М.: Советский писатель, 1981. С. 179.

моментам поэтики, «снимает» с них ореол мистики, возвышая до уровня таинства чувственную конкретность образа.

И по-прежнему в поэтическом мире Бунина главенствует пейзаж; и, как и в былые годы, в каждой детали пейзажной зарисовки открывается драма человеческой души. Порой этот дар достигает новых высот, поражая новым поэтическим открытием:

В гелиотроповом свете молний летучих
В небесах раскрывались дымные тучи.
На косогоре далеком — призрак дубравы,
В мокром лугу перед домом — белые травы.

Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полночного дома
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.

30.08.1922⁴⁹

Опять перед нами «мир зрительных и слуховых впечатлений и связанных с ними переживаний», о котором писал Блок, размышляя о поэзии Бунина. Удивительно, с какой точностью и внутренней свободой воплощены эти впечатления в движении бунинского стиха, рваный, изломанный ритм которого совпадает со своевольным рисунком разрывающих небо «молний летучих»; а зрительные и цветовые образы — и «гелиотроповый свет молний», и пронизанные, озаренные этим светом дымные клубы туч, и ослепленные им «белые травы», и ставшая прозрачной линия далекого леса, — создают эффект мгновенного фотографического снимка, где вспышка совпадает с ударом молнии, озаряющим и преображающим все вокруг. И соединяется все это с образами звуковыми: с грохотом ливня, свергающегося на крышу дома; с «металлически страшным» криком испуганных гусей.

Перед нами не просто пейзажная зарисовка — здесь возникает пронизанный молниями образ далекой родины, русской

⁴⁹ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 192.

усадыбы. Уж очень по-русски звучат и «дубрава», и «косогор»; и полный «дикой печали» крик обезумевших от страха гусей обнажает тот внутренний нерв, на котором держится вся эта поэтическая картина, воскрешающая символический образ попавшего под грозу далекого, полночного — и покинутого теперь — родного дома.

Важно и другое. Открывающаяся здесь картина явно противоречит представлениям о традиционалистском «фундаментализме» Бунина. Рваный синтаксис поэтической речи, неровные, ломаные, изощренные ритмы восходят не столько к «линии Майкова и Полонского», сколько к стиховым открытиям символизма. Обратим внимание и на то, что перед нами здесь — образец пейзажной лирики, в которой, как утверждал Ходасевич, Бунин хочет быть лишь «созерцателем. Он благоговейно отходит в сторону, прилагая все усилия к тому, чтобы воспроизвести боготворимую им действительность наиболее объективно. Он пуще всего боится как-нибудь ненароком «пересоздать» ее». Это наблюдение приводит Ходасевича к выводу о том, что в пейзажной лирике Бунина «для личности художника места не остается», что «из своей лирики Бунин изгнал сильнейший фермент лиризма»⁵⁰. В связи с этим обратим внимание на необычайную точность и, в то же время, крайнюю экспрессивность эпитетов, в которых очевидно присутствие именно личности поэта: это он замечает, что блеск молний гелиотропового цвета, что от вспышек молний тучи дымятся, а травы кажутся белыми, что крик гусей «металлически страшен». Неожиданная динамика некоторых образов здесь подчеркивает именно индивидуальное восприятие поэтом происходящего: тучи не просто висят или плывут и т. п., а «раскрываются», не молнии озаряют тьму, а мрак топит их; само сочетание «металлически страшный» (о крике гусей) говорит о явно личностном восприятии. Сплав в пределах одного образа реалистически достоверной (предметной и психологической) картины мира с элементами поэтики модернизма говорит о выходе поэзии Бунина на пространства неореалистического творчества.

⁵⁰ Ходасевич Владислав. О поэзии Бунина // Колеблемый треножник. М.: Советский писатель, 1991. С. 549.

И, наконец, одно из последних стихотворений — «Ночь» (1952), где каждая строка говорит об одиночестве:

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только Он мою
Мертвую печаль,
То, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.⁵¹

«Только я да Бог» — это чувство человека, оставшегося наедине с Богом и только ему открывающего свою «мертвую печаль», живет в эмигрантском творчестве Бунина, объединяя поэзию и прозу (две стихии, которые сам Бунин никогда не разделял). Задолго до этого стихотворения, в 1944 г. был написан рассказ «Мистраль», где живут те же чувства, слышна та же интонация одинокого сердца, обращенного к Богу: «Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» / «Вот Ты дал мне дни как пяди, и век мой как ничто пред Тобою»⁵². Эти, открывающие рассказ, слова из псалмов Давида (вслед за которыми в том же 41-ом псалме идет сокровенное: «Унывает во мне душа моя...», «Уповай на Бога») как бы исподволь прорастают в поэтический мир «Ночи», не выходя на «поверхность» строки, но во многом определяя его смысл: «Знает только Он мою / Мертвую печаль. / То, что я от всех таю...».

Таковыми путями шла поэзия Бунина в годы эмиграции. В эту пору, как известно, слава Бунина-прозаика часто затмевала по-

⁵¹ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 196.

⁵² Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент., подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. С. 550.

этические его взлеты; для многих в зарубежье он был, прежде всего, автором «Жизни Арсеньева», «Темных аллей», других прозаических произведений. Да и реже теперь стало звучать его поэтическое слово. (Об этом в свое время точно сказал О.Н. Михайлов, заметивший, что вдали от родины «живительный источник впечатлений резко сократился: за рубежом Бунин написал всего несколько десятков стихотворений»⁵³). И все же не забудем, что именно тогда, в разговоре с юной русской художницей, им были сказаны слова о своем поэтическом предназначении: «Я главным образом поэт...». И что при этом никогда не разделял он литературное творчество на прозу и поэзию; что в прозаических его вещах, к которым вполне применимы слова Гоголя о Лермонтове — «благоуханная проза» — в полной мере живет поэтическая сила его художественного слова. И что рядом с лучшими страницами бунинской прозы по праву звучат в нашем сознании его стихотворения, в том числе и созданные в изгнании.

И, вспоминая словесную «перестрелку» Бунина и П. Ставрова, воспоминания В. Яновского, скажем и о другом событии в истории русского литературного Парижа. В 1961 г. скончался Владимир Смоленский, один из лучших поэтов молодого поколения первой «волны» эмиграции, автор знаменитых «Стансов», всегда собиравший массу народа на своих поэтических вечерах. Умирал он долго и трудно, от рака горла. Когда все свершилось, собравшиеся, родные и друзья, увидели рядом с его кроватью открытый томик стихов Бунина — книгу, которую он выбрал напоследок, перед окончательным своим путешествием⁵⁴.

Список литературы

Блок А.А. О лирике // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5. С. 130–159.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. 635 с.

Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014.

⁵³ Михайлов О.Н. Бунин-поэт // И.А. Бунин. Избранное. Стихотворения. Переводы. М.: Московский рабочий, 1977. С. 331.

⁵⁴ Померанцев К. Сквозь смерть. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1986. С. 42.

- Милиц З.* Символ у Блока // В мире Блока. М.: Советский писатель, 1981. С. 172–209.
- Михайлов О.Н.* Бунин-поэт // Бунин И. Избранное. (Стихотворения. Переводы). М.: Московский рабочий, 1977. С. 323–332.
- Михайлов О.Н.* Поэзия И.А. Бунина // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 567–575.
- Муравьева-Логинова Т.Д.* Живое прошлое // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 331–340.
- Померанцев К.* Сквозь смерть. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1986. 193 с.
- Твардовский А.* О Бунине // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 5–42.
- Ходасевич Владислав.* Колеблемый треножник. М.: Советский писатель, 1991. 684 с.
- Яновский В.С.* Поля Елисейские. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 277 с.

ПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА 1920–1923 гг.

© 2022 г. Д.Д. Николаев

Аннотация: В статье проводится анализ поэтики творчества Бунина первых лет эмиграции. Предметом изучения являются все произведения писателя, созданные в 1920–1923 гг.: художественная проза, поэзия и публицистика. Первые публикации произведений в газетах, журналах и сборниках рассматриваются в общественно-политическом и историко-литературном контексте. Центральным в публицистике Бунина становится образ писателя, и как публицист Бунин спорит в первую очередь с публицистическими выступлениями писателей. Значительную роль в творчестве Бунина в 1920–1923 гг. играет полемика с Горьким, которую он ведет как в публицистических, так и в художественных произведениях. Важным элементом поэтики Бунина является интертекстуальность. Использование этого приема в первые годы эмиграции связано как с особенностями мироощущения автора, вынужденного покинуть Россию, так и со спецификой читательской аудитории. Практически не обращаясь к непосредственному изображению жизни Советской России и эмиграции в художественном творчестве начала 1920-х гг., Бунин находит иные формы отражения послереволюционного мироощущения русского человека.

Ключевые слова: Бунин, поэтика, публицистика, текстология, Горький, эмиграция, русский Париж.

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>. E-mail: ddnikolaev@mail.ru.

Для цитирования: Николаев Д.Д. Поэтика творчества И.А. Бунина 1920–1923 гг. // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 683–767. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-683-767>

POETICS OF THE WORK OF I.A. BUNIN, 1920–1923

© 2022. Dmitry D. Nikolaev

Abstract: The article analyses the poetics of Bunin's work of the first years of emigration. The subject of study is all the works of the writer created in 1920–1923: short stories, poetry and journalism. The first publications of works in newspapers, magazines and collections are considered in the socio-political and historical-literary context. The image of the writer becomes central to Bunin's journalism and how the publicist Bunin argues primarily with the journalistic performances of writers. A significant role in the work of Bunin in 1920–1923 plays a controversy with Gorky, which he leads in both journalistic and fiction works. An important element of Bunin's poetics is intertextuality. The use of this element in the first years of emigration is associated both with the peculiarities of the author's world feeling, forced to leave Russia, and with the specifics of the readership. Practically without turning to the direct depiction of the life of Soviet Russia and emigration in his fiction of the early twenties, Bunin finds other forms of reflection of the post-revolutionary world perception of Russian man.

Keywords: Bunin, poetics, journalism, textology, Gorky, emigration, Russian Paris.

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>. E-mail: ddnikolaev@mail.ru.

For citation: Nikolaev, D.D. "Poetics of the Work of I.A. Bunin, 1920–1923." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 683–767. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-683-767>

Творчество 1920–1923 гг. занимает особое место в наследии И.А. Бунина. Это период, когда писатель уже покинул родину, но еще не знал, что не вернется обратно до конца жизни. Эмигрантский статус еще не был окончательно зафиксирован: Бунин, как и большинство других беженцев, надеялся на скорое падение большевиков и на возвращение домой.

В советской России в эти годы и в несколько последующих лет по-прежнему печатали произведения писателей, оказав-

шихся в эмиграции, в том числе и Бунина. Критики рассматривали их творчество как часть общего литературного процесса: изданные за рубежом газеты, журналы и книги, разумеется, не попадали в продажу, но все же оказывались в поле зрения специалистов.

В СССР Бунина продолжали называть одним из крупнейших современных русских писателей и в 1920-е, и в 1930-е гг., причем фундаментальные обзоры и учебники попадал анализ не только дореволюционных его произведений, но и тех, что были созданы в эмиграции, некоторые из них были доступны и самой широкой аудитории. Так, в 1926 г. издательство «Книжные новинки» в Ленинграде выпустило повесть Бунина «Митина любовь»¹.

В вышедшем в 1927 г. четвертом издании «Очерков истории новейшей русской литературы» В.М. Евгеньев-Максимов выделил специальный раздел в главе о художественной прозе после Октября, который озаглавил «Писатели-зарубежники — И. Бунин, Б. Зайцев, Мережковский, И. Шмелев и др.». В этом разделе от общих критических замечаний Евгеньев-Максимов переходил именно к творчеству Бунина как наиболее яркого прозаика эмиграции:

«Прежде всего, несколько слов о писателях, эмигрировавших за границу и там продолжающих свою литературную деятельность. Творческие силы некоторых из них еще не истощены, но творчество их развивается по особому руслу, которое определено как их социальными корнями, так и политической платформой, платформой людей, активно ли, пассивно ли, но враждебных послеоктябрьской России. Если одной из отличительных черт создаваемых ими литературных произведений (и это лучшие их произведения) является безотрадный взгляд на жизнь, в которой все обречено-де смерти и разрушению, и стремление уйти от этой жизни “в века загадочно былые”, то другой ее отличительной чертой надо признать постоянные, нередко очень вульгарные и почти всегда лишённые объективности выпады против того нового, что принесла с собой Октябрьская Революция.

¹ Бунин И.А. Митина любовь. Л.: Книжные новинки, 1926.

Сильнейший из художников зарубежной России И.А. Бунин идет, преимущественно, по первому пути. Его крупное художественно-реалистическое, еще до революции оформившееся в таких произведениях, как «Деревня», «Суходол», «Господин из Сан-Франциско», дарование, его отточенный обостренно-индивидуалистический стиль не изменили ему и теперь. Бунин, за время своего пребывания в эмиграции, написал довольно много рассказов (напр., «Косцы», «Безумный художник», «Сказка о Емеле», «В ночном мире». «Огонь (так. — Д. Н.) пожирающий» и «Несрочная весна») и несколько повестей. Из последнего, бесспорно, лучшими и безотносительно выдающимися в художественном отношении являются напечатанные в XXV, XXVI и XXVII книгах издающегося в Париже эмигрантского журнала «Современные записки» (при ближайшем участии видных деятелей партии социалистов-революционеров И.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка и В.В. Руднева) — повести «Митина любовь» и «Дело корнета Елагина»².

Как мы видим, Евгеньев-Максимов перечислял целый ряд произведений, созданных Буниным в начале 1920-х гг., но пристальное его внимание привлекали написанные позже «Митина любовь» и «Дело корнета Елагина», на которых он останавливался в своей книге подробнее.

Подобное отношение к творчеству Бунина первых лет эмиграции в целом сохранилось и после того, как в СССР во второй половине XX в. произошло «возвращение» Бунина и его произведения, созданные в эмиграции, стали предметом научного исследования. Произведения 1920–1923 гг., как правило, либо вообще исключались из изучения, либо рассматривались вскользь.

Необходимо отметить, что уже в 1960-е гг. советские литературоведы спорили с тем, что за рубежом произошла «довременная и неизбежная убыль его творческой силы», что «само его литературное имя понесло известный моральный ущерб и подернулось ряской забвения, хотя жил он еще долго и писал много»³.

² *Евгеньев-Максимов В.* Очерки истории новейшей русской литературы / изд. 4-е. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 255.

³ *Бунин И.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 1. С. 11.

Так, А. Волков отмечал: «Совершенно верно, что написанное Буниным под влиянием непонимания того, что происходит на покинутой им родине, ненависти к новому социальному строю не делает ему чести ни как писателю, ни как человеку, но отсюда еще очень далеко до утверждения, что творческие возможности писателя потерпели в эмиграции непоправимый урон»⁴.

Однако, анализируя затем произведения Бунина, созданные в эмиграции, Волков, как и Евгеньев-Максимов, сразу обращался к повестям «Митина любовь» и «Дело корнета Елагина», игнорируя творчество первых лет эмиграции. «Некоторые рассказы, написанные в самом начале двадцатых годов», без какой-либо конкретизации, упоминаются в его книге лишь раз — в связи с утверждением о том, что — за исключением этих рассказов и «Жизни Арсеньева» — «в творчестве Бунина последних десятилетий повествование становится более строгим и экономичным»⁵.

Одна из причин данного «пропуска» в том, что произведения 1920–1923 гг. опровергают базовый тезис Волкова, который художественные достоинства произведений Бунина эмигрантского периода объяснял преимущественно связью писателя с Россией прошлого, утверждая, что «идейное и духовное падение писателя понятно и объяснимо». С точки зрения Волкова, «в крупнейших своих произведениях эмигрантского периода Бунин как бы отходил от злобы дня и находил гармонию в прошлом, продолжая разрабатывать свои основные темы»⁶. Произведения первых лет эмиграции не соответствуют этому утверждению, показывают, какая трансформация происходит и в творчестве Бунина в целом, и в его отношении к прошлому, как заново идет поиск «основных тем» и новых к ним подходов. Вторая причина — тесная связь в бунинском творчестве начала 1920-х гг. художественной прозы, поэзии и публицистики, которая не позволяла исследователям обойти резкие высказывания Бунина о большевиках, советской России, Горьком и т. п.

⁴ Волков А. Проза Ивана Бунина. М.: Московский рабочий, 1969. С. 282.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Там же. С. 283.

Показательно, что точка зрения, отраженная в монографии Волкова, практически совпадает с позицией Г.П. Струве, утверждавшего в книге «Русская литература в изгнании»: «В первые годы эмиграции Бунин, как сказано, писал мало. <...> Творческое оскудение Бунина могло быть связано с переполнявшей его ненавистью к революционному опаскушению России — это чувство как бы вытесняло все остальные»⁷. По мнению Струве, лишь с 1924 г. к Бунину возвращается его художественный дар: «Почти вся художественная проза, созданная И.А. Буниным начиная с 1924 года, принадлежит к вершинным его достижениям»⁸.

И в эмиграции, и в СССР исследователи фактически повторяли некоторые критические оценки, появлявшиеся в эмигрантской и советской прессе в первой половине 1920-х гг. Но они игнорировали тот факт, что негативные оценки звучали из уст идеологических противников Бунина и появлялись на страницах периодических изданий, ведущих ожесточенную полемику с газетами, в которых в начале 1920-х гг. преимущественно сотрудничал Бунин.

«Умный и чуткий художник, он как будто ослеп, кинувшись в политику, — писал И.М. Василевский о Буине. — Поправление — это раньше всего злоба и ненависть. А ненависть и злоба — всегда бесплодны. <...> Книг издается, правда, много, но А.И. Куприн издает всю ту же свою “Суламифь”, И. Бунин все прежнего “Господина из Сан-Франциско” — книги, написанные давным-давно. “Когда поэт и пророк начинает лгать, Бог карает его бессилием — таков закон вечной справедливости”, — сказано в только что опубликованном посмертном письме Леонида Андреева Н. Рериху.

Русская литература за рубежом — молчит. Надо ли помнить о том, что творится по ту сторону рубежа? <...> Все надежды остались целиком на плечах писателей, оказавшихся за рубежом.

⁷ Струве Г. Русская литература в изгнании / 2-е изд. Париж, 1984. С. 82.

⁸ Там же. С. 246.

И когда эпидемия поправения заливает их злобой и ненавистью и делает их творчески-бессильными и безнадежными — это воистину страшно»⁹.

Впрочем, позиция И.М. Василевского объяснялась не только идеологическими причинами, но и тем, что на рубеже 1920-х гг. ни Бунин, ни Куприн, ни другие «молчащие» писатели за рубежом просто не могли работать так, как они работали до революции. Статья «Бесплодие» была опубликована 1 апреля 1921 г. К этому времени в печати, действительно, не появилось еще ни одного художественного произведения Бунина, созданного в эмиграции. Но объяснялось это прежде всего «бытовыми» причинами. Во Франции в 1920–1921 гг. не было «дореволюционных» условий ни для творчества, ни для публикаций. Когда Василевский пишет, что книг издается много, он лукавит. На самом деле, русское книгоиздательское дело за рубежом в 1920 г. только начинает формироваться. Еще хуже дела обстоят с периодикой: естественно, и речи не идет о том, чтобы за границей было возможно воссоздать ту развитую и многогранную систему периодических изданий, которая существовала в России до революции и позволяла писателям разных взглядов и разного уровня дарования публиковаться, а издателям — оплачивать публикацию художественных произведений и удовлетворять вкусы разных читательских групп.

Полемически-обличительной редакционной установкой «Последних новостей» объясняется и утверждение Василевского: «Русская литература за рубежом — молчит». Василевский прекрасно понимает, что оно заведомо не соответствует истине, поскольку одним из наиболее примечательных русских литературных явлений 1920 г. являлась парижская газета «Свободные мысли», редактором которой был... И.М. Василевский (подробнее о ней см. ниже).

В начале 1920 г. многие русские писатели, и Бунин в том числе, значительное внимание уделяли публицистике, но они ни в коем случае не молчали. И те публицистические статьи и

⁹ *Василевский И.* Бесплодие: литературные настроения // Последние новости. 1921. 1 апреля. № 291. С. 2.

заметки, в которых идеологические противники Бунина хотели видеть свидетельство творческого «оскудения», для раздвигавших его взгляды являлись, напротив, проявлением лучших черт русского писателя, встающего своим словом на защиту униженных, обездоленных, изгнанных и убиенных, на защиту родины.

Брошенные Василевским в адрес Бунина и других писателей упреки в «бесплодии» не раз впоследствии повторялись не только в критике, но и в литературоведении. Между тем, в 1921 г. Бунин пишет такие художественные произведения, как «Темир-Аксак-Хан», «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», «Безумный художник», «Косцы», «Полуночная зарница», «Преображение» и др. Все они в собрании сочинений издательства «Петрополис» датированы автором 1921 г., и каждое из них опровергает мнение о творческом «бесплодии».

В 1922 г. газета «Слово» проводила анкету «Русская литература за рубежом». Отвечая на вопрос: «Кто сейчас является наиболее крупным писателем зарубежной России?», многие отдавали пальму первенства именно Бунину.

«На грани гениальности и величайшего постижения — конечно, только один Бунин, — утверждал Дон-Аминадо (А. Шполянский). — За Бунина нам простится многое. Это еще двадцать лет назад понял Чехов». С ним соглашался И.Д. Сургучев: «Наиболее крупным писателем зарубежной России является, по-моему, И. Бунин». Профессор Н.М. Могилянский «наиболее крупными по силе художественного дарования и значения» считал И.А. Бунина и А.И. Куприна, добавляя при этом, что Бунин ближе ему по духу и настроению¹⁰.

М.А. Алданов, утверждавший, что «знаменитейшими из русских писателей бесспорно являются в настоящее время Бунин, Куприн и Мережковский», призывал выставить их совместную кандидатуру на соискание ближайшей Нобелевской премии. «Присуждение им последней было бы понято и как знак уважения Европы к изгнанной русской литературе, — заявлял Алданов. — Такая кандидатура встретила бы, наверное, сочувствие французских литературных кругов (тем более, что последние

¹⁰ Слово. 1922. 10 июля. № 3. С. 2.

две премии Нобеля были присуждены французам). Успех названных мною писателей все растет во Франции: мне, напр., доподлинно известно, что Ром. Роллан (сам Нобелевский лауреат) чрезвычайно высоко ставит талант И.А. Бунина. Думаю, что и немецкие литературные круги, тоже очень влиятельные в Стокгольме, вероятно, отнеслись бы сочувственно к русской кандидатуре»¹¹.

Ошибочность утверждения Струве была отмечена нами в опубликованной в 1995 г. статье «Проза И. Бунина первой половины 1920-х годов»¹², где рассказы 1920–1923 гг. впервые рассматривались в комплексе. В 2001 г. вышло научное издание художественной прозы, поэзии и публицистики Бунина этого периода¹³, в котором тексты печатались не по собранию сочинений «Петрополиса» и послевоенным изданиям, а по первым публикациям в периодике и сборнику «Ночь отречения», что позволяло читателям увидеть произведения такими, какими они воспринимались в первой половине 1920-х гг.

Анализ отдельных произведений или групп произведений, созданных в начале 1920-х гг., предпринимался затем неоднократно различными исследователями — и в статьях, и в диссертационных работах, посвященных тем или иным аспектам творчества писателя, однако объемной комплексной работы, посвященной изучению поэтики художественной прозы, поэзии и публицистики выделенного периода, до сих пор не существует. Разумеется, данная статья не претендует на исчерпывающий разбор произведений. Нашей задачей является выделение ряда наиболее значимых особенностей творчества писателя 1920–1923 гг.

Бунины отплывают из Одессы 26 января 1920 г. и затем через Софию и Белград добираются до Парижа. Французский пери-

¹¹ Слово. 1922. 17 июля. № 4. С. 2.

¹² Николаев Д.Д. Проза И. Бунина первой половины 1920-х годов // И.А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 151–167.

¹³ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения / общ. ред., сост., вступит. статья, коммент., подгот. текстов Д.Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001.

од жизни писателя начинается 28 марта 1920 г. Сам Бунин отсчет своей эмигрантской жизни вел с начала февраля, отмечая в очерке «Гегель, фрак, метель»: «<...> стали, наконец (в начале февраля 1920 года), эмигрантами»¹⁴.

Два месяца между Одессой и Парижем определили многое и в жизни Бунина и в его творчестве. И дело было не только в том, что он, как и другие беженцы, болезненно переживал трагедию расставания с Родиной. Тяжелейшее впечатление на Бунина произвело безразличное пренебрежение недавних союзников, «цивилизованных» европейских народов, которые стремились не столько помочь русским беженцам, сколько оградить себя от них. 12 марта 1923 г. Бунин опубликовал в парижской газете «Звено» рассказ о том, как эвакуировались из Одессы, под названием «Гибель» (№ 6. С. 2–3). Текст был представлен как фрагмент задуманного писателем большого произведения, на что указывал авторский подзаголовок: «Из повести». Повесть Бунин так и не написал: новая редакция «Гибели» печаталась затем в книге «Роза Иерихона» и в восьмом томе собрания сочинений (Берлин: Петрополис, 1935) под названием «Конец» уже без подзаголовка. Однако само стремление Бунина создать повесть о том, что происходило в январе-марте 1920 г., значимо.

Отзвуки переживаний этих месяцев мы находим и в других произведениях начала 1920-х гг. Бунин почти ничего не написал о недолгом периоде своего пребывания в Константинополе, который ему и Вере Николаевне, в отличие от большинства русских беженцев, удалось достаточно быстро покинуть благодаря помощи Михаила Осиповича и Марии Самойловны Цетлиных, доставших французские визы и деньги на дорогу. И все же в «Записной книжке», опубликованной в газете «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс) 2 апреля 1921 г. (№ 74. С. 2–3), он восклицает, вспоминая о привычках английских колонистов:

«Мог ли я тогда думать, что благодаря “завоеваниям великой российской революции” будут ходить эти палки и по русским головам, как уже не раз они ходили, например, в ан-

¹⁴ Бунин И.А. Окаянные дни: Воспоминания. Статьи / сост., подг. текста, пред. и комм. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1990. С. 320.

глийских пропускных бюро в Константинополе!»¹⁵. Прибыв в Париж, Бунины поселились у Цетлиных и были вынуждены долгое время заниматься решением бытовых проблем. Лишь в июле им удалось подобрать временное жилье — в доме на rue Raynouard, где жили также семьи А.Н. Толстого и К.Д. Бальмонта, а в сентябре Бунины нашли квартиру в доме № 1 на rue Jacques Offenbach.

Русских весной 1920 г. в Париже было еще не очень много, но и находившееся уже там беженцы, и интересующаяся происходящим в России французская аудитория ждали от Бунина публичных высказываний. И 3 мая 1920 г. газета «Последние новости», которая в первый год своего существования еще не была тесно связана с бывшими кадетами во главе с П.Н. Милюковым, сообщила о предстоящей лекции Бунина¹⁶.

В заметке «Лекция академика Бунина», напечатанной в день выступления, 12 мая, говорилось:

«Сегодня в 8 час веч. в “Salle de societies Savantes” недавно приехавший из России академик Иван Алексеевич Бунин прочтет лекцию о русской революции и один из новых рассказов. Лекция вызывает оживленный интерес среди членов русской колонии. Как нам сообщают, лекция И.А. Бунина будет переведена на французский язык»¹⁷.

Позицию Бунина хотели узнать люди разных взглядов, но далеко не все были готовы принять его суждения. Эмигранты по-разному смотрели на пути борьбы с большевиками, на истоки большевизма. И в отчете о вечере корреспондент и редакция «Последних новостей» предпочли не излагать высказанные Буниным мысли, дважды при этом обратив внимание на их спорность. «Художественная проза, как назвал лектор свое чтение, была облечена такой мастерской формой, присущей Бунину, что невольно захватывала слушателей и не разделяющих взглядов автора, — сообщалось в заметке. — Как бы ни относиться к этим взглядам, во всяком случае, в ясном чеканном языке Бунина, в каждом слове с неподдельной страстностью,

¹⁵ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 107.

¹⁶ Последние новости. 1920. 3 мая. № 5. С. 2.

¹⁷ Последние новости. 1920. 12 мая. № 13. С. 1.

проникнутой временами излишней желчью и гордостью, сквозила жгучая боль за Россию и любовь к родине»¹⁸.

Для писателя естественно было бы выступить с программным заявлением в печати, однако в итоге первое публичное выступление Бунина в Париже оказалось устным. Ситуация с русскими периодическими изданиями в Париже на тот момент фактически не позволяла Бунину печататься в периодике. В Париже издавалось две газеты — «Общее дело» и «Последние новости». Первая на тот момент являлась по существу газетой одного автора — тесно связанного прежде с революционным движением В.Л. Бурцева. «Старо-новый, или ново-старый, эмигрант, всем известный Бурцев, всю жизнь ловивший провокаторов и шпионов, разоблачивший в свое время Азефа, попробовавший всех, кажется, тюрем сам: от каторжной тюрьмы в Лондоне — до Петропавловской крепости в Петербурге, при большевиках»¹⁹, — так писала о нем Зинаида Гиппиус. Бурцев уже выпускал во Франции газету под названием «Общее дело» («La Cause Commune») на русском и французском языках) в те годы, когда он в эмиграции боролся с царским правительством, и, вновь оказавшись во Франции, он 17 сентября 1918 г. возобновил ее. Однако у Бурцева не хватало средств на ежедневное издание: газета выходила раз в неделю, и редактор самостоятельно заполнял материалами практически весь номер.

При этом, несмотря на революционное прошлое Бурцева, «Общее дело» было правее, чем газета «Последние новости», редакционные установки которой также не вполне соответствовали позиции Бунина. Хотя Бунин и согласился возглавить Союз русских писателей и журналистов, главным инициатором создания которого был редактор «Последних новостей» М.Л. Гольдштейн, его взгляды все же не соответствовали позиции редакции.

Первое выступление Бунина в Париже показало разрозненность русской эмиграции, и именно поэтому большую

¹⁸ Лекция И.А. Бунина // Последние новости. 1920. 14 мая. № 15. С. 3.

¹⁹ Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания / сост., пред. и комм. Е.Я. Курганова. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 2. С. 346.

часть своего времени в 1920 г. он уделяет организационной деятельности. Бунин стремится, пользуясь своим авторитетом, объединить писателей и журналистов, тех, кто, в свою очередь, может затем способствовать единению эмиграции. Он председательствует на собраниях поэтов — первого, «неформального», русского писательского объединения во Франции, принимает активное участие в деятельности Комитета помощи литераторам и ученым, в создании Союза русских литераторов и журналистов в Париже. В качестве делегата от Союза русских литераторов и журналистов в Париже Бунин должен был участвовать и в организационном собрании Русского Общественного Комитета в Париже.

Поддержка Бунина оказывается крайне важной для новых издательств и периодических изданий, которые создаются русскими во Франции. Одним из таких проектов являлось издательско-книготорговое предприятие «Север» и его журнал «Зеленая палочка». В «Библиотеке журнала “Зеленая палочка”», наряду с книгами А.Н. Толстого («Необыкновенные приключения Никиты Рощина»), А.И. Куприна («Рассказы для детей»), А.А. Яблоновского («Рассказы для детей»), вышло в 1921 г. восьмое издание «Песни о Гайавате» г. Лонгфелло в переводе И.А. Бунина. Не оставались без внимания И.А. Бунина и другие начинания издательства: в статье 1921 г. «Дым без отечества» он приветствовал появление выпущенных «Севером» книг Дон-Аминадо и А. Ветлугина (В.И. Рындзюна), хотя о даровании последнего отозвался и не слишком доброжелательно.

Другим парижским издательством, в создании которого участвовал Бунин, была «Русская земля». (О деятельности этого издательства и об издании книг, составленных из дореволюционных произведений Бунина, в других центрах русского рассеяния в начале 1920-х гг. см. подробнее в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании).

Бунин сотрудничал и с организованным в Париже в ноябре 1920 г. издательским отделом «Объединения российских земцев и городских деятелей за границей». Земгор использовал технические возможности издательства «Русская земля», во главе которого стоял Т.И. Полнер. Предполагалось, что Земгор вы-

пустит серию произведений русских классиков под редакцией И.А. Бунина. «Им в настоящее время закончено редактирование произведений Пушкина, Лермонтова и Гоголя, к печатанию которых будет приступлено в ближайшее время», — сообщали «Последние новости» 13 ноября 1920 г.²⁰ Десятитомный проект так и не удалось осуществить, но первая книга серии — «Русские писатели: Д.И. Фонвизин. Бригадир; В.В. Капнист. Ябеда; А.С. Грибоедов. Горе от ума» — была выпущена в 1921 г.

Земгор принимал участие и в издании подготовленного Комитетом помощи литераторам и ученым Русского литературно-художественного сборника, более известного как «Русский сборник». В книгу, помимо рассказа Бунина «Сны Чанга» и его стихотворения «Москва» («Снег и темень, предрассветный...»), вошли произведения Л.Н. Андреева, И.С. Шмелева, А.И. Куприна, М.А. Алданова, Д.С. Мережковского, А.Н. Толстого, Н.А. Тэффи, З.Н. Гиппиус, А.М. Черного и др.

Итак, прибыв в Париж в марте 1920 г., Бунин практически сразу становится ключевой фигурой русской литературы за границей. Русская эмиграция стремится использовать Бунина как человека, способного своим авторитетом объединить спорящих, а то и враждующих между собой политических противников большевиков, и как писателя, к голосу которого прислушивается «международная общественность», чьи слова, направленные против большевиков, невозможно игнорировать.

Бунин, несмотря на резкость многих его высказываний, воспринимается как едва ли не единственный из русских писателей, кто может исполнить подобное предназначение: из-за его активной антибольшевистской позиции и из-за того, что за годы гражданской войны он не связал себя с какой-либо определенной политической группой, как это произошло, например, с Д.С. Мережковским, который был в то время тесно связан с властями Польши.

Тем не менее, активно занимаясь организационной и издательской деятельностью, Бунин до осени 1920 г. фактически не

²⁰ Русское издательское дело в Париже // Последние новости. 1920. 13 ноября. № 172. С. 3–4.

публиковался ни в одном из русских эмигрантских периодических изданий. Его публицистические выступления в эмигрантской периодике появляются лишь спустя почти полгода.

Ситуация изменилась, после того как «Общее дело» стало получать финансирование от правительства Врангеля. Первая публикация Бунина в газете датируется 24 сентября 1920 г. — и помещает ее редакция на первой странице прямо под объявлением о том, что с начала октября «Общее дело» будет выходить ежедневно, не исключая понедельников и послепраздничных дней.

Эти два небольших по объему текста — редакционное объявление и очерк Бунина «О Горьком» — являются и композиционным, и смысловым центром номера, своеобразным сигналом того, что «Общее дело» становится по-настоящему общим делом.

В октябре 1920 г. Бурцеву, действительно, удалось благодаря полученной существенной финансовой поддержке превратить «Общее дело» в ежедневное издание и расширить круг сотрудников газеты. 15 октября 1920 г. в обращении «К нашим читателям» редакция объявляла, что «Общее дело» — внепартийный демократический орган и внепартийность эта «диктуется жизненной необходимостью»:

«С одной стороны, переживания России за последние три года привели к полному развалу всех наших политических партий — не только под давлением большевистского террора, но прежде всего ввиду того, что социальные отношения, психологические особенности и реальные силы сильно изменились на Руси. А с другой стороны — и это для нас самое важное — Россия в смертельной опасности. Для спасения родины необходимо объединение всех русских граждан, которым дороги интересы страны, которые понимают, что прежде всего необходимо побороть большевистскую власть. Вот почему нашим основным лозунгом будет *единение всех государственно-строительных элементов*. <...> Мы будем бороться лишь с большевизмом справа и слева, ибо тот и другой приводят к окончательному развалу России».

Трансформация в ежедневное издание была связана с превращением «Общего дела» из газеты Бурцева в печатный орган, способный выполнять объединяющую роль или, по крайней мере, претендовать на нее. Рядом с редакционным обращени-

ем в газете впервые печатается большой список сотрудников, среди которых значится Бунин. Из девяти публицистических очерков Бунина, опубликованных в парижской эмигрантской прессе за четыре последних месяца 1920 г., восемь появились на страницах «Общего дела». Там же Бунин выступил с программным заявлением, отвечая на анкету «Общего дела», опубликованную 7 ноября²¹.

Название первого написанного и опубликованного в эмиграции публицистического выступления Бунина — «О Горьком» — символично. Бунин-публицист ожесточенно спорит в первую очередь именно с публицистическими выступлениями писателей-«большевиков» или «полубольшевиков», если воспользоваться терминологией, принятой на страницах «Общего дела». К полубольшевикам редактор-издатель Владимир Бурцев в своих статьях относил всех, кто так или иначе выступал в защиту большевиков или, по крайней мере, предлагал какую-либо форму сотрудничества с ними, хотя бы и в гуманитарной сфере.

Центральным в публицистике Бунина начала 1920-х гг. является образ писателя. Это и образ автора, ведущего словом ожесточенную борьбу с теми, кого он считает предателями родины и русской культуры, и образы писателей, согласившихся служить большевикам или просто готовых так или иначе поддерживать их, образы «новых советских писателей» и образы писателей уже умерших, к жизни и творчеству которых обращается Бунин. Бунин-публицист подчеркнуто выступает как писатель, а не как общественный деятель — в отличие от упомянутого выше Мережковского.

Если мы составим список писателей — русских и зарубежных, упоминающихся или процитированных в публицистике Бунина разных лет, то он будет весьма внушительным, но в первых своих статьях и очерках, написанных в эмиграции, Бунин сосредоточивает внимание на одной, центральной фигуре, бьет преимущественно в одну цель.

Главной мишенью публицистических выступлений самого значительного писателя русского зарубежья (а Бунин, без сомнения, считает себя таковым, да и большая часть русской

²¹ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 80–82.

эмиграции с ним в этом солидарна) становится крупнейший писатель из числа тех, кто, по мнению Бунина, поддерживает большевиков, — Максим Горький. Серьезное внимание уделяет Бунин и полемике с Гербертом Уэллсом: это связано с той ролью, которую английский писатель играет осенью 1920 г. в ситуации возможного признания международным сообществом новых властителей России, а также с ролью Англии в мировой политике в отношении России в целом.

Ключевой в публицистике 1920 г. становится определившаяся в первом же очерке задача противостояния разрушительной, с точки зрения Бунина, агитации Максима Горького в пользу большевиков. Говоря в программной статье об агонии большевизма, редакция «Общего дела» выдавала желаемое за действительное. В целом ситуация в 1920 г. складывалась в пользу большевиков. Опубликовано 7 мая в «Известиях» письмо генерала А.А. Брусилова, призывающее русских офицеров и генералов вступать в ряды Красной армии, переговоры Л.Б. Красина в Лондоне с правительством Ллойд Джорджа показали, что отношение к советской власти меняется и в России, и в Европе. Большевики успешно реализовывали свои пропагандистские цели, утверждая, что власть коммунистов — власть народная и национальная, прилагающая силы к восстановлению государственности. И важную роль в пропагандистской кампании 1920 г. — вольно или невольно — играл Горький.

Статьи, письма, обращения Горького перепечатывались и широко обсуждались в Европе, а его очерк «Владимир Ильич Ленин», опубликованный 20 июля в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 12. Стб. 1927–1936) и 27 июля в газете «Петроградская правда» (№ 164. С. 2), оказал на ход гражданской войны воздействие, сопоставимое с знаменитым «Брусиловским призывом». Брусилов заставил значительную часть русского офицерства по-новому увидеть происходящее в России, Горький так же влиял на европейских политиков и европейскую общественность.

Бунин видел свою миссию в том, чтобы противодействовать Горькому, крупнейшему русскому писателю, поддержавшему власть большевиков. В очерке «О Горьком» Бунин напоминал, что тот недавно «разарился новой хвалой Ленину», однако в

своим тексте обращался к другим выступлениям Горького, показывая, как писатель противоречит сам себе. Бунин опровергал Горького словами самого Горького, «сталкивая» между собой фрагменты из его очерка «Вчера и сегодня», напечатанного в мае 1919 г. в первом номере журнала «Коммунистический Интернационал», из речи, произнесенной в Москве в Юридическом обществе в день празднования 50-летия судебных уставов 20 ноября 1914 г., на котором присутствовал и Бунин, и из статьи в газете «Новая жизнь» от 7 (20) февраля 1918 г. Отмечая, что в «Коммунистическом Интернационале» Горький писал о «планетарном значении тех деяний, кои совершаются русскими честнейшими революционерами», Бунин напоминал, как тот же Горький утверждал, что это — «компания авантюристов, которые ради собственных интересов готовы на самое постыдное предательство родины, революции и пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых!»²².

Статья Бунина строится на цитатах, но он не стремится к точности, выдвигая на первый план задачу обличения позиции Горького, а не верного ее изложения. Приводя фрагменты из Горького, Бунин подчас искажает смысл конкретных высказываний, чтобы подчеркнуть общую противоречивость горьковских взглядов. Две статьи Горького объединяются в интерпретации Бунина в одну. О «планетарном» значении происходящих в России событий Горький писал в статье «Советская Россия и народы мира». Статья Горького в «Новой жизни» при этом цитируется с купюрами, а фрагмент статьи «Вчера и сегодня» («Еще вчера мир считал русских мужиков полудикарями, а ныне идут они к победе за III-м Интернационалом, идут пламенно и мужественно — и каждый должен признать планетарное значение тех деяний, кои совершаются русскими честнейшими революционерами: их честное сердце не колеблется, честная мысль чужда соблазну уступок, честная рука не устанет работать...») в оригинале вообще выглядят иначе:

«Впереди народов идут на решительный бой за торжество справедливости бойцы наиболее неопытные и слабые — русские

²² Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 62.

люди, люди страны отсталой экономически и культурно, люди, измученные своим прошлым более других. Еще вчера весь мир считал их полудикарями, а сегодня они, почти умирая с голода, идут к победе или на смерть пламенно и мужественно, как старые, привычные бойцы. <...> Каждый честный человек должен признать всемирное значение тех деяний, которые совершаются честнейшими революционерами России. <...> Честное сердце — не колеблется, честная мысль чужда соблазну уступок, честная рука не устанет работать, пока бьется сердце, — русский рабочий верит, что его братья по духу не дадут задушить революцию в России, не позволят воскреснуть всему, что смертельно ранено и издыхает, исчезает, исчезнет, — если великие задачи сегодня будут поняты революционной мыслью Европы»²³.

В финальном абзаце очерка Бунин подчеркнута противопоставляет себя Горькому: «Думаю, что эту маленькую справку о Лениных и о “брюхе” (мне за нее в стране “планетарных деяний” вырезали бы язык!) стоит прочесть и французам»²⁴. Нужно обратить внимание на то, кому адресуется в заключительных словах текст. Небольшой очерк «О Горьком» можно рассматривать как своего рода сигнал, которым Бунин дает понять, что вступает в борьбу с большевистской и пробольшевистской пропагандой, что обращается он не только к русским, но и к зарубежной аудитории, и что как писатель он ставит перед собою задачу дать ответ в первую очередь именно писателям, поддерживающим большевиков.

На следующий день после публикации очерка «О Горьком» Бунин завершает открытое письмо редактору газеты «Таймс» «Суп из человеческих пальцев» — оно датировано 25-м сентября 1920 г. Это единственное произведение Бунина, опубликованное в 1920 г. не в «Общем деле», а в другом парижском эмигрантском издании — упоминавшейся выше газете «Свободные мысли»²⁵.

²³ Горький М. Вчера и сегодня // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. Май. С. 29–30.

²⁴ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 62.

²⁵ Свободные мысли. 1920. 27 сентября. № 2. С. 2.

В 1907–1908 гг. «Свободные мысли» И.М. Василевского (Не-Буквы) пользовались большой популярностью в России, являясь одним из первых успешных «понедельников», т.е. изданий, выходивших раз в неделю, по понедельникам, когда многие других газеты «отдыхали». В газете сотрудничали А.Т. Аверченко, П.Д. Боборыкин, А.Н. Будищев, А.А. Измайлов, Н.А. Тэффи, П.М. Пильский, О.И. Дымов, Д.С. Мережковский, С. Горный, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, А.С. Рославлев, К.И. Чуковский, Скиталец, Саша Черный и др. Затем Василевский несколько раз возрождал свое предприятие, в том числе и во Франции, где находились некоторые писатели, сотрудничавшие в прежней, петербургской газете.

В первом номере «Свободных мыслей», вышедшем в Париже 20 сентября 1920 г., были напечатаны произведения Аверченко, Тэффи, Куприна, Дон-Аминадо, Л. Галича, Н.М. Минского, К.Д. Бальмонта, А.М. Дроздова и др. А через неделю, во втором номере, Василевский опубликовал «письмо» Бунина. Об истории этого кратковременного сотрудничества Бунин вспоминал в апреле 1921 г. в очерке «Из записной книжки»:

«Василевский <...> допек меня такой изнурительно-настойчивой просьбой (и лично, и через А.И. Куприна, и через А.П. Шполянского), дать что-нибудь для “Свободных мыслей”, что я уступил и дал ему “Открытое письмо к редактору газеты Times о супе из чело[веческих] пальцев”. Тогда Василевский чуть не на коленях благодарил меня за это, выражал свое восхищение не только в словах, но даже в столах, в хватании себя за голову: “Изумительное, потрясающее письмо!”»²⁶.

Если в первом публицистическом выступлении Бунина в «Общем деле» было всего восемь небольших абзацев, то «Суп из человеческих пальцев: Открытое письмо к редактору газеты “Таймс” Ив.А. Бунина» занимает в «Свободных мыслях» почти половину второй — «литературной» — полосы.

На этот раз Бунин делает акцент на том, что он выступает именно как писатель — русский писатель. Правда, в самом начале «открытого письма» речь идет о двух других писателях — русском и английском — Горьком и Уэллсе. «Господин редактор, до

²⁶ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 111.

сведения моего дошло, что русский писатель Горький обратился к английскому писателю Уэллсу с престранным письмом — о супе из человеческих пальцев», — пишет Бунин, приводя затем (вновь с искажениями) текст горьковского письма²⁷. Письмо это Горький поместил в том же номере журнала «Коммунистический Интернационал», что и очерк «Владимир Ильич Ленин»²⁸, а 14 августа 1920 г. его (за исключением фрагмента о Ленине) перепечатала парижская газета «Последние новости» (№ 94. С. 3).

Продолжая полемику с Горьким, Бунин обращает внимание редактора «Таймс» и, соответственно, всех читателей на слова, формулировки, определения, которые использует Горький. «Допустим, — пишет Бунин, — что все эти слухи о людоедстве только “травля России” со стороны “буржуазных хищников”, стремящихся Россию “задушить”, в то время как соратники Горького так горячо пекутся о ней и любят “травить” только русских “буржуев”, русских интеллигентов, русских мужиков и рабочих, не приемлющих коммунизма, русских священнослужителей, русских помещиков, русских домовладельцев и вообще всяких “контрреволюционеров и саботажников”, убивая их десятками тысяч и всячески зверствуя над ними в “чрезвычайках” <...>. Допустим, — говорю, — вздорность слухов о пальцах и китайцах: как, тем не менее, нравятся вам эти горьковские “еще” и “все-таки”?»²⁹.

Возмущение Бунина вызывает тон письма Горького, убеждающего европейцев, что «русские еще не дошли до каннибализма». «Какая в каждой строке этого письма серьезность, широта взглядов, просвещенность! — саркастически восклицает Бунин. — И вообще все так веско, внушительно, сурово и в то же время снисходительно, звучит то басом угрозы, то октавой нежности, — “поверьте, дорогой Уэллс!” — то скромным напоминанием о своей мощи, — “не думаю, чтобы Европе удалось задушить нас, не забывайте об Азии!” — то мудрой объективностью: “я не закрываю глаза на отрицательные явления...”».

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ Горький М. Письмо к Уэллсу. Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. С. 2208–2209.

²⁹ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отечения. С. 65.

А главное — какое утешение всему человечеству! В русских супах *еще* не плавают человеческие пальцы <...>³⁰.

Бунин спорит не только с Горьким. Он использует публичное выступление Горького в борьбе против большевиков. По мнению Бунина, само стремление Горького уличить английскую газету во лжи является свидетельством того, что подобное в «горьковской России» (Бунин несколько раз дает стране такое определение) возможно: заведомо неправдоподобную ложь не стоило бы и опровергать: «К позору всего этого человечества, известный русский писатель совершенно серьезно принужден доказывать, что на пространстве большевистского опытного поля, именуемого советской Россией, люди *“все-таки еще не дошли”* до пожирания себе подобных!»³¹.

Бунин не отказывает Горькому в праве именоваться русским писателем, но названная по имени писателя страна большевиков, «горьковская Россия», подчеркнуто противопоставляется подлинной России. Эту Россию можно было бы именовать «Бунинской», но такое определение в статье не используется: Бунин подчеркивает, что выражает не только свою точку зрения. На смену местоимению «я», которое Бунин использовал в очерке «О Горьком», приходит «мы». Бунин обвиняет большевиков и Горького и от имени других русских писателей — умерших, погибших или изгнанных из России. Он вспоминает статью Леонида Андреева «S.O.S.», опубликованную, в частности, Бурцевым в «Общем деле» 24 марта 1919 г., которая затем многократно перепечатывалась в эмиграции и была переведена на многие иностранные языки:

«Еще крепче повторяю я, г. редактор, самое главное, самое страшное: да, да, мы, прочие русские писатели, тщетно кричавшие всему христианскому миру устами покойного Андреева: “Спасите наши души!” — мы, погибающие в эмиграции в несказанной муке за Россию, превращенную в необъятное Лобное Место, каменеющие в столбняке перед всем тем, чем горьковская Россия ужаснула и опозорила все человечество,

³⁰ Там же. С. 64.

³¹ Там же. С. 65.

мы, бежавшие из этой прекрасной страны, не будучи в силах вынести вида ее крови, грязи, лжи, хамства, низости, не желая бесплодно погибнуть от лап русской черни, подонков русского народа, поднятых на неслыханные злодеяния и мерзости соратниками Горького, мы, трижды несчастные, с ужасом принуждены свидетельствовать, что совсем, совсем не так твердо уверены в том, в чем будто бы так уверен Горький»³².

В то же время Бунин подчеркивает свое право и право других русских писателей, не принявших большевиков, говорить от имени России: «Мне, тоже русскому писателю, и Божией милостью не последнему сыну своей родины, не менее Горького знающему и любящему ее, письмо это все-таки не импонирует и делает некоторую крупную неловкость перед “дорогим Уэллсом”»³³.

Открытое письмо превращается в обвинительное заключение, и Горький занимает место на скамье подсудимых. В одном ряду с Буниным стоят «прочие русские писатели», а рядом с Горьким оказываются «новые “советские” писатели, эти поистине сказочные сверхнегодяи», которые пишут, обращаясь к Богоматери: «Ах, зачем ты не сделала аборт!»³⁴.

Обратим внимание на то, что Бунин не называет здесь имен и, отсылая к одному конкретному произведению, тем не менее, использует обобщение «новые “советские” писатели». Затем к столь возмущившим его словам из поэмы Анатолия Мариенгофа «Магдалина», включенной в сборник «Явь»: «Кричу: “Мария, Мария, кого вынашивала! — / Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..” / Зато теперь: на распеленутой земле нашей / Только Я — человек горд»³⁵, Бунин будет еще возвращаться не раз, используя ту же характеристику и прямо называя Мариенгофа: «Мариенгоф сверхнегодяй — это ему принадлежит, например, одна такая строчка о Богоматери, гнуснее которой не было на земле

³² Там же. С. 65–66.

³³ Там же. С. 64.

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ Явь. М., 1919. С. 21.

никогда»³⁶; «Мариенгоф был пройдоха не меньше его, был величайший негодяй, это им была написана однажды такая строчка о Богоматери, гнусней которой невозможно выдумать, по гнусности равная только тому, что написал о Ней однажды Бабель»³⁷.

Дважды выступив против Горького, Бунин затем почти месяц не печатается. Следующий его очерк — «Красный гимн» — газета «Общее дело» помещает 24 октября 1920 г. (№ 101. С. 2). В этом произведении автор уступает место рассказчику: происходящее в России показывается глазами русского офицера, побывавшего в свое время в плену у Петлюры. Соответственно, в очерке нет и противопоставления писателя обличающего и писателя обличаемого, но от самого публицистического приема — резкого противопоставления прежнего и нынешнего — Бунин не отказывается. Столкновение это по-прежнему связано с текстами, только сравниваются в данном случае революционные гимны: «Марсельеза», «Интернационал» и новый «красный гимн», в роли которого, с точки зрения рассказчика и автора, должен выступать популярный городской романс: «Наберу я товарищей смелых // И разграблю я сто городов, // Раздобуду казны, самоцветов — // И отдам его все за любовь...»³⁸.

Чужой текст, причем текст враждебный, становится источником отталкивания и в очерке «Пресловутая свинья», опубликованном в «Общем деле» 30 октября 1920 г. (№ 107. С. 2). Бунин комментирует публикации в «красных газетах», «случайно попавших в Париж через Гельсингфорс». «Пресловутая свинья» также во многом построена на цитатах, которые сопоставляются и комментируются автором. Писатель выступает в роли «нравственного камертона», а дополнением к петербург-

³⁶ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / ред. О.Н. Михайлов; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1998. С. 257.

³⁷ Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990. С. 178.

³⁸ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 69–70.

ской (Бунин называет ее именно так) «Правде» за июль и август 1920 г. становятся «клички дневника», который Бунин «воровски вел» в 1919 г. в большевистской Одессе и в котором содержится большое количество выписок из советских газет:

«Трудно представить себе более скудный и паскудный графарет. Все тот же осточертевший жаргон, все та же яростная долбня трех-четырёх мыслишек, все та же заборная грубость, все та же напыщенность самого низшего разбора, самый “высокий стиль” рядом с самой площадной бранью, все те же вопли, восклицательные знаки, аншлаги аршинными буквами, все та же превосходящая всякую меру наглость в лживости, которой пропитано буквально каждое слово, каждый призыв, каждый “лозунг”, каждое сообщение, все та же разнузданная до тошноты хвастливость, все та же видимость бешеной деятельности, все та же страшная в своей маниакальности и в своей неукротимой энергии обезьяна, остервенело, с пеной у рта катающая чурбан, — и все та же гнусная и жуткая действительность, явствующая в каждой газетной строке и чуть не в каждом заголовке!»³⁹

В публицистике Бунина тексты, повествующие о советской действительности и прославляющие ее, сами становятся ее отражением. Бунин характеризует не только содержание, но и форму высказываний — их грубость, напыщенность, лживость, хвастливость, крикливость и пр.

От общих оценок советских газет Бунин переходит к Горькому, излагая содержание первой статьи Горького из его цикла «Беседы о труде», который печатался в «Красной газете» и в газете «Петроградская правда» 10 и 13 июля 1920 г. Отдельные положения этих статей приводила 30 июля 1920 г. газета «Последние новости» в заметке «Горький критикует» (№ 81. С. 3):

«А среди всего этого, из глубины этого балагана, раздается от времени до времени наигранно-медлительный, то спокойно поучающий, то сурово распекающий бас Горького. Ведь нужно же ему показать, что он, невзирая на все свои хвалы “рабоче-

³⁹ Там же. С. 73.

крестьянской” России и ее властям, “не закрывает глаза на отрицательные явления”»⁴⁰.

1 ноября 1920 г. Василевский печатает в газете «Свободные мысли» фельетон «Эмигрантская злость», в котором неожиданно выступает в защиту Горького. Бунин в фельетоне не называется, но зато обличаются другие оппоненты Горького — Э. Гримм, чья статья появилась в софийской «России», Л. Галич, выступивший в «Последних новостях», Д. Философов, печатавшийся в варшавской «Свободе», и даже А. Куприн, хотя его статья «Коммунизм, представленный сволочью» была опубликована самим Василевским в «Свободных мыслях». «Теперь он этим письмом, напечатанным в его же собственной газете, столь же безмерно возмущается... Нужны ли “комментарии” к такой мелкой низости?» — замечал по этому поводу Бунин в апреле 1921 г.⁴¹

В том же номере газеты, где появился фельетон «Эмигрантская злость», был напечатан очерк Бор. Соколова «Беседа с М. Горьким». Эта «беседа» упоминается в постскрипуме к статье Бунина «Многогранность», опубликованной в «Общем деле» 5 ноября 1920 г. Статья Бунина является непосредственным откликом на перепечатанное рядом эмигрантских изданий адресованное Ленину письмо Горького в защиту русских ученых и русской интеллигенции. Бунин отвечает не только Горькому, но и тем, кто защищал его:

«Знаю, это ужасно скучно, что я опять о нем. Но что же делать? Влияние его очень велико, волею судеб — он очень известный русский человек, и вспомните, скольких сбил с толку его открытый переход к большевикам, его двухлетний и горячий труд плечом к плечу с “Владимиром Ильичом”, с Петерсом, с Дзержинским, его акафисты советской власти! <...> После того — сколько раз разевала рты почтенная публика благодаря Горькому! О, он хорошо знает нашу зыбкость и силу путания следов! Он знает, что значит к черту отшвырнуть все меры, все границы обычного, среднего: средний человек, привыкший к мере, непременно ошалеет, непременно растеряется»⁴².

⁴⁰ Там же. С. 74.

⁴¹ Там же. С. 111.

⁴² Там же. С. 77.

Бунин использует тот же публицистический прием, что и прежде: он «сталкивает» новейшие высказывания Горького с его бывшими суждениями. Разительные перемены в настроениях Горького Бунин связывает не с «многогранностью» писателя, к которому надо подходить с особой меркой, а с изменением политической ситуации. Когда кажется, что советская власть вот-вот рухнет, — Горький тут же стремится отмежеваться от коммунистов, когда положение большевиков упрочивается — Горький готов петь им хвалу:

«И теперь уже сам черт не разберет, что он думает и исповедует: то русские мужики и рабочие — “дикари, хвостуны и лодыри”, то они — “пламенные борцы”... То советская власть творит дивное, планетарное дело, то: “Я с белыми, а не с вами — мне, я вижу, не по пути с такими разбойниками... Раз вы избиваете мозг России, русскую интеллигенцию — до свидания, имею честь кланяться!”»⁴³.

Еще одним писателем, позиция которого вызывает у Бунина возмущение, является Уэллс. Пока Уэллс выступает в роли адресата писем Горького, Бунин ограничивается саркастическими выпадами в адрес английского писателя, указывая на то, что его, как и многих других, используют в целях большевистской пропаганды. Это и повторяющееся рефреном в «Супе из человеческих пальцев» горьковское обращение «дорогой Уэллс», и характеристика Уэллса как «любителя всего фантастического и странного»⁴⁴, и деперсонализация Уэллса, использование фамилии Уэллс как универсального обозначения зарубежных адресатов Горького, которое становится устойчивым приемом, повторяясь в «Супе из человеческих пальцев» («невзирая на все его послания к Уэллсам»⁴⁵ и в «Пресловутой свинье»: «Так вещает Горький. И, слушая такие речи, всякий Уэллс должен понять, сколь мудр и объективен он»⁴⁶).

Однако после того как Уэллс выступает в защиту большевиков от своего имени, Бунин вступает с ним в прямую

⁴³ Там же. С. 78.

⁴⁴ Там же. С. 65.

⁴⁵ Там же. С. 66.

⁴⁶ Там же. С. 75.

полемику. Поездка в Советскую Россию Уэллса, воспользовавшегося приглашением Л. Каменева, полученным во время их встречи в Лондоне в сентябре 1920 г., привлекла внимание многих европейцев⁴⁷. Они получили возможность узнать о жизни страны, где властвовали большевики, не из информационных сводок, полемических статей и газетных передовиц, не из выступлений политиков и то ли подлинных, то ли сфабрикованных в редакциях газет писем из Москвы и Петрограда, а из уст одного из самых авторитетных писателей в мире, чьему слову верили, чье творчество являлось выражением мечты о всеобщем счастье, гармонии и процветании. Русская эмиграция, впрочем, полагала, что писатель сможет увидеть лишь то, что ему захотят продемонстрировать советские вожди.

Эмигрантская пресса подробно освещала ход поездки Уэллса, используя информацию как советских, так и британских газет. И когда стало понятно, что Уэллс в своих высказываниях и корреспонденциях предстает в роли скорее защитника, чем противника большевиков, против него выступили многие авторитетные писатели и журналисты русского зарубежья — Курприн, Мережковский, Алданов, Дон-Аминадо и др.⁴⁸

24 и 25 ноября в «Общем деле» печатается большая статья Бунина «Несколько слов английскому писателю». Композиционно статья строится привычным для публицистики Бунина 1920 г. образом. Он начинает с большого количества цитат из Уэллса, выделяя курсивом то, на что следует обратить особое внимание:

«Нельзя не отозваться на слова такого известного и, значит, влиятельного человека, как Уэллс, и вот я экстрактирую его статьи, чтобы резче выступил их ужасный, а порою смехотворный смысл, жато повторяю их с определенной агитационной целью, — слушайте, слушайте, христиане, люди 20 века и цивилизованного мира, что говорится о России не одними

⁴⁷ См. подробнее: Николаев Д.Д. Комментарии // Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 344–347.

⁴⁸ См. подробнее: Николаев Д.Д. Миссия русского писателя // Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 18–22.

нами, которых подозревают в пристрастии, но и знаменитыми англичанами!»⁴⁹

Если цитаты из Горького сталкивались с другими его же высказываниями, то полемику с Уэллсом Бунин ведет иначе. Бунин и Горький писали и говорили о своей стране, своем народе, своей культуре, оба пережили и переживали происходящее и, соответственно, оба имели право на суждения: именно поэтому Бунину важно было не просто противопоставить свои слова высказываниям Горького, а предоставить Горькому опровергать себя самому. Уэллс же выступает в статьях о России, по мнению Бунина, как турист из «цивилизованного» государства, приехавший в страну дикарей и изучающий ее с точки зрения путешественника, которого интересуют странные поступки и обычаи, даже если это обычаи людоедские. Стремящийся предстать в своих заметках «мудрым и всезнающим» Уэллс с «бессердечной эгегичностью» тона повествует об увиденном в советской России, не чувствуя и не пытаясь почувствовать того, что испытывают «великие страдальцы» — «узники той людоедской темницы», куда, «непонятно легко для этих узников прогулялся он, “свободный, независимый” гражданин мира, не идеального, конечно, но ведь все-таки человеческого, а не скотского, не звериного, не большевистского»⁵⁰.

Свои чувства от суждений английского писателя Бунин описывает совсем иначе, нежели когда он говорит о Горьком. Услышанное возмущает его, «писателя русского, до глубины души», но в первую очередь Бунину «стыдно» за Уэллса. Эта неожиданная для читателя реакция сразу подчеркивает не только сарказм определений «мудрый и всезнающий», но и подтекст вынесенной в название формулы «английский писатель». Бунин не просто обращается к Уэллсу как русский писатель к английскому писателю. Английскому писателю-туристу, выступающему в роли стороннего наблюдателя, противопоставляется русский писатель, который умеет чувствовать, страдать, сопереживать. И Бунину стыдно за Уэллса и как за человека, и как за писателя.

⁴⁹ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 86.

⁵⁰ Там же.

Бунин задается вопросом: что же кроется за статьями Уэллса — наивность, неосведомленность или что-нибудь другое? Он подозревает, что поездка Уэллса имеет и политическую задачу — оправдать политику английского правительства в отношении большевиков. Вновь, как и в открытом письме «Суп из человеческих пальцев», Бунин напоминает, как «тщетно вопил к христианской Европе покойный Андреев: “Спасите наши души!”». Он отмечает, что от большевиков «бежали все имевшие возможность бежать, — ум, совесть, честь России», что «при их ханской ставке из всех русских писателей осталось почти одно отребье их да ваш “приятель”, скупающий на казенные деньги полуживые души и голодные животы русских интеллигентов для *этой подлой комедии с “энциклопедией”*»⁵¹. Горькому в статье уделяется немалое внимание, но он не выступает здесь в роли писателя, равного Уэллсу или Бунину: Горький лишь помогает Уэллсу увидеть происходящее в России в нужном для него и для большевиков ракурсе:

«Знаменитый писатель оказался в своих суждениях не выше любого советского листка, что он без раздумья повторяет то, что напел ему в уши Горький, хитривший перед ним и для блага Совдепии, и для приготовления себе возможного бегства из этой Совдепии, дела которой были весьма плохи в сентябре»⁵².

Бунин считает своим долгом опровергнуть утверждения Уэллса, который дело свое «исполнил все-таки чересчур неловко и даже комично», так что «в его рассуждениях, что ни слово, то перл, но он совсем не понимает, как жутки и даже кощунственны порою его смехотворные и наивные замечания». Русский писатель выступает в защиту России: «Я обязан сказать кроме этого еще и то, что я, не 15 дней, а десятки лет наблюдавший Россию и написавший о ней много печального, все-таки от всей души протестую против приговоров о ней гг. Уэллсов»⁵³.

Чуть ли не каждая строка, написанная Уэллсом, вызывает у Бунина негодование, но ему трудно опровергать все, сказанное английским писателем, и не потому, что слова Уэллса убе-

⁵¹ Там же. С. 89.

⁵² Там же. С. 86.

⁵³ Там же.

дительно, а потому, что сердце русского писателя «охватывает такая боль, такая ярость», что хочется не мудрить, не спорить, а «только кричать, плакать от этой боли и от жажды нестерпимой мести!»

В заключительной части своей статьи Бунин уже не пытается взывать к разуму и к совести. Он проклинает, грозит скорым возмездием, и вера в грядущее воскресение неразрывно связана с верой в кару грядущую:

«Любезный собрат, мы не забудем вашего заявления, что мы достойны только тех висельников, у коих вы гостили 15 дней, что наши Врангели — “разбойники”.

Я пишу эти строки в дни наших величайших страданий и глубочайшей тьмы. Но взойдет наше солнце — нет среди нас ни единого, кто бы не верил в это!

И тогда мы припомним вам, как унижали вы нас, как хулили вы имена, для нас священные!»⁵⁴

Образ писателя здесь сближается с образом поэта-пророка, который призван «обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей», и само изгнание писателя начинает восприниматься как «миссия», о которой позже Бунин будет говорить в своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции».

До конца 1920 г. Бунин опубликовал в газете «Общее дело» еще три публицистических очерка — и в каждом из них основой для размышлений вновь становятся тексты. 27 ноября Бунин впервые в эмиграции использует название «Записная книжка» (№ 135. С. 2) — в дальнейшем оно станет сквозным и будет использоваться не только в «Общем деле», но и в других периодических изданиях — в частности, в «Возрождении». Этот очерк состоит из двух частей, в которых Бунин отталкивается от разных источников — полученного из Москвы письма и рассказа «приятеля», «известного земского деятеля и писателя», ближайшего сотрудника работавшей при Деникине комиссии по расследованию большевистских злодеяний. Сочетание призыва большевиков блюсти чистоту с уничтожением ими целого народа, «религиозных кощунств, религиозных гонений и мученичества верующих и священнослужителей» подчеркивает

⁵⁴ Там же. С. 90.

«фарисейский» характер и советского правительства, и тех, кто его защищает (Сочинения: Ночь отречения. С. 91–92).

Бунин внимательно следит за публикациями в эмигрантской прессе. Вторая «Записная книжка», опубликованная 5 декабря (№ 143. С. 2), начинается с пересказа статьи М.В. Вишняка «На Родине», опубликованной в вышедшем в ноябре первом номере парижского журнала «Современные записки», в которой приводились данные о погибших и умерших в советской России. «Об этом писалось тоже тысячи раз, и разум человеческий просто тупеет от этих цифр. Но все равно, все равно — об этом надо писать без конца, без конца!» — восклицает, передавая приведенные в статье данные, Бунин. Затем он обращается к другой статье из того же номера, отвечая Н.Д. Авксентьеву. 28 октября 1920 г. в «Последних новостях» (№ 158. С. 2) и 29 октября 1920 г. в «Общем деле» (№ 106. С. 4) было опубликовано «Письмо в редакцию», в котором Бунин благодарил всех вспомнивших о нем в день пятидесятилетия. «Некоторые приветствовали меня в этот день не только как писателя, но и как эмигранта. Братски обнимаю их — с великой тоской по родине и с гордой радостью, что хоть в одном была милостива ко мне судьба: избавила меня от позора и муки дышать одним воздухом с хозяевами “красной” России», — заключал Бунин. На эту фразу Н.Д. Авксентьев ответил тремя абзацами в программной статье “Patriotica”, постаравшись при этом придать словам Бунина совершенно иной смысл:

«Большой русский писатель И.А. Бунин недавно написал, что испытывает горькую радость, что хоть в одном была милостива к нему судьба: “избавила меня, — говорит он, — от позора и муки дышать одним воздухом с хозяевами “красной” России”.

Увы — этот воздух, которым дышат хозяева “красной” России, — воздух нашей родины. Им дышит, содрогаясь и испытывая крестные муки, Россия. Его в последний раз вдыхают те бесчисленные жертвы, которыми сопровождает свое шествие большевизм. Мука — не дышать им, этим священным воздухом.

Страшен не физический воздух, которым дышат большевики, а воздух моральный. И невольно берет страх, не заразили ли большевики моральный воздух, которым дышит некоторая

часть русской общественности; не скатывается ли она, сама того не замечая и думая спасать родину, к большевистским аргументам, эту родину, как “вечное во временном”, убивающим?»⁵⁵

«В той же книжке “Совр[еменных] записок” напечатана и статья Н.Д. Авксентьева “Patriotica”, статья “о любви к отечеству и народной гордости”, где автор пытается пробудить в нас национальное чувство, подкрепляя себя выписками из Фихте, горячо восстает, несмотря на все ужасы большевизма, против всякого иностранного вмешательства в деле одоления большевизма и, между прочим, укоряет меня, — отвечал Бунин. — Как с этим спорить? Через 10 лет, по словам проф. Анцыферова, из 150 миллионов умрет при советском режиме 120 миллионов. Но что с того? Неприятно, конечно, да зато не будет “национального унижения” России и “расхищения ее по кускам”, как было бы при иностранном вмешательстве!

Благородная вещь и жажда “дышать священным воздухом крестных мук России”. Только я бы при такой жажде тотчас уехал бы в Россию из того парижского дома на rue Jacques Offenbach, где мы ныне благополучно обитаем вместе с Н.Д. Авксентьевым: я — всего восемь месяцев, а он уже весьма многие годы (с небольшими передышками)»⁵⁶.

Полемика с другими эмигрантскими изданиями, не только парижскими, но и выходящими в других центрах русского зарубежья, будет и в дальнейшем играть важную роль в публицистике Бунина. Особенно резко высказывается он о пражских изданиях, что проявляется уже в статье «Чехи и эсеры», опубликованной 24 декабря 1920 г. (Общее дело. № 162. С. 2), в которой Бунин ссылается на газету «Дело России» (Сочинения: Ночь отречения. С. 96–99). Он сожалеет, что чехи, которые могли сыграть важную роль в деле возрождения России, менее всего думали о благе России, «и судьбу свою они связали исключительно с эсерами», чьи лидеры травили офицерство, пустили государственную казну на «содержание огромного штата

⁵⁵ Современные записки. 1920. № 1. Ноябрь. С. 132–133.

⁵⁶ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 93–95.

эсеровских агитаторов» и, в конечном итоге, делали «все, чтобы закрепить в массах большевизм». Руководители Чешского корпуса, считает Бунин, предпочли заниматься политиканством и беззастенчивой спекуляцией, предав и ограбив русский народ: «Дело было в том, что чехи грабили и спешили домой, а эсеры все больше и больше проваливались в своей новой попытке властвовать и уловлять сердца народа (что особенно надо твердо помнить в наши дни, когда эсеры особенно громко говорят о всяческих недостатках “Колчаков, Деникиных и Врангелей”»).

Через пять дней газета «Воля России» печатает статью «Клевета и поэт». «Академик и поэт Ив. Бунин кроме поэзии занимается и политикой. Время от времени в “Общем деле” появляются его статьи. Конечно, трудно быть подлинным поэтом и сотрудником “Общего дела” одновременно, но г. Бунин, доставшийся Вл. Бурцеву по наследству от деникинского “Освага”, умудрился совместить эти два занятия, — утверждает анонимный автор. — Однако всему бывают пределы. Не довольствуясь писанием собственных статей, Ив. Бунин начал ставить свое имя под чужой клеветой, и почерпнутой им к тому же из самого отвратительного, самого грязного источника»⁵⁷.

Публицистические выступления Бунина в 1920 г. строятся как реакция на появившиеся в печати тексты, причем тексты, о которых пишет Бунин, преимущественно не являются художественными — и данная тенденция продолжится и в дальнейшем. Это письма, в том числе «открытые», газетные и журнальные статьи. Использование в качестве «предмета отталкивания» чужого текста — не просто публицистический прием, Бунин остро реагирует на то, что вызывает его возмущение, негодование, либо на то, что созвучно его переживаниям. Он не стремится высказываться непосредственно по вопросам текущей политики или общественной жизни, поскольку сосредоточен на борьбе с главным, по его мнению, источником зла — власти большевиков как таковой.

Бунин как публицист отвечает в 1920 г. на публицистику — в первую очередь другим «знаменитым» писателям — Горькому и Уэллсу. Рассматривая выступления в печати Горького и

⁵⁷ Воля России. 1920. 29 декабря. № 89. С. 2.

Уэллса как идеологически ангажированные пробольшевистские тексты, Бунин и в своих произведениях использует публицистические приемы, позволяющие максимально эффективно опровергать позицию противников — а он в данном случае является непримиримым противником Горького и Уэллса.

В первых созданных в эмиграции публицистических очерках Бунина нет столкновения сложных образов, требующих знаний, — такого, к примеру, как в статье 1925 г. «Инония и Китеж»⁵⁸. Бунин, напротив, упрощает тексты, делает акцент на ярком и понятном любой аудитории противопоставлении большевиков и антибольшевиков.

Большинство очерков построены на цитатах и комментариях к ним, причем часто цитаты занимают не меньше места, чем комментарии. Это произведения, написанные для конкретных газет в конкретную эпоху, и они учитывают специфику аудитории, читателей, газетный контекст. Не случайно самое объемное «письмо» печатается в «Свободных мыслях» — газете, изначально ориентированной не на информацию, а на ее интерпретацию, печатавшей большое количество художественных произведений или писательских, а не «журналистских» очерков.

Когда Бунин вступает в полемику, отталкиваясь от чужого текста, в статье присутствуют как бы два (или более) голоса: автор и контр-автор, причем высказывание контр-автора хронологически первично. Фрагменты чужого текста не просто включаются Буниным в новый контекст, они задают связь с текущим моментом. При этом высказывания самого Бунина носят не частный характер и не могут рассматриваться лишь как журналистская реакция на то или иное высказывание или событие. Причиной написания каждой из статей является общее стремление выступить в защиту России и против большевиков. Однако это не размышления о большевиках «вообще»: у каждого очерка есть конкретный информационный повод — они включены в газетную повестку.

Сотрудничая в эмигрантской прессе в качестве публициста, Бунин не выступает в роли «приглашенной звезды», а занимает место в ряду других сотрудников. Но с читательской и с редак-

⁵⁸ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 158–171.

ционной точки зрения имя Бунина на газетной странице играет важнейшую, определяющую роль в том, как воспринимаются тексты. Бунин прекрасно понимает, что его подпись и даже небольшие его авторские комментарии важны в идейном противостоянии, в пропагандистской войне, которую ведут большевики и их противники. Именно поэтому Бунин постоянно подчеркивает, что выступает как писатель — и своим главным противником в публицистике 1920 г. видит другого великого русского писателя — Максима Горького. Хотя Бунин никоим образом и не подчеркивает значение Горького как писателя, само их противостояние показывает, что, с точки зрения Бунина, Горький — тот «противник», значение и влияние которого требует бунинского, вмешательства.

Впоследствии, когда Горький окажется за границей, в публицистике Бунина появятся новые «противники» — и среди них Сергей Есенин и Владимир Маяковский, но в 1920 г. Маяковский упоминается лишь раз, да и то в качестве художника и подчеркнуто неиндивидуализированно в статье «Многогранность»: «Убьют или уморят, доведут до смерти физической или моральной Васнецова, Репина и тут же закажут компании каких-нибудь Маяковских “художественно” размалевать пятьсот дуг (по числу оставшихся на весь Петербург, еще не совсем околевших с голоду лошадей)»⁵⁹.

В своих полемических статьях 1920 г. Бунин практически не обращается к художественным текстам, словно выводя Горького и Уэллса — главных «героев» его выступлений — за рамки литературы. Можно сказать, что в публицистике 1920 г. есть писатели, но художественная литература отсутствует. В обращении «Несколько слов английскому писателю» Бунин, отталкиваясь от созданного в статьях Уэллса образа советской России, саркастически пишет о том, что Уэллс поехал в страну, «где остались только прекрасные спички, хризантемы и поэзия советских поэтов», и затем еще раз акцентировано повторяет ту же комбинацию («Врангель, захватив Крым, т. е. одну крохотную частичку России, лишил всю Россию всего, всего, кроме советских поэтов, спичек и хризантем»)⁶⁰, так что советские по-

⁵⁹ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 76.

⁶⁰ Там же. С. 86, 89.

эты и советская поэзия становятся частью мифологизированного образа большевистского «рая».

На литературные произведения советских поэтов в 1920 г. Бунин ссылается лишь дважды. Это упомянутый в «Супе из человеческих пальцев» образ из поэмы Мариенгофа, которого Бунин не называет, и строка из стихотворения Малашкина «Портрет Ленина», взятая Буниным из рецензии, опубликованной в «Правде»:

«Правда», разбирая с величайшей серьезностью его “новые достижения”, только за одно немного журит его — за излишнее подражание Уитману. Он дерзко спрашивает о Ленине:

Кто же он? Сумасшедший?

Или просто нахал? —

и “Правда” с истинно идиотской наивностью замечает: “Прямого ответа на этот вопрос поэт не дает...” — а затем расшифровывает дерзкого “поэта”: “Поэт только намекает, что такой вопрос мог родиться в низких душах рабов, которые, изничтоженные величием фигуры Ленина, *шипя уползают во мглу, подобно кобрам...*”

Эти “кобры” и “мгла” — чем это хуже цыплячьего “визга”, “красных львов” в лаптях или “пресловутой свиньи”?»

В очерке «Пресловутая свинья» называется еще несколько «советских» писателей, однако это лишь перечисление имен:

«Впрочем, подобные вольности разрешаются в “Правде” только знаменитым беллетристам и поэтам: Горькому, Князеву, Малашкину, Гастеву, Филипченко... Мы-то, конечно, знаем только Горького да Князева из всей этой честной компании, да разве виноват Малашкин в нашей буржуазной отсталости от века!»⁶¹

В статье упоминается и Пролеткульт, но это не характеристика произведений пролеткультовцев, а объявление о грандиозном Абитур-Бале, устроенном в зале Пролеткульта, которое,

⁶¹ Там же. С. 75.

правда, с точки зрения Бунина, прекрасно отражает содержание новой пролетарской культуры:

«После спектакля призы: 1) за маленькую изящную ножку, 2) за самые черные глаза... Хор исполнит Интернационал... Товарищ Коррадо изобразит лай собаки, визг цыпленка, пение соловья и других животных вплоть до пресловутой свиньи... Кюски в стиле модерн, сбор в пользу безработных спекулянтов, губки и ножки целовать в закрытом киоске, красный кабачок, шалости электричества, котильон и серпантин, 2 оркестра советской музыки, усиленная охрана, свет обеспечен, разъезд в 6 часов по старому времени, хозяйка — супруга командующего Третьей Советской Армией Мария Яковлевна Худякова...» (Клянись честью, что я списываю буквально!)»⁶²

С точки зрения Бунина, Пролеткульт — один из способов отвлечь внимание от творящихся в советской стране ужасов, от уничтожения русской культуры. Об этом он пишет в начале очерка «Многогранность»:

«Вывесят крупнейшую вывеску: “Пролеткульт!” — и где же? — совсем рядом с десятью чрезвычайками, где всяческие представители русской культуры истязаются и убиваются денно и ночью (да не просто, а со вкусом, например, над клозетной чашкой) — и сделано дело: мы уже разинули рот, мы уже бормочем:

— Нет, знаете, в этом-то им надо отдать справедливость, о культуре-то они заботятся!»⁶³

Позже Бунин в своей публицистике станет полемизировать с художественными текстами советских писателей, начнет уделять существенное внимание творчеству «советских» поэтов, но пока он считает их влияние незначительным и поэтому в 1920 г. борется в первую очередь против общественно-политических заявлений Горького. Рассматривая выступления в печати Горького как идеологически ангажированные пробольшевицкие тексты, Бунин и в своих произведениях использует публицистические приемы, позволяющие максимально эффективно опровергать позицию противников — а он в данном случае является непримиримым противником Горького.

⁶² Там же. С. 73.

⁶³ Там же. С. 76.

В 1921–1922 гг. Бунин продолжает спорить с Горьким на страницах «Общего дела». 4 апреля 1921 г. Бунин цитирует свои слова о Горьком из открытого письма к редактору газеты «Таймс» в очерке «Из записной книжки». «Записная книжка», опубликованная 20 июня 1921 г., начинается словами: «Опять Горький! Ну, что ж, и мы опять...» (№ 339. С. 2)⁶⁴. 12 января 1922 г. «Общее дело» публикует очерк Бунина «Горький о большевиках» (№ 538. С. 2) — это последняя публикация Бунина в ежедневном «Общем деле» (отдельные номера газеты выходили и после того, как она перестала существовать в качестве ежедневного издания, и для одного из них, посвященного памяти В.Д. Набокова, Бунин написал очерк «Великая потеря»⁶⁵). Таким образом, можно сказать, что история сотрудничества Бунина в «Общем деле» — это во многом и история его полемического противостояния с Горьким.

Горький упоминается и в публицистике Бунина, появлявшейся на страницах периодических изданий, выходивших в других центрах русского рассеяния, — сотрудничество писателя с газетами не ограничивалось парижскими изданиями.

В большинстве публицистических выступлений Бунина начала 1920-х гг. звучит прежде всего негодование, но есть и те, например, «Записная книжка» (Огни. 1921. 19 сентября. № 7. С. 2) и «Письмо в редакцию», предвещающее публикацию «Призыва русских матерей» (Огни. 1921. 17 октября. № 11. С. 2), в которых на первый план выходит образ автора страдающего и сострадающего.

Сотрудничество Бунина с пражской газетой «Огни», которая активно поддерживала генерала П.Н. Врангеля и возглавляемый им Русский Совет, нужно отметить особо. Уже в первом номере, 8 августа 1921 г., «Огни» опубликовали статью Бунина «Страна неограниченных возможностей», в которой говорилось об общей ответственности всех русских людей за происходящее, об «архисеминарской серьезности» и неумном стремлении к «книжным разглагольствованиям, к речению схоластических пошlostей», о неспособности к практической деятельности: «большевики

⁶⁴ Там же. С. 118.

⁶⁵ Общее дело. 1922. 7 апреля. № 563. С. 1.

большевиками, а все-таки только в России можно дерзнуть на бесстыдство “планетарное”, на глупость, повергающую в столбняк»; «у нас все сойдет с рук»; «у нас почва для всяческой чепухи и гнусности большевицкой была давно готова». Обращаясь к Ключевскому и Костомарову, Бунин находит в русской истории «полное подобие» нынешним временам; он вспоминает восторги по поводу декадентов, футуристов, Горького, Блока и приходит к выводу, что «подготавливали» революцию «мы все, а не одни Керенские и Ленины» (С. 2–3).

Произведения Бунина печатались также в газетах «Руль» (Берлин) и «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс) — см. об этом подробнее в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании.

Ответом тем критикам, которые отказывали Бунину и другим русским писателям в праве «заниматься политикой», явилась опубликованная 23 июня 1921 г. в рижской газете «Сегодня» и перепечатанная 12 сентября в газете «Огни» статья Бунина «О писательских обязанностях». Бунин вспоминает, как совсем недавно, когда писатели осмеливались говорить о «чистом искусстве», их упрекали в отсутствии гражданской позиции и «твердили совсем другое: Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан!»; вспоминает, что из русской литературы «брали только нужное для революционной мельницы», пользовались авторитетом русских писателей для разрушения России, разрушения русской жизни. «А теперь, говорю, времена изменились: теперь многим из нас, даже наиболее покладистым, просто невмоготу стало слушать “на ночлегах” только то, что угодно нашим “неизменно верящим” во всяческие “заветы” ценителям, и от нас уже требуется посторониться, заняться своими прямыми, поэтическими обязанностями... Из “граждан” мы теперь разжалованы, — замечает Бунин. — Все чаще слышим за последнее время: Не ваше дело толковать об этом (о политике), ваше дело рассказы и стихи писать!»

Те же строки: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», — Бунин цитирует и во второй статье из цикла «Литературные заметки», опубликованной 28 августа 1922 г. в париж-

ской газете «Слово». Он припоминает, как сначала отказывали в праве считаться настоящими писателями тем, кто не желал за секундный миг забыть о вечном, кто не желал видеть жизнь сквозь призму общественной проблематики, а потом «и гражданином предписали быть только масти определенной — те из исполнявших гражданскую обязанность, которые оказывались масти неподходящей, платились жестоко: их немедленно понижали даже в политических чинах, а порой и совсем лишали всех чинов и званий, их начинали терроризировать, чернить в глазах публики, их ставили “к стенке”, ссылали в бессрочную ссылку — и все без всяких разговоров, “на месте”, “по законам революционного времени”, то есть без всяких “судоговорений”, а, главное, даже за малейшую провинность: чуть что не так, не на пользу “революционному народу”, не в лад с “рабоче-крестьянскими вождями” — “в расход!”»

Революционный террор — именно так оценивает Бунин отношение критиков, да и писателей-«граждан» к своим оппонентам. Не только во времена французской революции лишали жизни и губили души, прикрываясь горделивым словом «гражданин». То же самое по сути происходило и в России — совсем недавно: «И сколько писательских душ было развращено и погублено этим террором! И какое множество писателей — из тех, что не желали поддаваться этому развращению, — несло иногда целыми десятилетиями свою ссылку, моральную смерть! Сколько сопричислил этот скорый и немилостивый “ревтрибунал” к отверженному лику “реакционеров”!»

Бунин не пытается разубеждать тех, кто считает его «реакционером». Он гордится, что его причислили к ряду тех писателей, кого в разные годы пытались унижить такой характеристикой, тех, кто «были (или, по крайности, казались, именовались) “реакционерами”». Он называет их — гордость мировой литературы: Гёте, Шиллер, Андре Шенье, Вальтер Скотт, Диккенс, Тэн, Флобер, Мопассан, Державин, Батюшков, Жуковский, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Киреевские, Тютчев, Фет, Майков, Достоевский, Лесков, А.К. Толстой, Л.Н. Толстой, Гончаров, Писемский, Островский, Тургенев.

«Вот теперь стали “реакционерами”, “обывателями”, “врагами народа”, “бурцевскими молодцами” и мы — Куприн, Мерез-

ковский, Гиппиус, Чириков... Ну, что же, не пропадем, только разве это не явное подражание большевикам, для которых мы, конечно, только “белогвардейская сволочь”, только умно ли это — шельмовать всех поголовно? — спрашивает Бунин. — Кто ж тогда с вами, господа Иксы, останется? “Народ”? А кто этот народ? “Обыватель” — хотя ума не приложу, чем обыватель хуже газетного сотрудника, — обыватель не народ, “белогвардеец” не народ, “поп” не народ, купец, бюрократ, чиновник, полицейский, помещик, офицер, мещанин — тоже не народ; даже мужик позачиточней и то не народ, а “паук, мироед”. Но кто же остается?»

В начале 1920-х г. Бунин ведет не только публицистическую, но и художественную полемику — и оппонентом его также является в первую очередь Горький. В своих стихах и рассказах Бунин то и дело вступает с Горьким то в спор, то в творческий диалог. И это диалог не только с теми произведениями, что имеют актуальный «идеологический характер». Бунин продолжает начавшийся задолго до революции заочный спор с Горьким о жизни и смерти, о «планетарном» и «домашнем», «родном».

В публицистической полемике, как мы видели, Бунин апеллировал к автору, постоянно называя имя Горького. В художественной полемике он апеллирует к образам, связанным в читательском сознании с именем Горького. Разумеется, ни в коем случае нельзя говорить, что эти бунинские произведения сводятся к спору с Горьким. Творческая дискуссия с Горьким — а уместнее всего использовать такое определение — лишь одна из составляющих поэтики этих произведений. Но составляющая очень важная в контексте начала 1920-х гг.

Одной из существенных особенностей поэтики Бунина, ярко проявлявшейся в начале 1920-х гг., является интертекстуальность. Герои, образы, сюжеты у Бунина существуют в широком литературном контексте, который — за счет ассоциаций или за счет контраста — существенно расширяет художественное пространство произведений.

В первые годы эмиграции одним из ключевых элементов бунинской поэтики становится трансформация образа. Бунин использует в своих произведениях широко распространенные, устойчивые, часто на грани штампа художественные образы,

но меняет их внутреннее содержание. Это может быть образ, проходивший через целый ряд произведений, или связанный с каким-либо одним текстом, но очень известным.

Часто такой образ выносится в название произведения. Автор сразу посылает читателю импульс, вызывая цепочку связанных с образом устойчивых ассоциаций. Возникает система читательских ожиданий, связанных с закрепленным в литературе мотивным контекстом, — и затем Бунин строит произведение на нарушении этих ожиданий, использует не только внутренний контраст, часто встречающийся в его произведениях первых лет эмиграций, но и контраст внешний.

Он обращается преимущественно к хорошо знакомым, понятным самой широкой аудитории образам, чтобы контраст с прежним содержанием образа, с закрепленным в читательском сознании мотивным контекстом не потерялся, чтобы он обязательно был воспринят читателями, вне зависимости от их возраста, образования, социального статуса.

Подобный прием в литературе часто используется при создании комических произведений — это своего рода нарушение устойчивой литературной нормы, которое вызывает комический эффект. Но произведения Бунина далеки от комизма. Трансформация образа, напротив, позволяет передать драматизм и даже трагизм происходящего, подчеркнуть тот разрыв между прежним и нынешним, дореволюционным и послереволюционным, эмигрантским, который воспринимается не как противоречие мнимое, а как противоречие неразрешимое. Разрушение прежних, устойчивых, казавшихся незыблемыми связей плана выражения и плана содержания в образе подчеркивает крушение того мира, в котором был создан и функционировал прежний, устойчивый образ.

Бунин использует этот прием и в прозе, и в поэзии — начиная со стихотворения «Канарейка» — первого созданного и опубликованного в эмиграции художественного произведения.

Стихи и рассказы Бунина в русских зарубежных изданиях начинают печатать осенью 1920 г., но сперва это публикации написанных до отъезда из России произведений, которые, правда, часто обретают в эмиграции новое звучание. Кроме

того, большинством читателей они воспринимаются как новые, поскольку в книги Бунина не входили, а если и печатались, то преимущественно в коллективных сборниках и периодических изданиях.

16 октября 1920 г. рассказ Бунина «Старуха» печатает газета «Общее дело» (№ 93. С. 2). В октябре 1920 г. в Париже начал выходить двухнедельный иллюстрированный журнал для детей «Зеленая палочка». В журнале, редактором которого стал А.П. Шполянский (Дон-Аминадо), печатались А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт, А.Н. Толстой, И.М. Василевский, А.М. Дроздов, А.А. Койранский, Н.В. Крандиевская, С.Л. Поляков (Литовцев), М.К. Первухин, А.М. Черный, С.А. Соколов-Кречетов. Литературный отдел первого номера открывался стихотворением Бунина «Бегство в Египет»: ему предшествовали, помимо обложки, лишь титульный лист с портретом Льва Николаевича Толстого, и небольшой — на страничку — очерк о Толстом, опубликованный к 10-летию кончины великого русского писателя.

Стихотворение «Бегство в Египет», написанное 21 октября 1915 г., впервые появилось в печати в 1916 г., в девятом номере журнала «Летопись», но в эмиграции оно обрело новый смысл. В оценках стихотворения сошлись даже непримиримые идеологически оппоненты. Представляя первый номер журнала «Зеленая палочка», рецензент газеты «Воля России» выделял именно стихотворение Бунина «Бегство в Египет»⁶⁶. И его суждение совпадало с мнением, высказанным чуть позже на страницах «Общего дела»: «Прелестное стихотворение Бунина “Бегство в Египет” написано с большим настроением, от него веет подлинной поэзией и русской, народной мистикой»⁶⁷.

Символично, что «Бегство в Египет» стало бы первым стихотворением Бунина, опубликованным в эмиграции, если бы редакции и издателям «Зеленой палочки» удалось реализовать свои изначальные планы. Первый номер журнала был датирован 1–15 октября и должен был появиться в продаже в начале

⁶⁶ А.Б. Инфантилизм и “Зеленая палочка” // Воля России. 1920. 2 декабря. № 68. С. 5.

⁶⁷ Общее дело. 1921. 3 января. № 172. С. 2.

месяца, однако в действительности издать его удалось лишь в самом конце октября⁶⁸.

Между тем, 19 октября 1920 г. в «Общем деле» публикуется стихотворение Бунина «Мой перстень» («Рубины мрачные цвели, чернели в нем...») (№ 96. С. 2). Прежде оно печаталось во второй книжке альманаха «Творчество» в 1918 г., где завершало подборку из четырех стихотворений («Стой солнце!», «Глупое горе», «Песня», «Перстень» // С. 77–78). Однако текст, помещенный в «Общем деле», существенно отличался от того, что был опубликован в альманахе. Кроме того, он актуализировался в газете политически, за счет контекста (см. об этом подробнее в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.»).

Если стихотворение «Мой перстень» было напечатано без указания на время создания, то у следующей публикации стихов Бунина в «Общем деле» датировка имела важное значение. Под общим заглавием «Листопад» газета опубликовала 23 октября стихотворения «Как в апреле по ночам в аллее...» и «Этой краткой жизни вечным измененьем...» Читатель, плохо знающий творческий путь Бунина, мог усматривать здесь «сезонную» связь с действительностью — указание на осень, читатель сведущий — отсылку к названию бунинского сборника.

В газете было указано, что стихи написаны «10 / 23 октября 1917 г.» (№ 100. С. 2). Двойная датировка — по старому и по новому стилю — помогала читателю понять «юбилейный» характер публикации. Отметим, что эта двойная датировка стихотворения привела к «переносу» дня рождения Бунина. В редакции забыли (или сделали вид, что забыли) о том, что в девятнадцатом и двадцатом веке при переводе дат на новый стиль добавляется разное количество дней: 10 октября 1870 г. — день рождения Бунина — по новому стилю превращались не в 23-е, а в 22-е октября. В результате, именно 23 октября газета поместила ряд материалов к 50-летию со дня рождения писателя. На первой странице газета напечатала небольшой фотопортрет с подписью «И.А. Бунин. К сегодняшнему 50-летию со дня

⁶⁸ Свободные мысли. 1920. 1 ноября. № 7. С. 3.

его рождения», а на второй, вслед за стихотворениями, — очерк Л. Вальтера «Светлый поэт (И.А. Бунину к его 50-летию)».

К юбилею Бунина была приурочена и публикация его произведений в четвертом номере берлинского журнала «Русский эмигрант», датированном 1–14 ноября. В номере были помещены стихотворное посвящение А. Черного «И.А. Бунину», рассказ Бунина «Готами» и его стихотворения «Миньона» и «Зимний вечер»⁶⁹. Редакция особо подчеркнула, что произведения написаны «в нынешнем году» — перед отъездом писателя из Одессы за границу, но публикация осуществлялась без участия Бунина. Рассказ был перепечатан из газеты «Южное слово», а стихотворения взяты из журнала «Объединение» (обычная практика для редакции журнала «Русский эмигрант»).

Выбор стихотворений здесь явно связан с местом издания журнала: оба текста имеют «немецкие» корни. Написанное 12 февраля 1916 г. и впервые напечатанное 25 декабря 1917 г. в газете «Власть народа» (№ 195) стихотворение «Миньона» — отклик на роман Иоганна Вольфганга Гёте «Годы ученья Вильгельма Мейстера». Бунин создает в тексте образ писателя, который, увидев мельком из дормеза собирающую хворост девочку в лохмотьях, создаст затем образ, влюбивший в себя весь мир:

В седых мехах, высок и строен,
Прекрасен, царственно спокоен
Был путешественник...

Конструкция текста интересна тем, что Бунин на основании образа Гёте создает прообраз, от имени которого и ведется лирический монолог, причем прообраз этот далек от образа из романа. Это не просто босая и нищая девочка в лохмотьях, а связанная с библейской интерпретация нищенки. Она знает, что будет дальше:

Вот сплю в лачуге закопченной,
А он сравнит меня с мадонной,
С лучом небесного огня,

⁶⁹ Русский эмигрант. 1920. № 4. 1–14 ноября. С. 4–5.

Он назовет меня Миньонной
И влюбит целый мир в меня.

В декабре в эмигрантских газетах стихотворения Бунина печатаются регулярно — причем речь идет не об отдельных стихотворениях, а о подборках, в которых тексты объединяются общим заглавием — как это было сделано в «Общем деле» 23 октября. Две такие подборки публикуются в том же «Общем деле». 5 декабря газета печатает «Летние стихи»: «Огонь, качаемый волной...»; «В дачном кресле, ночью, на балконе...»; «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» (№ 143. С. 2) а 19 декабря под общим заглавием «Русь» — стихотворения «Укоры» и «Потерянный рай» (№ 157. С. 2.).

Еще три стихотворных подборки помещает в декабре берлинская газета «Руль». 12 декабря 1920 г. под общим заглавием «Восток» печатаются стихотворения «Феска», «Эпитафия», «Волны» (№ 23. С. 3), 19 декабря 1920 г. под общим заглавием «Песни» — стихотворения «Дай мне, бабка, зелий приворотных...», «Там не светит солнце, не бывает ночи...», «На поморьи далеко...» (№ 29. С. 2), и 25 декабря 1920 г. — стихотворения «Дед» и «Петербург» под общим заглавием «Далекое» и стихотворения «Просыпаюсь в полумраке...» и «Мы сели у печки в прихожей...» под общим заглавием «Святки» (№ 34. С. 3). 27 декабря «Общее дело» публикует рассказ «Портрет Штейна» с подзаголовком «Глава повести Ив. Бунина» (№ 165. С. 2).

Обратим особое внимание на те названия, под которыми объединялись в эмигрантских газетах осенью 1920 г. написанные еще до эмиграции стихотворения Бунина (в порядке их появления в печати): «Листопад», «Летние стихи», «Восток», «Потерянный рай», «Песни», «Далекое» и «Святки».

7 января 1921 г. в праздничном номере «Общего дела» редакция помещает первый рассказ, созданный Буниным в эмиграции, — «Далекое» (позже названный «Метеор») (№ 176. С. 2).

«Метеор» — рассказ о «расцветающей» любви, действие которого происходит под Рождество, в «прежней» России — напоминает «святочный», «рождественский» рассказ нового типа. На смену рождественской выдумке-мечте у Бунина в эмиграции

приходит выдумка-воспоминание; «прежнее», недавнее прошлое воспринимается как «сказочное», нереальное, возможное только под Рождество. О том, как появился замысел произведения, Бунин вспоминал в заметках «Происхождение моих рассказов»: «Не спал ночь (с 27 на 28 декабря 1920 г., в Париже), лежал в постели, уже выздоровев после долгой болезни, но все еще лежа, вспомнил рождество в России, вспомнил почему-то Орел, рошу недалеко от него... Все остальное выдумал»⁷⁰.

«Замирает от волнения сердце и у читателя, ставшего обладателем чужой тайны, свидетелем экстаза другой души»⁷¹, — признавалась А. Даманская. Но у Бунина нет той безмятежности, того безусловного восхищения чудом самой жизни, чудом бытия, которое отличает классический рождественский рассказ. Бессмысленное убийство омрачает таинство рождения чувства, и «метеор» — падающая звезда — кажется скорее предвестником смерти, чем символом рождения, словно страх, а не любовь толкает героев в объятия друг друга.

Первым написанным и опубликованным в эмиграции стихотворением Бунина стала, как уже отмечалось, «Канарейка». При этом «Канарейка» появилась, как и большинство других стихотворных произведений в этот период, в составе подборки под общим заглавием «Заметки», включившей также стихотворения «На севере» и «Одиночество». Подборка была напечатана в «Общем деле» 16 мая 1921 г. (№ 304. С. 2). В сборнике «Роза Иерихона» стихотворение датировано «10.V.21». В книгу Бунина «Избранные стихотворения» (Париж: Современные записки, 1929) и в собрание сочинений, изданное «Петрополисом» в Берлине, это стихотворение не входило.

«Птичья» образность играла важнейшую роль и в дореволюционном творчестве Бунина. Не случайно Бунин был среди писателей, произведения которых И. Белоусов включил в составленный им сборник стихотворений русских писателей «Крылатые друзья», выпущенный в Москве Дамским Комитетом для борьбы с жестокими модами и для защиты птиц в

⁷⁰ Цит. по: Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 394.

⁷¹ Последние новости. 1924. 4 декабря. № 1415. С. 3.

1902 г. В этот сборник вошли стихотворения «Ясным утром» и «На юге». В первом из них «реют ласточки», во втором «тихо тянут журавли». Во втором из них, кстати, звучит мотив прощания с родиной: «И скликаются, и слышится // В перекличках их печаль... // Не родимого ли севера // Перелетным птицам жаль?» О своей тоске по родной стране говорит в финале стихотворения и лирический герой: «Если так — снесите к северу, // Возвращаясь по весне, // И мою печаль о родине, // Мой поклон родной стране» (С. 51). Но в стихотворении «На юге» птицы — в отличие от лирического героя — не просто могут, а обречены вернуться на родину «по весне».

Итак, само по себе использование птичьего образа у Бунина нельзя назвать неожиданным, но вот выбор канарейки — иное дело. В дореволюционной поэзии Бунина встречались соловьи, иволги, голуби, кукушки, «грачей пролетные стада» и т. д. Но канарейка для Бунина, как и для большинства писателей, — сугубо прозаический образ. Приведем два примера из его прозаических произведений:

«Канарейка возилась там в покачивающейся клетке, и слышно было, как иногда сыпались, четко падали на пол зерна семени» («На даче»);

«Тогда Тихон Ильич, не сходя с места, за столом в трактире Даева, написал брату твердую и краткую записку; пора старикам помириться, покаяться. А на другой день и примирение, и деловой разговор у Даева.

Было утро, в трактире еще пусто. Солнце светило в запыленные окна, озаряло столики, покрытые сыроватыми красными скатертями, темный, только что вымытый отрубями пол, пахнущий конюшной, половых в белых рубашках и белых штанах. В клетке на все лады, как неживая, как заведенная, заливалась канарейка» («Деревня»).

В русской литературе на образном уровне канарейка устойчиво связана с клеткой. И с точки зрения ключевого образа — птицы в клетке — стихотворение Бунина выглядело вполне традиционным, однако в данном случае важнее всего была актуализация образа, связанная с переживанием эмигрантов.

Канарейка у Бунина не просто рвется на волю, как орел в «Узнике» Пушкина: она тоскует по родине. В небольшом —

всего восемь строк — произведении Бунин использует целую систему взаимосвязанных противопоставлений, которые в последних двух строках приобретают обличительно-общественный характер. Образ птицы в клетке связан как с обобщенным противопоставлением воли и неволи, родины и чужбины, так и со столкновением их сущностных характеристик. С далекого «острова чудного» канарейку привозят в трактир, где сажают в клетку на потеху толпе. Противопоставление реализуется и на уровне цветов, хотя Бунин и не использует здесь «оттенки красного». В качестве эпиграфа к стихотворению Бунин ставит строку из Брема: «На родине она зеленая...», а затем в тексте сталкивает «золотой» и «изумрудный»:

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь — как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!

Определение «золотой» с традиционной образной формулы «золотая клетка» переносится на саму птицу, но оно не является ни метонимическим, ни метафорическим в том смысле, в каком использована метафора «золотая клетка». «Золотой» и «изумрудный» в данном случае не столько эпитеты, сколько вполне привычные названия цветов.

Создавая образ канарейки, Бунин строит текст на нарушении читательских ожиданий, бросая вызов литературной традиции начала XX в., в которой образ канарейки связан не с мотивами вольнолюбия или тоски по родине, а с изображением мещанства. Эта связь устойчиво фиксируется, к примеру, в творчестве Саши Черного: «В вышине // Канарейка в окне, // Как влюбленная дура, трещала прилежно» («Солнце»); «Три азартных канарейки // Третий час уже подряд // Выгнув тоненькие шейки, // Звонко стеклышки дробят» («В усадьбе»).

Впрочем, в русской поэзии есть и иная интерпретация образа, о которой, вероятно, и вспоминает Бунин. Это стихотворение «Канарейка» Л.А. Мея, написанное в 1859 г. В стихотворении Мея есть и тоска по родине, и противопоставление свободы и несвободы. Но и у Мея образ принципиально отличается от бунинского: у него канарейка отказывается петь «заморские» песни, чтобы не будить свою тоску. В отличие от бунинской она не поет, а лишь щебечет:

Говорит султанша канарейке:
«Птичка! Лучше в тереме высоком
Щебетать и песни петь Зюлейке,
Чем порхать на Западе далеком?
Спой же мне про за-море, певичка,
Спой же мне про Запад, непоседка!
Есть ли там такое небо, птичка,
Есть ли там такой гарем и клетка?
У кого там столько роз бывало?
У кого из шахов есть Зюлейка —
И поднять ли так ей покрывало?»

Ей в ответ щебечет канарейка:
«Не проси с меня заморских песен,
Не буди тоски моей без нужды:
Твой гарем по нашим песням тесен,
И слова их одалыкам чужды...
Ты в ленивой дреме расцветала,
Как и вся кругом тебя природа,
И не знаешь — даже не слыхала,
Что у песни есть сестра — свобода».

Само название стихотворения — «Канарейка» — вызывает ассоциации и с известными произведениями Горького, в творчестве которого «птичьи» образы также играли важную роль: «О чиже, который лгал, и о дятле — любителе истины», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике».

Бунин в данном случае ориентируется на рядового газетного читателя, который, увидев в «Общем деле» название «Канарей-

ка», если не осознает, то почувствует заложенное уже на уровне названия противопоставление «соколу» и «буревестнику», а затем, возможно, вспомнит и о жанровом горьковском обозначении «песня», когда прочтет: «Птицей вольной, изумрудной // Уж не будешь — как ни пой...»⁷²

Несмотря на то, что в 1921–1923 гг. Бунин постоянно работает над художественными произведениями, упреки в творческом бесплодии продолжают раздаваться со страниц периодических изданий. Объясняется это не только предвзятостью идеологических оппонентов Бунина, но и тем, что в первые годы эмиграции между временем создания бунинских произведений и их публикацией проходило немалое время (неприемлемым для писателя являлись «идеологический» облик изданий, предлагавших сотрудничество, или — зачастую — финансовые условия).

Тем не менее, Бунин считал необходимым представлять хотя бы узкому кругу некоторые из своих произведений. Осенью 1921 г. для немногих избранных он устроил публичное чтение трех новых рассказов. Отчет о состоявшемся «чтении» был опубликован 28 ноября в газете «Общее дело», так что широкая аудитория могла познакомиться если не с бунинскими текстами, то хотя бы с впечатлением от них Сергея Яблоновского.

Первым прозвучал рассказ «Безумный художник», затем — сказка «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее». «Не успел изгладиться из слуха простой и в то же время напряженный, кованный ритм рассказа, как посыпалась круглая, ядреная, неподражаемая в меткости, блеске и озорстве своем речь народной сказки “О дураке Емеле, какой вышел всех умнее”. Господи Боже мой, откуда в Париж докатилась она, мудро-дурацкая, подчас грубая до полной непристойности и очаровательно-чистая в детской наивности, подлинная деревенская сказка? — восхищался С. Яблоновский. — И после этой развеселой, задорной, простодушной и в то же время с хитрецей сказки, — вдруг послышалась речь ровная, тихая и грустная, широкая и певучая, как русская природа, как русское поле, как русская песня, которую поют косцы»⁷³.

⁷² Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 112.

⁷³ Общее дело. 1921. 28 ноября. № 498. С. 2.

Опубликован первым из написанных в 1921 г. рассказов был «Темир-Аксак-Хан» — в первой книге литературно-художественного альманаха «Веретено» (Берлин: Книгоиздательство «Отто Кирхнер и Ко», 1922. С. 25–30). Несмотря на состоявшуюся в 1921 г. «читку», при первой публикации произведение было датировано январем 1922 г. Но в рукописи, хранящейся в РГАЛИ, текст датирован ноябрем 1921 г.

Темир-Аксак-Хан нам более известен сейчас как Тамерлан (1336–1405). Повествование о нем Бунин мог бы связать с историческими деяниями, тем более что едва ли не главным в походе Тамерлана на Русь стало взятие и разграбление в августе 1395 г. родного Бунину Ельца. Писатель мог бы вспомнить о том, что нашествие Тамерлана остановилось благодаря переносу иконы Владимирской Божьей Матери из Владимира в Москву, как рассказывает дошедшая до наших дней древнерусская «Повесть о Темир-Аксаке»⁷⁴. И та, и другая историческая реминисценция выглядели бы более чем уместно в политическом контексте 1921–1922 гг. Но Бунин идет по иному пути, что позволяет выделить в качестве одного из главных элементов поэтики «Темир-Аксак-Хана» полемику с Горьким.

Характеризуя Темир-Аксак-Хана, Бунин пишет не о победах, не о завоеваниях, не о покоренных и разоренных землях, а о любви и о женщинах:

«Не было во вселенной могущественнее и славнее хана, чем Темир-Аксак-Хан. Весь подлунный мир трепетал перед ним, и прекраснейшие в мире женщины и девушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновение быть рабой его»⁷⁵.

У Горького в рассказе «Хан и его сын», написанном в 1895 г., слепой нищий начинает свой рассказ о Хане фактически с того же самого:

«Хан был стар, — говорил слепой, — но женщин в гареме было много у него. И они любили старика, потому что в нем было еще довольно силы и огня, и ласки его нежили и жгли, а женщины всегда будут любить того, кто умеет сильно ласкать,

⁷⁴ См.: Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV вв. М., 1981.

⁷⁵ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 163.

хотя бы и был он сед, хотя бы и в морщинах было лицо его — в силе красота, а не в нежной коже и румянце щек»⁷⁶.

У Горького большая часть рассказа — это изложение легенды. Предшествующее ей описание мизансцены, нищего, его слушателей, ограничивается двумя абзацами:

«Прислонясь спиной к ярко-коричневому стволу арбу-туса, слепой нищий, татарин, начал этими словами одну из старых легенд полуострова, богатого своими воспоминаниями, а вокруг рассказчика, на камнях-обломках разрушенного временем ханского дворца — сидела группа татар в ярких халатах и в тибетейках, шитых золотом. Вечер был и солнце тихо опускалось в море; его красные лучи пронизывали темную массу зелени вокруг развалин и яркими пятнами ложились на камни, поросшие мохом, опутанные цепкой зеленью плюща. Ветер шумел в купе старых чинар, и листья их так шелестели, точно в воздухе струились невидимые глазом ручьи воды.

Голос слепого нищего был слаб и дрожал, а каменное лицо его не отражало в своих морщинах ничего, кроме покоя; заученные слова лились одно за другим, и пред слушателями вставала картина прошлых, богатых силой чувства, дней»⁷⁷.

Далее Горький не возвращается к современности, с окончанием легенды заканчивая и рассказ. Произведение Бунина построено иначе: у него большую часть текста занимает рассказ о слушателях легенды. Дается и детальный портрет нищего, который должен подчеркнуть тщету всего земного, контраст нищеты и величия.

Образ нищего у Бунина играет намного более важную роль, чем у Горького. Он не просто сказитель, он владыка владыки мира, ведь именно калекам и нищим под конец жизни Темир-Аксак-Хан вверяет свою душу:

⁷⁶ Горький М. Рассказы. СПб.: Издание Товарищества «Знание», 1900. Т. 2. С. 67–68.

⁷⁷ Там же. С. 67.

«Но перед кончиною сидел Темир-Аксак-Хан в пыли на камнях базара и целовал лохмотья проходящих калек и нищих, говоря им:

— Выньте мою душу, калеки и нищие, ибо нет в ней более даже желания желать!»⁷⁸.

Бунин рисует отталкивающий портрет нищего, который должен контрастировать не только с красотой его песни, но и с былым величием героя этой песни. И в то же время нищий Бунина — человек страдающий, переживающий, страстный, прямая противоположность повторяющему заученные слова безжизненному и бесстрастному нищему Горького: «<...> дико вопит переливчатый, страстно и безнадежно тоскливый голос»; «Это столетняя обезьяна в овчинной куртке и лохматом бараньем курпее, рыжем от дождей, от солнца, от времени. На коленях у него нечто вроде деревянной грубой лиры. Он согнулся — слушателям не видно его лица, видны только коричневые уши, торчащие из-под курпея. Изредка вырывая из струн резкие звуки, он вопит с нестерпимой, отчаянной скорбью»⁷⁹.

У Горького жизнь, красота, любовь, величие — все в прошлом, все поглотила смерть. Горький уводит из современности в мир легенды. У Бунина, напротив, легенда о тщете всего земного врывается в существование случайных посетителей крымской деревенской кофейни и заставляет их задуматься не только над мольбой славного Темир-Аксак-Хана, но и над собственной жизнью. Они узнают, что, «когда Господь жалился наконец над ним и освободил его от суетной славы земной и суетных земных утех, скоро распались все царства его, в запустение пришли города и дворцы, и прах песков замел их развалины под вечно синим, как драгоценная глазурь, небом и вечно пылающим, как адский огонь, солнцем...»⁸⁰. Но картине тлена и запустения противопоставляется в рассказе преодолевшая смерть песня о Хане — слава легендарная, намного пережившая суетную славу земную, душа Хана, сохранившаяся в песнях «калек и нищих».

⁷⁸ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 163.

⁷⁹ Там же. С. 162.

⁸⁰ Там же. С. 163.

Бунин показывает, что «та отчаянная скорбь, та горькая укоризна кому-то, которой так надрывается она, слаще самой высокой, самой страстной радости»⁸¹. И эта позиция противоположна идее горьковского произведения, в котором для Хана Мосолайма эль Асваба никакая скорбь не могла быть слаще страстной радости. «Если никто тебя не любит — неразумно жить на свете», — объяснял сыну Хан перед тем как кинуться с обрыва. Горький — и нищий в его рассказе — воспевал не смерть, а такую любовь, ради которой стоило жить и из-за потери которой стоило умереть. Хан говорил, что славу и богатство он готов отдать ради одного поцелуя любимой: «Это все мертвое — одна любовь женщины жива. Нет такой любви — нет жизни у человека, нищ он, и жалки дни его»⁸². Бунин увидел в рассказе Горького не утверждение жизни и любви как высшего ее проявления, а, напротив, отказ от жизни, неумение жить не только в радости, но и скорби.

Рассказом Бунина «Косцы» открывался первый (и единственный) выпуск берлинского альманаха «Медный всадник», вышедший в 1923 г. «Великорусская рапсодия» — так назвал А. Левинсон статью об этом рассказе, опубликованную в газете «Звено» 7 мая 1923 г. По мнению критика, в «Косцах» с тем умением, что отличало художников прошлого, Бунин показал идиллию минувшего. Вера, помогающая постичь высшую гармонию, — вот что объединяет Бунина с монастырскими живописцами.

«В дни оны монастырский живописец умел, благословясь, уместить в малой выемке на странице лицевого Апокалипсиса все церкви и ангелов их, предстоящих Богу, Коня Бледного и всадника на нем, разрушенные города земли, явления Зверя и на немногих дюймах миниатюры выписать каждый лепесток и каждую тычинку у лилии дома. Не так же ли в нарочито тесное пространство шести печатных страничек Бунин захотел уложить огромное: явственный образ России и ненасытимое томление наших душ, России взыскующих? — пишет Левинсон. — Из сонма воспоминаний он извлек единое и на нем со-

⁸¹ Там же.

⁸² *Горький М.* Рассказы. Т. 2. С. 74.

средоточил животворящее усилие памяти. Не в торжественном и замысловатом иносказании, не в символике достопамятных исторических событий явил он нам образ родины, а в незначительном, на первый взгляд, эпизоде, в случайном отрезке обыденного и мирного когда-то нашего бытия»⁸³.

Животворящее усилие памяти помогает преодолеть смерть, вернуть давно ушедшее, сделать навеки, казалось бы, утраченное — зримым.

«Косцы» — рассказ, в котором сюжет играет вспомогательную роль. На первый план выходят описания, через них передается главное — мироощущение автора. Описания играли определяющую роль в прозе Бунина и до революции: подробные, развернутые, детализированные, передающие не общее, не «стандартное», а личное, глубоко индивидуальное восприятие. Именно поэтому бунинский стиль требовал постоянного взаимодействия с окружающим миром, новых впечатлений, переживаний. В эмиграции писатель уже не имеет возможности постоянно и непосредственно «соприкасаться» с русской жизнью, и переживания его из личных превращаются прежде всего в общее для многих эмигрантов сознание трагического крушения России, заслоняющего все остальное, ставшее слишком ничтожным по сравнению с происходящими «историческими событиями». «Все, что произошло в России и с Россией, все, что случилось с нею, никого не могло идеологически так поразить и сразить, как именно Бунина. Ибо он вообще — последний из могикан, последний из художников, собою воплощающих классическую русскую традицию»⁸⁴, — писал Ю. Айхенвальд.

Бунин, не разделявший часто автора и повествователя, поэта и лирического героя (что постоянно проявляется в его критических выступлениях), не мог дистанцироваться от пережитого. В его эмигрантской прозе повествователь, даже если он рассказывает о самых светлых моментах в жизни, все видит сквозь призму трагедии России. В любом воспоминании теперь оживает Россия, прошлое возвращает к жизни погибшее,

⁸³ Звено. 1923. 7 мая. № 14. С. 2.

⁸⁴ Руль. 1924. 15 октября. № 1176. С. 2. Подп. «Б. Каменецкий».

и каждый «клочок» прошлого необычайно важен. Бунин «всеми нервами своей души принадлежит старой России; и только она для него подлинна, и ничего общего не имеет и не хочет, и не может он иметь с той новой жизнью, так убийственно похожей на смерть»⁸⁵. Писатель хочет использовать все, что сохранила память. Дневниковые записи, переписка, наброски и заметки — все становится материалом для рассказов, ибо все это сохранило для вечности ту Россию, которой уже нет, и то восприятие России, которое является естественным, непосредственным. Своим творчеством Бунин стремится *увековечить* Россию.

«Итак, тема дана в нескольких тактах и через нее-то надо выразить это безмерное счастье: быть с Россией и все горькое очарование печали о ней. Надо заставить зазвучать все тембры и все регистры этой музыкальной основы. “Они”, косцы, их мерный шаг и пение послужат мелодической линией рассказа; “мы”, слушатели этого пения тогда, а сегодня изгнанники, станем для этой мелодии созвучной средой, резонатором. И тогда обнаженный стержень сюжета облечется в светлые ризы гармонии, — писал А. Левинсон о рассказе “Косцы”. — Песня умолкла, гаснет воссиявший свет. В последних строках поэмы Бунина звучит совершенная безнадежность. Россия его “Косцов” для нас — Потерянный Рай»⁸⁶.

В альманахе «Медный всадник» были помещены — после произведений К.Д. Бальмонта и И.С. Лукаша — еще три стихотворения Бунина: «Петух на церковном кресте» (С. 73), «Ночью» (С. 74) и «О, слез невыплаканных яд!..» (С. 75). Под каждым из стихотворений в сборнике указаны место и время создания: «Турэн, 1922 г.». Впоследствии, включая тексты в сборник «Роза Иерихона», Бунин уточняет датировки, обозначая в каждом случае конкретный день. И становится понятно, что последовательность публикаций текстов в альманахе определялась не временем создания, а иными причинами, поскольку постав-

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Звено. 1923. 7 мая. № 14. С. 2.

ленное в «Медном всаднике» первым стихотворение «Петух на церковном кресте» было написано пусть и всего на две недели, но позже двух других. Отметим, что в книге последовательность публикации этих текстов также не связана с хронологией.

О значении, которое Бунин придавал стихотворению «Петух на церковном кресте», можно судить по тому, что оно открывало не только подборку в альманахе, но и целый сборник «Избранные стихи» (Париж: Современные записки, 1929. С. 9).

Поскольку в сборнике Бунин разделил при публикации эти три текста, очевидно, что они не рассматривались им как единство, однако в контексте альманаха поэтический триптих Бунина воспринимался как целостная идейно-композиционная структура.

Вынесенная в название стихотворения «Петух на церковном кресте» «птичья» образность связывала его с опубликованной в 1921 г. «Канарейкой», хотя большинством читателей это не могло быть отмечено — слишком велика по эмигрантским меркам была и пространственная, и временная дистанция между публикациями. К использованному в «Канарейке» традиционному противопоставлению птицы в клетке и вольной птицы добавлялся новый образ, исключающий саму возможность связанного с ним противопоставления свободы/несвободы. В то же время его появление непосредственно выросло из второй строфы «Канарейки», где клетка с птицей возвышается над «трактирную толпой». Бунин словно достраивает образный ряд, используя устойчивое противопоставление «трактир — церковь».

Сам выбор «птичьего» образа допускает ряд интерпретаций, и эта множественность заложена автором. Конечно, в первую очередь речь идет о конкретном образе: металлические петухи венчали церковные шпили, оказываясь таким образом над крестом, выше креста. Такие петухи возвышались, к примеру, над Кёльнским собором, над Лютеранской церковью в Амстердаме и т. д. В данном случае, вероятнее всего, образ связан с петухом на вершине шпиля Собора Парижской Богоматери, на что косвенно указывает упоминание ковчега в первой редакции произведения, так что стихотворение можно рассматривать как первую интерпретацию «парижского текста» в эмигрантской поэзии Бунина.

Но не стоит забывать и об «огненных петухах» пожаров, в которых погибали церкви и усадьбы, и том, что традиционно образ петуха связан либо с домом, двором, либо с мотивами пробуждения. В контексте противопоставления «трактир — церковь» здесь можно усмотреть даже скрытую игру слов «питух / петух».

И все же в первую очередь связь петуха с колокольной, шпилем, башней естественно вызывает ассоциацию с «Сказкой о золотом петушке» Пушкина:

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!

Стихотворение «Петух на церковном кресте», как и «Канарейка», построено не только на внешнем, но и на внутреннем противопоставлении, хотя и не столь подчеркнутым (см. о нем подробнее в связи с историей печатного текста в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании).

Образ, который сперва внушает восторг, в финале текста у читателя может вызвать отторжение, связываясь с тем самым огненным петухом, с «огнем пожирающим», о котором Бунин писал в рассказе, опубликованном впервые в газете «Руль» 21 августа 1924 г. (№ 1129. С. 2–4). Но нельзя сказать, что в 1922 г. Бунин стремится добиться именно такого эффекта. В стихотворении отражаются те же настроения писателя, что и в рассказе «Безумный художник», — об этом он пишет и в опубликованном вслед за «Петухом на церковном кресте» стихотворении «Ночью», текст которого существенно отличался от того, что воспроизводится сейчас в отдельных изданиях и собраниях сочинений.

Отличительной особенностью стихотворений «Ночью» и «О, слез невыплаканных яд!..» является и сложный синтаксис, намеренно усложняющий, словно тормозящий восприятие по-

этического образа. Вся вторая часть стихотворения «Ночью» — десять строк, оставленные Буниным и после правки, — это одно предложение, включающее в себя одновременно и настоящее, и прошлое, и будущее.

В стихотворении «О, слез невыплаканных яд!..» синтаксически усложняется центр. Оно открывается двумя восклицаниями, которые можно было бы счесть поэтически банальными и воскрешающими в читательской памяти, скорее, жестокие романсы, нежели Псалтырь: «О, слез невыплаканных яд! // О, тщетной ненависти пламень!»

О.А. Бердникова усматривает в декларируемой «невыплаканности» намеренную антиаллюзию к начальной строке псалма 136: «На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали мы Сион», и связывает ее с толкованием Свяителя Иоанна Златоуста⁸⁷. Дальнейший текст стихотворения, безусловно, позволяет прийти к таким выводам, но с точки зрения динамики читательского восприятия переживаний лирического героя здесь возникает, скорее, аналогия не с Библией, а с первой строфой известного романа на стихи В. Ленского:

Вернись, я все прощу: упреки, подозренья,
Мучительную боль невыплаканных слез,
Укор речей твоих, безумные мученья,
Позор и стыд твоих угроз.

С 12 марта 1923 г., когда газета «Звено» поместила упоминавшийся уже «отрывок из повести» «Гибель» (известный как рассказ «Конец»), художественная проза и стихи Бунина эмигрантского периода печатаются достаточно регулярно.

В первой половине апреля 1923 г. выходит первая книга «трехмесячника» «Окно» — издания, которым занимались близкие Буниным Цетлины. В ней печатается рассказ Бунина «Безумный художник» и три стихотворения — «Вход в Иерусалим», «Сирус» и «В полночный час».

⁸⁷ Бердникова О.А. Реминисценции, цитаты и мотивы Псалтири в творчестве И.А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 315–327. См. также: Бердникова О.А. Библейская антропология в мире И.А. Бунина // Русская литература. 2009. № 3. С. 25–34.

Первое из стихотворений примыкает к «триптиху», опубликованному в «Медном всаднике». Исследователями «Вход в Иерусалим» рассматривается преимущественно в связи с христианскими мотивами в творчестве Бунина. Так, И.Б. Ничипоров в статье «Жанр молитвы в поэзии И.А. Бунина» фактически завершает им ряд, начинающийся с юношеских стихов «Под орган душа тоскует...» (1889), «В костеле» (1889) и «Троица» (1893). «Духовной вершиной в динамике жанра поэтической молитвы» Ничипоров называет у Бунина стихотворение «И цветы, и шмели...» (1918), которое цитируется в статье последним, но хронологически наиболее поздний текст — это именно «Вход в Иерусалим». По мнению Ничипорова, «в стихотворении “Вход в Иерусалим” (1922) глубокое вчувствование в самую атмосферу Евангельского события, в психологические детали образа Христа поднимает духовный уровень поэтической молитвы до масштаба сокрушенного личностного диалога с грядущим на вольную смерть Спасителем и интуитивного приближения к тайной предначертанности Его пути»⁸⁸.

Стихотворение «В полночный час» тематически примыкает к «Сириусу». Помещенные в «Окне» друг за другом они, естественно, могли восприниматься как связанные не только публикацией, но и писательским замыслом. Связь двух стихотворений фиксируется и дореволюционным творчеством Бунина — его стихотворением «Сапсан», где описан блистающий в ночной сини «острый Сириус», и в последних строках акцент делается на том, что происходит всё в полночный час: «Как воплотившаяся сила // Той Воли, что в полночный час // Нас страхом всех соединила — // И сделала врагами нас»⁸⁹.

То, что в «Сириусе» монолог декларативно ведется от лица умершего («Над дальнею моей могилою»), не противоречило первой строке стихотворения «В полночный час» («В полночный час я встану и взгляну...»), поскольку способность мертво-

⁸⁸ Ничипоров И.Б. Жанр молитвы в поэзии И.А. Бунина // Творческое наследие И.А. Бунина: традиции и новаторство. Материалы междунар. научн. конф., посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина. Орел, 2005. С. 73–77.

⁸⁹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 148.

го глядеть и вставать вполне сочеталась с способностью задавать вопросы, явленной в «Сириусе». Этим единством живого и умершего, хорошо знакомым читателям по лермонтовской поэзии, стихотворения Бунина связывались с определенной традицией, на которую указывали также и язык, и пафос стихотворения «В полночный час».

В результате монолог лирического героя Бунина мог восприниматься как проекция образа, созданного В.А. Жуковским в балладе «Людмила». Там, напомним, «час полночи» или «полночный час» упоминаются несколько раз: в тексте от повествователя (Спят пригорки отдаленны, // Бор заснул, долина спит... // Чу!.. полночный час звучит»), дважды в словах Людмилы во время ее беседы с умершим женихом («Ты ль? Откуда в час полночи? // Ах! едва прискорбны очи // Не потухнули от слез»; «Ночь давно ли наступила? // Полночь только что пробрела. // Слышишь? Колокол гудит») и, наконец, — в обращенных к Людмиле словах самого жениха:

Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал.

Таким образом, хотя имплицитно в тексте «мертвость» лирического героя не заявлена, контекст публикации и историко-литературный контекст позволял воспринимать стихотворение «В полночный час» как монолог мертвеца.

Возможна, естественно, была и обратная схема, при которой стихотворение «В полночный час» рассматривалось как антитеза «Сириусу». В таком случае воспетой в «Сириусе»

утраченной радости земного бытия, о которой вспоминает мертвец, противопоставлялось осознаваемая живущим бессмысленность жизни и всего, что с ней связано, в стихотворении «В полночный час».

Можно вспомнить и еще большой ряд произведений, в которых полночный час имеет ту же связанную образность: приход восставших из могил мертвецов за душами живых (см., к примеру, в русском переводе «Гамлета»: «Вот чар полночных час, когда могилы кладбищ // Свой разверзают зев, когда на мир наш // Заразой дышит ад»⁹⁰).

Связь с романтической традицией и ее позднейшим переосмыслением важна тем более, что открывал первую книжку «Окна», предшествуя публикации бунинских стихов, его рассказ «Безумный художник», и концепция, и центральный образ которого также были связаны с литературой романтизма и откликами на нее.

В «Безумном художнике» есть элементы «рождественского рассказа», но в данном случае Бунин пишет «рождественский ужас», как определила эту литературную форму в подзаголовке к одному из своих дореволюционных рассказов Н.А. Тэффи. Бунин отталкивается от устойчивой жанровой модели для того, чтобы за счет формального контраста подчеркнуть контраст в содержании. Рождество, знаменующее явление миру Высшей гармонии, сталкивается с хаосом, с которым не может справиться разум художника. «То, что привело его к безумию, спрятано на второй план; оно не рассказывается, а чувствуется, — подчеркивал С. Яблоновский. — Война, беспорядочное бегство, потеря жены и недоношенного ею ребенка, — весь тот хаос, который подхватил целый мир и закрутил, и крутит до сих пор его в бешеном урагане. Надорвался мозг художника; натянулись до последней степени его нервы; беспорядочно, но с последней напряженностью, раскаленная, работает его мысль — и все это на фоне тихого города, тихой гостиницы, тихой жизни, маленьких, как трава растущих, людей»⁹¹.

⁹⁰ Шекспир У. Гамлет. Антология русских переводов, 1883–1917 / сост. В. Поплавский. С. 175.

⁹¹ Общее дело. 1921. 28 ноября. № 498. С. 2.

Тихий город, тихая гостиница, тихие люди, живущие ожиданием светлого праздника, являют собой разительный контраст душевному состоянию главного героя. Это подчеркивается и речевым строем произведения, на что обращал внимание А. Левинсон: «Все слова художника и все слова о нем носят печать картинной и холодной напыщенности; безумец говорит не бессвязным пронизанным молниями языком бреда, а словно подбирает те “клише”, что приводили в отчаяние чеховского Треплева: “афиша на заборе гласила”. Все, что вне художника, зимнее утро, извозчик, продавщица, напротив, показано так непосредственно, выпукло и явно, что диву даешься»⁹².

Двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот шестнадцатого года художник достигает цели своего паломничества — приезжает в древний русский город, где он должен завершить дело всей жизни — написать Рождество, которое ему представляется идиллически-буколической картиной: «Я должен написать вифлеемскую пещеру, написать Рождество и залить всю картину, — и эти ясли, и младенца, и мадонну, и льва, и ягненка, возлежащих рядом, — именно рядом! — таким ликованием ангелов, таким светом, чтобы это было воистину рождением нового человека».

Художнику грезятся «небеса, преисполненные вечного света, млеющие эдемской лазурью и клубящиеся дивными, хотя и смутными облаками», «светозарные лики и крылья несметных ликующих серафимов <...> в жуткой литургической красоте небес; Бог-отец, грозный и радостный, благий и торжествующий, как в дни творения»; «дева неизреченной прелести, с очами, полными блаженства счастливой матери», являющая миру «младенца, блистающего, как солнце». Но безумие его обнажает совсем иное: на картине предстает то, что «покорило воображение наперекор страстным мечтам». На картоне чудовищно громоздились «дикое, черно-синее небо», пылающее «пожарами, кровавым пламенем дымных, разрушающихся храмов, дворцов и жилищ», «дыбы, эшафоты и виселицы с удушенниками», «высился огромный крест с распятым на нем, окровавленным страдальцем», под сердце которого глубоко всадила железный

⁹² Звено. 1923. 30 апреля. № 13. С. 2.

трезубец Смерть; «низ же картины являл беспорядочную груду мертвых — и свалку, грызню, драку живых, смешение нагих тел, рук и лиц, напоминающих скорее “лица скотов, зверей, дьяволов, но никак не <...> человеческие». На исходе тысяча девятьсот шестнадцатого года, в канун Рождества страшное предвесье создает кисть художника: «Ему мнится, что он узрел Бога в его лучезарной благодати; но невольно он живописует искаженный и мерзостный лик обуянного самоубийственной ненавистью человечества».

Еще в начале рассказа Бунин сталкивает жизнь и смерть — и в сюжете (художник приезжает после смерти своей любимой и их только родившегося ребенка), и в высказываниях главного героя («Последний миг кровавого, старого мира! Рождается новый человек!»). Причем автор не только противопоставляет жизнь и смерть, но и показывает их тесную связь, нерасторжимость, подчеркивает, что смерть есть конец жизни и после нее наступает начало жизни новой. Эту связь ощущает ясно не только повествователь, но и герой — «безумный художник». И не случайно Бунин подчеркивает, что его герою, создающему свою страшную картину в ночь под Рождество, кажется, «что мрачные, дьявольские наваждения жизни, черными волнами заливавшими его воображение, отступают от него». Он действительно освобождается от дьявольской иллюзии земной красоты, земных желаний, земной жизни; ему открывается высший смысл апокалиптических пророчеств, предвещающих конец мира, но не конец Бога, смерть земную как предвесье рождения в Боге. «Вера в божественность Распятого при Понтийском Пилате Назарянина, Который учил, что на земле все неверно и все неважно, все недолговечно, а действительность и вековечность настанут после гибели земли и всего живущего на ней, — вот та осязательно-мистическая точка опоры, на которой вращался и вращается до сих пор исполинский рычаг христианской проповеди», — пишет К. Леонтьев в статье «О всемирной любви»⁹³.

⁹³ Леонтьев К.Н. Цветущая сложность: Избранные статьи / сост., вступ. статья и коммент. Т. Глушковой. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 132.

Естественно, Бунин был далек от смиренного принятия грядущего конца человечества, как не мог он принять и неизбежность смерти индивидуальной, пытаясь найти выход в буддийском учении о переселении душ, где его, в свою очередь, пугала мысль о совершенствовании — пути к блаженному небытию. Но в «Безумном художнике» можно увидеть близость к позиции К. Леонтьева; исторические события служат своего рода подтверждением леонтьевского понимания христианства, и картина художника может восприниматься как откровение.

Впрочем, рассказ «Безумный художник» можно интерпретировать и иначе, если учесть, что и проблематика, и центральный образ, и сюжет строятся на принципиальном противопоставлении горьковской позиции. Картина, которую в итоге создает художник у Бунина, напоминает другую — ту, о которой мечтал горьковский художник, герой второй из «Сказок об Италии»:

«Молодой художник, пристально глядя в даль черными глазами, тихонько говорил:

— Картина, которую я хотел бы написать, такова:

“По дороге к большому городу, не спеша, идет мальчик”.

“Город лег на землю тяжелыми грудями зданий, прижался к ней и стонет, и глухо ворчит. Издали кажется, как будто он — только что разрушен пожаром, над ним еще не угасло кровавое пламя заката, и кресты его церквей, вершины башен, флюгера — раскалены до красна”.

“Края черных туч — тоже в огне; на красных пятнах зловеще рисуются угловатые куски огромных строений; там и тут — точно глубокие раны — сверкают стекла; разрушенный, измученный город, — место неутомимого боя за счастье, — истекает кровью, и она дымится — горячая — желтоватым, удушливым дымом”⁹⁴.

Сейчас эта параллель незаметна читателям, поскольку Горький внес в текст своего произведения изменения и в современных изданиях процитированный фрагмент отсутствует. Зато

⁹⁴ Горький М. Сказки. М.: Московское книгоизд-во, 1913. С. 13.

по-прежнему значим другой символ горьковского влияния. Вспомним, как Хан у Горького говорил: «Если никто тебя не любит — неразумно жить на свете»⁹⁵. Этот рационализм, отвергающий вечно любящего Бога, и ведет, как показывает Бунин, от жизни к смерти, и оборачивается безумием. С точки зрения Бунина, пагубность позиции Горького заключается, в частности, в том, что смерть затмевает жизнь, когда вера заменяется знанием. И это показывается в рассказе «Безумный художник».

Приехавший в город под Рождество, художник восклицает: «В мире, мой друг, нет праздника выше Рождества. И нет таинства, равного рождению человека. Последний миг кровавого, старого мира! Рождается новый человек!»⁹⁶. Но он не идет в храм славить Рождение Христа: «Я боюсь церковей и часовен»⁹⁷. Солнце ему заменяют оплывшие свечи, вместо холста, кисти и масляных красок у него «большой лист шершавого картона и цветные карандаши»⁹⁸. Где он их покупает? Убегая от часовни на главной площади, к которой его привез извозчик, художник попадает в магазин, который называется, как и знаменитое издательское товарищество, в котором когда-то вместе публиковались Горький и Бунин, — «Знание».

Отметим и возможность других трактовок рассказа. Для Л. Львова главным было то, что вслед за героем рассказа домой, в Россию, в прошлое возвращается и читатель: « — “Узнаю тебя, Русь”, — громко говорит художник Бунина, шагая по площади бунинского “древнего русского города”, и мы далеко-далеко от наших современных бурь и невзгод, опять в нашей Руси, казалось, уже совсем позабытой и потерянной нами навсегда Руси...»⁹⁹

Как раз над многоплановостью бунинской прозы размышлял С. Яблоновский: «Последний ужас, последнее разрушение, смерть, взаимоистребление, и над всем этим не рождение, а распятие Нового Человека. Безумный, или мудрый художник в маленьком мирке, среди крошечных людей, — может быть это хотел

⁹⁵ Горький М. Рассказы. Т. 2. С. 74.

⁹⁶ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 175.

⁹⁷ Там же. С. 176.

⁹⁸ Там же. С. 177.

⁹⁹ Возрождение. 1925. 27 июля. № 55. С. 3.

показать писатель; может быть, весь ужас того, что называется теперь жизнью на земле, а может быть, “в полной противоположности первоначальной жажде”, он просто создал великолепнейший психологический этюд, в котором исполнение, задачи чисто художественные, так велики, что поглощают, отодвигают и историческое, и общественное, и всякое иное значение рассказа»¹⁰⁰.

Среди произведений, созданных Буниным «в то время, когда мы уже волею судеб вынуждены были оставить землю нашу родную, оторваться от нее, <...> лучшее — это, конечно, рассказ о “Безумном художнике”, — утверждал Л. Львов. — Вся сила воспоминания, вся сила способности предаваться воскрешению того, что давно уже пережито и загромождено в памяти громадой и грохотом событий и надвинувшихся новых впечатлений, вся сила творческого воспоминания о том, что оставлено нами там позади, далеко»¹⁰¹.

«Это — выхваченный наудачу крохотный кусочек рассказа о безумии, написанного точными, строгими, резко определенными словами. Соединение мятущегося вихря, пожара, в котором сгорает дух художника, с необыкновенной зоркостью, четкостью определений, с которой рисует художника кисти художник слова, — представляется вероятно не намеренной, но огромной прелестью рассказа, — замечал С. Яблоновский. — Весь рассказ написан сухими, колючими словами, простыми до такой степени, что не всякий и не сразу найдет в этой простоте вырезанность линий, точность окраски, — воссоздание целого мира»¹⁰².

Рассказы, написанные Буниным в 1921 г., различаются и по тематике, и по жанровой форме. Фольклорные мотивы Бунин кладет в основу сюжета не только рассказа «Темир-Аксак-Хан», но и сказки «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее». «Русская сказка» противопоставлена и татарской легенде, и буддистской притче. Интересно, что Бунин, всегда отдававший предпочтение «Европе» и выступавший против «Азии», здесь «древней Руси» в пример — вольно или невольно — ставит Азию. Публи-

¹⁰⁰ Общее дело. 1921. 28 ноября. № 498. С. 2.

¹⁰¹ Возрождение. 1925. 27 июля. № 55. С. 3.

¹⁰² Общее дело. 1921. 28 ноября. № 498. С. 2.

цистические задачи заставили Бунина в русской сказке увидеть философию «обывательщины», в то время как в восточном фольклоре он на первый план выдвинул «глубинный смысл».

Название сказки Бунина «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» отсылает к народной сказке и ее литературным обработкам, из которых самой известной являлась сказка В.И. Даля, а также сразу к двум произведениям Горького, созданным до революции, но опубликованным уже позже. Это статья «О дураках и прочем», вошедшая во второе издание сборника «Статьи 1905–1916 гг.» (Пг.: Парус, 1918) (и в сборнике, и при первой публикации статьи 5 октября 1917 г. отмечено, что она написана до революции), и сказка «Про Иванушку-дурачка», подготовленная в конце 1916 г. для детского сборника издательства «Парус», составленного Александром Бенуа и Корнеем Чуковским. Сборник предполагалось издать весной 1917 г. под названием «Радуга», но в результате он вышел лишь к Новому году и назывался поэтому уже не «Радуга», а «Ёлка».

Бунин обращается к фольклорному образу, но если в случае с Темир-Аксак-Ханом у Бунина и у Горького это был образ реального исторического лица, то теперь героем произведения становится сказочный дурак. Устойчивую фольклорную жанровую форму и известный сюжет Бунин использует для контраста, сталкивая собственную интерпретацию образа с устойчивым читательским ожиданием. В герое народной сказки Бунин видит прообраз тех «Иванов Непомнящих», против которых он в 1925 г. выступит в статье «Инония и Китеж» (в которой также упоминается Горький): «есть два непримиримых мира: Толстые, сыны “святой Руси”, Святогоры, богомольцы града Китежа — и “рожи”, комсомольцы Есенины, те, коих былины называли когда-то Иванами»¹⁰³.

Полемизируя с фольклорным оригиналом, Бунин уже в 1921 г. превращает Емелю, в сказке уповающего на чудо, ленивого, но смиренного, в «кривоногого и раскосого Ивана с его Инонией — иначе говоря, с простым, старым, как мир, дикарством»¹⁰⁴. Горький в статье «О дураках и прочем» также

¹⁰³ Публицистика И.А. Бунина (1918–1952 гг.). С. 164.

¹⁰⁴ Там же. С. 165.

резко критиковал фольклорный тип, но он видел в образе сказочного дурака совсем противоположное. Горький, следуя за логикой народной сказки, находил у Ивана-дурака проявление терпения, смирения, покорности — и не мог принять эти черты:

«Любимый герой русских народных сказок — Иванушка-дурачок, человек, который терпеливо и покорно переносит все невзгоды жизни, преодолевая их не силою разума и деяния, а покорностью судьбе и терпением. За эту способность сказки награждают его “по щучьему велению” богатством, покоем, красивой, мудрой женой и даже королевским тронem, а действительность, — мы все по себе знаем, чем награждает суровая действительность людей излишне терпеливых...

Романский и германский фольклор изображает дурака или человеком “себе на уме”, существом, которое притворяется глупым в целях самозащиты, или же относится к дураку с иронией, презрением, сарказмом.

У нас дурак “глуп до святости”; насмешливое отношение к нему пропитано добродушием, чаще же — насмешка сочувственно печальна, и в ней легко можно уловить почтительное удивление, кроткую зависть перед счастьем глупости.

Наш сказочный дурачок всегда живет чужой силой, но не потому, что он победил силу и убедил служить ему, — нет, сила помогает дураку только из сострадания к его глупости»¹⁰⁵.

У Бунина герой проявляет иные качества. В образе Емели он видит не покорность, а лень, не терпение, а стремление к разрушению, а в сюжете, возводящем дурака и лентяя «по щучьему велению» на престол, предвестие краха государства.

Рассказчик в фольклоре является выразителем народной мудрости, общих взглядов и чаяний. Бунинский рассказчик — образ сатирический. Автору ненавистен не только Емеля, но и те, кто создает себе такой идеал. Публицистические задачи автора проявляются и в изображении царя, и в саркастическом комментарии по поводу любви к красному цветку («они,

¹⁰⁵ Горький М. Статьи 1905–1916 гг. / изд. 2-е без цензурных изъятий, доп. двумя статьями. Пг.: Парус, 1918. С. 196.

дурачки-то, любят красненькое»¹⁰⁶), и в заключительной фразе, проводящей параллель между судьбой Емели и судьбой России: «Мол, и без меня управятся, — с государством-то!»¹⁰⁷.

И Горький, и Бунин единомышленны в отрицании «счастья глупости», но художественное решение они предлагают разное. У Бунина мы видим «несчастье», которое воинствующая глупость несет государству, Горький же в сказке «Про Иванушку-дурачка» создает образ дурака притворяющегося. Хотя в статье он и объявлял таких дураков привилегией романского и германского фольклора, но на самом деле Иван и в русской сказке вовсе не глуп. И в своей сказке Горький этот ум Иванушки-дурачка подчеркивает, заставляя героя самого объяснять:

«Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, все у него смешно выходит — не так, как у людей. <...>

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет. Зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой.

Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь»¹⁰⁸.

В тексте публикаций указано, что Горький «пересказал» текст, заявленный как «русская народная сказка», но этот диалог Иванушки и Медведя не имеет фольклорной основы — и именно его писатель делает смысловым центром сказки.

Там, где Горький хочет обнаружить ум, Бунин продолжает видеть лишь дурака, причем дурака, диктующего свою волю

¹⁰⁶ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 203.

¹⁰⁷ Там же. С. 204.

¹⁰⁸ Про Иванушку дурачка. Русская народная сказка. Пересказал М. Горький // Елка: Книжка для маленьких детей / сост. Александр Бенуа и К. Чуковский. Пг.: Парус, [1918]. С. 37–38.

всем остальным. В фольклорной или классической литературной модели сказки про Емелю герой, прежде чем стать царем или королем, преобразуется, получая от рыбы еще и мудрость.

«Наделенная отныне властью распоряжаться тунцом, Лучана тотчас же приказала ему выкинуть бочку на один из самых прекрасных и самых надежных утесов, какой только можно найти во владеньях ее отца: и ещё приказала она, чтобы Пьетро из грязнули и дурачка превратился в самого красивого и самого мудрого человека на свете»¹⁰⁹, — пишет Страпарола.

В русской народной сказке дурак стремится поумнеть сам, а не по воле жены:

«И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взшел с принцессою во дворец и увидел, что в покоях весьма богатое было убранство и множество людей, как лакеев, так и всяких разносчиков, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!

И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись»¹¹⁰ (165. Емеля-дурак).

Правда, еще в одном варианте у Афанасьева (устном; 166) дурак ума не просит, но там он и королем не становится: «Они приехали; король их простил, и стали вместе жить-поживать да добра наживать»¹¹¹.

Бунин резко противопоставляет своего Емелю привычному сказочному. Его герой не стал умнее, не преобразился «по щу-

¹⁰⁹ Страпарола. Приятные ночи. Ночь третья. Сказка I. Пьетро Дурак благодаря рыбине, именуемой тунцом, которую он поймал и которой сохранил жизнь, обрел рассудок; он берет себе женой Лучану, дочь короля Лучано, зачавшую от него ранее под влиянием колдовских чар. М.: Наука, 1993. С. 87.

¹¹⁰ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 325.

¹¹¹ Там же. С. 327.

чьему велению», а «вышел всех умнее» — это подчеркивается в названии и в первых строчках произведения: «Емеля был дурак, а прожил на свете так, как дай бог всякому: не сеял, не пахал и никакой работы не знал, а на печке сытенький полеживал. К самому царю на оправданье на печке ездил»¹¹².

В 1923 г. в журнале «Русская мысль» публикуется подборка Бунина «Семь стихотворений» (Кн. VI–VIII. С. 3–7). 14 (27) июля 1923 г. И.А. Бунин сообщал Г.П. Струве, что отослал ему для публикации несколько стихотворений:

«Дорогой Глеб Петрович.

Давно обещал П.Б. дать что-нибудь для “Рус. м.” и вот посылаю наконец несколько стихотв. Поручаю их Вашей заботливости, очень боюсь корректорской невнимательности, невежественности и своевольности, прошу воспроизвести оригинал точнейшим образом, с сохранением каждой моей запятой и каждого моего маленького и большого тире.

Гонорар — по мере Вашей силы и возможности. Рассказ надеюсь дать немного позднее. Напишите, как теперь выходит “Рус. м.” — правильно ли — и каково ее будущее?»¹¹³

Из отосланных в редакцию семи стихотворений три публиковались раньше. Открывавшее подборку стихотворение «Сон Епископа Игнатия Ростовского» было напечатано под названием «Сон епископа» в 1916 г., причем сразу в двух изданиях — «Современном мире» (№ 10) и «Ежемесячном журнале» (№ 9–10). В сборнике «Роза Иерихона» оно датировано 23.I.16 (С. 231). Шедшее третьим стихотворение «Едем бором, черными лесами...» впервые было опубликовано под заглавием «Из цикла “Русь”» в московской газете «Понедельник “Народного слова”» 15 апреля 1918 г. (№ 1). В «Русской мысли» (С. 4–5) указывались время и место создания стихотворения: «9.IX.1916. С. Васильевское», а в книге «Роза Иерихона» затем осталась только дата: «9.IX.16» (С. 254). И, наконец, четвертое стихотворение — «Наполовину вырубленный лес...» — пре-

¹¹² Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 198.

¹¹³ Цит. по: Колеров М.А. Русские писатели и “Русская мысль” (1921–1923): Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. 19. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. С. 244.

жде печаталось в 1919 г. под названием «Пожары» в одесской газете «Южное слово» (13 (26) декабря. № 98. С. 2). В «Русской мысли» (С. 5) время и место создания были обозначены как «27.VI.1917. С. Васильевское», в сборнике «Роза Иерихона» место уже не указывалось, а в дату было внесено исправление: «27.VII.17» (С. 256). Позже это стихотворение публиковалось под названием «Семнадцатый год».

До отъезда из России было написано и еще одно из «Семи стихотворений» — второе. В «Русской мысли» это не обозначено, но в сборнике «Роза Иерихона» стихотворение “Хозяин умер, дом забит...” датировано 23.VII.16 (С. 248–249). Позже оно получило название «Канун». Таким образом, из семи стихотворений в эмиграции написаны только заключительные три — «Душа навеки лишена...», «Зарос крапивой и бурьяном...» и «Все снится мне заросшая травой...».

Синтаксическое построение стихотворения «Зарос крапивой и бурьяном...» напоминает конструкцию стихотворения «Вход в Иерусалим». Оно начинается с двух предложений, уменьшенных в три стихотворные строки («Зарос крапивой и бурьяном // Мой отчий дом. Живи мечтой, // Надеждами, самообменом!»), а оставшаяся часть текста — еще 10 строк — это одно предложение. Подобный синтаксический контраст побуждает прежде всего соотнести между собой первые два предложения. Они следуют друг за другом, примерно равны по объему и связаны графически единой стихотворной строкой, однако их смысловая связь может быть интерпретирована по-разному.

Первая строка воспринимается как отсылка к «Запискам охотника» Тургенева, к рассказу «Певцы»:

«Признаться сказать, ни в какое время года Колотовка не представляет отрадного зрелища; но особенно грустное чувство возбуждает она, когда июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляет и бурые полуразметанные крыши домов, и этот глубокий овраг, и выжженный, запыленный выгон, по которому безнадежно скитаются худые, длинноногие курицы, и серый осиновый сруб с дырами вместо окон, остаток прежнего барского дома, кругом заросший крапивой, бурьяном и полынью, и покрытый гусиным пухом, черный,

словно раскаленный пруд, с каймой из полувысохшей грязи и сбитой набок плотиной, возле которой на мелко истоптанной, пепеловидной земле овцы, едва дыша и чихая от жара, печально теснятся друг к дружке и с унылым терпеньем наклоняют головы как можно ниже, как будто выжидая, когда ж пройдет наконец этот невыносимый зной»¹¹⁴.

Как и в ряде других произведений этого периода, начало стихотворения носит подчеркнуто штампованный характер. Примеров использования конструкции «живи мечтой» и ее вариаций в русской поэзии XIX – начала XX вв. можно привести массу — это и Константин Бальмонт, и Валерий Брюсов, и Владимир Гиппиус, так что в данном случае мы имеем дело с апелляцией не к конкретному тексту, а к поэтической образности в целом.

Поэтому и не столь важно — мечтает ли герой об отчем доме или о том, что он обретет свой прежний, «незаросший», вид, стоит этот дом в действительности — или это лишь мечты и самообман. И первое, и второе предложение должны вызвать у читателя привычный поэтический настрой, и в их столкновении важна прежде всего контрастность: разочарованно-умиротворенный меланхолический характер первого высказывания и императивно-восторженный характер второго. Этот контраст должен вызвать диссонанс, который и составляет суть переживания лирического героя. Диссонанс подчеркивается сочетанием несочетаемого в третьем предложении: «жизни» — «могильной».

Связь стихотворения «Все снится мне заросшая травой...» с предыдущим устанавливается первой же строкой, повторяющей образ из первой строки стихотворения «Зарос крапивой и бурьяном...». Только на смену отчету дому приходит «развалина капеллы вековой». Композиционно тексты также схожи. Стихотворение «Все снится мне заросшая травой...» фактически состоит из двух предложений. Открывающее текст короткое предложение (три строки) — это своего рода экспозиция, а

¹¹⁴ Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 1: Записки охотника. С. 207.

далее следует длинное второе предложение (11 строк), включающее прямую речь.

Летом 1923 г. М. Цетлина просит у Бунина дать свои произведения и для третьей книжки «Окна» — она поступила в продажу 9 марта 1924 г. и оказалась последней. «Живу в надежде, что если не прозу, то стихи Вы найдете для «Окна» третьего»¹¹⁵, — пишет она Бунину 18 августа 1923 г. Бунин «нашел» и прозу — рассказ «В ночном море», и стихи — «Была весна и жизнь была легка...» (С. 19) и «Колоколов средневековый...» (С. 20). Стихотворения были опубликованы именно так, без заглавий, под общим, вынесенным на отдельный лист, обозначением «Ив. Бунин. Стихи» (С. 17).

Стихотворение «Была весна и жизнь была легка...» затем получило название, привязывающее описанные там переживания лирического героя к определенному времени. В книге «Роза Иерихона» оно было опубликовано под названием «Весна 1886 г.» и датировано «9.IX.22» (С. 307). В книгу «Избранные стихи» (Париж: Современные записки, 1929) стихотворение не включено, в восьмом томе собрания сочинений (Берлин: Петрополис, 1935. С. 216) напечатано без названия, а позже печаталось под названием «1885 год».

Публикация в трехмесячнике «Окно» не предполагала возможности отнести воспоминания лирического героя к столь давнему времени, и они не воспринимались как сугубо личные, исключительно авторские, что затем стало подчеркиваться годом, вынесенным в название. Читатель «Окна» видел в стихотворении «Была весна и жизнь была легка...» стремление передать не индивидуальное, а типическое переживание беженца, оставившего на родине «и первый стих, и первую любовь», и родные могилы, но унесшего с собой в эмиграцию воспоминания о них.

В стихотворении выделяется то же, характерное для стихов, написанных в 1922 г., желание поэтически осмыслить жизнь в

¹¹⁵ «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубь; вступ. статья О.А. Коростелева // Современные записки (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 712.

связи со смертью. Первые три строфы не просто построены на сопряжении жизни и смерти: в них изображение смерти лексически материально за счет использования слов «могила» в первой («Зияла адом свежая могила») и во второй строфе: «Пришли ко мне с могилой и весною») и «гробный» — в третьей строфе («Где та весна и гробные рыдания?»). Весна, которая обычно связана в поэтическом мире с зарождающейся новой жизнью, в этом тексте Бунина — подчеркнута контрастно — увязывается со смертью. Обратим в связи с этим еще раз внимание на то, что стихотворение было опубликовано в «Окне» сразу за рассказом Бунина «Несрочная весна». Но связь со смертью не омрачает образ весны: смерть и зарождающаяся новая жизнь сливаются воедино:

Была весна, и жизнь была легка.
Зияла адом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что веял из кадила.

Земля, как зацветающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стих и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и весною.

В заключительной строфе это закономерно приводит к идее Воскресения — и тогда весна начинает отождествляться еще и с Пасхой, а весь текст встраивается в ряд произведений на христианские темы. Резкое сокращение текста в книжной редакции способствует именно устранению из него личного и эмигрантского как локального и временного (см. об этом подробнее в статье «От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг.» в настоящем издании).

Стихотворение «Колоколов средневековый...» позже, в книге «Избранные стихи» (Париж: Современные записки, 1929. С. 226) и в восьмом томе собрания сочинений (Берлин: Петрополис, 1935. С. 211) печаталось под заглавием «Венеция». В сборнике «Роза Иерихона» оно датировано «28.VIII.22» (С. 304).

В 1923 г. Бунин соглашается сотрудничать в «Современных записках». «Сегодня получил от редакции письмо, в котором она очень просит Вас дать рассказ именно к этому номеру. Хочется новогодний номер выпустить наилучше (там будет дневник Толстого и записки матери Гоголя). Очень просят дать и стихи. Все это нужно немедленно — числу к 10-му – 12-му, — пишет 3 декабря 1923 г. Бунину Фондаминский. — Дорогой Иван Алексеевич, и я Вас очень прошу дать рассказ и, если можно, стихи именно к этому номеру. Я так счастлив, что Вы будете сотрудничать в «Совр[еменных] зап[исках]», и я так давно об этом мечтаю, что мне хочется...» («Если хотите меня печатать, терпите». С. 712–713).

18-я книжка «Современных записок» в 1924 г. открывается публикацией бунинского рассказа «Несрочная весна» (С. 5–18). В 20-й книжке «Современных записок» в 1924 г. печатаются рассказы Бунина «Звезда любви» (С. 5–9) и «Преображение» (С. 10–14), а также его поэтическая подборка под общим названием «Молодость» (С. 216–220). В нее входят стихотворения «Тихой ночью поздний месяц вышел...» (в дальнейшем печаталось под названием «Морфей»), датированное в книге «Роза Иерихона» «26.VII.22» (С. 294), «Зачем пленяет старая могила...», датированное в книге «Роза Иерихона» «25.VIII.22» (С. 297), «Мечты любви моей весенней...» (в книге «Роза Иерихона» датировано «26.VIII.22» (С. 300)), «Печаль ресниц, сияющих и черных...» (в книге «Роза Иерихона» датировано «27.VIII.22» (С. 303)).

В 1924 г. печатается и еще ряд произведений 1922–1923 гг. Рассказ «Неизвестный друг» публикуется в первом номере журнала «Златоцвет», «Огонь пожирающий» и «Далекое» — в берлинской газете «Руль» (21 августа и 18 сентября), «В некотором царстве» — в первом номере журнала «Иллюстрированная Россия» (С. 5–6).

В рассказах «Косцы», «Полуночная зарница», «Преображение», «Далекое», «Неизвестный друг», «В некотором царстве», разных и по форме, и по тематике, главным для Бунина является чувство Живой России: «Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам

было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу» («Косцы») ¹¹⁶.

«Тогда» и «теперь» в большинстве рассказов противопоставляются за счет того, что повествователь вспоминает, вспоминает давно прошедшее, причем давно не относительно, а абсолютно: «Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки» («Косцы»). Фольклорный зачин придает описываемому характер легенды, предания о чем-то «далеком» и необычайном: «Давным-давно, тысячу лет тому назад, жил да был вместе со мною на Арбате, в гостинице “Северный Полюс”, некий неслышный, незаметный, скромнейший в мире Иван Иванович» («Далекое»).

Прошедшее время у Бунина постоянно напоминает о том, что все изображаемое больше не существует. «Для Бунина новый быт, во всех его формах, — не Россия только, но и Европа! — отвратителен, и он упорно говорит об этом. Это “дикий, презренный век”. Старая прежняя жизнь его очаровывает, и он признается в этом, — утверждал Г. Адамович. — Но милее всего ему то, что не ново и не старо, что всегда было и будет: осенние холодные заката, бесконечно ровное море, снег, ветер, улыбка любимого лица, торопливые признания» (Звено. 1924. 10 ноября. № 93. С. 2).

И в описании характеров, и в описании быта, и в описании природы Бунин показывает душу России. «Он ее отгадал при помощи любви, печали и нежности, и в его собственном творчестве, в творчестве Бунина, запела душа России...» — отмечал В. Ладыженский (Вечернее время. 1924. 18 декабря. № 200. С. 3). Сохранить душу России — становится в эмиграции главной творческой задачей писателя, подчиняющей себе все остальное.

Действие последнего рассказа, написанного в 1920–1923 гг. «с натуры», происходит на корабле, отплывающем из Одессы за

¹¹⁶ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 191–192.

границу в ночь, когда туда вошли части Котовского («Конец»). Бунин вынужден менять основную тематику своего творчества, в котором прежде, несмотря на любовь писателя к прошлому и постоянное использование воспоминаний, преобладало изображение *современной* ему России.

Единственным рассказом этих лет, в котором рисуется современная, большевистская Россия, является рассказ «Несрочная весна», переносащий «в пореволюционную, в посястороннюю нашу действительность», рассказ «о совсем недавней нашей были и о нашей боли» (Возрождение. 1925. 27 июля. № 55. С. 3). Название Бунин взял из стихотворения Е.А. Баратынского, и В. Ладыженский, приводя слова А.С. Пушкина о Баратынском («Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах»), писал: «То же самое может сказать современник о Бунине. Не только для художников, но и для всех существует одинаковое наваждение: прежний мир не есть мир мертвых» (Вечернее время. 1924. 18 (5) декабря. № 200. С. 3).

В «Несрочной весне» Бунин сталкивает «прошлое» и «настоящее» непосредственно, и герой его чувствует себя мертвецом в «новом мире», но он живет в прошлом: «Состояние же мое заключается в том, что я непрестанно чувствую, как тлеет, рвется самая последняя связь между мною и окружающим меня миром, как все больше и больше отрешаюсь я от него и ухожу в тот, с которым связан был я не только весь свой век, с детства, с младенчества, с рождения, но даже и до рождения: ухожу в Элизей моих воспоминаний и видений, в некий сон, блистающий подобием той яркой и разительно живой жизни, в которой застыли мертвецы с лазурными глазами в пустом дворце в подмосковных лесах»¹¹⁷.

Эта связь «живой жизни» и смерти особенно примечательна тем, что Бунин использует знаменитую формулу В. Вересаева «Живая жизнь». Рассказ о запустении, об умирании превращается в повествование о вечно торжествующей жизни, оживляющая память становится началом воскресения, внутренний мир героя словно прорывается через границы исторического, сиюминутного в мир вечности. Именно это, а вовсе не изобраа-

¹¹⁷ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 268.

жение большевистской разрухи, становится главным в произведении: «Содержание рассказа наполнено близкой и тяжелой для нас современностью. Речь идет о революционном разгроме культуры и духовной и материальной. <...> И, кажется, что в такой обстановке не может быть места не только поэту, но и просто разумному человеческому существу. Такое одиночество было бы смертельным, если бы в душе человека не жила уверенность в бессмертии, в духовной связи с прошлым, в собственном участии в творчестве вечной духовной и материальной культуры, оскверняемой иногда человечеством. <...> Бессмертие ослепительной и радостной молнией прорезывает сознание поэта, тоскующего горем своей родины»¹¹⁸.

В художественной прозе начала 1920-х гг. Бунин практически не обращается и к жизни эмиграции. Исключением можно считать лишь рассказ «Огонь пожирающий», написанный, по определению Г. Адамовича, «с каким-то исчерпывающим мастерством»¹¹⁹.

Действие разворачивается в Париже, но привязывается к определенному времени скорее тематикой повествования, прошлым, к которому обращается герой, чем конкретными бытовыми, узнаваемыми деталями, как это бывает в произведениях, написанных под влиянием только что произошедших событий. По мнению Л. Львова, Бунин здесь уводит нас в совсем иной мир, «вдаль от нашего последнего и конкретного»:

«Бунин как бы забыл на минуту <...> о нашем томлении и о нашей последней тоске... Да это естественно и должно было случиться с ним: ведь здесь в условиях небольшевицких писатель не может не откликаться и на тот окружающий мир, среди которого ему приходится существовать — не может не откликнуться и на *покой*, если этот покой существует рядом с ним. А *покой* дает возможность размышления, *покой* рождает тревогу духа, — и отсюда эти вопросы тех категорий, которые кому-либо могут показаться, может быть, и несвоевременными и вовсе ненужными для нас, для которых *все* — в *обретении*

¹¹⁸ Вечернее время. 1924. 18 (5) декабря. № 200. С. 3.

¹¹⁹ Звено. 1924. 10 ноября. № 93. С. 2.

одной лишь России. Бунин — писатель, Бунин — художник, и потому он свободен; и вот отсюда это впечатление от его “Огня пожирающего”, будто он написан не русским Буниным, а рукой писателя-европейца, европейца *par excellence*»¹²⁰.

Но дистанцированность автора от современности в этом рассказе все же в значительной мере кажущаяся. «Огонь пожирающий» молоха крематория предстает как символ цивилизации, поглощающей душу человеческую: «И вдруг я поднял глаза: на широкой площади, внезапно открывшейся передо мной, высились нечто вроде храма или, вернее, капища с круглым куполом, две высоких заводских трубы, — именно заводских, голых, кирпичных, — поднимались в небо по сторонам этого купола — и из одной черными клубами валил дым. Уже! Я опоздал, ее уже жгли! Это из той адской подземной печи, куда уже вдвинули гроб с ее телом, валил этот страшный, молчаливый дым, такой особенный, такой не похожий ни на один дым в мире!»¹²¹.

Сопоставляя описание «тихой смерти» старого князя в рассказе «Исход» с «жутким и сильным» рассказом «Огонь пожирающий», Саша Черный отмечал, что душа поэта «словно содрогнулась перед машинно-кощунственным уничтожением праха, лишенного последнего “уют”», содрогнулась как-то по-русски, вызывая такую же встречную волну в читателе»¹²².

События, описанные в рассказе, могли происходить в любое время, и до, и после революции, — если отрешиться от авторского мироощущения, которое, собственно, и составляет главное в содержании рассказа; прошлое важно в его взаимосвязи с настоящим. И спокойной беспощадности, с которой уничтожается тело человеческое, гнетущей мертвой тишине, царящей в капище с театральной сценой, противопоставляется умиротворяющая душу радость, витающая над миром: «Это город великой печали и великого отчаяния, — подумать только, какие миллионы уже легли здесь и еще лягут! Но удивительно, — какая-то благостная, душу умиротворяющая радость все-таки вита-

¹²⁰ Возрождение. 1925. 27 июля. № 55. С. 3.

¹²¹ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 258.

¹²² Русская газета. 1924. № 186. 29 ноября. С. 2.

ет здесь надо всем. Радость чего? Весны, неба, первой зелени, мрамора? Вечной молодости мира, вечно воскресающей жизни? Или же и впрямь той жизни небесной, в которую сердце невольно и наивно верит и жаждет верить здесь?»¹²³.

Традиционное для русской литературы противопоставление настоящему светлому будущему и до революции редко встречалось в произведениях Бунина. В первые годы эмиграции «будущее» исчезает из его творчества даже как понятие. Настоящему можно противопоставить только «светлое прошлое». Но Бунин вовсе не стремится идеализировать прошлое, оно для него является «светлым» просто потому, что оно прошлое. Все, что для Бунина связано с Россией, становится необычайно важным, поскольку больше России нет. Единственное, что осталось от России, — та часть русской эмиграции, которая с честью несет свою миссию. Но прошлое России переживает, уже пережило ее настоящее. Категории «прошлое» — «настоящее» — «будущее» у Бунина тесно связаны с понятиями «жизнь» — «смерть» — «вечная жизнь», необычайно важными для писателя на всем протяжении его творческого пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердникова О.А.* Библийская антропология в мире И.А. Бунина // Русская литература. 2009. № 3. С. 25–34.
- Бердникова О.А.* Реминисценции, цитаты и мотивы Псалтири в творчестве И.А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 315–327.
- Бунин И.А.* Митина любовь: повесть. Л.: Книжные новинки, 1926. 96 с.
- Бунин И.А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1990. 416 с.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / ред. О.Н. Михайлов, коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1998. 640 с.
- Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. 686 с.
- Бунин И.А.* Сочинения: Ночь отречения / общ. ред., сост., вступ. ст. и коммент., подгот. текстов Д.Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001. 448 с.
- Василевский И.* Бесплодие: литературные настроения // Последние новости. 1921. 1 апреля. № 291. С. 2.
- Василевский И.М.* Эмигрантская злость // Свободные мысли. 1920. 1 ноября. № 7. С. 2.

¹²³ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 258.

- Волков А. Проза Ивана Бунина. М.: Московский рабочий, 1969. 446 с.
- Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 2 / сост., предисл. и коммент. Е.Я. Курганова. 382 с.
- Горький М. Вчера и сегодня // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. Май. С. 29–30.
- Горький М. Письмо к Уэллсу // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. С. 2208–2209.
- Горький М. Рассказы. СПб.: Изд-е Тов-ва «Знание», 1900. Т. 2. 348 с.
- Горький М. Сказки. М.: Московское книгоиздательство, 1913. 156 с.
- Горький М. Статьи 1905–1916 гг. / изд. 2-е без цензурных изъятий и доп. двумя статьями. Пг.: Парус, 1918. 212 с.
- Евгеньев-Максимов В. Очерки истории новейшей русской литературы / изд. 4-е. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 336 с.
- «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; вступ. ст. О.А. Коростелева // Современные записки (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 697–932.
- Колеров М.А. Русские писатели и “Русская Мысль” (1921–1923): Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. 19. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. С. 234–253.
- Леонтьев К.Н. Цветущая сложность: Избранные статьи / сост., вступ. ст. и коммент. Т. Глушковой. М.: Молодая гвардия, 1992. 318 с.
- Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. 696 с.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1. 464 с.
- Николаев Д.Д. Проза И. Бунина первой половины 1920-х годов // И.А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 151–167.
- Ничипоров И.Б. Жанр молитвы в поэзии И.А. Бунина // Творческое наследие И.А. Бунина: традиции и новаторство. Материалы междунар. научн. конф., посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина. Орел, 2005. С. 73–77.
- Про Иванушку дурачка. Русская народная сказка. Пересказал М. Горький // Елка: Книжка для маленьких детей / сост. Александр Бенуа и К. Чуковский. Пг.: Парус, [1918]. С. 37–38.
- Странарола. Приятные ночи. Ночь третья. Сказка I. Пьетро Дурак благодаря рыбине, именуемой тунцом, которую он поймал и которой сохранил жизнь, обрёл рассудок; он берёт себе женой Лучану, дочь короля Лучано, зачавшую от него ранее под влиянием колдовских чар. М.: Наука, 1993. 448 с.
- Струве Г. Русская литература в изгнании / 2-е изд. Париж, 1984. 427 с.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-768-801>
<https://elibrary.ru/REAVWY>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

УДК 821.161.1.0

ПОЭТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ДНЕВНИКАХ И.А. БУНИНА 1920–1930-х гг.

© 2022 г. М.М. Полехина

Аннотация: В статье рассматриваются дневниковые записи И.А. Бунина 1920–1930-х гг. в дискурсе повседневности, в аспекте философско-эстетических поисков писателя в один из напряженных периодов русской истории. Большая часть дневников Бунина не сохранилась, писатель предпочел не выносить их на суд читателя. Тот материал, который доступен для изучения, расширяет наши представления о творческой индивидуальности художника, о феномене повседневности в его наследии. Повседневность в дневниковых записях Бунина рассматривается в аспекте онтологических и аксиологических доминант. Каждодневные события, процессы и явления, составляющие структуру естественного, обыденного течения жизни писателя, сопровождаются авторскими комментариями и эмоционально-образными характеристиками. Вырисовывается образ художника, переживающего бурные эмоции по поводу разрушения старого мира, русской культуры, традиционных ценностей и, вместе с тем, сохраняющего неизменность и определенность своих убеждений и пристрастий.

Ключевые слова: И.А. Бунин, дневники, эмиграция, повседневность, аксиологические доминанты, творческая индивидуальность художника.

Информация об авторе: Майя Михайловна Полехина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения МГИМО МИД России (Одинцово), ул. Ново-Спортивная, д. 3, 143005 Московский регион, г. Одинцово, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-8194>. E-mail: illusio2008@yandex.ru.

Для цитирования: Полехина М.М. Поэтика повседневности в дневниках И.А. Бунина 1920–1930-х гг. // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 768–801. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-768-801>

THE POETICS OF EVERYDAY LIFE IN I.A. BUNIN'S DIARIES OF THE 1920s AND 1930s

© 2022. Маয়া М. Polekhina

Abstract: The article deals with the diary entries of I.A. Bunin in the discourse of everyday life in the aspect of the philosophical and aesthetic searches of the writer in one of the tense periods of Russian history from the twenties and thirties. Most of Bunin's diaries have not survived, the writer preferred not to submit them to the reader's judgment. The material that is available for study gives an idea of the artist's creative personality, of the phenomenon of everyday life in his heritage. Everyday life in Bunin's diary entries is considered in the aspect of ontological and axiological dominants. Everyday events, processes and phenomena that make up the structure of the natural, everyday course of the writer's life are accompanied by the author's comments and emotional-figurative characteristics. The image of the artist emerges, experiencing violent emotions about the destruction of the old world, Russian culture, traditional values in the rapid movement of time and, at the same time, retaining the invariability and certainty of his beliefs and preferences.

Keywords: I.A. Bunin, diaries, emigration, archival materials, everyday life, axiological dominants, creative personality of the artist.

Information about the author: Maया M. Polekhina, DSc in Philology, Professor, Professor of the Department of linguistics and translation studies, MGIMO MFA of Russia (Odintsovo), Novo-Sportivnaya 3, 143005 Moscow region, Odintsovo, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-8194>. E-mail: illusio2008@yandex.ru.

For citation: Polekhina, M.M. "The Poetics of Everyday Life in I.A. Bunin's Diaries of the 1920s and 1930s." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 768–801. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-768-801>

И.А. Бунин обращался к дневниковым записям на протяжении семидесяти лет своей жизни и с неизменным пристрастием, утонченной глубиной и выразительностью представлял картины повседневности, живописуя события нескольких революций, путешествия на Ближний Восток, Цейлон, в Западную Европу, новости общественно-литературной деятельности своей и писателей-современников.

Дневники Бунина открывают перед нами личность уникальную, незаурядную во всей многогранности таланта, философско-эстетических поисков, размышлений над восторгами и ужасами бытия, скоротечностью всего сущего. Сам Бунин полагал, что только дневники дают полное представление о творческой индивидуальности художника, наиболее достоверное, объективное и всеобъемлющее. Неслучайно он утверждал, что «дневник — одна из самых прекрасных литературных форм. ...в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочее»¹. В заметках «К моему литературному завещанию» Бунин писал: «Дневники мои <...> мало интересны (в общем). Их я тоже писал как попало и с большими промежутками. Да и уничтожил я очень большое количество этих записей. Против печатания их, впрочем, не имею такой решительности, как против писем»².

К дневникам Бунина исследователи обращались как к ценному историографическому и фактологическому материалу. Большая заслуга в сборе и комментариях к этим материалам принадлежит А.К. Бабореко, М. Грин, Т.М. Двинятиной, Л.К. Долгополову, А.А. Дякиной, Г.П. Климовой, С.В. Красновой, Ю.М. Мальцеву, О.Н. Михайлову, А.А. Саакянц, С.А. Сионовой, Л.А. Смирновой и др. Литературоведческий аспект изучения дневников писателя предпринимался в исследованиях буниноведов: Г.М. Благасовой, Н.А. Богомолова, Е.П. Гречаной, И.П. Карпова, К.Р. Кобрина, А.М. Колядиной, Л.В. Крутиковой, Н.Г. Крюковой, А.М. Новожиловой, Н.В. Пращерук, С.В. Рудзиевской, О.В. Скороботовой, О.В. Сливицкой и др. Значимыми для нас при обращении к дневникам Бунина стали дневники и воспоминания современников писателя: Г.В. Адамовича, А.В. Бахраха, Б.К. Зайцева, Г.Н. Кузнецовой, В.Н. Муромцевой-Буниной, И.Г. Одоевцевой и др.

¹ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M.: Посев, 1977. Т. 1. С. 149 (запись от 23 февраля 1916 г.).

² Бунин И.А. К моему литературному завещанию // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 66. С. 172.

До нас дошло очень мало дневниковых материалов, относящихся к 1920–1930 гг.: Бунин пристрастно относился к своим записям, несколько раз избавлялся от дневников, не желая доверять их чужому взгляду. Об уничтожении дневников летом 1925 г. свидетельствовала Вера Николаевна Бунина, о судьбе других дневников, записей 1880-х гг. писал сам Бунин, когда он «с болью в сердце, поцеловав, порвал и сжег их»³. Вместе с тем он «продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни»⁴ (запись от 8 марта 1941 г.). Однако, в декабре 1931 г. Бунин сжигает 17 страниц «Жизни Арсеньева», а в 1934 г. уничтожает письма к Галине Кузнецовой. В конце 1952 г., когда Бунин намеревался отправить свой архив в Колумбийский университет в Нью-Йорке, он вновь избавляется от определенной части своих рукописей. В беседе с А.В. Бахрахом, который продолжительное время жил в доме Бунина (в годы войны), он признавался, что ведет дневник и «невольно делает это с оглядкой на печать <...>. Ведь это профессиональная деформация, — добавил он, улыбнувшись, но одновременно уверял, что ему, вероятно, было бы стыдно, если бы эти дневники он увидел в печати. — <...> Впрочем, как бы там ни было и что бы с моими дневниками не случилось, полный их текст никогда не увидит света»⁵. Таким образом, совершенно очевидно, что полного текста дневников Бунина не существует, а те фрагменты, которые сохранились, переписанные в более поздние своды с начальных — собраны по дневниковым подборкам, составленным самим Буниным, записным книжкам, отдельным записям на листах бумаг. Объемная часть дневников Бунина напечатана в трехтомном издании «Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы». Книга эта вышла под редакцией владелицы бунинского архива Милицы Грин за рубежом в 1977–1982-е гг. (Frankfurt a/M., 1977–1982). Большая часть дневниковых записей 1920–1930-х гг. принадлежит Вере Ни-

³ Устами Буниных. Т. 3. С. 86.

⁴ Там же.

⁵ Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2006. С. 119.

колаевне Буниной, это бесценные свидетельства повседневной жизни писателя, его размышлений, оценок, диалогов с современниками — друзьями, писателями, общественными деятелями. Здесь чувствуется стремление автора уловить, сохранить в памяти и зафиксировать на письме каждый миг человеческой жизни, жизни величайшего писателя без пристрастий и излишней субъективности.

В дневниковых текстах Бунина сохранились особенности письма, свойственные его художественному творчеству, они проявляются на самых разных уровнях: идейно-тематическом, образном, семантико-стилистическом, сюжетно-композиционном. Дневники писателя расширяют наши представления об особенностях творческой индивидуальности Бунина, его интересах и пристрастиях, характере повседневного, определяющего стиль жизни писателя. Представление о повседневном в структуре бунинских дневников соотносится с общечеловеческой шкалой ценностей, открывая нерасторжимые глубинные связи человека и природы, жизни и смерти, любви и нескончаемой привязанности писателя к своим близким. Вопросы жизни и смерти, поиски смысла существования человека на земле — главные, животрепещущие темы писателя. Осознание конечности жизни вносило трагические ноты в эти поиски: горестные размышления Бунина о бренности всего сущего, запечатленные в дневниковых записях, созвучны его трагическому мироощущению, отразившемуся в художественных текстах «Суходол», «Господин из Сан-Франциско», «Холодная осень», «Чаша жизни», «Легкое дыхание», «Мистраль» и др.

Значимым на протяжении многих лет оставался для Бунина вопрос о назначении художника и его творчества, он был важен в связи с проблемами самоидентификации творческой личности, ответственности художника за свое слово перед лицом грядущего, перед миром и Богом. Закрытый, никого не подпускающий близко к своему внутреннему миру, ревностно охраняющий его, Бунин со всей страстью и искренностью представляет в дневнике повседневное своего собственного «я», свои мысли, чувства, переживания. Он пишет о преданности искусству и тонком чувствовании всякой лжи и лицемерия, о почти

болезненном восприятии красоты природы, ее возрождении, расцвете и увядании, о страстном жизнелюбии, стремлении познать тайну жизни и откровенном противлении самой мысли о неизбежности смерти.

Дневник становится формой самовыражения и самопознания, возможностью нового взгляда на свое повседневное, его онтологический и эстетический статус. Дневник предоставляет уникальную возможность отстраниться и посмотреть на себя другого, на себя со стороны. И здесь хочется вспомнить размышления М.М. Бахтина о неоднозначном отношении личности к своему «я» в его заметке «Человек у зеркала»: «...фальшь и ложь, неизбежно проглядывающие во взаимоотношении с самим собою. <...> Избыток другого. У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза»⁶.

Очень непросто структурируется целостный, органичный образ автора, представляющего в дневниках свой автопортрет, всегда остается соблазн что-то исправить, подкорректировать. Взаимоотношения с собой, «другим» строятся во внешнем диалоге, в котором принимают участие другие люди, придающие авторскому «я» новизну и объективность, разрушая синдром «зеркального преобразования». О взаимоотношениях авторского «я» и «я-другого» С.А. Кравченко писал: «...наше представление о себе может быть ложным, неопределенным, множественным и каким-либо еще другим, но когда мы наблюдаем себя в зеркале, и тем более, когда создаем свой автопортрет, мы делаем себя истинными, определенными, единичными и целостными»⁷.

М.М. Бахтин трактует взаимодействие «я» и «другого» прежде всего с этической и эстетической точек зрения. Тем самым подчеркивается особое значение повседневности, обыденности мира и человеческой жизни: «Целое моей жизни не имеет значи-

⁶ Бахтин М.М. Человек у зеркала // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русское слово, 1996. Т. 5. С. 71.

⁷ Кравченко С.А. «Фальшь и ложь, неизбежно проглядывающие во взаимоотношении с самим собою». URL: <http://skravchenko.ru/index.htm/book/export/html/269> (дата обращения: 14.11.2021).

мости в ценностном контексте моей жизни. События моего рождения, ценностного пребывания в мире и, наконец, моей смерти совершаются не во мне и не для меня. Эмоциональный вес моей жизни в ее целом не существует для меня самого»⁸. С точки зрения Бахтина, его «смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает сама с собой (она свободна)»⁹. Жить, по Бахтину, значит «занимать ценностную позицию в каждый момент бытия...»¹⁰. Картина повседневного опыта выстраивается из действенного воспроизведения фрагментов космической жизни¹¹.

1920–1930-е гг. были ознаменованы необычайным расцветом творческих сил Бунина, его активной литературной деятельностью в Париже, сотрудничеством с журналом «Современные записки», издательствами «Русская Земля», «Петрополис», газетами «Возрождение» (Париж), «Руль» (Берлин), «Новая Русская жизнь» (Гельсингфорс), «Сегодня» (Рига), «Огни» (Прага), «Утро» (Нью-Йорк) и др. Статьи Бунина тех дней теснейшим образом были связаны с судьбами революции, России и ее народа. Писателя занимали проблемы русского характера, русской души, ответственности художника перед обществом. Поддерживая белое движение и Добровольческую армию, Бунин открыто говорил о необходимости прекращения всякого кровопролития. Его эмоционально выраженная отрицательная оценка революционных событий и их последствий известна всем. Примечательно, что в «Ответе на анкету “Южного слова” о Добровольческой армии» Бунин говорит о необходимости извлекать определенные уроки из истории, так как существует тенденция повторяемости целого ряда событий. И в этом смысле Россия не исключение,

⁸ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 93.

⁹ Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 227–231.

¹⁰ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности... С. 162–163.

¹¹ Воротынцева К.А. Проблема повседневности // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 59.

более того, Бунин убежден, что в России, судя по многовековому опыту, всегда все возвращается «на круги своя». Бунин же никогда не идеализировал народ, и в этом дискурсе показательно его отношение к творческому опыту Пушкина, отразившемуся в «Капитанской дочке», картинам русского бунта, «бессмысленного и беспощадного». На страницах своего дневника Бунин обращается к пушкинским комментариям: «“Полудикие народы... их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражд. жизни, легкомыслие и жестокость...” (“Капит. дочка”)»... И здесь же: «“Те, которые замышляют у нас переворот, или молодцы, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, которым и своя шейка — копейка и чужая головушка — полушка...” (“Кап. дочка”)»¹² (запись от 2/15 апр. 1921).

Дневники Бунина — это первичные тексты, не имеющие прямого отношения к художественной литературе, они не были предназначены для печати, отличаются особой формой коммуникации, отсутствием художественного вымысла. В них сохраняется установка на отражение реальности и одновременно присутствует скрытый подтекст, расчет на художественно-эстетический эффект, достигаемый различными средствами, прежде всего интонационными, эмоционально-образными и лексическими. Риторические вопросы и восклицания, многочисленные повторы, анафорическое построение синтаксических конструкций, инверсия, градация, психологические и синтаксические параллелизмы — все это придает необычайную эмоционально-образную выразительность бунинской речи.

«Страшна жизнь! * * * Сон, дикий сон! Давно-ли все это было — сила, богатство, полнота жизни — и все это было наше, наш дом, Россия!

И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже посл. родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость Божия...»¹³ (запись от 8/21 июня 1921).

«В газетах все то же. “На помощь!” Призывы к миру “спасти миллионы наших братьев, гибнущих от голода русских

¹² Устами Буниных. Т. 2. С. 33.

¹³ Там же. С. 43.

крестьян!» А вот когда миллионами гибли в городах от того же голода не крестьяне, никто не орал. [...] И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!»¹⁴ (запись от 6 августа, н.с. 1921).

«Вечером в лесу. Готические просеки. Вдали поют дети — растут в почтении к красоте и законам мира. Листва в лесу цвета гречневой шелухи. В России едят грязь, нечистоты, топят голодных детей в речках. И опять литераторы в роли кормителей! Эти прокормят!»¹⁵ (запись от 26 августа/8сентября 1921).

«Мальчик из России у Третьяковых. Никогда не видел масла, не знает слова фрукты. Со страхом начал эти записи. Все страх своей непрочности. Проживешь ли этот год? Новый год встречали у Ландау. Да, вот мы и освободились от всего — от родины, дома, имущества... Как нельзя более идет это нам и мне в частности!»¹⁶ (запись от 1/14 января 1922).

«В газетах пишут: «От холода и голода в России — паралич воли, вялость, уныние, навязчивые идеи, навязчивый страх умереть с голоду, быть убитым, ограбленным, распад высших чувств, животный эгоизм, мания запасаться, прятать и т. д.»¹⁷ (запись от 9/22 октября 1922).

«По ночам читаю биограф. Толстого, долго не засыпаю. Эти часы тяжелы и жутки. Все мысль: “А я вот пропадаю, ничего не делаю”. И потом: “А зачем? Все равно — смерть всех любимых и одиночество великое — и моя смерть!”»¹⁸ (запись от 10/23 января 1922).

Важнейшим структурообразующим элементом в дневниковых текстах является наличие даты, соответствующей моменту записи. Здесь необходимы некоторые оговорки: дело касается сводов, составленных на основе уничтоженных дневниковых записей 1920–1930-х гг. И если в дневниках, в большей степени сохранившихся в своих первотекстах 1940-х гг., почти стирается грань между записями дневников, мемуарными заметка-

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Там же. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 75.

ми и художественными текстами, так зыбки и неопределенны границы с авторским «я», напоминающим самостоятельный персонаж, выразительный образ развернувшегося действия, то в дневниках 1920–1930-х гг. мы видим иную картину. С одной стороны, импрессионистические наброски в изображении картин внешнего мира, с другой стороны, усиление публицистического пафоса, яркость изобразительных деталей, сочность и экспрессия языка. Публицистическое начало «Окаянных дней» Бунина естественным образом накладывается на страстное слово Бунина в его дневниках. Революция представляется писателем величайшей трагедией, все же последующие социалистические преобразования — лицедейством и отвратительной театральщиной:

«В тысячный раз пришло в голову: да, да, все это только комедия — большевицкие деяния. Ни разу за все четыре года не потрудились даже видимости сделать серьезности — все с такой цинической топорностью, которая совершенно неправдоподобна [...]»¹⁹ (запись от 28 ноября 1921).

«В газетах вся та же грязь, мерзость, лукавство политиков, общая ложь, наглость, обманы, все те же вести о большевицком воровстве, хищничестве, подлости, цинизме... “Цинизм, доходящий до грации”, пишут своим гнусным жаргоном газеты. Царица Небесная! Как я устал!»²⁰ (запись от 9/22 января 1922).

Бунин оставался страстным защитником общечеловеческих ценностей, открыто выражая свою позицию, связанную с монархическими взглядами и христианскими убеждениями. В сохранившихся записях главным остаются замечания Бунина по поводу судьбы его близких, семьи, друзей, возлюбленных, по поводу будущего России. Необходимо заметить, что для Бунина в эти месяцы 1921 г. завершался важный этап в жизни эмигранта, становилось очевидным, что прошлой жизни не будет, мир стал другим, все самое дорогое и близкое сердцу осталось в прошлом. В каждой очередной записи — попытка определить суть реальности, дать оценку происходящему, часто события представляются через эмоциональные характеристики автора.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ Там же. С. 75.

И если еще совсем недавно теплилась надежда на другой исход событий: «До сегодня я к этой “революции” относился тупо, недоверчиво, сегодня несколько поколебался... Но все-таки — вдруг все это и правда “начало конца!”»²¹ (запись от 22 февр./7 марта, 1921), то постепенно становится очевидным, что никаких перемен не предвидится: «С волнением (опять!) схватился нынче за газеты. Но ничего нового. В “падение” Петерб. не верю. Вечером заседание в “Общ. Деле”, — все по поводу образования “Русского комитета национ. объединения”. Как всегда, бестолочь, говорят, говорят...»²² (запись от 23 февраля/8 марта, 1921).

Сетуя на то, что ничего не изменилось за эти дни, что дела не двинулись с мертвой точки, Бунин делает запись о вечернем заседании Правления Союза русских писателей и журналистов, состоявшемся у него на квартире 26 февраля. Среди прочих на заседании присутствовали А.А. Яблоновский, Б.С. Мирский, С.Л. Поляков, М.Л. Гольдштейн, А.Н. Толстой и В.Л. Бурцев. «Яблоновский сообщил, что получены сведения о многих восстаниях в России, о том, что в Царицыне распято 150 коммунистов. Толстой, прибежавший от кн. Г.Е. Львова, закричал, что, по сведениям князя, у большев. не осталось ни одного города, кроме Москвы и Петерб. В общем, все уже совсем уверены: “Начало конца”. Я сомневался»²³ (запись от 28 февраля/13 марта 1921). И сомнения не лишены основания, поскольку газеты першили разного рода противоречивыми лозунгами: с одной стороны, «Да здравствуют Советы!», с другой, «Да здравствует Учр. Собр.!»²⁴ (запись от 28 февраля/13 марта 1921). Крайне эмоциональное отношение к происходящему деликатный Бунин выражает бранной речью, грубо-просторечной лексикой: «Нынче “Новости” опять — третий номер подряд — яростно рвут “претендентов на власть”, монархистов. Делят, сукины дети, “еще не убитого медведя”»²⁵.

²¹ Там же. С. 30.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 30–31.

²⁵ Там же.

Примечательна запись о событиях 6 мая 1921 г.: «Был на похоронах Кедрина...». И далее следует как будто ничем не примечательная картина повседневности: еще в субботу, неделю назад умерший выступал на заседании Парламентского комитета со своим проектом протеста на французское официальное сообщение о Врангеле. Выступление, по мнению Бунина, бесполезное, ровно ничего не решающее. «Всем хотелось разойтись — из неловкости стали слушать. Волновался, извинялся — “это набросок” — путался, я слушал нетерпеливо и с неловкостью за него»²⁶. Бунин дает оценку человеку, общественному деятелю, время которого по сути своей и актуальности сегодняшнему дню осталось где-то далеко в прошлом: «Да, это все люди уже прошлого времени, — заседания, речи, протесты...»²⁷. Время окончательно подписало этим людям приговор, как будто бы размышляет Бунин. И уже следующий абзац диссонирует с предыдущим, подчеркивая скоротечность жизни, трансформацию ценностей, их преходящий характер: «Нынче прелестн. день, теплый — весна, волнующая, умиляющая радостью и печалью. И эти пасх[альные] напевы при погребении. Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я — всю прежнюю жизнь, Россию...»²⁸. Радость и печаль, молодость и конечность жизни. Все остается в прошлом, остается в прошлом и Россия. Именно с ней, прежней и дорогой сердцу родиной, прощался Бунин в день похорон Кедрина.

Необходимо заметить, что в целом, записи Бунина этого периода полны горьких, болезненных интенций. Все рушилось, уничтожалось, обретало новые уродливые формы: средоточием «страшных» контрастов воспринималась Буниным отечественная культура, литература. С одной стороны, Пушкин, Тургенев, Толстой, с другой, — Блок, Есенин, Маяковский, Горький. Литература превращалась в «литературщину», «лубок»²⁹.

²⁶ Там же. С. 39.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ *Кравченко А.А.* Публицистика И.А. Бунина 1920-х годов: тематические составляющие проблемного пространства // ФИЛОЛОГОС. 2018. № 37 (2). С. 42–48.

Пафосные выступления Горького соотносились с общими настроениями советской печати. Очень часто газетные декларации не соответствовали реальному положению дел в советской России³⁰. Портрет Горького в дневниковых записках Бунина выглядит в высшей степени неллицеприятно, хотя общеизвестно о близких отношениях Горького и Бунина до революции. В публицистике 1920-х гг. Бунин именует Горького «людоедским царьком» («Несколько слов английскому писателю» // *Общее дело*, 1920) и «советским псалмопевцем» («Об Эйфелевой башне» // *Общее дело*, 1921). В дневниках характеристика Горькому дается опосредовано, через отношение к нему близких Бунину людей. Неоднозначно воспринимал Бунин новые тенденции в отечественной литературе, оставаясь художником, исповедующим прежде всего традиционные ценности. Знаковым событием тех лет стало выступление Бунина с речью «Миссия русской эмиграции», опубликованной в апреле 1924 г. в газете «Руль» (Берлин), а позднее в парижском сборнике 1934 г. «День Русской Культуры»³¹.

Хорошо известно, что Бунин предвзято относился к насаждаемой демократизации культуры, глубоко чужд ему был и мистицизм русских символистов. Он был традиционен во всем: его художественная Вселенная, существующая в антитетичном пространстве, была самоуправляема, здесь все пребывало в неспешной динамике, развитии, порой в хаосе, но все естественным образом организовано и не предусматривало никакого диктата и насилия. Аристократичному, утонченному Бунину был чужд мистицизм Блока: «...какой утомительный, нудный, однообразный вздор, пошлый своей высокопарностью и какой-то кощунственный. <...> Да, таинственность, все какие-то “намеки темные на то, чего не ведает никто” – таинственность жулика или сумасшедшего. Пробивается же через все это мычанье нечто, в конце концов, оч. незамысловатое»³² (запись от 2 сент./3 окт. 1922), не принимал он хамство и авантюризм Мая-

³⁰ Там же.

³¹ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 635 с.

³² Устами Буниных. Т. 2. С. 60.

ковского, не признавал фальшь, игру и лицедейство А. Белого: «На ночь читал Белого “Петербург”. Ничтожно, претенциозно и гадко»³³ (запись от 8 апреля 1922).

Выразительно выписаны Буниным портреты современников, порой нескольких штрихов было достаточно, чтобы показать личность и уровень ее дарования. С большой любовью Бунин писал об Андрееве: «Вижу его со страшной ясностью, — живого, сильного, дерзко уверенного в себе, все что-то про себя думающего, стискивающего зубы, с гривой синеватых волос, смуглого, с блеском умных, сметливых глаз, и строгих, и вместе с тем играющих тайным весельем; как легко и приятно было говорить с ним, когда он переставал мудрствовать, когда мы говорили о чем-нибудь простом, жизненном, как чувствовалось тогда, какая это талантливая натура, насколько он от природы умней своих произведений и что не по тому пути пошел он, сбитый с толку Горьким и всей этой лживой и напыщенной атмосферой, что дошла до России из Европы и что так импортировала ему, в некоторых отношениях так и не выросшему из орловского провинциализма и студенчества, из того Толстовского гимназиста, который так гениально определен был Толстым в одной черте: “Махин был гимназист с усами...”»³⁴ (запись от 19 августа 1920).

С Мережковским Бунин дружил, проводил довольно много времени буквально до середины 1930-х гг., но многое не принимал в нем. В тревожные дни ожиданий вестей из России, переживая о судьбах близких, Бунин писал: «Вчера до 2-х дочитал “14 Декабря”. Взволновался, изменилось отношение к таланту Мережковского, хотя, думаю, это не он, а тема такая»³⁵ (запись от 25 февраля/10 марта 1922).

Исторические книги Соловьева читал с большим удовольствием, в них находил отсвет сегодняшних дней: «Читаю Соловьева — т. VI. <...> Бесперывная крамола, притязание на власть бояр и еще неконченных удельных князей, обманное “целование креста”, бегство в Литву, в Крым, чтобы поднять

³³ Там же. С. 84.

³⁴ Там же. С. 15.

³⁵ Там же. С. 30.

врагов на Москву, ненасытное честолюбие, притворное раскаяние (“бьют тебе челом, холоп твой”) и опять обман, взаимные укоры (хотя слова все-таки были не нынешние; “хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество...”), походы друг на друга, непрерывное сожжение городов, разорение их, “опустошение дотла” — вечные слова русской истории! — и пожары, пожары...»³⁶.

Белого, как и Блока, Бунин не принимал. Об этом свидетельствует запись от 21 января/3 февраля 1921 г. Бунин передает высказывание Шестова об Андрее Белом. «Он говорит, что Белый ненавидит большевиков, только боится, как и Ремизов, стать эмигрантом, отрезать себе путь назад в Россию. “Жизнь в России, — говорит Белый, — дикий кошмар. Если собрались 5–6 человек родных, близких, страшно все осторожны, — всегда может оказаться предателем кто-нибудь”. А на лекциях этот мерзавец говорит, что “все-таки” (“несмотря на разрушение материальной культуры”) из России воссияет на весь мир несказанный свет»³⁷.

По поводу Блока и Белого споры шли непрерывно. «Мережковские: “Это заблудшие дети” <....> Да, да блудить разрешается, но только влево. Вот Чехову 20 лет не могли забыть, что он печатался в “Нов. Вр.”»³⁸ (запись от 28 ноября/11 декабря 1922).

Если исходить из того, что у каждого писателя, который берется за дневник, есть определенная целевая установка, которой он руководствуется, то при анализе дневникового текста исследователю естественным образом необходимо учитывать мотивы и интенции его автора. Бунин нуждался в собеседнике, соучастнике эмоционального действия, своем втором «я», которому можно было бы доверить самое сокровенное. Безусловно, дневники, написанные для себя, обладают большой автокоммуникативностью³⁹. Мы согласны с К.С. Пигровым, что автокоммуникативность является жанрообразующим признаком дневникового текста, оппозиция автор/адресат зачастую стирается, более того,

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 33–34.

³⁸ Там же. С. 78.

³⁹ *Пигров К.С.* Скриптизация авось-бытия, или апология интимного дневника // *Философские науки.* 2008. № 8. С. 98–106.

категории автора и адресата могут рассматриваться как одно лицо, то есть, можно говорить о безадресной стратегии как об отличительной черте дневника писателя. Речь идет о тексте, обращенном к самому себе с проповедью, исповедью и беседой⁴⁰.

Однако, как мы уже упомянули, дневники именно этого периода в меньшей степени сохранились: рукописи Бунина до 1940 г., отобранные из разных источников (тетради, блокноты, записные книжки), были тщательно отредактированы. Т.М. Двинятина в своем научном исследовании дневниковых текстов Бунина, обращаясь к эго-документам писателя той поры, утверждала, что, судя по бумаге, подборка довоенных записей была сделана во второй половине 1930-х гг. Все эти записи, относящиеся к событиям бунинской жизни, сохранились в его архиве после того, как все остальные материалы, несомненно существовавшие, были уничтожены. Тем самым целостность дневников 1920–1930-х гг. оказалась утрачена. И, как замечает Т.М. Двинятина, помимо бунинского нежелания «показываться в одном белье» перед досужим читателем, причиной было, по всей вероятности, тяжелейшее расставание с последней возлюбленной писателя, Г.Н. Кузнецовой, растянувшееся для Бунина по крайней мере до начала 1940-х гг.», записи за годы начала их романа (1926–1927-е гг. и предшествующий им 1925 г.) не сохранились⁴¹.

Исходя из представлений о том, что традиционно дневник в отличие от записных книжек и писем не рассчитан на прочтение другими, это все-таки интимное письмо, в нашем случае в полной мере нельзя исключать условность безадресности бунинских текстов. И.М. Вознесенская, например, склонна выделять в дневниковом жанре тексты, которые готовы к тому, чтобы стать достоянием других, они обращены к двойному адресату: к самому себе и одновременно к другому, обычно коллективному адресату, ориентированность на другого, не равного автору адресата, имеющего не индивидуальный, а коллективный характер. Доказательство тому — уничтожение большей части дневников и *сохранение* определенного корпуса записей, который можно было

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Двинятина Т.М. Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект // Литературный факт. 2019. №1 (11). С. 348.

бы доверить реципиенту. Этот коллективный адресат, «подразумевает преимущественно тех, кто имеет с автором сходную, близкую апперцепционную базу, осознается автором как равный или близкий по фонду знаний, по уровню житейской, ситуативной и культурно-исторической осведомленности»⁴². Вопросы, поднятые Буниным на страницах дневника, касаются как вопросов частной жизни, так и вопросов культуры, творческих замыслов, успехов и неудач дорогих сердцу людей; содержание этих записей интересно и в высшей степени актуально для тех, кто обладает тем же объемом фоновых знаний, кому достаточно лишь намека, чтобы выстроить в момент дискуссии концептуальную систему доказательств и опровержений.

В дневнике проявляется «феноменологическая заданность нашего обыденного мышления»⁴³. Д.Н. Овсяннико-Куликовский об этом писал так: «Лишь только начнем думать о себе, о близких, о людях вообще, о разных обстоятельствах нашей жизни, лишь только начнем погружаться в воспоминания о прошлом, — сейчас же вынырнут в нашем сознании образы, на этот раз не ускользающие, а нарочито задерживаемые в мысли, и эти образы сгруппируются в целые картины жизни... И можно утверждать, что в этих «неписанных» произведениях обыкновенного обывательского раздумья окажется гораздо больше поэзии и творчества, чем в иных манерных и деланных продуктах головоломного сочинительства»⁴⁴. Сочетание повседневного и художественного определяет пограничное положение дневника между документальной и художественной литературой. Дневник позволяет проникнуть не только в творческую лабораторию писателя, но и в его личную жизнь, духовный мир; в нем писатель не просто заносит материал для будущих литературных произведений, но и отрабатывает их

⁴² Вознесенская И.М. Языковые особенности дневникового текста // Русское зарубежье: духовный и культурный феномен: Материалы межд. науч. конф.: в 2 ч. М.: Новый гуманитар. Ун-т Натальи Нестеровой, 2003. Ч. 1. С. 281–287.

⁴³ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 19.

⁴⁴ Там же. С. 93–94.

форму, рассуждает, оценивает свое творчество, поэтому дневник выполняет как мнемоническую, так и эстетическую и автометадескриптивную функции⁴⁵.

В дневниках Бунина в целом сохраняется дискретная композиция, интертекстуальность творческого письма: автор чередует события дня с монологами, диалогами других персонажей, цитатами газетных сообщений, собственными размышлениями, воспоминаниями, записями снов. Сохраняется ретроспективная направленность отдельных фрагментов: события настоящего перемежаются событиями прошлого, придавая повествованию дополнительные смыслы. Композиция подневной записи отличается повторяемостью и зависит от событийной насыщенности дня: приемов гостей, обедов и ужинов, споров о книгах, издательствах, публичных чтений, посещений выставок, театра, концертов. Летопись повседневной жизни, выстраиваемая из встреч, знакомств, путешествий, семейных событий и праздников, взаимоотношений с близкими, друзьями, возлюбленными, сопровождается бытийным планом: размышлениями над скоротечностью жизни, ускользающим временем и чувствованием прекрасного в мире — музыки, поэзии, природы. В бытийном дискурсе раскрывается внутренний мир Бунина, записи эти носят фрагментарный характер, являются монологическими по форме и представлены философскими и психологическими интроспективными текстами:

«Вчера панихида по Корнилове. Как всегда, ужасно волновали молитвы, пение, плакал о России»⁴⁶ (запись от 1/14 апреля 1921).

«Герцен все повторял, что Россия еще не жила и потому у нее все в будущем и от нее свет миру. Отсюда и все эти Блоки!»⁴⁷ (запись от 8/21 апреля 1921).

Являясь частью большой реальности, картины повседневности представляют различные факты текущей жизни: важные,

⁴⁵ Новикова Е.Г. Особенности речевого жанра дневника // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: Северо-Кавказский Федеральный ун-т, 2005. № 3. С. 82.

⁴⁶ Устами Буниных. Т. 2. С. 19.

⁴⁷ Там же. С. 20.

второстепенные, малозначительные. Эти факты определенным образом сконструированы, организованы и упорядочены, отражаются в лексическом составе, синтаксическом строе и композиции авторской речи.

В дневниках писателя воссоздается особое семантическое пространство, где определяющим становится бунинская влюбленность и растворенность в жизненном потоке явлений, способность через повседневные, привычные, повторяющиеся детали и явления уловить, коснуться и запечатлеть сокровенное в своей подлинности, в своей бытийной красоте, и все это диссонируют с другими — стилистически небрежными, лексически недопустимыми выражениями, где запечатлена социальная сторона жизни, ее политическая составляющая. Верный традициям классической литературы, Бунин, для которого очень важной была определенная, столетиями сложившаяся иерархия мира, ломает наши горизонты ожиданий и соединяет различные пласты жизни, утверждая внеиерархичность своего мира, важность и значимость каждого события, каждой детали своего жизненного пространства. Отстаивая идею развивающегося мира, вечно изменяющейся Вселенной, Бунин ценил каждый фрагмент реальности, исключая в этом движении какой-либо элемент случайности. В его дневниковых записях все важно и значительно: отстаивая величие и бытийность слова, Бунин придавал дневниковым записям такой же смысл и значение, как и собственно художественным текстам.

Бунин рисует картины, представляющие выразительную атмосферу времени, эмоционально насыщенную, страстную, вбирающую в себя знаки разнородных аксиологических и эстетических начал (например, бурные споры о писателях, посещение выставок, театральных спектаклей). При этом не создается впечатления диссонанса, искусственности письма, стиля. Бунин часто использует прием инверсии, чтобы акцентировать внимание на смысловых и эстетических доминантах, характерных прежде всего для его художественных текстов. Отсюда повседневность, активно живущая в повествовании дневниковых записей, укрупняется, концептуализируется.

Очень важной для художественного сознания Бунина является проблема «визуализации планами». Движение визу-

ализации пространства осуществляется от внешнего ракурса — к внутреннему. Внутреннее пространство оказывается в наибольшей степени актуализировано, повседневная реальность в ее мелочах и деталях социальной жизни вызывает неприятие, оборачивается негативной реакцией. Бунин говорит о своей особой чувствительности в восприятии мира, ощущении природы, людей, событий: «“Я как-то физически чувствую людей” (Толстой). Я всё физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду — и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно!»⁴⁸ (запись от 9/22 января 1922).

Пошлости и лицедейству «кукольного» мира, имитирующего подлинные ценности, противостоят в авторском сознании Бунина иные картины эмоциональных переживаний, навсегда оставшиеся для писателя приоритетными. Бунин пишет о гастролях «Художественного театра» в Берлине. «...мы все те же восторженные кретины, все те же бешеные ценители искусства. А и театр-то, в сущности, с большой дозой пошлости, каким он и всегда был»⁴⁹ <...>. Бунин дает оценку самым популярным в то время произведениям Художественного — «Вишневому саду» и пьесе «На дне»: «И никому-то даже и в голову не приходит, что этот “Сад” самое плохое произведение Чехова, олеография, а “На дне” — верх стоеросовой примитивности, произведение семинариста или самоучки, и что вообще играть теперь Горького, если бы даже был и семи пядей во лбу, верх бесстыдства. Ну, актеры уж известная сволочь в полит[ическом] смысле. А как не стыдно публике? “Рулю”?»⁵⁰ (запись от 20 сент./3 окт. 1921). И в продолжении сказанному — иной план, иная картина эмоциональных реакций в связи с восприятием пения колокола St. Denis: «Какое очарование! Голос давний, древний, а ведь это главное: связующий с прошлым. И на древние русские похож. Это большое счастье и мудрость пожертвовать драгоценный колокол на ту церковь, близ которой ляжешь навеки.

⁴⁸ Там же. С. 75.

⁴⁹ Там же. С. 94.

⁵⁰ Там же.

Тебя не будет, а твой колокол, как бы часть твоя, все будет и будет петь — сто, двести, пятьсот лет»⁵¹ (запись от 20 сент./3 окт. 1921).

Единство всего сущего, цикличность, повторяемость процессов в повседневном мире — это то, что волнует Бунина, составляет ядро его философско-эстетической системы, является доминантой стиля. Важным изобразительно-выразительным средством языка Бунина в дневниковых текстах становятся повторы, на первый взгляд, неоправданная семантическая избыточность; из текста в текст повторяются лексемы: *опять, снова, теперь, изо дня в день, из часа в час, все то же*.

«Опять идет снег, белый, хлопьями. Лежу со льдом, — *опять* кровь»⁵² (запись от 4/17 апреля 1921).

«Карташев прислал несколько номеров советских газет. Уж, кажется, на что хорошо знаю советскую прессу — и все-таки *опять* поражен. Да, никогда еще в мире не было ничего подобного по гнусности и остервенелости *повторения одного и того же* в течение четырех лет буквально *изо дня в день, из часа в час!*»⁵³ (запись от 5/18 апреля 1921).

«Мне очень грустно, — *опять* кончился один из периодов нашей жизни, — и очень больно — не вышла наша близость»⁵⁴ (запись от 5/18 апреля 1921).

«В газетах *все то же*»⁵⁵ (запись от 5/18 апреля 1921).

Бунин говорит о новом ощущении свободы, появившемся в эмиграции. Но это другой характер свободы, связанный скорее с неприкаянностью человека, его освобождением от дома, от родины, от почвы, постоянная его безытийность, тогда как совсем недавно это был человек, воспитанный «удивительной, уникальной в своем роде культурой последнего “деревенского” дворянства, с еще живым, не утраченным чувством рода, преемственности и непрерывности жизни, с органической привя-

⁵¹ Там же. С. 35.

⁵² Там же. С. 34.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

занностью к корням, памятью о прошлом»⁵⁶. Концепт Россия станет определяющим в художественной системе Бунина, все будет поверяться Россией. Родина навсегда останется мерой вещей. И по истечении многих лет эмиграции все его мысли так или иначе будут восходить к России.

«Вечером снег, вышли пройтись — как в России»⁵⁷ (запись от 2/15 января 1922).

Описание завтрака в Кларидже: «Какая дешевая роскошь по сравн. с тем, что было у нас в знаменитых ресторанах!»⁵⁸. И на этом фоне — образ Мережковского, которому так и не дали сказать речь. В сознании Бунина в данном случае отношение к Мережковскому обусловлено отношением Запада к России. «Даже финн говорил, а Мережк., как представитель России, все должен был ждать. Я скрипел зубами от обиды и боли»⁵⁹ (запись от 3/16 января 1922).

Спустя неделю после той знаменательной сцены Бунин запишет в дневнике: «Ночью вдруг думаю: исповедаться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре, под Вологдой! Затрепетать от власти его, унизиться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца...»⁶⁰ (запись от 10/23 января 1922). Но уже в следующем фрагменте дневниковых записей авторское ощущение своей малости, ничтожности и греховности сменяется предощущением весны и радости жизни, воспоминаниями о счастливых днях молодости: «Воспоминания о юности, поездках на Кавказ. Синее небо, все было ярче, белее. ...за что лишил меня Бог молодости, того, теперь уже далекого времени, когда я ездил на юг, в Крым, молодой, беззаботный, люди — родины, близких? Юлий, наша поездка на Кавказ...

⁵⁶ Котельников В.А. Иван Бунин и Константин Леонтьев // Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. Межвузовский сб. науч. тр. к 125-летию со дня рождения писателя. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1995. С. 70.

⁵⁷ Устами Буниных. Т. 2. С. 73.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 73.

⁶⁰ Там же. С. 75.

Ах, как бесконечно больно и жаль того счастья!»⁶¹ (запись от 7/20 февраля 1922).

Повествование от первого лица допускает высокую степень субъективности, мир представляется прежде всего сквозь призму сознания повествователя. Однако в повседневность автора в дневниках Бунина включается огромное количество реальных лиц (литераторы, общественные деятели, критики, артисты: А.Н. Толстой, Б.В. Савинков, П.Б. Струве, А.И. Куприн, Н.А. Тэффи, К.Д. Бальмонт, Д.П. Мирский, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, А.А. Яблоновский, А.П. Шполянский, Г.Д. Гребенщиков, П.Н. Милюков, П.И. Чайковский, В.Д. Кузьмин-Караваев и др.), каждый из которых несет дополнительную информацию о взглядах, пристрастиях, умонастроениях реципиента. С одной стороны, Бунин стремится к точному воспроизведению действительности, достоверной передаче содержания отдельных сцен, диалогов, с другой, старается отразить многоголосие времени, использует приемы интертекстуальности. Включение чужой речи в текст дневника дает автору возможность вести внутренний диалог «с голосами других персонажей, их мнениями, оценками и рассуждениями»⁶². Сочетание же различных форм чужой речи с речью повествователя выполняет репрезентативно-характерологическую, информативную и экспрессивную функции, делая повествование более достоверным, драматичным и разнообразным⁶³. Тем самым создается выразительная полифония текста.

Отличительной особенностью дневниковой прозы И.А. Бунина является ее неисчерпаемый художественный потенциал, заложенный не только в наличии большого количества эстетически организованных фрагментов, но и в использовании такого приема и важной составляющей творческого метода писателя, как непосредственная передача впечатлений от соприкосновения с повседневностью. Особенно выразительны картины природы, которые заключают в себе повторяемость отдельных деталей, фрагментов и вместе с тем поражают своей необычайной

⁶¹ Там же. С. 80–81.

⁶² Новикова Е.Г. Особенности речевого жанра дневника. С. 80–89.

⁶³ Там же.

красотой, свежестью, привносят в душу чувство восторга и восхищения: «...божественное великолепие сини неба и крупных звезд, Ориона, Сириуса, что перекрестился на них»⁶⁴.

«Раннее осеннее альпийское утро, и звонят, зовут к обедне в соседнем горном городке. Горная тишина и свежесть и этот певучий средневековый звон — все то же, что и тысячу, пятьсот лет тому назад, в дни рыцарей, пап, королей, монахов. И меня не было в те дни, хотя вся моя душа полна очарованием их древней жизни и чувством, что это часть и моей собственной давней, прошлой жизни. И меня опять не будет — и очень, очень скоро — а колокол все так же будет звать еще тысячу лет новых, неведомых мне людей»⁶⁵ (запись конца сент. 1923).

Онтологически первичным для Бунина оказывается не человек и даже не отдельные предметы, его окружающие, а мир во всей своей целостности. Его художественно-эстетическое восприятие действительности характеризуется онтологической глубиной познания *начальных* основ жизни. Именно «чувство жизни», жизни в ее будничном течении, а также многочисленные ощущения, наполняющие ее — это то, чем человек живет в повседневности, как он ощущает ход времени⁶⁶.

Бунин рисует картины своих первых дней пребывания в Mont Fleuri: он чувствовал счастье от самой мысли о присутствии в этом мире, когда он лежал, читал, смотрел на Эстерель, его хребты в солнечной дымке: «...страшно было: до чего все то же, что в прошлом году!»⁶⁷ (запись от 1 июня (н.с.) 1924).

Казалось бы повседневное, рутинное, привычное «душит», тяготит своей монотонностью, отсутствием какой бы то ни было новизны, свежести, оригинальности. Сегодняшний день соотносился с днями прошлого года, ничего не изменилось...

⁶⁴ Устами Буниных. Т. 2. С. 118.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Акаева Т.В. Философско-эстетическое понимание мира и человека в творчестве К.Н. Леонтьева и И.А. Бунина (К постановке проблемы) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. № 2. С. 5–8.

⁶⁷ Устами Буниных. Т. 2. С. 118.

И — «истинный ужас!» от того, что так было всегда, и будет всегда, даже когда его не будет: «Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах!...»⁶⁸ (запись от 1 июня (н.с.) 1924).

И вместе с тем, эти величавые картины делали его причастным к чему-то грандиозному, постоянному и вечному, давали возможность ощутить величайшее счастье, с одной стороны, и горечь, боль, сожаление, с другой, от того, что дано ему жить в этом мире и невозможно продлить этот момент бесконечно. «И чувство это еще ужаснее от того, что я так бесконечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты. Кто же знает, не последнее ли это мое лето не только здесь, но и вообще на земле!»⁶⁹ (запись от 1 июня (н.с.) 1924). И здесь важны все мельчайшие подробности бытия, которые создают общую картину бунинского мира. Важно, что именно это «чувство жизни», жизни — такой, как она есть, и есть самое «чудесное из чудес»: «Он счастлив — чем? Только тем, что живет на свете, то есть совершает нечто самое непостижимое в мире»⁷⁰.

Особый акцент делается Буниным на ключевых словах, которые формируют лексико-семантические поля в его повествовании и помогают лучше представить мотивы поступков субъекта речи, почувствовать и определить иерархию ценностей, а также установить его прагматические ориентиры: такими лексическими единицами становятся лексемы: красота, молодость, счастье, небесная синева, звезды, синий туман, море, сладость и ужасы жизни, Бог, земля, осеннее альпийское утро, горная тишина, певучий средневековый звон, полная очарования душа, любовь, нежность, музыка и т. д. С одной стороны, обнаруживается пристрастие Бунина к особым моментам жизни, наивысшим проявлениям реальности — любви, смерти, с другой стороны, обостренное чувственное восприятие красок, запахов, форм, прикосновений. О «повышенной чувствительности»⁷¹

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 42.

⁷¹ Сливницкая О.В. О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1. С. 73.

Бунина, «материальной телесности»⁷² его художественного мира, говорили почти все исследователи творчества писателя.

«Четыре с половиной. <...> Вошел в кабинет, уже почти темный. Удивительная огненная красота облачного заката над морем — особенно сквозь черный (как бы железный) узор черно-зеленого шара мандарина. Над той горой, за которой С. Рафаэль, желто-палевое. Эстерель уже стал синим туманом. Маленькое поле плоского зелено-сиреневого слабо видимого моря. В нашей долине и в городе все в темной синеве, в которой зажигаются огни. Когда зажег огонь у себя, облака над городом сделались цвета подсохших лиловых чернил (оч. мягкого). Потушил огонь — лиловое превратилось в фиолетовое.

Чувство ясности, молодости, восприимчивости, дай Бог не глазить...»⁷³ (запись от 3 декабря 1931).

Особенностью целого ряда дневниковых записей Бунина является смещение планов повседневного и неповседневного. Этот перебив планов повествования создает особую выразительность. Глубокий философско-эстетический смысл закладывается в текст благодаря авторской установке через бытовые детали внешнего мира воссоздать бытийный план сущности мира, его первоосновы, которая и предопределяет смысл человеческого существования: «Темный вечер, ходили с Галей по городу, говорили об ужасах жизни. И вдруг — подвал пекарни, там топится печь, пекут хлебы — и такая сладость жизни»⁷⁴ (запись от 10 марта, 1932). С одной стороны, вечерний город, любимая женщина и разговоры об ужасах жизни, с другой стороны, подвал пекарни, свежеиспеченный хлеб и ощущение восторга. Казалось бы, одно диссонирует с другим, и вместе с тем подчеркивается сама сущность жизни, включающая в себя одно и другое: горечь и сладость.

О восторге жизни, жизни, запечатленной в обыкновенных бытовых деталях, сладости и любви Бунин повествует в одной из самых коротких записей, но и самой выразительной: «Лежал

⁷² Комлик Н.Н. Одорический подтекст прозы И.А. Бунина // ФИЛОЛОГОС. 2013. № 17 (2). С. 36–40.

⁷³ Устами Буниных. Т. 2. С. 256–257.

⁷⁴ Там же. С. 266.

в саду на скамье на коленях у Г., смотрел на вершину дерева в небе — чувство восторга жизни. Написать бы про наш сад, — что в нем. Ящерицы на ограде, кура на уступе верхнего сада...»⁷⁵ (запись от 10 марта 1932). Это и есть сосуществование бытового и бытийного: с одной стороны, сад, ящерицы на ограде, кура на уступе сада... Обычная жизнь, жизнь, такая, как она есть. С другой стороны, лежать на коленях любимой женщины: наблюдать за вершиной дерева в небе... и испытывать острое чувство восторга жизни!

Описание событий последующих дней с констатацией счастливых мгновений жизни Бунина почти не дошли до нас. Летопись прерывается, и следующая запись уже датируется тремя годами позже. И это был один из ярчайших периодов его жизни.

Здесь мы ссылаемся на работу Т.М. Двинятиной о самом важном событии в творческой судьбе писателя, высокой оценке его авторских заслуг, присуждении ему Нобелевской премии⁷⁶. Безусловно, 1933 г. был одним из сложных в жизни Бунина: с одной стороны, отчаянная бедность и просветленное вдохновение, с другой стороны, долгожданная осязаемость земного успеха и высокая отрешенность от сегодняшнего дня. Бунин весь год живет в мире своего воображения и памяти, им написаны четыре книги «Жизни Арсеньева», он начинает пятую, составляющую треть всего сочинения. Труд будет окончен лишь в конце 1938 г.: нобелевские события прервут творческое напряжение, и Бунин потом будет заново мучительно искать его не один год. Тем не менее, когда надо будет поставить дату под текстом «Жизни Арсеньева», Бунин напишет: «1927–1929. 1933», и действительно, в 1933 г. была написана большая часть пятой книги⁷⁷. Здесь имеет смысл вспомнить дневниковые записи Веры Николаевны Буниной, обращенным к тем дням, когда в доме раздался звонок из Стокгольма, и вдруг неожиданно оборвалась их прежняя жизнь и началась новая: Париж, приемы,

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Двинятина Т.М.* Нобелевский год И.А. Бунина (по материалам дневников и семейной переписки) // Литературный факт. 2017. № 4. С. 143–161.

⁷⁷ Там же.

чествования, суетолака, Стокгольм, получение премии, король, ордена, ленты, светлые туалеты дам, дипломаты. Спустя годы Бунин отмечал в дневнике этот день, вспоминая то бытовые подробности тех дней, то собственные ощущения: «Был счастлив и, как ни странно сказать, молод»⁷⁸.

1933 год был годом больших достижений, успехов и невозможных утрат: повседневность была отягощена целым рядом удручающих событий. В марте умирает отец В.Н. Буниной Николай Андреевич Муромцев. Весной любимый брат Веры Николаевны Павел Николаевич Муромцев заболел тяжелым психическим расстройством и в разгар нобелевских торжеств покончил с собой. Осенью стало известно о смерти невестки Бунина Н.К. Гольдман, жены брата Евгения. Но главная потеря для Бунина была впереди: в Дрездене Г.Н. Кузнецова знакомится с сестрой Ф.А. Степуна Маргаритой (Маргой), и их стремительный и роковой для Бунина роман положил конец двусмысленным отношениям, продолжавшимся много лет. Боль этой потери терзала Бунина до конца жизни.

Отдельные фрагменты этой трагедии в коротких дневниковых записях Бунина: «уже пятый час... непрерывно идущий снег: «Бело сереющее небо (впрочем, не похоже на небо) и плавно, плавно — до головокружения, если смотреть пристально — текущая вниз белизна белых мух, хлопьев»⁷⁹. И здесь же — холодная короткая констатация факта: «Разговор с Г. Я ей: “Наша душевная близость кончена”. И ухом не повела»⁸⁰ (запись от 8 марта 1935).

Лаконичные чеканные фразы потрясают своей холодностью и пустотой. Вторая половина дня, почти его завершение, как завершение самой жизни, хотя многое еще обещается впереди, ведь «уже пятый час», но и еще пятый час, поэтому надежда еще теплится, хотя серое небо уже совсем не небо в привычном для Бунина контексте, так как «непохоже на небо» (охраняющее и вдохновляющее), и «текущая вниз белизна белых мух, хлопьев» соединяет небо и землю, передает необычное состояние в пред-

⁷⁸ Устами Буниных. Т. 3. С. 73.

⁷⁹ Там же. С. 13

⁸⁰ Там же.

вкушении драматического финала, который напоминает ахматовское: «Улыбнулся спокойно и жутко и сказал мне: “Не стой на ветру”». Трагедия в двух строчках, трагедия жеста: «Сжала руки под темной вуалью...» диссонирует с реакцией бунинской героини: «И ухом не повела», не снизошла, не оглянулась.

Повседневность оборачивается для Бунина вечно дрящущейся неповседневностью, страшной, обжигающей, болезненной. Время длится бесконечно в своей непрерывности. Бунин обращается к творчеству гениев — Бетховену, Толстому, перелистывая страницы их судеб, пытается постичь тайны их мастерства, найти ответы на мучившие его вопросы. Становится очевидным, что мастерство — сама естественность, блестяще выполненная работа при отсутствии видимости усилий по ее выполнению. Мастерство как воздух... Бунин совершает поездку в Ниццу: «Жара, поразит. прекрасно». И заканчивает: «Без конца длится страшно тяжелое для меня время»⁸¹ (запись от 6 июля 1935).

Проходит более месяца и почти ничего не меняется. Кажется, что дни длятся бесконечно, Бунин оставляет ряд записей, которые фиксируют каждое мгновение его жизни, каждое его движение, каждый момент происходящего, наделяя их особой значимостью. Кинематографическое представление привычного: перечисление выпитого коньяка, вина, опять коньяка, потом сон в одежде, кофе и т. д. «Состояние странное, губительное, но спокойное». И здесь же: «Так вот и умру когда-н. — заснув, — делаю над собой нечто непостижимое». Завершается дневниковая запись Бунина этого дня ремаркой, констатирующей безусловность, которой так болело его сердце: «Любить значит верить»⁸² (запись от 15 августа 1935).

Бунин продолжает вести с собой диалог, признаваясь в том, что его силы исчерпаны, и он не может продолжать эту муку бесконечно, но отдает себе отчет и в том, что не в силах и прекратить ее. Потому что она есть боль и нежность. Любовь как музыка, столь же прекрасна:

«Шел по набережн., вдруг остановился: “Да к чему же вся эта непрерывная, двухлетняя мука? все равно ничему не помо-

⁸¹ Там же. С. 15.

⁸² Там же. С. 17.

жешь! К черту, распрямись, забудь и не думай!” А как не думать? “Щастья, здоровья, много лет прожить и меня любить!” Все боль, нежность. Особенно когда слушаешь радио, что-нибудь прекрасное»⁸³ (запись от 22 апреля 1936).

Последние сохранившиеся записи Бунина конца 1930-х – начала 1940-х гг. повторяют поэтику предыдущих: «Живу не по годам. Надо опомниться», «...яркая молодая зелень и свинцовый тон неба — мрачное впечатление», «Что вышло из Г.! Какая тупость, какое бездушие, какая бессм. жизнь!», «Как была трогательна, детски прелестна! Возвращались на рассвете, ушла в бальных башмачках одна в свой отельчик...»⁸⁴ (запись от 18 апреля, 1940).

Трагическая, но прекрасная в своей трагедийности сущность мира, любовь, которая является наивысшим моментом проявления самой реальности, станут предметом его размышлений и в дневниковых записях, и в произведениях последних лет. До конца жизни Бунин исповедовал высочайшую преданность искусству, в природе и музыке он находил успокоение. Неизменно чувствуя близость природы, почти слиянность с ней, он остро, болезненно ощущал ее красоту, увядание и возрождение, говорил о муках творчества, о предназначении человека и тайне его жизни, выражая собственное страстное жизнелюбие и протестуя против неизбежности смерти. Все то, что он горячо любил и чем бесконечно восхищался, все это будет, будет существовать вечно, тогда как человеческая жизнь конечна и примириться с этим вне человеческого разума.

«...Вот, кажется, теперь уже несомненно: никогда мне не быть, напр., на Таити, в Гималаях, никогда не видать японских роцц и храмов и никогда не увидеть вновь Нила, Фив, Карпана, его руин, пальм, буйвола в грязи, затянутого илом пруда... Никогда! Все это будет существовать во веки веков, а для меня все это кончено навсегда. Непостижимо»⁸⁵ (запись от 17 апреля 1940).

Итак, подводя итоги сказанному о повседневности в дневниках Бунина 1920–1930-х гг., мы подразумеваем предопреде-

⁸³ Там же. С. 44.

⁸⁴ Там же. С. 44.

⁸⁵ Там же.

ленную включенность субъекта повествования в социальную реальность. Как правило, подобная реальность исключает кардинальные личностные и общественные изменения. В своих устойчивых параметрах повседневность необходима человеку для нормального психологически-уравновешенного состояния, для того чтобы жить, работать, совершать установленные правилами обязанности. Повседневностью для Бунина в 1920–1930-е гг. становится его зимний дом в Париже, а летом в Грасе, это устроенный Верой Николаевной Буниной быт, строгий распорядок дня, определенным образом упорядоченный график работы и создание условий для нее. Но в какой-то момент возникает ощущение стагнации, и рутина обещает поглотить все. Обостренное чувство жизни оказывается в конфликте с ускользящим временем, скоротечностью всего сущего. Бунин обращается к повторяющимся прекрасным фрагментам своей жизни (любовь, искусство, природа), и, в конечном счете, логика его рассуждений вновь сосредоточена на вопросах: почему? для чего? с какой целью? Он обращается к опыту тех людей, которые дороги были ему, авторитет которых был для него безусловным и прежде всего к опыту Л. Толстого. С одной стороны, смерти нет! — утверждал Толстой, но, с другой стороны, — тогда почему? Тогда для чего все это?

Принимая во внимание то, что феномен повседневности имеет множество трактовок, мотивированных сложностью самой его природы, мы остановились только на тех из них, которые релевантны для наших рассуждений. С точки зрения Э. Гуссерля, повседневность есть мир, который дан нам в совокупности непосредственных очевидностей, задающих формы ориентации и поведения человека⁸⁶. Представляя смысловой универсум, структуры повседневности образуют локальные

⁸⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. 400 с.; Епифанова Н.Н. Аксиологические принципы «жизненного мира»: Э. Гуссерль и неокантианская методология // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, политология, культурология. 2008. № 8. С. 48–53.

пространства, которые охватывают различные стороны человеческой жизнедеятельности, включая как сознательные, так и бессознательные элементы, формирующие сложную систему повседневного бытия. Наиболее общей для гуманитарного знания является трактовка повседневности как целостного социокультурного жизненного мира, предстающего в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности⁸⁷. Важным в таком случае становится концептуализация повседневности, которая «позволила бы свести разрозненные описания феноменов повседневной жизни к единому контексту»⁸⁸.

Повседневность для Бунина 1920–1930-х гг. в связи с революционными событиями часто окрашивалась в багровые, темные, серо-красные тона, материализуясь в смерти близких, похоронах друзей, встречах, расставаниях, нескончаемых поисках духовного равновесия. Повседневности противостояла неповседневность со своей непредсказуемостью, неожиданными ситуациями, катаклизмами, перипетиями. Неповседневностью стала для художника революция, эмиграция, любовь. Если исходить из того, что «жизненный мир», или «вот-бытие»⁸⁹ представляет собой упорядоченную реальность, привычное, повседневное течение жизни, такой мир противостоит хаотичному, «иррациональному» миру «неповседневного». В обычное, тривиальное существование Бунина возлюбленная внесла черты праздничного, «сладостного восторга жизни». В минуты необычайного творческого и эмоционального подъема Бунин обращается к Богу: «За что мне такое счастье?» Мир обретает для него новый смысл, новые краски, особенно остро это проявля-

⁸⁷ Бабаева А.В. Роль междисциплинарных исследований в изучении проблем повседневности // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Материалы междунар. конф. 18 мая 2001 г. СПб.: Санкт-Петербургское философ. общ-во, 2001. Вып. 12. С. 177.

⁸⁸ Смирнов А.В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2013. С. 4.

⁸⁹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология.

ется в восприятии картин природы, новом ощущении красоты и счастья самого присутствия человека в этом мире. Однако на определенном этапе отношения с возлюбленной обретают характер повседневного, привычного, уступая место творчеству, наслаждению им, вдохновению и созиданию. Очень сложно было сохранить баланс: сам процесс творческого созидания — это сублимация большой душевной работы. С предельной искренностью и исповедальной силой Бунин раскрывает свое “я” как человека и художника, дневник писателя становится инструментом самопознания и самореализации. До глубины души писателя волнует философия мгновения и вечности, самодостаточность единичного в скоротечном и непостижимом времени. В дневниках, как и в художественных произведениях, Бунин стремился запечатлеть бесконечность и разнообразие мира, божественную красоту природы и чувственно-невыразимое в глубинах человеческого сердца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акаева Т.В.* Философско-эстетическое понимание мира и человека в творчестве К.Н. Леонтьева и И.А. Бунина (К постановке проблемы) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. № 2. С. 5–8.
- Бабаева А.В.* Роль междисциплинарных исследований в изучении проблем повседневности // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI в. Материалы междунар. конф. 18 мая 2001 г. СПб.: Санкт-Петербургское философ. общ-во, 2001. Вып. 12. С. 177.
- Бахрах А.В.* Бунин в халате. По памяти, по записям / сост., вступит. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2006. 588 с.
- Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–22.
- Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 227–231.
- Бахтин М.М.* Человек у зеркала // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русское слово, 1996. Т. 5. С. 71.
- Бунин И.А.* К моему литературному завещанию // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 66. С. 166–172.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 640 с.
- Вознесенская И.М.* Языковые особенности дневникового текста // Русское зарубежье: духовный и культурный феномен: Материалы межд. науч.

- конф.: в 2 ч. М.: Новый гуманитар. ун-т Натальи Нестеровой, 2003. Ч. 1. С. 281–287.
- Воротынцева К.А.* Проблема повседневности // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 58–71.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. 400 с.
- Двинятина Т.М.* Нобелевский год И.А. Бунина (по материалам дневников и семейной переписки) // Литературный факт. 2017. № 4. С. 143–161.
- Двинятина Т.М.* Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 344–356.
- Епифанова Н.Н.* Аксиологические принципы «жизненного мира»: Э. Гуссерль и неокантианская методология // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, политология, культурология. 2008. № 8. С. 48–53.
- Комлик Н.Н.* Одорический подтекст прозы И.А. Бунина // ФИЛОЛОГОС. 2013. № 17 (2). С. 36–40.
- Котельников В.А.* Иван Бунин и Константин Леонтьев // *Котельников В.А.* Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. Межвуз. сб. науч. тр. к 125-летию со дня рождения писателя. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1995. С. 70–76.
- Краваченко А.А.* Публицистика И.А. Бунина 1920-х годов: тематические составляющие проблемного пространства // ФИЛОЛОГОС. 2018. № 37 (2). С. 42–48.
- Краваченко С.А.* «Фальшь и ложь, неизбежно проглядывающие во взаимоотношении с самим собою». URL: <http://skravchenko.ru/index.htm/book/export/html/269> (дата обращения: 14.11.2021).
- Линков В.Я.* Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989. 172 с.
- Новикова Е.Г.* Особенности речевого жанра дневника // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: Северо-Кавказский Федеральный ун-т, 2005. № 3. С. 80–89.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Литературно-критические работы: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 292 с.
- Пигров К.С.* Скриптизация авось-бытия, или апология интимного дневника // Философские науки. 2008. № 8. С. 98–106.
- Сливицкая О.В.* О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1. С. 72–80.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-802-812>
<https://elibrary.ru/RJDQBT>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

УДК 821.161.1.0

ПРОСТРАНСТВО ПОГРАНИЧЬЯ В «УСАДЕБНОМ ТЕКСТЕ» И.А. БУНИНА*

© 2022 г. Н.В. Михаленко

Аннотация: В раннем и эмигрантском творчестве И.А. Бунина усадьба предстает местом своеобразного пограничья — временного и пространственного. Герой его стихов, прозаических текстов каждый раз задумывается о судьбах людей, которые прежде жили в посещаемых им местах (стихотворение «Дедушка в молодости», рассказ «Антоновские яблоки»). Прочерчивается своеобразная связь поколений. В усадьбе как бы сопрягаются различные временные пласты. Линейное время человеческой жизни и циклическое время рода точно соединяются. И трагедией для героя становится их разрыв, гибель прежнего быта (например, стихи «...И снилось мне, что осенней порой...», «Запустение»). Пространство поместья в произведениях Бунина тесно связано с природой, обусловлено ею. Усадебный дом утрачивает четкие границы, а человек в нем начинает ощущать себя частью гармоничного природного мира, задумывается над вечными вопросами (см. стихи «Тихой ночью поздний месяц вышел...», «В столетнем мраке черной ели...» и др.). В романе «Жизнь Арсеньева», рассказах «Косцы», «Несрочная весна» и др. усадьба становится идиллическим местом, куда герой стремится вернуться. Усадебный мир связан у Бунина и с литературным творчеством, возможностью, находясь в своеобразном пограничье, сопрягать различные идеи и образы.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «усадебный текст», литература русского зарубежья, рассказы «Несрочная весна», «Антоновские яблоки», «Косцы».

Информация об авторе: Наталья Владимировна Михаленко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru.

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

Для цитирования: Михаленко Н.В. Пространство пограничья в «усадебном тексте» И.А. Бунина // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 802–812. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-802-812>

ESTATE HOUSE AS FRONTIER TERRITORY IN THE “ESTATE TEXT” OF IVAN BUNIN

© 2022. Natalia V. Mikhailenko

Abstract: Both in the early and in the the émigré works of Ivan Bunin, an estate house serves as a kind of frontier, in time as well as in space. His protagonist always thinks about the fate of people who dwelled in the past in the places he visits (see the poem “Grandfather’s Youth”, the story “The Scent of Apples”), and a kind of connection between generations is drawn as if the estate becomes the junction point of different layers of time. The linear time of human life and the cyclical time of the generations are combined with perfect precision. And the tragedy of the protagonist is their ruin, the end of the old way of life (see, for example, the poems “... Sometimes in the autumn I dream” or “Desolation”). The space of an estate in Bunin’s works is deeply associated with nature, its state can even be attributed to it. This blurs the boundaries of the estate house, and the person in it begins to feel like a part of the harmony of nature, starts to ponder eternal questions (see the poems “A crescent moon came out on a quiet night...”, “In centuries-old darkness of an old black spruce...”, etc.). In the novel “The Life of Arseniev”, the stories “Mowers”, “Non-urgent Spring” and others, the estate house becomes an idyllic place where the protagonist seeks to return. The world of an old estate is closely related to Bunin’s literary work, being the opportunity to combine different ideas and images, like in a kind of a borderland.

Keywords: Ivan Bunin, “Estate text”, Russian émigré literature, stories “Non-urgent Spring”, “The Scent of Apples”, “Mowers”.

Information about the author: Natalia V. Mikhailenko, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru.

For citation: Mikhailenko, N.V. “Estate House as Frontier Territory in the ‘Estate Text’ of Ivan Bunin.” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 802–812. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-802-812>

Современник И.А. Бунина — философ и литературный критик И.А. Ильин — справедливо называл творчество писателя «последним даром русской дворянской помещичьей усадьбы»¹. Более того, он отмечал особое значение помещичьей усадьбы как для творчества Бунина, так и для русской литературы и культуры в целом: «Тут все соединилось: и этот крепкий, строгий климат с его большими колебаниями и бурными порывами; и ласковый, мечтательно-просторный ландшафт; и столетний отбор крови и культуры; и непосредственная близость к простонародной крестьянской стихии, к дыханию земли; и досуг помещичьей усадьбы с ее культом родовой, наследственной традиции служения»².

По замечанию О.Н. Михайлова, «на особенностях Бунина как художника в значительной степени сказалась его социальная родословная, воспоминания о былом величии «столбового рода»³. В романе «Жизнь Арсеньева», во многом автобиографическом, писатель замечал: «Ни лицейских садов, ни царскосельских озер и лебедей, ничего этого мне, потому что “промотавшихся отцов”, в удел уже не досталось. <...> Но как пленительно, как родственно звучали для меня тогда пушкинские строки о них!»⁴. Бунин чувствовал дух дворянской культуры, своеобразие уклада целого социального пласта, безвозвратно ушедшего.

По отдельным записям самого писателя (1915 г.)⁵ и по свидетельствам его жены В.Н. Муромцевой-Буниной, Бунин особенно интенсивно работал в деревенской усадьбе. В одном из интервью (1911 г., корреспонденту газеты «Московская весть») он от-

¹ Ильин И.А. Творчество И.А. Бунина // Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. Мюнхен, 1959. С. 29.

² Там же.

³ Михайлов О.Н. И.А. Бунин // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. Кн. 1. С. 75.

⁴ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент., подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1996. Т. 5. С. 105.

⁵ См., например: Бунин И.А. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 390–396.

мечал: «Прекрасная старинная усадьба, <...> как нельзя лучше располагающая к творческой работе...»⁶. Много путешествуя и переезжая с места на место, в своих воспоминаниях он часто возвращался в родные места, в родной дом. Это нашло отражение в дневниках и художественных произведениях писателя.

Образ дворянской усадьбы в стихах и прозе Бунина многогранен, полифоничен. Усадьба может представлять в его текстах идиллическим местом, пространством счастья в призме воспоминаний о прошедшем времени, а также местом утрат и скорби, страданий.

Иногда жизнь в поместье предстает в несколько идиллическом, лубочном свете, становится образом утраченной России. Так, в «Окаянных днях» Бунин пишет: «Да, уж чересчур привольно, с деревенской вольготностью, жили мы все (в том числе и мужики), жили как бы в *богатеишей усадьбе*, где даже и тот, кто был обделен, у кого были лапти разбиты, лежал, задерживая эти лапти, с полной беспечностью, благо потребности были дикарски ограничены»⁷ (курсив мой. — Н. М.). Здесь возникает образ некой утопической земли, метафорический образ рая.

Как писала Т.А. Лебедева, в эмигрантском творчестве многих писателей «предстает идеальный образ Руси: у И. Шмелева и Б. Зайцева — это Русь Православная, с ее годовым сакрально-бытовым циклом; у А. Ремизова — это Русь архаическая, мифологическая; у И. Бунина — это Русь усадебная»⁸. В.Г. Шукин называл произведения Бунина «одним из последних блестящих аккордов угасавшего усадебного текста»⁹.

Бунин часто упоминал, что именно в поместье он особенно остро чувствовал силу рода, думал о людях, прежде здесь жив-

⁶ У академика И.А. Бунина (беседа) // Московская весть. 1911. № 3. 12 сентября.

⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 103.

⁸ Лебедева Т.А. Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1920–1953 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2002. С. 9.

⁹ Шукин В.Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Шукин В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 332.

ших. Например, 27 июля 1917 г. он сделал такую дневниковую запись:

«Деревенскому дому, в котором я опять провожу лето, полтора века. И мне всегда приятно вспоминать и чувствовать его старину. Старинный, простой быт, с которым я связан, умиротворяет меня, дает отдых среди моих постоянных скитаний. А потом я часто думаю о всех тех людях, что были здесь когда-то, — рождались, росли, любили, женились, старились и умирали, словом, жили, радовались и печалились, а затем навсегда исчезали, чтобы стать для нас только мечтою, какими-то как будто особыми людьми старины, прошлого. Они, — совсем неизвестные мне, — только смутные образы, только мое воображение, но всегда со мною, близки и дороги, всегда волнуют меня очарованием прошлого»¹⁰.

В раннем и эмигрантском творчестве Бунина дворянская усадьба предстает как бы на расстоянии, всегда сквозь призму воспоминаний, легенд, памяти о прежней жизни. Образ усадьбы связан с временным и пространственным пограничем — былой и настоящей жизни (в ранних текстах), давно минувшими событиями (в эмигрантских). С одной стороны, благодаря этому достигается некая концентрация подробностей, деталей, описывающих жизнь в усадьбе, работает переключка «было» — «стало». А с другой стороны, становятся нечеткими границы пространства, линейное время чередуется с циклическим.

Усадебный дом в стихах и прозе Бунина часто представляется лишенным четких границ — он как бы становится частью природного мира, продолжается им. Например, в романе «Жизнь Арсеньева» усадьба предстает как элемент пейзажа, вписанный в природу: «В самом деле, вот хотя бы то, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание... <...> Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как

¹⁰ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 391–392.

бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему...»¹¹. Такой гармоничный мир позволяет герою задумываться о вечных вопросах, чувствовать себя частью природы, сохранить с ней связь.

В рассказе «У истока дней» герой осознает себя не просто в усадебном доме, расположенном в каком-то уезде, но он ощущает себя именно в России. Характерно, что благодаря описанию окон, создается ощущение, что у дома нет границ или они максимально нивелированы. Природа становится своеобразным продолжением внутренних покоев: «В тумане моего прошлого есть один далекий день, который я вспоминаю особенно часто. Я вижу большую комнату в бревенчатом флигеле на хуторе средней России. Одно окно этой комнаты — на юг, на солнце, два других — на запад, в вишневый сад»¹². Интерьер и экстерьер предстают здесь как бы взаимосвязанными.

В стихах Бунина граница между усадебным домом и садом еще более пластична, внутреннее и внешнее неразрывно связаны: «Но ты помнишь, как ты отворила / Дверь на лунный свет?»¹³ («Тихой ночью поздний месяц вышел...»). Природные образы точно умиротворяют лирического героя, заставляют задуматься о вневременном: «И ты играла в темной зале / С открытой дверью на балкон, / И пела грусть твоей рояли / Про невозвратный небосклон, // Что был над парком, — бледный, ровный, / Ночной, июньский, — там, где след / Души счастливой и любовной, / Души моих далеких лет»¹⁴ («В столетнем мраке черной ели...»). Среди суеты и бега времени герой способен «остановить мгновение», проникнуться красотой солнечных бликов: «И снова думы: “Оглянуться / Не успеваешь — года нет...” / А в окна, сквозь гардины, льются / Столбы лучей, горячий свет, // И дым, ленивою куделью / Сливаясь с светлой по-

¹¹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 26.

¹² Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 250.

¹³ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двигятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014. Т. II. С. 164.

¹⁴ Там же. С. 154.

лосой, / Синеет, тает... как за елью / В далекой просеке, весной»¹⁵ («На Плющихе»).

В рассказе «Под серпом и молотом» лунный свет будто оживляет покинутый дом: «Ушел я из усадьбы только вечером, когда месяц уже стал класть в парке легкие апрельские тени под деревьями и серебрить поляны. Уходя, думал: ночью парк побелеет под месяцем, мертвый дом засветится насквозь, всеми своими пустыми, блестящими покоями...»¹⁶. Лунный свет точно дает новую, призрачную жизнь опустевшему дому.

Очень часто образ усадьбы у Бунина довольно зыбок, как бы размыт. Она становится местом пограничья, где соединяется прошлое и настоящее, где конкретный момент жизни рассматривается сквозь призму былых событий. Образ усадьбы, даже в ранних текстах Бунина овеян грустью, чувством утраты. Усадьба предстает неким потерянным раем, константным пространством, куда герой может вернуться в своих мыслях.

Так, в рассказе «Косцы» предстает образ гармоничной работы людей на природе. Пространство усадьбы, где совершаются действия, становится частью воспоминания, мифологизируется, создается впечатление, что оно нереально: «Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу, поблизости от нее — и пели. Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки. Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликнулся им»¹⁷. Создается образ родства людей, объединенных памятью об исчезнувшей стране: «И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу»¹⁸. Усадебный, деревенский мир предстает овеянными легендами, связанным с фольклорными образами, кажется своеобразным Китеж-градом, становит-

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 483.

¹⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. С. 336.

¹⁸ Там же. С. 338.

ся символом России: «Ибо всему свой срок — миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рысчучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклания, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел Божьему прощению»¹⁹.

Временная характеристика усадьбы у Бунина часто сложная, строится на сопряжении разных временных пластов, актуализации прошлого. Усадьбу может и должно характеризовать не только линейное, но и циклическое время. Обращение потомков к памяти предков, присвоение ими опыта предыдущих жизней — закономерный путь развития. Но эта связь прерывается, сохранить ее можно лишь в пространстве сна, воспоминания: «И снилось мне, что всю ночь я ходил / По саду, где ветер кружился и выл, / Искал я отцом посаженную ель, / Тех комнат искал, где сбиралась семья, / Где мама качала мою колыбель / И с нежною грустью ласкала меня...» («...И снилось мне, что осенней порой...»)²⁰; «Вот этот дом, сто лет тому назад, / Был полон предками моими, / И было утро, солнце, зелень, сад, / Роса, цветы, а он глядел живыми / Сплошь темными глазами в зеркала / Богатой спальни деревенской / На свой камзол, на красоту чела...»²¹ («Дедушка в молодости»). Как писала Лебедева, «герою Бунина свойственно находиться в сложном, “пограничном” состоянии между современной ему, новой реальностью и прошлым его семьи, существующим в отдельных атрибутах “дворянского гнезда”, овеечных ореолом разнообразных легенд, преданий, тайн, заново воспроизводимых старожилками помещичьего рода для детей, внуков, правнуков»²².

Трагедией для лирического героя Бунина становится прерывание жизненного цикла усадьбы, замена циклического времени линейным. Это воспринимается как разрушение всех связей, утрата не столько «родного гнезда», сколько памяти,

¹⁹ Там же. С. 340.

²⁰ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. I. С. 158.

²¹ Там же. Т. II. С. 154.

²² Лебедева Т.А. Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1920–1953 гг. С. 59.

которое оно несет: «Томит меня немая тишина. / Томит гнезда родного запустенья. / Я вырос здесь. Но смотрит из окна / Заглохший сад. Над домом реет тленье, / И скупое в нем мерцает огонек. / Уж свечи нагорели и темнеют, / И комнаты в молчанье цепенеют, / А ночь долга, и новый день далек. / Часы стучат, и старый дом беззвучно / Мне говорит: “Да, без хозяев скучно!”» («Запустение») ²³

В рассказе «Несрочная весна» герой сопоставляет свою настоящую жизнь с жизнью минувшей, утраченной. И vitalнее оказывается прошлое, куда герой точно уходит, отрешаясь от забот современности. Получается, что становится неактуальным понятие времени: «Состояние же мое заключается в том, что я непрестанно чувствую, как тлеет, рвется самая последняя связь между мною и окружающим меня миром, как все больше и больше отрешаюсь я от него и ухожу в тот, с которым связан был я не только весь свой век, с детства, с младенчества, с рождения, но даже и до рождения: ухожу в “Элизей минувшего”, как бы в некий сон, блистающий подобием той яркой и разительно живой жизни, в которой застыли мертвецы с лазурными глазами в пустом дворце в подмосковных лесах» ²⁴. В поместье как бы существует иное пространство и иное время. Не случайно бунинский герой о проведенных там днях говорит как о времени в «зачарованном мире бывшей княжеской усадьбы», «несказанно прекрасной» ²⁵. Она вся погружена в сон, не случайно на ее каменных воротах лежат «два презрительно-дремотных льва и уже густо растет что-то дикое, настоящая трава забвения» ²⁶. Образ усадьбы получает здесь некоторые библейские коннотации. Она предстает возрождающейся, живущей, несмотря ни на что: «Видишь ли, случилось, разумеется, чудо: некто, уже тлевший в смрадной могильной яме, не погиб, однако, до конца, подобно тысяче прочих, сваленных с ним в эту яму. Он, к великому своему изумлению, стал постепенно приходить в себя и, наконец, со-

²³ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. I. С. 264.

²⁴ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. С. 389.

²⁵ Там же. С. 386.

²⁶ Там же. С. 387.

всем пришел и даже получил возможность приподняться и опять выбраться на белый свет»²⁷.

Усадебный мир в творчестве Бунина часто предстает в неярких, приглушенных красках, его образ как бы соткан из полутонов. В своем дневнике он писал: «Вся аллея засыпана краснеющей, сухой, сморщенной листвой, чем-то сладко пахнущей. Как нов вид на сквозной сад, сквозь который за долиной воздух чуть зеленоват, и заря наполняет весь сад розовым светом. Почти все голо, почти все клены на валу и аллея и т.д., лишь яблони [в] золотисто-бронзовой мелкой мертвой листве»²⁸ (3 октября 1917 г.).

В пастельных тонах, зыбком, неровном свете предстает и раннее утро в поместье в стихотворении «Бледнеет ночь... Туманов пелена...»: «Еще усадьба спит... В саду еще темно, / Недвижим тополь матово-зеленый, / И воздух слышен мне в открытое окно, / Весенним ароматом напоенный... // Уж близок день, прошел короткий сон — / И, в доме тишины не нарушая, / Неслышно выхожу из двери на балкон / И тихо светлого восхода ожидаю...»²⁹.

Помещичий дом в «Антоновских яблоках» представлен не столько визуальными образами, сколько в описании запахов, полутонов, ощущений, возникающих у героя при визите туда: «Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах — в лакейской, в зале, в гостиной — прохладно и сумрачно; это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места»³⁰. Бунин как бы сопрягает время. С одной стороны, гибель помещичьих усадеб соотносится с тем, что из них исчезает «запах антоновских яблок», понятие неуловимое, эфемерное, кратковременное. А с другой стороны, герою кажется, «что с тех пор прошло

²⁷ Там же. С. 389–390.

²⁸ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 401.

²⁹ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. I. С. 107.

³⁰ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 211.

чуть не целое столетие»³¹. Время как бы сжимается, концентрируется.

Подводя итоги, можно сказать, что усадебный мир в творчестве Бунина обладает своей, особой пространственно-временной характеристикой. Размытость точных границ усадьбы, слитность с природой, обращение каждый раз к циклическому времени и, как следствие, концентрация событий и деталей, данных через призму воспоминаний, позволяет говорить об особом «пограничье» усадьбы у Бунина. Очень емком образе, обращающем читателя к мыслям об ушедшей жизни, утраченной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бунин И.А.* Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент., подбор ил. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1993–2000.
- Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).
- Ильин И.А.* Творчество И.А. Бунина // *Ильин И.А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. Мюнхен, 1959. С. 29–80.
- Лебедева Т.А.* Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1920–1953 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2002. 187 с.
- Михайлов О.Н.* И.А. Бунин // *Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т.* М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. Кн. 1. С. 72–156.
- Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 2004. С. 390–396.
- Шукин В.Г.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 610 с.

³¹ Там же.

ОТ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ — К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ БУНИНА В 1920–1930-е гг.

© 2022 г. Д.Д. Николаев

Аннотация: В статье выявляются основные тенденции работы Бунина в эмиграции над уже опубликованными текстами. Сопоставляются первые публикации произведений в периодических изданиях, публикации в составе авторских сборников и в собрании сочинений. Анализируются как новые варианты (редакции) дореволюционных произведений, так и принципы трансформации текстов, написанных в эмиграции. Показывается, что Бунин продолжал тщательно работать над текстами уже опубликованных произведений, даже тех, что критики оценивали как совершенные. При этом он не просто создавал все более совершенное с точки зрения стиля произведение. И до революции, и в эмиграции Бунин стремится учитывать аудиторию, на которую ориентировано то или иное издание — ее возрастные, национальные, социальные, мировоззренческие особенности, делая текст более «современным» с точки зрения конкретного времени восприятия.

Ключевые слова: Бунин, поэтика, текстология, эмиграция, русский Париж, «Окаянные дни».

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>. E-mail: ddnikolaev@mail.ru.

Для цитирования: Николаев Д.Д. От первой публикации — к собранию сочинений: трансформация печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг. // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 813–903. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-813-903>

TRANSFORMATION OF THE PUBLISHED WORKS TEXTS OF BUNIN IN 1920–1930: FROM THE FIRST PUBLICATION TO THE COLLECTION OF WORKS

© 2022. Dmitry D. Nikolaev

Abstract: The article explains the main trends of Bunin's work in emigration on already published texts. The first publications of works in periodicals, publications in Bunin's books and in the collected works are compared. New versions of pre-revolutionary works, and the principles of transformation of texts written already in exile are analyzed. It is shown that Bunin continued to work carefully on the texts of already published works, even those that critics assessed as "perfect". At the same time, Bunin did not just create an increasingly "perfect" work from the point of view of style. Both before the revolution and in exile Bunin takes into account the audience that a particular publication is aimed at — its age, national, social, and ideological features, making the text more "modern" in terms of a specific time of perception.

Keywords: Bunin, poetics, textology, emigration, Russian Paris, "Okayannye Dni".

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>. E-mail: ddnikolaev@mail.ru.

For citation: Nikolaev, D.D. "Transformation of the Published Works Texts of Bunin in 1920–1930: from the First Publication to the Collection of Works." *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 813–903. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-813-903>

Публикационная история произведений И.А. Бунина в целом традиционна для XX в. и соответствует общей схеме «печатной жизни» текстов значительных русских писателей. Как правило, стихотворение или рассказ сперва печатались в газете, журнале, коллективном сборнике или альманахе, затем включались в авторский сборник (авторские сборники) и, наконец, вершиной пирамиды становилась публикация в собрании сочинений. Разумеется, далеко не все произведения достигали этой вершины, но в итоге читатель, а затем и исследователь,

получали в свое распоряжение сформированный автором или при участии автора свод наиболее значимых его произведений в тех вариантах или редакциях, которые можно назвать «итоговыми» (разумеется, на момент издания собрания сочинений).

Подобной схемы Бунин придерживался и до революции, и в эмиграции, причем если в дореволюционной России она, как было отмечено, воспринималась, скорее, как стандартная, то в эмиграции Бунин стал фактически единственным русским писателем, кому при жизни удалось достичь вершины издательской «пирамиды» — собрания сочинений.

Из стандартной модели в эмиграции выпадают лишь сборники Бунина, изданные после Второй мировой войны в США, в издательстве им. Чехова, но они остаются за рамками рассмотрения в данной статье.

Однако, хотя Бунин и продолжал следовать за рубежом дореволюционной издательской схеме, в ней все же произошло существенное изменение: значительно уменьшилось количество «промежуточных остановок» текстов между их первой публикацией и собранием сочинений. До революции число таких «остановок» — изданий в составе авторских сборников различного формата и в различных издательствах — у бунинских произведений могло приближаться к десяти. В качестве примера можно привести один из самых известных ранних рассказов «Бунина» — «Кастрюк».

Впервые рассказ был напечатан в «Русском богатстве», в апрельской книжке за 1895 г. с подзаголовком «очерк», затем входил в сборник «“На край света” и другие рассказы» в издании Поповой 1897 г. Она же издала, а затем и переиздала рассказ в дешевой «народной и детской» библиотеке, где он напечатан в паре с рассказом «На край света» (это издание делалось с того же набора, что и «толстая» книжка). Затем «Кастрюк» входил в сборник «Том первый. Рассказы», впервые выпущенный «Знанием» в 1902 г. В 1903 и 1904 гг. последовали, соответственно, второе и третье издания «Знания». Четвертое, исправленное и дополненное издание первого тома рассказов выпустило в 1912 г. «Московское книгоиздательство» под названием «Перевал и другие рассказы» и — в том же году под названием «Перевал: Рассказы 1892–1902». Наконец, в 1915 г. «Кастрюк» был на-

печатан в составе второго тома Полного собрания сочинений Бунина, изданного А.Ф. Марксом, — «Рассказы 1892–1902 гг.».

Отметим, что собрание сочинений для Бунина представляло собой иную целостность, нежели отдельный сборник. И в отдельных сборниках, и в собрании сочинений для писателя важна была композиция издания — и внесенные в нее изменения также являются значимыми с точки зрения авторской концепции прочтения его произведений.

Так, в первом сборнике прозы Бунина — «“На край света” и другие рассказы» — ранние произведения печатались в следующем порядке: «На край света», «На даче», «Фантазер», «Вести с родины», «Танька», «На чужой стороне», «Кастрюк», «Тарантелла», «На Донце». При подготовке сборника в издательстве «Знание» в 1902 г.¹ Бунин «перемешал» вошедшие в первую книгу прозы рассказы с написанными позже, отказавшись от хронологического порядка: «Перевал», «Руда», «Новая дорога», «Осенью», «Туман», «Байбаки», «Новый год», «Антоновские яблоки», «Велга», «Скит», «Тарантелла», «Костер», «На край света», «Кастрюк», «В августе», «Без роду-племени», «Поздней ночью», «На Донце», «Фантазер», «Сосны», «Тишина», «Надежда». Однако в 1912 г. в книге «Перевал и другие рассказы» (в том же году изданную под названием «Перевал: Рассказы 1892–1902»)² Бунин восстановил художественную логику раннего периода своего прозаического творчества, подчеркнув тем самым важность последовательного и комплексного прочтения произведений. Здесь рассказы расположены в том порядке, в котором их датировал Бунин: «Перевал», «Танька», «Кастрюк», «На хуторе», «Вести с родины», «На чужой стороне», «На край света», «Учитель», «Байбаки», «На Донце», «На даче», «Велга», «Без роду-племени», «Поздней ночью», «Антоновские яблоки», «Руда», «Новая дорога», «Сосны», «Скит», «Туман», «Костер», «В августе», «Осенью», «Новый год», «Тишина», «“Надежда”».

Эта композиция закреплена и во втором томе «Полного собрания сочинений» Бунина, изданного А.Ф. Марксом

¹ Бунин И. Рассказы. СПб.: Знание, 1902. 290 с.

² Бунин И. Перевал и другие рассказы / 4-е изд., испр. и доп. М.: Московское книгоизд-во, 1912. 341 с.

в 1915 г., — «Рассказы 1892–1902 гг.»³: «Перевал», «Танька», «Кастрюк», «На хуторе», «Вести с родины», «На чужой стороне», «На край света», «Учитель», «Байбаки», «На Донце», «На даче», «Велга», «Без роду-племени», «Поздней ночью», «Антоновские яблоки», «Руда. Эпитафия», «Над городом», «Новая дорога», «Сосны», «Скит», «Туман», «Костер», «В августе», «Осенью», «Новый год», «Тишина», «“Надежда”».

Если мы говорим о художественных произведениях, созданных Буниным в эмиграции, то стадий «печатной жизни» от первой публикации — к собранию сочинений будет, как правило, не более трех (за редкими исключениями): к ним добавится одно издание в составе авторского сборника. Есть и произведения, которые вообще не переиздавались, и те, что не печатались в составе отдельных сборников.

В процессе «издательской» жизни текстов Бунин регулярно вносил в них изменения. Такую практику нельзя назвать отличительной чертой творчества Бунина: над своими произведениями после первой их публикации продолжали работать многие писатели. Тем не менее, на нее следует обратить особое внимание, поскольку в отзывах о Буине критики — и до революции, и в эмиграции — привычно подчеркивали изначальную целостность и совершенство созданных писателем художественных произведений.

Разумеется, в одной статье невозможно проследить трансформацию всех произведений Бунина, поэтому мы остановимся на показательных примерах, позволяющих выявить и продемонстрировать различные модели трансформации, а также провести анализ выявленных общих тенденций с точки зрения поэтики.

Анализируя трансформацию печатных текстов Бунина в 1920–1930-е гг., мы должны рассмотреть две группы произведений. Во-первых, это стихотворения и рассказы, написанные и опубликованные до эмиграции и затем включенные в собрание сочинений издательства «Петрополис», во-вторых, написанные не ранее 1920 г. и впервые опубликованные уже в эмиграции.

³ Бунин И. Полн. собр. соч. Пг.: А.Ф. Маркс, 1915. Т. 2: Рассказы 1892–1902 гг. 246 с.

И в том, и в другом случае помимо двух заявленных в теме «конечных» точек печатной истории текстов (первая публикация и собрание сочинений издательства «Петрополис»), чаще всего есть, как отмечено выше, еще промежуточные публикации — в периодике, авторских книгах Бунина (включая собрание сочинений, изданное в качестве приложения к журналу «Нива») и коллективных сборниках и альманахах.

Отметим, что в данной статье мы рассматриваем примеры только тех дореволюционных публикаций, которые в эмиграции не только были включены в собрание сочинений, но и как минимум один раз в той или иной форме переизданы (в сборнике или в периодическом издании), так что мы можем сопоставлять не только варианты, созданные до революции и в эмиграции, но и как минимум две публикации, сделанные уже после начала 1920 г.

Основу «Собрания сочинений», выпущенного в 1934–1936 гг. в Берлине издательством «Петрополис», составили произведения, написанные в эмиграции. Это собрание сочинений должно было представлять собой своего рода продолжение «Полного собрания сочинений» И.А. Бунина 1915 г., изданного товариществом А.Ф. Маркса в качестве приложения к журналу «Нива». Тем не менее, в берлинском издании есть большая группа произведений, впервые опубликованных до революции. Эти произведения можно разделить на три группы.

Во-первых, речь идет о произведениях, которые были опубликованы в России после издания собрания сочинений в издательстве «Нива» и поэтому войти в него не могли. Во-вторых, это произведения, которые в эмиграции подверглись достаточно существенной трансформации, но сохранили оригинальные названия и в целом могут рассматриваться лишь как варианты дореволюционных произведений. И, наконец, третий тип — произведения, в текст которых Бунин внес значительные изменения, а также, как правило, изменил названия — это, как минимум, новые редакции дореволюционных произведений, а иногда и произведения, которые, на наш взгляд, должны считаться самостоятельными.

Три эти группы напрямую связаны с тремя типами републикации дореволюционных текстов Бунина в эмиграции в целом, не только в собрании сочинений. Первый — републикация, которая заявляется в качестве таковой. Тексты перепечатываются с сохранением прежнего названия, часто с дореволюционной датировкой, а иногда и с указанием на сборник, из которого они взяты. К таким републикациям относятся в первую очередь произведения, включенные в первые изданные в эмиграции сборники Бунина, задачей которых было «дать русскому зарубежному читателю» возможность читать произведения Бунина. Второй — тексты, имеющие двойную датировку или иное указание на связь с дореволюционным произведением, но заявленные автором как новые варианты, редакции и т. д. Ну и, наконец, третью группу составляют перепечатки, в которых не указывается, что произведение прежде публиковалось до эмиграции. В первых двух группах степень трансформации текстов, по идее, определяется изначальной публикационной установкой: читателю декларативно предлагается либо тот же самый текст, что был до революции, либо текст измененный. В третьем случае сам факт перепечатки умалчивается.

К данной классификации следует добавить необходимость выделить в отдельную группу перепечатку в эмигрантских авторских сборниках произведений, прежде не включавшихся в книги, а публиковавшихся до эмиграции лишь в периодике, коллективных сборниках и альманахах. Это в первую очередь часть произведений из сборника «Роза Иерихона» (Париж, 1924).

Сразу по прибытии в Париж в начале 1920 г. Бунин стал уделять значительное внимание организации издательской деятельности русской эмиграции (см. об этом в статье «Поэтика творчества И.А. Бунина 1920–1923 гг.» в настоящем издании). В начале ноября 1920 г. в парижских эмигрантских газетах «Последние новости» и «Свободные мысли» появились заметки практически одинакового содержания:

«По инициативе группы русских общественных, литературных и финансовых деятелей в Париже учреждено новое русское книгоиздательство под фирмой “Русская земля”. Капитал

книгоиздательства составлен из паевых взносов частных лиц, сочувствующих культурным задачам книгоиздательства.

“Русская земля” ставит себе целью издание лучших произведений современной художественной литературы и вместе с тем стремится сохранить материальные интересы русских авторов, пострадавших от временной потери огромного книжного рынка России. Авторы, произведения которых печатаются “Русской землей”, участвуют в прибыли от издания их книг.

В настоящее время принимаются меры к проведению устава паевого товарищества “Русская земля”. По утверждении Устава будет избрано постоянное Правление Товарищества. Пока инициативной группой избран Временный Исполнительный Комитет под председательством Тихона Ивановича Полнера. Членами Комитета состоят: Н.А. Асс, акад. И.А. Бунин, А.И. Куприн, С.Л. Поляков (Литовцев) и гр. Алексей Н. Толстой. В инициативной группе, кроме перечисленных лиц, участвуют кн. Г.Е. Львов, г-жа С.В. Денисова, В.В. Вырубов, барон Б.Э. Нольде, И.И. Фондаминский-Бунаков и С.А. Кречетов.

Первая серия книг “Русской земли” выйдет в ноябре и состоит из произведений К.Д. Бальмонта, И.А. Бунина, А.И. Куприна, гр. А.Н. Толстого и Ив. Шмелева. Во вторую серию войдут произведения Бориса Зайцева, К.А. Тренева, Н.А. Тэффи, И.А. Бунина, А.И. Куприна и А.Н. Толстого. Кроме того, издательством ведутся переговоры об издании произведений З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Н.М. Минского, И. Наживина, П.А. Нилуса, Марины Цветаевой, С.Н. Ценского, Ал. Черного и др.»⁴.

Переговоры и юридическое оформление нового предприятия шли немногим более месяца, и в начале декабря паевое книгоиздательство «Русская земля» могло приступить к печатанию книг⁵. К передаче в типографию к тому времени уже были готовы сборники рассказов И.А. Бунина («Господин из Сан-Франциско»), А.И. Куприна («Суламифь»), А.Н. Толстого

⁴ Новое русское книгоиздательство в Париже // Последние новости. 1920. 2 ноября. № 162. С. 2. См. также: Новое издательство в Париже // Свободные мысли. 1920. 1 ноября. № 7. С. 4.

⁵ См.: Последние новости. 1920. 9 декабря. № 194. С. 3.

(«Наваждение»), повесть И.С. Шмелева «Неупиваемая чаша» и новая книга стихов К.Д. Бальмонта «Дар Земле». Шла работа и над «второй серией», в которой, наряду с «Путниками» Б.К. Зайцева, романами Д.С. Мережковского «14 декабря» и А.Н. Толстого «Хромой барин», рассказами З.Н. Гиппиус и А.И. Куприна, должна была выйти «Деревня» И.А. Бунина.

В итоге первая книга Бунина, изданная в эмиграции, — «Господин из Сан-Франциско» — появилась на прилавках французских книжных магазинов в конце января 1921 г. На титульном листе ее значился 1920 г., но на обложке стоял уже 1921-й.

В 1921 г. в эмигрантских издательствах вышли еще три книги Бунина. Кроме уже упоминавшейся книги, подготовленной в издательстве «Русская земля», включившей в итоге, помимо «Деревни», еще и «Суходол»⁶, сборник «Крик» был издан в Берлине «Словом», а сборник «Начальная любовь» — в Праге «Славянским издательством».

Первые четыре изданных в эмиграции сборника Бунина включали его дореволюционные произведения. В сборник «Крик» наряду с рассказом, давшим название книге, вошли рассказы «Смерть», «Игнат», «Сила», «Хорошая жизнь», «Захар Воробьев», «Древний человек», «Ночной разговор», «Сверчок», «Веселый двор», а сборник «Начальная любовь» составили стихотворения из книги «Листопад» (М., 1901), удостоенной Пушкинской премии Академии наук, и рассказы «Антоновские яблоки», «Над городом», «Эпитафия», «В поле», «На край света», «Учитель», «Сосны», «Мелитон», «Костер», «Осенью», «Надежда».

В том же году в берлинском издательстве «Слово» были выпущены «мистерии» Байрона «Каин», «Манфред», «Небо и земля» в переводе Бунина. Еще одну книгу Бунина «Русская земля» выпустила в 1922 г. Представляя ее, М. Цетлин писал:

«В издательстве “Русская земля” вышла в свет книга рассказов и стихотворений Бунина “Чаша Жизни”. Таким, образом, с прежде вышедшими в том же издательстве “Деревней” и “Господином из Сан-Франциско”, а также книгами, изданными в Праге и Берлине, мы имеем за границей почти всего Бунина, словно драгоценную ношу, взятую нами с собою в изгнание»⁷.

⁶ Бунин И.А. Деревня; Суходол. Париж: Русская земля, 1921. 368 с.

⁷ Последние новости. 1922. 14 апреля. № 613. С. 2.

При издании этих книг, составленных из написанных и опубликованных до революции произведений, ни автор, ни издательства не указывали, что в тексты Буниным вносились изменения, подчас весьма существенные. Книги воспринимались как воспроизведения дореволюционных изданий (такова была обычная практика подобных перепечаток), но на самом деле Бунин при их подготовке продолжал работать над текстами.

Собрание сочинений, выпущенное издательством «Петрополис» в 1934–1936 гг., формировалось на основе произведений, уже публиковавшихся в эмиграции, в том числе в этих первых изданных за рубежом сборниках. Во второй том, получивший название «Деревня», вошли «Подторжье», «Суходол», «Деревня» и стихотворения. В третий том, озаглавленный «Древний человек», были включены рассказы «Крик», «Смерть», «Снежный бык», «Древний человек», «Сила», «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Ночной разговор», «Веселый двор», «Игнат», «Захар Воробьев» и стихотворения, т.е. в своей прозаической части он по составу почти полностью повторял сборник 1921 г. «Крик». Пятый том, названный «Господин из Сан-Франциско», составили рассказы «Господин из Сан-Франциско», «Пост», «Песня о гоце», «Старуха», «Отто Штейн», «Легкое дыхание», «Аглая», «Сын», «Соотечественник», «Казимир Станиславович», «Петлистые уши», «Сны Чанга» и стихотворения. Здесь в прозаической части были объединены рассказы, написанные в России, но в составе сборников впервые печатавшиеся как в России (и затем переизданные в эмиграции), так и в эмиграции, в книге «Роза Иерихона» (Париж, 1924).

Ярчайшим и показательным примером трансформации дореволюционного произведения — от первой публикации через дореволюционный авторский сборник и авторский сборник, изданный в эмиграции, до собрания сочинений издательства «Петрополис» — является «Господин из Сан-Франциско».

Впервые рассказ «Господин из Сан-Франциско» был напечатан в пятом сборнике «Слово», вышедшем в конце 1915 г. и переизданном в 1916 г.: «Слово: сборник пятый: Ив. Бунин. Господин из Сан-Франциско. — Бор. Зайцев. Маша. — И. Сургу-

чев. Мельница. — Н. Тимковский. Неугасимая. — К. Тренев. По тихой воде. — Ив. Шмелев. На большой дороге»⁸.

Большинство тех, кто стремился «ранжировать» тексты в сборнике, именно произведение Бунина ставили на первое место. «В V сборнике “Слова” никакой литературы, кроме Бунина, — нет»⁹, — подчеркивал А.М. Горький в письме Е.П. Пешковой от 25 ноября.

В стремлении выделить Бунина некоторые критики вообще посчитали необходимым рассматривать его рассказ вне контекста сборника. Именно так поступил А. Дерман, опубликовавший в журнале «Русская мысль» статью «Победа художника», целиком посвященную «Господину из Сан-Франциско» (1916. № 5. С. 23–27). Дерман даже не упоминает сборник «Слово», отмечая лишь, что рассказ Бунина в печати «появился как раз на рубеже минувшего и текущего года». Исключение контекста объясняется, в частности, тем, что, по мнению критика, ни одно произведение в русской литературе за истекшее десятилетие не может быть поставлено в один ряд с рассказом Бунина. «Более десяти лет отделяет нас от конца творчества Чехова, и за этот срок, если исключить то, что было обнародовано после смерти Л.Н. Толстого, не появлялось на русском языке художественного произведения, равного по силе и значению “Господину из Сан-Франциско”, — утверждает Дерман. — И этот рассказ — самое сильное произведение в русской художественной литературе за целое десятилетие и самое сильное произведение этого художника вообще».

Отметим, что контекст, в котором оказался при первой публикации «Господин из Сан-Франциско», не мог быть предусмотрен автором в период создания произведения, но окружение рассказа, несомненно, влияло на первоначальное восприятие читателями. Впрочем, слово «окружение» в данном случае не совсем подходит: хотя на обложке и на титульном листе сборника список вошедших в него произведений открывается Буниным, «Господин из Сан-Франциско» завершал сбор-

⁸ Слово. Сб. 5. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. 288 с.

⁹ Архив Горького. М., 1960. Т. IX. С. 175.

ник. Сначала была помещена первая часть повести Сургучева «Мельница» — самое объемное произведение в сборнике, следом второй по объему текст — «Маша» Зайцева, затем Шмелев, Тимковский, Тренев и Бунин.

Последовательность публикаций важна для восприятия бунинского текста, если рассматривать сборник как целостность и произведения, включенные в него, читать не в произвольном порядке, а от начала к концу. При подобной рецепции сам господин из Сан-Франциско и другие герои рассказа как бы завершают череду образов, созданных другими авторами «Слова», а сюжет и проблематика соотносятся читателями с содержанием предшествующих произведений.

Так, вне контекста сборника не датированный при первой публикации рассказ должен был рассматриваться, скорее, как «вневременной», но критиками (и, соответственно, читателями) он связывался с событиями Первой мировой войны. К примеру, Л. Козловский писал в газете «Киевская мысль» 20 ноября 1915 г., что господин из Сан-Франциско — «представитель той равнодушной деловой Америки, которая, наживаясь на европейской войне, исполняет заказы обеих воюющих сторон», а гранд-пароход рассматривал как «символ европейского общества, которое беззаботно увлекалось танго, идя навстречу страшной из войн»¹⁰.

Стремление связать в 1915 г. текст рассказа с мировой войной естественно, — и не только из-за времени издания сборника. Дело в том, что в пятой книге «Слова» есть два произведения (со схожими названиями) — «На большой дороге» Шмелева и «На тихой воде» Тренева — не просто о мировой войне, а о смерти, что несет война, и жизни тех, кому в тылу приходят известия о смерти родных. Но в то же время необходимо отметить, что у Бунина нет и намек на Первую мировую войну. В рассказе указывается, что господин из Сан-Франциско читает в газете о «никогда не прекращающейся балканской войне»¹¹, т. е. действие относится к 1912–1913 гг.

¹⁰ Цит. по: Русская литература конца XIX – начала XX в. 1908–1917. М.: Наука, 1972. С. 623.

¹¹ Слово. Сб. 5. С. 279.

С рассказом «На тихой воде» бунинское произведение тесно связывается еще и потому, что в повествовании Тренева, помещенном непосредственно перед «Господином из Сан-Франциско», действие происходит на пароходе, правда, не на океанском лайнере, а на плывущем по Дону пароходе «Есаул». Происходящее на «Есауле» и на берегу реки, где пароход «шел по глухим местам, в глухое время года»¹², естественно, соотносилось читателем с тем, что они затем находили у Бунина.

Отметим заодно, что контекст сборника «Слово» не только подчеркивал — за счет контраста — какие-то аспекты произведения Бунина, но и, напротив, делал не столь заметными ряд приемов, выделяющихся при отдельном прочтении: тот же образ плывущего корабля не выглядел оригинальным сразу после плывущего корабля у Тренева. Да и сама смерть господина из Сан-Франциско была в итоге завершающей в длинном ряду смертей и рассуждений о смерти (и о жизни) в сборнике.

Смерть воспринималась героями разных произведений по-разному, здесь нет какого-то единообразия, но без нее не обходится никто из авторов пятой книги «Слова».

В «Мельнице» И.Д. Сургучева монах Егор говорит старику Баранову о движении жизни и смерти: «— А как подумаешь, — сказал он, — сколько еще после нас людей на землю припрет! Ведь посмотри: каждый человек в себе, в семенах своих сто людей носит, — а? Ты только подумай! И всем пить-есть надо, а? Я подумаю, что вот умру, а здесь после меня кто-то другой свечи зажигать будет, — и начинаю, брат, смеяться и сам не понимаю: какая причина смеху?»¹³. Старик Баранов каждый год на могиле жены говорит своим трем сыновьям, стуча в твердую землю палкой: «Это вот квартирка моя, около матери, а это — ваши. Без окон и дверей. Чур, не разбегаться. Чтоб всем вкупе»¹⁴.

Маша в повести Б.К. Зайцева похоронила Савелия Ильича, с которым прожила «добросовестной женой» два года: «Эта смерть подействовала на нее тяжело. В сущности, она была здесь не причем. Все же, глядя на гроб этого человека, с кото-

¹² Там же. С. 219.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 16.

рым прожила два года как жена, с горечью подумала она о том, что вся ее жизнь с ним была неправда, — радости не дала ни ей, ни покойному; как ни старалась она разубедить себя, осталось ощущение, что именно она, Маша Головина, неизвестно зачем сократила его дни. Провожая его прах на кладбище, впервые она его пожалела»¹⁵.

У И.С. Шмелева «худой мужик с узелком» узнает, что его сына убили на войне¹⁶. В рассказе Н.И. Тимковского «Неугасимая» муж умирающей Настасьи Николаевны рассуждает о том, что похороны «тоже, чай, в копеечку вьедут».

Иначе воспринимает смерть ее дочь Нина:

«На первых порах казалось, что смерть матери не потрясла ее, но с каждым днем горе просачивалось все глубже, пока не достигло самой сердцевины души.

Когда мы встретились с Ниной через две недели после похорон, я испугался за нее: так странно блуждали ее растерянные, как бы опустевшие глаза»¹⁷.

У К.А. Тренева упоминается о гибели на войне сына Секлетей Крохиной: «Да сына ж убили. А она, вроде как сказать, трошки умом тронулась»¹⁸. У другого треновского персонажа — деда — «два было, да обоих побито»: «Эге ж, — сказал дед, ломая хлеб, — старшего убито осенью, а Мыколу весной. Те ж — в Галичине. Какие оно места называются — все забую». У казака Студеникина «были дочки, ну померли», а сын пропал в Галиции: «Чи живой чи нет»¹⁹.

После других смертей в сборнике — в первую очередь, конечно, гибели на войне у Шмелева и Тимковского — ослабляется значимость смерти господина из Сан-Франциско. В контексте сборника она становится ожидаемой и в какой-то степени рутинной.

Кроме того, помимо контекста конкретного сборника нужно учитывать и в целом контекст круга авторов «Слова», произведе-

¹⁵ Там же. С. 167.

¹⁶ Там же. С. 187.

¹⁷ Там же. С. 200–201.

¹⁸ Там же. С. 240.

¹⁹ Там же. С. 243.

ния которых могли быть хорошо знакомы «постоянным» читателям. К примеру, А. Редько отмечал в «Русских записках» (1915. № 12. С. 328), что «удачна сама идея Бунина — дать своего героя без имени». Но необходимо отметить, что тот же прием в своем самом известном произведении — повести «Губернатор» (изданной, правда, под эгидой «Знания»²⁰) — использовал Сургучев.

Уже после первой публикации «Господина из Сан-Франциско» в пятой книге сборника «Слово» в 1915 г. критики восхищались «совершенной художественной формой» рассказа, подчеркивали, что он «исполнен такой силы и значительности, такой яркой насыщенности в каждом слове, что и ударяет по сердцу, и вызывает вместе с тем очарование той красотой, какую может создать лишь истинный мастер»²¹. «Замечателен в целом стиль рассказа, мерная, металлическая музыка этих безукоризненных, строго наполненных фраз, точно глубокого ритма раскачавшихся гулких колоколов, одновременно богатство и целомудрие слов, без единого лишнего и без единого недостающего»²², — отмечал А. Дерман.

Несмотря на столь высокие оценки Бунин не считал произведение совершенным и продолжал работать над ним, внося в рассказ изменения при подготовке новых публикаций: дореволюционного издания в составе авторского сборника Бунина «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.», выпущенного «Книгоиздательством писателей в Москве», и двух изданий, осуществленных в эмиграции, в 1920–1930-е гг., — в составе парижского сборника «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.» и в составе пятого тома собрания сочинений издательства «Петрополис».

Книга Ив. Бунина «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.» была выпущена «Книгоиздательством писа-

²⁰ Роман И.Д. Сургучева «Губернатор» впервые опубликован в XXIX сборнике тов-ва «Знание» (1912) и затем вошел во второй том «Рассказов» Сургучева, изданный «Знанием» в 1913 г.

²¹ И. Джонсон [И.В. Иванов] // Утро России. 1915. 28 ноября. С. 3. Цит. по: Русская литература конца XIX – начала XX в. 1908–1917. М.: Наука, 1972. С. 623.

²² Русская мысль. 1916. № 5. С. 27.

телей в Москве» в январе 1917 г., но в библиографиях и научной литературе сборник обычно датируется 1916 г.²³

При подготовке авторского сборника Бунин вносит в текст «Господина из Сан-Франциско» ряд изменений, но правка носит в основном стилистический характер и не настолько значительна, чтобы говорить о появлении новой редакции, как это делает в статье «И.А. Бунин и “Хогарт Пресс»» А. Рогачевский: «Как установил Леланд Фетцер, выбранный для перевода текст — это произвольная компиляция двух разных редакций, появившихся в сборнике “Слово” (1915. № 5) и в книге “Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.” (М.: Книгоиздательство писателей, 1916) соответственно. Неизвестно, одобрил бы Бунин то, что получилось в результате, если бы перевод был предварительно прислан ему на авторизацию»²⁴.

В новом варианте Бунин стремится сделать текст точнее и лаконичнее. Из рассказа вычеркиваются некоторые слова и словосочетания. Из характеристики принца: «<...> все, все в нем было не такое, как у других, — его сухие руки, его чистая кожа, под которой текла древняя царская кровь, даже его тонкая обувь и европейская, совсем простая, но как будто особенно опрятная одежда таили в себе неизъяснимое очарование, вызывали чувство влюбленности»²⁵ убираются слова «тонкая обувь и»²⁶; из характеристики господина из Сан-Франциско: «<...> и господину из Сан-Франциско, конечно, так же, как и всем прочим, казалось, что это для него одного гремит марш, столь лю-

²³ Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. 192 с.

²⁴ Рогачевский А. И.А. Бунин и «Хогарт Пресс» // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. 1 / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 335. А. Рогачевский ссылается на статью: Fetzer Leland. The Bunin — Koteliansky — Lawrence — Woolf Version of “The Gentleman from San Franciscj” // The Virginia Woolf Quarterly. 1973. (Summer). P. 31–46.

²⁵ Слово. Сб. 5. С. 267.

²⁶ Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 15.

бимой гордой Америкой <...>²⁷ — вводное слово «конечно»²⁸; в описании распорядка дня в Неаполе слово «полагался» («<...> в пять полагался чай в отеле, в нарядном салоне, где было так тепло от ковров и пылающих каминов <...>»²⁹) заменяется на тире³⁰.

Из описания утра в Неаполе: «Тяжелый, совсем зимний туман до самого основания скрывал Везувий <...>»³¹ — убираются слова «совсем зимний»³²). Из описания подготовки господина из Сан-Франциско к ужину на Капри («Кроме того, как всякий испытывавший качку, он очень хотел есть, поистине с наслаждением мечтал о первой ложке супа, о первом глотке вина и совершал привычное дело туалета даже в некотором возбуждении, не оставлявшем времени для размышлений»)³³ убирается «поистине». Вносятся изменения и в начало этого абзаца. Было: «Что чувствовал, что думал господин из Сан-Франциско в этот столь знаменательный для него вечер? Надо прямо сказать: ровно ничего особенного — ибо и беда-то вся в том, что на этом свете по виду все слишком просто»³⁴. Стало: «Что чувствовал, что думал господин из Сан-Франциско в этот столь знаменательный для него вечер? Ничего особенного не чувствовал, ибо и беда-то вся в том, что на этом свете по виду все слишком просто»³⁵. Два определения, одно оценочное, другое конкретизирующее — «прекрасные» и «бархатными» — снимаются в предложении: «И представляя себе ее прекрасные, распущенные до полу волосы, не спеша пошел по коридорам и по

²⁷ Слово. Сб. 5. С. 268.

²⁸ Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 16.

²⁹ Слово. Сб. 5. С. 269.

³⁰ Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 18.

³¹ Слово. Сб. 5. С. 271.

³² Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 19.

³³ Слово. Сб. 5. С. 277.

³⁴ Там же.

³⁵ Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 25.

лестницам, устланным красными бархатными коврами, вниз, отыскивая читальню»³⁶.

Вычеркивается также несколько слов, избыточных с точки зрения смысла. Вместо «куда он указывал ей рукой»³⁷ остается «куда он указывал ей»³⁸. Вместо: «Удивленный, он даже чуть было не приостановился на мгновение»³⁹ — «Удивленный, он даже чуть было не приостановился»⁴⁰.

Ряд поправок связан с устранением излишних подробностей. В предложении: «Только что отбыла гостившая на Капри целых три недели высокая особа — Рейс XVII»⁴¹ убирается «целых три недели»⁴². В предложении: «И многие вскакивали из-за еды, опрокидывая стулья, многие, бледнея, бежали по коридорам к читальне <...>»⁴³ — «по коридорам»⁴⁴. В характеристике извозчика («Извозчик молчал, был подавлен своей беспутностью, своими пороками, — тем, что он до последней полушки проиграл ночью все те медяки, которыми были полны его карманы, — целых четыре лиры сорок чентезими») ⁴⁵ вычеркивается «целых четыре лиры сорок чентезими»⁴⁶. В фрагменте о Лоренцо («<...> он принес и уже продал за бесценок двух пой-

³⁶ Слово. Сб. 5. С. 278; Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 27.

³⁷ Слово. Сб. 5. С. 267.

³⁸ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 15.

³⁹ Слово. Сб. 5. С. 275.

⁴⁰ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 23.

⁴¹ Слово. Сб. 5. С. 275.

⁴² Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 23.

⁴³ Слово. Сб. 5. С. 280.

⁴⁴ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 28.

⁴⁵ Слово. Сб. 5. С. 284.

⁴⁶ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 33.

манных им ночью, больших сургучных омаров, шуршавших в переднике Дона Катальдо, повара того самого отеля, где ночевала семья из Сан-Франциско <...>»⁴⁷ в авторском сборнике отсутствуют описание омаров «больших сургучных» и имя повара «Дона Катальдо»⁴⁸.

Изменения связаны и со стремлением устранить близко встречающиеся повторы слов. Убирается второй раз употребленное слово «вьюга» в предложении: «Океан с гулом ходил за стеной черными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал, одолевая и ее, и эти горы, — точно плугом разваливая на стороны их зыбкие, то и дело вскипавшие и высоко взвивавшиеся пенистыми хвостами громады, — в смертной тоске стенала удушаемая [вьюгой и] туманом сирена, мерзли от стужи и шалели от непосильного напряжения внимания вахтенные на своей вышке <...>»⁴⁹.

В первоначальном варианте в гостинице на Капри господин из Сан-Франциско «<...> не спеша, собственноручно, хотя с непривычки и не совсем ловко, закрыл хлопнувшее при входе метрдотеля окно, из которого пахло запахом дальней кухни и мокрых цветов в саду, и с медлительной отчетливостью ответил, что обедать они будут <...>»⁵⁰. В авторском сборнике «медлительной» заменяется на «неторопливой», вероятно, потому что ниже в развитии диалога встречаются слова «медлительное» и «помедлив»:

«И получив в ответ медлительное “yes”, прибавил, что сегодня у них в вестибюле тарантелла — танцуют Кармелла и Джузеппе, известные всей Италии и “всему миру туристов”.

— Я видел ее на открытках, — сказал господин из Сан-Франциско ничего не выражающим голосом.

— А этот Джузеппе — ее муж?

— Двоюродный брат, сэр, — ответил метрдотель.

⁴⁷ Слово. Сб. 5. С. 285.

⁴⁸ Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 34.

⁴⁹ Слово. Сб. 5. С. 265.

⁵⁰ Там же. С. 275–276.

И помедлив, что-то подумав, но ничего не сказав, господин из Сан-Франциско отпустил его кивком головы»⁵¹.

Желанием избежать ненужных ассоциаций, связанных с близко расположенными словами, возможно, продиктована и замена в фразе «<...> об этих жадных, воняющих чесноком жуках, называемых итальянцами <...>» слова «жуках» на «людишках»⁵². Дело в том, что в этом же абзаце семья из Сан-Франциско «с жужжанием потянулась вверх по откосу»⁵³. Впрочем, здесь исправление может быть связано и с соображениями политкорректности.

Группа замен связана с поиском более точных слов. В описании бара на «Атлантиде» было: «<...> а тут, в баре, беззаботно драли ноги в бальных ботинках, цедили коньяк и ликеры <...>»⁵⁴; стало: «<...> а тут, в баре, беззаботно закидывали ноги на ручки кресел, цедили коньяк и ликеры <...>»⁵⁵. В описании «длинноногих, длинношеих, круглоголовых немецких юношей в тирольских костюмах и с холщовыми мешками за плечами»⁵⁶ писатель заменяет «мешками» на «сумками»⁵⁷. В описании обуви господина из Сан-Франциско на Капри «лакированные бальные ботинки»⁵⁸ заменяются на «бальные

⁵¹ Слово. Сб. 5. С. 276; *Бунин Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 24–25.

⁵² Слово. Сб. 5. С. 272; *Бунин Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 21.

⁵³ Слово. Сб. 5. С. 273; *Бунин Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 21.

⁵⁴ Слово. Сб. 5. С. 265.

⁵⁵ *Бунин Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 13–14.

⁵⁶ Слово. Сб. 5. С. 273–274.

⁵⁷ *Бунин Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 22.

⁵⁸ Слово. Сб. 5. С. 277.

туфли»⁵⁹ и, соответственно, «бальные ботинки»⁶⁰ на «бальные башмаки»⁶¹; в описании мертвого лица — «освещенного отблеском золотых пломб»⁶² на «освещенного отблеском золота»⁶³.

В тексте есть не только замены и сокращения, но и добавления. Прежде в описании прибытия «Атлантиды» в порт («А когда “Атлантида” вошла наконец в гавань, привалила к набережной своей многоэтажной громадой, усеянной людьми, и загрохотали сходни <...>») не было слов «усеянной людьми»⁶⁴. В предложении «Капри совсем не было видно — точно его никогда и не существовало на свете»⁶⁵ не было «и»⁶⁶.

Проясняет Бунин и «темное место», не слишком понятное не знакомому с итальянскими реалиями читателю. В сборнике «Слово» было:

«— Pronto? — озабоченно спросил он звонким шепотом, указывая глазами на страшную дверь в конце коридора. И легонько помотал свободной рукой в ту сторону:

— Partenza! — шепотом крикнул он, как бы провожая поезд, — и горничные, давась беззвучным смехом, упали головами на плечи друг другу»⁶⁷.

В сборнике 1917 г. стало:

«— Pronto? (Готово?) — озабоченно спросил он звонким шепотом, указывая глазами на страшную дверь в конце коридора. И легонько помотал свободной рукой в ту сторону:

⁵⁹ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 20.

⁶⁰ Слово. Сб. 5. С. 280.

⁶¹ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 29.

⁶² Слово. Сб. 5. С. 281.

⁶³ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 30.

⁶⁴ Слово. С. 5. С. 268; Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 16.

⁶⁵ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 19–10.

⁶⁶ Слово. Сб. 5. С. 271.

⁶⁷ Слово. Сб. 5. С. 283.

— Partenza! — шепотом крикнул он, как бы провожая поезд, то, что обычно кричат в Италии на станциях при отправлении поездов, — и горничные, давясь беззвучным смехом, упали головами на плечи друг другу»⁶⁸.

В заключительном абзаце исправляется первая фраза. Вместо: «Был он и на другую, и на третью ночь — уже опять в океане среди бешеной вьюги, проносившейся над гудевшим, как погребальная месса, и ходившим траурными от серебряной пены горами»⁶⁹ становится: «Был он и на другую, и на третью ночь — опять среди бешеной вьюги, проносившейся над гудевшим, как погребальная месса, и ходившим траурными от серебряной пены горами океаном»⁷⁰. В предложении: «<...> той большой, как бы бронированной каюты, что то и дело наполнялась таинственным гулом, трепетом и сухим треском синих огней, вспыхивавших и разрывавшихся вокруг человека с металлическим полуобручем на голове, который с тревогой ловил смутные голоса окликавших его кораблей, за сотни верст от него»⁷¹ сокращается заключительная часть, а «человека» заменяется на «бледнолицего телеграфиста»: «<...> той большой, как бы бронированной каюты, что то и дело наполнялась таинственным гулом, трепетом и сухим треском синих огней, вспыхивавших и разрывавшихся вокруг бледнолицего телеграфиста с металлическим полуобручем на голове»⁷². И, наконец, из описания «подземелья» («бесконечно длинное и круглое»)⁷³ убирается «и круглое»⁷⁴.

В тексте меняются также некоторые знаки препинания (в частности, в ряде случаев многоточие на точку), делаются пе-

⁶⁸ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 31–32.

⁶⁹ Слово. Сб. 5. С. 287.

⁷⁰ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 36.

⁷¹ Слово. Сб. 5. С. 287–288.

⁷² Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 36.

⁷³ Слово. Сб. 5. С. 288.

⁷⁴ Бунин *Ив.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 37.

рестановки: вместо «темен и сыр» в предложении: «Остров Капри был темен и сыр в этот вечер»⁷⁵ становится: «сыр и темен»⁷⁶; в предложении: «Жил на этом острове две тысячи лет тому назад, жил человек <...>»⁷⁷ переставляется слово «жил»: «На этом острове две тысячи лет тому назад жил человек <...>»⁷⁸.

Изменяется, естественно, в авторском сборнике и контекст. Композиция сборника и отбор произведений определяются теперь самим Буниным, а читатели и критики погружаются в художественный мир, создаваемый одним писателем. В авторском сборнике Бунина «Господин из Сан-Франциско» опубликован первым. Затем следуют «Казимир Станиславович», «Аглая», «Песня о гоце», «Сын», «Грамматика любви», «Клаша», «Легкое дыхание» и выделенные во второй раздел «Стихотворения».

«Поставленная во главе тома новых рассказов и стихотворений Бунина повесть “Господин из Сан-Франциско” при первом своем появлении (в прошлом году, в V сборнике “Слова”) была единодушно отмечена критикой как новое крупное “достижение” талантливого художника и вообще одно из самых выдающихся произведений современной литературы», — так начинал рецензию, опубликованную в «Ежемесячном журнале» (1917. № 1. С. 246–247), А. Гизетти. «Сборник назван по заглавию открывающего его рассказа, который некоторые считают лучшим из произведений Бунина. Рассказ в самом деле хорош: силен, сжат, выразителен; его возвышенная основная мысль так же подкупает, как его законченная чеканная форма», — утверждал в начале своего отзыва в «Русском богатстве» (1917. № 8–10. С. 317–319) А. Горнфельд.

Как и в рецензиях на сборник «Слово», критики особо выделяли художественные достоинства «Господина из Сан-

⁷⁵ Слово. Сб. 5. С. 273.

⁷⁶ Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 22.

⁷⁷ Слово. Сб. 5. С. 284.

⁷⁸ Бунин Ив. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. С. 33.

Франциско», но оценки эти звучали иначе, поскольку речь уже не шла о сопоставлении художественных манер различных писателей, тем более — о сравнении их уровня дарования. Горнфельд прямо противопоставлял «Господина из Сан-Франциско» другим произведениям, вошедшим в сборник:

«Однако хотелось бы, чтобы Бунин писал не такие рассказы и чтобы “Господин из Сан-Франциско” остался одиноким в его творчестве, ступенью, на которую ступил в своем развитии художник и которую он все же оставил позади. Рассказ хорош, но он страдает недостатками своих достоинств, как говорят французы. Противоположение между поверхностным блеском современной внешней культуры и ее ничтожеством пред лицом смерти выражено в рассказе с захватывающей силой, но оно исчерпывает его до дна».

Бунинские произведения сравнивались между собой, и открывающий сборник «Господин из Сан-Франциско» становится точкой отсчета.

«В “Аглае” нет этой элементарности, этой напряженности; рассказ ясен, но в нем есть те темные глубины, которые так привлекательны в художественной работе и которых нет в “Господине из Сан-Франциско”, — отмечал Горнфельд. — Эти два рассказа как бы намеренная антитеза на той общей почве, которую всегда предполагает антитеза. Здесь умирает безгранично свободный богач, в нашем свободном строе “царь жизни”, там умирает нищая русская крестьянка, отрекшаяся от мира девушка. Противопоставлены его грязь и ее чистота, его всемогущество и насилие и ее покорная безответная гибель под мощью духовного насилия. Оба по-своему жадны к жизни: он без смысла дал этой жадности полную волю, она без смысла обуздала законную в живом человеке жадность. И об одном говорит конец обоих: о неустройстве нынешней жизни, о темных силах, ею правящих, о связанной с насилием лжи, лежащей в ее основе, какова бы ни была эта ложь: ложь и насилие либеральной “культуры” или ложь и насилие темной “религии”».

Сопоставление рассказов, вошедших в сборник, не ограничивалось одним-двумя текстами. Горнфельд пытался выстро-

ить некую общую структуру, связывающую все прозаические произведения в книге:

«Ясны выводы, подсказываемые этими рассказами, и нет этой публицистической ясности в других рассказах сборника, — и это связано с достоинствами последних. Они сильны не сосредоточенностью основной мысли, а правдивостью и широтой жизненного размаха. В “Аглае” и “Господине из Сан-Франциско” тезис на первом плане, а психология на втором; в “Казимире Станиславовиче” и “Легком дыхании” психология заполняет всю перспективу рассказа; из него не выносишь никакой готовой жизненной философии, но выносишь углубленное впечатление жизни. Думаешь вместе с художником, и не хочешь расстаться с мыслями, вызванными им».

Как антитеза — намеренная или случайная, но воспринимаемая как намеренная в контексте авторского сборника, — могли трактоваться не только Аглая и господин из Сан-Франциско, но и другие образы: господин из Сан-Франциско — и Казимир Станиславович из одноименного рассказа, его дочь — и дочь Казимира Станиславовича, его жена — и г-жа Маро из рассказа «Сын», и т. д.

Целый ряд параллелей или противопоставлений возникает и с поэтическими произведениями, включенными в сборник. Второй раздел занимает почти половину книги, в него вошли 68 стихотворений: «Слово», «Поэту», «Кадыльница», «Парус», «На исходе», «Конь Афины-Паллады», «Бегство в Египет», «Орда», «Фреска», «Святогор и Илья», «Шестикрылый: мозаика в соборе», «Св. Прокопий», «Скоморохи», «Казнь», «Святитель», «Князь Всеслав», «Чернец», «Сон», «Матфей Прозорливый», «Белый цвет», «Кончина», «Песня», «Мутный месяц», «Руслан», «Без истории», «Аленушка», «Колотушка», «Молодой король», «Мулы», «В Апеннинах», «Сирокко», «Калабрийский пастух», «Зимой», «Цветы», «Среди звезд», «За Ассуаном», «У Пирамид», «Гора Алагалла», «Святылище», «Отлив», «Богиня», «Малайская песня», «В темную ночь, в штиль, под экватором», «Прокаженный», «Заклинание», «Цирцея», «Засуха в раю», «Райское дерево», «Аркадия», «Помпея», «Вечерний жук»,

«Дедушка в молодости», «Игроки», «Ириса», «Людмила», «Молодость», «В пустом доме», «На Невском», «Дурман», «Псалтирь», «Зеркало», «Последний шмель», «У гробницы Вергилия, весной», «Без меня», «Компас», «Пора», «Песенка», «Памяти друга».

Многие из них прямо соотносятся с текстом «Господина из Сан-Франциско». О Дьяволе, появляющемся в финале рассказа, заставляет вспомнить последняя строфа стихотворения «На исходе»: «Но на исходе сроки ваши: // Вновь проклят старый мир — и вновь // Пьет Сатана из полной чаши // Идождертвенную кровь!»⁷⁹. Возникает Дьявол и в стихотворении «Матфей Прозорливый». А в стихотворении «Сирокко», напротив, в гуле бури «На тусклом блеске волн, облитых серебром, // Нырлет гробом челн... Господь смешался с нами // И мчит куда-то мир в восторге бредовом»⁸⁰.

Из группы итальянских стихотворений обращает на себя внимание стихотворение «Мулы», лирический герой которого, постигающий душой душу Италии, словно противопоставлен бездушному персонажу рассказа, способному лишь «на отдых, на удовольствия, на путешествие долгое и комфортабельное»⁸¹:

Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых, —
Ненастный день темнел и ночь была близка, —
Грядой далеких гор, молочно-синеватых,
На грани мертвых вод лежали облака.

Я с острова глядел на море и на тучи,
Остановясь в пути, — и горный путь, вися
В обрыве сизых скал, белел по дикой круче,
Где шли и шли они, под ношею клонясь.

И звук их бубенцов, размеренный, печальный,
Мне говорил о том, что я в стране чужой,
И душу той страны, глухой, патриархальной,

⁷⁹ Там же. С. 119.

⁸⁰ Там же. С. 150.

⁸¹ Там же. С. 9.

Далекой для меня, я постигал душой.
Вот так же шли они при Цезарях, при Реме,
И так же день темнел, и вдоль скалистых круч
Лепился городок, сырой, забытый всеми,
И человек скорбел под сводом хмурых туч⁸².

Во многих стихотворениях звучат мортальные мотивы (в том числе и в большинстве из последних десяти, так что можно говорить о целостной кольцевой композиции книги). Душевное состояние лирического героя в значительной степени определяется тем, кто умирает. «Твой гроб, дубовая колода, // Стоял открытый, и к нему // Все шли и шли толпы народа // В душистом голубом дыму», — так начинается «Святитель»⁸³. «И скрылось солнце жаркое в лесах, // И звездная пороша забелела. // И понял он: достигнувший предела, // Исчисленный, он взвешен на весах», — это первая строфа стихотворения «Кончина»⁸⁴.

Иначе описывается смерть в стихотворении «Дурман»:

Наутро губки почернели,
Лоб посинел... Ее одели,
Принарядили — и отец
Прикрыл ее сосновой крышкой
И на погост отнес подмышкой...
Ужели сказочке конец?⁸⁵

В стихотворениях «от первого лица» подчеркивается отсутствие страха перед смертью. «Душа моя полна восторга и печали — // Я не боюсь могильной темноты», — провозглашает лирический герой стихотворения «Зеркало»⁸⁶. А в стихотворении «Без меня» говорится о том, что в жизни «все тоже будет» и после смерти лирического героя⁸⁷.

⁸² Там же. С. 148.

⁸³ Там же. С. 132.

⁸⁴ Там же. С. 139.

⁸⁵ Там же. С. 181.

⁸⁶ Там же. С. 183.

⁸⁷ Там же. С. 186.

Изданный в Париже сборник «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.» повторял том, выпущенный «Книгоиздательством писателей в Москве», не только по названию, но и по составу. Читателями, которые, естественно, не занимались сопоставлением текстов в дореволюционном и в эмигрантском издании, он должен был восприниматься как почти точная копия. Лишь в поэтической части обнаруживаются небольшие композиционные изменения: «Помпея» перенесена ближе к другим «итальянским» стихам и следует теперь за стихотворением «Зимой», «Райское древо» и «У гробницы Вергилия, весной», напротив, переместились ниже — первое вслед за «На Невском», а второе — в самый конец. Кроме того, стихотворение «Фреска» опубликовано в издании «Русской земли» под названием «Архистратиг».

В рецензии на дореволюционный сборник Горнфельд писал, что форма «Господина из Сан-Франциско» «закончена как сонет»: «<...> кажется, что выброшь хоть одно из этих звучных, абсолютно необходимых, творчески найденных слов — и все великолепное строение рассказа рассыплется, как свод, лишенный одного из своих камней».

В парижской публикации учтены все изменения 1917 г. по сравнению с публикацией в «Слове», но и сделан ряд новых исправлений. Бунин продолжает совершенствовать рассказ, «двигаясь» по тем же направлениям, что были выделены выше, и строение, несмотря на новые «выброшенные камни», становится еще великолепнее.

Отметим, что в нескольких случаях изменения вносятся в те фрагменты, что уже исправлялись при подготовке сборника 1917 г. Так, в предложении «<...> в пять полагался чай в отеле, в нарядном салоне, где было так тепло от ковров и пылающих каминов <...>»⁸⁸ в 1917 г. слово «полагался», как уже отмечено, заменено на тире, а в издании 1920 г.⁸⁹ еще и убрано слово

⁸⁸ Слово. Сб. 5. С. 269.

⁸⁹ Датируется по данным титульного листа 1920-м г.: Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920.

«было»⁹⁰. Вновь сокращается описание Лоренцо. Вместо «<...> рисуясь своими лохмотьями, глиняной трубочкой на длинном камышевом мундштуке и красным шерстяным беретом, спущенным на одно ухо»⁹¹ становится «<...> рисуясь своими лохмотьями, глиняной трубкой и красным шерстяным беретом, спущенным на одно ухо»⁹².

В предложении «<...> последние дни, благодаря дурной погоде, он пил по вечерам слишком много и уже не раз любовался “живыми картинами”»⁹³ вносится стилистическая правка и одновременно проясняется смысл: «<...> последние дни, благодаря дурной погоде, он пил по вечерам слишком много и слишком много любовался “живыми картинами” в притонах тонкого разврата»⁹⁴. Уточнение «из-под содовой воды» добавлено в конец предложения: «А на рассвете, когда побелело за окном сорок третьего номера и влажный ветер зашуршал рваной листвой банана, когда поднялось и раскинулось над островом Капри голубое утреннее небо и озолотилась против солнца, восходящего за далекими синими горами Италии, чистая и четкая вершина Монте-Соляро, когда пошли на работу каменщики, поправлявшие на острове тропинки для туристов, принесли к сорок третьему номеру длинный ящик»⁹⁵. Также перед словом «принесли» появляется тире.

В сочетании «одета была» слова меняются местами. Становится: «Богато, но по годам была одета его жена»⁹⁶. В описании

⁹⁰ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 19.

⁹¹ Слово. Сб. 5. С. 285.

⁹² Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 39.

⁹³ Слово. Сб. 5. С. 272.

⁹⁴ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 22.

⁹⁵ Слово. Сб. 5. С. 283; Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 36.

⁹⁶ Слово. Сб. 5. С. 264; Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 13.

ночи после смерти «уголок сада»⁹⁷ заменен на «угол сада»⁹⁸. Из предложения: «Мертвый остался в темноте, синие звезды глядели на него с черного неба, сверчок с грустной беззаботностью запел в стене...» убрано определение «черного», возможно, чтобы избежать цветового слияния синего и черного⁹⁹.

Из текста продолжают убираться лишние со смысловой точки зрения слова. Вместо: «<...> ноплыли все время вполне благополучно и даже без качки <...>»¹⁰⁰ становится: «<...>плыли вполне благополучно и даже без качки <...>»¹⁰¹; вместо: «<...> между открытых лопаток, чуть припудренных...»¹⁰² — «<...> между лопаток, чуть припудренных...»¹⁰³; вместо: «<...> ярче засияла кают-компания электричеством <...>»¹⁰⁴ — «<...> ярче засияла кают-компания <...>»¹⁰⁵. Дважды снимается местоимение «его» — в предложениях: «Сизое, уже мертвое лицо его постепенно стыло <...>»¹⁰⁶ и «<...> если мадам не нравятся порядки его отеля, он не смеет ее задерживать <...>»¹⁰⁷. В последнем случае, вероятно, еще и из-за близости к «ее».

Из предложения: «Испытав много унижений, много человеческого невнимания, с неделю пространствовал из одного портового пакгауза в другой, оно снова попало наконец на тот

⁹⁷ Слово. Сб. 5. С. 282.

⁹⁸ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 35.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Слово. Сб. 5. С. 263.

¹⁰¹ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 11.

¹⁰² Слово. Сб. 5. С. 265.

¹⁰³ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 13.

¹⁰⁴ Слово. Сб. 5. С. 273.

¹⁰⁵ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 23.

¹⁰⁶ Слово. Сб. 5. С. 281; Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 33.

¹⁰⁷ Слово. Сб. 5. С. 282. Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 34.

же самый знаменитый корабль, на котором так еще недавно, с таким почетом везли его живого в Старый Свет»¹⁰⁸ убрано слово «живого»¹⁰⁹, возможно, чтобы избежать столкновения со следующим далее словом «живых»: «Но теперь уже скрывали его от живых, — глубоко спустили в просмоленном гробе в черный трюм»¹¹⁰.

Прежде в двух соседних предложениях у Бунина употреблялось слово «огни» в различных значениях («Ночью плыл он мимо острова Капри, и печальны были его огни, медленно скрывавшиеся в темном море, для того, кто смотрел на них с острова. Но там, на корабле, в светлых, сияющих огнями и мрамором залах, был, как обычно, людный бал в эту ночь»)¹¹¹, поэтому во втором случае «огнями» заменяется на «люстрами»¹¹².

В «каприйской» части исчезает мотив «причесывания» — возможно, потому что позже дочь господина из Сан-Франциско предстает с распущенными волосами. Отметим, что в данный фрагмент, как указывалось выше, уже вносились изменения. В сборнике «Слово» было:

«— Через пять минут, папа! — звонко и уже весело отозвался из-за двери девичий голос. — Причесываюсь...

— Отлично, — сказал господин из Сан-Франциско.

И представляя себе ее прекрасные, распущенные до полу волосы, не спеша пошел по коридорам и по лестницам, устланным красными бархатными коврами, вниз, отыскивая читальню»¹¹³.

В варианте 1917 г., как было отмечено, отсутствуют слова «прекрасные» и «бархатные», а в парижском сборнике текст выглядит так:

¹⁰⁸ Слово. Сб. 5. С. 286.

¹⁰⁹ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 40.

¹¹⁰ Слово. Сб. 5. С. 286–287; Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 40.

¹¹¹ Слово. Сб. 5. С. 287.

¹¹² Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 40.

¹¹³ Слово. Сб. 5. С. 278.

«— Через пять минут, папа! — звонко и уже весело отозвался из-за двери девичий голос.

— Отлично, — сказал господин из Сан-Франциско.

И не спеша пошел по коридорам и по лестницам, устланным красными коврами, вниз, отыскивая читальню»¹¹⁴.

В описании прибытия парохода в Неаполь «звуками Ragtime'a»¹¹⁵ заменяется на «звуками марша»¹¹⁶, а в описании утра в Неаполе вместо «пальмы у подъезда отеля неприятно блестели жостью»¹¹⁷ становится ««пальмы у подъезда отеля блестели жостью»¹¹⁸, так что исчезает негативная оценка.

Вносятся коррективы и в финальные строки. В предложении: «И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что лежит глубоко, глубоко под ними, на самом дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжело одолевающего мрак, океан, вьюгу...»¹¹⁹ вычеркивается «самом», а «лежит» заменяется на «стоит просмоленный гроб»¹²⁰.

В издании 1920 г. в некоторых местах корректируются орфография и пунктуация (вставляются и снимаются запятые, добавляются тире и восклицательный знак, многоточие заменяется на точку), исправляются незамеченные прежде опечатки: «с провалившимися от слез и бессонной ночи глазами»¹²¹ вместо «с провалившими от слез и бессонной ночи глазами»¹²². Но в то же время

¹¹⁴ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 30.

¹¹⁵ Слово. Сб. 5. С. 268.

¹¹⁶ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 17.

¹¹⁷ Слово. Сб. 5. С. 270.

¹¹⁸ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 20.

¹¹⁹ Слово. Сб. 5. С. 288.

¹²⁰ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 42.

¹²¹ Там же. С. 37.

¹²² Слово. Сб. 5. С. 284.

делаются новые: «Неаполя» вместо «Неаполь»¹²³, «яственно» вместо «явственно»¹²⁴, «сказачная» вместо «сказочная»¹²⁵, «пастушском» вместо «пастушеском»¹²⁶, в нескольких случаях в написании «Сан-Франциско» отсутствует дефис — последнее важно с точки зрения анализа публикации текста в собрании сочинений.

Таким образом, часть корректив в парижском издании — как, впрочем, и в других публикациях — объясняется ошибками типографского набора. Ряд из них явно носит характер опечаток, к другим (например, к замене в начале второго абзаца «удовольствия» на «удовольствие»¹²⁷) нужно относиться с осторожностью (все эти случаи мы перечислять не будем). В парижском издании появляется и датировка — «1915».

Второе эмигрантское издание «Господина из Сан-Франциско» появляется спустя 15 лет, в 1935 г., в составе пятого тома собрания сочинений Бунина, которое выпускалось берлинским издательством «Петрополис». На титульный лист название рассказа вынесено в качестве названия тома: «Собрание сочинений И.А. Бунина. V. Господин из Сан Франциско»¹²⁸. Петрополис. 1935 г.» Отметим, что в данном издании в очередной раз меняется и контекст конкретного тома, и общий контекст: теперь это многотомное собрание сочинений лауреата Нобелевской премии, подводящее итог литературной деятельности за многие годы.

Хотя рассказ «Господин из Сан-Франциско», как и в двух предшествующих изданиях, дает название тому и ставится в нем на первое место, содержание книги существенно меняется. Прозаическая часть значительно увеличивается: из содержания исключается «Грамматика любви» (рассказ помещен в шестом томе), но добавляются «Пост», «Старуха», «Отто Штейн»,

¹²³ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 16.

¹²⁴ Там же. С. 37.

¹²⁵ Там же. С. 39.

¹²⁶ Там же. С. 40.

¹²⁷ Там же. С. 9.

¹²⁸ Так на титульном листе.

«Соотечественник», «Петлистые уши» и «Сны Чанга». Делаются и внутренние перестановки. В целом содержание прозаической части выглядит следующим образом: «Господин из Сан-Франциско»; «Пост»; «Песня о Гоце»; «Старуха»; «Отто Штейн»; «Легкое дыхание»; «Аглая»; «Сын»; «Соотечественник»; «Казимир Станиславович»; «Петлистые уши»; «Сны Чанга». Интересно, что на эти перемены указал П. Бицилли. «В V-м томе есть две вещи, стоящие, как может показаться на первый взгляд, особняком: “Старуха” и “Отто Штейн”. Если не ошибаюсь, в свое время (1916 г.) они, коротенькие, “бессюжетные”, не обратили на себя внимания», — заметил он в рецензии, опубликованной в «Современных записках» (1935. № LVIII. С. 471).

Иначе сформирован и раздел «Стихотворения». Часть произведений исключается, часть добавляется, есть и композиционные перестановки, и измененные названия, и существенная текстуальная правка. К примеру, стихотворение, которое в сборнике 1917 г. называлось «Фреска», а в издании «Русской земли» «Архистратиг», теперь печатается (как и еще ряд произведений) без названия и без второй части. Кроме того, раздел становится меньше — в нем 53 стихотворения (было 68): «Синие обои полиняли...», «На поморьи далеком...», «Там не светит солнце, не бывает ночи...», «Лиман песком от моря отделен...», «Зеркало», «Мулы», «Сирокко», «Псалтирь», «Миньона», «В горах», «Людмила», «Стена горы — до небосвода...», «Индийский океан», «Колизей», «Солнце полночное, тени лиловые...», «Молодость», «Аленушка», «Уездное», «За степью, в приволжских песках...», «Молодой король», «Цейлон», «Отлив», «Богиня», «Святилище», «Феска», «Вечерний жук», «Песенка», «Кончина», «Руслан», «Край без истории... Все лес да лес, болота...», «Плоты», «Он видел смоль ее волос...», «Полночный звон степной пустыни...», «Дедушка в молодости», «Игроки», «Конь Афины-Паллады», «Архистратиг средневековый...», «Хозяин умер, дом забит...», «Последний шмель», «Благовестие о рождении Исаака», «Настанет день — исчезну я...», «Памяти друга», «На Невском», «Глупое горе», «Помпея», «Калабрийский пастух», «Компас», «Зимой», «Аркадия», «Проносились над островом зимние шквалы и бури...», «Едем бором, черными лесами...», «Первый соловей», «Среди звезд».

Отсутствует, как явствует уже из содержания, и кольцевая «морральная» композиция: в группе завершающих раздел стихотворений нет ни одного, в котором бы напрямую звучал мотив смерти.

Впрочем, в 1935 г. контекст уже не играет той роли, что при прежних публикациях «Господина из Сан-Франциско». Во-первых, формат собрания сочинений в меньшей степени предполагал чтение «насквозь», во-вторых, рецепцию рассказа определяло не только непосредственное впечатление от прочтения, но и традиция. «Господин из Сан-Франциско» к тому времени воспринимался значительной частью аудитории уже как произведение классическое, чуть ли не хрестоматийное. Но, несмотря на то, что рассказ был признан одним из выдающихся произведений последних десятилетий в русской литературе, изменений Бунин в него вносит больше, чем в предшествующих случаях (мы остановимся лишь на наиболее существенных из них).

В основу публикации в собрании сочинений положен набор парижского издания 1920 г., на что, в частности, указывают упоминавшиеся выше пропуски дефиса в написании Сан-Франциско в одних и тех же местах¹²⁹.

Необходимо подчеркнуть, что практически вся правка в собрании сочинений сосредоточена в первой части рассказа — до смерти господина из Сан-Франциско. Изменения во второй части (помимо финального абзаца) единичны. Так, в предложении: «Жена, дочь, доктор, прислуга стояли и тупо глядели на него»¹³⁰ отсутствует определение «тупо»¹³¹, в предложении: «Можно ли достать на Капри хотя бы простой гроб, спрашивает мадам?»¹³² вставлено «готовый»: «простой готовый гроб»¹³³. Вставлено второе тире в описании извозчика: «Извозчик, кволий человек с

¹²⁹ Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. С. 27, 32; Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 23, 27.

¹³⁰ Слово. Сб. 5. С. 281.

¹³¹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 28.

¹³² Слово. Сб. 5. С. 282.

¹³³ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 29.

красными глазами, в старом пиджачке с короткими рукавами и в сбитых башмаках, был с похмелья, — целую ночь играл в кости в трактирии, — и все хлестал свою крепкую лошадку <...>¹³⁴. Исправлена орфографическая ошибка в слове «сказочная»¹³⁵.

Большая часть правки по-прежнему связана с сокращениями или заменой слов — Бунин продолжает работать над тем, чтобы сделать текст точнее и лаконичнее. Из предложения: «<...> ее заглушали звуки прекрасного струнного оркестра, изысканно и неустанно игравшего в громадной двусветной зале, отделанной мрамором и устланной бархатными коврами, празднично залитой огнями хрустальных люстр и золоченных жиронделей, переполненной декольтированными дамами в бриллиантах и мужчинами в смокингах, стройными лакеями и почтительными метрдотелями <...>»¹³⁶ вычеркиваются слова «отделанной мрамором и», «хрустальных люстр и золоченных жиронделей», «в бриллиантах», вносится уточнение: «мужчинами во фраках и смокингах», а «громадной» заменяется на «мраморной»¹³⁷ — возможно, потому что выше появился «громадный отель». В конце предложения: «<...> и великое множество слуг работало в поварских, судомойнях и винных складах с особенной лихорадочностью»¹³⁸ остается просто «и винных подвалах»¹³⁹. Из фразы: «<...> решали на основании последних политических и биржевых новостей <...>»¹⁴⁰ вычеркивается «политических и»¹⁴¹; из описания волны («шла крупная и цветистая, как хвост павлина, волна, с белоснежными гребнями»¹⁴² убирается «с белоснежными гребнями»¹⁴³ — вероятно, потому

¹³⁴ Там же. С. 31.

¹³⁵ Там же. С. 34.

¹³⁶ Слово. Сб. 5. С. 264.

¹³⁷ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 10.

¹³⁸ Слово. Сб. 5. С. 264.

¹³⁹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 10.

¹⁴⁰ Слово. Сб. 5. С. 265.

¹⁴¹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 11.

¹⁴² Слово. Сб. 5. С. 266.

¹⁴³ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 13.

что это плохо сочетается с хвостом павлина. От описания «сумрачной столовой со сквозным влажным ветром из открытых в какой-то каменистый садик окон»¹⁴⁴ остается только «сумрачной столовой»¹⁴⁵.

В предложении: «Утреннее солнце каждый день обманывало в эту зиму неаполитанцев: с полудня неизменно серело и начинал сеять мелкий дождь, да все гуще и холоднее <...>»¹⁴⁶ вычеркивается: «в эту зиму неаполитанцев» и «мелкий»¹⁴⁷. Предложение: «Тяжелый, («совсем зимний» — убрано в издании 1917 г. — Д. Н.) туман до самого основания скрывал Везувий, низко серел над свинцовой зыбью моря, терявшегося из глаз на расстоянии полумили»¹⁴⁸ заканчивается в собрании сочинений на слове «моря»¹⁴⁹. Вместо «ее несколько раз одолевала морская болезнь»¹⁵⁰ в собрании сочинений становится «ее несколько раз одолевало»¹⁵¹. В предложении: «<...> в стены стукались лодки, матросы и третьеклассники азартно орали <...>»¹⁵² вычеркнуто «матросы и»¹⁵³, а в предложении «<...> он увидел под скалистым отвесом берега кучу таких жалких, насквозь проплесневевших каменных домишек <...>»¹⁵⁴ — «берега»¹⁵⁵.

На слове «осветился» теперь заканчивается предложение: «Но тут он на минуту ожил, кое-где осветился, как всегда в час прибытия парохода»¹⁵⁶. Отметим, что это второй случай, ког-

¹⁴⁴ Слово. Сб. 5. С. 268.

¹⁴⁵ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 15.

¹⁴⁶ Слово. Сб. 5. С. 270.

¹⁴⁷ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 17.

¹⁴⁸ Слово. Сб. 5. С. 271.

¹⁴⁹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 18.

¹⁵⁰ Слово. Сб. 5. С. 271.

¹⁵¹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 18.

¹⁵² Слово. Сб. 5. С. 272.

¹⁵³ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 19.

¹⁵⁴ Слово. Сб. 5. С. 272.

¹⁵⁵ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 190.

¹⁵⁶ Слово. Сб. 5. С. 273; Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 20.

да убрано «как всегда». Из следующего предложения: «Наверху горы, на площадке, где находится станция фюникюлера, уже опять стояла толпа тех, на обязанности которых лежало достойно принять господина из Сан-Франциско»¹⁵⁷, — убрано «где находится станция»¹⁵⁸. Вместо «путаницы образов, осаждавших его во сне»¹⁵⁹ становится «вместо путаницы, осаждавшей его во сне»¹⁶⁰. На ужине семья господина из Сан-Франциско прежде собиралась пить «местное вино и шампанское — в меру сухое, которое следует похолодить только слегка»¹⁶¹, теперь же остается только «они будут вино местное»¹⁶². «Обед длился целых два часа <...>»¹⁶³ заменяется на: «Обед длился больше часа <...>»¹⁶⁴, «крахмальное белье»¹⁶⁵ — на «идеальное белье»¹⁶⁶, «абрис Капри»¹⁶⁷ — на «очерк Капри»¹⁶⁸.

В ряде случаев в собрании сочинений корректируются фрагменты, уже подвергавшиеся правке при подготовке предшествующих изданий. К примеру, в предложении: «Сухой, невысокий, неладно скроенный, но крепко сшитый, расчищенный до глянца и в меру оживленный, он сидел в золотисто-жемчужном сиянии этого чертога за бутылкой янтарного иоганисберга, за бесчисленными бокалами и бокальчиками тончайшего стекла, за кудрявым букетом свежих гиацинтов»¹⁶⁹ — в издании «Русской земли» «свежих» заменяется на «кудрявых», так что в итоге получается «кудрявым

¹⁵⁷ Слово. Сб. 5. С. 273.

¹⁵⁸ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 20.

¹⁵⁹ Слово. Сб. 5. С. 274.

¹⁶⁰ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 21.

¹⁶¹ Слово. Сб. 5. С. 276.

¹⁶² Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 22.

¹⁶³ Слово. Сб. 5. С. 265.

¹⁶⁴ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 11.

¹⁶⁵ Слово. Сб. 5. С. 264.

¹⁶⁶ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 11.

¹⁶⁷ Слово. Сб. 5. С. 269.

¹⁶⁸ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 15.

¹⁶⁹ Слово. Сб. 5. С. 264.

букетом кудрявых гиацинтов»¹⁷⁰. В собрании сочинений второе определение («кудрявых») вычеркнуто, равно как и слово «бесчисленными»¹⁷¹.

Бунин продолжает совершенствовать и финальный абзац. Слово «круглое», вычеркнутое из описания «<...> в бесконечно длинное и круглое подземелье, в туннель, озаренный электричеством <...>»¹⁷², теперь используется для характеристики туннеля, добавляется также «слабо»: «<...> в бесконечно длинное подземелье, в круглый туннель, слабо озаренный электричеством <...>»¹⁷³. В конце того же предложения появляется сравнение: вместо «протянувшееся в этом туннеле»¹⁷⁴ становится «протянувшееся в этом туннеле, похожем на жерло»¹⁷⁵. Начало следующего предложения, напротив, сокращается. Было: «А середина “Атлантиды”, теплые и роскошные каюты ее, столовые и бальные залы изливали свет и радость <...>»¹⁷⁶, стало: «А середина “Атлантиды”, столовые и бальные залы ее изливали свет и радость <...>»¹⁷⁷. Из вставленного прежде в финальное предложение «стоит просмоленный гроб» убирается определение «просмоленный»¹⁷⁸.

Наряду с отмеченными прежде причинами поправок (сокращения, поиск более точных слов и т. д.) необходимо выделить еще две. Автор учитывает, во-первых, значительную временную дистанцию между первой публикацией и публикацией в собрании сочинений и, во-вторых, эмигрантский характер издания, а также конкретное место издания и предполагаемый регион распространения.

Парижский сборник, строго говоря, ориентирован примерно на того же читателя, что и московский: о специфике эми-

¹⁷⁰ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 13.

¹⁷¹ Там же. С. 11.

¹⁷² Слово. Сб. 5. С. 288.

¹⁷³ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 36.

¹⁷⁴ Слово. Сб. 5. С. 288.

¹⁷⁵ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 36.

¹⁷⁶ Слово. Сб. 5. С. 288.

¹⁷⁷ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 36.

¹⁷⁸ Там же. С. 37.

грантской аудитории в 1920–1921 гг. задумываться было преждевременно. К 1935 г. ситуация изменилась кардинально: нужно было принимать во внимание и иной возраст, и принципиально другой жизненный опыт.

Есть ряд причин появления изменений в произведениях писателей русского зарубежья, которые необходимо принимать во внимание и при анализе трансформации текстов у Бунина. Можно выделить пять основных факторов, определяющих специфику бытования русской литературы в эмиграции, и, соответственно, влияющих на историю текста¹⁷⁹. Во-первых, эмигранты — это достаточно обособленные и чаще всего малочисленные группы, существующие в чуждой культурной среде. Во-вторых, это группы, мало между собой связанные — особенно когда речь идет не о писателях, а о читателях. В-третьих, жизненный опыт (в самом широком смысле) старшего поколения эмиграции и последующих поколений существенно различается, причем опыт младших поколений, выросших в разных странах, разнится между собой. В-четвертых, при перемещении из страны в страну — и речь идет о перемещении не только авторов, но и текстов — меняются условия их бытования. В-пятых, несмотря на то, что русские эмигранты, и во многом справедливо, считали себя хранителями культурного наследия, они все же оказались от него оторваны. Каждый из данных факторов определяет необходимость адаптации текста при переиздании, а их совокупность приводит порой к значительной переработке произведения.

Кроме того, важное значение имела и общественно-политическая, национально-культурная, религиозно-этическая и пр. специфика стран, в которых предполагалось публиковать или распространять написанные русскими эмигрантами произведения. Когда речь идет о «Господине из Сан-Франциско» в издании «Петрополиса» и в целом о собрании сочинений —

¹⁷⁹ См. об этом подробнее: *Николаев Д.Д.* Специфика бытования текстов в литературе русского зарубежья 1920–1930-х гг. // *Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения* / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 35–44.

это Германия, где базировалось издательство, и США, где книги рассчитывали активно продавать.

Так, исправления у Бунина, связанные с «национальными» характеристиками немцев и американцев, могут быть объяснены соображениями политкорректности. Из характеристики немца в читальне убрано слово «неопрятный»¹⁸⁰, а из описания немецких юношей — «длинношеих»¹⁸¹. Бунин отказывается и от американских обобщений, связанных с образом господина из Сан-Франциско. Ср. в сборнике «Слово»: «Как все состоятельные американцы, он был очень щедр в путешествиях и, как все они, верил в полную искренность и расположение тех, которые с такой заботливостью кормили и поили его, с утра до вечера служили ему, предупреждая его малейшее желание, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиков, доставляли его сундуки в гостиницы»¹⁸². В собрании сочинений: «Он был довольно щедр в пути и потому вполне верил в заботливость всех тех, что кормили и поили его, с утра до вечера служили ему, предупреждая его малейшее желание, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиков, доставляли его сундуки в гостиницы»¹⁸³. В том же абзаце: «<...> гремит марш, столь любимый гордой Америкой»¹⁸⁴ исправляется на «<...> гремит марш гордой Америки»¹⁸⁵, а «<...> он с ласковой презрительностью ухмылялся этим оборванцам»¹⁸⁶ на «<...> он ухмылялся этим оборванцам»¹⁸⁷.

В описание русских на Капри вносятся исправления иного типа, связанные, скорее, с неактуальностью реалий: вместо «<...> несколько русских, поселившихся на Капри, неряшли-

¹⁸⁰ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 26.

¹⁸¹ Там же. С. 20.

¹⁸² Слово. Сб. 5. С. 267–268

¹⁸³ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 14.

¹⁸⁴ Слово. Сб. 5. С. 268.

¹⁸⁵ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 14.

¹⁸⁶ Слово. Сб. 5. С. 268.

¹⁸⁷ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 15.

вых и рассеянных от своих книжных дум, в очках с бородами, с поднятыми воротниками старых драповых пальто <...>¹⁸⁸, становится: «<...> несколько русских, поселившихся на Капри, неряшливых и рассеянных, в очках, с бородами, с поднятыми воротниками стареньких пальтишек <...>»¹⁸⁹.

Впрочем, изменения в описании и характеристиках персонажей не ограничиваются случаями, когда указывается национальность. Так, существенно меняется описание толпы на «Атлантиде». Было: «Был среди этой блистающей толпы посланник, сухенький, скромный старичок, был великий богач, бритый, длинный, неопределенных лет, похожий на прелата, в старомодном фраке, был известный испанский писатель, была всесветная красавица, чуть-чуть поблекшая и незавидной нравственности, была изящная влюбленная пара, за которой все с любопытством следили и которая не скрывала своего счастья: он танцевал только с ней, пел — и с большим умением — только под ее аккомпанемент, и все выходило у них так очаровательно <...>»¹⁹⁰. Стало: «Был среди этой блестящей толпы некий великий богач, бритый, длинный, похожий на прелата, в старомодном фраке, был знаменитый испанский писатель, была всесветная красавица, была изящная влюбленная пара, за которой все с любопытством следили и которая не скрывала своего счастья: он танцевал только с ней, и все выходило у них так тонко, очаровательно <...>»¹⁹¹. Помимо замены слова («известный» — «знаменитый») и добавления («тонко») здесь значительно сокращаются характеристики пассажиров (посланника Бунин вообще убирает), причем в случае с «красавицей» это имеет отношение и к изображению самого господина из Сан-Франциско и его дочери. Чуть позже «знаменитая красавица» (соотносимая читателями с красавицей из приведенного фрагмента) стоит рядом с ними на палубе, и отмеченная прежде ее «незавидная нравственность» определяла рецепцию этой сцены.

¹⁸⁸ Слово. Сб. 5. С. 273.

¹⁸⁹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 20.

¹⁹⁰ Слово. Сб. 5. С. 265–266.

¹⁹¹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 12.

Лаконичнее становятся характеристики и ряда других второстепенных персонажей. Принц был «<...> человек маленький и точно весь деревянный, хотя и ловкий в движениях, широколицый, узкоглазый, в золотых очках, слегка неприятный — тем, что крупные черные усы сквозили у него как у мертвого <...>»¹⁹², а стал «<...> человек маленький, весь деревянный, широколицый, узкоглазый, в золотых очках, слегка неприятный тем, что крупные черные усы сквозили у него как у мертвого <...>»¹⁹³; горничная на пароходике была «все-таки неумомимая и всегда со всеми ласковая»¹⁹⁴, стала просто «все-таки неумомимая»¹⁹⁵; «самого видного и характерного из лакеев» в гостинице на Капри¹⁹⁶ сократили до «самого видного из лакеев»¹⁹⁷, а из характеристики «Луиджи, большого шутника, много переменившего подобных мест на своем веку»¹⁹⁸ убрано «большого шутника» и «подобных»¹⁹⁹. Изменения касаются также внешнего вида. Бунин вносит коррективы в описание причесок хозяина отеля: «с той же зеркально причесанной головой»²⁰⁰ вместо «с той же напوماженной и тщательно причесанной головой»²⁰¹ и господин из Сан-Франциско: «остатки жемчужных волос»²⁰² вместо «остатки густых жемчужных волос»²⁰³.

Меняется описание чувств дочери после рассказа о совпадении сна. Вместо: «И только одна дочь с тревогой взглянула на него в этот момент: сердце ее внезапно сжала тоска, такое сильное чувство одиночества на этом чужом, темном острове, что

¹⁹² Слово. Сб. 5. С. 266.

¹⁹³ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 13.

¹⁹⁴ Слово. Сб. 5. С. 271.

¹⁹⁵ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 18.

¹⁹⁶ Слово. Сб. 5. С. 275.

¹⁹⁷ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 22.

¹⁹⁸ Слово. Сб. 5. С. 275.

¹⁹⁹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 22.

²⁰⁰ Там же. С. 21.

²⁰¹ Слово. Сб. 5. С. 275.

²⁰² Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 24.

²⁰³ Слово. Сб. 5. С. 277.

она чуть не заплакала. Но все-таки она ничего не сказала отцу о своих чувствах — как всегда²⁰⁴, — становится: «Дочь однако с тревогой взглянула на него в эту минуту: сердце ее вдруг сжала тоска, чувство страшного одиночества на этом чужом, темном острове...»²⁰⁵.

Правка здесь диктуется как близким повтором (в начале следующего абзаца) слова «только», так и общим желанием дать несколько иную характеристику дочери. Бунин теперь стремится «замкнуть» ее, как и жену, во временных рамках повествования. Он полностью убирает также все, что указывало на возможность новой встречи дочери и принца, потенциальное развитие «любвонной» линии. В фрагменте, в котором описывается, как они стоят рядом на корабле, Бунин не только вычеркивает указание «на палубе» и заменяет «других» на «прочих», но и отказывается от «чувства влюбленности». Вместо «сердце ее билось от непонятого восторга перед ним и от гордости, что он стоит и разговаривает именно с нею»²⁰⁶ остается: «сердце ее билось от непонятого восторга перед ним»²⁰⁷, а вместо «таили в себе неизъяснимое очарование, вызывали чувство влюбленности»²⁰⁸ — «таили в себе неизъяснимое очарование»²⁰⁹. На горе Сан-Мартино дочери в первоначальном варианте «чуть не сделалось дурно от радости: ей показалось, что в зале сидит принц, хотя она уже знала из газет, что он на время уехал в Рим»²¹⁰, но в собрании сочинений указание на ожидаемое возвращение принца убрано — дочери «чуть не сделалось дурно: ей показалось, что в зале сидит принц, хотя она уже знала из газет, что он в Риме»²¹¹. Не идет речь больше и о надежде на встречу с принцем в Сорренто. В предложении: «Мисс была

²⁰⁴ Там же. С. 275.

²⁰⁵ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 22.

²⁰⁶ Слово. Сб. 5. С. 267.

²⁰⁷ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 13.

²⁰⁸ Слово. Сб. 5. С. 267.

²⁰⁹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 14.

²¹⁰ Слово. Сб. 5. С. 269.

²¹¹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 16.

ужасно бледна и держала в зубах ломтик лимона; теперь ее не радовала даже надежда на нечаянную встречу с принцем в Сорренто, где он намеревался быть к Рождеству»²¹², — оставляется только первая часть, до слова «лимона»²¹³.

В собрании сочинений переработке подвергается ряд крупных фрагментов текста, причем изменения идут сразу по нескольким направлениям. К примеру, в сборнике «Слово» было: «Был конец ноября, почти до самого Гибралтара пришлось плыть то в ледяной мгле, то среди бури с мокрым снегом; но плыли²¹⁴ вполне благополучно и даже без качки, пассажиров на пароходе оказалось много, и все люди крупные, пароход — знаменитая “Атлантида” — был похож на самый дорогой европейский отель со всеми удобствами, — с ночным баром, с восточными банями, с собственной газетой, — и жизнь на нем протекала по самому высшему регламенту <...>»²¹⁵. В собрании сочинений стало: «Был конец ноября, до самого Гибралтара пришлось плыть то в ледяной мгле, то среди бури с мокрым снегом; но плыли вполне благополучно. Пассажиров было много, пароход — знаменитая “Атлантида” — был похож на громадный отель со всеми удобствами, — с ночным баром, с восточными банями, с собственной газетой, — и жизнь на нем протекала весьма размеренно <...>»²¹⁶.

Примечательно, что Бунин вносит существенные коррективы в один из фрагментов, на которые в своей статье ссылался Дерман. В сборнике «Слово» мы читаем: «Что чувствовал, что думал господин из Сан-Франциско в этот столь знаменательный для него вечер? Надо прямо сказать: ровно ничего особенного — ибо и беда-то вся в том, что на этом свете по виду все слишком просто»²¹⁷. В собрании сочинений оставлено лишь первое из двух предложений²¹⁸. Кроме того, из предшествующе-

²¹² Слово. Сб. 5. С. 273–274.

²¹³ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 21.

²¹⁴ «все время» — вычеркнуто в издании «Русской земли».

²¹⁵ Слово. Сб. 5. С. 262–263.

²¹⁶ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 9.

²¹⁷ Слово. Сб. 5. С. 277.

²¹⁸ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 24.

го диалога убирается перевод слов «На sonato, signore?», а ниже вместо «не оставлявшем времени для размышлений»²¹⁹ становится «не оставлявшем времени для чувств и размышлений»²²⁰.

В тексте есть еще несколько добавлений. Вместо «<...> в семь повешали трубными сигналами об обеде из девяти блюд...»²²¹ становится «<...> в семь повешали трубными сигналами о том, что составляло главнейшую цель всего этого существования, венец его...»²²². Бунин в данном случае не только меняет тональность, но и убирает не слишком благозвучное сочетание «об обеде». В финале предложения: «<...> и как по сцене пошел среди них господин из Сан-Франциско к какой-то средневековой арке под слитыми в одно домами, за которой покато вела к сияющему впереди подъезду отеля звонкая улочка с вихром пальмы над плоскими крышами налево и синими звездами на черном небе вверху, впереди»²²³ прежде после слова «вверху» было многоточие²²⁴.

Отметим, наконец, что в собрании сочинений указан уже не только год, но и месяц, и место создания рассказа: «Васильевское. X, 1915», причем уточненная датировка не совпадает с другими авторскими свидетельствами.

После появления нового издания в очередной раз авторитетный критик писал о стилистическом совершенстве и законченности рассказа Бунина.

«Только недавно, в связи с выходом нового Собрания сочинений И. Бунина в издании “Петрополис” (до сих пор вышли тт. II, III, IV (Последнее свидание и др.), т. V (Господин из Сан-Франциско и др.), т. VI (Братья), т. VII (Митина любовь, Солнечный удар)), я, после длительного перерыва, вновь прочитал повесть “Господин из Сан-Франциско”. Должен сознаться, не без некоторой робости приступил я к чтению знаменитой повести Бунина. Я боялся, что впечатление от первого чтения,

²¹⁹ Слово. Сб. 5. С. 277.

²²⁰ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 24.

²²¹ Слово. Сб. 5. С. 263.

²²² Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С. 10.

²²³ Там же. С. 21.

²²⁴ Слово. Сб. 5. С. 274.

живое и по сей час, будет мною утрачено. А утрачивать его было жаль. И, вероятно, именно поэтому я откладывал чтение лежащей на столе книжки со дня на день. И только недавно я заставил себя вернуться к одному из тех произведений, которые оставили прочный след уже после первого ознакомления с ним, но еще не стали “вечным спутником”, не вошли в число тех нескольких книг, к которым хочется всегда вернуться, — признавался в статье, опубликованной в 1935 г. А.Л. Бем. — Должен сразу сказать: совсем по-иному воспринял я сейчас “Господина из Сан-Франциско”. Я понял, как много пережито за эти годы, и как, благодаря этому, сдвинулись все привычные суждения. Об этом новом (в моем, конечно, восприятии) мне и хочется сегодня поговорить. Прежде всего, меня поразил своеобразный обман объема, которому я подпал. Я удивился, что “Господин из Сан-Франциско” занимает так мало места, всего каких-нибудь сорок страниц. Мне казалось, что это большая вещь, почти книга. Это свидетельствует о необычайной сжатости, насыщенности “Господина из Сан-Франциско”. Редкая вещь в мировой литературе написана с такой экономией художественных средств. Я невольно все время пишу “вещь”, хотя я понимаю, как это слово несовершенно. Но “Господин из Сан-Франциско” — именно вещь, нечто завершенное в себе, оформленное и законченное. Я думаю, если бы Бунин и захотел, то не мог бы сейчас внести в свою повесть ни малейшего изменения. И ему, автору, наверно, она противостоит, как целость, завершенная в каждой своей части. Стилистически повесть Бунина представляет собой исключительное достижение».

Примечательно, что Бем, убежденный в том, что «Господин из Сан-Франциско» — «нечто завершенное в себе», ориентировался при написании статьи не на собрание сочинений, а на парижский сборник. В собрании сочинений «Господин из Сан-Франциско» занимает не «каких-нибудь сорок страниц», а всего 30 (С. 7–37), а на страницах с 9 по 42 он разверстан в издании 1920 г., по которому, кстати, бунинское произведение и цитируется у Бема²²⁵.

²²⁵ Бем А.Л. Письма о литературе. Прага, 1996. С. 218.

Итак, хотя читатели и критики полагали, что автор при всем желании не мог бы внести в текст «ни малейшего изменения», Бунин продолжал на протяжении десятилетий совершенствовать изначально безупречный, по мнению многих, рассказ, работая в первую очередь именно над стилем. Отметим, что типология правки, вносившейся Буниным в текст «Господина из Сан-Франциско», связана не с особенностями конкретного текста, а является системной. Прежде всего, это правка, связанная со стремлением добиться стилистического совершенства. Но наряду с этим есть и исправления принципиально иного рода, связанные не с улучшением как таковым (которое находится в области эстетической), а с адаптацией текста к новым условиям, к новым читателям, к иному времени.

«Господин из Сан-Франциско», а также еще ряд написанных и опубликованных до революции произведений Бунина (например, вошедшие во второй том «Деревня» и «Суходол»), изданных затем и в эмиграции, существенно дорабатывались автором, но не трансформировались кардинально — во всяком случае, с точки зрения бунинского восприятия внесенных им в текст изменений.

Иную категорию рассказов составляет группа имеющих до-революционную текстуальную основу произведений, которые Бунин в эмиграции печатал на страницах периодических изданий, включал затем в сборники «эмигрантских» произведений и впоследствии — в состав соответствующих томов собрания сочинений. Речь идет, в частности, о рассказах, опубликованных в 1926 г. в парижской газете «Возрождение».

2 мая 1926 г. в пасхальном номере «Возрождения» помещается переработанный Буниным рассказ «Псалма», впервые опубликованный 14 апреля 1913 г. в газете «Русское слово». Бунин дает рассказу новое название «Лирник Родион» и подзаголовок «Вариант» (№ 334. С. 3). 8 мая 1926 г. газета печатает рассказ Бунина «Жертва» с авторским примечанием: «Окончательная редакция рассказа “Илья Пророк”» (№ 340. С. 3).

22 августа 1926 г., публикуя в «Возрождении» рассказ «Заря всю ночь», Бунин, чтобы показать «дореволюционное происхождение» текста, использует двойную датировку: «1903–

1926 г.» (№ 446. С. 3). Прежнее название произведения при этом не сообщается: в июле 1902 г. (а не 1903, как напечатано в «Возрождении») соответствующий рассказ Бунина был опубликован в журнале «Русская мысль» под названием «Свидание», а в 1907 г. вошел в коллективный сборник издательства «Скиф» «Корабли» под названием «Счастье».

Опубликованный 23 сентября 1926 г. «Маленький роман» также имеет двойную датировку: «1909–1926» (№ 478. С. 2–3) и новое название: впервые «Маленький роман» был опубликован в журнале «Северное сияние» в марте 1909 г. под названием «Старая песня» и под этим же названием входил в собрание сочинений.

Рассказ «Всходы новые», опубликованный 5 ноября 1926 г. (№ 521. С. 2–3), является переработкой рассказа «Весна», впервые напечатанного в газете «Речь» 14 апреля 1913 г. (№ 104). Рассказ «Снегур», помещенный в «Возрождении» 8 ноября 1926 г. в составе подборки Бунина под названием «Зимние ночи» (№ 534. С. 2), ранее входил в публикацию «Из рассказов без заглавия» в журнале «Путь» (1911. № 1. Ноябрь. С. 3–5). 28 ноября 1926 г. публикуется «На погосте» (№ 544. С. 2–3) — новая редакция рассказа «Будни», опубликованного в газете «Русское слово» 10 февраля 1913 г. (№ 34). В той же газете и в том же году печатался впервые и рассказ «Хороших кровей», переработанный текст которого Бунин без изменения названия печатает в «Возрождении» 9 декабря (№ 555. С. 2–3). И, наконец, 16 декабря 1926 г. в «Возрождении» также без изменения названия публикуется рассказ «Князь во князьях» (№ 562. С. 3–4), прежний вариант которого был напечатан в журнале «Вестник Европы» в марте 1913 г. (№ 3. С. 15–24).

Отметим, что в изданный в Париже в конце 1926 г. сборник Бунина «Солнечный удар» (на титульном листе в качестве года издания значится уже «1927»), в который включен ряд других рассказов, впервые опубликованных в «Возрождении» («Ида», «Notre-Dame de la Garde», «Поруганный Спас», «Обуза», «В саду», «Цикады», «Воды многие»), эти произведения не вошли.

В начале 1927 г. Бунин дает «Возрождению» для рождественского номера рассказ «Ермил» (№ 584. С. 1–2). Это новый вариант рассказа «Преступление», опубликованного в журнале

«Современник» в январе 1913 г. (№ 1. С. 55–67). В 1927 г. в «Возрождении» также печатаются «Птицы небесные» (22 января. № 599. С. 2–3) — переработка рассказа «Беден бес», впервые напечатанного в сборнике товарищества «Знания» за 1909 г. (кн. 27-я), и рассказ «Белая лошадь» 3 марта 1927 г. (№ 639. С. 2–3), основой которого является рассказ «Астма», помещенный впервые в третьей книге альманаха «Шиповник» в 1908 г. При этом «Белая лошадь» имеет в газете двойную датировку «1907–1927 г.», а «Птицы небесные» печатаются без указания даты создания. Двойная датировка — «1907–1927 г.» — использована и при публикации рассказа «Христово озеро» в пасхальном номере «Возрождения», вышедшем 24 апреля 1927 г. (№ 691. С. 3). Это вариант рассказа «Геннисарет», который впервые был напечатан в газете «Русское слово» 25 декабря 1912 г., и в собрании сочинений затем датирован 9 декабря 1911 г.

На ряд внесенных в тексты дореволюционных произведений изменений указывал, в частности, О.Н. Михайлов в комментариях к четвертому тому собрания сочинений 1988 г., поэтому мы не станем их здесь повторять. Отметим, что по объему эти изменения зачастую вполне сопоставимы с теми, что вносились в эмиграции в текст «Господина из Сан-Франциско», но качество их, по мнению Бунина, уже требует использовать новые названия, подзаголовок «Вариант» и (или) двойную датировку.

Необходимо отметить, что ряд исправлений связан с тем, что рассказы публикуются на страницах ежедневной газеты, и формат издания не подразумевает простой перепечатки уже опубликованных произведений, пусть даже и с какими-то исправлениями, если эти исправления не заявлены как *существенные*. Но для нас важна сама возможность *существенной* трансформации этих текстов и установка автора на то, что они должны восприниматься как *существенно* переработанные.

Перечисленные выше рассказы публиковались не только на страницах «Возрождения», но и вошли в сборник 1927 г. «Последнее свидание» («Последнее свидание», «Всходы новые», «Я все молчу», «Оброк», «Лирник Родион», «Ермил», «Князь во князьях», «Последний день», «Сказка (1913 г.)», «Будни», «Хороших кровей», «Личарда», «Забота», «Снегур», «Копье Господне»,

который затем составил основу четвертого тома собрания сочинений, изданного «Петрополисом».

Существенной трансформации при подготовке сборников, а затем и при включении в собрание сочинений подвергаются не только дореволюционные произведения, но и те, что были созданы в эмиграции. Примером наиболее значительной, кардинальной трансформации может служить очерк «Роза Иерихона»: здесь мы фактически имеем дело не просто с двумя редакциями, а фактически с двумя разными произведениями под одинаковыми названиями и на схожую тему. Текст, который сейчас печатается в собраниях сочинений (и — заметим — датируется годом первой публикации), значительно отличается от того, что впервые появился на страницах «Нашего мира» (воскресное приложение к газете «Руль») 15 июня 1924 г. и затем был помещен в книге «Роза Иерихона»²²⁶.

Как уже отмечалось, изменения, которые Бунин вносит в свои тексты от публикации к публикации, связаны не только с совершенствованием стиля. Именно поэтому в названии статьи использовано слово «трансформация». Совершенствование стиля — это улучшение текста, по крайней мере, по мнению автора. Можно сказать, что писатель устраняет ошибки, убирает недочеты, которые он не заметил ранее. Если бы он увидел эти возможности сразу, то использовал бы их еще перед первой публикацией. И здесь нецелесообразно, невозможно «движение назад», к первоначальному варианту текста, поскольку с авторской точки зрения новый вариант не просто другой, он лучше. Иной тип изменений связан не с совершенствованием, а с адаптацией текста к новым условиям. То, что привносится в текст, не могло быть в него внесено при предшествующих публикациях, а то, что из него устраняется, напротив, при предшествующих публикациях было для автора необходимо. При трансформации текста каждый из вариантов адекватен своему времени.

При позднейшей доработке Бунин в ряде случаев убирает или уточняет реалии, хорошо понятные «современникам», но

²²⁶ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001. С. 272–273, 430–431.

утратившие актуальность и мало что говорящие спустя десятилетия русскому зарубежному читателю, особенно молодому. И это не отдельные исправления, которые можно было бы объяснить работой над стилем произведения, а четко прослеживаемая тенденция. Так, в рассказе «Безумный художник» первоначально упоминалась гибель статс-секретаря по военным делам графа Г.Г. Китченера (1850–1916). В июне 1916 г., крейсер «Гемпшир», на котором он направлялся в Россию для переговоров, подорвался на немецкой мине: «А меж тем именно из-за этого дня мы и предприняли нашу страшную Одиссею. Ты, конечно, знаешь, что даже Китченера пустили ко дну. Представь же себе, каково было ей, беременной на восьмом месяце!»²²⁷ В позднейшем варианте это упоминание снято: «А меж тем именно из-за этого дня мы и предприняли нашу страшную Одиссею. Представь же себе, каково было ей, беременной на восьмом месяце!»²²⁸. В том же рассказе упоминалась газета «Новое время»: «Он открыл чемодан, лежавший на полу, взял оттуда несколько номеров “Нового времени”, застелил стол, прикрепил кнопками, разложил карандаши, палитру, расставил в ряд девять свечей и все зажег их»²²⁹. Позже Бунин убрал название газеты, хотя у читателей с дореволюционным стажем оно и вызывало достаточно устойчивые ассоциации: «Он открыл чемодан, лежавший на полу, взял оттуда несколько номеров газеты, застелил стол <...>»²³⁰.

В рассказе «Далекое» один из топонимов убирается уже в собрании сочинений «Петрополиса». Вместо: «с новой светло-серой шляпой знаменитого актера, тоже быстро пролетевшего куда-то на дутых шинах по Газетному» мы читаем: «с новой светло-серой шляпой знаменитого актера, тоже быстро про-

²²⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 8: Несрочная весна. С. 50. В первой публикации вместо «Китченера» было «Китчнера», см.: Окно: Трехмесячник литературы. I. Париж, [1923]. С. 13.

²²⁸ Бунин И.А. Весной в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 152.

²²⁹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 8. С. 51.

²³⁰ Бунин И.А. Весной в Иудее. Роза Иерихона. С. 153.

летавшего куда-то на “дутьях”»²³¹. При этом название магазина Мюра и Мерилиза в Москве в рассказе «Далекое» сохраняется²³², а в рассказе «В некотором царстве» снимается, хотя в тексте и появляется стилистически не слишком удачный повтор «московских / в Москве». Было: «Но в санях, среди прочих московских покупок к свадьбе, к празднику, лежат удивительные шведские лыжи, купленные племянницей у Мюра»²³³. Стало: «Но в санях, среди прочих московских покупок к свадьбе и к празднику, лежат удивительные шведские лыжи, купленные племянницей в Москве»²³⁴.

Иногда, наоборот, по прошествии времени автор считает необходимым добавить в текст нечто, проясняющее смысл, в то время как раньше читателям было понятно и так, что имелось в виду. В рассказе «Несрочная весна» фраза: «<...> среди такого великого крушения, равного которому не знает человеческая история!» исправляется на «<...> среди такого великого и быстрого крушения Державы Российской, равного которому не знает человеческая история!»²³⁵.

В рассказ «Конец» Бунин, убирая несколько фрагментов, вносит изменения в содержание. В первоначальном варианте, который сохранился и в сборнике «Роза Иерихона», где вместо газетного заглавия «Гибель (из повести)» было впервые дано название «Конец», существенную роль играло противопоставление покидающих город и входящих в город, «врагов». В то время (еще до того, как прозвучала знаменитая речь о «Миссии русской эмиграции») писатель стремился передать не столько чувства человека, навсегда покидающего родину, сколько переживания человека, живущего в эпоху гражданского противостояния. Но в позднейшем варианте образ врагов исчезает. Приведем соответствующие фрагменты. Было: «На горе в городе был в этот промозглый зимний день тот роковой проме-

²³¹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 8. С. 106.

²³² Там же. С. 105.

²³³ Иллюстрированная Россия. 1924. № 1. С. 5.

²³⁴ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 8. С. 137.

²³⁵ Современные записки. 1924. Кн. XVIII. С. 14; Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 8. С. 162.

жуток в борьбе, то безвластие, та зловещая безлюдность, когда отступают уже последние защитники и убегают последние из убегающих обывателей, но наступающий враг еще робеет и продвигается то крадучись, то порывисто, с трусливой дерзостью». Стало: «На горе в городе был в этот промозглый зимний день тот роковой промежуток в борьбе, то безвластие, та зловещая безлюдность, когда отступают уже последние защитники и убегают последние из убегающих обывателей...». Было: «К вечеру из-за северной заставы началась орудийная пальба, — враг осмелел, почувствовал силу и решимость: бодро раздавался тяжкий, глухой стук, от которого вздрагивала земля...». Стало: «К вечеру из-за северной заставы началась орудийная пальба, бодро раздавался тяжкий, глухой стук, от которого вздрагивала земля...». Было:

«Темнело, орудийная, а за нею и ружейная стрельба смолкла, и в этой тишине и уже спокойно надвигающихся сумерках чувствовалось: всему конец. Чувствовалось, что дело уже сделано, что город сдался, покорился, что теперь он уже вполне беззащитен от вваливающихся в него победителей, несущих с собой смерть и ужас, грабеж, надругательство, убийства, голод и лютое рабство для всех поголовно, кроме самой подлой черни. В городе не было ни одного огня, порт был необычно пуст, казался беспредельным — “Патрас” уходил последним, разводил пары, чтобы уйти за ним, только бокастый ледекол, одиноко стоявший на рейде среди льдин и черных прогалин вод».

Стало: «Темнело, орудийная, а за нею и ружейная стрельба смолкла, и в этой тишине и уже спокойно надвигающихся сумерках чувствовалось, что дело уже сделано, что город сдался... В городе не было ни одного огня, порт был пуст, — “Патрас” уходил последним».

Точно так же «враги» убираются и из заключительной части рассказа «Косцы». В первой публикации:

«Еще одно, говорю я, было в этой песне — то, что хорошо знали и мы, и они, эти рязанские мужики, в глубине души, но тоже не сознавали, не ценили, чтобы сознать, оценить толь-

ко теперь: это то, что бесконечно счастливы и благословенны Богом были мы все в те прошлые дни, теперь уже бесконечно далекие — и невозвратимые. Ибо всему срок, миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи. Да и чары-то пришли дурманнее, сильнее тех ключей, и соседи, враги уже не прежние — похитрее, погаднее прежних — и настал конец, предел Божьему прощению».

Позже заключительный абзац был существенно изменен:

«Еще одно, говорю я, было в этой песне — это то, что хорошо знали и мы, и они, эти рязанские мужики, в глубине души, что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие — и невозвратимые. Ибо всему свой срок, — миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел Божьему прощению»²³⁶.

С одной стороны, качество и объем бунинской правки не всегда дают оснований ставить вопрос о новой редакции, но при подобной трансформации, связанной с изменением или коррекцией проблематики произведения, необходимо использовать «двойную» датировку, поскольку убранные фрагменты передавали конкретное ощущение, связанное с моментом создания, и, по-видимому, из-за своей «сиюминутности» и были удалены.

Иногда корректировка всего нескольких фраз настолько существенно меняет проблематику или эмоциональный фон произведения, что новый вариант приобретает черты новой редакции.

²³⁶ См.: Николаев Д.Д. Комментарии // Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 402–406.

В ситуации, когда тональность критических отзывов и нюансы читательского восприятия обусловлены были прежде всего тем, насколько авторская «сиюминутная» оценка происходящего совпадала с оценками читателей и критиков, когда на первый план выдвигалась идеологическая позиция, реальная картина серьезно искажается, когда под «изначальными» датами (создания или первой публикации) помещаются переработанные позднее тексты.

Рассказ «Notre-Dame de la Garde» был впервые опубликован в парижской газете «Возрождение» 17 октября 1925 г. (№ 137. С. 2–3) и затем вошел в изданный в Париже в 1927 г. сборник Бунина «Солнечный удар» и в 1935 г. — в девятый том собрания сочинений Бунина в издательстве «Петрополис». Одно из направлений трансформации текста задается уже в первой фразе, хотя мы сначала и не осознаем важности незначительного, на первый взгляд, изменения. В предложении: «Вагон был полон чернорабочими — было воскресенье» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 2) автор заменяет «чернорабочими» на просто «рабочими»: «Вагон был полон рабочими — было воскресенье»²³⁷.

В газетном варианте созданная в рассказе система противопоставлений сложнее, чем в помещенном в собрании сочинений — впоследствии Бунин убирает игравшее ключевую роль в начале и в конце рассказа негативное изображение пролетариата. Точнее, сами образы остаются, но исчезает подчеркивающее социальные причины их явно отторгаемого повествователем поведения авторское определение — «пролетариат», которое в «Возрождении» играет важную роль в композиции рассказа, придавая ей кольцевой характер.

Решение повествователя на станции пересесть в другой вагон в газетном варианте передается так: «Нет, довольно с меня пролетариата, подумал я и пошел в конец поезда, где прицепливали, по-видимому, пустой вагон, пришедший с ветки. В самом деле, он был почти пуст. Я вскочил в него и едва успел сесть, как поезд тронулся дальше» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 2). В сборнике «Солнечный удар» из текста убирается слово

²³⁷ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 9. С. 24.

«пролетариата»²³⁸, а в собрании сочинений первая часть первого предложения вообще снимается: теперь оно начинается словами «Я пошел...»²³⁹.

Заканчивался рассказ в «Возрождении» и в сборнике «Солнечный удар» предложением: «Это забавлялась пролетарская молодежь...»²⁴⁰, из которого в собрании сочинений убирается определение «пролетарская», так что поведение объясняется теперь уже не социальным происхождением, а только возрастом²⁴¹.

Бунин дважды подчеркивает и интернациональность пролетариата: сперва непосредственно указывая на то, что рабочие были и итальянцы, и местные, а затем рассказывая об исполнении ими «Интернационала»: «Кроме того, они то и дело, нестройно, вразной, затягивали Интернационал или хором кричали: “à bas la guerre!” и залихватски свистали» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 2).

Изначально существенные возрастные различия в итоговом варианте становятся определяющими:

«Против меня сидел каменщик, длинный и худой, как Дон-Кихот, весь спеченный солнцем, морщинистый, заросший серой щетиной, испачканный известкой, ввевшейся в его одежду, в рыжую обувь и в руки, и не спеша жевал, поочередно отрезая кривым ножичком то ломтик сизой тугой колбасы, то кусок белого хлеба. Все в нем было по-южному сухо, коряво, все жестко и грубо, — одни глаза, безразлично и устало смотревшие на меня, были кротки и грустно-укоризненны.

Остальные были молодежь, итальянцы и местные, провансальцы. И все они, не смолкая ни на минуту, быстро и непонятно говорили, раздражались хохотом и орали, шутя, но громко и, должно быть, преобильно шлепали друг друга, кричали похабные песни. Я задыхался от вонючего дыма их папирос, устал от их буйства ужасно» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 2).

²³⁸ Бунин И.А. Солнечный удар. Париж, 1927. С. 86.

²³⁹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 9. С. 25.

²⁴⁰ Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 3; Бунин И.А. Солнечный удар. Париж, 1927. С. 93.

²⁴¹ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 9. С. 31.

В связи с тем, что в окончательном варианте на первый план выходит возраст попутчиков, становится гораздо мягче и характеристика молодежи. Из нее в собрании сочинений убирается практически все, что имело откровенно негативный оттенок, в том числе и выражение отрицательного авторского отношения: «И все они, не смолкая ни на минуту, быстро и непонятно говорили, раздражались хохотом и орали, громко шлепали друг друга»²⁴².

Отказываясь от классовой характеристики, Бунин сохраняет различия, которые связаны с противопоставлением индивидуальности и массы. Это касается как старого рабочего и его молодых спутников, так и других персонажей. Пассажиры, оказывающиеся вместе в другом вагоне, на первый взгляд очень разные и существенно отличающиеся от повествователя, при всей своей яркой индивидуальности в конце рассказа практически едины и с ним, и между собой в своих мыслях и чувствах. Два же сталкивающихся в первой части рассказа проявления «коллективного» — монахини и пролетариат — так и остаются непримиримыми противниками. Эта полярность типов подчеркивается как авторским описанием, так и действиями:

«На остановке в Сен-Рафаэле по вагону прошли с опущенными глазами две монахини, кланяясь и предлагая купить бумажный цветок, то есть, сделать пожертвование на что-то, и взять картиночку — изображение Марсельской Божьей Матери Заступницы, Notre-Dame de la Garde. Как ровен и чист был прекрасный цвет их молодых нежных лиц, оттененных черными капюшонами, как смиренны и девственны склоненные ресницы, как аскетически бедны и целомудренны линии черных ряс, подпоясанных траурным длинно-висящим жгутом! Их встретили и проводили радостным уханьем, визгом и мяуканьем» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 2).

Еще одно существенное изменение связано с тем, что повествователь в рассказе «Notre-Dame de la Garde» не раз подчеркивает субъективность, а не объективность Божественного

²⁴² Там же. С. 24.

присутствия. Эта субъективность усиливается в варианте, помещенном в собрании сочинений, куда Бунин добавляет ряд маркеров субъективности, которых не было в газетной публикации (они выделены курсивом):

«У меня по голове прошел легкий и сладкий холодок... Боже мой, подумал я, пусть даже не верят в Тебя, в то, что Ты есть. *Да, да, ну пусть их нет, — Jesus-Christ, Père céleste, Sainte Marie...* Ведь все равно были, есть и вовеки будут чувства, коими эти литании созданы. Есть неистребимая и сладостная потребность покорности и даже унижения перед тем высшим, что мы имеем в себе самих, совокупностью чего наделяем мы смертного или Божество и чему мы поклоняемся, возвышая самих себя, поклоняясь себе самим, всему тому высшему, что есть в нас. Есть *в нас* некий Дух, — если уж не в мире, то опять-таки хотя бы в нас, неизменно и отлично от плоти чувствуемый нами, — *Sant Esprit qui est Dieu*, нечто такое во всяком случае, что для нас непостижимо, что нам, смертным, кажется (пусть хотя бы кажется) бессмертным, вечным и вызывает в нас чувства радостные, те, что называются восторженными, священными. И есть, несомненно есть, в нашем порочном, человеческом существовании девственность, непорочность *как бы нечеловеческая*, неизменно нас трогающая, восхищающая, — так как же может не восхищать Образ этой непорочности, чистейший и совершеннейший, пусть даже опять-таки самими нами, в силу нашей горячей потребности, созданный?»²⁴³.

Поиск наиболее точных формул в этом фрагменте идет и при подготовке сборника «Солнечный удар», где начало соответствующего предложения: «Есть в нас некий Дух...», — выглядит следующим образом: «Есть некий Дух в нас, неизменно и отлично от плоти чувствуемой нами, — *Sant Esprit qui est Dieu...*»²⁴⁴.

Впрочем, в другом месте Бунин, напротив, исключает из текста слова, подчеркивающие сомнение. Из предложения: «Разве

²⁴³ Там же. С. 27.

²⁴⁴ Бунин И.А. Солнечный удар. Париж, 1927. С. 88.

не великое счастье обладать пусть даже обманчивым чувством, что есть все-таки кто-то, благостно и бескорыстно царствующий над Марселем, над его грешной и корыстной суетой, над мелкими и несправедливыми злобами его дня и могущий стать на его защиту в беде или опасности?»²⁴⁵, — в собрании сочинений убираются слова «пусть даже обманчивым» и «над мелкими и несправедливыми злобами его дня», «или» заменяется на запятую и предлог «в».

Бунин подчеркивает, что повествователь русский, отделяя его от западного мира. Звучание этого мотива также меняется от первой публикации к собранию сочинений. В издании «Петрополиса» приведенный ниже фрагмент, в котором Бунин пишет о преодолении различий, существенно сокращается и завершается на слове «очарование»:

«Когда-то мне было странно французское обращение к Богу, к Божьей Матери, к Спасителю на *вы*, потому что еще чужда была Франция, ее история и мертв был язык католической церкви. Потом я не только привык к этому обращению, но почувствовал в нем, в ее галльской, рыцарской вежливости, какое-то особое очарование. Впрочем, есть ли язык, не звучащий очаровательно с Евангельских страниц? Самые сладчайшие слова избрал человек для Нея, но даже и самые простые из них преобразились, зазвучали иначе, говоря о Ней. “*Saluée par l’Archange Gabriel...*” Был ли на земле день более жуткий и радостный, чем этот день?» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 2).

Резче становится в собрании сочинений и противопоставление русских и англичан. Фрагмент, в котором встреченный в вагоне старичок рассуждает о национальной принадлежности повествователя, в газетном варианте выглядит так:

«Он поглядел на меня, мгновение подумал.
— Вы англичанин? — спросил он.

²⁴⁵ Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 2; Бунин И.А. Солнечный удар. Париж, 1927. С. 89–90.

— Нет, русский.

Он легонько улыбнулся.

— Да, конечно, не англичанин. Я так и думал.

— Почему? — спросил я, тоже невольно улыбаясь.

— Это трудно сказать. Ну хотя бы потому, что англичане никогда не сидят, например, в вагоне просто, ничего не делая: или пристально смотрят в окно, точно изучая что-то, или читают... Ну, да, вы русский» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 3).

Затем он сокращается так, чтобы противопоставление русских и англичан было отчетливее:

«Он легонько улыбнулся.

— Да, конечно, не англичанин. Я так и думал. Англичане никогда не сидят, например, в вагоне просто, ничего не делая: или пристально смотрят в окно, точно изучая что-то, или читают... Ну, да, вы русский»²⁴⁶.

Вопросом, кто перед ним, старичок задается после того, как повествователь в разговоре с ним мгновенно переходит от «самого прекрасного» к мотиву возмездия тем, кто на это прекрасное покушается:

«— Это хорошо, не правда ли? — прерывая чтение, обратился ко мне старичок так, точно мы были всю жизнь знакомы.

— Очень хорошо, — ответил я от всей души.

Он это почувствовал и спросил, как добрый учитель понятливого школьника:

— И почему?

И тотчас же ответил сам, говоря то же самое, что и я думал:

— Потому, что здесь выражается все самое прекрасное, что есть в человеческой душе!

— Да, — сказал я. — И нет казни достойной для того, кто посягает хотя бы вот на такие картинки...» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 3).

²⁴⁶ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 9. С. 30.

В собрании сочинений в этом диалоге отсутствует уточнение «говоря то же самое, что и я думал»: для Бунина важнее здесь показать не близость, а подчеркнуть контраст²⁴⁷.

И повествователю, и Бунину, и читателям чуждо то смиренное восхищение миром, которое вслед за этим высказывает старичок: «Ну, да, вы русский. И я знаю, сколько страданий и гонений терпит теперь Россия. Но это хорошо, не правда ли?» (Возрождение. 1925. 17 октября. № 137. С. 3). И хотя слова старичка, вероятно, относятся вовсе не к страданиям и гонениям, а к молитве — он повторяет фразу, сказанную чуть раньше, — разрушающий всякое единство контраст настолько резок, настолько кардинален, что Бунин впоследствии убирает заключительный вопрос из собрания сочинений и ставит после слова «Россия» многоточие²⁴⁸.

Стихотворные произведения Бунин часто перерабатывает кардинально, так что в новой редакции меняются и проблематика, и позиция лирического героя. История стихотворных текстов Бунина подробно освещается в подготовленном Т.М. Двинятиной двухтомном издании стихотворений Бунина в «Библиотеке поэта», поэтому в данной статье сосредоточим внимание не на фиксации самих разночтений, а на показательном анализе трансформации трех стихотворений.

19 октября 1920 г. в «Общем деле» публикуется стихотворение Бунина «Мой перстень» («Рубины мрачные цвели, чернели в нем...») (№ 96. С. 2). Прежде оно печаталось во второй книжке альманаха «Творчество» в 1918 г., где завершало подборку из четырех стихотворений («Стой, солнце!», «Глупое горе», «Песня», «Перстень»). Однако текст, помещенный в «Общем деле», существенно отличается от того, что был опубликован в альманахе. Ср.:

В альманахе:

С индийской пышностью осыпан перстень мой
Лучисто-острыми камнями.
Так светит и горит, сокрытый полутьмой,
Старинный образ в царском храме.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же.

Рубины мрачные цветут, чернеют в нем,
Внутри пурпурно-кровяные,
Алмазы вспыхивают розовым огнем,
Слезясь, как перлы ледяные.
И часто я гляжу на этот отчий дар
С тоскою, смутной и тревожной,
И опускаю взор, переходя базар,
В толпе крикливой и ничтожной

В «Общем деле»:

Рубины мрачные цвели, чернели в нем,
Внутри пурпурно-кровяные,
Алмазы вспыхивали розовым огнем,
Слезясь, как перлы ледяные.

Бесценными играл заветный перстень мой,
Но затаенными лучами:
Так светит и горит сокрытый полутьмой
Старинный образ в царском храме.

И долго я глядел на этот Божий дар
С тоскою, смутной и тревожной,
И опускал глаза, переходя базар,
В толпе крикливой и ничтожной

Как мы видим, изменены и композиция текста, и интенция лирического героя, и характеристика ключевого образа. Меняется и название, в котором теперь подчеркивается принадлежность перстня лирическому герою.

Изменения в тексте носят принципиальный характер. Наиболее показательным является смена времени с настоящего на прошедшее. Прежде описание перстня носило конкретный характер: обилие драгоценностей обосновывалось «индийским» происхождением, а появление его у героя связывалось с семейным наследием. Таким образом и завершающее стихотворение противопоставление героя и толпы носило иной характер («отчий» — «Божий»).

Обратим внимание и на контекст публикации стихотворения в парижской газете «Общее дело». Редакция помещает его на второй полосе в ряду информационных и публицистических материалов, так что визуально бунинский текст предваряет статью «Красная армия», присланную в редакцию одним из «боевых генералов русской армии, принимавших активное участие в войне с Германией и имевшего затем возможность наблюдать вблизи большевистскую армию», как отмечается в редакционном предуведомлении. За счет такого соседства стихотворение обретает актуальное политическое звучание.

23 октября в «Общем деле» печатаются стихотворения Бунина «Как в апреле по ночам в аллее...» и «Этой краткой жизни вечным измененьем...», которые объединены под общим заглавием «Листопад». С точки зрения истории этих текстов нужно выделить исправление, связанное с цветовой гаммой и с теми устойчивыми связями, которые, как мы видели, задавались предшествующей публикацией стихотворения Бунина в «Общем деле». В окончательном варианте текста стихотворения «Этой краткой жизни вечным измененьем...» заключительная строка выглядит так: «В этом парке алом, в этой тишине». Однако в 1920 г. цветовое определение «алый» может вызвать ненужные в данном случае ассоциации с кровью и с большевистским флагом, а потому в газетной публикации автор выбирает иной цвет — напротив, подчеркнуто связанный с прежней, мирной жизнью, завершая стихотворение строкой: «В этом парке розовом, в этой тишине».

Можно привести ряд ярких примеров трансформации поэтических текстов, созданных Буниным уже в эмиграции. Значительные изменения впоследствии вносятся в текст стихотворения «Петух на церковном кресте», впервые опубликованного в берлинском альманахе «Медный всадник»²⁴⁹. Стихотворение построено на внутреннем противопоставлении, хотя и не столь подчеркнутом. При первой публикации в стихотворении было пять строф, и текст строился таким образом, что между второй и третьей строфой наступал перелом. Восторженно-возвышен-

²⁴⁹ Медный всадник: Альманах. Берлин: К-во «Медный всадник», [1923]. Кн. 1. С. 73.

ные интонации первых строк сменялись эсхатологически-безнадежной концовкой, причем смена настроения происходила постепенно, словно незаметно для читателя. В первых двух строфах Бунин стремится вызывать чувство восхищения, если не сказать благоговения:

Плывет, плывет, бежит, бежит...
Как высоко его стремится,
Как плавно, бережно, легко
И как безбрежно далеко!

Он круто выгнут, горд и прост,
Кормю поднят длинный хвост...
Назад бежит весь небосвод,
А он вперед — и все поет.

Бунин использует повтор слов и многочисленные положительно-оценочные характеристики («высоко», «плавно», «бережно», «легко», «безбрежно далеко», «горд и прост»), создавая образ не земной, а скорее «райской» птицы, хотя последнее определение и плохо сочетается с более чем земным, подчеркнуто приземленным обыденным восприятием петуха.

На самом деле, некая двойственность образа уже заложена, поскольку обозначенная в заглавии «привязанность» петуха контрастирует с первой же строкой («Плывет, плывет, бежит, бежит...»). Мы понимаем, что петух, закрепленный на одном месте, никуда не плывет и не бежит, а если и двигается, то исключительно по ветру, как и положено флюгеру. И то, что петух «бежит» не вместе с небосводом, а наперекор ему, на самом деле вовсе не является положительной характеристикой, хотя вроде бы и связано в противопоставлении «назад/вперед» с привычно-положительным вперед. Эта «обманчивость» песен петуха раскрывается во второй части стихотворения. Вместо того чтобы петь о вечной жизни, птица, вознесенная над церковным крестом, поет о вечной смерти. Не Богом, а судьбою оказываются даны «и отчий дом, и милый друг, // и круг детей, и внуков круг». Петух поет о том, что «все обман», что «мы умрем», «что вечен только мертвых сон, // Да Божий храм, да крест, да он».

В дальнейшем в стихотворении «Петух на церковном кресте» из первых двух строф Бунин убрал практически все, что работало на создание возвышенного образа, сократив их до одной: «Плывет, течет, бежит ладьей, // И как высоко над землей! // Назад идет весь небосвод, // А он вперед — и все поет». А в окончательном варианте отсутствуют и первые две строки последней строфы, так что вместе с упоминанием ковчега исчезает и связь с Нотр-Дам-де-Пари.

Еще значительнее трансформация опубликованного вслед за «Петухом на церковном кресте» стихотворения «Ночью». Его здесь стоит воспроизвести целиком, поскольку текст 1923 г. существенно отличался от того, что воспроизводится сейчас в отдельных изданиях и собраниях сочинений:

Шепнуть заклятие при блеске
Звезды падучей я успел,
Да что изменит наш удел?
Все те же топи, перелески
Все та же полночь, дичь и глушь...
А если б даже Божья сила
И помогла, осуществила
Надежды наших темных душ,
То что с того?
Уж нет возврата
К тому, чем жили мы когда-то,
Потерь не счесть, не позабыть,
Пощечин от солдат Пилата
Ничем не смыть — и не простить,
Как не простить ни мук, ни крови,
Ни содроганий на кресте
Всех убиенных во Христе,
Как не принять грядущей нови
В ее отвратной наготе...

В окончательном варианте стихотворения «Ночью» Бунин затем вычеркнул сразу девять первых строк, так что произведение начиналось строкой «Да, уж не будет, нет возврата...» и создаваемый образ лирического героя менялся в итоге карди-

нально. Из текста исчезала острота отраженных там переживаний начала 1920-х гг., и он обретал более универсально-библейский смысл.

Отметим, что в связи с теми существенными изменениями, которые вносились в текст стихотворений «Петух на церковном кресте» и «Ночью», показательным является и обратное: отсутствие каких-либо исправлений в тексте третьего из опубликованных в альманахе «Медный всадник» стихотворений — «О, слез невыплаканных яд!..», которое в восьмом томе собрания сочинений воспроизведено без изменений²⁵⁰.

Выше были рассмотрены примеры трансформации художественных произведений Бунина — стихотворных и прозаических. Свои публицистические произведения Бунин обычно не переиздавал и, соответственно, у нас нет возможности говорить об их трансформации. Однако есть примеры трансформации текстов, связанной с существенным усилением в них художественного начала. Так, публицистика используется в качестве основы в рассказе «Третий класс». И в исследовательской литературе, и в комментариях в собраниях сочинений указывается, что рассказ этот впервые был опубликован под названием «Записная книжка» в газете «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс) 2 апреля 1921 г.²⁵¹. Тексты этих произведений, действительно, в значительной степени совпадают, хотя между ними есть и существенная разница.

В рассказе «Третий класс» текст настолько существенно переработан, что «уравнивать» его с «Записной книжкой», называя ее первой публикацией, нельзя. «Третий класс» печатается 13 февраля 1926 г. в журнале «Иллюстрированная Россия». В нем уже нет открывающего «Записную книжку» пространного рассуждения об англичанах, нет воспоминаний о Капри, Иерусалиме, Египте и Константинополе. Нет и постепенного увеличения временной дистанции, как в «Записной книжке» — от современности к временам дореволюционным. Но в журна-

²⁵⁰ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 8. С. 204.

²⁵¹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М: Худож. лит., 1988. Т. 4: Произведения 1914–1931. С. 674.

ле еще нет и привязки к конкретному году, которая появится позже:

«Глупец тот, кто воображает, что он имеет полное право и возможность ездить где и когда ему угодно в этом классе!

Вот представьте себе Цейлон, Коломбо.

Утро, всего десятый час»²⁵².

В итоговой редакции Бунин уже не только сразу переносит читателей на Коломбо, но и называет точный год и месяц действия, а заодно и меняет указанное прежде время дня:

«Глупец тот, кто воображает, что он имеет полное право и возможность ездить когда ему угодно в этом классе!

Вот Цейлон, Коломбо, март 1911 года.

Утро, всего восьмой час»²⁵³.

В «Записной книжке» ключевым является противопоставление России и Англии, обусловленное идейной борьбой 1921 г. Оно связано с противопоставлением Востока и Запада, но Россия при этом не приравнена к Востоку: сопоставляется скорее отношение к нему. Хотя воспоминания автора и переносят читателей преимущественно «на Восток», публицистический пафос произведения связан с обличением «Запада», отношение которого к другому миру, включающему в контексте начала 1920-х гг. и Россию, определяется позицией англичан.

В тексте рассказа «Третий класс», который помещается в собраниях сочинений, наряду с дистанцией пространственной сразу же подчеркивается дистанция временная: события, описываемые в рассказе, связываются с читательской современностью метафизически, за счет носящего характер иронически-философской сентенции первого предложения. В опубликованной в 1921 г. «Записной книжке» все было иначе. Воспоминание о путешествии на Цейлон предварялось значительным по объему авторским рассуждением, в основе которого была не метафизическая, а конкретно-историческая проблематика. В газетной редакции Бунин писал про Запад не в меньшей степени, чем про Восток. Главными героями его произведения были англичане, правда, англичане не в

²⁵² Иллюстрированная Россия. 1926. № 7 (40). 13 февраля. С. 1.

²⁵³ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 4. С. 189.

Англии, а за границей. И начиналась «Записная книжка» с характеристики английских путешественников, которую давал повествователь:

«<...> Вспоминая купе вагонов, в которых столько колесил я по земному шару, неизменно вспоминаю одно и то же: переменив котелок на дорожный картуз, достав из несесера книжку, англичанин сидит весь день без малейшего движения, не роняя ни единого слова, ни на миг не снимая перчаток; я вхожу — он медленно осматривает меня оскорбительно холодными глазами и опять опускает их на книжку; за окном мелькают древние города, развалины замков, горные бездны и вершины, морские заливы, озера, пески, Нил, пирамиды, Нубийские хижины, тропические лесные дебри — он невозмутим, он не замечает меня, он читает, а если глядит в окно, то еще мертвее и оскорбительнее, чем глядел на мою фигуру»²⁵⁴.

«Оскорбительно холодные глаза» — не просто внешний признак, они являются «зеркалом» оскорбительно холодной души, с презрением относящейся ко всему неанглийскому, «незападному», поскольку именно английское является квинтэссенцией Запада в его противопоставлении Востоку.

Прежде чем обратиться к рассказу о Цейлоне, автор вспоминал другую поездку, где он сталкивался с англичанами, — на Капри:

«Таким же вижу я его и на пароходе, и в отеле. Я или не существую для него (благо днем полагается по английскому этикету быть свободным в одежде) или же он самым непристойным образом осматривает меня с головы до ног — в ту торжественную минуту, когда гудит обеденный гонг и все шествуют в столовую в смокингах и бальных туфлях, среди нарядных дам, блеска зеркал и электричества.

Однажды отель, в котором я проводил зимы на Капри, загорелся (с верхнего этажа). Весь городок сбежался, все двери в отеле были настежь, по всем лестницам носились люди,

²⁵⁴ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 106.

тушившие огонь, все жильцы не английского происхождения помогали им или хватали из своих комнат и выбрасывали в коридоры вещи,— англичане и бровью не повели: взяли пледы, книжки, сели в кресла, обернув пледами ноги, и преспокойно стали кто читать, кто писать дневники и письма»²⁵⁵.

Характеристика английских путешественников переносится на англичан вообще, и описанная Буниным поездка в поезде на Цейлоне позволяет в небольшом тексте выстроить яркую и художественно убедительную систему противопоставлений, передающих авторские публицистические установки:

«В Коломбо я глазам своим не верил, видя, как опасно, все время начеку проходят англичане по улицам, — как они боятся осквернить себя нечаянным *прикосновением* к томилу, к сингалезу и вообще ко всякому “цветному” человеку, ко всякому “презренному” (по их любимому выражению) дикарю»²⁵⁶.

В «Записной книжке» поездка на Цейлоне начинается еще до железнодорожного вокзала, по пути на станцию. И эта дорога сразу погружает читателя в мир Востока, заставляя одновременно и восхищаться его красотой, и удивляться экзотике, и испытывать чувство вины «цивилизованного человека», сталкивающегося с тем, что противоречит его моральным устоям:

«Жара, адская, душающая... Голый черный человек, то есть рикша, во всю прыть мчит раскаленную лакированную колясочку, в которой сижу я — всегда с большим стыдом, к чести моей сказать... Вот площадь, вот вокзал в мавританском стиле, почти страшный своей белизной на фоне белесого от зноя неба... Режут глаза черные волны и черная спина рикши среди этой белизны и белого солнечного света...»²⁵⁷.

Столкновение с презрительным Западом, диктующим на Востоке свои колониальные правила и категорично отвергающим любые попытки следовать не им, а собственным желаниям, происходит как раз на станции, где англичанин-кассир

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же. С. 107.

²⁵⁷ Там же.

отказывается продавать повествователю билет в третий класс, навязчиво побуждая его ехать первым. В «Записной книжке» Бунин подчеркивает повторяемость этой ситуации («Каждый раз, когда я отправлялся в поездку по острову, происходило следующее»²⁵⁸), чтобы убрать возможность сугубо личностного, индивидуального в поведении кассира, отметить типичность происходящего.

Для Бунина поездка на поезде является одним из лучших способов понять жизнь людей, жизнь страны — это подтверждается использованием приема в его произведениях. Но стремление русского путешественника увидеть Восток таким, каков он есть, понять, почувствовать его, наталкивается на непреклонность Запада, презирающего и Восток, и тех, кто почему-либо не разделяет этого презрения:

«И тогда я багровею от бешенства, сую лицо в будочку и начинаю орать приблизительно в таком роде:

— Слушайте, будь я трижды проклят, мне осточертело это! Я хочу видеть все особенности страны, всю ее природу, всю ее жизнь, всех ее обитателей вплоть до самых “презренных”, как вы выражаетесь, которые, конечно, не могут, да и не смеют ездить в первых классах! И вот, каждый раз, как я хочу сесть в третий класс, начинается эта борьба с кассиром! Я требую *третий* класс — меня, пользуясь созвучием слов, дерзко перебивают, дурчат: “Вы хотите сказать — первый?” Я начинаю кричать: “Нет, третий, третий!” — мне все-таки выкидывают первый! Я швыряю его назад — и тогда кассир, вне себя от негодования и удивления, что “белый” человек одержим низким и безумным желанием сидеть рядом с “цветным”, начинает тоже кричать на меня, запугивать насекомыми, которых я наберусь от “цветных”, укачивает на то, что никто из “белых” не ездит здесь в третьем классе, что это “не принято”, неприлично, возмутительно!»²⁵⁹.

Даже добившись в результате билета в третий класс, путешественник не получает того, что хочет: англичане находят

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 107–108.

иной способ воспрепятствовать «низким и безумным» желаниям, просто не допуская «презренных дикарей» в его купе. В результате в рассказе о поездке по Цейлону, в котором, по идее, центральное место должна занимать «галерея типов» местных жителей, ничего подобного нет. Правда, в «Записной книжке» повествователю все-таки удастся увидеть их своими глазами:

«Конечно, я и тут остаюсь верен себе, я догадываюсь, что ведь и я могу устроить новую пакость и кассиру, и кондуктору: я на следующей станции хватаю свой сак и перебегаю в другой вагон, даже и не в третий, а еще хуже — в четвертый, в самую гущу “презренных дикарей”... Но сколько же крови стоит мне это невиннейшее желание проехаться с ними, сколько крепчайших, чисто русских слов посылаю я по адресу просвещеннейшей Британии, вскакивая в этот четвертый класс, удушающий, как полок в бане, и, как баня в субботу, набитый черными и шоколадными телами, которые только по бедрам прикрыты мокрыми от пота тряпицами!

...Качаются головы на этих телах, сидящих и стоящих в полутемном от наружных навесов над окнами вагонов, мчится полутемный вагон в бездне белого, ослепительного зноя, лющегося с неба на радостную, райски богатую землю, чутко отдается татаканье колес от цветущих, бесконечных лесных дебрей, летящих назад, мимо...

— Курумба-а! — звонко и жалобно кричат на остановках продавцы кокосовых орехов...»²⁶⁰

Правда, в журнальной публикации рассказа «Третий класс» путешественник уже остается на своем месте, не находя в себе сил противостоять «анафемской великой Британии»:

«— Курумба-а! — горестно и звонко кричат на остановках продавцы кокосовых орехов, под сухой шорох босых ног, бегущих мимо моего купе. И я думаю:

— Сейчас вскочу и перебегу, назло этой анафемской великой Британии, в другое купе, или даже в четвертый класс, в ва-

²⁶⁰ Там же. С. 108–109.

гон, набитый, точно баня в субботу, сидящими и стоящими, черными и шоколадными телами, которые только по бедрам повязаны мокрыми от пота тряпицами!

Но думая так, я почему-то не двигаюсь с места. Какая-то горестная покорность овладевает мною»²⁶¹.

В окончательном варианте текста Бунин возвращается к «победе» над Британией. Рассказ заканчивается так:

«— Курумба-а! — горестно и звонко кричат на остановках продавцы кокосовых орехов под сухой шорох босых ног, бегущих мимо моего купе.

И на одной из следующих остановок, я, как вор, перебегаю в четвертый класс, в вагон, набитый сидящими и стоящими, черными и шоколадными телами, которые только по бедрам повязаны мокрыми от пота тряпицами»²⁶².

Существенно отличается от итогового и финал произведения — как в «Записной книжке», так и в журнальном варианте рассказа «Третий класс». Эти изменения позволяют понять, как постепенно трансформируется авторский замысел. В «Иллюстрированной России» исторический публицистический подтекст уже менее заметен, чем в «Записной книжке», а в итоге противостояние повествователя и Запада, воплощенного в образах англичан, трансформируется в конкретно-ситуативное столкновение, верх в котором в конечном итоге все же одерживает повествователь (указание на повторимость также убирается).

В «Записной книжке»:

«И опять, четко татакая, несется вагон, опять летят мимо окон джунгли, с райской нежностью синеют медленно проходящие за деревьями долины и слоновобразные вершины гор...

Какой бег, какой наглый и чудесный поезд, как властно прорезает он этот Эдем!

Горе вам, “презренные дикари”!»²⁶³.

²⁶¹ Иллюстрированная Россия. 1926. № 7 (40). 13 февраля. С. 2.

²⁶² Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 4. С. 191.

²⁶³ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 109.

В «Иллюстрированной России»:

«И опять, четко татакая, несется вагон, опять летят мимо окон джунгли, с райской нежностью синеют медленно проходящие за чащей деревьев слонообразные вершины гор и глубокие долины...

Какой победоносный бег, какой наглый и мощный поезд, как властно и уверенно прорезает он этот от века цветущий Эдем!»²⁶⁴.

«Записную книжку» пишет эмигрант, и Бунин не дает читателям забыть об этом, объясняя, почему он в 1921 г. вдруг обращается в публицистике к временам дореволюционным:

«Мог ли я тогда думать, что благодаря “завоеваниям великой российской революции” будут ходить эти палки и по русским головам, как уже не раз они ходили, например, в английских пропускных бюро в Константинополе!»²⁶⁵.

Рассказ «Третий класс» лишен всяких намеков на эмигрантский статус автора: эпизод из дореволюционной действительности прочитывается как воспоминания о дореволюционных же переживаниях.

Яркое публицистическое начало, необходимое Бунину в 1921 г. в газетном выступлении, в 1926 г. в «Иллюстрированной России» становится ненужным. Во-первых, этого не предполагает формат еженедельного иллюстрировано-литературного журнала. Во-вторых, хотя восприятие Бунина англичан-путешественников за прошедшие годы и не изменилось, оно уже не является художественной проекцией отношения англичан к России и к русским.

Ту же динамику — от публицистичности к художественности — мы видим и при трансформации «Окаянных дней». Правда, здесь большая степень художественности достигается не за счет устранения из текста значительной части публицистических элементов, а за счет самого факта существенного авторского вмешательства в текст, который изначально был заявлен как документальный.

Помещение «Окаянных дней» в собрание сочинений, изданном «Петрополисом», является очень значимым, поскольку

²⁶⁴ Иллюстрированная Россия. 1926. № 7 (40). 13 февраля. С. 2.

²⁶⁵ Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения. С. 107.

ку Бунин, как было отмечено, не переиздавал своих публицистических произведений. В сборники и тем более в собрание сочинений не включались даже такие знаменитые, программные выступления писателя, как «Суп из человеческих пальцев: Открытое письмо к редактору газеты “Таймс” Ив. А. Бунина», «Миссия русской эмиграции» и «Инония и Китеж». А «Окаянные дни» Бунин не просто поместил в собрание сочинений 1935 г., но и озаглавил так 10 том, в котором оно размещено.

При публикации в газете «Возрождение» определяющей для Бунина являлась установка на документальность. (О публикации «Окаянных дней» в газете «Возрождение» и о соотношении художественности / документальности / публицистичности в газетной редакции см. подробнее в статье «И.А. Бунин в газете “Возрождение”» в настоящем издании). В книжной редакции «Окаянных дней», напротив, важной становится художественная составляющая текста. На это указывает сам факт включения «Окаянных дней» в собрание сочинений, вышедшее в издательстве «Петрополис», куда не вошли собственно публицистические произведения Бунина.

В десятом томе «Окаянные дни» являются своего рода промежуточным звеном между художественной прозой и мемуарной, примыкая за счет отождествления образа автора записей с Буниным к последней. Контекст в данном случае вновь имеет важное значение. Открывающий том рассказ «Последняя весна» написан в дневниковой манере, от первого лица и начинается с жесткой привязки к дате, хотя и выраженной не календарно, без указания числа и месяца: «Шестая неделя, а еще совсем зима»²⁶⁶. И в дальнейшем развитие действия в рассказе постоянно фиксируется во времени и пространстве, как это принято в дневниках: «Встал в пять часов, оделся и вышел из дому»²⁶⁷; «После обеда ездили к Знаменскому»²⁶⁸; «Вечером пошли на Прилепы, в господское поместье <...>»²⁶⁹; «Нет,

²⁶⁶ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. С. 7.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же. С. 8.

уже весна»²⁷⁰; «Вечером в Полевое»²⁷¹; «Когда вышли — лунная ночь»²⁷²; «Страстной понедельник»²⁷³ и т. д. Та же сюжетно-композиционная схема использована и в идущем вторым рассказе «Последняя осень». «Брань» написана в форме диалога, т. е. построена как непосредственная запись происходящего, а завершается том мемуарными очерками «Чехов» и «Толстой».

Текст «Окаянных дней», опубликованный в собрании сочинений, существенно переработан в сравнении с газетным, что, естественно, недопустимо для дневника как документальной формы. Безусловно, при перепечатках дневников авторы (или публикаторы) могут вносить в них какие-то изменения, в том числе и подобные тем, что производит Бунин, — раскрывать, уточнять или, наоборот, скрывать какие-то имена и фамилии, восстанавливать пропуски или, напротив, делать их. Однако при републикации документальной прозы, авторы не занимаются, как это делает Бунин, совершенствованием стиля. Конвенционально допустимыми при републикации дневника считаются обусловленные разными причинами (от защиты личной информации до устранения не представляющих интереса записей), купюры, но никак не позднейшие изменения и дополнения. Бунин же вносит в текст множество значимых исправлений, уточняющих и корректирующих позицию автора дневника, заявленную как «непосредственная» и зафиксированную печатно в таком качестве при первой публикации. Приведем лишь два примера того, как изменения, внесенные в небольшой фрагмент записи от 12 апреля «Из одесского дневника 1919 г.», впервые опубликованной в «Возрождении» 3 июня 1925 г. (№ 1. С. 2), существенно меняют эмоциональную окраску высказывания. Из предложения: «Какое вообще громадное место занимает смерть, мысль о ней, страх перед ней в нашем и *без того крохотном* существовании!» в собрании сочинений убраны слова «мысль о ней, страх перед ней» и курсив. Из предложения: «И образовался на земле уже целый несметный легион

²⁷⁰ Там же. С. 10.

²⁷¹ Там же. С. 11.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же. С. 12.

специалистов, подрядчиков по устройению человеческого благополучия, которые день и ночь долбят об этом светлом будущем, спекулируя на нем или просто дурача себя и других», — убраны определение «несметный» и все придаточное предложение после слова «благополучие»²⁷⁴.

И в газетной, и в книжной редакции «Окаянных дней» важную роль играет сравнение русской и французской революции. Вот как он выглядит в «Возрождении»:

«Как они одинаковы, все эти революции! Вот, например, во время “великой” французской революции: историки говорят, что сразу же была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров, — непременно почему-то комиссаров, — и вообще всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли, как грибы и все “пожирали друг друга”, образовался совсем новый, особый язык, “сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью по адресу *грязных остатков издыхающей тирании...*” Вспоминая, перечитывая все это, просто теряешься от изумления: да что же это значит, что наша (тоже “великая”) так яростно копирует, с такой алчностью инсценирует буквально на каждом шагу французскую! Все, вероятно, потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций — бешеная жажда игры, лицедейства, масок, позы, подмостков, балагана со всем его криком и гамом. В человеке просыпается обезьяна...»²⁷⁵

Исправляя этот фрагмент для книжного издания, Бунин убрал, во-первых, определение «великой», а во-вторых, столь важные при публикации в парижской газете слова о том, что «наша (тоже “великая”)» так яростно копирует, с такой алчностью инсценирует буквально на каждом, шагу французскую!». Заключительный фрагмент (после слов «издыхающей тирании...») в собрании сочинений выглядит так: «Все это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных

²⁷⁴ Там же. С. 78.

²⁷⁵ Возрождение. 1925. 3 июня. № 1. С. 2.

черт революций — бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна»²⁷⁶. Таким образом, в книжной редакции большевики уже не предстают как ученики, подражающие учителям-французам: и те, и другие теперь проявляют заложенное в человеке обезьянье начало — оно не появляется, а просыпается.

Есть в этой части и еще одно существенное изменение. Бунин убирает упоминание историков — слова «историкки говорят» и «вспоминая, перечитывая все это», связывающие приведенные в кавычках характеристики с источниками. Между тем, в газетной редакции эта связь была важна: указание на нее в первом же фрагменте логически приводило затем и автора, и читателей к исследованиям французского историка Ж. Ленотра.

В газетной редакции «Возрождения» одним из смысловых центров являлся фрагмент о Сен-Жюсте, опубликованный 12 августа 1925 г. и датированный ночью на 6 мая. В самом его начале Бунин дает оценку и Ленотру и французской революции, причем оценки эти диаметрально противоположны: «Читаю Ленотра (“*Vielles maisons, vieux papiers*”)²⁷⁷. Замечательный историк, замечательный писатель, человек, всю жизнь отдавший изучению французской революции, из которой сто лет творили столь вредоносную легенду, и освещающий ее совершенно новым светом, человек, которому при жизни нужно поставить памятник, а кто его знал и знает в России? А ведь подобные книги даже правительство должно было издавать и распространять в сотнях тысяч экземпляров»²⁷⁸.

Примечательно, что здесь с Россией связывается не только французская революция, но и книги Ленотра. И все же высокие оценки книги Ленотра, которыми открывается и завершается запись, не должны отвлекать читателей от главного — характеристики деятелей французской революции и даваемой через эти характеристики оценки самой революции. Ленотр важен

²⁷⁶ Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. С. 77.

²⁷⁷ *Lenotre G. Paris révolutionnaire. Vielles maisons, vieux papiers. Première serie. Deuxième édition. Paris: Libraire Académique Didier Perrin et C, Libraires-Éditeurs, 1904.*

²⁷⁸ Возрождение. 1925. № 71. 12 августа. С. 2.

прежде всего потому, что его книгу можно использовать для подкрепления правоты собственных суждений. Это не просто впечатления от прочтения книги, хотя дневниковые рассуждения структурно и подаются таким образом. В газетной редакции Бунин начинает с того, что приводит название книги Ленотра — «*Vielles maisons, vieux papiers*», но если бы он намеревался писать о сочинении Ленотра, то, вероятно, следовал бы в записи, как и в чтении, авторской логике, сохранял принятую в книге последовательность. Но для изложения выбирается очерк о Сен-Жюсте («*Saint-Just a Blérancourt*»), который помещен в книге Ленотра предпоследним, четырнадцатым из пятнадцати вошедших в «первую серию».

В 1919 г. определенную роль могло сыграть то, что Бунин, вероятно, знакомился с книгой Ленотра по переводам А.А. Кипена, но главным является все же другое. Очерки, с которых начиналась книга, — о Камилле Демулене, о мадемуазель Робеспьер — не позволяли проиллюстрировать главную идею дневниковой записи, в которой образ «великого друга человечества, одного из величайших революционеров мира» трансформируется в «самодержавно правившего Францией и заливавшего ее кровью вместе с этой безногой ехидной Кутоном и кретином Робеспьером».

Опираясь на очерк Ленотра, Бунин показывает, что в характере Сен-Жюста не было ничего «великого», а вся его революционность сводилась к моральной разнузданности и желанию любой ценой занять положение в обществе:

«Теперь, говорит Ленотр, с достоверностью установлено, что в отрочестве Леонард-Флорелль Сен-Жюст (рано лишившийся крутого отца и ни в грош не ставивший мать), был просто-напросто буйным уличным мальчишкой со многими неприятными задатками. <...>

Он, этот будущий “друг народа”, даже съездил в Париж с специальной целью “прибести себе хорошие манеры”, а возвратясь, хвастал, что в Париже ему обеспечено место в королевской гвардии. Он рассказывал, что в Суасоне ему “нет отбоя от великосветских дамочек”, стал внедрять среди своей родной “деревенщины” охоту “к вольным и нежным забавам” и так

преуспел в этом, что вскоре в Блэранкуре поднялся целый хор жалоб отцов и мужей прекрасного пола».

Бунин близко к тексту пересказывает отдельные фрагменты очерка Ленотра: о том, как будущий «друг человечества» обесчестил дочь королевского нотариуса и обокрал собственную мать, так что у читателя не остается сомнений в абсолютной безнравственности человека, входившего в монтаньярский триумвират.

Описывая дальнейшую судьбу Сен-Жюста, Бунин использует модель «из грязи в князи».

Обратим внимание на то, что в самом очерке Ленотра нет слов «революционер», «революционный». Лишь один раз он упоминает о «контрреволюционерах»²⁷⁹, и однажды использует слово «революция», приводя слова маркизы де Креки: «Trois femmes qui crient, disait la vieille marquise de Créquy, font plus de bruit que cent mille hommes qui se taisent. Voilà le secret de bien des revolutions» («Три женщины, которые кричат, говорила старая маркиза де Креки, шумят больше, чем сто тысяч мужчин, которые молчат. Вот секрет многих революций»)²⁸⁰.

В «Окаянных днях» разоблачение одного из вождей революции смыкается с разоблачением самой революции, которая определяется не через заявленные великие цели «свободы, равенства, братства», а через подлинные, с точки зрения Бунина, движущие ее силы: преступную волю стремящихся к личному преуспеянию ничтожеств. Бунин сплетает свои оценки революции и ее вождей с прямыми (в кавычках) или косвенными цитатами из Ленотра, так они выглядят как одно целое. К примеру, Ленотр начинает свой рассказ о племяннице Сен-Жюста так: «Dans la maison qu'habine aujourd'hui, honorét et aimée de tous, la petite niece du conventionnel, j'ai vécu quelques heures précieuses». А в «Окаянных днях» на первый план в изложении этого фрагмента выходит бунинская характеристика Сен-Жюста: «А в доме, где живет теперь племянница этого великого злодея и скверного актера <...>».

²⁷⁹ Lenotre G. Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers. P. 333.

²⁸⁰ Ibid. P. 332.

Бунин резко отрицательно оценивает не только революцию и Сен-Жюста, но и его «простодушных соотечественников», допустивших ничтожество к власти. Фактически она называет Францию и Европу дурами: «Госпожа Сен-Жюст, однако, была взбешена на этот раз по-настоящему. Кроме того, она оказалась все-таки не такой уж душой, как предполагал ее сынок, — во всяком случае не такой, как Франция да и вся Европа, которую удалось ему так блестяще одурачить впоследствии».

Фрагмент, опубликованный в «Возрождении» 12 августа, был посвящен Ленотру целиком — французский историк упоминался и в первом («Читаю Ленотра (“Vielles maisons, vieux papiers”)»), и в последнем предложениях, где «герои» французской революции прямо связывались с «героями» революции русской:

«Да, да, разукрасит — на время, конечно, — история и наших кровавых прохвостов. Уж на что хорош Луначарский (на Капри, над гробиком своего ребенка, читал “Литургию Красоты” Бальмонта). Но и Луначарского разукрасит.

“Еще не настало время для объективной оценки русской революции”. Да пропади вы пропадом со своей будущей объективностью! Нет, мы должны всеми силами стараться лишить вас этого удовольствия своей живой субъективностью. А то поди дожидайся в могиле своего Ленотра!»

В фрагменте, напечатанном в «Возрождении» 15 августа, Бунин не касается Ленотра: размышления и рассуждения автора в этой части основываются на цитатах из русских историков и писателей. Но затем, 29 августа, он вновь обращается к книге французского историка, прямо сравнивая вождей двух революций: «Как раз читаю Ленотра. Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были не плохи».

Для иллюстрации на этот раз берется очерк Ленотра о Кутоне:

«Кутон, говорит Ленотр, Кутон диктатор, ближайший сподвижник Робеспьера, лионский Атилла, законодатель и садист, палач, отправлявший на эшафот тысячи ни в чем невинных душ, “страстный друг Народа и Добродетели”, Кутон, как из-

вестно, был калека, колченогий. Но как, при каких обстоятельствах потерял он ноги? Оказывается, очень просто и постыдно. Теперь открылось с полной достоверностью, что дело было так: Кутон проводил ночь у своей любовницы, муж которой отсутствовал. Все шло прекрасно, как вдруг — стук, шаги возвращающегося мужа. Кутон вскочил с постели и прыгнул в окно во двор — и угодил как раз в выгребную яму. Просидев там до рассвета, он навсегда лишился ног, — они у него отнялись на всю жизнь».

К рассказу о Кутоне Бунин возвращается 14 ноября — в первом из «заключительных» четырех фрагментов, которые печатались уже с подзаголовком «Из одесских заметок 1919 г.». Эта запись датирована 9 июня. В «Возрождении» предшествующий фрагмент печатался 19 сентября, так что новая публикация воспринимается большинством уже вне прямой связи с предыдущей записью от 7 июня, которая, вероятно, по авторскому замыслу изначально должна была стать завершающей. Во всяком случае на это указывают и ее графическое оформление (два последних предложения следуют после обозначенной чертой отбивки), и содержание заключительного абзаца: «Сумасшедшие слухи о Деникине, об его успехах. Решается судьба России».

Начало записи от 9 июня прямо соотносено с предшествующей («В газетах все то же — “Деникин хочет взять в свои лапы очаг” — и все та же страшная тревога за немцев за то, что им придется подписать “позорный” мир»), и в книжной редакции эта связь, естественно, является определяющей. Но в газетном контексте «французские» мотивы записи воспринимаются не менее значимо. Здесь Бунин начинает свое рассуждение с «французов» и, прежде чем перейти к Ленотру, упоминает Шиллера, Андре Шенье и Наполеона:

«Попытка французов восстановить священные права людей и завоевать свободу обнаружила полное человеческое бессилие... Что мы увидели? Грубые анархические инстинкты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи и с непреодолимой яростью стремятся к животному самоудовлетворению... Но явится какой-нибудь могучий человек, который

укротить анархию и твердо зажмет в своем кулаке бразды правления!».

Удивительней всего то, что эти слова, столь дивно оправдавшиеся на Наполеоне, — принадлежат человеку, бывшему до французской революции страстным революционером, певцом “Колокола” Шиллеру.

А Шенье? Перед эшафотом он воскликнул:

— Как! Умереть, не плюнувши в лицо революционному террору?

— А Наполеон?

— Что сделало революцию? Честолюбие. Что положило ей конец? Тоже честолюбие. И каким прекрасным предлогом дурчить толпу была для нас всех свобода!»

Обращаясь затем к очерку Ленотра о коляске Кутона («La brouette de Couthon»), Бунин не просто излагает его содержание. Он создает художественный образ «одного из триумфиров, ближайшего друга и сподвижника Робеспьера», который предстает перед читателями как «свирепая гадина»:

«Должно быть, жуткое это было зрелище, вид этого человеческого обломка, который неся среди толпы на своей машине-трещотке, наклонив вперед туловище с завернутыми в одеяло мертвыми ногами, обливаясь потом и все время крича: “сторонись!” — а толпа шарахалась в разные стороны в страхе и изумлении от противоположности между жалким видом этого калеки и тем ужасом, который вызывало одно имя его!»²⁸¹

Сен-Жюста и Кутона мы видим в «Окаянных днях» не глазами Ленотра, а глазами Бунина. Это взгляд на историю французской революции сквозь призму человека, оказавшегося захваченным современной русской революцией. И регулярные ссылки на книгу Ленотра нужны в «Возрождении», чтобы негативная оценка французской революции не воспринималась аудиторией как взгляд русского «со стороны».

В собрании сочинений Бунин уже не считает нужным столь акцентированно ссылаться на французского историка.

²⁸¹ Возрождение. 1925. 14 ноября. № 165. С. 2–3.

Характеристика Ленотра и его книги изымается Буниным из книжной редакции вместе со всей записью «Ночь на 6 мая». В собрании сочинений за «5 мая» сразу следует 8 мая. Опущена и первая часть записи, датированной «6 мая», причем вместе с датировкой, так что вторая часть записи, в газетной редакции датированной 6 мая, сливается с записью от 5 мая. Благодаря такому пропуску отчасти меняется и логика повествования. В книге от цитат из статьи Подвойского в киевских «Известиях», выступления Раковского, речи Горького на съезде Третьего Интернационала «День великой лжи» и не раз использованной Буниным публикации из горьковской газеты «Новая жизнь» от 6 февраля 1918 г., в которой большевики называются «компанией авантюристов», Бунин практически сразу переходит к цитатам из Аксакова, Ключевского, Достоевского, Герцена, Соловьева, Костомарова, тем самым напрямую связывая происходящее сейчас с «повторяемостью» русской истории. В газетной редакции между ними стоит Ленотр. Начало записи от 6 мая в собрании сочинений перепутано при наборе: оно стоит после записи от 8 мая (начинается в книге, как и в газете, словами «Иоанн, тамбовский мужик Иван, затворник и святой») — и в таком виде по-прежнему воспроизводится при переизданиях²⁸².

Устойчивая надежда на вмешательство со стороны как на единственную реальную возможность спасения России от большевиков является одним из лейтмотивов «Окаянных дней». При этом характеристики французов и немцев строятся Буниным по-разному. Французы противопоставляются в «Окаянных днях» немцам, на которых когда-то тоже возлагали надежду на спасение от большевизма. В записи от 22 апреля автор вспоминает о конце марта 1917 г.:

«Большой, толстый, князь кричит, театрально сжимая свои маленькие кулачки:

— Помните, господа: гусский сапог безжалостно газдавит нежные гостки гусской свободы! Все на защиту ея!

²⁸² Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Советский писатель, 1990. С. 135.

Устами князя говорили тогда сотни тысяч уст. Нечего сказать, нашли от кого защищать “русскую свободу”! От тех самых пруссаков, которые целые десятилетия лелеяли мечту о ней, — изучая ради нее русских, как Брем изучал животных, — и которые увидели, наконец, свою мечту осуществленной!

А что было зимой 18 года? Те же сотни тысяч возложили все свои упования на спасение (уже на спасение этой самой русской свободы) опять-таки на немцев! Вся Москва бредила их приходом»²⁸³.

В книжном издании Бунин существенно изменяет данный фрагмент, скорректировав характеристику немцев. Последнее делается при подготовке собрания сочинений в ряде произведений, что объясняется местом его издания (Берлин). Но в «Окаянных днях» авторские исправления не просто смягчают оценки немцев, как происходит в иных случаях, но и снимают суть противопоставления немцев и французов как двух сил, на которые русские возлагали надежды на спасение. В собрании сочинений Бунин существенно сокращает вторую часть фрагмента, и карикатурное изображение князя Трубецкого, который в книге называется по фамилии, фактически заслоняет доминировавший прежде мотив — немцы могли стать лишь мнимыми спасителями, поскольку на самом деле стремились уничтожить Россию:

«Устами князя говорили тогда сотни тысяч уст. Нечего сказать, нашли для кого защищать “русскую свободу”!

Зимой 18 года те же сотни тысяч возложили все свои упования на спасение (только уже не русской свободы) именно через немцев. Вся Москва бредила их приходом»²⁸⁴.

В газете в записи от 13 июня фиксируется реакция на известие о заключении мира. Франция Буниным прямо не называется, но мольбы о помощи обращены в первую очередь к ней:

«Да, мир подписан. И не может, чтобы не подумали теперь о России. Вот уж истинно: “Ратуйте, хто в Бога вируе!” Неисто-

²⁸³ Возрождение. 1925. 11 июня. № 9. С. 2.

²⁸⁴ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10: Окаянные дни. С. 102.

вым криком о помощи полны десятки миллионов русских душ. Ужели не вмешаются в эти наши “внутренние дела”, не ворвутся наконец в соседний дом, где бешеная горилла уже буквально захлебывается кровью? Если нет, будь проклят день и час рождения нашего <...>»²⁸⁵

В книжной редакции фрагмент этот изменен: «Да, мир подписан. Ужели и теперь не подумают о России? Вот уж истинно: “Ра-туйте, хто в Бога вируе!” Неистовым криком о помощи полны десятки миллионов русских душ. Ужели не вмешаются в эти наши “внутренние дела”, не ворвутся наконец в наш несчастный дом, где бешеная горилла уже буквально захлебывается кровью?»²⁸⁶

Бунин убирает категоричность высказывания, заменяя «невозможность» («И не может, чтобы не подумали теперь о России») на возможность («Ужели и теперь не подумают о России?»). Эпитет «несчастный» вместо определения «соседний» также подчеркивает призрачность надежд. Убирается и призываемое автором проклятие, которое должно было осуществиться, поскольку никто так и не вмешался в российские «внутренние дела».

Вносимые при подготовке книжной редакции в текст исправления в целом ряде случаев связаны с изменением тональности высказываний, которое продиктовано изменением места и времени публикации. В пятом фрагменте, завершающем первую часть публикации «Окаянных дней» в 1925 г., содержатся важные с точки зрения общей позиции «Возрождения» и полемике с «Последними новостями» суждения Бунина о русской прессе, у которой, с его точки зрения, и до революции определяющим был антироссийский пафос: «Понедельник, газет нет, отдых в моем помешательстве (с самого начала войны) на чтении их. Зачем я над собой зверствую, рву себе сердце этим чтением? Ведь и до большевиков во всех этих листках не было ровно ничего, кроме ненависти к прежней России...»²⁸⁷. В собрании сочинений Бунин удаляет из текста заключительное предложение²⁸⁸.

²⁸⁵ Возрождение. 1925. 5 декабря. № 186. С. 2–3.

²⁸⁶ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. С. 201.

²⁸⁷ Возрождение. 1925. 11 июня. № 9. С. 2.

²⁸⁸ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. С. 103.

Надежда на освобождение в газетной редакции сменялась надеждой на отмщение: «Когда совсем падаешь духом от полной безнадежности насчет себя лично и России, ловишь себя на другой сокровенной надежде, на мечте, что все-таки настанет же когда-нибудь день отмщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням. Нельзя быть без этой надежды. Ведь это истинно сам Бог говорит во мне, “Господь ревнитель и мститель”, ненавидящий и долженствующий сокрушать и карать дьявола. Да, но во многих ли Он говорит теперь? Поминутно выскальзывает из рук и эта последняя надежда. Во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?»²⁸⁹. В собрании сочинений Бунин значительно смягчил эту запись, убрав идею последней надежды на божественную кару (от слов «Ведь это истинно» до слов «последняя надежда»)²⁹⁰.

Трансформация текста «Окаянных дней» связана не только с сокращениями. По-иному читать текст побуждала и новая его композиция, и появление фрагментов, которых не было в газетной редакции.

В десятом томе собрания сочинений, вышедшем в берлинском издательстве «Петрополис» в 1935 г., «Окаянные дни» начинались записью, сделанной в Москве 1 января 1918 г. и сразу отсылающей к событиям предшествующего, 1917 г.: «Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так»²⁹¹. Таким образом, все, происходящее в дальнейшем, в том числе и одесские события 1919 г., сразу связывалось с революцией: она заявлялась в качестве отправной точки, в качестве начала «окаянных дней». В газете все было иначе: публикация московского дневника следовала за одесской частью, причем после долгого перерыва.

Кроме того, если в «одесской» части мы видим в книге сокращения фрагментов в сравнении с газетной редакцией, то в московской она, напротив, больше, чем публикации в «Возрождении». Публикация «Окаянных дней» в «Возрождении» воз-

²⁸⁹ Возрождение. 1925. 18 июля. № 46. С. 2.

²⁹⁰ Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. С. 123.

²⁹¹ Там же. С. 35.

обновляется с 25 марта 1927 г. Датировка, как и в случае с «Окаянными днями», печатавшимися в «Возрождении» в 1925 г., выносится автором и редакцией в подзаголовок: «МОСКВА, 1918 г.» (№ 661. С. 2). Затем фрагменты «Окайных дней» помещаются 2 апреля (№ 669. С. 2), 16 апреля (№ 683. С. 2), 4 июня и, наконец, 18 июня (№ 746. С. 2). Последний фрагмент содержит записи от 2, 3–9 и 10 марта. Финальная запись от 10 марта в газетной редакции значительно больше, чем в книжной, и включает в себя две больших цитаты из бунинских стихотворений. Эта запись — и цитата, которой завершается запись, в газетном контексте вполне может рассматриваться как итоговая, не предполагающая продолжения:

Смятенье, крик и визг рыбалок.
На сальной радужной волне...
Да, мир людей и зол и жалок
И в нем порою тяжко мне.

Вот: сколько ярости бессильной,
Чтоб растащить тугой моток
Кишки зеленовато-мыльной,
Что пароходный бросил кок!

Впрочем, «незавершенность» публикации «московского» дневника в газете можно объяснить и тем, что Бунин был вынужден внезапно прервать свое сотрудничество с «Возрождением». Последней его публикацией в 1927 г. стали «Сонеты», появившиеся в номере от 25 августа (№ 814. С. 2). И в тот же день Бунин направил в редакцию письмо, в котором сообщал о своем выходе из числа сотрудников редакции (см. об этом и о газетной редакции «Окайных дней» подробнее в статье «И.А. Бунин в газете “Возрождение” (1925–1927)» в настоящем издании).

И до революции, и в эмиграции Бунин стремится учитывать аудиторию, на которую ориентировано то или иное издание, — ее возрастные, национальные, социальные, мировоззренческие особенности. Он ведет постоянный диалог с читателем, и вносит в текст изменения, которые позволяют добиться наиболее

адекватного восприятия произведения (с точки зрения автора) при каждом его переиздании.

Бунин не просто создает все более и более совершенное с точки зрения стиля произведение. Он меняет текст в соответствии с требованиями конкретного времени восприятия.

Некоторые тексты требуют элементарной адаптации даже в первые послереволюционные годы, а уж тем более их придется переделывать, когда за границей вырастает новое поколение читателей. Это не отдельные исправления, которые можно было бы объяснить работой над стилем конкретного произведения, а четко прослеживаемая тенденция.

Бунин при позднейшей доработке в ряде случаев убирает или уточняет реалии, хорошо понятные «современникам», но утратившие актуальность и мало что говорящие спустя десятилетия русскому зарубежному читателю, особенно молодому. Иногда, наоборот, по прошествии времени Бунин считает необходимым добавить в текст нечто, проясняющее смысл. Встречаются при доработке текстов и элементы самоцензуры. Наиболее отчетливо это проявится позже, когда Бунин вынужден будет при подготовке книг в издательстве им. Чехова вносить в тексты поправки, связанные с пуританской требовательностью американского общества. А при подготовке текстов для включения в собрание сочинений, выпуском которого занималось берлинское издательство «Петрополис», Бунин внес существенные коррективы в те фрагменты, где в негативном ключе упоминались немцы (прусаки). Соображениями политкорректности могут быть объяснены и исправления, связанные с «национальными» характеристиками американцев в «Господине из Сан-Франциско». Изменения вносились как в дореволюционные произведения, так и в те, что были написаны уже в эмиграции.

Возрастающая временная дистанция влияет на оценку происходивших событий, степень эмоциональности высказывания. Прошедшие события до определенного момента продолжают восприниматься как часть настоящего, не как момент, а как период. А когда все же наступает новый период, граница между прошлым и настоящим фиксируется, и прошлое обретает законченность, завершенность. Мы не можем сказать, что подобные изменения «улучшают» текст, как происходит в

случае стилистической правки, но в то же время даже при «самоцензуре» Бунин не допускает изменений, которые могут сделать произведение хуже. Трансформация текстов определяется связью нового варианта (новой редакции) с определенным временем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бем А.Л.* Письма о литературе. Praha: Slovansky ustav euraslavica, 1996. 360 с.
- Бунин И.А.* Весной в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 236 с.
- Бунин И.А.* Петлистые уши и др. рассказы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 384 с.
- Бунин И.А.* Божье древо. Париж: Современные записки, 1931. 176 с.
- Бунин И.А.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Книгоизд-во писателей в Москве, [б. г.]. 192 с.
- Бунин И.А.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920. 214 с.
- Бунин И.А.* Грамматика любви: Избранные рассказы. Белград: Русская типография, 1929. 140 с. (Сер. «Русская библиотека». № 12).
- Бунин И.А.* Деревня; Суходол. Париж: Русская земля, 1921. 370 с.
- Бунин И.А.* Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929. 238 с.
- Бунин И.А.* Крик: Рассказы 1911–1912 гг. Берлин: Слово, 1921. 274 с.
- Бунин И.А.* Митина любовь / 2-е изд. Париж: Русская земля, 1930. 174 с.
- Бунин И.А.* Митина любовь. Париж: Русская земля, 1925. 204 с.
- Бунин И.А.* Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921. 270 с.
- Бунин И.А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. 416 с.
- Бунин И.А.* Перевал и другие рассказы / 4-е изд., испр. и доп. М.: Московское книгоизд-во, 1912. 342 с.
- Бунин И.А.* Полн. собр. соч. Пг.: А.Ф. Маркс, 1915. Т. 2: Рассказы 1892–1902 гг. 248 с.
- Бунин И.А.* Последнее свидание. Париж: Изд. т-ва «Н.П. Карбасников», 1927. 176 с.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / ред. О.Н. Михайлов; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1998. 640 с.
- Бунин И.А.* Рассказы. СПб.: Знание, 1902. 290 с.
- Бунин И.А.* Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. 312 с.
- Бунин И.А.* Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935–1936.
- Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. М: Худож. лит., 1988. Т. 4: Произведения 1914–1931. 704 с.
- Бунин И.А.* Солнечный удар. Париж: Родник, 1926. 164 с.

- Бунин И.А. Сочинения: Ночь отречения / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001. 448 с.
- Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014.
- Бунин И.А. Тень птицы. Париж: Современные записки, 1931. 207 с.
- Бунин И.А. Чаша жизни: Произведения 1913–1914 гг. Париж: Русская земля, 1922. 284 с.
- Николаев Д.Д. Специфика бытования текстов в литературе русского зарубежья 1920–1930-х гг. // Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 35–44.
- Николаев Д.Д. «Господин из Сан-Франциско»: история печатного текста и контекста // Ivan A. Bunins *Gospodin iz San-Francisko. Text — Kontext — Interpretation* (1915–2015). Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2015. S. 43–80.
- Рогачевский А. И.А. Бунин и «Хогарт Пресс» // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. 1 / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 333–353.
- Русская литература конца XIX – начала XX в. 1908–1917. М.: Наука, 1972. 736 с.
- Слово: сборник пятый: Ив. Бунин. Господин из Сан-Франциско. – Бор. Зайцев. Маша. – И. Сургучев. Мельница. – Н. Тимковский. Неугасимая. – К. Тренев. По тихой воде. – Ив. Шмелев. На большой дороге. М., 1915. 290 с.
- Lenotre G. Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers. Première serie. Deuxième édition. Paris: Librairie Académique Didier Perrin et C, Libraires-Éditeurs, 1904. 366 p.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-904-950>
<https://elibrary.ru/RTPQQK>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

УДК 821.161.1.0

«КРАТКИЕ РАССКАЗЫ» И.А. БУНИНА. ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЦИКЛА

© 2022 г. С.Н. Морозов

Аннотация: Цикл И.А. Бунина «Краткие рассказы» не раз становился предметом рассмотрения филологов и языковедов как в целом, так исследовались и отдельные его рассказы. Однако авторы работ прежде всего изучали поэтику рассказов данного цикла. В настоящей статье впервые исследуется текстология «Кратких рассказов» И.А. Бунина и творческая история цикла. На основе собранных архивных материалов (автографы, машинописи с авторской правкой, газетные вырезки с правкой автора) и печатных текстов (все прижизненные публикации рассказов данного цикла) рассматривается история создания «Кратких рассказов», постепенное объединение их автором в большой цикл. Также представлены критические отзывы об этих рассказах, приведенные цитаты из статей и рецензий наглядно показывают, как восторженно были приняты критиками эти новаторские произведения писателя. В статье последовательно изучены автографы, машинописи, все публикации 45 рассказов, входящих в этот цикл. Выборочно представлены примеры изменений автором текстов рассказов в разных публикациях. Приведенные примеры разночтений показывают тщательную и постоянную работу И.А. Бунина над текстами этих рассказов. В заключение рассматривается вопрос выбора основного текста и композиции публикации цикла «Краткие рассказы» в будущем научном Полном собрании сочинений И.А. Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин, проза, текстология, «Краткие рассказы», история цикла.

Информация об авторе: Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>. E-mail: morozov.sn@yandex.ru.

Для цитирования: Морозов С.Н. «Краткие рассказы» И.А. Бунина. Творческая история цикла // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 904–950. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-904-950>

“SHORT STORIES” BY I.A. BUNIN. CREATIVE HISTORY OF THE CYCLE

© 2022. **Sergey N. Morozov**

Abstract: I.A. Bunin's cycle “Short Stories” has repeatedly become the subject of consideration by philologists and linguists as a whole, and his individual stories have also been studied. However, the authors of the works primarily studied the poetics of the stories in this cycle. This article examines for the first time the textual structure of I.A. Bunin's “Short stories” and the creative history of the cycle. On the basis of archival materials (manuscripts, typescript with author's corrections, newspaper clippings with corrections by the author) and printed texts (all stories were published during his lifetime) discusses the history of the “Short Stories”, a gradual unification of their author in a big cycle. Critical reviews of these stories are also presented, and quotes from articles and reviews clearly show how enthusiastically these innovative works of the writer were perceived by the critics. The article consistently examines autographs, typewriting, and all publications of 45 stories included in this cycle. Examples of changes made by the author to the texts of stories in different publications are presented selectively. These examples of discrepancies show the careful and constant work of I.A. Bunin on the texts of these stories. In conclusion, we consider the choice of the main text and composition of the publication of the cycle “Short stories” in the future scientific Complete works of I.A. Bunin.

Keywords: I.A. Bunin, prose, textology, “Short Stories”, story of the cycle.

Information about the author: Sergey N. Morozov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>. E-mail: morozov.sn@yandex.ru.

For citation: Morozov, S.N. “‘Short Stories’ by I.A. Bunin. Creative History of the Cycle.” *Russian Émigré Literature, 1920–1940. Writer in Literary Process (to the 150th Anniversary of I.A. Bunin's Birth)*. Ex. ed. Yu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 904–950. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-904-950>

В художественной прозе И.А. Бунина имеется целый ряд произведений, которым автор дал общее заглавие «Краткие рассказы». Исследователи творчества И.А. Бунина не раз обращались к изучению этого цикла в целом¹, были попытки рас-

¹ Цебоева М.П. О некоторых жанровых и стилистических особенностях цикла «Краткие рассказы» И.А. Бунина // Ученые записки

сма­тривать и отдельные его рас­сказы². Ин­терес к этому циклу рас­сказов пи­сателя был настолько г­лубок, что была защищена дис­сертация, рас­сма­тривающая его се­ман­ти­че­скую компози­цию³. Как видно из пред­став­лен­ного списка ли­те­ра­ту­ры, все ав­то­ры ис­сле­до­ва­ли поэ­ти­ку «Кратких рас­сказов», со­дер­жа­ние, компози­цию и лек­си­ку этих про­из­ве­де­ний, пы­та­лись опре­де­лить их место в твор­че­стве пи­сателя. Од­на­ко до на­сто­я­ще­го вре­мени пока не рас­сма­тривалась тек­сто­ло­гия «Кратких рас­сказов» И.А. Бунина и твор­че­ская ис­то­рия цикла.

Бу­нин начал соз­да­вать «Краткие рас­сказы» в 1930 г. Эти про­из­ве­де­ния дей­стви­тельно от­ве­ча­ли сво­ему об­ще­му за­гла­вию,

Кишиневского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Кишинев, 1970. Т. 88, № 2. С. 96–107; *Магазанник Е.П.* «Краткие рассказы» И.А. Бунина: (Идеи, поэтич. структура) // Вопросы теории и истории литературы / отв. ред. Е.П. Магазанник. Самарканд, 1977. С. 40–51. (Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои; Вып. 320); *Магазанник Е.П.* «Краткие рассказы» И.А. Бунина в свете поэтики // Проблемы поэтики. Самарканд, 1978. Т. 4. С. 33–40. (Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои; Вып. 361); *Никольская Л.Д.* Значение «Кратких рассказов» в эволюции творчества И.А. Бунина // Проблемы истории критики и поэтики реализма: Межвузовский сб. / Куйбышев. гос. ун-т; отв. ред. Л.А. Финк. Куйбышев, 1978. Вып. 3. С. 99–113; *Проходова В.П.* О поэтике малой формы: образ автора в цикле миниатюр М. Коцюбинского «Intermezzo» и «Кратких рассказах» И. Бунина // Вопросы литературы народов СССР: Респ. межвед. науч. сб. / Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова; отв. ред. В.В. Фашенко. Киев; Одесса, 1986. Вып. 12. С. 107–116; *Мезинова Г.Н.* Народное слово в «Кратких рассказах» И.А. Бунина // Русская речь. 1987. № 3. С. 103–107; *Пономарев Е.Р.* «Краткие рассказы» и папки набросков: Формы дискретного нарратива в творчестве И.А. Бунина 1930-х годов // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева*. М., 2019. С. 690–709.

² *Авилова Н.С.* «Петухи опевают ночь» // Русская речь. 1970. № 3. С. 27–28. О метафоре в рассказе «Петухи»; *Магазанник Е.П.* От поэтической структуры к художественным обобщениям в новелле Бунина «Роман горбуна» // Труды Самаркандского университета. 1977. Вып. 311. С. 42–46; *Гулова И.А.* «Жизнь, тайна которой есть наше вечное и великое мучение...»: Об эссеистичности рассказа И.А. Бунина «Ущелье» // Русский язык в школе. 1998. № 5. С. 56–63.

³ *Сергеева Г.Н.* Семантическая композиция цикла кратких рассказов И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 243 с.

некоторые из них не превышали десяти строк, а самые «длинные» — около трех страниц. Это был своего рода творческий эксперимент И.А. Бунина: попытка максимально сжать содержание рассказа, представив читателю только суть, самое яркое событие, наблюдение, типаж человека, настроение.

Следует отметить, что Бунин в творчестве всегда стремился к краткости. При этом многие его рассказы (и дореволюционные, и эмигрантские) по своему содержанию похожи на повести или романы. Бунин в эмиграции уже давно задумывался о совсем коротких рассказах. Е.Р. Пономарев справедливо отметил: «Несколькими подходами к этой принципиальной краткости были минициклы, называвшиеся “Короткие рассказы”»⁴ и далее упомянул три подборки рассказов Бунина 1924–1925 гг.⁵ Но пока это были только подступы к той творческой идее, которая начала воплощаться писателем в 1930 г.

Г.Н. Кузнецова в «Грасском дневнике» записала такие слова И.А. Бунина: «Между прочим, И.А. сказал, что ему кажется, что надо писать совсем маленькие сжатые рассказы в несколько строк и что, в сущности, у всех самых больших писателей есть только хорошие места, а между ними — вода»⁶ (запись от 1 октября 1930 г.).

Возможно, первая попытка написания подобных текстов относится к весне 1930 г. Результатом этой работы стала публикация подборки рассказов под общим заглавием «Далекое»: «Ущелье», «Пожар», «Дедушка», «Красные фонари», «Сказки»

⁴ Пономарев Е.Р. «Краткие рассказы» и папки набросков: Формы дискретного нарратива в творчестве И.А. Бунина 1930-х годов // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева* / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2019. С. 691.

⁵ Бунин И.А. Вне: Именины, Музыка, Жучки // *Звено*. 1924. 24 ноября. № 95. С. 2; Бунин И.А. Короткие рассказы: Святитель, Слепой // *Иллюстрированная Россия*. 1924. № 9. 15 декабря. С. 1–2; Бунин И.А. Короткие рассказы: Русак, На гумне // *Иллюстрированная Россия*. 1925. № 15. 15 марта. С. 1–2.

⁶ Кузнецова Г.Н. *Грасский дневник*. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 172.

(Последние новости. 1930. 8 июня. № 3364. С. 2–3). Здесь пока и общее заглавие другое («Далекое»), но первые четыре произведения из этой подборки («Ущелье», «Пожар», «Дедушка», «Красные фонари») позднее писатель включил в книгу «Божье древо» (Париж, 1931), — это доказывает, что данные тексты тоже относились к «кратким рассказам», которые почти все были включены в этот сборник.

Затем, уже под общим заглавием «Краткие рассказы» было напечатано 19 текстов без самостоятельных заглавий, а разделенных между собой звездочками (Последние новости. 1930. 21 сентября. № 3469. С. 2–3). Позднее они получили следующие заглавия: «Свидание», «Петухи», «Полдень», «Бродяга», «Муравский шлях», «Илюшка», «Паломница», «Коренной», «Блаженные», «Капитал», «Слезы», «Людоедка», «Комета», «Письмо», «До победного конца», «Первый класс», «Сестрица», «Канун», также в этой подборке напечатан отрывок (шестой по счету) из будущего рассказа «Божье древо» (написанного в форме дневника), этот фрагмент вошел в текст произведения под датой 26 июня.

Следующая подборка печаталась под тем же общим названием «Краткие рассказы», на этот раз каждый текст имел самостоятельное заглавие: «Поросята», «Ландо», «Роман горбуна», «Постоялец», «Слон», «Телячья головка», «Грибок», «Идол», «Студент», «Маска» (Последние новости. 1930. 2 ноября. № 3511. С. 2–3). Почти через месяц были напечатаны новые произведения цикла «Краткие рассказы»: «Убийство», «В обреченном доме», «Ужас», «На Базарной», «Мамаша», «Летний день», «Журавли», «Старуха», «Иван», «Первая любовь» (Последние новости. 1930. 30 ноября. № 3539. С. 2–3). Авторская дата во всех четырех подборках: «1930 г.».

После выхода книги «Божье древо» (Париж, 1931) Бунин не оставил свою новую творческую идею и продолжил работать над «краткими рассказами». В следующем году появилась в печати заключительная подборка под общим заглавием «Краткие рассказы»: «Распятие», «Марья», «Костер», «Надежда» (Последние новости. 1932. 10 апреля. № 4036. С. 2). Авторская дата: «1902–1932». Однако здесь следует отметить, что в эту публикацию Бунин включил два давних произведения: «Костер» (1901) и «Надежда» (1902). Тем самым писатель попытался най-

ти в своей ранней прозе сочинения, отвечавшие его новой идее «кратких рассказов». Творческая история и текстология дореволюционных рассказов, которые автор позднее вновь публиковал в эмиграции, требует отдельного исследования, которое будет предпринято в наших будущих работах.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть творческую историю «кратких рассказов», написанных в 1930 и 1932 г. Всего в этом цикле было написано и опубликовано 45 рассказов. «Краткие рассказы», написанные в 1930 г., вошли в книгу Бунина «Божье древо» (Париж, 1931), кроме двух текстов — «Паломница» и «Поросята», которые после газетной публикации автор более не перепечатывал. Позднее все «краткие рассказы», вошедшие в книгу «Божье древо» (Париж, 1931), были включены Буниным в 9-й том Собрания сочинений (Берлин: Петрополис, 1935), в котором нашли место еще два «кратких рассказа» «Распятие» и «Марья», написанные в 1932 г. Тот факт, что этот цикл вошел в итоговое собрание сочинений, наглядно показывает отношение Бунина к этому собранию текстов, которые он очень ценил.

В конце жизни писатель включил 16 «кратких рассказов» в свои последние книги «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1953), «Петлистые уши и другие рассказы» (Нью-Йорк, 1954). Тем самым автор в очередной раз подчеркнул значимость этих произведений в его творчестве.

Критика на «краткие рассказы» была разнообразна, встречается она не только в газетных статьях, но и в дневниках, письмах. Г.Н. Кузнецова пишет в «Грасском дневнике»: «День Ангела И.А. В доме попытка праздника: все приоделись, к завтраку была любимая И.А. рыба. Однако он пишет весь день, чему я рада.

Вечером <...> И.А. читал написанные за день кусочки в столовой <...>. Как точны, великолепны, несомненны все слова в этих “маленьких рассказах”! Точны, как самые совершенные стихи. Это особенно чувствуется, когда он читает вслух»⁷ (запись от 25 октября 1930 г.).

⁷ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл и коммент. А.К. Бабореко. М., 1995. С. 176–177.

В.Н. Ладыженский, прочитав подборку рассказов в «Последних новостях», в письме В.Н. Буниной от 28 сентября 1930 г. отмечал: «Маленькие рассказы Ивана — огромной силищи»⁸.

М.А. Алданов писал Бунину 29 сентября 1930 г.: «Ваши отрывки имели огромный успех, от всех слышу»⁹.

Критика на «Краткие рассказы» в газетах и журналах стала появляться после выхода книги «Божье древо» (Париж, 1931). В рижской газете «Сегодня» П.М. Пильский в рецензии на новую книгу Бунина подчеркивал:

«Кому встречались “Краткие рассказы” Ив. Бунина, тот может почувствовать себя обрадованным, увидев их собранными в одной книге. Она называется “Божье древо”. Поселенные под одной кровлей, эти умные гости литературы производят большое впечатление. Они мало говорят и много выражают. Повсюду — печать бунинского таланта, — его наблюдательность, меткость эпитетов, сжатая ясность, точность определений, строгость и богатство языка, мудрость много думавшего человека. Различны темы, разнообразны области наблюдения, изменяются настроения, проходит ряд несхожих между собой лиц, душ, характеров, но коренной мотив и основная тревога ясны, определены и неизменны. Это — раздумья о вечном, это — видения смерти, сознание зыбкости наших дел, тонущих в мире, гаснувших в его памяти. <...>

Бунин умеет слушать вечность. У него превосходный слух к словесной музыке. Он — собиратель сверкающе мудрого словаря <...>.

Бунин хорошо примечает, прекрасно угадывает оттенки всего русского, — в говоре, в пошибе, в тоске и удали. Замечателен коротенький рассказ “Журавли”. <...>

Ив. Бунин — писатель-интеллигент, но как он улавливает, угадывает, ухватывает вольную дикость, все равно, в движении, в буйных размахах, как и в остановившейся мечтатель-

⁸ Русский архив в Лидсе (Великобритания). Далее: РАЛ. MS 1067/3775.

⁹ Отдел рукописей Эдинбургского университета (Великобритания). Gen 565-2.

ности, в неподвижной задумчивости в русском мужике и в детях аула <имеется в виду рассказ «Ущелье»> <...>. Удивительно верны определения Бунина, поразительно метки его эпитеты, то изобильные в своей численности, то строгие до скупости, и всегда очаровательные в своей находчивости и красоте <...>. Везде, во всем расточительность чудесных красок, везде, во всем завидная краткость. Описания укладываются в одну строку. <...>

Отрывочная, как записи дневника, не боящаяся ничего, — ни своей формы, ни своего содержания, ни своей откровенности, — эта книга звучит, как искреннейшая исповедь, смелая в своей ясности, неповторимая в своем литературном облике, не утаившая сокрытых страстей, рассыпавшаяся снопом теплых, притушенных лучей, блистающая звездным серебром тихой безбурной ночи»¹⁰.

В.Ф. Ходасевич одну из своих статей в рубрике «Книги и люди» полностью посвятил книге «Божье древо»:

«...все они (рассказы. — С. М.) более или менее похожи на мимолетные записи, на заметки из записной книжки, сделанные “для себя” и лишь случайно опубликованные. <...> Если они и интонированы, как наброски или записи, сделанные мимоходом, полунебрежно, — то это, конечно, только хорошо рассчитанный прием, только сложная и слегка лукавая маскировка упорного и вдумчивого труда. <...> Здесь воистину форма становится содержанием — и по замыслу, и по блестящему выполнению. Показывая вещи и события в исключительно оформленных, непривычно созданных высказываниях о них, Бунин дает вещам и событиям истинно новые имена. Тем самым мы в каждом отдельном случае имеем дело с новым оттенком мысли или чувства, с неожиданной “точкой зрения”, по-новому открывающей нам весь предмет. Явления мира много раз увидены в этих рассказах совершенно по-новому. Но это видение нам показано не иначе, как в новых языковых и сти-

¹⁰ Пильский П.М. «Божье древо». Новая книга Бунина // Сегодня. 1931. 29 апреля. № 118. С. 3.

листических формах. Только тщательно и кропотливо вскрывая их психологическую природу и значимость, могли бы мы добраться до их философского смысла... На сей раз путь к бунинской философии лежит через бунинскую филологию — и только через нее»¹¹.

В газете «Россия и славянство» К.И. Зайцев в статье о творчестве Бунина, в частности, писал о новой книге писателя:

«Читая эту книгу и вчитываясь в нее, непосредственно ощущаешь громадность явления Бунина. Какое-то особенное чувство овладевает читателем: весь внутренне подтягиваешься и подбираешься. Это не то напряжение внимания, которое обусловлено сложностью, запутанностью или смутностью предмета. Это та собранность всего душевного хозяйства, которую испытывает человек пред лицом высших проявлений прекрасного. <...> С простотой великого поэта и с серьезностью глубокого мыслителя он пишет о “сущем”, не отвлекаясь ни своими “переживаниями”, ни внешними эффектами, ставя читателя прямо и непосредственно, лицом к лицу с тем прекрасным и жалким, величественным и низменным, горестным и радостным, отталкивающе страшным и притягивающе родным, чем является для нас Божий мир. <...>

Бунин как-то по-особому предметен. Его предметность потенцированная. Он всегда видит и во всем ощущает *мир в целом*. О чем бы он ни говорил, о себе ли, или о каком-либо мельчайшем наблюдении над жизнью других людей или над природой — он всегда пред лицом вселенной. Может быть, поэтому он всегда прост и серьезен. <...>

Есть что-то величавое в самой манере письма, в самой, так сказать, литературной поступи Бунина. И печать этой величавости лежит не только на том архитектурно-целостном, венчающем его литературную деятельность произведении, возвышающемся как бы грандиозным куполом над всеми остальными творениями Бунина, на его “Жизни Арсеньева”, но и на тех

¹¹ Ходасевич В.Ф. Книги и люди. «Божье древо» // Возрождение. 1931. 30 апреля. № 2158. С. 3.

мельчайших его эскизах, иногда занимающих всего несколько строк, которыми изобилует его последний сборник. В любом кусочке жизни, за внешним мастерством изображения, неизменно таится глубокий смысл, а иногда поистине потрясающая значительность: колеблющийся отблеск мировой тайны и мирового чуда играет на каждом обломке, упавшем из-под бунинского резца. <...> *Автора не видно!* Не видно его личных оценок и толкований. Мир смотрит на вас со страниц Бунина! И нужно сделать над собой усилие (вернее — насилие!), чтобы убедить себя в том, что этот мир *создан художником*¹².

А. Савельев (псевдоним С.Г. Шермана) в рецензии на книгу «Божье древо» подчеркивал:

«В борьбе за внимание читателя Бунин никогда не пользовался выигрышной занятостью сюжета. <...> К своей победе Бунин всегда шел стороной наибольшего сопротивления. В самых обыденных, ежедневно повторяющихся событиях он вскрывал неожиданные и далекие перспективы, волнующие и манящие, одаряющие светлой радостью или жгучей скорбью.

Ткань быта у него всегда просвечивала в бытие, в вечность — и в этом основная прелесть бунинского рассказа. Теперь аскетизм фабулы доведен до конечного предела <...>. Он прежде всего художник исключительной силы, которому никакие формы изображения не страшны. Эти формы всегда и до конца подчинены ему, и у него абсолютно невозможно возвышение средства за счет цели.

Уверенность в себе, присущая законченному и большому мастеру, дает Бунину неограниченную свободу и смелость, иногда кажущуюся почти дерзостью. <...>

Вся книга переполнена такими маленькими чудесами искусства, свидетельствующими о еще большем и изумительном чуде — о вечной молодости и неизбывной свежести большого таланта»¹³.

¹² Зайцев К.И. Бунин // Россия и славянство. 1931. 2 мая. № 127. С. 3.

¹³ Савельев А. [Шерман С.Г.] [Рец. на книгу «Божье древо» (Париж, 1931)] // Руль. 1931. 6 мая. № 3173. С. 5.

Г.В. Адамович в краткой восторженной рецензии в журнале «Иллюстрированная Россия» писал, что новая книга Бунина «подлинно восхитительна» и далее отмечал: «Думаю, даже, что это — одна из лучших бунинских книг. Короткие рассказы в одну-две странички, собранные в ней, так остры и закончены, так умны и правдивы, что думаешь иногда: зачем пишутся большие романы, если возможно в нескольких строках столько сказать о жизни и людях?»¹⁴

В журнале «Современные записки» была помещена большая рецензия Ф.А. Степуна на книгу «Божье древо». В частности, рецензент писал о «кратких рассказах»:

«<...> “короткие рассказы” представляют собой для русской литературы совершенно новую форму. <...> Как стихи Бунина, так и короткие рассказы философичнее и метафизичнее его остальной (доарсеньевской) прозы. Почти все короткие рассказы настоены на мыслях. Читая их, — один за другим, — чувствуешь, что пьешь очень крепкий и горький напиток. Крепкий потому, что Бунин глубоко честен и серьезен в своих вопрошениях, воздержан на всякую безответственную выдумку; горький потому, что он не дает никаких ответов. Последняя форма его жизненной мудрости — удивление: то восторженное, то умиленное, то гневное, то скорбное; но всегда творческое и потому всегда далекое от того дешевого скептицизма, что нередко соприкасается с пошлостью.

Одержимее всего Бунин в своих раздумьях о смерти. <...> Хочется отметить еще “Убийство”. <...> Это большая и сложная повесть в одну страницу, совершенно изумительная по точности и насыщенности рассказа вещь.

Наряду с темой смерти сильнее всего звучит в коротких рассказах тема острых жизненных разногласий <...>.

Все рассказы, конечно, очень “сделаны”. Но сделаны так мастерски, что их сделанность не видна. Это искуснейшей рукой ограненные камни, кажущиеся природными кристаллами.

¹⁴ Адамович Г.В. [Рец. на книгу «Божье древо» (Париж, 1931)] // Иллюстрированная Россия. 1931. № 21. 16 мая. С. 21.

Дар такого обмана есть высочайшая правда творчества: печать совершенства»¹⁵.

Сборник «Числа» поместил рецензию П.М. Бицилли на книгу «Божье дерево», в которой говорилось: «Мне кажется, что сборник “Божье дерево” — самое совершенное из всех творений Бунина и самое показательное. Ни в каком другом нет такого красноречивого лаконизма, такой четкости и тонкости письма, такой творческой свободы, такого поистине царственного господства над материей. Никакое другое не содержит поэтому столько данных для изучения его метода, для понимания того, что лежит в его основе и чем он, в сущности, исчерпывается. Это — то самое, казалось бы, простое, но и самое редкое и ценное качество, которое роднит Бунина с наиболее *правдивыми* русскими писателями, с Пушкиным, Толстым, Чеховым: *честность*, ненависть ко всякой фальши — как раз то, за что более всего достается Бунину»¹⁶.

Как видим, книга Бунина «Божье дерево» и цикл «Краткие рассказы», вошедший в нее, были встречены критикой восторженно, даже с некоторым удивлением перед новой литературной формой, появившейся в творчестве писателя. Какова же была творческая история этого цикла?

Основная часть «кратких рассказов» публиковалась Буниным трижды: в газете «Последние новости», в книге «Божье дерево» и в 9-м томе Собрания сочинений. 15 «кратких рассказов» печатались автором четыре раза, т.к. вошли в его последние книги. Для удобства восприятия дальнейшего текстологического материала в статье приняты следующие условные сокращения: газета «Последние новости» обозначается ПН, книга «Божье дерево» — БД, Собрание сочинений, т. 9 — СС, книга «Весной в Иудее. Роза Иерихона» — ВИ. РИ, книга «Петлистые уши и другие рассказы» — ПУ; черновой автограф —

¹⁵ Степун Ф.А. [Рец. на книгу «Божье дерево» (Париж, 1931)] // Современные записки. 1931. Кн. 46. С. 486–489.

¹⁶ Бицилли П.М. [Рец. на книгу «Божье дерево» (Париж, 1931)] // Числа. 1931. № 5. С. 222–223.

ЧА, белой автограф — БА. Текстологическое исследование рассказов представлено в хронологии их первых публикаций.

Следует отметить, что автографы «кратких рассказов» сохранились далеко не все, некоторые частично; также сохранились машинописи некоторых рассказов с авторской правкой. В основном автографы и машинописи рассказов исследовались в соотношении с печатными текстами, между собой сохранившиеся автографы (например, ЧА и БА) практически не сравнивались, а только отмечалось в целом отличие или сходство их между собой. Таким образом настоящая статья не претендует на исчерпывающую полноту представленных различий, т.к. это задача будущего научного Полного собрания сочинений Бунина. В статье выборочно приводятся примеры различий, показывающие тщательность и скрупулезность работы писателя над этими небольшими по объему текстами.

Самый ранний сохранившийся автограф «кратких рассказов» — это черновой автограф 11-го рассказа без заглавия (Последние новости. 1930. 21 сентября. № 3469. С. 3). Он имеет различия с печатным текстом, авторская дата «1930 г.» вписана позднее красной шариковой ручкой (РАЛ. MS 1066/129)¹⁷.

ЧА	ПН
«Квасник, лысый, красный, тугопузый, детским пояском подпоясанный по розовой рубашке с расстегнутым от жары воротом, лихо кричит...»	«Квасник, лысый, красный, тугопузый, лихо кричит...»
«— Трынка бутылка!»	«Орел вся бутылка, семитка стакан!»
«— Нет, на тринку не взойду»	«— Нет, на семитку не взойду»
«...идут мимо слепцы, мрачно дерут на разные лады»	«...идут мимо слепцы, дерут на все лады»
«[Ковыляет] Костыляет дурачок Ваня...»	«Ковыляет дурачок Ваня...»
«— Да вот очки купил сейчас, а то просто беда, совсем слепой стал»	«— Да вот очки купил сейчас, а то просто беда, все газеты про войну читаю, совсем слепой стал»

¹⁷ Шариковыми разноцветными ручками (синей, красной и черной) Бунин пользовался в 1949–1953 гг.

При переписывании на беловик для отправки в редакцию газеты Бунин всегда вновь правил текст. Почти все беловые автографы, отправленные в редакции газет и журналов, не сохранились. В качестве беловика мы имеем здесь публикацию в газете, по которой наглядно видно, как автор сокращал некоторые моменты (например, портрет квасника), а в других местах наоборот дополнял текст (например, эпизод о мужике, купившем очки), в данном случае указывая на определенный исторический период — Первая мировая война.

Из этого 11-го рассказа позднее вышли рассказы «Капитал» и «Слезы» (см. далее).

«*Паломница*». Автограф, без заглавия и без даты (РАЛ. MS 1066/224). Автограф 8-го рассказа без заглавия (Последние новости. 1930. 21 сентября. № 3469. С. 2) имеет два разночтения — в газетной публикации изъяты автором два уточняющих слова: «не менее» о возрасте крестьянки, «у нас», когда речь идет о Провансе.

На машинописи, без концовки рассказа о смерти французской крестьянки, заглавие «Записи» зачеркнуто и сверху напечатано «Паломница» (РАЛ. MS 1066/225). Позднее Л.Ф. Зуров опубликовал этот рассказ полностью как неизвестный¹⁸, вероятно, забыв о его публикации в «Последних новостях».

«*Ущелье*». Сохранились вырванные страницы (СС) с правой синей шариковой ручкой в тексте рассказа (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 16): после слова «играет» вставлено «на дудке». Судя по почерку и шариковой ручке, правка относится к началу 1950-х гг., когда Бунин готовил книгу «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1953). Разночтений между газетным и книжным текстами мало.

ПН	БД
«...его пряный запах мешается с миндальным, свежим лесным запахом»	«...его пряный запах мешается с миндальной свежестью леса»
«где ущелье смыкается»	«где ущелье сомкнулось»
«по козлиному подсакивают»	«подсакивают козлами»
«подросток-девочка»	«девочка-подросток»

¹⁸ Из архива И.А. Бунина: Модест, Паломница / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1962. № 67. С. 5–7.

В СС в описании пляски подростков слово «притоптывают» заменено на «топают», а в описании девочки добавлено слово «еще»: «...черная головка ее еще раскрыта...» (СС).

Каждое из этих исправлений, уточнений, детализаций несет свою смысловую нагрузку. Например, в описании костра и аромата леса, танцующих подростков и девочки Бунин своей правкой придает описываемой в рассказе картине более объемный характер и при этом очень сжатый.

«**Пожар**». Текст ПН, БД и СС идентичный. Автор правил текст рассказа при подготовке книги «Весной в Иудее. Роза Иерихона». Сохранилась машинопись с правкой (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 23), текст идентичен ВИ. РИ. Выявлены следующие разночтения:

СС	ВИ. РИ
«Зажгли с гумна, и только оно и сторело, — было очень тихо. Отстояли даже ригу»	«Зажгли какие-то злодеи с гумна, и на нем все сторело. Но ригу сыновья хозяйина отстояли»
«Хозяин, огромный, толстый мужик, все время сидел на крыльце старой избы, — сидел до полуночи, пока не прогорело и не потухло. На гумне был ад — так бешено орали и гасили огонь его сыновья и бабы. Он же не двигался, только глядел, <...> облака, освещаемые исподу дрожащим заревом»	«Хозяин, огромный, толстый мужик, все время сидел на крыльце избы неподвижно. На гумне был ад — там бешено орали и гасили огонь его сыновья и бабы. Он же только глядел, <...> облака, освещаемые исподу»
«— Бог дал, Бог и взял. Мне все равно, мне этого не надо, я этого не чую и не чувствую»	«— Бог дал, Бог взял. Мне это все равно, я этого не чую и не чувствую»
«Когда же догорело, стал рыдать и рыдал не переставая двое суток, лежа вниз лицом в риге возле ворот, на старновке»	«Когда же все догорело, потухло, стал рыдать и рыдал не переставая сутки, лежа вниз лицом в риге возле ворот, на старновке»

«**Дедушка**». Беловой автограф (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 84. Л. 3–4) имеет разночтения с первой публикацией рассказа:

БА	ПН
«Встает ни свет ни заря и пока раз десять не затынется — совершенно шальной...»	«Встает ни свет ни заря и пока не закурит, не затынется — совершенно шальной...»
«...помрет, то есть навсегда, навеки исчезнет...»	«...помрет, навеки исчезнет...»
«...табачном дурмане. / Впрочем, он и сам этого совершенно не знает — для чего и чем он живет. / И все он играет...»	«...табачном дурмане. / И все он играет...»
«— Папаша, вы бы хоть подштанники переменяли...»	«— Папаша, вы хоть бы кальсоны переменяли...»
«...у меня цельного клона давно не осталось! Небось, как бы было...»	«...у меня клона цельного давно не осталось! Небось, кабы было...»
«А сам жаден невероятно и жить хочет ужасно...»	«А сам жаден невероятно, над укладкой своей дрожит и жить хочет ужасно...»
«Нет, своя собственная во сто раз темней»	«Нет, своя собственная гораздо темней»

Сохранился черновой автограф с правкой красной шариковой ручкой, авторская дата: «1930 г.» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 84. Л. 1–2); правка в целом схожа с текстом первой публикации. Вероятно, Бунин готовил этот рассказ в конце жизни (судя по шариковой ручке) для последующих изданий.

Разночтений между газетным и книжным текстами рассказа всего два:

ПН	БД
«Сед, густоволос, лохмат, весь день в подштанниках и весь день курит»	«Сед, густоволос, лохмат, весь день курит»
«...совершенно шальной, ничего не понимает, бессмысленно смотрит запухшими глазами»	«...совершенно шальной, ничего не понимает»

Текст БД и СС идентичный.

«Красные фонари». Черновой автограф, дата «1930» вписана позднее на верхнем поле красной шариковой ручкой (РАЛ. MS 1066/146). Разночтения ЧА и первой публикации следующие:

ЧА	ПН
«...катились извозчики. Гимназист, не доходя до моста, повернул налево и пошел вдоль домов по узкой и ухабистой набережной. Дома эти были особенные, заповедные и волнующие: над их крыльцами висели большие красные фонари»	«...катились извозчики — на вокзал, к вечернему поезду. Гимназист второклассник, не доходя до моста, повернул и пошел вдоль домов по узкой и ухабистой набережной. Дома эти были совсем особенные, необыкновенные, жутко волнующие: над их крыльцами висели большие красные фонари, а гимназист уже знал, что это значит»
«Он точал сапог и, точая, раздрагивая дратву, громко говорил»	«Он точал сапог, вдевал и раздрагивал дратву и громко говорил»
«Она, поставив оголенные руки на стол...»	«Она, поставив очаровательные оголенные руки на стол...»
«...вскочил и валяя бутылки, схватил девку за косу. И другая девка, в шелковой лимонной косоворотке, сидевшая под окном возле крыльца, с криком вскочила на порог и кинулась бить мужчину кулаками в голову, потом схватила его за густые рыжие волосы...»	«...вскочил с места и, валяя бутылки, схватил девку за косу. И другая девка, в шелковой лимонной косоворотке, сидевшая и грызшая подсолнухи под окном возле крыльца, с криком появилась на пороге и кинулась бить мужчину кулаками в голову, потом схватила его за густые бурые волосы...»
«А третья девка, широколицая, курносая, в розовом капоте, ходила взад и вперед по тротуару, грызла подсолнухи и напевала»	«А третья девка, широколицая, курносая, в бледно-голубом батистовом капоте, ходила, прелестно волнуя этот капот, взад и вперед по тротуару, и что-то задумчиво, томно напевала»
«И приказчик, проходивший навстречу девке, вздумал пошутить, спросил ее: / — А нельзя ли вас с ней в участок забрать за эти прогулки? / Но девка гордо, не глядя на него, прошла мимо и ни с того, ни с сего ответила с крайней грубостью»	«И приказчик, проходивший навстречу девке и очарованный ее капотом и голыми ногами в легких туфельках, вздумал пошутить, игриво спросил ее: / — А нельзя ли вас с этой собачкой в участок забрать за эти прогулки? / Но девка гордо, не глядя на него, прошла мимо и ни с того, ни с сего отрезала, раздувая ноздри»

Текст *ПН* и *БД* идентичный, кроме одной поправки: в словах унтера в четвертом абзаце изъято второе слово «погоди»: «Ну погоди, дай срок...».

При подготовке *СС* правка в основном выражалась в сокращениях:

<i>БД</i>	<i>СС</i>
«...то влезал на перила — задом, — то слезал, а сам все смотрел на дом и прислушивался. / Ах, как все было хорошо, как интересно!»	«...то влезал на перила, то слезал с них, а сам все смотрел на дом и слушал. / Ах, как все было интересно!»
«...лезешь не в свою компанию, невежа? Ну погоди, дай срок, я с тобой посчитаюсь!»	«...лезешь не в свою компанию, невежа?»
«...девка в красном размахе и в старых мужских ботинках на босу ногу»	«...девка в красном размахе»
«...курносая, в бледно-голубом батистовом капоте, ходила...»	«...курносая, в голубом капоте, ходила...»
«Но девка гордо, не глядя на него, прошла мимо и ни с того, ни с сего отрезала, раздувая ноздри...»	«Но девка гордо прошла мимо и отрезала, раздувая ноздри...»

На примере данного рассказа и приведенных различий хорошо видна творческая работа писателя, начиная с первого этапа (*ЧА*) и заканчивая последним печатным текстом. Возможно, черновой автограф выполнял роль конспекта будущего рассказа, наброска этой жанровой картины. По сравнению с *ЧА* в первой публикации было дополнено значительное количество деталей, определений, уточняющих слов. В правке для *Собрания сочинений* Бунин наоборот начинает сокращать текст, убирая лишние (на его взгляд) детали.

Тексты рассказов «*Свидание*», «*Петухи*», «*Полдень*», «*Бродяга*» в *ПН*, *БД* и *СС* идентичные.

«*Муравский шлях*». В тексте газетной и книжной публикаций имеются только четыре различия. Начало рассказа: «Одно из самых поэтических воспоминаний молодости: Муравский шлях» (*ПН*) в *БД* отсутствует. «...такой тишины не запомню. И ямщик сказал:» (*ПН*); «...такой тишины поискать. И ямщик мне сказал:» (*БД*). «Я спросил: / — А давно это было?» (*ПН*); «Я спросил: / — А давно?» (*БД*). «Большие тысячи лет

тому назад...» (ПН); «Большие тысячи лет!» (БД). Текст БД и СС идентичный.

«Илюшка». В черновом автографе заглавие вписано позднее синей шариковой ручкой, дата: «1930» написана рукой В.Н. Буниной (РАЛ. MS 1066/122). По разночтениям между ЧА и газетной публикацией мы вновь видим, что писатель в основном сокращал текст:

ЧА	ПН
«Жаркий ветер рабочей поры, веющий сушью и зноем в лицо...»	«Жаркий ветер рабочей поры, бьющий сушью и зноем в лицо...»
«Один кобчик повис в воздухе, точно в некую мертвую точку попал...»	«Один кобчик повис в воздухе, точно в мертвую точку попал...»
«...внимания на солнечный жар...»	«...внимания на солнце...»
«...стоял Федька...»	«...стоял Мотька...»
«...беззаботно наслаждаясь ездой...»	«...наслаждаясь ездой...»
«Потом — и все с той же веселой легкостью — рассказывает то, что я уже давно знаю...»	«Потом — и все с той же легкостью — рассказывает то, что я уже знаю...»
«Он киснет со смеху...»	«Он смеется...»

Разночтения между газетной и книжной публикациями также относятся к сокращениям:

ПН	БД
«...и хлеба вместе с цветами льются, стелются навстречу...»	«...и хлеба вместе с цветами льются, стелются...»
«...у него откинута на заднюю, так что он уперся руками в сиденье и говорит...»	«...у него откинута на заднюю. Он уперся руками в сиденье и говорит...»
«...стоял Мотька, малый очень глупый и простодушный»	«...стоял Мотька, малый глупый, простодушный»
«Он смеется: — Ну, нет, я их лучше двадцать положу!»	«— Ну, нет, я их лучше двадцать положу!»

Текст БД и СС идентичный.

«Коренной». Текст ПН и БД идентичный. Текст сохранившейся машинописи, авторская дата: «1930 г.» (РАЛ. MS 1066/145),

идентичен СС. При подготовке Собрания сочинений Бунин внес только две поправки: «А вот жил так-то кузнец...» (БД); «Вот жил так-то кузнец...» (СС). «...а нога-то человечья, голая, белая...» (БД); «...а нога-то человечья, голая, белая!» (СС). В последнем примере автор поменял знак препинания (многоточие на восклицательный знак), изменив эмоциональный настрой концовки рассказа.

«**Блаженные**». Машинопись, авторская дата: «1930 г.» (РАЛ. MS 1066/93), текст идентичен БД. Имеются разночтения между газетной и книжной публикациями:

ПН	БД
«Блаженный Антонушка воронежский жил 120 лет. Всех женщин называл: мама»	«Блаженный Антонушка воронежский жил сто двадцать лет»
«— В сенцах у тебя, кормилец, большой пестрый гроб стоит. Купец в тот же день от страху помер. И впрямь — какая убийственная изобретательность: пестрый!»	«— В сенцах у тебя, кормилец, большой п е с т р ы й гроб стоит. И купец в тот же день и кончился»
«Блаженный Данилушка томский чаще всего сидел на городских крышах. Завещал похоронить себя в шелковом желтом халате...»	«Блаженный Данилушка тульский в городе на крышах сиживал. Завещал хоронить себя в желтом шелковом саване...»
«Диомид орловский 80 лет скитался по Брянским лесным дебрям, ночевал на деревьях, был наг и весь покрыт густым волосом»	«Диомид орловский восемьдесят лет скитался по Брянским лесам, ночевал на деревьях, был наг и покрыт густым волосом»
«Елецкая юродка Феня, когда я однажды сказал при ней: московский Царь-Колокол, замахнулась на меня палкой и закричала...»	«Феня елецкая, когда я однажды сказал при ней: московский Царь-Колокол, замахнулась на меня палкою и крикнула...»

Текст БД и СС идентичный.

«**Капитал**». Текст ПН (фрагмент 11-го рассказа без заглавия), БД и СС идентичный.

«**Слёзы**». Машинопись с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 28), текст идентичен ВИ. РИ.

В книге «Божье древо» этот рассказ составлен из сокращенного фрагмента 11-го рассказа и 14-го рассказа, опубликован-

ных в «Последних новостях» (1930. 21 сентября. № 3469. С. 2–3) без заголовков. Приводим все редакции этого рассказа. Фрагмент 11-го рассказа (ПН):

«Гуськом, держась друг за друга, подняв незрячие лица, идут мимо слепцы, дерут на все лады:

А мы видели
Диву дивную,
Диву дивную,
Телу мертвую...

Ковыляет дурачок Ваня, седой, стриженный клоками, в одной бабьей рубахе, с сумой через плечо.

— Ваня, здорово! Как поживаешь?

Косноязычно и слюняво, поспешно и умиленно:

— С большими слезами, папаша! С большими слезами, папаша!

Знакомый старик идет навстречу в совершенно необычном виде: в очках и с красными полными слез глазами.

— Макарь, что это с тобою?

— Да вот очки купил сейчас, а то просто беда, все газеты про войну читаю, совсем слепой стал.

— Да ты с ума сошел, ты еще хуже ослепнешь, ведь они тебе совсем не по глазам.

— Кто, барин? Очки-то? Ничего, они *оглядятся*.

14-й рассказ (ПН):

«Подошла к воротам усадьбы старуха побирушка. Старушечьи лохмотья, старушечьи прямые чулки на сухих ногах, заму-ченные глаза...

Дал ей полтинник, попробовал разговориться:

— Ну вот ты, бабушка, везде ходишь, везде бываешь, — небось, много интересного видишь?

Горько заплакала:

— Да что ж поделаешь, батюшка, конечно, видишь!»

Следует отметить, что эпизод о Макаре, купившим себе очки, присутствует в «Окаянных днях» (запись от 24 апреля 1919 г.).

В сборнике «Божье древо» рассказ «Слёзы» построен так: сначала дан эпизод со старухой (текст идентичен), а потом эпизод о Ване. Разночтения во втором эпизоде: «Ковылял по выгону дурачок Ваня», «Косноязычно и слюняво, поспешно и радостно: / — С большими слезами, папаша! С большими слезами!» (БД).

Текст БД и СС идентичный.

При подготовке книги *ВИ. РИ* Бунин внес только две поправки: «— Ну вот ты, бабушка, везде ходишь, везде бываешь» (СС); «— Ну вот, бабушка, везде ты ходишь, везде бываешь» (*ВИ. РИ*). «Косноязычно и слюняво, поспешно и радостно» (СС); «Косноязычно, слюняво и радостно» (*ВИ. РИ*).

«*Людоедка*». Текст ПН, БД и СС идентичный.

«*Комета*». В газетном тексте (ПН) старосту зовут по имени — Федор. Текст БД и СС идентичный, имя старосты отсутствует.

«*Письмо*». В автографе заглавие «Письмо» и дата «1930» вписаны позднее красной шариковой ручкой (РАЛ. MS 1066/236). После слов «из глаз моих слезы» зачеркнуто предложение: «Жизнь моя теперь на волоске».

Текст ПН, БД и СС идентичный. В СС в двух случаях изменен порядок слов.

«*До победного конца*». Текст ПН, БД и СС идентичный. Только в БД исключено одно указательное местоимение «за это».

«*Первый класс*». Разночтения между газетной и книжной публикациями следующие:

ПН	БД
«Под Москвой. Дачный поезд “Молния”, весь из вагонов только первого и второго класса. Идет шибко, ровно, но вдруг замедляет ход — и в одном вагоне происходит нечто небывалое: дверь распахивается и кондуктор вталкивает в нее какого-то рваного, измазанного глиной мужичишку»	«Подмосковный дачный поезд, весь из вагонов только первого и второго класса. Идет шибко, ровно, но вдруг замедляет ход — и в одном перво-классном вагоне происходит нечто небывалое: кондуктор вталкивает в него какого-то рваного, измазанного глиной мужичишку»
«...опять курят, беседуют, смотрят в окна...»	«...курят, беседуют, смотрят в окна...»

Текст *БД* и *СС* идентичный.

«*Сестрица*». Окончательный текст чернового автографа (РАЛ. MS 1066/268) идентичен *ПН*, кроме первого предложения, отсутствующего в автографе: «По Смоленской дороге». Данный автограф — редкий случай, когда сохранился образец первой рукописи с многочисленной правкой. На его примере хорошо видно, как Бунин работал над этим «кратким рассказом» в полстраницы. Приведем здесь фрагменты автографа с правкой, зачеркнутые места заключены в квадратные скобки:

«Блеск [зеркальных стекол,] орехового дерева», «в полном несоответствии с больнично-солдатским [больничным] людом», «рогульки костылей под [мышками] торчащими плечами», «[безобразные] толстые белые култушки закутанных ступней», «[скромно] прилично беседуют», «[С тихой] Она с улыбкой: / — Ну, как, Меркулов? [лучше теперь себя чувствуете?]', «[Так обходит все отделения] Она заговаривает то с тем, то с другим», «Что-то чуть-чуть [сдержанно] напевает. [Косынка белая Девственно-белая косынка Косы Скромный, девственно девственно-белый платочек] Белая косыночка, мягкая кожаная [курточка] куртка, [легкая тиковая] легкая юбка из серого тика», «Тихо и греховно сияют [прекрасные] иконописные черные глаза...» (*ЧА*).

По этой правке видно, насколько была важна для Бунина одна деталь, над которой он работал в черновике — белая косынка сестры милосердия. Судя по нескольким изменениям в черновике, писатель хотел через эту деталь дать дополнительный штрих к образу сестры. Однако в итоге автор останавливается всего на двух словах: «Белая косыночка».

Текст *ПН*, *БД* и *СС* идентичный. Текст машинописи с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 27) идентичен *ВИ. РИ*.

При подготовке книги *ВИ. РИ* Бунин сокращает текст, однако о раненом солдате делает дополнение, которое совершенно меняет его образ.

<i>СС</i>	<i>ВИ. РИ</i>
«...с больнично-солдатским людом...»	«...с солдатским людом...»
«Солдат, вежливо приподнимаясь на костылях, на весу держа вперед култышку:»	«Солдат, вежливо приподнимаясь на костылях, на весу держа вперед култышку ноги, бесстыдно врет медовым голосом:»
«...легкая юбка из серого тика, особенно дающая чувствовать тяжесть зада...»	«...легкая юбка из серого тика.»

«**Канун**». Машинопись, авторская дата вписана от руки черной шариковой ручкой: «1930 г.» (РАЛ. MS 1066/128). Текст идентичен *БД*.

Между газетной и книжной публикациями в начале только одно различие: «В Ельце, по пути на вокзал» (*ПН*); «В городе, по пути на вокзал» (*БД*). Текст *БД* и *СС* идентичный.

«**Ландо**». Черновой автограф с правкой, авторская дата: «1930» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 85). Текст совпадает с *ПН*. Текст *ПН* и *БД* идентичный.

Правку Бунин внес при подготовке *СС*.

<i>БД</i>	<i>СС</i>
«Что-то необычное и чрезмерное в этом ландо и в этих лошадях. Что именно?»	«Что-то необычное, чрезмерное в этом ландо и в этих лошадях. Почему?»
«Кучер, сидящий на козлах...»	«Кучер, сидевший на козлах...»
«И в довершение всего, черная борода кучера отликает зеленью, имеет цвет ваксы: крашенная»	«И, в довершение всего, черная борода кучера имеет цвет сухой ваксы: крашенная»

«**Роман горбуна**». Черновой автограф, без заглавия (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 86. Л. 1); белой автограф с вставками и правкой, заглавие: «Роман горбуна», авторская дата: «1930 г.» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 86. Л. 2), текст *БА* идентичен *ПН* и *БД*.

Текст автор правил при подготовке *СС*:

<i>БД</i>	<i>СС</i>
«...в левой руке зонтик лилового шелка...»	«...в левой руке шелковый лиловый зонтик...»

«Легко себе представить, как он был потрясен, как ждал субботы...»	«Как он был потрясен, как ждал субботы...»
«...тонкими пальцами, холодными и дрожащими от волнения...»	«...тонкими пальцами, холодными и дрожащими...»
«Наконец, в столовой важно, почти грозно пробило шесть с половиной»	«Наконец, в столовой важно, грозно пробило шесть с половиной»
«...медленно вышел из дому»	«...медленно вышел»

Сохранилась машинопись с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 25), текст идентичен *ВИ. РИ.*, кроме двух фрагментов, которые, вероятно, были исправлены уже в корректуре книги. В машинописи: «Будьте в субботу 12 апреля...»; концовка рассказа: «Беспощадна жизнь к человеку!» Разночтения *СС* и *ВИ. РИ.*:

<i>СС</i>	<i>ВИ. РИ</i>
«— Будьте в субботу 12 апреля, в семь часов вечера...»	«— Будьте в субботу пятого апреля в семь часов вечера...»
«...темно-серый английский костюм...»	«...серый английский костюм...»
«В субботу он сходил к парикмахеру, купил новые ботинки, перчатки, галстух...»	«В субботу он сходил к парикмахеру, купил новые (сиреневые) перчатки, новый (серый с красной искрой, под цвет костюму) галстух...»
«Потом он сел в кресло...»	«Потом, наряженный, он сел в кресло...»
«Он сдержанно поднялся, не спеша надел в прихожей весеннее пальто и весеннюю шляпу, взял трость и медленно вышел. На улице, однако, он уже не мог владеть собой <...>, но внутренне весь трепещет — той робостью, страхом, с которым всегда предвкушаем мы счастье. Но, когда достиг цели, вошел в сквер возле собора, вдруг оцепенел на месте: навстречу ему, в розовом свете весенней зари, важными и длинными шагами шла в сером костюме и хорошенькой шляпке, похожей на мужскую, с зонтиком в левой руке и с фиалками в правой — горбунья.»	«Он содрогнулся, поднялся, все-таки сдержанно, не спеша надел в прихожей весеннюю шляпу, взял трость и медленно вышел. Но на улице уже не мог владеть собой <...>, но объятый тем блаженным страхом, с которым всегда предвкушаем мы счастье. Когда же быстро вошел в сквер возле собора, вдруг оцепенел на месте: навстречу ему, в розовом свете весенней зари, важными и длинными шагами шла в сером костюме и хорошенькой шляпке, похожей на мужскую, с зонтиком в левой руке и с фиалками в правой, — горбунья. / Беспощаден кто-то к человеку!»

В этой миниатюре, как в медальоне, дан потрясающий психологический портрет горбуна. И вся правка Бунина как раз была направлена на достижение более глубокого образа главного героя. При этом, вопреки своему обычному стремлению к сокращению своих текстов, здесь писатель для последней публикации рассказа дополнял его важными деталями, необходимыми для более объемного портрета героя и выражения его внутреннего состояния.

«**Постоялец**». Имеется только одно разночтение газетной и книжной публикаций. В предложении: «Дом-то все-таки наш собственный, мы ведь можем и к вашему начальству, и в полицию обратиться!» (ПН) для публикации в БД изъяты слова «и в полицию». Текст БД и СС идентичный.

«**Слон**». Автограф с правкой, заглавие «Слон» вписано позднее синей шариковой ручкой, авторская дата: «29-IX-30» (РГА-ЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 82), текст идентичен ПН.

Для книги БД сделаны две поправки: «...толстой, мягкой трубой низко висящего хобота...» (ПН); «...толстой, горбатой трубой низко висящего хобота...» (БД). «А за обедом было празднично...» (ПН); «А за обедом был праздник...» (БД). Текст БД и СС идентичный.

Текст машинописи с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 29), идентичен ВИ. РИ. Разночтения между СС и ВИ. РИ:

СС	ВИ. РИ
«...висящего хобота с острым хоботком и черно-резиновой воронкой на конце»	«...висящего хобота с черно-резиновой воронкой на конце»
«Склоняя голову, уставясь лбом, смотрит и он на девочку, и в его свиных, раскосых глазах явно блестит что-то хитрое и веселое»	«Склоняя широколобую голову, смотрит и он на девочку, и в его свиных глазах явно блестит что-то хитрое и веселое»
«...в полной невозможности иначе выразить свои чувства и мысли, крутым изгибом взвивает его кверху...»	«...в невозможности иначе выразить свои чувства и мысли, крутым нагибом взвивает его кверху...»
«...радостно-глупо трубит на весь зверинец»	«...радостно-глупо трубит, сотрясая весь зверинец»
«А за обедом был праздник: прибавили цветную капусту и были гости...»	«А за обедом прибавили цветную капусту и были гости...»

«*Телячья головка*». Черновой автограф, заглавие вписано позднее синей шариковой ручкой, дата «1930» — красной шариковой ручкой (РАЛ. MS 1066/287). Разночтения с газетной публикацией:

ЧА	ПН
«...красиво осыпанное яркой крошеной зеленью»	«...красиво осыпанное яркой зеленью»
«...шеями, спереди зияющим широко распахнутыми чревами в жемчужных слитках жира, а с круглых боков — блестящим тонкой стеклянной пленкой уже подсохшего тучного мяса. Он в опьянении смотрит на головку...»	«...шеями. Это что-то, спереди зияет длинными пустыми животами в жемчужных слитках жира, а с плечей и бедер блещет тонкой пленкой уже подсохшего тучного мяса. Но он в опьянении смотрит только на головку...»
«...у входа, на каменном иссеченном прилавке»	«...у входа, на мраморной стойке»
«Мама тоже смотрит и о чем-то спорит с хозяином...»	«Мама тоже смотрит и горячо спорит с хозяином...»
«Мама хочет взять ее всю, за семь гривен, а хозяин кричит: “Мадам, в ней полпуда весу!” И впрямь — так велика...»	«Мама хочет взять ее всю и за бесценок, а хозяин кричит: “Мадам, вы знаете, сколько в ней весу?” И правда — так велика...»
«...кажется перед ней пустяками, да и хозяина тоже»	«...кажется перед ней пустяками»
«Бычий лоб ее спокоен...»	«Бычий лоб ее ровен, спокоен...»
«...ноздри и губы раздуты, вид имеют грубый, недовольный... И вся она телесно гола и упруга, как резина...»	«...ноздри и губы так раздуты, что вид имеют наглый, недовольный... И вся она гола, серо-телесна и упруга, как резина...»

Имеется одно разночтение между газетной и книжной публикациями: «...и одной ноздрей...» (ПН); «...и одной толстой ноздрей...» (БД).

Разночтения БД и СС:

БД	СС
«Это что-то спереди зияет длинными пустыми животами в жемчужных слитках жира...»	«Все эти громады спереди зияют длинными пустыми животами в жемчужных слитках жира...»
«...балахоне, гадко испачканном на животе чем-то бурым...»	«...балахоне, гадко испачканном на животе точно ржавчиной...»

«...о головке, и хозяин сердито тычет в головку мягким пальцем. Мама хочет взять ее всю и за бесценюк, а хозяин кричит: “Мадам, вы знаете, сколько в ней весу?” И правда — так велика эта головка, что даже голова мамы кажется перед ней пустяками. О ней спорят...»	«...о головке, и хозяин что-то сердито кричит и тычет в головку мягким пальцем. О ней спорят...»
---	--

Текст машинописи с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 31), идентичен *ВИ. РИ*. Различия *СС* и *ВИ. РИ*:

<i>СС</i>	<i>ВИ. РИ</i>
«...папа ушел служить на почту, мама пошла на рынок и взяла его с собой»	«...папа пошел служить на почту, мама на рынок и взяла его с собой»
«...оказалась лежащей прямо перед ним, у входа, на мраморной стойке»	«...оказалась лежащей прямо перед ним, на мраморной стойке»
«...в грубом белом балахоне...»	«...в грубом белом переднике...»
«...ремнем с болтающимися на нем толстыми сальными ножнами»	«...ремнем с висящими толстыми сальными ножнами»
«Затем хозяин одним страшным ударом раскроил ее...»	«Затем хозяин одним страшным ударом топора раскроил ее...»

«*Грибок*». Черновой автограф без концовки рассказа, заглавие вписано позднее синей шариковой ручкой, авторская дата: «4-Х-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 75). Различия с *ПН* следующие:

<i>ЧА</i>	<i>ПН</i>
«...кругами обходящих его, во все стороны летят, скользят по глубокому разъезженному снегу извозчицы санки... Ах, как хорош Петербург и как вообще хорошо!»	«...кругами обходящих его... Ах, хорош Петербург!»
«...шли темно-зеленые...»	«...шли черно-зеленые...»
«...расчищенные, даже нагретые щетками ботинки...»	«...до теплоты расчищенные ботинки...»
«...свежим красивым галстухом, черными шелковыми подтяжками, яркими глазами, блестящим, мокрым пробором...»	«...шелковым красивым галстухом, шелковыми черными подтяжками, яркими глазами, нежностью и свежестью припудренных щек, мокрым блестящим пробором...»

«...из Тулы»	«...из Твери»
«...так оно и оказалось: земляк и наша знаменитость. Счел долгом представиться...»	«...и убедился, что не ошибся. Счел, как земляк, долгом представиться...»
«И в чем именно дело?»	«И в чем собственно дело?»
«...до более подробного обсуждения, изложить его в двух словах. Я счел долгом немедленно предупредить вас о нем, заключается же оно вот в каких печальных обстоятельствах: дом, как вам известно, недавно купленный вашим братцем в Туле...»	«...до более подробного разговора, изложить его вкратце. Я счел долгом немедленно предупредить вас о нем, собственно по той причине, что заключается же оно вот в каких печальных обстоятельствах: дом, купленный, как вам известно, не так давно вашим братцем в Твери...»
«...продан за полцены...»	«...продан за бесценок»
«...совершенно никакого спасения»	«...совершенно никакой защиты»
«...в нем грибок, что полы в доме уже начинают крошиться, разрушаться»	«...в нем грибок.»
«— Простите, стоило ли спешить с такой печальной вестью!»	«— Покорно благодарю. Но простите — стоило ли вам спешить с такой печальной вестью!»

Имеется только одно разночтение в конце рассказа между газетной и книжной публикациями: «Кончается вся эта история тем...» (ПН); «Кончается все это тем...» (БД).

Разночтения между БД и СС:

БД	СС
«Ах, хорош Петербург! Приезжий только что с вокзала, из Москвы, — точно из деревни, — отлично выспался за ночь в теплом, покойном купе...»	«Хорош Петербург! Приезжий только что из Москвы, отлично выспался в теплом купе...»
«Предвкушая все это, приезжий поспешно раскрыл чемодан...»	«Приезжий раскрыл чемодан...»
«...лились глазки какого-то небольшого лысого человечка...»	«...лились глазки небольшого лысого человечка...»
«— Покорно благодарю. Но простите...»	«— Очень благодарю вас за внимание. Но простите...»
«— Ну и Бог с ним совсем! Да я и не понимаю ничего: какой грибок, что за грибок?»	«— Ну и Бог с ним совсем! Какой грибок, что за грибок?»

«Идол». Черновой автограф, без заглавия, авторская дата: «22.IX.1930» (РАЛ. MS 1066/120). В первой публикации с ЧА

есть только четыре разночтения: «...любопытно и глупо глядели...» (ЧА); «...любопытно глядели...» (ПН). «...желтое лицо» (ЧА); «...медно-желтое лицо» (ПН). «...мужик-идол» (ЧА); «...идол» (ПН). «...не обращая ни малейшего внимания...» (ЧА); «...не обращая внимания...» (ПН).

Сохранился черновой, возможно, первоначальный автограф без заглавия и без концовки (РАЛ. MS 1066/121) — ранняя редакция рассказа, значительно отличающаяся от опубликованного текста.

Текст ПН и БД идентичный.

Разночтения БД и СС:

БД	СС
«...каталось множество народу. А кроме того, было в саду еще и некоторое забавное зрелище, на которое невольно засматривались все шедшие на каток от ворот сада, — даже и те, что уже не раз его видели, благо оно было вполне открытое, бесплатное: по дороге на каток все на несколько минут приостанавливались...»	«...каталось множество народу. А по дороге на каток все на минуту приостанавливались...»
«...а возле порога чума, прямо на снегу...»	«...а возле чума, прямо на снегу...»
«...не то просто женоподобный дикий мужик...»	«...не то просто женоподобный, безбородый дикий мужик...»
«...а медно-желтое лицо, безбородое, широкоскулое...»	«...а медно-желтое лицо, широкоскулое...»
«...студент и курсистка, дружно и поспешно шедшие среди всех прочих своих дел и развлечений к своей главной, тайной цели, — к последней близости. И так на весь век и запомнились им те счастливые давние дни...»	«...студент и курсистка. И так на весь век и запомнились им те счастливые дни...»

Текст машинописи с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 20), идентичен *ВИ. РИ*. При подготовке книги *ВИ. РИ* была сделана только одна поправка: из фрагмента «...на катке с трех часов играла полковая музыка...» (СС) было вычеркнуто слово «полковая».

«Студент» («Молодость»). Текст ПН и БД идентичный. В Собрании сочинений рассказу было дано новое заглавие: «Молодость». Разночтения БД и СС:

БД	СС
«Студент был с большим, ровным носом, весь как будто деревянный, прямоугольный, но стройный, высокий...»	«Студент был с большим, ровным носом, весь как будто деревянный, прямоугольный, высокий...»
«Студент сдержанно появлялся на первых представлениях в театрах...»	«Студент появлялся на первых представлениях в театрах...»
«...товарищ по пензенской гимназии, стал искать его, с настойчивостью провинциала домогаться встречи с ним: и оказалось...»	«...товарищ по пензенской гимназии, стал искать его с настойчивостью провинциала: и оказалось...»
«...земляк вошел в глубочайший и грязный двор...»	«...земляк вошел в глубочайший двор...»
«...муж которой уже давно сидит в сумасшедшем доме»	«...муж которой сидит в сумасшедшем доме»
«...не сводя с нее узких, злых, кружевных глаз...»	«...не сводя с нее узких, злых глаз...»
«Это была женщина уже седеющая и вся какая-то мягкая, с мягкими подагрическими руками»	«Это была женщина уже седеющая и вся какая-то мягкая»
«За окном же, к большому удивлению гостя, не оказалось ровно ничего: за ним, с этой семиэтажной высоты, плоско и грязно белели только какие-то бесконечные снежные пустыни...»	«За окном же, с семиэтажной высоты, было далеко видно: плоско белели бесконечные снежные пустыни...»

«Маска». Черновой автограф, заглавие вписано позднее красной шариковой ручкой, авторская дата: «3-Х-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 74). Разночтения с ПН:

ЧА	ПН
«Отходят поезда на Москву»	«Отходят поезда в Москву»
«...пока что, чтобы показать свою серьезность, купила "Новое время"...»	«...пока что купила "Новое время"...»
«Она думает о чем-то совсем другом...»	«Она думает совсем о другом...»
«И она уже ненавидит меня...»	«И она уже волнуется...»

«— К сожалению, не могу вам сказать, — отвечаю я вежливо, но весьма сдержанно»	«— Не видал вечерних газет, не могу вам сказать»
«На ней нарядная шубка с белым пушистым воротником из ангорской козы и такая же папаха...»	«На ней синяя поддевка на белом барашке, белая папаха...»
«...подошел к ее столику молодой рыженький офицерик в новеньком полушубке с новенькими погонами...»	«...подошел к столику молодой рыженький офицер в новенькой шинели из солдатского сукна, с блестящими погонами...»
«...руки ловко и поспешно работают ножом и вилкой...»	«...руки ловко работают ножом и вилкой...»
«...в ответ на какие-то его щегольские утверждения все одни и те же скептические фразы...»	«...в ответ на его вольные и щегольские рассуждения о том, что жизнь “все-таки прекрасна”, все одни и те же загадочные фразы...»
«...и говорит уже совсем решительно»	«...и со вздохом говорит»

Текст ПН и БД идентичный, кроме одного исправления, скорее корректорского характера. В конце рассказа об офицере «полушубок» заменен на «шинель». Ранее в тексте офицер был одет в шинель.

Всего три разночтения БД и СС: «Она думает совсем о другом, остро чувствует мое соседство...» (БД); «Она остро чувствует мое соседство...» (СС). «...пальцы крупны и крепки, хотя миндально сияют выпуклыми острыми ногтями...» (БД); «...пальцы крупны и крепки, миндально сияют выпуклыми острыми ногтями...» (СС). «...небрежно роняет в ответ на его вольные и щегольские рассуждения...» (БД); «...небрежно роняет в ответ на его щегольские рассуждения...» (СС). Сохранилась машинопись, авторская дата: «1930 г.». (РАЛ. MS 1066/173). Текст идентичен СС.

«Убийство» («Убийца»). Черновой автограф с правкой, заглавие: «[Еще] убийство», авторская дата: «17-ХІ-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 83). Два разночтения с ПН: «И еще одно убийство. Только картина уже совсем другая. / Дом с мезонином...» (ЧА); «Дом с мезонином...» (ПН). «...плавно и не спеша, точно к венцу...» (ЧА); «...плавно, точно к венцу...» (ПН).

Текст ПН, БД и СС идентичный.

В книге *ВИ. РИ* изменено заглавие рассказа: «Убийца». Имеются три разночтения: «Двери подъезда открыты — виден на лестнице коврик...» (СС); «В растворенные двери подъезда виден на лестнице вверх коврик...» (*ВИ. РИ*). «Вдова, молодая...» (СС); «Вдова молодая, богатого купеческого роду...» (*ВИ. РИ*). «Бела и дородна — старой купеческой крови — черные глаза...» (СС); «Бела и дородна, черные глаза...» (*ВИ. РИ*). Сохранилась машинопись с правкой (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 32), текст идентичен *ВИ. РИ*.

«*В обреченном доме*» («*Обреченный дом*»). Черновой автограф, без заглавия, авторская дата: «10/23-Х-1930» (РАЛ. MS 1066/211). Рукопись заканчивается зачеркнутым предложением: «[Уходя, думаю: совершенно непостижимо — как это можем мы все-таки жить на свете среди всего этого!]».

Беловой автограф, авторская дата: «10/23-Х-1930», заглавие «Обреченный дом» вписано позднее рукой В.Н. Буниной синей шариковой ручкой (РАЛ. MS 1066/212), текст практически совпадает с черновым автографом, кроме перестановки некоторых слов и новой концовки рассказа: «Сумерки, слякоть...» (см. ниже). Разночтения БА с текстом ПН:

БА	ПН
«...и уже смеркается. Иду вверх по Большой Никитской, дохожу до Никитских Ворот и вижу: впереди, возле того старого и страшно запущенного двухэтажного дома, что рядом с церковью Федора Студита, кучками чернеет...»	«И уже вечереет. Иду вверх по Большой Никитской и вижу: впереди, возле старого двухэтажного дома кучками чернеет...»
«Оказывается — убийство...»	«Оказывается, опять попадаю на убийство...»
«...с проломленным черепом...»	«...с проломленной головою...»
«...из вещей у часовщика ничего не тронуто»	«...из вещей у часовщика ничего не взято ...»
«...внутри темного магазина пусто, — стоят только...»	«...внутри темного магазина стоят только...»
«...что не раз видел по утрам, проходя мимо нее: как этот несчастный часовщик, пожилой и очень невзрачный человек в теплом картузе, в зимнем пальто...»	«...что не раз видел утром, проходя мимо: как этот часовщик, пожилой и очень невзрачный человек в шубке...»

«Сумерки, слякоть, грязные сугробы в церковном дворе, впереди, вдоль пустой улицы, уже горят редкие, могильные фонари...»	«Сумерки, лужи, грязные сугробы, вдоль пустой улицы могильно горят редкие фонари...»
---	--

Текст *ПН* и *БД* идентичный. В Собрании сочинений Бунин дал новое заглавие рассказу: «Обреченный дом». Разночтения *БД* и *СС*:

<i>БД</i>	<i>СС</i>
«Ускоряю шаги и, подойдя, спрашиваю, что случилось? Оказывается, опять попадаю на убийство: часовщика, одиноко жившего в своей квартире над магазином...»	«Ускоряю шаги и спрашиваю, что случилось? Оказывается, опять попадаю на убийство: часовщика, одиноко жившего тут над своим магазином...»
«Эти лимонно-линочые стены, эта ржавая вывеска над пыльной витриной...»	«Эти линочые стены, эта ржавая вывеска над витриной...»
«Подхожу и себе к витрине: за стеклом, внутри темного магазина стоят только одни старинные часы...»	«Подхожу и себе к витрине: внутри темного магазина видны старинные часы...»
«...как этот часовщик, пожилой и очень невзрачный человек в шубке с вытертым (и точно облизанным) бобровым воротником отворял свой магазин...»	«...как этот часовщик, пожилой, невзрачный человек в шубке с вытертым бобровым воротником отворял свой магазин...»

При подготовке своего последнего сборника Бунин внес три исправления: «...когда нет на свете города отвратительней Москвы» (*СС*); «...когда кажется, что нет на свете города отвратительнее Москвы» (*ПУ*). «...на тротуаре и на улице народ» (*СС*); «...на тротуаре и на мостовой народ» (*ПУ*). «Оказывается, опять попадаю на убийство...» (*СС*); «Оказывается, попадаю на убийство...» (*ПУ*).

Судя по сохранившимся автографам и разночтениям в печатных текстах, это один из немногих «кратких рассказов», над которым Бунин больше всего работал. Тема смерти является одной из главных в творчестве писателя. Философский взгляд автора на смерть и отношение к ней видно в этом (и в некоторых других «кратких рассказах») произведении ярко и ощутимо, начиная с заглавия рассказа и вычеркнутой его концовки в

черновике (вероятно, как слишком личной) и заканчивая итоговым текстом. На примере имеющихся автографов и представленных вариантов мы видим длительную работу писателя над этим маленьким текстом, вобравшим в себя по сути целую повесть о несчастном часовщике.

«Ужас». Черновой автограф с правкой, заглавие «Ужас» вписано позднее красной шариковой ручкой, авторская дата: «25-X-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 78). Разночтения с ПН:

ЧА	ПН
«...по блестящим сухим жнивьям, пашням, и накатанным проселкам...»	«...по сухим, блестящим жнивьям, пашням и проселкам...»
«...стоявший в чистом поле»	«...одиноко стоявший в поле»
«...а хозяин, городской торговец»	«...а хозяин, городской прасол»
«...бесконечное ровное поле...»	«...чистое, ровное поле...»
«...всего на всего хозяйский бревенчатый флигель...»	«...всего на всего бревенчатый флигель...»
«...лег я на эти нары...»	«...лег я на эту кровать...»
«...жизни того человека...»	«...жизни какого-то мещанина...»
«...озарял нары...»	«...озарял кровать»
«Я проснулся внезапно...»	«Я проснулся сразу...»
«...вскочил на нарах...»	«...вскочил на кровати»
«...лез и стучал головою...»	«...лез и стучал»
«...шатавшаяся ночью по гумну, по усадьбе»	«...шатавшаяся ночью по усадьбе»

Текст ПН и БД идентичный. Имеется два разночтения между БД и СС:

БД	СС
«Мужик, вышедший на порог без шапки, но в полушубке...»	«Мужик, вышедший на порог в накинутом полушубке...»
«Кто-то громко стучал ко мне снаружи, с поля, в верхнюю половину оконной рамы. Стук этот почему-то показался мне столь зловещим, что я вне себя вскочил на кровати»	«Кто-то громко стучал ко мне снаружи, в верхнюю половину оконной рамы. Стук был так страшен, что я вне себя вскочил на кровати»

«*На Базарной*». Черновой автограф имеет заглавие «Гробик», авторская дата: «26-Х-1930» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 79). Разночтения с ПН:

ЧА	ПН
«На Старой Базарной всем торгуют...»	«На Базарной всем торгуют...»
«...колонияльные лавки, дальше амбары и склады, пахнущие мукой и зерновым хлебом, ряды шорные, скобяные...»	«...колонияльные лавки, скобяные...»
«...на всю улицу один случайный покупатель, мужик из уезда: рысью прогремел по Базарной снизу...»	«...на Базарной пусто — всего один случайный покупатель, мужик из уезда: рысью прогремел от собора, снизу...»
«...так мрачно и грубо чернеет и лиловеет сухой дешевой краской...»	«...так сумрачно и грубо чернеет сухой дешевой краской...»
«— Значит, для родителя или мамы? / — То-то и дело, что для мамы...»	«— Значит, для родителя или для мамы? / — То-то и дело, что для мамы...»
«...кое-где в липких желтых каплях проступившей смолы»	«...кое-где в желтых смоляных каплях»
«И мужик, оживляясь, в надежде на уступку: / — Нет, этот с браком! Возьму, если скинешь с пятерки...»	«И мужик, оживляясь, в радостной надежде на большую уступку: / — Нет, этот со свищем, с изъяном! Это брак, милый! Возьму, если скинешь с пятерки...»

Конец рассказа в ПН отсутствует: «Выезжает он обратно, когда уже звонят к вечерне. Было еще не мало заботы: свечи, саван, полведра водки, соленая рыба... Зато теперь все слава Богу, справил все как надо. И он отдыхает, трусит не шибко, чтобы не побить углов гроба, утонувшего в соломе, и чувствует себя не плохо: гроб и впрямь взял с уступкой, на радостях выпил немножко, закусил белым хлебом... Конечно, все-таки порядочные траты, опять же целый день пропавший, — а рожь течет, сохнет, — завтра тоже не до работы... Ну, да что ж делать? Приказчик сказал верно: / — Авось не каждый год родители помирают!» (ЧА).

Текст ПН и БД идентичный. Разночтения между БД и СС:

<i>БД</i>	<i>СС</i>
«...сразу видно, что по спешному и неожиданному делу...»	«...сразу видно, что по спешному делу...»
«...на то, что нужно, — что стоит рядом с ними и так сумрачно и грубо чернеет сухой дешевой краской...»	«...на то, что нужно, — что так грубо чернеет сухой дешевой краской...»
«— То-то и дело, что для мамаш... Ты мне выбери что-нибудь поинтересней и подешевле»	«— То-то и дело, что для мамаш...»
«...проводит себя от предплечья к предплечью»	«...проводит себя от плеча к плечу»
«С ручательством за полную солидность»	«С ручательством за полную солидность»
«И то только для мамаш!»	«И то только ради мамаш!»

Сохранилась машинопись с правкой, заглавие: «На Базарной [улице]», авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 22). Текст идентичен тексту *ВИ. РИ*. Разночтения между *СС* и *ВИ. РИ*:

<i>СС</i>	<i>ВИ. РИ</i>
«На Базарной всем торгуют: тут магазины красного товару...»	«На Базарной улице всем торгуют: тут магазины красного товара...»
«...на Базарной пусто...»	«...на Базарной улице пусто...»
«— Что-нибудь по сельскому обиходу или, повторяю, гробик? / — Да, гробик...»	«— Что-нибудь по сельскому обиходу или гробик? / — Гробик...»
«— Для младенца, милый, я не стал бы себя беспокоить в такую пору. Я всю косьбу бросил в поле...»	«— Для младенца, милый, я не стал бы себя беспокоить в такую пору. Для младенца я бы сам какую-нибудь херовинку сколотил. А тут всю косьбу бросил в поле...»

«*Мамаша*» («*Стропила*»). Черновой автограф, без заглавия, авторская дата: «17-Х-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 76. Л. 2). Беловой автограф, заглавие «*Стропила*» вписано позднее красной шариковой ручкой, авторская дата: «10/23-Х-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 76. Л. 1). Текст *БА* идентичен *ПН*.

Имеется одно разночтение между *ПН* и *БД*: «Все мотаюсь, мещанствую. Как же нам, шибаям, иначе быть? С ярманки на ярманку, с базара на базар...» (*ПН*); «Все мотаюсь, мещанствую. С ярманки на ярманку, с базара на базар...» (*БД*).

В Собрании сочинений Бунин дал новое заглавие рассказу: «Стропила». И внес одну поправку: «...интереса ко мне или соображения — ни малейшего...» (БД); «...интереса или соображения — ни малейшего...» (СС).

«Летний день». Как верно отметил в своей статье Е.Р. Пономарев¹⁹, этот рассказ является переработкой последнего фрагмента статьи Бунина «Записная книжка»²⁰. Имеет место одно различие между ПН и БД: «...как-то кисло-сладко жмурится...» (ПН); «...как-то кисло-сладко оскалывается...» (БД). И два различия между БД и СС: «Кобелек с отвращением моргает, отворачивается, как-то кисло-сладко оскалывается, слабо, неуверенно поднимает лапу, но тотчас опять опускает ее» (БД); «Кобелек с отвращением моргает, отворачивается, кисло-сладко оскалывается, слабо, неуверенно поднимает лапу и тотчас опять опускает ее» (СС).

«Журавли». Черновой автограф, без заглавия, авторская дата: «27-Х-1930» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 81). Различия с ПН:

ЧА	ПН
«...треск беговых дрожек...»	«...треск шибко бегущих дрожек...»
«...кот-то меня нагоняет. Он все ближе и ближе...»	«...кот-то нагоняет. Этот кто-то все ближе и ближе...»
«...сквозь треск колес слышны его удары по лошади и ее мощное дыхание...»	«...сквозь треск слышно мощное лошадиное дыхание...»
«...виляю в сторону...»	«...виляю с дороги...»
«...свой яростный взгляд, поражает черными глазами, красной пастью и смолью...»	«...свой черный яростный взгляд, поражает свежей красной пастью и смолью...»
«...богатый мельник из-под Ливен...»	«...богатый, хозяйственный мельник из-под Ливен...»

¹⁹ Пономарев Е.Р. «Краткие рассказы» и папки набросков: Формы дискретного нарратива в творчестве И.А. Бунина 1930-х годов // *Emigrantica et cetera*: К 60-летию Олега Коростелева. М., 2019. С. 694.

²⁰ Бунин И.А. Записная книжка // *Возрождение*. 1926. 23 января. № 235. С. 3.

«Тут уж я гоню лошадь и...»	«Тут уж я гоню к нему и...»
«И, трясая головой, захлебывается горькими пьяными слезами»	«И, мотая головой, захлебывается пьяными слезами»

Одно различие между *ПН* и *БД*: «...сразу останавливается и соскакивает с дрожек» (*ПН*); «...сразу соскакивает с дрожек» (*БД*).

Различия *БД* и *СС*:

<i>БД</i>	<i>СС</i>
«Ясный и холодный день поздней осени, еду ровной, спокойной рысцой по большой дороге. Блеск низкого солнца и пустых полей, безмолвное и недвижимое ожидание чего-то, мертвая, светлая тишина земли и неба»	«Ясный и холодный день поздней осени, еду ровной рысцой по большой дороге. Блеск низкого солнца и пустых полей, осеннее безмолвное и недвижимое ожидание чего-то, тишина земли и неба»
«Что такое, кто это?»	«Что такое?»
«...гнедая кобыла, ее глаза, ноздри...»	«...гнедая кобыла, ее глаз, ноздря...»
«...свой черный, яростный взгляд...»	«...свой яростный взгляд...»
«А пролетев с версту и уже совсем вдали уменьшившись, сразу соскакивает с дрожек»	«А пролетев с версту, сразу соскакивает с дрожек»

Сохранилась машинопись с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 19). Текст идентичен *ВИ. РИ*. Различия *СС* и *ВИ.РИ*:

<i>СС</i>	<i>ВИ. РИ</i>
«...осеннее безмолвное и недвижимое ожидание чего-то, тишина земли и неба»	«...осеннее безмолвное ожидание чего-то»
«...треск шибко бегущих дрожек»	«...треск беговых дрожек»
«...седок — черный красавец мужик...»	«...седок — чернобородый красавец мужик...»
«Он бешено-быстро кидает на меня...»	«Он бешено кидает на меня...»
«...а сам седок лежит возле...»	«...а сам седок лежит на дороге возле...»
«И, когда я равняюсь, вскакивает и отчаянно взмахивает руками»	«И отчаянно взмахивает руками»

«*Старуха*» («*Русь*»). Текст ПН и БД идентичный. Текст машинописи с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 26), идентичен СС.

В Собрании сочинений Бунин изменил заглавие рассказа: «*Русь*». Было сделано два исправления, одно из которых носит содержательный характер:

БД	СС
«Про людей безбожных говорит очень строго: / — Не смеют они так говорить. Бог наш, а не их. Сжечь бы их всех!»	«Про большевиков говорит очень строго: / — Не смеют они так про Бога говорить. Бог наш, а не их. Сжечь бы их всех!»
«Снега иной раз выше вековых сосен»	«Снега выше вековых сосен»

Текст СС и ВИ. РИ идентичный.

«*Иван*» («*Сокол*»). Черновой автограф, ошибочно вписано заглавие «*Журавли*», возможно, рукой В.Н. Буниной, дата написана карандашом: «27/X 1930», вероятно, ее же рукой (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 80). Разночтения с ПН:

ЧА	ПН
«...гумно Ивана, совсем пустое, заброшенное...»	«...гумно Ивана, нищее, пустое...»
«...стремглав, припадая к земле, неслась его единственная курица и с восклицательным криком взвилась...»	«...стремглав, припадая к земле шеей, неслась его единственная наседка и с отчаянно-восклицательным криком взвилась...»
«Иван усмехнулся...»	«Иван слегка удивился...»
«Ест что промыслит, без разбору. Она у меня собака съедобная»	«Ест что сама промыслит...»
«Иван посмотрел на него и молвил: / — Ишь, какую себе визиточку удрал!»	«Иван посмотрел, усмехнулся: / — Ишь, в какую визиточку нарядился!»
«...всей случайной добычей того лета (лета семнадцатого года)...»	«...всякой добычей того памятного лета...»
«...прихотливо изогнутая рама красного дерева с половинкой разбитого зеркала, темно-зеленое бархатное полотнище портьеры, жестяное ведро с продавленным боком...»	«...прихотливо изогнутая рама из палисандра, где от зеркала осталась только косая половинка, полотнище пыльной гардины, цинковая детская ванна с продавленным боком...»

«...с одной гирей, валявшейся в золе возле печки...»	«...с одной гирей в золе возле печки...»
«...сказал Иван с довольной усмешкой...»	«...сказал Иван самодовольно...»

Фрагмент «Ест что промыслит, без разбору. Она у меня собака съедобная» (ЧА) встречается в «Окаянных днях»: «Спрашиваю однажды мужика, чем он кормит свою собаку. Отвечает:

— Как чем? Да ничем, ест, что попало: она у меня собака съедобная» (запись 9 мая 1919 г.).

Для книги «Божье древо» Бунин дал рассказу новое заглавие: «Сокол». Текст ПН и БД идентичный.

Разночтения БД и СС: «...всякой добычей того памятного лета: корыта, <...> граммофонные пластинки и граммофонный рупор...» (БД); «...всякой добычей того памятного лета, семнадцатого года: корыта, <...>, граммофонный рупор...» (СС).

Текст машинописи с правкой, заглавие: «Сокол», авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 30), идентичен ВИ. РИ.

Разночтения СС и ВИ. РИ:

СС	ВИ. РИ
«...лежала чернобровая лягавая собака с висячими ушами...»	«...лежала чернобровая собака с висячими ушами...»
«— Как чем? Да, ничем. Ест, что сама промыслит...»	«— Как чем? Да ничем. Это ее дело»
«...сидел на ее обресе сизый голубь»	«...сидел на ее обресе сизый, с серой грудкой голубь»
«...стенные часы с одной гирей в золе возле печки, под котлом для самогона... В избе, и без того кривой, тесной, было негде повернуться, было безобразно, точно после пожара. И неподвижно сидела на лавке баба...»	«...стенные часы с одной гирей в золе возле печки, пыльная господская визитка, — все из какого-нибудь разграбленного господского имения. В избе, и без того тесной, негде было повернуться, было безобразно. И истуканом, молча сидела на лавке баба...»

«Первая любовь». Беловой автограф с правкой, с заглавием, авторская дата: «2-Х-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 1–2), имеются разночтения с ПН: «...сказочных лесных существ...» (БА); «...сказочных лесных чудищ...» (ПН). «...чем-то очень милым» (БА); «...почему-то очень милым» (ПН).

Черновой автограф, без заглавия, авторская дата: «2-Х-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 3–4).

Сохранилась другая, вероятно, первоначальная редакция рассказа, автограф без заглавия и даты (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 5–6). Эта редакция значительно отличается от напечатанного рассказа. Основное внимание автора в этом тексте обращено на описание леса после дождя, только в самом конце упоминается девушка, с которой герой идет рядом. Нет гостей, коллективной прогулки с собакой. По содержанию рассказ художественно-мемуарный, автор вспоминает очень давнюю прогулку в лесу после дождя.

Текст ПН и БД идентичный. Разночтения БД и СС: «...она стоит, как многосвечники в церкви под серебристой кисеей в блестках...» (БД); «...она стоит как бы под серебристой кисеей в блестках...» (СС). «Впереди же, но степенно, грациозно шла и девочка-подросток...» (БД); «А с гулявшими степенно, грациозно шла девочка-подросток...» (СС).

Разночтения СС и ПУ: «...стал на край своего гнезда...» (СС); «...стал на краю своего гнезда...» (ПУ). «А когда выходишь на поляну...» (СС); «А пока выходишь на поляну...» (ПУ).

«**Небо над стеной**». Черновой автограф, густо исчерканный с многочисленными исправлениями, перечеркнут кривой чертой, без заглавия, авторская дата: «24-Х-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 2), по содержанию почти совпадает с беловым автографом.

Беловой автограф, заглавие вписано позднее синей шариковой ручкой, авторская дата: «24-Х-30» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 1). Разночтения с БД:

БА	БД
«...высоко сидящий на козлах в одном пиджачке и каскетке...»	«...в одном пиджачке и каскетке сидящий на высоких козлах...»
«...площадь и нас ослепляет теплое, сияющее солнце»	«...площадь, на слепящее теплое солнце»
«Впереди, в слепящем блеске...»	«Впереди, в этом блеске...»
«А слева, рядом с нами, идет какое-то древнее поместье, тянется высокая и грубая, как крепость, радостно озаренная...»	«А слева, рядом с нами, идет какая-то древняя руина, тянется дикая, как крепость, радостно озаренная...»

«...косит глаза кверху, глядит в дивное лоно его райских красок, щелкает языком и восклицает...»	«...косит глаза кверху, в дивное лоно его райских красок, и кричит, восклицает...»
--	--

Сохранился еще один беловой автограф (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 3), без заглавия, авторская дата: «24-X-30», практически совпадает с предыдущим.

Тексты *БД* и *СС* совпадают, кроме одного исключения: в описании кучера «...всячески дергает локтями...» (*БД*) вычеркнуто слово «всячески».

«*Распятие*». Автором внесено только два изменения при подготовке *СС*: «...где над старой могилой, под алтарной стеной, стоит на чугунном кубе позеленевшее чугунное Распятие» (*ПН*); «...где, над старой могилой, стоит на чугунном кубе позеленевшее чугунное Распятие» (*СС*). «И странники долго крестятся, кланяются...» (*ПН*); «И странники крестятся, кланяются...» (*СС*).

«*Марья*». Разночтения *ПН* и *СС*:

<i>ПН</i>	<i>СС</i>
«— Да ну хоть выходку сделай!»	«— Ну хоть выходку сделай!»
«И вдруг встает, высыпает подсолнухи из горсти на край стола, поправляет платок на плечах...»	«И вдруг встает, поправляет платок на плечах...»
«...какая сжатость сил, страсти, ловкости и какой оттого пуший блеск...»	«...какая сжатость сил, страсти и какой оттого пуший блеск...»
«Она плывет мимо, отвечает небрежно, вскользь, неживым голосом...»	«Она плывет мимо, отвечает небрежно, вскользь, как неживая...»

Текст машинописи с правкой, авторская дата: «1930 г.» (ОР ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 21), идентичен *ВИ. РИ*. Разночтения *СС* и *ВИ. РИ*:

<i>СС</i>	<i>ВИ. РИ</i>
«В избе, после сытного, праздничного обеда. / Все наряжены. / Работники в сапогах, в чистых рубашках, подстрижены, с красными, подбритыми шеями. / Рычат, ловко ладят две ливенки»	«В избе, после сытного, праздничного обеда. / Работники в сапогах, в чистых рубашках, подстрижены, с красными, бритыми сзади шеями. / Рычат, ловко вторят две гармонии: Раздайся, народ: Трепаком идет Федот!»
«— Марья, а ты что ж сидишь?»	«— Марья, а что ж ты сидишь?»

«Нехороша, немолода, невелика, костиста, а у всех восхищенно замирает сердце: какая сжатость сил, страсти и какой оттого пуший блеск, точность каждого движенья!»	«Нехороша, немолода, невелика, сухощава, а у всех замирает сердце: какая сжатость сил, тайной страсти и какой оттого пуший блеск, лад!»
«Она плывет мимо, отвечает небрежно, вскользь, как неживая»	«Она плывет мимо, говоря небрежно, вскользь, как неживая»

Итак, сохранились автографы 23 «кратких рассказов», они представлены в разном составе: черновик и беловик, только черновик или только беловик. Значительно реже сохранилось их больше: например, рассказы «Первая любовь» и «Небо над стеной» имеют по три автографа. Пять рассказов имеют по два автографа. 18 рассказов имеют машинописные тексты с авторской правкой. Таким образом, мы имеем довольно большой комплекс архивных источников этого цикла.

В результате исследования всех этих материалов было установлено, что автографы (черновые и беловые) относятся к первым публикациям рассказов, а все дошедшие до нас машинописи «кратких рассказов» относятся к концу жизни писателя, когда он готовил к печати свои последние книги: «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1953), «Петлистые уши и другие рассказы» (Нью-Йорк, 1954). Единичные сохранившиеся машинописи («Паломница», «Коренной», «Блаженные», «Канун», «Маска», «Старуха» («Русь»)) относятся к 1930 г. или к периоду работы писателя над подготовкой Собрания сочинений в середине 1930-х гг.

Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют об упорной творческой работе Бунина над циклом «кратких рассказов» в общей сложности в течение 23 лет. Многочисленная и разнообразная правка была нацелена на решение главной задачи: достичь в малом многого. На этом богатом материале возможно рассмотрение поэтики «кратких рассказов», но это отдельный вопрос, требующий специального исследования.

В заключение необходимо решить принципиальный текстологический вопрос: как публиковать «краткие рассказы» в научном Полном собрании сочинений Бунина? Выбор основного текста в целом не вызывает проблем — тексты должны

печататься по последней авторской публикации. При этом в разделе «Редакции и варианты» должны быть полностью напечатаны ранние черновые редакции рассказов «Идол» и «Первая любовь», значительно отличающиеся от печатного текста.

Остается вопрос относительно двух рассказов — «Паломница» и «Поросята», которые Бунин не включил в свои авторские сборники и Собрание сочинений. Если придерживаться уже апробированной идеи делить том сочинений писателя на два основных раздела: 1) произведения, вошедшие в авторские издания, 2) произведения, не вошедшие в авторские издания, то два рассказа «Паломница» и «Поросята» выпадают из первого раздела и переходят во второй, т.к. не включались автором ни в одно книжное издание. При таком решении нарушается целостность цикла «кратких рассказов». С другой стороны, Бунин в своих авторских сборниках и Собрании сочинений никак не обозначал этот цикл отдельно, общее его название «Краткие рассказы» встречается только в газетных публикациях. На наш взгляд, в данном случае необходимо сделать исключение из общего правила и поместить все «краткие рассказы» в первый раздел, чтобы не нарушать единства этого собрания коротких произведений писателя. Объединенные одной творческой идеей — в самых кратких формах дать большое содержание — в научном Полном собрании сочинений Бунина все «краткие рассказы» должны публиковаться в первом основном разделе.

На примере «кратких рассказов» мы вновь увидели, что из общих текстологических и композиционных правил необходимо делать исключения. Общее принципиальное правило для всего научного Полного собрания сочинений Бунина — в качестве основного текста выбирать последний авторский напечатанный текст — ко всей художественной прозе писателя применить нельзя, этой теме посвящена недавняя наша статья²¹.

Безусловно необходимо дальнейшее исследование текстологии Бунина для подтверждения или корректировки высказанных в статье положений.

²¹ Двинытина Т.М., Морозов С.Н. Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 68–79.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Н.С.* “Петухи опевают ночь” // Русская речь. 1970. № 3. С. 27–28.
- Адамович Г.В.* [Рец. на книгу «Божье древо» (Париж, 1931)] // Иллюстрированная Россия. 1931. № 21. 16 мая. С. 21.
- Бицилли П.М.* [Рец. на книгу «Божье древо» (Париж, 1931)] // Числа. 1931. № 5. С. 222–223.
- Бунин И.А.* Божье древо. Париж: Современные записки, 1931. 176 с.
- Бунин И.А.* Весной в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 236 с.
- Бунин И.А.* Вне: Именины, Музыка, Жучки // Звено. 1924. 24 ноября. № 95. С. 2.
- Бунин И.А.* Далекое: Ущелье, Пожар, Дедушка, Красные фонари, Сказки // Последние новости. 1930. 8 июня. № 3364. С. 2–3.
- Бунин И.А.* Записная книжка // Возрождение. 1926. 23 января. № 235. С. 3.
- Бунин И.А.* Короткие рассказы: Святитель, Слепой // Иллюстрированная Россия. 1924. № 9. 15 декабря. С. 1–2.
- Бунин И.А.* Короткие рассказы: Русак, На гумне // Иллюстрированная Россия. 1925. № 15. 15 марта. С. 1–2.
- Бунин И.А.* Краткие рассказы // Последние новости. 1930. 21 сентября. № 3469. С. 2–3.
- Бунин И.А.* Краткие рассказы: Поросята, Ландо, Роман горбуна, Постоялец, Слон, Телячья головка, Грибок, Идол, Студент, Маска // Последние новости. 1930. 2 ноября. № 3511. С. 2–3.
- Бунин И.А.* Краткие рассказы: Убийство, В обреченном доме, Ужас, На Базарной, Мамаша, Летний день, Журавли, Старуха, Иван, Первая любовь // Последние новости. 1930. 30 ноября. № 3539. С. 2–3.
- Бунин И.А.* Краткие рассказы: Распятие, Марья, Костер, Надежда // Последние новости. 1932. 10 апреля. № 4036. С. 2.
- Бунин И.А.* Петлистые уши и другие рассказы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 384 с.
- Бунин И.А.* Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 9. 302 с.
- Гулова И.А.* “Жизнь, тайна которой есть наше вечное и великое мучение...”: Об эссеистичности рассказа И.А. Бунина “Ущелье” // Русский язык в школе. 1998. № 5. С. 56–63.
- Двинятина Т.М., Морозов С.Н.* Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 68–79.
- Зайцев К.И.* Бунин // Россия и славянство. 1931. 2 мая. № 127. С. 3.
- Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1995. 412 с.
- Магазанник Е.П.* «Краткие рассказы» И.А. Бунина: (Идеи, поэтич. структура) // Вопросы теории и истории литературы / отв. ред. Е.П. Магазанник. Самарканд, 1977. С. 40–51. (Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои; Вып. 320).

- Магазанник Е.П.* «Краткие рассказы» И.А. Бунина в свете поэтики // Проблемы поэтики. Самарканд, 1978. Т. 4. С. 33–40 (Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Вып. 361).
- Магазанник Е.П.* От поэтической структуры к художественным обобщениям в новелле Бунина «Роман горбуна» // Труды Самаркандского университета. 1977. Вып. 311. С. 42–46.
- Мезинова Г.Н.* Народное слово в «Кратких рассказах» И.А. Бунина // Русская речь. 1987. № 3. С. 103–107.
- Никольская Л.Д.* Значение «Кратких рассказов» в эволюции творчества И.А. Бунина // Проблемы истории критики и поэтики реализма: Межвузовский сб. / Куйбышев. гос. ун-т; отв. ред. Л.А. Финк. Куйбышев, 1978. Вып. 3. С. 99–113.
- Пильский П.М.* «Божье дерево». Новая книга Бунина // Сегодня. 1931. 29 апреля. № 118. С. 3.
- Пономарев Е.Р.* «Краткие рассказы» и папки набросков: Формы дискретного нарратива в творчестве И.А. Бунина 1930-х годов // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева* / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2019. С. 690–709.
- Проходова В.П.* О поэтике малой формы: образ автора в цикле миниатюр М. Коцюбинского «Intermezzo» и «Кратких рассказах» И. Бунина // Вопросы литературы народов СССР: Респ. межвед. науч. сб. / Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова; отв. ред. В.В. Фащенко. Киев; Одесса, 1986. Вып. 12. С. 107–116.
- Савельев А.* [Шерман С.Г.] [Рец. на книгу «Божье дерево» (Париж, 1931)] // Руль. 1931. 6 мая. № 3173. С. 5.
- Сергеева Г.Н.* Семантическая композиция цикла кратких рассказов И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 243 с.
- Степун Ф.А.* [Рец. на книгу «Божье дерево» (Париж, 1931)] // Современные записки. 1931. Кн. 46. С. 486–489.
- Ходасевич В.Ф.* Книги и люди. «Божье дерево» // Возрождение. 1931. 30 апреля. № 2158. С. 3.
- Цебова М.П.* О некоторых жанровых и стилистических особенностях цикла «Краткие рассказы» И.А. Бунина // Ученые записки Кишиневского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Кишинев, 1970. Т. 88, № 2. С. 96–107.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А.Б. — см. Бабореко А.К.
А.З. — см. Толстой А.Н.
А.Л. 292, 342
Аболина М.М. 99, 205
Аввакум Петров 258, 467, 523
Аввакум, протопоп — см. Аввакум Петров
Аверченко А.Т. 28, 55, 600, 702
Аверьянов М.В. 587
Авилова Н.С. 906, 949
Авксентьев Н.Д. 401, 405, 406, 412, 425, 429, 686, 714, 715
Агафонова В. Д. 585, 586,
Агрелл С.В. 332
Агурский М.С. 505, 506, 508, 509, 537
Адамович Г.В. 28, 51, 83, 86, 89, 90, 91, 95–97, 105, 171–175, 177–182, 185, 205, 289, 342, 346, 385, 514, 518, 535, 570, 762, 764, 770, 914, 949
Азаров Ю.А. 3, 14, 17, 45, 64, 83, 97, 209, 287, 344, 387, 388, 392, 429, 443, 445, 499, 541, 575, 605, 627, 652, 683, 768, 803, 813, 904
Азеф Е.Ф. 405, 694
Айхенвальд Ю.И. 420, 739
Акаева Т.В. 791
Аксаков С.Т. 556, 896
Аксаковы 723
Алданов М.А. 100, 101, 181, 183, 205, 223, 256, 283, 320, 326, 330, 336, 343, 375, 381, 411, 413, 414, 421, 429, 470, 477, 560, 645, 690, 710, 776, 910
Алексеев С.А. — см. Найденов С.А.
Алексинский Г.А. 559
Аллой В. 422
Амари — см. Цетлин М.О.
Амфитеатров А.В. 100, 291, 300, 342, 462, 468, 635
Ангарский, Н.С. 582
Андреев Л.Н. 304, 305, 307, 467, 468, 474, 547, 563, 590, 597, 602, 603, 609, 614–616, 618, 645, 646, 688, 696, 702, 704, 712, 781
Андреева И.П. 96
Андреева М.Ф. 548, 584, 600, 621
Андрющенко Е.А. 444

- Анисимов К.В. 36, 37, 42
Анисимова Е.Е. 36, 37, 42
Антонов И.Н. 638
Анцыферов А.Н. 715
Аплетин М.Я. 374, 382
Арагон Л. 51, 61
Арцыбашев М.П. 28, 70, 468,
563, 629
Асеев Н.Н. 54
Асс Н.А. 820
Атилла 253
Афанасьев А.Н. 667, 755, 767
Афонин Л.Н. 579, 590, 600
Ахматова А.А. 26, 459, 490, 668
Бабаева А.В. 799
Бабель И.Э. 28, 253, 258, 346,
550, 647, 706
Бабореко А.К. 19, 23, 80, 82,
105, 113, 205, 206, 282, 283,
293, 350, 355, 380, 385, 433,
434, 470, 475, 484, 494, 496,
508, 625, 666, 667, 680, 692,
706, 766, 770, 804, 907, 909,
949
Багрицкий Э.Г. 28, 354
Байрон Д.Г. 374, 482, 580, 821
Бакст Л.С. 465, 497
Бакунцев А.В. 12, 216, 224, 283
Балтрушайтис Ю.К. 309
Бальмонт К.Д. 69, 70, 309, 318,
326, 554, 555, 618, 630, 655,
693, 702, 726, 740, 758, 790,
820, 821, 893
Барабаш Ю.Я. 17, 30, 41, 42
Баратынский Е.А. 86, 198, 247,
763
Барятинский В.В. 330
Батюшков К.Н. 723
Бауман Н.Э. 433
Бахметьев Б.А. 477
Бахрах А.В. 105, 206, 374, 770,
771
Бахтин М.М. 40, 42, 773, 774
Бахтин Н.М. 93
Белл В. 467
Белоусов И.А. 21, 22, 30, 42,
305, 601, 603, 730
Белый А. 86, 152, 178, 180, 181,
198, 199, 206, 309, 368, 490,
618, 653, 659, 781, 782
Беляева И.А. 642, 647
Беляков З.С. 607, 625
Бем А.Л. 426, 427, 859, 902
Бенуа А.Н. 511, 514, 516, 522,
752, 754, 767
Беньян Дж. 168, 206
Берберова Н.Н. 262, 414, 419,
432, 443, 558, 559, 573

- Бердникова О.А. 743, 766
Бердяев Н.А. 100, 126, 143,
200–204, 206, 430, 459, 516,
522
Берзина А.А. 390, 444
Бетховен Л. 796
Бирюков П.И. 100, 132, 154,
157
Бицилли П.М. 83, 86, 92–95,
160, 181, 183, 206, 534, 537,
915, 949
Благасова Г.М. 770
Благой Д.Д. 168, 206
Блок А.А. 53, 90, 244, 265, 266,
311–314, 343, 459, 582, 653,
655, 656, 658, 659, 669, 676,
678, 681, 722, 779, 780, 782
Блудова А.Д. 189
Блюм А.Л. 411
Боборыкин П.Д. 702
Бобринская В.Н. 290
Богданович А.Е. 607, 608, 626
Богомолов Н.А. 96, 770
Бодлер Ш. 471
Болгаров С. 40
Болесцис Н. 255
Болховитинов Е.А. 537, 538
Бонгард-Левин Г.М. 480
Борман Ад. 449
Борман Ар. А. 454, 455, 457,
458, 481, 486, 489, 497
Борман С.А. 449, 454, 457, 458
Бочаров С.Г. 86, 96
Бочарова И.А. 547, 573
Браун Ф.А. 556
Браун Я.В. 66, 82
Брейтман Г.Н. 328
Брем А.Э. 671, 732, 897
Брик Л.Ю. 57
Брик О.М. 57
Бродский Б.И. 253
Брусилов А.А. 699
Брэм А.Э. — см. Брем А.Э.
Брюсов В.Я. 266, 305, 309, 343,
601, 602, 618, 654, 655, 758
Будберг М.И. 335, 461
Буденный С.М. 550
Будищев А.Н. 702
Булгаков С.Н. 97, 188, 192, 206
Бунаков И.И. — см. Фонда-
минский И.И.
Бунин А.Н. 106, 108, 295, 297
Бунин И.П. 296
Бунин Л. 566
Бунин Н.Д. 295
Бунин Н.Н. 295–297

- Бунин Ю.А. 19, 105, 305, 312, 323, 575, 586, 587, 589, 592, 597, 599, 601, 610
- Бунина Л.А. 295
- Бунина А.П. 566
- Бунина В.Н. — см. Муромцева-Бунина В.Н.
- Бунины (И.А. и В.Н.) 387, 389, 390, 395–397, 411, 420, 430, 434, 436, 437, 441
- Буренин Н.Е. 600, 618, 619
- Бурлюк В.Д. 28
- Бурлюк Д.Д. 28, 55
- Бурцев В.Л. 418, 546, 694, 697, 698, 716, 778
- Быковцева Л.П. 626
- Быстрова О.В. 605, 608, 620, 626
- Вальтер Л. 728
- Варшавский В.С. 393, 435, 444
- Василевский И.М. 329, 688–690, 702, 708, 726, 766
- Васнецов В.М. 718
- Вейдле В.В. 83, 86, 92–94, 96
- Вейс (Вейсс, Вайс) Г. 433
- Венгеров С.А. 804, 812
- Вергежский А. — см. Тыркова-Вильямс А.В.
- Вересаев В.В. 85, 96, 305, 309, 559, 587, 597, 603, 609, 763
- Верлен П. 61
- Верхарн Э. 51
- Веселый А. 75, 258, 263
- Ветлугин А. 326, 329, 695
- Видуэцкая И.П. 96
- Вильгельмке К. 592
- Вильде Б.В. 435
- Вильямс Г. 445, 448, 450–458, 460, 463, 474, 475, 481, 498
- Вишняк М.В. 391, 393–395, 401, 407–410, 412, 413, 415, 417–419, 421, 422, 425–429, 444, 686, 714
- Вознесенская И.М. 783, 784
- Войтоловский Л.Н. 306, 307, 342
- Волкенштейн А.А. 107
- Волков А. А. 687, 688, 767
- Волошин М.А. 238, 244, 290, 292, 309, 340, 347, 582, 673
- Вольнов И.Е. 74, 78, 558, 564, 584
- Вольнова С.Г. 584
- Вольский А.П. 328
- Вольтер 266
- Воровский В.В. 77, 78, 82
- Воронский А.К. 66, 69, 74, 78, 82

- Воронцова Г.Н. 287, 311, 343
Воротынцева К.А. 774
Врангель П.Н. 697, 713, 716,
718, 721, 779
Вулф В. 445, 467, 471, 484, 494,
497
Вулф Л. 447, 466, 467, 469, 471,
474, 475, 494, 497
Вундер Г. 433
Вырубов В.В. 820
Высоцкая И.Д. 396
Высоцкий В.Я. 395
Высоцкий Д.В. 395, 396
Вышеславцев Б.П. 178, 202,
203, 206, 459
Гавронский О.Б. 395
Гавронский Я.О. 396
Газданов Г. 255
Гайли — см. Тыркова С.К.
Гален-Каллела А. 47
Галич Л.Е. 503, 535, 537, 702,
708
Гальберштат Л.И. 216, 244
Гамсун К. 602
Гамэн Ф. 250
Гапон Г.А. 619
Гарнет Э. 494
Гастев А.К. 719
Гербель Н.В. 482
Герни Б.Г. 472, 495
Герцен А.И. 785, 896
Гершензон М.О. 250
Гессен И.В. 178, 328, 342, 418
Гёте И.В. 92, 247, 306, 723, 728
Гизетти А. А. 835
Гиммер-Суханов Н.Н. — см.
Суханов Н.Н.
Гингер А.С. 255
Гиппиус В.В. 758
Гиппиус З.Н. 259, 264, 333,
405, 419, 459, 522, 545, 550,
560, 655, 694, 696, 724, 767,
790, 820, 821
Глушкова Т. 748, 767
Гоголь Н.В. 17, 24–36, 39–42,
90, 199, 336, 452, 468, 529,
681, 696, 723
Голенищев-Кутузов А.А. 90
Голлербах Э.Ф. 27
Голославский Е.П. 609
Голсуорси Д. 480, 484
Голубева Л.Г. 105, 206
Гольдберг С.Г. — см. Вольнова
С.Г. 584
Гольденвейзер А.Б. 253, 467
Гольдман Н.К. 795

- Гольдштейн М.Л. 321, 694, 778
- Гончаров И.А. 723
- Горбачев Г.Е. 68, 72, 75, 80–82
- Горбов Д.А. 262
- Горбунов Д.А. 70–72, 82
- Гордиенко Т.В. 433, 444
- Горемыкин И.Л. 402
- Горленко Н.М. 617, 626
- Горнфельд А. Г. 835, 836, 840
- Горный С. 702
- Городецкий С.М. 655
- Горький А.М. 33, 42, 47, 55, 59, 62–67, 73, 82, 102, 104, 160, 238, 244, 245, 250, 251, 253, 265–267, 291–300, 301, 305, 334, 335, 342, 346, 366, 367, 437, 448, 461, 463–465, 467, 468, 470, 472, 474, 480, 481, 495, 505, 541–575, 578–580, 583–586, 589, 593–607, 609–630, 635, 638, 640, 642, 643, 645–647, 651, 683–707, 709, 711, 712, 716–722, 724, 733–738, 749, 750, 752–754, 767, 779–781, 823, 896
- Гофман М.Л. 263–264
- Гофман Э.Т.А. 369
- Гоц А.Р. 395, 398
- Гоц М.В. 398
- Гоц М.Р. 395, 398
- Гоц Р.В. 395
- Гоц Я.Р. 396, 398
- Грабовский С. 30
- Грачева А.М. 512, 642
- Гребенщиков Г.Д. 530, 642, 790
- Гречаная Е.П. 770
- Гржебин З.И. 453
- Грибоедов А.С. 336, 532, 696
- Григорьев Н.А. 238, 317
- Гримм Э. 708
- Грин М.Э. 50, 207, 242, 274, 284, 343, 347, 386, 397, 444, 460, 462, 482–484, 490, 492, 497, 770, 771, 801
- Грицак Я.И. 30
- Гронский И.М. 572
- Груздев И.А. 335, 367, 566, 567
- Грэм С. 490
- Грюн Г. 618, 620
- Гузовский А.А. 379
- Гуковский А.И. 413
- Гулова И.А. 906, 949
- Гуль Р.Б. 328
- Гумилев Н.С. 53, 582, 677
- Гурьева М.И. 606, 626
- Гусев Н.Н. 100, 154
- Гусев-Оренбургский С.И. 622

- Гуссерль Э. 798, 799
- Гучков А.И. 489
- Да Винчи Л. 92
- Даль В.И. 499, 752, 798,
- Даманская А. Ф. 730, 461, 462
- Данилевский А.С. 32, 451
- Даниловский Г. 593
- Двинятина Т.М. 12, 348, 385,
589, 656, 681, 770, 783, 794,
801, 807, 874, 903, 948, 949
- Дейч А.И. 102
- Демулен К. 250, 891
- Деникин А.И. 411, 420, 457,
713, 716, 894
- Денисова С.В. 820
- Державин Г.Р. 87, 723
- Дерман А.Б. 312, 313, 592, 823,
827, 857
- Джеймс У. 484
- Джером Д.К. 484, 486–489, 496
- Джойс Д. 484
- Джонсон И. 827
- Дзержинский Ф.Э. 547, 708
893
- Дигби С. 503, 505
- Диккенс Ч. 637, 723
- Дмитриев М.П. 607, 608
- Долгополов Л.К. 770
- Долинский С.Г. 255
- Дольская-Михалкевич М.А.
593
- Дональд Р. 455
- Дон-Аминадо 319, 320, 326,
327, 330, 343, 430, 690, 695,
702, 710, 726, 790
- Достоевский Ф.М. 19, 26, 33,
36, 42, 76, 90, 98, 120, 152,
166, 180, 187, 195–197, 199,
203, 206, 208, 231, 453, 454,
468, 471, 529, 637, 723, 896
- Доусон-Скотт Э. 480, 484, 485
- Дризен Н.В. 266
- Дроздов А.М. 702, 726
- Дыбенко П.Е. 407
- Дымов О.И. 702
- Дымшиц С.И. 297, 305
- Дэвис Р. 11, 287, 346, 385, 828,
903
- Дюамель Ж. 556
- Дюма А. 503
- Дюмениль де Грамон А.П. 325
- Дякина А.А. 770
- Евгеньев-Максимов В.М.
685–687, 767
- Евстигнеева А.Л. 370, 385
- Еленев Н.А. 255
- Ельницкая Л.М. 33

- Енишерлов В.П. 515
Епифанова Н.Н. 798
Есенин С.А. 51, 53, 63, 74, 234, 252–255, 258, 284, 346, 718, 779
Жиглевич Е.В. 367
Жуковский В.А. 36, 37, 42, 566, 723, 745
Зайцев Б.К. 61, 70, 100, 230, 305, 327, 430, 434, 459, 477, 511, 554, 560, 587, 685, 770, 790, 805, 820–822, 824, 825, 903
Зайцев К.И. 231, 234, 912, 913, 949
Залкинд В.А. 509
Замбржицкий К.А. 434
Замятин Е.И. 265, 366–370
Зельцер Т. 475
Зензинов В.М. 391, 393, 395, 396, 398, 399, 403, 404, 430, 444
Зеньковский В.В. 178, 192, 193, 195, 197, 206
Зименков А.П. 4, 6, 51, 53
Златовратский Н.Н. 74
Золотарев А.А. 622, 626
Зонин А.И. 51
Зохраб А. 450, 453, 498
Зоценко М.М. 367, 369, 502
Зуров Л.Ф. 11, 342, 380–382, 433, 437, 514, 522, 917
Ибсен Г. 202, 206
Иванов В.В. 64–68, 74–76, 78–82, 255, 367, 369
Иванов В.И. 178, 180, 193, 194, 206, 250, 309, 339, 340, 459, 677
Иванов Г.В. 51–53, 83, 86, 91, 92, 94, 96, 514, 522, 523, 653
Иванов Ф.В. 51
Игнатович Б.В. 617
Измайлов А.А. 702
Ильин И.А. 183–185, 206, 231, 632, 647, 804, 812
Ильф И.А. 28
Инбер В.М. 57, 58, 266, 420
Ингулов С.Б. 360
Иновин Ал. 352
Иокар Л.Н. 626
Ионов И.И. 565
Иорданская М.К. 291
Иркутов А.Д. 354
Йейтс У.Б. 480
Кабанова И.Э. 379
Казнина О.А. 459, 463, 466, 470, 476, 478, 480, 481, 493, 497
Каменев Л.Б. 710

- Каменецкий Б. — см. Айхен-вальд Ю.И.
- Каменский В.В. 55, 629
- Кант И. 103, 118, 134, 146, 156, 157, 181, 182
- Капнист В.В. 696
- Каппелер А. 30
- Карамзин Н.М. 723
- Карелин А.О. 607
- Карпов И.П. 770
- Карташев А.В. 231, 232, 788
- Касаткин И.М. 563
- Каскина Ю.У. 627, 642, 647
- Касторский С.В. 579, 580,
- Катаев В.П. 13, 28, 46, 56, 57, 215, 238, 344–365, 385
- Катасонов В.Ю. 642, 647
- Кауфман А.А. 420
- Кафка Ф. 653, 654
- Качалов В.И. 50
- Каширин М.В. 567
- Каширина Н. 567
- Кедрин Е.И. 779
- Керенский А.Ф. 271, 272, 330, 393, 418, 420, 722
- Кипен А.А. 315, 891
- Киреевские 723
- Китченер Г.Г. 864
- Клейст Г. фон 588
- Клемансо Ж. 220, 238
- Клепинин Д.А. 436
- Климова Г.П. 770
- Клустов Н.С. 587, 588, 592,
- Клюев Н.А. 74
- Ключевский В.О. 722, 896
- Ключников Ю.В. 326, 327, 330
- Книппер-Чехова О.Л. 84
- Кнорринг Н.Н. 433
- Кнут Д. 255, 653
- Князев В. В. 719
- Кобрин К.Р. 770
- Коган П.С. 266, 313
- Кожин В.В. 40
- Козловский Л.С. 824
- Койранский А.А. 57, 58, 266, 320, 420, 726
- Колеров М.А. 756, 767
- Колосов А. 304
- Колосов Е.Е. 401
- Колтоновская Е.А. 303, 342, 343
- Колчак А.В. 716
- Кольцов А.В. 658, 659, 661
- Колядина А.М. 770

- Комаров Л.Н. 297
Комлик Н.Н. 793
Коноплин И.С. 556
Коноплянникова З.В. 400
Коперник Н. 103
Коптюх А.И. 402, 403
Копылова Л.Ф. 313
Корниенко Н.В. 67, 82, 228, 283, 437, 852
Короленко В.Г. 26, 531, 564
Коростелев О.А. 89, 96, 346, 385, 444, 626, 759, 767, 828, 903, 906, 907, 941, 950
Костомаров Н.И. 32, 33, 722, 896
Костомарова И.А. 105, 206
Котельников В.А. 789
Котелянский С.С. 447, 467–469, 471–474, 494, 495, 497, 498
Котовский Г.И. 763
Коцюбинский М.М. 28, 584, 906, 950
Кравченко А.А. 779
Кравченко С.А. 773
Крандиевская А.Р. 309
Крандиевская Н.В. — см. Толстая-Крандиевская Н.В.
Красин Л.Б. 600, 619, 699
Краснова С.В. 346, 770
Крейман Ф.И. 394
Крумбах З. 506, 508
Круппи Л. 470
Крупская Н.К. 371
Крутикова Л.В. 639, 647, 770
Крученых А.Е. 55
Крюкова Н.Г. 770
Крючков П.П. 549
Куванова Л.К. 579, 580, 590, 600
Кузмин М.А. 55, 307, 668
Кузнецов А. 357
Кузнецова Г.Н. 22, 104, 105, 113, 114, 206, 350, 361, 364, 385, 387, 393, 420, 770, 771, 783, 795, 907, 909, 949
Кузьмина-Караваева Е.Ю. 430, 431, 434, 435
Кузьмин-Караваев В.Д. 790
Кулиш П.А. 32, 33, 42
Кульман Н. К. 255, 281
Куприн А.И. 26, 55, 69, 70, 273, 274, 283, 307, 319–321, 326, 331, 333, 334, 343, 367, 374, 383, 439, 445, 447, 459, 463, 468, 472, 476, 480, 481, 529, 531, 553, 554, 559, 560, 563, 596, 609, 645, 646, 688–690, 695, 696, 702, 708, 710, 723, 726, 790, 820, 821

- Куприны 319, 320, 334
Курганов Е.Я. 694
Курнос Д. 494, 497
Кусиков А.Б. 330
Кускова Е.Д. 54
Кутон Ж.О. 222, 891, 893–895
Ла Боэси Э. 124
Ладинский А.П. 514, 522, 653
Ладыженский В.Н. 762, 763, 910
Ладыжников И.П. 584
Лазарев Е.Е. 418
Лазаревский В.А. 333
Ландау Г.Л. 328
Ландау М.А. — см. Алданов М.А.
Лассаль Ф. 400
Лебедев В.И. 263
Лебедева Т.А. 805, 809, 812
Левин Н.Ф. 576, 577, 584
Левинсон А.А. 61, 738, 740, 747
Лежнев А.З. 70, 82
Лейбниц Г.В. 143
Лейс Д. — см. Вейдле В.В.
Лекманов О.А. 58
Лелевич Г. 72
Ленин В.И. 46–48, 51, 55, 102, 254, 266, 407, 410, 411, 461, 464, 545–547, 699, 701, 703, 708, 719, 722, 893
Ленотр Ж. 221, 226, 228, 229, 249, 250, 264, 266, 283, 890–896
Ленский В. 743
Леонов Л.М. 75–78
Леонтьев К.Н. 748, 749, 767, 789, 791
Лермонтов М.Ю. 194, 198, 199, 336, 638, 681, 696
Лесков Н.С. 32, 43, 336, 723
Либкнехт К. 53
Лившиц Б.К. 582
Лидин В.Г. 312
Линков В.Я. 792
Лихошерстов А.А. 319
Лишаев С.А. 625, 626
Ллойд Джордж Д. 455, 460, 699
Лонгфелло Г.У. 271, 371, 374, 482, 695
Лопатин Л.М. 102
Лопатина Е.М. 11, 102, 437
Лоренц-Метцнер А.К. 622
Лосский Н.О. 143
Лотман Ю.М. 36, 42

- Лоуренс Д.Г. 445, 447, 467–469, 473, 494, 495, 498
- Лукаш И.С. 740
- Луначарский А.В. 238, 245, 267, 371, 545, 893
- Лунц Л.Н. 370, 385
- Лурье А.В. 258
- Лурье С.В. 420
- Луцкий С.А. 255
- Львов Г.Е. 317, 318, 321, 778
- Львов Л.И. 231, 232, 254, 750, 751, 764, 820
- Львов-Рогачевский В.Л. 579, 604
- Ляцкий Е.А. 601, 622
- Магазанник Е.П. 906, 949, 950
- Магомедова Д.М. 635, 647
- Мазурова А.Н. 502
- Майков А.Н. 90, 679, 723
- Макашин С.А. 380, 382
- Маклаков В.А. 97, 101, 162–164, 207
- Маковский С.К. 514, 515, 522
- Маланюк Е.Ф. 25–29, 42
- Маланюк Є. — см. Маланюк Е.Ф.
- Малахова А.М. 96
- Малашкин С.И. 719
- Мальцев Ю.М. 770
- Малянтович В.Н. 522
- Мамин-Сибиряк Д.Н. 613, 614
- Мандельштам О.Э. 582, 666, 668, 672
- Манухин И.И. 472
- Манучарьянц Ш.Н. 622, 624
- Маргулиес М.С. 250
- Мариенгоф А.Б. 346, 705, 706, 719
- Маринетти Ф.Т. 51
- Марк Аврелий, имп. 152
- Маркс А.Ф. 375, 376, 816
- Мароши В. 35, 42
- Марри Д.М. 447, 466, 471–473, 480
- Марченко Т.В. 86, 480
- Матевосян Е.Р. 575
- Мать Мария — см. Кузьмина-Караваева Е.Ю.
- Махалов С.Д. 307
- Махнанова И.А. 503, 505, 537, 538
- Маяковский В.В. 13, 26, 28, 44–62, 218, 234, 238, 253, 254, 284, 346, 550, 602, 668, 718, 779, 780,
- Мезинова Г.Н. 906, 950
- Мей Л.А. 733

- Мейсон А.Е.У. 485
- Мельников Н.Г. 86, 149, 207
- Менделеев Д.И. 533
- Мережковские 411
- Мережковский Д.С. 54, 100, 102, 148, 151, 152, 160, 188, 191, 195, 207, 250, 251, 307, 333, 405, 419, 421, 459, 461, 462, 480, 481, 530, 553, 554, 560, 571, 673, 685, 690, 696, 698, 702, 710, 723–724, 781, 782, 789, 790, 820, 821
- Миловидова М.П. 583, 584, 586, 588, 590, 591, 594, 595, 599
- Милюков П.Н. 48, 50, 211, 234, 237, 418, 420, 433, 463, 693, 790
- Минский Н.М., 702, 820
- Минц З.Г. 677, 682.
- Минцлов С.Р. 530
- Миронов М.П. 321
- Мирский Б.С. 778, 790
- Мисюров Н.Н. 538
- Михайлов Б.Д. 374
- Михайлов О.Н. 105, 113, 153, 206, 207, 223, 253, 283, 458, 464, 486, 497, 625, 635, 647, 655, 657, 662, 681, 682, 706, 766, 770, 804, 812, 862, 902
- Михаленко Н.В. 802, 803
- Мицкевич А.Б. 593
- Могиланский Н.М. 690
- Моисеенко Е.И. 332
- Монтень М. 124
- Мопассан Ги де 723
- Мориак Ф. 530
- Морозов М.В. 298, 343
- Морозов С.Н. 4, 6, 12, 105, 206, 223, 224, 227, 228, 253, 283, 343, 348–350, 362, 377, 385, 392, 444, 448, 497, 626, 706, 766, 902, 904, 948, 949
- Московская Д.С. 626
- Мочульский К.В. 83, 86, 90, 93, 96, 430
- Муравьева-Логина Т.Д. 654, 658, 682
- Муратов П.П. 86, 93
- Муромцев Н.А. 795
- Муромцев П.Н. 795
- Муромцев С.А. 448
- Муромцева-Бунина В.Н. 11, 23, 42, 50, 102, 207, 114, 238, 241, 242, 244, 274, 284, 295–297, 316, 318, 320, 322, 332, 340, 342, 343, 346, 347, 352, 356, 358, 361, 364, 365, 375, 379, 385, 386, 390, 392, 397, 420, 430, 436–438, 447, 448, 460, 462, 481–483, 490, 497, 575, 584, 586, 589, 599,

- 608, 618, 621–623, 626, 645,
692, 770–772, 794, 795, 797,
804, 910, 922, 936, 943
- Мэнсфилд К. 445, 471, 472
- Набоков В.В. 33, 42, 85–87, 89,
96, 135, 385, 415, 419, 421–
423, 429, 437, 441, 477
- Набоков В.Д. 319, 721
- Набоков К.Д. 456, 477
- Наживин И.Ф. 100, 547, 820
- Назаров Е.И. 21, 22
- Найденов С.А. 597, 609
- Нансен Ф. 482
- Наполеон Бонапарт 112, 894,
895
- Наумов М.М. 297
- Некрасов Н.А. 427
- Немирович-Данченко В.И.
639
- Нечуй-Левицкий И.С. 28
- Никитин И.С. 658, 659, 661
- Никитин Н.Н. 367, 369
- Николаев Д.Д. 206, 209, 210,
223, 234, 253, 273, 283, 284,
683, 684, 691, 706, 710, 766,
767, 813, 814, 852, 863, 867,
902, 903
- Николай Александрович, це-
саревич 402
- Николай М. — см. Кулиш П.А.
- Никольская Л.Д. 906, 950
- Никоненко С.С. 502, 535, 537,
538
- Нилус П.А. 315, 364, 820
- Нинов А.А. 543–545, 567, 574,
603
- Ницше Ф. 195, 196, 471
- Ничипоров И.Б. 744, 767
- Новгородцев П.И. 126, 151,
207
- Новикова Е.Г. 785, 790
- Новиков-Прибой А.С. 622
- Новожилова А.М. 770
- Нолле-Коган Н.А. 313, 314
- Нольде Б.Э. 820
- Нымм Е. 32, 43
- Оболенская А.А. 449
- Овсянико-Куликовский Д.Н.
784
- Овсянников 592
- Овсянникова О.Н. 592
- Одоевцева И.Г. 522, 770
- Олеша Ю.К. 28, 346, 354, 467
- Ольденберг Г. 116
- Ольденбург С.Ф. 231, 232
- Ольшевец М.О. 67, 82
- Омонье С. 484, 485

- Ону А.М. 487, 488
- Осоргин М.А. 309, 430, 433,
343, 509, 543, 547, 549, 551,
552, 565, 571, 573
- Островская Н.И. 407
- Островский А.Н. 336, 723
- Офросимов Ю.В. 328
- Оцуп Н.А. 653
- Ошар К. 223, 228, 229, 284
- Павлов В.П. 403, 404
- Павловский М.Н. 429
- Пантелеймонов Б.Г. 361, 364,
385, 499, 501–538
- Панферов Ф.И. 76
- Панченко В.Е. 24, 43
- Папкина Е.А. 64, 67, 82
- Паскаль Б. 152, 156, 157
- Пастернак А.Л. 49
- Пастернак Б.Л. 49, 50, 255, 258,
263, 365, 396, 561, 562
- Паустовский К.Г. 347, 384
- Пащенко В.В. 507
- Первухин М.К. 726,
- Переселенков Н.Н. 328
- Петерс Я.Х. 547, 708
- Петлюра С. 706
- Петров Г.С. 304, 343
- Петров С.Г. — см. Скиталец
- Петцольд М.В. 622
- Пешехонов А.В. 236, 237, 263
- Пешков М.А. 622, 624
- Пешкова Е.П. 545, 551, 622,
627, 823
- Пигров К.С. 782
- Пильняк Б.А. 74, 255, 329, 368,
481, 490
- Пильский П.М. 238, 507, 702,
910, 911, 950
- Писемский А.Ф. 723
- Платон 146, 175, 182
- Платонов А.П. 76–78
- Плеханов Г.В. 102, 406
- Плещеев А.Н. 22
- Плотин 258
- Подвойский Н.И. 226, 896
- Подъячев С.П. 74, 76, 564
- Полевицкая Е.А. 245
- Полехина М.М. 768
- Полнер Т.И. 100, 101, 132, 133,
154, 207, 321, 695, 820
- Полонская Е.Г. 366, 367, 385
- Полонский А.Я. 381
- Полонский В.П. 75, 82
- Полонский Я.Б. 377, 379, 381

- Полонский Я.П. 679
- Поляков С.Л. 321, 726, 778, 820
- Полякова Т.М. 20, 43
- Померанцев К.Д. 681, 682
- Пономарев Е.Р. 12, 99, 113, 161, 207, 390, 419, 444, 906, 907, 941, 950
- Попкова Н.А. 346
- Поплавский Б.Ю. 653
- Попов А.С. — см. Серафимович А.С.
- Попова О.Н. 815
- Постников С.П. 557, 574
- Поццо А.М. 290
- Пращерук Н.В. 770
- Прегель С.Ю. 429, 522
- Преображенский Ф.П. 190
- Примочкина Н.Н. 541, 572, 574
- Присманова А.С. 522
- Пришвин М.М. 529, 535, 536, 558
- Проходова В.П. 906, 950
- Пруст М. 653, 654
- Пугачев Е. 236
- Пуни И.А. 55
- Пуришкевич В.М. 420
- Пушешников Н.А. 584, 588, 589, 598–600, 621
- Пушкин А.С. 41, 53, 61, 86, 89, 94, 95, 98, 111, 166, 168, 198, 199, 203, 206, 253, 263, 336, 454, 458, 497, 521, 534, 543, 577, 630, 638, 696, 723, 731, 742, 763, 779
- Пэрс Б. 491
- Пятницкий К.П. 584, 616, 629, 635, 645
- Радлова А.Д. 667
- Раевская-Хьюз О. 318, 343
- Раевский (Оцуп) Г.А. 522
- Разумовская А.Г. 581, 588,
- Раковский Х.Г. 896
- Раскольников Ф.Ф. 409
- Раскольников-Канивез М.В. 409
- Рафальский С.М. 255
- Рахманинов С.В. 305, 514
- Рева-Лошакова Л. 22, 43
- Ревякин А.И. 96
- Редько А. М. 827
- Ремезов С.У. 512
- Ремизов А.М. 55, 70, 183, 206, 255, 256, 258, 309, 340, 368, 430, 447, 450–453, 459, 497–499, 501, 506, 508–514, 516, 517, 519, 521, 523, 527,

- 529–533, 538, 782, 804, 805, 812
- Ремизова-Довгелло С.П. 459, 511
- Ренан Э. 265
- Репин И.Е. 718
- Рерих Н. К. 688
- Ржевский Л.Д. 655, 656
- Риникер Д. 11, 223, 224, 284, 438, 439, 444
- Робеспьер М. 222, 891, 893, 895
- Рогачевский А. 828, 903
- Родзянко М.В. 420
- Родионов И.А. 75
- Родченко А.М. 617
- Розанов В.В. 27, 55, 102–104, 141, 191, 207, 459
- Розенберг А. 433, 444
- Роллан Р. 371, 414, 470, 479, 480, 551–555, 573, 691
- Романов М.Ф. 505
- Романов П.С. 75
- Романовы, династия 700
- Рославлев А.С. 702
- Росляков М.В. 638
- Роцин Н.Я. 364, 514, 522
- Рудзиевский С.В. 770
- Рудинский В.А. 425, 444
- Руднев В.В. 401, 413, 415, 416, 420, 422, 423, 425, 426, 429, 430, 440–443, 686
- Руманов А.В. 535, 538
- Рыльский М.Ф. 28
- Рындзюн В.И. — см. Ветлугин А.
- Рябчук Р. 30
- Саакянц А.А. 61, 63, 770
- Саблин Е.В. 477, 496
- Саблина Н.И. 496
- Савельев А. 913, 950
- Савинков Б.В. 393, 406, 790
- Салтыков-Щедрин М.Е. 336, 427
- Сарнов Б.М. 46
- Свифт Дж. 452
- Святополк-Мирский Д.П. 86, 258, 447, 450, 452, 453, 467, 490–493, 498, 560
- Северянин И. 70, 655
- Седых А. 336–338, 343
- Сезанн П. 61
- Сейфуллина Л.Н. 255
- Секкер М. 495
- Сельвинский И.Л. 258
- Селюк В.И. 537, 538

- Семеновский Д.Н. 630
- Сен-Жюст Л.Ф. 226, 228, 890–893, 895
- Серафимович А.С. 305, 563, 602, 609
- Сергеева Г.Н. 906, 950
- Сергеев-Ценский С.Н. 587, 820
- Сергий Радонежский 236
- Сикорская М.В. 622
- Сикорский И.И. 642
- Симонов К.М. 345, 518
- Синклер М. 484, 485
- Сионова С.А. 770
- Сирин В. — см. Набоков В.В.
- Сиротинская И.П. 386
- Скиталец 609, 614–616, 618, 646, 702
- Скляднева Д.В. 798
- Скобелев М.Д. 56
- Скобцов Ю.Д. 436
- Скоробогатова О.В. 770
- Скотт В. 723
- Скотт М. 483
- Сливицкая О.В. 770, 792
- Слоним М.Л. 46, 47, 51, 259, 262, 263, 429, 557, 570, 574
- Слонимский М.Л. 366
- Смидович В.В. — см. Вересаев В.В.
- Смирнов А.В. 799
- Смирнов Н.П. 67, 79, 82
- Смирнова А. 31
- Смирнова Л.А. 770
- Смоленский В.А. 522, 681
- Смольянинова Е.Б. 116, 207
- Соболь А. 313, 315
- Соколов А.Г. 630, 648
- Соколов Б.Ф. 546, 708
- Соколова М.А. 96
- Соколов-Кречетов С.А. 726, 820
- Соколов-Микитов И.С. 368–370, 380, 382, 386
- Сократ 152, 182
- Солженицын А.И. 444, 499
- Соловьев В.С. 90, 181, 580, 585, 586, 659, 781
- Сологуб Ф.К. 55, 521, 588
- Сольвьев С.М. 896
- Спинадель Р.П. 255
- Спиридонова Л.А. 626
- Средин Л.В. 613
- Ставров П.С. 514, 522, 653, 681
- Сталин И.В. 51, 289, 340, 341, 572, 573

- Станкевич В.Б. 328
Старк Л.Н. 622
Старков А.Н. 386
Степун М.А. 256, 795
Степун Ф.А. 54, 83, 86, 88, 89,
96, 414, 424, 428, 549, 795,
914, 915, 950
Столица Л.Н. 602
Столыпин П.А. 402
Стравинский И.Ф. 258
Страпарола Д.Ф. 755, 767
Страхов Н.Н. 129, 130, 156,
190, 191
Струве Г.П. 447, 458, 493–495,
497, 557, 570, 574, 688, 691,
756, 767
Струве М.А. 522
Струве П.Б. 101, 210–212, 226,
230–232, 253, 282, 283, 420,
449, 458, 493, 790
Сувчинский П.П. 258
Судейкин С.Ю. 331
Сумбатов-Южин А.И. 305
Сургучев И.Д. 429, 690, 822–
825, 827, 903
Суханов Н.Н. 59
Сухово-Кобылин А.В. 336
Тагавердиева З.Р. 116, 207
Тайер С. 468
Талин В.И. 566, 574
Тальников Д.Л. 76–78, 80, 82
Тамерлан 735
Тареев М.М. 190
Татищев В.Н. 235
Твардовский А.Т. 347, 370,
654, 682
Телешов Н.Д. 305, 307, 309,
347, 373–375, 378–380, 587,
597, 601, 609–616, 626, 635
Тенеромо И. 106
Теннисон А. 482, 629
Терапиано Ю.К. 255, 522
Терехина В.Н. 44, 51, 53, 63
Тескова А.А. 571
Тиберий 140
Тидеман И. И. 255, 257–259
Тимковский Н.И. 609, 610,
823, 824, 826, 903
Тихонов А.Н. 59, 545, 622
Тихонов Н.С. 367
Толстая А.А. 185, 188, 189
Толстая М.Н. 147
Толстая С.А. 109, 110, 166, 170,
171, 183
Толстая-Крандиевская Н.В.
319, 322, 325, 327, 343, 419,
726

- Толстой А.К. 252, 253, 566, 723
Толстой А.Н. 13, 75, 287,
289–295, 297, 299, 301,
303–333, 335–343, 346, 353,
411, 419, 490, 567, 693, 695,
696, 726, 778, 790, 820, 821
Толстой Д.Н. 147
Толстой И.Л. 54
Толстой И.Н. 33, 42, 602
Толстой Л.Н. 33, 42, 72, 74, 87,
88, 97–207, 252, 253, 289,
368, 370, 374, 414, 427, 450–
452, 467, 468, 498, 529, 543,
560, 570, 571, 723, 726, 776,
779, 781, 787, 792, 798, 823
Толстой Н.И. 147
Толстой Н.Н. 147
Толстые (А.Н. и Н.В.)
315–320, 322, 325, 420
Тренев К.А. 820, 823–826, 903
Третьяков П.М. 776
Триоле Э. 374
Трифонов Ю.В. 373
Троцкий Л.Д. 69, 74, 82, 893
Трубецкой Н.С. 461, 462
Трубилова Е.М. 4, 6, 206, 223,
253, 283, 344, 499, 538, 706,
766, 902
Трэйл В. 489
Тургенев И.С. 11, 26, 33, 42,
178, 303, 336, 427, 468, 642,
647, 723, 757, 758, 779
Тургенев Л.Б. 297
Тургенева М.Л. 297
Тургенева О.Л. 297
Тургеневы 297
Туринцев А.А. 255
Тырков В.А. 448
Тыркова С.К. 449, 454
Тыркова-Вильямс А.В. 445,
447–460, 462–467, 469–481,
483, 486, 488, 489, 492, 493,
496–498
Тэн И. 723
Тэффи Н.А. 279, 327, 330,
430, 431, 435, 444, 459, 477,
499–501, 503, 510, 511, 514,
515, 517, 519–524, 526–529,
532–538, 600, 696, 702, 746,
790, 820
Тюрин А.Н. 367
Тютчев Ф.И. 198, 534, 723
Уитмен У. 51, 719
Уолпол Х. 452
Урюпина А.С. 511
Успенский Г.И. 564
Уэллс Г. 460–464, 552, 699, 702,
703, 705, 709–712, 716–718,
767
Фаберже К.Г. 402

- Фатов Н.Н. 563
Фащенко В.В. 906, 950
Федин К.А. 13, 75, 76, 344,
346–347, 365–370, 373, 377–
386, 437, 559, 560
Федина Н.К. 386
Федоров А.М. 238, 315, 351, 354
Федоров Н.Ф. 202, 206
Федотов Г.П. 393, 424, 429, 430,
436, 444
Федякин С.Р. 83, 89, 96
Фет А.А. 119, 120, 142, 319,
659, 723
Фетцер Л. 828
Филиппов Б.А. 367
Филипченко И.Г. 719
Философов Д.В. 708
Философова А.П. 449
Финк Л.А. 906, 950
Фихте И.Г. 715
Фишер К.А. 614
Флейшман Л.С. 318, 343
Флобер Г. 471, 599, 723
Фонвизин Д.И. 696
Фондаминская А.О. 390, 395,
396, 399–401, 404, 415, 437
Фондаминские (И.И. и А.О.)
389, 395, 396, 411, 436
Фондаминский И.И. 13, 387–
415, 418–432, 434–444, 686,
761, 820
Фофанов К.М. 247
Франк С.Л. 126, 127, 161, 178,
191, 192, 195, 197, 198, 207,
459
Франс А. 478
Франциск Ассизский, св. 165,
183
Фрезинский Б.Я. 366, 385
Фрейд З. 528
Фронцкевич Г.Л. 21
Фундаминский Ис. И. 394
Фундаминский М.И. 394, 398
Халатов А.Б. 564
Хандаиров М.Ф. 332
Хвылевой М. 28
Хлебников В. 582
Ходасевич В.Ф. 56, 83, 86–88,
96, 97, 171, 181–183, 185,
234, 254, 284, 312, 559–561,
582, 653–656, 659, 672, 679,
682, 911, 912, 950
Хор С. 450
Худякова М.Я. 720
Хьюз Р. 318, 343
Хэпгуд И. 495
Цвейг С. 552, 553

- Цветаева М.И. 61, 63, 256, 258, 421, 459, 477, 522, 571, 572, 574, 582, 653, 820
- Цебоева М.П. 905, 950
- Цейтлин Н.С. 587
- Цетлин М.О. 395, 411, 421, 429, 692, 821
- Цетлина М.С. 318, 515, 759, 692
- Цетлины (М.О. и М.С.) 396, 420, 693, 743
- Цуриков Н.А. 103, 253
- Чагин А.И. 651
- Чайковский Н.В. 320, 321, 324
- Чайковский П.И. 790
- Чарный М.Б. 338, 339, 343
- Чебоненко О.С. 116
- Червинская Л.Д. 653
- Черемнов А.С. 575–584, 586, 588, 590–602
- Черемнов С.С. 578
- Черемнова П.С. 578, 594, 783
- Чернов В.М. 263, 393, 401, 406
- Черный А.М. — см. Черный С.
- Черный С. 55, 329, 600, 696, 702, 726, 728, 732, 765, 820
- Чернышев А.А. 330, 343
- Чернышевский Н.Г. 423
- Чертков В.Г. 109, 151, 154, 170
- Чехов А.П. 26, 28, 33, 42, 73, 74, 76, 78, 84, 88, 96, 171, 178, 253, 334, 336, 359, 367, 368, 370, 466–468, 471, 475, 495, 502, 544, 556, 564–566, 570, 599, 608, 627, 629, 635, 638, 642–645, 646, 648, 690, 782, 783, 787, 815, 823, 864, 888, 901, 902
- Чижов Ф.В. 32
- Чириков Е.Н. 256, 547, 609, 614–616, 629, 724
- Чубаров И.А. 295
- Чуковский К.И. 265, 459, 461, 463, 702, 752, 754, 767
- Чулков Г.И. 582, 673
- Шайкевич В.В. 622
- Шаламов В.Т. 372, 373
- Шаляпин Ф.И. 305, 461, 463, 477, 614–616, 618, 622
- Шахматов А.А. 264
- Шаховской Д.А. 97, 185–188
- Шварц А.В. 317
- Шевченко Т.Г. 21–26, 42
- Шекспир У. 166, 746
- Шелаева А.А. 32, 43
- Шенгели Г.А. 360
- Шенье А. 723, 894, 895

- Шерман С.Г. — см. Савельев А.
- Шершеневич В.Г. 602
- Шестов Л.И. 101, 102, 160, 178, 191, 195, 196, 258, 421, 782
- Шиллер Ф. 723, 894, 895
- Шишкина-Афанасьева 320
- Шишков С.А. 297
- Шкловский В.Б. 119
- Шкловский И.В. 456, 485, 486
- Шклявер С.Я. 328
- Шмелев И.С. 183, 206, 230, 256, 272, 305, 306, 332, 430, 445, 447, 453, 459, 511, 554, 560, 587, 597, 602–643, 647, 685, 696, 804, 812, 820, 821, 823, 824, 826, 903
- Шмелева О.А. 332
- Шолохов М.А. 502
- Шопенгауэр А. 118, 119, 129, 130, 134, 162, 163, 169
- Шоу Д.Б. 478
- Шполянский А.П. — см. Дон-Аминадо
- Шпорлюк Р. 30
- Шруба М. 759, 767, 907, 950
- Штауф Ю. 42
- Штейгер А.С. 653
- Шуган О.В. 4, 6
- Шульгин В.В. 231
- Щедрин М.Е. — см. Салтыков-Щедрин М.Е.
- Щепкин Н.Н. 239, 244
- Щепкина-Куперник Т.Л. 238
- Щукин В.Г. 805, 812
- Эберт К. 240, 284
- Эйснер А.В. 89, 96
- Элиасберг А.С. 332
- Элленс Ф. 552
- Эльсберг Ж. 68, 82
- Эпиктет 152
- Эренбург И.Г. 57, 58, 255, 266, 310, 311, 313, 314, 326, 327, 329
- Эрн В.Ф. 193, 197
- Эстерлинг А. 384
- Эфрон С.Я. 255, 258
- Эшби Д. 472
- Юзефович М.В. 32, 33
- Юлиан Странноприимец, св. 165
- Юшкевич С.С. 54, 238, 265, 266
- Яблоновские 320
- Яблоновский А.А. 320, 329, 330, 342, 695, 778, 790

- Яблоновский С.В. 602, 734, 746, 750, 751
- Якобсон Р.О. 62, 63
- Яковлева Т.А. 62
- Янгиров Р.М. 212, 283, 460, 463, 465, 470, 472–477, 479, 480, 492, 497
- Янгфельдт Б. 58, 63
- Яновский В.С. 389, 393, 397, 412, 429, 435, 444, 653, 659, 681, 682
- Ясинский И.И. 32, 34, 43
- Яценко А.С. 318, 327–329, 369
- Ashby D. — см. Эшби Д.
- Azarov Y.A. — см. Азаров Ю.А.
- Bakst L. — см. Бакст Л.С.
- Bich C.D. 483
- Boulton J.T. 467, 498
- Bunina V.N. см. Муромцева-Бунина В.Н.
- Chancellor R. 489
- Cournos J. — см. Курнос Д.
- Davies Richard D. — см. Дэвис Р.
- Dawson Scott C.A. — см. Доусон-Скотт Э.
- Fetzer L. 469, 473, 498
- Gorky A.M. — см. А.М. Горький
- Graham S. — см. Грэм С.
- Grimsted P.K. 433, 444
- Guerny B.G. — см. Герни Б.Г.
- Hargood I. — см. Хэпгуд И.
- Heywood A.J. 11, 437, 444
- Knopf A.A. 475, 494, 497
- Koteliansky S. — см. Котелянский С.
- Kuprin A. — см. Куприн А.И.
- Lawrence D.H. — см. Лоуренс Д.Г.
- Lenotre G. 903
- Lopatina E.M. — см. Лопатина Е.М.
- Mansfield E. 467, 498
- Maurice (Donzel M.) 471, 497
- Miles H. 494, 497
- Mirsky D. — см. Святополк-Мирский Д.П.
- Morozov S.N. — см. Морозов С.Н.
- Murrey J.M. — см. Марри Д.М.
- Offenbach J. 434
- Pares B. — см. Пэрс Б.

- Remizov A. — см. Ремизов А.М.
- Riniker D. — см. Риникер Д.
- Roberts W. 467, 498
- Rolland R. — см. Роллан Р.
- Rosenberg A. — см. Розенберг А.
- Scott M. — см. Скотт М.
- Shugan O.V. — см. Шуган О.В.
- Sinclair M. — см. Синклер М.
- Smith G.S. 491, 498
- Struve G. — см. Струве Г.
- Thayer S. — см. Тайер С.
- Tolstoy L. — см. Толстой Л.Н.
- Traill V. — см. Трэйл В.
- Trubilova E.M. — см. Трубилова Е.М.
- Tyrkova-Williams A. см. Тыркова-Вильямс А.В.
- Watts M. 485, 498
- Williams H.W. — см. Вильямс Г.
- Woolf L. — см. Вулф Л.
- Woolf V. — см. Вулф В.
- Wunder G. — см. Вундер Г.
- Zeltzer T. — см. Зельцер Т.
- Zimenzov A.P. — см. Зименков А.П.
- Zohrab I. — см. Зохраб А.
- Zurov L.F. — см. Зуров Л.Ф.

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ, 1920–1940

Писатель в литературном процессе
(к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина)

Компьютерная верстка А.З. Бернштейн

Подписано в печать 12.07.2022

Формат 60×90/16

Усл.-печ. л. 61,0.

Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISBN 978-5-9208-0685-7

9 785920 806857 >

Коллективный труд «Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе», приуроченный к 150-летию юбилею Бунина, продолжает серию трудов «Литература русского зарубежья. 1920–1940», подготовленных в Отделе новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН. Выносимая на суд читателей коллективная монография, согласно замыслу авторов, на материале первоисточников призвана восполнить некоторые существующие пробелы в изучении произведений и биографии Бунина, представить его творческую деятельность в широком историко-литературном контексте и предложить опыт научной интерпретации архивных материалов. Книга включает статьи, которые затрагивают самые разные аспекты изучения бунинского наследия и в общих чертах отражают существующие в нем тенденции и диапазон интересов современных исследователей.

